

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

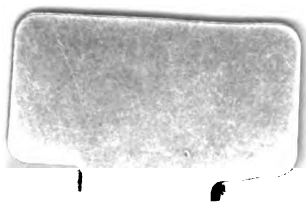

TAYLOR
INSTITUTION
LIBRARY

ST. GILES · OXFORD
Rep. Slav. 6220

Rep. Slav. 6220

302733548Z

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ
НА
ПРИРОДУ.

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ

НА
ПРИРОДУ.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДАНІЙ
И ВѢРОВАНІЙ, ВЪ СВЯЗИ СЪ МИФИЧЕСКИМИ СКАЗАНИЯМИ ДРУГИХЪ
РОДСТВЕННЫХЪ НАРОДОВЪ.

А. АФАНАСЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе К. Солдатенкова.

МОСКВА.

—
1869.

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ л. Шиловой.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- XXII. Нечистая сила: демоническій типъ громовника** стр.—1, молнія=хромая нога—2, нечистые духи, какъ представители бурныхъ и грозovýchъ явленій—9, чортова мать—14, адское царство (пекло)=нѣдра грозovýchъ тучъ—15, огненная рѣка—22, адъ=туманное, облачное небо зимнихъ мѣсяцевъ—25, адскія мѣни—29, Морана, богиня ночнаго мрака, зимы и смерти—33, Смерть и Сонъ—братья—36, вѣра въ сновидѣнія—39, олицетворенія Сна и Смерти—42, борьба Живота и Смерти—44, Смерть въ оковахъ—50, ангелы смерти—53, Смерть-невѣста—57, болѣзни=послы смерти и кара боговъ—58, представленіе болѣзней демонами—58, связь ихъ съ стихійными духами, эльфеми—69; лихорадки—81, заклятія противъ нихъ—85, врачевные обряды—98, Моровая дѣва (чума)—103, гомины—111, холера и коровья смерть—114.
- XXIII. Облачныя жены и дѣвы:** облака=женскія груди—117, представленіе дождевыхъ облаковъ нимфами, водными женами—119, русалки—121, облака=небесная пряжа и ткани—128, паутина=ткань эльфовъ—133, кикиморы и полудницы—136, русалы—140, вилы—152, самовилы и самодивы—182, лебединыя дѣвы—186.
- XXIV. Души усопшихъ**—195, душа=огонь—197, звезда—206, дымъ, парь—209, воздухъ и вѣтръ—210, тѣни усопшихъ—212, душа=бабочка и вообще насѣкомое, образующееся изъ личинки: жукъ, пчела, муха, комарь—214 и 292, душа=птица—218, крещеніе кукушекъ—226, души=эльфы—230, навь

—235, вилы и русалки, какъ духи усопшихъ—239, мавки—241, участіе усопшихъ въ полетъ неистоваго воинства—244, ночь—время появленія мертвецовъ, мѣсяць—свѣтло загробнаго міра—248; царство душъ, вселеніе души въ тѣло новорожденнаго младенца и удаленіе ея по смерти въ небесную отчизну—252; востокъ—царство блаженныхъ—277, страствованіе души въ небесныя селенія—279, млечный путь и радуга—282, вліяніе временъ года на посмертное состояніе душъ—287, душа=звѣя, мышъ и вообще оборотень—299, похищеніе и подмѣнъ дѣтей злѣями и сродными съ ними духами—305.

XXV. Дѣвы судьбы: Родъ и рожаницы—318, вліяніе звѣздъ на судьбу человека—321, добрые и злые часы—324, Зирка—327, Верпея—328, лаумы—331, рожаницы и судицы—333, вилы—339, орисицы—343, жойры и парки—344, феи—347, норны—349, счастливая сорочка и духи-хранители—359, валькири—363, вѣра въ предопредѣленіе—368, рожденіе, бракъ и смерть, какъ три жизненные термина, устанавливаемые Судьбою—369, боги, какъ представители рока—376, жребій и гаданія—382, Родъ=Судьба—386, связь идеи судьбы съ солнцемъ—389, Судьба, Доля и Недоля—391, злыдни—404, Усуд я Среѣа—409, колесо Фортуны—413, бѣдовики и счастливыцы—415, жѣртвоприношенія Роду и рожаницамъ—416.

XXVI. Вѣдуны, вѣдьмы, упыри и оборотни: названія, присвоенныя вѣщамъ мужаиъ и жепамъ—422; въ чемъ проявляется вѣщяя сила вѣдуновъ и вѣдьмъ?—427, наузы—429, стихійно-демоническій характеръ вѣдуновъ и вѣдьмъ: они насылаютъ грозовыя тучи, бури и градъ—441, похищаютъ дождь и росу—449, скрадываютъ свѣтила—453; гады-производители дожда—450; полеты вѣдьмъ, грозовая туча=затопленная печь, молнія=кочерга—456, гроза=варка небеснаго пива—459, воздушныя повѣды колдуновъ и вѣдьмъ на звѣихъ, волкахъ и другихъ животныхъ—462, вѣдьмы—небесныя пряжи и прачки—467, лысая гора, вѣдовскія сборища и любовѣйная связь вѣдьмъ съ чертями—469, сближеніе преданій о вѣдовскихъ сборищахъ съ действительными религиозными празднествами—482, доеніе коровъ—485, гроза=пахтанье масла—489, обряды при весеннемъ выгонѣ стадъ въ поле—490, средства, охраняющія отъ колдуновъ и вѣдьмъ—496, вѣдьмы—производительницы засухъ, неурожаевъ и мора—500, мышы, какъ порожденіе колдовства—505, забіеніе вѣдьмъ—507, казни ихъ чрезъ сожженіе, потопленіе и зарытіе въ землю—509 и 523, чары на безплодіе

жень—513, порча и недуги, насланные вѣдьмами—518, оборотни—525, вовкулаки—527, превращенія въ звѣрей, птицъ и гадовъ—532, средства, силою которыхъ колдуны и вѣдьмы превращаютъ людей въ животныхъ—551, упыри—557, связь вѣдуновъ, вѣдьмъ и оборотней съ вѣдьмами, упыри—души усопшихъ—566, созданіе вѣдьмами сердца—569, вампиры производятъ засуху, неурожай и смертность—572, пожирание упырями и вѣдьмами человѣческаго мяса—582, похищеніе и поведеніе ими младенцевъ—585, баба-яга—587.

XXVII. Процессы о колдунахъ и вѣдьмахъ: враждебныя отношенія волхвовъ къ христіанству—596, двоевѣріе—600, протесты духовенства противъ волхованія—601, отреченныя книги—605, сожженіе волхвовъ и вѣдьмъ—610, вѣра въ колдовство и вызванныя ею процессы въ XV—XVII столѣтіяхъ—614, нѣкота и кликушество—634, чары во время царскихъ свадебъ—638, дѣла о волшебствѣ, возникшія при царскомъ дворѣ въ XVII столѣтіи—641, вліяніе Петровской реформы—653.

XXVIII. Народные праздники: времена года—659, имена мѣсяцевъ—663, народный дневникъ—670, олицетвореніе четырехъ временъ года и двѣнадцати мѣсяцевъ—675, знаменія весны—683, Жива—686, обрядовый призывъ весны—689, борьба Зими и Лѣта—691, масленица—696, праздникъ весны—воскресающей природы—698, Остара—700, Троицкая недѣля и майскій праздникъ—704, лѣтній поворотъ солнца (Ивановъ день)—710, Купало—712, Кострома—725, Ярило—726, признаки приближающейся зимы—728, зимній поворотъ солнца—Коляда—729, баднякъ—733, Осень—747, святочные пѣсни—752, Корочунъ и Ситивратъ—760, земледѣльческія празднества—761, житные духи—771.

Дополненія и поправки 776.

Указатель именъ и предметовъ 817.

XXII.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Древнѣйшія представленія о богѣ-громовникѣ носятъ двойственный характеръ: являясь, съ одной стороны, божествомъ свѣтлымъ, разителемъ демоновъ, творцомъ міра и подателемъ плодородія и всякихъ благъ, онъ—съ другой стороны— есть богъ лукавый, злобный, приемлющій на себя демоническій типъ. Эта двойственность въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ возникла подѣ влияніемъ тѣхъ естественныхъ свойствъ, съ какими выступаетъ гроза, то оплодотворяющая землю, разгоняющая мрачныя облака и вредныя испаренія, то посылающая градъ и бурные вихри, опустошающая поля, лѣса и нивы и карающая смертныхъ молніями. Шествуя въ тучахъ, громовникъ усвоиваетъ себѣ и ихъ великанскіе признаки, и согласно съ представленіемъ тучъ темными подземельями— становится богомъ подземнаго (адскаго) царства. Чтобы обозначить эти различныя, одна другой противоположныя стороны въ характерѣ громовника, народъ давалъ ему и соотвѣтственныя имъ прозванія, которыя впоследствии перешли въ имена собственные, обособились и разъединили единое божество на двѣ враждебныя личности: рядомъ съ небеснымъ Зевсомъ является другой, владычествующій не на небѣ, а подѣ землею — Ζεὺς καταχθόνιος, Jupiter niger =

Плутонъ, царь того свѣта и усопшихъ ¹⁾; возлѣ благаго, плодородящаго Тора—лукавый Локи. Этотъ послѣдній вполне соответствуетъ Гефесту (Вулкану), богу подземнаго огня, искусному ковачу молніеносныхъ стрѣлъ, о которомъ греческій мифъ рассказываетъ, что раздраженный Зевсъ схватилъ его за ногу и стремительно низвергнулъ съ высокаго Олимпа на землю, и что влѣдствіе этого паденія Гефестъ повредилъ ногу и навсегда остался хромымъ. Локи, хотя и числится въ обществѣ асовъ и признается ихъ товарищемъ, тѣмъ не менше есть существо коварное, обманчивое, состоящее въ самомъ близкомъ родствѣ съ демонскими силами ²⁾; низвергнутый съ неба и окованный цѣпями, онъ потрясаетъ землю (см. I, 756—7); подобно Гефесту, онъ — хромъ, и также клеймитъ боговъ злыми насмѣшками. Хромоту соединяетъ древнее сказаніе и съ славнымъ кузнецомъ Völundr'омъ ³⁾. Быстрота молній заставила сблизать ихъ не только съ летучими, крыленными стрѣлами, но и съ ногами, какъ необходимыми орудіями движенія, рѣзваго бѣга. Отсюда объясняется, почему русскій сказочный эпосъ изображаетъ героевъ, представителей весеннихъ грозъ, съ ногами по колѣно въ золотѣ, почему греки давали своимъ богинямъ эпитеты серебро-и злато-ногихъ, почему на конецъ подвижная избушка вѣдьмы (—х одяче е облако) сто-

¹⁾ Точно также Персефона есть подземная Гера—Juno inferna—Griech. Myth. Преллера, I, 621-2; D. Myth., 945. — ²⁾ Я. Гриммъ допускаетъ тождественность между богомъ Loki и великаномъ Loggi (naturkraft des feuers, отъ liuhan—lucere), сыномъ Форниотра (forn-iotr, der alte iotr, iðtunn). — ³⁾ D. Myth., 220-1 („Zumal vorstehend ist die analogie, dass Hefäst durch Zeus vom Olymp herabgestürzt wird, wie der böse feind durch gott aus dem himmel in die hölle, obgleich die Edda von Loki weder einen solchen sturz berichtet, noch ihn als künstlichen schmied und meister der zwerge darstell(“), 351; Симрокъ. 113-5.

ить и повертывается на курьихъ ножкахъ, т. е. на ногахъ пѣтуха (кура), ния котораго донынѣ употребляется въ значеніи огня (I, 522). Богатырскіе кони и козлы Тора, ударяя своими копытами пооблачнымъ скаламъ, высѣкали изъ нихъ молніеносныя искры и открывали путь дождевымъ источникамъ. Такъ какъ молнія падаетъ съ воздушныхъ высотъ изломанной, искривленной линіей ¹⁾, то полетъ ея фантазія стала сравнивать съ шаткимъ, нетвердымъ бѣгомъ хромоногаго человѣка или животнаго; а громовому удару стала приписывать отшибаніе пятъ или поврежденіе ноги у героя-громовника, когда онъ является въ облачныя подземелья добывать оттуда золото солнечныхъ лучей и живую воду дождя. Такой ударъ наносятъ ему тяжелыя двери демонскихъ кладовыхъ или желѣзныя врата адовы (см. II, стр. 686); подъ дверь здѣсь разумѣется то отверстіе, какое прорубаетъ въ темныхъ тучахъ Перунова палеца. Когда заблеститъ молнія, чехи говорятъ, что это Богъ открываетъ въ небесномъ чертогѣ дверь или окно, и что въ ту минуту поютъ тамъ хоры ангеловъ, т. е. слышится грозовая пѣсня ²⁾. Зевсу въ битвѣ его съ Тифономъ были подрѣзаны на ногахъ жилы; по свидѣтельству индѣйскаго мѣоа, Кришна, славный побѣдитель дракона, былъ раненъ въ подошву, откуда объясняется и греческое преданіе объ Ахилесовой пяткѣ; наши сказочные герои иначе не могутъ освободиться изъ подземнаго міра, какъ отрѣзавъ свои икры и скормивъ ихъ дракону или вихрю-птицѣ, на крыльяхъ которыхъ вылетаютъ они на бѣлый свѣтъ (I, 507). Тоже увѣче испытываютъ и мнѣмческія животныя, въ которыхъ издревле олицетворялись грозовыя тучи. Такъ козель Тора охромѣлъ, потому что у него была разбита кость задней ноги I, 685); а конь Бальдура вывихнулъ ногу

¹⁾ Римляне чтили Марса подъ образомъ криваго меча — *hasta curva*. — ²⁾ Пов. и пред., 153-5; Громаниъ, 36-37.

въ то самое время, какъ этотъ богъ сопутствовалъ Одну въ его бурномъ поѣздѣ. По указанію русской сказки, когда царевичъ доставалъ живую воду, толкуція горы (тучи) отшибли его богатырскому коню заднія ноги' (см. II, стр. 353). Паденіе молніи на метафорическомъ языкѣ обозначалось утратою того члена, какому уподоблялась она въ данномъ случаѣ; богъ-громовержець или демонъ-туча терялъ свой золотой волосъ, зубъ, палець, фаллюсъ, перо изъ своихъ крыльевъ или ногу. Звѣри, въ образѣ которыхъ народныя преданія живописуютъ грозовыя явленія (собака, заяць и др.), весьма часто представляются треногими; нѣмецкія саги заставляютъ дикаго охотника ѣздить на треногомъ конѣ ¹⁾ и бросать съ высоты воздушныхъ пространствъ заднюю ногу оленя или коня, которая потомъ превращается въ золото (I, 726-7). Взирая на извивъ молніи, какъ на тотъ непрямой путь, которымъ шествуетъ богъ-громовникъ, древній человѣкъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ языка, связалъ съ этимъ представленіемъ понятія коварства и злобной хитрости. Въ эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятіе не могло быть иначе выражено, какъ чрезъ средство матеріальныхъ уподобленій. Поэтому кривизна служила для обозначенія всякой неправды, той кривой дороги, какою идетъ человѣкъ недобрый, увертливый, несоблюдающій справедливости; досихъ поръ обойти кого-нибудь употребляется въ смыслѣ: обмануть, обольстить. Лукавой — хитрый, злобный, буквально означаетъ: согнутый, искривленный, отъ слова лукъ — согнутая дуга, съ которой и смертные и самъ Перунъ бросаютъ свои стрѣлы; лукать — бросать, кидать, излучина, лукоморье — изгибъ морскаго

¹⁾ Der Ursprung der Myth., 140-1, 224-8; Beiträge zur D. Myth., I, 26.

берега; сравни: кривоѣ, кривда и криводушныѣ; вовсѣхъ вельскихъ нарѣчіяхъ каш—кривоѣ, въ кимр.—худой, злоѣ, а въ ирланд.—сильный, могучій, кимр. каша, армор. кашта—натягивать лукъ ¹⁾). Напротивъ съ понятіемъ правды соединяется представленіе о прямотѣ душевной; прямить — говорить правду (напрямкі, впрямь), прямоѣ человекъ—честный, неподкупный, идущій прямымъ путемъ. Лукавство и хитрость считались у грубыхъ первобытныхъ племенъ существенными признаками ума, мудростью; другія выраженія сближаютъ умъ съ быстротою—понятіемъ, неразлучнымъ со всѣми представленіями стихійныхъ духовъ: владим. достремитъ ся (стремный, стремый—скорый, проворный)—догадаться, достремливый—тоже, что дошлый: смышленный, догадливый, буквально: добѣгающій, достающій до цѣли; перм. угонка—смытливость, догадка; съ тѣмъ-же значеніемъ употребляется и слово дамѣтъ («не въ дамѣтъ» — не въ домѣкъ, отъ до-метнуть). Серб. хитар, тождественное съ нашимъ хитрый, значить: быстрый, хорут. hiteti—спѣшить, старослав. хы(и)тити—схватить, поймать; сравни чеш. chwatali, новгор. и твер. хвататъ ся—торопиться, серб. дофатити (=дохтити)—достигнуть и рус. хватъ — молодець; хapatъ —схватывать и олон. хапистый—молодцоватый. Слѣдовательно хитрый первоначально могло означать тоже, что и прилагательное ловкой, т. е. тотъ, который удачно, скоро ловить, а затѣмъ уже—умный. Приведенный рядъ словъ переноситъ насъ въ тѣ отдаленныя времена охотничьяго быта, когда мѣткость стрѣлы, быстрота въ преслѣдованіи дичи были главными достоинствами мушны, ручательствомъ за его умъ ²⁾). Наряду съ словомъ лукавыѣ, которое сдѣлалось нарицательнымъ именемъ чорта (у нѣмцевъ: der böse, feindliche, и п-

¹⁾ Галлы, соч. Георгіевскаго, 126. — ²⁾ Потеби., 62-66.

holde, у отцовъ церкви: antiquus hostis¹⁾, хитникъ также служитъ для обозначенія нечистаго духа, какъ коварнаго обольстителя и въ тоже время похитителя небснаго свѣта и дождей (см. II, 582), а впоследствии — похитителя душъ христіанскихъ; сравни: воръ и про-ворный. Подъ вліаніемъ указанныхъ воззрѣній и языка, богъ разящихъ молній переходитъ въ хромоногаго демона, и донныѣ у разныхъ народовъ продолжаютъ давать этотъ эпитетъ дьяволу: der hinkende teufel, lahmer teufel, hinkenbein, diable boiteux²⁾, хромой бѣсъ, хромой чортъ³⁾; въ воронежской и другихъ губерніяхъ нечистаго называютъ: «Антипа (?) безпятая»⁴⁾; чехи поминуютъ kulhavého čerta и kulhavého šosu⁵⁾. Въ народныхъ сказкахъ чортъ нерѣдко является искуснымъ кузнецомъ, съ чѣмъ (какъ нельзя болѣе) гармонируютъ и его черный видъ, и его пребываніе въ покрытыхъ сажею и горящихъ адскимъ пламенемъ пещерахъ; въ самой короткой срокъ онъ можетъ перековать въ гвозди огромное количество желѣза; въ Германіи думаютъ, что, ударяя кузничнымъ молотомъ въ полночь, можно вызвать нечистаго духа⁶⁾. Падающіе съ облачнаго неба, молніеносные духи (чешск. světloposi=эльфы⁷⁾ въ эпоху христіанства смѣшались съ тѣми нѣкогда-свѣтлыми ангелами, которые за свою гордость и высокоуміе были низринуты, по библейскому сказанію, во мракъ преисподней⁸⁾. Як. Гриммъ относитъ названіе Loki

¹⁾ D. Myth., 940-2. — ²⁾ Ibid., 352, 945. — ³⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 152—народная поговорка: „чортъ хромъ, да съ рожками“; Н. Р. Лег., 20. — ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1850, 29. — ⁵⁾ Ганушъ о Двѣдъ-Всецвѣдъ, 28, 37.— ⁶⁾ Beitrage zur D. Myth., II, 313. — ⁷⁾ Громаннъ, 20 : světloposi собираются на лугахъ и поляхъ, танцуютъ, сбиваютъ путниковъ съ дороги и бросаются имъ на спину; можно наклевать ихъ свистомъ. — ⁸⁾ Люциферъ, владыка ада, по самому значенію его имени былъ первоначально свѣтлымиъ духомъ — D. Myth., 937.

къ корню *luk an* (*claudere*—запирать, *claudus*—хромой); скан. *lok-finis, consummatio, loka*—запоръ, засовъ у дверей: свѣдѣтельство языка—въ высшей степени любопытное и знаменательное, такъ какъ молнія изстари уподоблялась ключу, отпирющему весною дождевые источники и замыкающему ихъ на все время холодной зимы; «замкнутое небо»—небо, не посылающее дождей (см. т. II, стр. 399—405). Въ качествѣ демона, Локи замыкаетъ облака, налагаетъ на нихъ крѣпкіе запоры, задерживаетъ небесныя воды и производитъ неурожай. Въ противоположность Тору, покровителю земледѣлія и произрастителю хлѣбныхъ злаковъ, онъ засѣваетъ поля сорными травами; въ Нордъ-Ютландѣ вредная для скота трава называется *Lokkens havge*—подобно тому, какъ на Руси осотъ считается чортовымъ зельемъ: «*pu saer Lokken sin havge*» (теперь Локи съѣтъ свою траву). Въ средніе вѣка чорта представляли подѣ символомъ молота, засова и запора. Въ шведской пѣснѣ о Тогкагъ чортъ, похитившій молотъ (сравни II, стр. 688), названъ *troll-tram* отъ скан. *trami, tremill*, др.-в.-нѣм. *dremil*—засовъ у дверей ¹⁾). Седьмой день, посвященный италійцами Сатурну (*dies Saturni*), у германскихъ племенъ называется: *Soeterdäg, Soeternesdäg, Saturday, Saterdag, Saterdag*; англос. *soetere*—*insidiator*, скрывающійся въ засадѣ врагъ, подстерегающій злоумышленникъ (др.-в.-нѣм. *sâzari*, ср.-в.-нѣм. *sâze*—*insidiae*—*lâga, lâge*). Такое названіе субботнаго дня приводитъ на мысль скан. *laugardagr*, швед. *lördag*, дат. *løverdag*, что въ болѣе раннюю эпоху могло быть равносильно выраженіямъ: *Lokadagr, Logadagr*—день, посвященный Локи. Итакъ Локи соотвѣтствуетъ Сатурну, жестокому богу преисподней; съ именемъ этого послѣдняго и съ

¹⁾ Ibid., 222-3, 951-2.

именемъ созвучнаго ему сатаны народъ и связалъ свои воспоминанія о древнемъ національномъ божествѣ демоническаго характера. Въ священномъ писаніи сатана есть отецъ лжи; сканд. *Locki*—*verführer, verlocker, nachsteller*, дат. *Løke løjemand* (*lovmand*) намекаетъ на *lyve*—лгать, обманывать (*prät. löi*); Гриммъ подозреваетъ сродство между словами *lüge*—ложь, обманъ и *logi*—огонь, вихрь. У нѣмцевъ, русскихъ и чеховъ существуетъ примѣта: если огонь горитъ съ трескомъ и прыгаютъ изъ печи искры, то въ семьѣ произойдутъ ссора и брань. Слово *wind* употребляется въ значеніи клеветы, ложнаго доноса, *windbeutel*—лжець; точно также въ русскомъ языкѣ «слова, сказанныя на вѣтеръ» означаютъ: пустыя рѣчи, враки, вѣтренный человекъ—безпутный; у датчанъ есть пословица: *løgn er et skadeligt pveig* (ложь—опасная буря). *Der lügner*—не только лжець, но и насмѣшникъ, шутникъ, какииъ и представляется Локи въ сказаніяхъ Эдды; наши поселяне даютъ чорту, домовому и лѣшему названіе шута, шутка¹⁾. Старинныя хроникки свидѣтельствуютъ, что и славяне чтили божество, подобное Сатурну. Такъ Массуди въ «Золотыхъ лугахъ» говоритъ, что во храмѣ, построенномъ на Черной горѣ, стоялъ идолъ, изображавшій Сатурна—въ видѣ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ кости умершихъ; подъ правую его ногу были видны муравьи, а подъ лѣвою сидѣли вороны и другія хищныя птицы. Видукиндъ упоминаетъ о мѣдномъ идолѣ Сатурна у вагровъ. Славянское имя этого бога, слѣдуя гласамъ Вацерада, было Ситивратъ (см. гл. XXVIII). Словаки мѣстомъ входа въ адъ назначаютъ пропасти горы Ситна (названіе, стоящее—можетъ быть—въ связи съ именемъ Сити-

¹⁾ Ibid., 226-7, 568, 968; Громанъ, 42; Обл. Сл., 257 (черный шутъ), 269.

врата), и злаго духа называютъ пропастиникомъ, преда-никомъ ¹⁾.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что народныя преданія и по-вѣрья о нечистыхъ духахъ изображаютъ въ нихъ—демоновъ грозовыхъ тучъ и бурныхъ вихрей, а въ ихъ адскомъ жилищѣ—врачные гертены облачныхъ горъ. На это мы уже не разъ указывали въ предыдущихъ главахъ нашего сочиненія, посвященныхъ великанамъ, карликамъ, водянымъ, лѣшнымъ и другимъ стихійнымъ духамъ, съ которыми постоянно смѣшиваются черти. Вритра, Аги, Cushman и другіе демоны, упоминаемые Ведами, суть только очеловѣченные явленія природы, ибо дѣятельность ихъ обнаруживается въ потемнѣніи неба громовыми тучами, въ воздыманіи бурь и опустошеніи нивъ градомъ; обитая въ облачныхъ горахъ или среди дождевыхъ водъ, они похищаютъ небесныхъ коровъ и дѣвъ, солнце, мѣсяцъ и дождь, и сражаются съ Индрою—молнія противъ молніи ²⁾. Въ шумѣ весеннихъ грозъ предки наши созерцали битву громовника съ демоническими силами, которыхъ онъ разитъ своимъ молотомъ, палицей или стрѣлами, и доселѣ существуетъ по-вѣрье, будто ударомъ молота по наковальнѣ можно наложить на чорта оковы ³⁾. Къ тѣмъ свѣденіямъ, какія собраны по этому предмету выше (I, 261—6), мы добавимъ свидѣтельство стариннаго англосаксонскаго памятника, сходнаго по содержанию съ русскимъ стихомъ оголубиной книгѣ. Здѣсь, между прочимъ, описывается борьба сатаны съ Богомъ: дьяволъ претворяется въ тьму, а Господь—въ свѣтъ: первый принимаетъ образъ испольнскаго змѣя, а послѣдній—копья. Наконецъ сожженный божьею молніей, раздавленный громовой колесницею и пронизанный дождемъ, сатана признаетъ себя по-

¹⁾ Макуш., 81-82; Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 45; Nag. zpiewanku, I, 429; Срезнев., 17. — ²⁾ Germ. Mythen, 167—8. ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 239.

бѣжденныиъ, и Господь налагаетъ на него желѣзныя цѣпи ¹⁾. Подъ другимъ поэтическимъ воззрѣніемъ гроза и крутящіяся вихри представлялись чортовой свадьбою или пляскою (I, 330—1), и до сихъ поръ поселяне наши убѣждены, что зимнія вьюги и матели посылаются нечистою силою; появленіе и исчезаніе чертей сопровождаются бурей и трескомъ ломающихся деревьевъ. Манихей и другіе еретики внесли въ свое ученіе догматъ, что буря есть дыханіе заключеннаго въ оковахъ дьявола (сравни I, 311), что громъ—скрежетъ его зубовъ, злобное ворчанье, а дождь—капли его пота ²⁾. Въ сербской рукописи (XIV вѣка) содержится отрывокъ заклатія противъ нечистой силы, въ которомъ читаемъ: «запрещаю ти четириими патріархи, запрещаю ти, діаволе, 308-ю святыхъ отецъ, иже въ Никей, да не имаша власти на троудѣхъ христіаньскихъ (т. е. надъ нивами) одѣждити (одождити) бурю и заныиъ градомъ» ³⁾. По мнѣнію чеховъ, вихѣтъ съ вихрями, подымающими пыль столбомъ, движутся злыя духи и причиняютъ людямъ болѣзни; сражаясь въ воздухѣ, черти бросаютъ другъ въ друга мельничныя камни, которые раздробляются на тысячи кусковъ и падаютъ на землю градомъ; когда приближается бурная гроза, чехи заклинаютъ ее слѣдующей заповѣдной формулой: «zaklinam vás, anděle pekelní kteri posíláte krupobiti na tento svět, neškoľte ourodám božim, ani zemi, ani chmelnicím, ani lukám, ani lidem, ani hovadům, ani žádnému stvoření božimu... abyste na skály a na hustiny šli.» Подобно тому въ Ведахъ встрѣчаемъ молитву: «не повреди намъ, Рудра, на сынахъ нашихъ и внукахъ, на лошадяхъ и коровахъ!» ⁴⁾ Отъ XVI вѣка дошли до насъ сказанія, въ которыхъ опустошительныя бури изображаются, какъ дѣло нечи-

¹⁾ Опытъ истор. обозр. рус. словесн. О. Миллера, I, 332. — ²⁾ Киев. 1865, 57; D. Myth., 952. — ³⁾ Оп. Румян. Муз., 605—6. —

⁴⁾ Громанъ, 33—35.

стихъ духовъ: въ 1570-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Богеміи жители наблюдали ихъ полетъ въ стремительныхъ вихряхъ, а въ одной деревнѣ рассказывали, будто дьяволъ свелъ любовную связь съ бабою (вѣдьмою) и научилъ ее напускать грозу и градъ; когда виновную бабу спалили на огнѣ, то черти подхватили ея душу и унесли въ вихрѣ. Въ 1585 году крестьянинъ, у котораго градъ выбилъ ниву, такъ выразился о своемъ несчастіи: «však Pan Bůh tehda spal, když nám čert to obili zdrtil a kroupami potloukl!»¹⁾ Въ народныхъ клятвахъ донынѣ дается чорту стихійное значеніе: «hat dich der teufel aber herzu tragen?» «wo führt ihn der teufel her?» «daz dich der tiuvel hin füere!» «var du dem tiuvel in die hant!» «fahr hin zum teuffel!» «le diable t'emportel!» «куда тебѣ чортъ занёсъ! (или: завель)» «чтобъ тебѣ чортъ бралъ!» Сличъ съ заклятіями: «was für ein wetter führt dich her!» «welches ungewitter (или: donnerwetter) hat dich hergebracht?» «wo schlägt dich der hagel her?» «ich will des wetters sein!» «ich bin des donners!» «какимъ вѣтромъ тебѣ занесло сюда?» (см. также т. I, стр. 317) у словаковъ: kde tam ideš do Pačoma!» «kde si bol u Pačoma?» Клятва: zum teuffel! (къ чорту!) равносильна выраженіямъ: zum donner! и dass dich der hammer! Рядомъ съ благословеніемъ: gott walt! въ устахъ народа слышится: des walte der teufel, der donner! Названія teuffelskind и donnerskind, teuffelsgeld и donnersgeld (заклятыя деньги)—тождественны. Чорту приписывается быстрота вихря или несущихся въ грозѣ духовъ нештоваго воинства; подобно эльфамъ, чортъ можетъ внезапно появляться, исчезать, оборачиваться въ различные образы и дѣлаться то великаномъ гигантскихъ размѣровъ, то карликомъ, способнымъ пролѣзть въ замочную скважину или въ

¹⁾ Иричекъ — въ Часописи 1863, I, 23-24.

пустой орѣхъ. Въ средневѣковыхъ сагахъ герои приносятся изъ дальнихъ странъ домой съ необычайною скоростью чортомъ и большею частію чрезъ воздушныя пространства. Такъ король Карлъ въ единую ночь прискакалъ съ востока во Францію на дьяволѣ, превратившемся въ коня ¹⁾. Извѣстна легенда о святомъ пустынникѣ, котораго въ нѣсколько часовъ свозилъ чортъ въ Іерусалимъ или въ Римъ ²⁾. Другія саги допускають замѣну нечистаго духа ангеломъ, указующимъ на быстроногаго коня: знакъ, что первоначально тутъ разумѣлся не злой демонъ христіанскаго ученія, а созданный язычествомъ стихійный духъ (= вѣтръ) или самъ Вуотанъ, несущій своего любимаго героя въ бурномъ полетѣ облаковъ ³⁾. Какъ представитель легко-измѣнчивыхъ облаковъ и тумановъ, чортъ можетъ превращаться во всѣ тѣ образы, въ которыхъ древнѣйшій мнѣ олицетворялъ тучи. Согласно съ эпическими названіями облаковъ ходячими и, а вѣтровъ бушными, черти вѣчно бродятъ по свѣту и отличаются неустанною, безпокойною дѣятельностью; на областномъ нарѣчій шатунъ означаетъ и бродягу, и дьявола ⁴⁾. По быстротѣ своего полета, тучи уподоблялись хищнымъ птицамъ, легконогому коню, гончимъ псамъ и дикимъ козламъ и козамъ, а ради той жадности, съ какою онѣ пожирають (= помрачаютъ) небесныя свѣтила, — волку и свинѣ. Всѣ эти животненныя формы принимаетъ и нечистый. Изъ сейчасъ-указанной саги видно, что онъ, наравнѣ съ вѣдьмами, можетъ превращаться въ борзаго коня; въ другихъ сказаніяхъ онъ, подобно Вуотану и

¹⁾ D. Myth., 951, 964, 6, 980; Nag. zpiewanku, I, 407. — ²⁾ Н. Р. Лег., 19, 20, с и стр. 165-8; Семеновск., 52-53; Пам. стар. рус. литер., I, 245-8: „Сказаніе о великомъ святителіи о Іванѣ, архіеп. великаго Новаграда, како былъ единой ноци изъ Новаграда въ Іерусалимъ-градъ и пави възвратися.“ — ³⁾ D. Myth., 980. — ⁴⁾ Обл. Сл., 263.

Донару, вывзжаетъ на черномъ конѣ или въ колесницѣ; осужденныхъ грѣшниковъ увозятъ въ адскія бездны черныя кони; Локи превращался въ кобылу и породилъ осьминогаго Слейпнира отъ великанава жеребца Svadhilfari. Прибавимъ, что и водяные представляются на половину, а иногда и совѣтъ въ лошадиномъ образѣ; а кобольдамъ народныя повѣрья даютъ лошадиную ногу. Чортъ нерѣдко показывается въ видѣ собаки и даже называется hellehund, напоминая тѣмъ греческаго Цербера; какъ адскій песъ, онъ стережетъ спрятанныя въ облачныхъ подземельяхъ сокровища, оберегаетъ небесныя стада и участвуетъ въ дикой охотѣ—этой поэтической картинѣ весенней грозы, почему его называютъ также: hellehirte и hellejager. Въ силу мнѣческаго средства шертвецовъ съ стихійными духами создалось вѣрованіе, будто онъ охотится за душами усопшихъ, какъ гончая собака за убѣгающей дичью: «führt dich der zauch (др. верх.-нѣм. zôha—сука) schon wieder her?» Представленіе чорта козломъ ставитъ его въ особнно-близкія отношенія къ Тору. На праздничныхъ сборищахъ вѣдьмъ сатана является въ образѣ чернаго козла, которому онъ воздаютъ божескія почести; въ заклітіяхъ козелъ служитъ замѣною древняго бога. Въ Швейцаріи народъ не употребляетъ въ пищу козлиныхъ ногъ, потому что такія-же ноги имѣетъ и самъ чортъ: это обыкновеніе объясняется изъ мѣста о козлахъ Тора, мясомъ которыхъ утолялъ онъ свой голодъ, а изъ собранныхъ костей снова воскрешалъ убитыхъ и съѣденныхъ животныхъ, и сильно гнѣвался, когда однажды кость козлиной ноги оказалась раздробленною. На подобіе Тора, чортъ ѣздитъ по ночамъ на козлѣ и щелкаетъ бичомъ, или правой рукою махаетъ серебрянымъ молотомъ, а въ лѣвой держитъ молніи. О превращеніяхъ злаго духа въ свинью и волка было сказано выше (1,715, 732, 740, 781). Чортъ охотно воплощается въ чернаго

вѣрона, коршуна и сову (I, 529); птицы называютъ его *hellegabe*, и не только ради хищности и чернаго цвѣта этой птицы, но и потому особенно, что воронъ посвящался Одину, шествующему въ грозѣ и буряхъ ¹⁾). Животенныя формы даются бѣсамъ въ придатокъ къ тѣмъ безобразнымъ человѣческимъ формамъ, въ которыхъ рисовались они воображенію первобытныхъ племенъ; надѣлённый козлиными, коровьими или лошадиными ногами и ушами, рогами и хвостомъ, чортъ внѣшнимъ видомъ своимъ сближается съ античными фавнами и сатѣрами и нашими лѣшими (см. I, 715); онъ также косматъ, какъ *skraten* и *pilosen*; острые когти его и крылья суть признаки звѣринаго и птичьяго типовъ. По лѣтописному свидѣтельству, боги, живущіе въ безднахъ, «видомъ черны, крылаты, съ хвостами и летаютъ подъ небо» ²⁾). Сходно съ эльфами, цвергами и нисками, черти любятъ пляски и музыку (I, 331—4 ³⁾). На ряду съ бѣсами мужескаго пола, преданія говорятъ о чертовкахъ, которыя, по характеру своему, совпадаютъ съ облачными, водяными и лѣсными женами и дѣвами ⁴⁾). У малоруссовъ есть поговорка: дождался чортовой матери! ⁵⁾ Въ народныхъ сказкахъ въ жилищѣ чорта сидитъ его бабка, мать или сестра, которая въ большей части случаевъ оказывается благосклонною къ странствующему герою, прячетъ его отъ своего сына и помогаетъ ему въ нуждѣ (съ тѣмъ-же значеніемъ изображается и мать вѣтровъ—см. I, 313); самъ же чортъ, ворочаясь домой, чуетъ носомъ человѣческое мясо, какъ чуютъ его великаны и змѣи. По мнѣнію малоруссовъ, если «дощъ йде кризь сонце (т. е. при солнѣчномъ сіяніи), то чортъ жинку бѣе» или «дочку замѣжъ виддае»; чехи говорятъ: *čert běli svou babu, či svou matku neb choť*

¹⁾ D. Myth., 946-9, 952, 958, 965, 974; Beiträge zur D. Myth., I, 66. — ²⁾ П. С. Р. Д., II, 273. — ³⁾ Ibid., I, 83. — ⁴⁾ D. Myth., 958—9. — ⁵⁾ Номис., 109: „дочекався чортовой мамі!“

(любовницу); французы: *le diable bat sa femme*. Въ Германіи о быстро-свѣтняющейсѣ погодѣ—то ясною, то дождливою и пасмурною выражаются поговоркою: *der teufel bleicht seine grossmutter*, въ Швейцаріи: *der teufel schlägt seine mutter*; когда громъ гремитъ при солнечномъ сіяніи, вѣщцы говорятъ: «*der teufel schlägt seine mutter, dass sie öl gibt.*» Польско-русинское присловье утверждаетъ, что вѣдьмы (чаровницы) сбиваютъ масло въ то самое время, какъ чортъ бабу колотитъ. Очевидно, чортъ выступаетъ здѣсь въ роли громовника; въ шумѣ лѣтней грозы онъ бьетъ свою мать или жену, т. е. облачную нимфу, и требуетъ отъ нея масла—дожда (I, 665—7 и гл. XXVI). Туча, въ вѣдрахъ которой рождается молнія, почиталась ея матерью; въ сказкахъ упоминается мать грома, литов. *Regina tete*. Съ другой стороны таже облачная нимфа, подъ инымъ поэтическимъ воззрѣніемъ, представлялась любовницею или женою грозового демона, съ которою онъ сочетается молніеноснымъ фаллусомъ ¹⁾).

Вмѣстѣ съ присвоеніемъ громовнику и сопутствующимъ ему духамъ характера демоническаго, сатанинскаго, жилища ихъ, т. е. облачныя подземелья и пещеры, получили значеніе страшнаго царства нечистой силы; въ тоже время царство это признано было обиталищемъ умершихъ, ибо и въ языкѣ и въ повѣрчяхъ Смерть родилась съ нечистою силою ²⁾, а тѣни усопшихъ съ грозowymi геніями. И та, и другія неслись въ рядахъ нечестоваго воинства и дикой охоты, сопровождали Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ и вмѣстѣ съ нимъ скрыва-

¹⁾ D. Muth, 157, 960; Номис., 282; Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 25. Народныя поговорки утверждаютъ, что „чортъ и баба—родня между собою“, „гдѣ чортъ не сможетъ, туда посылаетъ бабу“.

²⁾ Напоминихъ, что суббота (*dies Saturni*) есть по преимуществу день поминковъ.

лись въ облачныя горы и дождевыя источники. Тѣже самыя образы и краски, какіе созданы были поэтическимъ настроеніемъ древняго человѣка для тучъ, служили и для обрисовки царства демоновъ и мертвыхъ. Прежде всего это есть міръ подземный, куда ведетъ трудный путь черезъ пропасти и горныя ущелія,—міръ непроницаемой тьмы и страшно-клокочущаго, всепожигающаго пламени: тьма указываетъ на помраченіе неба черными тучами, а пламя—на горящія въ нихъ молніи. Таково было воззрѣніе арійскихъ племенъ. Веды знаютъ ужасный, подземный міръ Nagaka, въ которомъ царствуетъ богиня Nirriti ¹⁾; по ученію древнихъ грековъ, души усопшихъ отходятъ въ подземный, вѣчно-туманный и мглытый адъ (ἄδης, ᾗδης), гдѣ властвуетъ богъ Аидесъ (Гадесъ), являющійся во всей грозовой обстановкѣ: онъ имѣлъ шлемъ-невидимку, жезлъ и златоблестящую колесницу (метафоры облака и молніи ²⁾). Греческому аду соотвѣтствуетъ германская гелла и славянское пекло. Сканд. Hel (гот. Halja, др.-в.-нѣм. Hellia, Hella, англос. Hell) принимается въ двухъ значеніяхъ: какъ названіе того свѣта (unterwelt) и какъ имя царствующей тамъ богини—точно также, какъ греч. Ἄδης и лат. Orcus (uragus, urgus) олицетворялись въ мужскомъ образѣ. Ульфилла переводитъ ᾗδης словомъ halja; верхненѣмецкій переводчикъ св. писанія infernus передаетъ черезъ hella, а gehenna—черезъ helafasiug и hellawizi. Геллу, сверхъ того, чтли язычники какъ богиню смерти, существо злое, забирающее души усопшихъ въ свою печальную область, откуда уже нѣтъ возврата. По свидѣтельству Эдды, она была дочь Локки, порожденная великанкою, сестра волка Фенрира и чудовищной змѣи; она на половину или и совсѣмъ чернаго цвѣта, подобно тому, какъ,

¹⁾ Die Götterwelt, 53. — ²⁾ Der Ursprung der Myth., 171.

олицетворяя Смерть, народное воображеніе рисуетъ ее с умиренной и черною. Царство Геллы лежитъ глубоко въ утробѣ земли, подъ корнемъ мировой ясени Иггдрасилли и носить имя Niflheimr или Niflhel—nebelwelt, nebelhölle (облачный, туманный міръ или адъ); ея чертогъ—Eliudhnir (страданіе, бѣдствіе), блюдо—Húnggr (голодь), ножъ—Sultr (съ тѣмъ же значеніемъ), т. е. она пожираетъ съ ненасытнымъ голодомъ. Въ среднія вѣка изображали адъ жадно-раскрытымъ, поглощающимъ людской родъ зѣвомъ, подобнымъ волчьей пасти; старинные памятники говорятъ о безднѣ, дверяхъ и челюстяхъ адскихъ. Идея зіяющей бездны, отверстой пасти, воротъ и крѣпкихъ, неодолимыхъ запоровъ такъ естественно возникали въ данномъ случаѣ, что разные народы постоянно обращались къ этимъ образамъ. Наши церковныя и лубочныя изображенія страшнаго суда рисуютъ адъ въ видѣ открытой, огнедышащей пасти чудовищнаго змѣя ¹⁾). Усопшіе ѣдутъ въ область Геллы на коняхъ или въ колесницѣ («fara til Heljar»); созвѣздіе Большой Медвѣдицы называютъ не только himmelwagen, но и hellewagen; имена, даваемые млечному пути, указываютъ на него, какъ на дорогу, которая ведетъ умершихъ на тотъ свѣтъ: любопытныя данныя, ярко-свидѣтельствующія, что подземное, загробное царство первоначально было только метафорическимъ обозначеніемъ небесныхъ, облачныхъ пещеръ. Греки помѣщали адъ то въ нѣдрахъ земли, то за предѣлами воздушнаго океана, гдѣ находились и блаженные острова. Рядомъ съ подземной страной Nagaka индѣйское вѣрованіе указываетъ на фиговое дерево (acvattha

¹⁾ У пророка Исаіи, Y, 14: „и расшири адъ душу свою, и разверзе уста своя“. На стѣнной живописи вологодскаго Софійскаго собора подъ стопами Спасителя, изводящаго изъ ада души правотцевъ, изображены сокрушенныя врата, веревы и заклепы — Изв. Имп. Археолог. Общ., IV, 24.

—Иггразилль), подъ сѣнью котораго пребываютъ праотецъ Яма и всѣ блаженные—Pitris, наслаждаясь невозмутимымъ покоемъ и вмѣстѣ съ богами вкушая безсмертный напитокъ. Рядомъ съ геллою скандинавскій мифъ называетъ валгаллу (valhöll). На высокомъ небѣ высился Ásgardhr—городъ свѣтлыхъ асовъ, гдѣ хозяиномъ и владыкою былъ Одинъ; окруженный крѣпкими стѣнами, городъ этотъ заключалъ въ себѣ славные чертоги и валгаллу. Эта послѣдняя имѣла 540 дверей, вмѣсто кровли была покрыта золотыми щитами, на стѣнахъ ея висѣли блестящія мечи и давали свѣтъ, озаряющій всю залу. Сюда поступали падшіе въ битвахъ герои (einherien) и продолжали свои воинскія занятія; каждый день они сражались на дворѣ и умерщвляли другъ друга, но когда наступало время трапезы—убитые возставали и пировали за однимъ столомъ съ побѣдителями, вкушая безсмертныя яствы и вдохновительный медъ; въ битвахъ этихъ принималъ участіе и самъ Одинъ. Ясно, что герои валгаллы суть стихійные духи, сражающіеся въ лѣтнихъ грозахъ и пьющіе живую воду дождя—представленіе, перенесенное потомъ на доблестныхъ народныхъ витязей, души которыхъ смѣшиваются съ безсмертною свитою Одина. Въ царство же Геллы поступаютъ умершіе отъ старости и болѣзней; первоначально это — мѣсто пребыванія усопшихъ, а никакъ не мѣсто наказанія грѣшниковъ; о казняхъ и мукахъ нѣтъ ни слова въ древнѣйшихъ памятникахъ, и обитатели Нифльгейма составлялись не исключительно изъ злыхъ и нечестивыхъ людей, но всѣ скончавшіеся не въ пылу сраженій, даже самыя благородныя и возвышенныя личности, отходили сюда, какъ свидѣтельствуютъ притѣры Брингильды и Бальдура. По греческому вѣрованію, почившіе герои поступали въ мрачныя вертепы ада. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ мифическихъ основъ—съ теченіемъ времени, когда выработалась извѣстная сумма нравственныхъ правилъ, должны бы-

ли развиваться представления о различной участи, ожидающей по смерти добрых и злых. Слабые зачатки таких представлений встречаемъ уже въ мирѣ языческомъ, отдѣлившемъ небесное царство Ямы и блаженныхъ праотцевъ отъ подземной области Наракки. Съ забвеніемъ исконнаго смысла старинной метафоры, уподобившей облака горамъ и подземельямъ, и съ переносеніемъ ада въ дѣйствительныя нѣдра земли, сказанія о немъ стали противопоставляться мною о небесныхъ (райскихъ) обитателяхъ боговъ и ихъ любимцевъ ¹⁾. Уже Гомеръ различаетъ тартаръ отъ елисейскихъ полей; тартаръ лежалъ еще глубже *ἄδης*'а—въ безднѣ, гдѣ томились заключенные великаны, буйные противники боговъ, и позднѣе признанъ былъ за ту часть подземнаго царства, въ которой злые осужденны терпѣть казни; въ елисейскихъ же поляхъ проводятъ безпечальные дни тѣни блаженныхъ. У германцевъ также было вѣрованіе, принимаемое Я. Гриммомъ за сравнительно-позднѣйшее, что Всевышній (*Allvater*) даруетъ людямъ безсмертныя души, и какъ скоро трупъ покойника будетъ сожженъ на кострѣ или сгниетъ въ могилѣ—душа добраго возвращается къ Одину на небо (*Gimill, Vingðlf*), а душа злаго идетъ въ *Nifheimr*. Собственно же говоря, строгое различіе между грядущими судьбами добрыхъ и злыхъ и мѣстами ихъ посмертнаго пребыванія указано христіанствомъ, которое потребовало отъ человѣка высокой нравственной чистоты и стало судить его по его внутреннимъ достоинствамъ. Въ XIII вѣкѣ уже утвердилось за геллою ея теперешнее значеніе подземнаго царства мукъ, въ которомъ пребываютъ души осужденныя, проклятыя ²⁾. Въ др.-вер.-нѣмецкихъ памятникахъ употре-

¹⁾ Между небомъ и подземнымъ царствомъ ада земля составляетъ средину — *Midhgarðh (media domus)* — D. Myth., 526; O. вл. христ. на сл. яз., 188 — ²⁾ D. Myth., 288-292, 663, 761-4, 777-8; Die Götterwelt, 58, 158, 162.

блается въ смыслѣ ада—bēsch (pēsch—pīch, смола); новыя греки называютъ преисподнюю πύσσα. Этотъ смоляной адъ нѣвѣстенъ у славянъ и литовцевъ подъ именемъ пѣкла (пол. piekło, серб. накао, слов. rekel, нл. ракаl, лит. rek-là, др.-прус. pīckullis), каковое слово происходитъ отъ глагола печь, пеку и равно означаетъ и смолу, которая гонитъся чрезъ жженіе смолистыхъ деревьевъ, и геенское пламя ¹⁾. Венгерское rokol (адъ) заимствовано отъ славянъ—точно также, какъ германскія племена заимствовали отъ римлянъ infern. На Руси смолу называютъ варомъ, а слово дѣготъ имѣетъ въ санскритѣ корень dah (dagh) — горѣть ²⁾. Слѣдуя буквальному значенію этихъ словъ, предки наши связывали ихъ съ представленіями весеннихъ водъ и дождей, рождающихся дѣйствіемъ яркаго солнца и молніеноснаго Перуна изъ растопленныхъ снѣговъ и тучъ. Такимъ образомъ смола и деготь издревле были метафорами дождя (I, 788-9), а слово пекло къ обозначенію «ада» перешло отъ понятія громовой тучи, пылающей молніями и преисполненной кипячею влагою живою воды. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ греч. τάρταρος переводится грозю: «ниинъ грозѣ предаются» ³⁾. У люнебургскихъ вендовъ адъ—smela—смола. Литовскій Rokole (Poklus, др.-прус. Pīkolos, Pēkolos) есть богъ-пекельникъ, владыка того свѣта, тождественный Гадесу; чортъ по литовски—rusulas (др.-прус. pīckuls). По народнымъ повѣртіямъ, появленіе и исчезаніе нечистыхъ ду-

¹⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синодальн. библіотеки, отд. I, 109: пькьло — смола; отд. II, вып. II, 239: пекла моуки — infernī roenas; Церковнослав. слов. Востокова: «посмоли же ковчегъ пекломъ»; пеколь, пекълъ, пьколъ — смола или асфальтъ. —

²⁾ Г Милудкій сблизаетъ dah съ славянскимъ жег; d извѣняется въ ж, какъ въ словахъ: орудіе — оруміе, жуделя — кужели (Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 589). — ³⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синод. библ., отд. II, вып. II, 261—2.

хоть всегда сопровождается громовымъ трескомъ и удушьявыми парами, распространяющимъ сѣрный или смолистый запахъ ¹⁾. Малороссійская поговорка: «якъ дядько по пеклу шибаетца» указываетъ на властвующаго тамъ сатану или подземнаго Перуна; какъ у славянъ имя Дѣда=Перуна перешло въ названіе дьявола (дѣдько—см. II, 488), такъ у нѣмцевъ *alt* есть не только прозваніе Тора, но сверхъ того означаетъ и чорта, и великана; сравни наше: «старый чортъ» ²⁾. Славяне полагаютъ чекло подъ землею, куда надо спускаться чрезъ разинутую адскую пасть, подобную глубокому, наворачающему страшное пламя колодцу. Простолюдны русскіе убѣждены, что душа во время «обиранья» (летаргін), руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ въ подземномъ царствѣ и видитъ тамъ адскія муки. По свидѣтельству Длугоша, язычники-поляки молили подземное божество отвести ихъ по смерти въ лучшія мѣста ада (*in meliores inferni sedes* ³⁾). Въ Шлезіи «пекломъ» называютъ склепы съ погребальными урнами ⁴⁾; а словацкій *pikuljk* принадлежитъ къ разряду домовыхъ геніевъ, въ образѣ которыхъ чтятся души усопшихъ предковъ. Въ народныхъ сказкахъ герои, отправляясь на тотъ свѣтъ, нисходятъ туда чрезъ глубокую яму. Словаки рассказываютъ объ одномъ охотникѣ, который, по указанію бабы-яги, ѣздилъ въ адъ и спускался для того въ пропасть; его везъ летучій змѣй (драконъ-туча), и когда не хватило запасовъ—странствующій молодецъ вынужденъ былъ дать змѣю кусокъ мяса отъ собственной ноги и остался навсегда хромъ ⁵⁾. Тѣже подробности находимъ въ нашихъ, нѣ-

¹⁾ D. Myth., 765; Lituanica, Шлейхера, 27; Диевбахъ, I, 336-7; Гамушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 13; Громанъ, 27; Киев. 1865, 57.— ²⁾ D. Myth., 957. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1847, II, ст. Срезнев., 188. — ⁴⁾ Вѣст. Евр. 1826, III, 210. — ⁵⁾ Пов. и пред., 153—5; Nag. zpiewanku, I, 12.

ицких и норвежскихъ сказкахъ, повѣствующихъ о возвращеніи героевъ съ того свѣта—изъ далекой страны чудовищныхъ демоновъ; но мѣсто змѣи заступаетъ громадная птица, потемняющая своими крыльями солнечное сіяніе. Въ заговорахъ нечистая сила посылается «въ океанъ-море (=небо), въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, въ тартарары—во тьму кромечную» ¹⁾. Изображая адъ пекломъ, т. е. возженною смолою, народная фантазія соединила съ нимъ представленіе объ огненной, бурно-клокочущей рѣкѣ, которая у грековъ называлась Πυρφλέγέθων (огненный потокъ ²⁾). Мнѣ о кончинѣ міра, живописующій разрушеніе въ шумѣ весеннихъ грозъ старой, одрахлавшей за зиму природы, свидѣтельствуешь, что въ то страшное время протечетъ рѣка огненная. При концѣ вселенной настанетъ царство антихристова, свѣтила небесныя померкнутъ, архангелы вострубятъ въ рога и мгновенно воскреснутъ мертвые. «Посемъ, говоритъ Кириллъ Туровскій, огонь неугасимый потечетъ отъ свѣстока до запада, поядая горы и каменіе и древа, и море изсушая; твердь же яко бересто свертится (вар. небеса совіются), и вся видимая сущія вещи, развѣе человекъ, «вся отъ ярости огненныя яко воскъ истаютъ, и згоритъ вся земля. И сквозь той огонь подобаетъ всему человѣческому роду проити... Въ нихъ же суть нѣщія, мало имуща съгрѣшенія и нешправленія, яко человекъ, понеже есть Богъ единый безъ грѣха, да симъ огнемъ искушени будутъ, очистятся и просвѣтятся тѣлеса ихъ яко солнце, по добродѣтели ихъ: праведнымъ дасть свѣтъ, а грѣшнымъ опаленіе и омра-

¹⁾ Сахаровъ, I, 30—31. — ²⁾ Griech. Myth. Преллера, I, 637; φλέγω — пожигаю. Калевала упоминаетъ огненную рѣку; волны ея бьютъ въ скалу, на вершинѣ которой сидитъ орелъ (молящая птица) и точить свой клювъ.

«челіе (см. I, 219). Прешедшимъ же имъ огненную сію рѣку, «огненная си рѣка, по божію повелѣнью, послуживше и отшедши къ западу, учинится во озеро огненное на мученіе грѣшнымъ. Посемъ будетъ земля нова и ровна, якоже бѣ искони, и бѣла паче снѣгу, и потомъ повелѣніемъ божиимъ премѣнится и будетъ яко злато; изидеть изъ нея трава и цвѣти много различни и неувядающи и некогда-же... и възрастутъ дрова не яко видима си суще, но высотою, лѣпотою, величествомъ невозможно есть изглаголати усты человѣческими» ¹⁾. Въ стихѣ о страшномъ судѣ сказано: протечетъ рѣка огненная и запалаетъ огонь отъ земли до неба и пожретъ камни, лѣса, птицъ и звѣрей;

Сойдутъ съ небесъ ангелы грозные,
И снесутъ они орудія огненныя
И погонять грѣшныхъ въ рѣку огненну.

Вслѣдъ за тѣмъ начинается великій потопъ, омывающій грѣховную землю ²⁾. На картинахъ страшнаго суда изображается и эта неугасимая рѣка, съ толпами захваченныхъ ею грѣшниковъ. Въ путевыя записки Коробейникова и Грекова, при описаніи святыхъ мѣстъ Палестины, занесено преданіе: «и тою подолью, сказываютъ, хочетъ течи рѣка огненная въ день страшнаго суда» ³⁾. Въ народномъ стихѣ Михайль-архангелъ представляется въ роли Харона ⁴⁾: какъ на послѣдняго

¹⁾ Памят. XII в., 100-1; Рукоп. графа Уварова, II, вып. I, 118—9. Въ стихирахъ недѣли мясопустной, по рукописи XV столѣтія, читаемъ: «рѣка же огненная предъ соудищемъ течеть, оужасалъ всѣхъ... плачу и рыдаю, егда во оумѣ прииму огнь неугасимый, тмоу кромѣшноую и пропасть глаубокою, лютаго червня неосуспающаго и скрежетъ зубный» — Калѣки Пер., VI, стр. XVII. — ²⁾ Ч. О. Н. и Д., годъ 3, IX, Кирѣвск., 196—205. — ³⁾ Сахаров., II, 146. — ⁴⁾ Имя, указывающее на грозное божество (χαρόψ, χαρόψς) — Der Ursprung der Myth., 273.

возложена была обязанность переправлять тѣни усопшихъ черезъ адскіе потоки, такъ этотъ перевозить души праведныхъ черезъ рѣку огненную «ко пресвѣтлому раю» (см. I, 575-7). Въ сказкахъ змѣй и баба-яга указываютъ богатырямъ на огненные источники (=тучи), въ которыя что ни брось— тотчасъ-же все объемлется пламенемъ. Востокъ, откуда восходитъ (=нарождается) ясное солнце, чтился арийцами какъ райская страна, царство Весны и ея благодатныхъ даровъ; напротивъ западъ есть страна ночнаго мрака, смерти и адскихъ мукъ (см. I, 182). Младенческимъ племенамъ все то казалось за истину, что видѣлъ ихъ глазъ; солнце, удаляющееся вечеромъ съ небснаго свода, и облака, гонимыя за горизонтъ вѣтрами, какъ-бы уходятъ подъ землю, а потому западъ, гдѣ умираетъ дневное свѣтло, признанъ былъ за подземное, загробное царство; тамъ полагали греки и свой *ἄδης*. Весенняя, пожигаемая молніями туча течетъ съ востока огненною рѣкою, поѣдаетъ обветшалый міръ и затѣмъ отходитъ къ западу, гдѣ и водворяется на муку грѣшнымъ. Всемирный пожаръ дѣйствуетъ за одно со всемірнымъ потопомъ, какъ поэтическія представленія грозоваго пламени и дождевыхъ ливней (см. I, 762 и II, 644—7), и затѣмъ наступаетъ блаженное царство весны: земля, обезсиленная рукою старости—зимы, юнѣетъ и обновляется, поля и лѣса одѣваются въ зелень и сулятъ обиліе плодовъ земныхъ. Согласно съ представленіемъ зимнихъ тучъ безплодными горами и скалами, созданными владыкою демоновъ и разрушенными богомъ-громовникомъ, новый міръ изображается цвѣтущею равниною. Такъ какъ и съ огнемъ, и съ водою соединялась идея физическаго и нравственнаго очищенія (см. II, 14, 22, 181), то повятно, почему народъ сочеталъ съ огненною рѣкою двоякое значеніе: во первыхъ—адскаго, наказующаго потока, и во вторыхъ—очистительнаго пламени (*fegefeuer*); здѣсь коренится католическій догматъ о чистилищѣ (*purgatorium*).

По свидѣтельству народнаго стиха, грѣшныя души, очистившіяся въ огненной рѣкѣ, изымаются изъ нея хлябей неводомъ, что напоминаетъ намъ ту сѣть, съ которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловлѣ въ водахъ небеснаго океана (см. II, стр. 153—5):

И прошелъ неводъ мукой вѣчною,
И вытаскилъ душъ праведныхъ (прощѣнныхъ) изъ муки
вѣчныя ¹⁾.

Персы вѣрятъ, что добродѣтельныя души пойдутъ на небо, а злыя, грѣшныя будутъ прежде очищены огненною металлическою рѣкою (сравни II, 762), которая разольется при концѣ вселенной, и потомъ уже начнется всеобщее, безконечное блаженство, явятся новая земля и новое небо и воцарятся вѣчный свѣтъ и правда ²⁾.

Кромѣ запада, идея ада связывалась съ сѣверомъ, какъ странною полуночною, вѣющею зимиными стужами. Понятія ночи, зимы, смерти и все-потемняющихъ тучъ отождествлялись въ языкѣ и мифахъ, что и повело къ представленію сѣвера царствомъ демоновъ, и напротивъ заставило югъ сблизить по значенію съ востокомъ, видѣть въ немъ родину небеснаго огня. По скандинавскому преданію, царство Геллы лежитъ на сѣверѣ. Когда Негмódhgr посланъ былъ къ усопшему Бальдуру, онъ девять ночей (по русски слѣдовало бы сказать: девять дней) ѣхалъ ирчными глубокими долинами и достигъ рѣки Giöll (strepens—шумно-бурлявая), черезъ которую велъ мостъ, покрытый блестящимъ золотомъ (т. е. радуга, издревле признаваемая за дорогу въ небсныя обители и путь усопшихъ). Мостъ этотъ сторожила дѣва Módhgudhri; она объявила страннику, что пять дней передъ тѣмъ толпа

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 215-6. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1839, т. XX, 328; 1858, III, 277-8.

умершихъ мужей перешла черезъ мостъ и что жилище Геллы (helvæg) находится еще глубже и сѣвернѣе. Мрачныя, глубокия долины соотвѣтствуютъ греческому Ἔρεβος и составляютъ проходъ, ведущій къ аду (Halja): это—холодная, туманная, охваченная непроницаемымъ мракомъ страна Niflheimr'a, гдѣ обитаютъ и носятся темные эльфы. Посреди этой страны бьетъ источникъ Hveggelmir, изъ котораго истекаютъ двѣнадцать бурливыхъ рѣкъ и между ними Giöll, ближайшая къ жилищу богини. Потоки эти суть мифическія представленія дождевыхъ ключей, такъ какъ самый Niflheimr—поэтическое изображеніе тумановъ и сгущенныхъ облаковъ. Туже обстановку встрѣчаемъ и въ античныхъ сказаніяхъ о мутномъ, окруженномъ постоянными туманами Стиксѣ ¹⁾ и другихъ адскихъ рѣкахъ ²⁾. По разсказу Гомера, адъ находится у водъ великаго (воздушнаго) океана и корабль Одиссея направляется туда сѣвернымъ вѣтромъ:

Тамъ киммерійнъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являеть
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Гелиосъ...
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ ³⁾.

Хотя скандинавскій мифъ, описывая послѣдній день вселенной, и умалчиваетъ объ огненной рѣкѣ, но за то говоритъ о всесвѣт-

¹⁾ „Styx nebulas exhalat iners.“ — ²⁾ D Myth., 762-4. Сравни т. I, стр. 376, съ сказаніями о райскихъ рѣкахъ; дождевыя, грозовыя потоки равно принадлежатъ и раю, и аду, только на обрисовку ихъ здѣсь и тамъ употреблены различныя поэтическія краски. — ³⁾ Одис., XI, 13 — 19. Киммеріане—жители загробной области, усопшіе; Одиссей отправляется къ нимъ спросить душу мудраго Тирезія. „Auch deutet ihr name, auf Erebos und Unterwelt, da sie auch Керβέριοι hiessen, welches wahrscheinlich wie der name des griechischen höllenhundes Керβερος mit έρεβος zusammenhängt, während der name Кιμμέριοι auf eine andere form desselben wortes, nehmlich auf έρεμνός führt“ — Griech. Myth. Преллера, I, 634. Сравни съ преданіями о блаженномъ народѣ гиперборейхъ — ibid., 189.

номъ пожарѣ. Въ противоположность сѣверному міру зимняго холода и тумановъ, на югѣ лежитъ міръ огня, называемый въ Эддѣ *Muspellsheimr*¹⁾. Охранять *Muspellsheimr* приставленъ *Surttr* (род. *Surtar*—*schwarzbraune*)—имя, родственное съ словомъ *svarttr*—*niger*; вулканическія разщелины скалъ въ Исландіи называются *Surtarhellir*. *Surttr* и *Su arttr* встрѣчаются, какъ имена великановъ. Нигдѣ въ объѣхъ Эддахъ Суртуръ не выступаетъ въ качествѣ бога; подобно другимъ великанамъ, онъ—врагъ и соперникъ асовъ, демоническій представитель грозовыхъ тучъ: *Völuspá* огонь называетъ *Surta sefi*—*Surti amicus*. Когда грѣхи превзойдутъ мѣру, на землѣ станутъ царствовать жестокость, властолюбіе и неправда, и вселенною овладѣетъ суровая зима; тогда должна послѣдовать кончина свѣта (см. I, 759). Вооруженный блестящимъ мечемъ и окруженный пламенемъ, Суртуръ подыметъ вѣстѣ съ грозными сынами Муспелля (*Muspellsöhne*), наступитъ войною на боговъ и предастъ вселенную страшному огню; при его появленіи задрожать скалы, люди пойдутъ путемъ смерти и небо распадется съ трескомъ. Асы будутъ побѣждены, старый міръ рухнетъ и на мѣсто его возникнетъ новый, благословенный. Ясно, что огненная рѣка, текущая съ востока, и пламя всесвѣтнаго пожара, приносимое съ юга, — представленія совершенно-тождественныя. Подъ вліяніемъ христіанскихъ сказаній, старо-верхне-нѣмецкая поэзія выводитъ вѣсто Суртура-антихриста и заставляетъ его сражаться съ Ильею-пророкомъ, пролитая кровь котораго вос-

¹⁾ *Mutspell* (*muspille*), по объясненію Я. Гримма, — слово сложное: вторая часть его *spilli*, *spelli*, *spell* родится съ сканд. *spíðill* — *corruptio*, *spilla* — *corrumpere*, англос. *spillan* — *perdere*, англ. *spill*, др.-в.-нѣм. *spildan*, др.-сакс. *spildian*; *muð*, *mu* (*muð*?) заключаетъ въ себѣ понятія земли или дерева. Слѣдовательно *muðspell* есть поэтическое названіе огня, какъ истребителя деревьевъ, пожирателя дровъ.

пламеняетъ все горы ¹⁾. Славяне также соединяли идею ада не только съ западомъ, но и съ сѣверомъ; они донынѣ хранятъ воспоминанія о безошадной странѣ смерти, вѣющей стужей и мятелями. Адъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ отчасти изъ пропастей и безднъ, наполненныхъ кипучею смолою; отчасти—изъ снѣжныхъ и желѣзныхъ горъ (т. е. изъ тучъ, окованныхъ зимнимъ холодомъ). Изъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ зимою Морозы и сюда скрываются они на лѣто; вообще вьюги и морозы, по народному повѣрью, происходятъ отъ выхожденія нечистой силы изъ адскихъ вертеповъ. Отсюда же прилетаютъ въ извѣстную пору своего губительнаго вліянія, опредѣляемаго физическими условіями, весеннія лихорадки, коровій моръ и другія болѣзни, обыкновенныя спутницы и помощницы Смерти, которымъ простолюдны даютъ характеристическій эпитетъ «замороженныхъ» ²⁾. Вспомните, что двѣ народы—великаны заключены въ горахъ на самой полночи (см. т. II, стр. 455). Нѣмцы полагаютъ жилище чорта на сѣверѣ; этой страны боятся и русскіе поселяне, и эсты ³⁾. Въ древне-славянскихъ переводахъ и оригинальныхъ произведеніяхъ словомъ тартаръ обозначается подземная пропасть, никогда неосвѣщаемая и несогрѣваемая солнцемъ, мѣсто вѣчнаго, нестерпимаго холода, куда будутъ посланы души грѣшниковъ: «а се есть глаголемый тартаръ—зима не съгрѣема и иразъ лютъ». Лингвисты слово тартарос роднятъ съ тартар (σω—дрожу отъ холода ⁴⁾).

Такимъ образомъ съ адомъ соединялись самыя противоположныя представленія: яркаго пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимаго жара и мертвящихъ морозовъ. Эти различныя дан-

¹⁾ D. Myth., 768—771. — ²⁾ Сахаров., I, 54; II, 27, 65. — ³⁾ D. Myth., 953. — ⁴⁾ Труды Моск. Археолог. общ., I, 74—75 (Матеріалы археолог. словаря).

ныя послужили основой для изображенія тѣхъ страшныхъ мукъ, на которыя осуждаются грѣшники. Злые демоны гоняются за душами усопшихъ грѣшниковъ, схватываютъ ихъ острыми когтями, связываютъ, какъ своихъ плѣнниковъ, и погружая въ адскія бездны, передаютъ жестокии казнямъ; поэтому германскія племена даютъ чорту названія: *henker*, *diebhenker*—палачъ, воръ, мучитель, *der mörder von anfang*, *der grausame seelenhenker* ¹⁾. Подобно водянымъ духамъ, встрѣчающимъ всякаго утопленника съ плясками и весельемъ, черти, по русскому повѣрью, заводятъ неустовую гульбу волаѣ труповъ удавленника и самоубійцы ²⁾. «Будетъ мука розная, говоритъ стихъ о страшномъ судѣ: нымъ грѣшникамъ будутъ огни негасимые, нымъ—зима студбная, нымъ—смола кипучая, нымъ—червядовитые, а нымъ—тьма несвѣтимая и пропасть глубокая ³⁾. Апокрифическая статья «Хожденіе Богородицы по мукамъ», рукописи которой восходятъ къ самому началу письменности ⁴⁾, рисуетъ полную картину адскихъ истязаній: одни грѣшники и грѣшницы мучатся въ огненномъ озерѣ (или огненной рѣкѣ), погруженные по поясъ, по грудь, по шею и съ головою; другіе возлежатъ на пламенныхъ одрахъ; многіе повѣшены за ноги, руки, языки, уши, сердце, и поѣдаемы червями и змѣями; нѣкоторыхъ дьяволы прободаютъ желѣзными прутьями и рожнами, а ныхъ сосетъ лютой змѣй—чудовище съ огненнымъ языкомъ и желѣзными когтями. Сравни съ рассказомъ, записаннымъ въ Пансьевскомъ сборникѣ (XIV в.): «и видѣхомъ езеро полно змій, якожъ баше не видѣтъ воды подъ ними, и слыша-

¹⁾ D. Myth., 956, 964. — ²⁾ Украин. мелодіи Маркевича, 117. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3. IX, 201. — ⁴⁾ Списокъ Троицкой лавры относятъ къ XII вѣку — Пам. отреч. литер., II, 23; Пам. стар. рус. литер., III, 118-124. Хожденіе по мукамъ апокрифическая литература приписываетъ и апостоламъ, и святымъ — Пам. отреч. литер., II, стр. 40 и дал.

хонѣ плачь и стenanье люто, и бѣше езеро то полно человекъ, и приде гласъ съ небесъ, глаголя: си суть людье осуженіи!»¹⁾ Въ одномъ рукописномъ отреченномъ сказаніи, сообщенномъ мнѣ проф. Григоровичемъ, сказано: «Адамъ поживе на землѣ 930 и умре, и приде Смерть сатанина и вземъ душу его и вне се во адъ мучи(ти)сь 3000 лѣтъ внутрѣ ада во огни горящемъ, руки и ноги связаны, на шесть цѣпьяны.» Всѣ эти казни издревле рисовались на иконныхъ изображеніяхъ «страшнаго суда» и до послѣдняго времени продолжали служить богатымъ матеріаломъ для лубочныхъ картинъ. Не развитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы муки душевныя могли быть нестерпимѣе тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ, что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котелъ съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу; стануть бить раскаленными прутьями и мучить на страшномъ ложѣ, составленномъ изъ острыхъ иглъ, бритвъ и ножей, снизу котораго пылаетъ жгучій огонь, а свер хукапаетъ растопленная сѣра²⁾; онъ вѣритъ, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лизать горячую сковороду, что ростовщики и сребролюбцы будутъ выгребать изъ печи жаръ голыми руками, что на опойцахъ черти стануть возить дрова для подтопки адскихъ горновъ и воду для приготовленія кипятка, что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи³⁾. На лубочной картинѣ, изображающей «смерть грѣшника», сатана говоритъ осужденному: «любилъ ты на бѣломъ свѣтѣ мыться и вѣжиться на мягкомъ ложѣ; поведите теперь его въ мою баню огненную и положите на ложе огненное.» Черти ведутъ

¹⁾ Пам. стар. рус. литер., III, 137; Ист. очер. рус. слов., I, 493; О. З. 1857, XI, ст. Пыпина, 350-7. — ²⁾ Н. Р. Лег., 27 („Кумова кровать“); Шлейхеръ, 75—79. — ³⁾ Н. Р. Лег., № 29 и стр. 125; Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, стихи Кирѣев., 212-3; Срп. и. пјесме, II, 11-14

его въ баню, парятъ горящими вѣшниками и кладутъ на раскаленное ложе; въ заключеніе разныхъ мѣязаній они ввергаютъ грѣшника въ огненный колодезь. Представленія эти запечатлѣны тѣмъ матеріальнымъ характеромъ, который ярко свидѣтельствуетъ за нихъ глубокую давность; связь ихъ съ древнѣйшими мифами язычества неподлежитъ сомнѣнію. Сосущіе змѣи, неусыпающій червь, раскаленные желѣзные прутья и огненные вѣшники суть извѣстныя намъ метафоры молній; котлы и колодези, налитые воспламененною смолою, — метафоры громоносныхъ тучъ. При распредѣленіи загробныхъ мукъ, народная фантазія руководилась мыслью о соответствіи наказанія съ грѣхомъ: сейчасъ указано, что языкъ, проносявшій клевету, долженъ лизать горячее желѣзо, а руки, загребавшія золото, — загребать жаръ, который самъ метафорически назывался золотомъ; бабы, которыя, торгуя молокомъ, подмѣшиваютъ въ него воду, осуждаются поливать другъ друга водою, и т. д. Въ этомъ отношеніи любопытны слѣдующія преданія, занесенныя въ народный рассказъ о странствованіи души на томъ свѣтѣ: «Идемо «стѣпомъ, коли я ма така глибоचना, що ѣ дна не видѣя о. Дидъ (путеводитель по аду) каже: лизь! Мусла я послизти. Гляну, ажъ се вже другій свѣтъ. Скризь сидять помершіи души, усе по статтямъ... Идемо, ажъ миждь двома «дубами горить у пѣломъи чоловікъ и кричить: ой, прѣбни! «укрійте мене, бо замерзну! ой укрійте мене, бо замерзну! «Дидъ и каже: оце той чоловікъ, що просився до ёго зимою «въ хату подорожній, а на дворѣ була метелица та хуртовина, «а винъ не пустивъ, дакъ той и змерзъ шидъ тиномъ. Оце-жъ «теперь винъ горить у пѣломъи, а ёму ще здаеця, що холодно, и терить винъ таку мѣку, якъ той подорожній терпивъ «одъ морозу.» По другому варианту такая мѣка назначается поджигателямъ. «Идемо дальшъ, коли лежить чоловікъ коло «криница; тече ёму ривчакъ черезъ ротъ, а винъ кричить:

«прѣби! дайте напиться! Дидъ и каже: сей не давъ чловеки-
«ви въ жива води напиться; жавъ винъ на ниви, ажъ иде
«старчикъ дорогою, а жара велика, Спасивська. Ой, каже, чоло-
«виче добрій! Дай, ради Христа, води напиться. А винъ ёму:
«оце-жъ для тебе вивизъ! виляю на ниву; а не дамъ такому
«дармояду, якъ ти! То отъ теперъ ёму ривчакъ черезъ горло
«бжигъ, а винъ ще пить просить, и до вѣку вичного буде ёму
«такъ жарко та тяжко, якъ тому старцеви, що-й шовъ доро-
«гою.» Или: стоить грѣшникъ по самыя уста въ водѣ, а не мо-
жетъ утолить нестерпимой жажды; только вадумаетъ напиться,
какъ вода бѣжитъ отъ него прочь ¹⁾). Подобное мученіе, по
свидѣтельству Гомера, было опредѣлено Тавталу. Весьма вѣро-
ятно, что мнѣя эти вначалѣ относились къ стихійнымъ ду-
хамъ и великанамъ, обитателямъ мрачнаго анда, и потомъ уже
были перенесены на души нечестивыхъ людей. Грѣшникъ,
испытующій холодъ среди пламени, напоминаетъ намъ ска-
зочнаго богатыря Мороза-Трескуна, заключеннаго въ огненную
баню; грѣшникъ, томимый вѣчною жаждою—великана Опива-
лу (см. II, 703); бабы, осужденныя поливать другъ друга во-
дою, приводятъ на мысль преданія о вѣдьмахъ-похитительницахъ
небеснаго молока, купающихся въ дождевыхъ ливняхъ, и гре-
ческую басню о Данадахъ ²⁾). Народныя легенды ³⁾) описываютъ
загробныя муки, какія удалось набожному и сострадательному
страннику («Христову брату») видѣть на пути къ дому не-
беснаго владыки; въ другихъ редакціяхъ вмѣстозтого странника
выводится добрый молодець, который отправляется къ крас-
ному Солнышку и по дорогѣ къ его царству видить муки грѣш-
никовъ. Очевидно, легенда о Христовомъ братѣ есть поднов-

¹⁾ Кулишъ, I, 306—8; Н. Р. Лег., стр. 124—5.— ²⁾ Греческіе мнѣя о Титіи и Сизиеѣ (Одис., XI) стоятъ въ связи съ преданіями о Прометѣѣ и великанахъ, бросающихъ облачныя скалы и горы.—
³⁾ Н. Р. Лег., № 8 и примѣчан. къ этому номеру.

ленная въ христіанскомъ духѣ древнѣйшая сказка, съ замѣною языческаго божества Солнца именемъ Спасителя, называемаго въ церковныхъ пѣняхъ «справеднымъ солнцемъ». Въ числѣ осужденныхъ сказочный герой видитъ мужика: стоитъ онъ на дорогѣ весь загрязненнѣй, дуетъ на него буйный вѣтеръ и несетъ ему въ ротъ и въ носъ густую пыль. Такая кара определена ему мстительными стихійными богами за то, что, живя на бѣломъ свѣтѣ, онъ затыкалъ свою нзбу крѣпко-накрѣпке, чтобы вѣтеръ туда ни дулъ, ни солнышко не пекло. Живописуа адъ и чистилище, поэзія и искусство постоянно пользовались образами, созданными народной фантазіей, и Дантова божественная комедія есть лучшее тому свидѣтельство; ибо въ ней поэтъ совмѣстилъ все, что только дали ему литературы классическая и средневѣковая.

Живому неестественно не страшиться смерти; потому что жизнь уже сама по себѣ есть и высочайшее благо и высочайшее наслажденіе, объ исходѣ котораго нельзя думать безъ особеннаго тревожнаго чувства. У всѣхъ народовъ ходитъ много привѣтъ и совершается много обрядовъ, указывающихъ на тотъ страхъ и то опасеніе, съ которыми смотрятъ на все, что напоминаетъ о послѣднемъ концѣ. Такъ встрѣча съ похоронами считается предвѣстіемъ несчастія и неудачи; у грековъ прикосновеніе къ усопшимъ, долгое пребываніе въ домѣ покойника, посѣщеніе больныхъ и умирающихъ требовало очищенія; у римлянъ жрецамъ воспрещалось прикасаться къ мертвому тѣлу¹⁾. На Руси кто прикасался къ трупу покойника, тотъ не долженъ сѣять, потому что сѣмена, брошенные его рукою, омертвѣютъ и не принесутъ плода; если умиретъ кто-нибудь во время пѣсѣва, то въ нѣкоторыхъ деревняхъ до тѣхъ поръ не рѣшаются сѣять, пока не совершатся похороны. Въ Литвѣ, какъ только

¹⁾ О храмахъ, богослуженіи и пр. древнихъ грековъ (СПБ., 1815), I, 144; Процилен, IV, 211.

принимать, что больной умирает, тотчас-же выносить изъ избы всё сѣмена, полагая, что если они останутся подъ одною кровлею съ мертвецомъ, то не дадутъ всходовъ ¹⁾. Съ другой стороны такъ какъ зерно, сѣмя есть символъ жизни, то по выносу мертваго лавку, гдѣ онъ лежалъ, и всю избу посыпаютъ рожью ²⁾. Тогда-же запираютъ и завязываютъ ворота, чтобы отстранить губительные удары Смерти и закрыть ей входъ въ знакомое жильё. Горшокъ, изъ котораго омывали покойника, солома, которая была подъ нимъ постлана, и гребень, которымъ расчесывали ему голову, везутъ изъ дому и оставляютъ на рубежѣ съ другимъ селеніемъ или кидаютъ въ рѣку, вѣря, что такимъ образомъ Смерть удаляется за предѣлы родоваго (сельскаго) владѣнія или спускается внизъ по водѣ ³⁾. Всѣ присутствующіе при погребеніи обязаны, по возвратѣ домой, посмотреть въ квашню или приложить свои руки къ очагу ⁴⁾, чтобы черезъ это очиститься отъ зловреднаго вліянія смерти (см. т. II, стр. 31).

Видѣть съ болѣзнями, особенно повальными, быстро-приближающимися человѣка къ его кончинѣ, смерть признавалась у язычниковъ нечистою, злою силою. Отъ того и въ языкѣ, и въ повѣрчяхъ она сближается съ понятіями мрака (ночи) и холода (зимы). Въ солнечномъ свѣтѣ и разливаемой имъ теплотѣ предки наши видѣли источникъ всякой земной жизни; удаленіе этого свѣта и теплоты и приближеніе нечистой силы мрака и холода убиваетъ и жизнь, и красоту природы. Подобно тому смерть, смежающая очи человѣка, лишаетъ его дневнаго свѣта, отнимаетъ отъ него ту внутреннюю теплоту, которая

¹⁾ Ввст. Р. Г. О. 1853, III, 5; Черты литов. нар., 112. Лукчане приостанавливаютъ въ этомъ случаѣ всѣ полевые работы — Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 331. — ²⁾ Ворон. Бесѣда, 221; Этн. Сб., I, 306; Маякъ, XV, 22 — ³⁾ Владим. Г. В. 1852, 25, 28. — ⁴⁾ Ворон. Бесѣда; 222.

прежде согрѣвала охладѣлый его трупъ, и обезображиваетъ лице покойника предшествовавшими болѣзненными страданіями и предсмертною агоніей. Смерть и чортъ въ народныхъ сказаніяхъ нерѣдко играютъ тождественныя роли. Слова: смерть (лит. *smertis*, нѣм. *schmerz*—боль, страданіе), моръ, Морана родственны по корню съ рѣченіями: морокъ (иракъ)—туманъ, заморекъ (замерень)—первозимье, заморекы—начальные морозы ¹⁾, мара—у насъ: злой духъ, призракъ, у лужичанъ: богиня смерти и болѣзней ²⁾, мерекъ—чортъ (см I, 101). Основу родства означенныхъ рѣченій должно искать въ доисторической связи выражаемыхъ ими понятій. Краледворская рукопись сравниваетъ смерть съ ночью, приносящею тьму, (заходженіе солнца—его смерть, а восходъ—воскресеніе) и съ зимою, представляющею собой смерть природы, какъ весна есть ея возрожденіе. Убитый Влаславъ повалился на землю:

wstati ne moźeś;
Morena iei sypaśe w noc ěrnu ³⁾.

Въ другомъ мѣстѣ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: «*po puti wśei z wesny po Moganu*»—на пути отъ весны до Мораны; здѣсь подъ весною разумѣется юность, а подъ словомъ Морана—старость, смерть и зима. Морана представлялась чехами богиней смерти и зимы; ⁴⁾ Вацерадъ сопоставляетъ это имя съ греческою Гекатой, богиней луны (=ночи) и подземнаго царства. Поговорки: *půjdeš na mogan; Moře-*

¹⁾ Предлогъ *za* означаетъ начало дѣйствія; слѣдовательно приведенныя слова буквально означаютъ начало мрана или смерти (=зимы). — ²⁾ *Volkslieder der Wenden*, II, 268. У литовцевъ и леттовъ *Welnaš, Wels* — богъ смерти превратился въ дьявола — *D. Myth.* 814. — ³⁾ Переводъ: встать не можеть; Морана усыпила его въ черную ночь. — ⁴⁾ Другое имя, даваемое этой богинѣ — *Smrtonoška*.

па па пѣј сáhлa; proti Moĝenĕ pení koĝenĕ означаютъ: скоро умрешь; его коснулась смерть; противъ смерти нѣтъ корешка (зѣкарства ¹⁾). Встрѣчая весну торжественнымъ праздникомъ, славяне совершали въ то же время обрядъ изгнанія Смерти или Зимы, и повергали въ воду чучело Мораны (см. гл. XXVIII). Сербы даютъ зимѣ эпитетъ черная; въ одномъ изъ похоронныхъ причитаній говорится о покойникѣ, что онъ уходитъ туда, гдѣ померкло солнце и царствуетъ черная зима; тамъ будетъ онъ вѣчно зимовать, и лютая зима выпьетъ его очи! ²⁾ У насъ глаголь околѣть употребляется въ двоякомъ смыслѣ: озябнуть и умереть; а глаголь истывать (стынуть)—въ смыслѣ: надыхать ³⁾.

Если идея смерти сближалась въ доисторическую эпоху съ понятіемъ о ночномъ мракѣ, то также естественно было сближить ее и съ понятіемъ о снѣ. Сонъ нераздѣленъ съ временемъ ночи, а заснувшій напоминаетъ умершаго. Подобно мертвецу, онъ смежаетъ свои очи и дѣлается недоступнымъ впечатлѣнію свѣта; остальные чувства его также чужды внешнимъ впечатлѣніямъ. Смерть и сонъ представляются потому въ мифологіяхъ различныхъ народовъ явленіями между собою близкими, родственными. Гомеръ называетъ Смерть и Сонъ близнецами, а Гезіодъ—чадами Ночи; и греки, и римляне признавали *Ύπνος* (*Somnus*) братомъ Смерти. Оба брата, по ихъ мнѣнію, живутъ вмѣстѣ на западныхъ границахъ міра—въ глубокомъ подземномъ мракѣ, возлѣ царства мертвыхъ ⁴⁾; тамъ возлежитъ *Somnus* на маковыхъ сновторныхъ цвѣтахъ въ сладкомъ покоѣ, а вокругъ его ложа толпятся лег-

¹⁾ Ж. м. Н. П. 1840, XII, 128, 130; Громанинъ, 5-6. — ²⁾ О. З. 1851, VIII, ст. Бусл., 52. — ³⁾ Обл. Сл., 76, 140 — ⁴⁾ Griech. Myth., I, 657—9: Смерть считали также порожденіемъ Земли и Тартара и давали ей эпитетъ *αἰώνιος* = всегда-сонная.

кія сновидѣнія въ неясныхъ образахъ ¹⁾). На такую древнѣйшую связь понятій смерти и сна указываютъ и наши преданія. Народная пословица утверждаетъ ихъ братство: «сонъ смерти братъ» ²⁾). Въ славянскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ богатыри, убитые врагами, воскресая при окропленіи ихъ труповъ живою водою, обыкновенно произносятъ эти слова: «ахъ, какъ-же я долго спалъ!» — Спать бы тебѣ вѣчнымъ сномъ, еслибъ не живая вода и не моя помощь, отвѣчаетъ добрый то варищъ ³⁾). Въ современномъ языкѣ вѣчный сонъ остается метафорическимъ названіемъ смерти; наоборотъ сонъ лѣтार्хическій слыветъ въ простонароднѣ обмираньемъ, во время котораго, по рассказамъ поселянъ, душа оставляетъ тѣло, странствуетъ на томъ свѣтѣ, видитъ рай и адъ и узнаетъ будущую судьбу людей ⁴⁾). Животныя, впадающія въ зимнюю спячку, по общепринятому выраженію — зимуютъ на зиму. Заходящее вечеромъ солнце представлялось не только умирающимъ, но и засыпающимъ, а восходящее утромъ — возстающимъ отъ сна (I, 162—3, 180); зимняя смерть природы иначе называется ея зимнимъ сномъ; о замерзшихъ рѣкахъ и озерахъ въ тверской губ. выражаются, что они заснули (сравни II, 244 — о снѣ и пробужденіи водянаго). Языкъ засвидѣтельствовалъ близость и средство означенныхъ понятій до осязательной наглядности. Умершихъ называютъ: а) усопшими (успшими, усупеніе) отъ глагола спать,

¹⁾ Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертвоприн., 8, 27; D. Myth., 307, 803; Илиада, XIV, 230-5. Энеида называетъ адъ жилищемъ тѣней и сна. — ²⁾ Поля. собр. пословицъ и поговорок. (СПБ., 1822), 232; Старосв. Банд., 206. — ³⁾ Н. Р. Ск., I, 14 и др.; Škulc a Dobšinsky, I, стр. 6; Сказ. Грим., II, стр. 413; Ганъ, II, стр. 47. — ⁴⁾ Москв. 1846, XI-XII, 155; Молодикъ на 1844, 88. Поэтому думаютъ, что обмиравшіе могутъ предсказывать, и хитрецы пользуются иногда этимъ суевѣріемъ ради собственныхъ выгодъ — Ворон. Г. В. 1850, 20.

успинить, т. е. ихъ буквально называютъ уснувшими, или в) покойниками — успокоившимися отъ житейской суеты вѣчными сномъ; подобно тому о рыбѣ говорятъ, что она заснула, вѣсто: умерла, задохлась. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Краледворской рукописи Морена усыпила Власлава; малоруссы, при извѣстїи о чьей-нибудь кончинѣ, говорятъ: «нехай з' Богомъ спочиває!» Въ англосаксонской поэмѣ о Беовульфѣ сказано: *wurm liged swaefed sære wund* — змѣй лежитъ, спитъ (вѣсто: издохъ) тяжело-раненный¹⁾). Въ смоленской губ. мертвецы называются жиурки (отъ глагола жиурить — закрывать глаза), т. е. сомкнувшіе свои очи; въ архангельской губ. существуетъ повѣрье: кто засыпаетъ тотчасъ, какъ ляжетъ въ постель, тотъ долго не проживетъ; у литовцевъ была примѣта: когда молодые дожились въ первый разъ вѣстѣ, то кто изъ нихъ засыпалъ прежде — тому и умереть суждено раньше. Сербы не совѣтуютъ спать, когда заходитъ солнце, чтобы вѣстѣ съ умирающимъ свѣтиломъ дня не заснуть и самому вѣчнымъ сномъ. Слово оѣмнѣть употребляется въ народномъ говорѣ въ значенїи: ослѣпнуть и умереть; согласно съ этимъ свидѣтельствомъ языка, упырей (мертвецовъ, являющихся по смерти) большею частїю представляютъ слѣпыми. Какъ сонъ сблжжается съ смертію, такъ наоборотъ бодрствованїе уподобляется жизни; поэтому жилой означаетъ неспящаго, напримѣръ: «мы прїѣхали на живыхъ», т. е. мы прїѣхали, когда еще никто не спалъ; глаголъ жить употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ: бодрствовать, не спать²⁾). Въ причитаньяхъ, обращаемыхъ къ покой-

¹⁾ Номис., 8; Опытъ сравнит. обзор. др. памяти. нар. поэм., II, 20. Итал. *simetegio*, фр. *simetiège*, лат. *cosmetetegium*, греч. *χοιμετηριον* (отъ *χοιμαω* — дремлю, сплю) — кладбище = усыпальница — Тишкевича: Курганы въ Литвѣ и Зап. Руси, 141.
²⁾ Обл. Сл., 57—58; Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 59; Маякъ, XIII, 44—58; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 34; Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 25.

никакъ, слышатся такія выраженія: «и вы, наши роднинькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ!» или: «пришли-то мы на твое жицьё вѣковѣшноѣ, ужь побудзичь-то пришли отъ сна крѣпкова». ¹⁾

Эти данныя, свидѣтельствующія о братствѣ сна и смерти, и то вѣрованіе, по которому душа во время сна можетъ оставлять тѣло и блуждать въ иномъ мірѣ и видѣть тамъ все тайное, послужили основаніемъ, почему сновидѣніямъ придано вѣщее значеніе. Для живой и впечатлительной фантазіи нашихъ предковъ видѣнное во снѣ не могло не имѣть прямого отношенія къ дѣйствительности, среди которой такъ много было для нихъ непонятнаго, таинственнаго, исполненнаго высшей, священной силы. Они признали въ сновидѣніяхъ тоже участіе божества, какое признавали въ гаданіяхъ и оракулахъ; сновидѣнія являлись, какъ быстролетные посланники боговъ, вѣщатели ихъ рѣшеній. Славяне до сихъ поръ сохранили вѣру въ пророческій смыслъ сновъ; такихъ, которые бы, по приѣзду сказочнаго богатыря Василія Буслаева, не вѣрили ни въ сонъ, ни въ чохъ, а полагались бы только на свой червленый вязъ ²⁾, въ старое время бывало немного, и христіанскіе проповѣдники вынуждены были поучать народъ не довѣрять соннымъ мечтаніямъ ³⁾. У черногорцевъ если жена видѣла во снѣ, что мужъ ея подвергнулся какой-либо опасности, то этотъ послѣдній непременно отложить задуманное имъ предпріятіе ⁴⁾. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ есть нѣсколько прекрасныхъ поэтическихъ разсказовъ, содержаніемъ которыхъ служатъ «вѣра въ сонъ». Приведемъ примѣры:

Какъ по той-ли рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ
Тамъ плыветь, гребеть легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,

¹⁾ Сахаров., II, 23; Терещ., III, 102; Этн. Сб., I, 161. — ²⁾ Кирша Дав., 169. — ³⁾ Изв. Ак. Н., III, 97. — ⁴⁾ Зап. моря ослѣца, Броневск., III, 277.

Пушкамъ, ружьямъ установлена;
 На кормѣ сидитъ асаулъ съ багромъ,
 На носу стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
 По краямъ лодки добры мѡлодцы.
 Добры мѡлодцы — все разбойнички;
 Посередѣ лодки да и былъ шатѣръ,
 Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
 На казнь сидитъ красна дѣвица,
 Асаулова родная сестрица,
 Атаманова полюбовница.
 Она плакала, заливалась,
 Во слезахъ она слово молвила:
 Не хорошъ вишь сонъ ей привидѣлся —
 Расплеталася коса русая,
 Выплеталася лента алая,
 Лента алая, ярославская,
 Растаялъ мой золотъ перстень,
 Выкатался дорогой камень:
 Атаману быть застрѣлену,
 Асаулу быть поиману,
 Добрымъ мѡлодцамъ быть повѣшеннымъ,
 А и мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
 Во тюрьмѣ сидѣть, во неволющѣ. ¹⁾

Потеря обручальнаго кольца, по народной притѣ, — худой
 знакъ, вѣщающій расторженіе брака и любовной связи; распу-
 щенная коса — символъ печали по усопшему другу или родичу
 (I, 117). Другая пѣсня:

Охъ ты, мать моя, матушка,
 Что севодиешну ноченьку
 Не хорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
 Какъ у насъ на широкомъ дворѣ
 Что пустая хоромина —
 Углы прочь отвалилися,
 По бревну раскатилися;
 На печищѣ котиче лежатъ,
 По полу ходитъ гусыня,

¹⁾ Варианты этой пѣсни см. у Сахарова, I, 204, 224.

А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ ласточки,
Впередѣ млада ясенъ соколъ.

Пустая хоромина—чужая сторона, углы опали и бревна раскатились—родъ-племя отступилось, котъ—свекоръ, гусыня—свекровь, голуби—деверья, ласточки—золовки, ясенъ соколъ—женихъ ¹⁾). Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается слѣдующій рассказъ о вѣщемъ снѣ князя Святослава: «а Святъ-славъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахте мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщии тулы поганыхъ тльковинъ великый женчугъ на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръстѣмъ. Всю ночь съ вечера босувѣ врани възграху» ²⁾). Сонъ Святослава состоитъ изъ ряда печальныхъ примѣтъ: черный покровъ и карканье ворона предзнаменуютъ грядущее несчастье; теремъ безъ кнѣса означаетъ лишеніе членовъ семейства, женчугъ—слезы (1, 603); вино, смѣшенное съ горемъ, напоминаетъ выраженіе: упиться горемъ ³⁾). Тотъ-же предвѣщательный смыслъ придается сновидѣніямъ и въ скандинавскихъ сагахъ, и въ Нибелунгахъ, и въ Одиссѣй (пѣснь XIX). Греки и римляне присвоивали снамъ религиозный характеръ и вѣрили, что снащій человекъ можетъ найдтись въ сношеніяхъ съ невидимымъ міромъ; по случаю бла-

¹⁾ О. З. 1831, VII, ст. Бусл., 41; см. Срп. н. пјесме, II, № 47; Беларус. пѣсни Е. П., 52; Вѣст. Евр. 1818, II, 50—52. Приснился молодцу сонъ, говоритъ пѣсня: упали на его дѣмъ пчелы, а на подворье — звѣзда, и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы предвѣщаютъ печаль (ихъ медъ необходимъ при поминальныхъ обрядахъ), звѣзда — рожденіе дитяти, а отлетъ кукушки—смерть матери (см. гл. XXIV). Есть поговорка: «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.» — ²⁾ Рус. Дост., 116—122. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1836, т. X, 466, ст. Максимовича.

гопріятныхъ свидѣній у нихъ совершались празднества, а по случаю страшныхъ—очищенія ¹⁾).

И Сонъ, и Смерть были признаваемы славянами, какъ и другими индоевропейскими народами, за живыя мнѣшескія существа. Слѣды такого олицетворенія сна замѣчаемъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ:

Ой, ходитъ Сонъ по улоньцѣ,
Въ блѣсонькой кошулоньцѣ,
Слоняетца, тыняетца,
Господыньки пытаетца. ²⁾

Или:

Сонъ идетъ по снѣнямъ,
Дрема по терему;
Сонъ говоритъ:
Усыплю да усыплю!
Дрема говоритъ:
Удремлю да удремлю! ³⁾

Вышеприведенныя выраженія апокрифа: «пришла Смерть, взяла его душу» донынѣ употребительны въ русскомъ языкѣ; по народной поговоркѣ: «Смерть ходитъ по людямъ». Кто лѣнивъ на подъемъ, медлителенъ въ исполненіи порученій, о томъ говорятъ на Руси: «его только что за Смертію посылать», въ Германіи: nach dem Tod senden, den Tod suchen; о весьма-престарѣлыхъ людяхъ нѣмцы отзываются: «der Tod hat vergessen sie abzuholen»—Смерть позабыла ихъ взять (утащить ⁴⁾) Къ опасно-больному приходитъ Смерть, становится около его постели и заглядываетъ ему въ очи ⁵⁾; если кто вдругъ, неожиданно вздрогнетъ—это знакъ, что ему «Смерть въ очи поглядѣла» ⁶⁾. Согласно съ зловнымъ, де-

¹⁾ Обзоръ мѣтій о смерти, судьбѣ и пр. 27; D. Myth., 1098—9. — ²⁾ Сборн. украин. пѣсень, 101. — ³⁾ Лѣт. рус. лѣт., кн. II, 108; сравни Срп. н. пѣсме, I, 192. — ⁴⁾ D. Myth., 802, 814. — ⁵⁾ См. сказки о кумѣ-Смерти. — ⁶⁾ Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 429.

моническимъ характеромъ Смерти, на которую (по пословицѣ), какъ на солнце, во всё глаза не взглянешь и отъ которой нельзя ни откупиться, ни отмолиться ¹⁾, она олицетворялась въ образѣ устрашающемъ. По мнѣнію античныхъ народовъ, *Mors* (*Kῆρ*—смерть въ битвахъ) неутомима и свирѣпа; зубы ея опаснѣе клыковъ дикаго звѣря, на рукахъ страшные, кривые когти. Смерть, говоритъ Гезіодъ, черна (лат. *mors atra*), скрежещетъ зубами, быстро мчится на войну, хватаетъ падшихъ ратниковъ, и воззя въ тѣло свои когти, высасываетъ изъ нихъ кровь; Эврипидъ представляетъ ее крылатою и облеченною въ траурную мантию ²⁾. Русскіе памятники (старинныя рукописи, стѣнная живопись и лубочныя картины) изображаютъ Смерть или страшлищемъ, соединяющимъ въ себѣ подобія человѣческое и звѣриное, или сухимъ, костлявымъ человѣческимъ скелетомъ съ оскаленными зубами и провалившимся носомъ, почему народъ называетъ ее курно сою. Это послѣднее представленіе встрѣчаемъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: кончина человѣка предастъ его тлѣнію, и тотъ образъ, въ который она измѣняетъ трупъ, послужилъ и для воплощенія самой Смерти. Такъ какъ слово Смерть женскаго рода, то, слѣдуя этому указанію, славяне олицетворяютъ ее женщиною, подобною Геллѣ; у нѣмцевъ же *der Tōt, der heilig Tod* выступаетъ, какъ злой богъ. Наравнѣ со всѣми богами и дѣхами, она появляется внезапно, неожиданно-негаданно для человѣка (слетаетъ съ небесъ), изнимаетъ изъ него душу и увлекаетъ ее въ загробный міръ. Съ понятіемъ смерти фантазія соединяетъ различныя поэтическія уявленія: Смерть то жадно пожираетъ людской родъ своими многоядными зубами; то похищаетъ души, какъ воръ, схватывая ихъ остры-

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1852. V. 39. — ²⁾ Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертвопр., 8.

и когтями; то, подобно охотнику, ловитъ ихъ въ разставленную сѣтъ; то наконецъ, какъ беспощадный воинъ, поражаетъ людей стрѣлами или другимъ убійственнымъ оружіемъ. Тотъ-же типъ хитраго ловчаго и губителя христіанскихъ душъ присвоивается и владыкѣ подземнаго царства, искусителю-сатанѣ. Вооруженная въ ратные доспѣхи, Смерть вступаетъ въ битву съ человѣкомъ, борется съ нимъ, сваливаетъ его съ ногъ и подчиняетъ своей власти; судороги умирающаго суть послѣдніе знаки его отчаяннаго сопротивленія. Усопшіе слѣдуютъ за нею, какъ плѣнники за своимъ побѣдителемъ — опутанные крѣпкими веревками и цѣпями. Сказаніе о Беовульфѣ смотритъ на умершаго, какъ на убитаго огненною стрѣлою, пушенною съ лука рукою Смерти; нѣмецкіе поэты даютъ ей бичъ, стрѣлы и бердышъ; литовскій *Smertis* (слово, употребительное и въ мужескомъ, и въ женскомъ родѣ) выѣзжаетъ на колесницѣ могучимъ воиномъ, съ копьемъ и мечемъ въ рукахъ ¹⁾. Съ такою же обстановкою является Смерть въ русской «Повѣсти о бодрости человѣческой» или «о преніи Живота съ Смертію». Повѣсть эта принадлежитъ къ разряду общераспространенныхъ въ средніе вѣка поучительныхъ сочиненій, толкующихъ о тлѣнности міра, и попадаетъ во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVII вѣка ²⁾; она известна и въ нѣмецкой литературѣ. Составляя у насъ любимое чтеніе грамотнаго простонародья, она (по мнѣнію изслѣдователей) перешла изъ рукописей въ устныя сказанія и на лубочную картину, и дала содержаніе нѣкоторымъ духовнымъ стихамъ и виршамъ ³⁾. Но можно допустить и обратное воздѣйствіе, т. е. переходъ

¹⁾ D. Myth., 799, 803—6, 809. — ²⁾ Пам. стар. рус. литер., II, 439—443; Истор. христом. Буслаева, 1355—8. — ³⁾ Сбора. рус. дух. стиховъ Варенцова, 110—127; Рус. Сл. 1859, I, 92—94; Дят. рус. лит., кн. II, 183—193.

устнаго древне-мишческаго сказанія о борьбѣ Жизни (Живота) и Смерти въ старинные рукописные памятники, при чемъ оно необходимо подверглось литературной обработкѣ; соответственно съ воззрѣніями и приѣмами грамотниковъ допетровскаго времени, сказанію приданъ нравственно-наставительный тонъ и само оно разукрашено обильными примѣрами, заимствованными изъ доступныхъ автору хроникъ; Смерть лишается своего строго-трагическаго стиля и впадаетъ въ хвастливую болтовню о тѣхъ богатыряхъ и герояхъ, которыхъ нѣкогда сразила она своею косою. Тѣмъ не менѣе основная мысль повѣсти—борьба Смерти съ Жизнію, олицетвореніе этихъ понятій и видѣніе признаки, съ которыми выступаетъ эта страшная гостья, безусловно принадлежать къ созданіямъ глубочайшей древности. Справедливость требуетъ замѣтить, что, пользуясь устными преданіями, книжная литература въ свою очередь не остается безъ вліянія на народное творчество, и взятое у него возвращаетъ назадъ съ новыми чертами и подробностями; но эти позднѣйшія прибавки легко могутъ быть сняты и не должны мѣшать правильному взгляду на сущность дѣла. Чтобы ярче изобразить непобѣдимое могущество Смерти, повѣсть противопоставляетъ ей не простаго слабаго чело-вѣка, но богатыря, славнаго своею силою и опустошительными наѣздами, гордаго, жестокаго и самонадѣяннаго; народная фантазія личность этого богатыря связала съ именемъ извѣстнаго въ преданіяхъ разбойника Аника-воина. Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ вь всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви божіи разорять, взялъ мечъ и конь и выѣхалъ въ чистое поле—на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾. «Что это за чу-

¹⁾ Вариантъ: Ѣздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по тем-

дище! говоритъ Аника-воинъ; царь ли ты-царевичъ, король ли королевичъ?» — Я не царь-царевичъ, не король королевичъ, я твоя Смерть — за тобой пришла! «Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу — тебя раздавлю!» — Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей — я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку! — и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего бѣрзаго коня, хочетъ поднять ее на копые булатное; но рука не двигнется. Напалъ на него велиій страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: «Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «Нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.» — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.» И говоритъ Аника-воинъ: «много есть у меня и серебра, и золота, и каменя драгоцѣннаго; дай сроку хоть на единый часъ — я бы рѣздалъ нищимъ все свое имѣніе.» Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой ¹⁾. Стихъ объ Аникѣ-воинѣ начинается такимъ изображеніемъ Смерти:

Вдѣтъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ вдѣтъ чудо:
Голова у него человѣческа,

вымъ лѣсамъ, никого не назжалъ — не съ кѣмъ силы попробовать. „Съ кѣмъ бы мнѣ побиться? думаетъ Аника-воинъ; хоть бы Смерть пришла!“ Глядь — идетъ къ нему страшная гостя: тощая, сухая, восты голыя! и несетъ въ рукахъ серпъ, косу, грабли и заступъ. — ¹⁾ Н. Р. Лог., 21.

Волосы у чуда до пояса,
 Тулови у чуда звѣриное,
 А ноги у чуда лошадиныя ¹⁾.

Косматые волосы и лошадиныя ноги — обыкновенные признаки нечистыхъ духовъ. Въ текстѣ лубочной картины Аника называетъ Смерть бабою: «что ты за баба, что за піяница! (намѣкъ на высасываніе ею крови) азъ тебя не боюсь и кривыя твоя касы и оружія твоего не страшусь.» Кроивъ касы, Смерть является вооруженною серпомъ, граблями, пилоу и заступомъ:

Вынимаетъ пилы невидимыя,
 Потираетъ ею (ими) по костямъ и жиламъ —
 Аника на коня шатается
 И смертныя уста запенаются.

Или: «подѣче ему (Смерть) ноги косоу, и вземъ серпъ — и захвати его за шію, и вземъ малый оскордецъ — и нача отсѣкати нозѣ и руцѣ и вся составы его, и разслабша жилы его». На лубочныхъ картинахъ Смерть рисуется въ видѣ скелета, съ косоу въ рукахъ; Коровью Смерть (чуму) крестьяне наши представляютъ безобразною, тощею старухоу, въ бѣломъ савантѣ, и даютъ ей косу или грабли ²⁾. Такая обстановка прямо вытекла изъ метафорическнхъ выраженій древнѣйшаго языка, которыи сравнивалъ губительную силу смерти съ понятіями, самыми близкими и доступными земледѣльцу и плотнику: Смерть косить и загребаеъ человѣческія жизни, какъ коса и грабли полевуу траву; жветъ родъ человѣческій,

¹⁾ Сравни со спискомъ о «преніи Жирота съ Смертію: „Животъ бѣ человекъ и приде къ нему Смерть. Онъ же устращися великии и рече ей: кто ты, о лютой звѣрь? образъ твой страшить мя великии, и подобіе твое человекское, а хожденіе твое звѣриное.“ — ²⁾ Сахаров., II, 10; Кулишт., I, 305; Бытъ подолявъ, I, 16. Днесбахъ сближаетъ слова: гробъ, гребу и грабли.

какъ серпъ колосья («яко незрѣлую пшеницу» ¹⁾); она какъ-бы вынимаетъ незримую пилу, и потирая ею по костямъ и становымъ жиламъ, расслабляетъ человѣка—и онъ падаетъ, словно подпиленное дерево; наконецъ Смерть, работая заступемъ, роетъ людямъ свѣжія могилы. Выше мы привели поэтическія сравненія поля битвы со вспаханною и засѣянною нивою и молотильнымъ токомъ (I, 297, 434). По указанію Слова о полку и народныхъ пѣсень, въ битвѣ земля засѣвается не пшеницею, а костями ратниковъ, поливается не дождемъ, а кровію, и растутъ не хлѣбныя злаки, а печаль и общее горе. Современный языкъ удерживаетъ выраженіе: сѣять раздоры, вражду и крамолы; въ Словѣ о полку сказано: «тогда при Олѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами» ²⁾. Одну, какъ богу кровопролитныхъ войнъ, приписывались поѣвы раздоровъ и непріязни; бросая свое копьё (Gūngnir) или потрясая имъ, онъ умерщвлялъ вражескихъ воиновъ. О Смерти, играющей въ сраженіяхъ главную роль, у нѣмцевъ было выраженіе, что она засѣваетъ между людьми свое сѣмя, какъ-бы зловредную траву: «dō der Tōt sīnen sām en under si gesaete»; тоже говорилось и о чортѣ ³⁾. По словамъ старинныхъ русскихъ лѣтописцевъ, дьяволъ сѣтовалъ или радовался, смотря по тому: примирились ли князья, или враждовали между собою. «Усобная рать, замѣчаетъ Несторъ, бываетъ отъ соблаженья дьяволя. Богъ бо не хотеть зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убійству и кровопролитію, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы.» ⁴⁾ Понятно, что Смерть, поражающая ратниковъ въ бою, стала представляться владѣющею всеми тѣми воинскими орудіями, какія только знала старина: въ нашихъ памят-

¹⁾ Тоже сравненіе находимъ и у нѣмцевъ—D. Myth., 808. — ²⁾ Рус. Дост., III, 76. — ³⁾ D. Myth., 806-8, 964. — ⁴⁾ П. С. Р. Л., I, 56, 72, 139 и др.

выказъ ей даются мечъ, сѣчице, стрѣлы, ножи, рожны, о скерды ¹⁾. Сказаніе о преніи Аннки-вонна съ Смертію перешло въ народное драматическое представленіе, какое еще теперь разыгрывается въ нѣкоторыхъ артеляхъ фабричныхъ ²⁾,— подобно тому, какъ мнѣ о борьбѣ Лѣта и Зимы передается въ Германіи во всю сценическую обстановку на праздникъ весны (см. гл. XXVIII). Борьба Жизни и Смерти, Лѣта и Зимы, Дня и Ночи совершенно тождественны по значенію, ибо понятія эти издревле сливались и въ языкѣ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Зима называлась Мораною, а богиня лѣта Живую (Живаню)—иня, знаменующее жизнь. Какъ царица зимы и ночнаго мрака, Смерть роднится съ горными великанами; вышеприведенный стихъ присвоаетъ ей названіе чуда (= дива—см. II, 618), и самое жилище ея помѣщается въ холодныхъ странахъ сѣвера, въ нѣдрахъ бесплодныхъ и покрытыхъ вѣчными снѣгами скалъ; въ Богеміи ее считаютъ владычицею горъ ³⁾. Всесильная, всенстребляющая, она тѣмъ не менѣе бываетъ побѣждаема, съ приходомъ весны, богинею жизни, и поверженная наземь заключается въ оковы. Съ другой стороны мнѣ, сроднившій представленія грозы и мрачныхъ тучъ съ зломъ и нечистою силою, признавшій въ молніяхъ смертоносныя стрѣлы владыки подземнаго царства, изображаетъ Смерть, какъ разрушительное существо, сопутствующее богу-громовнику въ его весеннихъ походахъ и битвахъ. Въ дикой охотѣ Одина, въ вешетовомъ, бѣшеномъ воинствѣ этого славнаго отца побѣдъ (т. е. въ шумѣ бурныхъ грозъ), вистѣ съ злыми духами и толпою усопшихъ душъ, выступаетъ и костлявая, прожорливая Смерть. Такимъ образомъ съ лицетвореніемъ Смерти соединяется тотъ-же стихійный характеръ,

¹⁾ См. между прочимъ житіе Васлія Новаго и сказаніе Θεодоры о мытарствахъ. — ²⁾ Рус. Архивъ 1864, X, 1093-9. — ³⁾ D. Myth., 807.

что и съ демонами и мертвецами. Отсюда объясняются ея воздушные полеты, ея быстрое появленіе и исчезаніе, метаніе ею огненныхъ стрѣлъ(= молній) и вообще присвоенное ей облададіе ратнымъ оружіемъ. Подобно вѣтрамъ и вьюгамъ, которыхъ Эоль заключаетъ въ облачные мѣха или держитъ на крѣпкихъ привязяхъ въ горѣ-тучѣ, подобно грозовому демону (Cushpa, Локм, сатана), сидящему въ цѣпяхъ во мракѣ преисподней (I, 311-2, 756-8), Смерть испытываетъ ту же участь. Здѣсь сходятся два различныхъ воззрѣнія: а) какъ представительница зимы, Морана побѣждается весеннимъ Перуномъ, который разитъ ее своимъ кузнечнымъ молотомъ (= заковываетъ ее въ цѣпи) и на все лѣтнее время низвергаетъ въ подземную темницу ада; б) какъ демонъ, шествующій въ грозѣ, она заключается въ ту же темницу на все время зимнихъ стужъ, налагающихъ на тучи желѣзные (ледяные) оковы. По греческому преданію, Зевсъ, желая покарать Сизифа (Σίσυφος), послалъ за нимъ Смерть, но тотъ опуталъ ее крѣпкими узами, и пока она была связана — никто не умиралъ въ цѣломъ свѣтѣ; наконецъ явился воинственный Аресъ, освободилъ плѣнницу и передалъ ей нечестиваго врага ¹⁾. По свидѣтельству нѣмецкой сказки, Spielhansel привязалъ Смерть къ дереву, и въ продолженіи семи лѣтъ она оставалась узницею и не могла похитить ни одной души человеческой ²⁾. Мифъ этотъ развивается и въ русской сказкѣ ³⁾. Явился солдатъ на тотъ свѣтъ, и поставилъ его Господь на часахъ у пресвѣтлаго рая. Приходитъ Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой. — Иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ. «Погоди, я спрошу.» Пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобы три года морила самый старый людъ. Солдатъ думаетъ: «эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморитъ; вѣдь они старики.» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай по лѣсамъ,

¹⁾ Griech. Myth., II, 76. — ²⁾ D. Myth., 814. — ³⁾ Н. Р. Лер., 16.

и три года точи самые старые дубы.» Заплакала Смерть и побрела по лѣсамъ, три года точила старые дубы, а какъ изшло время—воротилась къ Богу за новымъ повелѣніемъ. Господь приказалъ морить молодой народъ, а солдатъ думаетъ: «эдакъ, пожалуй, она братьевъ моихъ уморить!» и передалъ приказъ Смерти, чтобъ она шла по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точила все молодые дубы. Пошла Смерть по лѣсамъ, принялась точить молодые дубы, а какъ исполнилось три года—идеть опять къ Богу, едва ноги тащитъ. Обманулъ ее солдатъ и въ третій разъ; Господь приказалъ морить младенцевъ, а солдатъ передалъ: «ступай по лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи малые дубки.» По исходѣ послѣднихъ трехъ лѣтъ, идетъ Смерть къ Богу—чуть живая, такъ отъ вѣтру и валится. «Ну, думаетъ, теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что онъ девять лѣтъ меня наказуетъ?» Узналъ Господь, какъ хитрилъ солдатъ и повелѣлъ ему въ наказаніе девять лѣтъ носить Смерть на плечахъ. Засѣла Смерть на солдата верхомъ; повѣзъ ее солдатъ, вѣзъ-вѣзъ и уморился; вытащилъ рогъ съ табакомъ и сталъ нюхать. «Служивой! говоритъ Смерть, дай и мнѣ понюхать.» — Полѣзай въ рогъ, да и нюхай, сколько душѣ угодно. Только что влѣзла она, солдатъ тѣмчасъ закрылъ рогъ, заткнулъ его за голенище, воротился и сталъ на старое мѣсто на часы. Этотъ эпизодъ варьируется еще такъ: велѣлъ Господь солдату кормить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Солдатъ пошелъ съ нею въ лѣсъ и заспорилъ: «ты де не влѣзишь въ пустой орѣхъ!» Смерть слуру и влѣзла, а солдатъ заткнулъ дыру въ орѣхѣ и спряталъ его въ карманъ. Господь освободилъ Смерть и приказалъ ей уморить солдата. Сталъ солдатъ готовиться къ послѣднему концу, надѣлъ чистую сорочку и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. — Совсѣмъ готовъ! «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной къ верху. «Не такъ!» говоритъ

Смерть. Солдаты легъ на бокъ. «Ахъ, какой ты! развѣ не видалъ, какъ умирають?» — То-то и есть, что не видалъ! «Пусти, я тебѣ покажу» Солдаты выскочилъ изъ гроба, а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ поскорѣ крышку, накрылъ гробъ, наколотивъ на него желѣзные обручи и бросилъ пойманную Смерть въ море. И долго-долго носилась она по волнамъ, пока ни разбило гроба бурю. По другому разсказу, хитрый солдатъ сажаетъ Смерть въ торбу (или ранецъ), завязываетъ крѣпко-накрѣпко и вѣшаетъ эту торбу на верхушку высокой осины. Съ этой самой поры пересталъ народъ помирать: рождаться — рождается, а не помираеть! Много лѣтъ прошло, солдатъ все торбы не снимаетъ. Случилась разъ зайти ему въ городъ; идетъ, а на встрѣчу ему древняя старушонка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту и валится. «Вишь какая старуха! сказалъ солдатъ; чай, давно ужъ умирать пора!» — Да, батюшка! отвѣчаетъ старуха, мнѣ давно помереть пора; еще въ тоѣ время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ только единый часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не принимаетъ, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощонный грѣхъ! вѣдь не одна душа на свѣтѣ также мучится! «Видно, думаетъ солдатъ, надо выпустить Смерть; пошелъ въ лѣсъ — прямо къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разныя стороны.» А что, Смерть, жива?» Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снялъ солдатъ торбу, развязалъ и выпустилъ Смерть; какъ только очутилась она на свободѣ, тотчасъ — подавай Богъ ноги! — и бросилась бѣжать отъ солдата. Точно также обманываютъ сказочные герои дьявола, заставляя его влѣзати въ червивый орѣхъ или въ суму (I, 282); самая Смерть представлена въ сказкѣ такою-же простоватую, недогадливою и прожорливою, какими изображаются обыкновенно вели-

кавы, драконы и черти; виѣстѣ съ тѣмъ народный юморъ, замѣчательный нами въ обработкѣ старинныхъ преданій о великанахъ и дэмонахъ, овладѣлъ и мною о побѣжденной Смерти. Рогъ, суна и гробъ, окованный желѣзными обручами, — все это метафоры грозовыхъ тучъ (см. I, 311—2, 579—588; II, 671); въ близкой связи съ этими представленіями стоитъ и орѣховое дерево, изстари посвященное громовнику (см. II, 318). По своей стихійной природѣ, Смерть, подобно зльфамъ, облачнымъ женамъ и чертямъ, участвуетъ въ бѣшеной воздушной пляскѣ и въ дикихъ пѣсняхъ завывающей бури; нерѣдко она показывается, навгрывая на музыкальномъ инструментѣ—дудкѣ или скрипкѣ¹⁾. Отсюда средневѣковая поэзія и живопись западныхъ народовъ создали превосходное изображеніе Смерти: въ свою вѣстовую пляску она увлекаетъ представителей всѣхъ сословій отъ короля до нищаго, и быстро кружась съ ними подъ звуки ужасающей пѣсни, уноситъ ихъ души въ темныя области загробнаго царства.

Согласно съ указаннымъ отождествленіемъ Смерти съ грозовыми духами, древнее вѣрованіе заставило этихъ послѣднихъ исполнить ея печальную обязанность. Но такъ какъ громовникъ и его спутники являлись и устроителями небеснаго царства (=весенняго рая), и съ демоническимъ характеромъ властителей ада, то понятіе о Смерти раздвоилось, и фантазія изображала ее то существомъ злымъ, увлекающимъ души въ подземный міръ, то посланницею верховнаго божества, сопровождающею души усопшихъ героевъ (позднѣе—праведныхъ) въ его небесный чертогъ. Такъ Одинъ посылалъ валькиріи принимать падшихъ витязей и возносить ихъ въ свое блаженное жилище—въ валгалу. Греки вѣрили, что души умершихъ препровождались на тотъ свѣтъ Гермесомъ, скорымъ посланникомъ боговъ и обладателемъ чудесна-

¹⁾ D. Myth., 807—9.

го жезла, прикосновениемъ котораго онъ повергалъ живыхъ въ непробудный сонъ. Кроме того, смерть представлялась греками не только страшною Керю, но и въ образъ прекраснаго, кроткаго и юнаго генія—Θάνατος (слово, родственное по корню съ нѣмецкимъ Tod), хотя и ему придавались эпитеты чернаго и чернокрылаго: всѣмъ страждущимъ онъ даетъ вѣчное успокоеніе и всѣхъ утомленныхъ житейскими трудами и невзгодами погружаетъ въ тихій и сладкій сонъ. Θάνατος, очевидно, совпадаетъ съ понятіемъ о снѣ, благодѣтельномъ дарѣ боговъ, дружелюбномъ успокоителѣ міра, кротко вѣющимъ надъ морями и сушею. Античное искусство изображало Сонъ дитятею и юношею, съ крыльями орла или бабочки ¹⁾. Въ христіанскую эпоху это двойное воззрѣніе на Смерть, какъ на существо съ одной стороны — злое, демоническое, а съ другой — свѣтлое, божественное, было перенесено на ангеловъ милостивыхъ и грозныхъ, смѣшанныхъ въ народныхъ преданіяхъ съ эльфами свѣтлыми и черными. Такое перенесеніе совершилось подъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ сказаній о страшномъ ангелѣ смерти (II-ая кн. царствъ, 24, 16), который впоследствии признанъ былъ за князя тьмы; онъ нисходилъ изымать души грѣшниковъ; для добродѣтельныхъ же людей являлся тихій ангелъ и прекращалъ ихъ жизнь прощальнымъ поцѣлуемъ. Нѣмецкія саги рассказываютъ о двухъ ангелахъ добромъ и зломъ, обходящихъ землю и предающихъ людей смерти ²⁾. Народный русскій стихъ такъ изображаетъ кончину праведнаго и грѣшника ³⁾:

Ссылаетъ Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
Тихихъ ангеловъ, все милостивыхъ,
По его по душевѣ по Лазареву.
Вынимали душевѣ честно и хвадно,

¹⁾ Ibid., 800—1; Griech. Myth. Преллера, I, 656-8. — ²⁾ D. Myth., 814, 1134. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 183-5, 208, 211; Дят. рус. лит., т. V, отд. 3, 83.

Честно и хваально въ сахарны уста,
 Да приняли душу на пелену,
 Да вознесли же душу на небеса...
 Сослалъ Господь грозныхъ ангеловъ.
 Страшныхъ, грозныхъ, немилостивыхъ,
 По его душу по богачёву;
 Вынули его душеньку нечестно, нехваально,
 Нечестно, нехваально, скрозь ребёръ его,
 Да вознесли же душу вельми высоко,
 Да свергнули душу во тьму глубоко,
 Въ тоѣ злую муку—въ геенскій огонь.

Таже мысль выражена и вънародной легендѣ ¹⁾: праведникъ умираетъ окруженный семьею; лёжа на одрѣ болѣзни, онъ даетъ своимъ сыновьямъ и снохамъ родительское наставленіе и навѣки-нерушимое благословеніе, и прощается со всѣми; Смерть является къ нему съ ангелами, вынимаетъ душу, и ангелы относятъ ее на золотомъ блюдѣ въ пресвѣтлый рай. Грѣшникъ же умираетъ посреди житейскихъ заботъ и веселья; Смерть приходитъ неожиданно-негадано и ударяетъ его въ голову тяжелымъ молотомъ. Грозныхъ, немилостивыхъ ангеловъ часто замѣняютъ дьяволы, которые схватываютъ душу грѣшника, какъ свою добычу. Сербская легенда ²⁾ повѣствуетъ о святомъ архангелѣ, который поражалъ смертныхъ: одного человека онъ изѣкъ въ куски, другаго ударилъ ножомъ три раза, а на третьего только замахнулся—какъ онъ уже умеръ. По словамъ архангела: «у оногъ е првогъ човека душа грѣшна па неће да изаће изъ тела, зато самъ га свега исекао докъ самъ е истерао. У оногъ другогъ човека душа е мало безгрѣшнѣ, зато самъ га трипутъ ударіо. А душа овогъ трећегъ човека е свивъ е праведна, зато самъ на ню само замахнуо, а она мени те у недра сама ускочи.» Выше было приведено свидѣтельство духовнаго стиха, что архангелъ Михаилъ перево-

¹⁾ Н. Р. Лег., 25. — ²⁾ Сербскій лѣтописъ 1862, I, 150—1.

зять души праведныхъ черезъ огненную рѣку. По мѣтнію болгарь—онъ, принимая душу усопшаго, несетъ ее въ мытарства и передаетъ другимъ ангеламъ, а самъ возвращается за другими душами; души грѣшниковъ онъ схватываетъ за волосы, а праведныхъ обнимаетъ, какъ мать своего младенца. Прежде эта обязанность была возложена на архангела Гавріила. Однажды послалъ его Господь взять душу бѣдняка, у котораго было много дѣтей. Гавріиль сжалился надъ ними и воротился, не исполнивъ приказанія: «какъ уморить его, Господи! вѣдь у него малыя дѣтки; они несчастные погибнутъ отъ голода!» Богъ разгнѣвался, взялъ у Гавріила мечъ и отдалъ его архангелу Михаилу. Но и Михаилъ, посланный предать смерти добраго семьянина, видя—какъ вокругъ больнаго все проливали горькія слезы, почувствовалъ состраданіе, воротился къ Богу и сказалъ: «смиѣ жалко поразить этого человѣка!» Тогда Господь завязалъ ему уши; архангелъ спустился на землю и взялъ душу, потому что не могъ слышать ни плача, ни сѣтованій ¹⁾. Передъ Смертью напрасны человѣческія молебны и рыданія; она глуха къ нимъ, и эту неумолимость ея поэтическая фантазія болгарь изображаетъ тѣмъ, что Смерть является къ людямъ—съ завязанными ушами. Русская легенда ²⁾ рассказываетъ объ ангелѣ, который въ наказаніе за то, что не хотѣлъ взять души одной матери, долженъ былъ три года жить на землѣ. Родила баба двойни, и посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ обреченной души и полетѣлъ назадъ къ Богу.—Что вынулъ душу? спрашиваетъ его Господь. «Нѣтъ, Господи! у той бабы есть два младенца; чѣмъ-же они станутъ питаться?» Богъ взялъ железо, ударилъ въ камень и разбилъ его надвое, указалъ въ трещинѣ двухъ червей и провѣщалъ: «кто питаетъ этихъ чер-

¹⁾ Каравел., 267. — ²⁾ Н. Р. Лер., 26; Slov. pohad., 502—7.

вей, тотъ пропиталъ бы и двухъ младенцевъ! — И отнял Богъ у ангела крылья и осушилъ его въ теченіи трехъ лѣтъ вести земную жизнь. — Наряду съ легендами и стихами объ ангелахъ смерти, возникли средневѣковыя сказанія о борьбѣ ангеловъ и чертей за обладаніе душою усопшаго; сказанія эти извѣстны и у нѣмцевъ, и у славянъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ памятниковъ, во главѣ ангеловъ выступаетъ архангелъ Михаилъ, какъ проводникъ душъ въ райскія селенія ¹⁾. По нашимъ преданіямъ, при одрѣ умирающаго присутствуютъ и спорятъ за его душу ангелъ-хранитель и дьяволъ; если добрыя дѣла человѣка перевѣшиваютъ злыя, то ангелъ-хранитель прогоняетъ дьявола копьемъ, а если перевѣшиваютъ злыя дѣла, то ангелъ удаляется съ плачемъ.

Въ числѣ другихъ представленій Смерти особенною поэтическою свѣжестью дышетъ то, гдѣ она является невѣстою. Этотъ прекрасный образъ объясняется изъ старинныхъ метафорическихъ выраженій, уподоблявшихъ кровавую битву — свадебному пиршеству, а непробудный сонъ въ могилѣ — опочиву молодыхъ на брачномъ ложѣ. Умирая отъ ранъ, добрый молодецъ, по свидѣтельству русской пѣсни, наказываетъ передать своимъ родичамъ, что женился онъ на другой женѣ, что соевзатала ихъ сабля острая, положила спать калена стрѣла (1, 369). Когда Смерть сражаетъ цвѣтущаго юношу, она (выражаясь поэтическимъ языкомъ) сочетается съ нимъ бракомъ. Въ сборникѣ «Westslawischer Märchenschatz» ²⁾ есть любопытный разсказъ, какъ одинъ богатый юноша напрасно искалъ невѣсты, которая пришла бы ему по сердцу. Разъ встрѣтилъ онъ прекрасную дѣвицу въ бѣломъ платьѣ. «Куда идешь ты?» спросила его красавица. — Ищу невѣсты по сердцу, и объ одномъ только прошу Бога, чтобы хотя единый часъ могъ на-

¹⁾ D. Myth., 796—7. — ²⁾ Стр. 143—4.

сладиться любовью—прежде, чѣмъ умру. «Юноша! сказала она, я согласна быть твоею женою.» Обрадованный и влюбленный, онъ повелъ ее въ свой домъ. Но когда прошелъ часъ времени—прекрасная невѣста вдругъ превратилась въ старое и беззубое привидѣніе. Это была—Смерть. «О невѣрная соблазнительница! ты меня обманула», воскликнулъ женихъ.— Не я, а ты обманулъ самъ себя! возразила страшная гостья; ты обѣщавъ быть моимъ, и я беру тебя съ собою. Она взмахнула острой косою; и юнша палъ мертвымъ.

Болѣзни разсматривались нашими предками, какъ соупутницы и помощницы Смерти, а повары и заразительныя прямо признавались за самую Смерть, и ни въ чемъ такъ ярко не выступаетъ стихійное значеніе этой древней богини, какъ въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ о различныхъ недугахъ. Нѣмецкая легенда рассказываетъ, что одному юношѣ обѣщалась Смерть прежде, чѣмъ возьметъ его душу, прислать своихъ пословъ, и онъ зажилъ весело и разгульно, не помышляя о послѣднемъ концѣ. Но вотъ онъ состарился и за нимъ явилась Смерть. На упрекъ, что она не исполнила своего обѣщанія, Смерть отвѣчала: «какъ, я не послала къ тебѣ моихъ пословъ? развѣ не трясла тебя лихорадка, развѣ ты не чувствовалъ головокруженія, лома въ костяхъ, зубной боли, ослабленія зрѣнія и глухоты?»¹⁾ Славянскія названія болѣзней соединяютъ съ ними мысль о карающемъ божествѣ: bogine —оспа, boža gapa — язва, чума, božj bič или boža moč (божья сила)—падучая, бѣшенство, boža guka — параличъ; сравни нѣм. der gotes slac, die gewalt gottes, die hand gottes (schlagfluss, аproplexia) — названія, указывающія на быстрый, внезапный родъ смерти, въ противоположность тѣмъ болѣзнямъ, которыя сводятъ человѣка въ могилу только послѣ продолжительныхъ мученій. Въ русскихъ областныхъ говорахъ:

¹⁾ Сказ. Грим., 177; Гальтрихъ, стр. 62.

божье или божья немочь—падучая; божья—эпидемія («божья ходитъ»); одержимыхъ припадками бѣснованія и помѣшанныхъ называютъ божевольными и божегнѣвными, что свидѣтельствуешь за древнѣйшее воззрѣніе на болѣзнь, какъ на божью волю и божій гнѣвъ¹⁾. Индусы изгоняли прокаженныхъ изъ касты и лишали права владѣть собственностію, такъ какъ эти несчастные поражены «божьимъ гнѣвомъ». Въ Европѣ долгое время вѣрили, что каждая язва есть заявленіе божественнаго гнѣва и требуетъ всенароднаго покаянія. Изувѣченныхъ и калѣкъ называютъ: убогіи, ubożatko; малор. небѣжчикъ, пол. nieboszczyk—покойникъ, т. е. какъ-бы отвергнутый свѣтлыми богами, постигнутый небесною карою²⁾.

Далѣе, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства языка, что болѣзни причислялись нѣкогда къ сонму нечистыхъ духовъ. Областной словарь представляетъ тому обильные пришевы: стрѣлъ—чортъ и стрѣлы—колотье: «пострѣлъ бы тебя побралъ!» чѣморъ—дьяволъ («поди ты къ чѣмору!») и чѣмеръ—спазмы въ животѣ или боль въ поясницѣ, а чѣмеръ—головокруженіе, страданіе живота и болѣзнь у лошади; игрѣць—истерическій припадокъ, кликушество и дьяволъ; худоба—сухотка, истощенность, худобище—конвульсія въ тяжелой болѣзни, худая боль—сифилисъ, сибир. «въ худыхъ душахъ»—при смерти и худой—злой бѣсъ; черная немочь (не-мощь—не-дугъ; мощный и дюжій—сильный, здоровый)—параличъ, черна—скотская чума, черная смерть—моръ, опустошавшій русскую землю въ 1352 году (при Симеонѣ Гордомѣ), и черныи—эпитетъ нечистаго духа (I, 99), черныи шутъ—дьяволъ; лядѣть

¹⁾ О вл. христ. на сл. яз., 123; Обл. Сл., 12; Доп. обл. сл., 10; Москв. 1852, XXIII, 72; D. Myth., 1109—1110. — ²⁾ Старосв Банд., 411; Обл. Сл., 236.

—долго хворать, лядить—томиться, изнывать, хирѣть, лядашій—бессильный, больной, негодный и лядъ—чортъ: «ну те къ ляду!» У бѣлоруссовъ лядашникъ—духъ, причиняющій людямъ порчу: «лядашникъ перелецѣу ямѣ», т. е. онъ есталъ полоумнымъ, сумашедшимъ; сравни бѣсъ, бѣснующійся, бѣшенство и чешск. bĕsný pes (бѣшеная собака). Входя въ человѣка или животное, демонъ порождаетъ въ немъ болѣзненные припадки и безумную ярость; подобное-же дѣйствіе, производимое ядовитыми растеніями, также приписывалось демонамъ: euphorbia называется у славянъ—бѣсово молоко, у нѣмцевъ teufelsmilch, atropa belladonna—бѣшеная вишня и т. дал. Ворогуша—лихорадка и врагъ (ворогъ)—дьяволъ; лихой—злой духъ и болѣзнь у лошадей, старинное лихновѣць (въ Святославовемъ изборникѣ)—сатана, лихо-радка (лихо-манка, лихо-дѣйка), лихота—нездоровье, немощь, лиховать—быть нездоровымъ, чувствовать тошноту; госнуть—болѣть, скучать и тошная—нечистая сила; шатунъ—чортъ и шать—обморокъ, головокруженіе, болѣзнь у собакъ; вологод. «тяжкая пришла» т. е. постигла болѣзнь и тяжкѣнь или тяжелой въ значеніи дьявола; икота (икотка)—болѣзненный припадокъ и человѣкъ, одержимый бѣсомъ, икотница—страдающая икотой; притка—падучая и всякій нежданный, нечаянно приключившійся недугъ («чтобъ тебя разопритчило!» «ниѣ на такомъ-то мѣстѣ попритчилось!»), а слѣдующія выраженія: «экъ ця притка принесла!» «притка его вѣдать, откуда онъ!» указываютъ на демона; сравни: «кой чортъ тебя принесъ!» «чортъ его вѣдаетъ!» Лишай—гнойный струпъ на головѣ и дьяволъ ¹⁾. Тѣсная

¹⁾ Обл. Сл., 28-29, 42, 73-74, 104, 108, 134, 179, 218, 231, 235, 251; 256-7, 263; Доп. обл. сл., 102; Приб. къ Изв. Ах. Н. 1853, 183; Эпг. Сб. I. 176-7; Годъ на Сѣверъ, Максимова, II, 463; Матер. для исторіи письменъ, ст. Бусл., 8; Громанъ, 8.

связь нечистой силы съ болѣзнями, расслабляющими тѣло человѣческое, подтверждается и слѣдующими названіями: обломъ (отъ ломать)—дьяволъ, домовой; костолбмъ и кожедѣрь — злой человѣкъ, лѣшій, чортъ; въ числѣ болѣзненныхъ ощущеній извѣстенъ и ломъ въ костяхъ ¹⁾). Въ апокрифической статьѣ «Свитокъ божественныхъ книгъ» повѣствуется, что Господь, создавши тѣло перваго человѣка, «поиде на небеса по душу Адамову; сатана же не вѣдая, что ему сотвори ти, и тну тѣло Адамово перстомъ. И приде Господь ко своему созданію, и видѣ тѣло Адамово и рече: о дьяволе! что ты сотворилъ? Отвѣщавъ же дьяволъ: Господи! забудеть тебя сей человѣкъ; (но) аще у него что заболитъ, тогда Господа вспоманеть. И Господь обрати (болѣзнь) Адаму внутрь, и оттого во всякомъ человѣцѣ... болѣзнь сотвори сатана; аще у кого поболитъ, тогда и вздохнетъ о Господѣ: помилуй мя!» ²⁾. Въ другомъ апокрифѣ—въ «Сказаніи, како сотвори Богъ Адама» ³⁾ читаемъ: создалъ Богъ перваго человѣка изъ восьми частей, «и поиде очи имати отъ солнца и остави Адама единого лежаща на землѣ. Приде же окаянный сатана ко Адаму и намаза его каломъ и тиномъ и възграми. И приде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити, и видѣ его мужа измазанна, и разгнѣвался Господь на дьявола и нача глаголати: «окаянне дьяволе, проклятыи! не достоятъ ли твоя погибель? что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость—измаза его? «я проклятъ ты буди! И дьяволъ исчезе, аки молнія, «сквозь землю отъ лица Господня. Господь же снемъ съ него «пакост и сатанины и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и «въ томъ сотвори собаку, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама; а самъ отъиде въ горній Іерусалимъ подыханіе Адамъ»

¹⁾ Обл. Сл., 133: Вибл. для Чт. 1848, X, 122. — ²⁾ Рус. Сл. 1802, II, ст. Пыпина, 55. — ³⁾ Пам. стар. рус. литерат., III, 12—13.

«лево. И придет вторые сатана и восхотѣ на Адама напустити злою скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежащу, и убояся вельми сатана. Собака начала зло лаяти на дѣвола; окаянный же сатана вземѣ древо и истыка всего чловѣка Адама, и сотвори ему 70 недуговъ.» Богъ помиосердовалъ объ Адамѣ, прогналъ сатану и обратилъ всѣ недуги внутрь чловѣческаго тѣла. Въ народной легендѣ о сотвореніи міра и потопѣ ¹⁾ сказано, что собака первоначально была создана голою и что дьяволъ соблазнилъ ее, угрожая зимними морозами и обѣщая ей теплую шубу (т. е. шерсть); собака подпустила дьявола къ первосозданному чловѣческому тѣлу, а тотъ олевалъ и охаркалъ его ²⁾. Въ связи съ этими апокрифическими сказаніями должна быть поставлена и повѣсть о скверномъ бѣсѣ, занесенная въ раскольничьи рукописи и на лубочную картину. Нѣкій святыи старецъ увидѣлъ въ пустынѣ бѣса, отъ головы до ногъ оскверненнаго блуднымъ гноемъ. «И рече ему старецъ: да почто не омылся еси въ рѣцѣ или въ источникѣ? Онъ же рече: не велитъ ми вышній Богъ...повѣлѣваетъ ангелу водному отгоняти насъ; онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняя(-еть) насъ. Старецъ рече ему: да гдѣ можешь измытися? Бѣсъ рече: помду въ христіянскіе дома, и гдѣ обрещу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся;

¹⁾ Н. Р. Лег., 14. — ²⁾ Преданіе это перешло и къ мордвѣ (Рус. Вѣст. 1867, IX, 229), и къ черемисамъ: Юма, создавши чловѣческое тѣло, отправился творить душу, а къ тѣлу приставилъ пса, который тогда еще не имѣлъ шерсти. Злой Кереметь произвелъ такой холодъ, что песь едва не замерзъ; потомъ далъ собакѣ шерсть, и допущенный къ чловѣку охаркалъ его тѣло, и тѣмъ самымъ положилъ начало всѣхъ бодѣзней — Вѣст. Р. Г. О. 1856, IV, 282; Этн. Сб., V, роспись Межова, 41. Собака олицетворяетъ здѣсь стихійныя силы природы (см. I, 720—734), на что указываетъ и созданіе ея изъ слезъ, слювы и мокроты (= древнѣйшія метафоры дожди).

они же послѣ мене примутъ болѣзни тяжки—и кашлеве, и трасавицы, и инныя скорби.» ¹⁾ Сосудовъ и кринокъ съ напитками и кушаньями не совѣтуютъ оставлять непокрытыми, опасаясь, чтобы нечистая сила неосквернила ихъ; если нечѣмъ покрыть, то должно по крайней мѣрѣ перекрестить, или положить сверху двѣ лучины накрестъ. Народная легенда ²⁾ рассказываетъ о чортѣ, который засѣлъ въ кувшинъ съ водою, оставленный на ночь безъ этихъ предосторожностей. По ночамъ, такъ какъ въ это время злые духи бываютъ особенно дѣятельны, не слѣдуетъ пить воды, тѣмъ болѣе не благословясь; иначе наживешь «водяную» ³⁾. Итакъ болѣзнь есть дѣло враждебнаго демона: нападая на человѣка, онъ касается его своею рукою, наноситъ ему гнойныя раны, оскверняетъ его тѣло нарывами, вередями, сыпями, нерѣдко даже поселяется въ немъ, грызетъ и мучитъ его различными мѣками. Вѣрованіе это принадлежитъ глубочайшей древности и встрѣчается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. По мнѣнію индусовъ, всякая зараза и смертность насылались на людей и стада Вритроу и подвластными ему демонами; зендская отрасль арійскаго племени приписывала созданіе болѣзней Ариману. Atharva-В:да олицетворяетъ лихорадочный недугъ (такманъ); его проклинали, гоняли, вызывали изъ страдающаго тѣла, и когда ничто не помогаетъ, то кланяются ему, какъ божеству, и молятъ, чтобы онъ пощадилъ больного или поискалъ себѣ иного нечестиваго человѣка. Силою чародѣйныхъ заклятій колдуны могли не только изгонять болѣзни (amivá), но и напускать ихъ на своихъ враговъ ⁴⁾. Гомеръ ⁵⁾ приписываетъ тяжкіе не-

¹⁾ Лэт. рус. лѣт., т. V, отд. 3, 89—90. — ²⁾ Н. Р. Лер., 19. — ³⁾ О. З. 1848, V, ст. Харитонова, 24. О страдающихъ запоемъ простолюдины думаютъ, что они проглотили маленькаго чертика, когда тотъ плавалъ въ рюмкѣ вина—Кіевляни 1865, 57. — ⁴⁾ Громанъ, 147-8. — ⁵⁾ Одис., V, 395-6.

дуги прикосновенію злаго демона; и въ античномъ мірѣ, и въ среднія вѣка умопомѣшательство и надучую болѣзнь объясняли нападеніемъ нечистаго духа ¹⁾. Относительно славянъ подобное воззрѣніе на болѣзни засвидѣтельствовано еще Несторомъ; рассказывая о Святополкѣ (подъ 1019 годомъ), лѣтописецъ выражается такъ: «и бѣжащю ему, нападе на-нь бѣсъ— и расслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти (на конѣ), и несяхуть ѿ наносилѣхъ. Принесоша ѿ къ Берестью, бѣгающе съ нимъ; онъ же глаголаше: побѣгнѣте со мною, женуть по насъ! Отроки же его всылаху противу: «еда кто женеть по насъ?» и не бѣ никого-же въ слѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимъ; онъ же, въ немощи лежа, въсхопивъся глаголаше: о се женуть, побѣгнѣте! Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа лядскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю ляхы и чехы—испроверже азъ животъ свой» ²⁾. Выше (II, 420-1) сообщено было лѣтописное преданіе о дяволѣ, который, бросая въ инокъ цвѣтокъ, приводилъ ихъ въ расслабленіе. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, бѣсъ, поселяясь въ женъ и дѣвъ, отымаеть у нихъ умъ, слухъ, зрѣніе, повергаетъ ихъ въ бѣшеное, изступленное состояніе и заставляетъ испытывать самыя мучительныя страданія ³⁾. Въ оффиціальномъ показаніи шуянъ 1666 года читаемъ: «то намъ вѣдомо: Шуй посаду Яковъ Григорьевъ скорбѣлъ и ктою и внѣ ума былъ весь и всячески отъ нечистаго духа... а Василей Несмѣяновъ скорбѣлъ отъ нападенія нечистаго духа, и его исцѣлила пресвятая Богородица, какъ сталъ молебствовать. А про Иванову жену, Елизарьева сына Ожималова, Марѳу слышали мы отъ сосѣдей, что она одержима была нечистымъ духомъ, и ее исцѣлила пресв. Богородица въ церкви на праздникѣ своемъ—въ литургію, въ

¹⁾ Москв. 1853, XXIV, 195. — ²⁾ П. С. Р. Л., I, 62-63. — ³⁾ Н. Р. Ск., I, 9, 10 и стр. 143, по 3-му издав.

большой выходъ; и она нынѣ здрава стала, а скорбѣла трои сутки» ¹⁾. Въ 1670 году шуяне подали новую сказку, въ которой заявили: «прїѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу пресв. Богородицы Смоленскія со многихъ городовъ и уѣздовъ всякихъ чиновъ люди молиться мужескій и женскій и дѣвичь полъ, и тѣ иногородные люди привозятъ съ собою различными скорбми и одержимыхъ отъ нечистыхъ дуловъ мужескій и женскій и дѣвичь полъ, и тѣ скорбные люди... въ божественную службу мечтаются всякими кознодѣйства» ²⁾. «Есть на Поморіи (говорить рукописное житіе Зосимы и Савватія) наволокъ Унежма; въ мѣстѣ-же томъ (былъ) человекъ нѣкій именемъ Никонъ. Селу Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, ниуще прионѣкую межю собой. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣтельствовать; одному (изъ н)ихъ угоди, а другаго оскорби.» Последній «зельнѣ огорчися», и «яко-же обычай имъ укоренился злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію нача кудесь бити — таже насылаетъ бѣса на Никона» ³⁾. Въ повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи (XVII вѣка) рассказывается, что однажды ей послышалось, «аки приде нѣкто ко хранинѣ; она же возста отъ ложа своего и отверзи двери, и пахну ей въ лице, и во уши, и во очи, аки нѣкоторый вихоръ велий, и явися аки пламя нѣкое огненно и сине... И бысть во всю ночь безъ сна; приде на нея трясеніе и великій, лютый ознобъ, и въ третій день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть въ то время во иступленіи ума отъ живущаго въ ней демона» ⁴⁾. И до сихъ поръ простой народъ думаетъ, что всѣ калѣки, разслабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою силою ⁵⁾; всякое тѣ-

¹⁾ Описаніе гор. Шуя, Борисова, 428—9 — ²⁾ Ibid., 345, 425. —

³⁾ Шапов., 43. — ⁴⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 153. — ⁵⁾ Сахаров., I, 36.

лесное страданіе и всякое тревожное чувство приписываются порчѣ «недобрыхъ людей», ихъ завистливой мысли, оговору и сглазу, и называются напущенною тоскою; нервныя болѣзни — кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за дѣйствіе злыхъ духовъ, посланныхъ на человѣка на срокъ или навсегда мстительнымъ колдуномъ. Сами больные, раздѣляя тоже убѣжденіе, выкрикиваютъ во время припадковъ имена своихъ враговъ, подозрѣваемыхъ въ насланіи болѣзни, и обвиняютъ ихъ въ этомъ мнимомъ преступленіи. Еще недавно, вслѣдствіе такихъ обвиненій, производились судебныя розыски. Въ пинежскомъ уѣздномъ судѣ хранится любопытное дѣло, рѣшенное въ 1815 году. Крестьянинъ Михайло Чухаревъ былъ обвиненъ въ порчѣ икотю своей двоюродной сестры Офимьи Лобановой, и ту Офимью (сказано въ прошеніи) теперь злой духъ мучитъ. Чухаревъ показалъ на допросѣ, что дѣйствительно насылалъ порчу на свою двоюродную сестру, а научилъ его тому крестьянинъ Федоръ Крапивинъ. Чара совершается такъ: снявши съ себя шейный крестъ, должно наошпывать на соль: «пристаньте къ человѣку (имярекъ) скорби-икоты, трясите и мучте его до скончанія вѣка; какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ человѣкъ. Отступите отъ меня, дьяволи, а приступите къ нему.» Наговорную соль слѣдуетъ бросить на дорогу или вообще на то мѣсто, которымъ долженъ проходить осужденный на икоту. Судъ приговорилъ Чухарева къ тридцати пяти ударамъ кнутомъ и къ публичному церковному покаянію. Г. Максимовъ, сообщившій это дѣло въ своей прекрасной книгѣ: «Годъ на Сѣверѣ», слышалъ отъ ящика разсказъ о дѣвкѣ-икотницѣ, у которой сто бѣсовъ животъ гложутъ ¹⁾. При такомъ взглядѣ на

¹⁾ II, 289, 310-5. Влад. Г. В. 1844, 53. Кавказскіе горы бѣшенство и бредъ приписываютъ вліянію нечистой силы — Совр. 1854, XI, сѣнь, 2; подобныя же вѣрованія встречаемъ у разныхъ инородцевъ — О. З. 1830, ч. XLIII, 219; Вѣст. Р. Г. О. 1856, I, сѣнь, 28.

болѣзни, весьма естественно было представлять ихъ существами живыми, одушевленными. Клятвы различными недугами, донныѣ приносимыя простолюдинами въ пылу гнѣва или досады, были нѣкогда дѣйствительными призывами злыхъ демоновъ на враговъ и обидчиковъ: «вбій ты тряса!» «хай тебе хиндя (?) потрясе!» «щобъ тебе родимецъ ¹⁾ побивъ!» (великор. «родимецъ ты возьми!») «щобъ на тебе причина (= притка) вдарила!» «бодай тебе грець внимивавъ!» «щобъ тебе лють турнула!» «щобъ тебе лунь вхопила!» ²⁾ «щобъ ёго смутокъ (печаль, тоска) узявъ!» «смутокъ би на ты темній та чорній упавъ!» «чортъ би тебе спикъ!» «чортъ би вбивъ (или: мучивъ) твого батька!» ³⁾ Слѣдую оборотамъ, употребительнымъ въ нѣмецкомъ языкѣ, болѣзнь наталкивается, насканивается, нападаетъ, хватаетъ, осиливаетъ — sie stösst an, fällt an, überfällt, überlaufft, packt, greift an, überwältigt den menschen; у насъ говорятъ о тяжелой болѣзни, что она съ ногъ свалила ⁴⁾. Нечистая сила смерти и недуговъ изображается въ народныхъ преданіяхъ вѣчно-голодною и прожорливою; она съ жадностію бросается на людей и животныхъ и питается ихъ кровью и мясомъ. По народному выраженію, больной изнашивается ⁵⁾: полнота и крѣпость его тѣла какъ-бы поглощаются злобными демонами; напротивъ изцѣлить — возстановить здравіе буквально означаетъ: сдѣлать человека цѣлымъ. За родство понятій смерти и голода свидѣтельствуютъ: готское *svults* — *thors* и сканд. *sultir* — *fames*, греч. λιμός — голодъ и λοιμός — моровая язва ⁶⁾. О «черной смерти» лѣтописецъ выражается: «егда бо видяше гдѣ въ который родъ или въ осподу (вар. въ семью) болѣзнь лютая

¹⁾ Параличъ—Обл. Сл., 191. — ²⁾ «Лунь ёго вхопивъ.—онъ окололь»—Старосв. Банд., 387. — ³⁾ Номис., 73. — ⁴⁾ D. Myth., 1106. — ⁵⁾ Извоститься—похудѣть—Обл. Сл., 74. — ⁶⁾ D. Myth., 842.

и смертное то жало, мряху бо сполу наборзѣ... (сравни «божья ходитъ», «тяжкая пришла», «болѣзнь посѣтила»). Сана свѣтлостью не умалена бываетъ Смерть ¹⁾, на всѣхъ бо вынизааетъ многоядныя своя зубы» ²⁾. Итакъ моровой язвѣ даются острые зубы и жало. Тоже представление соединяють съ болѣзнями и сербы, какъ очевидно изъ ихъ заклатій: болест га јела! «тако ме губа (проказа) не јела!» «тако ме живина (ракъ) не гризла!» (или: не драла!) «тако ме не јела губа до паса, а живина од паса!» «тако ме помама (бѣшенство) не напала!» ³⁾ Названіе грыжа (грызь = рѣзь, ломота, ноющая острая боль) происходитъ отъ глагола грызу ⁴⁾. Сибиряки считаютъ оспу за нечистаго духа, который бродитъ по свѣту и питается мертвыми тѣлами; а потому, желая увидѣть его, нарочно убиваютъ скотину ⁵⁾. Въ великорусскихъ губерніяхъ поселяне убѣждены, что Оспа ходитъ съ клювомъ, и ударяя имъ, пятнаетъ человѣка щедринками ⁶⁾; областныя названія оспы — шадра и своробъ; шадривый, шадровитый — рябой, шадрина — рябинка, своробатый — шерохватый ⁷⁾. Въ олонецкой губ. заболѣвшаго оспою приносятъ къ другому хворому тою-же болѣзней, и онъ отвѣшиваетъ ему три поклона и произноситъ: «прости меня Ослица, прости Аванасьевна, чѣмъ я предъ тобою согрубилъ, чѣмъ провинился!» ⁸⁾ Прощать въ старинномъ языкѣ употреблялось въ значеніи: выздороветь, изцѣлится отъ болѣзни. Новые греки представляютъ оспу мимической женщиной ⁹⁾. Народное суевѣріе утверждаетъ, что когда начинается болѣзнь, то не слѣдуетъ

¹⁾ Т. е. она не взираетъ на санъ. — ²⁾ П. С. Р. Д., IV, 61, 191. — ³⁾ Срп. и. послов., 21, 298-9. — ⁴⁾ Толков. Слов., I, 356. — ⁵⁾ Алев., 77-78. — ⁶⁾ Послов. Даля, 430. — ⁷⁾ Обл. Сл., 200, 261. — ⁸⁾ Обл. Сл., 144. — ⁹⁾ D. Myth., 1113.

ложиться на постель, а стараться быть на ногахъ, чтобы она не взяла силы и не одолѣла человѣка ¹⁾).

Нечистые духи, въ своемъ древнѣйшемъ, языческомъ значеніи, были существа стихійныя, демоны темныхъ тучъ, опустошительныхъ грозъ, вихрей и вьюгъ, то посылающіе на поля и нивы безвременныя ливни и градъ, то задерживающіе въ облачныхъ горахъ животворную влагу дождя и карающіе землю засухою; въ томъ и другомъ случаѣ они истребляютъ жатвы и лишаютъ человѣка его насущной пищи. Къ разряду стихійныхъ демоновъ причислялись нашими предками и болѣзни, какъ порожденіе тѣхъ-же естественныхъ причинъ: простуды, сырости, томительнаго зноя и вредныхъ испареній, разносимыхъ буйными вѣтрами, и какъ обычные спутники неурожая, вслѣдъ за которыми въ древности всегда шествовалъ моръ. Atharva-Веда свидѣтельствуетъ, что воспалительный недугъ (такманъ) появляется тогда, когда жаркіе лучи солнца воздействуютъ на болотистую почву — когда огонь иссушитъ воду. Эпидемическія, заразительныя болѣзни слывутъ на Руси: повѣтріе (пол. powietrze), вѣтроносное язво ²⁾ и моръ; съ послѣднимъ названіемъ родственны слова: об-морокъ — болѣзненный припадокъ, мгла, туманъ, и обморочить. Летучая или вѣтренная оспа называется въ ярославской губ. лопуха — слово, означающее также: снѣгъ, падающій большими хлопьями ³⁾. У нѣмцевъ болѣзнь лошадей и рогатаго скота — der böse wind, въ Швейцаріи рожа — wolken, fliegende wolke ⁴⁾. По мнѣнію народа, болѣзни посылаются по вѣтру или по водѣ: «съ вѣтру пришло», «съ воды приключилося». Колдунъ выходитъ на дорогу и выжидаетъ: не подуетъ ли попутный вѣтеръ въ ту сторону, гдѣ живетъ обреченный на порчу. Выждавши, онъ беретъ съ дороги горсть

¹⁾ Рус. въ св. посл., IV, 88. — ²⁾ Библ. для Чт. 1848, IX, 61. — ³⁾ Обл. Сл., 105, 134, 141. — ⁴⁾ D. Myth., 1112, 1115.

пыли или снѣгу (смотря по времени года) и бросаетъ на вѣтеръ, причитывая: «ослѣпи (=запороши) у раба такого-то черныя очи, раздуѣй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы!»¹⁾ Главныя напускныя болѣзни — икота и стрѣлы. Икотою называютъ на сѣверѣ Россіи припадки кликушества; икать во псковской губ. — кричать, кликать²⁾. Силою чародѣйнаго слова нечистый духъ заклиняется на чье-нибудь имя; быстро летитъ онъ на крыльяхъ вѣтра, и первый встрѣчный, кто носитъ означенное имя, дѣлается его жертвою. Иногда наговариваютъ икоту на камни или насѣкомыхъ, и тотъ, кто запнется о такой камень или проглотитъ летучую мошку, подвергается истязаніямъ злаго демона. Стрѣлы (колотье) напускаются такъ: берется коровій рогъ, насыпается пескомъ, дрсвою, истолченнымъ стекломъ, и все это выдувается въ отверстіе рога, съ закліатиємъ на извѣстное лицо. Вѣтеръ подхватываетъ песокъ, дресву и стекло, несетъ ихъ на человѣка и производитъ въ немъ такое ощущеніе боли, какъ-будто вся внутренность его была наполнена острою пылью и рѣжущими осколками³⁾. Эта чара и самое названіе болѣзни напоминаютъ намъ: съ одной стороны — эпическое выраженіе Слова о полку о вѣтрахъ, вѣющихъ съ моря стрѣлами, а съ другой — то старинное олицетвореніе вѣтровъ, которое представляло ихъ дующими въ рога и трубы (I, 323—4). По свидѣтельству народныхъ преданій нечистые духи, купаясь въ источникахъ, оскверняютъ воды и порождаютъ различные недуги (см. выше, стр. 62). Эти источники первоначально означали дождевыя тучи, живительная влага которыхъ иссушаетъ

¹⁾ Потебн., 80-81; Сахаров., I, 36. — ²⁾ Доп. обл. сл., 73. —

³⁾ Карман. книжка для любителей землѣвѣдѣнія, 315; Очерки архангел. губ. Верещагина, 181—3; въ крестоцѣловальныхъ записяхъ читаемъ: „ни въдовствомъ по вѣтру никакого лиха не посылати“.

ся знойнымъ дыханіемъ демоновъ, губителей земнаго плодородія; въ послѣдствіи же въ нихъ стали видѣть обыкновенные омуты и болота, заражающіе воздухъ своими тлетворными испареніями въ жаркіе мѣсяцы лѣта. Нѣмцы, чехи и лужичане думаютъ, что во время солнечнаго затмѣнія (= собственно передъ началомъ грозы, когда солнце помрачается сгущенными тучами и воздухъ дѣлается томительно-удушливымъ) нечистые духи пускаютъ съ неба ядъ и отравляютъ источники; поселяне закрываютъ тогда колодцы, не рѣшаются брать изъ нихъ воду для питья и не выгоняютъ скота въ поле ¹⁾. Германскія племена приписываютъ болѣзни вліянію раздраженныхъ эльфовъ; своимъ прикосновеніемъ и дыханіемъ (= дуновеніемъ) эльфы причиняютъ людямъ и домашнимъ животнымъ расслабленіе и смерть; кому нанесутъ они ударъ, тотъ теряетъ память и умственные способности: параличъ называется *divergslag* (*zwergschlag*), слабоуміе есть знакъ, что человекъ коснулась мстительная рука эльфа — *elbentrotsch* (*blödsinnig, geistesschwach*). По указанію народныхъ сагъ, лица, попадающіе къ эльфамъ, рѣдко возвращаются назадъ, а если кто и воротится—то навѣрно на всю жизнь останется полоумнымъ: вѣрованіе это совпадаетъ съ общераспространеннымъ на востокѣ, въ Іудеи и въ средневѣковой Европѣ мѣніемъ, что бѣсноватые одержимы злыми духами, которые поселяются въ нихъ, какъ безпокойные, раздражительные мары (*poltergeister*) въ жилищѣ избранной семьи. Участвіе въ танцахъ эльфовъ дѣлаетъ человекъ расслабленнымъ. Болѣзни, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ Витовой

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., I, 235; Громаниъ, 28; Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 337; см. также т. II Поэт. Вовар., стр. 556—7. То же представленіе о порчѣ небесныхъ водъ распространялось и на тучи, окованныя зимними стужами; чехи не купаются до Юрьева дня, потому что до этого срока вода бываетъ испорчена, отравлена нечистою силою (Громаниъ, 51).

пляски (*chorea sancti Viti*) и состоящая въ судорожныхъ, произвольныхъ подергиваніяхъ всѣхъ членовъ тѣла, названа такъ вслѣдствіе уподобленія ея — прихотливой пляскѣ грозовыхъ духовъ, сопутствующихъ Святовиту въ его бурномъ шествіи по воздушнымъ пространствамъ. Въ Ирландіи и Шотландіи убѣждены, что дуновение эльфовъ вызываетъ на тѣлѣ желваки, чирей, вереды (греч. *ἀλφός* — пятна на кожѣ, сыпь); въ Норвегій болѣзнь воспалительнаго свойства называется *alvgust*, *alvild* = *elfenfeuer*, ср.-сѣв. *álfabruni*; она нападаетъ на человѣка, какъ скоро онъ ступитъ на то мѣсто, гдѣ эльфы пролили воду или наплевали. Бѣлоруссы не рѣшаются ступать на слѣдъ, остающійся на землѣ отъ ведра съ водою, ни туда, гдѣ волкъ зарѣзалъ козла, гдѣ былъ заколотъ пѣтухъ, гдѣ валялись лошади или собака скребла лапою; въ противномъ случаѣ неосторожный подвергается чесоткѣ и тѣло его покрывается лишаями ¹⁾. Вѣдра указываютъ на тѣ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи лили на землю дожди; а пѣтухъ, козель, конь и собака — на ихъ животненныя превращенія. Въ сагахъ эльфы плюютъ въ глаза того, кто вздумаетъ подсмотреть ихъ игры, или дуютъ на него, и тѣмъ самымъ ослѣпляютъ любопытнаго. Вообще совѣтуютъ, при всякой встрѣчѣ съ ними, поспѣшно удалиться въ сторону. Эльфы имѣютъ при себѣ лѹки и стрѣлы (= молніи); этими стрѣлами они убиваютъ людей и животныхъ или причиняютъ имъ тяжкія страданія. Ощущеніе, производимое болѣзнями, языкъ сближаетъ съ ударомъ остраго оружія: ломъ (*«daz gegichte brach ir hend und füeze»*), колотье (*seitenstechen*), рѣзь, стрѣльба и пр. Эльфы могутъ умерщвлять человѣка даже своимъ сверкающимъ взоромъ. Кто воспользуется отъ яствъ и напитковъ, для нихъ назначенныхъ, тотъ (по шотландской сагѣ) будетъ наказанъ смертію.

¹⁾ Нар. сл. раз., 131—3.

Лихорадочный ознобъ (трясца) и стѣсненіе въ груди во время сна (удушье) приписываются ихъ-же злобѣ. Ирландскій *phuka* прыгаетъ въ вечернемъ сумракѣ на спину путника и не оставляетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ обезсиленный на землю. У средневѣковыхъ поэтовъ эльфъ—злой духъ, который взнуздываетъ соннаго человѣка, вѣдитъ на немъ, трясетъ его, и такимъ образомъ доводитъ до совершеннаго истощенія силъ: «*der alp zoemet dich*», «*der mar ritet dich*». Эльфы и мары (сканд. и швед. *mar*, англ. *night-mare*, голл. *naehtmaer*), какъ уже было указано (см. II, 727), сочетали въ себѣ представленіе грозовыхъ геніевъ съ душами усопшихъ; но такъ какъ душа уподоблялась бабочкѣ и ея личинкѣ (червяку), и такъ какъ самые эльфы произошли отъ червей—молній (см. II, 718), то отсюда возникло вѣрованіе, что *alp*, посылаемый колдунами, вылетаетъ изъ ихъ сросшихся бровей бабочкою, садится на грудь спящаго человѣка и начинаетъ давить его; это напоминаетъ намъ убійственные взоры *via*, предающіе все гибели, какъ скоро будутъ подняты его длинныя брови и рѣсницы, т. е. открытый взглядъ молніи разитъ смертію; брови и рѣсницы—метафоры облаковъ (I, 167, 170-1). Въ Швейцаріи *toggeli* означаетъ нотылька и эльфа; въ старинныхъ процессахъ о вѣдмахъ злой духъ—*der elbe* изображается прилетающимъ въ видѣ бабочки; литов. *drugis*—бабочка и *fielbergvogel*. латт. *drudsis*—летучая моль и лихорадка; литов. *druggis kreczia*, латт. *drudsis kratta*—трясетъ лихорадка. Жгучая опухоль подъ ногтемъ пальца называется *der wurm*, *der umlaufende wurm*; опухоль на рукахъ и ногахъ, сопровождаемая нагноеніемъ,—*der haarwurm*, по русски волосъ или волосень, и по нѣмѣю нашихъ крестьянъ бываетъ отъ червя-волосатика; одышка—*herzwurm*; собака впадаетъ въ бѣшенство отъ червя, который сидитъ у ней подъ языкомъ; *bläsende*

wuſt — болѣзнь лошадей. Чехи убѣждены, что каждый человекъ имѣетъ въ своемъ тѣлѣ червя, отъ котораго и зависитъ его жизнь; сверхъ того, они рассказываютъ о зловредныхъ червяхъ, изъ которыхъ одни точатъ сердце, другіе пьютъ кровь, а третьи пожираютъ принятую человекомъ пищу—преданіе, принадлежащее глубочайшей древности, ибо уже въ Атарведѣ встрѣчаемъ заговоры, направленные на убіеніе червя, который гнѣздится въ головѣ, внутренностяхъ или крестцѣ больного ¹⁾). Итакъ грызущая боль недуговъ сравнивается съ подтачивающимъ тѣло червякомъ; входя внутрь человека, злой эльфъ принимаетъ образъ этого настыкомаго и начинаетъ поѣдать мясо и пить кровь, почему поляки червей, причиняющихъ людямъ болѣзни, называютъ *białe ludzie*. Тѣ же вѣрованія раздѣляли и греки, какъ видно изъ свидѣтельствъ языка: ἐπιάλτης, ἐφιάλτης (=aufspringer)—демоническій духъ, который давитъ по ночамъ и производитъ лихорадочное ощущеніе; ἡπιάλτης, ἡπιόλης — эльфъ; ἡπιάλος, ἡπιόλος—лихорадка, ознобъ и удушье; ἡπιόλος означаетъ также и бабочку ²⁾). Приведенныя нами выше народныя названія болѣзней, извѣстныя на Руси и у другихъ славянъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ древности онѣ признавались за существа демоническія, подобныя злымъ эльфамъ. Преданіе даетъ имъ божій бичъ и стрѣлы, и всѣ тѣлесныя страданія рассматриваетъ какъ слѣдствіе отъ удара или укола ихъ оружія: болѣзнь—это «божья рана» или язва, нанесенная рукою незримаго духа, свидѣтельство его карающей силы и раздраженія («божья мочь», «божій гнѣвъ»). Чтобы прелать людской родъ болѣзнями, сатана истыкала перстомъ или, по другому варианту, древомъ (= жез-

¹⁾ Обл. Сл., 27; Громанъ, 152-3. — ²⁾ D. Myth., 429—430, 967—8, 1107—12, 1115; Irische elfenmärch., стр. XIV, CII—CVIII; Beiträge zur D. Myth., II, 280.

ломъ, пальцею) тѣло перваго человѣка; поселяне называютъ недуга притками, отъ глагола при-ткнуть — коснуться. Въ устахъ народа употребительны клятвы: «чтобъ тебя родимецъ и трясца побили!» «Чтобъ тебя притка ударила!» «чтобъ тебя язвило, пятнало, стрѣляло!»¹⁾ Мы доселѣ говоримъ: разбитъ параличемъ, а въ областныхъ нарѣчіяхъ эту болѣзнь обозначаютъ выраженіемъ: его прострѣлило²⁾. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ боярину Морозову читаемъ: «а про смертоносную язву не пишете, престала ли или нѣтъ... и котораго числа діака нашего Петра Стешина пострѣлило?»³⁾ Сибирской язвѣ даютъ названія змѣиный пострѣль⁴⁾; колотье и головная боль (мигрень) у чеховъ называются *střily*, рус. стрѣлы; стрѣляетъ — чувствуется колотье; во псковской губ. стрѣлицы — болѣзнь коровъ⁵⁾. Въ первой пѣснѣ Иліады поэтъ рассказываетъ, какъ разгнѣванный Аполлонъ взялся за серебряный лукъ, и пуская крылатыя стрѣлы, наслалъ на ахейское войско моровую язву; тѣмъ-же оружіемъ поразилъ онъ и дѣтей Ніобей. Подобными стрѣлами обладала и богиня Артемида. Одиссей обращается къ тѣни своей матери съ вопросомъ: скончалась ли она медленно отъ тяжелой болѣзни, или вдругъ Артемида тихой стрѣлой ее поразила? Въ другомъ мѣстѣ Одиссея говорится о блаженной странѣ, гдѣ люди умираютъ не отъ старости и болѣзней:

Лукъ свой серебряный ваяв, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать имъ.

Это — быстрый ударъ паралича, разомъ, безъ долгихъ страданій пресекающій жизнь⁶⁾; сравни съ русскимъ преданіемъ

¹⁾ Смысь Отеч. 1840, т. V, 263; Обл. Сл., 273. — ²⁾ Доп. обл. Сл., 220. — ³⁾ Записки отд. рус. и славян. археолог., II, 725. — ⁴⁾ Толков. Слов., прибавл. 5. — ⁵⁾ Громаннъ, 160; Доп. обл. сл., 257. — ⁶⁾ Одис., XI, 170; XV, 403 и дал; Der Ursprung der Myth., 108.

о добрыхъ ангелахъ, мгновенно-изъемяющихъ душу добродѣтельнаго человѣка, чтобы водворить ее въ райскихъ селеніяхъ (см. стр. 54—55). Когда ребенокъ страдаетъ неизвѣстною болѣзней, мечется и кричитъ по ночамъ, простолюдины кладутъ ему подъ голову — мальчику небольшой лукъ со стрѣлою, а дѣвочкѣ пряслицу, причитывая: «щекотиха - будиха! вотъ тебѣ лучокъ (или пряслица); играй, а младенца не буди» ¹⁾. О лѣсункахъ и русалкахъ рассказываютъ, что онѣ, завлекая путника, щекочутъ его до тѣхъ поръ, пока не упадетъ онъ бездыханнымъ; поэтому названіе болѣзни щекотихою намекаетъ на связь ея съ этими эльфическими дѣвами: прилетая къ ребенку, она щекочетъ — мучитъ его, и тѣмъ самымъ отымаетъ у него сонъ. Какъ всѣ облачныя (водяныя) дѣвы, русалки представлялись пряхами, приготовляющими туманные покровы, которыми онѣ застилаютъ небо (см. гл. XXIII), и потому пряслица точно также указываетъ на стихійный характеръ демона-болѣзни, какъ и лукъ съ стрѣлами. У чеховъ дѣвица, захворавшая лихорадкою, должна трижды объжать прудъ, и объгая въ первый разъ бросить въ воду кусокъ хлѣба, во второй — веретено, а въ третій — пачку льна; эти приношенія задерживаютъ лихорадку въ ея подводномъ жилищѣ, и она уже не приходитъ въ обычное время мучить больную. Отсюда-же объясняется обычай мѣрять больнаго ниткою, сожигать ее на огнѣ, а оставшіяся пепель разводить въ водѣ и давать пить во время припадковъ ²⁾. Сербскія вилы, сродныя съ нашими русалками и нѣмецкими эльфами, причисляются къ мнѣческимъ пряхамъ, мечутъ смертоносныя стрѣлы, отравляютъ источники, повергаютъ людей въ тяжкія болѣзни и отымаютъ у нихъ разумъ. О лужицкой полуницѣ, принадлежащей къ тому-же разряду духовъ, рассказываютъ, что она является на поля допрашивать жен-

¹⁾ Послов. Даля, 403 — ²⁾ Громанъ, 163, 178.

щинъ, какъ должно обрабатывать ленъ, и тѣмъ, которыя не съумѣютъ дать ей отвѣта, свертываетъ шею; въ средневѣковыхъ памятникахъ *daemon meridianus* (у греческихъ писателей *μεσημεριῶνος δαίμων*) — падающая болѣзнь; у чеховъ *polednice* — названіе недуга¹⁾. Замѣчательно, что въ нашемъ народѣ слово полудновать употребляется въ значеніи: жить послѣднія минуты передъ смертію²⁾. Въ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующій оборотъ: «мало Стафидѣ можется — едва душа въ тѣлѣ полуднуетъ», «дерется Добрыня съ бабой-горышкиной, едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ»³⁾. Рядомъ съ полудницами, въ архангельской губернии знаютъ двѣнадцать сестеръ полуночицъ (= марь), которыя нападаютъ ночью на дѣтей и заставляютъ ихъ кричать отъ боли⁴⁾. Припадки кликушества⁵⁾ называются игрецъ — слово, которымъ обозначается и нечистый духъ; это указываетъ на древнее воззрѣніе, что бѣсъ, входя въ человѣка, мучительно играетъ имъ. Соответственные выраженія находимъ — у чеховъ, которые объ умершемъ говорятъ: «*Smrtka s nim rohgávi*»⁶⁾, въ Несторовой лѣтописи: «бѣсъ тобою (волхвомъ) играетъ на пагубу тобѣ»⁷⁾ и въ русской поговоркѣ: «чѣмъ чортъ не шутитъ!» Шутъ — дьяволъ, домовый, лѣтій, шутикъ — злой духъ, шутить — пресказать, говорить нечистой силѣ⁸⁾. По народному убѣжденію, все, что выкрикиваютъ бѣсноватые и кликуши, внушаетъ имъ поселившійся въ нихъ тѣлѣ демонъ, и потому имъ приписывается способность предсказывать будущее⁹⁾. Повѣрье это отразилось и въ языкѣ: *блaжѣ(н)ть* — сходить съ ума, *блaжнoй* — преверед-

¹⁾ D. Myth., 4114. — ²⁾ Обл. Сл., 168. — ³⁾ Кирша Дан., 365, 375. — ⁴⁾ Пам. книжка арханг. губ. на 1864 г., 17. — ⁵⁾ Кликуша = крикуша, крикъ и кричь = кликъ и кличь — Обл. Сл., 93. — ⁶⁾ Гавушь о Дядѣ и Бабѣ, 63. — ⁷⁾ П. С. Р. Л., I, 75. — ⁸⁾ Обл. Сл., 269. — ⁹⁾ Кликуши обыкновенно пророчатъ о гавѣхъ божиенъ и скоромъ свѣтопреставленіи — Иллюстр. 1845, 203.

ливый, хворый, и блаженный — юродивый, слабоумный, въ бессмысленной болтовнѣ которыхъ искали встарь пророческихъ вѣщаній, и самихъ ихъ признавали за одержимыхъ божественнымъ духомъ ¹⁾. Такъ необходимо, такъ невольно смѣшивались и спутывались въ нравственно-религіозныхъ представленіяхъ нашихъ предковъ понятія тупоумія, болѣзненнаго расслабленія и духовнаго предвидѣнія, небесной кары и дара высшихъ откровеній. Помѣшательство, безумный бредъ, столбнякъ объясняются на Руси проказами лѣшихъ; человѣкъ, котораго оболелъ (=овѣялъ вихремъ) лѣшій, дѣлается каженникомъ (искаженнымъ), теряетъ смыслъ и память ²⁾; блоруссы думаютъ, что тотъ, надъ кѣмъ пролетѣлъ злой духъ лядащикъ, непременно сходитъ съ ума. Наравнѣ съ эльфами, русалками и вилами, олицетворенные недуги населяли воды и лѣса; чтобы избавиться отъ нихъ, нѣмцы и славяне шли къ источникамъ или въ густыя, тѣнистыя роши, и тамъ совершали свои цѣлебные обряды; особенно-важную роль играли въ этомъ случаѣ деревья, растущія надъ водами: ива, верба, плакучая береза и др. Чехъ, когда трясеть его лихорадка, отправляется къ вербѣ, склоняющей свои вѣтви надъ свѣтлымъ потокомъ, и по окончаніи параксизма привязываетъ къ дереву какой-нибудь даръ и быстро, безъ оглядки, бѣжитъ домой; или онъ отрѣзываетъ клокъ своихъ волосъ и лоскутъ собственнаго платья, буравитъ въ вербѣ отверстіе, влагаетъ въ него приготовленные отрѣзки и заколачиваетъ ихъ глоговымъ клиномъ. Наши поселяне вѣшаютъ на деревьяхъ, въ даръ русалкамъ, холсты и нитки; отъ болѣзней они покупаются въ рѣкахъ, прудахъ или источникахъ и оставляютъ на прибрежныхъ кустахъ и деревьяхъ полотенцы и сорочки (см. II, 305, 321); нерѣдко надъ головою болящаго завязываютъ

¹⁾ Вятск. Г. В. 1847, 42; О. З., т. LVII, смѣсь, 49. — ²⁾ Сахаров., II, 4.

въ лѣсу двѣ березовыхъ вѣтки, приговаривая: «коли ты (болѣзнь) покинешь — отпущу, не покинешь — сама сгинешь!» Нѣтцы завязываютъ отъ лихорадки три узла на вѣтвяхъ ивы. Скважины въ древесныхъ стволахъ, сквозь которыя протаскиваютъ больныхъ дѣтей, называются въ Швеціи *elfenlöcher*. Чехи сотрясаютъ на одержимыхъ лихорадкою росу съ вѣтвей вишневаго и другихъ деревьевъ. По совершеніи этихъ обрядовъ, возвращаясь изъ лѣсу домой, не слѣдуетъ оглядываться назадъ и отвѣчать на призывный голосъ: иначе демонъ-мучитель узнаетъ свою жертву и не прекратитъ своихъ посѣщеній ¹⁾). Вѣдьмамъ славянскія преданія приписываютъ ночную ѣзду на людяхъ, которыхъ онѣ оборачиваютъ конями; вылетающая изъ нихъ въ видѣ бабочки душа (вѣщица) налегаетъ на спящихъ страшною тяжестью. По другимъ сказаніямъ, злой духъ болѣзней и смерти — мора или мара (нижнелуж. *тигава*, пол. *z tego* — удуше, чешск. *тіга* — эльфъ, вѣдьма и мотылекъ) носитъ свою голову подъ мышкою и блуждаетъ ночью подъ окнами избъ, пронзая имена хозяевъ и домочадцевъ: кто отзовется на голосъ мара, тотъ умретъ; она садится на соннаго человѣка и душитъ его; у женщинъ и коровъ она любитъ высасывать молоко ²⁾). Какъ шведы и датчане видятъ въ марахъ души усопшихъ, такъ по вѣнью болгаръ, мара есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, прилетающая ночью давить сонныхъ ³⁾). Съ этими марами тождественны наши кики-моря (= кошмары) и марухи — беспокойные домовые карлики, занимающіеся пряжею, и самъ дѣдъ-домовой, который давитъ мужиковъ и бабъ во время ихъ крѣпкаго сна. По русскому повѣрью, вся-

¹⁾ Иллюстр. 1845, 566; Громаниъ, 164-5; D. Myth., 1118, 1123. —

²⁾ Маякъ, VIII, 64; Этн. Сб., V, 71, 108 (о кашубахъ); *Volkslieder der Wenden*, II, 268; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 297. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210.

кой человекъ бываетъ одержимъ по ночамъ разными недугами, и если разбудить его прежде, чѣмъ окончатся начатыя мѹки, то онъ навѣрно захвораетъ тою болѣзней, какою былъ угнетаемъ во снѣ. Отъ того крестьяне не рѣшаются будить своихъ товарищей на утренней зорѣ ¹⁾. Лѣтописецъ сообщаетъ подъ 1092 годомъ любопытное свидѣтельство о бѣсахъ, поражавшихъ смертію полочанъ: «предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше, въ ноши тутънѣ станяше по улицы, яко человекѣи рищюще бѣ си; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абѣ уязвленъ бѹдѣше (вар. бяше), невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. Посемъ-же начаша въ дне (вар. во дни) являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди полотьскыя и его (вар. ихъ) область; тѣмъ и человекѣи глаголаху: яко навѣе (мертвецы) бѣють полочаны». ²⁾ Итакъ въ этихъ смертоносныхъ бѣсахъ, незримо-рыскающихъ на коняхъ, современники признавали существа эльфическія—души усопшихъ, о которыхъ нѣмецкія саги рассказываютъ, какъ о спутникахъ Однана въ его воздушныхъ поѣздахъ. Въ означенныхъ вѣрованіяхъ кроется основа той лингвистической связи, какую замѣчаемъ въ ниже-слѣдующихъ рѣченіяхъ: народъ называетъ покойниковъ родителями и употребляетъ это выраженіе безразлично, говорится ли объ усопшихъ предкахъ, или о преждевременно-скончавшихся младенцахъ; въ «Словѣ Данила-заточника» ³⁾ и въ нѣкоторыхъ церковнославянскихъ рукописяхъ подъ именемъ рѣда разумѣется духъ, чтѣ воплѣтѣ согласуется съ областнымъ употребленіемъ этого слова: съ саратовской губ. рѣда означаетъ видъ, образъ, а въ тульской—привидѣніе, призракъ; наконецъ родѣицець—параличъ ⁴⁾. Вотъ живое

¹⁾ О. З. 1848, V, славъ, 24 — ²⁾ П. С. Р. Д., I, 92. — ³⁾ «Дѣти бѣгаютъ рѣда». — ⁴⁾ Памят. XII в., 236; Срезнев. 7; Обл. Сл., 191.

свидѣтельство языка, что души покойниковъ родились у сла-
вянъ съ тѣми стхійными духами, стрѣлы которыхъ наносятъ
человѣку параличній ударъ,—подобно тому, какъ германскія
племена ту же самую болѣзнь приписывали вліянію эльфовъ,
а этихъ послѣднихъ отождествляли съ тѣнями усопшихъ.

Особенно интересны вѣрованія и преданія, живущія въ на-
шемъ народѣ—о лихорадкахъ. Названіе это происходитъ
отъ глагола лихо-радѣть, т. е. дѣйствовать въ чей-нибудь
вредъ, заботиться о комъ-нибудь съ злобнымъ намѣреніемъ,
съ лихоюстью; другія общеупотребительныя названія: лихо-
дѣйка и лихо-манка отъ иануть—качать, махать (=тра-
сти; чеш. шаnouti se—метаться; сравни: мановеніе, по-
маваю, манья—привидѣніе въ видѣ старой и шедушной жен-
щины, манить—лгать, обманывать, лихоманъ, лихоман-
щикъ—злой, обманчивой человѣкъ¹⁾). Лихорадокъ—девять
или двѣнадцать крылатыхъ сестеръ²⁾; онѣ обитаютъ въ
иhrачныхъ подземельяхъ ада и представляются злыми
и безобразными дѣвами: чахлыми, замороженными, чувствующи-
ми всегдашній голодъ, иногда даже слѣпыми и безрукими. Од-
на изъ нихъ—старшая повелѣваетъ своимъ сестрами и посы-
лаетъ ихъ на землю мучить людской родъ: «тѣло жечь и зно-
бить, бѣлы кости крушить». 2-го генваря Морозъ или Зима
выгоняетъ ихъ, вѣстѣ съ нечистою силою, изъ ада, и лихо-
радки ищутъ себѣ пристанища по теплымъ избамамъ и напада-
ютъ на «виноватыхъ»; на зорѣ этого дня предусмотрительныя
старушки омывають наговорною водою притолки у дверей, да-
бы загородить входъ въ избу незваннымъ гостямъ. Повѣрье это
условливается тѣми простудами и ознобами, которыя такъ обык-
новенны въ холодную пору зимы. Напротивъ о весеннихъ бо-

¹⁾ Обл. Сл., 104, 110-1. — ²⁾ Финны признаютъ болѣзни родны-
ми братьями, сыновьями старухи Launavataar—D Myth., 1113.

лѣзнихъ думаютъ, что онѣ запираются на зиму въ снѣжныя горы (—адъ) и сидятъ тамъ до начала оттепелей; когда же солнце согонитъ снѣгъ и отогрѣетъ землю, онѣ, вслѣдъ за вѣшними испареніями, разбѣгаются по бѣлому свѣту тощія, заморенныя, и съ жадностью бросаются на неосторожныхъ. Уже съ 25 го февраля, по замѣчанію поселянъ, опасно предаваться сну съ ранняго вечера: можно нас па ть лихорадку ¹⁾. Подобно Смерти и владыкѣ демоновъ (сатанѣ), лихорадки сидятъ въ подземныхъ вертепахъ заключенныя въ цѣпи, и вылетаютъ мучить народъ только тогда, когда будутъ сняты съ нихъ эти желѣзныя оковы ²⁾, т. е. весной. Въ калужской губ. рассказываютъ, что старшая и злѣйшая изъ сестеръ-лихорадокъ прикована къ желѣзному стулу двѣнадцатью цѣпями и въ правой рукѣ держитъ косу, какъ сама Смерть; если она сорвется съ цѣпей и овладѣетъ человѣкомъ, то онѣ непременно умретъ. Тоже преданіе у юго-западныхъ славянъ прилагается къ моровой язвѣ: три сестры к уги были заключены отцемъ своимъ-королемъ въ тѣсныя узы и томились въ темницѣ, но впоследствии, будучи освобождены, разбрелись въ разные стороны и донинѣ блуждаютъ по свѣту ³⁾. Сбрасывая съ себя оковы, лихорадки прилетаютъ на землю, вселяются въ людей, начинаютъ ихъ трасти, ослаблять ихъ суставы и ломить кости. Измучивъ одного, лихорадка переходитъ въ другаго; при полетѣ своею она цѣлуетъ избранныя жертвы, и отъ прикосновенія ея усть человѣкъ немедленно заболѣваетъ; кому обмечетъ болѣзнь губы, о томъ говорятъ: «его поцѣлова ла лихоманка.» ⁴⁾ Точно также порождаетъ болѣзненныя страданія и поцѣлуй эльбины ⁵⁾. По другимъ рассказамъ лихорадка, прилетая ночью, называетъ спящихъ по име-

¹⁾ Сахаров.. II. 3-4, 14, 27; Рус. въ св. посл., IV, 102-3. — ²⁾ Этн. Сб., VI, 129. — ³⁾ Иличь, 302-3. — ⁴⁾ Абсв., 230-1. — ⁵⁾ Irische elfenmährch., стр. XII.

ни; кто проснется и откликнется на ее зовъ, тотъ сейчасъ-же захвораетъ. Иногда она оборачивается соринкою или мухою, падаетъ въ приготовленную пищу и вмѣстѣ съ нею входитъ въ утробу человѣка. Но если кто догадается бросить эту соринку или муху въ печь, то лихорадка сгоритъ; а если вложить ее въ яичную скорлупу и повѣсить въ трубѣ — лихорадка будетъ страшно мучиться. Въ тульской губ. увѣряютъ, что шесть сестеръ уже погибли такимъ образомъ, а три и до сихъ поръ рыщутъ по міру ¹⁾. Въ прежнее время, говорятъ чехи, было сто лихорадокъ; но одна изъ нихъ сгилла: она запозла въ кусочекъ хлѣба, намоченный въ молоко; люди узнали ея присутствіе, взяли тотъ кусочекъ, вложили въ свиной пузырь и привязали къ дереву. Заключенная въ пузырь, лихорадка начала метаться во всѣ стороны — точно также, какъ дѣлаетъ каждая изъ нихъ, входя внутрь человѣка, и долго-долго возилась она, пока совсѣмъ не задохлась ²⁾. Сказанія эти представляютъ не болѣе, какъ варіаціи мифа о Смерти, посаженной въ торбу (см. стр. 52 ³⁾). Боясь раздражить злобную, демоническую дѣву, простолюдинъ не всегда рѣшится назвать лихорадку ея настоящимъ именемъ, а даетъ ей названія ласкательныя, дружескія, съ цѣлю задобрить ее и отклонить отъ себя болѣзненные припадки; таковы названія: кумà (кумàха), добруха, тѣтка (тятюха), подруга и дитюха (дитя?). Съ тою-же цѣлю сербы, во время

¹⁾ Цебриков., 262; Тульск. Г. В. 1852, 27 — ²⁾ Громанъ, 162. Нѣмецкая сага рассказываетъ, что одного бѣдняка давилъ по ночамъ эльфъ, а когда вносили въ комнату зажженную свѣчу — оборачивался въ соломинку или перо. Догадались сжечь эту соломинку, и мучительный эльфъ уже болѣе не явился. — ³⁾ Огонь очага — метафора грозового пламени; яичная скорлупа служить для эльфовъ и руслокъ кораблемъ, въ которомъ плывутъ они на тотъ свѣтъ; свинья — зооморфическій образъ тучи.

моровой язвы, называют ее кумою ¹⁾ а нѣмцы — *gevattig*; вообще имена болѣзней принято въ Германіи замѣнять выраженіями: *das gute, gesegete, selige* ²⁾. Временный роздыхъ, даваемый больному перемежающейся лихорадкою, народъ объясняетъ тѣмъ, что у нея много дѣла, и потому она переходитъ отъ одного человѣка къ другому, возвращаясь къ каждому изъ нихъ поочередно—черезъ день, черезъ два или три дня ³⁾; нѣкоторые же увѣряютъ, что въ дни, свободные отъ параксизмовъ, она предается сну. Постоянную, ежедневную лихорадку малоруссы называютъ: *трясця-невсипуха*. Отсюда суевѣрныя попытки переводить лихорадку съ себя на первоавстрѣчнаго, даже на птицъ, кошекъ и собакъ, въ которыхъ такъ охотно вселяются нечистые духи, или обманывать ее ложною надписью на дверяхъ избы, что больнаго нѣтъ дома. Такъ поступаютъ русскіе и чехи; послѣдніе пишутъ на дверяхъ: «*zemnice! (лихорадка) nechod' k nam; Jenik (имя больнаго) není doma, šel na hory*». Въ смоленской губ., и во время скотскихъ падежей, надписываютъ на воротахъ, что на дворѣ нѣтъ ни коровъ, ни овецъ, ни лошадей. Сибиряки совѣтуютъ больному чернить свое лицо и одѣваться въ чужое платье, чтобы не быть узлану злою лихоманкою, когда она вздумаетъ повторить свое посѣщеніе ⁴⁾. Сверхъ того, чтобы избавиться отъ лихорадки, ее умилостивляютъ приношеніями, или прогоняютъ силою чародѣйнаго слова. Страждущіе этимъ недугомъ, выходятъ на то мѣсто, гдѣ, по ихъ соображенію, вселилась въ нихъ лихоманка, обсыпаютъ вокругъ себя ячневую крупу, и раскланиваясь на всѣ стороны, произносятъ: «*прости, сторона-мать сыра земля! вотъ тебѣ крупницъ на кашу; вотъ и тебѣ, кумаха!*» ⁵⁾ Обращеніе къ землѣ знаменательно, такъ какъ

¹⁾ Обл. Сл., 47-48, 79, 88, 164, 228, 236; Срп. рјечник, 311. —

²⁾ D. Myth., 1108 — ³⁾ Houska. II. 535. — ⁴⁾ Громанъ, 167 Терещ., VI, 16; Абев., 230. — ⁵⁾ Сахаровъ, II, 14.

въ ея нѣдрахъ заключенъ тотъ страшный міръ, гдѣ царствуютъ Смерть съ своими помощниками—болѣзнями и плѣнниками—мертвецами. Бѣлоруссы на поминки («дзяды»), вмѣстѣ съ усопшими родичами, приглашаютъ къ ужину и лихорадку ¹⁾. Первобытная, народная медицина состояла въ произнесеніи молитвъ и заклятій, въ призывѣ боговъ-исцѣлителей, въ изгнаніи демоновъ и въ совершеніи различныхъ символическихъ и жертвенныхъ обрядовъ; она была дѣломъ исключительно религіознымъ. Древнѣйшія имена лѣкаря означаютъ: жертвоприносителя, заклинателя, колдуна; искусство врачебное ограничивалось знаніемъ клятвенныхъ формулъ—заговоровъ. За это свидѣлствуютъ Atharva-Веда, Гомеръ, Пиндаръ и другіе античные писатели ²⁾; за это-же говорятъ и многочисленныя преданія и обломки стародавнихъ заклятій, донныѣ сохраняемые въ памяти индоевропейскихъ народовъ. Въ высшей степени важнымъ и драгоценнымъ представляется намъ заговоръ противъ лихорадокъ, занесенный во многія изъ нашихъ старинныхъ рукописей и до настоящаго времени еще незабытый русскими знахарями ³⁾:

При морѣ черномъ стоитъ столпъ, на томъ столпѣ камень, на томъ камнѣ сидитъ святой отецъ ⁴⁾ Сисиній и зрѣтъ на море черное. И возмутися море до облакъ ⁵⁾—изыдоша изъ моря двѣнадцать женъ простоволосыхъ ⁶⁾, окаянное дьявольское видѣніе.» По нѣкоторымъ спискамъ жены эти исходятъ изъ огненнаго столпа, утвержденного

¹⁾ Могилев. Г. В. 1849. 8. — ²⁾ Громининъ, 147-8. Сыновья Автолика останавливаютъ кровь, текущую изъ ранъ Одиссея, и Асклепій освобождастъ больныхъ отъ мучительныхъ страданій—смаю цѣлебныхъ заговоровъ. — ³⁾ Я предлагаю сводный, по разнымъ спискамъ исправленный текстъ. — ⁴⁾ Вар. мученикъ, великій апостолъ. — ⁵⁾ Вар. „видѣша: на морѣ возстали волны и возмутися море и земля до небеси“. — ⁶⁾ Вар. сами черны, власы по цюастъ.

на небеси. «И вопросиша ихъ святыи отецъ Сисиній: что есть злыя жены звѣрообразны? Онѣ же отвѣща ему: мы—окаяныя трясавицы, дщери Ирода, снывшаго съ Іоанна Предтечи главу. Вопросы св. отецъ Сисиній: почто пришли?—Идемъ въ землю святорусскую родъ челоувѣческой мучити—тѣло повреждати, кости ломати, въ гробъ вгоняти (или: кости крушити, жилы тянуть, самихъ людей огнемъ жечи); аще кто зло творить, опивается, объѣдается, объѣдни и заутрени просыпаетъ, Богу не молится, тѣхъ мучимъ разными мѹками: они наши угодницы. Помолися Богу св. отецъ Сисиній: Господи! избави родъ христіанскій отъ таковыхъ діаволовъ. И посла Господь Михаила архангела ¹⁾ и четырехъ евангелистовъ, повелѣ ихъ (трясавицъ) мучити тремя (или семью) прутьями ²⁾ желѣзными, давая имъ по триста ³⁾ ранъ на день.» Имена архангела Михаила и святыхъ угодниковъ нерѣдко замѣняются и дополняются другими; въ одномъ спискѣ семь святителей и между ними Егорій Храбрый, Іоаннъ-креститель и св. Николай увидѣли двѣнадцать лихоманокъ, плавающихъ по морю и воздымающихъ бурю ⁴⁾. «Онѣ же начаша молитися: святыи отецъ Сисиній, Михаилъ-архангелъ, четыре евангелиста: Лука, Марко, Матѣей, Іоаннъ! не мучьте насъ; гдѣ мы слышимъ—въ которомъ роду прославятся ваши имена, и того роду станемъ бѣгать за десять верстъ ⁵⁾. И вопроси ихъ св. отецъ Сисиній: какъ вамъ, діаволи, имена?» Лихорадки исчисляють свои названія и описываютъ тѣ муки, которыми каждая изъ нихъ терзаетъ больнаго. Вотъ эти названія: 1) трясея (тресучка, трясунница, въ областныхъ говорахъ: потрясуха, трясучка; трясца отъ глагола трясти ⁶⁾), въ старинныхъ поучительныхъ словахъ XV—XVI стол. уо-

¹⁾ Вар. ангела Михаила. — ²⁾ Вар. четырехъ дубцихъ. — ³⁾ Вар. по три тысячи. — ⁴⁾ „Мѣшай воду съ пескомъ“. — ⁵⁾ Вар. за три дни, за три поприща. — ⁶⁾ Обл. Сл., 207, 232-3.

минается про «немоцнаго бѣса, глаголемаго трияцю»¹⁾; сравни нѣмецкое выраженіе: «dass dich der ritt (лихорадка²⁾ schütte!»³⁾ 2) Огня или огненная: «когого челоуѣка поймаю (говоритъ она о себѣ), тотъ разгорится аки пламень въ печи», т. е. она производитъ внутренній жаръ. Въ Швейцаріи лихорадку называютъ hitz и brand; англосакс. âdl — жгучая болѣзнь отъ âd—ignis; персы олицетворяютъ ее румяною дѣвою съ огненными волосами⁴⁾. Южно-славянское названіе грозица ставитъ лихорадку въ связь съ грозовымъ пламенемъ, съ молніеносными стрѣлами⁵⁾. 3) Ледѣя (ледиха) или озноба (знобея, забуха): аки ледъ знобитъ родъ челоуѣческій, и кого она мучитъ, тотъ не можетъ и въ печи согрѣться; въ областныхъ нарѣчіяхъ даются лихорадкѣ названія: студѣнка (отъ студа—стужа), знобуха и подрожье (отъ слова дрожь), а у чеховъ—зимница⁶⁾. 4) Гнетѣя (гнетница, гнетуха, гнетучка отъ слова гнѣтъ, гнестн—давить): она ложится у челоуѣка на ребра, гнететъ его утробу, лишаетъ аппетита и производитъ рвоту. 5) Грынуша (?) или грудица (грудѣя)—ложится на груди, у сердца, и причиняетъ хрипоту и харканье. 6) Глухѣя (глохня)—налегаетъ на голову, ломитъ ее и закладываетъ уши, отчего больной глохнетъ 7) Ломѣя (ломѣня, ломовая) или костоломка: «аки сильная буря древо ломитъ, также и она ломаетъ кости и спинну». 8) Пухлѣя (пухлѣя, пухлая), дѣтиха или отѣкная—пушаетъ по всему тѣлу отѣкъ (опухоль). 9) Желтѣя (желтуха, желтуница): эта желтитъ челоуѣка, «аки цвѣтъ въ полѣ». 10) Коркуша или корчѣя (скорчѣя)—ручныя и ножныя жи-

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, пол. I, стр. XXVII; пол. II, 48-49, въ отдѣлѣ смѣси; Правосл. Собес. 1859, IV, 475. — ²⁾ Отъ reiten, ибо она вадитъ на челоуѣкъ, какъ мара. — ³⁾ D. Myth., 1167. — ⁴⁾ Ibid., 1106-8. — ⁵⁾ О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 80. — ⁶⁾ Обл. Сл., 180, 218, 322.

лы сводить, т. е. корчить. 11) Глядѣя—не даетъ спать больному (=не позволяетъ ему сомкнуть очи, откуда объясняется и данное ей имя); вмѣстѣ съ нею приступаютъ къ чело-вѣку бѣсы и сводятъ его съ ума. 12) Огнестра и Невѣя—испорченное стар. нава—смерть или навье — мертвецъ, что служитъ новымъ подтвержденіемъ мѣстической связи демоновъ-болѣзней съ тѣнями усопшихъ. Невѣя (мертвящая) — всѣмъ лихорадкамъ сестра старѣйшая, плясавица, ради которой отсѣчена была голова Іоанну Предтечи; она всѣхъ про-клятае, и если вселится въ чело-вѣка—онъ уже не избѣгнетъ смерти. Въ заимъ этихъ именъ ставятъ еще слѣдующія: сухота (сухѣя), отъ которой изсыхаетъ больной, аки дре-во, зѣвота, блевота, потягота, сонная, блѣдная, лег-кая, вешняя, листопадная (т. е. осенняя), водяная и синяя (старинный эпитетъ огня и молніи). Ясно, что съ ли-хорадками народъ соединяетъ болѣе широкое понятіе, неже-ли какое признаетъ за ними ученая медицина; къ разряду этихъ мѣстическихъ сестеръ онъ относитъ и другіе недуги, какъ наприм. горячку, сухотку, разлитіе желчи и проч.: знакъ, что въ древнѣйшую эпоху имя «лихорадки», согласно съ бук-вальнымъ его значеніемъ, прилагалось ко всякой вообще болѣз-ни. Тождество внѣшнихъ признаковъ и ощущеній, порождае-мыхъ различными недугами, заставляло давать имъ одинако-вые или сходныя по корню названія, и такимъ образомъ смѣ-шивать ихъ въ одно общее представленіе злыхъ, демониче-скихъ силъ; сравни: огнестра—лихорадка и горячка, называе-мая въ простонародьи огневницею и палячкою; въ нѣкото-рыхъ мѣстностяхъ Россіи, вмѣсто сестеръ-трясавицъ, раз-сказываютъ о двѣнадцати безобразныхъ старухахъ—горяч-кахъ; огники—красная сыпь по тѣлу, золотуха—въ об-ластныхъ говорахъ огника (огница) и красуха, изжога —боль подъ ложечкой; у нѣмцевъ корь — *götheln*, рожа—

gose, rothlauf. Эпитеты: красный, желтый, золотой изстарь служили для обозначенія огня, и въ заговорахъ лихорадка называется не только желтухою, но и златеницею (I, 203—6). Сухота—ниия, свидѣтельствующее о внутреннемъ жарѣ, сближаетъ одну изъ лихорадокъ съ сухоткою; у сербовъ суха болест, сушица — dörrsucht ¹⁾; бѣлоруссы называютъ чахотку—сухоты. Вслѣдъ за приведеннымъ нами сказаніемъ о встрѣчѣ отца Сисинія съ лихорадками предлагается самое заклятіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа, океанныя трясавицы! заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ, Михаиломъ-архангеломъ и четырьмя евангелистами: побѣгите отъ раба божія (имярекъ) за три дни, за три поприща; аще не побѣжите отъ раба божія, то призову на васъ великаго апостола Сисинія, Михаила-архангела и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѳея, Іоанна, и учнутъ васъ мучити, даючи вамъ по триста ²⁾ ранъ на день.» Къ этой угрозы иные списки прибавляютъ, куда именно должны удалиться злобныя жены: «подите вы въ темныя лѣса, на гнилыя колоды» или «въ мѣста пусты и безводны.» Заговоръ долженъ быть прочитанъ священникомъ, и затѣмъ больному даютъ испить воды со креста, произнося слѣдующія слова: «крестъ—христіаномъ хранитель, крестъ—ангеломъ слава, крестъ—царемъ держава, крестъ—недугомъ, бѣсомъ и тресавицемъ прогонитель, крестъ—рабу божію (имярекъ) огражденіе!» ³⁾ Для сличенія приводимъ текстъ заговора, записанный въ сборникѣ Сахарова: «на горахъ Аеон-

¹⁾ Срп. рјечник, 727. — ²⁾ Вар. по три тысячи. — ³⁾ Рязь г. Буслева о нар. повѣи въ древней русск. литер. 38-39; Вѣст. Р. Г. О. 1859, VIII, 153-5; Пермск. Сборн., II, прилож., стр. XXXVI—VII; Пав. отреч. лир., II, 351-3; Библия для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 51-52; Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 79-80; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, въ отд. свѣси, 56-57.

скихъ стоятъ дубъ мокрецкоій, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тридесять старцевъ состарцемъ Пафнугіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадесять дѣвицъ простоволосыхъ, простопоясныхъ. И рече старецъ Пафнугій съ тринадцатю старцами: кто сн къ намъ идоша? И рече (рекутъ) ему двѣнадесять дѣвицы: есмь мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнугій своимъ старцамъ: сло мите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Взмолишася двѣнадесять дѣвъ къ тринадцатю старцамъ со старцемъ Пафнугіемъ, и не почто же бысть ихъ моляба! И начаша ихъ старцы бити, глаголя: ой вы еси двѣнадесять дѣвицы! будьте вы тресуницы, водяницы — разслабленныя и живите на водѣ-студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте... Заговариваю я раба (такого-то) отъ исушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадесять дѣвицъ въ тартарары, отыдите отъ раба (ниирекъ) въ лѣса темныя, на древа сухія.» Въ другихъ заговорахъ злыя недуги съ принедугами и полунедугами отсылаются въ окіанъ-море, въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ налючій, въ сѣру горячую, во тьму кромешную, т. е. въ адъ. Колючку грозитъ заклинатель заключить въ нѣдра земли, свербежъ утопить въ горячей водѣ, стрѣльбу залить кипучей смолою, огневицу заморозить крещенскими морозами, ломотье сокрушить о камень, и т. дал. ¹⁾ Малороссійскіе заговоры гонятъ лихоманокъ и другія болести въ дебри, болота и пустыни безлюдныя: «вамъ, уроки, у раба божого не стоятъ, жовтой кости не ломаты, червоной крови не пыты, сердца его не нудыты, бѣлого тѣла не сушыты; вамъ идты на мха, на темныя луга, на густыя очерета, на сухіе лѣса!» —

¹⁾ Сахаровъ, I 24-25, 28-31.

«Пидать соби, уроки, на яры, на лиса дремучи, на степы степенчи, дѣ гласъ чоловічий не заходьтъ, дѣ пивни не спивають.»— «Чи ти гнетуха, чи ти трясуха, чи ти водяна, чи ти витрова, чи ти взирова... буду я тоби лице заливати, буду тоби очи выпикати, буду тебе молитвами заклинати, буду съ христьянської вири вислати. Пиди соби, дѣ собаки не брешуть, дѣ кури не поють, дѣ христьянскій голосъ не ходе» ¹⁾). Чешское заклятіе XIII-го вѣка посылаетъ нечистую силу (siemě proklate) въ пустыни — «*na púšči jděte, anikomu neškod'te*». Въ настоящее время чехи прибѣгаютъ къ такимъ формуламъ: «*já vyháním oubutě (сухотку) z tvého těla do moře — vodu přelévati a písek přesejpati, kosti nelámati a žily neškubati, a krev necucati a maso letřhati, a přirozenimu pokoj dāti*.»— «*Letěly tři střelci, zastavili j-ou se v mé blavě, v mých ušich, v mých zubech, a já je zaklínám*» во имя Отца и Сына и св. Духа: если вы съ вѣтру — идите на вѣтеръ и ломайте деревья въ густыхъ борахъ, если съ воды—ступайте на воду и крутите песокъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, если со скаль—идите въ скалы и ломайте камни, а мнѣ, моей головѣ, ушамъ и зубамъ дайте покой.— «*Zaklínám vás, rakostnice—růžovnice, kostnice*. ²⁾ *do lesa hlubokého, do dubu vysokého, do dřeva stojatého i ležatého; tam sebou mlat'te a tříскеjte, a této osobě pokoj dejte... Jsi li z ouroku, jdi do ohně; jsi li z vody, jdi do moře; v moři vař vodu, počítej písek*» (въ морѣ исчерпай воду, сочти песокъ). Подобныя-же заклія обращаютъ вѣтцы къ эльфамъ; по ихъ мнѣнію, тѣ деревья засыхаютъ, на которыя будетъ передана болѣзнь. Индѣйскій врачъ гвалъ лихорадку въ лѣсъ и

¹⁾ Полтав. Г. В. 1846, 38; Пассекъ, II, смѣсь 20; Нам. стар. рус. литер. III, 167—8. „Подъ ты (горловая жаба) на дубъ—на сухое дерево, на которомъ вѣтъ отраслей отыниъ и до вѣку“. —

²⁾ Рожа и ломъ въ костяхъ.

го ры; повинуюсь вѣщему слову, водные духи (апсарасы) должны были удалиться въ глубокіе источники и въ деревья ¹⁾. Заговоръ на изгнаніе лихорадокъ, обращенный къ св. Сиснию, упоминается уже въ статьѣ «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ»; большая часть списковъ этой статьи принадлежитъ XVI и XVII столѣтіямъ, а древнѣйшая ея редакція, какая извѣстна нынѣ, найдена въ номоканонѣ XIV-го вѣка. Здѣсь читаемъ: «вопросы Іереміа къ Богородици о недузѣ естественнѣхъ и еже именують трясавици—басни суть Іереміа, попа болгарскаго; глаголетъ бо окаянный сей, яко сѣдѣшу святому Сиснию на горѣ Синайстѣй—и видѣ седмъ жонъ исходящи отъ моря, и ангела Михаила именуеть, и иная въздоша седмъ ангелъ, седмъ свѣщъ держаще, седмъ ножевъ острящи, еже на соблазнѣ людѣмъ многымъ, и седмъ дщерій Иродовыхъ трясавици басньствоваше, сихъ-же ни евангелисты, ни единъ отъ святыхъ — седми именоваша, но едина, испросившаа главу Предотечеву, о ней-же явѣсть есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова» ²⁾. Это свидѣтельствуеть за южнославянское происхожденіе заговора, вмѣстѣ съ памятниками болгарской письменности, проникло къ намъ и заклятіе противъ лихорадокъ, составленіе котораго приписывается попу Іереміи. Какъ множество другихъ апокрифическихъ сказаній, такъ и заклятіе Іереміи создано подъ непосредственнымъ вліяніемъ древне-языческихъ воззрѣній, общихъ болгарамъ со всеми прочими славянскими племенами, и этотъ-то національный характеръ представленій, занесенныхъ въ «отреченную» молитву, доставилъ ей легкій доступъ въ массы русскаго населенія. Не смотря на христіанскую примѣсь, въ ней весьма явственны черты такъ

¹⁾ Громанъ, 149-150, 158-161, 177, 165; D. Myth., 1122-3. Финская пѣсня заклинаеть чуму сокрыться въ твердыя, какъ сталь, горы. — ²⁾ Лѣтоп. занятій Археогрѣа. Комм. 1861, I, 25-27, 39-40.

называемой естественной религіи (религіи природы). Святые и ангелы, наказующіе женъ-лихорадокъ прутьями и ножами, очевидно заступили мѣсто древняго громовника и его спутниковъ, которые разятъ нечистую силу молніями, или выражаясь поэтическииъ языкомъ—бичами, прутьями, палками, сѣкирами и другимъ острымъ оружіемъ; потому они возсѣдаютъ на каменномъ столбѣ, т. е. въ грозовомъ облакѣ, ибо камень (скала) и столбъ (башня)—метафоры облаковъ. Изъ различныхъ воззрѣній на природу рождались и различныя мифическія представленія: бессмертные владыки, то помрачающіе небо тучами, посылающіе градъ, стужу и бури, то разгоняющіе демоновъ мрака и дарующіе свѣтлые дни, являлись народному воображенію не только грозными карателями людей и животныхъ, метателями моровыхъ стрѣлъ, но и богами-спасителями (στῶτῆρας), силою которыхъ прогоняются злые недуги. Такъ Индра испѣлаваетъ отъ накомныхъ болѣзней и червей, а Тунаръ гонитъ изъ тѣла wüßteг, т. е. мучительныхъ зѣфовъ ¹⁾. Сестры-лихорадки отождествляются въ заговорѣ съ тѣми стихійными демонами, съ которыми обыкновенно сражался Перунъ: онѣ исходятъ изъ (дождеваго) моря или огненнаго столба (=грозовой тучи), воздымаютъ страшную бурю и разбѣгаются только отъ ударовъ (молніеносныхъ) прутьевъ «Простоволосыя» и «простопосясыя», т. е. съ длинными распущенными косами и въ легкихъ, свободно-развѣвающихся по вѣтру (неподпоясанныхъ) одеждахъ, онѣ напоминаютъ этими признаками облачныхъ женъ и дѣвъ; сверхъ того, имъ даются и крылья—эмблема быстрого полета облаковъ и вихрей. Выше объяснено, что въ стремительныхъ вихряхъ предки наши усматривали пляску духовъ и нимфъ, и что въ эпоху христіанскую представленіе это было перенесено на Иродіаду, которая славилась

¹⁾ German. Mythen, 134-5. Въ русскомъ заговорѣ Христовъ „громомъ отбиваетъ, молоньей ожигаеть и стрѣлами отстрѣливаетъ“ всякіе уроки и недуги—Рыбникъ. IV, 255

нѣкогда своими искусными танцами (I, 329). Такое смѣшеніе тѣмъ болѣе понятно, что самъ демоническій змѣй (=сатана) называется въ народныхъ сказкахъ Иродомъ ¹⁾. Въ связи съ этимъ, дѣвы воспаляющихъ и знобящихъ болѣзней были признаны дочерьми Ирода и старшая изъ нихъ стала обозначаться именемъ плясавицы. По чешскому повѣрью лихорадки живутъ въ прудахъ и колодцахъ, и потому бываетъ время, когда никто не рѣшается пить оттуда воду. Заболѣвшій лихорадкою идетъ передъ восходомъ солнца къ колодцу и причитываетъ: «studně-studnice! nechod' na mne zimnice; Magia-panna zapovidá, abys na mne nechodila.» ²⁾ Въ орловской губ. больного купаютъ въ отварѣ липоваго цвѣта, а снятую съ него рубашку онъ долженъ раннимъ утромъ отнести къ рѣкѣ, бросить ее въ воду и промолвить: «матушка-ворогуша! на тебѣ рубашку съ раба божьего (ниярекъ), а ты отъ меня откачнись прочь!» Затѣмъ онъ возвращается домой и молча и не оглядываясь (сравни стр. 78—79). Согласно съ стихійною природою женъ-лихорадокъ, онѣ прогоняются въ океанъ-море (=небо), въ студенцы и болота (=дождевые источники), въ скалы и горы (=тучи), въ камыши и деревья (=небесныя рощи), въ огонь и вѣтры, словомъ—въ жилища водяныхъ, лѣшихъ, эльфовъ и нечистыхъ духовъ. Не смотря на запретъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, въ самой иконописи до конца XVII вѣка было распространено изображеніе двѣнадцати трясавицъ; онѣ представлялись въ видѣ женщинъ и нерѣдко обнаженныя, съ крыльями летучей мыши, такъ какъ эта послѣдняя служила символомъ ночи. Отличительный характеръ каждой изъ нихъ живопись обозначала разными красками: одна лихорадка—вся бѣлая, другія—желтая, красная, синяя, зеленая (=лѣсная) и т. дал. Въ XVII вѣкѣ,

¹⁾ См. Поэт. Воз., II, 5-9 Въ преданіяхъ среднихъ вѣковъ Гольда встрѣчается подъ именами Иродіады и Діаны (D. Myth., 263), и этой послѣдней приписывались припадки падучей. — ²⁾ Громаниъ, 163.

при значительныхъ успѣхахъ техники, эти женскія фигуры отличаются даже нѣкоторымъ благообразіемъ. На верху, въ облакахъ, видны ангелы и между ними одинъ, который направляетъ на трясавицъ копье и хочетъ низвергнуть ихъ въ отверстую пропасть, а на пригоркѣ — колѣнопреклоненный и молящійся св. Сисиній ¹⁾. Чехи противопоставляютъ демонамъ-болѣзнямъ Христа и св. Аполону. Встрѣчаетъ Христосъ psotnika (спазмы и конвульсии) и спрашиваетъ: «kam ty jdeš, psotniku?»—Ja jdu do života té a té osoby—maso jisti, krev piti, žily trhati, kosti lámati, chut' k jidlu a k piti bráti, a zraní mi odjímati. Христосъ приказываетъ болѣзни выступить изъ человѣка, не мучить его ни днемъ, ни ночью, и удалиться въ темные лѣса. Или: chodili střelci-střelice po horách, po krajinách; повстрѣчали св. Аполону, и на вопросъ ея: куда идете?—отвѣчали: идемъ къ такому-то человѣку мозгъ ѣсти, кровь пить, мясо драть, кости ломать. И рекла имъ Аполон: воротитесь и дайте человѣку покой ²⁾. Подобныя-же заклатія извѣстны и между другими народами. Я. Гриммъ приводитъ заговоръ, въ которомъ упоминаются семьдесятъ семь пösch en (подъ именемъ пösch разумѣется бѣсъ падучей болѣзни); «wir wend gohn in das haus des menschen, говорятъ они про свои подвиги, und ihm sein blut saugen, und sein bein nagen, und sein fleisch essen.» Духи эти изгоняются въ сухое дерево: «ich gebeut dir nösch mit allen deinen gesellen, dann mit dir ist der stach (колотье) und der kampf (спазмы) und gespat (?), und geschoss (стрѣльба) und geicht (ломъ) und gesicht (сглазъ, изуроченье)...» ³⁾ Грузины произносятъ слѣдующій заговоръ противъ чесотки: «гой ты, jelo-jelo (—вдучій), юродивый, безпріютный! откуда исходишь ты и

¹⁾ Рѣчь г. Бусл. о нар. поэзи въ др. рус. литер., 40. — ²⁾ Чешск. пѣсни Эрбена, 507-9; Громанъ, 162, 175-6. — ³⁾ D. Muth., 1110.

куда входишь?—Исхожу я изъ черной скалы, вхожу въ тѣло человѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. — Нѣтъ, не позволю тебѣ войти въ человѣка; раздроблю тебѣ на мелкія части, брошу въ мѣдный котелъ, раскалю его огнемъ и жупеломъ сѣрнымъ. Удались, отвѣжись отъ раба божьего (имрекъ). Аминь¹⁾. На ряду съ заклятіями, обращенными на трясавицъ, индексъ запретныхъ книгъ («суждаетъ также и «живыя врачевальныя молитвы о нежитѣхъ»²⁾). Въ одной пергаменной сербской рукописи записано пять заговоровъ противъ нежита или нежитя; изъ нихъ два были сообщены г. Буслаевымъ: а) «Сходещу нежиту «отъ сухаго (= огненнаго) мора (я) и сходещу Исусу отъ небесе, и рече ему Исусъ: камо идиши, нежите? Рече ему нежить: сѣмо иду, господине, въ члвѣчю главу мозга срѣчати, челюсти прѣломити, зубы ихъ ронити, шіе ихъ кривити и уши ихъ оглушити, очи ихъ ослѣпити, носа гугънати, «крьве ихъ проліити, вѣка ихъ исушити, устьнь ихъ кривити и «удовъ ихъ расслабати, жилъ ихъ умртвити, тѣла изъмѣждати, «лѣпоту ихъ измѣнити, бѣсомъ мучити е. И рече ему Исусъ: «обратисе, нежите! иди въ пустую гору и въ пустыню, обрѣти ту елѣну главу и вселисе въ ню, ть бо все трѣпнѣть и все «страждеть... иди въ каменіе, ть бо все трѣпнѣть—зиму и зном «и всѣко плодство, ть бо о(тъ) твари жестокъ естъ, въ себѣ дръ«жати те сильнь естъ. Нежите! да ту имѣи жилище, дондѣже «небо и земля иимондетъ и кончається; отниди отъ раба божія» (имрекъ).—b) Свѣты Михаиль-Гавриль гредѣше, възьмѣ желѣзнь лукъ и желѣзньны стрѣлы, стрѣлати хоте елѣна «и елѣну, и не обрѣте ту елѣна и елѣну, нь обрѣте нижита, иже

¹⁾ Москв. 1852, XIX, соврем. извѣст., 98. — ²⁾ Іоаннъ, экзархъ болгар., 210; Лѣтоп. занятій Археогрее. Ком. 1861, 39-40: „и о нежитѣхъ, сирѣчь изъ пустыня исходятъ... то все поплъ Іереміа изглаголаѣ“.

«сѣдѣше, камы рацѣпивъ ¹⁾); и въпроси его: что ты еси иже «сѣдиши, камы рацѣпивъ? Отвещавъ ему: азъ есмь нежить, иже «чловѣче главе рацѣплю и мозьгѣ мерьчу, кровь ему прелѣю. «И рече му Михаиль-Гавриль: проклетыи проклетьче нежите! «не мозьга сръчи, ни главы рацѣпи, нь(но) иди въ пустую го- «ру и вылѣзи въ елѣну главу; та ти есть трьпѣлива трьпѣти «то. Аще ли те по семь дни обрѣшу, любо те по сѣтку, любо «те прострѣлю. И възьмолисе нежить: не по сѣци, ни прострѣ- «ли мне, да бѣжу въ гору и вылѣзу въ елѣну ²⁾ главу.» ³⁾ Сход- «ство этихъ старинныхъ заговоровъ съ приведенными выше за- «клинаніями лихорадокъ и другихъ недуговъ очевидно для всяка- «го: и здѣсь — таже встрѣча благаго божества съ злымъ духомъ «болѣзней, тѣже вопросы и отвѣты и тоже изгнаніе демона въ ка- «менныя пустыни побѣдоноснымъ оружіемъ громовника. Архи- «стратиги небесныхъ воинствъ поражаютъ нежитя желѣзными «стрѣлами (молніями); тѣмъ-же оружіемъ наносятся раны демо- «намъ-болѣзнямъ и по свидѣтельству русскихъ народныхъ заго- «воровъ: «на окіанѣ-морѣ стонть золотъ стулѣ, на золотѣ стулѣ «сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ «шелковую тетивку, накладываетъ каленую стрѣлу, «станеть уроки и призоры стрѣлять» ⁴⁾. Въ воронежской «и владимірской губ., въ случаѣ глазнаго ячменя, подносятъ къ «больному мѣсту куклишъ и приговариваютъ: «ячмень, ячмень! нѣ «тебѣ куклишъ; что хочешь — то купишь, купи себѣ топорокъ, «сруби себя по перѣкъ!» ⁵⁾ Существительное нѣ жить донь- «нѣ употребляется въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи, «какъ собирательное имя нечистой силы: домовыхъ, водяныхъ, ру- «салоковъ и проч. ⁶⁾; въ чешскомъ языкѣ не žít — названіе болѣз-

¹⁾ Разщепя (расколовъ) камни. — ²⁾ Въ рукописи испорчено: «възлелѣну». — ³⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 415—6. — ⁴⁾ Памяти. книжка арханг. губ. на 1864, 15. — ⁵⁾ Труды владим. стат. комит., VI, 84. — ⁶⁾ Годъ на Сѣверѣ, Максимова, I, 78.

ни. Слово это образовалось отъ глагола жить съ отрицательною частицею не, и по значенію своему прямо соответствуетъ Моранѣ (смерти) и повальнымъ болѣзнямъ, известнымъ у славянъ подъ общимъ названіемъ мора.

Древне-эпическія формулы заговоровъ, призывающіе на демоновъ карающее оружіе бога-громовника, мало по малу стали переводиться въ дѣйствіе; въ народной медицинѣ принято сопровождать заговоры различными символическими обрядами, главное назначеніе которыхъ наносить болѣзнямъ раны, разить ихъ и изгонять изъ человѣческаго тѣла. Захворалъ ли кто утиномъ (боль поясницы), знахарка приказываетъ ему лечь ничкомъ на порогъ избы, т. е. у растворенныхъ дверей, которыми должна удалиться болѣзнь; затѣмъ кладетъ ему на поясницу березовый вѣникъ, и тихо ударяя обухомъ топора или косаремъ по вѣнику, причитываетъ: «сѣку-сѣку, присѣкаю; рублю-рублю, прирубая!»—Что, бабушка, сѣчешь? спрашиваетъ больной. «Утинъ сѣку!»—Сѣки да гораздо, чтобъ не было его! Эти вопросы и отвѣты повторяются до трехъ разъ ¹⁾. Вѣникъ—эмблема вихря, разсѣвающаго вредныя испаренія и туманы. Когда у дѣтей бываетъ «почесуха»—крестьянки парятъ ихъ ольховыми вѣниками, которые потомъ выбрасываютъ на воздухъ, съ приговоромъ: «съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и поди!» ²⁾ Ничего такъ не боится куга (лицетвореніе мороваго повѣтрія), какъ метлы и ожега (кочерги, символъ громовой палицы ³⁾). Въмѣсто топора, нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи зубовъ на основаніи той древней метафоры, которая уподобляла молніи—золотымъ зубамъ, всегда-готовымъ растерзать демона. Такъ страдающіе грызью (ломомъ въ рукахъ и ногахъ) приываютъ къ себѣ мальчика

¹⁾ Этн. Сб., I, 163-4. — ²⁾ Во владимірской губ. больные, снимая съ себя нижнее платье, бросаютъ его въ полночь за окошко на вѣтеръ (Груды влад. стат. ком., VI, 75). — ³⁾ Илчъ, 299.

и заставляют его кусать колѣно больной ноги или локоть руки, при чемъ ведется слѣдующій разговоръ: «что грызешь?» — Грызъ грызу.» Грызай да гораздо!» ¹⁾ Отъ сибирской язвы кладутъ на опухоль тряпку и со всѣхъ сторонъ обкусываютъ больное мѣсто ²⁾; ребенку, у котораго разстроены желудокъ, трижды кусаютъ слегка пупокъ ³⁾; отъ головной боли лѣчатъ такъ: наклоняютъ голову больного, обвиваютъ около указательнаго пальца прядь его волосъ и прикусываютъ ихъ зубами у самаго корня ⁴⁾. Чтобы охранить себя отъ порчи, поселяне запасаются обломкомъ отъ лезвiя косы и носить его въ правомъ сапогѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ знахари обрѣзываютъ съ рукъ и ногъ больного ногти, кладутъ ихъ въ нарочно-сдѣланное въ яйцѣ отверстие, заплмиваютъ это отверстие воскомъ и относятъ яйцо въ лѣсъ, съ тайною надеждою, что какая-нибудь хищная птица унесетъ его вмѣстѣ съ болѣзней ⁵⁾: смыслъ обряда — тотъ, что у демона-болѣзни остригаются ея острые когти, и сама она предается во власть крылатаго вихря, который долженъ унести ее въ дальнія, пустынные мѣста ⁶⁾. Убѣжденные, что пламя грозы пожигаетъ нечистую силу, а дождевые ливни смываютъ, топятъ ее, предки наши лѣчили болѣзни огнемъ и водою (см. II, 14-21, 181-191). Какъ скоро почувствуетъ кто-нибудь изъ домашнихъ легкій ознобъ или жаръ, склонность ко сну, ломоту и потяготу, крестьяне тотчасъ-же черпаютъ ключевую воду, кладутъ въ нее горячiя уголья и щепаютъ печной золы, дуютъ на воду три раза, мѣшаютъ

¹⁾ Полтав. Г. В. 1846, 26; Пузин., 160; Послов. Даля, 429. —

²⁾ Вибл. для Чт. 1848, IX, 54. — ³⁾ Пассекъ, II, 19 — 20. —

⁴⁾ О. З., т. LVII, смѣсь, 50. — ⁵⁾ Записки Авдѣев., 139 — 140. —

⁶⁾ Въ Германiи существовалъ обычай замуровывать чуму въ церковную стѣну или заключать ее въ скважину дерева — обычай, возникшiй изъ древнихъ заклятiй, изгоняющихъ демона смерти въ камни (скалы) и лѣса — D. Myth., 1135, 1141.

ее остриемъ ножа и читаютъ заговоръ; затѣмъ сбрызгиваютъ больного, смачиваютъ ему грудь, руки, ноги, спину, или дають выпить нѣсколько глотковъ ¹⁾). Приготовленная такимъ образомъ вода получаетъ цѣлебныя, живительныя свойства дождя; горячіе уголья знаменуютъ грозное пламя, дуновение — вѣтръ, ножъ — громовую сѣкиру. Старинный поэтический языкъ называлъ огонь-молнію раскаленнымъ желѣзомъ, блестящею мѣдью и золотомъ (деньгами), а воду-дождь — виномъ, медомъ, молокомъ и масломъ; въ силу этого возникли разнообразныя врачевныя обряды. Чехи заставляютъ больныхъ дѣтей глотать во имя св. Троицы три уголька, а чтобы вылѣчить скорбутъ, берутъ воду, въ которой кузнецъ охлаждалъ горячее желѣзо, намачиваютъ въ ней красный лоскутъ и трутъ имъ дѣсны ²⁾). На Руси раскалываютъ докрасна мѣдныи пятакъ, опускаютъ его въ сосудъ съ холодной водою, и воду эту пьютъ по три раза въ день отъ лихорадки. Вмѣстѣ съ цѣлебными травами, нерѣдко кипятятъ въ водѣ золотыя, вѣнчальныя кольца, и потомъ поятъ или обливаютъ ею хвораго. Отъ горячки надѣваютъ на шею больного обручъ, снятый съ ведра, окуриваютъ его стружками съ этого обруча, поятъ виномъ, настоеннымъ на золѣ, и произносятъ закліаніе: «во имя Отца и Сына и св. Духа! тетка-баба (=горячка), отойди отъ раба божія (виарекъ)». Когда вино выпито, оставшеюся золою трутъ лице и грудь противъ сердца. Золотое кольцо — символъ солнца, поборающаго демоновъ ирака; снятый съ ведра обручъ — знаменіе дождевыхъ сосудовъ, разбиваемыхъ богомъ-громовникомъ. Отъ «криксы» купаютъ дѣтей въ кѹрникѣ на деревянномъ обручѣ ³⁾). Если укуситъ человѣка бѣшеная собака, то стараются добыть клочъ ея шерсти и этою шерстью оку-

¹⁾ Сахаровъ, I, 53; II, 4; О. З. 1848, т. LVI, 202. — ²⁾ Громанъ, 175. — ³⁾ Этн. Сб., V, бытъ вурск. крестьянъ, 89.

ризаютъ нанесенныя ему раны. Бѣшеная собака есть воплощеніе дьявола; подобно тому, какъ небесныя молніи, пожиная облачное руно демоновъ, просвѣтляютъ омраченную ими природу, такъ и сожженная шерсть собаки удаляетъ мучительнаго бѣса и возстановляетъ поврежденное здравіе ¹⁾). Произнеся заклятіе, знахари трижды дуютъ на больнаго и сплевываютъ въ сторону. Слюна здѣсь—символь живой воды (дождя), точно также, какъ обдуваніе больнаго—символь вѣтра. Если слову человѣческому и слюнкѣ дана власть прогнать нечистыхъ духовъ, уроки и недуги, то естественно, что языкъ, какъ орудіе слова и метафора молніи (I, 728), долженъ былъ получить чародѣйную силу слизывать всякую хворь. И дѣйствительно знахари, умывая больнаго «наговорной» водою, лижутъ ему лицо до трехъ разъ, и за каждымъ разомъ сплевываютъ на землю, т. е. сбрасываютъ, вѣстѣ съ слюною, слизанную языкомъ болѣзнь ²⁾). Въ саратовской губ. противъ лихорадки призывается помощь богини Зори: «Зоря-Зоряница, красная дѣвица! избавь раба божія (имярекъ) отъ матухи, отъ знобухи, отъ летучки, отъ гнетучки, отъ всѣхъ двѣнадцати дѣвиць-трисавиць.» Вслѣдъ за произнесеніемъ этого заговора, слизываютъ недугъ крестообразно со лба, подбородка и щекъ больнаго и сплевываютъ вѣземъ ³⁾). Нерѣдко слова лѣчебнаго заклятія сопровождаются очерчиваніемъ около больнаго круговой черты, дабы злой духъ болѣзни не могъ переступить за этотъ зачарованный кругъ ⁴⁾). Народные заговоры сдѣлаются для насъ вполне понятными только тогда, когда будутъ разгаданы и объяснены всѣ древнѣйшія метафоры, на которыхъ зиждется ихъ цѣлительное значеніе. Вотъ, на примѣръ, заговоръ отъ болѣзни усоей, любопытный по своимъ мнеческимъ указаніямъ: «Есть

¹⁾ Громаничъ, 184. — ²⁾ Абев., 235. — ³⁾ Саратов. Г. В. 1850, 26.
—⁴⁾ Киевляницъ 1865, 69.

море золото, на золотѣ морѣ золото древо, на золотѣ дровѣ золоты птицы-носы и ногти желѣзные, дерутъ-волочатъ отъ раба божія (усови) на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ бѣлъ камень, на бѣлѣ камени сидитъ красная дѣвица съ пальцею желѣзною, тепеть, обороняетъ, отлучаетъ отъ раба божія усови на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ золотѣ корабль, на золотѣ кораблѣ ѣдетъ святой Николай, отворяетъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзные врата, а залучаетъ отъ раба божія усови аду въ челюсти.» ¹⁾ Злой духъ болѣзни прогоняется во мхи-болота и въ адъ. Море—поэтическое названіе неба; зпитеть «золотой», данный этому морю, означаетъ: свѣтлый, озаренный лучами солнца. Дерево и корабль — метафоры тучи, бѣлъ камень—метафора солнца. На деревѣ-тучѣ сидятъ золотыя птицы съ желѣзными когтями и клювами, т. е. молніи, острыми стрѣлами которыхъ и разитя нечистая сила болѣзни; подобно тому на солнцевомъ камнѣ возсѣдаетъ красная дѣвица Зоря, богиня весеннихъ грозъ и плодородія, и гонитъ демона желѣзною пальцею; а на кораблѣ облакѣ плыветъ Николай угодникъ, замѣняющій собой Перуна: онъ отворяетъ морскую глубину (=дождевыя тучи) и низвергаетъ демона въ челюсти ада. Итакъ изгнаніе болѣзни совершается при содѣйствіи громовника; какъ обновитель природы, побѣдоносный врагъ зимы—смерти и творецъ весенней жизни, онъ исцѣляетъ и всѣ недуги ²⁾).

¹⁾ Истор. Христом. Буслаев., 1353. — ²⁾ Изъ всего сказаннаго понятно, почему такъ долго удерживается въ массахъ простаго народа довѣріе къ знахарямъ и ихъ врачевнымъ пособіямъ и отвращеніе отъ научной медицины. За первыхъ стоятъ исконныя преданія, крѣпко-сросшіяся съ роднымъ словомъ, а слѣдовательно и съ самыми убѣжденіями человека. До сихъ поръ поселіане охотнѣе прибѣгаютъ къ помощи своихъ знахарей и ворожеекъ, а дѣ-

Повальные болѣзни, отъ которыхъ гибнутъ цѣлыя поколѣнія людей и животныхъ, отождествлялись въ языкѣ и вѣрованіяхъ съ представленіемъ Смерти: измереть—въ областномъ словарѣ: исхудать, исчахнуть, подмереть—завянуть, засохнуть, отоцать, замирать — захворать, морной — тощій (заморенный), морная корова — падежь рогатого скота, помора — отравы; пропадать — болѣть, чахнуть, пропадіна или пропастіна — жертвочина, стерво, прѣпасть — адская бездна, погибель, смерть и гніущій трупъ ¹⁾. Германцы эпидеміямъ давали названія: *der grosse töd*, сканд. *svarti daudhi*, дат. *sorte dödder schwarze tod*, а славяне: черная смерть или немочь. Когда туманныя испаренія и гнетущая духота зноя отравляютъ воздухъ — внезапно появляется зараза, и направляя путь свой черезъ населенныя мѣстности, похищаетъ жертвы за жертвами. Въ качествѣ богини Смерти и согласно съ грамматическимъ родомъ присвоенныхъ ей названій, зараза олицетворяется въ образѣ мнѣической жены; лат. *pestis, lues*, нѣм. *die pest*, серб. *куга* (сравни ниже- и выше-нѣм. *koghe*,

карства, даваемые официальными врачами, называютъ „погаными“. Вѣсѣтъ съ этимъ, приведенныя свѣдѣнія убѣдительно доказываютъ, какъ несостоятельна, ничтожна и часто положительно-вредна народная медицина: лѣчить глаза искрами огня, заставлять отъ воспитательныхъ болѣзней жать сусальское золото (I, 204—6), сажать ребенка въ жарко-натопленную печь и тому подобныя средства, конечно, не могутъ быть признаны за полезныя. Нельзя отвергать, что знахарямъ доступны нѣкоторыя знанія цѣлебныхъ травъ, кореньевъ и другихъ снадобій, на которыя случайно набрелъ наблюдательный умъ нашихъ предковъ; но объемъ этихъ знаній весьма ограниченъ и притомъ они такъ спутаны съ многочисленными суевѣріями, что намъ кажется совершенно-неумѣстнымъ то наивное сожалѣніе о расколѣ, существующемъ между ученою и народною медициною, какое еще недавно высказывалось представителями такъ называемой „русской науки“. — ¹⁾ Обл. Сл., 64, 74, 116, 164, 169, 181, 208.

коге) и мѳрија, рус. чума (džuma), язва, свирѳшица (черниг. губ.) — женскаго рода, и хотя, рядомъ съ этими названіями, у насъ, чеховъ и поляковъ употребляется еще слово моръ (литов. mogaš, лѳт. mehrgis), но въ поэтическихъ сказаніяхъ оно уступаетъ женскимъ формамъ. Завися отъ воздушныхъ перемѣнъ и климатическихъ условій, морвая язва, какъ и другія болѣзни, признавалась существомъ стихійнымъ, шествующимъ въ вихряхъ («повѣтріе») и владѣющимъ огненными, молніеносными стрѣлами. По указанію народнаго повѣрья, приведеннаго Я. Гриммомъ, она несется какъ синеватыѳ паръ въ видѣ облака — «als blauer dunst in gestalt einer wolke». ¹⁾ Свидѣтельство Гомера о моровыхъ стрѣлахъ Аполлона совпадаетъ съ славянскими преданіями: общепринятая въ русскомъ языкѣ названія зараза (отъ разитъ) и язва указываютъ на раны, наносимыя острымъ оружіемъ болѣзни; кроаты представляютъ чуму (гиргу) злою фуріей, легкою какъ молнія ²⁾; по рассказамъ болгаръ, она — вѣчно-озлобленная, черная жена, посылающая на людей и животныхъ огненныя, ядовитыя стрѣлы. Создавши ее, Христосъ сказалъ: «иди и мори человѣческой родъ; а чтобы ты не страшилась никого—даю тебѣ лукъ и стрѣлы». Болгары видятъ въ ней существо, родственное съ облачными дѣвами, и называютъ ее чума-самодива или юдасамовила; самодивы и самовилы соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ эльфамъ, и подобно имъ, различаются на добрыхъ и злыхъ (свѣтлыхъ и темныхъ). Приближаясь къ городу или деревнѣ, Чума точитъ свои стрѣлы, и кому случится на ту пору выйти въ поле — въ того и стрѣляетъ; а затѣмъ уже входитъ въ самое село или городъ. Отъ того первые заболѣвающіе страшнымъ недугомъ бываютъ пріѣзжіе и странники. На-

¹⁾ D. Myth., 1133-4. — ²⁾ Вѣст. Евр. 1819, XIII, 47.

равнѣ съ зльоами и вѣдьмами, Чума можетъ оборачиваться кошкою, лошадыю, коровою, птицею и клубкомъ прѣжи; гдѣ она покажется—тамъ начинаютъ выть собаки, туда прилетаетъ воронъ или филинъ, и сядясь на кровлю, крикомъ своимъ предвѣщаетъ бѣду ¹⁾. Чехи и малоруссы разсказываютъ, что Смерть, принимая видъ кошки, царапается въ окно, и тотъ, кто увидитъ ее и впустить въ избу, долженъ умереть въ самое короткое время ²⁾. Южные славяне увѣраютъ, что во время чумы пѣтухи хрипнуть и зашолкаютъ, а собаки теряютъ способность лаять и только ворчатъ и съ визгомъ бросаются на ужасную гостью. Одинъ крестьянинъ спалъ на стогу сѣна; пробужденный шумомъ, онъ увидѣлъ огромную женщину, въ бѣлой одеждѣ (= въ саванѣ), съ растрепанными волосами, которая бѣжала отъ стаи собакъ; она вскочила на лѣстницу, приставленную къ стогу, и стала дразнить собакъ ногою. Крестьянинъ узналъ Чуму, подкрался сзади и столкнулъ ее съ лѣстницы; Чума погрозила ему пальцемъ и исчезла, и хотя онъ остался въ живыхъ, но съ той самой минуты безпрестанно дергалъ ногою ³⁾. Выше (I, 298-301, 519) было объяснено, что громовые раскаты уподоблялись крику пѣтуха и колокольному звону, и что вслѣдствіе этихъ метафоръ пѣтухъ возгласомъ своимъ прогоняетъ нечистую силу, а отъ звона колоколовъ разсѣваются темныя тучи ⁴⁾ и уstraшенные демоны, зльфы и вѣдьмы спѣшатъ сокрыться въ дальнія страны. Вѣстѣ съ этимъ пѣтушій крикъ и колокольный звонъ признаны были за цѣлебное средство противъ болѣзней, особенно противъ лума въ рукахъ, падучей, холеры и вообще

1) Сообщено г. Каравеловымъ. — 2) Громаниъ, 186. — 3) Пов. и пред., 86-87, 177. — 4) Въ 1576 г. звонили на Моравѣ „proti mŕaslivu“; дьяволъ схватилъ звонаря и три дня носилъ его въ вихрь — Ганушь о Дѣдѣ и Бабѣ, 53.

всякаго повѣтрія; «я слышу (читаемъ въ чешскомъ заговорѣ) — звучатъ колокола, поютъ св. ангелы, и ты, гѣже, должна удалиться!» ¹⁾ Сверхъ того, въ завываніи грозовой бури арійскія племена слышали лай небесныхъ псовъ, сопутствующихъ богу громовъ и вихрей въ его дикой охотѣ; по народному убѣжденію собака одарена чрезвычайно-тонкимъ чутьемъ и острымъ зрѣніемъ: она узнаетъ присутствіе нечистыхъ духовъ, чувствуетъ приближеніе Чумы и Смерти и кидается на нихъ, какъ вѣрный стражъ домохозяина и его семьи (сравни I, 733—4). Когда собака воетъ — это считается знакомъ, что она видитъ Смерть. Отсюда возникли повѣрья, что Чума бовтается собакъ ²⁾, что у пѣтуховъ она отымаетъ голосъ и вырываетъ хвосты, и что тамъ, гдѣ владычествуетъ нечистая сила смерти — зараза, уже не раздаются ни пѣтушій крикъ, ни собачій лай; согласно съ этимъ, вышеприведенные малорусскіе заговоры отсылаютъ сестеръ-лихорадокъ и другія болѣзни въ тѣ пустынныя страны, гдѣ не слышится ни пѣнія пѣтуховъ, ни лая собакъ, ни церковнаго звона, т. е. собственно въ царство тучъ, оцѣпененныхъ холоднымъ дыханіемъ зимы (= въ вертепы сѣвернаго ада). Рассказываютъ также, что Чума не любитъ кошекъ и при удобномъ случаѣ убиваетъ ихъ; эта враждебность объясняется страхомъ передъ богиней Фреею, которая выѣзжала на кошкахъ, участвовала въ дикой охотѣ и поборала демоновъ. Въ давнее время, по словамъ болгаръ, кошка была старшею сестрою Чумы и часто била ее; теперь же, при появленіи моровой язвы, кошки прячутся отъ нея въ пещахъ ³⁾. Любопытно, что чехи, для излѣченія дѣтей отъ сухотки, купаютъ ихъ въ ключевой водѣ, вмѣстѣ съ собакою или кошкою ⁴⁾. Въ большей час-

¹⁾ Громанъ, 45, 39, 158; Beiträge zur D. Myth., II, 299. —
²⁾ Срп. рјечник, 311. — ³⁾ Сообщ. г. Каравеловымъ. — ⁴⁾ Громанъ, 179.

ти земель, заселенныхъ славяно-литовскимъ племенемъ, морская язва олицетворяется женщиною огромнаго роста (иногда на ходуляхъ), съ распущенными косами и въ бѣлой одеждѣ; она разѣзжаетъ по свѣту въ повозкѣ или заставляеть какого-нибудь челоуѣка носить себя по городамъ и селамъ; своею костлявою рукою она вѣетъ на всѣ на четыре стороны краснымъ (кровоавымъ) или огненнымъ платкомъ — и вслѣдъ за взмахомъ ея платка все кругомъ вымираетъ. Былъ жаркой день; русинъ сидѣлъ подъ деревомъ. Приблизилась къ нему высокая женщина, закутанная въ бѣлое покрывало. «Слышалъ ли ты про Моровую язву? сказала она; это — я сама. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси; не минуи ни одного села, ни города; я должна вездѣ заглянуть. Кругомъ тебя будутъ падать жертвы, но ты останешься невредимъ.» Затѣмъ она обвилась длинными, исхудалыми руками вокругъ шеи русина, и бѣднякъ пошелъ съ своею страшною ношею, не чувствуя ни малѣйшей тяжести. На пути лежало мѣстечко, гдѣ раздавалась музыка и весело, беззаботно пировалъ народъ; но Чума повѣяла своею хусткою — и веселье исчезло: стали рыть могилы, носить гробы, кладбище и улицы наполнились трупами. Гдѣ ни проходилъ русинъ, всюду богатые города и деревни превращались въ пустыни; бѣдные, дрожащіе отъ страха жители разбѣгались изъ домовъ и въ мучительныхъ страданіяхъ умирали въ лѣсахъ, поляхъ и по дорогамъ. Наконецъ добрался онъ до своего роднаго села; здѣсь проживали его старушка-мать, любимая жена и малыя дѣти. Отчаянье и жалость овладѣли душою несчастнаго; онъ рѣшился утопить и себя и Чуму, ухватилъ ее за руки и обойдя село, бросился вѣстѣ съ нею съ крутаго берега въ волны Прута; самъ онъ утонулъ, но Моровая язва не могла погнбнуть: съ легкостью стихійнаго существа она поднялась изъ воды и, напуганная отважною смѣлостью челоуѣка, убѣ-

жала въ лѣсистыя горы ¹⁾. На Украинѣ существуетъ клятва: «а щобъ на васъ чума насѣла!» ²⁾ Лужицкая *Smętnica* (богиня смерти) ходитъ по деревнямъ въ бѣломъ платьѣ, и куда бы не направилъ свои стопы — тамъ непременно кто-нибудь умираетъ ³⁾; чехи называютъ ее *Smętnice*, *Smętná žena*: она облачается въ бѣлую или черную одежду, голову покрываетъ шляпою съ бѣлымъ перомъ, и бродитъ подь окнами дома, гдѣ въ скоромъ времени долженъ быть покойникъ ⁴⁾. По сказаніямъ сербовъ, Куга — «жива жена завѣшена бијелом марамом»; есть преданіе, что у ней козьи ноги. Блуждая по вечерамъ отъ одной избы къ другой, она останавливается подь окнами и пускаетъ внутрь жилья свой злочестивый духъ, отчего и погибаетъ все семейство. Многіе видѣли ее собственными очами, а нѣкоторымъ случилось носить ее. Встрѣтивъ человѣка на дорогѣ или въ полѣ, а иногда являясь къ нему въ избу, она говоритъ: «я самъ Куга, већ хајде да ме носиш тамо и тамо!» За такую услугу она обѣщается пощадить какъ его самого, такъ и всѣхъ близкихъ ему родичей. Тотъ, кто носитъ Кугу, или вовсе не чувствуетъ усталости, или изнемогаетъ подь тяжелымъ, сильно-гнетущимъ бременемъ ⁵⁾. Таже басня известна и въ Бретани: въ одной пѣснѣ разсказывается о мельникѣ, который перевѣзъ на конѣ черезъ рѣку бѣлую женщину, а по другому варианту — онъ перенѣсъ ее на собственныхъ плечахъ. «Знаешь ли ты кого перевѣзъ?» спросила она; а—Чума. Мой обходъ по Бретани оканчивается; теперь я пойду въ церковь, и кого только коснется мой посохъ—

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 110; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, ст. Калачова, 45; Пов. и Пред., 83-85, 176; Ж. М. Н. П. 1836, VI, 464-5. — ²⁾ Номис., 73. — ³⁾ *Volklied der Wenden*, II, 268. — ⁴⁾ Громаничъ, 6, 186. — ⁵⁾ Срп. рјечник, 311; Илличъ, 299—300.

тотъ немедленно долженъ умереть, но ты не бойся! тебѣ и твоей матери я не сдѣлаю никакого вреда». Слова эти оправдались надѣлъ: всѣ обыватели померли, исключая двухъ — старой вдовы и ея сына ¹⁾). Припомнимъ, что духи болѣзней ѣдятъ насвоей жертвѣ и что, по свидѣтельству сказки, Богъ осудилъ нѣкогда солдата носить на плечахъ голодную Смерть (стр. 51). Въ Литвѣ чуму и вообще всякую повальную болѣзнь называютъ Моровой дѣвою; показываясь въ деревнѣ, она обходитъ домъ, просовываетъ руку въ окно или дверь и махаетъ краснымъ платкомъ, навѣвая на хозяевъ и домочадцевъ смертельную заразу. При ея появленіи, жители запираются въ своихъ избахъ, не открываютъ ни оконъ, ни дверей, и только совершенный недостатокъ припасовъ и голодъ заставляютъ ихъ нарушать эту предосторожность. Въ старые годы жигъ-бигъ шляхтичъ; рѣшившись пожертвовать собою для общаго блага, онъ взялъ саблю и сѣлъ у нарочно-открытаго окна; какъ только Моровая дѣва протянула въ окно руку, шляхтичъ ударилъ саблею и отрубилъ ей кисть. Самъ онъ умеръ, померло и его семейство, но съ той поры язва уже не показывалась въ этой мѣстности. Подобное-же преданіе уцѣлѣло и въ памяти русскаго народа: храбрый казакъ отрубилъ руку вѣдьмы, которая дѣйствовала также губительно, какъ моровая язва; въ глухую полночь являлась она вся въ бѣломъ, отворяла окно избы, просовывала руку съ кропиломъ и начинала кропить въ разныя стороны, а къ утру вымирала вся семья. Въ нижне-нѣмецкой сагѣ Смерть заглядываетъ въ окно, и на кого упадутъ ея взоры — тотъ дѣлается добычею могилы ²⁾). Рассказываютъ еще, будто Моровая дѣва, одѣтая въ бѣлое платье, объѣзжаетъ города и села на высокой колесницѣ; останавливаясь передъ домомъ, она

¹⁾ D. Myth., 1136—7. — ²⁾ Ibid., 1141; Н. Р. Сл., VII, 36, а.

махаетъ платкомъ и спрашиваетъ: «что дѣлаете?» Если ей отвѣчаютъ: «Бога хвалимъ!» — то она не касается никого изъ живущихъ и ѣдетъ далѣе, пронося угрюмымъ голосомъ: «хвалите Его присно и во вѣки вѣковъ!» А если на вопросъ Моровой дѣвы скажутъ: «спимъ!» — то она нарекаетъ смертный приговоръ: «спите-же вѣчнымъ сномъ!»¹⁾ Въ этихъ суевѣрныхъ сказаніяхъ поселянъ Мицкевичъ угадалъ свѣжія, никогда-нестарѣющія поэтическія краски, и съ талантомъ истиннаго художника воспользовался ими въ слѣдующихъ стихахъ: *Mogowa dziewczica*

w bieliznie, z wiankiem ognistym na skroniach,
czoljem przenosi bialjowieskie drzewa,
a w ręku chustką skrwawioną powiewa.
Dziewica stąpa kroki zljowieszczemi
na siolja, zamki i bogate miasta;
a ile razy krwawą chustką skinie,
tyle pałaców zmienia się w pustynie;
gdzie nogą stąpi, świeży grób wyrasta

У Гримма указана литовская клятва: «kad tawę Giltine pasmaugtul!» — чтобъ тебя Чума удушила!²⁾ По своему стихійному характеру, богиня смерти и Чума роднятся въ преданіяхъ литовцевъ съ облачной женою — лаумой, о которой увѣряютъ, что она рядится въ различныя одежды: если лаума надѣваетъ зеленое платье — это предвѣщаетъ хорошій урожай — роскошную зелень на лугахъ и нивахъ; если она показывается въ красномъ платьѣ — это предвѣщаетъ жестокую войну — убійства и пролитіе крови, а если въ черномъ — это знаменуетъ приближеніе голода и мора³⁾. Поляки увѣряютъ, что Моровая дѣва разѣзжаетъ въ дву-колесной повозкѣ⁴⁾; а лужичане рассказываютъ о невидимой колесницѣ, которая съ грохотомъ носится по улицамъ въ двѣнадцать ча-

¹⁾ Семеньск., 126-7; Иллюстр. 1848, № 28. — ²⁾ D. Myth., 1437. — ³⁾ Москв. 1846, XI—XII, 249. — ⁴⁾ Пов. и пред., 477.

совѣ ночи, и въ томъ домѣ, возлѣ котораго она остановится, непремѣнно кто-нибудь да сдѣлается добычею смерти ¹⁾. Поѣздъ Чумы въ Подолію называютъ го́минь ²⁾ — слово, означающее: громкій говоръ, неистовые звуки, шумъ, завываніе бури ³⁾. Потерявъ во время моровой язвы жену и дѣтей, русинъ покинулъ свою хату и ушелъ въ лѣсъ; къ вечеру онъ развелъ огонь, помолился Богу и заснулъ. Въ самую полночь его разбудилъ страшный шумъ: издали неслись нестройныя, дикіе клики, слышались дудки и звонъ бубенчиковъ. Голоса приближались, и вскорѣ видно было, что по дорогѣ таетея го́минь. На высокой черной колесницѣ ѣхала Чума, сопровождаемая толпою чудовищъ, стаю совѣ и нетопырей. Свѣта ея съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе умножалась, потому что все, что ни попадалось на пути, даже камни и деревья превращались въ чудовищныя привидѣнія и приставали къ поѣзду. Когда го́минь поровнялся съ разведеннымъ костромъ, Чума затянула адскую пѣсню. Подолянинъ хотѣлъ было съ испугу ударить въ ближайшее къ нему привидѣніе топоромъ, но и топоръ вырвался изъ его рукъ, превратился въ живое существо на козыхъ ногахъ и понесся вслѣдъ за демонскимъ сборищемъ. Подолянинъ упалъ безъ чувствъ, и когда очнулся — на небѣ уже сіяло солнце; платье его было изорвано въ лохкутья, а топоръ лежалъ переломленный ⁴⁾. Такимъ образомъ Чума, подобно древнимъ богинямъ, возсѣдаетъ на колесницѣ, и поѣздъ ея сопровождается бурей и привидѣніями, т. е. злыми духами и тѣнями усопшихъ — точно также, какъ, по германскому преданію, Одинъ — богъ, посылающій

¹⁾ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 329—330. — ²⁾ Го́монъ = го́мъ, гамъ. — ³⁾ Пѣсня: „Го́минь, го́минь по дубровѣ, Туманъ поле покрывае“. — ⁴⁾ Семеньск., 144-5; Эрбенъ, 126-7; Пов. и пред., 88—90, 178.

валькириѣ за душами убитыхъ героевъ, мчится во главѣ неистоваго воинства или дикой охоты, сопутствуемый демонами грозы и вихрей, мертвецами и костлявою Смертью. Это—поэтическое изображеніе опустошительной бури, вѣяніе которой несетъ губительную язву; все, что ни встрѣчается на пути, вихри ломаютъ и увлекаютъ въ своемъ стремительномъ полетѣ; адская пѣсня, звуки дудокъ и бубенчиковъ—метафоры воющихъ вѣтровъ; Смерть, какъ мы видѣли, сама представлялась музыкантомъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ сказаній, Гелла ѣздитъ въ колесницѣ или на треногомъ конѣ (сравни выше, стр. 4), т. е. въ грозовой тучѣ, и шлетъ на божій міръ заразу; поражая людей, она сватываетъ дѣши и навьючиваетъ ими своего коня. О смертоносномъ дѣйствіи моровой язвы выражаются: «die Hell ist verjagt», а когда захворавшій этою болѣзней выздоровѣетъ, о немъ говорятъ: «er hat sich mit der Hell abgefunden» (онъ раздѣлался съ Геллою). Богиня смерти слѣдовательно является въ качествѣ охотника, ловчяго христіанскихъ душъ; подобно Одну въ его бурныхъ полетахъ, она въ нѣкоторыхъ сагахъ выступаетъ на борьбу съ жизнью въ сопровожденіи большого воинства; за ней слѣдуютъ свита и слуги, несущіе ея знамя и оружіе. Финны надѣляютъ Чуму конемъ и колесницею ¹⁾; а наше лѣтописное свидѣтельство утверждаетъ, что тѣ незримые духи (навье), которые избивали полочанъ, ѣздили на коняхъ. Сербы знаютъ не одну, а нѣсколько моровыхъ женъ, рожденныхъ отъ демона и обитающихъ за моремъ: «Куга имају преко мора своју земљу, гдѣ само оне живе, па их Бог пошље амо (кад људи зло раде и много грѣеше) и каже им—колико ће људи поморити.» Обыкновенно насчитываются три сестры-Куги. Во время чумы поселяне не рѣшаются оставлять до утра немытой посуды, ибо Куга приходитъ ночью въ ѣзбу, и если найдетъ

¹⁾ D. Myth., 290, 804—7, 1141.

ненытыя блюда и ложки, то отравляетъ ихъ ¹⁾; въ этомъ повѣрьи она сближается съ богиней Гольдою, царицею нерожденныхъ и усопшихъ душъ, которая не терпитъ безпорядка въ домахъ и наказуетъ нерадивыхъ слугъ и хозяевъ. Обь отравѣ сосудовъ демонами было сказано выше (стр. 62, 71). Чтобы сойдти на землю, Кугѣ приходится переплывать воздушное море. Отсюда возникли рассказы, что на пути своемъ она переправляется черезъ рѣку. Колесница Чумы замѣняется иногда ладьей, въ которой эта злобная дѣва, исполняя обязанность Харова или архангела Михаила, увозитъ души умершихъ. Когда въ царствованіе Юстиніана свирѣпствовала чума, то на морѣ видѣли мѣдную барку; въ ней сидѣли черные мужи безъ головъ, и куда направляли они свой путь, тамъ немедленно начиналась язва. По хорутанскому преданію, Куга переѣзжала на ладьѣ черезъ рѣку Саву ²⁾. Въ замѣну платка, которымъ вѣетъ Моровая дѣва, германскія преданія говорятъ о вѣтннкѣ: этотъ платокъ—метафора бурнаго облака, а вѣтннкъ—необходимый атрибутъ вѣдьмы, символъ вихря, нагоняющаго туманы и тучи. Въ Норвегіи Pest a, тошная, блѣдная старуха, ходитъ по землѣ съ граблями ³⁾ и вѣтннкомъ; гдѣ она дѣйствуетъ первымъ орудіемъ—тамъ еще остаются нѣкоторые въ живыхъ, ибо грабли не все дочиста загребаютъ, а гдѣ мететъ вѣтннкомъ—тамъ рѣшительно все вымираетъ; часто она появляется въ красномъ платьѣ. Шведскія саги рассказываютъ о Моровой дѣвѣ (Pestjungfrau), что впереди ея идетъ крошечный и прекрасный мальчикъ (—эльфъ) съ желѣзными граблями (rifva—geibeisen), а сама она выступаетъ съ вѣтннкомъ, и что остается въ живыхъ отъ ея передоваго спутника, то все подметаешь безжалостной рукою ⁴⁾.

¹⁾ Срп. рјечникъ, 311; Иличъ, 299. — ²⁾ D. Myth., 1136; сб. Валавца, 243. — ³⁾ „Mit einer reibe (rive), einem gezahnen werkzeug, womit erde oder heu und getraide auseinander gezogen wird“. — ⁴⁾ D. Myth., 1139—1140.

Мифическія представленія, соединяемыя съ моровою язвою, распространяются и на холеру, и на скотскій падежъ. На Руси холеру представляютъ старухою, съ злобнымъ, искаженнымъ страданіями лицомъ ¹⁾; въ Малороссіи увѣряютъ, что она носитъ красныя сапоги, можетъ ходить по водѣ ²⁾, безпрестанно вздыхаетъ и по ночамъ бѣгаетъ по селу съ возгласомъ: «була беда, буде лихо!» Гдѣ она остановится переночевать, въ томъ домѣ не уцѣлѣетъ въ живыхъ ни единого человѣка. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что холера является изъ-за моря, и что ихъ три сестры ³⁾, одѣтыя въ бѣлыя саваны; однажды мужикъ, отправляясь на базаръ въ городъ, подвѣзъ съ собою двухъ сестеръ-холеръ; онѣ сидѣли на возу, держа на колѣняхъ узелки съ костями; одна изъ нихъ отправлялась морить людей въ Харьковъ, а другая—въ Курскъ ⁴⁾. Сходно съ этимъ, новогреческое сказаніе упоминаетъ о трехъ страшныхъ женахъ, которыя странствуютъ вмѣстѣ по городамъ и селамъ и караютъ жителей моровою язвою: одна носитъ длинный свитокъ, гдѣ записаны имена приговоренныхъ къ смерти; другая — ножницы, которыми наносятъ людямъ смертельные удары; а третья — вѣникъ, которымъ сметаетъ съ лица земли все живое. Очевидно, что эти три моровыя жены, сербскія три кури и наши три сестры-холеры тождественны съ древними парками, эменидами и фуріями ⁵⁾. Болгары утверждаютъ, что Чума и повальная Оспа, являясь по ночамъ, читаютъ по книгѣ: кто долженъ умереть и кто выздоровѣть ⁶⁾. О чумѣ рогатаго скота русскіе поселяне рассказываютъ, что это безобразная старуха, у которой руки съ граблями; она

¹⁾ Во владимірской губ. ее называютъ собачьей смертью.— ²⁾ Закавказ. край Ганстгаузена, II, 60.— ³⁾ Или: братья и двѣ сестры.— ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1850, 16; Владим. Г. В. 1844, 53; Рус. Рѣчь 1861, 41; Пов. и пред., 177.— ⁵⁾ D. Myth., 1136.— ⁶⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

называется Коровья или Товаряча ¹⁾ Смерть, и сама рѣдко заходитъ въ сѣла, а болѣею частію ее завозятъ. Показывается она преимущественно осенью и ранней весною, когда скотина начинаетъ страдать отъ безкормицы и дурной погоды. Въ февралѣ-мѣсяцѣ, по мнѣнію крестьянъ, Коровья Смерть пробѣгаетъ по селамъ — чахая и заморенная. Чтобы прогнать ее въ лѣса и болота, совершается торжественный обрядъ опахиванія, т. е. около селенія обводится круговая, со всѣхъ сторонъ замкнутая черта, черезъ которую Чума не въ силахъ переступить ²⁾. Обрядъ этотъ употребляется и противъ холеры. Я. Гриммъ сообщаетъ слѣдующій рассказъ: встрѣтила Чума крестьянина и попросила подвести себя; узнавши дорогою свою спутницу, крестьянинъ сталъ молить о собственной пощадѣ, и Чума научила его обѣжать нагишомъ вокругъ своего дома и закопать у порога желѣзный крюкъ. вмѣсто того, крестьянинъ обѣжалъ вокругъ всей деревни, а желѣзо закопалъ при самомъ ея вѣздѣ. Язва страшно свирѣпствовала въ окрестностяхъ, но не могла проникнуть въ деревню, огражденную невидимою чертою и желѣзнымъ запоромъ ³⁾. Коровья Смерть нерѣдко принимаетъ на себя образъ черной собаки или коровы, и разгуливая между стадами, заражаетъ скоть. У насъ ее называютъ Морною коровою, въ Шлезвигъ-Голштейнѣ — *Kuhtod* и *Viehschelm*; въ Ирландіи рассказываютъ о быкѣ-эльфѣ (*elfstier*), который осенью приходитъ на сжатые поля и смѣшивается съ деревенскими стадами ⁴⁾. У словенцовъ чума рогаго скота олицетворяется пестрымъ теленкомъ: своимъ мычаньемъ этотъ оборотень умерщвляетъ коровъ и овецъ ⁵⁾.

¹⁾ Товаръ — рогатый скоть. — ²⁾ Сахаровъ, II, 10—11; Зап. Общ. рус. и слав. археолог., I, отд. 2, 46. — ³⁾ D. Myth., 1138—9. — ⁴⁾ Der Urspr. der Myth., 182; Beiträge zur D. Myth., II, 307; Труды моск. археол. общ., в. II, 181. — ⁵⁾ D. Myth., 1140; Терещ., VI, 42.

Въ томской губ. сибирская язва представляется въ видѣ высокаго, мохнатаго чловѣка, съ копытами на ногахъ; онъ живетъ въ горахъ и выходитъ оттуда, заслыша клятвы: «язви те!» «пятнай те!» ¹⁾)

¹⁾ Этн. Сб., VI, 135. У болгаръ существуетъ повѣрье, что Чума или Оспа, желая удалиться изъ деревни, является кому нибудь во снѣ и требуетъ, чтобы онъ проводилъ ее въ такую-то сторону. Избранный въ проводники беретъ хлѣбъ, намазанный медомъ, нѣсколько соли и штофъ вина; утромъ, передъ восходомъ солнца, онъ идетъ на указанное мѣсто, какъ-бы сопутствуя незримой странницѣ, и тамъ оставляетъ хлѣбъ, соль и вино. Послѣ того болѣзнь прекращается — Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

XXIII.

ОБЛАЧНЫЯ ЖЕНЫ И ДЪВЫ.

Прародительское племя аріевъ называло дождь небеснымъ молокомъ; видѣтъ съ этимъ дождевыя облака рисовались его фантазіи сосцами дойной коровы и грудями женщины-матери. Понятіе «воздоющей» равно соединилось и съ коровою, и съ мамкою, кормилицею; а молнія, которая сосетъ облачныя груди, вытягиваетъ изъ нихъ молоко-дождь, получила названіе смока—сосуна (см. I, 665; II, 560). И женскія груди, содержащія въ себѣ молоко, и облака, несущія дождь, обозначаются въ санскритѣ тождественными выраженіями: *stana-jitni* (отъ *stana*—дышать, стенать, съ приставкою *jitni*) и *raudhaga* (отъ *raua*—питье, питаніе и *dhg*—содержать; буквально: то, что содержитъ питательную влагу)—*шаштае* и *pubes* ¹⁾. Представленіе тучъ материнскими грудями засвидѣтельствовано поэтическими преданіями индусовъ ²⁾; слѣды того-же древняго воззрѣнія встрѣчаемъ и у другихъ индоевропейскихъ народовъ. Трогательная сербская пѣсня про «зиданье Скадра» рассказываетъ, что когда въ стѣны этого города была замурована молодая жена—она просила зодчаго:

¹⁾ У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 2, ст. Лавровск., 4. — ²⁾ German. Mythen, 76.

Остави ми прозор на дојкама,
Истурн ми моје б'јеле дојке;
Каде дође мој нејаки Јово,
Каде дође, да подоји дојке. ¹⁾

Просьба ея была исполнена.

И тако је у град уградише,
Па доносе чедо у кол'јевци,
Те га доји за нећел(ь)у дана;
По нећел(ь)и изгубила гласа,
Ал' њетету онђе иде рана,
Дојише га за годину дана.
Како таде, тако и остаде,
Да и данас онђе иде рана
Зарад' чуда и зарад' лијекѣ,
Која жена не има млијека ²⁾.

Говорять (прибавляетъ Вукъ Караджичъ). «да и сад из онијех прозора, гдје су сисе биле измољене, тече некака мокрина, која се низа зид хвата, као креч, и жене, које немају млијека, или их сисе боле, носе оно, те пију у води» ³⁾. Подобное-же италянское преданіе приведено у Я. Гримма: «est quoque non procul ab hoc oppido (Veronae) in valle quadam Policella dicta locus Negarina nomine, ubi saxum durissimum visitur, in quo mammae ad justam muliebrum formam sculptae sunt, ex quarum papillis perpetuae stillant aquae, qui-

¹⁾ Переводъ: Оставь мнѣ оконцы для грудей, выпусти мои бѣлыя груди; когда принесутъ моего бѣднаго Јована — пусть пососеть груди. — ²⁾ Итакъ заложили се въ стѣну; приносили къ ней ребенка въ колыбели — и кормила она его цѣлую недѣлю, а потомъ хотя потеряла голосъ, но все давала пищу своему дитяти и кормила его цѣлый годъ. Какъ было тогда, такъ и осталось: и теперь идетъ отъ нея питаніе — ради чуда и ради исцѣленія женамъ, у которыхъ нѣтъ молока. — ³⁾ И донинѣ възъ тѣхъ оконцевъ, откуда выказывались сосцы, течеть вѣная влага, которая осѣдается внизу стѣны, какъ извѣсть, и жены, немѣющія молока или съ большими грудями, носятъ ее (при себѣ) или пьютъ въ водѣ — Срп. и пјесме, II, 123—4.

bus si lactans mulier papillas aspersit et laverit, exsiccatu8 aliquo ut fit vel morbo vel alio casu, illi lacteus humor r-vocatur» ¹⁾. Прототипомъ этихъ сказаній былъ мифъ о небесныхъ, облачныхъ грудяхъ, дарующихъ неизсякаемое илеко дождя; припомнимъ, что, на ряду съ означеннымъ представленіемъ, тучи уподоблялись еще твердымъ скаламъ и возводимымъ на небѣ городамъ и башнямъ. Въ разныхъ мѣстахъ, изъ каменныхъ стѣнъ и утесовъ течется, по народному повѣрью, живительная вода или цѣлебное масло.

Олицетворяя явленія природы въ живыхъ, человѣческихъ образахъ, предки наши пришли къ убѣжденію, что эти облачныя груди принадлежать тѣмъ небеснымъ нимфамъ, которыя льютъ на землю дождевые потоки, и въ самыхъ облакахъ лѣтняго періода стали признавать прекрасныхъ полногрудыхъ женъ. Такой взглядъ раздѣлялся всѣми народами индоевропейскаго происхожденія. Индусы видѣли въ облакахъ и тучахъ не только толпы демоновъ, но и божественныхъ водныхъ женъ, обитающихъ въ воздушномъ океанѣ — *āras*, которыя изъ своихъ материнскихъ сосцевъ пьютъ и питаютъ землю дождемъ. Этихъ мифическихъ женъ они называли матерями, супругами, родильницами (*ambayas, mātagas, patnis, gnās, jānayas*), и почитали ихъ возлюбленными подружками боговъ (*dēvaratnis*). Съ ними родственны *apsaras* — небесныя дѣвы, населяющія воздушную область между землею и солнцемъ; ния это, по объясненію Маннгардта, означаетъ: «неимущія образа» или «шествующія по водамъ» (*die gestaltlosen, die im wasser gehenden*). Облака и туманы

¹⁾ Недалеко отъ Вероны есть мѣсто, гдѣ видна твердая скала, въ которой выдѣланы груди на подобіе женскихъ; изъ нихъ постоянно капаетъ вода, и если мать-дорилица омоетъ этою водою свои сосцы, то ей снова возвращается молоко, утраченное вслѣдствіе болѣзни или по другой причинѣ—D. Myth., 1129.

отличаются необыкновенно-легкою подвижностью, безпрестаннымъ измѣненіемъ своихъ формъ, что и дало поводъ фантазіи представлять ихъ въ разнообразныхъ олицетвореніяхъ и породило многочисленныя басни о ихъ превращеніяхъ. По своей облачной, туманной природѣ, апсарасы любятъ превращаться, и нерѣдко являются коровами, несущими въ своихъ сосцахъ обильное молоко; въ этомъ видѣ ихъ постигаютъ и доятъ грозовые гевии — гандарвы. Водяныя жены (ápaç) и апсарасы считались хранительницами амриты — безсмертнаго напитка, заключеннаго въ тучахъ ¹⁾. Греческія нимфы (νύμφη = nymphe), по первоначальному ихъ значенію, суть облачныя дѣвы; онѣ живутъ въ пещерахъ (= нѣдрахъ тучъ), прядутъ, готовятъ ткани, купаются и поютъ пѣсни — все черты, указывающія на ихъ связь съ грозовыми явленіями ²⁾. Въ мифѣ дикой охоты германцы изображали картину лѣтней грозы; цѣлью этой охоты была прекрасная windsbräut или waldfrau, за которую гнался бурный, молніеносный богъ и которая, подобно нашимъ лѣсункамъ, представлялась съ большими, отвислыми грудями (см. II, 343). Въ Баваріи темное, дождевое облако называютъ: «a nel (= grossmutter) mit der laugen», т. е. бабка съ щолокомъ (= кипучимъ дождемъ); у чеховъ эти облака извѣстны подъ именемъ bàby bàbky: «bàby vystupuji, bude pršet» (дождь); «bàby vstavaji, bude bouřka»; объ осеннихъ туманахъ, когда они поднимаются вверхъ, выражаются: «bàby vstavaji». Въ лѣтнее время бабы или Мраченка (отъ шгаіпо — черная туча) выходятъ изъ колодцевъ и возносятся къ облакамъ, неся съ собою воду, которою потомъ орошаютъ землю, и тѣмъ самымъ даруютъ урожай ³⁾. Отсюда объясняется старинная рус-

¹⁾ Die Götterwelt, 53—55. — ²⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 242. — ³⁾ D. Myth., 607; Гавушъ о Дядѣ и Бабѣ, 4; Громанъ, 32, 230; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148.

ская поговорка: «шла баба изъ-за моря, несла кузовъ здоровья», т. е. облачная жена несетъ изъ воздушнаго океана живую, цѣлющую воду — дождь; по народному повѣрью, эта спасительная вода скрывается на зиму въ крѣпкихъ затворахъ, и только въ мартѣ-мѣсяцѣ, прилетая изъ-за моря, лег-вокрылыя птицы, какъ воплощеніе вѣтровъ, приносятъ ее изъ неволи. Когда моютъ ребенка въ банѣ, то при этомъ причитываютъ: «шла баба изъ-за моря, несла кузовъ здоровья: тону-сему кусочекъ, тебѣ весь кузовочекъ!» а затѣмъ, окачивая водою, приговариваютъ: «съ гуся вода, съ тебя худоба; вода-бъ къ низу, а ты бы къ верху!» (подымался, росъ. ¹⁾) Когда въ мартѣ-мѣсяцѣ неожиданно завернуть холодъ и вьюги и оцѣпенять дождевыя тучи, тогда, по выраженію сербовъ, наступаютъ бабины уковы, т. е. облачныя жены снова падаютъ въ зимнія оковы. Но, кромѣ дожда, тѣже мнѳескія жены шлютъ на землю градъ и снѣгъ. По чешскому повѣрью, градъ падаетъ изъ тѣхъ тучъ, на которыхъ возсѣдаютъ вѣдьмы; въ Вестфалии о паденіи снѣга говорятъ: «die alten weiber schütten den pelz (шкура — облачный покровъ) aus» ²⁾; у насъ въ началѣ зимы, какъ только покроетъ землю первый снѣгъ, крестьянскія дѣти дѣлаютъ изъ него бабу, т. е. катаютъ снѣжный шаръ.

Обитая въ дождевыхъ тучахъ — небесныхъ источникахъ и моряхъ, облачныя нимфы получили прозваніе водяныхъ или морскихъ женъ и дѣвъ. Впослѣдствіи, когда утратилось ясное пониманіе старинныхъ метафоръ и когда поэтическія сказанія о небесныхъ потокахъ были низведены на землю, эти жены и дѣвы покинули воздушныя области и овладѣли земными водами, хотя и удержали при этомъ многія любо-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 155; Иллюстр. 1846, 333. — ²⁾ Громанъ, 32; Die Götterwelt, 88,

нытныя черты своего первоначальнаго происхожденія (см. т. II, стр. 203). Такъ явились въ Греціи наяды, неремды, въ Германіи никсы, у насъ и чеховъ русалки Русалка означаетъ водяную дѣву; во многихъ славянскихъ земляхъ (въ Россіи, Польшѣ, Богеміи, Сербіи, Болгаріи) встрѣчаемъ родственныя съ этимъ именемъ названія источниковъ, рѣкъ и прибрежныхъ странъ: Руса, Россъ, Русилровка, Rusesa, Ras, Rasa, Rasenica, Rasina, Rasinica и др., что заставляеть предполагать въ нихъ древнѣйшій корень, служившій для обозначенія воды вообще. Въ санскритѣ gasa — жидкость, влага, вода, кельт. gus, gos — озеро, прудъ, лат. gos — роса (орошать, росинець — дождь); у древнихъ литовцевъ gasos szwente — праздникъ росы въ іюнь-мѣсяцѣ, соотвѣтствующій «русалиямъ»; нѣм. gieſ-elп — струиться, журчать, наше русло — середина рѣчнаго ложа ¹⁾. По рассказамъ поселянъ, рѣки (Днябрь, Десна, Сеймъ, Сула и др.), кривицы, озера и моря населены русалками. Древность этого вѣрованія засвидѣтельствована Прокопиемъ, который въ своей хроникѣ замѣчаетъ о славянахъ, что они обожали рѣчныхъ нимфъ. Смотри по тому, гдѣ живутъ водяныя жены и дѣвы, ихъ называютъ водяннами (водявами, воденицами) и морянами (у словаковъ: водене и morské rannу); первыя обитають въ рѣкахъ, озе-

¹⁾ Časopis českého Museum. šestý roční běh, вып. III (1833 г.), ст. Шафарика „o rusalkách“, 264; Рус. прост. праздн. IV, 6; Изв. Ак. Н., I, ст. Микуцкого, 115. Выше было замѣчено, что понитіе быстрого разлива, равно соединившееся съ стихіями свѣта и воды, выразилось въ опредѣленія ихъ словами, производными отъ однихъ и тѣхъ-же корней (см. II, стр. 286—9). На этомъ основаніи допускають сродство имени русалка съ прилагательнымъ русый (свѣтлый, рыжій), въ Ведахъ рушат — rutilans; хотя санскр. руш употребляется въ смыслѣ: ferire, laedere, occidere, но съ перенѣною нѣбнаго с въ ч (руч) означаетъ: lucere, splendere; въ русскомъ же языкѣ ручей — весенній или малый, незначительный потокъ — О ва. христ. на сл. яз., 16.

рахъ и колодцахъ, а послѣднiя въ морѣ ¹⁾). Онѣ любятъ селиться обществами и по преимуществу въ пустынныхъ мѣстахъ — въ омутахъ, котловинахъ и подъ рѣчными порогами, устроивая тамъ гнѣзда изъ соломы и перьевъ, собираемыхъ по деревьямъ во время Зеленой недѣли. По другимъ повѣрьямъ, у нихъ есть подводные хрустальные чертоги, блестящіе внутри (подобно волшебнымъ дворцамъ драконовъ) серебромъ, золотомъ, алмазами, яхонтами, жемчугомъ, разноцвѣтными раковинами и кораллами; дневное солнце сіяетъ и свѣтлыя волны съ шумомъ катятся черезъ прозрачныя кровли и стѣны этихъ роскошныхъ чертоговъ. У чеховъ водна раппа, высокая, красивая, но блѣднолицая, имѣетъ жилище подъ водою, сдѣланное изъ чистаго серебра и золота и украшенное розами и перлами. Такой-же богатый дворецъ, по литовскому преданію, былъ у царицы Балтійскаго моря Юраты. Выходя на поверхность воды, русалки плаваютъ, плещутся, играютъ съ бѣгучими волнами, или садятся на мельничное колесо (=громовый жорновъ, см. I, 291), вертятся вмѣстѣ съ нимъ, любуются брызгами, а потомъ бросаются въ глубь и съ возгласомъ: куку! ныряютъ подъ мельницей. Эти черты принадлежатъ русалкамъ наравнѣ съ водянымъ дѣдомъ, подъ властію котораго онѣ и состоятъ по народному убѣжденію. Какъ водяной, такъ и русалки извѣстны своими проказами: сидя въ омутахъ, онѣ путаютъ у рыбаковъ сѣти, цѣпляютъ ихъ за рѣчную траву, ломаютъ плотины и мосты и заливаютъ окрестныя поля, перенимаютъ заночевавшее на водѣ стадо гусей и завертываютъ имъ крылья одно за другое, такъ что птица не въ силахъ ихъ расправить ²⁾); о морскихъ русалкахъ въ астраханской губ.

¹⁾ Стат. Шафарика, 272. — ²⁾ Иллюстр. 1845, 299; Полтав. Г. В. 1846, 21; Маркевич., 81 — 82; Абев., 283; Описан. одонен. губ. Дашкова, 218; Украин. мелодіи, 146; Ворон. Г. В. 1850, 16; Приб. въ Ж. М. Н. П. 1846, 18—19; Терещ., VI 133; Arkiv za ro-
vstnicu jugoslovensku, I, 101—4.

рассказываютъ, что, появляясь изъ водъ, онѣ воздымають бурю и качають корабли ¹⁾). Что колодцы, рѣки и моря, населенныя русалками, составляютъ не болѣе, какъ смутное воспомина- ние о небесныхъ дождевыхъ источникахъ, это подтверждается и тѣмъ, что, наряду съ водами, фантазія населяетъ ими горы и лѣса (старинныя метафоры тучъ), и такимъ образомъ род- нить ихъ не только съ водяными, но и съ горными и лѣс- ными, т. е. грозowymi духами. Преданіе о горахъ, какъ оби- талищахъ русалокъ, почти позабыто на широкихъ равнинахъ Руси, потому что отсутствіе горныхъ возвышеній лишило это древне-мишечское представленіе необходимой для него обста- новки и не позволило ему развиться въ цѣлый рядъ поэтиче- скихъ сказаній, какія встрѣчаемъ у другихъ славянъ. Тѣмъ не менѣе въ «Абевегѣ русскихъ суевѣрій» записано, что русалки живутъ не только въ рѣкахъ, но и въ горахъ, и любятъ бѣ- гать по ихъ скатамъ. Въ Галиціи рассказываютъ, что онѣ пля- шутъ и веселятся на горахъ, а тождественныя съ ними мавки обитають на горныхъ вершинахъ ²⁾; чехи называ- ютъ высокія скалы — *bábi-hoгу*, *babie goгу* ³⁾. Эти бабы, русальи горы слились въ народномъ воображеніи съ возвы- шенными, нагорными берегами рѣкъ. Паисьевскій сборникъ и рукописи новгородскаго Софійскаго собора упоминають о тре- бахъ, поставляемыхъ рѣкамъ, источникамъ и береги- нямъ ⁴⁾; г. Срезневскій указалъ подобное-же мѣсто въ одномъ старинномъ поученіи духовнымъ дѣтямъ: «и Мокоши и пере- гини (берегини) и всякимъ богомъ мераськимъ требамъ не приближайся». «По лужицки (замѣчаетъ этотъ ученый) слово берегиня выговаривалось бы *brëginja* или *brëgina*, а при

¹⁾ Собр. 1852, I, 123. — ²⁾ Маякъ, XI, 52; Семеньск., 123—4. —

³⁾ Ганушъ о Бабѣ и Дѣдѣ, 4. — ⁴⁾ Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 97, 108.

замѣненіи звука б въ в—wregina. Слово wregina, во множествѣ wreginy известно въ лужицкомъ языкѣ, какъ названіе злаго духа, альпа: wón ma wreginy значить тоже, что по нѣмецки: er hat die elfen». Древнѣйшее значеніе слова брѣгъ (берегъ) есть гора (сравни нѣм. berg и кельт. brig—mons); а потому названіе берегиня могло употребляться въ смыслѣ ореды, горыни (также, какъ у нѣмцевъ alp, alpe, alrump—горы, alrinna, elrinna—горный духъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для обозначенія водяныхъ дѣвъ, блуждающихъ по берегамъ рѣкъ и потоковъ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рассказываютъ о лѣсныхъ русалкахъ, и вообще весною, выходя изъ глубокихъ водъ, онѣ разбѣгаются по сосѣднимъ лѣсамъ и рощамъ и совершенно смѣшиваются съ лѣсунками (первоначально тождественными облачнымъ женамъ, см. гл. XVII): также любятъ качаться по вечерамъ на гибкихъ вѣтвяхъ деревьевъ, также неустово хохочутъ, также зашекочиваютъ на смерть и увлекаютъ въ омуты неосторожныхъ путниковъ, завидя которыхъ—манятъ къ себѣ ласковымъ голосомъ: «хадзице къ намъ на орели²⁾, колыхацся!» Чаше всего это случается на Троицкую недѣлю, и малоруссы боятся тогда запаздывать въ лѣсу и отблжкаться на чужое аukaanь; въ харьковской губ. русалку называютъ лоскоталкою. Вѣроятно, въ связи съ качаньемъ лѣшихъ и русалокъ на древесныхъ вѣтвяхъ возникъ старинный обычай ставить при началѣ весны (на Свѣтлой и Троицкой недѣляхъ) качели, какъ необходимую принадлежность тогдашнихъ игръ, —обычай, строго осуждаемый моралистами допетровской эпохи (см. II, 718). До сихъ поръ крестьяне свиваютъ на Троицу вѣтви двухъ смежныхъ березъ, чтобы, цѣпляясь за нихъ, могли качаться русалки. Подобно лѣшцимъ,

¹⁾ Москв. 1851, V, 63; Volkslieder der Wenden. II, 269: здѣсь wreginy сближаются съ словомъ врагъ, пол. wróg. — ²⁾ Качели.

русалки носятъ по рощамъ и бьютъ въ ладоши, или свернувшись клубкомъ, съ громкимъ хохотомъ катаются по травѣ и дорогамъ, и хохотъ ихъ далеко раздается въ глубинѣ лѣсной чащи; волосы у нихъ обыкновенно зеленые, или увѣнчанные зелеными вѣнками; чешская vodna раппа носить легкую зеленую одежду и бѣлое покрывало, усыпанное перлами ¹⁾. На Днѣпрѣ есть старой густой лѣсъ, называемый гаешъ русалокъ ²⁾.

Какъ владѣтельница источника живой воды, все вызывающей къ бытію, всему дарующей красоту, молодость и силы, русалки вѣчно-юны и также прелестны собою, какъ эльфы, съ которыми у нихъ много общаго, близкаго, родственнаго; ибо въ сказаніяхъ о тѣхъ и другихъ лежатъ однѣ мнѣшескія основы. Лицо русалки исполнено несказанной, плѣнительной красоты, всегда-распушенные русые, черныя или зеленыя косы низпадаютъ по спинѣ и плечамъ ниже колѣнъ, станъ—стройный, глаза—голубые или черныя, съ длинными пушистыми рѣсницами; но вмѣстѣ съ этимъ, какъ въ существѣ стихійномъ, во всемъ ея тѣлѣ замѣчается что-то воздушно-прозрачное, безкровное, блѣдное. Сходно съ эльфами, русалки болѣею частію представляются семилѣтними дѣвочками; есть между ними и взрослыя дѣвы, съ полными, хорошо-развитыми и бѣлоснѣжными грудями, но это—несчастныя утопленницы, осужденныя по смерти быть русалками. Съ человѣческими формами русалокъ соединяются и тѣ особенныя признаки, какіе присвоены воднымъ нимфамъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; такъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ разсказываютъ о ихъ гусиныхъ ногахъ, или вмѣсто ногъ

¹⁾ Вѣст. Евр. 1818, XXII, 115—6; Полтав. Г. В. 1846, 21; Киев. Г. В. 1845, 15; Украин. Журналъ 1824, XI, 250; Терещ., VI, 134; Маякъ, XIII, 49; Описан. оловец. губ., 218; Украин. мелодіи, 144—5; Москов. Вѣстк. 1827, VI, 358.— ²⁾ Шафарикъ, 266.

даютъ имъ раздвоенный рыбій хвостъ, напоминающій греческихъ сиренъ ¹⁾). Какъ тѣ очаровывали пѣніемъ пловцовъ и увлекали ихъ въ глубину водъ, такъ, по русскимъ вѣрѣямъ, всякой, кто увидитъ русалку и услышитъ манящіе звуки ея голоса, поддается неодолимому обаянію ея красоты, кидается въ волны и тонетъ — при злобномъ хохотѣ водяныхъ дѣвъ. Съ русалками могутъ купаться однѣ вѣдьмы; а крещеные люди, рѣшаясь на это, гибнутъ въ омутѣхъ. Германцы думали, что всѣ губящіе въ морѣ увлекаются на дно девятью дочерьми Раны и живутъ въ подводныхъ палатахъ этой морской богини. Мы знаемъ, что массы сгущенныхъ облаковъ сравнивались съ разбросанными по воздуху, веялооченными и спутанными волосами, которые во время грозы расчесывалъ богъ вѣтровъ и молній: Эта поэтическая мысль нераздѣльна со всѣми олицетвореніями облачныхъ и грозовыхъ явленій природы: длинные, косматые волоса даются и дошовымъ генимъ, лѣснымъ и водянымъ духамъ, вѣдьмамъ и трясавицамъ. Съ распущенныхъ волосъ русалки непрерывно сочится вода, т. е. по первоначальному значенію—съ густыхъ прядей ея облачной косы льются дождевые потоки. Поселянамъ случалось видѣть, какъ русалки, сидя у колодца, на уединенномъ берегу рѣки, озера, или на мельничномъ колесѣ, расчесывали гребнемъ, сдѣланнымъ изъ рыбьей кости, свои русые или зеленые косы, съ которыхъ цѣлымъ потокомъ струилась пензаякая вода. Въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ есть двѣ криницы Заручейская и Сухомлинская, пользующіяся въ народѣ особеннымъ уваженіемъ. На срубѣхъ этихъ колодцевъ каждый годъ на Зеленой недѣлѣ, при утреннемъ разсвѣтѣ, сидятъ прекрасныя дѣвы, съ распущенными русыми косами, и расче-

¹⁾ Польская сказка (Глинск., IV, 39) изображаетъ русалку дѣвою съ рыбьимъ хвостомъ.

сываютъ ихъ гребнемъ. Дѣвы эти называются криницами и русалками. Въ томъ-же уѣздѣ сохраняется преданіе о ручьѣ «Буковище». Въ его водахъ потонула когда-то дѣвочка, у которой мать была вѣдьма; опечаленная мать стала клясть ручей и бросила въ него горячую сковороду. Проклятiе было такъ сильно, что нимфа этихъ водъ удалилась съ прежняго мѣста на новое: красною дѣвицею, въ плахтѣ, монистахъ и съ растрепанной косою, пошла она изъ Юрнавки въ Бялицу и такъ горько плакала, «ажъ дуброва стонала». Окрестные жители видѣли, какъ она съѣла у Бялицы на криницѣ, расчесала свою кесу, бросилась въ воду и исчезла. Если при русалкѣ есть гребень, то она можетъ затопить любое мѣсто, расчесывая свои волнистые локоны; но за то если волосы ея обсохнутъ — она немедленно умираетъ, т. е. съ окончанiемъ грозы и дождевыхъ ливней, съ появленiемъ яснаго, все-изсушающаго солнца облачныя дѣвы исчезаютъ съ просвѣтленнаго неба. Вотъ почему русалки боятся отходить далеко отъ береговъ рѣки или озера, не захвативъ съ собою гребенки ¹⁾). Точно также любятъ расчесывать свои длинныя косы германскія эльбины и ниссы ²⁾).

Волоса, шерсть, пряди льну и конопли обозначались въ языкѣ тождественными выраженiями (I, 221—2, 681). Поэтому, одновременно съ уподобленiемъ облаковъ и тучъ спутаннымъ волосамъ, возникло представленіе ихъ мохнатою волною овецъ (руномъ) и куделями, изъ которыхъ придутся нити; сверхъ того, облака, какъ небесныя покровы —

¹⁾ Иллюстр. 1845, 299; О. З. 1828, ч. XXXIV, № 96, 108—9; Черниг. Г. В. 1854, 15; Русск. Преданiя, I, 10—11; Записки Авдеевой, 147; Терещ., VI, 124, 132—3; Пассекъ, III, 190; Рус. прост. праздн., IV, 12; Моск. Наблюдат. 1837, май, кн. II, 246; Маркевичъ, 81—82; Часопись чешск. музея 1834, II, 186. — ²⁾ D. Myth., 459; Beiträge zur D. Myth., 282—3.

одежда, признавались тканями, приготовленными изъ легкой пряжи поднимающихся съ земли паровъ и тумановъ (1, 542 — 6). Отсюда становится вполне-понятною связь облачныхъ жонъ и дѣвъ съ работами пряденья, тканья, и съ воздѣлываніемъ льна. По болгарскому повѣрью, прясть и ткать научилъ людей самъ Господь. На Украинѣ прялка считается за даръ божій, врученный первой жонѣ Евѣ. Въ великорусскихъ губерніяхъ увѣряютъ, что на краю свѣта—тамъ, гдѣ небо сходится съ землею, бабы затыкаютъ свои прялки и зальки за облака. Почти повсюду богиня весеннихъ грозъ, напоющая землю росой и дождями, признана была за покровительницу обработки льна. У грековъ Аонна ткала легкія одежды ¹⁾, а золотое веретено составляло одинъ изъ атрибутовъ Артемиды; окруженная толпою горныхъ и рѣчныхъ нимфъ, эта послѣдняя то охотилась по горамъ и лѣсамъ и бросала мѣткія стрѣлы, то куналась въ источникахъ и участвовала въ танцахъ подъ стѣною дубравъ и на цвѣтущихъ лугахъ ²⁾. По германскимъ преданіямъ, богиня Фрѣя, известная какъ дикая охотница, занимается въ уединенныхъ мѣстахъ пряжею; на Рождественскія Святки (in dem Zwölften) она ходитъ изъ дому въ дождь, въ бѣлой развѣвающейся одеждѣ, и смотритъ: весь ли лѣсъ вырвали дѣвицы? и если находитъ на гребнѣ кудель, то называетъ лѣтнюю работницу, пачкая ея прядею; тоже преданіе прилагается и къ богинѣ Гольдѣ, которой приписываютъ низпосланіе дождя и снѣга; а въ Гарцѣ рассказываютъ, какъ она шла къ горному источнику, неся въ рукѣ золотое ведро безъ дна, что напоиваетъ бездонныя бочки. Давая и дождевыя урны облачныхъ нимфъ. Гольда носитъ длинное бѣлое платье и бѣлое покрывало; волосы у ней густые, вклекоченные и золотистые. Въ сообществѣ

¹⁾ Илиада, XIV, 176. — ²⁾ Griech. Myth. Преллера, I, 231.

двухъ дѣвъ, въ бѣлоснѣжныхъ уборахъ и съ золотистыми доконами, она кушаетъ въ тихихъ прудахъ и поетъ прекрасныя пѣсни. Гольда проживаетъ въ горахъ и колодцахъ (= въ тучахъ). Сидя въ своемъ гротѣ или въ лѣсной чащѣ, она вертитъ золотое колесо прялки и прядетъ подь звуки мелодическихъ пѣсень; если случится кому-нибудь получить отъ нея клубокъ—изъ этого клубка тянется безконечная нитка, сколько бы его не разматывали. По мнѣнію тиролецъ, обработка льна введена Гольдой. Въ то время, когда цвѣтеть лёнъ, она обходитъ засѣяныя этимъ злакомъ поля, смотритъ на нихъ радостно, поправляетъ погнувшіеся стебли и благословляетъ цвѣтъ и зелень. По скатамъ горъ можно видѣть разостланныя бѣлыя холсты, на которыхъ она просушиваетъ связки льну. У лѣннвыхъ пряхъ она спутываетъ, начкаетъ или воджигаетъ кудели; а прилежнымъ даритъ веретена и сама прядетъ вмѣсто нихъ по ночамъ, такъ что по утру находятъ готовыя шпульки нитокъ. На Рождество (Weihnachten) frau Holda страивуетъ по землѣ, а потому женщины и дѣвнцы навязываютъ тогда на свои прялки новыя кудели и оставляютъ на ночь неубранными; увидя лёнъ на прялкахъ, Гольда радуется и говоритъ: «so manches haag, so manches gute jahr!» Передъ великимъ постомъ, когда она снова заглядываетъ въ домъ, весь прошлогодній лёнъ долженъ быть выпряденъ. Въ противномъ случаѣ, находя на прялкахъ неоконченныя кудели, она гнѣвается и восклицаетъ: «so manches haag, so manches böse jahr!» Чтобы избѣгнуть этого прелятія, хозяйки передъ самымъ заговѣньемъ снимаютъ съ гребней пучки невыпряденнаго льна и тщательно прячутъ ихъ въ сокровенныя мѣста. Имя Holda указываетъ на дружественную, благодатную, кроткую богиню; другое прозваніе, даваемое ей, Berchta (Bertha) = Perchta означаетъ: блестящая, свѣтлая. Въ послѣдній день года Берта, являясь въ до-

на, рветь недооконченную пряжу; передъ Крещеніемъ она принесетъ пустыя шпульки, приказываетъ напрясть ихъ къ назначенному сроку, и въ случаѣ неисполненія этого приказа мараетъ и путаетъ кудель. Итальянцы и французы давность золотого вѣка обозначаютъ выраженіемъ, что это было въ то время, когда прядя Берта («du temps, que Berthe filait; non è più il tempo, che Berta filava»). Берта носитъ бѣлую одежду; у ней длинныя льняныя волосы и большая нога, которою она управляетъ колесомъ прялки (Berthe au grand pied¹⁾). Подобныя же повѣрья соединяются у славянъ съ языческой Пятницею и св. Недѣлкою. Пятница изображалась простовласою, т. е. съ распущенною косою; таинственный обходъ ея праздновали, по словамъ духовнаго регламента, символическимъ обрядомъ: водили простовласую жонку подъ именемъ Пятницы. Параскева-Пятница въ народѣ слыветъ льняницею; съ 28-го октября, когда чествуется ея память, бабы начинаютъ мять лёнъ²⁾. Въ Малороссіи сохраняются рассказы, что Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченная веретенами (I, 233), а св. Недѣла увѣряетъ пряхъ, что онѣ прядутъ не лёнъ, а ея волосы, и указываетъ при этомъ на свою изорванную косу³⁾. Какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи поселянки считаютъ за грѣхъ прядь и ткать отъ Рождества до Крещенія⁴⁾; въ это-же время крестьяне не плетутъ лаптей, не вьютъ веревокъ и не сверлятъ дерева; у кашубовъ въ теченіи девяти дней, начиная отъ Рождества Христова, женщины не дотрогиваются до иглы и прялки⁵⁾. Въ основѣ этихъ повѣрій лежатъ древнія поэтическія представленія; какъ слова

¹⁾ Die Götterwelt, 271—2, 276, 284—8, 292—4; D. Myth., 244—8, 250—2, 258; Deut. Sagen, I, 7—8. — ²⁾ Терещ., VI, 55. — ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 222. — ⁴⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 35; Нар. сл. рас., 165. — ⁵⁾ Этн. Сб., V, 75.

прясть (=вить, плести) и ткать употреблялись въ смыслѣ: собирать облака, потемнять небо туманами, такъ выражениа снутывать пряжу, пачкать и поджигать ее означали: крутить вихряи облака, сгущать ихъ въ черныя тучи и предавать грозовому пламени; возженіе этого послѣдняго сравнивалось съ добываніемъ живаго огня (для чего обыкновенно сверлили дерево), а удары молній — съ уколомъ иглы и веретена. Сверхъ того, гроза, разносящая тучи, рисовалась воображенію нашихъ предковъ скроннымъ, домашнимъ занятіемъ богини-громовницы и подвластныхъ ей духовъ, которые, съ помощію молніевосныхъ стрѣлъ, разматываютъ облачную пряжу. Народная загадка называетъ громъ мотовиломъ, т. е. слародомъ для разматки пряжи въ клубки: «мотовило-катовило по поднебесью ходило, всѣхъ устроило» ¹⁾). На эту близость представленій грозы и пряжи указываютъ и слѣдующія повѣрья: въ нѣмецкихъ земляхъ думаютъ, что не слѣдуетъ прясть вечеромъ на четвергъ (donnerstag); иначе явится нечистый духъ, броситъ въ комнату пустую катушку и велитъ обмотать ее нитками ²⁾). Кто во время Рождества увидитъ веретѣна, тому (по мнѣнію русскихъ крестьянъ) грозитъ лѣтомъ частая встрѣча съ змѣями, подъ которыми первоначально разумѣлись, конечно, не простые гады, а летучіе, огненные змѣи. Наряду съ «громовою стрѣлкою», веретену присвоенета цѣлебная сила: отъ колотья прикалываютъ больному бока прядильными веретѣнами (тисскаго уѣзда). Въ облачныхъ и туманныхъ покровахъ нѣмецко-славянскія племена усматривали работу грозовыхъ карликовъ. Тонкія сѣти, раскидываемыя наукомъ, народная фантазія, на основаніи очевиднаго сходства, уподобляла пряжѣ и тканьямъ, а въ этой искусной пряжѣ и въ этихъ прозрачныхъ тканяхъ находила близкое

¹⁾ Сахаров., I, 101. — ²⁾ D. Myth, 945.

подобіе рукодѣлью крохотныхъ эльфовъ и цверговъ. Названія, привоенныя пауку, указываютъ въ немъ прядильщика и ткача. Отъ снкр. *vaḡ* — покрывать, посредствомъ обыкновенной вокализации *v* въ *u* образовались существительныя: *uga* — волна, шерсть, *uḡnā* — руно, *uḡnapabha* — ткачъ шерсти, паукъ ¹⁾; слово *паукъ* (павукъ, чешск. *pa u a u k*, пол. *pa i Ź k*) возникло изъ первоначальной формы *uḡaḡāḡika* — *agaḡea* (отъ *vāḡi*, *vēḡi* — ткань, съ приставкою *uḡa*) и буквально означаетъ: настькомое, приготавливающее ткани ²⁾; нѣм. *spinn* — прясть, *spinnrad* — прялка, *spindel* — веретено и *spinn* — паукъ, *spinnenge webe* — паутина; серб. *свила* означаетъ и шелкъ, и летающую по воздуху паутину. На Руси рассказываютъ о работѣ паука: «проявился мизгирь (паукъ; сравни: мизга — пасмурная, мокрая погода и плакса, мизнуть — говоря о погодѣ: портиться, измѣняться въ дождливую, мизгаты — кветиться, плакать ³⁾), сталъ ножками трести да мерѣшки (мрежи, сѣти) плести» ⁴⁾. По греческому сказанію, Аѳина превратила въ паука славную ткачиху Арахну, которая вздумала было состязаться съ этой богиней въ искусствѣ изготовленія тканей ⁵⁾. Летающую въ исходѣ лѣта и осенью паутину принимаютъ въ Германіи за нити, выпряденныя эльфами; въ эту пору многочисленныя толпы эльбинъ, возвращаясь въ небесныя обиталища, несутся по воздуху подъ предводительствомъ Гольды, и въ полетѣ своемъ прядутъ *weissen herbstfäden* ⁶⁾. Швед. *dverg* означаетъ и карлика, и паука; *dvergspät* (*zwergsnetz*) — паутина. Скандинавская сага упоминаетъ о чудесномъ плащѣ, сотканномъ эльфинами; на вершинахъ горъ, обитаемыхъ эльфами, прядутъ

¹⁾ У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 3, 25. — ²⁾ Пикте, I, 521.

³⁾ Доп. обл. сл., 113. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., I—II, 188. — ⁵⁾ Griech. Myth., 475. — ⁶⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 250.

по ночамъ незримые духи и далеко слышится, какъ жужжать колёса ихъ самопрялокъ. Такъ какъ въ христіанскую эпоху на Пречистую Дѣву были перенесены древѣйшія преданія о богинѣ-громовницѣ, то вмѣстѣ съ этимъ Богородица стала изображаться прядущею и готовящею ткани, а осенняя патуина получила названія *Marienfaden*, *Mariengarn*, средневѣк. *filamenta* или *fila divae Virginis*, *chevaux* или *fils de la Vierge* ¹⁾. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній, паукъ признанъ былъ воплощеніемъ эльфа, и соотвѣтственно добрымъ и злымъ свойствамъ эльфическихъ духовъ — связанныя съ нимъ примѣты и повѣрья запечатлѣлись двойственнымъ характеромъ. Съ одной стороны: увидать прядущаго паука, всползеть ли онъ по утру на чье-нибудь платье, или спустится на человека—все это принимается за хорошій знакъ, за предвѣстіе счастья, прибыли, полученія денегъ; особеннымъ уваженіемъ пользуется крестовый паукъ (*kreuzspinne*), названный такъ потому, что отличительный признакъ его составляютъ крестообразно-расположенныя бѣлыя или желтыя пятна. Въ отдаленной древности крестъ былъ эмблемою громоваго молота; убить крестораго паука, изорвать его сѣти—нѣмцы и чехи считаютъ великимъ грѣхомъ: за это поражаетъ небесная молнія ²⁾. Съ другой стороны паукамъ приписываютъ неурожай. По разсказамъ бѣлоруссовъ, они собираютъ хлѣбныя крошки и несутъ къ Богу; на пути въ небесное царство каждая крошка вырастаетъ съ коровой. «Боже! говорятъ пауки, не давай людямъ хлѣба; видишь, какъ они его раскидываютъ!»—и послѣдствіемъ этой жадобы бываютъ голодные годы. У литовцевъ существуетъ такое преданіе: однажды человекъ уронилъ крошку хлѣба; паукъ

¹⁾ D. Myth., 440. — ²⁾ Записки Авдѣевой, 140—2; Пузинъ, 8, 157; *Beiträge zur D. Myth.*, I, 233, 248; II, 457; Громовникъ, 85.

подхватилъ ее, раздулъ пузырь, привнесъ къ Богу и сказалъ: «посмотри, какъ люди пренебрегаютъ твоимъ даромъ; вотъ какіе большіе куски бросаютъ наземь!» Господь узналъ клевету и на вѣчныя времена осудилъ паука таскать раздутый пузырь; съ тѣхъ поръ паукъ сдѣлался безобразнымъ горбуномъ ¹⁾. Припомнимъ, что цверги представляются горбатыми. Въ народныхъ легендахъ чертъ нерѣдко показывается въ видѣ паука. Выше объяснена связь эльфовъ съ болѣзнями; если по стѣнѣ, у которой лежитъ больной, или по его постели пробѣжитъ крестовый паукъ, то нечего ждать выздоровленія: болѣзнь окончится смертію ²⁾. Чехи употребляютъ отъ лихорадки слѣдующее средство: ловятъ трехъ пауковъ, зашиваютъ ихъ въ кошелекъ и привѣшиваютъ на шею больного; черезъ два дня больной идетъ къ рѣкѣ или источнику, бросаетъ кошелекъ въ воду и бѣжитъ домой безъ оглядки ³⁾. На Руси сажаютъ паука въ грецкой орѣхъ и носятъ на шеѣ: какъ высыхаетъ заключенный въ орѣхѣ паукъ, такъ долженъ высохнуть и мучительный демонъ болѣзни. Кто убьетъ паука или змѣю, тому (по мнѣнію русскихъ поселянъ) прощается сорокъ грѣховъ; любопытно, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ не дозволяютъ класть на столъ прялку: не то «сорокъ грѣховъ наживешь!» ⁴⁾ Время, когда носится въ воздухѣ паутина, называется въ Германіи *Mädchensommer*, *Magiensommer*, *Alteweibersommer* ⁵⁾; у насъ подъ именемъ бабьяго лѣта (пол. *babie lato*, чеш. *babské lato*) извѣстно время отъ Успеньева дня (съ 15-го августа) по 1-ое сентября, или съ 1-го сентября по 8-ое, а въ иныхъ мѣстахъ такъ называютъ недѣлю, слѣдующую за праздникомъ

¹⁾ Изв. Ак. Н., IV, 333. — ²⁾ — *Beiträge zur D. Myth.*, II, 457. — ³⁾ Грозанъ, 165. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846; 172; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 10. — ⁵⁾ *German. Mythen*, 639.

Покрова пресв. Богородицы ¹⁾). Это—дни, въ которые ггаи Holda и мненческія бабы (эльбины) готовятъ свои воздушныя ткани.

Съ нѣмецкими эльфами родственны славянскіе кикиморы и полудницы: первые соотвѣтствуютъ темнымъ эльфамъ (двергамъ), а послѣднія — свѣтлымъ, что свидѣтельствуется не только соединенными съ ними повѣрьями, но и самымъ значеніемъ ихъ названій. Слова кики-мора, мора, мара, маруха указываютъ на существа мрачныя, темныя; это—духи, населяющіе воздухъ и каменныя горы (=тучи); они рождаются отъ связей огненнаго змѣя съ красавицами, т. е. отъ брачнаго соитія демона-Вритры съ облачными дѣвами; вѣдьмы и кудесники учатъ ихъ мудрости, расчесываютъ имъ волосы, поятъ ихъ медвяной росой, а котъ-баюнъ (I, 649) тѣшитъ ихъ своими пѣснями. Кикиморъ представляютъ безобразными карликами или малютками, у которыхъ голова — съ наперстокъ, а туловище—тонкое, какъ соломинка. Дорожнымъ людямъ случается находить брошеннаго въ полѣ, плачущаго ребенка; они кладутъ его въ сани или повозку, но лошади храпятъ, упираются и нейдутъ съ мѣста; несутъ найденыша на рукахъ, но только приближаются къ деревнѣ—какъ онъ вырывается и съ дикимъ хохотомъ исчезаетъ съ глазъ. Кикиморы надѣлены способностію являться невидимками, быстро бѣгать и зорко видѣть на далекія пространства; они бродятъ безъ одежды и обуви, никогда не стѣруются, вѣчно неутомимы, и какъ грозовыя духи — любятъ стучать, гремѣть, свистать и шипѣть. По средству эльфовъ съ домовыми духами, кикиморы, поселяясь въ избахъ, живутъ за печкою, и по ночамъ надѣждутъ страшнымъ стукомъ. Любимое ихъ занятіе—прясть и ткать; въ тѣхъ

¹⁾ Мазкъ, XI, 30.

цыи ночи (собственно: во время черныхъ тучъ) известно слышно, какъ они тянутъ и сучать нити и свуютъ ткань ¹⁾. Въ кievской губ. извѣстны женскія ииенческiя существа иички (ночки — марухи, nachtag), которыя въ ночное время, особенно по пятницамъ, стучать и шалеть въ избахъ; бабы боатся, чтобъ онѣ не выпряли весь лёнъ, и прячуть отъ нихъ свои кудели ²⁾. Существуютъ народныя поговорки: «чу! кикимора пражу прядеть»; «отъ кикиморы рубашки не дождешься!» ³⁾ Сказки упоминають о карликахъ (маленькихъ мужичкахъ въ червонныхъ шапкахъ), врядущихъ золотыя нити, о веретенахъ, которыя сами собой прядуть и днемъ, и ночью иѣдныя, серебряныя и золотыя кудели, и наконецъ о трехъ сестрахъ, изъ которыхъ одна можетъ прокормить цѣлое царство (т. е. отъ нея зависеть земное плодородiе), другая беретса напирать и наткать столько, что на весь миръ хватить, а третья обѣщается родить сына-богатыря ⁴⁾.

Полудницы (отъ полдень — югъ, теплая, лѣтняя сторона) тождествены съ солнцевыми дѣвами сербскихъ пѣсень (I, 82—85) и бѣлыми женами нѣмецкихъ сагъ, которыя въ полдень показываются у колодцевъ (=дождевыхъ источниковъ) и расчесываютъ свои длинныя косы. На Руси сохранились о полудницахъ слабыя и отрывочныя воспоминаiя. Въ южной Сибири знаютъ подъ этимъ ииенемъ ииенческую старуху, съ густыми, вклякоченными волосами, одѣтую въ лохмотья; она живетъ въ банѣ или въ кустахъ

¹⁾ Сахаров., II, 17; Ч. О. И. и Д., годъ 3-й, VIII, 104; Абев., 218—9; Москва. 1846, XI—XII, 151—2. Въ саратовской губ. ших-моръ — привиданiе въ видѣ бѣлаго старика — Обл. Сл., 266. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 217. — ³⁾ Послов. Далл., 1042; Архивъ ист.-юрнд. свѣд., II, полов. 2, 127. — ⁴⁾ Slov. pohad., 196—170; Глянск., II, 146—9; Н. Р. Ск., III, 7; VI, 68.

красивы и оберегаетъ города отъ шаловливыхъ дѣтей¹⁾. Въ архангельской губ. полудница — охранительница полей, застыившихъ рожью: «полудница во ржи, покажи рубежи, куда хощь побѣжи!» Родители пугаютъ дѣтей: «не ходи въ рожь, полудница обожжетъ!» или: «ужо ты полудница съѣсть!»²⁾ Безпоповцы-старовѣры творять въ полдень молитву на изгнаніе «бѣса полуденна». Вечеромъ толкуетъ слово *poludnice*—*dyades, deae silvarum*. И донынѣ въ лѣсныхъ областяхъ Богеміи народъ разсказываетъ о лѣсныхъ полудницахъ (*lesní* или *divé ženy polúdnice, polednice*), которыя въ полдень летаютъ въ крутящихся вихряхъ и воруютъ маленькихъ дѣтей. У лужичанъ *řírořnica, řezrořnica* носятъ бѣлое платье и отъ двѣнадцати до двухъ часовъ ходитъ по нивамъ, держа въ рукѣ серпъ, почему называется *segryschuja*; останавливаясь неожиданно передъ тѣмъ, кто замѣшается въ полдень на полевой работѣ, она начинаетъ подробно спрашивать: какъ обрабатывается лень и готовится пряжа и полотно? Кто не сумѣетъ отвѣчать на ея вопросы, тѣмъ свертываетъ голову или по крайней мѣрѣ наказываетъ ихъ тяжкою болѣзнию. Есть поговорка: «*wo na so graša, kaž řírořnica!*» (она спрашиваетъ, какъ полудница). Кто въ полдень продолжаетъ работать на нивѣ, тому говорятъ: «*nebojiš so, so řírořnica na tebe řírořnel!*»³⁾ Въ Малороссіи подобные вопросы дѣлаются упырями, которые (какъ увидимъ въ XXVI главѣ) принадлежатъ также къ разряду облачныхъ и грозовыхъ духовъ. Являясь ночью къ бабѣ, упырь начинаетъ допытываться, какъ готовится сорочки, съ тѣмъ, чтобы по

¹⁾ Обл. Сл., 168. — ²⁾ Памятн. книжка архан. губ. 1864 г., 17. — ³⁾ Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 8—9; *Volklieder der Wenden*, II, 268—9; О вл. христ. в ел. аз., 29.

отобраніи отвѣта высосать изъ нея кровь. Умная баба должна, какъ можно долѣе, продлить свой рассказъ, и потому сперва описываетъ: какъ сѣютъ ленъ, какъ его собираютъ и вымачиваютъ, потомъ говоритъ о пряжѣ, тканьѣ, бѣленіи полотень и наконецъ — о шитьѣ сорочки. Пока она успѣетъ окончить всѣ эти подробности, запоютъ пѣтухи и упырь пропадаетъ. Появленіе полудницы на нивахъ и обычныя ея распросы о воздѣлываніи льна доказываютъ, что издревле она сама занималась пряжею и тканьемъ и что ей, какъ облачной дѣвѣ, приписывался надзоръ за полями, засѣянными льномъ и другими полезными злаками. Обходы нивъ, совершаемые полудницею, сближаютъ ее съ нѣмецкими *goggen schicht* и *kogn weib*.

Тѣже черты присвоаетъ преданіе и русалкамъ; онѣ ходятъ или совершенно-нагія, прикрываясь зелеными листьями, или въ бѣлыхъ развѣвающихся сорочкахъ, безъ пояса; эти сорочки—метафора облачнаго одѣянія, волнуемаго вѣтрами—тоже, что плащъ Одни. О русалкахъ рассказываютъ, что онѣ любятъ пряхать (кіевской губ.) и развѣшивать по деревьямъ прядево, похищенное ими ночью у песселянокъ. Какъ бѣлыя морскія жены и никсы германцевъ и бѣлыя панны чеховъ моютъ сорочки, развѣшиваютъ въ дѣсу и бѣлятъ ткани, такъ русалки разстилаютъ возлѣ источниковъ холсты и полотна, или подобно прачкамъ, моютъ ихъ въ ключевой водѣ ¹⁾. На Троицкую недѣлю, сидя на деревьяхъ, онѣ, по свидѣтельству народныхъ пѣсень, просятъ дать имъ намитку и рубаху:

Сыдила русалка
На кривій береги,
Просыла русалка
У живчочкѣ намитокъ,

¹⁾ Громаниъ, 7—8; Beiträge zur D. Myth., 285.

У дівочень сорочочка:
 „Жнички-подружки!
 Дайте мни намитку;
 Хоть вона худенька,
 Да абы-бъ биленька!“ ¹⁾

Въ Малороссіи еще теперь въ обычаѣ вѣшать, во время русальной недѣли, на дубахъ и другихъ деревьяхъ холсты, полетенцы, сорочки и мотки нитокъ—въ даръ русалкамъ; бѣлоруссы утверждаютъ, что на Троицкой недѣлѣ ходять по лѣсамъ голыя женщины и дѣти (=русалки), и тотъ, кто встрѣтитъ ихъ, долженъ, для избѣжанія преждевременной смерти, бросить имъ платокъ или лоскутъ, сторванный отъ своей одежды ²⁾. Въ это-же время крестьянки носятъ льняныя сорочки—для того, чтобы уродился хорошій лёнъ.

Жизненная дѣятельность стихійныхъ духовъ, или прамѣ—самой природы, проявляется въ лѣтнюю половину года. Пока лёдъ оковываетъ воды — водяной покоится тихимъ сномъ, и пробуждается не прежде вскрытія рѣкъ и озеръ; лѣшіе проваливаются на зиму въ подземное царство и выходятъ оттуда на свѣтъ божій при первыхъ начаткахъ весны. Точно также и русалки исчезаютъ на все время холодной и суровой зимы. Въ Малороссіи увѣряютъ, что онѣ показываются съ четверга Страстной недѣли, какъ только разольются по лугамъ весеннія воды, распустятся вербы и зазеленѣютъ поля, и остаются въ этомъ (земномъ) мірѣ до глубокой осени ³⁾. Чет-

¹⁾ Другая пѣсня; На гнилой колодѣ, На бѣлой березѣ, Русалки сидѣли, Суки вязали, Да на тыхъ сукахъ Русалки гутали. Красныя дѣвочки Шли вѣночковъ вѣти; Просили русалки У дѣвочъ сорочки: „Дѣвочки-подружки! Дайте намъ сорочку...“ — ²⁾ Иллюстр. 1845, 299; Киев. Г. В. 1845, 15; Метлиск., 308—9; Цебриков., 281—3; Терещ., VI, 126, 129—130; Шаевричъ, 265, 268; Часопись чешск. музея 1834, II, 189. Въ 1092 году чешскій князь Бестиславъ II запретилъ на Троицкой недѣлѣ приносить дары источникамъ — Громаничъ, 9. — ³⁾ Терещ., VI, 124.

вергъ, какъ день, несвященный богу-громовнику, владыкѣ
всѣхъ облачныхъ духовъ и дѣвъ, получилъ особенно - важное
значеніе въ преданіяхъ о русалкахъ. Языческій праздникъ
въ честь русалокъ совершался одновременно съ праздникомъ
весны, когда лѣса уже одѣлись листьями, поля украсились
цвѣтами, а нѣвы хлѣбными трѣвами. Въ христіанскую эпоху
онъ приуроченъ къ Троицѣ и Духову днямъ, при чемъ са-
мое названіе Духова дня наводило непросвѣщенный народъ
на мысль о чествованіи стихійныхъ духовъ и душъ усоп-
шихъ предковъ ¹⁾. Не смотря на то, народная память не
избѣгла старинѣ и донынѣ связываетъ праздникъ русалокъ съ
Перуновымъ днемъ, начиная его съ четверга предшеству-
ющей Троицѣ, такъ называемой Семицкой недѣли, которая
еще въ XII-мъ вѣкѣ была известна подъ именемъ русаль-
ной. Въ Кіевской лѣтописи подъ 1170 годомъ сказано: «Воло-
димеру бысть болѣзнь крѣпка, ею же скончался мая въ 10-е
русальное (-ная) недѣли въ понедѣльникъ»; а Троицынъ
день приходился въ томъ году 16-го мая ²⁾. На Украинѣ же
четвергъ на Троицкой недѣлѣ называется русальчинъ
великъ день, т. е. Свѣтлое Воскресеніе русалокъ ³⁾. Ста-
ринные памятники не разъ упоминаютъ о русальяхъ, какъ
о бѣсовскихъ, богопротивныхъ и подлежащихъ церковному
запрету игрищахъ. Такъ Несторъ подъ 1067-мъ годомъ, воз-
ставая противъ языческихъ суевѣрій, говоритъ, что дьяволъ
отвлекаетъ людей отъ Бога «трубами и скоморохы, гуслими и
русальи; видимъ бо игрища утолчена къ людѣи много множь-
ство, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ
бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять (пусты)» ⁴⁾. Ки-
риллъ Туровскій въ числѣ «злыхъ и скверныхъ дѣлъ, нѣ-
же ны велить Христосъ отступити», называетъ: «пьясанье,

¹⁾ О связи русалокъ съ душами смотри гл. XXIV. — ²⁾ Ка-
ранз. И. Г. Р., III, примѣч. 10. — ³⁾ Рус. Бес. 1856, III, 94. —
⁴⁾ П. С. Р. Л., I, 73.

бубны, сопѣли, гусли, пискове, игранья неподобныя, русалья» ¹⁾). Въ Изборникѣ XIII-го столѣтія, въ толкованіи словъ апостола Павла, сказано: «а иже дома сѣдиши, егда играть роусалия, ли скоморски, ли пѣяницѣ кличють... или како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тѣ часъ пребоуди дома» ²⁾). Стоглавъ употребляетъ слово русалья для обозначенія народныхъ игрищъ, совершаемыхъ не только на Троицкой недѣлѣ, но и въ навечеріи Рождества Христова, Богоявленія, и на Ивановъ день. Въ азбуковникахъ русалия толкуются: игрища, игры скоморошскія ³⁾, и въ одномъ харатейномъ Прологѣ половины XV вѣка описаны такъ: «ови бяху въ бубны, друзіи же въ сопѣли сопяху, нини же возложша на лица скураты ⁴⁾ и дѣяху на глумленья челоуѣкомъ, и мнози оставивше церковь, на позоръ течаху и нарекоша игры тѣ русалья» ⁵⁾). Изъ этихъ указаній очевидно, что игрища, происходившія на русальную недѣлю, сопровождались плясками, музыкой и ряженьемъ, что (какъ было объяснено выше — I, 336, 718) служило символическимъ знаменіемъ возстающихъ съ весною и празднующихъ обновленіе жизни грозовыхъ и дожденосныхъ духовъ. Принадлежа къ разряду этихъ духовъ, русалки сами облакались въ облачныя шкуры и смѣшивались съ косматыми лѣшми и чертами. Малорусскіе поселенцы саратовской губ. утверждаютъ, что русалки — стары и безобразны, имѣютъ острые ког-

¹⁾ Истор. Христом. Бусл., 504. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1858, IV, ст. Лавровск., 22. — ³⁾ Сахаров., II, 182. — ⁴⁾ Скура = шкура. — ⁵⁾ Правосл. Собесѣдн. 1860, XI, 253. Въ Златоструѣ XVI вѣка: «да оубо о скомрасѣхъ и о русалиихъ ни покрову надлежащу многожды и дождю идоущоу тръпите.» Приведи это мѣсто, Востоковъ (Мат. сравн. слов., VI, 314) замѣтилъ: «словенивъ замѣнилъ здѣсь чуждые ему иподромы (καὶ ἐν μὲν ἵπποδρομίαις) своими скомрахаи и русалиями». Описаніе Румян. Муз., 230, указываетъ на слово св. Нафонта о русалияхъ.

ти и большое брюхо, что тѣло у нихъ покрыто косматой шерстью, а на спинѣ такой-же горбъ, какъ у нѣмецкихъ цверговъ¹⁾. Съ тѣмъ-же двойнымъ значеніемъ: а) весенняго праздника и б) вообще народнаго игрища упоминаются русальи и въ памятникахъ другихъ славянъ. Такъ въ сербословенскихъ рукописяхъ говорится: о словѣ Іоанна Златоустаго «на роусалию» (XIII в.); «въ роусалияхъ ходили» (XVI в.); «глаголетъ о вѣрныхъ, послѣдующихъ еллинскимъ обычаемъ и плесанія на брацѣхъ и на стѣгну творящихъ или роусалькы или гласованъ птичьимъ вѣроующе» (Номоканонъ XVII в.); въ актахъ Шестидесятаго евангел. собора 1591 года: «на rusadlnie swiatky podle starjeho obyčęge kráľow staweti, tanze wywázeti, do starje kožušęy se obľáčeti i gакžkolwěk se blázniti pod štraffanjm zakázáno bude». Въ толкованіяхъ Теодора Бальсамона, патриарха антиохійскаго, и Дмитрія Хоматіана, митрополита болгарскаго (XIII в.), на 62-ое правило VI-го собора — *ροσδαλια* обозначены, какъ запрещаемый церковью праздникъ, совершавшійся послѣ Пасхи во вѣнскихъ (чуждыхъ) странахъ: такое замѣчаніе, по всей вѣроятности, вызвано празднованіемъ русалий у дунайскихъ славянъ, отъ которыхъ слово это перешло и къ румынамъ (русале, русали). Въ современномъ сербскомъ языкѣ русалье, русальи означаетъ праздникъ Троицы и Духовъ день; у словенъ *risale* — Троицынъ день, *risalček*, *risalšček*, *risalščak* — иѣсая май; у чеховъ и словаковъ *rusadljé*, *rusadla* и *rusadlné svátky* — Троицкіе Святки²⁾. Въ вѣлогодской губер. Семикъ

¹⁾ Терещ., VI, 127—9; Иллюстр. 1845, 299. — ²⁾ Въ словахъ *rusadla*, *rusadljé* — *o* вставное, какъ и во многихъ другихъ рѣченіяхъ, наприм. *mydlo*, *sadlo*, *pravidlo* — Die Rusalien, ein Beitrag zur slavisch. Mythol., Миллошича, 2—7, 15; Телесковъ 1833, VIII, 524; Зап. И. А. Н., I, вв. 2, ст. Гедеонова, 23; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 41.

(четвергъ седьмой недели послѣ Пасхи) называется русалки¹⁾; вообще жена Руси Семичной недѣль теперь даютъ названіе зеленой, клещальной, а три послѣдніе ея дни и три первые дни Троицкой недѣли именуются Зелеными и Святками²⁾). Въ это время на дворахъ и по улицамъ ставятъ нарочно-срубленные молодые клѣшны, березы, липы; стѣны и окна внутри нѣбъ украшаютъ зелеными вѣтками и цвѣтами, а полы устилаютъ травой; хожденіе въ рощи и на рѣки, завываніе вѣткою, бросаніе ихъ въ воду, пляска вокругъ убранныхъ разноцвѣтными лентами березки и пѣніе обрядовыхъ пѣсень — составляютъ донныѣ-уцѣлѣвшіе остатки старинныхъ игръ. На Зеленыя Святки никто не осмѣливается работать, чтобы не прогнѣвать русалокъ; въ особенности женщины не должны шить и мыть бѣлье, а мужчины вить изъ лозы плетни и бѣроны — по связи этихъ занятій съ работами мнѣнчскихъ дѣвъ, которыя ткуть (вьютъ, плетутъ) облачныя покровы и полощутъ ихъ въ дождевыхъ источникахъ³⁾. По народному вѣрованію, русалки выходятъ тогда изъ рѣкъ, озеръ и криницъ на сушу, заводятъ по полямъ и лѣсамъ гульбища и продолжаютъ ихъ до самаго Петрова дня (29-го іюня). Май и іюнь мѣсяцы — пора полного развитія творческихъ силъ, пора явленія облачныхъ жонъ и дѣвъ, пляшущихъ землѣ плодородіе; въ шумѣ грозы выступаютъ на небо прекрасныя нимфы, начинаютъ свои легкія пляски, поютъ громкія пѣсни (— быстрый полетъ тучъ и завываніе бури), и сочетаясь съ богомъ-громовникомъ, орошаютъ нивы благодатнымъ сіменемъ дождя. Отсюда возникли рассказы о пляскахъ, пѣняхъ и брачномъ весельи русалокъ. На Зеленой или

¹⁾ Обл. Сл., 193. — ²⁾ Рус. прост. праздн., III, 127; Сахаров., II, 83. Клѣчанье — деревья, вѣтки, цвѣты, которыми убираютъ дома и церкви. — ³⁾ Терещ., VI, 132; Вѣст. Евр. 1818, XXII, 115—6; Шахаринъ, 269; Этн. Сб., I, 326.

русальной недѣлѣ онѣ празднуютъ свои свадьбы, плещутся въ водахъ, бѣгаютъ по лугамъ и рощамъ, бьютъ въ ладоши, акупаются, водятъ хороводы, пляшутъ и поютъ пѣсни; тихіе, ласкающіе слухъ звуки вѣтровъ принимаются за ихъ отдаленныя напѣвы, а плескъ воды приписывается ихъ пляскамъ. Крестьянскія дѣвушки, приходя въ лѣсъ, бросаютъ русалкамъ зеленые вѣнки, съ просьбою доставить имъ богатыхъ жениховъ; а по вѣнкамъ, кинутымъ въ воду, онѣ гадаютъ о замужствѣ и будущемъ своемъ житіи. И послѣ, въ продолженіе всей Петровки, русалки выходятъ по ночамъ, изъ воды, и при свѣтѣ мѣсяца предаются танцамъ на избранныхъ для того мѣстахъ, называемыхъ игравицями. Въ Малороссіи и Галиціи рассказываютъ, что тамъ, гдѣ танцуютъ русалки и мавки, видны на поляхъ круги и «трава ще краще ростѣ и заедно якъ рута зеленѣе». Нерѣдко онѣ заманиваютъ къ себѣ овчара (собственно: пастыря небесныхъ стадъ) съ рожкомъ или сопѣлкою, заставляютъ нагрывать во всю ночь и пляшутъ подъ его музыку; на томъ мѣстѣ, гдѣ овчаръ бьетъ ногою тактъ, остается на землѣ яма. Черты эти общи русалкамъ съ эльфами и феями ¹⁾. Въ великорусскихъ губерніяхъ ходитъ рассказъ о томъ, какъ русалка являлась невидимкою къ молодому промышленнику и танцевала подъ звуки его гуслей (см. т. II, стр. 247). Также любовь къ пляскамъ приписывается и лѣснымъ женамъ; по рассказамъ чеховъ, онѣ охотно отдаются этому веселью въ полдень и ночью при свѣтѣ мѣсяца ²⁾. Была одна рѣзвая дѣвушка, дочь вдовы. Съ утра уходила она

¹⁾ Маллзъ, XI, 52; Сахаровъ, II, 89; Терещ., VI, 132; Киев. Г. В. 1845, 15; Полтав. Г. В. 1846, 21; Ворон. Г. В. 1850, 46; Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимовъ, 99—100; Киевлян. 1865, 71; Рус. Вѣст. 1842, V—VI, 122 (о пляшущихъ утопленницахъ на озерѣ Гонтѣ); Beiträge zur D. Myth., I, 250. — ²⁾ Ганушъ, 164.

въ лѣсъ пастн козье стадо, и пока козы щипали траву — прядла лёнъ. Разъ, увлекаемая своимъ веселымъ и живымъ характеромъ, стала она плясать, поднявъ надъ головою руки. Это было въ полдень; вдругъ — словно изъ земли выросла — явилась передъ ней прекрасная дѣва въ бѣлой и тонкой какъ паутина одеждѣ, съ золотыми волосами до пояса и съ вѣнкомъ изъ полевыхъ цвѣтовъ на головѣ. Она пригласила пастушку танцовать вмѣстѣ; «мнѣ хочется тебя поучить!» прибавила красавица, и обѣ пустились выказывать свое искусство подъ чудную музыку, которая неслась съ древесныхъ вѣтвей: то были звуки соловьевъ, жаворонковъ, малиновокъ и другихъ пѣвчихъ птичекъ. Ножи пляшущей лѣсной дѣвы, какъ ноги нѣмецкихъ вальсовъ, были такъ быстры и легки, что даже не мяли травы, а станъ ея гнулся, будто ивовая вѣтка. Такъ плясали онѣ отъ полудня до вечера. Когда лѣсная дѣва исчезла, пастушка хватилась за свою пряжу; но было уже поздно, она не успѣла окончить своего урока и воротилась домой крѣпко-опечаленная. Надѣясь завтра наверстать потерянное время, она скрыла отъ матери то, что съ нею случилось. Но и на слѣдующій день явилась лѣсная дѣва, и онѣ опять проплясали до самаго вечера. По окончаніи танцевъ, лѣсная дѣва замѣтила печаль своей подруги и помогла ей горю: взяла лёнъ, обмотала вокругъ березы, тотчасъ спряла его въ тонкія нити, и затѣмъ исчезла — будто вѣтромъ ее спихнуло! Эта пряжа имѣла такое-же чудесное свойство, какъ и пряжа, подаренная Гольдою: сколько не сматывали ее съ веретена — запасъ нитокъ нимаго не истощался. Въ третій разъ лѣсная дѣва подарила пастушкѣ березовыхъ листьевъ, которые потѣмъ превратились въ золото ¹⁾. Завидя любопытнаго, эльфы увлекаютъ его въ свою

¹⁾ Westsl. Märch., 198—203.

воздушную пляску и кружатъ съ такою необычайною быстротою, что послѣ того онъ на всю жизнь остается разслабленнымъ; подобно тому русалки, при встрѣчѣ съ человѣкомъ, начинаютъ передъ нимъ страшно кривляться и дѣлать дикія движенія, и онъ волею-неволею перенимаетъ ихъ жесты — и съ той поры до самой смерти будетъ постоянно трястись и кривляться, т. е. страдать болѣзней, извѣстною подъ именемъ Витовой пляски (сравни выше: стр. 71 ¹⁾). Такимъ образомъ русалки, наравнѣ съ зльфами и марами, роднятся съ демонами, насылающими тяжкія болѣзни и скорую смерть. Занавывая къ себѣ юношей и дѣвицъ, онѣ измучиваютъ ихъ щекоткою, душатъ и топятъ въ рѣкахъ; дѣтская болѣзнь донинѣ извѣстна подъ именемъ щекотихи (см. стр. 76). Тотъ, кто ступитъ на холстъ, разостланный русалками, дѣлается разслабленнымъ или хромымъ; а кто не чтитъ русальной недѣли, у того онѣ портятъ домашній скотъ и птицу (см. еще стр. 57—о связи болѣзней съ полудницами). Въ свѣтлыя, лунныя ночи нѣмецкія няксы и наши русалки, выказываясь изъ водъ, поютъ чарующія пѣсни, которымъ не въ силахъ противиться ни одинъ смертный. Когда раздадутся ихъ звуки, странникъ бросается въ воду, увлекаемый столько же обаяніемъ ихъ красоты, какъ и гармоніей сладостнаго пѣнія; пловецъ спѣшитъ направить къ нимъ свою ладью и также гибнетъ въ безднѣ, гдѣ схватываютъ его водяныя дѣвы. Вечеромъ няксы выходятъ изъ своихъ подводныхъ жилищъ и принимаютъ участіе въ сельскихъ танцахъ. По шведскимъ преданіямъ, онѣ знаютъ одиннадцать различныхъ мелодій: человѣкъ можетъ слушать безъ опасности только первая десять, и то въ значительномъ отдаленіи; но когда онѣ запоютъ одиннадцатую, то вотхіе старики и дѣти въ яюлькахъ, больные и увѣчные, даже деревья и другіе неодушевленные пред-

¹⁾ Шаарикъ, 266; Рус. прост. праздн., IV, 9.

меты — все пускается въ неудержимую пляску ¹⁾. Тѣже характеристическія черты приписываютъ литовцы своимъ ундидамъ. Эти дѣвы, выходя при свѣтѣ луны на поверхность воды и берега, поютъ и водятъ хороводы; помрачая своими пѣснями умъ юношей, онѣ свиватываютъ ихъ въ объятія, и вмѣстѣ съ ними кидаются на дно озеръ, рѣкъ и источниковъ. Красота ихъ обольстительна, очи блестятъ, какъ небесныя звѣзды, а разсыпанныя по плечамъ кудри шелестятъ и звенятъ очаровательною музыкою; какъ скоро человѣкъ слышитъ музыку ихъ кудрей, онъ впадаетъ въ непробудный сонъ, и слѣдовательно испытываетъ тоже обаяніе, какое производятъ гусли-самогуды. Только тотъ, кто достанетъ волшебный цвѣтокъ папоротника (= молнію), можетъ свободно любоваться на легкую, граціозную пляску водяныхъ красавицъ и слушать ихъ плѣнительное пѣніе; онъ даже можетъ подчинить своей власти ундины, которыя будутъ гнать въ его сѣти рыбу и орошать его поля при засухѣ ²⁾. Какъ нимфы дождевыхъ источниковъ, литовскія ундины и русскія мавки и русалки носятъ надъ нивами и полями, и съ одной стороны, напоая ихъ влагою, даютъ богатый урожай, а съ другой, посылая несвоевременныя ливни и бури, повреждаютъ зрѣющія жатвы. Выше было указано, что тамъ, гдѣ выются ихъ легкіе хороводы, трава растетъ зеленѣе и роскошнѣе. По словамъ бѣлоруссовъ и жителей Полѣсья, русалки поселяются въ житѣ; въ Малороссіи вѣрятъ, что на-

¹⁾ Моск. Наблюдат. 1837, ч. XI, 534; D. Myth., 406—4; Сказ. Грин., 181 — «Die nixe im teich»: някса увлекла на дно пруда молодого охотника; опечаленная жена его беретъ сначала гребень, потомъ елейту и наконецъ прялку, и въ полнолуніе кладетъ ихъ на берегу пруда; всякой разъ, какъ она дѣлала это, подымалась волна и уносила положенный даръ, и вслѣдъ затѣмъ показывался изъ воды несчастный утопленникъ. Всѣ три означенныя вещи составляютъ необходимыя атрибуты водяныхъ дѣвъ. — ²⁾ Семеновск., № 129; Иллюстр. 1848, № 28; Черты литов. нар., 89.

канунѣ Троицына дня онѣ собираются на нивы, и съ возгласомъ: «ухъ-ухъ, соломяный духъ!» а нерѣдко и съ пѣснями, прихлопывая въ ладъ руками, весело бѣгаютъ по колосистой ржи, или катаются по ней взадъ и впередъ, отчего рожь волнуется, какъ-бы отъ дуновенія вѣтра. О малюткахъ-шавкахъ рассказываютъ, что онѣ ежегодно приходятъ на землю въ то время, когда хлѣбъ начинаетъ колоситься и можетъ служить имъ надежнымъ убѣжищемъ ¹⁾. Нѣмецкимъ крестьянамъ, въ ихъ полевыхъ работахъ, помогаютъ подземные карлики. У русиновъ (въ саночкомъ и колумыйскомъ округахъ) во время русальныхъ Святыхъ совершается крестный ходъ на засѣянные поля, при чемъ образъ и хоругви убираются вѣнками и зеленью. Обыкновенно это бываетъ на Духовъ день, и между тѣмъ, какъ священникъ и церковный причтъ творятъ по требнику обхождение полей, сопровождающія ихъ женщины поютъ обрядовыя пѣсни, текстъ которыхъ содержитъ мольбу о благораствореніи воздушныхъ и изобиліи плодовъ земныхъ—хлѣба и винограда ²⁾. Вотъ одна изъ этихъ пѣсней:

Заваруй, Боже, горы, долины,
 Горы, долины, наши царини ³⁾,
 Же бы насъ тучи не заходили,
 Же бы пролом не заливали,
 Зли вѣтрове не пановали;
 Зароди, Боже, горы, долины,
 Горы, долины, наши царини.
 Наша царина пречъ ⁴⁾ поібрана,
 Сребромъ-златомъ ⁵⁾ пречъ засѣяна,
 Стрицовымъ перомъ заволочена,
 Ясными мечами обгорожена.

¹⁾ Называютъ ихъ и гречухами—отъ гречи, въ которой онѣ любятъ прятаться. — ²⁾ Семеньск., 124; Мьякъ, XV, 31—35; Сахаров., II, 85; Опытъ ист. обзорѣи. рус. слов. О. Миллера, I, 97 (примѣчан.); Die Rusalien Милошича, 9—14. — ³⁾ Обгороженныя поля. — ⁴⁾ Уже. — ⁵⁾ Т. е. золотистымъ зерномъ.

Злые вѣтры и пролом — дѣло русалокъ. Чтобы колосья налились, вырѣли и дали хорошій урожай, нужна погода тихая, теплая, съ умеренными дождями; а потому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, тотчасъ по окончаніи Троицкихъ празднествъ, совершается обрядъ изгнанія или проводовъ русалокъ. Слѣдующее за Троицей воскресенье въ Спасекѣ рязанскомъ называется русальнымъ заговѣньемъ. На другой день, т. е. въ первый понедѣльникъ Петрова поста, тамъ готовятъ соломенное чучело, одѣтое въ женскіе уборы и представляющее русалку; потомъ собираютъ хороводъ, затагиваютъ пѣсни и отправляются въ поле; въ серединѣ хороводнаго круга пляшетъ и кривляется бойкая женщина, держа въ рукахъ соломенную куклу. Въ полѣ хороводъ раздѣляется на двѣ стороны: наступательную и оборонительную; послѣдняя состоитъ изъ защитницъ русалки, а первая нападаетъ и старается вырвать у нихъ чучело; при этомъ обѣ стороны кидаютъ пескомъ и обливаютъ другъ друга водою. Борьба оканчивается разорваніемъ куклы и разбрасываніемъ по воздуху соломы, изъ которой она была сдѣлана. Послѣ того возвращаются домой и говорятъ, что проводил русалокъ. Въ тульской губ. подобный обрядъ совершается на Зеленой недѣлѣ: женщины и дѣвицы идутъ толпою на засѣянные поля и ловятъ русалку, которая, по народному сказанію, воруетъ тогда хлѣбъ. Связавши изъ соломы куклу и нарядивъ ее въ женское платье, увѣряютъ, что это и есть пойманная русалка; съ пѣснями и плясками несутъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду. Въ уѣздахъ ефремовскомъ, епифановскомъ и новосильскомъ наканунѣ Троицы (въ «клевальную» субботу) молодежь собирается вечеромъ на полянахъ и бѣгаетъ, размахивая помелами, съ криками: «догоняй! догоняй!» Иные утверждаютъ, что собственными глазами видѣли, какъ гонимыя съ полей русалки убѣгали въ лѣсъ съ

плачемъ и воплями. Въ Малороссіи на проводахъ русалокъ поютъ:

Проведу я русалочки до бору,
Сама я вернуся до дому!
Ой колы-жь мы русалочки проводылы,
Щобъ до насъ часто не ходылы,
Да нашего жытечка не ломалы,
Бо наше жытечко въ колосочку,
А наши дивочы у выночку.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ около того-же времени бываютъ проводы Весны, и въ соломенной куклѣ видать изображеніе именно этой дожденосной богини. Въ полетѣ весеннихъ грозъ исчезаютъ облачныя дѣвы; разметаемыя помеломъ-вихремъ, онѣ убѣгаютъ съ неба или, будучи размыканы, разорваны на части, тонуть въ дождевыхъ потокахъ, и вслѣдъ за тѣмъ наступаютъ лѣтніе жары. Выпроваживая русалокъ, земледѣльческое населеніе думало отстранить отъ своихъ нивъ опустошительныя бури и безвременныя ливни, отъ которыхъ хлѣбъ ложится наземь, ломается, мокнетъ и неполнѣмъ вырѣвается, или уже созрѣлый осыпается и проростаеъ безъ всякой пользы для человѣка ¹⁾).

Хранительницы живой воды, русалки, наравнѣ съ эльфами и ниссами, обладаютъ тѣмъ высокииъ даромъ мудрости, какой дается вдохновительнымъ напиткомъ небесныхъ источниковъ. Народная троицкая пѣсня приписываетъ имъ загадываніе и разрѣшеніе трудныхъ загадокъ:

Ой бѣжить, бѣжить мила дѣвчинка,
А за нею да русалочка:
«Ты послухай мене, красна панночкѣ!»

¹⁾ Сахаровъ, II, 85, 90, 94; Терещ., VI, 137; Рус. прост. праздн., IV, 11; Пасежъ, III, 189; Метлиник., 309; Опис. чернигов. наместничества, Шаевскаго, 30. Показаніе Сахарова (II, 80) о проводахъ русалокъ въ черниговской губ. въ концѣ Святой недѣли — невярно.

Загадаю тебѣ три загадки;
 Якъ угадаешь — до батька пушу,
 Коли-жъ не вгадаешь — до себе возьму.
 Ой що росте безъ корени?
 А що бѣжитъ безъ повода?
 А що цвѣте безъ всякого цвѣту?»
 Панночка загадки не вгадала,
 Русалочка ее залоскотала ¹⁾.

Въ сербской пѣснѣ на загадочные вопросы, предлагаемые дѣвицею, отвѣчаетъ рыба, въ образѣ которой являются въ преданіяхъ водныя божества и нимфы. Сидѣла дѣвица у моря, говорила сама съ собою: «ахъ, Боже милостивый! есть ли что шире моря, пространнѣе поля, быстрѣе коня, слаще меда и дороже брата?» Провѣщала ей рыба изъ воды: «глухая, неразумная дѣвица! Шире моря — небо, пространнѣе поля — море, быстрѣе коня — очи, слаще меда — сахаръ, дороже брата — милой!» ²⁾

Русалкамъ соответствуютъ сербскія вилы и болгарскія само-вилы: это только другое прозваніе, данное облачнымъ дѣвамъ по связи ихъ съ молніями и вихрями. Въ древности оно, вѣроятно, было извѣстно и русскимъ славянамъ, но потомъ позабыто вытѣсненное болѣе употребительнымъ именемъ русалокъ, тогда какъ въ преданіяхъ сербовъ и болгаръ, наоборотъ, русалки уступили мѣсто виламъ; этимъ послѣднихъ знаютъ и словенцы, босняки, кранцы, иллирійцы ³⁾. О суевѣрномъ почитаніи вилъ упоминается въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ. Такъ въ словѣ нѣкоего христіянина читаемъ: «вѣрують въ Перуна и въ Хорса... и въ вилы, ихъ-же числомъ тридевятъ сестрѣницъ глаголють невѣгласи и мнать богинями, и тако покладавахуть имъ теробы (и корован имъ ло-

¹⁾ Малорос. пѣсни Максимовича, 162. Загадки эти разрѣшаются такъ: камень растетъ безъ корня, вода бѣжитъ безъ повода, папороть цвѣтетъ безъ цвѣту. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 196. — ³⁾ Иличъ, 282.

мять), и куры вмѣ рѣжуютъ» и ниже: «молятся огневѣ подѣ овиницѣ и виламъ и Мокوشي». Тоже свидѣтельство повторено и въ другихъ памятникахъ, принадлежащихъ новгородской Софійской библиотекѣ: «и начаша жрети молнии и грому, и солнцю и лунѣ, а друзи Перену, Хоурсу, виламъ и Мокوشي, оушремъ и берегыняиъ, ихъ-же нарицають тридевать сестриницъ»¹⁾. Это напоминаетъ намъ суевѣрное преданіе о двѣнадцати сестрахъ-трясавицахъ — эльфахъ томительныхъ недуговъ (см. стр. 85). Въ древнемъ переводѣ Георгія Амартола вилы отождествляются съ сиренами: «зависта ся же ся в рѣцѣ Нилѣ солнцу вшедшу челоувѣкообразнѣ двѣ животнѣ мужъ и жена, иже и сирины нарицаются, рече же вилы»²⁾. Слово вила (иллпр. willa) образовалось отъ глагола вить, въ ю³⁾ — плести, скручивать, соединять пряди въ одну нить или вервь, и указываетъ на множественную дѣву, которая прядетъ облачныя кудели и таетъ изъ нихъ золотыя нити молній. Въ сербской пѣснѣ говорится: «се му ъе вију по облаку»⁴⁾; у насъ: молнія извивается — вьется огненной нитью или змѣйкою, мелькаетъ искривленной линіей; сравни: извиллина, вилюга — кривизна, вилѣшъ — извилисто, вилотатый — извилистый; глаголъ вьется прилагается и къ полету птицъ, и въ народныхъ загадкахъ (русской и сербской) ласточка, отличающаяся особенно-быстрымъ и извилистымъ полетомъ, называется вило. Такъ какъ видимая глазомъ кривизна наводила на понятіе нравственной кривды, хитрости и лукавства, составляющихъ самую существенную сторону въ характерѣ эльфовъ (стр. 4-5), то отсюда: вилавый — хитрый, лукавый, вилѣ — юля, челоувѣкъ увертливый — виляющій (ви-

¹⁾ Лат. рус. лит., т. IV, отд. 3, 89—90, 94, 99, 108; Оп. Румян. Муз., 228—9. — ²⁾ Москв. 1851, V, стат. Срезневск., 63—64. — ³⁾ Какъ жѣла отъ жить, рыло отъ рыть, и т. д. — ⁴⁾ Сrp. и. пјесме, I, 432.

лющій ¹⁾. Стремительные вихри, подымая столбомъ пыль или свѣгъ (въ ю-га, у болгаръ: вили и ветерушки ²⁾), крутятъ ихъ словно веревку; а неся на своихъ крыльяхъ облака и тучи, завиваютъ ихъ въ кудри и сбиваютъ вмѣстѣ, какъ спутанную пряжу или всклокоченные волоса. Рядомъ съ словами: куделя (ленъ, приготовленный для пряжи), кудло, кудеря, въ областномъ говорѣ употребляется глаголъ куделится — метѣтъ вьюга; вихѣръ, вихры (чубъ, пряди волосъ) одного происхожденія съ словомъ вихрь (вихорь), а пѣтлы (длинные, косматые волоса) отъ санскр. корня ра t — летать ³⁾. Въ народныхъ сказаніяхъ вили изображаются не только нимфами, управляющими полетомъ облаковъ и молній, но и вѣщими пряхами. Въ близкой связи съ южно-славянскою вилою стоитъ волошская *vilva* — имя, которымъ обозначаются духи, населяющіе облачный міръ, носящіеся по воздуху въ видѣ крылатаго змѣя и посылающіе на землю дождевые ливни и плодородіе. По всему вѣроятію, преданія о вильвахъ и самое названіе ихъ заимствованы валахами отъ соседнихъ славянъ. Сверхъ того, нѣкоторыми учеными вила и *vilva* сближаются съ скандинавск. *vala*, *valva* или *völva* (всѣ три формы равно употребительны и означаютъ вѣщую жену, чародѣйку); но это остается недоказаннымъ ⁴⁾.

Подобно русалкѣ, вила — существо, родственное свѣтлымъ эльфамъ, и потому данное ей имя сопровождается постояннымъ эпитетомъ бѣлая: бѣла вила. Этотъ эпитетъ, указующій на блескъ, сіяніе и красоту, также тѣсно сливается съ словомъ «вила», какъ въ нашемъ эпическомъ языкѣ прилагатель-

¹⁾ Обл. Сл., 25; Доп. обл. сл., 22; Срп. рјечник, 62; Этн. Сб., VI, 74. — ²⁾ Народне песме Македон. Бугара, Верковича, I, 2: „Подуналъ е тихи ветеръ, три вилия ветерушки“. — ³⁾ Доп. обл. сл., 94; Изв. Ав. Н., IV, 404, 409. — ⁴⁾ Шоттъ, 295-6; Germ. Mythen, 569; О вл. христ. на сл. яз., 21—23.

ное красная съ словошъ «дѣвица», и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуесть о тождествѣ виль съ бѣлыми жецами (*Weisse Frauen, biele ranje*) германцевъ, чеховъ и моравовъ ¹⁾. Вилы представляются юными, прекрасными, блѣднолицыми дѣвами, въ тонкихъ бѣлыхъ одеждахъ и съ длинными косами, распущенными по спинѣ и грудямъ; въ этихъ косахъ — ихъ сила и даже самая жизнь; тѣло у нихъ нѣжное, прозрачное, легкое какъ у птицы, очи блистають подобно молнии, голосъ — пріятный, сладкозвучный. По свидѣтельству хорутанскихъ сказокъ, косы у виль золотыя, низпадающія до земли, одежда — не только бѣлая, но и золотая, съ серебрянымъ поясомъ. Бѣда человѣку, который прельстится вилою! ему опостылятъ весь міръ, и жизнь будетъ не въ радость. Хваля красоту дѣвицы, сербы и черногорцы сравнивають ее съ вилою: «она хороша, какъ горная вила!» Наравнѣ съ русалками, вилы обитають на горныхъ вершинахъ, въ лѣсахъ и водѣ, и потому различаются на горныхъ, лѣсныхъ и водяныхъ: а) горска вила (бѣла вила из горе), б) вила од планине (*vila planinkinja*); гора въ сербскомъ языкѣ означаетъ и *mons*, и *silva*, а планина — гору, покрытую лѣсомъ (*mons silvæsus, bergwald*). Горныя вилы станують по горамъ и устрояють свои «дворища» въ пещерахъ, пропастяхъ и ущеліяхъ; внутри жильє ихъ убрано цвѣтами и зеленью и ярко сияеть, какъ пресвѣтлый рай. По другимъ рассказамъ, вилы живутъ въ кристалльныхъ палатахъ, украшенныхъ перлами, и владѣють богатою золотою посудою. Наконецъ в) *vila vodena* или *rovodkinja* обитаетъ въ рѣкахъ, озерахъ и студенцахъ, а *moraska dëvica* (*moraska dëklica*), представляемая полу-дѣвою, полу-рыбою, — въ глубинѣ моря. По словамъ Караджича, вилы поселяются «по великимъ

¹⁾ *Nar. zpiewanky*, I, 412—3.

планинама и по камењацима око вода; онѣ любятъ плавать, купаться, заманивать и увлекать на дно крестьянскихъ дѣвушекъ. Принадлежащіе имъ источники (вила на водица) считаются заповѣдными; юнакъ, который напьется отсюда воды или напоитъ своего коня, платитъ тяжелую дань: самъ онъ лишается очей, а конь его -- ногъ ¹⁾. Не смотря на эти повѣрья, заставляющія вилъ населять землю, народъ и донынѣ не утратилъ воспоминанія, что онѣ собственно облачныя дѣвы (vile oblakinje), обитательницы небесныхъ горъ, дубравъ и источниковъ. Въ замѣчательной далматинской пѣснѣ вила говоритъ о себѣ:

Mene je gora rodila,
U zeleni listak povila;
Jutrenja rosa padala,
Mene je vilu dojila;
Od gore vetrić puhao,
Mene je yilu šikao:
To su mi bile dadije ²⁾.

Какъ молніеносный эльфъ, вила рождается отъ горы-тучи, и вскормленная росой (дождевою влагою) убаюкивается вѣтромъ. Поселяне убѣждены, что вилы могутъ насылать бури, дожди и градъ; подымая буйные вѣтры, онѣ ломаютъ растушія по горамъ деревья, волнуютъ пучины и топятъ лодки и плавцовъ; во время морской бури случается видѣть, какъ онѣ бѣгаютъ по верхушкамъ волнъ и своими ногами пьютъ встревоженныя воды ³⁾. По свидѣтельству сербскихъ пѣсень,

¹⁾ Срп. рјечник, 61—62; Срп. н. пјесме, I, 153, 274, 571; II, 51; Arhiv za povĕstnicu jugoslavensku 1851, I, стат. Букулевича-Санданскаго, 87, 90, 97—104; сб. Валявца, 7—8, 18, 22, 47, 56. — ²⁾ Переводъ: меня гора родила, зеленымъ листемъ повила; утрення роса падала, меня вилу кормила; отъ горы вѣтеръ вѣялъ, меня вилу убаюкивалъ: то были мои няньки. — ³⁾ Букулевичъ, 88, 93, 104.

вила носятся по воздуху, между небомъ и землею, собираютъ летучія облака и любятъ на молніи. Такъ Марку-кравичу, когда онъ вступилъ въ единоборство съ Мусою Кеседжіа, явилась на помощь вила изъ облака ¹⁾; а когда банъ Сокула преслѣдовалъ вилу — она сначала побѣждала глубокими водами, потомъ — чистымъ полемъ и наконецъ, настигаемая хортами, «дигне се небу подъ облаке» ²⁾. Въ одной пѣснѣ дѣвица, не желая смотрѣть на грозу, замѣчаетъ о себѣ: «нит' самъ вила, да збијамъ облаке» (я — не вила, чтобы собирать облака ³⁾). Согласно съ уподобленіемъ облаковъ крѣпостнымъ башнямъ и стѣнамъ, вила, нагоняющая на небесный сводъ тучи, признается стронительницею воздушныхъ замковъ:

Град градила б'јела вила
 Ни на небо, ни на земл(ь)у,
 Но на грану од облака;
 На град гради троје врата:
 Једна врата сва од злата,
 Друга врата од бисера,
 Трећа врата од шкерлета ⁴⁾.

Въ третьихъ воротахъ вила

Сама сједи, погледује,
 Ће се мув(ь)а с громомъ игра ⁵⁾.

Мнѣ о постройкѣ вилою облачныхъ городовъ, будучи низведенъ на землю, привлекъ ее къ участию въ сооруженіи твердынь, воздвигаемыхъ руками смертныхъ. Таково слѣдующее преданіе: выше Котора (Cattago) въ каменной горѣ видна большая яма или пещера, о которой рассказываютъ, что ее выкопалъ царь Стефанъ и что именно здѣсь думалъ онъ постро-

¹⁾ Срп. и. пјесме, II, 409; сб. Валявца, 68. — ²⁾ Срп. и. пјесме, I, 183. — ³⁾ Ibid., 432. — ⁴⁾ Грана — вѣтвь, отрасль; бисер — жемчугъ, шкерлет — шарлаховое, красное сукно, багрець, шурпуръ. — ⁵⁾ Срп. и. пјесме, I, 151—2.

ять городъ; но вила посоветовала «да то не чини, јер му ондје у оној врлети нема ни броду пристаништа ни коњу поигришта»¹⁾, и указала на другое мѣсто у залива. Царь послушался вины и съ ея помощію построилъ градъ Которъ²⁾. Чародѣи, наученные вилами премудрости, бродятъ вмѣстѣ съ ними и нечистыми духами по свѣту и водятъ за собой грозовыя тучи и бури³⁾. Вслѣдствіе этой власти надъ облачнымъ міромъ, виламъ приписывается вліяніе на земледѣльческія работы: въ старое золотое время онѣ приходили на поля и пастбища, помогали людямъ жать нввы, косить траву, полоть гряды и оберегали ихъ стада. Въ Иллиріи убѣждены, что вила, если захочетъ, можетъ охранить нвву своего любимца отъ града, опустошающаго сосѣдніе участки. Возвращаясь съ полей въ горныя пещеры, вилы оборачиваются змѣями (= молніями), и въ этомъ видѣ проскользаютъ сквозь малыя отверстія въ горы, а внутри ихъ снова преобразуются въ дѣвъ⁴⁾: преданіе, напоминающее волошскихъ вильвъ, нѣмецкихъ бѣлыхъ *schlangenjungfrauen* (= *dāsapatnis*) и старинный миѣ объ Однѣ (I, 395). Какъ нимфамъ грозовыхъ тучъ, виламъ присвоены всѣ характеристическіе признаки и поэтическіе атрибуты, соединяемые съ этимъ естественнымъ явленіемъ: быстрота полетовъ, чудесныя превращенія, бросаніе молніеносныхъ стрѣлъ и искусство ковать. Онѣ также внезапно исчезаютъ, какъ и являются; пѣсни даютъ имъ крылья («полегла вила на бијела крила»⁵⁾), и брзаго коня уподобляютъ вилѣ: «ал’ је брза пушта бедевја, брза му је, као горска вила»⁶⁾. И

¹⁾ Переводъ: не дѣлать того, потому что на этой крутизнѣ нѣтъ ни ладьямъ пристанища, ни коню поигрища (раздолья). — ²⁾ Срп. рјечник, 294. — ³⁾ Ibid., 75. — ⁴⁾ Кукулевичъ, 99—100; Эрбенъ, 306. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, II, 49; Кукулевичъ, 89: черногорская пѣсня о легкокрылой вилѣ, что прилетѣла съ неба. — ⁶⁾ Переводъ: „но быстра у него дикая кобылица, быстра, какъ горная вила“ — Срп. н. пјесме, II, 399.

птица, и конь—обычныя метафоры вѣтра, молніи и облака; а потому вины не только надѣляются крыльями и сказочными конями, но и сами оборачиваются то легкрылыми птицами, то быстроногими кобылами. Общераспространенная сказка о яблонѣ, на которой каждую ночь зрѣютъ золотыя яблоки ¹⁾, т. е. собственно — о деревѣ-тучѣ, приносящемъ живую воду дождя (см. II, 309—315), отличается въ хорутанской редакціи нѣкоторыми любопытными особенностями ²⁾. Въмѣсто жаръ-птицы, похищающей золотыя яблоки, здѣсь каждую ночь являются девять вилъ и рвутъ дорогіе плоды; добрый молодецъ подстерегаетъ ихъ и получаетъ въ подарокъ три золотыхъ яблока. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправляется искать вилю; на пути объявилъ ему пастухъ, что въ такомъ-то студенцѣ вины купаются въ полдень. Два раза молодецъ проспалъ полуденное время, но въ третій разъ подсматрѣлъ, какъ онѣ купались. Вины взяли его къ себѣ въ дуло, держали тамъ девять лѣтъ и кормили его сахарными яствами, а при отпускѣ надѣлили богатствомъ. Тоже преданіе развиваютъ сказки сербская и болгарская ³⁾. Въ сербской повѣдкѣ прилетаютъ за яблоками девять золотыхъ павъ. Меньшой изъ трехъ царевичей, посланный караулить яблоню, поставилъ подъ нею кроватку и легъ на постель. Ночью прилетѣли павы; восемь сѣли на дерево, а девятая пала царевичу на кровать и превратилась въ красную дѣвицу; съ тѣхъ поръ вдвоѣмъ они проводили сладостныя ночи. Но вотъ подстерегла ихъ колдунья; золотая павъ улетѣла и больше не возвращалась. Царевичъ пустился искать свою невѣсту и пришелъ къ озеру, въ которомъ она любила купаться. Три дня сряду провелъ онъ возлѣ озера, сидя на конѣ; но всякой разъ, въ урочную пору, засыпалъ непробуднымъ сномъ. Прилетая, восемь павъ бросались купаться, а девятая садилась

¹⁾ Н. Р. Ск., VII, 41, 42. — ²⁾ Сб. Валивца, 31—32. — ³⁾ Срп. припов., 4; Эрбенъ, 213.

къ царевичу на коня, миловаѣла-обнимала его и не могла добудиться. Послѣ того павы не прилетали на озеро; долго-долго странствовалъ царевичъ и наконецъ нашелъ городъ золотыхъ павъ и женился на своей невѣстѣ, которая царствовала въ томъ городѣ. Другія хорутанскія сказки ¹⁾ сохранили черты, еще болѣе древнія: вила прилетаетъ къ юношѣ бѣлой лебедью, оборачивается прекрасною дѣвою, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, съ золотыми косами до земли, и ложится съ нимъ спать на золотомъ ложѣ; отъ блеска ея волосъ освѣщалась кругомъ вся ливада. Провѣдала про то мать добраго мѡлодца, взяла ножницы и отрѣзала видѣ золотыя косы: вотъ почему красавица покинула своего милаго, и онъ долженъ былъ идти ее отыскивать. Итакъ вила родится съ лебедиными дѣвами, которыя постоянно купаются въ озерахъ и источникахъ, т. е. въ дождевыхъ потокахъ ²⁾. Приведенныя сказки передаютъ намъ о бракѣ облачной дѣвы съ громовникомъ; въ лѣтнюю пору она прилетаетъ къ нему на ложе, но тотчасъ-же исчезаетъ, какъ скоро злая чародѣйка (Зима) лишитъ ее золотистыхъ (сверкающихъ молніями) локоновъ; юный супругъ обрѣтаетъ ее не прежде, какъ при возвратѣ весны, когда она снова является у дождевыхъ источниковъ и когда самъ громовникъ пробуждается отъ крѣпкаго зимняго сна. Согласно съ представленіемъ тучъ то небесными родниками, то садами съ золотыми яблоками, вилы въ одно и тоже время изображаются и водяными, и лѣсными дѣвами; увлекая къ себѣ сказочныхъ героевъ, онѣ держатъ ихъ въ морѣ и лѣсахъ ³⁾, или сажаютъ въ дупло и корѣять сахарными яствами, т. е. медомъ = амритю.

¹⁾ Сб. Валявца, 21—24, 29—30. — ²⁾ Греческія сирены также представлялись птицами — *Der Ursprung der Myth.*, 193. — ³⁾ Сб. Валявца, 13, 46: „a vu onom istom morju bile so vile. Vile so prijelo ovo dete... Vre je preslo pet let, kak je dete vu vodi bilo i neizmerno lepo je bilo“.

Хорутанскія сказки предлагают интересные свидѣнія о вилиныхъ коняхъ (вилени, вилован конь), съ помощью которыхъ добрый молодецъ (=Перунъ) добываетъ себѣ златовласую красавицу. Это чудесные кони грозovýchъ тучъ; они дышатъ пламенемъ, летаютъ по воздуху съ быстротою стрѣлы, не боятся непогоды и опасностей, и надѣлены вѣщимъ характеромъ: человѣческимъ словомъ, предвидѣниемъ, мудростью. Вѣстятъ съ этимъ, вилать, наравнѣ съ эльфами, шарами и домовыми, приписывается страсть заѣзжать обыкновенныхъ лошадей; у коня, на которомъ ѣздитъ вила, грива бываетъ до такой степени сбита, спутана, что расчесать ее нѣтъ никакой возможности; распутать гриву можетъ только вила и никто—богъ! Однажды герой сказки ѣхалъ на вилиномъ конѣ и нашелъ на дорогѣ три золотыхъ волоса и золотую подкову; конь даетъ совѣтъ не поднимать находки, но молодецъ не послушался, взялъ золотые волосы и подкову и поступилъ на королевскую службу. Какъ скоро узналъ король про его находку, онъ приказалъ ему добыть златовласую красавицу и златокованнаго коня. Молодецъ исполняетъ приказъ: сначала привозитъ дѣву съ золотою косомъ, а потомъ пригоняетъ вилиныхъ кобылицъ, донтъ ихъ, и купаясь въ ихъ кипучемъ, молокѣ, дѣлается неописаннымъ красавцемъ. Когда былъ поставленъ котелъ съ этимъ кипучимъ молокомъ (метафора весенняго дождя—I, 621-3), чудесный конь, принадлежащій сказочному герою, «*potegnul 'se one toplinjave iz mleka*», т. е. охладилъ его своимъ дыханіемъ—вѣтромъ; молодецъ окунулся «*ei srečno izešel vup, pak još trikrat lepši postal kak prvo bil*. Onda pustil konj nazad onu vrućinu (жаръ), koju prvo vup potegnul z lampom». Захотѣлъ искупаться въ кобыльемъ молокѣ сынъ короля, бросился въ котелъ—и погибъ; послѣ того златовласая дѣва досталась доброму молодцу. Въ соотвѣствующей малорусской сказкѣ дѣва эта называется морскою

пани, а вилины кобылы — морскими или водяными. По другому преданію, вила даетъ молодцу три узды: мѣдную, серебряную и золотую; стоитъ только потрясти ими, какъ въ ту же минуту предстануть три вилы на коняхъ: одна на мѣдномъ, другая — на серебряномъ, третья — на золотомъ. При содѣйствіи этихъ коней, герой женится на прекрасной царевнѣ, или на самой вилѣ. Потрясъ онъ уздою — и немедленно явилась къ нему вила: «*kaj si zmisлил?*» спросила она. — «*Ja sem si zmisлил da ti budeš moja žena... Onda su se skup oženili, imeli su skup dvoje dece, živeli su skup sedem let. Onda je on jeden put pozabil ključa od one ladice, gde je ona vuzda bila.*» Вила нашла узду и исчезла. Подобно тому, лебединыя дѣвы и болгарскія самовилы только тогда отдаются витязю и вступаютъ съ нимъ въ бракъ, когда онъ овладѣетъ ихъ крылушками или пернатою сорочкою (*schwanhemd*); но едва получаютъ обратно свои крылья или сорочку, тотчасъ-же превращаются въ птицъ и улетаютъ ¹⁾). Такимъ образомъ конская узда хорутанской приповѣдки соответствуетъ крыльямъ; съ помощію узды вила можетъ превратиться въ быстрого коня, какъ съ помощію крыльевъ — въ птицу, и тогда ей уже легко скрыться отъ влюбленнаго витязя ²⁾). По русскому повѣрью, если на вѣдму наложить узду, она немедленно дѣлается кобылицею и съ быстротою вихря скачетъ по горамъ и доламъ. Превращеніе облачныхъ дѣвъ въ коней принадлежитъ глубочайшей древности; у индусовъ ведаяческой эпохи было уже представленіе, что именно въ этомъ образѣ дѣва бурно-несущагося грозоваго облака убѣгаетъ пламенныхъ объятій бога-громовника ³⁾). Про славнаго богатырскаго коня Шараца рассказываютъ, что его подарила Марку-королевичу вила, что конь этотъ пилъ вино и скакалъ такъ высоко, что могъ догнать самую вилу:

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 212; сравни съ рассказомъ о пойманной мѣрѣ — *ibid.*, 269. — ²⁾ Сб. Валавца, 5—12, 17—19, 36—42, 75; Илчъ, 281. — ³⁾ Die Götterwelt, 21.

Шарац јевди посреди планине,
 Нигде виде чути ни видети.
 Кад је Шарац сагледао вилу,
 По с три копа(ь)а у висину скаче,
 По с четири добре у напредак,
 Брзо Шарац достигао вилу ¹⁾.

Въ старину у сербовъ совершался обрядъ, тождественный по значенію съ нашимъ ряженьемъ (хожденіемъ окрутниковъ). Наряжались трое: чороје, вила и турица. Чороје (?) одѣвался въ косматую одежду, увѣшанную лосьями и другими звѣринными хвостами, на лицо накладывалъ маску («образину»), а въ рукахъ держалъ зеленую вѣтвь или пучокъ цвѣтовъ. Вила являлась въ бѣломъ женскомъ платьѣ, опоясанная красною перевязью, на головѣ имѣла бѣлое покрывало и вѣнокъ изъ цвѣтовъ, а въ рукѣ «као лук на три угла искићен сав цвијећем». Тому, кто представлялъ турицу, придѣлывалась на длинной косматой шеѣ конская голова съ большими зубами, которая могла раскрывать ротъ и хлопать челюстями; ноги у турицы были косматыя и внизу походили на птичьи. Вѣстѣ съ этими ряжеными шелъ человекъ съ бубномъ и ударялъ въ него. Впервые они совершали обходъ на Срѣтенье, и потомъ—на всякой праздникъ до великаго поста; «први дан су пролазили и кроз саборну цркву» ²⁾. Это обрядовое шествіе служило знаменіемъ скорого возврата дожденосныхъ облаковъ, которые олицетворялись то бѣлыми дѣвами, то существами, одѣтыми въ звѣриныя шкуры, и даже прямо—коровами и конями. Турица своимъ названіемъ напоминаетъ намъ древнее поклоненіе Туру. Смѣшивая старинныя представленія, народъ даетъ ей, вѣсто годовы быка или коровы, голову лошади и заставляетъ сопутствовать вилѣ. По

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 217; Срп. рјечник, 346. — ²⁾ Срп. рјечник, 828—9.

добно тому, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи совершается слѣдующій обрядъ: въ заговѣнье передъ Петровками два или три человѣка, избранные представлять русалку, покрываются парусомъ, и передній держитъ передъ собой лошадину черепъ, на который надѣта упряжная збруя; а кто-нибудь идетъ сзади и погоняетъ эту акъ называемую русалку. Въ числѣ другихъ животненныхъ образовъ, въ какихъ издревле рисовались народной фантазіи облака и тучи, встрѣчаемъ оленя и козла. О вилахъ, блуждающихъ по лѣсамъ и роцамъ, рассказываютъ, что онѣ имѣютъ козьи ноги и конскія копыта ¹⁾. Вилы не всегда ѣздятъ на чудесныхъ коняхъ; иногда онѣ носятъ на быстрыхъ оленяхъ, заузанныхъ и погоняемыхъ змѣями, т. е. молніями. Такъ, по свидѣтельству одной пѣсни, вила поймала четыре змѣи и семигодовалаго оленя, «*zauzda ga zmijom, naćini od dvě zmije gemenje za uzdu, a četvrtu zmiju uze mĕsto šibe* (взяла вмѣсто бича), *sedne na jelena, pa hajde u potĕgu*» (и пустилась въ погоню ²⁾).

Какъ дѣвы весеннихъ грозъ, какъ существа, тождественныя эльфамъ, вилы куютъ крѣпкія сабли, ударяя которыми можно перерубать желѣзо и камень ³⁾, и пускаютъ изъ облачныхъ странъ острыя стрѣлы — молніи. Всякаго, кто раздражитъ вилу, она поражаетъ стрѣлою въ сердце, руку, ногу или другую часть тѣла и причиняетъ ему смерть или тяжкую, расслабляющую болѣзнь. Такъ подобная кара непременно постигаетъ того, кто помутитъ свѣтлыя воды виллина источника: повѣрье, въ основѣ котораго скрывается мысль о молніяхъ, видимыхъ во время грозовой бури, возмущающей небесные родники. Родители запрещаютъ своимъ дѣтямъ ходить въ такія мѣста, Фидъ по общепринятому мнѣнію могутъ поразить

¹⁾ Кукулевичъ, 90. — ²⁾ Ibid., 102—3; German. Mythen, 571.—

³⁾ Кукулевичъ, 88.

ихъ истительныя вилы. Если у кого заболѣетъ нога или рука — это приписывается дѣйствию вилъ ¹⁾. Такимъ образомъ эти шенческія дѣвы ставятся въ такую-же тѣсную связь съ болѣзнями, какъ и русалки, полудницы и эльфы. Слово вилъ какъ означаетъ у сербовъ бѣсноватаго —человѣка, которымъ овладѣли вилы (какъ-бы вошли внутрь его тѣла). Царь Стефанъ, построивши Которъ, созвалъ на пиръ гостей, и между прочими пригласилъ помогавшую ему вилу. За широмъ сталъ онъ хвастаться, какой удалось ему воздвигнуть славный городъ; на это вила возразила, что безъ нея онъ ничего бы не сдѣлалъ; раздосадованный царь ударилъ вилу по лицу, «а она се на то расрди, те све изворе (родники) и студенце по Котору отрује (отравила, испортила) и све гѣсти цареви полуди (и наслала на царскихъ гостей ѡдурь). Кад цар ту освету (мщеніе) види, он стане вилу молити и једва је којекако намоли те му госте поврати од лудила и очисти му од отрова само један извор иза јужнијех врата градскијех» ²⁾. Бросая что-то въ источники, или купая въ нихъ своихъ дѣтей, вилы отравляютъ воду, и тотъ, кто напьется этой воды, долженъ немедленно умереть ³⁾; сравни приведенныя выше (стр. 62, 113) повѣрья о колодцахъ и сосудахъ, отравляемыхъ демонами различныхъ недуговъ. Сербскія пѣсни даютъ виламъ лукъ и стрѣлы: ставить шатѣръ угринъ Јанко у студѣныхъ водъ Савы—на вилиномъ игралищѣ, и говорить ему бѣлая вила:

«Ход' отоле, угрин Јанко!
Не пѣя(ь)и ми шатор тудар ⁴⁾;
Ако запех стр'јеле моје,
Устр'јели ћу тебе, Јанко.»

Еще интереснѣе свидѣтельство другой пѣсни: вѣхали два побратима Марко-кравевичъ и воевода Милошъ; говорятъ Марко:

¹⁾ Срп. рјечник, 61; Иличъ, 279—280. — ²⁾ Срп. рјечник, 62, 294. — ³⁾ Кундуевичъ, 101. — ⁴⁾ Не разбивай тутъ шатра.

«сиљно одољвааеть меня сонъ; запой, братъ Милошъ, и разгони мою дремоту.» Отвѣчаетъ ему Милошъ:

«Ја би тебе, брате, попевао,
Ал' сам синоћ много пио вино
У планини с видом Равијојлом,
Пак је мене запретила вила:
Ако мене чује да попевам,
Оће мене она устрелити
И у грло и у срце живо.»

—Пой, не бойся вилы, пока живъ Марко-королевичъ и есть у него вѣщій конь и золотой шестоперъ. Милошъ затянулъ пѣсню,

А Марку је песма омигла,
Наслони се седлу на облучје;
Марко спава, Милош попијева.
Зачула га вила Равијојла,
Па Милошу поче да отпева;
Милош пева, вила му отпева.
Лепше грло у Милоша царско,
Јесте лепше, него је у виле;
Расрди се вила Равијојла,
Пак одскочи у Мироч-планину,
Запе лука и две беле стреле,
Једна уд'ри у грло Милоша,
Друга уд'ри у срце јуначко.

—Марко, побратимъ по Богу! воскликнулъ Милошъ, вила меня устрѣлила. Очнулся Марко отъ сна, припустилъ Шараци и сталъ нагонять вилу.

Кад се вила виде у невол(ъ)и,
Прну јадна ¹⁾ небу под облаке;
Потеже се буздованом Марко,
Велу вилу међ' плећи удари,
Обори је на зем(ъ)ицу чарну,
Пак је стаде бити буздованом,
Преврће је с десне на лијеву,
Пак је бије шестопером златним.

¹⁾ Принула бѣднаја.

Стала молитъ его вила: «пусти меня живою! я наберу зелья и залѣчу раны у Милоша.» Отпустилъ ее Марко-королевичъ; набрала вила цѣлебныхъ травъ и залѣчила юнаку тяжелыя раны: еще лучше (=сладковзвучнѣе) стало у Милоша горло, чѣмъ было прежде. Говорила потомъ Равнйола между своими подругами:

«О чујете, виле-другарице!
 Не стрељајте по гори јунака,
 Док је гласа краљевича Марка
 И његова видовита Шарца
 И његова шестопера златно.»¹⁾

Тоже преданіе разсказывается у хорутанъ въ такой формѣ: звали Марко и Андрей-королевичи. На просьбу Марка спѣтъ ему пѣсню—отозвался Андрей: «ei, mili brate, ja ti ne smem, mene bi vila oblakinja prestrelila. — Ei, pa naj se bojati, ja sem ti ovdi. Posluhne Andro i zapeva tak da su 'se grane²⁾ padale. Na jeden put doleti su lica (короткое, метательное копье) vu Andra i prevali se. A Marko se ozre, odkud je to doletele i opazi vu oblaku vilu, pograbi buzdovana i hiti ga vu vilu tak da ju je mam na kla hitil. Vila počne kričati: pusti me, Marko, ja ti oživim Andra i dam ti konja vilovitoga, kaj buš mogel po zraku leteti. Marko ji dovoli i ona nabere nekakove trave pa oživi Andra; a Marko dobi konja vilovitoga»³⁾. Итакъ вилы не только наносятъ смертельныя и болѣзненныя удары, но и знаютъ искусство залѣчивать раны и умѣютъ находить нужныя для этого травы. Онѣ, по народному повѣрью, слетая съ неба, учатъ людей тайнамъ врачеванія; кто окажетъ вилѣ какую-нибудь услугу, тому она становится посестримой (названною сестрою) и сообщаетъ знаніе цѣлебныхъ травъ⁴⁾. Когда однажды моло-

¹⁾ Срк. и. пјесме, I, 181; II, 215—9. — ²⁾ Вся вѣтви. — ³⁾ Сб. Валляца, 68. — ⁴⁾ Кукуловичъ, 89—90; Иличъ, 281.

дой юнакъ слемалъ свою правую руку, для него, по словамъ сербской пѣсни ¹⁾, нашлась «л(ь)екарица, из горнице вила»; но раздраженная на его любовь—она отравила ему рану, и несчастный погибъ безвременной смертію. Вилени называются человѣкъ, въ котораго ударила вила стрѣлою и потомъ сама-же исцѣлила ²⁾. Чехи противъ недуговъ, которые подобно червямъ подтачиваютъ жизнь человѣка, произносятъ такой заговоръ: «Byla panna Maria prečistá, měla tri vlastní sestričky (вариантъ: svatá Lucie tri dcery měla): jedna předla, druhá vila, třetí (motala i) na škrkavku žehnala, žehnala srdečním, jaterním, plídním, krevním, strevním (закликала червей въ сердцѣ, печени, легкомъ, въ крови и кишкахъ) té a té osobě, aby jí masa nejedly, krve nepily, a té osobě pokoj daly» ³⁾. Эти три дѣвы, изъ которыхъ одна прядетъ, другая вьетъ, а третья мотаетъ, суть вилы, о сродствѣ которыхъ съ тремя вѣщими пряхами (дѣвами судьбы) будетъ сказано въ главѣ XXV. Сила врачевать болѣзни принадлежитъ виламъ, какъ обладательницамъ живой, цѣлющей воды, какъ дожденоснымъ или водянымъ дѣвамъ. Нѣмецкія саги заставляютъ бѣлыхъ женъ возсѣдать около цѣлебныхъ ключей и колодцевъ (heilquellen, gesundbrunnen); а по шотландскому преданію, лѣкарственные знаки указала морская жена ⁴⁾. Сверхъ тѣлесной крѣпости и здравія, живая вода надѣляетъ еще даромъ предвѣщаній и высшаго вѣдѣнія, и чрезъ то необходимо становится облачныхъ нимфъ въ разрядъ вѣщихъ или мудрыхъ женъ (weise frauen, weissagerinnen). Всякая вила есть прорица и чародѣйка; она знаетъ будущее, и состязаясь въ мудрости, легко побѣждаетъ своихъ противниковъ: слов. vilenik — колдунъ, vilenistvo, vilensztvo — колдовство ⁵⁾.

¹⁾ Срп. н. пјесме, I, 430. — ²⁾ Срп. рјечник., 62. — ³⁾ Громанъ, 152—3 — ⁴⁾ D. Myth., 1101—6. — ⁵⁾ О вл. христ. на с. л. из., 21.

Бану Секулѣ общалась вила «три била казат': прво билье — да ти љуба роди сына, друго — да ти с'абља сјече турке, треће — да си стиган (честенъ) у дружину»; а Марку-королевичу она предсказала близкую смерть. Оступился Шарацъ и полились изъ глазъ его слезы; спрашиваетъ Марко королевичъ: что бы это значило? и отозвалась ему вила съ горы: «жалѣеть тебя добрый конь! скоро вамъ разставаться: заболѣешь ты, Марко, и умрешь «од Бога од старог крвника». Какъ будешь ты на вершинѣ горы, посмотри справа налѣво — тамъ стоятъ двѣ тонкія ели, а межъ ними струится свѣтлый ключъ; сойди съ коня, загляни въ воду на свое лице, и узнаешь, что тебя ожидаетъ смерть.» Послушался Марко,

Наднесе се над бунар ¹⁾ над воду,
 Над водом је лице огледао;
 А над Марко лице огледао —
 Виђе Марко кад ће умријети ²⁾.

Этотъ горный колодець соответствуетъ тѣмъ скандинавскимъ источникамъ мудрости и предвѣдѣнія, которые истекали изъ-подъ корней Иггдрасилли, и особенно Urdhsbrunnen'у, возлѣ котораго обитали норны, опредѣлявшія теченіе жизни и смерть каждаго человѣка. Въ старину многіе съ боязнію смотрѣли на свой отраженный образъ. Вѣроятно, на гаданіи, съ какимъ издревле обращались къ воднымъ источникамъ, основывается и позднѣйшее гаданіе зеркаломъ; донинѣ дѣвушки, желая увидать своего суженаго, смотрятъ или на дно колодца, или въ зеркало.

Владѣя стрѣлами и копьями, вилы являются въ народныхъ сказаніяхъ могучими, воинственными дѣвами, подобными съвершимъ валькириямъ. Такъ какъ въ грозѣ древній человѣкъ созерцалъ борьбу стихій, кровавыя битвы и дикую охоту облачныхъ духовъ; то о горныхъ вилахъ (vile gorske) расска-

¹⁾ Студенець; родникъ. — ²⁾ Срп. и. пјесме, I, 182—3; II, 439—441; Путешест. въ Черногорію А. Попова, 213—4.

зываютъ, будто онѣ, вооруженныя мѣткими стрѣлами, дѣяты ловы и сражаются между собою, при чемъ отъ нихъ неслыханныхъ восклицаній и крика стонуть горы и содрагается земля: «čela goga od krrike i vike gtni i zemlja se tresе»¹⁾. Съ затемнѣніемъ основнаго смысла преданія, фантазія допустила участіе вилъ въ человѣческихъ войнахъ. Онѣ помогаютъ своимъ любимымъ героямъ и низвергаютъ воиновъ противной стороны губительными ударами; хорутанская пришевка²⁾ упоминаетъ о ямѣ, наполненной головами людей, побитыхъ вилами («koje su vile preobladale»). Онѣ покровительствуютъ сербскимъ юнакамъ, заключаютъ съ ними побратимство (принимаютъ на себя обязанности посестрицъ), дарятъ имъ крѣпкое оружіе и надѣляютъ ихъ силою и удачею въ бояхъ. Марку королевичу онѣ дали и богатырскую силу, и ратную саблю³⁾. У хорутанъ сохранилось такое преданіе: въ дѣтствѣ своемъ Марко-королевичъ пасъ свиней и былъ такой слабой мальчикъ, что его постоянно колотили товарищи. Однажды онъ набрѣлъ на прекраснаго виднаго ребенка, и вида, что дѣтя лежитъ на солнечномъ припѣкѣ, укрылъ его подъ тѣнь. Тутъ пришла вила и промолвила: «mili Bog! gdo je to včinił? da me prosi kaj god na svetu, ja bi mu dala». Мальчикъ попросилъ, чтобъ его не обижали товарищи. «A ona mu odgovori: ajda, gda to očeš, hodi me cecat (сосать). On ju posluhne i ide cecat. Gda se je nacecal, veli mu vila: no, vezda⁴⁾ hodi ovoga kamena drmat⁵⁾, jel' ga buš mogel zdrmati. Kamen imel je dvanajst centov. Ide ga drmat, ali ni z mesta. Onda mu veli vila: hodi išše cecat; gda se nacecaš, hodi ga pak drmat. Ide cecat, i gda se je nacecal — ide ga drmat, ali samo malo ga je zdrmal. Onda pak ide cecat... Onda ga je vre mogel vu visinu veliku i prek gore hititi,

¹⁾ Кукулевичъ, 90. — ²⁾ Сб. Валавца, 2. — ³⁾ Кукулевичъ, 96; Иличъ, 289. — ⁴⁾ Теперь. — ⁵⁾ Трясти, поворачивать.

da ga v. ě ni bilo nigde». Такъ, по древне-поэтическому воззрѣнію на природу, сосетъ богъ-громовникъ облачную жену, и увидѣвши ея молокомъ (= дождевою влагою), предстаётъ во всешъ своемъ грозномъ величіи — рушителемъ скалъ и камней. «Теперь, сказала вила Марку-королевичу, ступай—куда хочешь; никто тебя не одолѣеть!» Королевичъ сковалъ себѣ огромную боевую палицу и отправился на богатырскіе подвиги. Съ этихъ поръ онъ былъ непобѣдимъ въ бою; вилы постоянно помогали ему въ кровавыхъ встрѣчахъ. Нѣкогда, сражаясь съ русскимъ царемъ, онъ воскликнулъ: вила, помоги мнѣ! и вслѣдъ за тѣмъ побѣдилъ непріятельскія рати ¹⁾. Сербская пѣсня описываетъ единборство Марка-королевича съ Мусой Кеседжія: послѣ первыхъ ударовъ, изломалось у обоихъ воинское оружіе; они соскочили съ коней и схватились руками; долго боролись витязи, кровавая пѣна капала съ нихъ на землю, но вотъ Муса осилилъ, повалилъ противника на зеленую траву и сѣлъ ему на грудь. Завопилъ королевичъ Марко:

„Ѣе си данас, посестримо вило,
Ѣе си данас? ниѢе те не било!
Еда си се криво заклин(ь)ала
ѢегоѢ мене до невол(ь)е буде,
да Ѣеш мене бити у невол(ь)и?“ ²⁾

Явилась ему вила изъ облака и сказала: «зачѣмъ жалуешься, Марко-королевичъ! не я ли, бѣдная, тебѣ говорила чтобы, не начиналъ ссоры въ воскресенье? Срамъ нападать двумъ на одного, и развѣ нѣтъ у тебя змѣи за пазухой?» Въ послѣднихъ словахъ былъ намѣкъ на острый ножъ. Заслышавъ голосъ вилы, Муса взглянулъ на облако, откуда она вѣщала; а

¹⁾ Сб. Валавца, 63—65. — ²⁾ Переводъ: „гдѣ ты нынче, посестримъ вила, гдѣ ты? нигдѣ тебя нѣтъ! Развѣ ты неварно влялась помогать мнѣ въ бѣдѣ?“

Марко въ тоже мгновеніе выхватилъ ножъ изъ-за пазухи и распоролъ Мусу отъ пояса до самаго горла ¹⁾. Другая пѣсня рассказываетъ, какъ къ тому-же герою пришло девять-десять посестринъ вила на помощь противъ бана Свилайна. Къ молодцу Новаку прилетѣла изъ горы вила и помогла ему въ битвѣ противъ Мануйла Гречича; а когда Янко былъ убитъ Нукичемъ, вила взяла его сына Николу Янковича, унесла въ свою пещеру и воспитывала до юношескихъ лѣтъ, потомъ дала ему славнаго вилинскаго коня и вилинское оружіе и послала мстить за смерть отца ²⁾. Враги сербовъ и черногорцевъ — враги и ихъ виламъ. Вилы предупреждаютъ витязей этого славянскаго племени о всякой военной опасности, о всѣхъ нападеніяхъ, какія готовятъ на нихъ невѣрныя турки.

Кличе вила од Кома-планине,
Дозивала вила на поле Цетине,
На Цетине на средь горе Црис
По имени и по прозиму
Петровича Данилу владыку:
О владыко, черногорска главо!
Это на те иде сильна војска
Од онога Отманович цара ²⁾.

Владыка спрашиваетъ вилу:

«Кажи мене, од планине вило!
Мош ли знати, колико је војске,
Од које ли земл(ь)е и крајине,
На коју ће страну окренути
И сад ко ће на нас ударити?» ⁴⁾

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 407—9. — ²⁾ Кукулевићъ, 88, 95. —
³⁾ Переводъ: кличетъ вила съ горы Комы, зоветъ вила на Цетинское поле, на Цетинское поле среди Черногорья, по имени и прозванію — владыку Данилу Петровича: «о владыка, черногорскій глава! иди на тебя сильное войско царя отомановъ» — ⁴⁾ «Скажи мнѣ, горная вила! знаешь ли ты — сколько войска, изъ какихъ земель и областей, на какую сторону кочеть нападать, и что на насъ ударити?»

И-вила рассказываетъ, сколько у непріятеля войска, изъ какихъ земель оно набрано и на какія страны намѣрено ударить. По ея вѣстямъ, владыка распоряжаетъ дѣйствіями своихъ полковъ и одерживаетъ надъ турками знаменитую побѣду. Точно также, по словамъ недавно-сложившейся пѣсни, вила извѣщала о предстоящей битвѣ храбраго Вука Лешевича и пугала его бѣдами, если онъ не послушается ея совѣта и не сообщитъ о томъ другимъ юнакамъ ¹⁾). По волошскому повѣрью, у каждой страны есть своя *vilva*-защитница; охраняя свои земли, вилвы часто сражаются между собой въ воздушныхъ пространствахъ, и смотря по исходу битвы—въ подвластныхъ имъ странахъ устанавливается хорошая или дурная, благопріятная или гвбельная для урожаявъ погода (сравни съ сказаніями о битвахъ лѣшихъ — II, 334-5, и вѣдогоней—гл. XXIV). Такимъ образомъ вилы получили вполне-народный характеръ, сдѣлались защитницами политическоя свободы и общественныхъ интересовъ южныхъ славянъ, подобно тому, какъ въ германскихъ преданіяхъ тѣже національныя черты усвоены Одину и валькириямъ. Чехи донынѣ видятъ въ облакахъ и тучахъ толпы небесныхъ воиновъ, и когда собирается гроза — говорятъ: вотъ опять вооружаются *pebešti voja sil* Громы и молніи принимаются за ихъ выстрѣлы, а сгущенные пары — за дымъ отъ огнестрѣльнаго оружія; когда небесный воинъ дастъ промахъ, то посланная имъ нуля падаетъ на землю и производитъ грозовой ударъ. Въ средѣ этихъ ратниковъ есть безголовый барабанщикъ; шумитъ ли въ лѣсу буря — это онъ стучитъ въ свой громкій барабанъ ²⁾). Послѣ принятія христіанства, означенныя представленія были перенесены на ангеловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ создались легенды о чудесной помощи, даруемой ими

¹⁾ Путеш. въ Черногорію А. Попова, 216—9.— ²⁾ Громаничъ, 5.

христолюбивому воинству. Ипатьевская летопись, описывая битву Владимира Мономаха съ половцами, замѣчаетъ: «падаху половци предъ полкомъ Володимировымъ, невидимо бѣими ангеломъ, яко се видяху мнози человекѣци, и главы летяху невидимо-стинаемы на землю. И въпросиша колодникъ (плѣнныхъ), глаголюще: како васъ толико сила и многое множество не могосте ся противити, но въскорѣ побѣгосте? Си же отвѣщаваху, глаголюще: како можемъ битись съ вами, а друзи ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ! Токмо се суть ангели, отъ Бога послани помогать хрестьяномъ» (сравни т. I, 278—9). Въ «Гисторіи объ азовскомъ взятіи» разсказывается, что казаки, стѣсненные турками, возслали къ Богу горячія молитвы, и «для той казацкой печали того-же дня возста отъ сѣверной страны туча, а изъ той тучи вышла Дѣва Пречистая Богородица и съ ней множество прекрасныхъ юношей (ангеловъ и мучениковъ), и пришедъ прогна турокъ... Нападе на нихъ страхъ и трепеть, и ослѣпи очи ихъ, и между собою начали стѣчися¹⁾. Какъ валькиріи препровождаютъ падшихъ въ бою героевъ въ блаженное царство Одина, такъ и вилы увлекають присужденныя имъ души въ свои облачныя жилища. Одна мать, у которой было девять дѣвочекъ, молила Бога, чтобы онъ даровалъ ей сына; но вмѣсто мальчика, родила десятую дочь. Когда на крестинахъ спросили родильницу: какое имя дать ребенку? — она въ горькой досадѣ отвѣтила: «Яня—чортъ бы ее взял!» (ѣаво је однијо!) Яня выросла тонка и высока, бѣлолица и румяна; разъ взяла она ведро и пошла по воду.

Кад је била вроз гору зелену²⁾,

Ал' повина из горице вила:

„Ој чујеш ли, прелијена Јањо!

¹⁾ Рыбник., IV, 182-3. — ²⁾ Когда шла лѣзеленный сонъ...

Баца ¹⁾ ведро у зелену траву,
 Ходи к мене у гору зелену;
 Тебе ј' мајка нама поклонгла,
 Још малену куму на рукама²⁾.

И дѣвица пошла къ виламъ ³⁾. Доселѣ существуетъ клятва: «чтобъ тебя вилы унесли!» (виле те однеле! ⁴⁾). Вмѣсто выраженія: «какая смерть тебя возьметъ!» сербы говорятъ: «какія вилы тебя одолѣютъ!» ⁵⁾. На Руси дѣти, проклятыя отцемъ или матерью, дѣлаются достояніемъ водяныхъ и дѣвскихъ.

Наравнѣ съ эльфами и русалками, вилы любятъ пляски, пѣніе и музыку. Собираясь на избранныхъ мѣстахъ — въ лѣсахъ и по горамъ, онѣ водятъ коло, играютъ на свирѣляхъ и лудкахъ, поютъ, бѣгаютъ и рѣзвятся; морскія вилы выходятъ при свѣтѣ мѣсяца изъ своихъ подводныхъ жилищъ, затягиваютъ чудныя пѣсни и въ легкихъ, граціозныхъ пляскахъ носятся по берегу или по зыбкой поверхности водъ. Вилы охотно пляшутъ и подъ звуки гуслей, на которыхъ играетъ пастухъ; онѣ такъ пристрастны къ танцамъ, что предаются имъ до совершеннаго истомленія ⁶⁾. Высока́ Ловѣн-планина, говоритъ пѣсня, «виленски у њој станови, свећ' (всегда) виле танце изводе» ⁷⁾. Смѣртнымъ небезопасно смотрѣть на ихъ веселыя забавы; всякой, кто набредетъ на ихъ хороводъ или вечернее пиршество, всякой, кто расположится станомъ на ихъ «дивномъ игралищѣ, дивномъ пѣвалищѣ», — подвергается ищенію и стрѣламъ раздраженныхъ вилъ ⁸⁾. Иногда, завидѣвъ рюшу, вилы увлекаютъ его въ свои танцы и кружатъ до тѣхъ поръ, пока онъ не испуститъ своей души ⁹⁾; но случается

¹⁾ Брось. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 560—1. — ³⁾ Срп. н. послов., 35. — ⁴⁾ Герман. Mythen, 571. — ⁵⁾ Кукулевичъ, 94. 101; Сб. Валава, 13, 46, 52—59. — ⁶⁾ Срп. н. пјесме, I, 190—1. — ⁷⁾ Ibid., 181—3; Срп. рјечникъ, 61. — ⁸⁾ Narod. zpiewanky, I, 8.

также, что, въ награду за долгую неутомимость и искусство въ пляскѣ, вилы вступаютъ съ нимъ въ побратимство и научаютъ его мудрости (дѣлаютъ вѣщныи), какъ своего любимца. Однажды Марко-королевичъ шелъ горою мимо того мѣста, гдѣ собравшіяся вилы коло играли. Онѣ увидали королевича и пригласили его состязаться съ собой въ танцахъ— съ тѣмъ условіемъ, что если онъ будетъ побѣжденъ, то навсегда останется въ ихъ власти. Но витязь былъ крѣпокъ ногами и одержалъ побѣду надъ всѣми вилами, которыя, не смотря на свою легкую, воздушную природу, попадали наконецъ отъ усталости на землю. Побѣжденные вилы заключили съ королевичемъ братскій союзъ, и съ той поры какъ-бы состояли у него на службѣ и помогали ему во всякой бѣдѣ. По свидѣтельству черногорской пѣсни, на Мирочѣ всѣ вилы были Марку-королевичу посестрими, кромѣ одной Равијолы, но и ту заставили подружки послѣдовать ихъ примѣру ¹⁾. Напѣвы вилъ до того обаятельны, что человѣкъ, услышавши ихъ однажды, уже не можетъ наслаждаться пѣснями земныхъ дѣвъ и всю жизнь свою томится и тоскуетъ. Любятъ вилы состязаться и въ искусствѣ пѣнія, и какъ равнодушны онѣ къ легкости и быстротѣ пляски, такъ точно равнодушны и къ звонкому, пріятному голосу. Выше мы указали преданіе, какъ вила Равијола поразила стрѣлами Милоша — за то, что въ сравненіи съ нею онъ пѣлъ и звучнѣе, и лучше. Есть еще другое преданіе, что нѣкогда вилы вступили въ состязаніе съ самонадѣянныиъ пѣвцомъ, и доказавши превосходство своихъ голосовъ, ослѣпили его ²⁾. У хорутанъ извѣстенъ слѣдующій рассказъ: у бѣдной вдовы была малютка-дочь, наученная славными пѣснями. По вечерамъ, когда она начинала пѣть, приходили прекрасныя вилы «z dugemi zlatnemi lasmi(воло-

¹⁾ Кукулевичъ, 87—90. — ²⁾ Ibid., 92.

сами) i zlatpemi orgavamí». Незримыя никому, кромѣ одной дѣвочки, онѣ внимательно слушали ея пѣсни и всякой разъ оставляли ей какой-нибудь подарокъ. Дитя такъ полюбилось виламъ, что онѣ рѣшились завладѣть имъ, и вотъ когда дѣвочка была похищена—бѣдная мать отправилась на поиски и нашла ее въ полѣ, «gde su vile ž njenum čerjum ¹⁾ porovale. I vile zele su mater med se i dayale nji kajkakve stvari ²⁾ da naj samo kčer pri nji' pusti, ali ona ne je štela ³⁾. Onda su nji dale lepe stvari da kči saki večer med nje dojde porovat.» Послѣ, когда мать померла, дочь ея сдѣлалась вилою («postala je jedna lepa vila» ⁴⁾). Особенно интересна сербская пѣсня, изображающая хороводъ виль:

Ој вишњо, вишњице!
 Дигни горе гране.
 Испод тебе виле
 Дивно коло воде.
 Пред њими Радиша
 Бичем росу тресе,
 До две виле води,
 А трећој беседи:
 »Поћ' за мене, вило!
 Код моје ћеш мајке
 У ладу седити,
 Танку свиљу прести
 На златно вретено.« ⁵⁾

Дерево, подъ которымъ собрались вилы, соответствуетъ мѣровой асени Иггдразилли (см. II, 279), и есть не болѣе, какъ метафора ледевой тучи; подъ ударами громоваго бича, съ

¹⁾ Съ ея дочерью. — ²⁾ Вещи, дары. — ³⁾ Не хотѣла. — ⁴⁾ Сб. Валивца, 47—48. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, I, 111. Переводъ: Ой вишня, вишенья! подыми вверхъ вѣтви, подъ тобою вилы дивный хороводъ водить, а третьей говорить: пожди за меня, вила! подлѣ моей матери будешь сидѣть въ прохладѣ и прѣсть тонкій шелкъ на золотое веретено.

вѣтвей этого дерева сотрясается роса—дождь. Такое сотрясеніе росы, сопровождающее пляску виль, указываетъ на ихъ стихійное значеніе и на сродство съ валькиріями, которыя въ своихъ воздушныхъ поѣздахъ также роняютъ росу. Последнія два стиха пѣсни свидѣтельствуютъ, что вилы занимались пряжею. Хорутанскія приповѣдки рассказываютъ, что за услуги, оказанныя виламъ, онѣ дарятъ такой клубокъ нитокъ, изъ которыхъ можно наготовить столько полотень, сколько захочется. Такъ одна пастушка укрыла спящую вилу отъ жаркихъ лучей солнца, а вила подарила ей «jedno klopko (клубокъ) i rekla: samo vezda snuj ovo klopko — i budeš imela dosti rubja (платья ¹⁾). Она je tak napravila i imela je tuliko platna da si je napravila rubja dosti sebi i svojemu bratu» ²⁾. Народное повѣрье утверждаетъ, что вилы шьютъ женскія одежды, и сидя на плоту, расчесываютъ своимъ золотистыя косы ³⁾. Цвѣтокъ *cuscuta epigraea*, называемый у нѣмцевъ *flachsseide*, у сербовъ слыветъ: *вилаина коса* ⁴⁾.

Одно изъ наиболѣе распространенныхъ въ народномъ эпосѣ сказаній основано на мифѣ о похищеніи облачныхъ женъ и сокрытіи дождевыхъ источниковъ злымъ демономъ — змѣемъ. Въ хорутанскихъ сказкахъ мифъ этотъ передается въ такой формѣ: царевичъ (=громовникъ) женится на прекрасной вилѣ; но приходитъ пора, и ее похищаетъ огненный король—старикъ, изъ устъ котораго исходитъ пламя; онъ уноситъ вилу на *ognjevitu gogu* или въ змѣиный городъ, и тамъ сажаетъ ее среди потока (=въ тучѣ) и оковываетъ цѣпями, т. е. зимнею стужею. Царевичъ отправляется добывать свою подругу, и чтобы достигнуть этой цѣли — долженъ слу-

¹⁾ Серб. руб, рубац = рус. рубаха. — ²⁾ Сб. Валавца, 60—62. — ³⁾ Кукучевичъ, 99—100; Иличъ, 281. — ⁴⁾ Срп. рјечникъ, 62.

жить у бабы-чародѣйки и пасти быстроногихъ виланныхъ кобылицъ, въ которыхъ обращаются ея дочери. Такой подвигъ совершается имъ при содѣйствіи Солнца, Мѣсяца и Вѣтра; затѣмъ, купаясь въ молокѣ виланныхъ кобылицъ, онъ дѣлается сильномогучимъ богатыремъ и получаетъ за службу чудеснаго коня; на этомъ конѣ онъ увозитъ свою красавицу отъ огненнаго короля, а самому королю отсѣкаетъ мечемъ голову¹⁾, т. е. при возвратѣ весны богъ-громовникъ, купаясь въ молокѣ небесныхъ источниковъ, обрѣтаетъ свою прежнюю силу, поражаетъ демона мрачныхъ тучъ и выводитъ изъ заключенія дожденосную нимфу, какъ свою любимую супругу. Въ зимнее время, подѣ влияніемъ вьюгъ и морозовъ, царство облачныхъ дѣвъ каменѣетъ; соотвѣтственно этому поэтическому представленію, сказка, изображаетъ царство вилъ окаменѣннымъ сіяю злаго заклятія, но вотъ наступаетъ пора освобожденія (=весна) и сказочный герой несется туда на виланомъ конѣ, входитъ въ церковь и начинаетъ звонить: «kak on pozvoni, ali na jedenkrat vse oživi—ljudi, marha (стада) i vse kaj je predi bilo okamenjeno». Звонъ—метафора грома; шумъ грозы пробуждаетъ мертвое царство, и добрый молодецъ женится на златовласой красавицѣ, царицѣ вилъ²⁾. Какъ всѣ облачные, грозовые духи могутъ посылать и жизнь и смерть, смотря потому—несутъ ли они живую воду дождя, или холодныя, всеоцѣпяющія вьюги; такъ и вилы представляются съ тѣмъ-же двойственнымъ характеромъ: онѣ то разрушаютъ волшебныя чары и призываютъ окаменѣлыхъ героевъ къ жизни, то сами превращаютъ ихъ въ камень, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ отождествляются съ злыми чародѣйками—вѣдьмами. Царевичъ нанимается въ пастухи къ слѣпому старику; съ гусями въ рукахъ, онъ гонитъ стадо на пастбище, располагается вблизи вилна города и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ; въ это время

¹⁾ Сб. Валавца, 1—5, 24—29. — ²⁾ Ibid., 17—19.

вилыо каменяли все его стадо. Проснувшись, царевичъ пошелъ къ виламъ. «*Mam, veli jedna vila, da budu ga vezda na kamen napravile, a druga veli: ne-ne, ima gusle, naj nam igra, bumo tancale. On jim igra-igra, a one, gda jim preveč tancanja bilo, kričiju: naj igrati, naj-náj! 1)* On samo igra dok su opadale v re vile. Onda kričiju: naj igrati, idi raiši v ono šikarje pak si onu i onu šibu (пруть, вѣтку) odreži pak vudri po sakem kamenu, 'sa bu ti nazad marha. On igra-igra. One kričiju: naj igrati, rajši otrgni-onu travu tam pak namaži starcu slepomu tvojemu oči pak bu taki videl. On igra-igra, pák veliju mu vile: naj, naj igrati, idi k starcu dimo pak vudri po štali, mam bu 'se zlato i ves zlato komj i 'se bu vu štali zlato. On nikaj, igra-igra. One veliju: naj igrati, vudri doma po pivnici 2), buš tam dva kupe zlata i srebra našel, samo nam pusti mira pak naj igrati» 3). Царевичъ пересталъ играть и воспользовался вѣзмъ, что высказали ему вилы. Эта игра на гусяхъ—метафора грозовыхъ пѣсней. Называя вой бури и раскаты грома небесною музыкою, фантазія создала басню о гусяхъ-самогудахъ, обладающихъ такимъ чародѣйнымъ свойствомъ, что пока они издають звуки—все кружится и пляшетъ; вилы поэтому и не могутъ оставить своей бѣшеной пляски, и усталыя просятъ о пощадѣ. Смыслъ преданія—слѣдующій: богъ-громовникъ, искусный музыкантъ на волшебныхъ гусяхъ, выгоняетъ въ раннюю весеннюю пору свои небесныя стада, т. е. дождевыя облака; а вилы, пользуясь его отдохновеніемъ, превращаютъ ихъ суровымъ дыханіемъ стужи въ безжизненные камни. Но вотъ пробуждается громовникъ, начинаетъ наигрывать на гусяхъ, и заставляя вилъ

1) Когда вилы натапцовались, онъ закричалъ: довольно, будетъ играть! — 2) Штала—конюшня, пивница—погребъ. — 3) Сб. Вальца, 33—34, 54—56.

плясать, приводить ихъ въ совершенное истомленіе, т. е. смиряетъ ихъ въ шумѣ бурной грозы, дѣйствіемъ которой окаменѣлыя стада его возвращаются къ жизни (ударъ вѣтки есть ударъ молніи, см. II, 388-395), золото солнечныхъ лучей проясняется изъ-за разбитыхъ тучъ и верховному владыкѣ неба, ослѣпленному темными облаками и туманами, возвращается его зрѣніе—свѣтъ. Солнце, луна и звѣзды уподоблялись золоту, серебру и глазамъ. Тучи, закрывающія эти свѣтила, представлялись демонами, готовыми не только похитить драгоценныя сокровища, но и ослѣпить всевидящія, міровыя очи. Вилы, какъ собирательницы облаковъ, также отнимаютъ небесный свѣтъ, или выражаясь метафорически: похищаютъ зрѣніе (очи), пока могучій громовникъ не разсѣетъ сгущенныхъ тучъ и не выведетъ изъ-за нихъ яснаго солнца, или блестящихъ звѣздъ и мѣсяца. Приведенная сказка имѣетъ еще другой вариантъ ¹⁾: три вилы выкопали у стараго дѣда очи; смѣтливый пастухъ вызвался возвратить ему зрѣніе. Онъ приготовилъ шестьнадцать клнньевъ и погналъ овцу да барана на пастбище. Вскорѣ явились туда три вилы и начали танцовать подъ музыку пастуха; онѣ танцовали до тѣхъ поръ, пока не попадали наземь. Тогда добрый молодецъ прикрѣпилъ ихъ клнньями къ землѣ, а баранъ принялся подъ бока толкать; вилы принуждены были покориться и выдали пастуху шесть коробокъ глазъ, между которыми онъ нашелъ и глаза дѣда. Пастухъ воротился къ слѣпому, вставилъ ему очи, и съ помощію цѣлебной травы, указанной вилами, возвратилъ ему потерянное зрѣніе ²⁾. Г. Максимовичъ упоминаетъ о подобной же малорусской сказкѣ про злую русалку, которая лишила зрѣнія дѣда и бабу—за то, что они пасли овецъ на ея заповѣдномъ лугу, и носила ихъ вынутыя очи въ платкѣ за поясомъ ³⁾.

¹⁾ Ibid., 52—53. — ²⁾ Сравни у Эрбена, 27—29: „Jezinky“. — ³⁾ Рус. Бес. 1856, III, 100.

Тѣхъ-же нѣмецкихъ дѣвъ болгары знаютъ подъ именами: а) само-вила и в) само-дива; первая преимущественно обитаетъ въ горахъ, а послѣдняя — въ рѣкахъ и колодцахъ. Оба имени сопровождаются придаточнымъ само и напоминаютъ наши эпическія выраженія: коверъ-самолетъ, ска-терть-самобранка, топоръ-саморубъ и др. Самовила (самовьющая, самоприха) существенно ничѣмъ не отличается отъ сербской и словенской вилы; а самодива должна быть поставлена въ сродство съ дивами—великанами и змѣями-тучами. Какъ этимъ послѣднимъ присвоивается прозваніе юдо (II, 216, 290, 618), такъ присвоивается оно и самовиламъ («юдо-самовило!») Юды, по рассказамъ болгаръ, — жены съ длинными косами, живутъ въ глубокихъ рѣкахъ, озерахъ и водоворотахъ; выходя на берегъ, онѣ любятъ расчесывать волосы, а если завидятъ кого въ водѣ, то оплетаютъ и удавливаютъ его своими косами. Въ пѣсняхъ самовиламъ даются постоянные эпитеты: самогорска, пре-куморска; у нихъ — славныя русыя косы, онѣ водятъ хоро-воды ¹⁾, вступаютъ съ юнаками въ побратимство, помогаютъ имъ въ нуждѣ и спасаютъ ихъ отъ преждевременной смерти; подобно сербскимъ виламъ, онѣ создаютъ облачные города:

Градъ градила самовила
Ни на небо, ни на земли,
Туку така подъ облака.

Когда идетъ дождь и въ тоже время свѣтитъ солнце, тогда, по мнѣнію болгаръ, купаются самовилы ²⁾, что со-отвѣтствуетъ нѣмецкому и малорусскому повѣрью, что тогда чертъ—громовникъ бьетъ свою жену—вѣдьму (см. выше,

¹⁾ „Оро (коло, хоровадь) ми играде триста самовили На зареъ на планина, на рамна рудина“. Когда юды водятъ коло, то движутся самыя горы—Др. болгар. пѣсня объ Ореетъ, открыт. Верковичемъ; здѣсь же упомянуто, что юды собираютъ глѣнарственными тра-вы. — ²⁾ Каравел., 240—1, 319; Милади., 1—7, 524.

стр. 14-15). Наравнѣ съ эльфами, лѣсными и водяными духами, самодивы признаются за падшихъ свѣтлыхъ ангеловъ; низвергнутыя съ неба, онѣ населили воды, а нныя остались въ воздухѣ и по ночамъ нарушаютъ тишину своими чудными звуками, которые слышатся то какъ отдаленная музыка, то какъ дѣвичьи пѣсни, то какъ скрипъ безчисленныхъ колесъ. Самодивы поютъ и пляшутъ по лугамъ и оставляютъ на травѣ большіе круги, состоящіе изъ узкой, убитой ихъ ногами дорожки. Если человѣкъ, заслыша ихъ пѣсню, осмѣлится приблизиться къ самодивскому хороводу, онѣ или убиваютъ его, или навсегда лишаютъ языка и памяти ¹⁾). На связь ихъ съ губительными болѣзнями указываетъ и то, что Моровая дѣва причисляется болгарами къ самодивамъ и юдамъ-самовиламъ (см. стр. 104). Въ качествѣ облачныхъ нимфъ, онѣ вліяютъ на земное плодородіе: когда нивы стоятъ еще зеленыя, въ нихъ, по народному повѣрью, прячутся самодивы и орисицы; послѣднія колосья, оставляемыя на поляхъ жнецами, называются божья брада и считаются достояніемъ самодивъ; кто покусится и не оставитъ для нихъ колосьевъ на своей полосѣ, у того вихри отнимутъ ноги ²⁾); когда приѣзжаютъ на мельницу съ зерновымъ хлѣбомъ, то часть смолотой изъ него муки бросаютъ въ воду самодивамъ, а муку, которая, подымаясь пылью, осаживается по стѣнамъ мельницы, называютъ дьявольски хлѣбъ ³⁾).

Самовиламъ приписывается заpiratione водныхъ источниковъ и похищеніе зрѣнія. Вотъ свидѣтельство пѣсни:

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 205. — ²⁾ Въ венгерской Сербіи послѣднія колосья на нивѣ, всерѣзанныя серпомъ, перевязываются золотыми нитями и лентами и называются брадой господина Бога (сравни: I, 697—8). Изъ этой бороды выдергиваютъ нѣсколько колосьевъ и плетутъ вѣнокъ, который потомъ прикрѣпляется къ палкѣ, поставленной посреди нивы, и носятъ названіе Среѣа (счастье) — Археолог. Вѣстникъ 1867, II, 57. Орисицы и Среѣа — дѣвы судьбы. — ³⁾ Сообщ. г. Каравазовичъ.

Шеталъ ¹⁾ Марко низъ гора зелена,
 Що ми шеталъ три дни и три нока ²⁾,
 Ни можить вода да ми найдить,
 Ни заиеть, ни да съ изиеть,
 Ни за себе, ни за барза коня.
 Паговори Марко кралевике:
 „Ворай горо, горо Димна-горо!
 Камо ти вода да съ напямъ,
 Не машъ да шамъ, ни да съ изиамъ.
 Да би ми те ветаръ исушило!
 Да би ми те сонце изгорило!“

Отвѣчаетъ Марку-королевичу Димна-гора: «гой ты, Марко-доб-
 рый юнакъ! не кляни меня, а кляни старую самовилу,

Що собрала седумдесеть кла'енци ³⁾,
 Да иснесла на варѣъ на планина,
 Да прода'ать еденъ бардакъ вода ⁴⁾
 за царни-те очи.“

Когда услышалъ это Марку-королевичъ, спрашиваетъ онъ сво-
 его добраго коня:

„Ай ти коню, мое мило добро!
 Али можишь ти да ме изнесишь,
 Да отепамъ стара самовила,
 Да растурамъ седумдесеть кла'енци?“

Конь несетъ его на вершину горы; витязъ поражаетъ самови-
 лу, отмыкаетъ семьдесятъ колодцевъ и открываетъ ихъ во-
 дамъ свободный исходъ ⁵⁾. Точно также и сербскія вилы
 позволяли юнакамъ пить изъ своихъ заповѣдныхъ источни-
 ковъ и поить оттуда коней — не иначе, какъ подъ условіемъ
 тяжелой дани:

На водици вила-баждарица
 Те узима тешку баждарину ⁶⁾:

¹⁾ Бродиль. — ²⁾ Ночи. — ³⁾ Кладези. — ⁴⁾ И продаетъ
 одну кружку воды. — ⁵⁾ Миладни., 8—9. — ⁶⁾ Давъ, подать.

Од юнака оба черна ока,
А од ков(ь)а ноге све четыре ¹⁾.

Основная мысль этих поэтических сказаний—та, что облачные духи, хранители дождевых источников, только тогда допускают пролиться на землю обильному дождю, когда заволокутъ небо тучами и потемнят его свѣтозарныя очи. Скандинавскій мифъ говоритъ о глазѣ-солнцѣ, отданномъ нѣкогда въ закладъ Одиномъ за глотокъ воды изъ Мимирова источника (см. I, 374). Эти черты: задержание дождевыхъ потоковъ и сокрытие небснаго свѣта = зрѣнія принадлежатъ вѣламъ наравнѣ съ драконами (см. II, 532, 556) и придаютъ имъ демоническое значеніе; отсюда объясняется и выраженіе болгарской пѣсни: *стара самовила* ²⁾). Валахская сказка ³⁾ рассказываетъ о драконахъ, похитившихъ зрѣніе у одной старушки; добрый молодецъ нанимается къ ней пасти стадо; звуками музыки онъ побѣждаетъ драконовъ и возвращаетъ старухѣ зрѣніе, омывши ея глазныя впадины въ молочномъ прудѣ, т. е. дождевой водою. Богатырскіе кони (кони бога-громовника), напиваясь изъ вилиныхъ источниковъ, лишаются ногъ, т. е. пролитіе дождя сопровождается паденіемъ молній, ибо удары этихъ послѣднихъ фантазія древнихъ поэтовъ сравнивала съ ударами конскихъ копытъ (см. стр. 2-4). Еще яснѣе указываетъ на стихійное значеніе самовилъ другая болгарская пѣсня: *ѣхалъ молодецъ Иванъ Поповъ, заступила ему путь-дорогу самовила и хочетъ выпить его черныя очи*. Но богатырь не поддался, схватилъ ее за русую косу, вскинулъ на своего бѣззаго коня и привезъ домой; здѣсь отобралъ у нея правое крыло, заперъ его въ ларецъ и сдѣлалъ самовилу своею женою. Прошло три года, родила она сына; на крестинахъ стали просить самовилу, чтобы показала свое искусство

¹⁾ Путеш. въ Черногорію, 216; Кукулевичъ, 89. — ²⁾ Въ пѣснѣ объ Орееѣ старая юда изображена на подобіе змѣя, съ тремя головами и хвостами.—³⁾ Шоттъ, 10.

въ пляскахъ — поиграла малу 'оро самовилско. Отвѣчала самовила: «нек' ми пуштить (Иванъ Поповъ) десно крило, тако 'оро да поигра». Но только что получила она свое правое крыло, какъ тотчасъ-же улетѣла. Закричала вслѣдъ ей све-кровь:

Дете плачить за леляне,
За леляне, за цицане;

кто будетъ лелять ребенка? кто накормить его грудью? И слышится отвѣтъ самовилы: какъ заплачетъ дитя «за цицане» — я воздою его частой росой, а заплачетъ «за леляне» — убаяюкаю его тихимъ вѣтромъ! ¹⁾. Но если съ одной стороны вилы, сгущая облака, могли омрачать очи; то съ другой, проливая дожди, онѣ прочищали небо отъ темныхъ тучъ, выводили изъ-за нихъ ясное солнце и давали миру свѣтъ—зрѣніе. Отсюда возникло вѣрованіе, что вилы знаютъ источники, обладающіе чудесною силою исцѣлять слѣпоту. Когда великанъ-дивскій старѣйшина вынулъ у Јована оба глаза, ему помогла вила; она быстро прилетѣла съ горы, умыла его водою и сотворила ему очи ²⁾. По хорутанскому преданію, два брата ослѣпили третьяго, отвели его на высокую гору и тамъ покинули. Несчастный не зналъ что дѣлать, но явились вилы и стали говорить промежъ собой: «da bi ov človek znal da bi si zorjiniu gesum (росой, падающей на зорѣ) oči pamazal, tam bi pregledal.» Слепой омочилъ свои глаза росой — и тотчасъ-же прозрѣлъ ³⁾.

Летучія облака предки наши уподобляли птицамъ; подъ вліяніемъ этого уподобленія облачнымъ дѣвамъ приписана была способность превращаться въ голубя, утку, гуся и всего чаще въ лебедя. Собственно на этихъ птицахъ фантазія оста-

¹⁾ Миладня., 1—3 — ²⁾ Срп. н. пјесме, II, 36. — ³⁾ Сб. Вальца, 36—37; Срп. н. припов., стр. 106; у чеховъ въ этомъ случаѣ мѣсто вилъ заступаютъ вѣдьмы — Сказ. Грим., III, стр. 342.

новилась потому, что голубь издревле посвящался громовнику (I, 540 — 2), а гусь, утка и лебедь — птицы водяныя; облачныя же дѣвы (какъ извѣстно) признавались нимфами рѣкъ и источниковъ и постоянно плавали и купались въ ихъ водахъ. Сверхъ того, на сближеніе облачной дѣвы съ лебедемъ наводилъ самый языкъ. Выше указано, что эльфы, русалки, вилы и полудѣйцы, какъ духи, вооруженные молніеносными стрѣлами, являющіеся весною подъ легкими покровами облаковъ, согрѣтыхъ изгаренныхъ яркими лучами солнца, представлялись существами свѣтлыми, блестящими, бѣлыми: бѣла вила, *bila rapī*. Что же касается лебеда (серб. *лабуд*, чеш. *labut'*, пол. *łabędź, łabęć*), то онъ получилъ присвоенное ему имя по бѣлоснѣжному цвѣту своего пера. Слово это родится съ др.- и сред.-нѣм. *albiz, alpiz, elbez*, англос. *elfet, ylfet*, скан. *álf, álftr*—*cygnus*, лат. *albus* (сабин. *alpus*), *alba*—славян. лаба, лабе, и первоначально означало «бѣлую» птицу; чеш. *lebediti se* — ярко бѣлѣть. Нѣмецкіе *alp, elp, álf* образовались отъ того же корня ¹⁾. Такъ возникли сказанія о дѣвахъ-лебедахъ, и тѣмъ легче было сочетать эти различныя представленія, что слово лебедь въ народномъ говорѣ болѣею частію употребляется въ женскомъ родѣ; въ нѣм. *albiz, elbez* родъ

¹⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 44—45; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 574: славянскимъ лебедь, лабудь отвѣчаютъ литов. баланда, баландас отъ балти—бѣлѣть. Нашъ эпическій языкъ даетъ женскимъ грудямъ постоянный эпитетъ бѣлыя, а народная загадка обозначаетъ ихъ слѣдующею метафорою: «бѣлый лебедь на блюди не былъ, можемъ не рущенъ, а всякъ его кушалъ» — Эти Сб., VI, 50. Санскр. *hansa, hansī*—гусь и лебедь отъ *han* (вмѣсто *ghan*) — *pulsare, icere*; нѣм. *schwan* (старин. *suan*, англос. *svan*) отъ санскр. *svan* — *sonare*; лат. *columba* = слов. голубь отъ санскр. *lamb* — *sonare* (Зап. Р. Г. О. по отд. эти., I, 574).

колеблется между мужскимъ и женскимъ, а въ скан. *álft* осмливаетъ послѣдній.

Небесныя дѣвы индусовъ — апсарасы любили смѣшивать свой человѣческій образъ съ формами, заимствованными у лебедей и утокъ ¹⁾). У германо-славянскаго племени представленіе это пустило глубокіе корни и разрослось въ многочисленныя сказанія о лебединыхъ дѣвахъ. Средство этихъ дѣвъ съ зльбинами несомнѣнно; ниско узнаются по ихъ лебединымъ или гусинымъ лапамъ, которыя онѣ тщательно прячутъ подъ ихъ длинными платьями ²⁾); подобно тому, сербскія вилы оборачиваются и прилетаютъ лебедями, а у нашихъ русалокъ, по народному повѣрью, пальцы на ногахъ соединены перепонкою, какъ у гуся, что заключаютъ по ихъ слѣдамъ, какія остаются на мокромъ песку у береговъ рѣкъ и источниковъ. Слѣды эти можно видѣть только тогда, когда, застигнутыя въ расплохъ, русалки поспѣшно бросаются въ воду; обыкновенно-же онѣ прежде, чѣмъ покинуть берегъ, хватаютъ песокъ и тщательно сглаживаютъ свои ступни ³⁾). Въ связи съ указанными повѣрьями, кажется, слѣдуетъ поставить и доселѣ-ущѣлѣвшій болгарскій обычай бросать самодивамъ въ воду кусокъ жаренаго гуся ⁴⁾). Богиня-пряха Берта представлялась съ лебединою или гусиною ногою, и эта особенность, вмѣстѣ съ перенесеніемъ преданій о Бертѣ на королеву Бертраду (мать Карла Великаго) была усвоена послѣдней, какъ доказываютъ ея старинныя изображенія во многихъ церквахъ Франціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ утверждаютъ, что Берта принимаетъ видъ лебеди, а въ Баваріи, что она является коровою ⁵⁾). У богини

¹⁾ Die Götterwelt, 54. — ²⁾ D. Myth., 407, 460. — ³⁾ Иллюстр. 1845, 299. — ⁴⁾ Москов. Газета 1866 г., стат. Каравелова; по костюмъ этого гуся гадаютъ о будущемъ. — ⁵⁾ Die Götterwelt, 296. Корова = дождевая туча. Отсюда объясняется любопытная по-

Френ была пернатая сорочка, надѣвая которую она могла совершать быстрые полеты; вмѣстѣ съ Однимъ, ей были подвластны вѣщія и воинственные валькирии (см. гл. XXV), которыя охотно проводили время на берегу моря, занимались пряжею и превращались въ лебедей. Въ англосаксонской поэзіи морю дается эпическое названіе: лебединый путь (svanrád). Въ сказаніи Эдды о Вёлундрѣ находимъ слѣдующія слова: рано поутру нашли они (Вёлундрѣ и его братья) на морскомъ берегу трехъ женъ, которыя пряли ленъ; при нихъ лежали лебединыя сорочки (álptarhamir); то были валькирии». Накидывая на себя эти сорочки, онъ тотчасъ-же улеталъ лебедами, и одна изъ нихъ даже называлась Svanhvit (Schwanweiss — бѣлая лебедь) и имѣла лебединыя перья. Валькирія Kára является въ Hrdmundarsaga, какъ чародѣйка; облекаясь въ лебединою сорочку, она съ звучною пѣсней носится надъ рядами сражающихся героевъ. При ея содѣйствіи, любимецъ ея Гельги всегда побѣждалъ въ бою; но случилось, что въ одномъ сраженіи онъ высоко вознесъ свой мечъ, взмахивая имъ по воздуху, и ранилъ валькирию ногу; она упала на землю, и съ той поры оставило его счастье. Сага о Вёлундрѣ (въ томъ видѣ, какъ она изложена въ старо-нѣмецкомъ стихотвореніи) допускаетъ замѣну лебедей голубями: три голубки

дробность сказки о коровѣ-бурѣнушкѣ (Н. Р. Ск., VI, 54, 55; Худяк., 56; Кулишъ, II, 23—26; Собран. стар. рус. сказокъ — „Строева дочь“; Срп. в. припов., 32; сб. Валивца, 222—3; Гальтрихъ, 17): мачиха заставляетъ падчерицу прясть и ткать и нарочно задаетъ ей большіе, невыполнимые уроки; дѣвица приходитъ къ бурѣнушкѣ, въ которую превратилась ея мать, кладетъ ей кудель въ правое ухо, а изъ лѣваго вынимаетъ готовую пряжу; иногда сама входитъ въ одно ухо, а выходитъ въ другое съ оконченною работою: все выпрядено, соткано и вытѣлено! Или, вмѣсто этого, корова начинаетъ жевать принесенный ленъ, а изо рта у ней тянется тонкая, ровная нитка — только успѣвай на катушку наматывать!

прилетаютъ къ источнику, и касаясь земли — оборачиваются дѣвами; Wielant похищаетъ у нихъ платье и не прежде отдаетъ назадъ, пока одна изъ нихъ не соглашается стать его женою ¹⁾. Валькирии обладаютъ высшимъ, божественнымъ вѣдѣніемъ: Брингильда сообщила Сигурду все руны, какія только желаетъ знать человѣкъ, и научила его понимать чуждые языки и исцѣлять мазиами. Въ поэмѣ о Нибелунгахъ находимъ слѣдующій рассказъ: пріѣхали бургунды на берега Дуная, рѣка была въ разливѣ, какъ переправиться на другой берегъ? Хагенъ пустился вдоль берега искать перевозчика; вдругъ слышитъ—что-то въ водѣ плещется, глянулъ—передъ нимъ купаются бѣлыя дѣвы, словно лебеди. Хагенъ подошелъ, взялъ ихъ платье, и одна изъ дѣвъ провѣщала витязю: «благородный Хагенъ! если отдашь наши платья, мы тебѣ скажемъ, чѣмъ окснитися ваше путешествіе». Вслѣдъ за тѣмъ онѣ начинаютъ предсказывать будущее, и пророчество ихъ вполнѣ сбывается. Этотъ даръ предвѣщаній принадлежитъ валькиріямъ, какъ обладательницамъ божественнаго напитка (живой воды), и наравнѣ съ прочими облачными дѣвами ставятъ ихъ въ разрядъ вѣстницъ судьбы. На томъ-же основаніи и лебедь признанъ былъ вѣщею птицею; въ нѣмецкомъ языкѣ употребительно выраженіе *es schwant mir* — мнѣ предчувствуется. Въ водахъ небеснаго источника, у котораго обитали дѣвы судьбы (норны), плавало два лебедя. Въ индѣйской поэмѣ «Налъ и Дамаянти» златоперый лебедь или гусь (*hansa* = *anser*, *gans*) вѣщаетъ человѣческимъ голосомъ ²⁾. По свидѣтельству стародавнихъ мифовъ, живая вода надѣляла не только предвѣдѣніемъ и мудростью, но и поэтическимъ вдохновеніемъ; поэтому водянымъ (облачнымъ) нимфамъ приписыва-

¹⁾ D. Myth., 398 — 400; Сширокъ, 113, 122. — ²⁾ D. Myth., 398, 400.

лось созданіе сладкозвучныхъ пѣсень, и греческія музы первоначально были не болѣе, какъ существа стихійныя, которымъ доступны вдохновительныя воды небесныхъ источниковъ. Здѣсь коренится и преданіе о чудной, восхитительной лебединой пѣснѣ; это—послѣдняя пѣснь лебедя передъ его кончиною — пѣснь, звучащая въ бурной грозѣ, которую поетъ лебедина дѣва (= туча), умирая въ пламени молній и потокахъ дождя, и которой съ трепетомъ внимаютъ вся природа (сравни съ пѣсней Феникса — I, 514). Воинственнымъ характеромъ своимъ валькириі сходятся съ сербскими вилами; онѣ приносятъ съ собой войну и всѣ ея ужасы, что напоминаетъ намъ чудесную дѣву «Слова о полку Игоревѣ», которая плескалась на снѣжнѣ морѣ лебедиными крыльями и названа Обидою: «встала Обида въ силахъ Дажьбога внука, вступилъ(а) дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на снѣжнѣ море, у Дону плещущи»¹⁾. Названіе Обида согласуется съ тѣми собственными именами, какія приданы небеснымъ воинственнымъ дѣвамъ въ преданіяхъ грековъ и германцевъ; наприм. Распря, Побѣда и проч. (см. гл. XXV). Имена эти нельзя считать искусственною риторическою прикрасою; они произвольно, сами собой образовались изъ тѣхъ эпитетовъ, какіе присвоились ратующимъ въ битвахъ, смертоноснымъ нимфамъ. Болѣе живыя воспоминанія о лебединыхъ дѣвахъ сохранились въ народныхъ сказкахъ. Особенно-интересною представляется намъ сказка о Морскомъ царѣ и его премудрой дочери²⁾: юный Иванъ-царевичъ отправляется въ подводное царство, приходитъ къ морю и прячется за кусты. На ту пору прилетѣли туда двѣнадцать голубокъ или утокъ, сбросили свои крылушки (или пѣрушки³⁾), обер-

¹⁾ Рус. Дост., III, 92—94. — ²⁾ Н. Р. Ск., V, 23; VI, 48, 49.
— ³⁾ Ibid., VII, 22.

нулись красными дѣвицами и стали купаться: это были водяныя красавицы, дочери Морскаго царя. Иванъ-царевичъ подкрался потихоньку и взялъ крылушки Василисы Премудрой. Дѣвицы испугались, похватали крылушки и улетѣли голубками или утками; оставалась одна Василиса Премудрая, начала упрасивать добраго мѣюдца возвратить ей крылья, и царевичъ отдаетъ ихъ подъ условіемъ, чтобы она согласилась быть его женою. По народному повѣрью, превращеніе въ звѣря совершается набрасываніемъ на себя его мохнатой шкуры, тоже самое значеніе, какое въ данномъ случаѣ соединяется съ звѣриною шкурою, — при измѣненіи человѣческаго образа въ птичій, приписывается крыльямъ и перьямъ. По другимъ вариантамъ, вмѣсто крылушекъ, царевичъ похищаетъ сорочку и кушакъ морской дѣвы ¹⁾; эта замѣна основывается на поэтическомъ представленіи облаковъ—одеждами, покровами, что въ слияніи съ метафорою, сблизившею ихъ съ птицами, породило сказанія о пернатыхъ сорочкахъ (орлиныхъ, сокольныхъ, лебединыхъ), въ которыя рождались боги и великаны скандинавской мѣологии. Въ нѣмецкой сказкѣ ²⁾ вѣдьма накидываетъ на мальчиковъ бѣлыя сорочки (schwanelhaut) — и они превращаются въ лебедей; снимая въ урочные часы эти сорочки, лебеди снова принимаютъ человѣческія формы. Дѣвы-птицы встрѣчаются и во многихъ другихъ сказкахъ ³⁾, и вездѣ имъ равно придается вѣщее значеніе и необычайная мудрость; онѣ исполняютъ трудныя, свыше силъ

¹⁾ Ibid., VIII, 7. — ²⁾ Сказ. Грим., 49. — ³⁾ Н. Р. Сл., VII, 4, 13, 22; VIII, 7 (здѣсь онѣ названы дочерьми Ворона Вороновича, которому повѣрье приписываетъ добываніе живой воды); Срп. и. припов., 4; Нар. сл. раз., 124—130. Въ сказкѣ о Ерусалмѣ (Н. Р. Сл., VIII, стр. 401) говорится: ровно въ полдень прилетѣло великое стадо птицъ-хохотуней (хохоть — одинъ изъ существенныхъ признаковъ водяныхъ, дѣвиныхъ и русалокъ), съли кругомъ дуба и учали измѣтываться красными дѣвицами.

человѣческихъ, задачи и заставляютъ себя подчиняться самой природу. Въ одной сказкѣ ¹⁾ эти мнѣчскія дѣвы прилетаютъ бѣлыми лебедушками, а въ другихъ ²⁾ героиней выводится премудрая Лебедь-птица, красная дѣвица, или Лебедь-королевна такой чудной красоты, что ни око не видѣло, ни ухо не слышало; въ быльнѣ о Потокѣ-Михайлѣ Ивановичѣ добрый молодецъ увидалъ на тихихъ заводяхъ бѣлую лебедушку: черезъ перо птица вся золотая, а головка у ней — краснымъ золотомъ увитая, скатымъ жемчугомъ усажена. Вынимаетъ Потокъ изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, хочетъ стрѣлать по лебеди;

Провѣщитъ ему лебедь бѣлая:
 Не стрѣлай ты меня...
 Выходила она на крутой бережокъ,
 Обернулась душой-красной дѣвицей,

и вышла замужъ за млодца ³⁾. Нѣмецкія саги и сказки ⁴⁾ часто упоминаютъ о плавающихъ въ прудѣ или озерѣ, прекрасныхъ лебединыхъ дѣвахъ (schwabenjungfrauen); вздумаетъ ли кто полюбоваться ими — онѣ тотчасъ-же скрываются отъ нескромныхъ взоровъ, улетая бѣлыми лебедями. Во французскихъ сагахъ это превращеніе въ лебедей приписывается феямъ; для того, чтобы задержать фею (= остановить ее полетъ), необходимо похитить у ней сорочку, — точно также, какъ болгарскіе юнаки, съ цѣлю овладѣть самовилою, похищаютъ ее крылушки.

Всѣ означенныя стихійныя существа: эльфины, вилы и русалки поставлены въ народныхъ преданіяхъ въ самую близкую связь съ мнѣчскими представленіемъ душъ, издревле-

¹⁾ Н. Р. Св., VIII, 3. — ²⁾ Ibid., VI, 60; Глинск., II, 61 и др. — ³⁾ Бирша Дан., 217; Рыбинск., I, 208, 215; сравни т. I Повт. Воззрѣн., 515—6. — ⁴⁾ Наприм. въ сборн. Гальтриха, 5.

уподобляемыхъ то возженному огню, то дующимъ вѣтрамъ; онѣ или сами принимаются за души усопшихъ, или смѣшиваются съ тѣми вѣщими дѣвами, которыя, присутствуя при рожденіи младенца, какъ-бы влагають въ него душу живу, а потомъ изымають ее при кончинѣ челоуѣка, и такимъ образомъ опредѣляютъ начало и конецъ челоуѣческой жизни. По-дробному изслѣдованію этихъ важныхъ вопросовъ о связи эль-фическихъ духовъ съ душами усопшихъ и дѣвами судьбы мы посвящаемъ двѣ послѣдующія главы.

XXIV.

ДУШИ УСОПШИХЪ.

Последній актъ, которымъ завершается земная жизнь чело-
вѣка, исполненъ таинственнаго значенія. Неумолимая смерть,
постоянно унося новыя жертвы, для остающихся въ живыхъ
поколѣній ничего не открываетъ о той безвѣстной странѣ, ку-
да увлекла ихъ предшественниковъ. Но человекъ, по самому
свойству своей возвышенной природы, жаждетъ знать о томъ,
что будетъ съ нимъ за могилою. Мысль о конечномъ уничтоже-
ніи такъ враждебна инстинкту жизни, ощущаемому человекомъ,
что она уже въ глубочайшей древности отстранялась имъ во
имя надежды въ жизнь загробную, которая составляетъ
одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ во всѣхъ религіяхъ ¹⁾.
Праздники въ честь умершихъ, приношенія и возліанія на ихъ
могилы, вѣра въ явленіе мертвецовъ и множество другихъ
преданій ярко свидѣтельствуютъ, что наряду съ другими язы-
ческими племенами и славяне были убѣждены, что тамъ—за
гробомъ начинается новая жизнь, и имѣли о ней свои доволь-
но-подробныя, хотя и не строго-опредѣлившіяся представленія.

¹⁾ Ф. Куланжъ, 9: «Какъ бы далеко мы не углублялись въ исто-
рію индоевропейскаго племени, мы не найдемъ, чтобы раса эта
когда-либо думала, будто съ настоящею жизнью все оканчивается
для человека. Самые древнія поколѣнія, еще прежде всякихъ «пи-
лососовъ», вѣрили въ загробную жизнь.»

Прежде всего отмѣтимъ тотъ многозначительный фактъ, что славяне признавали въ душѣ нѣчто отдѣльное отъ тѣла, имѣющее свое самостоятельное бытіе. По ихъ вѣрованіямъ, согласнымъ съ вѣрованіями другихъ индоевропейскихъ народовъ, душа еще въ теченіи жизни человѣка можетъ временно разставаться съ тѣломъ и потомъ снова возвращаться въ него; такое удаленіе души обыкновенно бываетъ въ часы сна, такъ какъ сонъ и смерть—понятія родственныя. Черногорцы и сербы убѣждены, что въ каждомъ человѣкѣ обитаетъ духъ, котораго они называютъ «вѣдогонь», и что духъ этотъ можетъ покидать тѣло, объятое крѣпкимъ сномъ. Вѣдогони нерѣдко ссорятся и дерутся между собою, и тотъ человѣкъ, вѣдогонь котораго погибнетъ въ дракѣ, уже болѣе не пробуждается: его тотчасъ же постигаетъ быстрая смерть. О колдунахъ и колдуньяхъ рассказываютъ, что они, погружаясь въ сонъ, могутъ выпускать изъ себя воздушное демоническое существо, т. е. душу, которая принимаетъ различные образы и блуждаетъ по тѣмъ или другимъ мѣстамъ, при чемъ оставленное ею тѣло лежитъ совершенно-мертвымъ. И во время обмиранья или летаргическаго сна душа, по русскому повѣрью, покидаетъ тѣло и странствуетъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ тѣло есть какъ-бы жилище живаго духа, та временная оболочка, въ которую онъ заключается при рожденіи дитяти и которую покидаетъ при кончинѣ человѣка, когда, по словамъ стариннаго проповѣдника, «сужую страшною душа отъ тѣлеси изидеть и станетъ одержима душа зрящи на свое тѣло, яко-же бо кто изъволокся изъ ризы своея и потомъ сталъ бы зря ея»¹⁾.

¹⁾ Памят. XII в., 94. Таже мысль поэтически развита въ народномъ стихѣ о разставаніи души съ тѣломъ — Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 209. Душа человѣка, тоскующаго въ разлукѣ по своему другѣ, можетъ вызвать къ себѣ душу этого послѣдняго, какъ бы далеко онъ не былъ: душа чутка (Киевляницъ, I, 213).

Душа человѣческая, по древнимъ языческимъ преданіямъ, представлялась въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: во 1-хъ, огнемъ. Славяне признавали въ душѣ человѣческой проявленіе той-же творческой силы, безъ которой невозможна на землѣ никакая жизнь: это сила свѣта и теплоты, дѣйствующая въ пламени весеннихъ грозъ и въ живительныхъ лучахъ солнца. Душа — собственно частица, искра этого небеснаго огня, которая и сообщаетъ очамъ блескъ, крови — жаръ и всему тѣлу — внутреннюю теплоту. Различныя душевныя движенія народъ обозначаетъ уподобленіемъ огню: чувству онъ даетъ эпитеты горячее, теплое, пылкое; о любви, враждѣ и злобѣ выражается, что они возгорѣлись или погасли (I, 440); на эпическомъ языкѣ сербовъ гнѣвъ называется живымъ огнемъ, а бѣлоруссы о раздражительныхъ, вспыльчивыхъ людяхъ говорятъ: «одинъ съ огнемъ, другой съ поломомъ»¹⁾. Въ тѣсной связи съ указаннымъ возрѣніемъ стоятъ мѣны, приписывающіе богу-громовнику созданіе перваго человѣка и низведеніе огня на его домашній очагъ, дарованіе женамъ чадородія (= возженіе въ новорожденныхъ младенцахъ огненныхъ душъ) и устройство семейнаго союза (II, 75, 470). Еще теперь въ простомъ народѣ блуждающіе, болотные и свѣтятся на могилахъ, вслѣдствіе фосфорическихъ испареній, огоньки признаются за души усопшихъ; въ одномъ мѣстѣ тамбовской г., по увѣренію поселянъ, до сихъ поръ видны горящія свѣчи, потому что тамъ хоронятъ удавленниковъ и опойцевъ; въ другомъ мѣстѣ рассказываютъ, какъ на могилѣ безвинно-повѣшеннаго тепляла съ свѣча, пока не совершили по немъ поминокъ. Въ южной приднѣпровской Руси ходятъ рассказы о свинныхъ огняхъ, вспыхивающихъ на могилахъ и курганахъ; огни эти разводятся русалками¹⁾. Поминіюче

¹⁾ Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограе., I, 390. — ²⁾ Москв. 1844, XII, свѣсь, 28; 1848, VIII, ст. Дая, 71—72; Терещ., VI, 11, 129.

ховъ, надъ могилами летаютъ огненные душички; въ блуждающихъ огняхъ они видятъ души некрещенныхъ дѣтей, отверженныхъ грѣшниковъ или скупцовъ, оберегающихъ зарытые ими клады; всякой проклятый за грѣхи осуждается по смерти на вѣчное странствованіе въ семь мірѣ и показывается то въ видѣ огненнаго столба, то въ видѣ челоуѣка, у котораго языкъ и глаза—огненные ¹⁾. Тотъ-же взглядъ на блуждающіе огни раздѣляютъ и лужичане ²⁾. Вѣрованія эти общи славянамъ съ другими индоевропейскими народами. Для мирнопочиющихъ мертвецовъ германцы имѣютъ выраженіе др.-в.-нѣм. *hiugi*, ср.-в.-нѣм. *gehüige*, ново-в.-нѣм. *gehener*—кроткій, тихій, блаженный; противоположное же понятіе безпокойнаго, блуждающаго духа, привидѣнія они обозначаютъ *unhiugi* (*ungehener*)—*dirus, saevus*; *hiugi*—божественный, *unhiugi*—чортъ, чудовище—тоже, что *hold* и *unhold*. Готская форма *hiugis* родственна съ *haugi*—горячій уголь, сканд. *hug*—огонь. Древнеств. *draugr*—фантомъ, духъ, окруженный пламенемъ, и *draughús*—могильный холмъ. Довнынѣ во всей Германіи существуетъ повѣрье, что души, не наслѣдовавшія блаженнаго покоя—лишенные небснаго царства, блуждаютъ ночью порою по лугамъ и полямъ огненными видѣніями. Путниковъ, которые принимаютъ ихъ за деревенскіе огни, они сбиваютъ съ настоящей дороги, и то удаляясь, то приближаясь—заводятъ въ топкія болота и трущобы. Явленіе это извѣстно подъ названіями: *irlicht, irwisch, zeusler* (*zünsler, zündler, zunselgespenst* отъ *zeuseln, züseln*—играть огнемъ), *feuriger mann*, нидерланд. *gloiniger (glühender) man*, датск. *lygtemand (leuchte-mann)*, *blaasmand (feuer-mann)*, *dwerlicht (wirbelnde flamme)*, *dwellicht* (отъ *dweleп, dwalen*—блуждать),

¹⁾ Ирпечекъ въ Часописѣ чешск. музея 1863, I, 5; Громанъ, 19—22. — ²⁾ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 353.

elflicht (слово, указывающее на связь души съ эльфомъ), словен. slerogeni, чеш. swétylko, bludička, пол. błędnica, муж. bludnie zwieczke, рус. блудящій огонь; теперь эти огоньки болѣею частью признаются за души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія и потому неудоенныхъ блаженства ¹⁾). Когда дерево, брошенное на огонь, издаетъ трескъ, полѣшники думаютъ, что звуки эти издаются душою скупаго челоуѣка ²⁾).

Если душа понималась какъ огонь, то жизнь возможна была только до тѣхъ поръ, пока горѣло это внутреннее пламя; погасало оно — и жизнь прекращалась. У насъ уцѣлѣло выраженіе: погасла жизнь; выраженіе это въ народной пѣснѣ замѣнено сравненіемъ смерти челоуѣка съ погашею свѣчею (стр. 208). Неумолимая Смерть тушитъ огонь жизни, и остается одинъ холодный трупъ. Отсюда возникли разнообразныя примѣты: если у жениха или невѣсты погаснетъ подъ вѣнцомъ свѣча, то случай этотъ предвѣщаетъ ему или ей скорую смерть; у кого изъ стоящихъ подъ вѣнцомъ сгоритъ больше свѣчи, тотъ и умретъ скорѣе; яркое пламя подвѣчныхъ свѣчъ сулитъ счастливое супружество — свѣтлую жизнь, и наоборотъ, когда свѣчи эти горятъ тускло — жизнь новобрачныхъ будетъ печальная ³⁾). Погаснетъ ли сама собою поставленная въ комнатѣ свѣчка — по мнѣнію чеховъ, тотъ, кто ее зажигалъ, умретъ въ продолженіи года. Если во время заговѣвъ, особенно въ воскресенье передъ великимъ постомъ, потухнетъ зажженная въ избѣ лучина, то, по русской примѣтѣ, изъ всѣхъ домохадцевъ тотъ умретъ прежде другихъ, кто ближе сидѣлъ къ лучинѣ; или: если огарокъ лучины упадетъ изъ свѣтца на полъ и тотчасъ-же погаснетъ — это знакъ, что въ

¹⁾ D. Myth., 866—870. — ²⁾ Киевлян. 1865, 52. — ³⁾ Тѣже примѣты встрѣчаемъ у чеховъ и лужичанъ.

теченіи года въ домѣ непременно будетъ мертвецъ. Полаки на «Громницы» (2 февраля) зажигаютъ столько свѣчъ, сколько въ семьѣ членовъ: чья свѣча потухнетъ прежде, тотъ и умретъ скорѣе. Въ псковской губ. на Святкахъ дѣвицы гадаютъ такъ: каждая приносить свою восковую свѣчу, отмѣчая ее какимъ-нибудь значкомъ, и потомъ зажигаютъ ихъ одновременно: чья свѣча горитъ ясно и плавно, у той жизнь будетъ тихая, безмятежная; чья горитъ съ трескомъ и меркаючи, той придется испытать много безпокойствъ и горя; чья свѣча догоритъ первая, той дѣвицѣ умереть прежде всѣхъ, а чья догоритъ послѣдняя — той долго жить. Въ другихъ мѣстностяхъ гаданіе это совершается по зажженнымъ лучинкамъ, съ припѣвомъ: «жи-ль-бы-ль курилка, да-й померь!» Курилка (отъ глагола курить-ся — горѣть) означаетъ лучину, которая живетъ, пока горитъ, а погасая—умираетъ. У закарпатскихъ русиновъ дѣвицы гадаютъ по зажженнымъ лучинамъ въ дни Успенія (15 августа) и Покрова (1 октября). Въ Славоніи думаютъ, что свѣча, погасшая наканунѣ Рождества, предзнаменуетъ смерть одного изъ родичей; то же повѣрье существуетъ и въ Швеціи, а въ нѣмецкихъ земляхъ оно прилагается къ кануну Нового года. По мнѣнію лужичанъ, если въ ночь на Рождество Христово (или на другіе большіе праздники) погаснетъ на алтарѣ свѣча — это предвѣщаетъ смерть главнаго духовнаго лица ¹⁾. Въ такихъ примѣтахъ теченіе жизни сравнивается съ горѣніемъ свѣчи или лучины: скорѣе сгоритъ свѣча,

¹⁾ Описан. олонец. губ. Дашкова, 193; Маякъ, XI, 54; Нар. сл. раз., 160; Иллюстр. 1846, 262; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 127; Терещ., IV, 103; VII, 224; Цебриков., 274; Выть подолянъ, II, 49, 50; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 303; Volkslieder der Wenden, II, 258; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 338; Громанъ, 120, 220; Иличъ, 95; Гандельманъ: Weihnachten in Schleswig-Holstein, 59; Zeitsch. für D. M., I, 456; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 5.

скорѣе окончатся и жизнь, и наоборотъ. Въ старину, при произнесеніи на погибель врага проклятiя, почиталось необходимою принадлежностью обряда — погасить зажженную свѣчу. Въ Литвѣ ведется обычай: въ великій четвергъ, по окончаніи трапезы, хозяинъ беретъ горящую свѣчу, тушатъ ее и бросаетъ въ уголь, съ приговоромъ: «какъ погасла эта свѣча, такъ да погаснутъ очи у нашихъ враговъ и да пропадутъ они сами на вѣки!»¹⁾ Въ настоящее время на Руси, чтобы отомстить врагу, ставятъ въ церкви передъ образомъ забирающую или задушную свѣчку, которую нарочно зажигаютъ съ нижняго конца, или ломая ее пополамъ, затепливаютъ съ середины²⁾. Съ тою-же цѣлью между русскимъ населеніемъ Подлясыя принято ставить свѣчу передъ иконою Божьей Матери, съ тайною мольбою: да истаеетъ врагъ также, какъ эта восковая свѣча!³⁾ Сербы клянутся: «такъ ми се крсна свијећа не угасила!» — въ смыслѣ: тако сви од мога рода не помрли⁴⁾. Древніе греки изображали Смерть съ потухшимъ факеломъ: геній смерти (Θάνατος) опускалъ зажженный факелъ, потрясалъ имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ погасало пламя, померкалъ и свѣтъ жизни. У нѣмцевъ есть прекрасная сказка о кумѣ Смерти (der gevatte Tod⁵⁾). Жилъ былъ бѣднякъ, у него было двѣнадцать дѣтей; и день, и ночь работалъ онъ, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатый ребенокъ, онъ вышелъ на большую дорогу и рѣшился взять съ кумовья встрѣчнаго. Идетъ костлявая Смерть и говоритъ: «возьми меня кумою.» — А ты кто? «Я — Смерть, которая всѣхъ уравниваетъ.» — Да, ты — правдива, ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ! — и бѣднякъ взялъ ее кумою. Когда мальчикъ подросъ, онъ пошелъ однаж-

¹⁾ Смычъ Отеч. 1839, X, 120. — ²⁾ Саратов. Г. В. 1851, 29. —

³⁾ Потебн., 32. — ⁴⁾ Срп. и. послов., 304. — ⁵⁾ Сказ. Грим., 44.

ды навѣстить своего крѣстнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву и сказала: «вотъ тебѣ даръ отъ твоего крѣстнаго! Я сдѣлаю изъ тебя славнаго лѣкаря. Всякой разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты увидишь меня: если я буду стоять въ головахъ больного — смѣло говори, что можешь его вылѣчить; дай ему этой травы, и онъ выздоровѣетъ; но если я стану у ногъ больного — онъ мой, и никакое лѣкарство въ мѣрѣ не спасетъ его!» Въ короткое время повсюду разнеслась молва о новомъ славномъ лѣкарѣ, которому стоить только взглянуть на больного, чтобы навѣрно узнать: будетъ ли онъ снова здоровъ, или умретъ. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богачемъ. Но вотъ заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь плакалъ опечаленный отецъ и повсюду приказалъ объявить: кто спасетъ королеву, тотъ будетъ ея мужемъ и наслѣдуетъ все царство. Лѣкаръ явился къ постели больной, взглянулъ — Смерть стояла въ ногахъ королевы. Дивная красота больной и счастье быть ея мужемъ заставили его прибѣгнуть къ хитрости; онъ не замѣчалъ, что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды, приподнялъ больную, положилъ ногами къ изголовью и далъ ей травы: въ ту же минуту на щекахъ ея заигралъ румянецъ и она выздоровѣла. Обманутая Смерть приблизилась къ лѣкарю и сказала: «теперь настала твоя черѣда!» ухватила его своей ледяной рукою и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и тысячи возженныхъ свѣчъ: и большія, и наполовину-сгорѣвшія, и малыя. Въ каждое мгновеніе одинъ изъ нихъ погасали, а другія вновь зажигались, такъ что огоньки при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ, казались перелетали съ мѣста на мѣсто. «Взгляни, сказала Смерть, это горятъ человѣческія жизни; большія свѣчи принадлежатъ

дѣтямъ, наполовину-сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малыя старикамъ, но нерѣдко и дѣти и юноши надѣляются небольшими свѣчами.» Лѣкаръ просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленькой огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть. Устрашенный лѣкаръ сталъ просить своего крѣстнаго: «зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнью, быть королемъ и мужемъ прекрасной королевы.» — Это невозможно, отвѣчала Смерть; прежде, чѣмъ зажечь новую, надо погасить прежнюю. «А ты поставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу—такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потухать начнетъ.» Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крестника, но переставляя старый огарокъ, нарочно его уронила: пламя погасло, и въ ту же минуту лѣкаръ упалъ бездыханнымъ ¹⁾. Сказка эта извѣстна и у славянъ ²⁾. Смерть, разсказываютъ въ Малороссіи, «жила видѣ землею, здоровецка ³⁾ хата уся була освичена свичками: дѣ якъ з' нихъ начыналы горити, дѣ якъ догорувалы й погасалы.» Пришелъ къ ней въ гости кумъ и сталъ спрашивать про свѣчи; Смерть отвѣчала: «каждый чоловикъ, який тилько је на свити, мае тутъ свою свичку; якъ винъ тилько родыцьця—свичка запалюетця, якъ свичка гасне—винъ умерае.» — А гдѣ-жъ моя свѣчка? спросилъ кумъ. Смерть указала ему догорающій остатокъ, и когда тотъ сталъ молить, чтобы она удлинна его свѣчку, строго заиѣтила ему: «чи пам'ятаєшь, що ты мене узявъ за куму за то, що я живу по правдѣ? чи уже-жъ съ той поры, якъ ты ставъ наномъ, тобі не мила правда?» Идемъ смерти и рока (*fatum*)

¹⁾ См. также Вольфа, 365; Zeitsch. für D. M., I, 358—360. — ²⁾ Чернигов. Г. В. 1857, 10; Быть подолянъ, II, 66—68: «Смерть за куму»; Эрбенъ, 37—39: «Smert-kmotienka»; Кульда, I, 87. — ³⁾ Огромная, большая.

въ убѣжденіяхъ арійскихъ племенъ родились и сливались между собою, почему и въ приведенной сказкѣ богиня Смерть является при рожденіи младенца дружелюбной гостьюей, возжигаетъ въ немъ свѣтъ жизни и приноситъ ему подарокъ — подобно тому, какъ при постелѣ родильницы являются дѣвы судьбы (парки, норны, суденицы), воспламеняютъ таинственный свѣточъ, съ которымъ связана нить жизни новорожденного, и надѣляютъ его своими дарами, т. е. опредѣляютъ его будущее счастье. Такое сближеніе Смерти съ дѣвами судьбы основывается на древнѣйшемъ вѣрованіи, что вся жизнь человѣческая, начиная съ перваго дня и до кончины, была опредѣленіемъ фатума: парки не только пряли жизненную нить, но и перерѣзывали ее, не только возжигали пламя души, но и гасили его, и въ этомъ смыслѣ отождествлялись съ неумолимою Смертью. Являясь во время родовъ, дѣвы судьбы воспринимали ребенка и исполняли обязанности повивальныхъ бабокъ, что позднѣе въ эпоху христіанства заставило соединить съ ними понятіе кумъ — воспріемницы; по свидѣтельству народныхъ сказокъ, феи (=парки) приглашались въ крестныя матери къ новорожденнымъ младенцамъ. Тоже представленіе кумы фантазія сочетала и съ богиней Смертію; любопытно, что ср.-в. нѣм. *tote* и *tôt* — смерть совпадаетъ съ др.-в.-нѣм. *to-tô* — кумъ ¹⁾. По греческому сказанію, при рожденіи Мелеагра въ покой его матери Алтеи пришли три богини судьбы и бросили въ пламя очага полѣно, съ такимъ пророчествомъ: жизнь младенца будетъ продолжаться дотѣхъ поръ, пока не сгоритъ это полѣно. Когда богини удалились, Алтея встала съ своего ложа, выхватила изъ огня головню и немедленно спрятала ее, дабы приостановить исполненіе пророчества. Вислѣдствіи она же бросила головню въ огонь — и въ тоже мгновеніе вну-

¹⁾ D. Myth., 612—4.

треннее пламя опалило Мелеагра, и какъ только головня превратилась въ пепель—онъ испустилъ послѣднее дыханіе ¹⁾; подобное-же преданіе встрѣчаемъ въ Nöfnagestr (см. гл. XXV). Итакъ Смерть гаситъ огонь жизни и погружаетъ человѣка во тьму небытія. Самое слово Морана (моръ, смерть) лингвистически связывается съ словомъ мракъ; глаголь гаситъ донынѣ употребляется въ смыслѣ: истреблять, уничтожать, а гаснуть (черниг. губ.)—истощаться, худѣть; по-тухнуть говорится о погасшей свѣчѣ и заснувшей рыбѣ, а за-тухнуть — о боровѣ, въ значеніи: околѣть; тушить—издавать сильный, непріятный запахъ (про-тухнуть), по-тухлый—издохшій, разлагающійся, по-тухоль — начинающіе гнить съѣстные припасы; засмирить свѣчу, серб. смирити свијећу (смирить—успокоить; покойникъ—жертвецъ, успокоиться — умереть) — погасить. Наоборотъ глаголь разжиглять—разводить, поддерживать огонь. Еще яснѣе связь понятій огня и жизни въ словѣ воскресать, которое образовалось отъ стариннаго кресъ—огонь (кресало, кресиво, пол. krzesiwo—огниво, кресать — выскать искры) и буквально означаетъ: возжечь пламя, а въ переносномъ смыслѣ: возстановить погасшую жизнь ²⁾. Весною, въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, совершая праздникъ въ честь мертвыхъ, лужичане ходятъ на Тодесбергъ съ зажженными факелами, поминуютъ покойниковъ и на возвратномъ пути поютъ: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!»—слова, указывающія на вѣру въ возстаніе мертвыхъ вмѣстѣ съ воскресающей въ весеннюю пору природою. Славонцы ходятъ на кладбища съ зажженными свѣчами 1-го марта ³⁾.

¹⁾ German. Mythen, 583; Мнѣмъ класс. древности, I, 151. — ²⁾ Обл. Сл., 36, 66, 68, 92—94, 187, 241; Доп. обл. сл., 207, 272; Срп. рјечникъ, 695. — ³⁾ Иличъ, 315; Гануша: Die Wissenschaft des slawisch. Mythus, 408.

Наши простолюдины, когда съ больнымъ начинается агонія запаливаютъ восковую свѣчу и даютъ ее въ руки умирающему; узотребленіе факеловъ при погребальныхъ обрядахъ и возженіе свѣчъ при поминкахъ—извѣстны съ глубочайшей древности ¹⁾).

По другому представленію, Смерть не погашаетъ животворнаго огня жизни, а исторгаетъ его изъ тѣла, которое послѣ того обращается въ трупъ. Въ старинной иконописи сохранилось изображеніе, какъ пораженный ангеломъ грѣшникъ испускаетъ свою душу въ пламени, о чемъ рассказываютъ и народныя легенды; въ раскольничей книгѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», находимъ слѣдующее свидѣтельство: «видѣша нѣціи отъ житель столпъ огненъ отъ земли до небеси сіяющъ, и видѣвше разумѣша, яко пустынный отецъ ко Господу отыде».

Во 2-хъ, душа представлялась звѣздой, что имѣетъ самую близкую связь съ представленіемъ ея огнемъ; ибо звѣзды первобытный человѣкъ считалъ искрами огня, блистающими въ высотахъ неба (I, 177). Въ народныхъ преданіяхъ душа точно также сравнивается съ звѣздой, какъ и съ пламенемъ; а смерть уподобляется падающей звѣздѣ, которая, теряясь въ воздушныхъ пространствахъ, какъ-бы погасаетъ. Такое уподобленіе, когда позабылась его первоначальная основа, и метафора стала пониматься въ ея буквальномъ смыслѣ, послужило источникомъ тому вѣрованію, которое связало жизнь человѣческую съ небесными звѣздами. Каждый человѣкъ получилъ на небѣ свою звѣзду, съ паденіемъ которой прѣкращается его существованіе; если-же съ одной стороны смерть

¹⁾ Черемисы, совершая поминки, за каждого покойника ставятъ по свѣчѣ; за дѣтей свѣчи бываютъ маленькія — Записки о чужахъ и черемис., 194.

означалась падениемъ звѣзды, то съ другою—рожденіе младенца должно было означаться появленіемъ или возженіемъ новой звѣзды, какъ это и засвидѣтельствовано преданіями индоевропейскихъ народовъ. Въ пермской губ. поселяне убѣждены, что на небѣ столько-же звѣздъ, сколько на землѣ людей: когда нарождается младенецъ—на небѣ является новая звѣздочка, а когда человекъ умираетъ—принадлежащая ему звѣзда падаетъ и исчезаетъ ¹⁾). Тоже самое утверждаютъ и чехи ²⁾). Вообще у славянъ существуетъ повѣрье, что, указывая на звѣзды пальцемъ, можно повредить живущимъ людямъ ³⁾). Древность этого воззрѣнія несомнѣнна; уже римляне, по свидѣтельству Плинія, думали, что каждый человекъ имѣетъ свою звѣзду, которая вѣстѣ съ нимъ рождается, и смотря по тому: озаряетъ ли его земную жизнь блескъ счастья или омрачаютъ ее бѣдствія,—свѣтится то ярко, то сумрачно, а по смерти его упадаетъ съ небеснаго свода. Падающая звѣзда почитается въ русскомъ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ селѣ или городѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то умеръ!» «чья-то душа покатила!» Повѣрье это распространено и между нѣмцами ⁴⁾). Сверхъ того, на Руси утверждаютъ, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, который летитъ за усопшею душою, или слѣдъ праведной души, поспѣшающей въ райскія обители; если успѣешь пожелать что-нибудь въ тотъ мигъ, пока еще не сокрылась звѣзда, то желаніе непременно дойдетъ до Бога и будетъ имъ исполнено ⁵⁾). Народная пѣсня сравниваетъ смерть царевича съ падучею звѣздою:

¹⁾ Эгн. Сб., VI, библи. указат., 58; Телескопъ 1833, VIII, 504. —

²⁾ Громаничъ, 31. — ³⁾ Ганушъ о Дядѣ и Бабѣ, 47. — ⁴⁾ Сахаровъ, II, 14; Млякъ, VII, 72; Статист. опис. саратов. губ., 58; Владим. Г. В. 1844, 52; Сл. Мнѣ. Костомар., 55; D. Myth., 790. —

⁵⁾ Иллюстр. 1846, 262; Beiträge zur D. Myth. I, 248.

Упадаетъ звезда поднебесная,
 Угасаетъ свѣча воска яраго —
 Не становится у насъ млада царевича ¹⁾.

Слово маньякъ принимается и въ значеніи падающихъ звѣздъ, и въ значеніи проклятыхъ душъ, блуждающихъ по смерти. Блудачіе огни, которые (какъ мы видѣли) признаются душами усопшихъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ считаются за падшія съ неба звѣзды ²⁾. Рядомъ съ представленіемъ, что звѣзда сіяетъ на небѣ, пока продолжается жизнь человѣка, и угасаетъ вмѣстѣ съ его смертію, — было другое, по которому душа въ видѣ пламенной звѣзды нисходила изъ райскихъ странъ въ ребенка въ самую минуту его зачатія или рожденія, а когда человѣка постигала смерть — покидала его тѣло, уносила съ своею прежнею отечествомъ и начинала блистать на небесномъ сводѣ. Чтò таково было вѣрованіе кельтовъ, за это свидѣтельствуется ирландское сказаніе о св. Айданѣ, отецъ котораго увидѣлъ однажды въ снѣ, будто въ открытыя уста его жены упала сверху звѣзда; въ ту же ночь былъ зачатъ Айданъ, почему многіе и называли его сыномъ звѣзды ³⁾. По словамъ Аристотеля, душа усопшаго превращается въ звѣзду, и чѣмъ во время земной жизни бываетъ она пламеннѣе, возвышеннѣе, доступнѣе для духовной дѣятельности, тѣмъ блистательнѣе горитъ она по смерти человѣка ⁴⁾. Индусы вѣрили, что души блаженныхъ предковъ сіяютъ на небѣ звѣздами; славяне же и нѣмцы признаютъ звѣзды очами ангеловъ-хранителей, въ чемъ очевидно смѣшеніе душъ святыхъ угодниковъ съ ангелами; въ средніе вѣка ангелы, наравнѣ съ душами усопшихъ предковъ, представлялись прекрасными малютками, подобными

¹⁾ Сахаров., I, 253; Терещ., I, 97. — ²⁾ Сахаров., II, 63; О. З. 1818, 68; Этн. Сб., I, 215; Москв. 1853, XXII, 67. — ³⁾ Zeitsch. für D. M., I, 345. — ⁴⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 270—1.

эльфамъ. Въ эпическихъ сказаніяхъ германцевъ упоминается о герояхъ, которымъ суждено по смерти блистать на небѣ яркими звѣздами ¹⁾. У насъ же есть преданіе о трехъ вѣщихъ дѣстрахъ, которымъ, послѣ ихъ кончины, досталось весь вѣкъ горѣть тремя звѣздами возлѣ млечнаго пути — на дорогѣ, ведущей въ царство небесное; звѣзды эти называются дѣвичьи зори ²⁾. Гуцулы знаютъ летавицу — духа, который слетаетъ на землю падучей звѣздой и принимаетъ на себя человѣческій образъ — мужской или женской, но всегда юный, прекрасный, съ длинными желтыми волосами ³⁾.

3. Какъ огонь сопровождается дымомъ, какъ молніеносное пламя возгарается въ дымчатыхъ, курящихся царяхъ облакахъ, такъ и душа, по нѣкоторымъ указаніямъ, исходитъ изъ тѣла дымомъ и паромъ. Въ Софійскомъ временникѣ ⁴⁾ о смерти в. кн. Василя Ивановича сказано: «и видѣ Шигона духъ его отшедше, аки дымецъ малъ». Санскр. *dhûṣa* движущееся курево, греч. *θύμα, θύος* — куреніе, финіамъ, лат. *fūsus* (съ замѣною *dh* звукомъ *f*) слав. дымъ, лит. *dūmas*, др.-нѣм. *tois*, *taim* отъ санскр. *dhû* — *agitare, commovere* (= греч. *θύω*). Отъ того-же корня образовались слова, указывающія на душевныя способности: гр. *θυμός* — душа и движеніе страсти, слав. дума, думать, лит. *dūmà, dūmòti, dūmti* ⁵⁾. Слово пара ⁶⁾ [парить — дѣлается душно передъ грозой и

¹⁾ Ibid., 272. — ²⁾ Сахаревъ, II, 62—63; сходный рассказъ о женѣ и семи дочеряхъ хлѣбника см. въ D. Myth., 691—2. Въ старинныхъ назидательныхъ словахъ св. отцы метафорически называются звѣздами и свѣтильниками; картина „Вѣнецъ Богоматери“ представляетъ Пресв. Дѣву, окруженную душами божихъ угодинокъ — въ видѣ звѣздъ. Москв. 1853, XXII, 67; киргизы увѣрены, что души покойниковъ обитаютъ на звѣздахъ. — ³⁾ Пантеонъ 1855, V, 46. — ⁴⁾ II, 333. — ⁵⁾ Пикте, II, 242; Диеенбахъ, II, 617—8. — ⁶⁾ Обл. Сл., 152—3.

дождемъ, прѣть, парунъ—зной, духота] имѣть слѣдующія значенія: паръ, духъ и душа; пара вонъ т. е. душа вонъ!

4. Далѣе—душа понималась, какъ существо воздушное, подобное дующему вѣтру. Языкъ сблизилъ оба эти понятія, что наглядно свидѣтельствуется слѣдующими словами, происходящими отъ одного корня: душа, дышать, воз(вз)-дыхать, д(ы)хнуть, духъ (вѣтръ), дуть, дунуть, дѹхомъ—быстро, скоро, воз-духъ, воз-дыханіе, вз-дохъ¹⁾. Въ другихъ языкахъ также придаются душѣ названія отъ воздуха, вѣтра, бури: отъ санскр. корня ап—дуть образовались: апа, апа—дуновение и дыханіе жизни, апила—вѣтръ, апи—человѣкъ, т. е. живой, одушевленный, лат. animal — животное, animus, апіша, греч. ἄνεμος—духъ, душа, ирл. a nail—дыханіе, дуновение, кимр. a n a l, армор. é n a l—дуновение, ирл. a n a s h, кимр. e n, e n a i d, e n y d d, e n e g, e n a w g, корн. e n e f, армор. é n é, i n e a i—душа, жизнь, гот. сложное u z-а n a n—испускать дыханіе, умирать, др.-нѣм. u n s t—буря, вьюга, сканд. a n d i—spiritus, ö n d—душа, перс. а n—душевная способность, армян. a n t s n — умъ, душа²⁾. Въ глубочайшей древности вѣрми, что вѣтры суть дыханіе божества (I, 285), и что Творецъ, создавая человѣка, вдунулъ въ него живую душу. Вѣтрамъ присвоилась сила призывать мертвыхъ къ жизни, одуотворять трупы и кости³⁾. Покидая тѣло, душа возвращалась въ

¹⁾ Отъ санскр. корня dhû. Сравни переходъ звуковъ у и ѡ въ словахъ: слухъ — слыхъ, слышать („слыхомъ не слыхалъ“).

²⁾ Пятъ, II, 540—2; О вл. христ. на сл. яз., 67. Можно указать еще на санскр. ātman — дуновение и душа, atasa — вѣтръ и душа; англ. soul — душа, готск. saivala, М Мюллеръ (Лекціи о языкѣ, 291) производитъ отъ корня si, siv—колебаться; готск. saivs—море, т. е. волнующаяся вода. — ³⁾ Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, von H. Genthe, 3—4: So zeigt eine Miniatur des zwölften Jahrhunderts einer lateinischen Bibelhandschrift zu Erlangen die Belebung des Gebeines durch den Wind Hesek. 37, 1 bis 10, bes. 9: «und er sprach zu mir: weissage zum Winde; weissage, du Menschenkind, und sprich zum Winde:

свое первобытное, стихійное состояніе. Когда вихрь срываетъ съ деревьевъ листья, и они, колеблясь, несутся по воздуху, — виною этого, по словамъ черногорцевъ, бываютъ борющіеся между собой вѣдогонн¹⁾; если въ трубѣ гудѣтъ вѣтеръ, бѣлоруссы принимаютъ это за знакъ, что въ хату явилась душа, посланная на землю для покаянія²⁾; въ завываніи вѣтровъ моряки слышатъ плачь и стоны утопленниковъ, души которыхъ осуждены пребывать на днѣ моря. Такое представленіе души совершенно-согласно съ тѣмъ физиологическимъ закономъ, по которому жизнь человека условливается вдыханіемъ въ себя воздуха. Въ южной Сибири грудь и легкія называются вздухи; простолюдины полагаютъ, что душа заключена въ дыхательномъ горлѣ, перерѣзаніе котораго прекращаетъ жизнь³⁾. Глаголы *за-дыхать* *за-душить*, *за-дохнуть* означаютъ: умереть, т. е. потерять способность вдыхать въ себя воздухъ, безъ чего существованіе дѣлается невозможнымъ. Объ умершемъ говорятъ: «онъ испустилъ послѣднее дыханіе» или «послѣдній духъ!» Наоборотъ глаголъ *отдыхать* (*отдохнуть*) употребляется въ народной рѣчи въ смыслѣ: выздороветь, возвратиться къ жизни. Чтобы придти къ подобнымъ заключеніямъ, предкамъ нашимъ достаточно было простаго, для всѣхъ равно-доступнаго наблюденія: въ ту минуту, когда человекъ умираетъ, первое, что должно было поражать окружающихъ его родичей, — это прекращеніе въ немъ дыханія; передъ ними лежалъ

so spricht der Herr Herr—Wind komm herzu aus den vier Winden und blase diese Getödteten an, dass sie wieder lebendig werden, indem in die Todten lebendiger Odem von den vier Winden kommt, welche in den Ecken als blasende blaue Köpfe angebracht sind. Aehnlich blasen in einem der Münchener Bibliothek angehörenden Evangeliarium des eilften Jahrhunderts die vier Winde bei der Auferstehung der Todten als zweigehörnte blaue Köpfe aus den Wolken.

— ¹⁾ Путеш. въ Черногорію, 221. — ²⁾ Нар. сл. раз., 140. —

³⁾ Ж. М. Н. П. 1836, X, стат. Максимовича, 464.

усопшіи съ тѣми-же тѣлесными органами, какъ у живыхъ; у него оставались еще глаза, уши, ротъ, руки и ноги, но уже исчезло дыханіе, а съ нимъ виѣстѣ исчезла и жизненная сила, которая управляла этими органами. Отсюда возникло убѣжденіе, что душа, разлучаясь съ тѣломъ, вылетаетъ въ открытыя уста, виѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго. По указанію Краледворской рукописи, душа исходитъ длинною гортанью и румяными устами (см. ниже стр. 219); чешская поговорка: «už má duši na jazyku!» означаетъ: онъ еле дышитъ, умираетъ ¹⁾). Слово о полку выражается о князѣ Изяславѣ, что онъ изронилъ свою душу изъ храброго тѣла чрезъ злато ожерелье ²⁾); а народные русскіе стихи говорятъ объ изъятіи души ангеломъ смерти «въ сахарныя уста» ³⁾). Обозначая различныя душевныя свойства, мы сравниваемъ ихъ не только съ пламенемъ, но и вѣтромъ; въ языкѣ нашемъ употребительны выраженія: бурное расположеніе духа, вѣтреный человѣкъ, буйная голова (сравни: «буйный вѣтеръ»), завихрился — загулялся, отбился отъ дѣла. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ находимъ рассказы о мертвецахъ, блуждающихъ привидѣніями, легкими какъ воздухъ, съ которыми они внезапно появляются и исчезаютъ, и также, какъ воздухъ, неуловимыми для осязанія. По смерти человѣка, тѣло его разлагается и обращается въ прахъ, и только въ сердцахъ родныхъ, знакомыхъ и друзей живетъ воспоминаніе о покойникѣ, его лицѣ, пріемахъ и привычкахъ: это тотъ безтѣлесный образъ, который творитъ сила воображенія для отсутствующихъ и умершихъ и который съ теченіемъ времени становится все блѣднѣе и блѣднѣе. Образъ умершаго хранится въ нашей памяти, которая можетъ вызывать его предъ наши внутреннія очи; но

¹⁾ Обл. Сл., 146; Громаниъ, 194. — ²⁾ Рус. Дост., III, 180. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 20.

образъ этотъ не болѣе, какъ тѣнь нѣкогда-живаго и близкаго намъ человѣка. Вотъ основы древне-языческаго представленія усопшихъ безтѣлесными, воздушными видѣніями, легкими призраками — тѣнями. Греки и римляне думали, что друзья и родственники, по смерти своей, являются къ постели близкаго имъ человѣка, чтобы онъ въ сновидѣніяхъ могъ проводить съ ними время. Такъ Ахиллесу явилась во снѣ тѣнь Патрокла. Одиссей, посѣтивши Андъ, пожелалъ обнять тѣнь своей матери; три раза простиралъ къ ней объятія, и трижды она проскользала между его руками, какъ воздухъ ¹⁾. Нашъ лѣтописецъ, рассказывая о полочанахъ, избиваемыхъ мертвецами (на въе ²⁾), изображаетъ этихъ послѣднихъ неуловимыми для взора призраками ³⁾. По русскому повѣрью, кто послѣ трехъ-дневнаго поста отправится въ ночь, наканунѣ родительской (поминальной) субботы, на кладбище, тотъ увидитъ тѣни не только усопшихъ, но и тѣхъ, кому суждено умереть въ продолженіи года ⁴⁾. Слово тѣнь (= безтѣлесный образъ) употребляется и въ смыслѣ привидѣнія, и въ смыслѣ того темнаго изображенія, какое отбрасывается тѣлами и предметами, заслоняющими собою свѣтъ. Отсюда возникли примѣты и повѣрья; связующія идею смерти съ тѣнью человѣка и съ отраженіемъ его образа въ водѣ или въ зеркалѣ. Если на сочельникъ, когда стануть вкушать кутью, не будетъ замѣтно чьей-либо тѣни, тотъ изъ домочадцевъ, навѣрно, умретъ въ самое непродолжительное время ⁵⁾; ибо утратить тѣнь — все равно, что сдѣлаться существомъ безтѣлеснымъ, воздушнымъ. Въ числѣ другихъ чародѣйныхъ способъ порчи извѣстно и заклятіе на тѣнь. Если основнымъ

¹⁾ Илиада, XXIII; Одис., XI. — ²⁾ Уже средній родъ этого слова указываетъ на что-то безличное, лишенное сущности человѣческой природы. — ³⁾ П. С. Р. Л., I, 92. — ⁴⁾ Нар. сл. раз., 161. — ⁵⁾ Быть подолянъ, II, 19; Иллюстр. 1846, 262.

коломъ прибить къ землѣ тѣнь, падающую отъ колдуна, вѣдьмы или оборотня, то они потеряютъ свою силу и будутъ молить о пощадѣ. Существуетъ преданіе о томъ, какъ нечистая сила завладѣла тѣнью одного человѣка и какъ много онъ выстрадалъ, пока не удалось ему возвратить своей тѣни назадъ. Многіе еще теперь не рѣшаются снять свой слугу тѣ, основываясь на суевѣрной примѣтѣ, по которой снявшій съ себя такое изображеніе долженъ умереть въ теченіи года; другіе запрещаютъ дѣтямъ смотрѣть на свою тѣнь и на свое отраженіе въ зеркалѣ: иначе сонъ ребенка будетъ безпокоенъ и можетъ легко приключиться какое-нибудь несчастіе. Когда кто умретъ въ домѣ, то всѣ зеркала занавѣшиваются, чтобы покойникъ не могъ смотрѣться въ нихъ открытыя стѣкла. Зеркало отражаетъ образъ человѣка—также, какъ и гладкая поверхность воды, а по сербскому повѣрью человѣкъ, смотрясь въ воду, можетъ увидѣть въ ней свой смертный часъ (см. выше стр. 169); по мнѣнію раскольниковъ, зеркало — вещь запретная, созданная дьяволомъ ¹⁾).

5. Въ отдаленные вѣка язычества молніямъ придавался мифическій образъ червя, гусеницы, а вѣтрамъ — птицы; душа человѣческая рождалась съ тѣми и другими стихійными явленіями, и разставаясь съ тѣломъ, могла принимать тѣже образы, какіе давались грозовому пламени и дующимъ вѣтрамъ. Къ этому воззрѣнію прикнула еще слѣдующая мысль: послѣ кончины человѣка, душа его начинала новую жизнь; кромя

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 43; Иллюстр. 1845, 415; 1846, 344; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 10—14. Евреи въ день новаго года идутъ къ рѣкѣ и смотрятъ въ воду; кто не увидитъ своего отраженія, тотъ вскорѣ умретъ — Кіевлян., 1865, 69. По суевѣрному преданію, члены масонскихъ домовъ оставляли въ обществахъ свои портреты; въ случаѣ кончины своего товарища, масоны стрѣляли въ его портретъ—и онъ тотчасъ-же умираетъ, какъ-бы далеко не былъ.

естественнаго рожденія, когда человѣкъ является на свѣтъ съ живою душою, эта послѣдняя, въ таинственную минуту его смерти, какъ-бы снова, въ другой разъ, нарождалась къ иной жизни — замогильной. Оставивъ тѣлесную оболочку, она воплощалась въ новую форму; съ нею, по мнѣнію наблюдательнаго, но младенчески-неразвитаго язычника, должна была совершиться таже метаморфоза, какая замѣчается въ животномъ царствѣ. Фантазія воспользовалась двумя наглядными сравненіями: а) разъ-рожденная гусеница (червякъ), умирая, вновь воскресаетъ въ видѣ легкокрылой бабочки (мотылька) или другаго крылатаго наѣдомаго; б) птица, рождаемая первоначально въ формѣ яйца, потомъ, какъ-бы нарождаемо вторично, вылушивается изъ него цыпленкомъ. Это обстоятельство послужило поводомъ, почему птица названа въ санскритѣ дважды-рожденною (dvidža¹⁾; тотъ-же взглядъ встрѣчаемъ и въ нашихъ народныхъ загадкахъ: «двичи родится, а разъ помира»²⁾ или «дважды родится, ни разу не крестится» (перяслав. узда) — птица; «два раза родится, ни разу не крестится, а чортъ его бонется» (новгород. губ.) — пѣтухъ. Младенца же народная загадка называетъ метафорически яйцомъ: «подъ дубомъ, подъ царскимъ, два орла орлуютъ, одно личко бадуютъ» — кумъ съ кумою воспринимаютъ ребенка отъ купели³⁾. И птица, и бабочка, и вообще крылатые наѣдомыя, образующіися изъ личинокъ, (муха, сверчокъ, пчела и пр.) дали свои образы для одиотворенія души человѣческой. Нѣкоторые изъ славянскихъ племенъ считаютъ свѣтящихся червячковъ — душами кающихся грѣшниковъ⁴⁾; а чехи принимаютъ червячка, который точитъ деревянныя стѣны дома, за душу покойнаго

¹⁾ О. З. 1852, XI, критика, 36. — ²⁾ Семантов., 29; Великорус. загадки Худяк., 41. — ³⁾ Ibid., 99. — ⁴⁾ Рус. Вѣст. 1842, V-VI, 122.

предка (см. т. II, стр. 113). Это — любопытные отголоски того стариннаго вѣрованія, по которому низведенная съ неба, пламенная душа обитала въ тѣлѣ человѣческомъ свѣтящимся червемъ или личинкою (сравни стр. 73—74), а въ минуту смерти вылетала оттуда, какъ легкрылая бабочка изъ своего кокона. Въ ярославской губ. мотылекъ называется душичка ¹⁾. Въ херсонской губ. утверждаютъ, что если не будетъ рождена заупокойная милостина, то душа умершаго является къ своимъ роднымъ въ видѣ ночной бабочки и вьется вокругъ зажженной свѣчки; почему на другой-же день послѣ такого посѣщенія загробнаго гостя родственники, для успокоенія его страждущей души, собираютъ и кормятъ нищихъ ²⁾. Бѣлоруссы думаютъ, что мотылекъ, пролетѣвшій во время поминковъ (на дзяды) мимо окна или надъ обѣденнымъ столомъ, есть посланецъ, отправленный покойникамъ за ихъ обрѣзанными ногтями (см. I, 120 ³⁾. По чешскому повѣрью, кто первую въ году бабочку увидитъ бѣлую, тотъ вскорѣ долженъ умереть ⁴⁾. Сербы рассказываютъ, что душа вѣдьмы (вѣштицы) излетаетъ изъ нея во время сна въ видѣ бабочки или птицы, и пока душа странствуетъ—тѣло ея поконится, какъ мертвое; если въ это время перевернуть вѣдьму головою туда, гдѣ были ея ноги, то возвратившаяся душа не найдетъ входа въ свою тѣлесную обитель (=открытаго рта), и колдунья уже никогда не пробудится. Тоже самое рассказываютъ болгары околдунахъ. Летающую ввечеру бабочку сербы принимаютъ за душу вѣштицы, стараются поймать ее и подпалить ей крылья ⁵⁾. Словен. *vesha* (вѣщая) означаетъ

¹⁾ Обл. Сл., 52. — ²⁾ Херсон. Г. В. 1852, 12. — ³⁾ Пантеонъ 1856, I, 28. — ⁴⁾ Громанъ, 85. — ⁵⁾ Срп. рјечник, 66—67: „вѣштица се зове жена, која, има у себи некакая ѣволски дух, који у сну из ње изиђе и створи се у лепара, у кокош или у ђурку“ (въ бабочку, курицу или яндѣйку).

колдунью, бабочку и блуждающій огонь ¹⁾; Слово о полку придает душѣ эпитетъ вѣщей. Въ Англии сумеречныя бабочки, прилетающія на пламя свѣчки, называются saules (souls), что вполне соответствуетъ нашей душѣ чкѣ. Въ Германіи извѣстенъ разсказъ о спящей дѣвицѣ, которую не могли разбудить никакія усилія—до тѣхъ поръ, пока не прилетѣлъ жукъ и не вошелъ въ ея открытый ротъ. У словенцевъ Ивановскій свѣтящійся жукъ—keršnica пользуется особенною любовью за то, что леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ колыбель святаго младенца. Вмѣсто выраженія: «когда я еще не родился», нѣмцы говорятъ: «когда я еще леталъ съ бабочками или съ комарами» (ich flog noch den mücken nach, ich flog noch mit den feiffalter n = schmetterlingen ²⁾). Тоже представленіе встрѣчаемъ и у грековъ: слово ψυχή употреблялось въ двойномъ смыслѣ: душа и мотылекъ. Психею они изображали бабочкою и даже въ человѣческомъ олицетвореніи надѣляли ее легкими и прозрачными крыльями этого насекомого. Смерть греки представляли съ погасшимъ факеломъ и вѣнкомъ, на которомъ сидѣла бабочка: факель означалъ угасшую жизнь, а бабочка — душу, покинувшую тѣло. Въ древнія времена на гробницахъ изображалась бабочка, какъ эмблема воскресенія въ новую жизнь ³⁾. По разсказамъ новыихъ грековъ, души усопшихъ въ теченіи сорока дней послѣ Воскресенія Христова носятся надъ цвѣтущими лугами въ видѣ бабочекъ, пчелъ и другихъ летучихъ насекомыхъ и утоляютъ свою жажду изъ благоухающихъ чашечекъ весеннихъ цвѣтовъ ⁴⁾. Припомнимъ, что въ звѣздахъ арійскія

¹⁾ D. Myth., 1036; Рус. Дост., III, 200. У насъ въ щаница—колдунья и сорока (птица, въ которую любятъ превращаться вѣдьмы). — ²⁾ Germ. Mythen, 367, 370—1, 729—730; Рус. Бес. 1857, III, 117. — ³⁾ D. Myth., 789; Обзоръ мифовъ древнихъ о смерти, судьбѣ и жертвоприношеніи, 9, 20. — ⁴⁾ Рус. прост. праздн., IV, 3.

племени видѣли съ одной стороны души блаженныхъ предковъ, а съ другой—рои небесныхъ пчелъ (I, 385), и потому посмертный переходъ душъ въ пчелы долженъ былъ казаться для нихъ столь-же несомнѣннымъ, какъ и переходъ въ звѣзды. Въ Малороссіи, возвращаясь съ кладбища послѣ похоронъ, старухи садятся на цѣлую ночь караулить душу усопшаго и ставятъ на столъ сыту, т. е. мѣлъ, разведенный водою; онѣ убѣждены, что душа непременно прилетитъ въ образѣ мухи и станетъ пить приготовленный для нея напитокъ ¹⁾. О вѣдьмахъ въ воронежской губъ разсказываютъ, что душа вылетаетъ изъ нихъ въ видѣ мухи, — подобно тому, какъ по сербскому преданію, она вылетаетъ въ видѣ бабочки ²⁾. По словамъ чеховъ, мара можетъ превращаться въ большую черную муху ³⁾. Въ Бѣлороссіи существуетъ примѣта: если сверчокъ летаетъ по комнатѣ, то надо ожидать въ семьѣ покойника ⁴⁾.

6. Народный языкъ и преданія говорятъ о душахъ, какъ о существахъ летающихъ, крылатыхъ. По мнѣнію нашихъ поселянъ, душа усопшаго, послѣ разлуки своей съ тѣломъ, до шести недѣль остается подъ родною кровлею, пьетъ, ѣстъ, прислушивается къ заявленіямъ печали своихъ друзей и родичей и потомъ улетаетъ на тотъ свѣтъ. Въ кievской губъ вѣрятъ, что душа некрещенаго младенца — прежде, нежели превратится въ русалку, семь лѣтъ летаетъ надъ землею ⁵⁾. «Его душа отлетѣла въ иной міръ!» — обычное у насъ выраженіе о всякомъ покойникѣ. Краледворская рукопись свидѣтельствуетъ, что, пока не будутъ сожжены трупы, души умершихъ порхаютъ по деревьямъ виѣсть съ птицами:

¹⁾ Эги. Сб., I, 371. — ²⁾ Ворон. Бесѣда, 193. — ³⁾ Громаниъ, 26. — ⁴⁾ Нар. сл. ряз., 166. Во владимірской губ. думаютъ: если въ домѣ заведутся сверчки, то кто-нибудь въ семействѣ тяжело заболѣетъ — Труды владим. статист. ком., VI, 85. — ⁵⁾ Кіев. Г. В. 1845, 15.

Tamo i viele duš tleá
 Siemo-tamo po drevech.
 Jich bojié sie ptactvo i plachý zvier,
 Jedno sovy nebojié sie ¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ этого памятника читаемъ: «нѣтъ юноши!
 напалъ на него лютый врагъ, ударилъ въ грудь тяжелымъ
 молотомъ,

Vyrazi z juhoše dušu-dušicu!
 Sie vylotie piekným táhlým hrdlem,
 Z hrdla krásnym'a rtoma ²⁾.

Тоже сказано и о сраженномъ Влаславѣ:

Ai, a vyide duša z rtwucei hybu,
 Vylotie na drvo, a po drvech
 Siemo-tamo, doniz mrtew nezžen ³⁾.

Подобные обороты и выраженія донынѣ встрѣчаются въ мо-
 равскихъ и чешскихъ пѣсняхъ: «vylečela duše z sěla,
 sedla na hajček, na ten zelený travníček»; «z těla (душа)
 vyletěla, na zelenú luku sedla» ⁴⁾. Говоря о полетѣ душъ,
 они намекаютъ на древнѣйшее представленіе ихъ птицами.
 Такой намекъ получаетъ особенную силу при положительномъ
 свидѣтельствѣ другихъ сохранившихся у славянъ повѣрій.
 Кашубы твердо убѣждены, что души усопшихъ, до погребенія
 оставленныхъ ими тѣлъ, сидятъ въ образѣ птицъ на дымо-
 выхъ трубахъ и что дѣтскія души бывають одѣты нѣжными

¹⁾ Переводъ: Тамъ много душъ носятъ туда-сюда по деревьямъ.
 Боятся ихъ птицы и пугливый зверь, только совы не боятся. —

²⁾ Исторгъ изъ юноши душу-душеньку! она вылетѣла прекрасною
 длинною гортанью, изъ гортани румяными устами. — ³⁾ Вотъ и
 вышла душа изъ стенищихъ усть, влетѣла на дерево и (порхала)
 по деревьямъ туда и сюда, пока не сожгли мертвого—Ж. М. Н. П.
 1840, XII, ст. Срезневск., 128, 133—5. — ⁴⁾ Часопись музея чеш-
 ского 1863, I, стат. Иречка, 4—5; Чешск. пѣсни Эрбена, 469.

пухомъ ¹⁾. Въ уѣздахъ мосальскомъ и жидзренскомъ въ теченіи шести недѣль послѣ чьей-либо смерти стелютъ на окно бѣлое полотенце, выпуская одинъ конецъ на улицу, а на полотенце кладутъ хлѣбъ, и вѣрятъ, что душа покойника есть та самая птица, которая станетъ прилетать къ окну и клевать положенный хлѣбъ ²⁾. Суевѣріе это до половины прошлаго столѣтія раздѣлялось и лицами высшихъ слоевъ русскаго общества. Заимствуемъ слѣдующую любопытную замѣтку изъ мемуаровъ того времени: въ апрѣлѣ 1754 года умеръ гофмейстеръ Чоглоковъ; въ открытое окно спальни его жены влетѣла птица и сѣла на карнизѣ противъ постели; увидя птицу, Чоглокова сказала, что это прилетѣла душа ея мужа, и разубѣдить ее въ этомъ не было никакой возможности ³⁾. Г. Кулишъ записалъ прекрасный рассказъ о томъ, какъ обмирала одна старуха: «якъ прійшла вже минн година вмирати (передавала старуха), то Смерть и стала съ косою въ мене въ ногахъ. Якъ стала, то ноги такъ и похололи... Якъ замахне косою, то душа тилько пурхъ! такъ якъ пташка вилетѣла та-й полетѣла по хати, и сила въ кутку на образи, пидъ самую стелею. А грихи стали на порози та-й не пускають души съ хати. Отъ я бачу, що никуди вѣйти; дивлюсь, ажъ викино о(т)чинене. Я—пурхъ у викино! и пишла, пишла полемъ. Легко та любо минн такъ, мовъ заразъ на свитъ народилась» ⁴⁾. Въ похоронныхъ и надгробныхъ причитаніяхъ слышатся такіа поэтическія обращенія къ милымъ родственному сердцу покойникамъ: «та прилизъ же ты до мене, мій братику, хотъ сивымъ голубемъ, хотъ яснымъ соколомъ, хотъ бѣлымъ либидемъ» ⁵⁾. — «Прилетай ко мнѣ хотъ кукучечкой, проку-

¹⁾ Roggenwolf u. Roggenhund, 29. — ²⁾ Изъ матеріаловъ, собран. Русск. Географич. Обществомъ. — ³⁾ Mémoires de Catherine II, 211. — ⁴⁾ Кулишъ, I, 305—6; Москв. 1846, XI—XII, 152. — ⁵⁾ Ворон. Г. В. 1851, 2.

куй мнѣ свою волюшку!» (тамбов. губ.) Невѣста-сирота, обращающаяся къ умершимъ родителямъ съ обычнымъ обрядовымъ причитаніемъ, голоситъ: «возстань, кормилецъ-батюшка, распечатай свои уста сахарныя, попроси у Господа Бога златы крылушки, прилети на свадьбу, благослови!» (твер. губ.) Въ нашей старинной символикѣ райскія птицы Алконостъ и Сиринъ нерѣдко означаютъ праведниковъ; въ этомъ значеніи, по словамъ гр. Уварова, встрѣчаемъ мы ту и другую птицу на изваяніяхъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ ¹⁾. Наравнѣ съ прочими индоевропейскими народами, славяне сохранили много трогательныхъ рассказовъ о превращеніи усопшихъ въ легкокрылыхъ птицъ, въ видѣ которыхъ они навѣщаютъ своихъ родичей. Какъ скоро душа покидаетъ тѣло, она, смотря по характеру своей земной жизни, принимаетъ образъ той или другой птицы, преимущественно бѣлаго голубя или чернаго вѣрона ²⁾. Малороссіяне думаютъ, что душа покойника въ продолженіе сорока дней летаетъ съ ангеломъ въ невѣдомомъ мірѣ, являясь каждую ночь въ свой домъ, гдѣ она, въ видѣ голубки, купается въ нарочно-поставленной водѣ ³⁾. Когда діаконъ Феодоръ и трое его товарищей-расколуучителей были сожжены въ 1681 году, то по сказанію старовѣровъ — души ихъ взвились на небо въ видѣ голубей ⁴⁾. На кровлѣ бѣднаго дома, повѣствуетъ народная легенда, сидѣло три голубя; проходилъ мимо путникъ: что такое, думаетъ, сидятъ на кровлѣ три голубя и порываются къ небесамъ порхнуть? Заходитъ въ домъ и узнаетъ, что несчастная мать, не имѣя средствъ прокормить трехъ маленюкихъ дѣтей, умертвила ихъ, а голуби—это три божь-

¹⁾ Древности, труды Моск. Археолог. Общ., I, 20 (матеріалы для археол. словаря). — ²⁾ Andeutungen eines Systems der Myth., 239—240. — ³⁾ Ворон. Г. В. 1851, 2. — ⁴⁾ Правосл. Соборъ 1859, VII, 325; Годъ на Сѣверѣ, соч. Максимова, II, 61.

ихъ ангела, прилетѣвшіе за душами младенцевъ, чтобы отнести ихъ на небо ¹⁾). Моравскія сказки свидѣтельствуютъ, что душа вылетаетъ изъ устъ умирающаго и несется на небеса бѣлою голубкою ²⁾). Черногорцы душу называютъ голубицею; у западныхъ славянъ есть преданіе о сѣтующихъ на могилѣ голубяхъ. На древнихъ гробницахъ голубь изображался, какъ символъ отлетѣвшей души; лонгобарды, въ память родственниковъ, умершихъ на чужбинѣ или павшихъ въ битвѣ, ставили на церковныхъ дворахъ шести съ деревяннымъ изображеніемъ голубя и обращали голову птицы въ ту сторону, гдѣ лежалъ прахъ покойника ³⁾). Польскія преданія утверждаютъ, что каждый членъ рода Гербуртъ обращался по смерти въ орла; а первородная дочь Пилецкихъ превращалась въ голубку, если умирала до брака, и въ сову, если умирала по замужствѣ. По мнѣнію чеховъ, въ сову превращается жена, невѣрная своему мужу. Есть еще легенда: разбойникъ Мадей, терзаемый ужасомъ грядущаго наказанія на томъ свѣтѣ, обрекъ себя на покаяніе; онъ воткнулъ въ землю свою палицу и преклонилъ колѣна съ обѣтомъ не сходить съ мѣста, пока милосердіе божіе не отпуститъ ему грѣховъ. Долго оплакивалъ онъ свои злодѣянія, много утекло времени — палица разрослась въ вѣтвистое дерево и стояла осыпанная яблоками. Въ одинъ день проѣзжалъ мимо епископъ; Мадей умолялъ святителя дать ему разрѣшеніе, и по мѣрѣ того, какъ онъ исповѣдалъ свои грѣхи и небо разрѣшало ихъ, яблоки одно за другимъ срывались съ дерева невидимою силою, превращались въ бѣлыхъ голубей и улетали на небо: эти голуби были души убитыхъ разбойниковъ. Оставалось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго за-

¹⁾ Шаповъ, 13. — ²⁾ Кульда, I, 551—3. — ³⁾ D. Myth., 788, 1068; О вл. христ на сл. яз., 105; Вѣст. Евр. 1827, XIV, 148—9; Die Wissenschaft des slaw. Mythus Гавуша, 319.

мучилъ онъ страшнымъ образомъ. Наконецъ и оно, послѣ вы-
сказанной исповѣди, превратилось въ сизаго голубя, кото-
рый тотчасъ-же исчезъ въ слѣдъ за другими ¹⁾). Въ Подолѣи из-
вѣстна пѣсня — какъ изъ могильнаго холма выросло дубовое де-
рево и какъ прилеталъ и садился на его вѣтви бѣлоснѣж-
ный голубокъ ²⁾). По чешскимъ преданіямъ, невинная душа
вылетаетъ изъ тѣла бѣлымъ голубемъ, а грѣшная — тем-
ноцвѣтнымъ, или иною какою птицею ³⁾). Въ одной изъ мало-
русскихъ пѣсень говорится, что душа убитаго мужа прилета-
ла къ плачущей вдовѣ въ образѣ павлина ⁴⁾); а въ другой
читаемъ слѣдующіе стихи о душѣ убитаго казака:

Прелетѣла пташка, коло мене впала:
Таки очи, таки брови, якъ у мого пана;
Прелетѣла пташка-малевани крыльця:
Таки очи, таки брови, якъ у мого Гриця! ⁵⁾

По свидѣтельству великорусской сказки, душа неповинно-
убитой дѣвицы прилетаетъ къ доброму молодцу соловьемъ
и поетъ про свое несчастіе, словно человѣческимъ голосомъ
выговариваетъ ⁶⁾). О душахъ умершихъ дѣтей рассказываютъ
на Волынѣ, что весною онѣ слетаютъ съ неба, принимая
видъ ласточки, конопляночки и другихъ пѣвчихъ
пташекъ, и садясь по деревьямъ возлѣ отцовскихъ избъ, по-
ютъ сладковучныя пѣсни, чтобы утѣшить своихъ осиротѣ-

¹⁾ Семеньск., 49, 145—8; Пов. и пред., 130—5; Шлейхеръ, 75
—79; Громанъ, 194; сравни Этн. Сб., V (о кашубахъ), 93—95,
134—6; Н. Р. Лег., № 27, 28 и стр. 177—8; Худак., 101; Бытъ по-
долянъ, II, 59—65; Шоттъ, 15; Гальтрихъ, 28, 30; Volkslieder der
Wenden, I, 285; II, 176—8. Въ нѣмецкой редакціи когда раскаяв-
шійся грѣшникъ былъ помилованъ и умеръ, то душа его воспа-
рила на небо бѣлымъ голубемъ. О значеніи яблокъ см. выше,
II, 507. — ²⁾ D. Myth., 788. — ³⁾ Ирчицкъ въ Часописи чешск.
музея 1863, I, 5. — ⁴⁾ Костомар. Сл. Мнѣ., 66—67. — ⁵⁾ Ма-
лорус. латер. сборн., 225. — ⁶⁾ Н. Р. Сл., VII, 29.

лыхъ родителей ¹⁾). По нѣмецкой сказкѣ пасынокъ, убитый мачихою, оборачивается птичкою, прилетаетъ къ своему дому и поетъ: «меня мачиха убила, сестра схоронила — и я сталъ чудесною птичкою!» — слова, одинаковыя съ тѣми, которыя въ русской сказкѣ наигрываются дудкою, сдѣланною изъ тростника, что выросъ на могилѣ убитаго мальчика ²⁾). Виѣтъ съ другими подобными свидѣтельствами, касающимися германскихъ племенъ, Я. Гриммъ приводитъ вѣрованіе, что когда тонетъ разбитый корабль, то души потонувшихъ поднимаются изъ водъ и восходятъ на небо бѣлыми голубями. Романская легенда также представляетъ душу голубкою ³⁾). У литовцевъ есть прекрасное поэтическое преданіе: пѣвецъ Дайнасъ страстно влюбился въ красавицу; напрасно онъ утромъ и вечеромъ пѣлъ передъ ея окномъ пѣлительныя пѣсни: суровая красавица не хотѣла отвѣчать его страсти. Дайнасъ утопился, и боги превратили его въ соловья. Только тогда почувствовала она къ нему любовь, умерла съ горести и была превращена въ столбиственную розу, которая начинаетъ цвѣсти въ то время, когда перестаетъ пѣть соловей. Существуетъ въ Литвѣ и другой разказъ о томъ, какъ бѣдный земледѣлецъ, любившій сопровождать свою трудную работу веселыми пѣснями, былъ превращенъ по смерти въ жаворонка, который потому и вѣтаетъ и поетъ надъ колосистыми нивами ⁴⁾). Литовское преданіе о Дайнасъ напоминаетъ «Цейска и Гальціону» Овидія: въ этомъ стихотвореніи поэтъ сохранилъ намъ подобное-же преданіе древнихъ о превращеніи въ птицъ двухъ любовниковъ, погибшихъ въ волнахъ коварнаго

¹⁾ Волли, Г. В. 1859, 18. — ²⁾ Сказ. Грим., 47; сравни польскую сказку въ сборникѣ Глинск., II, 236—7. Арабы вѣрили, что изъ крови убитаго зарождается птица, которая летаетъ близъ могилы и жалобно кричитъ, пока не будетъ отомщено убійство. — ³⁾ D. Myth., 638, 640, 788. — ⁴⁾ Черты литов. нар., 73.

шаря. «Одиссея» души умерших представляет летающими в воздухъ стаями и сравниваетъ ихъ съ летучими мышами ¹⁾. Вотъ почему птица, влетѣвшая въ комнату, (воробей, голубь, ласточка) предвѣщаетъ покойника; ту же примѣту относятъ и къ нетопырю. Крикъ ворона, филина и совы, прилетѣ дятла, жолны или кукушки въ дому считаются такимъ же печальнымъ предзнаменованіемъ чьей-либо смерти ²⁾. Видѣть во снѣ, какъ улетѣла со двора кукушка или поднялся съ руки соколъ, означаетъ: смерть близкаго, любимаго чело-вѣка ³⁾.

Особенно-знаменательно представленіе души въ образѣ кукушки, которое можетъ навести на смыслъ загадочнаго обряда, извѣстнаго на Руси подъ названіемъ крещенія кукушекъ. Въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ кукушка прилетаетъ горевать надъ трупами умершихъ ⁴⁾; она—эмблема сильной сердечной печали по милымъ покойникамъ: у сербовъ и литовцевъ есть преданіе о превращеніи въ кукушку неутѣшной сестры, которая долго и горько оплакивала смерть своего брата ⁵⁾. На деревянныхъ могильныхъ крестахъ въ

¹⁾ Пѣснь XXIV. Египтяне, раздѣлявшіе тоже возрѣніе на душу, изображали ее въ видѣ птицы (копчина) съ человѣческой головою—*Zeitsch. für D. M.*, IV, 245; *O. Z.* 1858, VI, 442. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 333; Статист. описаніе саратов. губ., 62; Абев., 157; *Нар. сл. раз.*, 164; I-й т. *Поэт. Возр.*, 514—2. — ³⁾ См. народныя пѣсни въ *Вѣст. Евр.* 1818, XXI, 50—52. — ⁴⁾ Никто, говоритъ пѣсня, не погрузится о погибшемъ на чужбинѣ; только воронъ прилетитъ, сядетъ на трупъ, покажетъ и перестанетъ, да „прилетитъ зозуля да-й плакати стане“; къ умирающему казаку прилетали кукушки, „у головахъ сидали, якъ ридны сестры ковали“ — *Ж. М. Н. П.* 1837, т. XIII, 42; Пассена: *Путев. Записки, Запорожск. Старина Срезневск.*, I, кн. 2, 80. — ⁵⁾ *Срп. рјечник.*, 312; *Черты литов. нар.*, 72. Сравни малорусское преданіе: «зозуля й дятель були перше людьми, а послаи Богъ такъ даръ, що пороблялись птицами» — *Кулишъ*, II, 36.

Сербіи изображаютъ столько кукушекъ, сколько родственниковъ и особенно сестеръ грустятъ по усопшему, и до сихъ поръ дѣвица, потерявшая брата, не можетъ удержаться отъ слезъ, какъ скоро слышитъ голосъ кукушки ¹⁾). На Руси вѣрятъ, что когда эта птица кукуетъ, то изъ глазъ ея капаютъ на древесную вѣтку слезы; за эти слезы принимаютъ яички насѣкомыхъ ²⁾), облипающія древесную вѣтку и называемыя у нѣмцевъ *kukuks-spreichel*, у сербовъ кукавичја суза, у насъ кукушкины слѣзки ³⁾). Къ кукушкѣ обращаются съ вопросами о покойникахъ; такъ въ одномъ похоронномъ причитаніи надъ умершимъ отцомъ говорится:

Мій же ты таточку!
 Якъ будутъ садочки цвисты,
 И буде зозуленька куковаты,
 Я-жь буду, мій таточку,
 Зозуленьку пытаты:
 Чи не бачила-жь ты, зозуленько,
 Мого батьку риднаго?

Въ свадебной пѣснѣ невѣста-сирота посылаетъ кукушку за своими умершими родственниками, чтобъ они пришли съ того свѣта благословить ее на новое житье ⁴⁾).

Обрядъ крещенія кукушекъ въ разныхъ мѣстахъ совершается въ разное время — на третьей, четвертой, пятой или шестой недѣлѣ послѣ Пасхи, но преимущественно въ недѣлю Семицкую, когда поминаютъ усопшихъ. Женщины и дѣвочки собираются въ лѣсъ, дѣлаютъ изъ лоскутьевъ и цвѣтовъ чучело птицы и сажаютъ на вѣтку, а подъ нею привѣшиваютъ шейные кресты; иногда, вмѣсто того, отыскиваютъ тра-

¹⁾ D. Myth., 4088. — ²⁾ Cicada spumaria, ringelspinne. — ³⁾ D. Myth., 646. — ⁴⁾ Воров. Г. В. 1851, 2; Иллюстр. 1848, № 1, Бѣлорус. свадьба.

ву, называемую кукушкою (*orchis latifolia* ¹⁾), и вырвавъ ее съ корнемъ, одѣвають въ сорочку, потомъ кладутъ на землю и ставятъ надъ нею крестообразно двѣ дуги, покрывая ихъ платками и вѣшая съ двухъ сторонъ по кресту. Въ орловской и тульской губ. надѣвають крестикъ на самое чучело кукушки и поютъ: «кумушки, голубушки! кумитесь, любитесь, даритесь!» Это называется кстить (крестить) кукушку или кумиться. Двѣ дѣвицы, поцѣловавшись изъ-подъ дуги, мѣняются крестами и называются кумами. Въ праздникъ Семика поселяне приходятъ въ рощу, отыскиваютъ двѣ плакучихъ березы, нагибаютъ и связываютъ ихъ вѣтви разноцвѣтными лентами, платками и полотенцами въ видѣ вѣнка; надъ вѣнкомъ кладутъ означенную траву или чучело кукушки, а по сторонамъ привѣшиваютъ кресты. Двѣ дѣвицы, желающія покумиться, должны обойдти вокругъ этихъ березъ — одна на встрѣчу другой, потомъ трижды поцѣловаться сквозь вѣнокъ, и сквозь вѣнокъ-же передать другъ дружкѣ желтое яйцо. Хороводъ поетъ:

Ты, кукушка ряба!
Ты кому-же кума?
Покумимся, кумушки
Покумимся, голубушки!

Названныя «кумушки» обмѣниваются крестами и кольцами; а кукушку раздѣляютъ на части и хранятъ у себя на память кумовства. Затѣмъ слѣдуетъ пиршество, необходимою принадлежностью котораго бываетъ яшница. Тѣ, которыя покумились въ Семикъ, ходятъ на Троицынъ день развѣшивать вѣнки или бросать ихъ въ воду, при чемъ поютъ: раскумимся, кумушки! раскумимся, голубушки! да ю, ю — Семикъ да и Тро-

¹⁾ Беременные женщины выкапываютъ эту траву и гадаютъ по ней: если на корнѣ будетъ два отростка—то родится дѣвочка, а если три—то мальчикъ (Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, 59).

ща!» Есть игра, указывающая на тотъ-же обрядъ кумовства; дѣвцы избираютъ куму и садятся въ кружокъ, кума обходитъ ихъ и спрашиваетъ: чье это дѣтя?—Твое и мое.—Кому его крестить? — Тебѣ и мнѣ. Послѣ того кума и та, которую она спрашивала, разбѣгаются въ разныя стороны, и объѣзжавъ кругъ три раза, останавливаются. Кто прибѣжитъ прежде, та садится, а другая идетъ спрашивать. Сходная съ этою игра известна и въ Литвѣ ¹⁾.

Обрядъ крещенія кукушекъ получить для насъ болѣе осознательное значеніе, если мы сблизимъ его съ повѣрьюми о русалкахъ и мавкахъ, въ образѣ которыхъ (по народному повѣрью) являются души младенцевъ мертворожденныхъ или умершихъ безъ крещенія ²⁾. Въ теченіе семи лѣтъ, до превращенія своего въ русалокъ, души эти (преимущественно на Зеленыя Святки) летаютъ по воздуху и жалобно просятъ, чтобъ ихъ окрестили; кто слышитъ ихъ грустный, умоляющій голосъ, тотъ долженъ сказать: «крещая тебя, Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» Послѣ этихъ словъ онѣ возносятся на небо, какъ-бы воспринявшія крещеніе. О русалкахъ и мавкахъ рассказываютъ, что наканунѣ Троицына дня онѣ бѣгаютъ по колосистымъ нивамъ, хлопаютъ въ ладоши и приговариваютъ: «ухъ-ухъ, соломяный духъ! мене маты породыла, некрещену положила (или: схоронила ³⁾). Любопытно, что въ черниговской губ. обрядъ завиванія семицкихъ вѣнковъ называется встрѣчею русалокъ, а развиванье вѣнковъ (на

¹⁾ Сахаров., I, 72—73; II, 86; Рус. прост. праздн., I, 183; III, 96—98; Вѣст. Евр. 1821, II, 195; Терещ., V, 42; VI, 165, 191—2; Саратов. Г. В. 1844, 6. У румыновъ на Троицкой недѣлѣ совершается праздникъ кукушекъ — Телескопъ 1833, VIII, 501—2. —

²⁾ Терещ., VI, 124, 176, 181; Рус. прост. праздн., III, 98, IV, 10; Вѣст. Евр. 1821, II, 195. — ³⁾ Терещ., VI, 125, 129; Рус. прост. праздн., IV, 10.

Петровъ день) —проводами русалокъ. Если неокрещенныя души, летая по воздуху, испрашиваютъ себѣ крещенія; если самое появленіе ихъ совпадаетъ со временемъ совершенія обряда, извѣстнаго подъ именемъ «крещенія кукушекъ»; если наконецъ душа олицетворялась въ образѣ птицы и кукушка принималась эмблемою сиротства: то, кажется, позволительна будетъ догадка, что подъ «крещеніемъ кукушекъ» должно понимать символическій обрядъ крещенія младенцевъ, умершихъ безъ этого таинства и потому осужденныхъ блуждать по свѣту. Дѣти народному уму представляются чистыми, невинными, безгрѣшными; но умирая безъ крещенія — они не могутъ войти въ царство блаженныхъ. Сострадавъ ихъ безотраднѣйшѣ судьбѣ, простолюдинъ создалъ обрядъ посмертнаго крещенія, чтобы такимъ образомъ открыть душамъ младенцевъ вѣрный путь въ небесныя обители ¹⁾. Очевидно, что подобное воззрѣніе могло родиться только въ эпоху христіанскую, но тѣмъ не менѣе оно перешло въ обрядъ подъ сильнымъ вліяніемъ языческихъ представленій, и по всему вѣроятію описанное нами «кумовство» есть не болѣе, какъ видоизмѣненная форма древняго «побратимства» или «дружичала». За это свидѣтельствуется сербскій обычай: на второй день Пасхи поселяне идутъ на кладбище, раздають милостину и поминаютъ усопшихъ, а потомъ дружатся между собою («дружичаю се») — парни съ парнями, а дѣвцы съ дѣвцами, т. е. плетутъ изъ вербы вѣнки, цѣлуются сквозь нихъ и мѣняются красными и яичными самцами; послѣ того, въ продолженіе цѣлаго года, мужчины называются побратими, а дѣвцы — друге ²⁾.

Представленіемъ души въ образѣ птицы легко объясняется, почему между нашими крестьянами донныя соблюдается обык-

¹⁾ Припомнимъ дѣтописное свидѣтельство (подъ 1044 годомъ), что при Ярославѣ „выгребоша два князя Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ею, и положиша ѿ въ церкви святыя Богородица“ — П. С. Р. Л., I, 67. — ²⁾ Срп. рјеченик, 142.

новеніе: въ продолженіи шести недѣль по смерти родственника «кормить птицу небесную»; для этого каждое утро осыпаютъ могилу хлѣбными зернами ¹⁾. Въ астраханской губ., посѣщая на праздникъ Пасхи кладбище, крошатъ на могилахъ для птицъ яйца; въ другихъ мѣстахъ крошатъ для нихъ на могилы печеный хлѣбъ, а въ Москвѣ удѣляль трогательный обычай кормить въ известные дни года голубей, что совершается какою-нибудь старухою на перекресткахъ улицъ и площадяхъ; деньги на кормъ собираются съ прохожихъ. Обычай этотъ соблюдается и у западныхъ народовъ. Я. Гриммъ сообщаетъ любопытное указаніе: «man entsinnt sich dabei des vermächtnisses für die vögel auf Walthers von der vogelweide grabstein, dessen name schon pasqua avium ausdrückt» ²⁾.

7. Понимая душу, какъ пламя и вѣтеръ, арійское племя должно было сроднить ее съ стихійными существами, населяющими небо и воздухъ. Такое сродство засвидѣтельствовано языкомъ: душа и духъ = *geist* (отъ *gisan* — дуть, вѣять), *ap̃iša* и *ā́vemos*. По индѣйскимъ вѣрованіямъ, толпы стихійныхъ духовъ, олицетворяющихъ небесные лучи, молніи и вѣтры, (*ṛibhus*, *bhṛigus*, *angirasen*, *maruts*) ничѣмъ не различались отъ *pitṛis* = *patres*, отцевъ, предковъ, т. е. отъ усопшихъ, называемыхъ у славянъ родителями и дѣдами. Ведическая религія признаетъ небо и воздушный міръ за двѣ отдѣльныя области. Въ безпредѣльныхъ пространствахъ неба пребываетъ свѣтъ, какъ вѣчная, творческая сила; между этою странною свѣта и землею простирается царство воздуха, въ которомъ плаваютъ облака и тучи, носящія живую воду дождей и преграждающія путь лучамъ солнца. Души отцевъ

¹⁾ Этв. Сб., V, о бытѣ курскхъ крестьянъ, 82. — ²⁾ D. Myth., 635.

населяют и ту, и другую области, и отсюда поздне, когда стали разсуждать о загробномъ возмездіи за земную жизнь человека, развилося вѣрованіе о двойственной судьбѣ усопшихъ: о душахъ блаженныхъ, наследующихъ царство небесное, и отверженныхъ, осужденныхъ блуждать по воздуху и вращаться въ пеклѣ грозовыхъ тучъ. Любопытно, что въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ греч. *παράδεισος* (рай) переводится словомъ: по-рода, а *γεέννα* (адъ) словами: родъ и родство ¹⁾. Высоко, по ту сторону облачныхъ водъ; лежить блестящее небо (*svarga*), съ котораго солнце, луна и звѣзды посылаютъ свой свѣтъ на землю; тамъ-то, на отдаленной границѣ вселенныя, живутъ отшедшіе изъ земной юдоли предки подъ властію Варуны, наслаждаясь вѣчнымъ блаженствомъ и блистая очамъ смертныхъ яркими звѣздами. Но чтобы достигнуть этихъ райскихъ селеній, они должны шествовать черезъ воздушный океанъ, странствовать посреди дождевыхъ потоковъ и грозоваго пламени и принимать участіе въ ихъ животворной или разрушительной дѣятельности. По свидѣтельству гимновъ, отцы носятся въ тучахъ, сверкаютъ въ молніяхъ, извлекаютъ изъ облаковъ дождь и проливаютъ его на поля своихъ потомковъ; они полагаютъ въ ночи тьму, а утромъ находятъ сокрытый свѣтъ и призываютъ къ пробужденію прекрасную Зорю, т. е. нагоняя черныя тучи, омрачаютъ небо исчеподобными покровами, а разсѣвая ихъ въ грозѣ, выводятъ изъ мрака свѣтозарное солнце. Такимъ образомъ отжившіе предки снѣшивались и отождествлялись съ бурными и грозовыми духами. Сонъ вѣтровъ (*маруть*), по мнѣнію индусовъ, постоянно пополнялся душами усопшихъ. Духи рыбы (*ṛibhus*), стихійная природа которыхъ проявляется въ блескъ солнечныхъ лучей

¹⁾ Описаніе славян. рукописей моск. синодал. библ., отдѣл. 2-ое, I, 12; II, 24, 27, 57, 114, 149, 261, 397—8, 428.

и свергающихъ молній, признавались и за души блаженныхъ; они стояли въ такомъ-же близкомъ отношеніи къ Индрѣ, какъ и маруты: участвовали въ полетахъ грозы, пѣли бурную пѣсню, низводили съ неба потоки, помогали земному плодородію и славились, какъ искусные кузнецы. Тоже двойное значеніе стихійныхъ духовъ и усопшихъ предковъ принадлежитъ и ангирасамъ, которые только тѣмъ отличаются отъ молніеносныхъ рибу, что сопутствуютъ богу Агни и вся дѣятельность ихъ ограничивается стихіей огня; но мы знаемъ, что Агни первоначально былъ богомъ грозового пламени. Ангирасы признаны предками на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ домовыя полаты были вмѣстѣ и представителями очага, и обожествленными дѣдами (см. II, 74—82). У германцевъ марутамъ соответствуютъ души нектоваго воинства и мары (māren), а rībhūs—буквально тоже, что (свѣтлые) эльфы (см. II, 720). Маруты и мары (моры, марухи)—названія одного корня¹⁾; послѣдніе равно извѣстны и нѣмцамъ и славянамъ; съ одной стороны они принимались за темныхъ или ночныхъ эльфовъ, а съ другой — за души усопшихъ (II, 100-3; III, 79). Подымаемая вѣтры, маруты нагоняютъ на небесный сводъ мрачныя тучи и сбиваютъ ихъ кудрями и космами; отъ этихъ сгущенныхъ и клубящихся облаковъ отецъ маруть Рудра назывался косматымъ, что напоминаетъ намъ спутанные волосы маръ—mārenlocke²⁾. Отсюда понятно, почему эльфы, мары и цверги сближаются народными преданіями съ тѣнями умершихъ, и почему души представлялись нѣмецко-славянскимъ племенемъ летающими

¹⁾ Маннгардтъ указываетъ на санскр. корень mṛ, māg — раздроблять, разбивать; мы же сближаемъ эти названія съ словами мразь (морозъ) и моръ (смерть), и видимъ въ нихъ: во 1-хъ, бурныхъ духовъ, омрачающихъ небо тучами, и во 2-хъ, усопшихъ (= души, какъ дыханіе тѣхъ-же вѣтровъ). — ²⁾ German. Mythen, 41-47, 709, 721-733; Die Götterwelt, 51.

наюткиши, эльфо-подобными карлами. Эльфовъ считаютъ въ народѣ за выходцевъ съ того свѣта; тѣло у нихъ—не то, какое у живыхъ людей: его нельзя ни схватить, ни осязать! они всюду проникаютъ, не нуждаясь въ дверяхъ и отверстіяхъ, и также быстро исчезаютъ, какъ дуновение вѣтра. Въ ночные часы эльфы собираются на церковныхъ дворахъ и кладбищахъ и пляшутъ на свѣжихъ могиллахъ, съ радостью и весельемъ встрѣчая новую душу, пришедшую къ нимъ изъ міра живущихъ. Усопшіе поступаютъ въ кругъ эльфовъ, и потому смерть человека празднуется ими, словно свадьба или прибытіе дорогаго гостя, музыкой и танцами. Финны вѣрятъ, что, когда совершается погребальная церемонія, на кладбищѣ и по дорогѣ къ нему летаютъ и кружатся маленькіе духи (*keijungaiset*), похожіе на бѣлыя свѣжики, блестящіе лучи и куколки бабочекъ; они появляются въ домъ, гдѣ есть покойникъ, и наполняютъ комнаты трупнымъ запахомъ. Какъ существа, нѣкогда сами причастныя людской жизни, эльфы стоятъ въ близкой, родственной связи съ семьями ихъ потомковъ, продолжающихъ населять землю. Всякой родъ, всякая семья имѣетъ своихъ собственныхъ эльфовъ и питаетъ къ нимъ уваженіе и преданность, какъ къ домовымъ охранительнымъ божествамъ (*пенатамъ*), и въ свой черѣдъ пользуется отъ нихъ помощью и защитой въ нуждѣ. Различныя партіи эльфовъ враждуютъ и сражаются между собой въ ночное время на перекресткахъ, и только дневной разсвѣтъ прекращаетъ ихъ борьбу; битвы эти часто вызываются споромъ, какой сторонѣ должна принадлежать душа усопшаго—эльфамъ его отца или эльфамъ его матери, и на какомъ церковномъ дворѣ должно быть совершенно погребеніе ¹⁾. Такимъ образомъ битвы стихійныхъ духовъ, созерцае-

¹⁾ *Irische elfenmärch.*, XII—XIII; *D. Myth.*, 798; *Вѣст. Евр.* 1828, XIII (Нзот. обман, повѣрья и обряды финляндцевъ), 8-9.

мыя древними племенами въ грозѣ, подѣ вліаніемъ смѣшенія эльфическихъ существъ съ душами человѣческими, получили характеръ родовыхъ усобицъ за обладаніе ново-усопшими членами. Какъ съ олицетвореніемъ души, съ эльфомъ тѣсно сочетался ея поэтический образъ бабочки: эльфы являются въ видѣ легкокрылаго мотылька, шмеля или гусеницы, садятся на стебли и цвѣты растеній и пьютъ росу; названія *schrätteli* и *nachttoggeli* прилагаются и къ шарамъ, и къ бабочкамъ. Люди, у которыхъ срослись брови, могутъ въ случаѣ гнѣва посылать на своихъ враговъ эльфа (*alp*), который вылетаетъ изъ-подъ ихъ бровей въ видѣ маленькой бѣлой бабочки, садится на грудь спящей жертвы и начинаетъ давить ее. Этотъ эльфъ — первоначально: разящая молнія или тотъ сверкающій взоръ, который устремляется изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей облака (I, 170-2), и потомъ, въ приѣтненіи къ человѣку: душа, воспламененная гнѣвомъ; въ Ааргау бабочку называютъ *donnerkeil*. Такое выпусканіе эльфа-бабочки преимущественно приписывается колдунамъ и вѣдмамъ, ради тѣсной связи ихъ съ грозовыми явленіями природы ¹⁾. Тоже вѣрованіе распространено и между славянами: когда спитъ вѣдьма, изъ нея (по мнѣнію сербовъ и черногорцевъ) исходитъ злой духъ въ образѣ бабочки, летаетъ по избамъ, садится на сонныхъ людей и поражаетъ ихъ смертельно въ лѣвую грудь. На побережьяхъ Адриатическаго моря такіе эльфическіе духи называются вѣдогоня (вѣдогоня) и признаются за души, обитающія въ тѣлахъ людей и животныхъ, и въ то же время за домовыхъ геніевъ, оберегающихъ родовое имущество и жилище. Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдогоня; когда онъ спитъ, вѣдогонъ выходитъ изъ тѣла

¹⁾ Irische elfenmärch., CVIII; D. Myth., 431; German. Mythen, 372, 715.

и охраняетъ принадлежащее ему имущество отъ воровъ, а его самого отъ нападенія другихъ вѣдогоней и отъ волшебныхъ чаръ. Доселѣ не позабыто ихъ стихійное значеніе: срываетъ ли вѣтеръ древесныя листья и они, колеблясь, несутся по воздуху—это (говорять) дерутся вѣдогони; въ полетѣ разрушительной бури вѣдогони отторгають отъ горъ большіе камни, вырываютъ въ лѣсахъ деревья и бьются ими между собою, какъ враждующія рати. Адриатическіе славяне увѣрены, что къ нимъ прилетаютъ вѣдогони съ итальянскаго берега и сражаются съ туземными, и которые одолѣють—тѣ уносятъ лѣтніе плоды (урожай) на свою землю (т. е. собственно перегоняютъ дождевыя тучи изъ одного края въ другой). Если вѣдогонь будетъ убитъ въ дракѣ, то человѣкъ или животное, которому онъ принадлежалъ, немедленно умираетъ во снѣ. Поэтому если случится воину умереть во снѣ, то рассказываютъ, будто вѣдогонь его дрался съ вѣдогонями враговъ и былъ убитъ ими ¹⁾. По чешскому повѣрью, шѣга—душа злой чародѣйки; въ полночь, покидая тѣло, она бросается на сонныхъ людей, давитъ ихъ и сосетъ изъ груди горячую кровь (сравни съ упырями — гл. XXVI). У кого срослись брови, въ томъ обитаетъ шѣга. У нѣмцевъ существуютъ подобные-же рассказы о маряхъ, обитающихъ въ людяхъ: если маръ выйдетъ изъ тѣла и не воротится назадъ, то человѣкъ непремѣнно умираетъ ²⁾. Отождествляя эльфовъ съ душами, народная фантазія надѣлила ихъ и высшими духовными способностями: хитрымъ умомъ, изобрѣтательностію и предвѣдніемъ.

Что души у славянъ представлялись существами эльфическими, карликами, наиболѣе-важное тому свидѣтельство предлагаетъ древне-русское навъ, навье. Отъ снкр. паꝛ—умирать произошло лат. пех—смерть, греч. νέκος, готск.

¹⁾ Срп. рјечник, 66-67, 251; Путешест. въ Черногорію, 220-1. — ²⁾ Громаниъ, 23—25; Beiträge zur P. Myth., II, 268.

паус (множ. paveis), pavis—мертвый, pavistr—могила, сканд. pá—мертвое тѣло, трупъ, латыш. pahwe—смерть, pahwigs—смертельный, ядовитый, pahweht—убивать; въ древне-чешскомъ языкѣ upawiti значило: загубить, умертвить («mlatem čvrtého unavi»), а paw, pawa—смерть, могила, жилище усопшихъ: «Krok ide do pawi». Въ старинныхъ русскихъ памятникахъ, какъ и въ современныхъ областныхъ говорахъ, навье—мертвецъ: «приведе Явка митрополита Іоанна скопѣичну, его же видѣше людье вси рекоша: се навье (по другому списку: мертвецъ) пришелъ; отъ года бо до года пребывъ умре» (Лаврент. лѣтоп.); «яко и навь изъ гроба исходящи» (Іоаннъ, экзархъ болгарск.) «въ навь зрѣти»—ожидать смерти (житіе муромск. князя Петра и Февроніи); въ древнихъ переводахъ библейскихъ книгъ навь употребляется въ смыслѣ ада, тартара, какъ царства мертвыхъ; наконецъ Радунца (вторникъ 9-иной недѣли), когда совершаются поминки по усопшимъ, называется въ народѣ навій (=мертвецкій) день и навьи проводы. Слово навь, навье стоитъ въ сродствѣ съ скандин. nâg (nâig, nâinn)—ирачный карликъ, цвергъ ¹⁾. Лѣтописецъ, рассказывая о явленіи въ 1092 году незримыхъ духовъ, которые рыскали на коняхъ и поражали смертію полочанъ (см. выше стр. 80), прибавляетъ, что въ то время говорили: «яко навье бьютъ полочаны», т. е. мертвецы караютъ народъ чуждыми стрѣлами (=молніями). Въ переяславскомъ спискѣ находимъ любопытный вариантъ: «они-жъ (люди) рѣша: изъ навен дѣти насъ емлютъ» ²⁾. По мнѣнію украинцевъ, младенцы, умершіе некрещеными, являются въ лѣтній пол-

¹⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 63—64; Мысли объ истор. рус. яз., 147-8; Матер. для исторіи письменъ, стат. Буслаев., 55; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, полов. 2. 102; Иречь въ Часописи 1863, I, 16; Обл. Сл., 120. — ²⁾ Лѣтописецъ Переясл., 51.

день въ глухихъ чащахъ лѣсовъ и около озеръ, играютъ на солнышкѣ и прячутся вмѣстѣ съ его закатомъ. Они такіе «малюснѣшкіе», что четверо могутъ уѣсться на крылѣ мухи ¹⁾. Бѣлоруссы блуждающіе огоньки, признаваемые за души усопшихъ, представляютъ себѣ одноглазыми малютками. Въ старинной иконной живописи душа изображается въ видѣ младенца, который исходитъ изъ устъ покойника, вмѣстѣ съ его послѣднимъ дыханіемъ, и улетаетъ на небо, или возносится туда ангелами. Подобныя изображенія встрѣчаемъ и въ миниатюрахъ, украшающихъ древнія рукописи ²⁾, и въ печатномъ изданіи Патерика Печерскаго, и на лубочныхъ картинахъ ³⁾. Замѣчательно, что въ полтавской и другихъ южныхъ губерніяхъ мертворожденныхъ дѣтей закапываютъ подъ порогомъ избы — тамъ, гдѣ народное преданіе полагаетъ обиталище эльфовъ; теперь крестьяне объясняютъ этотъ обычай въ христіанскомъ духѣ: они говорятъ, что священникъ, идя со крестомъ, переступаетъ порогъ и тѣмъ самымъ сообщаетъ освященіе душѣ некрещенаго младенца. Для того, чтобы благословеніе умершаго почло надъ жилищемъ его родителей, челя, при выноскѣ покойника, трижды—во имя св. Троицы—прикасаются гробомъ о домашній порогъ ⁴⁾. Народныя повѣрья доселѣ связываютъ съ душами усопшихъ атмосферныя явленія, указывая тѣмъ самымъ на ихъ стихійный характеръ. Когда зимою, послѣ трескучихъ морозовъ, станетъ вдругъ оттепель, русскіе поселяне выражаются объ этомъ такъ: род и тел и вздохнул и, т. е. мертвые повѣяли (дохнули) теплымъ вѣтромъ. По нѣтъню помѣшуконъ, усопшіе родители въ день свадьбы своихъ дѣтей сходятъ на землю дождевой тучею, чтобы благословить молодую чету; вотъ что гласитъ свадебная пѣсня:

¹⁾ Степныя сказки Данилевскаго, 125-6. — ²⁾ См. рисунки въ Истор. очеркахъ Буслаева, I, 435; II, 153. — ³⁾ Таковы картины: „Смерть грѣшника“, „Молитва св. Сядору блаженному“ и др. — ⁴⁾ Громаничъ, 189.

Матинька передъ Богомъ стоить,
 У Бога ся просить:
 Спусти мене, Боже,
 Надъ село хмарою,
 У село дробнымъ дождичкомъ,
 Яснымъ сонцемъ-оконцемъ;
 Нехай-же я ся подывлю.
 Чи красно дитя убриню?

Въ бѣлорусской пѣснѣ усопшая мать просится у Бога поглядѣть на свадьбу своей дочери въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Боже, Боже!
 Пусни мяне зъ неба даювь
 Дробнымъ дождчемъ,
 У поли мыглицою (мглою),
 У травъ расицою (росою!)

Болгары думаютъ, что Илья-пророкъ заставляеть умершихъ цыганъ дѣлать изъ снѣгу градъ и пускать его лѣтомъ на поля и нивы грѣшниковъ ²⁾. Илья-пророкъ замѣняетъ здѣсь Перуна, а умершіе цыганы — темныхъ эльфовъ, злыхъ нарѣ. Нагагая на старинныя преданія этнографическія и бытовыя черты, фантазія, подъ вліяніемъ народнои неприязни къ цыганамъ и ради ихъ смуглаго цвѣта, сочетала съ этимъ племенемъ представленія, относимыя нѣкогда къ демоническимъ силамъ природы. Въ народныхъ сказкахъ — тамъ, гдѣ въ богахъ древнихъ редакціяхъ выводится злая вѣдьма, въ позднѣйшихъ передѣлкахъ уже стоить цыганка. Литовцы вѣрятъ, что души усопшихъ носятя верхомъ на коняхъ, съ копыями въ рукахъ, около своего прежняго жилища; по ихъ словамъ, если построить домъ на той дорогѣ, которою привыкли ѣздить мертвецы; то въ немъ — не житье: постоянно будетъ слышаться

¹⁾ Киевлянинъ 1865, 52; Сборн. памятниковъ народн. творчества, I, 277. — ²⁾ Каравел., 240.

шумъ, вѣтеръ станетъ срывать кровлю, и домъ скоро разрушится ¹⁾.

Нѣмецкимъ эльфамъ соотвѣтствуютъ у славянъ вилы и русалки—облачныя, грозовыя дѣвы, въ которыхъ, сверхъ того, видятъ и существа загробнаго міра. Такимъ образомъ душа, согласно съ грамматическимъ родомъ этого слова (чеш. duše, литов. duszia, греч. ψυχή, лат. и итал. anima, фран. âme, исп. alma, нѣм. seele), олицетворялась по преимуществу въ женскомъ полѣ, и это было до такой степени сильно, что у литовцевъ находимъ слѣдующее преданіе: въ 1279 году были замучены крестоносцами два упорныхъ язычнина; одного изъ нихъ они разорвали съ помощію дерева, а другаго привязали къ коню и размыкали по полю. Душа перваго прилетала потомъ птичкою, а душа послѣдняго являлась въ образѣ дѣвы, возсѣдающей на конѣ ²⁾. Колларъ указываетъ на повѣрье (in Trentsiner comitat, in der gegend von Sillein=Žilina), что души невѣстъ, умершихъ послѣ помолвки, блуждаютъ по ночамъ, водятъ хороводы, поютъ пѣсни и называются вилами (wily ³⁾). Повѣрье это наводитъ на связь слова вила съ литов. wélės—души умершихъ и съ латышск. wels — богъ усопшихъ и потомъ чортъ, властитель ада ⁴⁾. Отсюда объясняется, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вилы, не смотря на свою неземную красоту, представляются безносыми ⁵⁾: черта, сближающая ихъ съ могильными привидѣніями и самую Смерть, изображаемыми въ видѣ скелетовъ (см. выше стр. 43). Какъ у насъ уцѣлѣло преданіе о душахъ трехъ вѣдьмъ, которыя горятъ на небѣ «дѣвичьими зорями» (= звѣздами), такъ у хорватовъ есть подобное же преданіе о созвѣздіи Плеядъ (Vlašice, Волосожары, Бабье со-

¹⁾ Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 42-43. — ²⁾ Ibidem. — ³⁾ Няг. zriewanku, I, 412-3. — ⁴⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 21. — ⁵⁾ Иличъ, 278.

звѣздіе): тамъ, говорятъ, обитаютъ семь вилъ; давно, при началѣ свѣта, ходилъ эти вилы по землѣ, пѣли и водили хоро- воды, а потомъ покинули земной міръ и водворились на звѣз- дахъ Плеядъ, гдѣ и донынѣ каждую ночь водятъ коло ¹⁾). Въ сербской пѣснѣ дѣвица молитъ посестриму-звѣзду надѣ- лить ее красотою, и вслѣдъ затѣмъ мольба ея исполняется- вилою ²⁾). На связь вилы съ бабочкою указываетъ на- званіе этой послѣдней вилинымъ конемъ (виленики конь): какъ малютка-эльфъ или усоншая душа, вила летаетъ на крыльяхъ мотылька, ѣздитъ на немъ по воздушнымъ простран- ствамъ ³⁾). У болгаръ существуетъ повѣрье, что дѣти мерт- ворожденные или умершія безъ крещенія поступаютъ въ сооб- щество воздушныхъ духовъ: мальчики дѣлаются навяками (=навами), а дѣвочки—самодивамъ; навяки обыкновенно принимаютъ видъ лебедей, и въ шумѣ колосистыхъ нивъ поселянамъ слышится ихъ неутѣшный плачъ ⁴⁾).

Русскіе поселяне убѣждены, что русалки суть души мла- денцевъ, умершихъ некрещеными, а также утопленницъ, удав- ленницъ и вообще женщинъ и дѣвицъ, самопроизвольно лишив- шихъ себя жизни, слѣдовательно души неудостоенныхъ по- гробенія. Но когда всѣ были язычники и не знали ни креще- нія, ни христіанскаго погребенія, тогда всякая душа сопри- числялась къ русалкамъ. Это древнее вѣрованіе удержано на- родною памятью за дѣтьми и утопленницами—во первыхъ пото- му, что самыя души олицетворялись малютками, а во вторыхъ потому, что русалки признавались обитательницами водъ. Дѣви- цы, бросающіяся съ горя и отчаянія въ воду, подхватываются русалками и поступаютъ въ среду этихъ водяныхъ нимфъ, по- добно тому, какъ у литовцевъ такія утопленницы превращают-

¹⁾ Arkiv za pověstnicu jugoslavensku, I, ст. Букулевича, 88. —

²⁾ Срп. в. пјесме, I, 150. — ³⁾ Срп. рјечници, 62. — ⁴⁾ Сообще- но г. Каравеловичъ.

ся въ уадинъ ¹⁾. Младенцевъ мертворожденных или скончавшихся безъ крещенія русалки похищаютъ изъ могильныхъ ямъ и уносятъ въ свои воды; онѣ крадутъ ихъ даже изъ-подъ порога избы. Въ теченіи семи лѣтъ въ Троицынъ и Духовъ дни души этихъ младенцевъ летаютъ по воздуху и выпрашиваютъ себѣ крещенія. Душаютъ, что ихъ можно спасти проанесеніемъ словъ: «крещая тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа!» и ежегодными панихидами въ первый понедѣльникъ Петровки. Если же въ семилѣтній срокъ онѣ не будутъ искуплены молитвами и не услышатъ ни отъ кого приведенной формулы, то навсегда остаются въ обществѣ русалокъ. Таже судьба ожидаетъ и тѣхъ несчастныхъ младенцевъ, которыхъ проклинаютъ матери еще въ утробѣ или до совершенія надъ ними таинства крещенія; они исчезаютъ изъ дому и становятся русалками. Эта порода русалокъ-дѣтей представляется народной фантазіи въ видѣ дѣвочекъ-семилѣтокъ съ русыми, кудрявыми волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ — безъ пояса. Въ Малороссіи и Галиціи называютъ ихъ мавками (малками, майками). По мнѣнію нашихъ изслѣдователей, мавка — тоже, что навка (уменьшительное отъ навъ), т. е. мертвушка. Какъ ни соблазнительно такое объясненіе, но мы не рѣшаемся принять его, потому что малоруссы доселѣ употребляютъ слова навъ, навъскій, не допуская измѣненія начального звука. Справедливѣе производить это названіе отъ малъ, малый; въ областныхъ говорахъ малко — ребенокъ (мальчикъ, малышъ), малка — малорослая женщина или корова ²⁾; звукъ л въ малорусскомъ нарѣчій переходитъ въ в, какъ и во многихъ другихъ рѣченіяхъ: русавка вмѣсто русалка, вовкъ — волкъ, мовчатъ — молчать, и т. дал. Такимъ образомъ мавка означаетъ малютку, карлика — существо, подобное лу-

¹⁾ Черты литов. нар., 89. — ²⁾ Обл. Сл., 110; Доп. обл. сл., 109.

жидкимъ людкамъ. Мавки сопутствуютъ русалкамъ и стараются мстить живымъ людямъ за то, что допустили ихъ умереть некрещеными и лишили небеснаго царства. Въ лѣтнее время онѣ плаваютъ въ ночные часы на поверхности рѣкъ, источниковъ и озеръ и плещутся водою, а въ Зеленую или русальную недѣлю бѣгаютъ по полямъ и нивамъ, съ печальнымъ возгласомъ: «мене маты породыла, некрещену схоронила!» Тѣ изъ нихъ, которыя тотчасъ послѣ рожденія были потоплены своими невѣнчанными матерями (дѣвками), любятъ колыхаться на берегахъ, причитывая:

Новыи бильца,
Нове барыльце; ¹⁾
Мене маты не колыхала, ²⁾
Да въ воду пускала!

Тамъ, гдѣ танцуютъ мавки, трава растетъ зеленѣе и гуще — точно также, какъ и на мѣстахъ хороводовъ, водимыхъ эльфами ³⁾. Есть повѣрье, что скорлупу отъ выѣденнаго яйца не должно бросать въ воду, не раздавивши напередъ; а то русалки построютъ себѣ изъ этой скорлупы корабликъ и будутъ на немъ плавать ⁴⁾: любопытный отголосокъ древняго преданія о переправѣ усопшихъ въ надземный міръ — по волнамъ воздушнаго океана; русалки, какъ эльфы-души, представляются здѣсь такими малютками, что яичная скорлупа можетъ служить для нихъ кораблемъ. Олицетворяя собою души, ли-

¹⁾ Било—колотушка, бирило—боченокъ. — ²⁾ Не баюкала въ колыбели. — ³⁾ Рус. Бес. 1836, III, ст. Максимовича, 96—97; Киев. Г. В. 1845, 15; Вороч. Г. В. 1850, 16; Шафарикъ въ статьѣ о русалкахъ—въ Часописи чешск. музея, 271; Терещ., VI, 124—5; Пасекъ, III, 189. По разсказамъ гуцуловъ, майки—прекрасны, стройны и рѣзвы, носятъ тонкія, прозрачныя платья и убираютъ свои длинныя, распущенныя по плечамъ косы весенними цвѣтами. Онѣ заботятся о благосостояніи полей и стадъ, и какъ только растутъ свѣга—являются въ горы и долины, засѣваютъ травы и даруютъ урожай. Онѣ воруютъ по ночамъ ленъ, прядутъ нудели, ткутъ и бѣлятъ полотна, и вьютъ вѣтки—Пантеонъ 1855, V, 49. — ⁴⁾ Терещ., VI, 126; Иллюстр. 1846, 171.

шенныя доступа въ райскія обители и потому осужденныя вѣчно блуждать, эльфы съ тоскливымъ чувствомъ сомнѣнія ожидаютъ помилованія на страшномъ судѣ и спрашиваютъ у встрѣчныхъ: могутъ ли они надѣяться на спасеніе при кончинѣ міра? Подобно тому въ астраханской губ. рассказываютъ о морскихъ русалкахъ, что онѣ выплываютъ на поверхность воды и допрашиваютъ мореходцевъ: скоро ли будетъ свѣтопреставленіе? ¹⁾ Сверхъ того, и многія другія черты указываютъ на отождествленіе русалокъ съ душами усопшихъ. Одна изъ пѣсень, которую поютъ на Троицкой недѣлѣ, называетъ ихъ земляночками, т. е. обитательницами подземнаго міра мертвыхъ:

Русалочки, земляночки,
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забилися ²⁾.

Мы знаемъ, что душа носится по смерти блуждающимъ огнемъ; въ приднѣпровской Руси о блуждающихъ огняхъ, особенно о тѣхъ, которые свѣтятся по ночамъ на могилахъ и курганахъ, утверждаютъ, будто они разводятся русалками съ цѣлюю приманить къ себѣ путника ³⁾. Приношенія, дѣлаемыя русалкамъ, напоминаютъ покормы мертвыхъ. Какъ душа покойника, до удаленія своего изъ-подъ роднаго крова, питается паромъ поминальныхъ блиновъ; такъ для русалокъ кладутъ на окна горячіи хлѣбъ, думая, что онѣ насыщаются его паромъ ⁴⁾. На русальной недѣлѣ, поминая утопленниковъ и удавленниковъ, родичи, за упокой души этихъ несчастныхъ, бьютъ на нихъ могилахъ красныя яйца и призываютъ русалку:

Русалка-царица,
Красная дѣвица!
Не загуби душки,
Не дай удавитца;
А мы тебѣ кланяемся.

¹⁾ Собр. 1852, I, 123. — ²⁾ Рус. Бес. 1856, III, 100. — ³⁾ Терещ., VI, 129; Пассекъ, III, 190. — ⁴⁾ Терещ., VI, 126.

Часть поминальныхъ блиновъ оставляется на могилѣ въ жертву русалкѣ ¹⁾. Кто на русальной недѣлѣ забываетъ о своихъ покойникахъ и не дѣлаетъ имъ приношеній, тому мстятъ русалки ²⁾. При отправленіи обрядовыхъ проводовъ русалокъ, женщины произносятъ похоронныя причитанія и, распустивъ свои косы, съ плачемъ припадаютъ къ землѣ, «какъ-бы къ могиламъ» ³⁾.

Въ бурномъ полетѣ тучъ, разбрасывающихъ молниеносныя стрѣлы и какъ-бы погоняющихъ одна другую, древніе германцы видѣли битвы неистоваго воинства или дикую охоту грозовыхъ духовъ. Въ этихъ битвахъ и охотѣ принимаютъ участіе и души усопшихъ; разставаясь съ земною жизнію, онѣ возвращаются къ стихійнымъ элементамъ, и какъ вѣяніе вѣтра (=дыханіе) и летучее пламя (нѣкогда согрѣвавшее тѣло внутренней теплотой) несутся въ грозѣ, устремляясь въ блаженное царство свѣта. Въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи неистовое воинство извѣстно подъ названіями: *nachtvolk*, *toten(toden)volk*, *totenschar*. Въ Валлисѣ появленіе его считается предвѣстіемъ чьей-либо близящейся кончины. Въ его быстромъ воздушномъ поѣздѣ, при звукахъ грозовой пѣсни (*sturmlied*), съ шумомъ мчатся тѣни умершихъ всѣхъ состояній, половъ и возрастовъ, и сама костлявая Смерть выступаетъ впереди со скрипкою въ рукахъ, или, сидя на совѣ, она заключаетъ шествіе. Воданъ, предводитель дикаго сборища, также представляется чародѣйнымъ музыкантомъ, который игрою своею приманиваетъ къ себѣ дѣтей (=души, олицетворяемыя малютками, карлайи), побуждаетъ всѣхъ къ оживленной пляскѣ, и потомъ, вмѣстѣ съ увлеченными дѣтьми и со всею свитою, скрывается въ горы и озера, т. е. въ дождевыя облака. Какъ дикой охотникъ, онъ гонится за душами усопшихъ, за-

¹⁾ Ibid., 134; Рус. прост. праздн., IV, 13; Моск. Вѣст. 1827, VI, 358. — ²⁾ Сахаров., II, 83. — ³⁾ Ibid., 94.

хватываетъ ихъ, какъ свою добычу, и въ этомъ смыслѣ отождествляется съ адскимъ ловчимъ — сатаной (*infernalis venator*), который въ сопровожденіи чертей охотится за христіанскими душами. Сага рассказываетъ о двухъ дѣтяхъ, которыя лежали на перекресткѣ; одно изъ нихъ пошло въ крѣпкомъ сномѣ. Вдругъ послышался шумъ приближающейся толпы: это былъ *nachtvolk*. «Надо разбудить ребенка!» кричалъ одинъ голосъ. — Нѣтъ! отвѣчалъ другой голосъ, онъ и такъ скоро за нами послѣдуетъ. И дѣйствительно дитя вскорѣ умерло. Въ Норвегій предводителемъ неистоваго воинства является Торъ. Подобно тому, по индѣйскимъ вѣрованіямъ, души усопшихъ участвовали въ воздушныхъ поѣздахъ Рудры и Индры; по сказанію же древнихъ грековъ, онѣ сопровождались чрезъ воздушныя пространства Гермесомъ, и еще нынѣ народное греческое повѣрье заставляетъ Харона вести тѣни умершихъ въ полетѣ облаковъ. Блаженные герои, поступающіе по смерти въ сообщество Одннн, продолжаютъ въ небесной валгаллѣ воинственныя игры. Они состязаются въ битвахъ и поражаютъ другъ друга; падшихъ воскрешаетъ валькирія *Hildur*, и они снова вступаютъ въ борьбу, и такъ должны они сражаться во все дни до разрушенія вселенной. Въ Турингіи есть народная сага о битвѣ между кроатами и шведами: однажды въ году въ полночь пробуждаются отъ смертнаго сна нѣкогда-убитые и погребенные ратники и сражаются до тѣхъ поръ, пока не пробьетъ часъ; съ ударомъ колокола они погружаются въ нѣдра земли и цѣлый годъ лежатъ въ невозмутимомъ покоѣ. Довнынъ солдаты, вѣсто: «умереть», говорятъ: *zug grossen агшее gehen*. Въ Литвѣ существуетъ много разказовъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ старину происходили кровавыя побоища, въ нынѣшнее время показываются вооруженные всадники, выѣзжающіе на коняхъ изъ своихъ вѣковыхъ могилъ. У латвовъ привидѣнія, загробные духи (*johdi* и *murgi*) изображаются

добрые, и злые; первые являлись спутниками боговъ и поочинали толпы сопровождающих ихъ духовъ (рибу и маруть), а послѣдніе примыкали къ полчищамъ стихійныхъ демоновъ (великановъ, драконовъ, дверговъ) и вмѣстѣ съ ними творили ночную тьму, посылали стужу, непогоду, градъ, разрушительныя бури и отымали у земли плодородіе. Такъ и благодатныя, и вредоносныя силы природы приписывались дѣятельности блуждающихъ душъ ¹⁾. Позднѣе, преимущественно уже въ эпоху христіанства, участіе въ неистовомъ воинствѣ было ограничено душами-некрещеныхъ младенцевъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ: опойцевъ, самоубійцъ, притѣснителей, забіякъ, завистниковъ и лжецовъ. Некрещеныя дѣти вступаютъ сюда, какъ неосвященныя христіанскимъ таинствомъ и потому остающіяся подъ властью языческихъ боговъ; самоубійцы, грабители, охотники до ссоръ и дракъ стоятъ въ связи съ представленіемъ бурныхъ и грозовыхъ духовъ существами буйными, неистовыми, склонными ко всегдашнимъ битвамъ и насиліямъ, — точно также, какъ опойцы намекаютъ на ту жадность, съ какою эти духи опиваются небеснымъ виномъ — дождевою влагою. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи существуютъ повѣрья: если три дня сряду дуютъ сильныя, непрерывныя вѣтры — это вѣрный знакъ, что кто-нибудь повѣсилъся; какъ скоро повѣсятъ преступника, тотчасъ-же возстаетъ буря, т. е. душа-вѣтръ, исторгнутая изъ тѣла чрезъ задушеніе, устремляется въ бурномъ полетѣ въ небесныя пространства. Этотъ родъ смерти былъ посвященъ Одну: кто вѣшался, тотъ по собственному произволу предавалъ себя Одну, поступалъ въ его воздушную свиту ²⁾. Русскіе поселяне и чехи утверждаютъ, что велѣдъ за тѣмъ, какъ человѣкъ повѣсится, удавится или утопится, начинаются грозы, вихри и не-

¹⁾ German. Mythen, 167, 719, 727. — ²⁾ Ibid., 270; Die Windgottheiten bei indogerman. Völkern, 5.

погода; самоубійць нѣтъ покоя въ могилѣ, онъ осужденъ по-
святъ въ бурѣ и терпѣть мѣки отъ влхъ демоновъ ¹⁾. Когда
возникло много дѣлъ по преступленіямъ, которыя карались
смертію, галлы (по свидѣтельству Страбона) были убѣждены,
что земля дастъ богатый урожай; это потому, что значитель-
ное число казней увеличивало свѣту бога Тейтота (=кельт-
скаго Одина), которая составлялась изъ тѣней усепшихъ, и
летая въ грозовыхъ тучахъ, орошала землю дождями ²⁾. Дантъ
въ своей «Божественной комедіи» заставляетъ злодѣевъ вра-
щаться въ бурномъ, стремительномъ вихрѣ. По нѣмецкимъ
сагамъ, въ дикой охотѣ осуждены носиться души тѣхъ, кото-
рые во время земной своей жизни охотились въ воскресные
дни и въ бѣшеномъ удовольствіи не щадили ни засѣянныхъ
полей, ни имущества поселанъ. У чеховъ употребительна клят-
ва: «ani v hrobě rokoje mlti nebude!» ³⁾. Вообще мертвецы
у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ представляются блуж-
дающими ночными привидѣніями, которыя съ такою
же быстротою и легкостью появляются, какъ и исчезаютъ.
На Руси много преданій о мертвецахъ-полуночникахъ;
ночью, когда все покоится крѣпкимъ сномъ, они встаютъ изъ
могилъ, и свободно проникая сквозь затворенныя двери, посѣ-
щаютъ свои прежнія жилища, показываются своимъ неутѣш-
нымъ вдовамъ и невѣстамъ ⁴⁾, распоряжаются въ домахъ, слов-
но хозяева, и становятся въ двойкія отношенія къ живымъ лю-
дямъ: съ одной стороны они и за гробомъ сочувствуютъ и по-
могаютъ интересамъ своихъ родичей, а съ другой завидуютъ
ихъ наслажденіямъ, пугаютъ запоздалыхъ путниковъ и вре-
дятъ домашнему хозяйству. Въ опустѣлыхъ комнатахъ помѣ-
щичьихъ домовъ слышится шарканье усопшихъ владѣльцевъ.
Разсказываются трогательныя повѣсти, какъ умершія матери

¹⁾ Грималь, 35—36. — ²⁾ Галлы, соч. Георгіевскаго, 109. —

³⁾ Ирлечъ въ Часописи чешскаго музея 1863, 1, 6.—⁴⁾ Казан. Г. В.

приходили по ночамъ къ своимъ осиротѣлымъ дѣтямъ, мыли и чесали имъ головы, перемѣняли бѣлье и кормили ихъ грудью ¹⁾. Замогильные выходцы могутъ оставаться въ семь мѣръ только до предразсвѣтнаго крика пѣтуховъ, а какъ скоро онъ раздастся—тотчасъ-же исчезаютъ и прячутся въ гробахъ. Рѣдкій крестьянинъ согласится пойдти на кладбище послѣ солнечнаго заката. Такому тревожному блужданію предаются мертвецы особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда беззаботные потомки не совершаютъ посмертныхъ тризнъ (поминокъ), необходимыхъ для поддержанія ихъ стихійнаго существованія (см. т. II, стр. 77), или когда усопшіе бываютъ лишены погребальныхъ обрядовъ, долженствующихъ напутствовать ихъ въ страну блаженнаго успокоенія. Греки и римляне вѣрили, что мертвецы, лишенные погребенія или жертвенныхъ приношеній, скитаются въ видѣ призраковъ (ларвѣ) и наказываютъ своихъ потомковъ неурожаими и болѣзнями; въ ночной тишинѣ можно слышать ихъ страдальческіе вопли ²⁾. Въ качествѣ грозвыхъ духовъ, эльфы, цверги и мары выступаютъ въ то время, когда наплывающія на небесный сводъ облака и тучи превращаютъ свѣтлый день въ непроглядную ночь. Мракъ, производимый сгущенными облаками, сближался съ ночью; а эта послѣдняя была отождествляема съ понятіемъ Смерти, увлекающей души въ темныя области подземнаго (☿—облачнаго) аида. Отсюда объясняется: во первыхъ — смѣшеніе мертвецовъ съ нечистою силою мрака, и во вторыхъ—вѣрованіе, что ночь есть обычная пора ихъ странствованій; видѣтъ съ этими и луна, какъ «царица ночи», окруженная частыми звѣз-

1859. 7; Семеновъ, 36—37. — ¹⁾ Русск. Преданія, I, 79; Н. Р. Сл., VI, 65, f; Киевлян. 1865, 52. По мнѣнію чеховъ, мать, умершая послѣ родовъ, въ продолженіи шести недѣль приходитъ въ полночь и кормитъ грудью своего ребенка — Громаниъ, 116.—²⁾ Куланъ, 13, 22.

дами (въ которыхъ предки наши видѣли души усопшихъ), признана была за свѣтило, озаряющее загробный міръ. Греки считали Гекату (луну) богиней аида, и давали ей эпитетъ подземной (*χθονία*). По русскому народному выраженію, мѣсяцъ есть солнце русалокъ и утопленниковъ; выходя ночью изъ глубокихъ водъ, они грѣютъ свои прозябнувшіе члены при помощи его блѣдныхъ лучей; дневное-же свѣтило слишкомъ для нихъ жарко ¹⁾. Эльфы, ниссы и русалки любятъ ночную тишину и безмолвіе кладбищъ, и охотно танцуютъ при лунномъ свѣтѣ; первыхъ называютъ *stille volk* (сравни наше: покойники). Въ томской губ. существуетъ повѣрье, что на мѣсяцъ не слѣдуетъ смотрѣть долго; не то—онъ утащитъ къ себѣ, т. е. человѣка постигнетъ смерть ²⁾. По мѣтнію чеховъ, если мѣсяцъ свѣтитъ на спящаго, то сдѣлаетъ его лунатикомъ, т. е. бродячимъ въ лунныя ночи привидѣніемъ, или увлечетъ его на тотъ свѣтъ; при лунномъ затмѣніи ктонибудь увлекается въ загробный міръ. Звѣзда, усмотрѣнная около мѣсяца, и на Руси (въ кольскомъ уѣздѣ) и въ Богеміи принимается за предвѣстіе чьей-либо смерти ³⁾: примѣта, указывающая на водвореніе новой души въ томъ загробномъ царствѣ, гдѣ властвуетъ Геката. Индусы были убѣждены, что вмѣстѣ съ лучами мѣсяца и звѣздъ заглядываютъ въ ихъ окна блаженные предки. Въ пятнахъ луны народная фантазія видитъ тѣни святыхъ или грѣшниковъ, увлеченныхъ этимъ свѣтиломъ въ свой таинственный міръ. Древне-скандинавское преданіе свидѣтельствуетъ, что Мани (мѣсяцъ), примѣтивъ на землѣ двухъ дѣтей (*Bil* и *Hiuki*), которыя несли на шесть ведро воды, взялъ ихъ къ себѣ, и что они-то и видны на мѣсяцѣ. Шведы до сихъ поръ узнаютъ въ

¹⁾ Шафарикъ въ Часописи чешск. музея 1833, III, 271; Подсѣвничъ, альманахъ 1829 г., 92. — ²⁾ Этн. Сб., VI, 118. —

³⁾ Громанъ, 31.

лунныхъ пятнахъ двѣ человѣческія фигуры, несущія на палкѣ большое ведро ¹⁾. Въ Германіи рассказываютъ, что въ мѣсяцѣ видѣнъ воръ, который на Свѣтлое Воскресенье рубилъ въ чужомъ лѣсу дрова, и въ наказаніе за это нечестивое дѣло попалъ на луну, гдѣ и донынѣ стоятъ съ топоромъ за спиною и съ вязанкою хворосту въ рукахъ; въ другихъ мѣстностяхъ, вмѣсто вора, усматриваютъ тамъ человѣка, который въ воскресный день вязалъ вѣтники или раскидывалъ навозъ: въ первомъ случаѣ его представляютъ съ вѣтникомъ, а въ последнемъ — съ лопатою. Сюда примѣшиваются и библейскія сказанія: въ пятнахъ луны видятъ Каина съ вязанкою терновника за плечами, которую онъ несъ Богу, какъ самый худшій даръ отъ своего поля, или Исаака, обреченнаго на закланіе и несущаго беремя дровъ для собственнаго жертвеннаго костра ²⁾. По словамъ чеховъ, на мѣсяцѣ сидитъ святой Давидъ, играющій на гуслихъ, или человѣкъ съ охапкою хворосту, украденнаго наказунѣ Святотъ, или наконецъ воръ, выходившій въ лунную ночь похищать горохъ ³⁾. Русскіе поселяне думаютъ, что на лунѣ видѣнъ Каинъ, осужденный за убійство Авеля стоять тамъ до скончанія вѣка и трястись надъ его неповинною кровію, или по другому разсказу: было вѣкогда два брата; «старшій братъ на Великъ день, коли ще добри люде на утрени стояли, пошовъ надквнуть воламъ сына, та замисць сына проткнувъ вилами меньшого брата; такъ ихъ Богъ такъ и поставивъ укущи на мисяци — на видъ усему хрищеному міру, щобъ бачили, що и скотини грихъ јисти у такій великій празникъ, поки пасокъ

¹⁾ D. Myth., 679—680. Подобное-же преданіе встрѣчаемъ въ Запискахъ Вениаминова объ алеутахъ и колошахъ (стр. 86): разъ двое дѣтей, идучи за водою съ ведрами, отзывались съ неуваженіемъ о лунѣ; луна разгнѣвалась, сошла долу и схватила ихъ, отчего и видны на ней пятна. — ²⁾ D. Myth., 680—3; Die Götterwelt, 105. — ³⁾ Громаниъ, 28—29.

не посвящать.» Разсказъ этотъ варьируется и такъ: братья, отправившись за сѣномъ, поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ поднялъ другаго на вилы ¹⁾. Болгары въ пятназъ луны различаютъ черты лица недавно-скончавшагося на селѣ старика ²⁾. Вѣроятно, подъ вліяніемъ указаннаго воззрѣнія на луну, какъ на свѣтило темныхъ странъ анда, посвященный ей день — понедѣльникъ (*dies lunae, manendach, montag*) стали считать тяжелымъ, несчастливымъ ³⁾, тогда какъ наоборотъ воскресенье — день, посвященный дневному свѣтлу, признается легкимъ и счастливымъ.

Кромѣ Одина, во главѣ неистоваго воинства носятя, по народнымъ сказаніямъ, облачныя богини Гольда и Берта (*Berghta, Perahta*): и та, и другая представляются окруженными душами нерожденныхъ или усопшихъ людей. Гора, внутри которой—въ ярко-блистающей пещерѣ обитаетъ Гольда съ своимъ воинствомъ и малютками-душами, есть метафора грозоваго облака. Другое поэтическое представленіе ея жилища — колодець (источникъ, прудъ или озеро — дождевая туча), подъ водами котораго она владѣетъ чудеснымъ садомъ, усыяннымъ роскошными цвѣтами, преисполненнымъ сочныхъ и вкусныхъ плодовъ. По свидѣтельству нѣмецкой сказки, колодець Гольды ведетъ вверхъ — на небо, а не внизъ; когда черезъ этотъ колодець явилась къ ней дѣвица и Гольда за-

¹⁾ Статист. описаніе саратов. губ., I, 57; Ж. М. Н. П. 1851, X, 3; Маякъ, XII, 21; Иллюстр. 1846, 345; Основа 1862, IX, 26 („Наваръ Стодоля“). Ипатьевская лѣтопись, описывая лунное затмѣніе 1161 года (П. С. Р. Л., II, 90), говоритъ: „идяше бо луна... и посредѣ ея яко два ратьная съкущеса мечема, и одному яко кровь идяше наъ главы, а другому было аны влеко течаше.“ —

²⁾ Милладн., 525. — ³⁾ Въ понедѣльникъ не должно начинать дѣла и выѣзжать въ дорогу. „Посѣй въ понедѣльникъ, будешь безхлѣбникъ!“ говорятъ крестьяне — Рязан. Г. В. 1847, 48; D. Myth., 4092.

ставила ее перетряхать свою постель, то вмѣсто перьевъ посыпался на землю снѣгъ. Подводный садъ есть вѣчно цвѣтущій, пресвѣтлый рай — весеннее голубое небо, лежащее за дождевыми источниками (Gimill, Lichtland, Engelland, сказочный Glasberg ¹⁾), страна, гдѣ растутъ облачныя деревья, цвѣтутъ розы зори и яркіе цвѣты молній, и зрѣютъ золотыя, молодежавыя яблоки. У грековъ—это элизій (см. т. II, стр. 146), у индусовъ — блестящее небо Индры, въ которомъ возвышался его царскій замокъ (=валгалла) и цвѣлъ неувидаемый садъ; тамъ, подъ стѣною деревьевъ, пребываютъ души блаженныхъ, питаются живительной амритой; тамъ сіяетъ свѣтъ безъ конца, тамъ невѣдомы ни зима, ни печали, а живетъ вѣчная радость и счастье, и всякое желаніе находитъ немедленное удовлетвореніе. Вмѣсто сада упоминается и одно большое, густолиственное дерево, подъ которымъ (по свидѣтельству Ведъ) возсѣдаетъ Яма съ усопшими предками; царь блаженныхъ, онъ отождествляется въ гимнахъ съ богомъ Агни или Индрою и есть прародитель человѣческаго рода (см. II, 471). Смертные не иначе достигаютъ въ райскія селенія Гольды, какъ черезъ глубокой колодець; сюда приходятъ она души усопшихъ и отсюда-же посылаетъ на землю младенческія души вновь-нарождающимся дѣтямъ. Въ этихъ индическихкихъ представленіяхъ кроется основа вѣрованія, что души новорожденныхъ приносятся изъ родни и ковъ и колодецвъ. Почти въ каждой деревнѣ въ Германіи указываютъ kinderbrunnen, изъ котораго являются въ семьи маленькіе братцы и сестрицы. Замѣчательны названія, даваемые этимъ источникамъ: Hollenteich, brunnen der Spilla-

¹⁾ Engelland=England, Albion—страна альбовъ (эльфовъ), въ позднѣйшемъ, подновленномъ смыслѣ: ангеловъ; сравни преданіи объ островѣ Буявъ и разсказъ о перевозѣ душъ на островъ Brittia (I, 575).

holle (=Spinde'-Holda ¹⁾, Gütchenteich ¹⁾); во Фленсбургѣ думаютъ, что младенцы, до появленія своего на свѣтъ божій, плаваютъ въ колодцахъ какъ маленькія рыбки. Въ Ольденбургѣ и Фрисландѣ увѣряютъ, что дѣти приносятся изъ прудовъ, болотъ и моря. Такъ какъ души представлялись птицами и бабочками, то естественно было возникнуть убѣжденію, что именно при посредствѣ птицъ или бабочекъ прилетаютъ онѣ изъ небесныхъ странъ и вселяются въ тѣла новорожденныхъ, а покончивъ земную жизнь—на ихъ-же легкихъ крыльяхъ возносятся въ свое прежнее отечество. Нѣмцы считаютъ приносителями младенческихъ душъ: во 1-хъ, бѣлаго мотылька (miller-shaler) и во 2-хъ, аиста, какъ птицу, поставленную въ самую близкую связь съ мнѣемъ о низведеніи съ неба грозоваго пламени (1, 494). Своимъ длиннымъ клювомъ аистъ достаетъ изъ колодца малютку: шу и приноситъ ее въ домъ, гдѣ долженъ родиться младенецъ. По рассказамъ чеховъ, новорожденныхъ младенцевъ приносятъ аистъ, ворона, сорока и коршунъ (luňak); если ворона летаетъ возлѣ оконъ, это принимается за предвѣстіе, что въ скоромъ времени въ домѣ будетъ беременная женщина; этой-же птицѣ приписывается и похищеніе маленькихъ дѣтей. Въмѣсто глагола «умереть» чехи употребляютъ выраженіе: «svět s divokými husami hlidati». На Руси утверждаютъ, что душа убитаго ребенка возносится на небо голубями. Въ нѣмецкой мнѣологій обязанность сопровождать въ валгаллу души убитыхъ героевъ возлагается на лебединыхъ дѣвъ—валькириій, и самый лебедь изображается въ народныхъ сказаніяхъ—то какъ приноситель дѣтей, то какъ проводникъ усопшихъ на тотъ свѣтъ; такъ въ одномъ старинномъ романѣ онъ влечетъ ладью съ мертвымъ рыцаремъ. Сходно съ этимъ, поляки рассказываютъ о прекрасной

¹⁾ Gütchen, gütetel=guoten, holden.

дѣвъ-канѣ (коршунѣ), которая является по вечерамъ въ сѣла, приманиваетъ дѣтей лакомствами, одѣваетъ ихъ облакомъ и увлекаетъ съ собою. Кромѣ птицъ, роль душепринесителей исполняютъ у чеховъ лисица, а у нѣмцевъ заяцъ — зооморфическія олицетворенія грозовыхъ силъ природы. Эльфы и кобольды нерѣдко появляются въ видѣ трехногихъ зайцевъ, съ блестящими, огненными глазами. Въ Обергарцѣ указываютъ *Nasenteich*, въ водахъ котораго сидятъ нерожденные дѣти; а въ Швабіи увѣряютъ, что дѣти достаются изъ заячьихъ гнѣздъ. Рядомъ съ этими данными, заяцъ принимается за воплощеніе духа, предвѣщающаго смерть, и въ народныхъ причтаніяхъ выступаетъ, какъ путеводитель въ блаженное царство *Engelland'a*. Другія нѣмецкія преданія говорятъ о цвѣтущихъ лугахъ и садахъ внутри горы, гдѣ играютъ и рѣзвятся нерожденные души, питаея медомъ изъ чашечекъ цвѣтовъ и сплетая для себя прекрасные вѣнки; оттуда, въ минуту разрѣшенія родильницы, выносятъ избранную душу повивальная бабушка (= богиня родовъ и судьбы — см. гл. XXV), и туда-же возвращаетъ ее, какъ скоро человекъ постигаетъ смерть. Въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи — на вопросы дѣтей, откуда явились ихъ новорожденные братцы и сестрицы? — принято отвѣчать, что они принесены изъ дупла стараго дерева (*kinderbaum*), у корней котораго бьетъ свѣтлый ключъ; если приложить тамъ ухо къ землѣ, то можно услышать радостные клики дѣтей, обитающихъ въ подземномъ мірѣ. На Руси, въ случаѣ подобныхъ-же распросовъ, говорятъ, что ребенка сняли съ дерева, словно сорѣвшій на немъ плодъ. Въ памятникѣ XVI вѣка упоминается *«Hauw Hollen baum»*. Это дерево, служащее мѣстопребываніемъ душъ, есть Иггдрасилъ, а бьющій возлѣ него источникъ — *Urdharbrunnen*. Объ эльфахъ известно, что они живутъ не только въ горахъ и подземельяхъ, но и въ

стволахъ деревьевъ, и выглядываютъ сквозь нихъ душистыя отверстія, т. е. зоркими молніями и солнечными лучами прорѣзываютъ пракъ облачныхъ лѣсовъ. Въ царствѣ подземныхъ карликовъ есть большой прекрасный садъ, гдѣ солнце сіяетъ еще ярче, чѣмъ на этомъ свѣтѣ, а деревья даютъ золотые цвѣты и золотые плоды; это — тотъ-же небесный садъ, что растеть на Glasberg'ѣ и состоитъ изъ золотыхъ и серебряныхъ деревьевъ. У одной женщины, говоритъ нѣмецкая сказка, были дочь да падчерица: первая—злая, вторая — кроткая и услужливая. Разъ падчерица, работая у колодца, уронила въ него веретено; по приказу мачихи, она бросилась за веретеномъ въ колодець — и очутилась подъ водою на цвѣтущемъ лугу, пришла къ Frau Holle и поступила къ ней въ услуженіе. Богиня помѣстила ее къ золото-пряхамъ (goldspinnerinnen), вмѣстѣ съ ними давала ей ѣсть жареную свинину, пила пивомъ и медомъ, а когда отпускала отъ себя — вывела ее въ золотыя ворота (Goldtor) и оросила дождемъ, такъ что она воротилась домой вся озолоченная, блестящая. Вслѣдъ за тѣмъ и завистливая дочь мачихи спустилась на дно колодца, но за свой злобный нравъ была помѣщена вмѣстѣ съ змѣями и жабами, не пила тамъ, не ѣла и не знала покоя ни днемъ, ни ночью; отпуская ее черезъ смоляныя ворота (Pechtor), Гольда вылила на нее котелъ смолы и сѣры, и мачихина дочь стала dreckiges mädchen. Основа сказки — та, что въ загробное царство Гольды, лежащее за дождевыми источниками, являются двѣ души добрая и злая: первая водворяется въ блаженной области свѣта (рай = ясное, весеннее небо) и становится золотою — осіянною солнечнымъ блескомъ, а послѣдняя поступаетъ въ туманное жилище демоническихъ змѣевъ (Nebelwohnung = адъ) и осуждается пребывать среди постоянной иглы и ненастья. Свинина — яства блаженныхъ геро-

евъ, обитающихъ въ валгаллѣ, а медь — ихъ безсмертный напитокъ; золотыя пряхи — вѣщія норны, дѣвы судьбы. Варианты приведенной сказки вмѣсто золотыхъ воротъ ставятъ прямо небо, а вмѣсто смоляныхъ воротъ—адъ или пекло; у доброй сестры (точно также, какъ у самой богини Зори) падаютъ изо рта куски золота, слезы катятся перлами, а подъ стопами ея вырастаютъ свѣжія розы, т. е. блаженная душа вселяется въ ту райскую обитель, откуда восходитъ Солнце, и сливается съ его золотистыми лучами и розовыми красками дневнаго разсвѣта; слезы-перлы означаютъ утреннюю росу. Напомини, что и Goldtog есть не болѣе, какъ поэтическая метафора солнечнаго восхода: это—тѣ небесныя врата, которыя каждый день отворяетъ на востокъ богиня Зоря и въ которыя выѣзжаетъ свѣтозарная колесница Солнца. Напротивъ у злой сестры падаютъ изо рта змѣи и жабы, т. е. градъ, свѣгъ и дождь (сравни гл. XXVI). Такимъ образомъ и за гробомъ души удѣрживаютъ присущій имъ характеръ: добрый или злой, и смѣшиваясь съ стихійными силами природы, заявляютъ себя то какъ существа божественныя, свѣтлыя, то какъ темныя демоны. Позднѣе, подъ вліяніемъ нравственныхъ началъ, это представленіе породило вѣру, что души усопшихъ въ царствѣ Гольды получаютъ награду и наказаніе за свою земную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и сама Гольда стала изображаться съ двойственнымъ характеромъ: то какъ дружелюбная богиня, дарующая счастье и блаженство, то какъ злая, карающая вѣдма (Смерть); она увлекаетъ къ себѣ живыхъ людей, и преимущественно добычею ея становятся дѣти (=малютки-души). Позади колодца Гольды тѣни усопшихъ ищутъ вѣчно-цвѣтущихъ луговъ и вѣчно-зеленаго сада, но достигаютъ туда только одни добродѣтельные. Этотъ небесный садъ (=рай) преисполненъ роскошными цвѣтами и плодами даже въ ту пору, когда на землѣ бываетъ всемертвящая, холодная зима.

Народная сага рассказываетъ, какъ однажды зимою поѣхали крестьяне въ лѣсъ за дровами и взяли съ собою ребенка; окончивъ работу, они примѣтили, что дитя куда-то скрылось, и долго не могли найти его; наконецъ ребенокъ прибѣжалъ къ нимъ, неся въ рукахъ цвѣты и ягоды, которые дала ему бѣлая дѣва изъ своего чудеснаго сада, что стоялъ въ полномъ цвѣту, не смотря на суровое время года. Съ той поры ребенокъ томился непрестаннымъ желаніемъ посѣтить бѣлую дѣву и вскорѣ умеръ. Другая сага упоминаетъ о матери, которая, отыскивая своего ребенка, вошла въ пещеру, гдѣ блисталъ яркой свѣтъ и было множество дѣтей; посреди ихъ сидѣла прекрасная бѣлая жена, она держала на колѣнахъ потеряннаго мальчика, и возвращая его матери, дала ему цѣлую горсть вишенъ. Всегда-зеленѣющіе и цвѣтущіе луга, по свидѣтельству Эдды, находятся возлѣ Асгарда; въ Швеціи донинѣ рассказываютъ о зачарованныхъ садахъ эльфовъ: сорокъ лѣтъ жизни, проведенной въ этихъ садахъ, кажутся не болѣе часа. Соответственно тому, у кельтовъ находимъ преданіе о «странѣ вѣчной юности», проживая въ которой никто не старѣется; эта страна (= царство блаженныхъ) населена эльфическими духами и лежитъ подъ водою; тамъ вѣчно сіяетъ солнце, вѣчно зеленѣютъ и цвѣтутъ луга и деревья; оттуда приносятся весною растительныя сѣмена на землю и тамъ сберегаются они во все продолженіе зимы. Люди, которые попадали съ страну юности и пребывали тамъ многіе годы, думаютъ, что они насладились счастливою жизнію не болѣе быстролѣтнаго мгновенія; триста лѣтъ проходятъ тамъ, какъ единый день. При восходѣ солнца, оттуда прилетаютъ сальфы (= души) и пляшутъ на поверхности водъ, которыя остаются недвижными подъ ихъ легкими ногами. Души некрещеныхъ младенцевъ, по народному повѣрью, возвращаются къ Гольдѣ, а въ полетѣ нестоваго вош-

ства ее сопровождаютъ тѣни усопшихъ—не только дѣтей, но и взрослыхъ. Норвежскія и датскія саги знаютъ лѣсную или горную жену Hulla, Huldra, которая является иногда юною и прекрасною, а иногда старою и безобразною, съ длиннымъ хвостомъ, т. е. принимаетъ демоническій типъ Смерти или злобой, враждебной всему живому вѣдьмы: она забираетъ и уноситъ некрещеныхъ дѣтей, и нерѣдко выступаетъ, какъ королева горныхъ духовъ (—подземныхъ эльфовъ), называемыхъ Huldrefolk (исланд. Huldurfolk, Huldumenn). Въ Норвегii думаютъ, что души людей, не совершившихъ настолько добраго, чтобы удостоиться рая, и настолько злаго, чтобы попасть въ адъ, осуждены до конца мiра носиться по воздуху, и во главѣ ихъ ѣдетъ Gurugysse или Reisarova (guro, guggi, сканд. gífr—великанка), съ длиннымъ хвостомъ. Съ Гольдой родствена Perahla, кроткая царица карликовъ — Königin der heimchen. Въ то время, когда люди начинаютъ пахать землю сверху, она пашетъ ее своимъ плугомъ съ-всподу, т. е. занимается тою-же благословенною работою въ своемъ подземномъ царствѣ, или проще: съ возвратомъ весны она бороздитъ громовымъ плугомъ облачныя подземелья. Когда поселяне засѣваютъ поля, Перата разсыпаетъ на землю лучшiя сѣмена, т. е. орошаетъ землю сѣменемъ дождя и возвращаетъ ей тѣ плодосныя зерна, которыя въ теченiи зимы хранятся въ садахъ рая. По ея приказу, карлики (heimchen) увлажжаютъ поля и нивы, при засухѣ изводятъ изъ-подъ корней деревьевъ журчащiе ключи и даютъ плодородiе; они же куютъ подъ землею серебро и золото, и отъ жара ихъ кузнечныхъ горновъ вырастаютъ и зрѣютъ на земной поверхности роскошныя золотистыя колосья, т. е. урожай хлѣба есть плодъ весеннихъ грозъ, въ пламени которыхъ древнiй человекъ усматривалъ ковку небесныхъ металловъ. Съ удаленiемъ цверговъ (зимною или во время засухъ)

хлѣбъ не родится; но гдѣ только покажутся они, согрѣютъ землю подземнымъ огнемъ и откроютъ ея водныя жилы—тамъ почва становится урожайною. Ператѣ достаются дѣти, умершія безъ крещенія; она шествуетъ окруженная плачущими малютками и перевозитъ ихъ съ собою въ ладѣ—въ иной міръ ¹⁾. Нѣкогда у молодой женщины умерло единственное дитя; глубокое горе овладѣло сердцемъ матери, каждую ночь она приходила на могилу и такъ горько плакала, что казалось — самые камни могли бы тронуться ея печалью. Въ ночь передъ праздникомъ Трехъ королей она увидѣла шествующую съ дѣтми Перату; одинъ ребенокъ былъ въ мокрой сорочкѣ и несъ въ рукахъ полную кружку воды; усталый, онъ не въ силахъ былъ поспѣвать за прочими, и невольно остановился у ограды, черезъ которую направила свой путь Перата. Мать узнала въ немъ собственное дѣтище, поспѣшила къ нему на помощь, подняла и пересадила его на другую сторону. «Ахъ, какъ жарки материнскія объятія! воскликнулъ ребенокъ ²⁾); но прошу тебя — не плачь такъ много: я долженъ собирать твои слезы въ мою кружку, видишь — какая она полная и тяжелая, да и рубашка на мнѣ вся смочена твоими слезами!» ³⁾). Въ южной Россіи рассказываютъ о бѣдной матери, которая, схоронивъ своего

¹⁾ D. Myth., 246—254, 260, 282, 872, 884—5, 897—8; Die Götterwelt, 280—290; German. Mythen, 238—9, 321—343, 406—472, 667—670, 728—733; Beiträge zur D. Myth., I, 163—7, 171; Громанъ, 234; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 96—99, 107; Н. Р. Ст., VI, 56; Slov. rohan., 250—262. — ²⁾ Въ загробномъ мірѣ, у цверговъ, его касались только холодныя руки мертвецовъ. — ³⁾ Въ сказкахъ, собранныхъ братьями Гриммами, встрѣчаемъ одну („Das todtenhemdschen“) слѣдующаго содержанія: умеръ прекрасный, семилѣтній мальчикъ; опечаленная мать плакала по немъ дни и ночи, и вотъ въ ночное время явился онъ въ бѣломъ саванѣ и сказалъ ей: «ахъ, мама! перестань плакать; мой саванъ не высыхаетъ отъ твоихъ слезъ, и я не знаю покоя въ могилѣ».

любимаго сына, долго убивалась по немъ и неутѣшно плакала; въ полночь увидала она толпу мертвецовъ, шедшихъ съ кладбища; между ними былъ и ея сынъ: мальчикъ несъ полное ведро слезъ, наплаканныхъ его матерью. «Синови, по мнѣнiю поселянъ, тяжело, якъ мати по ёму тужить; а матери весело лежать, якъ дити плачуть по јій» ¹⁾). Въ другихъ мѣстностяхъ русскаго царства утверждаютъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ много плакать по мертвому; иначе затопишь его слезами, и ему тяжело будетъ на томъ свѣтѣ. Чехи убѣждены, что слезы, роняемая надъ усопшимъ, жгутъ его; сколько упадетъ на покойника слезъ, столько же пролетитъ на него капель кипучаго масла, когда онъ явится въ пекло. Однажды, когда вдова пришла на могилу своего мужа, онъ провѣщаль ей изъ-подъ земли: «ступай домой и прикажи дѣтямъ не плакать по мнѣ; пусть не дѣлають мнѣ тяготы!» ²⁾ На древнѣйшемъ метафорическомъ языкѣ дождь уподоблялся горючимъ слезамъ и кипятку, приготовляемому на грозовомъ пламени. Если во время похоронъ идетъ дождь — это, по словамъ чеховъ, ангелы плачуть о кончинѣ челоуѣка ³⁾. Поступая по смерти въ число стихiйныхъ духовъ, вращаясь вѣстѣ съ ними въ вертепахъ дожденосныхъ, громовыхъ тучъ (= въ пеклѣ), тѣни усопшихъ облакаются въ мокрые облачные покровы, безпокойно блуждаютъ среди мглы и тумановъ и обливаются кипучими слезами дожда. Загробныя страданiя, испытуемая усопшими отъ паденiя этихъ небесныхъ слезъ, позднѣе — при забвенiи смысла старинныхъ метафоръ — стали объясняться, какъ послѣдствiе неутѣшнаго плача осиротѣлыхъ родичей; рядомъ съ этимъ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи проливають на землю потоки дожда, получили значенiе погребальныхъ слезницъ.

¹⁾ Кулишъ, II, 42—44. — ²⁾ Громанъ, 192; Ирчекъ въ Часописи чешск. муз. 1863, I, 8; сравня *Weitgräbe zur D. Myth.*, I, 215. — ³⁾ Громанъ, 189.

Тѣже преданія о загробномъ царствѣ душъ и ихъ свѣтлой царицѣ встрѣчаемъ и у племенъ славянскихъ. Въ словѣ Кирилла Туровскаго сказано, что Христось, освобода души усопшихъ изъ ада, водворилъ ихъ въ странахъ эдемскихъ: «всѣхъ же языкъ душа(и) въ своемъ свѣтѣ на водахъ покойныхъ усели» ¹⁾, что соответствуетъ блаженному царству Гольды, лежащему за облачнымъ колодецемъ. Чехи разсказываютъ о колодецѣ, гдѣ непремѣнно каждый годъ топится хотя одна дѣвица, которую призываетъ къ себѣ бѣлая пани; эта бѣлая пани показывается взрослымъ женщинамъ передъ ихъ кончиною ²⁾. Сверхъ того, души утопленниковъ (по мнѣнiю чеховъ) поступаютъ къ водяному, который держитъ ихъ подъ водою въ опрокинутыхъ горшкахъ (=дождевыхъ урнахъ); когда душа ускользнетъ изъ заключенiя — она, какъ существо воздушное, выходитъ изъ воды въ видѣ пузыря. И по нѣмецкому повѣрью, души заключены въ горшкахъ въ жилищѣ wassermann'a. Въ Гамбургѣ, сидя подъ мостомъ, водяной таскаетъ мотыкою дѣтей въ воду и сажаетъ ихъ подъ старые горшки. Только по субботамъ, отъ двѣнадцати до часу, могутъ выходить эти малютки и играть на берегу, но водяной зорко сторожитъ ихъ и снова гонитъ въ темницу. Сказанiя о заклятыхъ или осужденныхъ духахъ (эльфахъ, кобольдахъ), заточенныхъ въ сосудахъ, откуда раздаются ихъ жалобные голоса, извѣстны почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ ³⁾. Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о колодезномъ срубѣ, заглядывая въ который дѣвица, рѣшившаяся раздѣлить съ умершимъ княземъ его погребальное ложе, видѣла по ея словамъ прекрасный зеленый рай, а въ раю своихъ покойныхъ предковъ; въ ихъ средѣ видѣла она и недавно-скончавшагося князя, который призывалъ ее къ себѣ ⁴⁾. По чешскимъ преданiямъ

¹⁾ Памят. XII в., 66—67.— ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148.—

³⁾ Громанъ, 12; Beitrage zur D. Myth., II, 293, 297. — ⁴⁾ Стр. 17.

пав—страна усопшихъ есть *zelena louka*; этотъ «зеленой лугъ» въ моравскихъ пѣсняхъ представляется, какъ обиталище добродѣтельныхъ душъ. Враги народа были въ тоже время и врагами его національныхъ боговъ; поэтому они, а равно и всѣ злые люди, нарушившіе святость семейныхъ узъ, не принимались въ райскіе луга, а шли въ черную ночь, т. е. въ адскіе вертепы черныхъ тучъ, облегающихъ свѣтлое небо ¹⁾. По свидѣтельству народныхъ легендъ, мѣста будущей жизни, приготованныя для добродѣтельныхъ и грѣшныхъ, находятся у колодцевъ. Для посмертнаго пребыванія первыхъ предназначены студенцы съ чистой ключевой водою, при которыхъ растутъ благоухающіе цвѣты, зрѣютъ на деревьяхъ вкусные плоды и поютъ райскія птицы; а грѣшники будутъ ввержены въ колодцы, наполненные змѣями, жабами, лягушками и другими гадами. Итакъ одинъ и тотъ-же поэтическій образъ, только съ различною обстановкою, прилагается и къ раю—вирію, и къ аду—пеклу ²⁾. Праведныхъ ожидаетъ у райскихъ источниковъ такое полное блаженство, что время для нихъ какъ-бы перестанетъ существовать: годъ будетъ пролетать, какъ единый неуловимый мигъ, а триста лѣтъ покажутся за три счастливыя минуты. Такую нечувствительность къ полету времени, по указанію валахской сказки, испытываетъ дѣвочка, водворенная въ рай у пресв. Богородицы ³⁾. На одну

¹⁾ Громаниъ, 195. — ²⁾ Н. Р. Лег., 3, 21 и стр. 124, 128. Райскому колодцу соответствуетъ *Urdharbrunnen*, адскому—*Hvergelmir* (*Germ. Myth.*, 550). По словамъ гуцуловъ, мавки обитаютъ въ пещерахъ, гдѣ журчатъ прозрачные источники и растутъ чудные сады и виноградники—Пант. 1855, V, 49. — ³⁾ Св. Дѣва взяла съ собой дѣвочку и спрашиваетъ ее однажды: гдѣ ты была? — Я пробыла одинъ день въ раю, отвѣчала дѣвочка. „Не одинъ день, а цѣлый годъ!“ возразила Богородица. Въ другой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣва: гдѣ ты была?—Я пробыла одинъ часъ въ раю. „Не часъ, а три человѣческихъ жизни!“ Въ третій разъ на слова дѣвочки: „я на одно мгновеніе побывала на небѣ“ — Пресв.

изъ лубочныхъ картинъ занесено преданіе о старцѣ, который молилъ Бога, чтобы даровалъ ему извѣдать сладость будущаго блаженства; Богъ исполнилъ его желаніе: разъ старецъ заслушался пѣнія райской птички, слушалъ—слушалъ, и триста лѣтъ пронесли для него, какъ три часа ¹⁾. Наоборотъ муки адскія такъ ужасны, что грѣшнику, который имъ подвергается, одинъ день казни кажется цѣлымъ тысячелѣтіемъ ²⁾. Преданія о древней богинѣ, парицѣ малютокъ—душъ, въ среднія вѣка были перенесены на Пречистую Дѣву, а души блаженныхъ (свѣтлые зльфы) стали представляться ангельчиками. Божія Матерь собираетъ къ себѣ души нерожденныхъ, которыя въ видѣ дѣтей возсѣдаютъ на ея колѣнахъ, и души усопшихъ, которыя слѣдуютъ за нею въ царство небесное, въ вѣчно-зеленые сады райа. Въ Кельнѣ разсказываютъ, что новорожденныхъ младенцевъ приносятъ изъ колодца, находящагося у церкви св. Куниберты; тамъ, до своего рожденія, сидятъ они вокругъ Богоматери, которая кормитъ ихъ кашею и забавляетъ играми; въ этомъ колодцѣ свѣтло, какъ въ ясный день ³⁾. Чехи убѣждены, что когда умретъ некрещеное дитя—его принимаетъ Пречистая Дѣва и уноситъ въ свою небесную обитель, что на томъ свѣтѣ — въ райскихъ садахъ она раздаетъ усопшимъ дѣтямъ яблоки, вишни и землянику. Если оставшаяся въ живыхъ мать вкушаетъ эти плоды до Иванова (или Успеньева) дня, то Богородица обдѣляетъ ея умершихъ дѣтей ⁴⁾. Тоже повѣрье извѣстно и нѣмцамъ: на Ивановъ день Богородица ведетъ усопшихъ дѣточекъ въ рай угощать земляникою, а тѣмъ, чья мать уже вкусила ягодъ, приказываетъ:

Дѣва замѣчаетъ: „ошибаешься, дитя! не мгновеніе, а полувѣчности провела ты въ жилищѣ блаженныхъ“.

Сличи Сри. припов., 113—4. —¹⁾ У народовъ романскихъ есть такое-же преданіе о пустыинникѣ, который заслушавшись въ лѣсу соловья, впалъ въ сладкое забытіе на цѣлыя сто лѣтъ, и когда очнулся—все въ этомъ мірѣ было для него ново и незнакомо. — ²⁾ Пав. стар. рус. литер., I, 109. — ³⁾ Die Götterwelt, 280. — ⁴⁾ Громанъ, 106, 113; День 1864, 43.

«воротитесь назад! ваша доля уже съѣдена вашей лакомою матерью.»¹⁾ По русскому повѣрью, младенцы, какъ совершенно-безгрѣшные, идутъ по смерти въ рай, и въ простомъ народѣ существуетъ убѣжденіе, что души ихъ гуляютъ по небеснымъ вертоградамъ и питаются гроздіями спѣлаго винограда и золотыми яблоками; не слѣдуетъ, говорятъ, хоронить умершихъ дѣтей неподпоясанными, чтобы они могли собирать за пазуху райскіе плоды²⁾. Мать, у которой умеръ ребенокъ, не должна ѣсть яблокъ до втораго Спаса; не то Богородица не дастъ ея ребенку золотого яблочка, какими даритъ она на Спасовъ день всѣхъ водворенныхъ въ рай малютокъ. Въ дополненіе къ выше-приведенной сказкѣ о двухъ сестрахъ доброй и злой и ихъ пребываніи въ царствѣ Гольды, должно указать на слѣдующую, въ высшей степени любопытную вариацию того-же мѣта. Была мать, говоритъ словацкая сказка³⁾; у ней было двѣ дочери: одна — родная, а другая — падчерица. Собственную дочь она очень любила, а падчерицу просто не могла видѣть, потому что послѣдняя, Марушка, была гораздо красивѣе, чѣмъ ея Голена. Добрая Марушка не знала о своей красотѣ и не могла объяснить себѣ, почему мачиха такъ злилась, какъ скоро она попадалась ей изъ глаза. Она должна была отправлять всѣ работы: убирать комнаты, варить, шить, прать, ткать, приносить траву и заботиться о коровѣ; а Голена только наряжалась и оставалась постоянно къ праздности. Марушка трудилась охотно, и терпѣливо, словно овечка, переносила ругательства и проклятія мачихи и сестры. Но это не помогало; день ото дня онѣ становились злѣе, потому что чѣмъ далѣе, тѣмъ Марушка дѣлалась прекраснѣе, а Голена дурнѣе. Вздумалось матерн: «зачѣмъ я должна терпѣть въ

¹⁾ German. Mythen, 428. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 332. — ³⁾ Westsl. Märch., 20—26; Slov. pohad., 296—306; сравни у Эрбена, 293; въ сборн. Валявца, 221—2.

моемъ домѣ красивую падчерицу, если моя родная дочь далеко не красавица? Прійдутъ парни свататься, Марушка станетъ имъ нравиться, и они не захотятъ Голены». Съ той минуты мачиха съ дочкою искали случая, какъ-бы извести бѣдную Марушку; мучили ее голодомъ, били ее, но она все терпѣла и день ото дня становилась прекраснѣе. Однажды—это было въ срединѣ зимы—захотѣлось Голенѣ имѣть фіалки: «ступай, Марушка, принеси мнѣ изъ лѣсу пучокъ фіалокъ! я хочу заткнуть цвѣты за поясъ и обонять ихъ запахъ.»—Ахъ, Боже! что тебѣ вздумалось, милая сестрица? я никогда не слыхала, чтобы фіалки росли между снѣгами, отвѣчала бѣдная дѣвушка. «Ты смѣешь спорить, негодная тварь, жаба! когда я приказываю. Если ты не пойдешь въ лѣсъ и не принесешь фіалокъ, то я убью тебя до смерти!» угрожала Голена. Мачиха схватила Марушку, вытолкнула ее вонъ и заперла за нею двери. Горько плача, пошла дѣвица въ лѣсъ. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видать было слѣдовъ ноги. Долго блуждала бѣдная; она чувствовала и холодъ и голодъ, и молила Бога, чтобы онъ взялъ ее лучше со снѣга. Замѣтивъ вдали огонь, она пошла на его блескъ и поднялась на вершину горы. На горѣ пылалъ большой костѣръ, а кругомъ огня на двѣнадцати камняхъ сидѣли двѣнадцать мужей: трое—старые, съ сѣдыми бородами, трое—немного помоложе, еще трое—возмужалыхъ лѣтъ, и наконецъ трое—самые юные и красивые. Они молчали и тихо смотрѣли на огонь. Это были двѣнадцать Мѣсяцевъ. Ледяной Мѣсяць (Ледень = генварь) сидѣлъ всѣхъ выше на первомъ мѣстѣ; волосы и борода его были бѣлы, какъ снѣгъ; въ рукахъ держалъ онъ жезлъ—символъ власти. Нѣсколько времени Марушка стояла въ изумленіи, но потомъ собралась съ духомъ, приблизилась и стала просить: «добрые люди! позвольте мнѣ обогрѣться у огня; я вся дрожу отъ холоду!» Ледяной Мѣсяць кивнулъ головою и спросилъ: «какъ ты, дѣвица,

сюда зашла? и чего ищешь?» — Я ишу фіалокъ, отвѣчала Марушка. — Теперь не время искать фіалокъ! вездѣ снѣгъ лежитъ», сказала Ледяной Мѣсяць. — Я сама это хорошо знаю, отвѣчала печально Марушка; но моя мачиха и сестра Голеня приказали мнѣ принести лѣсныхъ фіалокъ; если я не принесу, онѣ убьютъ меня до смерти. Государи пастухи! умоляю васъ, укажите — не могу ли я гдѣ-нибудь отыскать фіалокъ? Тогда Ледяной Мѣсяць поднялся съ камня, подошелъ къ самому юному Мѣсяцу, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Мартъ! сядь на первое мѣсто.» Мѣсяць Мартъ занялъ мѣсто выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ тотъ-же мигъ огонь запылалъ сильнѣе, снѣгъ началъ таять, на вѣткахъ стали показываться почки, подъ деревьями зазеленѣла трава, цвѣты пустили свои ростки — и вотъ наступила весна. Межъ кустарниковъ зацвѣли фіалки — ихъ было такъ много, такъ много, словно кто голубой коверъ разостлалъ. «Скорѣе рви!» сказалъ Мѣсяць Мартъ Марушкѣ. Она съ радостью набрала большой букетъ, поблагодарила двѣнадцать Мѣсяцевъ и поспѣшила домой. Какъ удивились Голеня и мачиха, когда увидѣли, что Марушка несетъ имъ букетъ фіалокъ; отворили ей двери — она вошла и запахъ разлился по всему дому. «Гдѣ ты ихъ набрала?» спросила сердито Голеня. — На высокой горѣ; тамъ ихъ много растеть подъ кустами. Голеня взяла цвѣты, заткнула за поясъ, нюхала сама и матери давала нюхать, а сестрѣ ни разу не промолвила: «повюхай и ты!» Послѣ того Голеня и мачиха выгнали Марушку за земляничкой. Падчерница опять приходитъ къ Мѣсяцамъ и встрѣчаетъ у нихъ тотъ-же радушный пріемъ. Узнавши — въ чемъ дѣло, Ледяной Мѣсяць всталъ съ камня, подошелъ къ тому Мѣсяцу, что сидѣлъ какъ разъ противъ него, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Юнь! сядь на первое мѣсто.» Прекрасный Юнь сѣлъ выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ

тотъ-же мигъ пламя поднялось высоко, снѣгъ быстро растаялъ, земля одѣлась травою, деревья листьями, птицы начали свои пѣсни, разнообразныя цвѣты зацвѣли въ лѣсу, и вотъ наступило лѣто. Въ травѣ замелькали бѣленькія звѣздочки, какъ-будто ихъ нарочно наскрѣли; быстро, на глазахъ, эти бѣлыя звѣздочки переходятъ въ землянику и тотчасъ-же созрѣваютъ ягоды. Не успѣла Марушка оглянуться, какъ ихъ много-много высыпало на зеленомъ лугу, словно кто обагрилъ его каплями крови. Марушка набрала земляники и отнесла Голенѣ; та кушала ягоды и матери давала полакомиться, но ни разу не сказала Марушкѣ: «покушай и ты, сестрица!» Въ третій разъ захотѣлось Голенѣ красныхъ яблочекъ, и она послала за ними Марушку. По глубокому снѣгу пришла бѣдняжка къ Мѣсяцамъ. Ледяной Мѣсяцъ передалъ свою власть брату Сентябрю. Сентябрь сѣлъ на первое мѣсто, махнулъ жезломъ поверхъ костра — огонь запылалъ ярче, снѣгъ пропалъ, и вскорѣ природа приняла грустный осенній видъ; листья падали съ деревьевъ одинъ за другимъ, и свѣжій вѣтеръ гналъ ихъ туда и сюда по сухой, пожелтѣлой травѣ. Марушка уже не видѣла разнообразныхъ цвѣтовъ, за то нашла яблоню съ сочными плодами; потрясла ее — упало одно красное яблочко, потрясла еще — упало другое. «Теперь скорѣе домой!» сказалъ Мѣсяцъ Сентябрь; дѣвушка послушалась и принесла домой два яблока. Удивилась Голена, удивилась и мачиха. «Гдѣ ты сорвала яблоки?» — На высокой горѣ; тамъ еще много ихъ осталось. «Зачѣмъ-же ты не принесла больше? закричала со злобой Голена; вѣрно, сама поѣла дорѣгомъ?» — Ахъ, милая сестрица! я ни одного яблочка не попробовала. Я потрясла дерево разъ — упало одно яблочко, потрясла еще — упало другое; а больше трусить мнѣ не позволили, приказали домой идти. «Чтобъ тебя громомъ убило!» кляла Марушку Голена и хотѣла ее бить. Бѣдняжка заплакала и убѣжала на кухню.

Голена принялась за яблоко, которое показалось ей необыкновенно-вкуснымъ; съѣла, и говорить матери: «дай-ка мою шубу, я сама пойду въ лѣсъ; а то эта негодная тварь пожалуй опять все съѣстъ дорогою. Я обтрясу все яблоки—хоть позволить мнѣ, хоть нѣтъ!» Накинула шубу, платокъ на голову, и пошла изъ дому. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видно было слѣдовъ ноги человѣческой. Долго она блуждала, наконецъ пришла къ Мѣсяцамъ; не спрашивая позволенія, Голена прямо пошла къ костру и стала грѣть свои руки. «Чего ты ищешь? зачѣмъ сюда пришла?» строго спросилъ Ледяной Мѣсяць.— А ты что за спросъ, старый дуракъ! зачѣмъ тебѣ знать, куда я иду? отвѣчала Голена и повернула въ лѣсъ. Ледяной Мѣсяць наморщилъ лобъ и поднялъ жезлъ надъ головою: въ тотъ же мигъ огонь сталъ горѣть слабѣе, небо помрачилось, снѣгъ повалилъ такими хлопьями, словно кто перину вытрясалъ; въ лѣсу засвисталъ рѣзкій, всеобщепеняющій вѣтеръ. На одинъ шагъ передъ собою уже Голена ни зги не видала; она взяла въ снѣгу, проклинала Марушку и чувствовала, что члены ея коченѣютъ. Поджидая ее домой, мать смотрѣла въ окно, выбѣгала за ворота; но часы проходили одинъ за другимъ, а Голены не было. «Вѣрно, яблоки ей такъ понравились, что она отстать отъ нихъ не можетъ, подумала мать; пойду-ка я сама посмотрю.» Тотчасъ надѣла шубу и пустилась искать дочку. Между тѣмъ время шло да шло; Марушка приготовила кушанье, убрала корову, а мачиха и Голена не ворочались. «Гдѣ онѣ остаются такъ долго?» думала Марушка и усѣлась за прялку. Уже вража готова, на дворѣ смерклось, а ихъ все нѣтъ. «Ахъ, Боже мой! что съ ними приключилось?» сказала добрая дѣвушка; посмотрѣла въ окно—небо сіяло звѣздами, земля блистала снѣгомъ, но изъ людей никого не было видно. На другой день ждала ихъ Марушка къ завтраку, ждала къ обѣду, но понапрасну—обѣ онѣ замерзли въ лѣсу. Такъ глубо-

ко проникнута жизнью природы чистая, неподдельная народная поэзия! она слышитъ, какъ прозябаютъ травы, какъ шелестятъ лепестки распускающихся цвѣтовъ, и сочувственно отзывается на каждое, повидимому незамѣтное и едва уловимое, проявленіе жизненныхъ силъ. Другая сказка ¹⁾ рассказываетъ о бѣднякѣ, который отъ зимняго холода вздумалъ идти на стеклянную гору, гдѣ всегда огонь горитъ, и тамъ согрѣть свои прозябшіе члены. На горѣ пылалъ костѣрь (vatra), а вокругъ него сидѣли двѣнадцать мужей — sluhove krале nad časem (слуги, подвластные парю времени); въ теченіи года они двѣнадцать разъ мѣнялись своими мѣстами по порядку, такъ что по окончаніи голичнаго періода каждый изъ нихъ занималъ свое первоначальное мѣсто. Стеклянная гора (Glashberg) есть свѣтлое небо = Асгардъ, а костеръ, около котораго возсѣдаютъ Мѣсяцы, — метафора солнца, которое свѣтитъ то ярче (лѣтомъ), то блѣднѣе (зимю), и вмѣстѣ съ тѣмъ то животворитъ, то слабѣе вліяетъ на производительность земли. На это верховное свѣтло указываетъ и возженіе костровъ на праздникахъ солнечныхъ поворотовъ. Марушка и Голена — двѣ души добрая и злая — ищутъ на небесной горѣ вѣчно-цвѣтущаго, плодоноснаго сада, скрытаго за снѣжными, зимними облаками; первая протѣсняется сквозь нихъ туманное царство и обрѣтаетъ райскіе цвѣты и плоды, а послѣдняя погибаетъ на пути отъ суровой стужи Niflheim'а, т. е. дѣлается добычею ада (см. выше стр. 25 — 28). Въ Скандинавіи и Германіи сохраняется вѣрованіе, что душъ усопшихъ обитаютъ на горѣ, вмѣстѣ съ громовникомъ Торомъ, и выраженіе: «in den berg gehen» до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ: умереть ²⁾. Что цвѣтущія подъ свѣгами фіалки и зрѣющія въ зимнюю пору яблоки и земляника принадлежатъ небесному царству праведныхъ, замкнутому отовсюду демонами зимы, — осязательное

¹⁾ Slov. pohad., 19 — 28. — ²⁾ German. Mythen, 240.

доказательство тому находимъ въ старинной сагѣ у Саксона: одинъ король пожелалъ узнать, гдѣ лежитъ та благословенная страна, въ которой даже зимою растения красуются свѣжею, неувыдаемою зеленью, и обрѣлъ ее тамъ, куда по смерти должна будетъ явиться его собственная душа ¹⁾. По свидѣтельству Краледворской рукописи: души усопшихъ порхаютъ по деревьямъ, а по словамъ русской обрядовой пѣсни: «русалочки-земляночки на дубъ лѣзли, кору грызли», т. е. пролагая себѣ путь въ царство блаженныхъ, онѣ грызутъ облачныя деревья острымъ зубомъ молніи. Ясно, что всѣ эти преданія говорятъ собственно о цвѣтущемъ раѣ — виріи или островѣ Буяѣ, откуда при началѣ весны приносятся на землю разнообразныя растительныя сѣмена (II, 137—141). Выше было указано на связь имени Буяна съ мѣстами загробнаго упокоенія умершихъ; на этотъ святой островъ устремлялись души, по исхождѣ ихъ изъ тѣлесной оболочки, и потому, вѣстѣ съ творческими силами природы, тамъ возсѣдала и грозная птица-Смерть (I, 528). Вкушая въ райскихъ садахъ золотыя—моложавыя яблоки и гроздія винограда (= вино-нектаръ), блаженные обрѣтаютъ неувыдаемую молодость и живутъ, не вѣдая ни старости, ни болѣзней; тѣми-же благами надѣляется ихъ и живая вода небесныхъ источниковъ (jungbrunnen). Преданіе остравѣ вѣчной юности сохранилось и между славянами. Замѣчательная малорусская сказка о чловѣкѣ, искавшемъ «безсмертной земли», ²⁾ повѣствуетъ, что онъ пришелъ къ волку, который «пилае ³⁾ хвостомъ дуби». «Куды ты, чоловиче, идешь? питае вовкъ.—Иду, каже, такой земли шукати, щобъ не старитьця и не умираю.—Оставайсь зо мною!—А ты-жь покы будешъ жить, вовче?—Поты буду жить, покы сѣго дуба хвостомъ не перепилаю.—А потымъ умрешъ?—Умиру.» Че-

¹⁾ Ibid., 440—1. — ²⁾ Изъ непечатныхъ матеріаловъ, собранныхъ редакціей журнала „Основа“. — ³⁾ Сваливаетъ.

ловѣкъ отправился дальше: «иде, колы бачыть—ажь стонть хатка, а въ тій хатци панночки сидятъ и передь ними скрынъки поввисеньки гѣлокъ.—Живи у насъ!—А вы-жь помы будете жить?—Поты будемъ жить, помы уся гѣлки въ викахъ поломаемо» ¹⁾). Человѣкъ пошелъ къ Мѣсяцу; «а ты долго ли проживешь?» спрашиваетъ его.—«Я, каже, такъ: якъ мисяць у неби старый, то и я старый, а якъ винъ молодой, то и я молодой.» Остался человѣкъ у Мѣсяца, прожилъ лѣтъ сто и больше, «а тымъ часомъ Смерть усе шукае чоловика», пришла съ запросами сперва къ волку, потомъ къ панночкамъ, и добралась наконецъ до Мѣсяца. «Чого ты прійшла? питаеця Мѣсяць.— За своєю душою.—То не твоя душа! — Ни, моя!—Ни, не твоя! Возьми, каже Мисяць, ты сѣго чоловика за ноги, а я за голову, тай розвихаймо: колы у гѣру полетыть—миѣ, а колы внизъ, то твѣи! Узялы и розвихалы, такъ винъ у гѣру и полетивъ, да и ставъ зиркою, що коло мисяца у неби видно» (сравни выше стр. 250). Варіантъ этой сказки, напечатанный въ моемъ сборникѣ ²⁾, сообщаетъ нѣсколько другихъ, не менѣе важныхъ подробностей: спасаясь отъ зубастой вѣдьмы, пожирающей живой людъ, Иванъ-царевичъ пріѣзжаетъ къ старымъ швеямъ и проситъ у нихъ пристанища. «Рады бы принять тебя, отвѣчали старухи, да намъ самимъ недолго жить; вотъ доломаемъ сундукъ иголокъ да изошьемъ сундукъ нитокъ—тогда и смерть прійдетъ!» Заплакавъ царевичъ и поѣхалъ дальше; на дорогѣ минуетъ онъ Вертодуба и Вертогора: первый долженъ умереть, какъ скоро повыдергиваетъ всѣ дубы съ кореньями, а послѣдній—когда перевернетъ всѣ горы. Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, пріѣзжаетъ царевичъ къ Солнцевой сестрѣ; она его приняла, кормила-

¹⁾ Пока доломаемъ всѣ иголки въ корзинахъ. — ²⁾ Н. Р. Ск., VI, 57.

пошла, давала ему молоджавыя яблоки. Сгрустнулось однажды царевичу, захотѣлось побывать дома; прибылъ онъ на родину, но тамъ уже все было съѣдено—оставались однѣ голыя стѣны а злая вѣдьма точила на него свои острые зубы. Иванъ-царевичъ обратился въ бѣгство. На пути старыя шведы подарили ему хусточку, и какъ только царевичъ махнулъ ею—позади его стало широкое озеро; а когда проѣхалъ онъ мимо Вертодуба и Вертогора, эти богатыри заложили дорогу грудами вѣковыхъ дубовъ и высокими горами. Вѣдьма переплыла озеро, продралась черезъ лѣса и горы, и уже стала нагонять царевича, какъ онъ прискакалъ къ теремамъ Солнцевой сестры и закричалъ: Солнце, Солнце! отвори оконце. Солнцева сестра отворила оконце, и царевичъ вскочилъ въ него вмѣстѣ съ конемъ. Вѣдьма требуетъ выдачи царевича и вступается въ споръ съ Солнцевой сестрою. «Пусть же, говоритъ она, Иванъ-царевичъ идетъ со мной на вѣсы; кто кого перетянетъ!» Пошли на вѣсы; на одной сторонѣ сталъ царевичъ, а на другую полѣзла вѣдьма: только ступила ногой, такъ Ивана-царевича вверхъ и подбросило, да съ такою силою, что онъ прямо попалъ на небо, къ Солнцевой сестрѣ въ терема; а вѣдьма-змиѣя осталась на землѣ ¹⁾. Вертодубъ или мнѣчскій волкъ, пляющій хвостомъ дубы, и Вертогоръ—великаны, рушители облачныхъ лѣсовъ и горъ; старыя шведы—небесныя пряхи, дѣвы судьбы, которыя обитаютъ при источникахъ райскаго древа и ткуютъ облачные покровы; подаренная ими хустка—туча, проливающая дождевое озеро. Въ страну безсмертія, въ этотъ пресвѣтлый рай или царство Солнца, душа человѣка несется черезъ воздушныя пространства, занятія облаками и тучами; а за нею гонится поѣдучая вѣдьма-Смерть,

¹⁾ Сходная сказка есть у грековъ (Ганъ, 65); здѣсь вѣдьма прилѣтаетъ въ видѣ облака и душитъ лошадей; но преданіе значительно сокращено и лишено старинныхъ красокъ.

царица мрачнаго ада (= Гелла), стараясь захватить ея увлечь въ свои вертены. Если душа обременена тяжкими преступленіями и грѣхами—ей не избѣгнуть плѣна; праведная же достигаетъ небесныхъ теремовъ (Асгарда), гдѣ властвуетъ богиня утренней зори и всеобновляющей, вѣчно-юной весны (Солнцева сестра = Фрея, Гольда, Лада; отворяемое ею окно—метафора дневнаго разсвѣта, Goldtor—см. I, 158-162), и вселяясь въ царство блаженныхъ, блещитъ оттуда яркою звѣздою. Вѣсы указываютъ на загробный судъ, ожидающій человѣка по смерти, когда взвѣшиваются его добрыя и злыя дѣла, и смотря по тому, какая сторона перетянетъ, душа его идетъ или въ рай, или въ пекло (см. гл. XXV). По указанной выше связи царства усопшихъ съ ночью и мѣсяцемъ, богиня, управляющая этимъ царствомъ, представляется воссѣдающею на лунѣ; а какъ создательница облачныхъ и ночныхъ покрововъ, помрачающихъ небесный сводъ, она признается пряхою (см. выше стр. 129—о Фреѣ-пряхѣ). Въ нѣмецкихъ земляхъ крестьяне усматриваютъ въ пятнахъ луны изображеніе пряжи съ веретеномъ въ рукахъ, которая попала туда за то, что пряла въ воскресенье при лунномъ сіяніи; иные же отождествляютъ луну съ ликомъ Маріи Магдалины (вмѣсто Пречистой Дѣвы) и въ пятнахъ этого свѣтила узнаютъ слѣды ея покаянныхъ слезъ. Въ Альтмаркѣ думаютъ, что *Marieufäden* (*sommerfäden*—летучая осенняя паутина=пряжа, изготовляемая эльфами) выдѣлываются искусными пряжами, обитающими на мѣсяцѣ; въ другихъ-же мѣстностяхъ ихъ считаютъ за остатки гробоваго савана, который сбросила съ себя Божія Матерь при своемъ вознесеніи на небо. Въ періодъ Бабьего лѣта, при ясномъ сіяніи солнца, шествуетъ по горамъ и лугамъ Св. Марія (= Гольда, Фрея), въ сопровожденіи многочисленныхъ дѣвъ-эльфовъ (т. е. душъ усопшихъ); впереди каждой дѣвы летитъ ангелъ съ золотую

прялкою, тянетъ серебристо-шелковыя нити и разстиляетъ надъ землею небесную пряжу ¹⁾). Тоже преданіе уцѣлѣло у люнебургскихъ славянъ; по ихъ словамъ, на мѣсяцѣ сидитъ пряха, вертитъ колесо и прядетъ тонкія бѣлоснѣжныя нити, которыя при самомъ концѣ лѣта падаютъ на землю легкою паутинною; пряху эту можно видѣть во время полнолунія ²⁾). Облака-ткани приготавливаются богиней заgrabнаго (=небеснаго) царства и сопровождающими ее грозowymi геніями; какъ существа стихійныя, какъ цверги и мары, души усопшихъ принимаютъ участіе въ этой работѣ и сами облакаются въ изготовленныя ткани. Длинныя, бѣлыя, развивающіяся по вѣтру сорочки небесныхъ дѣвъ и эльфовъ — ничто иное, какъ метафора облачныхъ одѣяній, озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Въ примѣненіи къ тѣнямъ блуждающихъ мертвецовъ одѣянія эти получили значеніе гробовыхъ савановъ. Наши русалки, показываясь на Троицкой недѣлѣ, выпрашиваютъ себѣ при встрѣчѣ съ бабами и дѣвками бѣлыхъ рубахъ и намитокъ, и донныя крестьянки вѣшаютъ для нихъ по деревьямъ мотки нитокъ, полотенца и сорочки. Едва ли не подъ вліяніемъ этихъ возрѣній возникъ обычай окутывать усопшихъ длинными бѣлыми саванами, постилать внутри гроба бѣлую пелену и самого покойника обматывать холстомъ (сравни въ гл. XXV — сказанія о сорочкѣ, которую прядутъ и ткуютъ парки для каждаго челоуѣка и которая приносится покойникомъ на тотъ свѣтъ, какъ исторія его земной жизни, представляемая на судъ боговъ). Средство усопшихъ съ эльфами и богиней-пряхою свидѣтельствуется еще слѣдующими повѣрьями: въ воронежской губ. считаютъ за грѣхъ мыкать мычки и прясть кудели въ пятницу, ибо чрезъ это оскорбляются покойныя родители, такъ какъ шелуха и кострика легко могутъ

¹⁾ German. Mythen, 40; Die Götterwelt, 304. — ²⁾ Галуша: Дѣдь и Баба, 48.

засорить ихъ свѣтлыя очи ¹⁾; въ курской губ. крестьянки ничего не шьютъ въ поминальные дни: по ихъ мнѣнію, кто шьетъ въ эти дни, тотъ своею иглою колетъ покойникамъ глаза ²⁾. Означенныя повѣрья первоначально относились къ тѣмъ облачнымъ тканямъ, изготовленіе которыхъ помрачаетъ ясныя звѣзды — эти очи блаженныхъ предковъ, кротко-взирающихъ на землю изъ своихъ небесныхъ обителей. Гѣже домашнія работы (прясть, ткать и шить) воспрещаются по пятницамъ, чтобы не исколотъ иглами и веретенами мнѣической Пятницы и не запорошить ея пречистыхъ глазъ; Пятница же соответствуетъ Фреѣ (I, 226-242) и Гольдѣ, богинямъ, въ свитѣ которыхъ тѣни усопшихъ шествуютъ въ загробный міръ. Облачная ткань (покровъ, одѣяніе, коверъ-самолѣтъ) есть именно та пелена, на которой душа, по смерти человѣка, возносится въ царство блаженныхъ. По свидѣтельству народныхъ стиховъ, ангелы, являясь за праведною душою, принимаютъ ее на пелену и несутъ на небо (см. стр. 55); подблюдная святочная пѣсня: «по городу хожу, полотенцемъ стелю» предвѣщаетъ смерть ³⁾, т. е. указываетъ на путь въ загробное царство, такъ какъ всякая дорога, ведущая въ дальнюю сторону, на метафорическомъ языкѣ сравнивалась съ разостланнымъ полотномъ (см. I, 40). Моравскія пѣсни приписываютъ вознесеніе праведныхъ душъ на небо Пречистой Богородицѣ или св. Аннѣ; являясь къ одру умирающаго, онѣ изрекаютъ: «chyc se, dušo, meho plašča, pŕjčžemu pŕed Pana Krista», или: «chyt' se, duše, meho křidla (крыло — покровъ), poletime v rajské sidla» ⁴⁾. Въ тверской губ. каждому покойнику даютъ въ руки

¹⁾ Этн. Сб., I, 215; Послов. Даля, 1031. — ²⁾ Этн. Сб., V, 82. — ³⁾ Ворон. Г. В. 1850, 17. — ⁴⁾ Гануша: Дѣдъ и Баба, 48. Переводъ: Ухватись, душа, за мой плащъ (за мое крыло), пойдѣмъ передъ Господа Христа, или полетимъ въ райскія селенія.

полотенце; въ другихъ мѣстностяхъ когда везутъ умершаго въ церковь, то гробъ его покрывается бѣлою пеленою, а дуга, возжи и повода обвиваются холстомъ. Гробъ принято опускать въ могилу на холстахъ или ручникахъ, которые потомъ достаются священнику и дьякону; къ могильному кресту прикрѣпляютъ кусокъ полотна или бѣлый платъ; тотчасъ по кончинѣ кого-либо изъ членовъ семейства поселяне вывѣшиваютъ полотенце изъ окна избы на улицу, которое и остается здѣсь до истеченія шести недѣль, т. е. до того времени, пока душа не отлетитъ изъ сего міра на тотъ свѣтъ; послѣ шести-недѣльнаго срока полотенце это отдають нищимъ. Когда совершаются годовые поминки въ честь всѣхъ усопшихъ родичей, незримо-присутствующихъ при этомъ обрядѣ,—хозяинъ, по окончаніи трапезы, открываетъ окно, распускаетъ на улицу холстъ и приглашаетъ покойниковъ возвратиться въ свои загробныя жилища по разостланному полотну: «ступайте съ Богомъ! вотъ тутъ будетъ вамъ помягче!» Въ день годовщины усопшаго, при совершеніи литіи, могилу его покрываютъ холстяною ¹⁾.

Выше объяснено (I, 182; II, 134—141), что востокъ, какъ страна воскресающаго солнца, былъ признанъ за блаженное царство весны, и что именно тамъ арійское племя полагало вѣчно-цвѣтущій, пресвѣтлый рай—обиталище всещедрыхъ боговъ и блаженныхъ предковъ. По литовскому преданію, въ этомъ солнечномъ царствѣ, на востокѣ, пребываютъ души, пока не будутъ посланы на землю въ тѣла новорожденныхъ младенцевъ, и потомъ, по окончаніи земной жизни, снова возвращаются въ свое первобытное отечество ²⁾. По свидѣтельству малорусской сказки, душа добродѣтельнаго, пришедшая въ «без-

¹⁾ Черниг. Г. В. 1842, 37; Сынъ Отеч. 1839, VIII, 85; Вѣст. Р. Г. О 1853, II, 92; III, 5; Ворон. Г. В. 1851, 2; Записки Авдѣев., 122; Этн. Сб., I, 266. — ²⁾ Черты литов нар., 75.

смертную страну», приѣмлется въ окно терема Солицевой сестры, т. е. въ то свѣтлое окно небеснаго чертога, которое раннимъ утромъ отворяется на востокѣ богиней Зорею; этииъ же путемъ нисходитъ душа усопшей матери на свадьбу своей милой дочери (см. выше стр. 238). Въ Галиціи сохраняется преданіе, что далеко на восходѣ солнца, за черными морями (т. е. дожденосными тучами), обитаетъ счастливый народъ рахмане; они ведутъ святую жизнь, содержатъ постоянный строгій постъ ¹⁾ и только однажды въ году разрѣшаютъ на мясо — на Великъ день рахманскій, который приходится тогда, когда скорлупа освященнаго краснаго яйца доплываетъ къ нимъ отъ насъ черезъ широкое море. Въ южной Руси народъ этотъ называютъ навь, а празднуемый ими Великъ день — навьскій или русальный. На Святой недѣлѣ малоруссы бросаютъ въ воду скорлупу отъ крашеныхъ яицъ, чтобы она донесла покойникамъ радостную вѣсть о наступившемъ праздникѣ Воскресенія Христова ²⁾. Въ Польшѣ обращаются къ солнцу съ такою пѣснью:

Swieć, swieć, sdoneczko!
 Dam ci jajeczko,
 Jak kureczka zniesie
 Na dębowem lesie.
 Wezmie jajo do raju,
 Wszystkie dusze gadują ³⁾.

Слово ра х м а н ы й (ра х м а н ы й) доселѣ употребительно въ народныхъ говорахъ — въ слѣдующихъ значеніяхъ: а) веселый, щедрый, хлѣбосольный, угостительный, б) тихій, кроткій, воздержный, с) вялый, слабоумный, скучный — точно также,

¹⁾ Существуетъ поговорка: „постимо, якъ рахмане“. — ²⁾ Мажъ, VIII, 24; XI, 19; Рус. Ист. Сб., III, ст. Ходаковск., 146—7; VII, 370. — ³⁾ Письмо проф. Буслаева — въ Истор. Россіи Соловьева, II, 21.

какъ слово блаженный (кроме общезвѣстнаго своего смысла) употребляется еще въ значеніи: полоумный, расслабленный, дряхлый, блажой; блажь—дурь, юродство ¹⁾). Такимъ образомъ съ этими эпитетами сочетались различныя понятія, съ одной стороны указывающія на призванныхъ къ вѣчному довольству и покою, а съ другой — на людей, отмѣченныхъ рукою Смерти: болѣзненныхъ, расслабленныхъ, тоскливыхъ, безумныхъ, словомъ—подобныхъ тѣмъ, которыми овладѣваютъ эльфы (см. выше стр. 77—78). Въ костромской губ. о человѣкѣ, убитомъ горемъ, исхудавшемъ, дурно-одѣтомъ и нечесанномъ отзываются: «онъ ходитъ, какъ рахманый!» Собственно рахмане суть «брахманы» (брамины), о счастливой, безмятежной жизни которыхъ на Макарійскихъ островахъ, подъ самымъ востокомъ солнца, извѣстно суевѣрное сказаніе, занесенное въ рукописные сборники средневѣковой литературы ²⁾); но сказаніе это, перейдя черезъ посредство означенныхъ памятниковъ къ славянамъ, связалось съ ихъ національными вѣрованіями въ навовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ слово «рахманый» получило въ устахъ нашихъ поселанъ тѣ самыя значенія, на какія наводили ихъ старинныя представленія о душахъ усоншихъ.

Когда человѣкъ умираетъ, душѣ его предстоитъ далекое и многотрудное страствованіе; чтобы достигнуть свѣтлаго неба (Gimli) и водвориться тамъ въ блаженныхъ селеніяхъ, она должна перенестись черезъ широкія, необозримыя пространства воздушной области, которая отдѣляетъ міръ людей отъ царства боговъ и предковъ (pitris). По скандинавскимъ преданіямъ, Одинъ и подвластныя ему валькириі являлись на своихъ быстрыхъ коняхъ на поле битвы, забирали души падшихъ героевъ, увозили ихъ въ валгаллу и зачисляли въ сонмъ

¹⁾ Обл. Сл., 10, 190; Доп. обл. сл., 230. — ²⁾ Очеркъ исторіи старин. повѣстей и сказокъ, А. Пыпина, 49.

небесныхъ ратниковъ, подобно тому, какъ, по мнѣнію инду-
совъ, души сраженныхъ воиновъ шли въ небо Индры. Обще-
известныя на сѣверѣ выраженія: zu Odhinn fahren, bei
Odhinn zu gast sein, Odhinn heimsuchen означаютъ:
умереть; въ христіанскую эпоху выраженія эти частію обра-
тились въ проклятія: far þú til Odhins! Odhinn eigi
þik! частію стали замѣняться другими: zu Gott gehen, zu
Gott heimkehren ¹⁾). Въсто глагола «умереть» чехи упо-
требляютъ выраженіе: na daleku cestu se strojiti ²⁾), а
на Руси говорятъ: отойди къ Богу, къ отцамъ или
предкамъ, и даже просто: отойди, что указываетъ на
тотъ дальній путь, въ который пускается усопшій; канонъ,
читаемый надъ умирающимъ, называютъ отходною. Если
больному придуть на мысль лошади, если къ дому его бу-
детъ протоптана новая дорожка—то и другое принимается
нашими простолюдинами за предвѣстіе его скорой кончины ³⁾);
если первую встрѣчку на пути будетъ бѣлый конь, чехи
видятъ въ этомъ предзнаменованіе смерти ⁴⁾); примѣта, наме-
кающая на бѣлаго коня, на которомъ ѣздитъ Одинъ. Согласно
съ представленіемъ воздушной области всесвѣтнымъ моремъ
или рѣкою, обтекающею со всѣхъ сторонъ землю, души усоп-
шихъ должны были переправляться на тотъ свѣтъ черезъ
обширныя и глубокія воды ⁵⁾); такая переправа совершалась
на кораблѣ или ладѣ, какъ древнѣйшей метафорѣ ходячаго по
воздушному океану облака (I, 574—9). Для уплаты за этотъ
перевозъ, греки, германцы и славяне давали покойнику нѣ-
сколько медныхъ монетъ. Какъ громоносный Индра обладалъ
кораблемъ и плавалъ по воздушному океану виѣстѣ съ мару-

¹⁾ D. Myth., 132. — ²⁾ Гануша: Дядь и Баба, 63. — ³⁾ Сл.
нар. раз., 137, 151. — ⁴⁾ Громанъ, 53. — ⁵⁾ Подобное вѣрова-
ніе встрѣчаемъ и у племенъ сѣверо-американскихъ—Der Ursprung
der Myth., 275.

тами; такъ объ Одинаѣ сохранилось преданіе, что онъ отвозилъ души усопшихъ въ валгаллу на золотомъ кораблѣ ¹⁾. По свидѣтельству Льва-діакона, руссы, погребая убитыхъ воиновъ, задушали въ волнахъ рѣки пѣтуховъ и младенцевъ, какъ жертвы, обреченныя сопутствовать умершимъ въ ихъ загробномъ странствованіи. До сихъ поръ стружки, оставшіяся отъ подѣлки гроба, принято на Руси пускать въ проточную воду; туда-же пускаютъ и скорлупу красныхъ яицъ, чтобы извѣститъ навѣвъ о праздникѣ Пасхи, а по другому повѣрью: скорлупа яйца, брошенная въ потокъ, служитъ кораблемъ, на которомъ русалки уплываютъ въ свое подводное (=заоблачное, небесное) царство. Сербы раздавливаютъ яичныя скорлупы, «да се не би вѣштице (вѣдьмы-эльфы, души-мотыльки) у њима могле возити преко вода» ²⁾. Въ Германіи рассказываютъ, что эльфы, мары и вѣдьмы плаваютъ въ челнокѣ или яичной скорлупѣ въ блаженную страну душъ (Engelland, Elbenreich). Народная загадка, означающая яйцо, выражается о немъ такъ: «es kommt ein schiff aus Engelland, hat kein bügel und kein band, und doch zweierlei bier» (= бѣлокъ и желтокъ). Гладкое, искусно-созданное яйцо, безъ швовъ и связей, такъ что въ немъ не видно ни начала, ни конца, рассматривалось, какъ хитрая работа кузнецовъ-эльфовъ ³⁾. На страшномъ судѣ души — прежде, чѣмъ вселятся въ райскія обители, должны будутъ перейти черезъ огненную рѣку (= объятая грозовымъ пламенемъ тучи) и очиститься отъ своихъ прошлыхъ грѣховъ въ ея бурныхъ, влокачущихъ волнахъ (см. стр. 22).

¹⁾ Germ. Mythen, 147—8, 356.—²⁾ Срп. рјечник, 67, 367; въ разговорѣ противъ моря высказывается желаніе, чтобы она „ушла у јајску л(ъ)уску, утопила се у морску пучину“. — ³⁾ Germ. Mythen, 346, 415-8; Beiträge zur D. Myth., II, 273.

Млечный путь и мостъ-радуга въ поэтическихъ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ представлялись священными дорогами, по которымъ боги сходили съ высокаго неба на землю; тѣми же дорогами слѣдовали и души усопшихъ, устремляясь въ пресвѣтлый рай. Въ ведическихъ пѣсняхъ нерѣдко упоминается о дорогѣ, шествуя которою — боги нисходятъ къ воспринятію приносимыхъ имъ жертвъ; въ Ригъ-Ведѣ возглашатель гимна обращается къ божественнымъ маршрутамъ съ мольбою не допустить его странствовать по пути Ямы, т. е. не обречь его смерти, а если уже такая судьба неизбежна, то защитить отъ владычицы ада — *Nigti*. «Иди, возглашалось усопшему, по тому пути, каковыя прежде шествовали наши предки; ты долженъ урѣчь высокихъ властителей Яму и Варуну». Путь Ямы раздѣлялся надвое: одна дорога вела внизъ — въ адскіе вертепы (= въ мрачныя пещеры тучъ), а другая вверхъ — въ свѣтлое небо. Двѣ четырехглазныя собаки оберегаютъ дорогу, ведущую къ жилищу Ямы, гдѣ души праведныхъ успокоиваются отъ своего блужданія; сходно съ этимъ греческій андъ охранялся трехглавымъ Церберомъ. По указанію другихъ гимновъ, собака, какъ воплощеніе вихря или грозового облака, сопровождаетъ души въ царство блаженныхъ предковъ; отсюда объясняется и слѣдующій суевѣрный обрядъ, къ которому донинѣ прибѣгаютъ на Руси: когда умирающій страдаетъ отъ долгой агоніи, крестьяне наши — съ цѣлю ускорить исходъ души изъ тѣла, разбираютъ надъ его головою потолокъ и крышу и сквозь сдѣланное отверстіе протаскиваютъ изъ хаты на дворъ черную собаку. Сверхъ того, индусы вѣрили, что душа, шествующая въ царство отцевъ, перевозится черезъ бурный потокъ (*Vaitarani*) и мостъ смерти облачною коровою. Такое вѣрованіе опредѣлило самую обстановку похороннаго обряда: корова влекла трупъ усопшаго къ костру; позади печальной колесницы до

мѣста погребенія вели черную корову, которая потомъ была убиваема; мясо ея возлагалось на костеръ вмѣстѣ съ покойникомъ, покрывалось снятою кожею, и все это предавалось огню. Думали, что убитая и сожженная корова явится на томъ свѣтѣ, что усопшій схватится за ея хвостъ и что животное это перенесетъ его черезъ глубокий потокъ. Тоже значеніе придавалось первоначально и сожженію съ труномъ мертвеца коней, собакъ и кошекъ — обычай, соблюдаемый нѣкогда и славянами (см. гл. ХХІХ). Путь Ямы, эта «божья дорога и тропа блаженныхъ», есть путь млечный, который у разныхъ народовъ получилъ названіе «дороги» — по тому впечатлѣнію, какое производитъ на глазъ зрителя его длинная, тянущаяся по всему небесному своду полоса. У германцевъ извѣстны для млечнаго пути слѣдующія названія: а) Iringes wёс или stráza (Iringsweg, Iringstrasse, Euringstrasse, Erwingstraet). Irinc, Irmin (древнѣйшая форма должна быть: Irimo или Agimo) признавался божественнымъ героемъ, родоначальникомъ нѣмецкаго племени. Въ Ведахъ млечный путь называется дорогою Ариамы (Агуамнаһ шаһаһ рата), вроткаго властителя въ странѣ усопшихъ предковъ, съ именемъ котораго въ несомнѣнномъ родствѣ стоитъ національное прозваніе аріевъ. Какъ въ санскритѣ агуа, въ зендѣ айгуа означаетъ: лучшій, почетный, господинъ, такъ въ ирл. ег—герой, великій, благородный, въ армян. аги—храбрый ¹⁾. б) Helweg—путь, ведущій въ загробное царство Геллы, и с) нижненѣм. каурат, kuhpfad—санкр. gôpatha—коровій путь, т. е. дорога, по которой умершіе слѣдуютъ за небесной коровою. Этимъ послѣд-

¹⁾ „Die Kelten (замѣчаетъ Маннгардтъ) haben in alter zeit denselben stammgott unter dem namen Erimon, Eirimon verehrt, nach ihm führte das grüne Erin (Irland) und das volk der Iren den namen.“

нимъ названіемъ поясняется и словенское *màvga*, *màv giza* (пестрая, съ черными пятнами корова)—слово, употребляемое для обозначенія млечнаго пути и радуги; у чеховъ есть поговорка: «*čeg na křáva mi na nohu šlápla*»¹⁾. Як. Гриммъ приводитъ указанія, свидѣтельствующія, что въ млечномъ пути видѣли дорогу Одина: *Wuotanes wec*, *Wuotanes stgāza*²⁾; созвѣздіе Большой Медвѣдицы, въ которомъ издревле усматривали колесницу, называлось *lrmīnes wagen* и *Woons waghēn* (*Woens waghēn* = *wagen des Wōdan*), а въ Голландіи оно слыветъ *Hel waghēn* (*wagen des totenreichs*): ясное доказательство, что на это созвѣздіе было перенесено старинное преданіе о небесной колесницѣ, на которой души усопшихъ перевозились въ царство Одина³⁾. Литовцы называютъ млечный путь *raukszceiū kielės*, т. е. птичья дорога (тоже означаетъ и финское *linpunrata*); потому что души, возносящіяся по этой дорогѣ на небо, представлялись легкокрылыми птицами⁴⁾. Еще до сихъ поръ литовцы, когда умретъ кто-нибудь въ семействѣ, увѣряютъ, что они видѣли покойника — какъ онъ пронесся на бѣзромъ конѣ по птичьей дорогѣ (млечному пути), съ тремя звѣздами въ рукѣ, и вступилъ въ селенія вѣчнаго блаженства⁵⁾. Въ нашихъ областныхъ говорахъ млечному пути даются названія: а) въ нижегородской губ. *мышинны тропки* (мышинная тропка), что указываетъ на древнѣйшее представленіе душъ мы-

¹⁾ Zeitschrift für vergleichen. Sprachforschung 1852, IV, 311; Die Götterwelt, 34, 52, 59, 70, 265—7; Germ. Mythen, 731—4; D. Myth., 330—5, 695, 899; Andeut. eines Systems der Myth., 239—240; Пякте, II, 583—4; Гануша: Дѣдъ и Баба, 6, 60. — ²⁾ D. Myth., 138, 263. — ³⁾ Die Götterwelt, 132. — ⁴⁾ D. Myth., 331; Die Wissenschaft des slawisch. Mythos, 272; Черты литов. нар., 69. — ⁵⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск. 36. У киргизовъ млечный путь также называется птичьей дорогою — Москв. 1853, XXII, 73.

шамн (см. ниже стр. 299); b) въ тульской губ. становище — мѣсто для отдыха дорожныхъ людей, странниковъ; c) въ персской губ. путь въ Іерусалимъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ поселяне убѣждены, что бѣлѣющая полоса млечнаго пути указываетъ дорогу въ этотъ святой городъ, т. е. собственно это — путь, ведущій въ божій градъ, въ небесный Іерусалимъ или рай. Въ Германіи есть преданіе, что Вуотанъ ѣздитъ ночью въ Іерусалимъ и забираетъ съ собою въ колесницу своихъ храбрыхъ ратниковъ. d) Въ тамбовской и тульской губ. млечный путь извѣстенъ подъ именемъ Батыевой дороги; рассказываютъ, что дорога эта идетъ отъ желѣзныхъ горъ, въ которыхъ заключены татары, т. е. она примыкаетъ къ тѣмъ адскимъ вертепамъ облачныхъ горъ, гдѣ мучатся «дивніи народы» — великаны разрушительныхъ бурь и грозъ. Мнѣчскія сказанія объ этихъ послѣднихъ въ средніе вѣка были перенесены на суровыхъ, дикихъ кочевниковъ, беспощадно-опустошавшихъ русскую землю и названныхъ потому «бичемъ божіимъ». Въ ярославской же губ. между раскольниками сохраняется преданіе о священномъ городѣ, скрытомъ подъ глубокими водами и населенномъ благочестивыми старцами; въ этотъ городъ, напоминающій заоблачное царство «отцевъ», ведетъ Батыева дорога ¹⁾).

Въ скандинавской мифологіи радуга — чудесный мостъ, перекинутый черезъ воздушное море; Геймдалль, сынъ Одина, стоитъ на немъ безсмыннымъ стражемъ и оберегаетъ путь въ свѣтлое небо. Подобное представленіе у насъ соединяется съ головой млечнаго пути, которую въ тульской губ. называютъ косари; увѣряютъ, что тамъ стоятъ на стражѣ четыре коса-

¹⁾ Обл. Сл., 8, 118, 214; Доп. обл. сл., 222, Владим. Г. В. 1844, 52; Сахаров., II, 62—63; Рус. въ св. посл., IV, 43; Beiträge zur D. Myth., 158.

ря и рубить всякаго, кто вздумает пройти этою заповѣдною дорогою; коса — эмблема и орудіе богини Смерти. Индусы и персы думали, что души усопшихъ должны переходить черезъ мостъ испытанія, что праведные легко совершаютъ этотъ переходъ, а грѣшныя низвергаются съ моста въ огненную рѣку. По народному повѣрью германцевъ, души праведныхъ ведутся на небо черезъ воздушный мостъ-радугу ангелами-хранителями. Негшóðhr, посланный къ усопшему Балдуру, долженъ былъ перейти по блестящему золотомъ мосту, перекинутому черезъ шумный потокъ; замѣчательныя слова, обращенныя къ нему оберегательницею этого пути: «подъ тобою звучитъ мостъ сильнѣе, чѣмъ звучалъ онъ подъ пятою толпами усопшихъ, которые вчера переѣхали на ту сторону.» Тяжелая поступь живыхъ противопоставляется въ этихъ словахъ едва-слышной поступи мертвыхъ; какъ существа воздушныя, какъ неуловимыя тѣни, усопшіе также легки на ногу, какъ и родственныя имъ эльфы. Въ нѣкоторыхъ сагахъ разсказывается о переходѣ цверговъ черезъ узкій мостъ; каждый изъ нихъ, вступая на мостъ, бросаетъ въ нарочно-поставленный сосудъ пошлину, что соответствуетъ платѣ, вносимой душами за перевозъ ихъ черезъ всесвѣтное море или рѣку. Никто изъ живыхъ не можетъ безнаказанно присутствовать при этомъ переходѣ цверговъ; когда они движутся по мосту, то производятъ такой-же шумъ, какъ-бы переходило по немъ стадо овецъ ¹⁾. Снаряжая покойника въ далекій замогильный путь, нѣмцы клали ему въ гробъ странническій посохъ и новую обувь (todtenschuh ²⁾; наши крестьяне надѣвають ему новые лапти, чтобъ они долѣе носились на томъ свѣтѣ (нижегород. губ.).

¹⁾ D. Myth., 335—6, 696, 794—5; Доп. обл. сл., 90; Сахаровъ, II, 63; Germ. Mythen, 363. — ²⁾ D. Myth., 795; Ч. О. И. и Д. 1860, IV, ст. Вейнгольда: „Разн. роды погребенія у нормановъ“, 348.

Вступая въ средѣ стихійныхъ духовъ, тѣни усопшихъ раздѣляютъ и ихъ судьбу. Въ зимній періодъ года окованная стужей и морозами—онѣ повергаются въ тоже оцѣпеніе, въ тотъ-же долгій сонъ, какъ и всѣ творческія силы природы, и пребываютъ печальными узницами, заключенными въ мрачныхъ подземельяхъ тумановъ и снѣжныхъ тучъ—въ этомъ холодномъ царствѣ Зимы, которая издревле отождествлялась съ богиней смерти и ада. Весною же, вѣстѣ съ возрожденіемъ солнца и бога-громовника, души пробуждаются (воскресаютъ) для новой жизни, заявляютъ свою дѣятельность въ шумныхъ грозахъ и дождевыхъ ливняхъ и открываютъ ясное небо, или выражаясь мифическимъ языкомъ: обрѣтаютъ источники живой воды и пресвѣтлый рай. По нѣмецкимъ сказаніямъ, злые демоны захватываютъ Гольду и подвластныя ей души и держатъ ихъ въ плѣну въ продолженіи семи зимнихъ мѣсяцевъ; окутывая небо снѣжными облаками, они запираютъ Engelland, т. е. скрываютъ эту блаженную страну отъ людскихъ взоровъ, и ломаютъ ключъ, которымъ она заперта. Только на короткое время Рождественскихъ Святковъ, когда народившееся солнце пророчитъ о грядущей веснѣ, отворяется небо и души-эльфы спѣшатъ посѣтить жилища своихъ родичей; въ эти святые дни домохозяева накрываютъ для нихъ столы и готовятъ жертвенныя яствы. Полное освобожденіе Гольды и эльфовъ совершается весною и тогда-же наступаетъ обычная пора сношеній между усопшими и живыми ¹⁾. Въ русскомъ народѣ ходитъ сказаніе, что гдѣ-то далѣко есть царство, въ которомъ люди умираютъ на зиму и воскресаютъ на вешній Юрьевъ день (23-го апрѣля), т. е. на праздникъ бога-громовника, пробудившагося отъ зимняго сна ²⁾. Во время зимы, по народному повѣрью, покойни-

¹⁾ Germ. Mythen, 491—523, 725—7. — ²⁾ Цебриков., 280; Сл. Мнѣ., 81.

ки испытываютъ холодъ, мракъ и тоску; наканунѣ Рождества Христова и Крещенія поселяне жгутъ посреди дворовъ навозъ, чтобы родители (усоншіе) могли согрѣться на томъ свѣтѣ ¹⁾. Встрѣчая весну, славяне прогоняли изъ своихъ селъ Марану, богиню зимы и смерти; ибо съ возвратомъ теплаго солнца свѣтъ побѣждаетъ нечистую силу мрака и холода, жизнь торжествуетъ надъ смертію. Съ наступленіемъ марта у всѣхъ славянъ начинаются обрядовыя посѣщенія кладбищъ; въ первый день этого мѣсяца, передъ самымъ восходомъ солнца, лужичане, чехи и поляки ходятъ на кладбища съ зажженными факелами, служатъ тамъ панихиды и оставляютъ на могилахъ разныя яства; они думаютъ, что вмѣстѣ съ обновляющеюся природою мертвецы чувтъ духъ жизни и обрѣтаютъ утраченныя силы. Лужичане возглашаютъ при этомъ слѣдующія знаменательныя слова: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!» ²⁾ На Руси, по свидѣтельству Стоглава, рано въ четвергъ (день, посвященный громовнику, рукою котораго возжигается пламя жизни) на седьмой недѣлѣ великаго поста жгли солому и клякали мертвыхъ. Отсюда объясняется обычай полагать умирающаго на солому ³⁾ и давать ему въ руки зажженную свѣчу, какъ знаменіе будущаго воскресенія. Въ апрѣлѣ-мѣсяцѣ покойники, по мнѣнію поселянъ, скорбятъ о прежней жизни и

¹⁾ Послов. Даля, 1003; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 8—9. У русиновъ существуетъ обычай жечь послѣ Коледы солому, что называется у нихъ сожженіемъ дида (Пантеонъ 1855, V, 47). — ²⁾ Терещ., III, 119—120; V, 3. — ³⁾ Какъ скоро у больного начинается предсмертная агонія, его перекладываютъ съ перины на солому; если не сдѣлать этого, душа будетъ мучиться и отдастъ на томъ свѣтѣ отвѣтъ за каждое перушко въ постели—Сынъ Отеч. 1839, VIII, 84; Иллюстр. 1846, 172. Если соломинка пристанетъ къ хвосту курицы — въ домѣ будетъ покойникъ (Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 12).

жаждут свиданія съ своими родственниками; чтобы утѣшить ихъ, старухи выходятъ раннимъ утромъ на могилы и окликаютъ родителей, причитывая: «ужь ты, солнце, солнце ясное! ты взойди-взойди со полуночи, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, ни съ бѣдой горевать, ни съ тоской вѣковать. Ужь ты, мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди-взойди со вечера, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горячихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужь ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! ты возвѣй-возвѣй со полуночи, принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушились» ¹⁾. При началѣ весны, когда языческій культъ чествовалъ обновленную природу и пробудившихся отъ зимняго сна «предковъ», христіанская церковь установила праздники Лазарева воскресенія (въ субботу на шестой недѣлѣ великаго поста) и Пасхи или Свѣтло-Христова Воскресенія, съ которыми нераздѣльна мысль о несомнѣнной побѣдѣ жизни надъ смертію. Къ этому времени главѣйшимъ образомъ относится и поминовеніе мертвыхъ. На первый день Пасхи отпирается небо, и въ продолженіи всей Свѣтлой недѣли души усопшихъ постоянно обращаются между живыми, посѣщаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, пьютъ, ѣдятъ и радуются вмѣстѣ съ ними ²⁾; а скончавшіеся въ эту седмицу вступаютъ, по народному повѣрью, въ отверстыя врата рая. Точно также, по мнѣнію чеховъ, кто умретъ въ страстную пятницу, страстную субботу, или въ Зеленый четвергъ, тому прощаются всѣ содѣянные имъ грѣхи ³⁾. На

¹⁾ Сахаровъ, II, 23. — ²⁾ Ibid., 83; Чернягов. Г. В. 1853, 23.

— ³⁾ Громявъ, 189.

Свѣтлый праздникъ, Красную Горку и Радунницу (на Фоминой недѣлѣ) красятъ яйца и ходятъ съ ними на кладбище христосоваться съ покойными родителями и родственниками. Обращаясь къ усопшимъ, произносятъ обычные слова: «Христосъ воскрес!» Затѣмъ катаютъ съ могильныхъ пригорковъ красныя яйца и тутъ-же зарываютъ ихъ въ землю. Яйцо у всѣхъ языческихъ народовъ служило символическимъ знакомъ возрожденія къ новой жизни. Какъ на востокѣ (у персовъ) весеннее пробужденіе природы чествовалось красными яйцами, такъ и у насъ принято на Красную Горку закликать весну съ краснымъ яйцомъ въ рукахъ, и вообще красныя и желтыя яйца считаются необходимою принадлежностью праздничныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ дни Пасхи, Радунницы, Семика и Троицы. Всякому, кто умираетъ на Святой недѣлѣ, даютъ въ руки красное яйцо, съ которымъ и опускаютъ его въ могилу, дабы на томъ свѣтѣ онъ могъ похристосоваться съ своими родичами ¹⁾. Въ Малороссіи, какъ было уже замѣчено, бросаютъ въ воду скорлупу крашеныхъ яицъ, чтобъ она донесла усопшимъ вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова, извѣстномъ въ южной Руси подъ именемъ Велика дня. Вѣсть эта доходитъ къ нимъ въ четверггъ русальной недѣли, въ который и празднуется на томъ свѣтѣ навскій (мертвецкій) Великъ день или Великъ день русалокъ, а на землѣ совершаются седмицкіе обряды въ честь умершихъ предковъ. По другимъ преданіямъ, навскій Великъ день празднуется въ четверггъ пасхальной недѣли, или вслѣдъ за маслянницею — въ первый понедѣльникъ великаго поста, или (какъ думаютъ въ Галиціи) на Преполовеніе, т. е. въ среду четвертой недѣли

¹⁾ Сахаровъ, II, 75, 81, 85; Отв. Сб., I, 192, 226; Записки Авдѣев., 121; Вѣст. Евр. 1818, XLI, 412; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 85; Иличъ, 123.

по Пасхѣ ¹⁾: очевидно, это — праздникъ воскресенія мертвыхъ, время котораго древле совпадало съ началомъ весны. Ночью на мертвецкѣй Великѣ день покойники встаютъ изъ гробовъ, оставляютъ деревенское кладбище, и одѣтые въ бѣлые саваны собираются въ приходскую церковь; давно-умершіе попы облачаются въ ризы, освѣщаютъ церковь и совершаютъ торжественную службу, по окончаніи которой всѣ предстоящіе христосуются (харьков. губ.). На Семицкой недѣлѣ въ поляхъ и рощахъ показываются русалки и мавки; крестьяне ходятъ тогда на кладбища, творятъ поминки, опахиваютъ (обметають вѣтками) могилы и катаютъ по нимъ красныя и желтыя яйца. Какъ на Пасху крошатъ на могилахъ яйца для птицъ, такъ на Семикѣ бьютъ ихъ и кладутъ на могилы для покойниковъ, которые, по мнѣнію народа, охотно пріемлютъ и вкушаютъ это приношеніе. Въ день Семика и на Троицу крестьянки готовятъ яшницу и несутъ въ лѣсъ, при пѣніи обрядовыхъ пѣсень:

Радуйтесь, бѣлыя березоньки!
Идутъ къ вамъ дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яшницу.
Ю, ю, Семикъ да Троица! ²⁾

При обрядѣ крещенія кукушекъ также употребляются крашенныя яйца. Выше (стр. 142) мы привели свидѣтельства, что въ старину, празднуя «русальи», было въ обычаѣ наряжаться въ звѣриныя шкуры, что служило символическимъ знаменіемъ тѣхъ облачныхъ покрововъ, въ которыхъ являются стихійные духи; эти «ряженные» заводили шумныя игры, пѣсни и пляски — подобно тому, какъ пробужденные отъ зимняго

¹⁾ Рус. Ист. Сб., III, 146—7; Полтав. Г. В. 1845, 22; Волян. Г. В. 1866, стр. 356—7; Прост. рус. праздн., IV, 9. — ²⁾ Сахаров., II, 83—84; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 85; Терещ., VI, 146, 152, 163—5, 175—6.

сна духи кружатся въ буйной пляскѣ вихрей и запѣвають дикую грозовую пѣсню. Древніе чехи, при совершеніи поминокъ по мертвымъ, бѣгали ѱнаряженные въ шутовскія (ско-моршья) одежды и личины и предавались неистовому веселью ¹⁾. Понятно, что поминальныя празднества должны были получить двойственный характеръ: съ одной стороны оставшіеся въ живыхъ горевали по своимъ покойнымъ родичамъ, или о нихъ слезы и сожалѣли о вѣчной съ ними разлукѣ; а съ другой, признавая усопшихъ за существа стихійныя, они считали религіознымъ долгомъ участвовать въ ихъ шумной радости при весеннемъ пробужденіи природы. Такой двойственный характеръ дрезней тризны и донынѣ остается любопытною чертою народныхъ поминокъ (см. гл. XXIX).

Стихійныя явленія природы рисовались фантазіи древняго человѣка въ различныхъ образахъ, воплощались въ тѣ или другія животненныя формы и даже принимали на себя подобіе нѣкоторыхъ неодушевленныхъ предметовъ. Согласно съ этимъ, душамъ-эльфамъ была приписана чудесная сила превращеній. Мы знаемъ, что душа, по мнѣнію нашихъ предковъ, излетала изъ человѣческаго тѣла птичкою, мотылькомъ или другимъ крылатымъ насѣкомымъ, и въ этомъ видѣ возносила въ царство блаженныхъ. Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія, въ исчезновеніи насѣкомыхъ и отлетѣ птицъ осенью стали усматривать удаленіе душъ въ небесныя области, гдѣ во все продолженіе зны осуждены онѣ пребывать въ плѣну, подъ крѣпкими запорами демоническихъ силъ; наоборотъ въ появленіи насѣкомыхъ и прилетѣ птицъ весной почерпалось твердое убѣжденіе, что настала пора освобожденія, что небо отверзло свои врата и души поспѣшаютъ посѣтить землю. Нѣ-

¹⁾ Терещ., III, 79; Ч. О. И. и Д., годъ 2, II, ст. Мацѣвскаго „Очеркъ исторіи письменности и просвѣщен. слав. нар. до XIV вѣка“, 31.

мецкія преданія представляютъ анста, лебеда, бабочку и жука то проводниками усопшихъ въ блаженный Engelland, то приносителями младенческихъ душъ, посылаемыхъ Гольдою на поприще земной жизни, то наконецъ видятъ въ нихъ самыя души. Осенью, когда птицы улетаютъ въ теплыя страны, анстъ возвращается въ свое небесное отечество — Engelland, сбрасываетъ съ себя пернатую одежду и получаетъ человѣческій обликъ, а въ весеннюю пору снова спускается на землю легкокрылою птицею и гнѣздится на домовой кровлѣ, въ сосѣдствѣ дружественныхъ ему людей ¹⁾. По нашимъ повѣрьямъ, весеннія птицы прилетаютъ изъ вирія, приносятъ золотые ключи и отпираютъ свѣтлое небо и дождевые источники: «прилетѣлъ куликъ изъ заморья, принёсъ весну изъ неволя» (сравни II, стр. 138, 450). Въ Германіи думаютъ, что ключъ отъ Glasberg'a (т. е. небснаго свода) обрѣтается лебедемъ ²⁾. Поэтому русскіе поселяне встрѣчаютъ этихъ птицъ, какъ долго-жданныхъ и пріятныхъ гостей, и нарочно рассыпаютъ для нихъ въ мартѣ и апрѣлѣ-мѣсяцахъ льняное и конопляное сѣмя по своимъ дворамъ ³⁾. При началѣ весны, особенно 25-го марта—въ день благой вѣсти о воплощеніи «праведнаго солнца» Христа — и на праздникъ его Свѣтлаго Воскресенія, существуетъ обычай выпустать птицъ на волю изъ кѣтокъ ⁴⁾: символическій обрядъ, знаменующій освобожденіе стихійныхъ геніевъ и душъ изъ той неволи, въ какой томилась они—заключенные злыми демонами зимы. Первый прилетѣвшій анстъ, первая ласточка или кукушка почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ привѣтствуются, какъ вѣстники благодатной весны; съ ихъ прилетомъ связываютъ начало теплой и ясной погоды. Стрѣлять въ этихъ птицъ и ра-

¹⁾ Germ. Mythen, 371—4, 397—400, 523. — ²⁾ Рус. въ св. посл., IV, 26. — ³⁾ Сахаров., II, 18, 26. — ⁴⁾ Терещ., VI, 97—98.

зорять ихъ гнѣзда считается за величайшій грѣхъ. Французы и нѣмцы называютъ ласточку «птицей Господа Бога»; на Руси она почитается святою, а у чеховъ — птичкою Богородицы ¹⁾; кукушка, по указанію старинной польской хроники, была посвящена Живѣ, богинѣ міровой жизни (= весны), плодородія и любви, и принималась за ея воплощеніе (см. гл. XXVIII). Прилетая изъ виріа, изъ той заоблачной страны, откуда нисходятъ души новорожденныхъ, куда удаляются усопшіе и гдѣ пребываютъ дѣвы судьбы (парки, норны, роженницы), кукушка вѣдаетъ часы рожденія, брака и смерти. Дочери замужнія женщины спрашиваютъ кукушку, сколько будетъ у нихъ дѣтей, а дѣвицы — скоро ли будутъ сосватаны и какъ долго проживуть въ брачномъ союзѣ? Сколько разъ прокукуетъ кукушка, столько лѣтъ суждено оставаться въ дѣвкахъ, или столько лѣтъ быть за мужемъ. Точно также, слышавъ впервые весенней порою кукушку, обращаются къ ней съ вопросомъ: сколько лѣтъ остается жить на бѣломъ свѣтѣ? Отвѣты ея признаются за пророчество, посылаемое свыше: по выраженію малорусскихъ пѣсень, «що вона ковала — промижъ святы хъ чувала», т. е. слышала на томъ свѣтѣ, въ царствѣ блаженныхъ; «що вона ковала — тому стати й бути!» ²⁾ Если ласточки и голуби летаютъ около дома во время свадебнаго пиршества, это предвѣщаетъ молодымъ счастье въ супружествѣ; вьется ли ласточка возлѣ оконъ — въ томъ домѣ, по народной примѣтѣ, скорѣ просватають невесту ³⁾. Маленькой жучокъ — *coccinella septempunctata* назы-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 432; Громницъ, 70. — ²⁾ Сборн. украин. пѣсень, 56. — ³⁾ Кто носитъ при себѣ сердце ласточки, тотъ (утверждаютъ нѣмцы) будетъ любимъ всѣмъ свѣтомъ; по французскому повѣрью: чтобы обрѣсти любовь дѣвицы, должно подарить ей золотое кольцо, которое девять дней лежало въ гнѣздѣ ласточки. На Руси берутъ корень травы, называемой „кукушкины

вался иудеями Indra-gōbra; литовцы называютъ его Devo-
ozys (ozelis) или Perkuno-ozys—небесная или Перуно-
ва козочка, нѣмцы—Gotteskühlein, Gotteskalb, Herr-
gottsvöglein, Marienkäfer, Marienvöglein, Mari-
enhenne, Frauenkuh, sonnenkäfer, sonnenkalb, рус-
скіе — божья коровка и солнышко (сонечко), чехи—
boží kravička, sluníčko, slunečnice, поляки—babin-
ka, сербы — бабе. Исчисленные нами названія, а равно и
причитанія, съ какими обращаются къ этому насекомому,
(такъ называемыя «sonnenlieder») свидѣтельствуютъ, что
оно было посвящено Фреѣ или Гольдѣ, вмѣсто которыхъ въ
христіанское время стали разумѣть Дѣву Марію; у славянъ
это — богиня Лада, прекрасная дѣва зорь, дарующая дневной
свѣтъ и цвѣтущую весну. Отчизна «божьей коровки» есть пре-
свѣтлый рай—Engelland или небесный колодець, откуда и
прилетаетъ она къ намъ весеннимъ гостемъ. Вотъ свидѣтель-
ства народныхъ причитаній:

- a) Marienwürmken flig furt,
Flig furt nach Engelland!
Engelland ist zugeschlossen,
Schlüssel davon abgebrochen.
- b) Herrgottspferdchen fliege,
Vater ¹⁾ ist im kriege,
Mutter ²⁾ ist in Engelland,
Engelland ist abgebrannt.
- c) Herrgottspferdchen fliege weg,
Dein häuschen brönnit,
Dein kähnenchen schwimmt,
De ne kinderchen schreien nach butterbrod,

слезы» (*orchis maculata* или *latifolia*), топать его въ водѣ, и при-
готовленный отваръ даютъ пить молодой четѣ, чтобы она жила
согласно и любовно; по этому-же корію гадаютъ — кого родитъ
замужняя женщина: сына или дочь?—*Beiträge zur D. Myth.*, I, 247;
О. З. 1848, V, ст. Харитонов., 15, Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, 59.—
¹⁾ Небесный владыка, отецъ боговъ и людей. — ²⁾ Фрея или
Гольда.

или: deine kinder weinen alle mit einander. Въ другихъ пѣсняхъ говорится: flieg in den himmel, flieg in's Herrgottsgärtchen, т. е. лети въ небесное царство, въ сады блаженныхъ — Engelland; это царство, которое до сего времени было замкнуто зимнею стужей и омрачено сплошными тучами, уже загорѣлось пожаромъ весенней грозы и владыка его (= богъ-громовникъ) вступилъ въ борьбу съ демонами. Жукъ представляется здѣсь, какъ проводникъ малютокъ душъ; посѣщая въ райскія области, онѣ переплываютъ воздушный океанъ въ легкой ладѣ или переносятся черезъ него на крыльяхъ солнечнаго жука, почему этотъ послѣдній и называется божьимъ конемъ. По основному представленію, Marienkäfer самъ есть воплощеніе души = мары (mārkäfer); на стѣвѣ coccinella извѣстна подъ именемъ marihoene. Подобно тому бабочку называютъ въ Норвегii marihoena, marihoene; мотыльку libelle въ Германii даютъ названіе Gottespferd, а на шведскихъ островахъ — hogsho-māga = pferdemāg; точно также сербы именуютъ бабочку вилинымъ конемъ, а къ жуку coccinella обращаются съ названіемъ: маро! Комары, мухи и другія насѣкомыя, привлекающія весною по словамъ русскихъ поселянъ изъ вѣрiя, по нѣмецкому повѣрью приплываютъ на кораблѣ изъ царства эльфовъ (Elbenreich). При заревѣ небснаго пожара, объемяющаго это царство, дѣти = мары плачутъ и просятъ хлѣба, т. е. льютъ дожди и призываютъ на землю плодородіе. Вслѣдъ за пронесшеюся грозою и пролившимися дождями, небо просвѣтляется и ясное солнце выходитъ изъ-за темныхъ тучъ, или выражаясь поэтическимъ языкомъ народныхъ причитаній — Мариня жукъ выводитъ весеннее солнце изъ облачныхъ колодець:

a) Käfer!, käfer!
 flieg nach Mariabrunn
 und bring uns a schöne sunn.

b) Goldhennel lass die sonne scheinen, die regenwolke, den wolkenfleck lass den wind vertreiben, klar auf im süden, die wolken gehn nieder im norden.» Поэтому Мари́на жука называютъ *sunpenschienken*, и утверждаютъ, что если убить его, то на другой день не будетъ солнца, т. е. жукъ не полетитъ на небо и не принесетъ хорошей погоды. Въ Швабii его величаютъ *sonnenkind* (= рус. солнышко); кто его убьетъ, тотъ попадетъ въ адъ ¹⁾. Чтобы освободить дневное свѣтло, дать просторъ его лучамъ, жукъ отпираетъ небо золотымъ ключемъ—молніей. Маленькихъ золотистыхъ жуковъ шведы называютъ *Jungfrau Maria's schlüsselmagd*; въ числѣ другихъ воззваній, обращаемыхъ къ *Marienkäfer'u*, встрѣчаемъ и слѣдующее: «*flieg auf, flieg mir in den himmel n'auf, bring a goldis schlüssela runder und a goldis wickelkinda drunder.*» Виѣтъ съ солнечными лучами, обрѣтаютъ свободу и души-эльфы, полоненные демонами зимы и мрака. По свидѣтельству одной саги, жукъ вырылъ изъ-подъ земли ключъ, съ помощію котораго были отворены двери горы (= тучи) и освобождены заключенныя тамъ дѣти. На близкія отношенія рогатаго жука къ молніеносному пламени указываютъ придаваемые ему названія: *donner-gueg*, *donner-rippe*, *feuerschröter*, *fürböter* (*feueranzünder*), *haus-bröpper*; народное повѣрье утверждаетъ, будто онъ носитъ на своихъ рогахъ горячіе уголья и, въ случаѣ причиненной ему обиды, бросаетъ ихъ на кровлю дома и производитъ пожаръ; присутствіе такого жука въ жиломъ зданіи привлекаетъ туда грозовой ударъ. Повѣрья эти стоятъ въ несомнѣнной связи съ баснею объ ангстъ-принесителѣ небеснаго огня и съ представленіемъ молній летучими наѣкомыми (пчелами). Кобольды нерѣдко принимаютъ образъ жука или

¹⁾ Наоборотъ, кто поставитъ навознаго жука, лежащаго на спинѣ, на ноги—тотъ очищается отъ семи грѣховъ.

шмеля. Наравнѣ съ нѣмцами, славяне обращаются къбожьей коровкѣ съ тѣми-желюбопытными причитаніями. Чехи и моравы, сажая это насѣкомое на руку, произносятъ: а) «sluničko, sluničko! kam poletíš—do nebe, neb do rekla?» (словенцы: «pověz ty ma, kdě sa vydám, či hore, či dolů, či k milemu Bohu?») б) «let' do nebes (или: na zlate okènkò — къ солнечному восходу, на окно богини Зори), pověz mi—v ujde li sluničko dnes?» («буде ли завтра свититъ слунечко?») в) «Sluničko božil tvůj domek hoří, dej pozor, at' ti neshoří» (сравни т. I, 242-3 — съ преданіемъ о Середѣ). Въ народной русской сказкѣ навозный жукъ заставляетъ разсмѣяться печальную Несмѣяну-царевну, т. е. вызываетъ на небо румяную зорю (см. I, 601-2). Убить «божью коровку» считается за великій грѣхъ, влекущій за собою разныя несчастія. Какъ кукушка повѣдаетъ о грядущемъ супружествѣ и долготѣ жизни, такъ тѣже предвѣщанія даетъ и Marienkäfer; по-славянски богини любви и жалецъ загробнаго царства, онъ знаетъ, когда челоуѣку суждено вступить въ брачный союзъ и когда наступитъ часъ его смерти. Въ Германіи дѣти сажаютъ Маріина жука на ладонь и начинаютъ считать: разъ, два, три, и такъ далѣе по порядку — до тѣхъ поръ, пока онъ не улетитъ; сколько успѣешь насчитать, настолько годовъ и продлится жизнь. Съ той стороны, куда направитъ онъ свой полетъ, дѣвцы ожидаютъ жениха. Въ Малороссіи, Сербіи и Богеміи допрашиваютъ это насѣкомое: откуда ожидать сватовъ; «кажи, маро, (говорятъ сербскія дѣвочки) откуда ће сватови доћи?» ²⁾

¹⁾ Переводъ: лети на небо и повѣдай мнѣ — выйдеть ли сегодня солнце, будетъ ли свѣтать оно завтра? — ²⁾ German. Mythen, 242—255, 346—356, 369—371; Beiträge zur D. Myth., II, 448—9; D. Myth., 656—8; Sonne, Mond u. Sterne, 69; Ганушь: Дѣдъ и Баба, 43—44; Дѣва, златовласая богиня, 15; Чешск. вѣсни Эрбена, 78; Срп рјечник, 9.

Душа является не только птичкою или крылатымъ насекомымъ; она, по свидѣтельству нѣмецкихъ сагъ, можетъ исходить изъ открытыхъ устъ челоуѣка змѣею, мышью, кошкою и звѣрькомъ ласточкою. Однажды король Guntham заснулъ въ лѣсу на колѣнахъ своего вѣрнаго слуги; пока онъ спалъ изъ рта его выползла змѣя, приблизилась къ ручью и стала пытаться какъ-бы переправиться на другую сторону. Чтобы помочь ей, слуга положилъ черезъ ручей свой мечъ; змѣя скользнула по немъ, и перейдя на противоположный берегъ, исчезла въ горѣ. Спустя нѣсколько времени, она возвратилась тѣмъ-же путемъ назадъ и вошла въ спящаго короля. Вскорѣ затѣмъ король проснулся и рассказалъ, что ему видѣлось во снѣ, будто онъ переправлялся черезъ желѣзную мостъ въ гору, наполненную золотомъ. Объ одномъ мельникѣ рассказываютъ, что онъ рубилъ дрова на Шварцвальдѣ, и утомленный работою заснулъ; изъ него выползла мышъ, пустилась бѣжать, и такъ какъ болѣе она не возвращалась, то мельника нашли мертвымъ. Другія саги повѣствуютъ: о ратникѣ, изъ котораго выходила ласточка (wiesel); о чертовой невѣстѣ (вѣдьмѣ), изъ открытаго рта которой выползла кошка или красная мышъ, при чемъ оставленное таинственнымъ звѣрькомъ тѣло впадало въ сонное оцѣпенѣнiе. Въ поминальные дни, когда тѣни усопшихъ приходятъ на землю, въ Германiи считается непозволительнымъ убивать жабъ и лягушекъ, потому что въ ихъ видѣ являются души ¹⁾. Малорусская легенда передаетъ видѣнiе старца: въ глубокою полночь собрался онъ въ путь, входитъ въ одну комору — тамъ «два свички стоятъ и два голуби целуютца», входитъ въ другую комору — «и тамъ два свички горять и два гадюки кусаютца». Въ первой комнатѣ спали мужъ съ женою, жившіе между собой въ постоянной любви и согласiи,

¹⁾ D. Myth., 789, 1036; Germ. Mythen, 723.

а въ другой покоялась сномъ несогласная, враждующая чета ¹⁾. По чешскому повѣрью, если человекъ во время сна почувствуетъ сильную жажду—душа его выползаетъ въ открытыя уста въ видѣ маленькой змѣйки или бѣлой мыши и спѣшитъ напиться; если въ это время перевернуть спящаго въ другую сторону, то душа не найдетъ дороги въ покинутое ею тѣло—и человекъ умираетъ ²⁾. Преданія о змѣяхъ, вползающихъ въ сонныхъ людей черезъ ихъ разинутые рты, известны и между русскими поселянами (см. т. II, стр. 560). Змѣи, какъ воплощеніе небснаго пламени молній, признаны были за родовыхъ пенатовъ, за духовъ-представителей усопшихъ предковъ и охранителей семейнаго счастья, за одинъ изъ главнѣйшихъ образовъ души человеческой. Въ каждой избѣ, по мнѣнію чеховъ, обитаетъ гадъ - господарикъ (=домовой цмокъ), вмѣстѣ съ смертію котораго умираетъ и хозяинъ дома. У этого гада есть самка и дѣтеныши, съ жизнью которыхъ связано существованіе хозяйки и остальныхъ членовъ семьи (см. II, 539-540). Тоже суевѣріе уцѣлело и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи; въ нѣмецкихъ и славянскихъ сагахъ змѣи нерѣдко изображаются, какъ гении, охраняющіе колыбели младенцевъ; какъ скоро будетъ убита такая змѣя, тотчасъ-же умираетъ и младенецъ ³⁾. Любопытно, что слово щуръ=предокъ (II, 93) въ памятникахъ старинной письменности означаетъ кузнечика, а въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ употребляется въ смыслѣ ужа и крысы ⁴⁾, подобно тому, какъ нѣм. heimchen означаетъ и сверчка, и душу-эльфа. Въ литовскомъ и волынскомъ Полѣсьи утверждаютъ, что усопшія вѣдьмы выходятъ по ночамъ изъ могилъ, выползая оттуда, сквозь узкія отверстія, въ ви-

¹⁾ Основа 1862, VI, 45—46. — ²⁾ Громанъ, 60. — ³⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 443—4; Труды Археолог. Общ., в. II, стр. 174. — ⁴⁾ Лавровскаго: Корен. значеніе названій родства у славянъ, 35.

дѣ мышей и ящерицъ ¹⁾). Встрѣчая въ саду мышъ, чехи принимаютъ это за предвѣстіе близкой смерти кого-либо изъ своихъ родичей ²⁾). Выше было объяснено, что грызуны: мышъ, крыса и заяцъ служили для обозначенія разящихъ молній; вмѣстѣ съ этимъ они сроднились съ представленіемъ души, и Гомеръ, какъ мы видѣли, изображаетъ тѣни усопшихъ летучими мышами. Подобныя-же сближенія заставили олицетворять душу быстро-скользящею ящерицею, проворною ласточкой и сверкающею очами кошкою. Наконецъ жабы и лягушки приняты были за воплощеніе душъ (по преимуществу отверженныхъ, грѣшныхъ) на томъ основаніи, что въ этихъ гадахъ олицетворялись демоны разрушительной бури, ливней и града; какъ существа, замирающія на зиму и оживающія весною, какъ обитатели водъ и суши, жабы и лягушки были отождествляемы съ душами, о которыхъ общее вѣрованіе утверждало, что онѣ при началѣ весны освобождаются изъ темницъ Смерти и нисходятъ на землю изъ (облачныхъ) источниковъ и колодцевъ. Покидая тѣло, душа принимаетъ тѣ различные образы, какіе фантазія соединяла съ стихійною природою боговъ и демоновъ грозы, вихрей, облаковъ и другихъ воздушныхъ явленій. По свидѣтельству скандинавскаго мифа, въ то самое время, какъ тѣло Одина лежало недвижимое, оцѣпенѣнное сномъ или смертію, духъ этого верховнаго бога быстро переносился въ отдаленныя страны, оборачиваясь птицею, звѣремъ, рыбою или змѣею ³⁾). Съ этимъ свидѣтельствомъ вполне совпадаетъ указаніе старинной статьи о запретныхъ книгахъ, которая въ числѣ другихъ чародѣйствъ упоминаетъ опрометныя лица звѣриныя и птичіи: «тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, и совою, рыщутъ

¹⁾ Киевлянинъ 1865, 71. — ²⁾ Громанъ, 229. — ³⁾ D. Myth., 1037.

лютимъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зимемъ, рышутъ рысію и медвѣдемъ ¹⁾). И донинѣ народъ, убѣжденный въ близкой, неразрывной связи колдуновъ и вѣдьмъ съ нечистою силою, рассказываетъ, что какъ скоро они предаются сну или обмираютъ—души ихъ освобождаются отъ тѣлесныхъ узъ, подвергаются различнымъ превращеніямъ и участвуютъ въ воздушномъ полетѣ демоновъ. Здѣсь коренится основа ученія о метемпсихозѣ или переселеніи душъ по смерти изъ одного тѣла въ другое. Украинцы думаютъ, что усопшій бываетъ поочередно муравьемъ (насткомымъ), птицей, звѣремъ, рыбою, и потомъ снова возрождается человѣкомъ ²⁾; въ литовскомъ и волынскомъ Полѣсьи существуетъ вѣрованіе, что иногда, наказуя за грѣхи, Богъ облекаетъ душу человѣка въ тѣло того или другаго животнаго ³⁾. О дѣтяхъ, приспанныхъ матерями, говорятъ, что они превращаются въ животныхъ, и вообще оборотень признается нашими поселянами за душу младенца, умершаго некрещенымъ, или за душу чародѣя и вѣроотступника, осужденную вѣчно блуждать и не вѣдать покоя. Оборотень обыкновенно показывается въ сумерки и ночью; съ дикимъ воемъ и неудержимою быстротою шится онъ, перекидываясь въ конку, собаку, сову, пѣтуха или камень, бросается подъ ноги путнику и перебѣгаетъ ему дорогу; нерѣдко онъ подкачивается клубкомъ, снѣжною глыбою, копною сѣна, а въ лѣсу встрѣчаютъ его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ ⁴⁾. По нѣмецкимъ преданіямъ, души усопшихъ могутъ принимать образы зайца, собаки, свиньи, теленка, коровы, козла, овцы или барана; мары, проникая внутрь домовъ сквозь замочныя скважины, превращаются въ кошекъ,

¹⁾ Іоаннъ, вѣзиръ болгар., 211; Лѣтописи занятій Археогр. ком., I, 42—43. — ²⁾ Москв. 1846, XI—XII, 152. — ³⁾ Кіевлянинъ 1865, 52. — ⁴⁾ Иллюстр. 1845, 299; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 6.

ласточекъ, мышей, кунницъ, въ пухъ или перья, клокъ волосъ, соломѣ и колосья ¹⁾). Звѣринные образы, принимаемые покойниками, указываютъ на тѣ облачныя одежды, въ какія облакаются они въ качествѣ стихійныхъ духовъ; превращеніе въ перо и камень стоятъ въ связи съ преданіями о громовой стрѣлкѣ, превращеніе въ соломѣ и колосья — съ преданіями о переходѣ душъ въ растенія и злаки (II, 508), а превращеніе въ клубокъ нитокъ и волоса — съ представленіемъ облаковъ небесною пряжею и руномъ. Такъ какъ мара съ одной стороны признавалась прякою, а съ другой — отождествлялась съ облачною коровою; то отсюда объясняется, почему въ народной сказкѣ мать, превратившаяся по смерти въ корову - бурѣн ушку, прядетъ для своей дочери ленъ ²⁾). Въ русскихъ легендахъ, изображающихъ загробную жизнь и мѣки грѣшниковъ, души усопшихъ представляются въ звѣринныхъ образахъ: «идемо (читаемъ въ повѣсти о странствованіи по тому свѣту), коли-жъ гризутца два собаки надъ шляхомъ — такъ гризутца, такъ гризутца! А дядь и каже: се не собаки, се два брати, щѣ погризлись та-й побились, идучи степомъ; то Богъ и сказавъ: коли вже-й ридни брати бѣютца, то дѣ-жъ буде те добро мижъ людьми? Нехай-же, каже, стануть вони собаки и гризутца. Идемо, ажъ ходять волі въ такому спашу, що-й ригъ не видно съ травы, а сами худи-худи, якъ дошка. А била ихъ ходять волі по самій земли — ни травинки видъ ногами нема, да жиръ ажъ по земли тлипаецца. Отъ дядь и каже: оцѣ, що худіи волі, то то богати люде, щѣ жили сами въ роскоши, а биднимъ не помагали; а ситіи волі, то то бидни люде, щѣ одъ свого рота одніймали та старцямъ (вищимъ) изъ послѣднѣго давали; отъ-же вони теперъ и сити й

¹⁾ Germ. Mythen, 483, 490, 730; Beiträge zur D. Myth, II, 267—8; Поэт. Возвр., II, 103. — ²⁾ Н. Р. Сл., VI, 54, 55; VII, стр. 515—6.

напоены, а тѣя по роги въ спашу — та худя, якъ дошка» ¹⁾). Въ другой легендѣ мальчикъ-сирота ѣдетъ къ Богу спрашивать, зачѣмъ онъ взялъ къ себѣ его мать? На пути въ небесное царство мальчикъ увидѣлъ поле: на полѣ трава сочная, высокая, по колѣно лошадямъ будетъ, а кони ходять по ней худые, только кости да кожа! Увидѣлъ потомъ и другое поле — совсѣмъ голое, нѣтъ ни былинки, а кони гуляють добрѣ рѣжны и тучны. И повѣдалъ ему Господь: «худые кони, что пасутся въ густой травѣ по колѣно, — это нѣкогда были скупые богачи, незнавшіе состраданія къ бѣднымъ, а кони тучные — милосердые бѣдняки, которые и послѣднимъ кускомъ охотно дѣлились съ нищими.» Тѣже образы встрѣчаемъ и въ сказаніяхъ литовцевъ и сербовъ ²⁾). Души несогласныхъ братьевъ сербская легенда олицетворяетъ боровами, осужденными на вѣчную ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. Поэтическое представленіе скупыхъ богачей тощими конями, а бѣняковъ, довольныхъ своимъ состояніемъ, — конями сытыми, тучными занесено и въ апокрифъ, извѣстный въ рукописяхъ XVIII-го вѣка подъ названіемъ «Бесѣды трехъ свитителей», гдѣ означенная мысль выражена въ любимой формѣ загадокъ: «Вопросъ: что есть — стоитъ конь на гумнѣ, а трава у него по самое чрево, а на траву зря изсъ (изсохъ)? Толкъ: «богатый человекъ въ великомъ богатствѣ живетъ, а на богатство зря изсохъ. Вопросъ: что есть — стоитъ конь на гумнѣ, не имѣя ни травы, ни жита, а всегда сытъ? Толкъ: «нищій человекъ, не имѣя у себя ничего, а Бога славить — «всегда сытъ бываетъ» ³⁾). Въ старинномъ поучительномъ словѣ, приписанномъ Іоанну Златоусту, встрѣчаемъ сравненіе праведныхъ съ овцами и волами: «и будутъ въ лузѣ ограда овцамъ. Лугъ наречется рай, а ограды — райская жѣ-

¹⁾ Булишь, I, 306. — ²⁾ Шлейхеръ, 72—74; Срп. и. припов., 111—4. — ³⁾ Пам. стар. рус. литер., III, 156.

ста, а овцѣ — вѣрніи людіе. И дєбрь Охерьсла въ покои ве лємъ. Дєбрь єсть вышнѣго Ерусалима-пакитъ, а воло ве — кротціи епископи и попове, иже ходять по церковному ученію и нѣхъ дєбрь учаше¹⁾. Чехи убѣждены, что душа самоубійцы въ продолженіе всего времени, какое бы прожилъ онъ, еслибъ не прекратилъ своей жизни самовольно, блуждаетъ въ образѣ чернаго пса; въ нѣхъ суевѣрныхъ сказаніяхъ души усопшихъ представляются стадомъ безголовыхъ овецъ, бѣлыми конями, кошками, зайцами и бѣлыми курами²⁾.

Малютки-души, разставаясь съ земною жизнью, поступаютъ въ среду стихійныхъ духовъ—эльфовъ и карловъ—становятся ихъ добычею и увлекаются ими въ загробный міръ. Отсюда возникли повѣрья, что духи эти причиняютъ людямъ тяжкія, неизлѣчимыя болѣзни и смерть (см. стр. 71—80), и что сверхъ того они похищаютъ дѣтей, т. е. собственно забираютъ къ себѣ человѣческія души. Эльфы, цверги, мары и никсы воруютъ у матерей младенцевъ или подмѣниваютъ ихъ на своихъ собственныхъ — безобразныхъ, съ большой головою и вышупленными очами; иногда на мѣсто похищеннаго младенца, эльфъ, никсъ или карликъ ложится въ колыбель самъ въ видѣ уродливаго и болѣзненнаго ребенка. Такой подмѣнышъ (wechselbalg) отличается злыми свойствами цверговъ: онъ коваренъ, дикъ, необыкновенно-силенъ, прожорливъ и крикливъ, радуется всякой бѣдѣ, не произнеситъ ни слова — пока не будетъ вынужденъ къ тому какою-либо угрозою или хитростью, и тогда голосъ его звучитъ какъ у старика. Гдѣ онъ поселится, тому дому приноситъ несчастія: скотъ заболѣваетъ, жилье ветшаетъ и разваливается, предпріятія не удаются. Онъ сохраняетъ общую эльфамъ склон-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезневск., 100. — ²⁾ Громаннъ, 197.

ность къ музыкѣ, что обнаруживается и быстрыми успѣхами его въ этомъ искусствѣ, и чудесною силою его игры: когда *wechselbalg* играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ, то все— и люди, и животныя, и даже неодушевленные вещи предаются неудержимой пляскѣ. Чтобы узнать, дѣйствительно ли ребенокъ подмѣненъ эльфами, надо развести огонь и кипятить воду въ яичной скорлупѣ; тогда *wechselbalg* невольно восклицаетъ: «я старъ, какъ древній лѣсъ ¹⁾, а не видалъ еще, чтобы варили въ скорлупѣ яйца!»—и взглядъ затѣмъ исчезаетъ. Бывали случаи, что подмѣнышъ, когда несли его по мосту черезъ потокъ или рѣку, вырывался изъ рукъ, прыгалъ въ воду и возвращался въ царство духовъ ²⁾. Такъ какъ падучая, параличъ, бѣшенство и другія болѣзни, сопровождаемыя слабоуміемъ, приписывались вліянію эльфовъ; то поэтому всякой ребенокъ, родившійся съ физическими и душевными недостатками, въ глазахъ суевѣрнаго народа былъ существо, въ которомъ поселился нечистый духъ, или прямо признавался за злаго эльфа, которымъ подмѣнено настоящее дитя при самомъ его рожденіи. Вотъ почему, вѣстѣ съ обычными свойствами эльфовъ, *wechselbalg* соединяетъ всѣ признаки болѣзненнаго, ненормальнаго состоянія: уродливость, тупоуміе, неспособность къ человѣческой рѣчи; дикость и жадность. Таковы и бываютъ идиоты и безумцы, страдающіе надлучими припадками. Эльфы, по указанію древняго мифа, были созданы прежде людей, и потому нисходя съ заоблачныхъ странъ и вселяясь въ тѣла новорожденныхъ, сами о себѣ свидѣтельствуютъ, что они старѣе вѣковыхъ лѣсовъ ³⁾. Яичная скорлупа, какъ мы видѣли, служитъ для эльфовъ, мазь и русалокъ ладью, на которой уходятъ они въ загробное цар-

¹⁾ «Ich bin so alt, als der greise wald!» — ²⁾ *Irische elfenmärch.*, XIV; *D. Myth.*, 437, 798; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 304—6, 321—3. — ³⁾ *German. Mythen*, 716.

ство; несясь по воздушному океану, среди тучъ, пожигаемыхъ грозовымъ пламенемъ, ладья эта подвергается опасности потонуть въ бурливыхъ потокахъ дождя. Отъ того какъ скоро яичная скорлупа наполняется кипучей водою, *wechselbalg* чувствуетъ невольный страхъ и тотчасъ-же исчезаетъ. По свидѣтельству другихъ сагъ, его прогоняють ударами бича или розги (= *blitzespeitsche* ¹⁾). Литовцы убѣждены, что маленькихъ дѣтей воруютъ лаумы, о тождествѣ которыхъ съ эльфами смотри въ главѣ XXV-й. Въ замѣнъ похищенныхъ младенцевъ, лаумы оставляютъ своихъ собственныхъ, или дѣлаютъ изъ соломы и прутьевъ куклы, сообщаютъ имъ чудеснымъ образомъ жизнь и кладутъ въ колыбели. Это повѣрье легко объясняется изъ той близкой связи, въ какую постарелы эльфическія существа по отношенію къ зеленѣющимъ нивамъ и вообще растительному царству. По нѣмецкимъ сказаніямъ, эльфъ, проникая въ избу, то превращается въ солому или колосья, то снова дѣлается неугомоннымъ малюткою; въ Саксоніи и другихъ мѣстностяхъ Германіи матери не позволяютъ дѣтямъ забѣгать далеко въ рожь, опасаясь, чтобы ихъ не увесли *kogengel* и *roggenstuhne* ²⁾). Однажды поздною ночью вошли въ домъ двѣ лаумы, подкрались потихоньку къ спящей матери, взяли у ней новорожденного ребенка и понесли въ кухню; тамъ окутали его своимъ покрываломъ, а въ дѣтскія пеленки повили голикъ, и затѣмъ заспорили между собою, кому изъ нихъ отнести подмѣныша и положить въ люльку. Чтобы прекратить споръ, онѣ рѣшились отнести голикъ вмѣстѣ; настоящій ребенокъ былъ оставленъ ими въ кухнѣ. Все это случилось подемотрѣть работнику; онъ взялъ ребенка и спряталъ его въ своей постели. Когда лаумы воротились назадъ, онѣ не нашли младенца и начали

¹⁾ Der heut. Volksglaube, 116. — ²⁾ Beiträge zur D. Myth., 246, 275.

ссориться: «ты во всемъ виновата!» говорила одна. — Нѣтъ ты! возражала другая. Вдругъ зашѣлъ пѣтухъ, и лаумы исчезли. Съ большимъ усиленіемъ растолкалъ работникъ хозяйку; такъ глубоко былъ ея сонъ, насланный лаумами. Пробудившись, она не хотѣла вѣрить разсказу работника; но вскорѣ убѣдилась въ истинѣ его словъ, увидя двухъ ребенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ похожъ на помело. Приходскій священникъ, къ которому обратились за совѣтомъ, приказалъ отрубить подмышную голову, и притомъ сдѣлать это въ теченіи того-же дня, пока голикъ не обратился въ совершенно-живое существо. Тотчасъ взяли за топоръ, отсѣкали у подмышнаго голову — и что-же? внутри его оказались соломенные стебли, изъ которыхъ сочилась кровь. По мнѣнію литовцевъ, подмышныя живут не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ, постоянно остаются недоросткомъ (карликомъ) и имѣютъ огромную голову, которую не въ состояніи держать прямо. У одной женщины было подмышѣнное дитя; оно достигло двѣнадцатилѣтняго возраста, но ни разу не промолвило ни словечка и было такъ слабо, что его надо было носить на рукахъ. По совѣту опытныхъ людей, мать взяла куриное яйцо, выпустила изъ него бѣлокъ и желтокъ, и наполнивъ скорлупу водою, повѣсила ее надъ разведеннымъ огнемъ, точно маленькой котелокъ. «Мама! неожиданно проговорило дитя, что ты хочешь дѣлать?» — Хочу варить адусъ ¹⁾. «Боже милостивой! я очень старъ, я былъ на свѣтѣ прежде, чѣмъ были засѣяны лѣса, которые потомъ разрослись въ громадныя, нынѣ уже истребленныя деревья, а такого дива не видывалъ.» Послѣ того дитя захворало и умерло. Пока ребенокъ не окрещенъ, литвинки, опасаясь подмына, держатъ по ночамъ, при постели родильницы, зажженный огонь ²⁾. Чаще всего лаумы являются и похищаютъ дѣ-

¹⁾ Родъ домашнего пива. — ²⁾ Сравни Beiträge zur D. Myth., II, 303.

тей по четвергамъ, и потому въ этотъ день нужно съ особенною заботливостью оберегать новорожденныхъ младенцевъ ¹⁾. Подобныя же повѣрья существуютъ и между славянами. Мары и домовые наваливаются на сонныхъ людей, давятъ и душатъ ихъ; русалки и лѣшіе схватываютъ запоздалыхъ или заплутавшихся путниковъ и защекочиваютъ ихъ до смерти; вилы своими иѣткими стрѣлами наносятъ смертельныя раны; навь поражаютъ населеніе моровою язвою и увлекаютъ души въ загробный міръ; наконецъ всѣ утопленники считаются жертвами водяныхъ и русалокъ, что вполне соответствуетъ нѣмецкимъ сказаніямъ о никсахъ ²⁾. Отъ нападенія русалокъ предохраняютъ полынь и зоря; потому прежде, чѣмъ станешь купаться, надо набросать этихъ травъ въ воду, а отправляясь въ лѣсъ—вплетать ихъ въ вѣнки и подвязывать подъ мышки. При встрѣчѣ русалка спрашиваетъ: что у тебя—полынь, мята или петрушка? Если ей скажутъ: «полынь», она сердито отзывается: «цуръ тобі, сгинь!» и тотчасъ-же убѣгаетъ; а если будутъ названы мята или петрушка, то схватываетъ встрѣчнаго и начинаетъ его щекотать, причитывая: «стуть твоя й хата!» — «ты-жъ моя душка!» На Украинѣ приписываютъ русалкамъ еще слѣдующее восклицаніе: «дайте мени волосинку зарізати дитинку!» ³⁾ При договорахъ съ лѣшимъ, онъ обязуется помогать тому, кто вступаетъ съ нимъ въ сѣлку, но въ уплату за свои услуги требуетъ его души ⁴⁾. Эти-же коварныя духи похищаютъ и новорожденныхъ младенцевъ. Едва родится дитя, какъ они уже изыскиваютъ средства овладѣть имъ; поэтому надо, какъ можно скорѣе, освятить его крещеніемъ. Въ противномъ случаѣ того и смотри, что некрещеный ребенокъ пропадетъ изъ дому: дѣвочка обратится

¹⁾ Шлейхеръ: *Lituanica*, 31—36, и сказки, 91—93. — ²⁾ *Beiträge zur D. Myth.*, II, 301. — ³⁾ Полтав. Г. В. 1845, 24; 1846, 21; Киев. Г. В. 1845, 15; *Номис.*, 6. — ⁴⁾ О. З. 1848, IV, 137.

въ русалку, а мальчикъ въ лѣшаго ¹⁾. Выше (т. II, 243, и въ этомъ томѣ, стр. 262) мы видѣли, что водяной при-
маниваетъ къ себѣ дѣтей и запираетъ ихъ въ глубокихъ ому-
тахъ; по мнѣнію чеховъ, всякая мать, если вскорѣ послѣ ро-
довъ случится ей переходить по мосту, должна бросить въ
воду какую-нибудь монету, дабы водяной не унёсъ ея ребен-
ка ²⁾. Въ новгородской губ. похищеніе младенцевъ приписы-
вается домовымъ духамъ, проживающимъ въ баняхъ, куда
обыкновенно водятъ обмывать родильницу ³⁾. Сербскія вилы,
подобно эльфамъ, пляшутъ на могилѣ убитаго, держа въ ру-
кахъ зажженные лучины; дѣтей, проклинаемыхъ родителями,
онѣ уводятъ въ свою средѣ (см. стр. 174), а собственныхъ
малютокъ подкидываютъ къ замужнимъ поселанкамъ ⁴⁾. Въ
подмѣнѣ новорожденныхъ младенцевъ обвиняются также дикія
жены (пол. dziwożony, чешск. divé ženy, нѣм. die wilden
frauen), сродство которыхъ съ русалками подтверждает-
ся уже тѣмъ, что и тѣ, и другія представляются обитатель-
ницами лѣсовъ. По словамъ Сѣменьскаго ⁵⁾, «najwięcej cierpią
od nich położnice ⁶⁾. Dziwożony szpiegują ⁷⁾ takie kobiety,
a upatrzwszy porę, kradną nowonarodzone dziecko, a swoje
na miejscu skradzionego zostawiają, które są zwykle szpetne,
garbate i koszlawe ⁸⁾. Podrzucone ⁹⁾ dziecko wyho-
szą zwykle na śmietnik, gdzie smagają je rozgą, para-
wiają wodą se skorupki jaja i wołają: odbierz swoje,
oddaj moje! Dziwożona litując się ¹⁰⁾ nad cierpieniem swego

¹⁾ Ж. М. Вн. Д. 1848, ч. XXII, 130. По лужицкому повѣрью, ребенокъ, неокрещенный до шести недѣль, непременно будетъ под-
мѣненъ — Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 332. — ²⁾ Громаннъ, 115. — ³⁾ Новгород. сборн. 1865, I, 284. — ⁴⁾ Статья Ку-
кулевича, 91, 100. — ⁵⁾ Стр. 121—2; Пантеонъ 1855, V, стат. Ва-
гилевича о гуцулахъ, 50. — ⁶⁾ Родильницы. — ⁷⁾ Высматриваютъ.
— ⁸⁾ Безобразное, горбатое и кривоногое. — ⁹⁾ Подкинутое. —
¹⁰⁾ Сжалась.

dziecka oddaje ukradzione, a swoje zbiega. Porywają ¹⁾ niekiedy i dorosłe dziewczęta.» Дзвонжены боятса цвѣтовъ, называемыхъ колокольчиками (dzwonkami), т. е. собственно обнаруживаютъ страхъ передъ огненнымъ Перуновымъ цвѣтомъ, распусканіе котораго сопровождается всепотрашающимъ звономъ грома. По чешскому повѣрью, divé ženy и věšti-се подмѣниваютъ некрещеныхъ младенцевъ и вредятъ родильницамъ; чтобы противодѣйствовать ихъ замысламъ, подъ подушку родильницы кладутъ ножъ—символъ разящей молніи. Если ребенокъ явится на свѣтъ мертвымъ, въ этомъ виноваты дивья жены; старинный обычай требуетъ, чтобы отецъ отрѣзалъ у него голову и бросилъ ее въ воду. Не менѣе опасною считается у чеховъ полудница (polednice)—лѣсная жена, которая бродитъ по нивамъ въ полуденное время, и маленькихъ дѣтей, оставляемыхъ крестьянками безъ присмотра, подмѣниваетъ на своихъ собственныхъ. Смотря по тому, какъ обходятся въ семьѣ съ подмѣнишемъ, точно также хорошо или худо бываетъ и похищенному полудницей ребенку. Когда дитя начинаетъ кричать, суевѣрная мать унимаетъ его угрозою: «вотъ прійдетъ полудница и возьметъ тебя!» ²⁾. На Руси преданія о похищеніи и подмѣнѣ дѣтей связываются съ лѣшимъ. Какъ нѣмецкій erlkönig (лѣсной царь), такъ и наши лѣсовики воруютъ некрещеныхъ младенцевъ и уносятъ малолѣтнихъ дѣтей, отсулѣнныхъ имъ родителями и даже просто-заблудившихся въ лѣсу: Отцы и матери пуще всего остерегаются, чтобы не обмолвиться въ сердцахъ и не сказать своему сыну или дочери: «лѣшій бы те унесъ!» «лѣшій те побери!» Слова эти, вылетая изъ устъ родителей, обладаютъ пагубною силою; отсулѣнныя дѣти забираются лѣсовиками и поступаютъ къ нимъ въ кабалу. Тоже приписываютъ и водянымъ: они уво-

¹⁾ Похищаютъ. — ²⁾ Громанъ, 13—14, 114; Beiträge zur D. Myth., II, 245.

дять проклятыхъ въ свои подводныя жилища. Въ замѣтъ похощеннаго младенца, лѣшіе кладутъ въ колыбель связку соломы или полѣно, превращая ту и другое въ живаго ребенка ¹⁾); иногда же оставляютъ свое родное дѣтище—безобразное, глупое и обжорливое. До одиннадцати лѣтъ подиѣныишь только ѣсть, пѣть, спать и оглашаетъ избу провентельныишь крикомъ, не обнаруживая никакихъ признаковъ ума; но за то бываетъ силенъ, какъ добрый конь. Когда ему исполнится одиннадцать лѣтъ, онъ обыкновенно убѣгаетъ въ лѣса; если же и послѣ того остается между людьми, то дѣлается страшнымъ колдуномъ и губителемъ христіанскихъ душъ. Малорусскій разсказъ ²⁾ даетъ подиѣныишу черты, отождествляющія его съ зльѣами: «з' однобю жинкою було ось яке привидѣніе. Що «пійде въ поле жать, або братъ конопли, да поставитъ у печи «страву, дакъ хтось новіймае з' печи горшки да-й повиждае «все чисто. Думала-думала, щобъ воно значило?—ниакъ не «збагнула. Прійде—двери позамикани, а въ хати тилько й з«ставалась що мала дитинка, може въ пивъ года, у «колесци», и не смотря на то, всѣ кушанья съѣдены. Бросилась къ знахаркѣ; эта послала ее въ поле, а сама спряталась въ хатѣ и смотритъ: «коли-жъ дитина скыкъ изъ колески! Гляне, ажъ то вже не дитина, а дидъ-самъ низенькій, а борода от-такé лезна!» Повынималъ изъ печи горшки, поѣлъ всѣ яствы и снова сдѣлался ребенкомъ. «Тоди знахарка за ѣго; поставила «на деркачъ (голикъ, вѣникъ) и почала обрубовать дер-«качъ пидъ ногами. Воно кричить, а вона рубаетъ; воно кри-«читъ, а вона рубаетъ. Дали бачитъ, що попавсь у добри руки, «зробивсь изновъ дидомъ да-й каже: вже я, бабусю, переки-«давсь неразь да-й не два; бувъ я спершу рибою, потимъ «изробивсь птахомъ, мурашкою, звирукою, а се ще по-

¹⁾ Сравни съ сказаніями о происхожденіи человека изъ обрубка дерева—т. II, 470—485. — ²⁾ Кулишъ, II, 34.

«пробувавъ быть чоловікомъ. Такъ нема лучше, якъ жить «нижъ мурашками, а ніжъ людьми — нема гірше!» Захватывая дѣвей, лѣшіе уносятъ ихъ въ густыя дебри или скрываютъ въ подземныхъ пещерахъ, гдѣ они становятся таковыя-же лѣсовниками, если не будутъ освобождены во время; взрослые дѣвицы принимаются лѣшими въ жены. Чтобы освободить этихъ несчастныхъ — единственное средство служить молебны (повѣрье, возникшее уже въ христіанскую эпоху); такое средство дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, если они, во все время пребыванія своего между лѣшими, ни разу не отвѣдаютъ ихъ пищи. Только тогда выдаютъ лѣшіе своихъ плѣнниковъ, и выносятъ ихъ на то самое мѣсто, откуда похитили; но и воротясь въ людской міръ, эти невольные соучастники иной жизни между духами надолго сохраняютъ слѣды ихъ рокового вліянія: подобно тѣмъ, которыми овладѣваютъ эльфы, они бывають дики, угрюмы, слабоумны и насилу привыкають къ человѣческой рѣчи ¹⁾. По указанію хорутанской приповѣдки, дятя, которому случилось погостить у вилъ («*vi pušini*»), долго потѣмъ носило на себѣ вилинскій духъ ²⁾. Такъ какъ стихійные духи постоянно смѣшиваются съ нечистою силою, то рядомъ съ приведенными повѣрьями существуетъ убѣжденіе, что и самыя черти похищаютъ и подмѣнивають младенцевъ. Убѣжденіе это, общее всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, послужило источникомъ многихъ сказокъ, въ которыхъ нечистый духъ, являясь къ отцу, невѣдающему о беременности своей жены, вызывается помочь ему въ нуждѣ, если онъ отдастъ ему то, чего не знаетъ дѣма³⁾. Черти уносятъ

¹⁾ Памяти. книжка архангел. губ. 1864, 52—53; Абов., 234; Совр. 1856, XI, смѣсь, 28, 33, 38; О. З. 1848, IV, смѣсь, 138; Рус. Дневникъ 1859, 37; Н. Р. Ск., VII, 33. — ²⁾ Сб. Валявца, 60—62. — ³⁾ Н. Р. Ск., V, 23; VI, 48, 49; Н. Р. Лег., стр. 177—180; сб.

дѣтей—или еще-неокрещенныхъ, или приспанныхъ матерями, или пораженныхъ родительскимъ проклятіемъ. Рассказываютъ даже, что если обрядъ крещенія будетъ почему-либо не законченъ или совершенъ пьянымъ попомъ, то ребенокъ дѣлается полоняникомъ «чернородныхъ демоновъ» ¹⁾. Приспанный (задавленный во снѣ) младенецъ достается нечистымъ; чтобы освободить его, мать должна простоять три ночи въ церкви—въ кругу, очерченномъ рукою священника, и тогда въ третью ночь, какъ только пропоютъ пѣтухи, черти отдадутъ ей мертваго ребенка ²⁾. О проклятыхъ, отверженныхъ родителями, въ нашемъ простонародьи ходитъ много рассказовъ. какъ они пропадали и потомъ были освобождены. Жилъ въ Заонежьѣ старикъ со старухою, кормился охотою, и была у него собака—цѣны ей нѣтъ! Разъ попался ему на встрѣчу хорошо-одѣтый человѣкъ: «продай, говоритъ, собаку, а за расчетомъ приходи завтра вечеромъ на Мянъ-гору.» Старикъ отдалъ собаку, а на другой день отправился на верхъ горы и очутился въ большомъ городѣ, гдѣ живутъ лемби (черти); отыскалъ домъ своего должника: тутъ гостя накормили, напоили, въ банѣ выпарили. Парилъ его молодецъ, и покончивъ дѣло, палъ ему въ ноги: «не бери, дѣдушка, за собаку денегъ, а выпроси меня!» Дѣдъ послушался: «отдай, говоритъ, мнѣ добра молодеца: замѣсто сына у меня будетъ.»—Много просишь, старикъ! да дѣлать нечего, надо дать. По возвращеніи въ село, сказываетъ молодецъ старику: «ступай ты въ Новгородъ, отыщи на улицѣ Рогатицѣ такого-то купца.» Старикъ пошелъ въ Новгородъ, попросился къ купцу ночевать и сталъ его спра-

Вяльва, 193; Семеньск., 33—34; Иллюстр. 1848, № 27 (литовскій рассказъ о Румшисѣ); Нар. сл. раз., 78—79; Гальтрихъ, 26; Вольфъ, 199; Ск. норвеж., I, 9. — ¹⁾ Щаповъ, 32, 36 — 37; Ж. М. Н. П. 1840, XI, 81. — ²⁾ Абев., 197; Иллюстр. 1846, 332.

шнвать: «были-ль у тебя дѣти?»— Былъ одинъ сынъ, да мать въ сердцахъ крикнула на него: лембой те возьми! Лембой и унёсъ его. «А что дашь, я тебѣ ворочу его?» Оказалось, что добрый молодець, котораго вывелъ старикъ отъ лембоевъ, и былъ тотъ самый купеческій сынъ. Купецъ обрадовался и принялъ старика со старухою къ себѣ въ домъ ¹⁾. Одна мать прокляла свою дочь на Свѣтло-Христово Воскресенье, и нечистая сила похитила дѣвушку. Случилось какъ-то бѣдному солдату раздуматься о своемъ житьѣ-бытьѣ: «эхъ, сказалъ онъ, плохое житье! хоть бы чертовка за меня замужъ пошла!» И явилась къ нему ночью эта самая дѣвица; онъ сейчасъ крестъ ей на шею и повелъ ее въ церковь. Нечистые начали пугать солдата разными страхами; видѣлось ему, будто горы на него катились, провалы разверзались, кругомъ все пожаромъ охватывало, да онъ не убоялся—шелъ себѣ бодро, привелъ дѣвицу въ церковь в ранний утромъ обвѣнчался съ нею. Вотъ еще любопытный разсказъ, записанный во владимірской губерніи: жилъ старикъ со старухою, и былъ у нихъ сынъ, котораго мать прокляла еще во чревѣ. Сынъ выросъ большой и женился; вскорѣ послѣ того онъ пропалъ безъ вѣсти. Искали его, молебствовали объ немъ, а пропащій не находился. Недалеко въ дремучемъ лѣсу стояла сторожка; зашелъ туда ночевать старичокъ-нищій и улегся на печкѣ. Спустя немного слышится ему, что пріѣхалъ къ тому мѣсту незнакомый человекъ, слѣзъ съ коня, вошелъ въ сторожку и всю ночь молился да приговаривалъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревѣ!» Утромъ пришелъ нищій въ деревню и прямо попалъ къ старику со старухой на дворъ. «Что, дѣдушка! спрашиваетъ его старуха, ты человекъ мирской, всегда ходишь по міру, не слыхалъ ли чего про наше-

¹⁾ День 1862, № 52, стр. 14.

го проващаго сына? Ищемъ его, велимся о немъ, а все не об-
 является.» Нищій разсказалъ — что ему въ ночи почудилось:
 «не вѣшь ли это сынокъ?» Къ вечеру собрался старикъ, от-
 правился въ лѣсъ и спрятался въ сторожкѣ за печкою. Вотъ
 пріѣхалъ ночью молодецъ, молится Богу да причитываетъ:
 «Богъ суди мою матушку — за что проклѣяла меня во чревтѣ!»
 Старикъ узналъ сына, выскочилъ изъ-за печки и говоритъ:
 «ахъ, сынокъ! наслау тебя отыскалъ; ужъ теперь отъ тебя не
 отстану!»—Иди за мной! отвѣчалъ сынъ, вышелъ изъ сторож-
 ки, сѣлъ на коня и поѣхалъ; а отецъ вслѣдъ за нимъ идетъ.
 Пріѣхалъ молодецъ къ пролуби и прямо туда съ конемъ—такъ
 и провагъ! Старикъ постоялъ-постоялъ возлѣ пролуби, вер-
 нулся домой и сказываетъ женѣ: «сына-то сыскалъ, да выру-
 чить трудно; вѣдь онъ въ водѣ живетъ!» На другую ночь
 пошла въ лѣсъ старуха, и тоже ничего добраго не сдѣлала; а
 на третью ночь отправилась молодая жена выручать своего
 мужа, взошла въ сторожку и спряталась за печкою. Пріѣзжаетъ
 молодецъ, молится и причитываетъ: «Богъ суди мою матушку
 — за что проклѣяла меня во чревтѣ!» Молодуха выскочила: «другъ
 мой сердечной, законъ неразлучной! теперь я отъ тебя не от-
 стану!»—Иди за мной! отвѣчалъ мужъ и привелъ ее къ про-
 луби. «Ты въ воду, и я за тобой!» говоритъ жена.—Коли
 такъ, сними съ себя крестъ. Она сняла крестъ, бухъ въ про-
 лубь—и очутилась въ большихъ палатахъ. Сидитъ тамъ са-
 тана на стулѣ; увидалъ молодуху и спрашиваетъ ея мужа:
 «кого привелъ!»—Это мой законъ! «Ну, коли это твой законъ,
 такъ ступай съ нимъ вонъ отсюда! закона разлучать нель-
 зя.» Выручила жена мужа и вывела его отъ чертей на воль-
 ный свѣтъ ¹⁾. Если мы сравнимъ эти сказанія съ народными
 преданіями о стихійныхъ духахъ, поддающихся въ зимнюю

¹⁾ См. подобныя-же разказы въ Н. Р. Сж., V, 48; VIII, 19.

бору заколдованію или проклятію и до возврата весны томившихся въ царствѣ нечистой силы (въ облачныхъ горахъ и источникахъ); то необходимо должны прійти къ заключенію, что тѣ и другія имѣютъ одинаковыя мѣщескія основы. По русскому повѣрью, младенцы, проклятыя родителями или умершіе некрещеными, захватываются демонами и обращаются въ кикиморъ. Въ ихъ сообщество поступаетъ также игоша—шертворожденный ребенокъ, недоносокъ, выкидышъ, уродецъ безъ рукъ и безъ ногъ, который поселяется въ избѣ и тревожитъ домохозяевъ своими проказами (II, 101—2¹⁾).

¹⁾ А. Сав., 218; Пузын., 126; Иллюстр. 1845, 298.

ДѢВЫ СУДЬБЫ.

Облачныя дѣвы, какъ хранительницы живої воды, надѣляющей мудростью и предвѣдніемъ, какъ спутницы бога грозовыхъ бурь, призванныя съ одной стороны приносить на землю младенческія души, а съ другой — увлекать души усопшихъ въ загробное царство, явились въ народныхъ представленіяхъ устроительницами судьбы человѣческой. Согласно съ этимъ, древнія племена присвоивали имъ эпитеты, обозначающіе ихъ вѣщій характеръ и вліяніе на рожденіе, смерть и вообще на всю жизнь человѣка. Такіе эпитеты впоследствии стали употребляться, какъ имена нарицательныя, и мало по малу приняты были за прозванія особеннаго разряда божественныхъ существъ. Тѣмъ не менѣе преданія и донныя удерживаютъ многія черты первоначальнаго сродства ихъ съ облачными и грозowymi нимфами. У славянъ дѣвы эти назывались рожаницами, такъ какъ онѣ присутствуютъ при рожденіи младенцевъ и опредѣляютъ ихъ судьбу при самомъ появленіи на божій свѣтъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на свидѣтельства азбуковниковъ и Паксьевскаго сборника (XIV вѣка). Въ последнемъ памятникѣ находимъ «Слово св. Григорія о томъ, како первое погани суще языци кланялися идоломъ и требы имъ клани»; въ этомъ словѣ читаемъ:

«извыкоша елени класти требы Атремиду и Артемидѣ, рекше Роду и рожаницѣ; тацѣ же игултѣе. Також и до словѣнь доиде се слов(о), и ти начаша требы класти Роду и рожаницамъ» ¹⁾). Желая указать на языческое происхождение вѣры въ Родъ и рожаницу, проповѣдникъ сближаетъ ихъ съ подобными-же мнѣшескими представленіями у другихъ народовъ. По его мнѣнію, Родъ и рожаница значили у славянъ тоже, что у грековъ Артемиды; для полнаго соответствія онъ придаетъ ей имени и мужское окончаніе: Артемидъ ²⁾, и противопоставляетъ это новое имя—Роду, божеству мужескаго пола. Одно изъ главнѣйшихъ свойствъ, приписанныхъ Артемидѣ, касалось дѣторожденія. Она считалась покровительницею женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами, разрѣшала поясъ родильницы, играла роль повивальной бабки и кормилицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ была доброю пряхою, какъ-бы одною изъ паркъ. Греки давали ей названіе *Εἰλεθούσα* = рожаница ³⁾; Гомеръ же знаетъ не одну, а многихъ *εἰλεθούσαι*, и видитъ въ нихъ дочерей Геры ⁴⁾. Съ Артемидою сродна латинская богиня *Natio* (*Nascio*), которая, по свидѣтельству Цидерона, названа такъ потому, что ея попеченію ввѣрены роды женъ (*partus matronarum* ⁵⁾). Хотя Артемидъ, о которомъ упоминается въ Пасъевскомъ сборникѣ, и не существовалъ

¹⁾ Поѣздка въ Кирилло-Бѣловерскъ монастырь, Шевырева, II, 33—34; Москв. 1851, V, ст. Срезневск., 52—64; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 64—65. — ²⁾ „Атремиду“ поставлено, конечно, по ошибкѣ писца вмѣсто: „Артемиду“. — ³⁾ Рожденная прежде своего брата-близнеца (Аполлона), Артемиды тотчасъ-же исполнила въ отношеніи къ нему обязанности повивальной бабки—*Der Ugrung der Myth.*, 115 — ⁴⁾ Илиада, XI, 270; XIX, 119. — ⁵⁾ Баски до сихъ поръ вѣрятъ въ богиню судьбы (*Sorgain* — отъ *sorg*, *sortio*), какъ въ „*esprit qui préside à la naissance des enfans*“—Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 111.

въ греческой мѣологии; но за то греки призывали эпитеты рождающихъ, производящихъ и Зевсу, и Посейдону. Также творческая, призывающая къ жизни сила принадлежала Роду и рожаницамъ, на что указываютъ самыя названія ихъ, относящіяся къ одному корню съ словами: рожать или рожать, родитель, родильница, родной, рождённый, родина, роды, на-родъ, за-родышъ, урожай, по-рода, родни и ии. др. Роже(а)ница въ словарь Памвы Беринды опредѣлена такъ: «матица, поредѣля, пороженица». Слово родъ въ древнихъ памятникахъ означаютъ: родственники и потомки, земляки и цѣлый народъ, какъ образующійся чрезъ рожденіе ¹⁾; отъ тѣснѣйшаго смысла слово это восходило къ болѣе широкому, по мѣрѣ того, какъ человекъ отъ тѣсныхъ, исключительно-семейныхъ и родовыхъ связей переходилъ къ связямъ и отношеніямъ болѣе широкимъ — племеннымъ и общиннымъ. Но всѣ эти понятія, усвоенныя роду, вытекли изъ того первоначальнаго, основнаго его значенія, по которому подъ нимъ разумѣлась производящая сила природы вообще. Еще теперь въ народной рѣчи слышится выраженіе: «земля принялась за свой родъ» ²⁾.

По указанію старинныхъ азбуковниковъ, рожаницами «селинѣстѣи звѣдословцы наричють семь звѣздъ, глаголемыхъ планеты, и кто въ кую планету родится — и по той планетѣ любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца, или къ комъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ. И того ради рождышагось, якоже они мнятъ, въ планету Арисъ предглаголють тяжела быти нравомъ, яра же и гнѣвлива и дерз(к)а во бранѣхъ; а въ планету Афродиту рождышагось сластолюбива предглаголють быти и удобна на блудное смѣшеніе; сиче же и въ прочая планеты

¹⁾ Тюриня: Обществ. жизнь и земскія отнош. въ др. Русь, 26—27; Сахаров., II, 89. — ²⁾ Обл. Сл., 192.

рождавшихся предглаголють нравы, а не хотятъ окояніи дни звѣздамъ-законицы разумѣти, яко не по естеству въ человѣцѣхъ лежитъ злое, но по произволенію.» Названія «планиты» и «зодій» такъ объяснены въ азбуковникахъ: «планиты суть седмь звѣздъ, ижъ на аерныхъ седми поясѣхъ, кояждо на особомъ поясѣ: 1) Арисъ (Марсъ), 2) Ермисъ (Меркурій), 3) Завесъ (Юпитеръ), 4) солнце, 5) Аѳродита (Венера), 6) Кропъ (Сатурнъ), 7) Ккати (Ехатъ), еже есть луна. Сими звѣздами окояніи звѣдословцы мнятъ ся угадывати человѣчскіе нравы и счастье». «Зодіями наричють звѣдословцы дванадесять-звѣздъ, ихъ-же глаголють суца на седмомъ поясѣ аерномъ (слѣдуютъ названія знаковъ зодіака). Сими звѣздами умовредніи астрологи мнятъ ся угадывати счастья и добродѣйственное и злоденственное житіе чловѣкомъ»¹⁾.

Приведенныя нами свидѣтельства, приписывая рожаницамъ вліяніе на рожденіе, характеръ и счастье чловѣка, виѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, что эти мифическія дѣвы стояли въ таинственной связи съ звѣздами. Простой, непросвѣтленый наукою взглядъ наблюдателя не различаетъ планетъ отъ звѣздъ, и если рожаницами названы въ азбуковникѣ собственно планеты, то такое ограниченіе было слѣдствіемъ того средневѣковаго астрологическаго ученія, которое перешло къ намъ сравнительно уже въ позднѣйшее время—въ переводныхъ книгахъ, извѣстныхъ, подъ названіями: Астрономія, Зодій и др. Но какъ самое астрологическое ученіе возникло изъ древ-

¹⁾ Мы пользовались рукописными азбуковниками изъ хранилища г. Погодина; слѣди съ текстомъ, напечатаннымъ у Сахарова, II, 159, 177—8, 182, и въ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 105: «рожденици—вумири елленьстии, ихъ-же погани влѣшеніемъ рожденія нарицаху быти»; «рожденици—свято дия рожденія младенца; въ кой-же днь кто родится, той нравъ и осудъ (судьбу) приемлетъ».

нѣйшихъ народныхъ вѣрованій, общихъ всѣмъ племенамъ и востока и запада, — изъ вѣрованій, утверждающихъ зависимость жизни человѣческой отъ сіянія звѣздъ; то понятно, почему оно всюду такъ легко было принимаемо и всюду пользовалось сочувствіемъ массы. Оно ничего не говорило такого, что бы противорѣчило національнымъ преданіямъ. Этимиъ объясняются и тѣ постоянные протесты, съ которыми вынуждена была выступать церковь противъ такъ называемаго «звѣздословія». Древній переводчикъ хроникъ Григорія Амартола употребляетъ выраженіе: рождественное волшебіе — въ смыслѣ искусства предсказывать судьбу по звѣздамъ. «Немвродъ (читаемъ въ этомъ памятникѣ), персомъ старѣйшина бывъ, научивъ тѣхъ звѣздочтію и звѣздословію... Отъ нихъ же еллини рождественное вльшвеніе навывше, начешѣ рождаемыхъ подъ звѣзднымъ двизаніемъ принашати, не бо звѣздочтіе и звѣздословіе же и вльшеніе отъ магоусей (маговъ) илі персѣвъ начета бысѣ¹⁾. Тоже значеніе придавалось словамъ: родословіе, роженіе и рождество. Въ старинномъ индексѣ, между книгами «отреченными», упоминаются книги: а) Звѣздочетецъ, въ которой «безумніи ищутъ дни рожденія своего, сановъ полученіе и урока житію и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ» и б) Рожденикъ, въ которой указаны добрые и злые дни и часы и вліяніе ихъ на судьбу нарождающихся младенцевъ²⁾. Кормчая книга (по рязанскому списку 1284 г.) заноситъ на свои страницы запрещеніе 6-го вселенскаго собора (правило 61), направленное противъ тѣхъ, «иже въ получаніи вѣрують и въ родословіе, рекше въ рожаица»³⁾. Подобные запреты и осужденія повторялись

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 106. — ²⁾ Іоаннъ, вкзархъ болгарск., 211; Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отд. 3, 109. — ³⁾ Лѣтопись званіи Археогрѣе, Коммис. 1861, I, 29.

въ различныхъ памятникахъ допетровской Руси. Иосифъ Волоцкій, въ обвиненіяхъ своихъ противъ жидовствующихъ, говорятъ: «я баснословіа вѣкаа и звѣдозакеніа оучахоу и по звѣздамъ смотрити и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничто-же суще» ¹⁾. Максиму Греку принадлежатъ «слово о томъ, яко промысломъ божіимъ, а не звѣздами и колесомъ счастья вся человѣческая устроются» и другое «противу тщщихся звѣдозрѣніемъ предрицати о будущихъ» ²⁾. Поученіе митрополита Даніила между другими, подлежащими церковному осужденію, суетвѣріями упоминаетъ: «случай, полученіе и роженіе по звѣздословію» ³⁾. Авторъ Домостроя упрекаетъ своихъ современниковъ: «въ получая вѣрують, и въ родословіи, рекше въ рожанницы, нвъ обаяніе по звѣздословію» ⁴⁾. Въ одномъ поучительномъ словѣ конца XVI-го или начала XVII вѣка читаемъ: «неразумніи человѣцы несвершенымъ своимъ разумомъ увѣряють себе въ переходныя звѣзды, рекше въ зодейныя, и въ томъ звѣздномъ хоженіи мятутся и гаданіе творять по сему, понеже безумніи людіе вѣрують въ дванадесять переходныхъ звѣздъ и семь звѣздъ большихъ планидъ; въ нихъ-же невѣгласи вѣрують и волхвуютъ, понеже ищуть дней роженні своихъ и сановъ полученіе, въ нихъ-же ищуть рока житію и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ куплехъ и въ ремеслахъ и въ ыныхъ строеніяхъ» ⁵⁾. По древне-арійскому воззрѣнію, душа представлялась искрою небеснаго огня или звѣздою, возжигаемою при самомъ рожденіи младенца; какъ скоро звѣзда эта погасала, вмѣстѣ съ нею погасала и жизнь человѣка, а пока

¹⁾ Привосл. Собесѣд. 1455 („Просвѣтитель“, 60). — ²⁾ Ibid., 1860, IV, 399; Описан. рукоп. синодальной библиот., II, отд. II, 582. — ³⁾ Пам. стар. рус. литер., IV, 302. — ⁴⁾ Времен., I, 42—43. — ⁵⁾ Лѣт. рус. лѣт., т. V, отд. 3, 100.

она горѣла — ея блескомъ и мерцаніемъ условливались всѣ его житейскія радости и печали (= его свѣтлые и черные дни). И донинѣ народныя повѣрья связываютъ зарожденіе младенца и его будущую судьбу съ звѣздами. Надъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, въ той семьѣ (по мнѣнію поселянъ) дѣвица утратила дѣвственность = сдѣлалась беременною. Въ одной пѣснѣ сынъ, жалующься на свою долю, обращается къ матери съ этими словами:

Ты скажи-скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлила?

Богатырь Добрыня упрекаетъ мать, что породила его несчастливаго, а та отвѣчаетъ:

Видно ты, чадо мое милое,
Зародился ты въ ту звѣзду,
Въ ту минуту безсчастную, не въ таланную!

Василій Буслаевичъ говоритъ въ сказкѣ: «не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую» ¹⁾. Въ ра въ таинственную связь рожденія съ звѣздами, въ благое или враждебное дѣйствіе этихъ послѣднихъ на участь отдельныхъ людей, была распространена у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; думали, что звѣзды, сіявшія при рожденіи человека, берутъ его подъ свою охрану и что рожденные подъ благопріятнымъ вліяніемъ этихъ свѣтилъ должны быть непременно-счастливы, и наоборотъ. До сихъ поръ въ русскомъ языкѣ сохранились выраженія: «онъ родился въ добрый, счастливый часъ, подъ счастливою звѣздою (планидой)» или «въ недобрый часъ, подъ злую, лихую годину, подъ несчастною звѣздою»; сравни нѣм. «zu

¹⁾ Сахаров., I, 205; Собраніе Кашиныхъ пѣсенъ, 116; Рыбннк., III, 85; Рус. сказки Сахарова, 246.

glücklicher, guter stunde geboren werden», «unter einem guten, glücklichen stern geboren werden». Выраженія: «прости, моя звѣзда!» «закатилась моя звѣзда!» употребляются въ томъ-же смыслѣ, какъ и выраженіе: «закатилось мое счастье!» ¹⁾ Простолюдныи убѣждены, что въ теченіи дня или года бываютъ такія минуты, когда всякое высказанное желаніе, всякое благословеніе и проклятiе мгновенно исполняются; почему, передавая собесѣдникамъ о какомъ либо несчастіи, они спѣшатъ оговориться: «въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать!» — «дай Боже! у добрый часъ говориць, у благи маучаць!» — «нехай не въ пору буде сказано!» — «на задніе (прошлые) дни нехай будзець помянуто!» ²⁾ Сербск. «добре часе давати» означаетъ: желать счастья. На Украинѣ рассказываютъ о бабѣ, которая, разсердившись на теленка, крикнула на него въ одну изъ роковыхъ минутъ: «о чтобъ ты пропалъ!» — и теленокъ тотчасъ-же издохъ. Баба бросилась къ окну и отиѣтила углемъ тѣнь, какую въ то время дѣлало солнце. Въ слѣдующіе дни, какъ скоро солнце доходило до намѣченной черты, она начинала проклинать своихъ недруговъ, и такимъ образомъ многихъ сгубила. Другой рассказъ: пришелъ жидъ въ лату къ мужику. Хозяйка работала, а дѣти шумно рѣзвились и мѣшали матери. «Скажи, чтобъ у нихъ глаза повылѣзли!» молвилъ жидъ. — Пусть лучше у тебя повылѣзутъ! возразила съ гнѣвомъ хозяйка. И что же? какъ только сказала, очи у жида въ ту же минуту выскочили вонъ ³⁾. Точно также различаются и дни: счастливые слывятся легкими, несчастные — тяжелыми и черными: «береги денежку про черныи день»; у древнихъ были свои dies atrі и dies albi: первые отиѣчались въ кален-

¹⁾ Послов. Деля, 28—29. — ²⁾ Приб. къ Изв. Ак. Н., II, 179; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 351; Киевлян. 1865, 52. — ³⁾ Lud Ukrain, II, 88, 108; Срп. рјечникъ, 125; D. Myth., 684. ●

даряхъ черными знаками, какъ дни несчастій и неудачъ, а послѣдніе — бѣлыми ¹⁾. «Отреченныя» сочиненія, наполненныя толками «о добрыхъ и злыхъ частяхъ», «о рожденіи человѣчествъ» — въ которую звѣзду или часть: добръ или зольъ, постоянно подновляли и укрѣпляли въ народѣ эти суевѣрныя мнѣнія. По расположенію звѣздъ при рожденіи младенца астрологи предсказывали его судьбу, будетъ ли онъ добръ или злобенъ, ожидаетъ ли его долгая жизнь или краткая, богатство или нищета, и т. дал. Въ одной рукописной астрономіи XVII вѣка сказано: когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда «съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курчя и безплодны» ²⁾. Въ чешской думѣ о битвѣ христіанъ съ татарами упоминаются знахари-звѣздохеты (hwezdarí); ихъ обыкновенно называли *godowestnik*, *godowestec* — тотъ, который «*šťastný aneb nešťastný rod z hwezd hada*»; польск. *godowieszczek* — звѣздохеть, астрологъ ³⁾.

Представленіе души звѣздою заставило нашихъ предковъ вѣрить, что рожденіе и смерть каждаго человѣка обусловливаются появленіемъ и паденіемъ принадлежащей ему небесной звѣзды. Вѣрованіе это народная фантазія связала съ тѣми божественными дѣвами, которыя являлись съ своимъ свѣточемъ возжигать жизненное пламя въ новорожденномъ младенцѣ и потомъ тушили его на одрѣ смерти, которымъ вѣривла она начало и конецъ человѣческаго бытія. Хоругане убѣждены, что всякой человѣкъ, какъ только родится,

¹⁾ Совр. 1852, V, 4. На Руси не совѣтують отымать дѣтей отъ груди въ дни, посвященные св. мученикамъ; иначе ребенокъ будетъ томиться, мучиться. — ²⁾ Очеркъ домашн. жизни великор. нар.. 186; Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозер. монастырь, II, 22; Лят. рус. лит., т. IV, отд. 3, 106; Оп. Румян. муз., 15. — ³⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 119.

получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу; эта послѣдняя опредѣляетъ и предсказываетъ его судьбу ¹⁾). У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что всякой человѣкъ имѣетъ свою Зирку, которая, какъ духъ-хранитель, неотступно находится при своемъ избранникѣ. Собственно зирка значить: звѣзда; но въ народѣ подъ этимъ именемъ слыветъ богиня счастія. Есть поговорка: «что изъ него будетъ, коли онъ не въ милости у Зирки!» Зирка, по мнѣнію поселянъ, является на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и назначается для его охраны ²⁾). Вотъ почему въ азбуковникахъ слово «рожаница» истолковано звѣздой (планетой). Подобныя вѣрованія находимъ и у другихъ народовъ. Я. Гриммъ ³⁾) приводитъ слѣдующее свидѣтельство изъ одного поучительнаго слова XI вѣка: *cavete, fratres, ab eis, qui mentiuntur, quod quando quisque nascitur, stella sua secum nascitur, qua fatum ejus constituitur, sumentes in erroris sui argumentum, quod hic in scriptura sacra dicitur «stella ejus»* ⁴⁾). Съ паденіемъ язычества, въ замѣнъ мнѣшескихъ дѣвъ, выступаютъ ангелы: каждая звѣз-

¹⁾ Срезнев., 7. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 12. — ³⁾ D. Myth., 820. — ⁴⁾ Переводъ: Остерегайтесь, братія, тѣхъ, которые думаютъ, что когда кто родится, то съ нимъ нарождается и его звѣзда, устроившая его судьбу, принимая за доказательство своего заблужденія сказанное въ священномъ писаніи: «звѣзда его», т. е. ссылаясь на появленіе новой звѣзды, предвозвѣстившей рожденіе Спасителя. До сихъ поръ на Руси наканунѣ Рождества Христова не вкушаютъ до восхода первой звѣзды, а въ самый день праздника носятъ по домамъ «вертепъ» и «звѣзду». Въ вертепѣ представляются событія, какими сопровождалось рожденіе Спасителя; звѣзда дѣлается изъ бумаги, укрѣпляется на шестъ—такъ, чтобы она могла обращаться, и освѣщается внутри зажженной свѣчей—Москва. 1852, VI, 82; Шафонскаго: Черниговск. намістничества топографич. описаніе, 28; Этн. Сб., I, 320; Херсон. Г. В. 1844, 52.

да (по народному повѣрью, общему у русскихъ съ нѣмцами) имѣеть своего ангела, который назначаетъ ей мѣсто и направляетъ ея путь; на Руси звѣзды почитаются очами ангеловъ-хранителей, зорко-наблюдающихъ за дѣяніями людей, а въ блескѣ падающей звѣзды усматриваютъ слѣдъ, оставленный ангеломъ при полетѣ его за душою усопшаго ¹⁾). У румыновъ мѣсто богини Зирки занимаетъ духъ Арминдіанъ, обитающій на той звѣздѣ, подъ которою родится его кліентъ. Эта родная звѣзда имѣеть непосредственное вліяніе на всю жизнь человѣка: отъ нея зависятъ всѣ счастливыя и несчастныя приключенія, и румынъ въ пѣсняхъ своихъ и въ бесѣдахъ то благословляетъ, то клянетъ ее ²⁾).

По литовскому преданію, какъ скоро родится младенецъ, тотчасъ-же Верпея (Wegreja — пряха, отъ wegrju — пряду), воссѣдающая на небесномъ сводѣ, начинаетъ прастъ нить его жизни; конецъ этой нити она прикрѣпляетъ къ новой звѣздѣ которая непременно является въ минуту рожденія человѣка. Когда-же наступаетъ его послѣдній часъ, Верпея перерѣзываетъ нитку: звѣзда упадаетъ, гаснетъ въ воздухѣ, и человѣкъ умираетъ: поэтому въ каждой изъ падающихъ звѣздъ видятъ знаменіе чьей-либо смерти ³⁾). Здѣсь слѣдъ во едино два мифическія представленія: а) возженіе пламенной, звѣздо-подобной души и б) пряденіе жизненной нити. Народившійся младенецъ только тогда вступаетъ въ среду живущихъ, когда его пуповина будетъ перевязана, или выражаясь пластически: когда онъ будетъ привязанъ къ жизни выпряденною ниткою, что у славянъ обозначается словомъ по-

¹⁾ Т. I Повт. Возвр., 161, 177, т. III, 207; D. Myth., 684. — ²⁾ Телескопъ 1833, VIII, 503—4. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, стат. Боричевск., 11; D. Myth., 685; Die Wissenschaft des slawisch. Mythus Гануша, 272.

вить (повой, повитуха, повивальная бабка; сравни выше стр. 153). Облачные дѣвы, какъ мы видѣли, признавались пряхами; являясь при родахъ, влагая въ ребенка «душу живу», онѣ въ народныхъ вѣрованіяхъ получили характеръ повивальныхъ бабокъ и помощницъ при разрѣшеніи беременныхъ женъ. Какъ своими свѣточемъ онѣ таинственно возжигали въ ребенкѣ огонь жизни, такъ своею пряжею, незримо для смертныхъ, привязывали его къ бытію, и пока связь эта оставалась крѣпкою — душа не могла отрѣшиться отъ тѣла; но едва Смерть или дѣвы судьбы разрывали ее, человѣкъ немедленно умиралъ — точно также, какъ умиралъ онѣ вѣстѣ съ угасшимъ пламенемъ души: это двѣ различныя метафоры, выражавшія одну и ту же идею. Отсюда, во 1-хъ, теченіе человеческой жизни стали уподоблять тянущейся нити, а затрудненія, ожидающія человѣка на жизненномъ пути, представлять узлами, которые надо распутывать (завязка и развязка событія). Выраженіе «нить жизни» пользуется гражданствомъ почти во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ; счастливый ходъ жизни соответствуетъ ровной, гладкой нити, и наоборотъ жизнь, исполненная страданій и бѣдствій, тянется суровою, узловатою нитью, опутывается человѣка словно сѣтями и налегаетъ на него тяжелой обузою. Во 2-хъ, образовалось убѣжденіе, что дѣвы судьбы суть вѣчно-работающія пряжи; своими руками онѣ прядутъ жизненную нить и вплетаютъ въ нее все, что должно совершиться съ человѣкомъ во время его земнаго существованія. Подъ вліяніемъ означенныхъ воззрѣній, повой младенца получилъ религіозный характеръ; дѣло это поступило въ руки вѣщихъ женъ, служительницъ боговъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ отдаленной древности оно сопровождалось священными обрядами; существительное бабка имѣетъ при себѣ глаголъ бабка ть — нашептывать, ворожить; въ одной болгарской рукопи-

ся осуждаются жены, «кои заведуютъ деца малечки» ¹⁾. Кроме указаннаго преданія о мшвенческой пряхѣ, литовцы рассказываютъ еще о семи богиняхъ (*dejwes walditojes*), изъ которыхъ первая (=Верпея) прядетъ человѣку жизнь изъ кудели, данной верховнымъ божествомъ; другая мотаетъ выпряденныя нити и дѣлаетъ изъ нихъ основу; третья ткётъ холстъ; четвертая старается пѣснями и рассказами обворожить своихъ сестеръ, и когда онѣ заслушиваются — портитъ ихъ работу, отчего тотчасъ-же постигаютъ смертнаго неудачи, болѣзни, ссоры и прочія бѣды; пятая ей противоудѣствуетъ, не даетъ портить холстъ и побуждаетъ сестеръ къ труду: когда ея усилія не остаются напрасными и работа идетъ безъ помѣхи, то жизнь человѣка бываетъ исполнена спокойствія, радостей, здоровья и счастья; шестая отрѣзываетъ холстъ—и человѣкъ умираетъ; наконецъ седьмая моетъ изготовленную ткань и вручаетъ ее верховному богу. Изъ этой ткани дѣлается рубашка, которую и долженъ носить усопшій на томъ свѣтѣ; такимъ образомъ онъ постоянно имѣетъ передъ собою полную исторію земной своей жизни, всѣхъ ея радостей и горя ²⁾. По основному значенію мѣа, посмертная рубашка, изготовляемая богинями судьбы, есть та облачная ткань, въ которую одѣваются стихійные духи и родственныя съ ними тѣни усопшихъ ³⁾; въ погребальномъ обрядѣ ей соотвѣтствуетъ бѣлый саванъ. (стр. 275—6). Въ настоящемъ случаѣ

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Бусл., 41. Въ Малороссіи умершей повивальной бабкѣ кладутъ въ гробъ палку и привязываютъ къ поясу платокъ съ макомъ; на томъ свѣтѣ, говорятъ, нападутъ на нее дѣти (= души усопшихъ) за то, что помогла имъ родиться для горестей земной жизни, и если она не успеетъ отбиться палкою, то рассыплетъ макъ; дѣти бросятся подбирать маковыя зерна, а повивальная бабка тѣмъ временемъ спѣшитъ отъ нихъ удалиться—Буляшъ, II, 44. — ²⁾ Ж. М. Н П. 1839. т. XXII, 14—16; Черты литов. нар., 68, 90; D. Myth., 121—6. — ³⁾ Occianъ, I, 324: «онъ видитъ облакъ, долженствующій принять тѣнь его;

это представление о посмертной сорочкѣ смѣшивается съ другимъ, не менѣе древнимъ, представленіемъ о тѣлесной одеждѣ, облакающей душу со дня рожденія по день смерти челоуѣка (см. ниже).

Пряха Верпея и шноическія ткачихи стоятъ въ несомнѣнной связи съ лаумами, что прямо свидѣтельствуемъ за нихъ первоначальное тождество съ облачными нимфами. На участіе лаумы въ грозовыхъ явленіяхъ природы указываютъ названія: громовой стрѣлки — ея сосцемъ, радуги — ея поясомъ (I, 359) и воды (т. е. дождя) — ея потокомъ; вмѣстѣ съ этимъ, ей приписывается и вліаніе на земное плодородіе: она предвѣщаетъ урожай и голодъ, помогаетъ воздѣлывать нивы и собирать жатвы. Какъ сербскія вилы и наши русалки, лаумы живутъ въ лѣсахъ, поляхъ и въ водѣ, и наравнѣ съ ними характеристическими своими признаками напоминаютъ германскихъ эльфовъ. Онѣ крадутъ и подмѣниваютъ новорожденныхъ младенцевъ (см. выше стр. 307), налегаютъ на сонныхъ людей, даютъ ихъ въ грудь или животъ ¹⁾, и любятъ заниматься пряжею и тканьемъ. Въ четвергъ, какъ въ день, посвященный громовнику, лаумы являются по ночамъ въ избы, и гдѣ найдутъ необранныя прялку — садятся за работу и пря-

онъ видитъ туманъ, изъ котораго должна быть соткана его (посмертная) одежда. — ¹⁾ *Laume gul ant skilvio* — лаума лежитъ на животѣ — давить. Въ одну избу, сквозь небольшое отверстіе въ стѣнѣ, прокрадывалась по ночамъ лаума и душила молодаго парня, такъ что онъ совсѣмъ извелся. Знающіе люди научили его, какъ изловить лауму; слѣдуя ихъ совѣту, онъ приготовилъ дубовый клинъ, и когда явилась ночная гостя — тотчасъ же заколотилъ отверстіе. Цѣлую ночь слышалъ онъ, что кто-то возится и царапаетъ въ углу, а поутру увидѣлъ передъ собою прекрасную, но печальную дѣву. Молодецъ женился на лаумѣ и прижилъ съ нею двухъ дѣтей. Впослѣдствіи, уступая ея просьбамъ, онъ вынулъ дубовый клинъ — и вслѣдъ за тѣмъ лаума исчезла и болѣе не возвращалась къ мужу; только въ продолженіи года каждый четвергъ приносила она своимъ малюткамъ по бѣлой сорочкѣ (срвни стр. 185 — съ преданіемъ о вилѣ).

дутъ до пѣтуховъ; готовую же пряжу уносятъ съ собою. Поэтому вечеромъ, наканунѣ четверга, литвинки ни за что не станутъ прядь и тщательно скрываютъ свои кудали ¹⁾. Также охотно садятся лаумы и за ткацкой станокъ. Одной сироткѣ подарили онѣ много кусковъ полотна, но съ условіемъ, чтобы она ихъ не мѣрjala; дѣвочка нарушила запретъ, и въ ту же ночь полотно исчезло изъ ея кѣтки. Какъ ни искусно прядутъ и ткуютъ лаумы, сами онѣ не умѣютъ ни начать, ни закончить своей работы, — чѣмъ существенно и отличается ихъ механическій, безцѣльный (свойственный стихійнымъ силамъ) трудъ отъ разумнаго труда человека. Сверхъ того, подобно нѣмецкимъ вѣдьмамъ, онѣ могутъ свое бѣлье — по четвергамъ, послѣ солнечнаго заката, и сильный стукъ отъ ихъ вальковъ далеко разносится по окрестностямъ: повѣрье, указывающее на поэтическую картину грозы, когда небесныя дѣвы, при звукахъ громовыхъ ударовъ, полощутъ въ дождевыхъ ливняхъ свои облачныя ткани (см. гл. XXVI). Только удары плети (= молніи) могутъ разогнать лаумъ и остановить ихъ шумную работу. Какъ мянческія пряхи, лаумы поступаютъ въ разрядъ вѣщихъ дѣвъ, завѣдующихъ рожденіемъ и смертію, а слѣдовательно и судьбою человека. Въ старинномъ словарѣ laime (laime) объясняется словомъ fortuna (доля, счастье), а laime (множ. число laimes) толкуется: Lucina, dea partus — богиня родовъ; lemti — судить, опредѣлять, назначать. Съ одной стороны — лаумы помогаютъ родильницамъ, заботливо ухаживаютъ за грудными младенцами, купаютъ ихъ, баюкаютъ и качиваютъ въ колыбели, почему и присвоивается имъ прозваніе mašina (мать). До сихъ поръ въ Литвѣ свято соблюдается обычай «обмывать новорожденнаго въ поту лаумы».

¹⁾ Латышскія swethas jumprawas представляются съ прядками въ рукахъ — Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 119.

т. е. въ холодной водѣ ¹⁾). Съ другой стороны — какъ дѣвы, опредѣляющія не только начало, но и конецъ жизни, лаумы похищаютъ дѣтей (= увлекаютъ души въ свой таинственный міръ) и поражаютъ родъ людской внезапными смертельными ударами: когда лаума показывается въ зеленой одеждѣ — это знакъ будущаго урожая; если же она облекается въ красное платье, то предвѣщаетъ кровавую, губительную войну, а если въ черное, то сулитъ всеобщій голодъ и морь; въ послѣднемъ случаѣ ее называютъ моровою дѣвою ²⁾). Какъ предвѣстница войны, она сближается съ германскими валькириями, на которыхъ возлагалась печальная обязанность забирать души убитыхъ воиновъ. Если ребенокъ расплachtetся ночью, то литвины совѣтуютъ класть его за спиною матери — въ полной увѣренности, что невидимая покровительница дѣтей накормитъ и усыпитъ его; но какъ скоро дити успокоится, сейчасъ-же слѣдуетъ переложить его въ люльку; иначе оно можетъ заспать до смерти ³⁾). Соответственно характеру облачныхъ дѣвъ, то дарующихъ живую воду дождя и пробуждающихъ природу къ жизни, то насылающихъ разрушительныя бури, градъ и стужу, съ ними необходимо сочетались противоположныя идеи рожденія и смерти. Опираясь на эти различныя воззрѣнія, народныя преданія представляютъ лаумъ то благотворными юными красавицами, то злобными и безобразными старухами (см. II, 781-3).

Собственно о рожаницахъ мы не встрѣчаемъ свидѣтельствъ, чтобы онѣ пряли жизненную нить; думаемъ однако, что и съ ними въ старину соединялось подобное-же представленіе и только позабыто въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ. На эту

¹⁾ Шлейхеръ, 91—97; Lituanica, II, 24, 31—37; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, ст. Минуцк., 555; Рус. Сл. 1860, V, 19, 82; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 258; D. Myth., 387—8, 832. — ²⁾ Москва, 1846, XI—XII, 249. — ³⁾ Черты литов. нар., 95.

мысль наводятъ насъ хорутанскія сказки, отождествляющія рожаницъ съ вилами. Едва народится младенецъ (разсказываютъ хорутане), какъ тотчасъ-же — Богъ знаетъ откуда и какъ — являются въ избу три сестры-роженницы (gojenice), садятся за столъ и въ краткихъ изрѣченіяхъ опредѣляютъ судьбу новорожденнаго; произнеся свои предсказанія, онѣ тихо удаляются, и если на ту пору свѣтитъ сквозь окно мѣсяцъ, то озаренные его лучами — бываютъ видны ихъ легкіе, воздушные образы и радужные покровы. Въ верхней Краинѣ ихъ называютъ чисте, беле деклице и жене (чистыя, бѣлыя дѣвы и жены), въ Каринтіи — желкиннѣ, желные жене, отъ глагола желети (желать, заботиться), подобно тому, какъ валькиріямъ давалось прозваніе «wunschmädchen»; въ другихъ мѣстностяхъ — живицы, суженицы и судицы (sujenice = sojenice, sudice = sodice), т. е. дѣвы жизни и судьбы. Последнее имя извѣстно также лужичанамъ (sudzické), словакамъ и чехамъ (sudice, sudičky). По повѣрью, уцѣлѣвшему между истрианъ, роженицы обитаютъ въ горныхъ пещерахъ (= въ нѣдрахъ облаковъ); поселяне донинѣ носятъ имъ хлѣбъ и кладутъ его у входа въ пещеру¹⁾. Въ сборникѣ Валявца²⁾ находимъ цѣлый рядъ любопытныхъ приповѣдокъ о роженицахъ, являющихся «sudit deteta», т. е. опредѣлять новорожденному его будущую судьбу. Одѣтыя въ бѣлыя одежды («vo belech orgavan oblečen»), онѣ подходятъ къ постели только что разрѣшившейся матери; каждая изъ нихъ держитъ въ рукахъ по горящей свѣчѣ — знаменіе того свѣточа, которымъ возжигается въ ребенкѣ пламя жизни (душа), почему и называютъ ихъ кресницами (возжигательницами, отъ кресъ — огонь³⁾). Чтобы облегчить страданія родильницы и скорѣе

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 107—8 — ²⁾ Стр. 76—91. — ³⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 107.

призвать въ сей міръ новую душу, на Руси принято во время родовъ зажигать вѣнчальную свѣчку ¹⁾. Совѣщаніе рожениць главнѣйшимъ образомъ сосредоточивается на опредѣленіи той смерти, какою нѣкогда долженъ скончаться новорожденный, или какъ выражаются хорутане: «to su ove babe, koje su diju sako dete s kakvom smrtjnm prejde iz ovoga sveta». Отсюда объясняется общезвѣстная у насъ и въ Германіи примѣта, что три зажженные свѣчи предвѣщаютъ чью-либо смерть въ домѣ ²⁾; отсюда-же становится понятнымъ, почему самая Смерть является въ преданіяхъ съ характеромъ богини судьбы. Подобно роженицамъ, она, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, воспринимаетъ новорожденныхъ младенцевъ, и какъ тѣ называются у чеховъ кумами (k motřicku), такъ тоже названіе кумы присвоется и Смерти; въ своихъ пещерахъ она хранитъ свѣтильники человеческой жизни и опредѣляетъ срокъ ихъ горѣнія (см. выше стр. 201—4). Изъ трехъ сестеръ-рожениць, устанавливающихъ судьбу младенца, мѣніе послѣдней постоянно принимается за окончательное рѣшеніе; она есть дѣйствительная владычица смертнаго часа, и потому соответствуетъ злой паркѣ, перерѣзывающей жизненную нить чловѣка, или Смерти, погашающей огонь его души. То, что присуждено роженицами, нельзя не измѣнить, не устранить никакими силами: это приговоръ всемогущаго, непреложнаго рока! Чтò бы ни дѣлалъ чловѣкъ, какихъ бы предосторожностей ни принималъ, онъ не можетъ воспрепятствовать божьей волѣ — «božji jakosti zarpećiti». Предрекутъ ли вѣщія жены смерть отъ волка —

¹⁾ Труды владимір. губ. статист. комит., VI, 86; Повѣ. Возвр., II, 12. — ²⁾ Записки Авдѣев., 142—3; Владим. Г. В. 1844, 49; Пузин., 159; Beiträge zur D. Myth., I, 214; D. Myth., 1028: въ той комнатѣ, гдѣ горятъ три свѣчи, вѣдьмы могутъ творить злыя дѣла.

звѣрь этотъ явится въ урочный часъ къ своей жертвѣ, хотя бы она скрывалась за каменными стѣнами; присудать ли человѣку погибнуть въ водѣ, и хотя бы кругомъ на далекое разстояніе не было ни единого источника — онъ задохнется въ лужѣ. Одной царевнѣ было предсказано, что она умретъ отъ укушенія змѣи. Царь устроилъ стеклянный теремъ, куда даже и муравей не могъ пробраться; заключилъ тамъ свою дочь и приказалъ не выпускать ее изъ терема. Когда наступилъ «суѣн дан», царевна пожелала винограду; слуга принесъ ей большую кисть, въ которой скрывалась малая ядовитая змѣйка, — и предсказаніе исполнилось! ¹⁾ Подобные рассказы существуютъ и въ нашемъ народѣ, хотя древнія краски въ нихъ болѣе или менѣе уже стерлись. Такова, напримеръ, сказка про Марка Богатаго ²⁾. Жилъ-былъ Марко Богатый; такъ вездѣ прозывался онъ, потому что у него было несмѣтное богатство. И Марко тѣмъ весьма величался, и былъ непомерно гордъ своимъ прозвищемъ. Во снѣ и на яву ему грезилось только его богатство. Однажды, стоя въ церкви, Марко сказалъ своему сосѣду: «что это, сосѣдъ! какъ ни богатъ я, а хоть бы разъ Господь Богъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости!» — Чтожъ, отвѣчалъ сосѣдъ, приготовься получше, и Господь посѣтитъ тебя своею благодатію. Сосѣдъ разумѣлъ по христіански, а Марко понялъ по своему: изготовилъ роскошный обѣдъ, пышно разубралъ свой домъ, устлалъ всю дорогу отъ воротъ до церкви парчами и бархатами, и сталъ дожидаться гостя. Прошла обѣденная пора, а Марко все ждетъ... Вотъ и солнце стало садиться; Марко не выдержалъ и приказалъ слугамъ своимъ собирать парчи и бархаты. Въ это время приходитъ на его дворъ сѣденькой старичокъ и

¹⁾ Срп. рјечник, 724; Knjževnik 1866, вып. II, 249. — ²⁾ Н. Р. Сл., I, 13; II, 35; Н. Р. Дог., стр. XXVI; Деница 1834, 5—21.

просить ночлега. «Не до тебя мнѣ! сказалъ ему съ сердцемъ Марко. — Ради Бога, Марко Богатый! укрой меня отъ темноты ночной». И Марко, чтобъ только отвязаться, велѣлъ впустить его въ избу, гдѣ лежала у него при смерти хвора́я тетка. На другой день видитъ Марко, что идетъ къ нему тетка совсѣмъ здоровая. «Какъ это тебя угораздило?» спросилъ онъ съ удивленіемъ. — Ахъ, Марко Богатый! отвѣчала тетка знаешь ли что? Видѣлось мнѣ, будто самъ Господь ночевалъ въ моей избушкѣ, и будто прилеталъ къ нему ангелъ съ вѣстію, что въ эту ночь родилось три младенца: одинъ у купца, а другой у крестьянина, третій у нищаго, и спрашивалъ: какой таланъ присудишь имъ, Господи? И Господь провѣщалъ: купеческому сыну обладать отповскимъ таланомъ, крестьянскому сыну обладать землешествомъ, а бѣднякову сыну — Марковымъ богатствомъ. «А еще что?» спросилъ Марко. — Да вотъ еще какая благодать: какъ проснулась я, то встала совсѣмъ здоровая! «Ладно, сказалъ Марко; только съ бѣднякова сына много будетъ обладать Марковымъ богатствомъ!» По другому варианту, Господь приходитъ въ видѣ убогаго старца, въ худомъ рубищѣ, и ночуетъ въ скотной избѣ. Въ ту пору, когда надо быть заутренѣ, затеплилась у иконы сама собой свѣчка; Господь всталъ, облекся въ ризы и началъ совершать службу. Прилетаетъ ангелъ: «Господи! въ такомъ-то селѣ, у такого-то крестьянина родился сынъ; какъ ему повелишь нареци имя и какимъ надѣлишь его счастіемъ?» — Имя ему, отвѣчалъ Господь, нарицаю Василій, прозваніе — Безсчастный, а награждаю его богатствомъ Марка Богатаго. Не желая покориться божьему сулу, Марко покупаетъ бѣднякова сына и бросаетъ его въ открытомъ полѣ въ сугробъ снѣгу; но въ тотъ-же день проѣзжали мимо купцы, запримѣтили, что изъ сугроба паръ подымается, подошли и видятъ: посреди снѣговъ проталинка, на проталинкѣ

трава зеленѣетъ и цвѣты красуются, а въ цвѣтахъ лежитъ младенецъ и кротко улыбается. Купцы взяли его и увезли съ собою; когда узналъ про то Марко, онъ въ другой разъ купилъ ребенка, перерѣзалъ ему брюшко, положилъ въ ящикъ и пустилъ поблюю водою. Волны приблили ящикъ къ берегу, на которомъ стоялъ монастырь; монахи достали ребенка, заживили его рану, вскормили его и воспитали. Случилось Марку Богатому лѣтъ черезъ пятнадцать захватъ въ тотъ монастырь; свѣдалъ онъ про Ивана Безсчастнаго, уговорилъ его поступить къ себѣ въ услуженіе и послалъ съ письмомъ къ женѣ, а въ письмѣ отдалъ приказъ, чтобы затравили его собаками (или сварили въ кипячемъ котлѣ). На полдорогѣ утомленный юноша заснулъ; въ то время прилетѣлъ ангелъ-хранитель, взявъ у него Марково письмо и замѣнилъ другимъ, въ которомъ тою-же рукою было написано, что Марко нашелъ жениха для своей единственной дочери и велитъ тотчасъ-же выдать ее за Ивана Безсчастнаго. Свадьба была сыграна, и послѣ того что ни дѣлалъ Марко, а богатство его все-таки досталось бѣднякову сыну. Сказка о Маркѣ Богатомъ, не смотря на то, что многія подробности въ ней переработаны въ христіанскомъ духѣ, несомнѣнно принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ. Она основана на древнѣйшемъ вѣрованіи въ предопредѣленіе Судьбы, которая при самомъ рожденіи младенца уже напередъ рѣшаетъ его будущность и притомъ такъ окончательно, что рѣшенія этого не въ состояніи измѣнить никакія человѣческія усилія. Вопросы, обращенные къ Богу: какииъ счастіемъ надѣлать онъ новорожденнаго?—въ другихъ народныхъ разсказахъ обращаются къ самой Судьбѣ (см. ниже). Древность означенной сказки подтверждается и ея повсемѣстнымъ распространеніемъ у различныхъ индоевропейскихъ народовъ ¹⁾. Наиболѣе важ-

¹⁾ Н. Р. Ск., I, примѣч. къ № 13.

ными представляются нашъ редакціи: хорутанская ¹⁾, въ которой будущую участь ребенка предсказываютъ «*tri belo oblečene ženske, rak saka je imela v roki svečo, a to so bile sojenice*», и чешская ²⁾, въ которой выведены *sudičku* — «*tri stare babičku, celé bilé, každa měla v ruce svici rozsvícenou*»; онѣ-то и поджѣниваютъ письмо, написанное съ цѣлю погубить ихъ любимца. Въ норвежской редакціи ³⁾ вѣщія дѣвы замѣнены звѣздочетами — ради той связи, въ какую народныя вѣрованія ставятъ судьбу человѣка съ расположеніемъ звѣздъ при его рожденіи; а въ русской — онѣ уступили свое мѣсто христіанскому Богу и ангелу-хранителю. По рассказамъ чеховъ, судички — три бѣлыя жены; въ полночный часъ являются онѣ подѣ окно избы или въ самую комнату, гдѣ лежитъ новорожденное дитя, и совѣщаются о его будущей судьбѣ; при ихъ приближеніи все, что обитаетъ въ домѣ, погружается въ глубокій сонъ. Онѣ держатъ въ рукахъ зажженныя свѣчи и тушатъ ихъ не прежде, какъ произнеса свой непреложный приговоръ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что судички садятся ночью на кровль дома, возлѣ дымовой трубы, и предсказываютъ судьбу младенца по звѣздамъ ⁴⁾. Хорутанскія приповѣдки смѣшиваютъ роженницъ съ вилами. Однажды убогой пришелъ въ избу, гдѣ только что разрѣшилась хозяйка отъ бремени, и сѣлъ возлѣ печки. На ту пору явились три *sojenice*: «*bile so čisto belo oblečene, imele so na glavi bele velike robe, a okol vrata grole samih demantov, zlata i srebra, lica bile so okrogloga, v elekrasne žene kakti vile*». Подошли къ столу и усѣлись около него съ разныхъ сторонъ. Первая изрекла: «пусть, когда сравняется новорожденному семнадцать лѣтъ, станетъ онъ зимою рубить дрова, и въ то время набѣжитъ звѣрь и рас-

¹⁾ Сб. Валяца, 87—89. — ²⁾ Эрбенъ, 1—7. — ³⁾ I, 5. — ⁴⁾ Громанъ, 7.

терзаеъ его». — Нѣтъ! возразила другая, пускай будетъ солдатомъ и умретъ на службѣ. — Не такъ! сказала третья, пусть онъ утонетъ на двѣнадцатомъ году. Убогой все выслушалъ и передалъ матери, и какъ та ни оберегала своего сына, а приговоръ совершился. Когда наступилъ роковой часъ, мальчикъ «*miništrual (vu cirkvo), stane se ide doli gde je bila blagoslovljena voda rak pogine noter glavo i tak vumge*»¹⁾. И такъ роженицы столь-же прекрасны и носятъ такую-же бѣлую одежду, какъ и вилы. Изъ одной приповѣдки можно заключать, что онѣ, подобно виламъ, владѣли смертоносными стрѣлами; такъ однажды присудили онѣ младенцу, что когда исполнится ему 13 лѣтъ, 13 дней, 13 часовъ и 13 минутъ— ударить съ яснаго неба стрѣла и поразить его смертію²⁾. Но этого мало; мы имѣемъ прямые указанія, что вилы заступали мѣсто роженицъ и играли ту-же самую роль вѣщихъ дѣвъ, опредѣляющихъ судьбу человѣка. При рожденіи одной знатнаго рода дѣвочки, рассказываетъ хорутанская приповѣдка³⁾, позваны были на пиръ вилы. Онѣ явились въ золотыхъ одеждахъ, съ серебряными поясами; чудные золотые волосы ихъ ниспадали до самой земли; каждая изъ нихъ одарила новорожденную дорогимъ даромъ (— добрымъ предвѣстіемъ будущаго), а одна «злочеста» дала ей шкатулку, въ которой было написано, что дитя будетъ прекрасно, но рано погибнетъ. И вотъ, когда дѣвочка выросла и наступило время выдавать ее замужъ, злая вила пришла въ замокъ, ударила ее волшебнымъ прутомъ (— молніеносной стрѣлою), и въ тотъ-же мигъ красавица окаменѣла, т. е. сдѣлалась жертвою смерти. Съ тѣмъ-же значеніемъ выступаютъ вилы въ переводной съ латинскаго сказкѣ, писанной на сербо-болгарскомъ нарѣчій

¹⁾ Сб. Ваявца, 85—86. Переводъ: прислуживалъ въ церкви, подошелъ туда, гдѣ стояла освященная вода, опустился въ нее головою и умеръ. — ²⁾ Ibid., 81—82. — ³⁾ Ibid., 56—57.

(XIV-го вѣка), отрывокъ которой напечатанъ покойнымъ Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Румянцовскаго музеума»¹⁾: «оувѣдѣше то (брачное торжество короля Пелея) три вилы пророчицъ, коѣ бѣхъ наидѣльшя въ морскыхъ отозѣхъ, и доидошъ на оно веселие, развѣ единѣ, ѣжъ незва, зане бѣше свадлява, именовъ Диевошькордиа; где идѣше — все свадѣ строаше, за то не хотѣхъ я звати». Эта свадлявая вила, оскорбленная тѣмъ, что ее не позвали на пиръ, даетъ злое предвѣщаніе, и есть *Discordia*, о которой говорится въ древней повѣсти о Пелеѣ. Въ сербскихъ пѣсняхъ вилы являются пророчицами²⁾ и указываютъ смертнымъ присужденную имъ долю:

Јунак ми ков(ь)а јездаше,
 Предрагу срећу искаше;
 Виле ми н(ь)ега виђеше,
 Јунака сташе дозиват':
 „Овамо свраћај, јуначе!
 Твоја се срећа родила,
 Сунчаном ждраком повила,
 Мјесецем сјајним гојила,
 Звјездама сјајним росила“³⁾.

Марку-королевичу вила предвозвѣстила его смертнѣйшій часъ, и въ подтвержденіе словъ своихъ послала его къ горному источнику, заглянувъ въ который, королевичъ тотчасъ-же прочиталъ на своемъ лицѣ близкую кончину (см. выше стр. 168 — 9). Чехи до сихъ поръ убѣждены, что, глядясь въ колодцы на «щедрый» вечеръ, можно угадать свое будущее; они ходятъ къ источникамъ, прудамъ или рѣкамъ, бросаютъ

¹⁾ Стр. 385—7. — ²⁾ Кукулевичъ, 91, 94. — ³⁾ Серб. н. пѣс. кн. I, 191. Переводъ: ѣдиль юнакъ на конѣ, искалъ дорожную долю; увидали его вилы, стали звать юнака: «поворачивай сюда, молодецъ! твоя доля родилась — солнечнымъ лучемъ спеленалась, яснымъ мѣсяцемъ воскормлена, ясными звѣздами воспоена».

въ нихъ куски праздничныхъ яствъ, плоды, орѣхи, и причитываютъ: «studánko! pověz ty mně pravdu» (II, 192, 209 ¹). Обитая въ облачномъ небѣ, вилы = роженницы обладали живою водою райскихъ ключей, черпали изъ нихъ напитокъ мудрости и становились въ разрядъ вѣщихъ женъ, опредѣляющихъ грядущія судьбы. Самое названіе вила указываетъ въ ней пряжу (отъ слова вить), т. е. дѣву, прядущую нить жизни, и вѣстѣ повитуху (повивальную бабу), присутствующую и помогающую при родахъ; свидѣтельства о ея прядильныхъ работахъ приведены выше (стр. 177—8). Ганка упоминаетъ о миенческихъ пряхахъ—lichoplezi (=плетущія лихо, т. е. жизненные бѣды и смерть), соответствующихъ паркамъ ²); болгары знаютъ злату бабу, которая научила женщинъ пряхъ и ткать ³); а въ преданіяхъ словацкихъ еще не забыть золотой сплетѣнный шнуръ, тождественный съ золотою веревкою германскихъ норнъ ⁴). На Руси существуетъ нѣсколько повѣрій, поставляющихъ занятія пряжею и тканьемъ въ связи съ родами и смертію: во всѣ свѣточные вечера не вьютъ веревокъ, опасаясь, чтобы беременная женщина не родила уродъ ⁵); гдѣ на Рождество плетутъ лапти, въ томъ домѣ родится кривой ребенокъ ⁶); если предъ Благовѣщеньемъ или страстною недѣлею будетъ вывѣшенъ новый холстъ и подъ него подойдетъ звѣрь, то сейчасъ околѣетъ ⁷), что напоминаетъ намъ по-смертную сорочку, изготовляемую литовскими парками.

Болгары вѣрятъ, что ко всякому новорожденному являются три (иногда двѣ и четыре) чудесныя дѣвы и присуждаютъ ему счастливую или несчастную долю; одна изъ нихъ — старшая, которой и принадлежитъ окончательно-рѣшающей го-

¹) Рус. Вѣст. 1862, I, 352. — ²) D. Myth., 407. — ³) Показалець Раковского, I, 3. — ⁴) Ганушъ, 206. — ⁵) Могила. Г. В. 1852, 4. — ⁶) Нар. сл. раз., 162. — ⁷) Ibid., 164.

ясть. Дѣвъ этихъ они называютъ: а) урисници или уриснищи и б) наржчяници. Первое названіе: урис(з)нищи нѣтъ при себѣ въ болгарскомъ языкѣ выраженія: «тѣмъ му было урисано», т. е. предопредѣлено ¹⁾, и ризик = ризик—счастіе, судьба ²⁾. Наржчяници—тѣ, «кои наржчватъ колку и како ке живять родено-то, и що ке наржчатъ третья-та, това ке бидить» ³⁾. Въ первую ночь послѣ родовъ приходятъ урисницы въ домъ разрѣшившейся матери и предвѣщаютъ ея младенцу: сколько лѣтъ онъ проживеть, какова будетъ его жизнь — счастливая или бѣдственная, съ кѣмъ вступитъ онъ въ брачный союзъ, какими болѣзнями будетъ страдать и какою смертію умереть. Рассказываютъ еще, что есть три урисницы добрыя и три злыя, что тѣ и другія никогда не бываютъ согласны и ведутъ между собою вѣчную борьбу. Изъ трехъ добрыхъ урисницъ первая даетъ младенцу умъ и знаніе грамоты, вторая надѣляетъ здоровьемъ, красотой и даромъ слова, а послѣдняя руководитъ его въ продолженіи всей жизни, учитъ ремесламъ и доставляетъ случаи разбогатѣть ⁴⁾. Показываясь взрослому человѣку, онѣ предостерегаютъ его отъ угрожающаго несчастія. Всѣхъ урисницъ много; онѣ всегда юны и прекрасны и живутъ на небѣ ⁵⁾; по свидѣтельству народной пѣсни ⁶⁾, онѣ нисходятъ за душой умирающаго человѣка въ туманахъ (мгѣхъ) и вихряхъ:

Задале съ силини-це вѣтро'и,
Задале съ мжгли и пра'о'и,
По нимъ идѣтъ силини виулицѣ,

¹⁾ Каравел., 140. — ²⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, стат. Срезнев., 108; Germ. Mythen, 582: ризик, ризик = новогр. ριζική, итал. rischio, исп. riesgo, отъ др.-греч. ῥιζήω — termino, desegno, stato. — ³⁾ Миладин., 525. Переводъ: которыя нарицають (называютъ), сколько и какъ жить новорожденному; что изречеть третья, то и сбудется. — ⁴⁾ Каравел., 171. — ⁵⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезн., 108. — ⁶⁾ Миладин., 16—18.

Большою частію урисицы являються въ дома невидимо; но нымъ удавалось и видѣть, и слышать ихъ. Такъ однажды какой-то путешественникъ остановился ночевать въ домѣ, гдѣ хозяйка родила дѣвочку. Въ полночь — когда всѣ уснули, только не спалъ пріѣзжій—явились урисицы; первая сказала, что дѣвочка должна прожить 50 лѣтъ; вторая — что она будетъ терпѣть бѣдность; третья — что на тридцатомъ году она сильно заболѣетъ, но черезъ четыре мѣсяца выздоровѣетъ; наконецъ четвертая сказала, что она выйдетъ замужъ за этого самаго путешественника, которому тогда уже было тридцать лѣтъ отъ роду. Услышавъ такое предсказаніе, онъ подумалъ съ горечью: «я и такъ оставался неженатымъ до тридцати лѣтъ; неужели еще буду ждать, пока вырастетъ эта дѣвочка?» Въ досадѣ схватилъ ребенка, выбросилъ вонъ и потихоньку удалился изъ дому. Поутру нашли окровавленную дѣвочку у забора; жизнь ея была спасена, но остался небольшой знакъ на спинѣ. Прошло двадцать лѣтъ; тотъ-же путешественникъ, проживая въ другомъ городѣ, пріискалъ себѣ невѣсту, сосватался и повѣнчался; замѣтивъ у жены знакъ на спинѣ, онъ спросилъ ее—и узналъ, что судьбы своей не минуешь ¹⁾). Нѣкоторыя женщины въ Болгаріи и Македоніи увѣряютъ, что онѣ, послѣ родовъ, видѣли урисицъ при своей постели и что одна изъ нихъ мѣряла нить, а другая отрывала ее ²⁾, т. е. первая отиѣривала нить человѣческой жизни, назначала ея продолженіе (=долготу земнаго существованія), а вторая пересѣкала ее—опредѣляла минуту смерти. Англосаксонское имя богини судьбы было *Mēten* (*mettena* = *die abmessende*), т. е. измѣряющая; тонкія нити паутины, развѣвающіяся осенью (въ Бабье лѣто) по заборамъ и кустамъ, признаются за работу искусно-прядущихъ эльфовъ и дѣвъ

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210—1. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезн., 108.

судьбы и въ нижней Саксоніи называются metten, metjen, sommermetjes, mettkensommer; въ Дитмархѣ говорятъ про нихъ: «de Metten hebt spunnen». Если такая паутина повиснетъ на чьемъ-либо платьѣ—это принимается за предвѣстіе счастья ¹⁾.

Славянскіи рожаницамъ соотвѣтствуютъ греческія мойры, римскія парки, романскія феи и германскія норны. Такъ какъ главная, существенная обязанность дѣвъ судьбы состояла въ опредѣленіи начала и конца человѣческой жизни, т. е. рожденія и смерти; то отсюда и самыя названія, приданныя имъ, указываютъ на одинъ изъ этихъ пунктовъ, ограничивающихъ земное существованіе челоуѣка. У славянъ, какъ мы видѣли, осиливаетъ мысль о началѣ жизненнаго поприща. Напротивъ греч. μοῖρα образовалось изъ μῦρα, отъ корня μογ, шаг, снскр. मृ — рмирать, и значить: умерщвляющая, убивающая; сходно съ этимъ, и римлянинъ первоначально называлъ свою парку морта. Такое значеніе слова μοῖρα было позабыто уже въ глубокой древности, и изъ понятія могучей смерти возникло общее представленіе судьбы—точно также, какъ μῦρος (μογs, моръ— не только смерть вообще, но и соединенная съ насиліемъ) у Гомера употребляется въ смыслѣ «жребія жизни», предназначеннаго челоуѣку со дня рожденія; почему и понадобилось дополнять означенныя рѣченія приставкою слова θάνατος: «θάνατος καὶ μοῖρα κραταιή», «θάνατος τε μῦρος τε». Въ поэтическихъ сказаніяхъ мойра является, какъ олицетвореніе

¹⁾ Germ. Mythen, 638—640. Въ нашихъ заговорахъ упоминаются какія-то загадочныя жены — метницы: „сохрани мене, Господи, отъ вѣдуновъ и полувѣдуновъ, отъ тридевять колдуновъ и полуколдуновъ, отъ еретиковъ и полуеретиковъ, отъ метницъ и полуметницъ“ — Этн. Сб., VI, библиогр. указ., 5. Въ арханг. губ. метнице — сѣтчатый рыболовный снарядъ (Обл. Сл., 113); серб. метница = преѣа, das garn, netz (Срп. рјечник, 355).

губительной смерти: она участвует въ битвахъ, нападаетъ на человѣка, душитъ и убиваетъ его, схватываетъ его руками, повергаетъ наземь, опутываетъ крѣпкими узами ¹⁾ и застилаетъ ему очи безысходнымъ мракомъ. Такииъ образомъ смерть принималась за непреложный законъ природы, за требованіе неумолимаго рока, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — за жребій, выпавшій по волѣ враждебной богини. Древнѣйшее народное вѣрованіе знало многихъ прядущихъ (*κατακλώιδες*) и разящихъ смертію (*μοῖραι*) женъ судьбы; наряду съ мойрами выступали и убійственныя керы; и тѣхъ, и другихъ, по свидѣтельству Гезіода, породила черная Ночь. Число мойръ у него ограничено тремя: первая *Κλωιδίς* (*die spinnegin*) прядетъ жизненную нить, вторая *Λάχαις* (*lossung*) бросаетъ жребій, рѣшающій направленіе и исходъ грядущихъ событій, а третья *Ἄτροπος* (*die unabwendbare*), старѣйшая и ничѣмъ неотвратимая, перерѣзываетъ выпряденную нить и прекращаетъ біеніе жизни; она выражаетъ собою неизбѣжный конецъ, ожидающій cadaго человѣка, завѣдываетъ его смертнымъ часомъ, и потому *Ἄτροπος* есть мойра по преимуществу, въ первоначальномъ значеніи этого слова ²⁾. По указанію Платона (*de republ.*), три мойры—дочери Судьбы (*Ἀνάγκη*); онѣ возсѣдаютъ въ бѣлыхъ одеждахъ и вѣнцахъ, и подѣ жужжаніе вертящагося веретена поютъ свои предвѣщанія ³⁾. Всякамъ—и счастливая, и печальная участь человѣка опредѣляется ими при самомъ его рожденіи, и все, чтó ни случается съ смертнымъ, уже напередъ вплетено въ

¹⁾ Индѣйцы давали богу усоницхъ (Ямъ) веревки и путы, которыми онъ и его послы связывали людей; тѣже атрибуты приписываетъ Смерти и древне-нѣмецкій поэтъ—*Germ. Mythen*, 580; сравни выше стр. 44. — ²⁾ *Germ. Mythen*, 579—583; *Griech. Myth.* Преласра, I, 414. — ³⁾ *D. Myth.*, 386.

его жизненную нить пряхою Κλωθώ ¹⁾. Тѣже вѣрованія у римлянъ прилагались къ паркамъ; рагса заключаетъ въ себѣ понятіе пряхи (=вилы) — отъ санскр. раг' (смѣшивать, связывать; гр. πλέχω, лат. плесто, слав. плету ²⁾). У новыхъ грековъ Міга, Тісhі и Рисіко (ἡ Μοῖρα, ἡ Τύχη, τὸ Ροῖζιλό) признаются за существа, тождественныя тремъ паркамъ: а въ албанскихъ сказкахъ мѣры являются вѣщими старухами, опредѣляющими человѣческую судьбу ³⁾.

Съ той поры, какъ на историческую сцену выступили романскія народности, названіе рагса было позабыто и въ замѣну его создано новое: отъ существительнаго средняго рода *fatum* (судьба, рокъ) образовались итал. *fata*, испан. *hada*, прованс. *fa da*, фран. *fee* (подобно тому, какъ *nee* отъ *pata*). Какъ рано употребительно было такое названіе въ Италіи, указываютъ Авзоній и Прокопій (*de bello goth.*). Эти мнѣчскія жены — феи болѣею частію представлялись въ тройственномъ числѣ; но встрѣчается также и число семь или тринадцать. *The fate*, странствуя по свѣту, являются къ родильницѣ, предсказываютъ судьбу новорожденнаго младенца, прилагаютъ его къ своей груди и оказываютъ ему нѣжную заботливость, какъ попечительныя матери (*matres, matronae*), почему французы называютъ ихъ повивальны-

¹⁾ Илиада, XX, 127—8; XXIV, 209—210; Одис., VII, 197—8; XIX, 145—6. По приказу Аполлона, мѣры должны были присутствовать при рожденіи Эвадее; а при рожденіи Геракла, посланныя ревнивою Герою, онѣ продолжили мученія матери его—Алкмены. — ²⁾ Курциусъ: *Grundzüge der griech. etymologie*, 134—5. Г. Срезневскій сблизаетъ лат. рагса съ словами рагіо (рождю) и рагс (часть), греч. моіра съ μέρος, а слав. часть производитъ отъ корня ча=чън=кън, отъ котораго образовались и глаголы чати (за-чати), и существит. чадъ, чадю—Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, 113—4. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, парка означаетъ тоже, что и рожаница; но какъ ни соблазнительно такое производство, принять его нѣтъ достаточныхъ основаній. — ³⁾ Germ. Mythen, 582.

ми бабками—*obstetrices, ventrières*; двѣ фаты напутствуютъ ребенка въ жизнь добрыми пожеланіями, а третья даетъ зловѣщее предсказаніе. Есть такой разсказъ: было въ одной странѣ семь фей; шесть изъ нихъ были приглашены въ кумы и на родильномъ пиру посажены на почетныя мѣста за столомъ; о седьмой-же забыли, но она явилась и непрощенная, и между тѣмъ, какъ приглашенныя феи одарили ребенка различными благами, эта послѣдняя изрекла ему проклятіе ¹⁾. Феи живутъ въ ущеліяхъ скалъ и въ лѣсахъ, возлѣ озеръ и источниковъ; въ славномъ лѣсу у ключа de Begepton народное воображеніе видѣло *dames faées*, облеченныхъ въ бѣлыя одежды: онѣ надѣляли дѣтей дарами счастья, и только одна изъ нихъ, недобрая и завистливая, дарила бѣдствіями. Эти скалы, лѣса и источники первоначально усматривались на небѣ — въ темныхъ грядѣхъ дождевыхъ облаковъ. О паркахъ также думали, что онѣ обитаютъ въ горахъ. Когда наступаетъ жатва, феи показываются на деревенскихъ празднествахъ и награждаютъ прилежныхъ пряхъ. Ихъ нерѣдко представляютъ съ «рогомъ изобилія» въ рукахъ, что намекаетъ на ниспосланіе имъ земнаго плодородія. По французскимъ сказаніямъ, онѣ, подобно нѣмецкимъ великанкамъ, носятъ на головѣ или въ передникѣ огромные куски скалъ, а свободною рукою въ тоже самое время кружатъ веретено; въ крестьянскія избы онѣ являлись черезъ дымовыя трубы — путь, которымъ пользуются и наши вѣдьмы ²⁾.

¹⁾ Феи явились въ ночь рожденія Огера Датскаго и каждая дала ему особенный даръ; онѣ же присутствовали при рожденіи Оберона и надѣлили его всевозможными жизненными благами, кромѣ одной, которую позабыли пригласить и которая, въ отмщеніе за свою обиду, осудила его на ростъ карлика—Архивъ ист.-юрнд. свѣд., I, ст. Срезнев., 118. — ²⁾ D. Myth., 382—8, 401—3, 1102.

Тождество дѣвъ судьбы съ облачными нимфами съ особенною наглядностію обнаруживается въ скандинавскихъ преданіяхъ о норнахъ. Nôgn означаетъ тоже самое, что мойра, т. е. «умерщвляющая»; корень этого слова—пак (снкр. паç, лат. нес-аге), откуда лат. нес-с, греч. νέχου-ς, νεχ-ρός, гот. паһу-с, скан. паг, лит. паһwi—умереть, паһве—смерть, слав. навити—убивать и навье. Западная отрасль арийскаго племени знала демоническую жену Nacus, которая поражала людей смертію и бросалась на ихъ трупы ¹⁾). Эдда говоритъ о трехъ норнахъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое собственное имя: Urdhr (die gewordene ²⁾), Verdhandi (die werdende ³⁾), Skuld (die werden sollende ⁴⁾), готск. Vaúrps, Vaigrandeî, Skulds, др.-в.-нѣм. Wurt, Werdandi, Scult. Имена эти означаютъ: минувшее, совершающееся и долженствующее быть, или прошлое, настоящее и будущее, и такимъ образомъ характеризуютъ намъ германскихъ паркъ въ присвоенныхъ имъ занятіяхъ: первая знаетъ все бывшее, вторая завѣдываетъ текущими минутами жизни, а послѣдняя опредѣляетъ грядущія событія; «sie legten loosse, bestimmten das leben der menschengeschlechter, schicksal zu ordnen» ⁵⁾). Подобныя представленія соединялись и съ мойрами: Лахезисъ вѣдала τὰ γέγονότα, Клото—τὰ ὄντα, Атропосъ—τὰ μέλλοντα; латинскіе писатели распредѣляютъ эти обязанности нѣсколько иначе: у Апулея Clotho заботится о настоящемъ, Atropos вѣдаетъ прошедшее, а Lachesis устрояетъ будущее. По имени норны Urdhr названъ колодець, бьющій изъ-подъ небснаго корня мировой ясени—Urdharbrunnr; возлѣ этого источника, въ прекрасномъ залѣ, обитаютъ норны; изъ него черпаютъ онѣ воду, и окропляя вѣтви священнаго

¹⁾ Germ. Myth., 584—5. — ²⁾ Von verdha—werden aus dem plur. praeter. urdhum gebildet. — ³⁾ Fem part. praes. von verdha. — ⁴⁾ Part. praet. von skula. — ⁵⁾ Смирковъ, 5—6.

дерева, посылают ее на землю росю; вода эта все молодитъ и оживляетъ, слѣдовательно обладаетъ тѣми-же свойствами, что и благодатный jungbrunnen Идуны. Тутъ-же у источника Урды собираются боги творить свой праведный судъ и давать законы вселенной. Три норны суть дѣвы вѣщія, опредѣляющія каждому человѣку продолжительность и всѣ обстоятельства его жизни; обязанныя изрекать непреложные приговоры (=судицы), онѣ возсѣдаютъ на судейскихъ креслахъ. Приближаясь къ колыбели новорожденного, норны прорицаютъ ему судьбу и собственными руками прядутъ его жизненную нить. Когда народился герой Гельги (Helgi), ночью явились въ замокъ норны, свили нити его судьбы и протянули посреди неба (unter dem Mondessaal) золотой шнуръ (gullinsimi—goldseil); одна норна скрыла конецъ шнура на востокъ, другая — на западъ, а третья Schwester des Neri) прикрѣпила нить къ сѣверу:

Westlich und östlich
die Enden barga sie —
in der Mitte lag
des Königs Land.
Einen Faden nordwärts
warf Neris Schwester,
ewig zu halten
hiess sie diess Band.

Вся область между концами протянутого шнура, отъ востока до запада, должна современемъ подчиниться власти героя, быть ареною его подвиговъ. У одного средневѣковаго поэта сказано:

Zwō scephter flāhten mir ein seil,
dā bl diu dritte saz;
diu zobrachz: daz was min unheil.¹⁾

¹⁾ Переводъ: двѣ творческія жены плели нить веревку; тутъ-же сидѣла третья и разрывала: то было мое несчастье.—Какъ отголосокъ стариннаго преданія о норнѣ, разрывающей нить жизни, до-

Эта послѣдняя, рвущая пряжу и тѣмъ самымъ творящая бѣды, соответствуетъ третьей норнѣ, что бросаетъ сдерживающую привязь на сѣверъ — въ печальную страну ночи, зны и смерти. Nôrnagestsaga рассказываетъ о вѣщихъ женахъ (völur, þógnir), которыя странствовали по свѣту, стучались въ дома и предсказывали смертнымъ будущее. Люди приглашали ихъ въ свои жилища, угощали и чествовали дарами. Однажды явились онѣ къ отцу Норнагеста; дитя лежало въ колыбели, а возлѣ горѣло двѣ свѣчи. Первыя двѣ вѣщуньи благословили ребенка счастьемъ; но третья, младшая норна была раздражена: ей досталось сѣдалище такое тѣсное, что она упала съ него, и подымаясь — она воскликнула: «ich schaffe, dass das kind nicht länger leben soll, als die neben ihm angezündete kerze brennt!»¹⁾ Въ ту же минуту старшая völva схватила свѣчу, погасила и отдала матери, совѣтуя не прежде зажечь ее, какъ въ послѣдній, предсмертный часъ ея сына, который потому и получалъ имя Норнагестъ (Nôrnagestr, Nôrnengast). Онъ прожилъ до глубокой старости, и когда наскучила ему жизнь — зажегъ роковую свѣчу и предался смерти. Эта любопытная сага указываетъ на тождественное значеніе словъ: völva и þógnir; изъ нея очевидно, что норны опредѣляли новорожденному его грядущую судьбу, что онѣ создавали (sie schaffen) его счастье и несчастье: выраженіе, свидѣтельствующее за нихъ божественную, творческую силу (срав. ниже сагу о Старкадрѣ). Съ Норнагест-сагою родственно греческое сказаніе о Мелеагрѣ; при его рожденіи предвѣщали три мойры, и Атропосъ назначила ему жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ положенное

сезъ существуетъ примѣта, что встрѣча съ прихою предвѣщаетъ неудачу — D. Myth., 1078. — ¹⁾ Переводъ: «я творю (=присуждаю), что дитя должно жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ зажженная при немъ свѣча».

на очагъ полѣно; встревоженная такимъ предсказаніемъ, мать ребенка — Алтея тотчасъ-же выватила полѣно изъ пламени, погасила его и спрятала (см. выше стр. 204). Дѣвы судьбы, какъ мы знаемъ, возжигали въ новорожденномъ пламя жизни и гасили его при кончинѣ человѣка; фантазія воспользовалась этимъ мнѣнческимъ представленіемъ и заставила ихъ опредѣлять долготу жизни по времени горѣнія свѣчи или обрубка дерева. Сверхъ того, обязанность зажигать и тушить огонь жизни народныхъ сказки возлагаютъ и на богиню Смерть, ради тѣсной связи ея съ третьею паркою, разрывающею жизненную нить (стр. 203). Саксонъ-грамматикъ называетъ норнъ сестрами и для обозначенія ихъ употребляетъ слова: *rag-sa* и *пурһа*. Изъ трехъ сестеръ двѣ первыя благосклонны къ ребенку, а третья, младшая — *Skuld* враждебна; она-то и назначаетъ срокъ жизни и опредѣляетъ, какою именно смертію долженъ погибнуть человѣкъ. Эдда говоритъ, что между норнами есть добрыя и злыя, и хотя по имени называетъ только трехъ; но допускаетъ и большее число; добрыя норны происходятъ отъ боговъ (асовъ) и свѣтлыхъ эльфовъ, злыя — отъ мрачныхъ, подземныхъ карликовъ (цверговъ); первыя создаютъ людское счастье, а послѣднія стараются имъ противодействовать и посылаютъ горести и страданія ¹⁾. Преданіе о вѣщихъ женахъ, странствующихъ по землѣ и надѣляющихъ человѣка, при самомъ его рожденіи, благами и бѣдствіями, было сильно распространено въ средніе вѣка и донынѣ повторяется въ народныхъ сказкахъ и сагахъ. Такъ сказка про царевну «*Dornröschen*» (II, 423) упоминаетъ о тринадцати вѣщихъ женахъ (*weise frauen*); изъ нихъ двѣнадцать одарили дѣвочку красотой, богатствомъ и всевозможными добродѣ-

¹⁾ D. Myth., 377—381, 385—7; Beiträge zur D. Myth., II, 167, 183, 195—6; Germ. Mythen, 542—4, 554—6, 568—9, 674; Смирнокъ: Эдда, 128. Вѣщія жены *völur* произошли отъ великановъ.

лани, а тринадцатая, которую не хотѣли пригласить на родильное ширшество, явилась незванная и нарекла ей проклятіе: въ пятнадцать лѣтъ, сказала она, царевна уколется веретенемъ и падетъ жертвою! Предсказаніе сбылось въполнѣ. Въ роковой день царевна взошла на старую башню, гдѣ сидѣла старуха и прядла кудель; дотронулась до веретена, уколола налецъ и тотчасъ-же погрузилась въ долгій, непробудимый сонъ. Выше приведены подобныя-же сказанія о феяхъ и вилахъ. Какъ вила ударомъ волшебнаго прута окаменяетъ красавицу, такъ вѣщая жена посылаетъ на нее смертельный сонъ уколомъ веретена. Въ Баваріи рассказываютъ о трехъ представительницахъ судьбы, называемыхъ *heilrätinnen* (т. е. присуждающія людямъ счастье). Двѣ изъ нихъ—добрыя: одна—бѣла что снѣгъ, а другая (сходно съ литовскою лаумой) носитъ бѣлую и красную одежды; третья же—злая и даннымъ ей именемъ (*Held*) родится съ Геллою; какъ эта послѣдняя, она представляется или совершенно-черною, или на половину-бѣлою, на половину-черною; изъ страшнаго, сумрачнаго лица ея блистаютъ два огненныхъ глаза. Добрыя сестры прядутъ спасительную пряжу и готовятъ холстъ, который подстилаютъ родильницамъ для скорѣйшаго и благополучнаго разрѣшенія отъ бремени. Такимъ образомъ онѣ сходятся съ мнѣстическими помощницами при родахъ—греческими *εἰλαθούσαι* и съ богиней Гольдою или Бертою, которая въ бѣлоснѣжной одеждѣ приходитъ въ домъ, качаетъ и баюкаетъ дѣтей, если спятъ ихъ мамки, и о которой (по справедливому замѣчанію Я. Гримма) трудно сказать, что въ ней перевѣшиваетъ: характеръ ли богини, или вѣщей жены. Злая сестра *Held* плететъ веревку, которою связываетъ смертныхъ и увлекаетъ къ себѣ — на тотъ свѣтъ. Чтобы унять шаловливыхъ дѣтей, имъ говорятъ: «будьте смиренны; не то придетъ злая (*die böse*) и

связають васъ веревкою!» Въ другихъ мѣстностяхъ упѣтали рассказы о трехъ таинственныхъ дѣвахъ, вѣщія пѣсни которыхъ раздаются при родинахъ (крещеніи), свадьбѣ ¹⁾ и похоронахъ; пѣсня двухъ первыхъ сулитъ новорожденному и новобрачнымъ счастье, третья же поетъ о житейскихъ невзгодахъ и смерти. У каждой изъ нихъ висѣетъ съ боку прялка со льномъ, а въ рукахъ веретено. Онѣ прядутъ веревку (seil), протягивая ее съ одной горы на другую, и разбрасываютъ по воздуху прекрасныя ткани, которыя, вися въ поднебесьи, предвѣщаютъ хорошую погоду ²⁾. Въ этомъ повѣрьи съ особенною наглядностію выластается ихъ близкая связь съ облачными и водяными (дожденосными) нимфами. О нихсахъ рассказываютъ, что онѣ, выходя изъ водъ, являются къ родильницамъ, помогаютъ ихъ разрѣшенію, предвѣщаютъ будущее, прядутъ ленъ и въ ясные дни просушиваютъ свое бѣлье; въ народныхъ сагахъ нѣкій духъ или святой угодникъ бросаетъ на воздухъ одежды и полотна и оставляетъ ихъ висѣть на солнечныхъ лучахъ. Эти бѣлыя ткани, висящія въ воздухѣ и обѣщающія вѣдро, суть поэтическое представленіе облаковъ, озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Небесныя дѣвы ткуть ихъ изъ паровъ и тумановъ, вышиваютъ золотомъ (разсвѣчиваютъ солнечными лучами) и моютъ въ дождевыхъ потокахъ. Въ южной Германіи существуетъ поговорка: «so wollte ich ja lieber mit den hexen auf dem Schwarzwald nebel spinnen». По лужиц-

¹⁾ Нѣмецкая сказка говоритъ о трехъ старыхъ прихахъ, которыя помогаютъ дѣвушкамъ прнсть и требуютъ за то позвать ихъ на свою свадьбу; по литовскому преданію, это были лаумы, по итальянскому—ееи (Ск. Грив., 14; Норвеж. св., I, 13; Шлейхеръ, 12; Germ. Mythen, 671—2). Мойры также присутствовали при свадьбахъ, и невѣсты чествовали ихъ жертвенными приношеніями — Germ. Myth., 583. — ²⁾ „Jetzt wird es schönes wetter, die frauen haben ihre wäsche aufgehängt“ говоритъ поселене.

кому повѣрью, если wödna žona разстилаетъ по берегу свое бѣлье, то должно ожидать дождливой погоды (см. гл. XXVI). По указанію дѣтскихъ причтаній, одна изъ трехъ дѣвъ судьбы отпираетъ небо — да воззрѣть оттуда свѣтлое солнце или сама Пречистая Марія (=Фрея или Гольда); она прядетъ чистое золото, шьетъ красную одежду для Господа Бога и выводитъ дневное свѣтило, т. е. ей приписывается творческая дѣятельность богини Зори, открывающей на востокѣ райскія врата, устилающей путь восходящему солнцу розовою, золотистою пеленою и дарующей міру ясные дни — благодатное, плодородящее лѣто. Neilgrätin-пеп чествуются въ Баваріи, какъ подательницы урожаявъ, и во время жатвы имъ оставляютъ въ даръ три хлѣбныхъ колоса. Съ бѣлыми лѣтними облаками издревле соединялись идеи плодородія, зачатія и брака (I, 237); наоборотъ — съ черными тучами, несущими опустошительныя бури, связывались представленія о злыхъ демонахъ ночи и смерти (см. гл. XXII). Въ силу этихъ воззрѣній облачныя дѣвы стали завѣдывать рожденіемъ, бракосочетаніемъ и концинною челоуѣка, что все виѣстѣ и опредѣлило понятіе о могучей судьбѣ, властвующей надъ смертными въ предѣлахъ ихъ земнаго существованія — отъ колыбели и до могилы. Согласно съ троякими обязанностями, возложенными на облачныя дѣвы, изъ толпы ихъ выдѣлились три богини судьбы, изъ которыхъ на долю каждой выпалъ особый трудъ. Изъ нихъ двѣ — представительницы бѣлоснѣжныхъ облаковъ: одна распорядилась родами, другая — брачными союзами; а третья — дѣва черной, молніеносной тучи разлила смертію. Впослѣдствіи, съ забвеніемъ стихійныхъ, натуралистическихъ основъ, на которыхъ возникло означенное вѣрованіе, цвѣта эти приняты были за символы нравственныхъ понятій: бѣлый цвѣтъ сдѣлался знаменіемъ благихъ, дружелюбныхъ чувствъ, одушевляющихъ

богиню счастья, а черной — знаменіемъ злобы и коварства богини Смерти. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ племенъ преданія говорятъ о трехъ дѣвахъ судьбы; число это одинаково прилагается къ мойрамъ, шаркамъ, феямъ, норнамъ и роже-ницамъ. Рожденіе, свадьба и смерть, колыбель, брачное ложе и смертный одръ или могила наводили мысль на соответственные имъ понатія дѣтства, юности и старости — утра, полдня и вечера или заката человѣческой жизни. Когда человѣкъ мужалъ и задумывался о могуществѣ всеильнаго рока, его рожденіе и первые годы дѣтства были уже прошлыми, а смерть ожидала его въ будущемъ, и потому съ тремя дѣвами судьбы онъ необходимо сочеталъ представленіе о трехсоставномъ времени: одна изъ нихъ должна была вѣдать прошедшее, другая — настоящее, третья — будущее (вчера, сегодня и завтра). Богиня прошлаго Wurt признавалась старѣйшею изъ норнъ; она возрастаетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и стоитъ передъ нами съ открытымъ и яснымъ лицомъ: это богатая опытомъ, кроткая и добродушная старушка, которая являлась у колыбели младенца и привѣтствовала улыбкою его первое утро. Другая Verdhandi (настоящее) также дружелюбна и откровенна, какъ и сестра ея Wurt; вмѣстѣ съ человекомъ она радуется его счастью, печалится о его горѣ, и вмѣстѣ съ нимъ борется противъ житейскихъ бѣдъ; ей принадлежитъ текущій мигъ и сфера ея дѣятельности единымъ волоскомъ отдѣляется отъ того, что подвластно прошедшему и будущему. Наконецъ Sculd — юная, но обманчивая и враждебная норна: это — темное будущее; никто не вѣдаетъ, чего она хочетъ и что таитъ подъ своимъ непроницаемымъ покровомъ. Минувшее и настоящее человека могутъ быть счастливы, какъ внезапно является она, разбиваетъ всѣ надежды и отнимаетъ самую жизнь. Ежедневно выѣзжаетъ она на поля бит-

вы «todeswahl zu halten». Есть, впрочемъ, указанія, что и другія сестры (согласно съ кореннымъ значеніемъ слова «норна») обладаютъ тою-же роковою, влекущею въ загробный міръ силою. Всѣ три нисходятъ онѣ на землю, чтобы возбуждать распри и убійства; всѣ три стоятъ въ несомнѣнной связи съ темною ночью. Такъ въ ночное время приступили онѣ къ колыбели Гельги и протянули его жизненныя нити по небу, озаренному мѣсяцемъ (mondessaal); въ Sturlungasaga норна Urdhr прилетаетъ черною птицею — тула, гдѣ луна свѣтитъ на поле усопшихъ. Преданія славянскія говорятъ о трехъ кугахъ и холерахъ, а новогреческія — о трехъ моровыхъ дѣвахъ, изъ которыхъ одна, подобно паркѣ, держитъ въ рукахъ ножницы, а другая — свитокъ съ именами тѣхъ, кому назначено умереть (см. выше стр. 114). Какъ небесныя пряхи, дѣвы судьбы, исполняя свои обязанности въ отношеніи къ тремъ главнѣйшимъ пунктамъ человѣческой жизни, прядутъ тѣ невидимыя нити (связи), какими повивается младенецъ и скрѣпляется брачный союзъ юноши, и ту страшную веревку, какою удушается человѣкъ въ минуту смерти. Дѣтская пѣсня гласитъ:

Sonne, Sonne, schein!
 Fahr über den Rhein,
 Fahr über goldene Haus,
 Da schauen drei alte Jungfrauen heraus.
 Eine spinnt Seiden,
 Die andre wickelt Weiden,
 Die dritte geht an's Brünnehen,
 Findet ein goldenes Kindehen. ¹⁾

Золотое дитя, пребывающее въ колодецѣ, есть пламенная, чистая младенческая душа; дѣвы судьбы изъемяютъ ее изъ облачнаго источника Гольды и выпряденной нитью связываютъ

¹⁾ Илл: Die dritte spinnt das klare gold, die vierte ist meinem bublein hold.

съ тѣломъ новорожденнаго; когда враждебная парка перерѣзываетъ эту нить своими ножницами — душа отторгается отъ тѣла и человѣкъ умираетъ. Нѣмецкія преданія упоминаютъ о золотой связи, изготовляемой въ блаженномъ царствѣ Engelland'a, которою обвивается младенецъ. Черезъ посредство этой связи опредѣляются и душевныя свойства человѣка и его счастье. Отсюда возникъ обрядъ — при повиваньи ребенка, завязывать ему въ пеленки хлѣбъ-соль, сыръ и деньги—эмблемы довольства и богатства. Въ разныхъ областяхъ Германіи подарокъ, даваемый крестнику, называется *eingebinde, einbund, gebindnis, strick, strecke, einstrickete* (отъ *einstricken—mit dem seil festbinden*). Вѣроятно, въ старину подарокъ этотъ привязывался къ тѣлу новорожденнаго нитью или тесемкою. Донынѣ соблюдается обычай привязывать няниннику приносимые ему подарки. Дары въ дни рожденія, няининъ, при крещеніи и свадьбахъ называются *apgebinde, die helseta* или *wörgeta* (отъ *helsen, würgen — ein band um den hals drehen*). Тоже обыкновение соблюдалось и славянами. Народная легенда рассказываетъ, что Христосъ и св. Петръ, приглашенные бѣднымъ крестьяниномъ въ кумовья, совѣщались между собою: «со ти (ребенку) будоу вѣзати». У чеховъ употребительны выраженія: «ditěti při křtu ¹⁾ zavázati», «kmoři ²⁾ dávaji na povijau», а самый подарокъ называется *zà vinek*. Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы *dreht, flicht* или *wickelt weiden*. *Weide* (*wide*, отъ гот. *viþan—fesseln*, откуда и сканд. *vidja—оковы, vadg—веревка*) означаетъ: изъ древесной коры или гибкихъ вѣтвей свитую веревку, которая употреблялась при казни черезъ повѣшеніе. Въ глубокой древности, въ замѣну пеньковой веревки, плели лыки и крутили свѣжія поросли ивы и дуба. По этому выраженію «dreht weiden» должно перевести: вѣсть оковы,

¹⁾ При крещеніи. — ²⁾ Кумовья.

крутить удушающую веревку (*todesstrick*). Въ поэтическихъ сказаніяхъ славянъ и нѣмцевъ Смерть, нападая на человѣка, опутываетъ его веревками, связываетъ по рукамъ и по ногамъ, душитъ и увлекаетъ въ загробное царство (см. выше стр. 44). Сверхъ всего этого, такъ какъ веревка изстари служила для измѣренія пространства и опредѣленія границъ, то и въ рукахъ норнъ она принималась за орудіе, которымъ эти вѣщія дѣвы обозначали кругъ будущаго владычества и подвиговъ новорожденнаго дитяти (стр. 350); переступить за черту, проведенную норнами, не дано ни одному смертному.

Предки наши смотрѣли на тѣло, какъ на временную одежду, въ которую облакается бессмертная душа: на сканд. тѣло — *lík-ama* (*lík-hama*), др.-в.-нѣм. *lîh-hamo*, англос. *lîc-hama*, *flaesc-hama* = *körperhemd*, *fleischgewand*; сканд. *fjadhr-hama*, англос. *fedher-homa* (пернатая сорочка) = *vögelkörper*, сканд. *úlfs-hama* (волчья одежда) = *wolfskörper* (сравни выше стр. 196). Эта тѣлесная оболочка создавалась божественною силою; въ качествѣ небесныхъ пряжъ и ткачихъ, дѣвы судьбы изготовляли ее своими искусными руками и одѣвали въ нее душу, предназначенную для земной жизни. По литовскому преданію, какъ только нарождался младенецъ, онъ тотчасъ-же начинали ткать его жизненную сорочку и продолжали работу до тѣхъ поръ, пока злая, неумолимая сестра ихъ, опредѣляющая смертный часъ, не перерѣзывала ткани острыми ножницами; всякой вредъ, всякая порча, наносимая этой ткани, ощущались человѣкомъ на своемъ собственномъ тѣлѣ, причиняли ему болѣзни и страданія (см. выше стр. 330). Чтобы избавиться отъ недуга, больной долженъ идти къ колодезю и смочить въ немъ свою сорочку, т. е. по основному смыслу повѣрья: поврежденная жизненная ткань восстанавливается не иначе, какъ живою водою того райскаго источника, у котораго обитали вѣщія ткачихи. Это — цѣлеб-

ный источникъ Урды (Jungbrunnen); норна настоящаго приладити, норна прошедшаго (Urdhr) ткала изъ нихъ холстъ и заботливо охраняла его отъ злой Sculd'ы. Преданіе о ткани, приносимой дѣвами судьбы къ родильницѣ, намекаетъ именно на ту тѣлесную одежду, въ какой является душа въ сей тлѣнный міръ. Народныя легенды говорятъ о чудесной сорочкѣ, вырастающей въ вѣстѣ съ ребенкомъ, которому она принадлежитъ; такую сорочку соткала св. Марія маленькому Іисусу. Смерть срываетъ этотъ покровъ съ утомленной житейскими страданіями души, и освобожденная она возвращается въ свое небесное отечество ¹⁾. Подъ вліяніемъ означенныхъ воззрѣній, создано вѣрованіе въ счастливую сорочку (schicksalshemd), возлагаемую на младенца при самомъ его рожденіи. Когда метафора эта, служившая первоначально для обозначенія тѣла человѣческаго, затѣнилась въ народномъ сознаніи, — за такую сорочку приняли тотъ пузырь или плеву, въ которой является дитя изъ материнской утробы. Дѣти, рожденные обвитыми плевой, признаются счастливыми; по русскому выраженію, они родились въ сорочкѣ, серб. — у кошуйице, чеш. — v košilce, пол. — w szerku. Сорочку эту свертываютъ въ маленькой узелокъ, привѣшиваютъ къ тесемкѣ и вѣстѣ съ шейнымъ крестомъ возлагаютъ на младенца, вѣря, что такимъ образомъ счастье останется привязаннымъ къ нему навсегда; нерѣдко зашиваютъ ее въ шапку или рубаху и носятъ при себѣ ради здравія и благополучія; случается, что крестьяне, отправляясь въ дальній путь, выпрашиваютъ на время такую привѣску у своихъ пріятелей и берутъ съ собою, чтобы удалось задуманное предпріятіе ²⁾. Въ Германіи

¹⁾ D. Myth., 257, 1128; Germ. Mythen, 524—538, 555, 576—700; Die Götterwelt, 322—3; Beiträge zur D. Myth., II, 168, 184—194, 199—200, 286—7; Volkslieder der Wenden, II, 267. — ²⁾ Абеа., 295; Записки Авдѣев., 138; Громаниъ, 106; Стоглавъ возрастаетъ

родильная плева называется *glückshaube*, *wehmutterhäublein* ¹⁾; ее тщательно берегают и привѣшиваютъ къ ребенку, какъ спасительную наузу. Здѣсь думаютъ, что родившійся въ сорочкѣ имѣетъ способность видѣть духовъ, привидѣнія и вѣдьмъ ²⁾. Черногорцы убѣждены, что въ немъ обитаетъ вѣдогонъ, а сербы даютъ ему эпитетъ видовит: по ихъ рассказамъ, онъ ходитъ съ вилами и знаетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе люди ³⁾. Въ Исландіи повивальная бабка закапываетъ «сорочку» подъ порогомъ (мѣсто, гдѣ пребываютъ домовые эльфы), и общее повѣрье утверждаетъ, что съ нею невидимыми узами связаны душа ребенка и его добрый геній-хранитель. Если выброситъ или сжечъ счастливую сорочку, то охранительный духъ тотчасъ-же удаляется отъ ребенка. Духъ этотъ называется *fylgia*, какъ незримо-слѣдующій за человѣкомъ въ теченіи всей его жизни («*weil er dem menschen folgt*») и *hamingia* (*felicitas*; швед. *hamn* — *genius* ⁴⁾). Только смерть разрываетъ связь между человѣкомъ и его таинственнымъ покровителемъ. *Fylgia* вѣдаетъ прошедшее и будущее, и нерѣдко принимаетъ образъ того животнаго, нравъ котораго наиболѣе подходитъ къ нраву его кліента; иногда, подобно валькири, онъ является въ видѣ прекрасной женщины и принимаетъ участіе въ битвахъ. Передъ самою кончиною человѣкъ видитъ, какъ погибаетъ его духъ-покровитель. *Gisli Súrsson* имѣлъ два *fylgia*: добраго, призывающаго къ мирной жизни, и злаго, побуждающаго къ распрямъ и крово-

противъ обычая приносить такіа сорочки въ храмъ и оставлять ихъ въ теченіи шести недѣль на престолахъ. — ¹⁾ Въ Голландіи говорятъ: «*met den helm geboren zin.*» — ²⁾ *D Myth.*, 362, 828, 1061. — ³⁾ Путеш. въ Черногорію, 220; Срп рѣчникъ, 60. — ⁴⁾ *Genius* (одного корня съ *gens*, *geno*, *gigno*) — духъ, присутствующій при рожденіи чловѣка и охраняющій его во все продолженіе жизни; слово это служило также для означенія судьбы, счастья и душевныхъ свойствъ.—*Römische Myth.* (1858 г.), 67.

продлѣтію. Fylgjen принадлежатъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ семьямъ и родамъ, и вообще весьма близко соприкасаются съ эльфами, блюстителями домашнего покоя и довольства. Очевидно, что фыльгѣи соединили въ себѣ представленія: во 1-хъ о душахъ-эльфахъ, являющихся въ сей мѣръ въ тѣлесной одеждѣ младенцевъ, и во 2-хъ о вѣщихъ генияхъ, управляющихъ судьбою смертныхъ и устрояющихъ ихъ счастье. Въ христіанскую эпоху эти древнѣйшія представленія перенесены на ангеловъ. По народному убѣжденію, у каждаго человѣка есть свой ангелъ добрый или злой, отъ котораго зависятъ и счастье, и горе, встрѣчаемая на жизненномъ пути. Выше (стр. 54-57, 207) указано, что ангелъ поражаетъ человѣка смертію, изъемлетъ изъ него душу, т. е. исполняетъ обязанность злой парки; рядомъ съ этимъ существуетъ другое повѣрье, что ангелъ приносить съ неба младенческую душу и присутствуетъ при рожденіи ребенка. Если въ шумной бесѣдѣ вдругъ всѣ замолкнутъ—это знакъ, что мимо пролетѣлъ тихій ангелъ и гдѣ-нибудь вблизи народился младенецъ. Нѣмцы въ этомъ случаѣ замѣчаютъ: «ein engel flog durch das zimmer», а греки выражались: 'Ερμῆς ἑταίρολθε! Когда дитя улыбается или смѣется во снѣ, на Руси думаютъ, что оно смотритъ ангелъ, а въ Силезіи—что съ нимъ играетъ judei (gütel, gütlehen) = духъ-покровитель. Укладывавъ спать ребенка, русскія няньки считаютъ необходимымъ разстегнуть воротъ его рубашки, чтобы ангелъ хранитель могъ свободно взирать на его чистую душу. Выраженіе: «счастливъ твой богъ!» принадлежитъ той отдаленной старинѣ, когда вѣрили, что у всякаго человѣка есть свой гений счастья¹⁾). Когда душа сброситъ съ себя тѣлесную ризу, дѣвы судьбы увлекутъ ее въ воздушныя пространства, одѣвають въ облач-

¹⁾ D. Myth., 829—831, 1052—4, 1078; Germ. Mythen, 306—8, 572—4; Этн. Сб., VI, 140.

ныя ткани и кусаютъ въ кипучихъ источникахъ дождя, дабы очищенная отъ земнаго праха—она могла вознестись въ царство блаженныхъ. Нѣмецкая сага рассказываетъ о бѣлой женѣ, которая по вечерамъ приходитъ къ прачкамъ и моетъ саваны (totenhemden), что всегда служитъ предвѣстиемъ чьей-либо смерти. Одному старостѣ случилось въ ночное время ѣхать мимо источника; заслышавъ удары вальковъ, онъ спросилъ: «кто моетъ такъ поздно?» — Это мы! раздася отвѣтъ; сегодня умеръ мельникъ, такъ мы смываемъ пыль съ его грѣшной души. — Да хорошъ ли щелокъ? «Попробуй!» сказалъ кто-то и плеснулъ водою. На другое утро староста замѣтилъ, что у коня его обожжена кожа ¹⁾).

Облачныя дѣвы являлись мужественными вонпельницами, такъ какъ самая гроза, напоръ тучъ, удары молній и грохотъ грома въ поэтическихъ сказаніяхъ древности изображались битвою воздушныхъ духовъ. Изъ среды этихъ дѣвъ—вѣщія богини судебъ прерывали нить человѣческой жизни и увлекали души въ царство усопшихъ. Смерть и парки стоятъ въ тѣсномъ родствѣ; но нигдѣ такъ не очевидно владычество Смерти, нигдѣ не предстаетъ она въ такомъ грозномъ могуществѣ, какъ въ кровавой войнѣ, и нигдѣ такъ ярко не выступала идея рока, поражающаго однихъ и щадящаго другихъ, какъ въ шумѣ битвы. Древне-нѣмецкое *urgas* (*urgas*) означаетъ не только *fatum*, но и *bellum*. Смерть, какъ мы видѣли (стр. 44-49), рисовалась воображенію нашихъ предковъ неистовымъ, кровожаднымъ и вооруженнымъ въ ратные доспѣхи воиномъ. Отсюда родилось вѣрованіе въ мнѣческихъ дѣвъ, сопутствующихъ богу весеннихъ грозъ и вихрей, принимающихъ участіе въ человѣческихъ битвахъ и собирающихъ души убитыхъ героевъ. Дѣвы эти, родственныя богинямъ судьбы, въ германской мнѣологіи носятъ имя валькирій, какъ существа

¹⁾ Germ. Myth. 653.

стихийныя, облачныя, валькирии летаютъ по воздуху надъ сушею и морями, ѣздятъ верхомъ на летучихъ коняхъ по небеснымъ пространствамъ, при чемъ кони ихъ трусятъ съ своихъ гривъ росу на лѣса и доли и даютъ землѣ плодородіе, т. е. онѣ ѣздятъ на облакахъ и тучахъ, бурный полетъ которыхъ заставилъ фантазію сравнивать ихъ съ быстроногими конями. Одной изъ валькирій присвоено имя Mist (туманъ), и «облако» называлось ея конемъ — Mistar magg (der Mist goss, буквально: туманный конь). Гдѣ несутся валькирии, тамъ лопитъ опустошительная буря, звѣяется и ударяютъ молніи. Это—дѣвы воинственныя; сканд. valr, англос. vâl, др.-в.-нѣм. wal — вся масса сраженныхъ въ бою, падшихъ на полѣ чести; англос. vâlcyrge (vâlcyrge, vâlcyrge= valkyria, др.-в.-нѣм. walachurîa—избирающая: кому пасть въ битвѣ ¹⁾ въ старинныхъ переводахъ служитъ для обозначенія богини войны (Bellona) и фуриі (Erinnys, Alecto, Tisiphone); сканд. valmeujar (= valkyrjur) — schlachtmädchen и норвеж. valdöger — schutzgeist. Валькирии изображаются прекрасными всадницами, въ шлемахъ, со щитами, копьями и мечами въ рукахъ, и потому называются skialdmeujar, hialdmeujar ²⁾; въ древнѣйшихъ пѣсняхъ имъ присвоены собственные имена, указывающія на бранные доспѣхи: Grimhildr (helmjungfrau), Brynhildr (die panzergekleidete), Geirdriful (speere werfend), Geirdögul (die lanzenährende), Geirskögul (die mit dem speer hervorragende), Randgrîdh (wut der schilde) и др. Валькирии состоятъ въ распоряженіяхъ Одина, вождя неистоваго воинства и «отца побѣдъ», который въ рукахъ своихъ держитъ жребій войны, и какъ ему давались имена Oski, Wunsch, такъ валькириямъ присвоилось названіе öskmeujaг=wunschmädchen, что ука-

¹⁾ Сканд. kiosa (нѣм. kiesen) — избирать жертву, kûr (др.-в.-нѣм. chur) — electio. — ²⁾ Schild und helm-mädchen.

зывается въ нихъ не только спутницъ этого бога, но и дѣвъ судьбы (см. ниже о значеніи слова «wunsch»). Средство ихъ съ норнами свидѣтельствуется многими тождественными чертами. Какъ норны обитаютъ подъ сѣнію міровой ясени, у небеснаго источника Урды, гдѣ плаваютъ два лебедя, отъ которыхъ произошла извѣстная человѣку порода этихъ птицъ; такъ валькирии живутъ въ небесномъ лѣсу *Mugkvidhr*, купаются въ озерахъ, носятъ лебединыя сорочки (*schwanhemden*) и тѣмъ самымъ сближаются съ водными женами (*áras*). Какъ норна *Urdhr* устремляется на поле сраженія черною птицею, такъ валькирии перелетаютъ воздушныя области лебедями. Подобно норнамъ, онѣ предвѣщаютъ будущее, прялутъ и готовятъ ткани; такъ *Völundarquidha* упоминаетъ о трехъ валькирияхъ, которыя, сидя на берегу моря, пряли ленъ, и одна изъ нихъ носила имя бѣлой лебеди — *Svanhvít*. Съ ихъ красною, кровавою тканью связывалась судьба сраженія. По свидѣтельству саги XI-го вѣка, когда ткали валькирии, то кишки человѣчьи замѣняли для нихъ основу и утѣкъ, мечъ служилъ челнокомъ, а стрѣла — бѣрдомъ. Какъ скоро раздастся на землѣ военный кличъ, Одинъ посылаетъ своихъ бранныхъ дѣвъ, — и онѣ, сопровождаемыя орлами и вѣронами, поспѣшаютъ на мѣсто битвы на своихъ облачныхъ коняхъ, смѣшиваются съ толпами сражающихся и выбираютъ (*auswählen*) тѣхъ, которые должны послѣдовать за ними въ валгаллу (*valhöll*) — въ сообщество боговъ, т. е. быть убитыми. Орлы, вѣроны и волки любятъ питаться трупами, и потому считались необходимыми спутниками ратующаго Одина и смертоносныхъ дѣвъ; орлы и вѣроны назывались птицами валькириѣй, а волки — собаками норнъ (*grauhunde der nórn*). Тамъ — въ небесномъ чертогѣ валькирии обязаны были подносить богамъ и блаженнымъ героямъ (*einheriern*) рогъ съ медомъ (= нектаромъ); о норнѣ *Urdhr*

известно сказаніе, что она сторожила вдохновительный Odhrögir — вапитокъ, тождественный по значенію съ живою водою Urdharbrunnena. Во главѣ валькирій, какъ бы старшая между ними, стояла богиня Фрея, которая (подобно Одину) принимала къ себѣ души павшихъ витязей, называлась Valfreyja и на пиру асовъ исполняла обязанность кравчаго; лебедь была ея птицею. Въ рукахъ валькирій и военный успѣхъ, и поражение; онѣ приносятъ съ собою божественный приговоръ: на чью сторону должна склониться побѣда; въ нихъ самитъ замѣчается neodолжная страсть къ битвамъ. Преданія говорятъ о девяти, тринадцати и дважды-девяти валькиріяхъ (изъ нихъ девять — въ бѣломъ одѣяніи, а девять въ черномъ), которыя скачутъ на коняхъ, блистая шлемами, копьями и щитами. Особенно замѣчательна между ними Skuld — ия, связующее валькирій съ нормами, ибо такъ называлась и младшая норма; эта послѣдняя разрывала жизненную нить, и потому болѣе своихъ сестеръ соотвѣтствовала дѣвамъ, забирающимъ души убитыхъ воиновъ. Своими любимыми героями валькиріи помогали побѣждать въ бою, и въ случаѣ опасности закрывали ихъ щитами. Ту же роль, какъ мы знаемъ (стр. 170-4), играютъ въ битвахъ сербскія вилы, съ которыми преданія соединяютъ всѣ разнообразныя черты, усвоенныя эльфамъ, нормамъ и валькиріямъ. Поэтическій образъ воинственной дѣвы не чуждъ былъ и народамъ античнаго міра. Я. Гриммъ проводитъ любопытную параллель между представленіями германской и греческой мифологій: идисы (idist) соотвѣтствуютъ нимфамъ (νύμφαι), норны — мойрамъ (μοῖραι), валькиріи — керамъ (κῆρες). Керы — страшныя спутницы убійственнаго Ареса; онѣ являются на поле сраженія въ красныхъ, омоченныхъ кровію одеждахъ, схватываютъ и увлекаютъ убитыхъ. Всякому, кто долженъ умереть насильственной смертію, уже при самомъ рожденіи назначается своя

керы, и она непременно настигаетъ его въ роковую минуту. Ахиллесу опредѣлены были два рода смерти — двѣ керы, между которыми онъ долженъ былъ выбрать по собственному желанію (сравни выше, стр. 361, съ преданіемъ о двухъ фильгіяхъ добромъ и зломъ). Наиболѣе употребительный эпитетъ, даваемый керѣ, есть черная—*μέλαινα* ¹⁾. У Гезіода ирачныя, бѣлозубыя керы носятя надъ толпами сражающихся, запускаютъ въ раненныхъ свои острые когти и съ жадностью высасываютъ изъ нихъ горячую кровь; равнымъ образомъ тѣже когти и ту же жажду крови онъ приписываетъ и мойрамъ ²⁾. О южнорусскихъ мавкахъ рассказываютъ, что онѣ, захватывая молодыхъ парней, защекочиваютъ ихъ на смерть и питаются ихъ кровью ³⁾. Между собственными именами валькирій извѣстны еще: *Hildr* и *Gunr* (*Gudhr*), означающія *ругна*, *ргоelium*, что указываетъ на олицетвореніе понятій битвы, войны — точно также, какъ у грековъ были олицетворены *Ἐρις* (распря, вражда), которую Зевсъ посылалъ возбуждать усобицы между людьми, *Ἐννώ*, *Νίκη*, у римлянъ *Bellona*, *Victoria* и у славянъ Обида, дѣва съ лебедиными крыльями (см. выше стр. 188 — 193). Итакъ облачныя жены и дѣвы, подъ вліяніемъ различныхъ мифическихъ сближеній, принимаютъ вѣщій и воинственный характеръ, дѣлаются участницами божественнаго суда, и мало по малу, съ забвеніемъ древнѣйшихъ основъ преданія, освобождаются отъ почвы естественной религіи (религіи природы) и переходятъ въ абстрактныя представленія то трехсоставнаго времени (прошлаго, настоящаго и будущаго), то крова-

¹⁾ Илиада, IX, 411; XVI, 687; XVIII, 535—540. Мангардтъ производитъ слово *κῆρ* отъ *krit*—рѣзать, рубить. — ²⁾ D. Myth., 306, 388¹⁾—398, 406, 607, 939; Germ. Mythen, 543, 557—567; Beiträge zur D. Myth., II, 203—210; Griech. Myth., I, *656. — ³⁾ Семеновск., 124.

вой войны и ея отдѣльныхъ эпизодовъ. Видѣтъ съ этимъ, при посредствѣ полнаго антропоморфизма, онѣ усваиваютъ себѣ черты чисто-человѣческія: въ народѣ возникаютъ сказанія, по свидѣтельству которыхъ дѣвы эти рождаются отъ земныхъ матерей, вступаютъ въ связи съ прославленными героями, чувствуютъ боль отъ нанесенныхъ ранъ и падаютъ бездыханными въ пылу ожесточенной битвы. Здѣсь-то должно искать и объясненія старинной басни объ амазонкахъ ¹⁾).

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, что съ вѣрою въ Родъ и рожаницъ соединялась идея судьбы, предопредѣленія. Случайности, опутывающія человека, не могли не поражать его фантазіи — тѣмъ болѣе, что въ первобытномъ своемъ состояніи онъ всецѣло отдавался матери-природѣ, и все, что ни случалось съ нимъ, объяснялъ вліяніемъ добрыхъ или враждебныхъ силъ, дѣйствующихъ на него извнѣ, а не изъ собственной воли, не изъ своихъ личныхъ разчетовъ, побужденій и ошибокъ. По его мнѣнію, жизнь со всею ея радостями и бѣдами уже напередъ опредѣлялась при самомъ рожденіи младенца. На такую связь Рода и рожаницъ съ судьбою указываетъ намъ и народная поговорка: «такъ ему (или мнѣ) на роду написано!» — поговорка, именное значеніе которой вполне подтверждается хорутанскимъ преданіемъ о книгѣ Рожденникъ, гдѣ записаны грядущія событія въ жизни каждаго человека ²⁾. По словамъ сербской сказки, при рожденіи одной дѣвочки присутствовали три предвѣщателя (замѣна рожаницъ) и «нешто у руцы као књигу држи» ³⁾.

¹⁾ Народный эпосъ весьма часто выводитъ богатырскихъ женъ, дѣйствующихъ мечемъ и стрѣлами и поражающихъ вражескія рати и страшныхъ змѣевъ — Н. Р. Ск., I, 14; Сказки Сахарова, 57; Кирша Дан., 95—99, 125—131; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 81—86; 1854, 257—9; Семеньск., 36; О состояніи женщины въ Россіи, Шульгина, 67—68. — ²⁾ Срезневск., 8. — ³⁾ Сербскій летопись 1862, I, 152—3.

Нами престолюдины вѣрятъ, что ангель у всякаго на роду (т. е. въ минуту рожденія) пишетъ его судьбу ¹⁾, а болгары говорятъ: «тѣмъ му било написано на небе-то!» — выраженіе, тождественное по смыслу съ сейчасъ-приведенною русскою поговоркою ²⁾. Новогреческое повѣрье утверждаетъ, что Морская дѣва, начиная свое губительное шествіе вычитываетъ изъ длиннаго свѣтка имена обреченныхъ ей въ жертву (стр. 114). Въ Нормандіи рассказываютъ, что высшій надзоръ за этой страной принадлежитъ феямъ, что онѣ каждый вечеръ сходятся вмѣстѣ и сообщаютъ собраннымъ ими свѣдѣніямъ своей царицѣ, что эта послѣдняя держитъ въ рукахъ книгу живота, въ которой обозначены имена всѣхъ жителей, и что, смотря по доставленнымъ ей свѣдѣніямъ, она ставитъ при всякомъ имени бѣлую или черную отиѣтку ³⁾.

У славянъ сохранилось множество пословицъ и поговорокъ, намекающихъ на стародавнее вѣрованіе въ судьбу, идея которой (какъ мы видѣли) неразрывно связывается съ рожденіемъ, бракомъ и смертію человѣка: родился ни хорошъ, ни пригожъ, родился счастливъ (бѣлор. не родился красный, а родился щасный; малор. не родился богатій та вродливій, а родился при доли та щасливій; не родился гарній, а родился щасливій); не накормить коня сухопарова, не надѣлать дитя безсчастное; счастливый — къ обѣду, а роковой — подъ обухъ; счастливый скачетъ, а безсчастныи плачетъ; кому щастя, тому и пѣвень несещя, а коли (счастья) не ведецца, то и курка не несещя; счастливый — что калачъ въ меду (къ нему все пристаеъ, все на прибыль); кому счастье служить, тотъ ни о чемъ не тужить; таланый и въ морѣ сыщеть; безъ счастья и по грибы въ лѣсъ не ходи; коли нѣту талану, такъ не пришить къ сарафану;

¹⁾ Рус. въ св. послов., II, 125—7. — ²⁾ Каравеловъ, 140. — ³⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 348—9.

вѣтъ бы молодець, да нѣтъ талану на роду; мой таланъ пошелъ по горамъ (или по рукамъ, т. е. нѣтъ счастья); мое счастье разбѣжалось по сучкамъ, по вѣточкамъ; такова наша доля—на то знать мы и родились; таковъ нашъ рокъ (отъ реку, какъ *fatum* отъ *faci*, т. е. приговоръ судьбы¹⁾), что вилами въ бокъ! На кого рокъ (или Богъ — замѣна весьма знаменательная), на того и добрые люди; никто отъ своего року не уйдетъ; чему быть, того не миновать; такъ рокъ судилъ; знать такъ ужь суждено! видно такая судьба! Отъ судьбы не уйдешь; бойся-не бойся, а отъ части своей не уйдешь; злая напасть—и то часть; судьбу на поршивомъ поросенкѣ не объѣдешь; бѣду (или суженаго) и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь (малор. що написано на роду, то-й конемъ не объїдешъ); судьба придетъ — ноги сведетъ, руки назадъ свяжетъ²⁾; сравни нѣм. *«das ist mir bescheert»*, *«was bescheert ist—entläuft nicht»*³⁾. Слово судьба (серб. усуд, суђење — «такъ ти је усуд усуди!»⁴⁾ одного корня съ глаголомъ судить, и следовательно означаетъ то, что присуждено—предопредѣлено человеку высшимъ божественнымъ судомъ. По народному русскому выраженію: «Богъ—судья!» Онъ «виноватаго сыщеть»⁵⁾ и «кого Богъ судить, чоловікъ не розгудить»⁶⁾; серб. «да Бог не усуди!»⁷⁾ «ako bilo od Boga sudjeno.» Кто избѣгаетъ опасности или наказанія, тому говорятъ: «счастливъ твой

¹⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синодал. библіотеки, II, отдѣлъ, II, 150: «звѣднаго ради на-рока»—ради неотразимаго вліянія звѣздъ, ради судьбы. — ²⁾ Пословицы и притчи Снегирева, 278, 387, 451; Послов. Даля, 27—28, 32, 42—43, 94; Полн. собр. пословицъ (СПБ., 1822), 173, 288; Собраніе 4291 древ. рус. пословицъ, 9, 128, 131, 198; Номис., 35—36, 171; Этя. Сб., I, 35; Приб. къ Изв. Ал. Н., I, 58; II, 231, Абев., 305. — ³⁾ D. Myth., 822. — ⁴⁾ Срп. рјечник, 791. — ⁵⁾ Рус. въ св. послов., III, 5. — ⁶⁾ Номис., 171. — ⁷⁾ Срп. рјечник, 791.

Богъ! Въ вологодской губ. употребляется сложное рѣченіе с судіи боги, употребляемое въ смыслѣ жалобы или клятвы ¹⁾. Чешское преданіе о княжѣ Любушѣ и двухъ вѣщихъ дѣвахъ (по свидѣтельству лѣтописцевъ — ея сестрахъ), которыя завѣдывали судомъ, мечемъ-карателемъ неправды и свѣточудною водою, обличающею людскую кривду, въ основѣ своемъ есть преданіе о трехъ дѣвахъ судьбы (судицахъ ²⁾). Въ старинныхъ памятникѣхъ слово судъ право употребляется въ значеніи судьбы; напримѣръ въ Словѣ о полку сказано: «ни хытру, ни горазду, ни птицѣ горазду суда божія (=судьбы или смерти) не минути»; «Бориса же Вячеславича слава на судъ (на смерть) приведе». Въ посланіи Мономаха къ Олегу Святославичу встрѣчаемъ подобное-же выраженіе: «судъ отъ Бога ему пришелъ». Здѣсь смерть разсматривается, какъ опредѣленіе Судьбы, которая въ рукахъ своихъ содержитъ все благое и гибельное и приговоровъ которой невозможно отклонить ни умомъ, ни хитростью ³⁾. Выше было указано, что конецъ жизни человѣческой опредѣлялся судицами. Объ умершихъ насильственной или случайною смертію говорятъ: «такъ ему на роду написано» или «рокъ головы ищетъ». Въ слѣдующей поговоркѣ слову «рокъ» придается значеніе смерти: «бойся-не бойся, а року не миновать!» По глубокому убѣжденію народа, запечатлѣнному въ его пословицахъ:

¹⁾ Послов. Дзля, 45; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Буслаев., 47. — ²⁾ Отъ снкр. корня *dic* — *dicami* — *indico*, *ostendo*, лат. *dico*, *in-dico*, *ju-dex*, греч. *δειχῶμαι* — *zeige*, *δίκη* — *recht*; снкр. *dīsham* (вмѣсто *diktam*) означаетъ судьбу, *fatum* — Бурдигусъ, 105. Я. Гриниъ слово *schaagen* — учреждать, распорядить ставить въ связь съ *scheege* — ножницы, которыми вооружена парка — О повѣи въ правѣ, въ Сынѣ Отеч. и Свѣ. Архивѣ 1831, т. XXIII, 45. Сравни выраженія: разрѣшить (развязать, расцѣчь) узелъ, разрѣшить или распутать дѣло. — ³⁾ Рус. Дост., III, 74, 202; П. С. Р. Д., I, 106.

«безъ рок у смерти не бываетъ; кому быть повѣшену, тотъ не утонеть; кому за тыномъ окоченѣть, того до поры обухомъ не пришибешь; кому суждено опитъся, тотъ обуха не боится; кому быть на висѣлицѣ, того и грозой не убьетъ; кому скоромнымъ кускомъ подавиться—хоть вѣкъ постись, комаромъ подавится! Ловить волкъ роковую овечку; обреченная скотинка ужь не животинка» (непремѣнно околѣеть или достанется хищному звѣрю ¹⁾); у сербовъ: нема смрти без сућена дана», «када мени сућен данак доће!» ²⁾ Дочь Соловья-разбойника, желая убить Илью Муромца, ринула на него тяжелую подворотню, да «Ильѣ то не къ суду пришло»—и онъ остался невредимъ. Въ древне-русской повѣсти о борьбѣ Живота съ Смертію эта послѣдняя говоритъ человеку: «въ чемъ ты застану, въ томъ и сужду» ³⁾. Бракъ, по народному выраженію, — божій судъ ⁴⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и причитаніяхъ фраза: «идти ко суду божію» употребляется въ смыслѣ: «идти подъ вѣнецъ» ⁵⁾; согласно съ этимъ, женихъ и невѣста называются у насъ сужеными, у сербовъ — сућеник и сућеница ⁶⁾. Обращаясь къ брату невѣсты, пѣсня возглашаетъ отъ имени жениха:

Ахъ, шуринъ мой, шуринъ ласковый!

Ты отдай мой даръ, мое суженое,

Мое суженое, мое ряженое (т. е. невѣсту ⁷⁾).

Въ малороссійской пѣснѣ читаемъ:

Ой їде Маруся (невѣста) на посадь,

Зострича је Господь самъ

И з' долею щасливою,

И з' доброю годиною ⁸⁾.

¹⁾ Рус. въ св. посл., II, 31, 125, 127; Послов. Даля, 27, 46. —

²⁾ Срп. рјечник, 724. — ³⁾ Рус. Вѣст. 1856, XIV, ст. Бусл., 316. —

⁴⁾ Доп. къ обл. сл., 316. — ⁵⁾ Рус. прост. правдн., IV, 170; Сахаров. — свадебныя пѣсни. — ⁶⁾ Срп. рјечник, 724. Въ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: «da mi hoće Mićo sudjen biti», «toj sudjenik», «zete nesudjen i» — Книжевиакъ 1866, св. II, 249. — ⁷⁾ Сахаров., I, 137. — ⁸⁾ Метлинск., 144.

Пословицы утверждают: «смерть да жена Богомъ суждена»; «судьба придетъ и руки ¹⁾ свяжетъ», т. е. наложить на избранную чету супружескія узы, видимыя, символическимъ знаменіемъ которыхъ донынѣ служатъ полотенце, связующее, по требованію обряда, рѣки новобрачныхъ (см. гл. XXIX). Супружескій союзъ, со всѣми его удачными и неудачными послѣдствіями, не зависитъ отъ произвола и расчетовъ человѣка, а уже напередъ опредѣляется божественною волею: «кому на комъ жениться, тотъ въ того и родится», «всякая невѣста для своего жениха родится». Приговоры судьбы въ этомъ отношеніи также неотвратимы, какъ и самая смерть, предназначенная человѣку: «суженаго конемъ не объѣдешь» ²⁾, «сужено-ряжено не объѣдешь въ кузовѣ» ³⁾. Соплетеніе, связыванье брачныхъ узъ народный эпосъ приписываетъ существамъ мнѣческимъ, божественнымъ. Приводимъ малорусскую сказку, записанную около Збруча и Смотрича ⁴⁾: «пославъ панъ козака з' лыстомъ и ему выпала дорога черезъ лѣсъ, и винъ якъ ѣхавъ тымъ лѣсомъ, то надѣбавъ святого Мыколая, що винъ вязавъ лыка—једно добре, а друге кепське. Але святий Мыколай показався ему въ постати ⁵⁾ старого дѣда. Дѣ той козакъ, прѣѣхавши близько св. Мыколая, и дывытьця на тоє и повѣдає: що то вы, дѣдуню, отто робыте? А св. Мыколай видзыває ся до него: а щожъ? ты бачышь добре, що я роблю; лыка вяжу. — Та я, дѣдуню, бачу, що вы лыка вяжете; ино не знаю: на що?— Ото-такъ, козаче! тѣ лыка, которіи я вяжу до купы, то вони свидчать людськю долю! — А чого вы вяже-

¹⁾ Вар. по рукамъ. — ²⁾ Или: суженаго не обойдешь и на конѣ не объѣдешь. Название «суженый-ряженный» объясняется тавтологической формулой: судить-рядить. — ³⁾ Послов. Дала, 27, 380, 841, Архивъ ист.-юрид. свид. II, ст. Бусл., 86. — ⁴⁾ Изъ матеріаловъ журнала „Основа“. — ⁵⁾ Въ образѣ.

те једно лыко добре, а друге копське? — Бо такъ треба; бо и люды такы на свити: есть добріи и недобріи, то треба ихъ такъ винчаты, щобъ были злы з'добрыми, а добры зо злыми. — А то для чога? — Для того, бо якъ бы съ звинчали сами злы, то воны бы не могли въ свити жыты, а якъ бы съ повинчали добры, обое робучи, то воны-бъ з'великого добра забулы Бога». Тоже преданіе встрѣчаемъ въ разсказѣ о свадьбѣ богатыря Святогора. Повстрѣчавъ Микулу Селянниовича, Святогоръ спросилъ его: «ты скажи-повѣдай, какъ мнѣ узнать судьбину божію?» — А вотъ поѣзжай къ горама; у тѣхъ горъ подъ великимъ деревомъ стоить кузница, и ты войди туда и спреси кузнеца про свою судьбину. Поѣхалъ Святогоръ цѣлые три дни, доѣхалъ до кузницы и видитъ — куётъ кузнецъ два тонкихъ волоса. «Что ты куешь?» спрашиваетъ богатырь. — Кую судьбину: кому на комъ жениться. Спросилъ Святогоръ о своей невѣстѣ, и услышалъ въ отвѣтъ, что невѣста его въ поморскомъ царствѣ — тридцать лѣтъ лежить во гноищѣ, тѣло у ней словно кора еловая. Не захотѣлось богатырю жениться на такой хворой и некрасивой женѣ, поѣхалъ въ поморское царство, поднялъ свой острый мечъ, ударилъ дѣвицу въ грудь — и поскакалъ своею дорогою. Отъ того удара спала съ дѣвицы кора и очнулася она красавицей невиданной и неслыханной. Въ урочный часъ посватался за нее Святогоръ-богатырь и женился. Какъ легли они опочивъ держать, увидалъ Святогоръ у своей новобрачной рубецъ на груди, распросилъ, и на самомъ дѣлѣ спозналъ, что отъ судьбы не уйдешь ¹⁾. Вѣщій кузнецъ, кующій судьбы человеческія, есть богъ-громовникъ (см. I, 465—6); мастерская его устроена въ горахъ, т. е. грозовыхъ тучахъ. Обрядовая свадебная пѣсня призываетъ его скрѣпить союзъ моло-

¹⁾ Рыбник., I, 40—41; см. варианты въ Запискахъ о южн. Руси, I, 308—9, и въ Пермск. Сб., II, 166.

дой четы: «подь на свадьбу, боженька! скуй намъ свадьбу крѣпко, твердо, долговѣчно, вѣковѣчно» ¹⁾. Въ малорусской сказкѣ богъ-громовникъ замѣненъ уже Николаемъ-угодникомъ, и на этого святаго возлагается обязанность связывать до купы жизненные нити (веревки, лыки) тѣхъ, которые въ свое время должны соединиться супружескою связью. Народная фантазія заставляетъ мнѣнческаго кузнеца, сковывать во-едино два тонкихъ волоса; эти волосы — не что иное, какъ двѣ нити, выпряденныя парками для жениха и невѣсты ²⁾. Оба понятія: нить и волосъ отождествляются какъ въ языкѣ, такъ и въ повѣрьяхъ; поэтому и въ сказаніяхъ о судьбѣ имъ придано одинаковое значеніе. По свидѣтельству сербской приповѣдки ³⁾, дѣва, свѣтлая какъ самое солнце, сидя надъ озеромъ, вышивала солнечными лучами по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ волосъ (т. е. по облачной ткани); сама-же она имѣла въ головѣ червленныя какъ кровь волосъ, напоминающій красно-огненные кудри громовника. Когда взяли и раздѣлили этотъ волосъ надвое, то нашли, что въ немъ было записано много славныхъ дѣланій, совершившихся отъ начала свѣта. И такъ устранишься отъ своей суженой — невозможно; наоборотъ, сколько бы ни старался добрый молодець взять за себя дѣвицу, неназначенную ему судьбою, хлопоты его будутъ напрасны. Въ малорусской пѣснѣ сестра, убѣждая брата не жениться, говоритъ ему:

Не бери жен, брате! та дивчина безъ доли росла,

Безъ доли росла, въ несчастью вродилася,

Она тоби, брате, дружиною не судилася ⁴⁾.

¹⁾ Торопецъ, соч. Семевского, 3. — ²⁾ Лужицане называютъ вѣдьму — kuzłagnicje (Volklieder der Wenden, II, 233); у чеховъ кузельникъ—колдунъ, чародѣй (Срезнев., 60); у насъ вѣденица — кузница, кузлѣ—ковка (Обл. сл., 95; Доп. обл. сл., 95) и кузничный молотъ (тверск. губ.). — ³⁾ Сри. припов., 31. — ⁴⁾ Ч. О. И. и Д. 1863, IV, 298.

Несомненно, что и славяне, подобно другимъ индоевропейскимъ племенамъ, признавали судьбу таинственнымъ, всемогущимъ существомъ, съ царственною надъ всею миромъ властію и съ божественнымъ характеромъ. Они называли ее Судомъ божіимъ. Самое слово богъ первоначально означало *τύχη*, *fatum*. Въ санскритѣ ему соответствуетъ *bhaga* (отъ *bhag*—дѣлать) — часть, доля, отломокъ, а потомъ счастье и высочайшее существо, имущее въ своихъ рукахъ всякіе дары и раздѣляющее ихъ между смертными; сравни часть, участь и счастье: «сидень сидитъ, а часть (*fortuna*) его растетъ»; обл. щаска означаетъ и счастье, и участокъ; серб. честит — счастливый (съ-частънъ), обладающій частью, злочест — *malus* = тотъ, кому досталась злая часть, Отъ глагола дѣлать (нѣм. *theilen*, гот. *dailjan*) образовалось слово доля, означающее не только *pars* (отдѣль, моя судьбу (= то, что выпало человѣку на часть, на долю, что досталось ему въ удѣль; нѣм. *theil*, ан-*theil* и *un-theil*). По свидѣтельству пословицъ: «Богъ дастъ долю и въ чистимъ поли», «лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ» ¹⁾, «счастливому таланъ отъ Бога данъ», серб. «Богъ и среѣна дала». Отъ него исходятъ и все блага, и все лишеныя, какъ это очевидно изъ производныхъ: богатый (сикр. *bhagavat*, сравни: *deus*, *divus* и *dives*), богатырь (слово, доселѣ употребляемое въ некоторыхъ областяхъ въ смыслѣ богача) и у-богій (бѣдный, одержимый болѣзною, слѣпой, калѣка), малор. не-бога (бѣднякъ, сирота, лит. *pa bagas*), не-божчикъ (покойникъ, луж. *pa bogi*), т. е. обдѣленный судьбою, лишенный даровъ счастья: довольства, здравія и долголѣтія; съ-божіе аналогично съ словомъ съ-частіе: въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно означаетъ или вообще — имущество, достояніе, богатство, или въ част-

¹⁾ Вар. Лемухови Богъ долю дае.

ности — хлѣбъ, главное богатство земледѣльца, а верхне-луж. z bo žo — счастье ¹⁾). «Господь, говорятъ малоруссы, никогда не спитъ: у того щасте одбирае, а тому дае» ²⁾). Какъ для всѣхъ другихъ представленій язычества восточнымъ служило обожаніе природы, такъ и мысль о судьбѣ въ глубочайшей древности должна была связываться съ естественными, стихійными явленіями. Отвлеченныя понятія предполагаютъ долгое развитіе; по своей безтѣлесности, отрѣшенности отъ тѣхъ самыхъ предметовъ, свойствами и признаками которыхъ опредѣлилось ихъ значеніе, понятія эти не могли быть доступны грубымъ, младенческимъ племенамъ. Ученыя изслѣдованія показали, что вѣщія дѣвы — судицы принадлежали къ существамъ облачнымъ, дожденоснымъ. Судьба слѣдовательно была не болѣе, какъ олицетвореніе всемогущихъ, то благотворныхъ, то разрушительныхъ, но всегда-неотвратимыхъ силъ природы. Слова, служившія для обозначенія этого понятія, были въ началѣ эпитетами или прозваніями верховнаго божества неба, бурныхъ грозъ, дождевыхъ ливней и земнаго плодородія. Въ скандинавской мифологіи это — Одинъ, шествующій въ облакахъ и буряхъ, богу, которому служили валькирии и отъ воли котораго зависѣли торжество и смерть сражающихся героевъ. Его всевидящее око — солнце, вѣщіе вѣроны Нюгипп и Мунипп, напитки мудрости изъ колодца Мимира суть выраженія его всевѣдѣнія; онъ знаетъ и бывшее, и настоящее, и будущее, онъ надѣляетъ людей высочайшими дарами духа и плоти, онъ —

¹⁾ О вліян. христ. на сл. яв., 122; Мат. сравн. слов., II, 547, 559; Диеенбахъ, II, 610; Обл. Сл., 126, 236; Помис., 25. По указанію г. Потебни часть (отъ снир. ч'и'д, ч'и'нат-ти — scindege) и доля (отъ снир. д'ал-ати — колоться) означаютъ нѣчто отрыванное, отколотое, кусокъ — Труды моск. археолог. общ., в. II, 154. — ²⁾ Кулишъ, I, 148.

владыка желаній, и потому называется *Oski=Wunsch* ¹⁾, т. е. въ рукахъ его все счастье, какого только можетъ пожелать смертный. Поэты XIII столѣтія изображали *Wunsch*, какъ живое, могучее и творческое существо; валькирии называются *óska meyar = wunschmädchen*, то же что славянскія желкине, желне жене; души блаженныхъ героевъ, увлекаемыя валькиріями въ жилище Одина, — *óska sunir = wunschsohne*. Чудесному жезлу, съ помощію котораго Гермесъ могъ усыплять живыхъ и пробуждать мертвыхъ, соответствуютъ *wünschelruthe* и *schlafdorn* германскихъ преданій: это жезлъ, возжигающій пламя жизни въ новорожденномъ младенцѣ и погашающій его въ минуту смерти. Когда Одинъ вознѣлъ въ Брунигильду *schlafdorn*, она тотчасъ-же впала въ непробудный сонъ; подобное-же дѣйствіе, по свидѣтельству сказки, производитъ веретено вѣщей пряхи (= норны). Наконецъ *wünschhütlein* и *wunschmantel* (= *hut* и *mantel des Wunsches*, *Wuotans*) напоминаютъ «счастливую сорочку», которая готовится дѣвами судьбы ²⁾. Одинъ — творецъ и владыка міровой жизни; вѣстѣ съ своими братьями *Vili (der wollende)* и *Vé (weiher, heiliger)*, онъ вывелъ изъ предвѣчнаго хаоса небо и землю, даровалъ вселенной законы и устроилъ въ ней физическій и нравственный порядокъ; онъ создалъ первую чету людей — мужа и жену, и вдунулъ въ нихъ живыя души; онъ — царь, управляющій и смертными и богами, *Allvater* и *Mjötudhr = измѣритель, взвѣшиватель всего сущаго, опредѣлитель судебъ* ³⁾. Выше указано, что длиною нити, выпряденной парками, опредѣляется

¹⁾ *Oskabyrg = óskis wind, wunschwind.* — ²⁾ Въ русскомъ языкѣ бажобный, забажанный — дорогой, желанный, и говоркъ о дѣтяхъ—вымоленный, выпрошенный у Бога; бажить (бажать) — сильно желать (Обл. Сл., 5, 59). — ³⁾ *Die Götterwelt*, 152, 181; *D. Myth.*, 390.

долгота человеческой жизни, что веревкою норнъ измѣрялось пространство владѣній, на которыя должна распространиться власть новорожденного героя, и что дѣвамъ судьбы присвоилось названіе *shēten* (стр. 344). По выраженію русской поговорки, «Богъ не гуляетъ, а добро перешѣряетъ» ¹⁾ — одному даетъ, у другаго отымаетъ. *Gautrekssaga* повѣствуетъ, что Одинъ и Торъ, подобно норнамъ, феямъ и рожаницамъ, творили грядущія судьбы. Въ полночь разбудилъ Одинъ своего приемыша Старкадра (*Starkadhr*) и на лодкѣ переправился съ нимъ на островъ, гдѣ въ тѣнистомъ лѣсу засѣдало одиннадцать судей; двѣнадцатый стулъ былъ свободенъ, его занялъ Одинъ — и предложилъ судьямъ изречь свои приговоры. Тогда началъ гнѣвный Торъ: «*ich schaffe ihm (Старкадру), dass er weder sohn noch tochter haben und seinen stamm enden soll*». Одинъ продолжалъ: «*ich schaffe ihm, dass er drei mannesalter leben soll*». Торъ: «*in jedem alter soll er ein nidhingsverk' 2)* thun». Одинъ: «*ich schaffe ihm — er soll die besten waffen und kleider haben*». Торъ: «*er soll weder land noch grund haben*». Одинъ: «*ich gebe ihm, dass er viel geld und gut habe*». Торъ: «*ich lege ihm — in jedem kampf soll er schwere wunden empfangen*». Одинъ: «*ich gebe ihm die gabe der dichtkunst*». Торъ: «*was er dichtet, soll er nicht behalten können*». Одинъ: «*das schaff ich ihm, dass er den edelsten und besten männern werth erscheine*». Торъ: «*dem volk soll er verhasst sein*». Торъ играетъ въ этой сагѣ роль враждебной норны; каждый благой даръ онъ старается умалить злымъ пожеланіемъ ²⁾. Греки сочетали идею судьбы съ громоноснымъ Зевсомъ, въ рукахъ котораго были вѣсы, опредѣляющіе участь не только отдѣльныхъ героевъ, но и цѣлыхъ народовъ:

¹⁾ Послов Дала, 4. — ²⁾ Безчестное, темное дѣло. — ³⁾ Germ. Mythen, 596—7; D Myth., 818—9.

Зевсъ распротеръ, промыслитель, въсы золотые; на нихъ онъ
 Бросилъ два жребія смерти, въ сонъ погружающей долгій: .
 Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына.
 Взялъ по срединѣ и подъялъ: поникнулъ Гектора жребій,
 Тяжкій къ Анду упалъ...

Также взвѣшивалъ онъ и жребіи троянъ и данаевъ: «жребій данайскихъ сыновъ до земли многоплодной спустился, троянъ же до звѣзднаго неба вознесся» ¹⁾. Вѣсы — эмблема Фемиды богини правосудія (= суда божьего), взвѣшивающей людскую правду и кривду. По свидѣтельству украинской сказки, Смерть, какъ одна изъ трехъ паркъ, требуетъ, чтобы душа усопшаго становилась на вѣсы, которыя подъ тяжестію грѣховъ склоняются долу, а праведнаго подбрасываютъ вверхъ — на свѣтлое небо (см. выше стр. 273—4). Послѣ водворенія христіанства народная фантазія дала эти вѣсы архангелу Михаилу, вождю небеснаго воинства и побѣдителю демоновъ; на страшномъ судѣ онъ будетъ взвѣшивать добрыя и злыя дѣла каждаго человѣка, и смотря по тому, что перетянетъ, назначить ему или вѣчное блаженство, или адскія муки ²⁾. Въ связи съ этими «вѣсами правосудія» должно поставить и церковное преданіе о горѣ Судомъ (въ порховск. уездѣ). Надъ этою горою висѣла нѣкогда спущенная съ неба цѣпь; въ случаѣ спора или бездоказательныхъ обвиненій соперники приходили сюда и каждый поочередно долженъ былъ достать цѣпь рукою; но цѣпь позволяла до себя дотронуться только праведной рукѣ. Однажды сосѣдъ у сосѣда укралъ деньги и положилъ ихъ въ толстую, выдолбленную внутри палку. Оба пошли на Судому; сперва взялся за цѣпь обвинитель, а затѣмъ воръ, когда настала его очередь, попросилъ своего противника подержать палку, и доставая цѣпь, сказалъ: «деньги у те-

¹⁾ Илиада, VIII, 69—74; XXII, 209—213. — ²⁾ См. храмовныя и лубочныя изображенія «Страшнаго суда».

блѣ. Цѣль и ему далась, но послѣ того неизвѣстно какъ и куда исчезла ¹⁾). Для предковъ нашихъ судъ и законы имѣли священное значеніе; по общему, глубоко-укорененному убѣжденію, они исходили отъ боговъ и составляли неотъемлемую принадлежность религіи. Древнѣйшій чешскій памятникъ «Судъ Любуши» говоритъ: «у насъ правда по закону святу, ю-же принесеху отци наши», «по закону вѣкожизненныхъ боговъ» ²⁾). Греки вѣрили, что законы имъ посланы Аполлономъ и Зевсомъ, а по сказанію римлянъ, Нума записалъ ихъ со словъ богини Эгеріи. Въ теченіи долгаго времени они даже не были закрѣплены письмомъ, и въ краткихъ ритмическихъ изрѣченіяхъ (сагііпа, *вѣмос* ³⁾) передавались устно отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ вѣрованіемъ и молитвами; какъ эти послѣдніе должны были произноситься въ совершенной точности, не допускали ни малѣйшаго измѣненія, такъ и юридическія формулы только тогда имѣли обязательную силу, когда произносились съ подобающимъ уваженіемъ къ ихъ заветнымъ, нерушимымъ словамъ. Вступая въ гражданскія отношенія, человѣкъ обязывался священной формулой. Впоследствии, занесенные въ «служебники», промежъ обрядовыхъ постановленій, зачатій и молитвъ, законы хранились въ храмахъ, подъ надзоромъ жрецовъ ⁴⁾). О славянахъ извѣстно, что они собирались на сходки и обсуждали свои общественныя дѣла при штетинскомъ храмѣ ⁵⁾). Въ нашихъ памятникахъ можно указать на позднѣйшіе слѣды этого древняго обычая; такъ въ «Псковской судной грамотѣ» читаемъ: «а который позовникъ

¹⁾ Геограе. Извѣстія, изд. Р. Г. Общ., 1850 г., III, 527. Сходныя преданія, уцѣлѣвшія у другихъ народовъ, указаны въ Ист. очерк. рус. слов., I, 464—9. — ²⁾ Приб. къ Изв. Ак. Н., I, 13—15. — ³⁾ Отъ *вѣмос*—раздѣляю; *вѣмос*—раздѣлъ, мѣра, стихотворный ритмъ, пѣсня. — ⁴⁾ Буланжъ, 250—6, 402. — ⁵⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 47.

пойдетъ ища звать на судъ, и той позванный не пойдетъ на погостъ къ церкви позывницы чести... ино позывница прочести на погосте предъ попомъ»; «а противъ той рядницы не будетъ во святой церкви въ лари въ тѣ-жъ рѣчи другой...» ¹⁾

Вѣра въ таинственную, всѣмъ управляющую волю Судьбы съ особенною наглядностію заявляетъ себя: а) въ судѣ божіемъ (ордаляхъ), самое названіе котораго тождественно съ именемъ Судьбы (см. II, 195-9); б) въ обычаяхъ метать въ сомнительныхъ случаяхъ жребій, и его указаніе принимать за приговоръ всевысшаго божества, и с) въ гаданіяхъ о будущемъ. Рѣшеніе частныхъ тяжбъ и общественныхъ вопросовъ жребіемъ было употребительно у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Дѣло, въ которомъ боролись противоположные интересы, черезъ это возвышалось надъ произволомъ и страстями людей и восходило на тотъ верховный, непреложный судъ, передъ которымъ умоляли всѣ личные расчеты; ибо избѣгнуть опредѣленій рока не дано ни единому смертному. Лат. *sors* и нѣм. *loos* означаютъ и жребій, и счастье, долю, участь; точно также и рус. жребій употребляется въ двойномъ значеніи: метать жеребьи — бросать нарочно-нарѣзанныя и помѣченныя палочки или прутки, чтобы по ихъ расположенію разрѣшить спорный вопросъ; знать, таковъ мой жребій! вмѣсто: таково мое счастье! Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы бросала жребіи для опредѣленія грядущихъ событій (см. выше стр. 346, 349). И греки, и римляне вопрошали свои прорицанія посредствомъ жребіевъ. Для этого они метали кости, или изъ урны, наполненной водою, доставали дощечки, на которыхъ начертаны были различные зна-

¹⁾ Стр. 5, 7 и др. При такомъ взглядѣ на судъ и законы, нѣтъ ничего удивительнаго, что при введеніи христіанства духовенство тотчасъ-же приобрѣло значительное участіе въ судебныхъ дѣлахъ.

ки, а жрецы поясняли ихъ сокровенный смыслъ. Выборы въ общественныя должности долгое время совершались по жребію, т. е. отдавались на божью волю. У германцевъ жребій былъ рѣшителемъ споровъ и провозвѣстникомъ будущаго. По свидѣтельству Тацита, отломленную отъ дерева вѣтвь они разрѣзывали на части и на каждой клали особую мѣтку; жрецъ или старѣйшій въ родѣ бросалъ эти прутья, и смотря по тому, какъ они выпадали, дѣлалъ свои заключенія. Отсюда очевидна связь жребія съ рунами и гаданіями ¹⁾. Тотъ-же обычай существовалъ и между другими племенами; скифы по расположенію жеребьевыхъ прутиковъ или стрѣлъ угадывали будущее и давали отвѣтъ на всякое возникшее недоумѣніе ²⁾. Саксонъ-грамматикъ говоритъ, что на островѣ Ранѣ славяне кидали три дощечки — съ одной стороны бѣлая, а съ другой черная, и замѣчали: какой именно стороною упадутъ онѣ кверху; бѣлая предвѣщала успѣхъ, а черная — неудачу. Къ этому гаданію прибѣгали и штетинцы, чтобы опредѣлить исходъ морской битвы ³⁾. Въ числѣ запретныхъ книгъ и суевѣрныхъ обрядовъ старинный памятникъ называетъ: Метаніе или Розгомечецъ. Какая жертва угодна богамъ?—это изстари рѣшалось жребіемъ; такъ при св. Владимірѣ кіевляне метали жребій на отрока и дѣвицу: «на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ» (II, 260). По словамъ Константина Порфиророднаго, руссы метали жребій, и слѣдуя его указанію, однихъ птицъ заколали въ жертву, а другихъ пустили на волю. Стихъ о Елизаветѣ Прекрасной разсказываетъ: когда при царѣ Агеѣ покинулъ народъ вѣру христіанскую, то Господь прогнѣвался и напустилъ на царство змѣя лютаго, поѣдучаго; тогда-то князья и бояре собирались на соймище

¹⁾ D. Myth., 1064; Germ. Mythen, 599; Куланжъ, 241—2. — ²⁾ Лѣт. рус. лѣт., кн. I, 140. — ³⁾ Срезнев., 81.

И жеребьи закладывали:
 Бону напередъ звѣрю достануться
 На създеніе, на смертное погребленіе? ¹⁾

Даже въ выборѣ жениха и невесты предки наши руководились жребіемъ, какъ это можно заключать изъ слѣдующаго выраженія Слова о полку: «връже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу» ²⁾

Въ торговомъ договорѣ Новгорода съ нѣмцами и готландцами (XIII-го столѣтія) постановлено, чтобы тяжбы между русскими и ганзейскими гостями, при недостаткѣ судебныхъ доказательствъ и противорѣчіи свидѣтелей, рѣшались жребіемъ ³⁾. Въ Судебникъ Ивана Грознаго занесено слѣдующее узаконеніе, подтвержденное потомъ и въ Уложеніи (XIV, 4): если между русскимъ и чужеземцемъ возникнетъ дѣло, которое не иначе можетъ быть рѣшено, какъ развѣ присягою, то цѣловать крестъ предоставляется той сторонѣ, чей вынется жребій. Англичанинъ Лэнъ описалъ намъ самый обрядъ выниманія жребія: два восковыхъ шарика съ именами спорящихъ клзались въ шапку и кто-нибудь изъ постороннихъ доставалъ одинъ шарикъ голою правою рукою; чье имя вынималось, тотъ давалъ клятву и выигрывалъ дѣло. Изъ уставной грамоты шуянамъ 1606 года видно, что и въ томъ случаѣ, когда оба противника были люди русскіе, право цѣловать крестъ опредѣлялось жребіемъ. Тѣмъ-же способомъ рѣшали въ XVI-мъ столѣтіи вопросъ: кому изъ тяжущихся о поземельномъ владѣніи должно предоставить право идти съ образомъ на головѣ и указывать между ⁴⁾. По Уложенію (XIV, 10) искъ не свыше рубля рѣшался жребіемъ, а больше

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 155; см. также Поэт. Воѣ., II, 199—200. — ²⁾ Рус. Дост. III, 186. — ³⁾ Городское или средн. состояніе рус. нар., соч. Пломинскаго, 59. — ⁴⁾ Макуш., 104; Исторія Росс. Соловьева, VII, 158, 334, 414; Карамз. И. Г. Р., IX, прилѣч. 788; Описаніе гор. Шум, 226.

рубля — присягою. Выборъ духовнаго владыки совершался въ старину по жребію: имена кандидатовъ писались на отдѣльныхъ листкахъ, и запечатанныя полагались — въ Новгородѣ на престолѣ у св. Софїи, а въ Москвѣ — передъ иконою Владимірской Богоматери въ Успенскомъ соборѣ; послѣ молебствїя выносили одинъ свертокъ, распечатывали и объявляли народу избраннаго. Наказывать десятаго по жребію, въ случаѣ какихъ-либо общественныхъ смуть, долго удерживалось на ряду съ другими судебнo-административными мѣрами ¹⁾. Но еще долговѣчнѣе жребїи въ обычаяхъ поселянъ, которые выражаются о немъ пословицами: «жеребїи — божїи судъ», «жеребїи—святое дѣло», «жеребїи сыщеть», «отъ жеребья не уйдешь!» ²⁾ Донынѣ въ деревняхъ и селахъ большая часть спорныхъ дѣлъ и очередныхъ обязанностей рѣшается жребїемъ. При дѣленїи имущества и выборѣ рекрута крестьяне всего охотнѣе полагаются на этотъ безстрастный, независимый отъ человѣческаго произвола судъ. Въ нижегородской губ. при развѣрсткѣ поземельныхъ участковъ бросаютъ жеребья; въ ярославской и другихъ губ., когда умереть отецъ и не оставить послѣ себя никакого распоряженїя, два сына его (что называется «ровный бой») берутъ каждый свою часть по жребію ³⁾. Метанье жеребьевыхъ знаковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣняется обыкновенїемъ конаться, и слово это въ рязанской губ. употребляется въ смыслѣ: бросать жребїи. Слѣдуя завету старины, русской человекъ — когда наступать Рождественскїе Святки — силится разгадать: что присудила ему на будущїй годъ могучая Судьба? Съ этою цѣлью совершается обрядъ гаданїя, описанный нами во II-мъ томѣ, стр. 194. У болгаръ, наканунѣ Нового года, дѣвѣицы

¹⁾ Рус. въ св. посл., III, 215—8. — ²⁾ Послов. Даля, 50; Толков. слов., I, 477. — ³⁾ Этн. Сб., I, 13, 21; Ввст. Р. Г. О. 1853, II, 108.

выносить на площадь котелъ, наполненный водою, опускаютъ въ него кольца, браслеты, ожерелья, и все это отдаютъ на сохраненіе такъ называемой царицѣ солнца. Царицею назначается обыкновенно дѣвушка не старѣе шестнадцати лѣтъ, съ русою косою и голубыми глазами. На другой день сельская молодежь отправляется къ ея дому, съ музыкой и пѣснями; царица подымаетъ котелъ и выходитъ на встрѣчу, красуясь длинными, распущенными по плечамъ волосами; подруги убираютъ ее цвѣтами, надѣваютъ ей на голову вѣнецъ и красное покрывало, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ идутъ на площадь. Тамъ приступаютъ къ гаданію; хоръ поетъ предвѣщанія, а царица вынимаетъ изъ котла одну за другою погруженныя въ него вещи. Чья вещь будетъ вынута, тому и вѣщаетъ провозглашенная пѣсня его грядущую судьбу ¹⁾: «кому вынется, тому сбудется—не минуется!» Царица солнца представляетъ въ этомъ обрядѣ дѣву-судицу (сравни I, 82—85), а кольца, браслеты и ожерелья замѣняютъ собою жребіи гадающихъ.

Литовскій Прамжинасъ (=божіе предопредѣленіе, судьба) почитался высочайшимъ изъ боговъ; его судомъ содержится вселенная; отъ его ударовъ дрожитъ мать-земля, какъ отъ небесныхъ громовъ Перкуна; онъ посылаетъ всемірный потопъ (=весенніе разливы) и потопъ создаетъ на землѣ новую жизнь и новое поколѣніе людей, заставляя спасенную нить чету прыгать черезъ камни. Тотъ-же мифъ о происхожденіи людскаго племени греки связывали съ Гермесомъ, а славяне, какъ свидѣтельствуетъ старинный памятникъ ²⁾, — съ Родомъ: сидя на воздухѣ, Родъ мечетъ на землю груды — и въ томъ рождаются дѣти (II, 474—5). Изъ этихъ сближеній

¹⁾ Москов. Газета 1866, стат. Каравелова: «Святки у болгаръ»; см. также Гласникъ срп. учен. друштва, кн. V (1867), 127. — ²⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, предисл. стр. XXIII.

позволительно заключать, что первоначально подъ именемъ Рода разумѣлось божество, заправляющее весенними грозами, оплодотворяющее землю сѣменемъ дождя и создающее мировую жизнь. Бѣлый свѣтъ, по выраженію стиха о голубиной книги, зачался отъ суда божія. Выше мы видѣли, что богъ-громовникъ, какъ мифическій кузнецъ куетъ людямъ брачныя узы и назначаетъ, кому на комъ жениться (стр. 373—5); какъ повелитель волковъ («волчій пастырь»), онъ опредѣляетъ, какіе именно люди должны умереть отъ зубовъ этого хищнаго звѣря, и приговоры его также неотвратимы, какъ и приговоры рожаницъ; волки слѣдуютъ за нимъ — подобно тому, какъ слѣдуютъ они за Одиномъ и валькиріями (I, 710-1). Въ древнихъ рукописяхъ рай и адъ (= тѣ загробныя области, гдѣ обитаютъ души предковъ) обозначаются словами по-рода и родъство: «а уже убогихъ не милвати, и родъство обѣштано е(сть) и огонь негашѣштин и съ бѣсы мученіе»¹⁾. Это наводитъ насъ на мысль, что съ Родомъ могло соединиться представленіе о владыкѣ усопшихъ предковъ (сравни выше, стр. 283, преданіе о ведическомъ Аріамѣ); что, царствуя въ воздушныхъ сферахъ, онъ—съ одной стороны—посылалъ на землю младенческія души (=порождалъ дѣтей), а съ другой, наравнѣ съ скандинавскимъ Одиномъ и греческимъ Гермесомъ, препровождалъ души усопшихъ въ страну безсмертія. Въ паремейникѣ 1271 года слово Родъ употреблено при переводѣ еврейскаго гад (fortuna, τὸ χη, богъ счастья): «готовяще Родоу трапезѣ»²⁾. Въ древле-славянскомъ переводѣ хроникъ Малалы и Амартола греч. εἰμαρμένη, означающее судьбу, объясняется словомъ рожденіе: «И маршѣнню же съдѣлавши прелесть нѣкоюу, глаголемую рожденіе, еяже развѣ ничесоужъ пострадати, ли творити могоуще комуу-любо,

¹⁾ Матер. для истор. письменъ, 9 (Святославовъ Изборникъ 1073 года). — ²⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II. ст. Срезнев., 109.

знаменословять, и въ таковою прелесть и нечестіе въпадаютъ; ииѣвъ бо нѣкыи, яко развѣ рожденія — кро мѣ Имар-иѣни никто-жѣ ни сѣтворити, ни пострадати власть имать». Замѣтимъ, что и греки съ словомъ *γένεσις* соединяли понятие судьбы: такъ у Іоанна Златоуста, чаще другихъ возражавшаго противъ фатализма, читаемъ: «ἐὶ Θεός, ὦ γένεσις» — въ старинномъ переводѣ: «аще Богъ есть, иѣсть рожденія»; «ἐὶ γένεσις, ὦ νόμος, ἐὶ δὲ νόμος, ὦ γένεσις» — «аще рожденіе — то не законъ, аще законъ — то не рожденіе». Тотъ-же смыслъ средневѣковые латинскіе и нѣмецкіе памятники придаютъ рѣченіямъ: *genesis, genitura, nascentia, gaburt, giburt, gaburdia* ¹⁾). Въ одномъ изъ поучительныхъ сочиненій VII-го вѣка записано: «nullus sibi proponat fatum vel fortunam aut genesin, quod vulgo nascentia dicitur ut dicat: qualem nascentia attulit, taliter erit» ²⁾). Хотя въ старинныхъ переводахъ слово «рожденіе» и есть повидимому не болѣе, какъ буквальная передача греческаго «γένεσις»; но это еще не доказываетъ, чтобы переводчики употребляли его машинально, безсознательно, и чтобы само по себѣ оно не имѣло никакой связи съ понятіемъ о всеильномъ рокѣ. Наоборотъ, надо думать, что и переводчики, и ихъ современники очень хорошо понимали: противъ какого «рожденія» были направлены протесты проповѣдниковъ; можно ли сомнѣваться въ этомъ, если дѣвы судьбы назывались у славянъ рожаницами, если и донинѣ народъ русской выражается пословицей: «отъ рѣду (= отъ судьбы) не въ воду!» ³⁾ Во всѣхъ памятникахъ, свидѣтельствующихъ о поклоненіи Роду и рожаницамъ, имя перваго постоянно встрѣчается въ единственномъ числѣ. Очевидно, что рожаницы и Родъ стоятъ въ такомъ-же отношеніи другъ къ другу, какъ парки и *Fatum*, мойры

¹⁾ Изв. А. Н., IV, 171—6. — ²⁾ D. Myth., 818; Germ. Myth., 631. — ³⁾ Послов. Даля, 920.

и Ἄνδρην или Εἰμαρμένη, норны и Örlög ¹⁾); тогда какъ рожаницы завѣдывали участію отдельныхъ людей (каждому, при его появленіи на свѣтъ божій, давалась своя рожаница). Родъ олицетворялъ собою общее понятіе о судьбѣ, какъ о божественной силѣ, все производящей и всѣмъ правящей въ мірѣ.

Но творческая дѣятельность природы возбуждается не однимъ дожденоснымъ Перуномъ; она не менѣе зависитъ и отъ ясныхъ, согрѣвающихъ лучей солнца. Для нашихъ предковъ солнце было божество рождающее — дарующее землѣ урожан и надѣляющее смертныхъ изобиліемъ, богатствомъ, а слѣдовательно и счастіемъ. Снскр. bhaga употреблялось, какъ одно изъ названій этого свѣтла; у славянъ «солнце» — синонимъ счастья, на что указываютъ слѣдующія выраженія: «взойдетъ солнышко и на нашъ дворъ!» «померкло мнѣ солнце!» «закатилось мое счастье!» (I, 67) Какъ всевидящее око, озирающее небо и землю, — Солнце знаетъ все явное и сокровенное, что только совершается въ мірѣ. Отъ его взоровъ ничто не можетъ утаться! Свѣтъ и зрѣніе — обычныя метафоры знанія, мудрости, а мракъ и слѣпота — невѣжества, отсутствія всякихъ свѣдѣній ²⁾). Въ гимнахъ Ригъ-Веды Солнце называется всевѣдущимъ ³⁾). Оно — представитель высочайшей правды, всегда открытой и «ясной, какъ божій свѣтъ», противникъ и каратель «темной» лжи, и тотъ, кто обманываетъ (морочитъ) другихъ, грѣшитъ именно противъ этого всевѣдущаго божества. Въ силу этихъ воззрѣній, съ нимъ необходимо сочеталась идея пра-

¹⁾ D. Myth., 382. — ²⁾ Мы говоримъ: про-свѣщеніе, свѣтъ знанія (правды, истины), мракъ невѣжества, прозорливость, ясновидѣніе, умственная слѣпота, дальновидный или темный человѣкъ. — ³⁾ Die Symbolik von Sonne und Tag in der germanisch. Mythol., 7.

веднаго суда божія. Въ любопытной чешской сказкѣ юный герой отпрапляется за разрѣшеніемъ загадочныхъ вопросовъ къ Солнцу, тогда какъ, по сербскому преданію, онъ съ тою-же цѣлю идетъ къ Судьбѣ. Солнце названо въ этой сказкѣ златовласымъ дѣдомъ-Всеувѣдомъ, а въ матери ему дава пряха-судица, которая вечеромъ принимаетъ его на западѣ и успокоиваетъ на своихъ колѣнахъ; по утру Солнце пробуждается отъ сна, прощается съ матерью и вылетаетъ восточнымъ окномъ на дневное странствованіе. О значеніи Солнцевой матери сказано было выше: это, во первыхъ,—облачная, дожденосная жена, изъ темныхъ нѣдръ которой нарождается Солнце весной, и во вторыхъ богиня Зора, которая каждое утро выводитъ его изъ мрака ночи, или выражаясь поэтически: каждое утро рождаетъ свѣтозарнаго сына и разстигаетъ для него по небесному своду золотисто-розовую пелену (I, 88; II, 124—6). Зора также представлялась пряхою, какъ и дѣвы судьбы (см. гл. V); по указанію нѣмецкихъ притчанинъ, одна изъ этихъ дѣвъ отпирѣтъ небо и выводитъ изъ-за темныхъ затворовъ ясное солнце (см. стр. 355). На Руси уцѣлѣла старинная поговорка: «ждидайся Солнцевой матери божья суда!»¹⁾ Солнцева мать упоминается во многихъ сказкахъ, и вездѣ о ней говорится, какъ о вѣщей пряхѣ: она даетъ странствующимъ героямъ мудрые совѣты и на золотой пряхкѣ прядетъ золотую кудель²⁾.

¹⁾ Снегирева: Послов. и притчи, 99. — ²⁾ Slov. povesti Škultety a Dobsinsk., I, 60—61; Slov. pohad., 280, 452; Гамиск., IV, 43.—По мнѣнію г. Потевни (Труды моск. археол. общества, в. II, 193), въ чешской сказкѣ о дѣдѣ-Всеувѣдѣ спутаны два различныхъ преданія; подъ именемъ дѣда-Всеувѣда скрывается драконъ, а что сказка называетъ его солнцемъ — это не болѣе, какъ ошибка рассказчика. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Правда, что тѣже самыя подробности, какія встрѣчаемъ въ сказкѣ о дѣдѣ-Всеувѣдѣ, повторяются и во множествѣ другихъ сказокъ,

Впослѣдствіи, когда нравственныя представленія стали брать перевѣсъ надъ религіознымъ натурализмомъ, идея судьбы отрѣшилась отъ стихійныхъ боговъ, строителей міровой жизни, и обособилась въ отдѣльное, самостоятельное божество. Въ Малороссіи сохранилось такое преданіе: шелъ крестьянинъ по лѣсу и заблудился. Наступила ночь, вдали заблестѣлъ привѣтливый огонѣкъ; крестьянинъ поспѣшилъ на его свѣтъ, набрѣлъ на ветхую избушку и попросился ночевать. Его приняла бѣдная

гдѣ герой отправляется за разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ къ царю-змѣю, дракону, горному великану и даже чорту; но это только доказываетъ, что одинъ и тотъ-же мифъ могъ варіироваться различно. На сказочнаго героя возлагается обязанность узнать: отчего высохъ источникъ живой воды? отчего яблона не дастъ моложавыхъ плодовъ? кѣмъ похищена прекрасная царевна, или какъ излѣчить ее отъ тяжелой болѣзни? и куда затерялся ея золотой ключъ? Вопросы эти живописуютъ зимнее состояніе природы, когда исчезаетъ живая вода дождей, когда въ небесныхъ рощахъ перестаютъ зрѣть моложавыя яблоки, когда богиня лѣтнаго плодородія попадаетъ во власть демоновъ и теряетъ свой ключъ-молнію. Но увяданіе и возрожденіе міровой жизни условливаются дѣятельностью боговъ и демоновъ, и потому съ вопросами о концѣ зимы и началѣ лѣта народная фантазія съ равнымъ правомъ могла обращаться и къ царю-змѣю (Вритрѣ), какъ похитителю прекрасной богини, живой воды и моложавыхъ яблокъ, и къ Солнцу, какъ владыкѣ пресвѣтлаго рая, и наконецъ къ Судьбѣ, какъ представительницѣ суда божьяго, которымъ видѣтся и управляется вся вселенная. Затѣмъ остается одна черта въ сказкѣ о дѣдѣ-Всецвѣдѣ, которую, кажется, слѣдуетъ признать заимствованною изъ преданій о драконѣ и перенесенною на Солнце: это вырваніе золотыхъ волосъ изъ головы дѣда-Всецвѣда (Эрбенъ, 4—9; Н. Р. Ск., I, № 13 и стр. 165; Ганушъ о Дѣдѣ-Всецвѣдѣ, 23—41; Шкульт., I, 134; Норвеж. ск., I, 5; сказ. Грим., I, 29). Замѣтимъ, что странствованіе къ Солнцу за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ вовсе не составляетъ исключительной принадлежности сказки о дѣдѣ-Всецвѣдѣ, а напротивъ есть одинъ изъ обычныхъ мотивовъ народнаго эпоса (Westsl. Märch., 36—40; Slov. pohad., 447—455; Малый (изд. 3), 62; Н. Р. Ск., стр. 172—3; VIII, стр. 623—4; Штиръ, 17).

старушка, и на вопросъ гостя: «кто ты?» назвалась Судьбою. Еще крестьянинъ не успѣлъ заснуть, какъ кто-то постучался въ окно. «Что?» спросила Судьба. — Столько-то родилось мальчиковъ и столько-то дѣвочекъ, отвѣчалъ невѣдомый голосъ; какая ихъ судьба? «Таже, что у меня сегодня!» За окномъ послышался вздохъ. На утро проснулся крестьянинъ не въ бѣдной избушкѣ, а въ богатыхъ палатахъ: всюду роскошь и золото! и остался онъ у Судьбы еще на одни сутки. Ночью повторилась прежняя сцена: кто-то постучался въ окно и сказалъ: «столько-то родилось мальчиковъ и дѣвочекъ; какая ихъ судьба?» — Таже (раздалось въ отвѣтъ), что у меня сегодня! Судьба жила попеременно — одинъ день, какъ нищая, а другой, какъ богачка, обладающая несметными сокровищами; кто въ какой день родится, таково его и счастье. Возвратясь домой, крестьянинъ нашелъ, что жена родила ему двухъ сыновей: одного — въ безталанный день, а другаго — въ счастливый. Вся жизнь близнецовъ послужила оправданіемъ той судьбы, которая каждому изъ нихъ была опредѣлена при рожденіи ¹⁾). Не менѣе интересна малорусская сказка о двухъ Доляхъ. Жили два брата — младшій въ довольствѣ и счастіи, а старшій въ бѣдности. Настало лѣто. Старшій братъ нанялся у младшаго жать хлѣбъ. Разъ приходитъ онъ въ поле и видитъ: женщина въ нищенскомъ рубищѣ ходитъ между копнами, выдергиваетъ самые крупные колосья изъ сноповъ, полученныхъ старшимъ братомъ за работу, и втыкаетъ ихъ въ снопы младшаго. «Кто ты?» спросилъ бѣднякъ. «Я — Доля твоего брата; онъ спитъ, а моя обязанность денно и ночью трудиться на него, какъ на своего господина, съ самаго рожденія его до смерти я ему вѣрная слуга: берегу его отъ опасностей, лелѣю его дѣтей, окропляю его поля и огородъ росю, гоню ему рыбу въ бредень, рои пчелъ — въ улья, охра-

¹⁾ Милль 1842, VI, 127.

наю отъ хищнаго звѣря и холю его скотину, привожу къ нему купцовъ, набиваю цѣну на его товаръ и дарю его семью здоровьемъ. Твоя же Доля — бѣлоручка, думаетъ только о пѣсняхъ и нарядахъ, и потому ты бѣденъ» ¹⁾). Великорусская редакція этой сказки такова: раздѣлились двое братьевъ и стали жить особо. У старшаго брата что ни годъ — то дѣти рожаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился — и дѣтямъ не радъ! Пришелъ бѣдный къ младшему, богатому брату: «одожди, просить, хоть на одинъ день лошади; пахать нѣ на чѣмъ!» Тотъ позволялъ: «возьми на одинъ день, да смотри — не замучь!» Бѣдный отправился въ поле, а тамъ невѣдомо какіе люди на братниныхъ лошадяхъ землю пашутъ. «Стой! закричалъ онъ; сказывайте, что вы за люди?» — А развѣ не видишь, отозвался одинъ изъ пахарей, что я — Счастье твоего брата; онъ пьетъ-гуляетъ, ничего не знаетъ, а мы на него работаемъ. «Куда-же мое Счастье дѣвалось?» — А твое Счастье вонъ подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ, лежитъ; ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ! «Ладно, думаетъ мужикъ, дай-ка я доберусь до него!» Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его по боку изъ всей силы ²⁾). Счастье проснулось и спрашиваетъ: «что ты дерешься?» — Еще не такъ прибью? Люди добрые землю пашутъ, а ты

¹⁾ О. З. 1840, II, смѣсь, 42—44. — ²⁾ Вариантъ: Жили были два брата рыбака: одинъ богатый, другой бѣдный. У богатаго всегда всѣ верши рыбой полны, а бѣдному коли попадетъ двѣ-три плотички — и то слава Богу! «Что за чудо! ужъ не веруетъ ли кто мою рыбу?» подумалъ онъ, взялъ плеть и пошелъ ночью на рѣку. Послышался плескъ по водѣ; глядь — кто-то въ братнину сѣть рыбу загоняетъ. „Ты кто?“ спрашиваетъ рыбакъ. — Я Доля твоего брата, гоню ему рыбу. „А гдѣ-жъ моя Доля?“ — Твоя Доля — лѣнивая, вверхъ брюхомъ на камнѣ лежитъ, пѣсни поетъ да въ гусли играетъ; отъ того ты и бѣденъ. Рыбакъ бросился къ камню и давай стегать свою Долю плетью...

безъ просыпу спишь! «А ты небось хочешь, чтобъ я на тебя пахалъ? и не думай!» — Чтожь, все будешь подъ кустомъ лежать? вѣдь эдакъ мнѣ умирать съ голоду прійдется! «А ты коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочь дѣлалъ, такъ брось крестьянское дѣло да займись торговлею. Я къ вашей работѣ со-всѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю.» — Займись торговлею!... мнѣ вѣсть нечего, а не то что въ торгъ пускаться. «Ну хоть сними съ своей бабы старой сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новой — и тотъ продай! а ужъ я стану тебѣ помогать, ни на шагъ прочь не отожду!» Послушамся мужикъ, и вскорѣ разбогатѣлъ отъ счастливаго торгу ¹⁾. Жалуюсь на бѣдность, поселяне говорятъ: «плаче твоя доля!» «эко счастье — на мосту съ чашкой!» или: «моя-то доля съ чашкой въ полѣ!» (т. е. мой удѣлъ собирать милостину ²⁾). Про счастье выражаются, что оно «якъ трясця: кого схочет, на того ѡ нападе» ³⁾. Когда невѣста собирается подъ вѣнецъ, она съ тревогой задумывается о той судьбѣ, какая ожидаетъ ее замужемъ.

Дѣвочка въ вянцу ѣдзя,
 Яѣ Доля спатыкая ⁴⁾;
 Она съ Доляй размовляя:

«Доля моя, Доля! коли ты добрая — садись со мной на возъ; коли ты якая — уплыви съ водою.» ⁵⁾ Въ пѣсняхъ малоросійскихъ часто слышатся горькія жалобы на несчастную Долю и ея безответность:

- а) Ой бодай ты, моя Доля, на днѣ моря утонула,
 Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла!
 б) Породыла мене маты у святу недлюю,
 Дала мнини гирьку Долю—ничого не вдію.

¹⁾ Н. Р. Ск., V, 51. — ²⁾ Послов. Даля, 30. — ³⁾ Или: „счастье что лихорадка — къ кому привяжется“ — Номись, 35-36. — ⁴⁾ Встрѣчаегь. — ⁵⁾ Сборн. памяти, нар. творчества въ сѣв.-западн. краѣ, I, 282.

Ой пиду я до сусида воза позмычаты,
 Та повезу гирьку Долю на торгъ продаваты;
 Люды знають гирьку Долю, нейдуть купуваты,
 Тэй не хочуть купуваты, не хочуть пытаты.
 Повезу я гирьку Долю з' торгу та до дому,
 Тай ударю гирьку Долю з' воза та до долу:
 „Отъ-туть тобі, моя Доля, отъ-туть пропадаты,
 Що не вмила, не хотила мене шануваты!“

- с) Породыла мене маты въ несчастну годину,
 Дала мини злую (лиху) Долю; де-жь еї подину?
 — Да пиди соби, Доле, пиди, несчастная! пиди утопись,
 А за мною, да за молодую, да не волочися.
 „Хочь я пиду, молода дивчино, пиду утоплюся,
 А якъ вїдешь рано води брати—я за тебе учплюся.“

Далѣ дѣвица заклинаетъ злую Долю заблудиться въ лѣсу или сгнунуть въ полѣ, но та отвѣчаетъ: что въ этомъ! пойдешь ли ты въ лѣсъ калину ломать, или станешь жать въ полѣ— «я за тебе учплюся!» Въ другой пѣснѣ мать на жалобы несчастной дочери замѣчаетъ ей: «така тобі, доню, Доля судилася»¹⁾. Замѣчательна по силѣ мысли записанная мною пѣсня, въ которой безталанный молодець вызываетъ свою Долю помѣриться съ нимъ въ полѣ:

Ойшовъ казакъ съ дому,
 Та-й съ дому до Дону,
 Та-й сивъ надъ водою;
 Сивши надъ водою,
 Проклинае Долю:
 „Ой, Доля-жь, ты Доля,
 Доля моя злая!
 Чомъ ты не такая,
 Якъ Доля чужая?
 Ой, колибъ ты, Доля,
 Та вышла бы въ поле;
 Тогда-бъ ты сгадала—
 Кого забижала!

¹⁾ Обь истор. зн. нар. поэз., 154; Украин. пѣсни Максимовича, 170; Малор. литер. сборн., 263; Бѣлорус. пѣсни Е. П., 65 — 66; Метаниск., 12—13, 80, 275, 365-6; Мат. срав. слов., II, 187.

Доля употребляется въ народной рѣчи иногда въ смыслѣ положительно-счастливой судьбы, а съ отрицаніемъ не (недоля) въ смыслѣ судьбы несчастливой, печальной: «гдѣ нѣтъ доли, по пословицѣ, тутъ и счастье не велико» ¹⁾; «не то сирота, що роду не мае, а то сирота, що доли (счастья) не мае» ²⁾; «дитинка спить, а доля јіи росте»; «лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ» или: «лежухови Богъ долю дае»; «безъ доли хочь (выйди замужъ) за пана — и панъ скрутицца», а «якъ моя добра доля, то-й пьяница поправицца» ³⁾; «якъ твоя, доню, доля — то накупить чоловікъ (мужъ) поля, а якъ бездилья (бездолье), то продасть и подвирря»; «своей недоли и конемъ не объјидешъ» ⁴⁾. Недоля нерѣдко замѣняется выраженіями: бѣда, лихо, напасть, горе и нужда. Въ народныхъ пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ Бѣда выступаетъ, какъ-бы вѣкій демонъ, какъ существо живое, самодѣйствующее. Она странствуетъ по бѣлому свѣту, ищетъ людей, обреченныхъ несчастію, идетъ къ нимъ на встрѣчу, гонится за ними: «бѣда (горе) ходитъ не по лѣсу, а по людамъ», «бидане спить, а по людамъ хōдитъ», «напасть (лихо) не по дереву ходитъ, а по тихъ людяхъ», «гдѣ бѣда ни шаталась, а къ намъ пришатилась», «гдѣ бѣда ни голодала, а къ намъ на пирушку», «пришла бѣда — растворяй ворота!» «дома-ль хозяйинъ? бѣда пришла», «не кличь биду до себе, сама прійде до тебе», «лиха не шукай — воно само тебе найде», «де ти, лихо, ходило? — тебе, пане, шукала!» ⁵⁾ серб. «нашла га бида на суву путу», «лихо спот-

¹⁾ Полн. собр. послов. 1822 г., СПБ., 36—38. — ²⁾ Старосв. Бандур., 190. — ³⁾ Вариантъ: «якъ вродилась шасниця, такъ поправицца и пьяница». — ⁴⁾ Номис., 35 — 36; Зап. Р. Г. О. по отд. вгногр., I, 294. — ⁵⁾ Сказка повѣствуетъ о человѣкѣ, который исламъ Лиха, и оно предстало ему въ образѣ одноглазого великана (Н. Р. Ск., III, 14).

кало» (сравни: «щастя споткало» — встрѣтило, «щастя переходя живе» — сегодня гостить у одного, завтра у другого), «видь биди не втикти», «ты отъ бѣды, а бѣда впереди» (вар. «а бѣда въ очи!»). Неутомимая въ преслѣдованьи, она настигаетъ, схватываетъ человѣка, цѣпляется за него, и подобно злобному эльфу, садится ему на плечи, бьетъ, давить и мучить свою жертву: «лихо его не берець!» «лихо не возмець, коли Богъ не даець», «кого беда учѣпицца, того тримаецца ¹⁾ и руками, и ногами», «нужда-бъ ты побилала!» «побила-бъ тебе лихая година!» ²⁾ пол. «żeby go licho ciężkie rogi wało», «niech cię bieda weźmie», серб. «тако ми се туга на срце не савила!» ³⁾ Несчастливецъ жалуется:

Чому-жъ мени горилка не пьстця?

Коло мого серденька якъ гадина вьетця.

—Ой, тожъ не гадина, то лиха година

Коло твого серденька соби гнзздо звилла ⁴⁾.

Лихая, горькая, недобрая Доля, по выраженію народныхъ пѣсень, рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ, шагъ за шагомъ слѣдуетъ за нимъ въ продолженіи всей жизни и провожаетъ его въ самую могилу:

а) Ой пиду-жъ я, пиду, да съ сего края пиду,

Ой помыну я да у снмъ край Биду;

Ой оглянусь я за крутою горою—

Ажъ иде Беда слѣдочкомъ за мною...

„Ой, чего-жъ ты, Беда, за мною вчѣпилася?“

—Я з' тобою, безталаннй, з' тобою родылася.

„Ой, чего-жъ ты, Беда за мною ввязалася?“

—Я з' тобою, безталаннй, з' тобою ввччалася ⁵⁾.

б) Ой ты, Горе мое, Горе сѣрое,

Лычкомъ связанное, подпоясанное!

¹⁾ Держится. — ²⁾ Послов. Даля, 30—33; Номис., 35, 37, 40, 43—44; Записки Р. Г. О. по отд. этногр., I, 338, 446. — ³⁾ Срп. послов., 305. — ⁴⁾ Метлин., 250. — ⁵⁾ Бодян. О нар. поэзиі славян. плем., 133.

Ужь и гдѣ ты, Горе, на моталося—
 На меня, бѣдную, навязалося...
 Ужь я отъ Гора во чисто поле;
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 За мной идетъ, во слѣдъ грозить:
 „Ужь я выжну-повыжну все чисто поле,
 А сыщу я, найду тебя горькую!“
 Я отъ Гора во темны лѣса,
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 За мной идетъ, во слѣдъ грозить:
 „Порублю я-посѣку всѣ темны лѣса,
 А найду я тебя горемычную!“
 Ужь я отъ Гора къ гробовой доскѣ,
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 Съ топорешечкомъ, со лопаточкой ¹⁾.

- c) Не отростить дерева суховерхаго,
 Не откормить коня сухопараго...
 Ай Горе, Горе-Горованьце!
 А и лыкомъ Горе подпоясалось,
 Мочалами ноги изопутаны.
 А я отъ Гора въ темны лѣса —
 А Горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
 А я отъ Гора въ почетной пирь—
 А Горе зашелъ, впереди сидитъ;
 А я отъ Гора на царевъ кабакъ —
 А Горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ:
 Бакъ я нагъ-то сталъ — насмѣялся онъ ²⁾.

Замѣчательны обороты: «Горе зашелъ», «Горе насмѣялся»; изъ нихъ очевидно, что (не смотря на средній грамматическій родъ слова) горе въ воззрѣніяхъ народа доселѣ не утратило характера одушевленнаго, демоническаго существа.

d) Обувалося Горе въ лапти, одѣвалося въ рогозиночки, опоясывалось лыками, приставало къ добру мѣлодцу.

Видитъ мѣлодецъ: отъ Гора дѣться некуда!
 Мѣлодецъ вѣдь отъ Гора во чисто поле,
 Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ,

¹⁾ Совр. 1856, X, 117—8; Рус. Бес. 1860, I, 73. — ²⁾ Сахаров., I, 224.

А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
 Въ слѣдъ идетъ, тенета несетъ,
 Тенета несетъ все шелковыя:
 „Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодецъ!“
 Мѡлодецъ вѣдь отъ Гора во быстру рѣку,
 Во быстру рѣку рыбой-щукою,
 А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
 Въ слѣдъ идетъ, невода несетъ,
 Невода несетъ все шелковыя:
 „Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодецъ!“
 Мѡлодецъ вѣдь отъ Гора во огнёвущку ¹⁾,
 Во огнёвущку, да въ постелюшку —

а Горе въ ногахъ сидитъ. Видитъ мѡлодецъ — нѣкуда отъ
 Гора спрятаться, какъ развѣ въ тесовый гробъ да въ моги-
 лушку, а Горе и тутъ съ лопатою:

„Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодецъ!“
 Загребло Горе во могилушку,
 Во могилушку, во матушку-сыру землю ²⁾.

Въ такихъ прекрасныхъ поэтическихъ образахъ, достойныхъ
 великаго художника, представляется народной фантазіи горе.
 Оно доводитъ безталаннаго мѡлодца до кабака и злобно на-
 смѣхается надъ его наготою; оно ловитъ его въ разставлен-
 ныя сѣти и тенета; выживаетъ его съ бѣлаго свѣта, и явля-
 ясь съ топоромъ и лопатою, сколачиваетъ ему гробъ и роетъ
 могильную яму. Какъ третья недобрая парка, разрывающая
 нить жизни, Горе отождествляется съ богинею смерти; эта
 послѣдняя также охотится за живущими въ мѣрѣ, опутываетъ
 ихъ своими сѣтями и роетъ заступомъ свѣжія могилы (см.
 выше стр. 44, 48). Сказочнымъ героямъ удавалось обманы-
 вать Смерть и томить ее въ тѣсномъ заключеніи; тоже пре-
 даваніе прилагается и къ Горю. Въ одной деревнѣ жили два му-
 жика, два родные брата: одинъ — бѣдный, другой — богатый.
 Богачъ переѣхалъ въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ

¹⁾ Въ горячку. — ²⁾ Рыбник., I, 470—1.

и записался въ купцы; не то выпало на долю бѣднаго: иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки — малъ маля меньше — плачутъ, ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Пошелъ къ богатому попросить хлѣба. Тотъ заставилъ его проработать цѣлую недѣлю, и далъ за то одну ковригу. — И за то спасибо! сказалъ бѣдный и хотѣлъ было домой идти. «Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости — на именины, и жену приводи.» — Эхъ, братецъ! куда мнѣ? къ тебѣ придуть купцы въ сапогахъ, въ шубахъ, а я въ лаптяхъ да въ худенькомъ зипунишкѣ хожу. «Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто.» Наутро пришелъ бѣдный братъ съ женою къ богатому; поздравили и усѣлись на лавку. За столомъ ужь много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата съ его женой и думать забылъ — ничѣмъ ихъ не подчуесть. Кончился обѣдъ; гости поѣхали домой пьяные, веселые — шумятъ, пѣсни поютъ; а бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ. «Давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!» — Эхъ ты, дуракъ! люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего? «Ну все-таки у брата на именинахъ былъ; какъ запою, всякой подумаетъ, что и меня угостили.» — Пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ затянулъ пѣсню, и послышались ему два голоса; онъ пересталъ, и спрашиваетъ жену: «это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?» — И не думала! «Такъ кто же?» — Не знаю! сказала баба, а ну запой — я послушаю. Онъ опять за пѣсню; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «это ты, Горе, мнѣ пѣть подсобляешь?» Горе отозвалось: «да, хозяинъ! это я.» Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. — Денегъ нѣтъ! отвѣчалъ бѣднякъ. «Охъ ты, мужичокъ! на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто

будеть, все равно носить не станешь! Пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку...» Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе захохотало (съ похмѣлья-то голова болить!) и зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» отвѣчаетъ мужикъ. — Да на что намъ деньги? возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно! Нечего дѣлать, не отбится мужику отъ Гора; взявъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропили вдвоёмъ съ своимъ неотвязнымъ товарищемъ. На утро Горе еще больше захохотало зоветь мужика опохмѣлиться; мужикъ пропили соху и борону... Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снёсъ. Горе опять пристаётъ къ нему: «пойдемъ да пойдёмъ въ кабакъ!» — Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. «Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно.» Мужикъ взялъ сарафанъ, пропили — и думаетъ: «вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!»¹⁾ Поутру проснулось Горе; видитъ, что съ мужика нечего больше взять, и говоритъ: «хозяинъ!» — Что, Горе? «Ступай къ сосѣду, попроси пару воловъ съ телѣгомъ.» Привелъ мужикъ пару воловъ, съѣлъ виѣсть съ Горемъ на телѣгу и поѣхали въ чистое поле. «Хозяинъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?» — Какъ не знать! «А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.» При-

¹⁾ Сравни съ малорусскою пѣснею (Метлин., 366 — 7):

Пиду я, сяду въ зеленыхъ конопелькахъ,
Ажъ иде до мене Доля—вже трошки-й пьяненъка.
„Де-жъ ты, Доле, була, що-й мене збула?“
—Ой я въ людяхъ була, горилочку пыла...
Пиду-жъ я, сяду въ зеленимъ садочку,
Ажъ иде моя Доля—пропыла й сорочку!
Була, каже, въ шиночку, пыла горилочку,
Пропыла й сорочку...

вхали. Горе велеть мужику поднимать камень; мужикъ подымаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣе въ телѣгу». Мужикъ принялся за работу, все изъ ямы повывбравъ, и говоритъ: «посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе наклонилось: «гдѣ? я что-то не вижу!» — Да вонъ въ углу свѣтятся! Полѣзай въ яму, такъ увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. «Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты Горе горемычное, хоть не скоро, а все-же пропьешь и эти деньги!» Воротился мужикъ на деревню, купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Случилось позвать ему брата на именины; уподчивалъ его и медами, и винами. Спрашиваетъ тотъ, откуда ему досталось такое добро? Мужикъ рассказалъ все по чистой совѣсти. Завистно стало богатому: дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подыму камень да выпущу Горе; пусть оно до гла разорить брата! Погналъ въ поле, своротилъ камень въ сторону и только нагнулся посмотрѣть въ яму, а ужъ Горе выскочило и устѣлось ему на шею: «а, кричить, ты хотѣлъ меня уморить! теперь отъ тебя ни за что не отстану.» — Это мой братъ засадилъ тебя, а я пришелъ тебя выпустить! «Нѣтъ, врешь! разъ обманулъ, въ другой не проведешь!» Крѣпко наслѣо Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и съ той поры пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе ужъ съ утра за свое принимается, каждой день зоветъ опохмѣлиться; много добра въ кабакъ ушло! ¹⁾ Въ основѣ сообщенныхъ нами преданій кроется

¹⁾ Н. Р. Ск., V, 34. По другому варианту (ibid., 51), мужику удалось запереть Горе въ сундукъ и зарыть въ землю. Богатый изъ зависти вырвалъ сундукъ и выпустилъ Горе на волю: ступай,

мысль, что Доля и Недоля — не просто олицетворенія отвлеченныхъ понятій, не имѣющія объективнаго бытія, а напротивъ — живыя мнѣстескія лица, тождественныя двѣмъ судьбы (рожаницамъ). До сихъ поръ необразованному люду еще мало доступно понятіе о счастіи и несчастьи, какъ о необходимомъ послѣдствіи тѣхъ обстоятельствъ, въ какія ставятъ человека борьба житейскихъ интересовъ и его собственныя склонности: предприимчивость, ловкость, догадливость, трудолюбіе или апатія, неразсчетливость, лѣнь и т. дал. Какъ болѣзнен-

говорить, къ брату, разоря его до послѣдней нитки! „Нѣтъ, отвѣчаетъ Горе, я лучше къ тебѣ пристану: ты—добрый человекъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ, а тотъ лиходѣй въ землю упрягалъ!“ Подобный-же разсклазъ, записанный въ вятской губ., напечатанъ въ Современникѣ 1856, XII, 189—193: Богатый братъ выстроилъ новый домъ, задумалъ сдѣлать власяны (новоселье) и позвалъ къ себѣ въ гости и бѣднаго брата съ женою. „Куда намъ съ богатыми знаться!“ говоритъ бѣдный женѣ. — Чтожь, отвѣчаетъ она, давай сходимъ: намъ отъ этого безчестья не будетъ. „Да вѣдь на власяны надо гостинцы нести, а мы что понесемъ? развѣ занять у кого, да кто намъ повѣритъ?“ — А Нужа-то! сказала баба съ горькой усмѣшкою; ужли она выдастъ? вѣдь мы съ нею вѣкъ въ ладу живемъ. Отвѣчаетъ Нужда изъ-за пѣчки: „возьмите-на праздничной сарафанъ да продайте, на тѣ деньги купите окорокъ и отнесите къ брату“. Переглянулись мужикъ съ бабою, не знаютъ что и подумать; посмотрѣли за печь—никого не видно. „А давно ли ты, Нужа, живешь съ нами?“ спросилъ мужикъ.—Да съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты съ братомъ раздѣлился. „И привольно тебѣ со мною?“—Благодаренье Богу, живу помаленьку! „Отчего-жь мы тебя никогда не видали?“—А я живу невидимкою. Мужикъ продалъ сарафанъ, купилъ окорокъ и отнесъ къ богатому брату на власяны... На обратномъ пути онъ случайно набрѣлъ на кладъ; забралъ золото, пришелъ домой и спрашиваетъ жену: „ты гдѣ спать ляжешь?“ — Я въ печь залѣзу. „А ты, Нужа, гдѣ уляжешься?“—Въ корчагѣ, что на пѣчѣ стоитъ. Выждавши время, мужикъ спрашиваетъ: „баба, ты спишь?“—Нѣтъ еще! „А ты, Нужа?“ Та и голосу не подаетъ—заснула. Мужикъ взялъ послѣдній женинъ сарафанъ, завязалъ корчагу и забросилъ ее, вмѣстѣ съ Нуждою, въ прорубь...

ные припадки и страданія заставляют простолюднн предпологать удары, наносимые ему демономъ; такъ точно счастье и несчастье, по народному убѣжденію, обусловливаются добрыми или недобрыми дѣйствіями сверхъестественныхъ существъ. Доля и Недоля дѣйствуютъ по собственнымъ расчетамъ, независимо отъ воли и намѣреній человѣка, которому онѣ принадлежатъ: счастливый вовсе не работаетъ — и живетъ въ довольствѣ, потому что за него трудится его Доля: «твоя Доля тоби робе», «ой я-бъ Бога молила, щобъ моему миленькому Доленька служила», «чомъ ему не пить, коли его Доля не спить!» (т. е. неуспшно заботится о его хозяйствѣ). Когда Доля покидаетъ своего клиента, перестаетъ на него работать — онъ впадаетъ въ нищету. Несчастный страдаетъ, испытываетъ всевозможныя лишенія, потому что Доля его передается сну, праздности или гульбѣ, бражничаетъ, веселится и не хочетъ знать никакого труда. Наоборотъ дѣятельность Недоли постоянно направлена во вредъ человѣку; пока она бодрствуетъ — бѣда слѣдуетъ за бѣдою, и только тогда становится легче безталанному, когда засыпаетъ его Недоля: «коли спить Лихо, не буди-жь его», пол. «nie budź Licha, kiedy Licho śpi», «niech śpi Licho!» ¹⁾

Особенно-важны для ученаго изслѣдователя преданія о злыдняхъ, соответствующихъ Горю, Лиху и Недолѣ сказочнаго эпоса. Злыднями называются въ Малороссіи маленькія существа неопредѣленныхъ образовъ; гдѣ они поселятся, тому дому грозитъ большое зло: какъ-бы ни было велико богатство хозяина, оно быстро сгинетъ и намѣсто довольства наступитъ страшная нищета ²⁾. Существуетъ клятва: «най (нехай) го злидни побъють!» ³⁾ У бѣлоруссовъ сохранилась поговорка: «впросилися злыдни на три дни, а въ три годы не

¹⁾ Номис., 34—35, 40; Метлян., 20. — ²⁾ Морск. Сборн. 1856, XIV, ст. Чужбинск., 47, 65—66. — ³⁾ Номис., 72.

выживешь!» ¹⁾ Своимъ крохотнымъ ростомъ и неутомнымъ характеромъ они напоминаютъ домовыхъ карликовъ (злыхъ эльфовъ, кобольдовъ, кикиморъ,) и тѣмъ самымъ даютъ новое свидѣтельство о древнѣйшей связи мифическихъ олицетвореній судьбы и смерти съ духами стихійными, грозowymi. Подобно марамамъ, злыдни, поселяясь въ домахъ, живутъ невидимками и непремѣнно за печкою; тоже рассказывается о Горѣ, Нуждѣ и Кручивѣ ²⁾. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ невѣста, покидая отцовскій домъ, причитываетъ: «добрая Доля! да иди за мной — съ печи пламенемъ, з' хаты каминомъ (дымовой трубою ³⁾). И мары, и злыдни странствуютъ по свѣту и располагаются на житье обществами; точно также, по свидѣтельству народныхъ поговорокъ, «Бѣда не приходитъ одна», «Бѣды вереницами ходятъ». Какъ злой кобольдъ или марь, Горе насѣдаетъ на спину бѣдняка; въ одной изъ сказокъ ⁴⁾ Горе похваляется, что нѣтъ такой щели, куда бы не могло оно спрятаться, и въ подтвержденіе словъ своихъ влѣзаетъ въ ступицу колеса; по другому разсказу, Нужда ночуетъ въ корчагѣ: ясно, что народному воображенію они представляются малютками, карлами. Но есть и другія черты, роднящія ихъ съ стихійными духами. Такъ великорусская пѣсня надѣляетъ Горе чудесною способностью превращеній; изображая бѣгство удалаго добра мѣлодца отъ неустанно-преслѣдующаго Гора, она живописуетъ слѣдующую поэтическую картину:

Повернулся добрый мѣлодецъ яснымъ соколомъ,
 Поднимался выше гѣса подь самыя облаки,
 А Горюшко вслѣдъ чернымъ ворономъ
 И кричитъ громкимъ голосомъ:
 „Не на часъ я къ тебѣ Горе привязался!“

¹⁾ Записки Р. Г. О. по отд. этн., I, 274. — ²⁾ Рыбник., I, 482.

— ³⁾ Пантеонъ 1853, I, ст. Шпилевского. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., V, 34.

Падеть добрый молодець сърымъ волкомъ,
 Стагъ добрый молодець сърымъ волкомъ поспакивать,
 А Горюшко всладъ собакою. ¹⁾

Въ одномъ изъ многихъ вариантовъ сказки о двухъ братьяхъ счастливомъ и несчастномъ, Доля является въ образѣ мыши, что стоитъ въ несомнѣнной связи съ представленіемъ души-эльфа (= пената, оберегающаго семейное счастье и богатство) этимъ шаловливымъ звѣрькомъ ²⁾. Почти у всѣхъ восточноевропейскихъ народовъ сохраняется преданіе о Вѣтрѣ, который за развѣянную имъ у бѣднаго крестьянина муку даритъ ему желанныя (= счастливыя) вещи, wunschdingen (I, 313—4; тѣже самыя диковинки получаетъ сказочный герой и отъ своей Доли. Жило-было два брата: старшій — богатый да злой, меньшой — работающій, добрый да бѣдный. Что ни дѣлалъ бѣднякъ, все ему не удавалось. Вотъ онъ задумалъ и пошелъ искать свою Долю; долго ли, коротко ли — нашелъ ее въ полѣ: лежитъ себѣ Доля, пролаждается! Стагъ ее бить плетью, а самъ приговариваетъ: «ахъ ты, Доля лѣнивая! у другихъ людей Доля ночь не спитъ, все для своихъ хозяевъ труждаются; а ты и днемъ ничего не дѣлаешь. По твоей милости мнѣ скоро и съ женой и съ дѣтками съ голоду умереть придется!» — Полно, перестань драться! отвѣчаетъ ему Доля; вотъ тебѣ лубочный кузовокъ — только раскрой, будетъ что и попить и поѣсть тебѣ. Мужикъ пришелъ домой, раскрылъ кузовокъ, а тамъ — чего только душа желаетъ! Старшій братъ прослышалъ про то, пришелъ и отнял у него диковинку силою. Отправился бѣднякъ опять къ Доли; она ему дала золотой кузовокъ. Вышелъ онъ на дорогу, не сталъ долго раздумывать — тотчасъ же открылъ золотой кузовокъ: какъ выскочутъ оттуда мѣлодцы съ дубинками и давай

¹⁾ Рыбник., I, 484—5. — ²⁾ Труды моск. археол. общ., в. II, 171.

его бить! Больно прибили и спрятались въ кузовъ. «Ну, думаетъ мужикъ, этотъ кузовокъ не накормить, не напентъ, а больше здоровья отыметъ! Не хочу его и брать-то съ собою!» Бросилъ золотой кузовъ на землю и пустился въ путь; прошелъ съ версту, оглянулся назадъ, а кузовъ у него за плечами виситъ. Испугался мужикъ, сбросилъ его долой и побѣжалъ во всю прыть; бѣжить, ажно задыхается! Оглянулся назадъ — а кузовъ опять за плечами. . Нечего дѣлать, принёсъ его домой. Старшій братъ польстился на золотой кузовокъ, пришелъ мѣняться: «я тебѣ, говоритъ, отдамъ лубочный кузовокъ, а ты подавай сюда золотой». Помѣнялся, да потомъ долго-долго поминялъ эту неудачную мѣну ¹⁾. Первый кузовокъ соответствуетъ скатерти-самобранкѣ, а второй — кнуту-самобоеу (метафоры дождевой тучи, поящей и насыщающей мать-сыру землю, и Перуновой плети = молнии). Эти диковинки, принадлежащія богу вѣтровъ и бурныхъ грозъ, въ настоящемъ разказѣ принимаются въ значеніи тѣхъ даровъ счастья, какими надѣляютъ смертныхъ вѣщія дѣвы судьбы. Въ одной изъ лубочныхъ сказокъ невидимка-Кручина (=Горе), выскочивъ изъ-за печки, отымаеъ у бѣднаго старика послѣднюю краюху хлѣба, а потомъ даритъ ему утку, несущую золотыя яйца ²⁾; въ новогреческой же редакціи этого сказочнаго преданія несущую золото птицу даетъ Счастье (=Доля), которому бѣднякъ, ожесточенный жизненными неудачами, вѣспился въ волоса ³⁾. Возвращаемся къ злымъ; въ народной сказкѣ, записанной г. Максимовичемъ ⁴⁾, они играютъ ту же роль, что и Горе. Было два брата: убогой и богатой. Убогой наловилъ рыбы и понёсъ на поклонъ богатому въ день его именинъ. «Славная рыба! сказалъ тотъ; спасибо, братъ, спасибо!» — и только; не далъ ничего ему на

¹⁾ Н. Р. Сл., I—II, 332. — ²⁾ Ibid., V, 53, b. — ³⁾ Ганъ, 36. — ⁴⁾ Три сказки и одна побасенка, (Кіевъ, 1845), 35—44.

бѣдность и даже къ себѣ не позволялъ. Сгрустнулось убогому, повѣсилъ онъ голову и пошелъ со двора. На дорогѣ повстрѣчался ему старичокъ: «что ты, дѣтинушка, такой невеселой?» Бѣднякъ разсказалъ свое горе. «Чтожь, сказалъ старикъ, спасибо — дѣло великое! продай мнѣ его.» — Какъ-же продать-то его? бери, пожалуй, даромъ! «Такъ спасибо мое! молвилъ старикъ, сунулъ ему мошну въ руки — и съ глазъ пропалъ. Мужикъ посмотрѣлъ — полна мошна злата, радѣхонекъ воротился къ женѣ, купилъ себѣ новый домъ и живо перебрался на новоселье, а старую избушку заперъ, заколотилъ наглухо. Какъ-то разговорился онъ съ женою про свое прежнее убожество. «Неладно, Иванъ, говоритъ баба, что мы покинули въ старой избушкѣ свои жернова; вѣдь они насъ кормили при бѣдности, а теперь какъ ненадобны стали — мы и забыли про нихъ!» — Правда твоя! отвѣчалъ Иванъ и поѣхалъ за жерновами. Пріѣхалъ — покинутое жилье полынью поросло, и слышатся ему голоса изъ ветхой избушки: «злодѣй Иванъ! сталъ богатъ — насъ покинулъ, заперъ тутъ на долгую муку.» — Да вы кто такіе? спрашиваетъ Иванъ; я васъ со всѣмъ не знаю. «Не знаешь! видно, забылъ нашу вѣрную службу: мы твои злыдни!» — Богъ съ вами! мнѣ васъ нѣ надо! «Нѣтъ, ужъ мы отъ тебя не отстанемъ!» — Пойдите-же! думаетъ Иванъ, и говоритъ вслухъ: «хорошо, я возьму васъ, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы вы донесли жернова на своихъ плечахъ.» Припуталъ къ нимъ тяжелыя жернова и заставилъ идти впереди себя. Надо было переходить черезъ глубокую рѣку по мосту; мужикъ собрался съ силою, да какъ толконѣтъ — и пошли злыдни какъ ключъ ко дну. Окончаніе этой сказки — тоже самое, что и выше-приведенной про Горе горемычное ¹⁾. Подобное-же преданіе разсказывается въ

¹⁾ Сравни Эрленвейн., 21; Труды курск. статистич. комитета, I, 541—2; Эрбенъ, 122—3; Н. Р. Сж., III, 9: здѣсь выведены двѣ паныи Счастіе и Несчастіе.

Германи о кобольдахъ: жили по сосѣдству два хозяина, и такъ какъ домовыя карлики не давали имъ покоя, то рѣшились наконецъ покинуть свои избы и перебраться на новоселье. Когда вся утварь была вынесена, вышли изъ воротъ двѣ служанки, съ вѣниками на плечахъ. «Куда ты?» спросила одна другую, и въ ту же минуту множество тонкихъ голосковъ отвѣчало съ верхушекъ вѣниковъ: «мы перебираемся!» Испуганныя служанки побросали вѣники въ прудъ и затопили ихъ поглубже; съ тѣхъ поръ въ домахъ водворилось спокойствіе, а въ пруду подохла вся рыба и нерѣдко слышались оттуда тонкіе голоса: «мы перебрались!» ¹⁾

Въ сербскихъ приповѣдкахъ Караджича ²⁾ напечатанъ превосходный рассказъ о Судьбѣ и двухъ Доляхъ, дополняющій нѣкоторыми любопытными подробностями преданія нашего сказочнаго эпоса. Жили вмѣстѣ, сообща двое братьевъ: одинъ — работящій, а другой — безпечный и лѣнливый. «Что мнѣ на брата трудиться!» думаетъ работящій — и вотъ они раздѣлились. У работящаго все пошло не въ прокъ, на убытки; а лѣнливый богатѣетъ себѣ, да и только. Идетъ однажды безсчастной и видитъ на ливадѣ стадо овецъ, пастуха нѣту, а замѣсто его сидитъ прекрасная дѣвица и прядетъ золотую нитку. «Чьи это овцы и кто ты сама?» — Я Доля (Срећа ³⁾) твоего брата, и овцы ему принадлежать. «А гдѣ-жъ моя Доля?» — Далекъ отъ тебя! ступай поищи ее. Безсчастной зашелъ къ брату, и тотъ, видя его бѣса и нага, сжалился и подарилъ ему постолы. Повѣсивъ на спину торбу и взявъ въ руки палку, бѣднякъ отправился искать свою Долю; шелъ-шелъ и попалъ въ лѣсъ, смотритъ — подъ однимъ ду-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 335. — ²⁾ Сrp. припов., 13.—³⁾ Старославян. съ-ряшта (отъ съ-рѣсти) = встрѣча; счастье, по народному убѣжденію, зависитъ отъ дѣйствительной встрѣчи съ нимъ человека.

бѣмъ спитъ сѣдая старуха. Онъ размахнулся палкою и ударилъ ее по заду. «Моли Бога, что я спала! сказала старуха, открывая глаза; а то не Добыть бы тебѣ и постоловъ!» — Что такъ? «Да я—твоя Доля!» Вслѣдъ за этимъ посыпались на нее удары: «если ты — моя Доля, то убей тебя Богъ! кто ииѣ далъ тебя убогую?» — Судьба (Усуд)! отвѣчала Доля. Бѣднякъ отправляется искать Судьбу; встрѣчные на пути, распросивъ — куда онъ идетъ, умоляютъ его развѣдать о своей участи... Наконецъ странникъ является къ Судьбѣ; въ то время она жила богато, весело, въ большомъ дворцѣ, но потомъ съ каждымъ днемъ становилась все бѣднѣй и бѣднѣе, а домъ ея меньше и печальнѣе; каждую ночь Судьба назначала младенцамъ, народившимся въ продолженіи сутокъ, точно такую-же долю, какою пользовалась сама въ истекшій день. На распросы пришельца она сказала ему: «ты родился въ сиротинскую ночь — такова и доля твоя!» и посоветовала ему взять къ себѣ братнину дочь Милицу, рожденную въ счастливый часъ, и все что бы ни приобрѣлъ онъ — не называть своимъ, а Милицынымъ. Безсчастной послѣдовалъ этому мудрому совѣту, и съ той поры сталъ жить въ довольствѣ. Разъ какъ-то былъ онъ на нивѣ, на которой уродилось славное жито; проходилъ мимо путникъ и спросилъ: «чье это жито?» Хозяинъ въ забывчивости отвѣчалъ: «мое!» — и въ тотъ-же мигъ вспыхнула его нива. Увидя огонь, бросился онъ догонять прохожаго: «постой, брате! это жито не мое, а моей племянницы Милицы». И какъ только вымолвилъ эти слова — тотчасъ пожаръ затихъ и погасъ ¹⁾. Усуд и Среѣна являются и въ другой сказкѣ, напечатанной въ изданіи Матицы ²⁾, какъ существа живыя, состоящія въ божіихъ повелѣніяхъ. Въ народныхъ пѣсняхъ находимъ слѣдующія выраже-

¹⁾ Сравни въ сборн. Валявца, 236-7. — ²⁾ Србскій летописъ 1861, II, 132-3.

нія: «такъ ъему Бог и Срећа даде», «с вама дошла свака Срећа и сам Господ Бог», «сусрела вас добра Срећа и сам Господ Бог», «однесе ме (говорить невѣста) Бог и Срећа Јову (жениху) на дворе» ¹⁾. Какъ у насъ различаються Доли счастливая и несчастная, такъ сербы знаютъ Срећу добрую и злую. На обычное привѣтствіе съ добрымъ утромъ или вечеромъ отвѣчаютъ: «добра ти Срећа!» О человѣкѣ, который не уберется отъ бѣды, говорятъ: «не даде му зла Срећа» ²⁾; въ пѣсняхъ читаемъ: «зла ти Срећа» «зла Несрећа Вонву прискочи» ³⁾. Сербская сказка неслучайно представляетъ добрую Срећу прекрасною дѣвою, прядущею золотую нить; эти черты свидѣлствуютъ за ея тождество съ паркою, и доселѣ-употребительное въ народѣ выраженіе: «тако ми Срећа напредовала!» означаетъ тоже, что наша поговорка: «знать, такова моя доля!» (= тако ми среће!) Недоля также прядетъ нити, какъ это видно изъ пословицы: «Несрећа тапко преде», т. е. бѣда легко можетъ приключиться ⁴⁾. Наравнѣ съ вилами, вѣдогонями и валькүрїями, Доля и Недоля принимаютъ участіе въ человѣческихъ распряхъ и битвахъ. Когда Сеѣянинъ Тадија съ двумя товарищами взялъ въ пятнѣ тридцать турокъ и двинулись тому дѣвицы, онъ промолвилъ имъ:

Не чуд'те се, Сен(ь)анке љевојке
 То се среза Срећа и Несрећа,
 Моја Срећа, и(ь)ихова Несрећа,
 Моја Срећа Несрећу свезала" ⁵⁾.

Подобныя представленія извѣстны и у другихъ родствен-
 ныхъ народовъ. У нѣмецкихъ поэтовъ XIII-го вѣка Saelde

¹⁾ Срп. н. пјесме, I, 32, 34, 45; II, 51-52. — ²⁾ Срп. рјечник, 125. — ³⁾ Срп. н. пјесме, I, 536; II, 398. — ⁴⁾ Срп. н. послов., 209, 306 У Гомера олицетворенная αἴσα (Я. Гриммъ сближаетъ это слово съ др.-в.-нѣм. ēga, н.-в.-нѣм. ehge, гот. āiza, āisa = honor, dignitas—D. Myth., 385) прядетъ новорожденному нить его жизни. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, III, 292.

изображается, какъ богиня счастья—Fortuna, и называется frô (frau) Saelde. Гриммъ приводитъ цѣлый рядъ выраженій, указывающихъ на олицетвореніе этого понятія. Она спитъ или бодрствуетъ, и является то благосклонною, то враждебною: то идетъ на встрѣчу къ своимъ любимцамъ, обращаетъ къ нимъ свое лицо, прислушивается къ ихъ желаніямъ, улыбается имъ; то удаляется (улетаетъ, отступаетъ) отъ чловѣка, обращается къ нему спиною, преграждаетъ ему путь. Дочинъ принято выражаться: «das glück ist ihm hold, kehrt bei ihm ein, verfolgt ihn», у русскихъ: «ему улыбается счастье», или «счастье отвратило отъ него свои взоры, показало ему затылокъ, улетѣло, покинуло его», у чеховъ: «štěstí se mi směje, obličej k němu obrací» ¹⁾). Въ сагахъ frau Saelde обладаетъ тремя чудесными дарованіями: вѣдать чужія мысли, заговаривать раны, полученныя въ битвахъ ратниками, и быстро переноситься — куда ей вздумается; дикой охотникъ (Одинъ) гонится за нею, какъ за лѣсною (=облачною) дѣвою. Saelde принимается въ смыслѣ счастливой, благопріятной Доли (bona Fortuna, ἀγαθὴ Τύχη); а съ отрицаніемъ — Unsaelde равняется нашей Недолѣ, сербской Несречѣ: «Unsaelde hât uf mich gesworn», «Unsaelde si mir uf getan», «wie in diu Unsaelde verriete», «sô wirt Unheil von mir gejaget». Слѣдующій рассказъ сходится съ нашею сказкою о Горѣ: бѣдный рыцарь, сидя въ лѣсу, увидѣлъ надъ собой на деревѣ страшное лицо, которое кричало ему: «ich bin din Ungelückel» Рыцарь пригласилъ его раздѣлить свою скудную трапезу; но едва Несчастье сошло съ дерева, какъ онъ схватилъ его и заключилъ въ дубовое дупло; съ тѣхъ поръ онъ ни въ чемъ не зналъ неудачи. Одинъ завистникъ, узнавши про то, отправился въ лѣсъ, освободилъ Несчастье, но оно насѣло на его собственную шею. Въ средневѣковыхъ памятникахъ встрѣчаются выраже-

¹⁾ Ганушь, 210.

нія: der Saelden schiffe или rat (gelückes rat) — колесо счастья (rota Fortunae), о которомъ такъ часто упоминають классическіе писатели. Это представленіе возникло въ отдаленной древности изъ поэтическаго уподобленія солнца вращающемуся колесу. Бѣгомъ солнечнаго колеса условливаются день и ночь, лѣто и зима, жизнь и смерть природы, а слѣдовательно и людское счастье и несчастье. Возжигаемое по утру, оно катится по небесному своду, вызывая все, вмѣстѣ съ воскресающимъ днемъ, къ бытію и дѣятельности; а вечеромъ, когда оно погасаетъ на западѣ, земля и ея обитатели повергаются въ сонъ — замирають. Съ поворотомъ этого колеса на лѣто земная жизнь начинается пробуждаться отъ зимняго оцѣпенѣнія, а съ поворотомъ на зиму снова подчиняется владычеству Смерти. Возженіе и погасаніе дневнаго свѣтила, его утреннее или весеннее нарожденіе и вечерняя или зимняя смерть, слились въ убѣжденіяхъ народа съ тѣмъ жизненнымъ пламенемъ, какое возжигали и тушили могучія парки. День — эмблема счастья, радости, жизненныхъ благъ; ночь — несчастья, печали и смерти. Сербская пѣсня выражается:

Бад се д'јели срећа од несреће,
Тавна ноћца од бијела дана ¹⁾.

Поэтому родиться на утренней зарѣ, при восходѣ солнца, принимается за добрый знакъ, за предвѣстіе счастливой жизни; напротивъ рожденіе по закатѣ солнца, когда воцаряется на землѣ нечистая сила мрака, не сулитъ младенцу ничего хорошаго въ будущемъ. Понедѣльникъ потому и тяжелый день, что издревле былъ посвященъ лунѣ, богинѣ ночи и темнаго анда (стр. 252). Подобныя-же примѣты счастливья и несчастливья соединялись и съ годовымъ обращеніемъ солнца,

¹⁾ Переводъ: когда счастье отдѣляется отъ несчастья, темная ночь отъ блага дня, т. е. на раннемъ утреннемъ разсвѣтѣ — Срп. к. пјесме, III, 278.

при чемъ лѣто соответствовало дню, а зима—ночи. Небесные боги, столь богатые и щедрые на дары въ лѣтніе мѣсяцы, нищали и становились скупыми, жестокосердыми въ зимнюю половину года. Отсюда объясняется сказочное преданіе, что Судьба жила попеременно — то среди роскоши и богатства, то въ совершенной бѣдности, и сообразно съ этимъ, назначала новорожденнымъ то добрую, то лихую долю. Итакъ время рожденія человѣка (добрый или злой часъ) было причиною, почему ему опредѣлялась та или другая доля:

Щасливой годинопьки
Козакъ уродився;
Ой куди винъ подумаетъ,
То-й Богъ помогае ¹⁾.

На древнемъ метафорическомъ языкѣ лучи солнечные уподобляются золотымъ нитямъ; вмѣстѣ съ этимъ солнце стало разсматриваться, какъ колесо самопрялки, а прекрасная богиня Зоря явилась пряхою и сблизилась съ дѣвами судьбы, прядущими жизненные нити (см. стр. 390). Съ разсвѣтомъ дня и съ началомъ весны она принимается за свою работу, прядетъ и разбрасываетъ золотыя нити, и пробуждая мировую жизнь, даруетъ землѣ плодородіе, а смертнымъ изобиліе и счастье; но какъ скоро злыя силы (Ночь и Зима) прекращаютъ этотъ благодатный трудъ, обрываютъ ея свѣтоносную пряжу — тотчасъ-же наступаетъ владычество Смерти. Народныя преданія, говоря о дѣвахъ судьбы, выпряденныя ими нити нерѣдко называютъ золотыми. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній, колесо сдѣлалось эмблемою быстрого бѣга и непостоянства богини счастья. Богиня эта или сама стоитъ на вертящемся колесѣ, или вращая его своею рукою, подымаетъ счастливыхъ вверхъ, а несчастныхъ сталкиваетъ

¹⁾ Труды моск. археол. общ., в. II, 157; Метлинск., 329.

внизъ. Поставленное надъ воротами колесо, по уплывшему въ Германіи повѣрью, приноситъ хозяину дома счастье ¹⁾).

До сихъ поръ между русскими простолюдинами хранится твердое убѣжденіе, что нѣкоторые люди уже такъ и рождаются на свѣтъ бѣдовиками и бездольными: что бы они не дѣлали, за ними всегда и во всемъ слѣдуютъ неудачи и бѣдствія ²⁾; другіе же напротивъ рождаются счастливыми. Подобно тому, какъ въ сербской приповѣдкѣ бездольный беретъ къ себѣ счастливую Милицу и живетъ ея счастьемъ, такъ въ русской сказкѣ ³⁾ Иванъ Безсчастный женится на «сталаливой» дѣвицѣ, и чрезъ то избываетъ житейскихъ невзгодъ и скоро богатѣетъ. Если у родителей умираютъ дѣти, они, не довѣряя болѣе своему счастью и желая вновь-народившагося ребенка привязать къ жизни, закрѣпляютъ его на чужое имя. Съ этою цѣлью совершается символическій обрядъ продажи младенца: кто-нибудь изъ постороннихъ, преимущественно старуха, становится подъ окномъ; ей подають ребенка, за котораго она уплачиваетъ копѣекъ пять или десять, а потомъ, возвращая его родителямъ, говоритъ: «живи на мое счастье!» На деньги, заплаченные за ребенка, покупаютъ свѣчу, зажигаютъ въ церкви и ставятъ передъ иконою. Свѣча знаменуетъ въ этомъ обрядѣ возженное пламя жизни ⁴⁾. Всѣхъ, кто только родится въ сорочкѣ, богиня счастья объявляетъ собственными дѣтьми; выраженія: ein schosskind des glückes, ein glückskind, dem glück im schosse sitzen (сравни русскую поговорку: «жить счастливо, что у Христа за пазухой») указываютъ на усыновленіе; Вуотанъ, какъ богъ, одаряющій счастьемъ, принимаетъ дѣтей подъ свою охрану: «er nimmt kinder in seinen schoss auf». Любимца своего Фортуна надѣляетъ «дарами

¹⁾ D. Myth., 822—7, 832—3, 895, 1091. — ²⁾ Абев., 261. — ³⁾ Н. Р. Сл., VIII, 3, b, 21. — ⁴⁾ Записки Авдѣев., 138.

счастія», осыпаетъ его изъ «рога изобилія» ¹⁾, даритъ ему разныя диковинки: шапку-невидимку, скатерть-самобранку, волшебную палицу (wünschelruthe), кошелекъ съ золотомъ, изъ котораго сколько не бери—онъ все полонъ, и птицу, несущую золотыя яйца. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, при рожденіи избранника Фортуны являются три святые старца, или Спаситель и два апостола (позднѣйшая замѣна трехъ вѣщихъ роженицъ) и одаряютъ его счастливыми мыслями: все, чего ни пожелаетъ онъ, то и сотворитъ ему Господь! ²⁾

Роду и рожаницамъ совершались жертвенныя приношенія. Въ вопросахъ Кирика (XII стол.) читаемъ: «аже се Роду и Рожаницѣ крають ³⁾ хлѣбы и сиры и медъ? Бороняше вельми (епископъ): нѣгдѣ, рече, молвить: горе пьющимъ Рожаницѣ!» ⁴⁾ По всему вѣроятію, здѣсь разумѣется ссылка на 11—12 стихи LXV-й главы Исаи, которые въ старинномъ переводѣ (въ паремейникѣ 1271 года) переданы такъ: «вы же оставьши мя и забы(въ)ши гороу святоую мою и готовящюи рожаницамъ (варианты по другимъ спискамъ: Рожаници, Роду) трапезоу и исполняюще дѣмонови (вар. кумиру, идолу, рожденицамъ) чърпанье — азъ прѣдамъ вы во оружие» ⁵⁾. Текстъ этотъ, вмѣстѣ съ послѣдующими стихами Исаи, повторяется съ истолкованіемъ въ словѣ о поставляющихъ вторую прапезу Роду и рожаницамъ, которое

¹⁾ „Mundanam cornucopiam Fortuna gestans“, „formatum Fortunae habitum cum divite cornu“ — ²⁾ D. Myth., 827—8; Н. Р. Ск., VIII, стр. 638—640. Всѣ приведенныя нами свидѣтельства положительно убѣждаютъ, что нѣвніе Прокопія, будто славяне не признавали Судьбы,—несправедливо. — ³⁾ Кроить—рѣзать. — ⁴⁾ Памят. XII в., 179. — ⁵⁾ Сличн переводъ позднѣйшихъ изданій: „вы же, оставивши мя (Бога) и забывающіи гору святоую мою, и уготовляющіи демону трапезу, и исполняющіи щастію раствореніе — азъ предамъ васъ подъ мечъ.“

почти постоянно входитъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ, и приписывается Іоанну Златоустому: «Рече Господь: наследятъ горжъ снятѣя мож избраннїи раби мои. Раби сѣятъ то иже слоужатъ Богу и воля его творятъ, а не Родоу, ни рожаницамъ, ни коумиромъ соуетнымъ: то сѣятъ слоугы божіа... Вы же оставльше мя и забывающе горжъ святѣя мож и готовашще трапезоу Родоу и рожаницамъ, наплѣнѣюще бѣсомъ чръпаніа—азъ предамъ вы на оржжіе, и вси заколеніемъ падете... Се работащїи ми ясти начнѣт; вы же възалчете, нѣ тожъ сыти есте трапезоуж, жже готовасте рожаницамъ. Се работащїи ми пити начнѣт; вы же възжадете, нѣ то пити, иже то испол(н)иваете чръпаніа бѣсом... Се работащїи ми възрадуѣтѣся въ веселїи сердца; вы же работащїи бѣсомъ и слоужащїи идоломъ и ставляюще трапезоу Родоу и рожаницамъ възопїете въ болезни сердца вашего и отъ ск(р)оушенїа доуха възплачетеся. Томуу-же ся събыти нѣсть зде, нѣ въ ономъ вѣцѣ... работащїи ми благословятѣся, пожатъ Богу истинномуу, а вы поете пѣсни бѣсовскыя идоломъ Родоу и рожаницамъ.. Се же чада слышаще и останѣте ся поуестошнаго того творенїа и службы тоя сатаннны и ставленїа трапезы тоя коумирьскыя, нареченыя Родоу и рожаницамъ»¹⁾. Въ словѣ христороубца, въ числѣ другихъ остатковъ язычества, указано и слѣдующее: «молятся... Мокоши и Симу и Рьглу и Перуну и Роду и Рожаницѣ... не такоужъ зло творимъ просто, но и иѣшаемъ нѣкимъ чистыя молитвы со проклятымъ моленьемъ идольскимъ, иже ставятъ лише кутьяны трапезы законнаго обѣда, иже нарицаются незаконная трапеза, иѣнїиная Роду и рожаницамъ.» По другому списку христороубцова сло-

¹⁾ Архивъ ист.-юр. д., т. II, полов. 1-ая, ст. Среднев., 99—101; то же мѣсто приведено и во 2-й половинѣ означеннаго тома, стр. 66; Истор. Росс. Соловьева, II, письмо г. Бусл., 30; Ч. О. И. и Д. 1858, IV, ст. Давровск., 22.

ва: «то суть идолослужители, иже ставят трапезу рожаницамъ, коровыи молятъ, виламъ и огневи подъ обвиномъ и прочее ихъ проклятельство... Не тако-же простотою злѣ служимъ, нѣ(о) смѣшаемъ съ идольскою трапезою трепарь святаыя Богородицы съ рожаницами въ прогнѣваніе Богу» ¹⁾. Въ рукописи Волоколамскаго монастыря (сборникъ Леониды, епископа рязанскаго) сказано: «аще ли кто креститъ вторую трапезу родству (Роду?) и рожаницамъ тропаремъ св. Богородицы, а кто ясть и пьетъ, да будетъ проклятъ» ²⁾. Въ Пансьевскомъ сборникѣ — въ словѣ, приписанномъ св. Григорію, читаемъ: «такожъ і до словѣнъ доіде се слов(о), і ти начаша требы власти Роду і рожаницамъ. преже Перуна бога ихъ. а переже того (г. Срезневскій исправляетъ это мѣсто такъ: Переже бо того Перуна бога и иныхъ словили и) клали требу (имъ и) оупиремъ і берегнямъ. По святѣмъ же крещеньи Перуна отринуша, а по Христа бога яшась; но і нове по оукраинамъ молятъся ему проклятому богу Перуну і Хорсу і Мокоши і Вилу, і то творять отай: сего не могутъ ся лишити проклятаго ставленья вторыя трапезы, нареченыя Роду и рожаницамъ, (въ) велику предельсть вѣрнымъ крестьяномъ і на хулу святому крещенью и на гнѣвъ Богу». Въ другомъ спискѣ вслѣдъ за этими словами прибавлено: «по святѣмъ крещеніи черевоу работни попове оуставиша тре(о)парь прикладати рожества Богородицы къ рожаничьяѣ трапезѣ, отклады дѣюче.» ³⁾.

¹⁾ Оп. Румян. Муз., 228—9; Дят. рус. лит., т. IV, отд. 3, 90—94—95. — ²⁾ Истор. Росс. Соловьева, I, дополнен. стр. 3. — ³⁾ Дят. рус. лит., IV, отд. 3, 97, 101; Повѣдка въ Кирилло-Бѣлозерск. мон., II, 33; Москв. 1851, V, 52—64; въ Архивѣ ист.-юрид. свѣд., II, на стр. 104 указаны и другіе протесты противъ требъ, совершаемыхъ виламъ и рожаницамъ, а въ предисловіи на стр. 23 приведено слѣдующее мѣсто изъ сборника Московскаго Архива минист. иностр. дѣлъ: «се буди всіми вѣдомо, яко Несторій еретикъ научи трапезу ставити рожаничнюю, мня Богородицу—человѣкородицу; святіи же отци лаодикійскаго собора... писаніемъ повѣщаю не творити того.»

«Самый бѣглый взглядъ (по справедливому замѣчанію профес. Срезневскаго) на языкъ и правописаніе представленныхъ выписокъ достаточенъ для убѣжденія, что большая часть памятниковъ, изъ которыхъ онѣ сдѣланы, въ первоначальныхъ своихъ спискахъ принадлежала не намъ, а нашимъ югозападнымъ соплеменникамъ: болгарамъ, сербамъ. Тѣмъ не менѣе однако они перешли къ намъ небезсознательно, не какъ сказанія о суевѣрїи, чуждомъ нашимъ предкамъ, а какъ поученія, близкія сердцу нашихъ народныхъ учителей, заботившихся объ искорененіи языческихъ суевѣрїй не только своимъ собственнымъ словомъ, но и помощію авторитета другихъ христолюбцевъ... Словомъ, вѣрованіе въ роженицъ представляется въ старинныхъ памятникахъ не какимъ-нибудь мѣстнымъ отродіемъ древняго язычества, а однимъ изъ остатковъ древности общеславянской» ¹⁾. Итакъ, наравнѣ съ другими языческими богами, Роду и рожаницамъ, возсылались молитвы, приносились жертвы и учреждались законныя (обрядовыя) трапезы, т. е. родильныя пиршества, на которыхъ присутствующіе вкушали и пили отъ жертвенныхъ приношеній, возглашали пѣсни въ честь Рода и рожаницъ и молили ихъ быть благосклонными къ новорожденному младенцу, взять его подъ свой покровъ и надѣлать счастьемъ. Такъ какъ, послѣ принятія христіанства древняя богиня, царица младенческихъ душъ, (= Гольда) смѣнилась въ глазахъ суевѣрнаго народа Пречистою Дѣвою; то рожаничныя трапезы стали сопровождаться славословіемъ Богородицы. Трапезы эти обозначаются эпитетами: вторыя и кутейныя. «Вторая трапеза» есть буквальный переводъ выраженія: *secunda mensa* ²⁾; кутья—ка-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, 105—6 и предислов. 22 — 23. —

²⁾ *Secundus* означаетъ: и второй, и благопріятный, счастливый, благополучный; *res secundae*—счастіе, *fortuna secunda*; *secundae*—все, что послѣ родовъ выходитъ изъ утробы, мѣсто младенческое, послѣдъ дѣтскій.

ша изъ разваренной пшеницы или ячменнаго зерна, съ медо-
вой сытою, донныѣ составляющая необходимую яству на ро-
динахъ (крестинахъ), похоронахъ и поминкахъ. Въ сборникѣ
прошлаго столѣтія въ числѣ суевѣрій упомянуто: «съ ребята
первые волосы стригутъ и бабы каши варятъ на собраніе ро-
жаницамъ» ¹⁾). Надо думать, что въ отдаленной древности об-
рядъ постриговъ (см. гл. XXIX) имѣлъ религіозное значе-
ніе, что ребенка постригали его рожаницѣ = отдавали
подъ покровъ его генія-хранителя или счастливой, доброй До-
ли. У грековъ и кельтовъ былъ обычай посвящать волоса бо-
гамъ. Другія жертвенныя яства въ честь Рода и рожаницъ:
хлѣбъ и сыръ долгое время оставались принадлежностію сва-
дебнаго стола, а напитокъ медъ постоянно сопровождалъ всѣ
религіозныя приношенія и пиршества. Когда въ семействѣ на-
родится дитя, чехи ставятъ на столъ хлѣбъ-соль для суди-
чекъ, незримо присутствующихъ въ домѣ ²⁾). Въ хорватской
приморьѣ дѣвцы оставляютъ въ пещерахъ и на камняхъ пло-
ды, цвѣты и шелковыя ленты вилямъ, приговаривая: «uziši,
vilo, što je tebi milo!» ³⁾ Паркамъ, норнамъ и феямъ приго-
товлялись подобныя-же трапезы. У скандинавовъ первою
яствою, которую вкушаетъ мать послѣ разрѣшенія отъ бреме-
ни, бываетъ каша, называемая *pögnagreytur* (*pögnag-
grütze*); по всему вѣроятію, первоначально это было жертвен-
ное приношеніе норнамъ за ихъ милостивую помощь въ ро-
дахъ. Въ Германіи, когда родится младенецъ, накрываютъ
особенный столъ и ставятъ на немъ кушанья для дѣвъ суди-
бы, что согласуется съ свидѣтельствомъ народной сказки о
красавицѣ *Dornröschen*: ея рожденіе праздновали пиршествомъ,
на которомъ присутствовали вѣщія жены и были угощаемы
съ золотыхъ тарелокъ ⁴⁾). У бретонцевъ было въ обыкновен-

¹⁾ Оп. Румян. Муз., 551—2. — ²⁾ Громанъ, 7. — ³⁾ Кукулевичъ-Сакцинск., 97. — ⁴⁾ Germ. Mythen, 588, 632.

ни готовятъ для фей обѣдъ—возлѣ той комнаты, гдѣ лежала родильница, и до сихъ поръ ходятъ рассказы о таинственныхъ трапезахъ, на которыя собираются феи въ свѣтлыя лунныя ночи ¹⁾. Литвины приносили жертвы на камняхъ, посвященныхъ двамъ судьбы ²⁾. У румыновъ въ честь родимой звѣзды бываетъ 1-го мая празднество; они вѣшаютъ на окнахъ и дверяхъ своихъ домовъ вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ, а вечеромъ, когда показываются на небѣ звѣзды, приносятъ въ рощу столъ, покрытый бѣлою скатертью, ставятъ на немъ хлѣбъ, медъ, вино и между двумя восковыми свѣчами икону семейнаго патрона, и затѣмъ начинаютъ пиршество ³⁾.

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свид., II, ст. Срезнев., 119—120. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1839, т. XXII, 14—16. — ³⁾ Телескопъ 1833, VIII, 503.

ВЪДУНЫ, ВЪДЬМЫ, УПЫРИ И ОБОРОТНИ.

Народныя преданія ставятъ вѣдуна и вѣдму въ весьма близкое и несомнѣнное средство съ тѣми мнѣнческими существами, которыми фантазія издревле населяла воздушныя области. Но есть и существенное между ними различіе: всѣ стихійные духи болѣе или менѣе удалены отъ человѣка, болѣе или менѣе представляются ему въ таинственной недоступности; напротивъ вѣдуны и вѣдмы живутъ между людьми и съ виду ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ, кромѣ небольшого, тщательно-скрываемаго хвостика. Простолуднянъ ищетъ ихъ въ собственной средѣ; онъ даже укажетъ на извѣстныя лица своей деревни, какъ на вѣдуна или вѣдму, и посоветуетъ ихъ остерегаться. Еще недавно почти всякая мѣстность имѣла своего колдуна, и на Украинѣ до сихъ поръ убѣждены, что нѣтъ деревни, въ которой не было-бъ вѣдмы ¹⁾. Къ нимъ прибѣгаютъ въ нуждѣ, просятъ ихъ помощи и совѣтовъ; на нихъ-же обращается и отвѣтственность за всѣ общественныя и частныя бѣдствія.

¹⁾ Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1846, XI—XII, 149.

Вѣдунъ и вѣдьма (вѣдунья, вѣщица) отъ корня вѣд, вѣщ, какъ объяснено выше (I, 405—9), означаютъ вѣщихъ людей, надѣленныхъ духомъ предвѣднiя и пророчества, поэтическимъ даромъ и искусствомъ цѣлить болѣзни. Названiя эти совершенно тождественны съ словами: знахарь и знахарка, указывающими на тоже высшее вѣднiе ¹⁾). Областные говоры, лѣтописи и другiе старинные памятники предлагаютъ нѣсколько синонимовъ для обозначенiя вѣдуна и вѣдуньи, называютъ ихъ колдунами, чародѣями, кудесниками и волхвами, вѣщими жонками, колдуньями, чаровницами, бабами-кудесницами и волхвитками. Чары — это тѣ суевѣрные, таинственные обряды, какiе совершаются съ одной стороны для отклоненiя различныхъ напастей, для изгнанiя нечистой силы, врачеванiя болѣзней, водворенiя семейнаго счастья и довольства, а съ другой — для того, чтобы наслать на своихъ враговъ всевозможныя бѣды и предать ихъ во власть злобныхъ, мучительныхъ демоновъ. Чаровникъ, чародѣецъ ²⁾) — тотъ, кто умѣетъ совершать подобныя обряды, кому вѣдомы и доступны заклятiя, свойства травъ, корней и различныхъ снадобей; очарованный — заклятый, заколдованный, сдѣлавшiйся жертвою волшебныхъ чаръ. Кудесникъ — по объясненiю Памвы Берынды: чаровникъ; въ рязанской губ. окудникъ — колдунъ ³⁾); кудесить — колдовать, ворожить, кудеса — въ новгород. и вологод. губернiяхъ: святочныя игрища и гаданiя, ⁴⁾) а въ тульской — чара, совершаемая колдуномъ съ цѣлю умиловитивить разгнѣваннаго домоваго и состоящая въ обрядовомъ

¹⁾ Нѣм. hexe Я. Гриммъ объясняетъ скандинавскимъ haeg — dexter, artificiosus; следовательно hexe — тоже, что лат. saga т. е. хитрая, мудрая — вѣщая жена (D. Myth., 992). — ²⁾ Слово, встречающееся въ Святославовомъ Изборникѣ и у митрополита Кирилла — Рус. Дост., I, 111. — ³⁾ Обл. Сл., 140. — ⁴⁾ Рус. прост. празд., II, 34.

закланіи пѣтуха (=остатокъ древней жертвы пенатамъ, см. II, 106). Стоглавъ замѣчаетъ, что когда соперники выходятъ на судебный поединокъ, «и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣговскихъ наученій пособіе имъ творять, кудесы бьютъ» (II, 274). Въ основѣ приведенныхъ словъ лежитъ корень куд=чуд; старочешск. *śúđiti* — очищать, *śudna* вода т. е. очистительная, *śudař* — судья (по связи древняго суда съ религіозными очистительными обрядами). Профес. Срезневскій указываетъ, что глаголъ кудити употребляется чехами въ смыслѣ: заговаривать; у насъ про-куда — хитрый, лукавый человекъ ¹⁾. Корень чуд вполне совпадаетъ по значенію съ див (свѣтитъ, сіять); какъ отъ послѣдняго образовались слова: диво, дивный, дивиться, такъ отъ перваго — чудо (множ. чудеса=кудеса), чудный, чудесный (въ новгор. губ. кудесный ²⁾), чудиться; какъ съ словомъ кудеса соединяется понятіе о чародѣйствѣ, такъ тотъ-же самый смыслъ присвоиваютъ древніе памятники и рѣченію дивы. Въ Святославовомъ Изборникѣ (1073 г.) читаемъ: «да не будетъ вълѣхвуйи вълѣшьбы, или вражай и чародѣиць, или баяи ³⁾ и дивы творяи и штробьныи вълѣхвъ ⁴⁾»; Кормчая книга запрещаетъ творить коби ⁵⁾ и дивы ⁶⁾. Сверхъ того, дивами издревле назывались облачные духи=великаны и лѣшіе (дивіи люди и дивожены); согласно съ этимъ, и слову чудо, чудо-вище давалось и дается значеніе исполнна, владыки небесныхъ источниковъ и лѣсовъ (II, 616—8). Такимъ образомъ языкъ ясно свидѣтельствуетъ о древнѣйшей связи чародѣевъ и кудесниковъ съ тученосными де-

¹⁾ Срезнев., 60; Обл. Сл., 180; Доп. обл. сл., 173; Поэт. Воз., II, 324: прокудливая береза=чтимая язычниками. — ²⁾ Доп. обл. сл., 94. — ³⁾ Отъ баяти — заговаривать. — ⁴⁾ Матер. для истор. письменъ, ст. Бусл., 7. — ⁵⁾ Коби—въ старинныхъ рукописяхъ: волшебство, а въ современномъ языкѣ (въ пермск. губ.): худое дѣло, вло. — ⁶⁾ Рус. Дост., III, 38; Обл. Сл., 85.

монахи—великанами и лѣшми; связь эта подтверждается и сканд. *gröll*, которое служитъ общимъ названіемъ и для тѣхъ, и для другихъ ¹⁾. Слово «колдунъ» въ коренномъ его значеніи доселѣ остается неразъясненнымъ. По мнѣнію г. Срезневскаго, колдуномъ (славянскій корень *кльд*—*колд* или *калд*—*клюд*—*куд*) въ старое время называли того, кто совершалъ жертвенныя приношенія; въ хорутанскомъ нарѣчій *калдовати* — приносить жертву, *калдованць* — жрецъ, *калдовница* и *калдовише*—жертвенникъ ²⁾. Въ словарѣ Даля *колдовать* истолковано: ворожить, гадать, творить чары («чѣмъ онъ колдуетъ? снадобьями, наговорами» ³⁾). Наконецъ *волхвъ* — названіе, извѣстное изъ древнихъ рукописей и донынѣ-удѣлявшее въ лубочныхъ сказкахъ и областныхъ говорахъ: у Нестора слова *волхвъ* и *кудесникъ* употребляются, какъ однозначущія ⁴⁾; въ переводѣ евангелія: «се волсви отъ востокъ придоше во Іерусалимъ» (Мат. II, 1); въ троянской исторіи о Колхасѣ сказано: «вълховъ и кобникъ хитръ» ⁵⁾; въ вологод. губ. *волхать* (*волхить*) — *колдунъ*, *волхатка* (*волхвитка*) — ворожея, въ новгор. *волхъ* — *колдунъ*, *угадчикъ*, *прорицатель*, въ калуж. *валхвѣть*—предугадывать, предугадывать, малорус. *волшити* — *хитрить*; производныя *волшебный*, *волшебство* пользуются гражданствомъ и въ литературной рѣчи; болгар. *волхвъ*, *вохвъ* — *прорицатель*, *волшина* — брань, хорв. *вухвецъ*, *вуховець* — *python* и *вухвица* — *pythonissa* ⁶⁾, у Вандерада: «*phytones, sagaretae*—*wlchwec, wlchwice*». Сверхъ дара прорицаній, волхамъ приписывается и врачебное искусство (I, 410). Рядомъ съ мужскою формою *волхвъ* встрѣ-

¹⁾ D. Myth., 993. — ²⁾ Срезнев., 59–60. — ³⁾ Толк. Слов., I, 747. — ⁴⁾ См. рассказъ о смерти Олега. — ⁵⁾ Іоаннъ, экз. болг., 182 — ⁶⁾ Срезнев., 61; Обл. Сл., 27; Ч. О. И. и Д., годъ 2, VII, 24 (словотолковникъ Макарова).

чаемъ женскую вѣлхва ¹⁾, которой въ скандинавскомъ со-
отвѣтствуетъ völvа (valva, völa, vala)—колдунья, про-
рочица и притомъ, по свидѣтельству древней Эдды (см. Vö-
luspá), существо вполне-мнѣшеское. Г. Буслаевъ сближаетъ
съ этими рѣченіями и финское völvö, velho — колдунъ;
«какъ скнд. völvа (говорить онъ) является въ сжатой формѣ
«völa, такъ и финн. völvö измѣняется въ völvö. По свой-
«ству славянскаго языка гласный звукъ передъ плавнымъ
«переходитъ по другую сторону плавнаго, напр. helm —
«шлемъ; потому völvа, völvö является въ Остроп. св.
«въ древне-славян. формѣ вѣлхвъ, а русскій языкъ ставитъ
«гласный звукъ и передъ плавнымъ и послѣ, напр. шеломъ:
«слѣдовательно волхвъ или волховъ (у Нестора: волъ-
«сви) собственно русская форма.» Корень для слова волхвъ
г. Буслаевъ указываетъ въ санскр. валг — свѣтитъ, бли-
стать, подобно тому, дакъ жрецъ происходитъ отъ жрѣтъ,
горѣтъ ²⁾, и старинное поучительное слово принимаетъ
имена «волхвъ» и «жрецъ» за тождественныя по значенію
(II, 60).

Итакъ обзоръ названій, присвоившихся вѣдунамъ и вѣдъ-
шамъ, наводитъ насъ на понятія: высшей, сверхъестественной
мудрости, предвѣднія, поэтическаго творчества, знанія свя-
щенныхъ заклатій, жертвенныхъ и очистительныхъ обрядовъ,
умѣнья совершать гаданія, давать предвѣщанія и врачевать
недуги. Всѣ исчисленныя дарованія изстари признавались за
существенные, необходимые признаки божественныхъ и де-
моническихъ существъ, управлявшихъ дождевыми тучами,

¹⁾ Лѣтоп. Переяслав., 43. — ²⁾ О вліян. хр. на сл. яз., 22—23.
Связь колдовства съ жертвоприношеніями подтверждается и сви-
дѣтельствами нѣмецкаго языка: fornaeskja—колдовство и forgn
— жертва; zourag, др.-в.-нѣм. zërар, англос. teáfor и tifer
роднятъ оба эти понятія — D. Myth., 984—5.

вѣтрами и грозою. Какъ возжигатель молніеноснаго пламени, какъ устроитель семейнаго очага, богъ-громовникъ почитался верховнымъ жрецомъ (см. гл. XV); съ тѣмъ-же жреческимъ характеромъ должны были представляться и сопутствующіе ему духи и нимфы. Какъ обладатели небесныхъ источниковъ, духи эти и нимфы пили «живую воду» и въ ней обрѣтали силу поэтическаго вдохновенія, мудрости, пророчества и цѣленій, словомъ становились вѣщими — вѣдунами и вѣдьмами. Но тѣже самыя прозванія были приличны и людямъ, одареннымъ особенными талантами и свѣдѣніями въ дѣлѣ вѣроученія и культа; таковы — служители боговъ, гадатели, ворожеи, врачи, лѣкарки и поэты, какъ хранители мнѣнческихъ сказаній. Въ отдаленную эпоху язычества вѣдѣніе понималось, какъ чудесный даръ, ниспосылаемый человѣку свыше; оно по преимуществу заключалось въ умѣнїи понимать таинственный языкъ обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ея явленія и примѣты, молить и заклинать ея стихійныхъ дѣятелей; на всѣхъ знаніяхъ, доступныхъ язычнику, лежало религіозное освященіе: и древній судъ, и медицина, и поэзія—все это принадлежало религіи и вмѣстѣ съ нею составляло единое цѣлое. «Волсви и еретицы и богомерскіи бабы-кудесницы и иная множайшая волшебствуютъ замѣчаютъ одна старинная рукопись, исчисливъ разнообразныя суевѣрія ¹⁾). Колдуны и колдуньи, знахари и знахарки до сихъ поръ еще занимаются по деревнямъ и селамъ врачеваніями. Болѣзнъ разсматривается народомъ, какъ злой духъ, который послѣ очищенія огнемъ и водою, покидаетъ свою добычу и спѣшитъ удалиться. Народное лѣченіе главнѣйшимъ образомъ основывается на окуриваньи, сбрызгиваньи и умываньи, съ произнесеніемъ на болѣзнъ страшныхъ заклятій ²⁾). По общему убѣжденію, знаха-

¹⁾ Оп. Румян. Муз., 551. — ²⁾ Записки Авдѣев., 134—6, 139; Сахаров., II, 23—24; Малор. и червонорус. думы и пѣсни, 99.

ри и знахарки заживляют раны, останавливают кровь, выгоняют червей, помогают от укушения змеи и бешеной собаки, вытѣчивают ушибы, вывихи, переломы костей и всякіе другіе недуги ¹⁾; они знают свойства какъ спасительныхъ, такъ и зловредныхъ (ядовитыхъ) травъ и кореньевъ, умѣютъ готовить цѣлебныя мази и снадобья, почему въ церковномъ уставѣ Ярослава ²⁾ наряду съ чародѣйками поставлена зеленница (отъ зелье — злѣкъ, трава, лѣкарство, озелить — обворожить, околдовать, стар. зеленничество — волшебство ³⁾; въ областномъ словарѣ: травовѣдъ — колдунъ (калужск. губ.), травница и кореньщица — знахарка, колдунья (нижегор. губ. ⁴⁾). Въ травахъ, по народному повѣрью, скрывается могучая сила, вѣдомая только чародѣямъ; травы и цвѣты могутъ говорить, но понимать ихъ дано однимъ знахарямъ, которыми и открываютъ онѣ: на что бываютъ пригодны и противъ какихъ болѣзней обладаютъ цѣлебными свойствами. Колдуны и вѣдьмы бродятъ по полямъ и лѣсамъ, собираютъ травы, копаютъ корни, и потомъ употребляютъ ихъ частію на лѣкарства, частію для иныхъ цѣлей; нѣкоторыя зелья помогаютъ имъ при розыскѣ кладовъ, другія надѣляютъ ихъ способностью предвѣдѣнія, третьи необходимы для совершенія волшебныхъ чаръ ⁵⁾. Сборъ травъ и корней главнымъ образомъ совершается въ срединѣ лѣта, на Ивановскую ночь, когда невидимо зрѣютъ въ нихъ цѣлебныя и ядовитыя свойства. Грамота игумена Памфила 1505 года возстаетъ противъ этого обычая въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «исходятъ обавнищи, мужи и жены чаровнищи по лугамъ и по болотамъ, въ пути же и въ дубравы,

¹⁾ Во многихъ мѣстахъ коновалы считаются за колдуновъ. —

²⁾ Лѣтописецъ Переяслав., 43. — ³⁾ Обл. Сл., 70, 139. — ⁴⁾ Сравни D. Muth., 1016. — ⁵⁾ Сахаров., I, 42—44; Москв 1846, XI—XII, 153.

ищуше смертныя травы и привѣта чревоотравнаго зеля, на пагубу человѣчеству и скотомъ; туже и дивія копають кореніа на потвореніе и на безуміе мужемъ; сіа вся творять съ приговоры дѣйствомъ дѣволимъ¹⁾. Заговоры и заклятія, эти обломки древне-языческихъ молитвенныхъ возношеній, донныѣ составляютъ тайную науку колдуновъ, знахарей и знахарокъ; силою заповѣднаго слова они насылають и прогоняють болѣзни, содѣлываютъ тѣло неуязвимымъ для непріятельскаго оружіа, измѣняютъ злобу враговъ на кроткое чувство любви, умиряють сердечную тоску, ревность и гнѣвъ, и наоборотъ — разжигаютъ самыя пылкія страсти, словомъ овладѣвають вѣсімъ нравственнымъ міромъ чловѣка²⁾. Лѣчебные заговоры болѣшею частію произносятся надъ болящимъ шопотомъ, почему глаголь шептать получилъ значеніе: колдовать; шептунъ — колдунъ, наговорщикъ, шоптунья или шептуха — колдунья³⁾; у южныхъ славянъ лѣкаръ называется мумлавець отъ мумлати — нашептывать⁴⁾; въ нѣкоторыхъ деревняхъ на Руси слово ворожея употребляется въ смыслѣ лѣкарки, воровжиться — лѣчиться, приворожба — таинственныя заклятія, произносимыя знахарями, ворожитъ — колдунъ, знахарь⁵⁾.

Въ народной медицинѣ и волшебныхъ чарахъ играютъ значительную роль наузы, узлы, навязки — амулеты. Старинный проповѣдникъ, исчисляя мытарства, по которымъ шестуеетъ грѣшная душа по смерти, говоритъ: «13-е мытарство — волхованіе, потворы, наузы»⁶⁾. Софійская лѣтопись подъ 1044 годомъ рассказываетъ о Всеславѣ: «матери бо родивши

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 22. — ²⁾ Малор. и червоноор. думы, 100; Поэт. Воѣ, I, 404 и далѣе; D. Myth., 996. — ³⁾ Обл. Сл., 265—8. — ⁴⁾ О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 78. — ⁵⁾ Обл. Сл., 28, 176. У чеховъ лѣченіемъ недуговъ завѣдывали věstci, hovoriči, zaklinači, čarodějníci, hadači — Громаниъ, 148—9. — ⁶⁾ Рукописи гр. Уварова, 112.

его, бѣ ему на главѣ знамя язвено — яна на главѣ его; рекоша волоси матери его: се язвено, навязи на-нъ, да носить ё (наузу) до живота своего на себѣ» ¹⁾. По свидѣтельству Святославова Изборника: «проклять бо ииѣи надежда на челоуѣка: егда бо ти дѣтишь болить, то ты чародѣиць иштеши и облишьная писання на выа дѣтьмъ налагаеши» ²⁾. Въ вопросахъ Кирика, обращенныхъ къ новгородскому епископу Нифонту, упоминается о женахъ, которыя приносили больныхъ дѣтей къ волхвамъ, «а не къ попови на молитву» ³⁾. Въ словѣ о злыхъ дусѣхъ, приписанномъ св. Кириллу, читаемъ: «а мы суще истинные християне прельщены есмы скверными бабаши... ѡны прокляты и скверны и злокозныи (бабы) наузы (наузами) много вѣрныа прельщаютъ: начнетъ на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше — бѣса проклинаеть, а она его болѣ призываетъ творится, дѣти врачующе», и нѣсколько ниже: «а мы нына хотя мало поболимъ, или жена, или дѣтя, то оставльше Бога — ищемъ проклятыхъ бабъ-чародѣиць, наузовъ и словъ прелестныхъ слушаемъ» ⁴⁾. Въ Азбуковникѣ или Алфавитѣ сказано: «а бѣсовска нарицанія толкованы сего ради, понеже мнози отъ челоуѣкъ приходящи къ волхвамъ и чародѣемъ, и приѣмлютъ отъ нихъ нѣкакая бѣсовская обоянїа на юзы и носятъ ихъ на себѣ; а иная бѣсовская имена призываху волхвы и чародѣи надъ ѣствою и надъ питїемъ и дають вкушати простой чади, и тѣмъ губятъ душа челоуѣческаая; и того ради та здѣ писаны, да всякому православному християнину явѣ будетъ иня волчье, да нѣхто невѣды иня волчїе вмѣсто агнеця прииметь неразумїемъ, иня то агнечье быти» ⁵⁾. Митрополитъ

¹⁾ П. С. Р. Л., V, 138. — ²⁾ Истор. Христомат. Бусл., 274. — ³⁾ Памят. XII в., 202. — ⁴⁾ Москв. 1844, I, 243—5. — ⁵⁾ По другимъ спискамъ это мѣсто читается такъ: «отпадшая же, рекша бѣсовская имена на обличенїе волхвомъ и чародѣемъ здѣ»

Фотій въ посланіи своемъ къ новгородцамъ (1410 г.) даетъ такое наставленіе церковнымъ властямъ: «учите (прихожанъ), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примовленья, ни зелія, ни вороженья» ¹⁾. Но обычай былъ сильнѣе этихъ запретовъ, и долго еще «мнози отъ человекъ, приходиши къ волхвамъ и чародѣямъ, принимали отъ нихъ нѣкая бѣсовская наузы и носили ихъ на себѣ» ²⁾. Въ рукописныхъ сборникахъ поучительныхъ словъ XVI столѣтія встрѣчаемъ упреки: «немощь волжбою лѣчать и наузы чарованіи и бѣсомъ требы приносить, и бѣса, глаголемаго тряцю (лихорадку) творять(ся) отгоняющи... Се есть проклято. Того дѣля многи казни отъ Бога за неправды наши находятъ; не рѣче бо Богъ лѣчтитися чарованіи и наузы, ни въ стрѣчу, ни въ полазъ, ни въ чехъ вѣровати: то есть поганско дѣло» ³⁾. Царская окружная грамота 1648 года замѣчаетъ: «а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ

написаномъ толкованіи; понеже чародѣи-и волхвы, написующе бѣсовская имена, даютъ ихъ простымъ людямъ, повелѣвающе имъ тая имена носить; иногда-же и на ядь какову написующе или надъ пятіемъ именующе—даютъ та сѣдати простой чади. Сего ради здѣ объявихомъ имена сатанинская, да никто же отъ простой чади волчье имя приметъ, и вѣсто свѣта тму удержавъ, неразуміи ради душу свою погубить.—Понеже бо злочестивіи волхвы и чародѣя въ различныхъ ихъ мнимыхъ заговорныхъ молитвахъ пишуть иностранною рѣчью бѣсовская имена, тако-же творятъ и надъ пятіемъ, шепчюще призываютъ та злая имена и даютъ ту ядь и пятіе болнымъ вкушати, овѣмъ-же съ тѣми злыми имены наузы на персѣхъ даютъ носить» — Архивъ ист.-юр. свѣд., I, ст. Бусл., 2; Сахаров., II, 140; Ч. О. И. и Д. 1858, IV, стат. Лавровскаго, 54). — ¹⁾ Аг. Арх. Эвс., I, 243. — ²⁾ Щаповъ, 71; Времен., I, 38 („Домострой“). — ³⁾ Варіантъ: „жертву приносить бѣсомъ, недуги лѣчать чарами и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго тряцю, мнаться прогоняюще нѣкими ложными писмины“ — Архивъ ист.-юр. свѣд., II, полов. I, стр. XXVII полов. 2, смѣсь, 48—49.

бабъ въ домъ къ себѣ призывають и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ болными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхованіе¹⁾. Болгарская рукопись позднѣйшаго письма осуждаетъ женъ, «кои завѣзують зверове (вар. скоти) и мечки, и гледать на воду, и завезують деца малечки» (дѣтей²⁾). Знахарямъ, занимавшимся навязываніемъ такихъ амулетовъ, давались названія наузника³⁾ и узольника, какъ видно изъ одной рукописи с.-петербургской публичной библіотеки, гдѣ признаны достойными отлученія отъ св. причастія: обавникъ, чародѣй, скоророхъ и узольникъ⁴⁾. Наузы состояли изъ различныхъ привязокъ, надѣваемыхъ на шею: бѣльшую частію это были травы, корни и иные снадобья (уголь, соль, сѣра, засушенное крыло летучей мыши, змѣиная головка, змѣиная или ушная кожа и проч.), которымъ суевѣріе приписывало цѣлебную силу отъ той или другой болѣзни; смотря по роду немощи, могли мѣняться и самыя снадобья⁵⁾. Иногда, вмѣсто всякихъ цѣлительныхъ средствъ, вшивалась въ лоскутъ бумажка съ написаннымъ на ней заговоромъ и привѣшивалась къ шейному кресту. У германскихъ племенъ привязывались на шею, руку или другую часть тѣла руны (тайныя письмена) для излѣченія отъ болѣзни и противодѣйствія злему колдовству, и

1) Аж. Ист., IV, 35; Описаніе Архива старыхъ дѣлъ, 296—8. Въ житіе Зосимы и Савватія занесенъ разсказъ о новгородскомъ гостѣ Алексѣѣ Курнековѣ, который обращался къ волхвамъ, испрашивая у нихъ помощи своему болящему сыну „и ничтоже успѣше“ — Щаповъ, 43. — 2) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 41. — 3) Пам. стар. рус. литер., IV, 202: поученіе митрополита Данила; Обл. Сл., 125. — 4) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. А. Попова, 37—38. — 5) Пуэни., 162; Этн. Сб., II, 29. Наузы (чешск. *nauzi*, *nauzy*; *naušovati* — колдовать) въ употребленіи и между другими славянскими племенами — Зап. морск. оенцера, I, 278; О. З. 1853, VIII, отдѣлъ иностр. литер., 86.

амулеты эти назывались *ligaturae* (въ среднѣе вѣка) и *angehenke* ¹⁾. Въ христіанскую эпоху употребленіе въ наузахъ ладона (который получилъ особенно-важное значеніе, потому что возжигается въ храмахъ) до того усилилось, что все привязки стали называться ладонками — даже и тогда, когда въ нихъ не было ладону. Ладонки до сихъ поръ играютъ важную роль въ простонародьи: отправляясь въ дальнюю дорогу, путники надѣвають ихъ на шею въ предохраненіе отъ бѣды и порчи. Въ XVII вѣкѣ былъ приведенъ въ приказную избу и наказанъ батогами крестьянинъ Игнашка за то, что имѣлъ при себѣ «корешокъ невеликъ, да травки немного завязано въ узлишки у (шейнаго) креста» (см. гл. XXVII). Навѣшная на себя лѣкарственные снадобья или клятвенныя, заговорныя письмена, силою которыхъ прогоняются нечистые духи болѣзней, предки наши были убѣждены, что въ этихъ наузахъ они обрѣтали предохранительный талисманъ противъ сглаза, порчи и вліянія демоновъ, и тѣмъ самымъ привязывали, прикрѣпляли къ себѣ здравіе. Подобными-же наузами дѣвы судьбы привязывали новорожденнымъ младенцамъ дары счастья — тѣлесныя и душевныя совершенства, здоровье, долголѣтіе, жизненныя радости и проч. Народныя сказанія снѣшиваютъ дѣвъ судьбы съ вѣщими чародѣйками и возлагаютъ на тѣхъ и другихъ одинаковыя обязанности; такъ скандинавскія вѣльвы отождествляются съ норнами: присутствуютъ и помогаютъ при родахъ и предсказываютъ будущую судьбу младенца (стр. 351, 358). Въ той-же роли выступали у славянъ вѣщія жонки, волхвицы; на это указываютъ: съ одной стороны, обычай приносить дѣтой къ волхвамъ, которые и налагали на нихъ наузы, а съ другой стороны — областной словарь, въ которомъ повитуха, помощница при

¹⁾ D. Myth., 1125—6.

родахъ называется бабка, глаголъ же ба́бкать означаетъ: нашепывать, ворожить ¹⁾).

Но приведенное нами объясненіе далеко не исчерпываетъ всѣхъ поводовъ и побужденій, какими руководствовались въ старину при наложеніи наузъ. Рѣченія связывать, дѣлать узлы, опутывать могутъ служить для указанія различныхъ оттѣнковъ мысли, и смотря по примѣненію — получаютъ въ народныхъ преданіяхъ и обрядахъ разнообразное значеніе. Въ заговорахъ на непріятельское оружіе выраженія эти означаютъ тоже, что запереть, забить вражескія ружья и тулы, чтобъ они не могли вредить ратнику: «завяжу я рабъ божій по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищаляхъ, лукахъ и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія; и стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча змѣиная сокрыта — отъ змѣи двенадцатьглаваго» ²⁾). По сходству ползучей, извивающейся змѣи и ужа съ веревкою и поясомъ, сходству, отразившемуся въ языкѣ (уж ище—веревка—гужъ и ужъ; въ народной загадкѣ поясъ метафорически названъ ужомъ), чародѣйнымъ узламъ заговора дается также могучая сила, какая приписывается ииенческому многоглавому змѣю. Въ старину вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ «завязывать» чужое оружіе, что ихъ не брали ни сабли, ни стрѣлы, ни пули. Такое мнѣніе имѣли современники о Стенькѣ Разинѣ. — Увидѣвши первый цвѣтъ на огурцахъ, тыквахъ, арбузахъ или дыняхъ, хозяинка перевязываетъ огудину красною ниткою изъ пояса и произноситъ: «якъ густо сей поясъ вязався, щобъ такъ и мои огурочки

¹⁾ Обл. Сл., 4. — ²⁾ Сахаров., 1, 27.

густо вязались у пупянки въ огудини» ¹⁾). Здѣсь высказывается желаніе, чтобы не было пустоцвѣту; цвѣтъ, зарождающій плодъ, называется завязью, и на этомъ словѣ содѣлся самый заговоръ и сопровождающій его обрядъ.—Того, кто сажалъ въ печь свадебный коровай, подвязываютъ утиральникомъ и сажаютъ на покутье, чтобъ коровай не разошелся, не расплылся ²⁾. — Чтобы ребенокъ сталъ скорѣе ходить, для этого на Руси разрѣзываютъ ножомъ промежъ его ногъ тѣ невидимые пути, которые задерживаютъ его ходу ³⁾. Подобныхъ повѣрій и обрядовъ много обращается въ средѣ поселянъ. Относительно болѣзней и вообще всякаго зловреднаго вліянія нечистой силы рѣченіе связывать стало употребляться: во 1-хъ, въ значеніи заповѣднаго слова, связывающаго мучительныхъ демоновъ и тѣмъ самымъ подчиняющаго ихъ — во 2-хъ, заклинателя. Апокрифическое слово о крестѣ честнѣ (по болгарской рукописи) заставляетъ Соломона заклинать демоновъ принести ему третье древо этой формулой: «завѣ(я)зую васъ азъ печатію господнею» ⁴⁾. Припомнимъ, что печать въ старину привѣшивалась на завязанномъ шнурѣ ⁵⁾. Тою же формулой дѣйствуетъ заговоръ и противъ злыхъ колдуновъ и вѣдьмъ: «завяжи, Господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ и ушпру (уста и языкъ) — на раба божія (имярекъ) зла не мыслити» ⁶⁾. Завязать получило въ устахъ

¹⁾ Номис., 5. — ²⁾ Этн. Сб., I, 353. — ³⁾ Абев., 235. — ⁴⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 490. — ⁵⁾ Печать—эмблема налагаемыхъ узъ: запечатать кому уста все равно, что «завязать кому ротъ», т. е. заставить молчать. Особенно важную роль играетъ это слово въ заговорахъ на остановленіе крови («запечатать рану»), вслѣдствіе сродства его съ выраженіемъ: кровь или рана запеклась (см. заговоръ, приведенный г. Буслаевымъ въ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, пол. 2, 40). — ⁶⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, пол. 2, 53—54.

народа смыслъ: воспрепятствовать, не допустить: «ини якъ завязано» (малорос.) — ниѣ ничто не удается. Заговорныя слова, означавшія побѣду заклинателя надъ нечистыми духами болѣзней и смерти, опутываніе ихъ, словно плѣвниковъ, цѣпями и узлами, (по необходимому закону древнѣйшаго развитія, когда все воплощалось въ наглядный обрядъ) вызвали дѣйствительное завязываніе узловъ; узлы эти завязывались на тѣлѣ больного, такъ какъ, по древнему воззрѣнію, демонъ болѣзни вселялся въ самаго человѣка. До сихъ поръ еще наузы нерѣдко состоятъ изъ простой нитки или бичевки съ узлами; такъ отъ ихорадки носятъ на рукахъ и ногахъ повязки изъ красной шерсти или тесьмы; девять нитокъ такой шерсти, навязанныя на шею ребенка, предохраняютъ его отъ скарлатина — краснухи; отъ глистовъ употребляютъ тоже навязыванье праж на дѣтей ¹⁾. Красный цвѣтъ нити указываетъ въ ней символическое представленіе молніи, прогоняющей всякую демонскую силу. Въ тверской губ., для охраны стада отъ звѣрей, вѣшаютъ на шею передовой ²⁾ коровы сумку съ какинто снадобьемъ; сумка эта называется вязло ³⁾, и значеніе чары состоитъ въ томъ, что она связываетъ пасть дикаго звѣря. При весеннемъ выгонѣ лошадей въ поле, крестьяне берутъ всячій замокъ, и то запирая его, то отмыкая, обходятъ трижды кругомъ стада и причитываютъ: «замыкая я снѣмъ булатнымъ замкомъ сѣрымъ волкамъ уста отъ моего табуна». За третьимъ обходомъ запираютъ замокъ окончательно и кладутъ его въ воротахъ, черезъ которыя выгоняютъ лошадей; послѣ того поднимаютъ замокъ и причутъ гдѣ-нибудь, оставляя замкнутымъ до поздней осени, пока табунъ гуляетъ

¹⁾ Иллюстр. 1845, 565; Пузин., 160; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 322; Громанъ, 112; красная повязка оберегаетъ ребенка отъ порчи. — ²⁾ Корова, которая ходитъ впереди стада — ³⁾ Обл. Сл., 34.

въ полѣ. Крѣпкое слово заговора, словно ключемъ, замыкаетъ уста волковъ ¹⁾). Подобнымъ образомъ болгары думаютъ оберечь свои стада суевѣрнымъ обрядомъ, основаннымъ на выраженіи защиты волчьихъ уши, очи и уста. Вечеромъ баба беретъ иголку съ ниткою и начинаетъ зашивать полу своей одежды, а какой-нибудь мальчикъ ее спрашиваетъ: «что шьешь, бабо?» — Зашиваю, сыно, на вълцы-тѣ уши-тѣ, да не чуютъ овце-тѣ, козы-тѣ, свине-тѣ и теленца-та. Мальчикъ повторяетъ свой вопросъ, и получаетъ отвѣтъ: «зашиваю, сыно, на вълцы-тѣ очи-тѣ, да не видятъ овце-тѣ» и т. дал. Въ третій разъ баба говоритъ: «зашиваю на вълцы-тѣ уста-тѣ, да не ѣдятъ овецъ, козъ, свиней и телятъ ²⁾». Во 2-хъ, науза разсматривалась, какъ крѣпкой запоръ, налагаемый на человѣка съ цѣлю преградить (=замкнуть, завязать) доступъ къ его тѣлу. Нить или бичева съ наглухо-затянутыми узлами, или еще лучше — сѣть (потому что нигдѣ нѣтъ столько узловъ, какъ на ней) почитаются охранительными средствами противъ нечистой силы, колдуновъ и вѣдьмъ. Чтобы поймать вѣдьму, должно спрятаться подъ основную бороно и ловить ее уздою; подъ бороною она не можетъ повредить человѣку, такъ какъ верхняя часть бороны дѣлается изъ святыхъ (сплетенныхъ) вѣстѣхъ лозъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наряжая невѣсту къ вѣнцу, накидываютъ на нее бредень (рыболовную сѣть), или навязавъ на длинной ниткѣ, какъ можно — болѣе, узелковъ, подвязываютъ

¹⁾ Вибл. для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 55—56. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1861, 6. Въ смоленской губ., выгоняя скоть на Юрьевъ день въ поле, читаютъ слѣдующее заклятіе: „глухой, глухой! чи слышишь? — Не слышу! — Когда-бъ далъ Богъ, чтобъ волкъ не слыжалъ нашего скота. Хромой, хромой! чи дойдешь? — Не дойду! — Когда-бъ далъ Богъ — не дошелъ волкъ до нашего скота. Слѣпой, слѣпой! чи видишь? — Не вижу! — Дай Богъ, чтобъ волкъ не выдалъ нашего скота“ (Цебрик., 273).

ею невѣсту; дѣлается это съ намѣреніемъ противоудѣствовать порчѣ. Точно также и женихъ и самыя поѣзжане опоясываются сѣткою или вязаннымъ поясомъ — въ томъ убѣжденіи, что колдунъ ничего злаго не въ силахъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не распутаетъ безчисленныхъ узловъ сѣтки пока не удастся ему снять съ челоуѣка его поясъ ¹⁾. Нѣкоторые крестьяне думаютъ, что ходить безъ пояса грѣшно ²⁾. Въ 3-хъ, съ наузою соединялось понятіе цѣлебнаго средства, связующаго и скрѣпляющаго разбитыя члены большаго. Если разовѣтается рука, т. е. заболитъ связка ручной кисти ³⁾, то на Руси принято обвязывать ее красною пряжею. Такое симпатическое лѣчение извѣстно и у нѣмцевъ. Кромѣ того, на Vogelsberg'ѣ отъ лона въ костяхъ носятъ желѣзные кольца, выкованныя изъ такого гвоздя или крюка, на которомъ кто-нибудь повѣсился ⁴⁾. Чтобы избавиться отъ головной боли, нѣмцы обвязываютъ виски веревкою, на которой былъ повѣшенъ преступникъ; во Франціи же такую веревку носятъ для отвращенія зубной боли: эта повязка должна закрѣпить и черепъ, и зубы ⁵⁾. Въ случаѣ вывиха или перелома, и у насъ и въ Германіи поселане отыскиваютъ дерево, которое, раздѣлившись на двѣ вѣтви,

¹⁾ Иллюстр. 1846, 333; О. З. 1848, т. LVI, 204. Кто желаетъ добыть шапку-невидимку или неразвѣнный червонецъ отъ нечистаго, тотъ, по народному повѣрью, можетъ вымѣнить у него эти диковинки на черную кошку; но непременно долженъ обвязать ее сѣтью или ниткою съ узелками, а то — бѣда неминуемая! Сказанное же средство спасаетъ отъ несчастія, потому что нечистой до тѣхъ поръ связанъ въ своихъ злобныхъ дѣйствіяхъ, пока не распутаетъ всѣхъ узловъ — Ворон. Бес., 192; Сахаров., I, 55. — ²⁾ Владим. Г. В. 1844, 49. — ³⁾ То мѣсто, гдѣ кисть руки соединяется съ костью, идущею отъ локтя, крестьяне называютъ завѣ(н)тъ — Библ. для Чт. 1848, X, ст. Гуляева, 119. — ⁴⁾ D. Myth., 1117, 1121; Die Götterwelt, 197. — ⁵⁾ Beiträge zur D. Myth., I, 247.

потомъ снова срослось въ одинъ стволъ, и въ образовавшееся отъ того отверстіе протаскиваютъ больныхъ дѣтей; иногда нарочно раскалываютъ молодое зеленое дерево (преимущественно дубъ) надвое, протаскиваютъ больного сквозь разщепленные половины и потомъ связываютъ ихъ веревкою: пусть также сроснется сломанная кость, какъ срастается связанное дерево (II, 304—5). Наконецъ есть еще обычай, въ силу котораго снимаютъ съ больного поясъ и бросаютъ на дорогѣ; кто его подыметъ и надѣнетъ на себя, тотъ и заболѣетъ, т. е. къ тому болѣзнь и привяжется, а хворый выздоровѣетъ ¹⁾).

Вѣще мужи и жонки призываются для унятія разгнѣваннаго домоваго, кикиморъ и разныхъ враждебныхъ духовъ, овладѣвшихъ жильемъ челоуѣка; они обшываютъ притолки отъ лихорадокъ, объѣзжаютъ съ особенными обрядами поля, чтобы очистить ихъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ и гдодъ ²⁾); когда на хлѣбныя растенія нападетъ червь, то нарочно-приглашенная знахарка три зори выходитъ въ поле, нашептываетъ заклятія и дѣлаетъ при концахъ загоновъ узлы на колосьяхъ: это называется «заламывать червей», т. е. преграждать имъ путь на зеленѣющія нивы ³⁾. Колдунъ — необходимое лице на свадьбахъ; на него возлагается обязанность оберегать молодую чету и всѣхъ «поѣзжанъ» отъ порчи. Въ пермской губ. при невѣстѣ всегда находится знахарка, а при женихѣ — знахарь. Этотъ послѣдній ѣдетъ впереди свадебнаго поѣзда — съ озабоченнымъ лицомъ, озираясь по сторонамъ и нашептывая: по народному объясненію, онъ борется тогда съ нечистою силою, которая слѣдуетъ за новобрачными и строить имъ козни ⁴⁾). Вообще въ затруднительныхъ

¹⁾ Этн. Сб., VI, 129. — ²⁾ Сахаров., II, 95. — ³⁾ Владим. Г. В. 1844, 49. — ⁴⁾ Сахаров., I, 56; II, 17, 107—9; Очеркъ арханг. губ. Верещагина, 181—3.

обстоятельствахъ жизни: нападетъ ли на сердце кручина, приключится ли въ домѣ покража или другая бѣда, отгуляетъ ли лошадь, угрожаетъ ли ищеніе врага и т. д. — во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне прибѣгаютъ къ колдунамъ и колдуньямъ и просятъ ихъ помощи и совѣтовъ ¹⁾. Такъ ведется и стари. По свидѣтельству слова о злыхъ дусѣхъ: «когда (людямъ) кака-либо казнь найдеть, или отъ князя пограбленіе, или въ дому пакость, или болѣзнь, или скоту ихъ пагуба, то они текутъ къ волховомъ, въ тѣхъ бо собѣ помощи ищутъ» ²⁾. Въ Святославовомъ Изборникѣ замѣчено: «аште и снъ (сонъ) тя сѣмоутитъ, къ снъноуоумоу сѣказателю течеші; аште и погоубиши (потеряешь) что, то къ влѣхвоу течеші» ³⁾. Колдуны и вѣдуньи тотчасъ облачаютъ вора и находятъ потерянную вещь; они обладаютъ способностью проникать въ чужія мысли, знаютъ все бывшее, настоящее и грядущее; для нихъ достаточно посмотрѣть человѣку въ очи или прислушаться къ его голосу, чтобы въ ту же минуту овладѣть его тайною ⁴⁾. Отъ глубокой древности и до нашихъ дней ихъ считаютъ призванными совершать гаданія, ворожить и давать предвѣщанія. В. кн. Олегъ обращался къ волхвамъ съ вопросомъ: какая суждена ему смерть? и получилъ въ отвѣтъ: «князь! ты умрешь отъ любимаго коня». Рассказавши о томъ, какъ сбылось это предвѣщаніе, лѣтописецъ прибавляетъ: «се жедивно есть, яко отъ волхованія сбывается чародѣйствомъ» ⁵⁾. По указанію Краледворской рукописи Кублай собиралъ чародѣевъ, и тѣ гадали ему: на чью сторону должна склониться

¹⁾ Сахаров., I, въ отдѣлѣ: „Чернокнижіе“; Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, смѣсь, 34; Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208. — ²⁾ Москв., 1844, I, 244. — ³⁾ Ист. христом. Бусл., 274. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846, 135. — ⁵⁾ П. С. Р. Л., I, 16. Гедину волхвъ растолковалъ его чудесное видѣніе — Вѣст. Евр. 1821, XVI, 310—1. Напоминаніе и народныя поговорки: „хорошо тому жать, кому бабушка ворожитъ“, „бабка нѣдвое сказала!“

побѣда. Тѣже вѣщія дарованія нераздѣльны и съ понятіемъ жречества. Вездѣ, гдѣ только были жрецы и жрицы, на нихъ возлагались обязанности творить судъ, совершать гаданія, предсказывать будущее, произносить заклятія и врачевать недуги (см. стр. 85 ¹⁾); съ водвореніемъ же христіанства нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей были усвоены служителямъ новой религіи. Не останавливаясь на такъ называемыхъ «божьихъ судахъ» и заклинательныхъ молитвахъ, наполняющихъ старинныя служебники, замѣтимъ одно, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ духовенство предлагало свою врачебную помощь, пользовалось для этого частію религіозными обрядами, частію средствами, наследованными отъ незапамятной старины ²⁾).

Надѣлая вѣщихъ женъ и мужей тѣми-же эпитетами и названіями, какіе употреблялись для обозначенія облачныхъ духовъ, присвоивая тѣмъ и другимъ тождественные признаки, естественно было породнить и смѣшать ихъ: за первыми признать стихійныя свойства, а послѣднихъ низвести на землю и поставить въ условія человѣческой жизни. Большая часть на-

¹⁾ У литовцевъ, напримѣръ, жрецы давали прорицанія, гадали по крику птицъ, лѣчили болѣзни, заживляли раны, оставяли кровь, навязывали амулеты и пр.; верховный жрецъ назывался у нихъ криве кривейте—судья судей—Ж. Ш. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск., 15—21. По чешскому преданію, у Крока было три вѣщія дочери, изъ которыхъ одна знала силу травъ, умѣла дѣлать болѣзни и вѣдала все, о чемъ бы ее ни спросили, вторая была жрицею, научила чеховъ поклоняться богамъ и приносить имъ жертвы, а третьей Любушѣ принадлежали судъ и управа. — ²⁾ D. Myth., 1103; П. С. Р. Л., I, 81: „аще кто коли принесаше дѣтищъ болѣнь..., ли свершенъ человекъ, нацѣмъ-любо недугомъ одержимъ, приходяще въ монастырь къ блаженному Феодосью—повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему; и абы створише молитву и масломъ помазаше, и примаху в(с)цѣленье приходящн къ нему“.

родныхъ повѣрій о вѣдунахъ и вѣдьмахъ представляютъ такія яркія, знаменательныя черты древнѣйшихъ воззрѣній на природу, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первоначально онѣ могли относиться только къ демонамъ облачнаго міра. Таковы повѣрья: а) о насланіи вѣдунами и вѣдьмами грозовыхъ тучъ, бурныхъ вихрей и града, б) о скрадываніи ими росы, дождей и небесныхъ свѣтилъ, с) о ихъ полетахъ въ воздушныхъ пространствахъ, d) сборищахъ на «лысой горѣ», нештovýchъ пляскахъ и нечестивыхъ оргіяхъ, е) о доеніи, вѣдьмами коровъ, f) о вліяніи колдовства на земное плодородіе и наконецъ g) о волшебной силѣ оборотничества.

Въ Германіи вѣдьмамъ даются названія: *wettermachein*, *wetterhexe*, *nebelhexe*, *strahlhexe*, *blitzhexe*, *zessenmachein* (отъ стар. *zessa*—*sturm*, буря, гроза), что, во 1-хъ роднитъ ихъ съ валькиріями, которыя носятя на облачныхъ коняхъ и сотрясаютъ на землю росу, во 2-хъ—сближаетъ ихъ съ сербскими вилами, собирательницами облаковъ, и въ 3-хъ—напоминаетъ греч. $\nu\epsilon\varphi\epsilon\lambda\gamma\gamma\epsilon\rho\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ —одинъ изъ эпитетовъ Зевса ¹⁾. Славянская «Коричая» (по списку 1282 г.) и «Домострой» называютъ чародѣевъ облакопрогонниками²⁾; митрополитъ Даніилъ совѣтуетъ налагать запрещеніе на «глаголемыхъ облакопрогонниковъ и чаровниковъ и наузниковъ и волшебниковъ³⁾. Въ западной Европѣ существуетъ глубоко-укорененное вѣрованіе, что колдуны и вѣдьмы могутъ носиться въ тучахъ, производить грозы, напущать бури, дождевыя ливни и градъ. Вѣрованье это идетъ изъ отдаленной древности. Фессалійскія волшебницы обвинялись между прочимъ и во всѣхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ опустошительными бу-

¹⁾ D. Myth., 1042—3. — ²⁾ Истор. Христов. Бусл., 381; Времен., I, 43. — ³⁾ Пам. стар. рус. литер.: IV, 202 Въ финскихъ рунахъ „колдунъ“ называется *Ukon poika* = сынъ громовника Уко—Учен. Зап. Ак. Н. 1852, IV, 514—5.

рями. Въ средневѣковыхъ памятникахъ (VIII-IX в.) чародѣи именуются *tempestarii, immissores tempestatum*, и это основывалось на общемъ убѣжденіи, что «*homo malus vel diabolus tempestatem faciat, lapides grandinum spergat, agros devastet, fulgura mittat*». Скандинавская сага говоритъ о двухъ полубогиняхъ-получародѣйкахъ Ириѣ и Торгердѣ (Igra и Thorgerd), которыя производили ненастье, бури и градъ. Изъ преданій, сохраненныхъ германскими племенами, узнаемъ, что колдуны и вѣдьмы употребляютъ для этого кружки или чаши. Подобно тому, какъ древніе боги и богини проливали изъ небесныхъ урнъ дожди и росу, такъ точно колдуны и вѣдьмы, уносясь въ воздушныя выси, посылаютъ изъ своихъ кружекъ разрушительную бурю; опрокидывая одну кружку, они творятъ громъ и молніи, изъ другой пускаютъ градъ и мители, изъ третьей—суровые вѣтры и ливни. Облака и тучи, содержащія въ своихъ нѣдрахъ дождь, градъ и снѣгъ, въ поэтическихъ сказаніяхъ старины представлялись сосудами, котлами и бочками, въ которыхъ изготовлялся и хранился волшебный напитокъ, или небесными родниками и колодцами. На этихъ давно-позабитыхъ метафорахъ основаны многія изъ народныхъ повѣрій. Такъ о вѣдьмахъ рассказываютъ, что, погружая въ воду горшки и взбалтывая ее, онѣ вызываютъ ненастье; съ тою-же цѣлью онѣ потрясаютъ котломъ или вздымаютъ пыль противъ солнечнаго заката; сверхъ того, въ своихъ котлахъ и горшкахъ онѣ стряпаютъ (варятъ) непогоду, проливные дожди и градъ; рассказываютъ еще, что вѣдьмы пускаютъ по водѣ сніе огоньки, бросаютъ въ воздухъ кремневые камни (т. е. возжигаютъ въ дождевыхъ источникахъ молніи и мечутъ «громовыя стрѣлки») и катаютъ бочки, разрывъ котбрыхъ производитъ грозу и бурю. По нѣмецкимъ актамъ XVI и XVII столѣтій, вѣдьмы собирались око-

ло озеръ и источниковъ, били по водѣ хлыстами, и когда отъ летящихъ брызгъ подымался туманъ, то сгущали его въ черныя тучи; на этихъ тучахъ ѣздили онѣ по воздушнымъ пространствамъ, направляя ихъ бѣгъ въ ту сторону, гдѣ хотѣли произвести опустошеніе. Бросая въ колодцы и пруды камни, чародѣи могутъ вызывать грѣзы, дожди и градъ: повѣрье, общее германцамъ съ кельтами и финнами. И лоза, и камень—символы молніи. Въ Греціи совершался слѣдующій обрядъ: когда наступала засуха, Зевсовъ жрецъ шелъ къ источнику, посвященному нимфѣ, творилъ тамъ жертвоприношеніе и дубовою вѣткою касался поверхности воли; думали, что вслѣдствіе этого обряда непремѣнно должны подняться туманы, собраться въ облака и напоить землю дождемъ. Нѣмецкая сага рассказываетъ о вѣдьмѣ, которая изъ маленькаго облачка создала большую грозовую тучу, и носясь въ ней, словно въ воздушномъ кораблѣ, воздвигла сильную бурю; на ту пору шелъ по дорогѣ охотникъ; застигнутый ненастьемъ, онъ зарядилъ свое ружье освященной пулею и выстрѣлилъ въ самую средину черной тучи, гдѣ иракъ былъ сгущенъ всего больше, и вслѣдъ за выстрѣломъ передъ нимъ упала убитая голая женщина; въ то же мгновеніе буря затихла и небо стало проясняться. Сказаніе это извѣстно и словенцамъ¹⁾; смыслъ его—тотъ, что облачная жена гибнетъ отъ громовой стрѣлы дикаго охотника (Одина). Въ Каринтіи поселяне стрѣляютъ въ грозовыя тучи, чтобы разогнать злыхъ духовъ, собирающихся въ надземной области держать совѣтъ и уготовлять бѣды. Вѣтры, сопровождающіе полетъ тучъ, заставили уподобить эти послѣднія раздувательнымъ мѣшкамъ. О норвежскихъ чародѣйкахъ сохранилось преданіе, что онѣ заключали вѣтры въ мѣшокъ (windsack) и завязывали его узлами, а въ случаѣ надобности разрѣшали эти

¹⁾ Рус. Вѣс. 1857, III, 112.

узлы, произнося заклатіе: «wind, ins teufels nashen!» — и въ ту же минуту подымался бурный вихрь, опустошалъ землю, волновалъ море и разбивалъ корабли. Норманны и вообще жители сѣверныхъ поморій вѣрили, что колдуны могли продавать вѣтры морякамъ, давая имъ кожаные мѣшки съ волшебными узлами: когда развязывали одинъ узелъ — начинали дуть тихіе и благопріятные вѣтры, развязывали другой — вѣтры крѣпчали, а вслѣдъ за разрѣшеніемъ третьяго узла — наставала страшная буря. Напомнимъ, что съ дующими вѣтрами фантазія сочетала представленіе о буйныхъ, вештовыхъ существахъ, которымъ удалось вырваться на свободу; въ тихое же время они сидятъ въ заключеніи, окованные и связанные своимъ владыкою (I, 311—2). Управляя вѣтрами, колдуны и вѣдьмы могутъ не только собирать, скучивать облака, но и прогнать ихъ съ небосклона и производить бездождіе и засуху, не менѣе губельныя для жатвъ, какъ и безвременные ливни и все-истребляющій градъ ¹⁾. Въ Испаніи простолюдины убѣждены, что вѣдьмы какъ только захотятъ — тотчасъ-же добудутъ вѣтра, потому что имъ самъ чортъ поддуваетъ ²⁾. Тоже воззрѣніе на колдовство раздѣлялось и славянскими племенами. По ихъ разсказамъ, вѣдуны и вѣдьмы могутъ, по своему произволу, и насылать и отвращать бури, грѣзы, дожди и градъ; могутъ морочить (затуманивать или отводить очи), т. е. застилать окрест-

¹⁾ D. Myth., 559—560, 606, 1026, 1040—2; Der Ursprung der Myth., 260—1; Выбл. для Чт. 1842, XI, 56. Фритіоесага предлагаетъ слѣдующее свидѣтельство: сыновья конунга Бели послали за двумя вѣдьмами, заплатили имъ деньги и заставили на погибель Фритіоеа возбудить морскую бурю. Вѣдьмы приготовили пары, и взобравшись на утесъ, вызвали заклинаніями буйные вѣтры. Море запѣнилось, заглубилось, и пловцовъ окружила непроницаемая тьма...—Опыты истор.-этнологич. трудовъ Глав. Педаг. института (1852 г.), 154—9. — ²⁾ Телескопъ 1834, IV, 224.

ныя мѣста и предметы туманомъ, и придавая имъ обманчивые образы, заставляя человека видѣть совсѣмъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ ¹⁾). Въ Малороссіи вѣдму называютъ мара, а словомъ заморокъ обозначается и чаровница, и темнота ночная ²⁾). Оба названія указываютъ на мракъ, производимый наплывомъ черныхъ тучъ. Эта связь съ тучами и вихрями, въ которыхъ издревле рисовались народному воображенію великаны, змѣи и другіе нечистые духи, враждебные свѣтлымъ богамъ неба, наложила на колдуновъ и вѣдмъ демоническій характеръ. Уже въ Индіи вѣрили въ злое вліяніе колдовства. Въ народныхъ сказкахъ колдунъ и вѣдма нерѣдко заступаютъ мѣсто дракона или чорта, и подобно имъ — налетаютъ грозовою тучею, ударяютъ громомъ и сверкаютъ молніями ³⁾). Отсюда-то возникъ цѣлый рядъ суевѣрныхъ преданій, по свидѣтельству которыхъ чародѣи и чародѣйки предаются дьяволу, заключаютъ съ нимъ договоры и дѣйствуютъ его именемъ, направляя свои вѣщія дарованія не столько на пользу, сколько во вредъ и на пагубу человѣческаго рода ⁴⁾). Въ южной Россіи существуетъ любопытный разсказъ о знахарѣ, который по собственному желанію могъ располагать и дождемъ, и градомъ. Бывало во время жатвы надвинется на

¹⁾ Киевлян. 1865, 69; Ганушъ: Дядъ и Баба, 53; Zagusy domowe, III, 150, 166; Москв. 1848, VIII, 71—73; Маякъ, XII, 21. На Руси можно услышать разсказы о томъ, какъ положили колдунъ или вѣдму наказывать плетью, а имъ и горя мало: всѣмъ кажется, что плеть бьетъ по голой спицѣ, а она ударяетъ по землѣ или бревну. Мороча людей, колдуны напускаютъ обманчивое наводненіе — марево (Н. Р. Ск., V, 16; VI, 21; Чудинск., 24). — ²⁾ Киев. Г. В. 1845, 13; Старосв. Банд., 333. — ³⁾ Чудинск., стр. 14, 32. —

⁴⁾ Поэтому и въ народныхъ заклинаніяхъ испрашиваютъ защиты „отъ бабьихъ заворъ, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи-вѣдуны, отъ вѣдмы кievской и злой сестры ея — муромской“ — Сахаров., I, 19.

небо дождевая туча; всё бросается складывать снопы, станут убираться домой, а ему и горя мало! «Не будет дождя!» скажетъ онъ — и туча пройдетъ мимо. Разъ какъ-то собралась страшная гроза, все небо почернѣло; но знахарь объявилъ, что дождя не будетъ, и продолжалъ работать на своей нивѣ. Вдругъ, откуда не взялся, скачетъ къ нему черный человѣкъ на черномъ конѣ: «пусти!» умоляетъ онъ знахаря. — Ни, не пущу! отвѣчаетъ тотъ; было не набирать такъ богато! Черный ѣздокъ исчезъ; тучи посизѣли, поблѣднѣли, и мужики стали ожидать граду. Несется къ знахарю другой ѣздокъ — весь бѣлый и на бѣломъ конѣ: «пусти, сдѣлай милость!» — Не пущу! «Эй, пусти; не выдержу!» Знахарь приподнялъ голову и сказалъ: «ну, вже ступай, да тилько у той байракъ, щѣ за нивою». И вслѣдъ за тѣмъ градъ зашумѣлъ по байраку ¹⁾). Чехи передаютъ этотъ рассказъ въ такой формѣ: завидя градовую тучу, заклинатель рѣшился отвести ее отъ засѣянныхъ полей на дальнія пустынные горы; но изъ середины тучи раздался голосъ: «пусти меня! я не въ силахъ сдерживать больше». Заклинатель бросился къ суду своему — судѣ, выпросилъ у него позволеніе провезти грузъ черезъ его владѣнія, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ судейскія поля были побиты градомъ; прочія-же окрестныя поля остались нетронутыми ²⁾). Въ бурныхъ, стремительныхъ вѣтрахъ поселяне усматриваютъ полетъ колдуна или вѣдьмы. По нѣмецкому выраженію, колдунъ ѣздитъ на хвосту вѣтра; какъ скоро ему понадобится перенестись въ дальнюю сторону, Вѣтръ приглашаетъ его: «setz dich auf meinen schwanz!» ³⁾). На Руси существуетъ повѣрье, что на Благовѣщенье, когда

¹⁾ Кулишъ, II, 40; Москв. 1846, XI—XII, критика, 153—4. —

²⁾ Громаничъ. 34—35; по другому варианту, колдунъ велитъ граду спуститься на поля нечестивой бабы. — ³⁾ Die Götterwelt, 98; Beiträge zur D. Myth., II, 362.

повѣтъ весна, черти провѣтриваютъ колдуновъ, и съ этою цѣлью подымаютъ ихъ на воздухъ и держатъ головами внизъ ¹⁾). Отъ малоруссовъ можно услышать слѣдующее преданіе: работалъ мужикъ въ полѣ; глядя — прямо на него летитъ вихорь, мужикъ выхватилъ изъ-за пояса сѣкиру и бросилъ въ самую средину вертящагося столба пыли. Вихорь понесся дальше и увлекъ за собою топоръ, воззвѣсившійся въ него, словно въ дерево. Вскорѣ случилось этому мужику остановиться на ночлегъ въ одной деревушкѣ; было поздно, когда онъ вошелъ въ хату, въ которой еще свѣтился огонь. Въ хатѣ лежалъ больной, и на вопросъ пришельца домашніе сказали: «то нашъ батька скалечилъ себя сѣкирою!» Располагаясь спать, мужикъ неварокомъ заглянулъ подъ лавку и увидѣлъ тамъ свой собственный топоръ; тотчасъ узнавъ онъ, что ранилъ колдуна, и въ страхѣ, чтобы не попасться ему на глаза, поспѣшилъ изъ хаты вонъ ²⁾). Такимъ образомъ колдунъ, увлекаемый буйнымъ вѣтромъ, подвергается удару топора — точно также, какъ въ вышеприведенной сагѣ выстрѣлъ охотника поражаетъ вѣдму, несущуюся въ бурной тучѣ. О крутящемся вихрѣ крестьяне наши думаютъ, что это вертится нечистый духъ, что это — свадебная пляска, которой предается онъ вмѣстѣ съ вѣдьмою; чехи о томъ-же явленіи выражаются: *bávu čarujúci*, т. е. вѣдьмы чаруютъ, поднимаютъ вихрь. Чтобы напугать путниковъ, вѣдьма нерѣдко превращается пыльнымъ столбомъ и мчится къ нимъ навстрѣчу съ неудержимою быстротою. По народному повѣрью, если въ столбъ пыли, поднятый вихремъ, бросить острый ножъ, то можно поранить чорта или вѣдму, и ножъ упадетъ на землю весь окровавленный ³⁾). Канцлеръ, Радзивицъ, описывая

¹⁾ Сахаров., I, 52. — ²⁾ Lud Ukrain., II, 100. — ³⁾ Иллюстр. 1846, 332; Полтав. Г. В. 1844, 20; Громанъ, 35; Beiträge zur D. Myth., I, 226; D. Myth., 599; Кіевлян. 1865, 69; когда вѣдьма ле-

въ своихъ мѣжуархъ страшную бурю, которая была 5 мая 1643 года, утверждаетъ, что ее произвели вѣдьмы ¹⁾: такъ глубоко проникли въ народное убѣжденіе завѣты старины, что и самые образованные люди XVII-го вѣка не теряли къ нимъ довѣрія. Отсюда становится понятною примѣта, по которой ни одна баба не должна присутствовать при отправленіи рыбаковъ въ море; особенно стараются, чтобы она не видѣла — какъ забираютъ и кладутъ въ лодку рыболовныя и мореходныя снасти: не то ожидай большой бѣды! ²⁾ Примѣта эта возникла изъ боязни морской бури, которую можетъ наслать тайная колдунья, если только свѣдаетъ про отъѣздъ рыбаковъ. Желая произвести засуху, вѣдьма — какъ скоро покажется дождевая туча — машетъ на нее своимъ передникомъ, и туча удаляется съ горизонта ³⁾. Съ помощію «громовыхъ стрѣлокъ» чародѣйки могутъ низводить съ неба молніи, зажигать дома и поражать людей; словенскія вѣштицы, подобно виланъ, владѣютъ губительными стрѣлами ⁴⁾.

Въ Малороссіи рассказываютъ, что вѣдьмы скрадываютъ съ неба дождь и росу, унося ихъ въ завязанныхъ кринкахъ или мѣшкахъ (= въ облачныхъ сосудахъ и мѣхахъ) и запрятывая въ своихъ хатахъ и коморахъ (кладовыхъ). Въ старые годы похитила вѣдьма дождь, и во все лѣто не упало его ни единой капли. Разъ она ушла въ поле, а дома оставила зайничку и строго наказала ей не дотрогиваться до горшка, что стоялъ подъ покутомъ. Мучимая любопытствомъ, зайничка достала горшокъ, развязала его, смотритъ — внутри не видать ничего, только слышится исходящій оттуда невѣдомый

туть, должно воткнуть въ землю ножъ, освященный на Свѣтло-Христово Воскресенье, и она непременно опустится наземь. — ¹⁾ О. З. 1856, XI, ст. Солов., 10. — ²⁾ Совр. 1852, I, смѣсь, 122. — ³⁾ Ворон. Бес., 193. — ⁴⁾ Учен. Зап. 2. отд. Аж. Н., VII, в. 2-й, 30; Иличъ, 305.

голосъ: «вотъ будетъ дождь! вотъ будетъ дождь!» Испуганная наймишка выскочила въ сѣни, а дождь уже лется — словно изъ ведра! Скоро прибѣжала хозяйка, бросилась къ горшку, накрыла его — и дождь пересталъ; послѣ того принялась бранить наймишку: «еслибъ еще немного оставался горшокъ непокрытымъ, сказала она, то затопило бы всю деревню!» ¹⁾ Разсказъ этотъ передается и съ нѣкоторыми отбѣнами: вѣдьма запретила наймицкѣ входить въ одну изъ своихъ кладовыхъ, гдѣ стояли завязанныя кадки; та нарушила запретъ, развязала кадки и нашла въ нихъ жабу, ужей, лягушекъ и другихъ гадювъ; гады подняли страшный гамъ и распозлались въ разныя стороны. И что же? то было ясно, тихо, безоблачно, а тутъ откуда что взялось! — понадвинулась черная-черная туча, подули вѣтры и пошелъ дождь. Вѣдьма поскорѣй домой, собирала гадювъ, сложила въ кадки, завязала, и только это сдѣлала, какъ дождь пересталъ идти. Принимая дожденосныя облака за небесныя источники, озера и рѣки, фантазія древняго человѣка населила ихъ тѣми-же гадами, какіе обитаютъ въ водахъ неизменнаго міра: жабами, лягувами и ужами. Если припомнимъ, что сверкающія въ тучахъ молніи уподоблялись змѣямъ и ужамъ, что самыя тучи олицетворялись демоническими змѣями (гидами, драконами) и что изстари представленія эти были распространяемы и на другихъ водяныхъ гадювъ (II, 624 — 5), то для насъ будетъ понятно, почему змѣи, ужи, лягушки и жабы признаны были созданіемъ нечистой силы, сокрывателями и проводниками дождей, а ихъ шипѣнье и кваканье — знаменіемъ небесныхъ громовъ. Рядомъ съ баснями о гадь-господарикѣ (домовомъ змѣѣ) удержалось ученовое вѣрованіе въ домовика-лягушку, кваканье которой служитъ предвѣстіемъ дождя (сравни II, 551-2). По свидѣтельству народныхъ легендъ, ааскіе колодцы, т. е. соб-

¹⁾ Морск. Сб. 1856, XIV, ст. Чужблнск., 64; Lud Ukrain., II, 82.

ственно грозовыя тучи, наполнены змѣями, жабами и лягушками (см. выше стр. 263); и понынѣ чехи убѣждены, что лягушки падаютъ съ неба вмѣстѣ съ дождевыми ливнями ¹⁾). Потому-то колдуны и вѣдьмы и стараются окружать себя всеми нечисленными гадами, и пользуются ими, какъ необходимыми орудіями при совершеніи своихъ чаръ. Баба-яга и вѣдьмы варятъ въ котлахъ или поджариваютъ на огнѣ (т. е. въ грозовомъ пламени) жабъ, змѣй и ящерицъ, готовятъ изъ нихъ волшебныя составы и сами питаются ихъ мясомъ; онѣ нарочно приходятъ къ источникамъ, скликають гадовъ и кормятъ ихъ творогомъ ²⁾). Въ Германіи вѣдьмы обзываютъ: «inhitzige krotensack!» Во время вѣдовскихъ сборищъ одна изъ чародѣекъ обязана сторожить жабъ ³⁾). И въ нѣмецкихъ, и въ славянскихъ земляхъ запрещается прѣсть на Рождественскіе Святки; не то вѣдьмы напустятъ въ домъ жабъ, мышей и крысъ ⁴⁾): повѣрье, въ основѣ котораго таятся мысль, что вслѣдъ за изготовленіемъ небесной пряжи (облаковъ и тумановъ) зарождаются мнѣстскіе гады и должна послѣдовать гроза; о крысахъ и мышахъ, какъ воплощеніяхъ молніи, сказано было въ главѣ XIV-ой.

Въ бурныхъ грѣзахъ древнія племена узнавали битвы облачныхъ духовъ, и потому какъ валькирія и вилы помогаютъ сражающимся героямъ, а вѣдогони одной страны воюють съ вѣдогонями сосѣднихъ земель, такъ и вѣдьмы (по малорусскому сказанію) слетаются на границѣ и сражаются однѣ противъ другихъ. Вооруженныя небольшими мечами, онѣ наносятъ другъ другу удары, и при этомъ приговариваютъ: «щовтну, то не перетну!» чтобы удары меча не были смертельны.

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 463; Громанъ, 82. — ²⁾ Škult. a Dobřinsky, I, 39—42; Lud Ukrain., II, 85. — ³⁾ D. Myth., 1025. — ⁴⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 201.

ши. Такимъ образомъ вѣдьмы, послѣ каждаго пораженія, встаютъ снова къ битвѣ, подобно воюющимъ героямъ валгаллы, которые если и падаютъ бездыханными трупами, то всякой разъ воскресаютъ на новые подвиги. Въ ночь наканунѣ Духовна днѣвѣ мы воруютъ деревянные мѣчки, которыми поселанки труть конопля; затыкаютъ ихъ за поясъ, и слетаясь на лысую гору или пограничныя мѣста, рубятся ими, какъ саблями ¹⁾. Отсюда объясняется галицкая поговорка: «коли мисецъ въ серпъ (т. е. ночью, во время новолунія), то чаровницы ядутъ на границы» ²⁾. Вѣдьмы не остаются равнодушными и къ народнымъ битвамъ; помогая той сторонѣ, которая прибѣгла къ ихъ чародейной помощи, онѣ напускаютъ на вражескую рать сокрушительныя вихри и вьюги. Таково скандинавское преданіе о Торгердѣ и Ирпѣ. Хроника св. Бертина повѣствуетъ, что Рихильда передъ битвою съ Робертомъ взяла горсть пыли, и творя заклятіе, бросила ее на воздухъ по направленію къ неприятелю; но пыль упала на голову чаровницы въ знакъ ея собственной гибели. Въ другой хроникѣ рассказывается, какъ нѣкая волшебница, взойдя на зубчатыя стѣны осажденнаго замка, вызвала своими заклинаніями дождь и бурю, и тѣмъ самымъ заставила враговъ удалиться изъ занятой ими области ³⁾. Подобное преданіе встрѣчается и у насъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ ходила молва, что во время осады Казани (въ 1552 году) татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на городскихъ стѣнахъ, махали одеждами на русское войско и посылали на него буйные вѣтры и проливные дожди: «егда солнце начнетъ восходить, взмуть на градъ, вѣтъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіати сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертающееся неблагочивнѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и

¹⁾ Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимовича, 90. — ²⁾ Номис., 4 — ³⁾ D. Myth., 1041.

день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такойъ дождь, и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точію было надъ войскомъ, а по сторонамъ вѣсть» ¹⁾. Своимиъ заповѣднымиъ словомъ колдуны и вѣдьмы могутъ давать бранному оружію побѣдоносную силу и неизмѣнную мѣткость, и наоборотъ могутъ заговаривать его такъ, что удары и выстрѣлы его дѣлаются совершенно-безвредными: первоначальныйъ смыслъ этого повѣрья былъ тотъ, что колдуны и вѣдьмы, возбуждая грѣзы, посылаютъ разящія молніи, а похищая дожди и производя засуху, тѣмъ самымъ завязываютъ лукъ и стрѣлы бога-громовника (см. выше стр. 434 ²⁾).

Послушныя волшебнымъ чарамъ, тучи сгущаются, закрываютъ небесныя свѣтила и претворяютъ ясный день въ темную ночь. Отсюда возникло убѣжденіе, что вѣдуны и вѣдьмы скрадываютъ солнце, луну и звѣзды, что ихъ шумныя сборища и воздушные полеты происходятъ обыкновенно по ночамъ. О ночныхъ поѣздахъ вѣдьмъ уже свидѣтельствуешь Эдда. Злая чародѣйки, родственныя великанкамъ и дивоженамъ, называются на сѣверѣ *queldridha* (*abendreiterin*) и *mugkritha* (*dunkelreiterin* ³⁾). По русскому и сербскому повѣрью, вѣдьмы летаютъ ночью по воздуху и блестятъ яркими огоньками, т. е. сверкаютъ молніями ⁴⁾; особенно любятъ онѣ носиться въ надземныхъ пространствахъ въ непроглядныя осеннія ночи ⁵⁾. Точно также въ ночную пору совершаются и бурно-стремительныя поѣзды дикой охоты или нечестоваго воинства Одина. Сокрытіе небесныхъ свѣтилъ тучами и астрономическія затмѣнія солнца и луны принимались нашими предками за явленія тождественныя и

¹⁾ Сказанія кн. Курбскаго (изд. 2-е), 27. — ²⁾ *Zarysy domove*, III, 168. — ³⁾ *D. Myth.*, 1006. — ⁴⁾ „Кад вјештица лети ноћу, она се сјава као ватра“. — ⁵⁾ Срп. рјечникъ, 66; *Zarysy domove*, III, 135; Полтав. Г. В. 1844, 20.

равно приписывались вражескому нападенію демона-змѣя или влиянію злаго чародѣйства. Такое убѣжденіе раздѣляли всѣ индоевропейскіе народы. Во время затмѣній напуганные жители собирались толпами, били въ металлическіе сосуды и заставляли лаять собакъ; дѣлалось это съ двоякою цѣлью: во 1-хъ, чтобы напугать нечистую силу, и во 2-хъ, чтобы чародѣйныя заклятія, заглушаемыя звономъ и лаемъ, не могли долетать до небесной тверди и вредить пребывающимъ тамъ свѣтиламъ ¹⁾. Звонъ — старинная метафора грома, а собачій лай — завыванія бурныхъ вѣтровъ; съ тѣмъ и другимъ народная фантазія соединила понятіе о спасительномъ средствѣ, разгоняющемъ демоновъ мрака (— темныя тучи). Наравнѣ съ нечистыми духами, вѣдуны и вѣдьмы боятся собакъ и не терпятъ колокольнаго звона (см. I, 300-1, 734). Древніе греки затмѣнія солнца и луны объясняли похищеніемъ ихъ съ неба; волшебницы низводили небесныя свѣтила на землю и гасили ихъ божественное пламя. Въ такомъ похищеніи преимущественно были подозрѣваемы фессалійскія колдуньи. Въ «Облакахъ» Аристофана Стрепсиадъ, объясняя Сократу придуманное имъ средство не платить долговъ, советуетъ ему обзавестись фессалійскою колдуньей: она спрячетъ луну въ коробку, и тогда можно продолжить мѣсячный срокъ, на сколько угодно. У славянъ вѣрованіе это и донинѣ удерживается между поселянами. Болгары, во время луннаго затмѣнія, стараются выстрѣламъ изъ ружей и пистолетовъ прогнать вѣдьмъ (магесницъ), которыя, по ихъ мнѣнію, захватили луну и омрачили ея свѣтлый ликъ ²⁾. На Руси есть повѣрье, что вѣдьмы, скрадывая съ неба мѣсяцъ и звѣзды, складываютъ ихъ въ горшки и кувшины и прячутъ въ глубокихъ погребѣхъ, или опускаютъ въ кри-

¹⁾ О. З. 1842, VI, 49; Ж. М. Н. П. 1839, III, 309—314. —
²⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208.

ницы, т. е. скрываютъ (погребаютъ, хоронятъ) ихъ за дождевыми тучами. Случится ли затмѣніе или густая облака неожиданно заволокутъ небесныя свѣтила, поселяне съ наивно-дѣтскимъ, но твердымъ убѣжденіемъ обвиняютъ въ похищеніи ихъ колдуновъ, вѣдьмъ и злыхъ духовъ, которымъ во мракѣ удобнѣе творить безбожныя дѣла и уловлять въ свои сѣти христіанъ. О падающихъ звѣздахъ въ Малороссіи говорятъ, что ихъ уноситъ вѣдьма и прячетъ въ кувшины. Съ особенною ревностью занимаются вѣдьмы скрадываніемъ мѣсяца и звѣздъ на праздники Коляды и Купалы, когда бываютъ главныя вѣдовскія сборища и нечистая сила предается самому дикому разгулу ¹⁾. Было село (разсказываютъ въ черниговской губ.), въ которомъ проживало до тысячи вѣдьмъ; то и дѣло — крали онѣ святыя звѣзды и до того довели небо, что «ничимъ було свитить нашому гришному міру». Тогда Богъ послалъ святаго Андрея (замѣна Перуна), который ударилъ всею палицею — и все вѣдовское село провалилось сквозь землю, а на его мѣстѣ стало болото, т. е. ударъ громовой палицы разбилъ облачныя обиталища вѣдьмъ и отверзъ дождевые источники. Скандинавскую колдунью El (procella) называли sôlar böll—solis pignicies, изъ чего видно, что въ ея образѣ олицетворялась черная туча, помрачающая дневной свѣтъ ²⁾. У насъ сохранилось слѣдующее причитанье:

Красная дѣвица
 По бору ходила,
 Болестъ говорила,
 Травы собирала,
 Корни вырывала,
Мѣсяць скрала,
Солнце съѣла.

¹⁾ Сахаровъ, II, 3, 70; Рус. прост. праздн., I, 175; Малъ, XIII, 49—58; Lud Ukrain., II, 81; Этн. Сб., V, библиогр. указ., 8—9; VI, 117. — ²⁾ D. Myth., 1043.

Чуръ ес колдунью,
Чуръ ес вѣдунью! ¹⁾.

Здѣсь вѣдма, подобно змѣю и великанамъ, представляется съѣдающею солнце, т. е. погружая это свѣтло въ тучи, она тѣмъ самымъ, въ качествѣ облачной жены, принимаетъ его въ свои собственные нѣдра — проглатываетъ его. Въ Калевалѣ чародѣйка Лоухи силою волшебныхъ пѣсень (— съ помощію дикихъ напѣвовъ бури) похищаетъ солнце и мѣсяцъ и заключаетъ ихъ въ мѣдную скалу, т. е. въ облачныя горы, отчего и наступаетъ всеобщая тьма ²⁾.

Распоряжаясь стихійными явленіями природы, двигаясь вмѣстѣ съ грозовыми тучами, вѣдуны и вѣдмы могутъ переноситься съ мѣста на мѣсто съ быстротою крылатаго вѣтра. Представленіе колдовства вездѣ неразлучно съ полетами и поѣздами по воздуху, черезъ горы и доли ³⁾. Обычными орудіями воздушныхъ полетовъ колдуновъ и вѣдмъ, по нѣмецкимъ, литовскимъ и славянскимъ рассказамъ, служатъ: метла (помело, вѣникъ), кочерга, ухватъ, лопата, грабли и просто палка (костыль) или пруть; нѣмцы называютъ вѣдму: *gabelreiterin*, *besenreiterin*; чешское изрѣченіе: «*staré babu na rometlo!*» указываетъ на полеты старухъ вѣдмъ на печномъ вѣникѣ ⁴⁾. Верхомъ на метлѣ или грабляхъ вѣдма летаетъ по поднебесью: это не болѣе, какъ поэтическая картина вѣтра, несущаго на своихъ крыльяхъ облачную жену-чародѣйку (см. I, 569). Вѣтръ представлялся помеломъ, потому что мететъ туманы и тучи и разчищаетъ небо; представлялся граблями, потому что сгущива-

¹⁾ О. З. 1842, VI, 52—53; сравни Малорус. пѣсни, изд. Максимовича, 1827 г., 42. — ²⁾ Эманъ, 55. — ³⁾ Кулишъ, II, 38—39; Москв. 1846, XI—XII, 149; Киев. Г. В. 1845, 13. — ⁴⁾ D. Myth., 1001, 1024, 1037—8; *Zarysy domowe*, III, 146; Этн. Об., V, стат. о лавубахъ, 96; *Slov. pohad.*, 498—500; Штиръ, № 3.

еть облака — сгребаетъ ихъ въ густыя, темныя массы: образы, взятые изъ быта земледѣльческаго народа. Въ числѣ различныхъ мнѣческихъ представленій молніи она, какъ мы знаемъ, уподоблялась карающей палкѣ, лозѣ или пруту; самая же туча, сверкающая молніями, рисовалась воображенію младенческихъ племенъ небесною печью, очагомъ, на которомъ высочайшій владыка огня и верховный жрецъ (богъ-громовникъ) возжигаетъ свое чистое пламя; вмѣстѣ съ этимъ громовая палица получила значеніе кухоннаго орудія: а) кочерги, которою мѣшается жаръ и разбиваются горячія головни, б) ухвата и лопаты, съ помощію которыхъ сажаются въ печь приготовленные яства. Въ областныхъ говорахъ кочерга называется ожогъ (ожигъ), а печная лопата — пѣкло ¹⁾. Вотъ почему о вѣдьмахъ, ночной полетъ которыхъ сопровождается блестящими огоньками — молніями, народныя преданія утверждаютъ, что онѣ, садясь на кочергу, ухватъ, лопату или вѣнникъ, вылетаютъ въ дымовую трубу, слѣдовательно тѣмъ же путемъ, какимъ являются огненные змѣи и нечистые духи, прилетающіе въ видѣ птицъ, т. е. грозовые демоны ²⁾. Мнѣческое представленіе разящихъ молній пучкомъ прутьевъ (guthenbündel) слилось воедино съ сейчасъ-указаннымъ представленіемъ вихря чародѣйнымъ помеломъ или вѣнникомъ; въ нѣмецкихъ сказаніяхъ вѣнникъ этотъ получилъ характеристическое названіе *donnerbesen*. По бѣлорусскому преданію, баба-яга погоняетъ воздушныя силы огненною метлою. У лужичанъ, въ ночь главнаго вѣдовскаго сборища (*Walpurgisnacht*), есть обычай бѣгать по полямъ съ зажженными вѣнниками, что называется: «*kuzłagnięje palić*» (жечь вѣдьмъ ³⁾). Ударяя метлами и вѣнниками по источникамъ (= дождевымъ тучамъ) и разсыпая по воздуху брызги воды, вѣдьмы производятъ дож-

¹⁾ Обл. Сл., 139, 154. — ²⁾ Сахаров., II, 6, 11. — ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 223.

ди, градъ и бурю; разбѣжая на вѣникахъ, во время шумныхъ грозъ, онѣ начисто выметають небо отъ потемняющихъ его тучъ ¹⁾. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, когда находятъ дождевая или градовая туча, поселяне, желая отвратить ее отъ своихъ зрѣющихъ нивъ, выбрасываютъ изъ хаты сковороду (звонъ сковороды, тазовъ и прочихъ металлическихъ сосудовъ — эмблема грома) и помело, лопату или кочергу ²⁾. Въ основѣ этого суевѣрнаго средства скрывается мысль, что молніеносная палица должна разбить тучу прежде, чѣмъ она разразится надъ нивою, а помело-вѣтръ прогнать ее (= смететь) въ другую сторону. Желая предаться воздушному полету, вѣдьмы, по нѣмецкому повѣрью, готовятъ волшебную мазь, которою и намазываютъ себѣ ноги и плечи — ноги, какъ орудія движенія, скораго бѣга, и плечи, какъ начало рукъ, замѣняющихъ собою крылья ³⁾. По русскому повѣрью, у вѣдьмы постоянно хранится вода, вскипяченная вмѣстѣ съ пепломъ купальскаго костра; когда она захочетъ летѣть, то обрызгиваетъ себя этою водою — и тотчасъ подымается на воздухъ и мчится, куда только вздумаетъ. Съ тою-же цѣлью вѣдьма старается добыть траву тв(е)рличъ, корень ея варитъ въ горшкѣ, и приготовленнымъ снадобьемъ мажетъ у себя подъ мышками и колѣнками, и затѣмъ съ быстротою молніи уносится въ трубу. Соку тв(е)рлича приписывается чудесное свойство дѣлать человѣка оборотнемъ и сообщать ему силу полета: по всему вѣроятію, здѣсь таится воспоминаніе о Перуновой травѣ — молніи; чародѣйное же снадобье (мазь) есть живая вода дожда, которую кипятятъ вѣдьмы въ облачныхъ котлахъ и сосудахъ, при помощи грозоваго пламени ⁴⁾. Уже въ Эддѣ *seidhr* (*sieden* — кипѣть,

¹⁾ D. Myth., 1026; Der heut. Volksglaube, 190. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1855, 21; Рус. Бес. 1856, III, 85; Вост. Евр. 1830, XV—XVI, 275; Ножис., 263, 282. — ³⁾ D. Myth., 1023. — ⁴⁾ Иллюстр., 1845, 415; Lud Ukrain., II, 86—87; Кулишъ, II, 38; Сахаров., I, 43; Иличъ, 291.

варить ¹⁾ переходить въ значеніе колдовства: *sedhmadhr* — колдунъ, *seidh kopa*, *seydh kopa* — вѣщая жена, умѣющая варить цѣлебныя лѣкарства. Согласно съ метафорическимъ названіемъ дождя опьяняющимъ напитокомъ (виномъ, медомъ, пивомъ), въ собирающихся парахъ и туманахъ древняго племени усматривали варку небеснаго пива, совершаемую грозowymi духами и нимфами. Когда передъ дождемъ парить, т. е. настанетъ душливый жаръ, въ Германіи выражаются: «*zwerge, wichte, unterirdische* (мифическіе карлы) *brauen*» или «*die bergmutter* (облачная жена) *kocht wasser*»; о Брокенѣ, куда обыкновенно слетаются вѣдьмы отправлять свои шумныя празднества, говорятъ: «*der Brocken braut*», какъ скоро подымающаяся мгла покроетъ его вершину туманною шапкою (*nebellkarre*). Вѣдьмы варятъ въ котлахъ ядовитыя травы и корни и распускаютъ по всему небесному своду клубящіяся пары; на др.-сѣверн. нарѣчій туманъ называется *kerlinga vella* = *hexengebäu*; старинные законодательные памятники указываютъ на бранное выраженіе: *hexenkesselträger* ²⁾). Русскія вѣдьмы и баба-яга носятся по воздуху въ желѣзной ступѣ (котлѣ-тучѣ), погоняя пестомъ или клюкою (громовой палицею) и заматая слѣдъ помеломъ, при чемъ земля стонетъ, вѣтры свищутъ, а нечистые духи издають дикіе вопли (I, 291 ³⁾); когда онѣ собираются на лысой горѣ, тамъ горятъ огни яркіе и кипятъ котлы кипучіе. Такимъ образомъ, кипятъ на грозовомъ пламени дождевую влагу и опрыскиваясь ею, вѣдьмы совершаютъ свои воздушные полеты и посылаютъ на поля и лѣса разрушительныя бури, съ градомъ, ливнями и вьюгою. Вѣдуны и вѣдьмы обладаютъ и другими баснословными дико-

¹⁾ „*Seydhr oder sandhr*—dichterisch ein name des siedenden, kochenden feuer.“ — ²⁾ D. Myth., 988, 998, 1043; Die Götterwelt, 92. — ³⁾ Морск. Сб. 1856, XIV, 64; *Zarys y domove*, III, 146.

вивками, служившими вѣкогда для поэтического обозначенія летучаго облака: по свидѣтельству сказокъ, они хранятъ у себя живую и мертвую воды, летаютъ на коврахъ-самолетахъ и обуваются въ сапоги-скороходы. Нѣмецкія саги утверждаютъ, будто бы чортъ окутываетъ вѣдму въ свой плащъ (= облачный покровъ) и носитъ ее по воздушнымъ пространствамъ, почему и дается ей прозвание *mantelfahgerin* ¹⁾. Сербская вѣщица, приготовляясь летѣть, мажетъ себѣ подъ мышки чародѣйною мазью и восклицаетъ: «нио три, ни о грм, већ на пометно гумно!» ²⁾ Эта предохранительная формула (не оградившись ею, можно налетѣть на терновый кустъ или дубовое дерево и ушибиться) соответствуетъ нашему эпическому выраженію: «выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго» и заклятіймъ, съ какими начинаютъ свой полетъ нѣмецкія вѣдмы: «auf und davon! hui oben hinaus und nirgend an!» «fahg hin, nicht zu hoch, nicht zu nieder!» Преслѣдуя сказочныхъ героев, вѣдма творитъ заклатіе: «vor mir tag, hinter mir nacht!» т. е. помрачая небо темною тучею, она освѣщаетъ передъ собою путь блестящими молніями ³⁾. По скандинавскому преданію, колдунъ беретъ козью шкуру (метафора облака), обвиваетъ ее около головы и произноситъ: «es werde nebel und werde zauber und allen wunder, dir hinter die suchen!» Объ индѣйскихъ колдуньяхъ извѣстно, что воздушному ихъ полету предшествовало произнесеніе заговора: Каларатри, сотворивъ волшебное закляніе, поднялась съ своими ученицами съ крыши коровника и полетѣла облачною дорогою (*auf dem wolkenpfad*). Одному человѣку посчастливилось подслушать ея вѣщія слова; онъ вздумалъ повторить ихъ и тотчасъ-же послѣдовалъ за чародѣйкою—точно также, какъ въ нѣмецкомъ, сербскомъ и русскомъ сказаніяхъ люди, которыми удавалось

¹⁾ D. Myth., 1024, 1035. — ²⁾ Срп. рјечник, 66. — ³⁾ Сравни въ сборн. Гальтриха, № 34.

подслушать заклятіе, произносимое вѣдомою при ея отлетѣ, и воспользоваться ея волшебнымъ снадобьемъ, летали велѣдъ за нею на мѣста вѣдовскихъ сборищъ ¹⁾). Какъ властелины вихрей, колдуны и вѣдьмы могутъ насылать на своихъ ненавистниковъ и соперниковъ порчи по вѣтру, подымать ихъ на воздухъ и кружить тамъ съ страшною, ничѣмъ-неудержимую быстротою. Такъ существуетъ разсказъ, что одинъ колдунъ, изъ ревности къ молодому парню, заставилъ его цѣлые мѣсяцы носиться въ стремительномъ вихрѣ. Невѣдомая сила подхватила его на воздухъ, закружила и понесла все выше и выше; томимый голодомъ и жаждою, летѣлъ онъ — самъ не вѣдая куда; отчаянныя жалобы его не достигали до людей, никто не видалъ его жгучихъ слезъ, несчастный изсохъ до костей и не чаялъ себѣ спасенія. Когда наконецъ буйный вихрь оставилъ его — парень спустился на землю; пытаясь отомстить своему ворогу, онъ отыскалъ хитрую колдунью и прибѣгнувъ къ ея помощи. Чародѣйка запалила въ печи зелье — и среди яснаго, безоблачнаго дня вдругъ завылъ вѣтеръ, схватилъ колдуна, и понесъ его высоко надъ землею; съ той поры кружился онъ по воздуху въ неистовой пляскѣ, а за нимъ носились стаи крикливыхъ воронъ и галокъ ²⁾). Когда вѣдьма пожелаетъ призвать кого-нибудь изъ дальней стороны, она варитъ корень терлича, и какъ только вода закипитъ — въ ту же минуту призываемый «зниметца и полетитъ якъ птахъ»; въ своемъ воздушномъ полетѣ онъ томится жаждою и непрерывно повторяетъ возгласъ: «пить, пить!» Чаще всего чародѣйки пользуются этимъ средствомъ для призыва своихъ возлюбленныхъ; заваривая зелье, онѣ приговариваютъ: «терличъ, терличъ! мого много прикличъ.» Чѣмъ сильнѣе закипаетъ снадобье, тѣмъ выше и быстрѣе онъ несется: «якъ дуже змля кипить (говорять малоруссы) — милій поверхъ дерева

¹⁾ D. Myth., 1037. — ²⁾ Пов. и пред., 76—80.

летить; а якъ не дуже — о половини дерева* и въ этомъ послѣднемъ случаѣ легко можетъ налетѣть на древесный стволъ и ушибиться до смерти ¹⁾). Въ одной пѣснѣ дѣвица жалуется, что ея милый далѣко, за крутою горою, и по совѣту матери рѣшается на чару:

Уранци (корень) копала,
 А въ обиди варила,
 Козаченьга манила:
 А ще „дрозмай“ не вкипнивь,
 А вже милій прилетивъ.
 „Ой, що-жъ тебе принесло —
 Чи човничокъ, чи весло?“
 — Ни човничокъ, ни весло,
 А дивоче ремесло! ²⁾

Тотъ, чьи волоса попадутся вѣдмѣ и она запалитъ ихъ на огнѣ, съ произнесеніемъ заклятія, также немедленно подымается на воздухъ и прилегаетъ на ея зовъ ³⁾).

Заправляя полетами тучъ и вихрей, вѣдуны и вѣдмы должны были стать въ самыя близкія отношенія къ ихъ множественнымъ воплощеніямъ въ образѣ различныхъ животныхъ. Если припомнимъ, что темныя тучи представлялись небесными волками, а молніи — огненными змѣями, то для насъ совершенно объяснится то старонѣмецкое преданіе, по свидѣтельству котораго вѣдмы вечеромъ и ночью ѣздятъ по воздуху на осѣдланыхъ волкахъ, взн уздывая и погоняя ихъ змѣями. По указанію Эдды, на волкѣ, взнузданномъ змѣею, ѣздила великанка. Шведская пѣсня упоминаетъ о повѣздахъ вѣдмъ на медвѣдѣ; народныя же повѣрья, донинѣ живущія въ устахъ поселянъ въ Германіи, утверждаютъ, что колдуны ѣздятъ на волкахъ, а колдуньи — на кошкахъ и козлахъ. Нерѣдко въ видѣ козла является къ услугамъ вѣдмы дьяволъ, на котора-

¹⁾ Кулишъ, II, 39, Номис., 5. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1861, 36; Нар. бѣлорус. пѣсни Е. П., 32. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 107—8.

го она тотчас-же садится — и пускается въ воздушное странствование. Всѣ эти звѣри — древнѣйшія олицетворенія грозовыхъ облаковъ. Самые боги и богини, царствующіе въ воздушныхъ сферахъ, разъѣзжали на тѣхъ-же звѣряхъ: такъ Фрея носилась во мракѣ ночи на блистающемъ щетиною борвѣ или въ колесницѣ, запряженной кошками, сестра ея Нундла — на волкѣ, а Торъ — на козлахъ ¹⁾). На Руси рассказываютъ о поѣздкахъ колдуновъ на волкахъ ²⁾). На старой лубочной картинѣ баба-яга изображена ѣдущею верхомъ на свиньѣ ³⁾); въ пѣсенный сборникъ Коляра ⁴⁾ занесено слѣдующее причтанье:

Černokůňjik let j
W ohniwem oblaku,
Sediaci na draku.
Beda tomu lesu,
Kde ho krijila nesu;
Beda tomu mestu,
Kadiel wezme cestu!

Въ сербской сказкѣ колдунья беретъ трехглавую змѣю, вмѣсто кнута, садится въ пѣвозку, хлоааетъ змѣей и отправляется въ дорогу: преданіе, напоминающее намъ волшебницу Медею, которая улетѣла на колесницѣ, запряженной драконами, и Деметру, которая снарядила въ путь Триптолема и дала ему подобную-же колесницу ⁵⁾). Колдунамъ и вѣдьмамъ приписывается умѣнье разводитъ (плодитъ) драконовъ и укоро-

¹⁾ D. Myth., 305, 997, 1006—9, 1024; Die Götterwelt, 277; Смирнокъ, 281. — ²⁾ Маякъ 1845, XXIII, смѣсь, 117. Въ актахъ XVII столѣтія встрѣчаемъ любопытное обвиненіе, введѣнное на одного попа, будто онъ ѣздилъ на медвѣдѣ (Опис. города Шуи, 314). — ³⁾ Изв. Им. археолог. общ., т. III. — ⁴⁾ Ngr. zpiewanku, I, 13. — ⁵⁾ Матер. для изучен. нар. слов., 35, 49; Мнѣмъ клас. древности, I, 205; Griech. Myth. Преллера, I, 604: Триптолемъ былъ посланъ Деметрою auf einem geflügelten Schlangewagen in alle Welt, um den in Eleusis gestifteten Segen unter allen Völkern und Menschen zu verbreiten.

щать ихъ бѣшеную ярость ¹⁾. Не менѣе важно для исторіи народныхъ вѣрованій свидѣтельство сербской пѣсни, въ которой разсказывается о дѣвицѣ-чародѣйкѣ:

Она оде у зелену башчу,
 Јелен-рогом шарца оседлала,
 Л(ь)утом га је змијом зауздала,
 Још га л(ь)ућом змијом ошибује, ²⁾
 Сама иде пред цареву војску:
 Једну војску буздованом бије,
 Другу војску бритком сабл(ь)ом сече,
 Трећу војску на воду натера ³⁾.

О вилахъ разсказываютъ, что онѣ ѣздятъ на оленяхъ, взнузданныхъ и погоняемыхъ змѣями (стр. 164). Выше было указано, что грозовыя облака издревле представлялись и конями, и оленями. Эда говоритъ о воздушныхъ поѣздахъ вѣдьмъ на быстроногихъ коняхъ; то же подтверждается и народными повѣрьями. Концъ эти являются передъ ними мгновенно, словно изъ земли выростая; самая дубинка, на которой летаетъ вѣдьма, нерѣдко превращается подъ нею въ волшебнаго коня. По русскому повѣрью, вѣдьмы во время купальскаго сборища пріѣзжаютъ на лысую гору не только на помелахъ, но и на бѣрзыхъ, неутомимыхъ скакунахъ; въ сказкахъ онѣ надѣляютъ героевъ чудесными, летучими конями ⁴⁾. Разѣзжая на волкахъ или коняхъ, взнузданныхъ и бичуемыхъ змѣями, вѣдьмы собственно летаютъ на бурно-несущихся облакахъ и погоняютъ ихъ молніями (о мненческомъ представленіи молніи бичемъ или плетью см. I, 282). Съ теченіемъ времени, когда память

¹⁾ Филл. Вѣст. 1846, X, 47; Пѣсни разн. нар. въ переводѣ Берга, 503-7. — ²⁾ Переводъ: Пошла она въ зеленый садъ, осѣдлала коня оленьимъ рогомъ, зауздала его лютымъ змѣемъ, еще лютѣйшимъ змѣемъ погоняетъ... — ³⁾ Срп. н. пјесме, I, 160. — ⁴⁾ D. Myth., 1006, 1038; Смирковъ, 93; Филл. Вѣст. 1845, V, 77; Nar. zriewanku, I, 13: была вѣщица, „mala koņa Tatosjka“, летала на немъ и въ Венгрію, и въ Польшу.

народная позабыла первичныя основы и дѣйствительный смыслъ зооморфизма, сказанія о небесныхъ животныхъ были перенесены на ихъ земныхъ близнецовъ. Вѣдъмамъ стали приписывать поѣздку на обыкновенныхъ волкахъ, лошадяхъ и кошкахъ, стали окружать ихъ стаи лѣсныхъ звѣрей и змѣями ползучими, осужденными пресмыкаться на землѣ, а не парить по поднебесью. У шведовъ есть повѣрье, что старыя бабы, живущія уединенно въ лѣсахъ, скрываютъ въ своихъ нѣбушкахъ волковъ, преслѣдуемыхъ охотниками; этихъ бабъ называютъ волчьими матерями — *vargamödrar* (*wolfmütter* ¹⁾). По мнѣнію русскаго простонародья, волчье сердце, когти черной кошки и змѣи составляютъ необходимую принадлежность чародѣйныхъ составовъ, приготовляемыхъ колдунами и вѣдъмами. Обычное въ народной поэзіи олицетвореніе облаковъ и вѣтровъ легкокрылыми птицами также не осталось безъ вліянія на суевѣрныя представленія о колдовствѣ. Впрочемъ преданія чаще говорятъ о превращеніи вѣдуновъ и вѣдъмъ въ различныхъ птицъ, чѣмъ о полетахъ на этихъ воздушныхъ странницахъ. Пѣтуху, какъ мы знаемъ, присвоилось въ язычествѣ особенно-важное значеніе; какъ представитель грозоваго пламени и жертвеннаго очага, онъ и донынѣ считается необходимымъ спутникомъ вѣщихъ мужей и женъ. Нѣмцы знаютъ о воздушныхъ поѣздахъ вѣдъмъ на черномъ пѣтухѣ; чехи рассказываютъ о колдунѣ, который ѣздилъ въ маленькой повозкѣ, запряженной пѣтухомъ; а русскіе поселяне убѣждены, что при вѣдъмѣ всегда находится черныи пѣтухъ и черная кошка ²⁾). Замѣтимъ, что въ старину осужденныхъ на смерть вѣдъмъ зарывали въ землю виѣстѣ съ пѣтухомъ, кошкою и змѣею.

¹⁾ D. Myth., 1014. — ²⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 439; Der Ursprung der Myth., 211; Пов. и пред., 74; Иллюстр. 1845, 415.

Колдуны обыкновенно представляются стариками съ длинными сѣдыми бородами и сверкающими взорами; о вѣдмахъ-же рассказываютъ, что это — или безобразныя старухи незапамятныхъ лѣтъ, или молодыя красавицы. Тоже думаютъ нѣмцы о своихъ Hexen ¹⁾. Такое мнѣнiе, съ одной стороны, согласуется съ дѣйствительнымъ бытомъ младенческихъ племенъ, ибо въ древности все высшее, священное «вѣдѣнiе» хранили старѣйшiе въ родахъ и семьяхъ; а съ другой стороны — совпадаетъ съ мнѣнческимъ представленiемъ стихiйныхъ силъ природы. Облака и тучи (какъ неразъ было указано) рисовались воображенiю нашихъ предковъ и въ мужскомъ олицетворенiи бородастыхъ демоновъ, и въ женскихъ образахъ—то юныхъ, прекрасныхъ и полногрудыхъ нимфъ, несущихъ землѣ дожди и плодородiе, то старухъ, вражескихъ бабъ, вѣющихъ стужею и опустошительными бурями. Въ ночную пору вѣдьмы распускаютъ по плечамъ свои косы, и раздѣвшись до-гола, накидываютъ на себя длинныя бѣлыя и неподпоясанныя сорочки (или саваны), затѣмъ садятся на метла, завариваютъ въ горшкахъ волшебное зелье и, вмѣстѣ съ клубящимися парами, улетаютъ въ дымовыя трубы творить порчи и злыя дѣла, или гулять на лысой горѣ ²⁾. По рассказамъ поселянъ, когда вѣдьма собираетъ росу, доитъ чужихъ коровъ или дѣлаетъ въ поляхъ заломы — она всегда бываетъ въ бѣлой сорочкѣ и съ распущенными волосами ³⁾. Своими развѣвающимися косами и бѣлыми сороч-

¹⁾ Сахаровъ, II, 62—63; Рус. Предан., II, 103—III; D. Myth., 992. „Старая вѣдьма“—одно изъ наиболее употребительныхъ въ нашемъ народѣ бранныхъ выраженiй. — ²⁾ Киев. Г. В. 1845, 13; Lud Ukrain., II, 80; Иличъ, 292; D. Myth., 1007. Болгары увѣряютъ, что вѣдьмы ходятъ ночью по рѣкамъ — раздѣтыя догола и созываютъ злыхъ духовъ для совѣщанiй съ ними—Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208. — ³⁾ Въ заговорѣ заклиняется баба-вѣдунья, дѣва простоволосая—Сахаровъ, I, 18.

камн (= поэтическія обозначенія облачныхъ прядей и покрововъ) вѣдьмы сближаются съ русалками, вилами и эльфами; наравнѣ съ этими мифическими существами, онѣ признаются за небесныхъ пряхъ, изготовляющихъ облачныя ткани. Въ числѣ различныхъ названій, даваемыхъ вѣмцами вѣдьмамъ, встречаемъ: *feldfrau*, *feldspinnerin*; въ южной Германіи рассказываютъ о вѣдьмахъ, что онѣ прядутъ туманы (стр. 354); народное выраженіе: «*die alten weiber schütteln ihren rock aus*», употребляемое въ смыслѣ: «снѣгъ идетъ» ¹⁾ вполне соответствуетъ вышеобъясненному выраженію о Гольдѣ, вытрясающей свою шерину (I, 500). По бѣлорусскому повѣрью, вѣдьма, обвиняясь съ ногъ до головы выпряденною изъ кудели ниткою, дѣлается невидимкою ²⁾, т. е. облакается въ туманную одежду (= надѣваетъ шапку-невидимку, *pebelkarpe*). И вѣдуны, и вѣдьмы любятъ превращаться въ клубокъ пряжи, и въ этомъ видѣ съ неуклонной быстротою катаются по дворамъ и дорогамъ. Иногда случается: вдругъ раздастся на конюшнѣ страшный топотъ, лошади начинаютъ бѣситься и рваться съ привязи, и все отъ того, что по стойламъ и яслямъ катается клубокъ-оборотень, который также внезапно появляется, [какъ и пропадаетъ ³⁾]. Въ славянскихъ сказкахъ вѣдьма или баба-яга даетъ странствующему герою клубокъ; кинутый наземь, клубокъ этотъ катится впереди странника и указываетъ ему дорогу въ далекое, невѣдомое царство ⁴⁾. Малоруссы обвиняютъ вѣдьмъ въ покражѣ тѣхъ снарядовъ, которыми трутъ лёнъ ⁵⁾. По рассказамъ чеховъ, вѣдьмы ѣздятъ по воздуху на

¹⁾ D. Myth., 1042. — ²⁾ Пантеонъ 1854, VI, ст. Шпилевскаго. — ³⁾ Москв. 1844 XII, 37. — ⁴⁾ Глинск., IV, 42: *k řebek-wsk azidgožek*; то же указаніе находимъ и въ нѣмецкой сказкѣ—сборн. Грим., I, стр. 285. — ⁵⁾ Наканунѣ Пасхи евреи ставятъ около хлѣбовъ серпы противъ летучихъ волшебницъ, которыя со-

прялкахъ (kuzly), а по рассказамъ словенцевъ на ткацкихъ «вратилахъ»¹⁾, или катушкахъ, на которыя навивается полотно и пряжа. Кроме того, народные преданія изображаютъ вѣдьмъ небесными прачками. Въ Баваріи уцѣлѣли саги, по свидѣтельству которыхъ вѣдьмы въ лунныя ночи бѣлятъ свои прекрасныя холсты, а послѣ дождей развѣшиваютъ на свѣтлыхъ облакахъ и просушиваютъ свое бѣлье. У французовъ существуетъ повѣрье, что въ глухую полночь возлѣ уединенныхъ источниковъ, подъ стѣною развѣснутыхъ нѣтъ, раздаются громкіе и частые удары вальковъ мюнхескихъ прачекъ; водяныя брызги подымаются до самыхъ облаковъ и производятъ дожди и бурныя грозы. Подобно тому, и нѣмецкія вѣдьмы во время своихъ праздничныхъ сборищъ ударяютъ скалками и трепалами²⁾, а русскія вѣщицы представляются въ томской губерніи моющими бѣлье. Эти черты приписываются вѣдьмамъ наравнѣ съ другими облачными женами. Такъ литовскія лауны, сходясь позднимъ вечеромъ въ четвергъ (день громовника), колотятъ вальками бѣлье и притомъ съ такою силою, что ихъ оглушительный стукъ доносится до самыхъ отдаленныхъ окрестностей. Галицкія и польскія лисунки (дивожены) занимаются стиркою бѣлья, и вмѣсто вальковъ употребляютъ свои большія, отвислыя груди (II, 343³⁾). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, когда послышится грохъ, крестьяне говорятъ: «unsere Herrgott mangelt»⁴⁾. По ихъ мнѣнію, въ ясный солнечный день, наступающій вслѣдъ за продолжительными дождями, Гольда просушиваетъ свои покрывала. Въ Лужицахъ же существуетъ повѣрье: когда wöbna бираютъ тогда шерсть (воолу) и уносятъ ее на высокую гору—Ввст. Евр. 1828, XIII, 9—10. — ¹⁾ D. Myth., 1038; Илльч, 289. — ²⁾ Трепало—орудіе, служащее для очистки льна отъ кострихи. — ³⁾ Въ Этн. Сб., III, 90, приведенъ рассказъ о вѣдьмѣ, которая убивала людей, ударяя своими грудями. — ⁴⁾ Mangeln—катать на каткѣ.

Жопа разстилаетъ по берегу вымытое бѣлье, то слѣдуетъ ожидать дождливой погоды и поднятія водъ въ рѣкахъ и источникахъ ¹⁾. Уподобляя облака — одеждамъ, сорочкамъ, тканямъ, фантазія древняго человѣка стала изображать грозу въ поэтической картинѣ стирки бѣлья: небесныя прачки — вѣдьмы бьютъ громовыми вальками и полощатъ въ дождевой водѣ свои облачные покровы. Эти и другія представленія стихійныхъ силъ природы, представленія, заимствованныя отъ работъ, издревле-присвоенныхъ женщинамъ (какъ-то: пряжа, тканье, мытье бѣлья, доеніе коровъ и приготовленіе яствъ), послужили основаніемъ, почему въ чародѣйствѣ по преимуществу обвиняли женъ и дѣвъ и почему вѣдьмы пользуются въ народныхъ преданіяхъ болѣе видною и болѣе значительною ролью, нежели колдуны и знахари. Несторъ выражаетъ общее, современное ему воззрѣніе на женщину въ слѣдующихъ словахъ: «паче же женами бѣсовская волхванья бывають; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа; тако въ си роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ и отравомъ и шѣми бѣсовскими козьми?»

Лысая гора, на которую, вмѣстѣ съ бабою-ягою и нечистыми духами, собираются вѣдуны и вѣдьмы, есть свѣтлое, безоблачное небо (I, 115-120). Сербскія вѣщицы прилетаютъ на «пометно гумно»: такъ какъ громовые раскаты уподоблялись нашимъ предкамъ стуку молотильныхъ цѣповъ, а вихри, несущіе облака, мѣтламъ, то вмѣстѣ съ этимъ небесный сводъ долженъ былъ представляться гумномъ или токомъ ²⁾. Выраженіе: «вѣдьмы летаютъ на лысую гору» первоначально относилось къ мифическимъ женамъ, нагоняющимъ на высокое небо темныя, грозовыя тучи. Позднѣе, когда значеніе этихъ метафоръ было затеряно, народъ связалъ вѣдовскіе полеты съ тѣми го-

¹⁾ Der heut. Volksglaube, 104; Совр. 1852, I, 78; Этн. Сб., VI, 148; Volkslieder der Wenden, II, 267. — ²⁾ Венгерскія вѣдьмы летаютъ на kopasz teto (лысая макушка, вершина горы).

рами, которыя высіялись въ населенныхъ имъ областяхъ. Такъ малоруссы говорятъ о сборищахъ вѣдьмъ на Лысой горѣ, лежащей на лѣвой сторонѣ Днѣпра, у Кіева ¹⁾, этого главнаго города древней Руси, гдѣ нѣкогда стояли кумиры и былъ центръ языческаго культа; отъ того и самой вѣдьмѣ придается эпитетъ кіевской ²⁾. Названіе «Лысая гора» встрѣчается и въ другихъ славянскихъ земляхъ, и Ходаковскій насчитываетъ до пятнадцати мѣстностей, обозначенныхъ этимъ именемъ ³⁾. У чеховъ и словенъ чародѣйки слетаются на бабы горы ⁴⁾, и часть Карпатовъ между Венгріей и Польшей называется поляками *Babia gora*. По литовскому повѣрью, колдуны и вѣдьмы наканунѣ Иванова дня собираются на вершинѣ горы Шатрין (въ шавельскомъ уѣздѣ); нѣмецкія *hexen* летаютъ на *Brocken* (*Blocksberg*) *Horselberg*, *Bechelberg*, *Schwarzwald* и другія горы ⁵⁾. Полеты вѣдьмъ на лысую гору обыкновенно совершаются въ темныя, бурно-грозовыя ночи, извѣстныя въ народѣ подъ именемъ „воробьиныхъ“ ⁶⁾; но главныя сборища ихъ на этой горѣ бывають три рѣза въ годъ: на Коляду, при встрѣчѣ весны и въ ночь Ивана Купалы. Въ эти праздники крестьяне съ особенною заботливостью стараются оберегать своихъ лошадей, чтобы вѣдьмы и нечистые духи не захватили и не измучили ихъ въ быстромъ поѣздѣ. Время вѣдовскихъ сборищъ, совпадая съ началомъ весны и съ двумя солнечными поворотами, наводитъ на мысль, что дѣятельность вѣдьмъ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ тѣхъ измѣненій, какія замѣчаются въ годичной жизни природы.

¹⁾ Пов. и пред., 180. — ²⁾ Сахаров., I, 26, 44. — ³⁾ Ист. Сб., VII, 237—8; Сахаров., II, 41; Рус. прост. празд., IV, 34; *Zagony domove*, III, 146; Этн. Сб., V, ст. о кашубахъ, 72; Вѣст. Евр. 1820, XXIII, 186. — ⁴⁾ Съ болѣеимъ вѣроятіемъ можно допустить, что названіе это знаменуетъ облачныя горы, а не сводъ небесный — см. выше, стр. 124. — ⁵⁾ D. Myth., 1003—5; Ганушъ, 178; Ковенск. Губерн., 575. — ⁶⁾ Иллюстр. 1845, 251.

Духи бурныхъ грозъ, замирающіе на зиму, пробуждаются вмѣстѣ съ рожденіемъ солнца, а въ половинѣ лѣта достигаютъ наибольшей полноты силъ и предаются самому неистовому разгулу; рожденіе же солнца старинные мѣны сочетали и съ зимнимъ его поворотомъ — на праздникъ Коляды, и съ благодатнымъ просвѣтлѣніемъ его весною. По указаніямъ, собраннымъ въ народномъ дневникѣ Сахарова, съ 26-го декабря начинаются бѣсовскія потѣхи, вѣдьмы со всего свѣта слетаются на лысую гору на шабашъ и сдружаются тамъ съ демонами; 1-го января вѣдьмы заводятъ съ нечистыми духами ночныя прогулки, а 3-го, возвращаясь съ гулянья, задаиваютъ коровъ; 18-го января онѣ теряютъ память отъ излишняго веселья на своемъ пиршествѣ ¹⁾. По знаменательному повѣрью русинновъ, на Благовѣщенье (25 марта — день, въ который Весна побораётъ Зиму) зарождаются вѣдьмы и упыри (= гонители и сосуны дождевыхъ тучъ ²⁾); На Юрьевъ день (23 апрѣля), посвященный громовнику — побѣдителю змѣи и пастырю небесныхъ стадъ, и въ «купальскую» ночь на 24 іюня (празднество Перуну, погашающему въ дождевыхъ потокахъ знойные лучи солнца — I, 208) вѣдуны и вѣдьмы собираются на лысую гору, творятъ буйныя, нечестивыя и грѣшныя и совѣщаются на пагубу людей и домашнихъ животныхъ ³⁾; въ эту же таинственную ночь они ищутъ и рвутъ на лысой горѣ волшебныя зелья, что, конечно, имѣетъ связь съ мѣломъ пламеннаго Перунова цвѣта, почка котораго зрѣетъ и распускается въ

¹⁾ Рус. Предан., II, 103—111; Рус. прост. праздн., III, 86; Сахаров., II, 3—4, 7, 70; Терещ., V, 75; Zagusy domove, III, 147. —

²⁾ Ганушъ, 103. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 87; Сахаров., II, 41; Терещ., V, 87; Рус. прост. праздн., I, 175; IV, 33—34. Масляницу свою вѣдьмы отправляютъ на лысой горѣ, что бываетъ или на первой недѣлѣ великаго поста, или наканунѣ Воскресенія Христова — Ж. М. В. Д. 1848, XXII.

ночь на Ивана Купалу ¹⁾. Если ухватиться за вѣдму въ ту минуту, когда она хочетъ летѣть на лысую гору, то можно совершить воздушное странствованіе: того, кто рѣшается на это, она уноситъ на мѣсто сборища. На Украинѣ ходитъ разсказъ о полетѣ одного солдата на вѣдовой шабашъ. Ночью, наканунѣ Иванова дня, удалось ему подсмотреть, какъ улетѣла въ трубу его хозяйка; солдатъ вздумалъ повторить то же, что дѣлала вѣдьма: онъ тотчасъ-же сѣлъ въ ступу, помазалъ себѣ подъ мышками волшебной мазью — и вдругъ, вѣсть со ступою, взвился въ дымовую трубу и съ шумомъ понесся по поднебесью. Летитъ солдатъ, самъ не вѣдая куда, и только покрикиваетъ на встрѣчныя звѣзды, чтобы сторонились съ дороги. Наконецъ опустился на лысую гору: тамъ и играютъ и пляшутъ вѣдьмы, черти и разныя чудища; со всѣхъ сторонъ раздаются ихъ дикіе клики и пѣсни! Испуганный невиданнымъ зрѣлищемъ, солдатъ сталъ поодаль — подъ тѣнистымъ деревомъ; въ ту же минуту явилась передъ нимъ его хозяйка: «ты зачѣмъ? молвила она; скорѣе назадъ, если тебѣ жизнь дорога! Какъ только завидать наши, сейчасъ тебя задумать! Вотъ тебѣ славный конь, садись и утекай!» Солдатъ вскочилъ на коня и вихремъ пустился домой. Приѣхалъ, привязалъ коня къ яслямъ и залѣгъ спать; на утро проснулся, пошелъ въ конюшню, глядитъ — а вѣсто коня привязано къ яслямъ большое полѣно ²⁾. Подобный-же разсказъ есть у сербовъ: «у Сријему се приповиједа да се онамо вјештице највише скупају више села Моловина на некакоме орачу. Приповиједа се, како је некакав човјек видјевши из постеле како му је из куће вјештица одлетјела, нашао њезин лонац с масти, пак се њоме намазао и рекавши као и она, прометнуо

¹⁾ Сахаров., I, 43; Рус. прост. праздн., I, 75; Иллюстр. 1845, 262; Описан. оловец. губ. Дашкова, 190. — ²⁾ Lud Ukrain., II, 87—88.

се и он у нешто и одметно за њом, и долетјевши на орах више Моловина нашао ондје много вјештица, гдје се часте за златнијем столом и пију из златнијех чаша. Кад их све сагледа и многе међу њима позна, онда се као од чуда прекрсти говорећи: анате вас мате било! У онај исти мах оне све прсну куд која, а он спадне под орах човјек као и прије што је био. Златна стола не стане као и вјештица, а њихове златне чаше претворе се све у папке којекакијех стрвина¹⁾. Точно также и нѣмецкія вѣдмы собираются не только на вершинахъ горъ, но и въ поляхъ подъ сѣнею дуба, липы или груши, а вѣдмы неаполитанскія подъ орѣховымъ деревомъ²⁾; на Руси указываютъ старыя дубы, подъ которыми сходятся вѣдмы на свои шумныя игрища (II, 296). Дубъ и орѣхъ были посвящены богу-громовнику и въ народной символики обозначаютъ дерево-гучу.

По свидѣтельству нѣмецкихъ сказаній, вѣдовскія сборища бывають на Рождественскія ноци, наканунѣ великаго поста (fastnacht), на Свѣтлой недѣлѣ, 1-го мая и на Иванову ноць. Русскому преданію о полетѣ вѣдмъ на лысую гору въ концѣ апрѣля (на вешній Юрьевъ день) соотвѣтствуетъ нѣмец-

¹⁾ Срп. рјечник, 67. Переводъ: Въ Срѣмъ рассказываютъ, что вѣдмы наиболѣе собираются на орѣховомъ деревѣ у села Моловина. Рассказываютъ, что какой-то човѣкъ, усмотря съ постели, какъ отлетѣла изъ хаты вѣдма, досталъ ея горшокъ съ мизью, намазался, и произнесъ такое-же заклятіе, какъ и вѣдма, оборотился во что-то и полетѣлъ вслѣдъ за нею. Онъ прилетѣлъ на орѣховое дерево, нашелъ тамъ много вѣдмъ, которыя пировали за золотымъ столомъ и пили изъ золотыхъ чашъ. Глядя на вѣдмъ, онъ узналъ между ними многихъ, перекрестился отъ изумленія и произнесъ: „анаема-бъ васъ побилал!“ Въ ту же минуту прыснули всѣ вѣдмы—кто куда! а онъ свалился съ дерева и сѣлся по прежнему човѣкомъ. Не стало ни золотого стола, ни вѣщницъ, а золотыя ихъ чашы превратились въ копыта стервъ (недохшихъ животныхъ). — ²⁾ D. Myth., 1003—5.

кое — о главномъ ихъ поѣздѣ, совершаемомъ ежегодно на первую майскую ночь (Walpurgisnacht). Въ этомъ поѣздѣ принимаютъ участіе и оборотни, и давно-умершія женщины — подобно тому, какъ въ полетѣ неистоваго воинства участвуютъ души усопшихъ. Каждая вѣдьма является на празднество вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ-чортомъ. Самъ владыка демонскихъ силъ — сатана, въ образѣ козла съ чернымъ человѣческимъ лицомъ, важно и торжественно возсѣдаетъ на высокомъ стулѣ или на большомъ каменномъ столѣ по срединѣ собранія. Всѣ присутствующіе на сходкѣ заявляютъ передъ нимъ свою покорность колѣнопреклоненіемъ и цѣлованіемъ. Сатана съ особенной благосклонностью обращается къ одной вѣдьмѣ, которая въ кругу чародѣекъ играетъ первенствующую роль и въ которой нетрудно узнать ихъ королеву (hexenkönigin). Слетаясь изъ разныхъ странъ и областей, нечистые духи и вѣдьмы докладываютъ, что сдѣлали они злаго, и стовариваются на новыя козны; когда сатана недоволенъ чьими продѣлками, онъ наказуетъ виновныхъ ударами. Затѣмъ, при свѣтѣ факеловъ, возженныхъ отъ пламени, которое горитъ между рогами большаго козла, приступаютъ къ пиршеству: съ жадностью пожираютъ лошадиное мясо и другія яства, безъ хлѣба и соли, а приготовленные напитки пьютъ изъ коровьихъ копытъ и лошадиныхъ череповъ. По окончаніи трапезы начинается бѣшеная пляска, подъ звуки необыкновенной музыки. Музыкантъ сидитъ на деревѣ; вмѣсто волынки или скрипки, онъ держитъ лошадиную голову, а дудкою или смычкомъ ему служить то простая палка, то кошачій хвостъ. Вѣдьмы, схватываясь съ бѣсами за руки, съ дикимъ весельемъ и безстыдными жестами прыгаютъ, вертятся и водятъ хороводы. На слѣдующее утро на мѣстахъ ихъ плясокъ бывають видны на травѣ круги, какъ-бы протоптанные коровьими и козь-

ими ногами. Любопытнаго, который пришел бы посмотреть на ихъ игрища, вѣдьмы схватываютъ и увлекаютъ въ вихрь своихъ плясокъ; но если онъ успѣетъ призвать имя божіе, то вся сволочь мгновенно исчезаетъ. Потомъ совершается сожженіе большаго козла, и пепелъ его раздѣляется между вѣдми собравшимися вѣдмами, которыя съ помощію этого пепла и причиняютъ людямъ различныя бѣдствія. Кроме козла, въ жертву демона приносится еще черный быкъ или черная корова. Гульбище заканчивается плотскімъ соитіемъ, въ которое вступаютъ вѣдьмы съ нечистыми духами, при совершенномъ погашеніи огня, и затѣмъ каждая изъ нихъ улетаетъ на своемъ помелѣ домой — тою-же дорогою, какою явилась на сборище. Вся эта обстановка, всѣ эти подробности суть мнѣмческіе образы, живописующіе весеннюю грозу. Полетъ вѣдмъ и демоновъ на лысую гору — это также несущаяся по воздуху дикая охота или нестовая рать, только представленная въ поэтической картинѣ праздничнаго поѣзда. Въ сатанѣ узнаемъ мы демоническій типъ бога-громовника, являющагося во мракѣ черныхъ тучъ и въ шумѣ опустошительныхъ бурь; по другимъ сказаніямъ: присутствуя на праздникѣ вѣдмъ, онъ не занимаетъ высокаго сѣдалища, а лежитъ подъ столомъ, прикованный на цѣпь, подобно хитрому Локи. Козель — животное, посвященное Тору и Вакху — зооморфическое представленіе дождевой тучи; сожженіе его указываетъ на грозное пламя. Горящіе факелы, освѣщающіе вѣдовское сборище — также метафора небесныхъ молвій. Соответственно уподобленію дождя опьяняющимъ напиткамъ, а облаковъ различнымъ животнымъ: лошадямъ, быкамъ, коровамъ, баранамъ и козламъ, въ грозѣ древнія племена видѣли пиршество, въ которомъ стихійные духи и жены варили, жарили и пожирали яства (жрать и горѣть — рѣченія тождественныя, см. II, 39) и опивались амритю (живою во-

дою, небеснымъ медомъ и виномъ), употребляя вмѣсто сосудовъ коровьи копыты и лошадиныя черепы. О пѣсняхъ, музыкѣ и пляскѣ грозовыхъ духовъ уже достаточно говорено выше. Колдуны и чародѣйки владѣютъ такими музыкальными инструментами, звуки которыхъ всѣхъ и каждаго увлекаютъ въ быструю пляску; отъ ихъ волшебныхъ пѣсней дрожатъ земля и небо и волнуются глубокія моря. На Блоксбергъ прилетаютъ вѣдьмы «den schnee wegzutanzen», т. е. кружась въ полетѣ стремительныхъ вихрей, онѣ сметаютъ и разбрасываютъ снѣгъ. Ночныя пѣсни и пляски нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ сближаютъ ихъ съ эльфами; на такое сближеніе указываютъ и другія тождественныя черты. Подобно эльфамъ, вѣдьмы даютъ сонныхъ людей, ѣздятъ на нихъ по горамъ и доламъ, похищаютъ дѣтей, боятся колокольнаго звона и также легко проникаютъ въ замочныя скважины и дверныя щели: это послѣднее свойство свидѣтельствуетъ за нихъ воздушную (безтѣлесную) природу. Любодѣйная связь демоновъ съ вѣдьмами объясняется изъ древняго воззрѣнія на грозу, какъ на брачное сочетаніе бога-громовника и грозовыхъ духовъ съ облачными дѣвами, которыхъ они насилуютъ молніеносными фаллюсами и заставляютъ проливать на землю оплодотворяющее сѣмя дождя. Крутящіеся вихри до сихъ поръ называются дьявольскою свадьбою: чортъ женится на вѣдьмѣ, и нечистая сила, празднуя ихъ бракъ, вертится въ неустойчивой пляскѣ и подымаетъ пылъ столбомъ. Такъ какъ сѣмя дождя признавалось за вдохновительный напитокъ, надѣляющій дарами мудрости и предвѣдѣнія; то съ его пролитіемъ, или что то же — съ лишеніемъ вѣщей нимфы ея дѣвственности, она теряетъ свою чародѣйную силу. Такъ валькирія Брунгильда, отдаваясь послѣ долгаго сопротивленія мужу, шепчетъ ему: «я побѣждена! дѣлай со мною, что тебѣ угодно; съ дѣвствомъ я потеряла все, и стала такою-же простою женщиной, какъ и всѣ другія». Въ

народныхъ преданійхъ и старинныхъ памятникахъ чортъ явля-
 ется къ избранной имъ любовницѣ въ видѣ статнаго, красива-
 го и сладострастнаго юноши, увлекаетъ ее съ собою на ноч-
 ное гульбище и вводитъ въ сообщество колдуней и нечистыхъ
 духовъ; тамъ она принимается въ вѣдьмы, при чемъ ее заста-
 вляютъ отречься отъ Бога, нарицаютъ ей новое имя и
 острымъ уколomъ налагаютъ на ея тѣло особенную мѣтку;
 сохранилось еще преданіе, будто новопринятой вѣдьмѣ чортъ
 втыкаетъ въ задъ горящую свѣчу ¹⁾). Древнѣйшее свидѣ-
 тельство о плотской связи вѣдьмы съ чортомъ встрѣчается
 въ памятникѣ 1275 года; но особенно обильны подобными ука-
 заніями акты вѣдовскихъ процессовъ XVI—XVIII столѣтій.
 По мнѣнію французовъ, демонъ не можетъ заключить догово-
 ра съ дѣвственницею. Отъ смѣшенія вѣдьмъ съ нечистыми
 рождаются существа эльфическія, называемыя *dinges, elbe,*
holden и принимающія различныя образы то мотылька, то
 червя или гусеницы, то оборотня (*larvengestalt*); вѣдьмы на-
 сылаютъ ихъ на людей и животныхъ, которые вслѣдъ затѣмъ
 чувствуютъ болѣзненное разстройство ²⁾). Смыслъ приведеннаго
 преданія — тотъ, что эльфъ — малютка-молнія рождается изъ
 вѣдръ тучи во время грозы, этого брачнаго торжества облачной
 жены съ демономъ. У сербовъ находимъ соответственное пред-
 ставленіе о смертоносномъ духѣ, излетающемъ изъ вѣщцы ба-
 бочкою; по нѣмецкому повѣрью, люди съ сросшимися бровями
 выпускаютъ изъ-подъ нихъ альфа-бабочку, а по русскому по-
 вѣрью — вѣй поражаетъ своимъ пламеннымъ взоромъ, какъ
 скоро подняты его длинныя вѣки, т. е. какъ скоро вылетаетъ
 зоркая молнія изъ-за темныхъ облачныхъ покрововъ (I, 170-2).

¹⁾ „Eine solche angehende hexe stellt der teufel auf den kopf
 und steckt ihr ein licht in der after.“ — ²⁾ D. Myth., 1003, 1009—
 1018, 1022—1030, 1039; Der heut. Volksglaube, 92—93.

Сверхъ того, в самый любовникъ вѣдмы, соединяющійся съ нею черезъ молнію, нерѣдко является въ видѣ эльфа или мотылька.

Таже обстановка дается вѣдовскимъ сборищамъ славянскими и литовскими преданіями. Слетаясь на лысую гору, вѣдмы предаются дикому разгулу и любовнымъ наслажденіямъ съ чертями, объѣдаются, опиваются, затягиваютъ пѣсни и пляшутъ подъ звуки нестройной музыки. За желѣзнымъ столомъ или на тронѣ возсѣдаетъ сатана; чехи увѣряютъ, что онъ присутствуетъ на этомъ празднествѣ въ образѣ чернаго кота, пѣтуха или дракона. Рассказываютъ также, что на лысой горѣ живетъ старшая изъ вѣдмъ, и къ ней-то въ извѣстную пору года обязаны являться все чародѣйки; по литовскому преданію, на горѣ Шатріѣ угощаетъ чародѣекъ ихъ главная повелительница ¹⁾. Пѣсни и пляски — обыкновенное и любимое занятіе вѣдмъ. Если въ лѣтнее время поселяне замѣтятъ на лугахъ ярко-зеленѣющіе или пожелтѣлые круги, то думаютъ, что или хозяинъ поля поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ, или старшая женщина въ его семьѣ покумилась съ вѣдмами; по мнѣнію народа, вѣдмы каждую ночь собираются на луга, водятъ хороводы и оставляютъ на травѣ слѣды своихъ ногъ ²⁾. «Покумиться съ вѣдмами», — тоже, что «поверстаться въ колдуны», т. е. сдѣлаться чародѣйкою, принять на себя это вѣщее званіе. Такое вступленіе въ колдуны и вѣдмы сопровождается круговыми плясками. Отправляясь на шабашъ и при самыхъ игрищахъ, вѣдмы поютъ волшебныя пѣсни, доступныя только имъ и ни-

¹⁾ Pohadky a pověsti narodu moravského, I, 569; Volklieder der Wenden, II, 265; Иличъ, 291; Громант, 199; Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 47; Кіевлянинъ 1865, 71; Морск. Сб. 1856, XIV, ст. Чужбин. 64; Иллюстр. 1846, № 27; Этн. Сб., I, 292 — ²⁾ Сахаров., I, 58.

кому болѣе ¹⁾. На лысой горѣ онѣ съ бѣшенымъ увлеченіемъ пляшутъ вокругъ кипящихъ котловъ и чортова требища, ²⁾ т. е. около жертвенника, на которомъ совершаются приношенія демонамъ. Народныя сказки знаютъ искусныхъ, неутомимыхъ танцовщицъ, которыя каждую ночь удаляются въ подземное (= облачное) царство и предаются неистовой пляскѣ съ духами, населяющими эту таинственную страну. Такъ какъ демоны грозovýchъ тучъ издревле олицетворялись драконами, то вѣдьмы заводятъ нецѣломудренныя гульбища и сочетаются плотьки не только съ чертями, но и съ мнѣческими змѣями. На Руси существуютъ повѣрья, что женщина, съ которою живетъ огненный змѣй, есть вѣдьма, что всякая волшебница нарождается отъ нечистой связи дьявола или змѣя съ бабою, и что самыя вѣдьмы летаютъ къ своимъ любовникамъ, обращаясь огненными змѣями ³⁾. Разсказывая о томъ, какъ богатырь Добрыня училъ чародѣйку Марину, полюбовицу Змѣя Горыныча, пѣсня останавливается на слѣдующихъ подробностяхъ:

Онѣ первое ученье—ей руку отсѣкъ,

Самъ приговариваетъ:

„Эта мнѣ рука ненадобна,

Трепала она Змѣя Горыныча!“

А второе ученье—ноги ей отсѣкъ:

„А и эта де нога мнѣ ненадобна,

Оплеталася со Змѣемъ Горынычемъ!“

А третье ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:

„А и эти де губы ненадобно мнѣ,

Цѣловали онѣ Змѣя Горыныча!“

Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:

¹⁾ Ibid., 46—47. Вѣдовскія пѣсни, напечатанныя Сахаровымъ, есть бессмысленная поддѣлка. — ²⁾ Рус. прост. прѣздн., III, 86. — ³⁾ Иллюстр. 1845, 203; 1846, 345; Рус. Прѣдан., II, 103; Киев. Г. В. 1845, 13; Повѣт. Вое., II, 576—8, 608—611.

«А и эта голова ненадобна мнѣ
И этотъ языкъ ненадобенъ,
Зналъ онъ дѣла еретическія!»¹⁾

Старинная повѣсть о бѣсноватой Соломоніи (XVII в.) основана на глубоко-укорененномъ народномъ вѣрованіи въ возможность любодѣйнаго смѣшенія женъ съ злыми духами: «въ девятый день по брацѣ, по захожденіи солнца, бывши сей въ клѣтцѣ съ мужемъ своимъ на одрѣ, восхотѣста почистити, и внезапно видѣ она Соломонія дежена, пришедша къ ней звѣрскимъ образомъ, мохната, и нущи когти, и ляже къ ней на одрѣ. Она же велики его убояся—иступи ума. Той же звѣрь оскверни ея блудомъ... и съ того-же дни окаяннии демонои начаша къ ней приходити, кромѣ великихъ праздниковъ, по пяти и по шти чѣловѣческимъ зракомъ, якоже и которіи прекрасніи юноши, и тако нападаху на нея и скверсняху ея и отхождаху, людемъ же ничто-же видившииъ сего». Нечистые увлекали ее въ воду, и отъ связи съ ними она родила нѣсколькихъ демоновъ²⁾. Подобные рассказы и донныѣ обращаются въ нашемъ простонародьи. Если послушать бывалыхъ людей, то чортъ нерѣдко принимаетъ на себя видъ умершаго или отсутствующаго мужа (любовника) и начинаетъ посѣщать тоскующую женщину; съ той поры она сохнетъ, худѣетъ, «словно свѣча на огнѣ таетъ» (ср. II, 579³⁾).

Подъ вліяніемъ этихъ индическихъ представленій, поставившихъ вѣдуновъ и вѣдьмъ въ самыя близкія и родствен-

¹⁾ Кирша Дан., 65—71. — ²⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 153—5. Чтобы Соломонія могла избавиться отъ водяныхъ духовъ, ей было сказано: „и ты у нихъ не ядь, не пей и ничего не отъщай, и они помучатъ да и отпустятъ“. «Тоже условіе возарата изъ подземнаго, адскаго царства встрѣчаемъ и въ сказаніяхъ грековъ и другихъ индоевропейскихъ народовъ. — ³⁾ Н. Р. Сл., V, стр. 45; VIII, стр. 449; Этн. Сб., VII, 143—4.

ныя отношенія съ демоническою силою, естественно, что на нихъ должны были смотрѣть съ робкою боязней и подозрѣвать ихъ во всегдшной склонности къ злобѣ и нечестивымъ дѣйствіямъ. Съ своей стороны христіанство окончательно утвердило эти враждебныя воззрѣнія на колдовство, чародѣевъ и чародѣекъ. По народному убѣжденію, всякой колдунъ и всякая вѣдьма заключаютъ съ дьяволомъ договоръ, продаютъ ему свои грѣшныя души и отрекаются отъ Бога и вѣчнаго блаженства; договоръ этотъ скрѣпляется роспискою, которую прибѣгающіе къ нечистому духу пишутъ своею собственною кровью (см. I, 394), и обязываетъ первыхъ творить чары только на зло людямъ, а послѣдняго помогать имъ во всѣхъ предпріятіяхъ ¹⁾. На Руси ходитъ много разсказовъ о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ отчаянные грѣшники продавали дьяволу свои души; названія еретикъ, еретица въ различныхъ мѣстностяхъ употребляются въ смыслѣ злаго колдуна, упыря и колдуньи; сравни: вѣрогъ — знахарь и врагъ — чортъ ²⁾. Все чудесное и страшное колдуны творятъ бѣсовскимъ содѣйствіемъ. Они — и властелины, и рабы демоновъ: властелины, потому что могутъ повелѣвать нечистою силою; рабы, потому что эта послѣдняя требуетъ отъ нихъ безпрестанной работы, и если колдунъ не пріищеть для нея никакого занятія, то она тотчасъ же замучиваетъ его самого. Во избѣжаніе такой опасности колдуны придумали заставлять чертей, чтобъ они вли изъ песку и воды веревки, т. е. по первоначальному смыслу преданія: чтобы они крутили вихрями столбы пыли и подымали водяные смерчи ³⁾. Умирая, колдунъ и вѣдьма испытываютъ страшныя мѣки; злые духи входятъ въ нихъ,

¹⁾ Иллюстр. 1845, 184; Сахаров., I, 52; О. З. 1840, II, смѣсь, 42; D. Myth., 1031. — ²⁾ Обл. Сл., 28, 54; Доп. обл. сл., 47. —

³⁾ Абев., 73; Укр. пѣсни Максимов., 91.

терзають нимъ внутренности и вытягиваютъ изъ горла языкъ на цѣлые полъаршина; душа колдуна и вѣдмы до тѣхъ поръ не покидаетъ тѣла, пока ихъ не перенесутъ черезъ огонь и пока они не передадутъ своего тайнаго знанія кому-нибудь другому ¹⁾). Вся природа тогда заявляетъ невольный трепеть: земля трясется, звѣри воютъ, отъ воронъ и вѣроновъ отбою нѣтъ; въ образѣ этихъ птицъ слетаются нечистые духи, тѣсняются на кровлю и трубу дома, схватываютъ душу умершаго колдуна или вѣдмы, и съ страшнымъ карканьемъ, шумно взмахивая крыльями, уносятъ ее на тотъ свѣтъ ²⁾). По свидѣтельству народныхъ сказаній и стиха о страшномъ судѣ, чародѣи и вѣдмы идутъ по смерти въ «дьявольскій сирадъ» и предаются на казнь сатанѣ и его слугамъ ³⁾). Напомнимъ, что, по древнѣйшимъ вѣрованіямъ, тѣни усопшихъ возносились въ загробный міръ въ полетѣ бурныхъ грозъ, преслѣдуемыя и караемыя адскими духами. Трясеніе земли и звѣриный вой — метафорическія означенія громовыхъ раскатовъ и завывающей бури; хищныя птицы — олицетворенія стремительныхъ вихрей.

Въ предыдущихъ главахъ объяснено нами, что старинныя религіозныя игрища и богослужебные обряды возникли изъ подражанія тѣмъ дѣйствіямъ, какія первобытныя племена созерцали на небѣ. Въ силу этого и вѣдовскія сборища (шабашы, сеймы) должны представлять черты, общія имъ съ древне-языческими празднествами, какъ по времени совершенія, такъ и по самой обстановкѣ тѣхъ и другихъ. И въ самомъ дѣлѣ полеты вѣдуновъ и вѣдмы на лысую гору совпадаютъ съ главнѣйшими праздниками встрѣчи весны, Коляды и Ку-

¹⁾ Могилев. Г. В. 1851, 19; тоже рассказываютъ и въ нижегородской губ. — ²⁾ Сахиров., II, 45—46; Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1853, V, ст. Шилевскаго, 16. — ³⁾ Чт. О. И. и Д., годъ 3, IX, 196; Lud Ukrain., II, 85; Н. Р. Сл., VIII, 16, b.

палы, на которые сходились иѣкогда роды и семьи устанавливать общественный распорядокъ и совершать общественныя жертвоприношенія, игры и пиршества. У германцевъ долгое время удерживались въ обычаѣ майскія народныя собранія и майскіе суды. Сходки бывали на мѣстахъ, изстари-признаваемыхъ священными: среди тѣпистыхъ лѣсовъ и на высокихъ горахъ. Кипучіе котлы и горшки, въ которыхъ вѣдьмы варятъ свои волшебные составы и опьяняющій напитокъ, закланіе, сожженіе и пожираніе ими небесныхъ животныхъ (козла, коровы, коня), въ которыхъ олицетворялись дождевыя облака, соотвѣтствуютъ жертвеннымъ и пиршественнымъ приготовленіямъ, дѣйствительно-совершавшимся во время народныхъ праздниковъ (см. II, 253—9). Вѣдьмамъ, по народному повѣрью, необходимы для чародѣйства ножъ, шкура и кровь (символы молніи, облака и дождя ¹⁾), слѣдовательно — все то, безъ чего немислимъ обрядъ жертвоприношенія; ножъ и шкура употребляются ими при оборотничествѣ, съ помощію ножа онѣ доятъ облачныхъ коровъ и допрашиваютъ вихри о будущемъ урожаѣ. Вѣдуны и вѣдьмы собираются на лысую гору для общей трапезы, веселья и любовныхъ наслажденій. Всѣ эти характеристическія черты были непремѣннымъ условіемъ языческихъ празднествъ, которыя обыкновенно сопровождались пѣснями, музыкой, плясками и шумными пирами. Такой разгулъ, при излишнемъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, и поклоненіе оплодотворяющей силѣ Ярила придали этимъ празднествамъ нецѣломудренный характеръ и превратили ихъ въ оргіи, «срамословіе и безстудіе». Лѣтописцы, проникнутые духомъ христіанскаго ученія, смотрѣли на нихъ, какъ на крайнее проявленіе разврата и нечестія (I, 444). Вѣдьмы являются на свои сборища съ

¹⁾ Иллюстр. 1845, 415.

распущенными косами, въ бѣлыхъ развѣвающихся сорочкахъ или звѣриныхъ шкурахъ (оборотнями), и даже совѣсть обнаженныя. Согласно съ этимъ, распущенныя косы, бѣлыя сорочки и звѣриныя шкуры признаны были необходимыми атрибутами для всѣхъ женъ и дѣвъ, принимающихъ участіе въ релігіозныхъ игрищахъ и обрядахъ. Такъ приобрядѣ опахиванія онѣ съ крикомъ и звономъ въ металлическія орудія несутся вокругъ деревни или совершенно-голыя, или въ однихъ сорочкахъ, съ распущенными косами (см. также I, 232, 241); въ дни Коляды и масляницы бѣгаютъ по улицамъ риженыя (окрутники); княжна Любуша явилась на сеймъ и съѣла на отчемъ столѣ творить судъ по закону вѣкожизненныхъ боговъ — въ бѣлой одеждѣ; скопцы, во время своихъ молитвенныхъ сходокъ, одѣваются въ длинныя бѣлыя рубахи и вертятся въ круговой пляскѣ, а старообрядцы, приступая къ молитвѣ, снимаютъ поясъ ¹⁾. У иѣмцевъ, чеховъ и русскихъ встрѣча съ старой бабой или съ женщиной безъ головной повязки, съ распущенными волосами (*mit fliegenden haaren*), считается недоброю примѣтою, что объясняется смутною боязней быть изуроченнымъ при встрѣчѣ съ вѣдьмою. Отъ вѣщихъ женъ и нуждѣ языческой старины примѣта эта позднѣе была перенесена на представителей христіанскаго богослуженія. Со временъ Нестора и до нашихъ дней встрѣча съ попомъ, монахомъ и монахиною признавалась и признается несчастливою: она предвѣщаетъ неожиданную бѣду, потерю, неуспѣхъ въ начинаніяхъ; поэтому простолюдины, повстрѣчавъ священника или монаха, спѣшатъ воротиться домой, или трижды плюютъ на-

¹⁾ Исслѣд. о скопч. ереси Надеждина, 229; Полн. истор. вост. стіе о старообрядцахъ, изд. 3-е, 139; Поэт. Вост., I, 337—8.

земь ¹⁾). Въ поучительномъ словѣ XVI или XVII столѣтія выказанъ слѣдующій упрекъ: «Духъ Святый дѣйствуетъ во священникѣхъ и въ дьяконѣхъ и во мншескомъ чину... мы же тѣхъ всѣхъ чиновъ на встрѣчѣ гнушаемся и отвращаемся отъ нихъ, и укоряемъ ихъ на первой встрѣчѣ и поносимъ ихъ въ то время на пути многими поношеніемъ». Въ Швеціи, какъ скоро лицо, принадлежащее къ духовенству, выходитъ со двора, окрестные жители ожидаютъ ненастной погоды ²⁾).

Одно изъ любопытнѣйшихъ преданій старины представляютъ народные рассказы о доеніи вѣдьмами коровъ. На Рождественскіе Святки, по мнѣнію нашихъ крестьянъ, не должно выпускать изъ хлѣвовъ домашняго скота, чтобы предохранить его отъ колдуновъ, вѣдьмъ и нечистой силы. 3-го января голодная вѣдьма, возвращаясь съ гульбища, задеваютъ коровъ, для охраны которыхъ поселяне привязываютъ къ воротамъ свѣчу; наканунѣ Крещенія съ тою-же цѣлю они пишутъ мѣломъ кресты на скотныхъ избахъ. Въ день св. Власія (11 февраля) кропятъ хлѣва, лошадей, рогатый скотъ и овецъ крещенскою водою; въ это время, по словамъ малоруссовъ, вовкулаки, обратившись въ собакъ и черныхъ кошекъ, сосутъ молоко у коровъ, кобылъ и овецъ, душатъ лошадей и наводятъ

¹⁾ Въ новгородской и др. губ. думаютъ, что случайный приходъ монаха или монахини въ домъ, гдѣ празднуется свадьба, сулитъ новобрачнымъ несчаствіе. Примѣта эта, надо полагать, создалась вслѣдствіе иноческаго отреченія отъ брака; наоборотъ встрѣча съ публичною женщиной принимается шведами за счастливый знакъ. — ²⁾ Ворон. Г. В. 1851, 11; Абева., 79; Пузын., 8; Совр. 1852, I, снѣзь, 122; Громанъ, 220; Лѣт. рус. лит., т. V, 97; Повѣт. Вос., I, 30; D. Myth., 1077—9. Въ числѣ темныхъ лицъ, способныхъ изурочивать (портить), въ нашихъ заговорахъ упоминаются пощъ и попадьѣ, чернецъ и черница, схимникъ и схимница — Рыбник., IV. стр. XXX.

на рогатый скотъ падѣжъ ¹⁾). На вешній Юрьевъ день колдуны и вѣдьмы превращаются въ телятъ, собакъ или кошекъ и высасываютъ у коровъ молоко; крестьяне втыкаютъ тогда въ коровьихъ стойлахъ освещенную вербу и страстные свѣчи — въ томъ убѣжденіи, что этимъ прогоняются вѣдьмы, оборотни и нечистые духи, прилетающіе портить скотину; сверхъ того, они кропятъ св. водою и окуриваютъ ладеномъ всѣ хлѣва и загоны. На Зеленые Святки или Троицу коровы также небезопасны отъ нападенія вѣдьмъ. Въ день Агрипины-купальницы крестьяне собираютъ крапиву, шиповникъ и другія колючія растенія въ кучу, которая служитъ замѣною горящаго костра; черезъ эту кучу скачутъ сами и переводятъ рогатый скотъ, чтобы воспрепятствовать вѣдьмамъ, лѣшымъ, русалкамъ и нечистымъ духамъ донтъ у коровъ молоко, которое послѣ такого доенья совсѣмъ высыхаетъ (пропадаетъ) въ ихъ сосцахъ. На ночь разводятъ огни, для предохраненія стадъ отъ порчи; потому что въ купальскую ночь вѣдьмы и вовкулаки бываютъ особенно-страшны для коровъ: прокрадываясь въ скотные загоны, они высасываютъ у коровъ молоко и портятъ телятъ. Осторожные хозяева втыкаютъ по угламъ хлѣвовъ вѣтви ласточьяго зелья, на дверяхъ вѣшаютъ убитую сороку или прибиваютъ накрестъ кусочки срѣтенской свѣчи; тутъ-же при входѣ кладутъ вырванную съ корнемъ осину ²⁾, а по стойламъ — папоротникъ и жгучую крапиву. Телятъ на Иванову ночь не отдѣляютъ отъ дойныхъ коровъ, а лошадей запираютъ на замѣкъ. 30-го іюля вѣдьмы задаиваютъ коровъ до смерти, и опившись молокомъ, сами обмираютъ отъ чрезмѣрнаго пресыщенія ³⁾. Изъ приведенныхъ

¹⁾ Терещ., VI, 38; VII, 39; Сахаров., II, 4. — ²⁾ Иногда ставятъ осинный пруть надъ воротами. — ³⁾ Терещ., V, 73—

повѣрїи видно, что доеніе вѣдьмами коровъ совпадаетъ по времени съ вѣдовскими полетами на лысую гору. Мы уже объяснили, что дождевыя облака, по древне-арійскому воззрѣнію, представлялись небесными коровами, кобылицами и овцами, а дождь и роса метафорически назывались молокомъ; молнія, разбивая тучи, проливаетъ изъ нихъ живительную влагу дожда, или выражаясь языкомъ священныхъ гимновъ Ригъ-Веды: Индра доить (облачныхъ) коровъ молніями и молоко ихъ испосылаетъ на землю плодоноснымъ дождемъ. Огненный змѣй, въ качествѣ грозоваго демона, высасывающаго дождевыя облака и чрезъ то производящаго засуху и неурожай, получилъ у славянъ знаменательное названіе смока (= сосуна), и по свидѣтельству народныхъ сказаній, любитъ упиваться молокомъ (II, 556—562). Въ кievской губ. утверждаютъ что вѣдьмы катаются огненными шарами ¹⁾, а въ витебской — что онѣ обращаются въ огненныхъ змѣевъ и въ этомъ видѣ высасываютъ у коровъ молоко ²⁾. Не менѣе важнымъ представляется для изслѣдователя и то повѣрье, что вовкулаки и вѣдьмы сосутъ молоко, обращаясь въ собакъ и кошекъ, такъ какъ въ образѣ гончихъ псовъ олицетворялись буйные вихри, а въ образѣ кошекъ — сверкающія молніями тучи; окутываясь въ облачные покровы, вѣдуны и вѣдьмы принимали на себя зѣрныя подобія и дѣлались оборотнями (вовкулаками), о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Принимая во вниманіе эти данныя и зная, что вѣдьмы и до сихъ поръ обвиняются въ похищеніи дождей и росы, нельзя сомнѣваться въ ииенческомъ значеніи преданія о доеніи вѣдьмами коровъ, — преданія, которое, при забвеніи старинныхъ метафоръ, необходимо должно было перейти на

75, 87; VI, 28—30; Молодикъ 1844, 94; Сахаров., II, 41, 45; Zargus domove, III, 154. — ¹⁾ Киев. Г. В. 1845, 13. — ²⁾ Сличь въ D. Myth., 1045—о змѣя, сосущей коровъ (snackr).

обыкновенныхъ дойныхъ животныхъ. Въ устахъ народа хранится много отрывочныхъ воспоминаній, наглядно-указывающихъ на коренное значеніе этого преданія. Ночью, когда заснутъ люди, вѣдьмы (какъ увѣряютъ въ кievской губ.) выходятъ на дворъ, въ длинныхъ сорочкахъ, съ распущенными волосами, и очертивъ рукою звѣздное небо, затмѣваютъ мѣсяцъ тучами (скрадываютъ его), и потомъ, при наступающей грозѣ, бросаются доить самыхъ тучныхъ коровъ, и доить ихъ такъ усердно, что изъ сосцевъ, вмѣстѣ съ молокомъ, начинаетъ капать кровь (другая метафора `дожда`¹⁾); въ нѣкоторыхъ деревняхъ рассказываютъ, что вѣдьмы загоняютъ луну въ хлѣвъ (= въ облака или туманы, какъ строенія, возводимыя для небесныхъ стадъ — см. II, 436) и доить коровъ при ея свѣтѣ. По любопытному болгарскому повѣрью, магесницы (колдуны) могутъ снимать луну съ неба, отчего и происходитъ ея затмѣніе; луна обращается тогда въ корову (т. е. обвертывается, облачается коровьей шкурою — облакомъ), а магесницы доятъ ее и приготавливаютъ изъ добытаго молока масло для врачеванія неисцѣлимыхъ ранъ (I, 666). На востокѣ вѣрили, будто во время затмѣнія луна проливаетъ амриту, которую боги собираютъ въ свои сосуды. Какъ яркo-блистающее солнце уподоблялось нашимъ предками свѣтильнику, наполненному горящимъ масломъ, такъ «блѣдная, холодная» луна представлялась чашею молока (II, 287-8²⁾); согласно съ этимъ, затмѣніе луны должно было разсматриваться, какъ утрата ею молока-свѣта, скрадываемого нечис-

¹⁾ Ж. М. В. Д. 1848, ч. XXII, 132 (изъ Киев. Г. В.); Учен. Зап., 2-го отд. Ак. Н., VII, в. 2, 30. — ²⁾ Шварцъ (Sonne, Mond u. Sterne, 9) указываетъ еще, что древнія пастушескія племена видѣли въ полной лунѣ изготовленный кругъ сыра; еще теперь есть мѣстности, гдѣ мѣсяцъ называютъ kälslaub; то же названіе встрѣчаемъ и въ сербской сказкѣ — Срп. и. припов., 50.

тою силою мрака. Но уже въ глубочайшей древности затмѣніе солнца и луны и сокрытіе ихъ свѣтлыхъ ликовъ темными тучами признавались за явленія тождественныя и равно приписывались злобному нападенію демоновъ; поэтому въ приведенномъ нами болгарскомъ повѣрьи хотя и говорится о затмѣніи луны, но рѣчь собственно идетъ о потемняющемъ ее облакѣ, изъ котораго вѣдьмы доятъ молоко-дождь. Въ Галліціи уцѣлѣла поговорка: «сонце свитить, дощикъ кращить, чаровница масло робить»; у поляковъ: «deszczyk pada, słońce świeci, czałownica masło kleci» ¹⁾; у сербовъ: «сунце грије, киша (дождь) иде, вјештице (или: ѣаволи) се легу» ²⁾, т. е. падаютъ поражаемыя громомъ. Приготовление вѣдьмами чародѣйнаго масла объясняется изъ древнѣйшаго уподобленія грозы взбиванію масла. Богъ-громовникъ сверлитъ тучи своею молніеюсною палицею; вращая ее въ облачной кадкѣ или бочкѣ, наполненной млекомъ дождя, онъ творитъ тоже на небѣ, что дѣлали на землѣ люди, взбалтывая молоко мутовкою: именно этимъ способомъ приготавливалось въ старину масло. Еще нынѣ въ Швеціи *donnerkeile* называется *smörgdubbar* (*buttersch'äger*), и для того, чтобы коровы давали обильное молоко, къ ихъ сосцамъ прикладываютъ «громовую стрѣлку». Поселяне думаютъ, что чародѣйки, мѣшая палкою веду въ источникъ — подобно тому, какъ взбивается молоко въ маслобитнѣ (*butterfass*), тѣмъ самымъ похищаютъ у сосѣдей коровье молоко и масло. Разъ одна дѣвочка взяла шесть и начала имъ взбалтывать въ колодецѣ; на вопросъ: что она дѣлаетъ? дѣвочка отвѣчала: «такъ взбалтываетъ моя мать, когда хочетъ, чтобы настало ненастье» ³⁾. Первоначально повѣрья эти относились къ дождевымъ источни-

¹⁾ Номис., 4; Уч. Зап. 2-й отд. Ак. Н., VII, в. 2, 32. — ²⁾ Срп. послов. 296. — ³⁾ Die Götterwelt, 195, 208; Beiträge zur D. Myth., I, 67; II, 365.

камъ: возмущая ихъ воды, вѣдмы производятъ непогоду и проливаютъ (— выдаютъ) небесное молоко. Масло, изготовляемое вѣдмами, можетъ заживлять раны, слѣдовательно ему присвоивается таже цѣлебная сила, что и весеннему дождю. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, колдуны и вѣлмы хранятъ у себя живую и мертвую воду. Въ южной Россіи вѣдмамъ приписываютъ приготовленіе сыру (творогу): надоенное и налитое въ кувшины молоко онѣ ставятъ въ глубоко вырытыхъ ямахъ и погребкахъ (тамъ-же, гдѣ прячуть чаровницы похищенные ими дожди и рѣсы), а потомъ дѣлаютъ изъ него волшебную мазь или сыръ къ своей масляницѣ, т. е. къ началу весны. Кто пожелаетъ свѣдать: какія изъ деревенскихъ бабъ занимаются чародѣйствомъ, тотъ долженъ въ послѣдній день масляницы взять кусочекъ сыру, завязать его въ узелокъ и носить при себѣ во все время великаго поста; въ ночь передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ къ нему явятся вѣдмы и станутъ просить сыра ¹⁾. Съ приходомъ весны пробужденный отъ зимняго сна богъ-громовникъ выгоняетъ на небо облачныя стада, несущія въ своихъ сосцахъ благодатное молоко дождя, — подобно тому, какъ въ ту же пору выгоняютъ поселяне коровъ и овецъ на покрышіяся зеленью пастбища. Сближая свои земныя заботы съ творческимъ подвигомъ громовника, пастушескій народъ въ первомъ весеннемъ выгонѣ деревенскихъ стадъ призналъ религіозное дѣло, обставилъ его тѣми-же обрядами, какіе (по его мнѣнію) соблюдались тогда на небѣ, и самый день совершенія этихъ обрядовъ сталъ праздновать, какъ посвященный верховному владыкѣ грозъ. Въ Германіи первый выгонъ скота въ поле бываетъ въ маѣ-мѣсяцѣ раннимъ утромъ, когда еще не обсохла на травѣ роса; передовой коровѣ привязываютъ къ хвосту

¹⁾ Черниг. Г. В. 1842, 37; Ж. М. В. Д. 1848, т. ХХІІ.

кусть или вѣтку, называемую *dausleipe* = *thauschlepre*: эта вѣтка — эмблема громовой метлы (*donnerbesen*), которая, ударяя по коровѣ-тучѣ, сотрясаетъ на землю росу и дождь. Привязанная къ хвосту коровы, майская вѣтка волочится по травѣ и сбиваетъ съ нея утреннюю росу, вслѣдствіе чего, по народному убѣжденію, все стадо надѣляется хорошимъ и обильнымъ молокомъ ¹⁾. На Руси стада выгоняются впервые на Юрьеву росу, т. е. на разсвѣтъ 23-го апрѣля, въ день, когда празднуютъ Егорію Храброму, на котораго перенесены древнія представленія о Перунѣ (I, 699 — 711); при этомъ коровъ ударяютъ освященною вербою, что символически знаменуетъ удары громоваго бича или прута, низводящаго на поля и нивы молоко-дождь ²⁾. Отъ Вербнаго воскресенья и до Юрьева дня, а нерѣдко и въ продолженіе цѣлаго года, во всякой избѣ сберегается освященная верба; увѣряютъ, что если въ великую субботу зажечь ее въ печи, то непременно явится вѣдьма и станетъ просить огня, который, какъ символъ грозоваго пламени, необходимъ ей для доенія коровъ ³⁾. Чехи выгоняютъ коровъ метлою или вербою на разсвѣтъ 1-го мая (на *křavské hody*); а на второй и третій дни Свѣтлой недѣли у нихъ въ обычаѣ ходить по домамъ съ помлазкою и ударять хозяевъ, чтобы велась у нихъ скотина. Слово *romlázka* (сравни серб. *млз* — струя молока, какую можно выдоть за одинъ разъ; отъ корня *млз* = санскр. *ma rdj* — донть) означаетъ орудіе, дѣлающее коровъ молочными; такъ называютъ вѣтку вербы, или хлысть, спле-

¹⁾ D. Myth., 746—7; Der heut. Volksglaube, 123. — ²⁾ Терещ., VI, 28—29. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 86. Точно также если на чистый четвергъ, во время такъ называемаго „стоянья“, за каждаго церковнымъ звономъ бросать въ печь по одному полѣну, и потомъ на Великій день запалить эти двѣнадцать полѣньевъ, то вѣдьмы прійдутъ за огнемъ. Четвергъ—день громовника, звонъ—метеора производимаго имъ грохота.

тенный изъ нѣсколькихъ лозъ (вербовыхъ, ивовыхъ, виноградныхъ), иногда даже изъ ремней, и украшенный пестрыми лентами. Обрядовый припѣвъ выражается опомлазкѣ: «*proutek se otobi, korbel piva* (= небеснаго напитка) *patobil*» (сравни II, 403). У сербовъ-хорватовъ на Юрьевъ день многія расчетливыя хозяйки стараются ударить метлою по вымени сначала сосѣдскихъ, а потомъ своихъ коровъ, и надѣются, что вслѣдствіе этого молоко отъ первыхъ перейдетъ къ послѣднимъ. Въ Германіи и Швеціи, когда наступаетъ пора, въ которую коровы доятся трижды въ день, ихъ ударяютъ вѣткою рябины или другаго посвященнаго громовнику растенія. Этотъ обрядъ въ Вестфалии обозначается словомъ *quicken*, т. е. дѣлать коровъ сильными, бодрыми, давать имъ новую жизнь ¹⁾. У чеховъ соблюдаются и другіе знаменательные обряды. Наканунъ 1-го мая они украшаютъ одну изъ своихъ коровъ зелеными вѣтками, покрываютъ ее чистою пеленою и выводятъ въ поле на перекрестокъ; тамъ, сотворивъ обычное моленіе, снимаютъ съ нея покрывало, разстилаютъ его по травѣ и хлѣбнымъ всходамъ, смоченнымъ небесною росою, и когда оно сдѣлается мокрымъ — снова возлагаютъ его на корову. По возвращеніи домой, вѣшаютъ это покрывало въ избѣ и выжимаютъ изъ него росу въ нарочно-поставленный сосудъ, наблюдая при томъ, чтобы означенная ткань представляла подобіе коровьяго вымени съ четырьмя сосцами. Добытая такимъ образомъ роса примѣшивается къ коровьему поилу, отчего, по мнѣнію крестьянъ, коровы въ продолженіи цѣлаго года пользуются вождѣленнымъ здоровьемъ и даютъ много молока. Тою-же росою умываются дѣвцы, чтобы стать здоровыми и красивыми — тѣ, что называется: кровь съ молокомъ! Рано поутру, передъ солнечнымъ

¹⁾ Археолог. Вѣст. 1867, IV, 152; Илльчъ, 127.

восходомъ, чехи отправляются на поля, стряхаютъ съ хлѣбныхъ колосьевъ росу въ подойники, и потомъ эту собранную росую омываютъ у коровъ сосцы и вымя; нѣкоторые косятъ съ сосѣднихъ полей росистую траву и кормятъ ею свою скотину, съ полнымъ убѣжденіемъ, что у сосѣдей коровы будутъ давать дурное молоко, а у нихъ — хорошее. Подобными-же средствами пользуются и вѣдьмы — для того, чтобы отымать у чужихъ коровъ молоко: по чешскому повѣрью, «čarodějne baby chodí před slunce vychodem do trávy v pasěkách stírat rosu do loktuši ¹⁾, а tím nabudou moci že mohou z nich vydojiti mleko tech krav, jež na onych pasěkách se pasly». Вѣшая на колъ свои передники, онѣ доятъ изъ нихъ молоко ²⁾. На Руси рассказываютъ, что въ ночь передъ Юрьевымъ днемъ и на утренней его зорѣ вѣдьмы выходятъ въ поле, разстилаютъ по травѣ холстъ и даютъ ему намокнуть росую; этихъ холстомъ онѣ покрываютъ коровъ и дѣлаютъ изъ тощими и недоеными ³⁾: виѣсть съ тѣмъ, какъ высыхаетъ роса, собранная на холстъ, высыхаетъ — утрачивается и молоко у коровы. Пелена или холстъ — эмблема облачной ткани: когда чаровница упуститъ нечаянно звѣзду, то не иначе можетъ поймать ее, какъ плахтою, черезъ которую процѣживалось молоко (черниг. губ.), т. е. она ловитъ звѣзды, закрывая ихъ дождевою тучею. На разсвѣтѣ Иванова дня вѣдьмы бродятъ по полямъ, засѣяннѣмъ рожью, и выбираютъ изъ росы содержащееся въ ней молоко ⁴⁾. Малороссіане коровье молоко и масло называютъ божьей росую (I, 667). Въ кievской губ. существуетъ повѣрье, что вѣдьма шлетъ крив-

¹⁾ Рядно, плахта. — ²⁾ Громанинъ, 131—2; Ганушъ, 143; Nag. zpráwanku, I, 429; Иличъ, 291; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 290 — ³⁾ Сахаров., II, 24; Маякъ, XI, 16; Терещ., VI, 30. — ⁴⁾ Киевлян. 1865, 71.

скою россою цѣдилку (ситичко для процѣживанія молока), и, потомъ когда станетъ ее выдавливать, то вмѣсто росы потечетъ молоко, а сосѣдскія коровы останутся съ пустыми сосцами ¹⁾; въ Литвѣ, наканунѣ Иванова дня, хозяйки варятъ цѣдилку въ святой водѣ, взятой изъ трехъ костѣловъ, и это (по ихъ словамъ) заставляеть чародѣекъ возвращать коровамъ выдоенное молоко: подобно тому, какъ изъ цѣдилки льется роса или св. вода, такъ изъ коровьяго вымени должно политься молоко ²⁾). Вѣдьма можетъ выдавливать чужихъ коровъ на далекомъ отъ нихъ разстоянїи, употребляя для того и другіе чародѣйные способы: стѣбитъ только ей воткнуть ножъ въ соху, столбъ или дерево — и молоко тотчасъ-же потечетъ по острю ножа, между тѣмъ какъ въ ближайшемъ стадѣ начинаетъ ревѣть корова и остается съ пустымъ вымемъ ³⁾). Наканунѣ Юрьева дня, на Зеленые Святки и на Ивана Купалу вѣдьмы ходятъ по ночамъ голыя, отворяютъ въ крестьянскихъ дворахъ ворота и двери и срѣзываютъ съ нихъ по нѣскольку стружекъ; собранныя стружки онѣ варятъ въ подойникѣ и тѣмъ самымъ полищаютъ у сосѣдей молоко. Поэтому въ означенные дни каждая хозяйка считаетъ обязанностію осмотрѣть свои ворота и двери, и если замѣтитъ гдѣ новую нарѣзку, то немедленно замазываетъ ее грязью, послѣ чего, по мнѣнїю поселянъ, вѣдьма лишается возможности отбирать у коровъ и овецъ молоко. Тогда-же взлѣзаютъ вѣдьмы на деревянные кресты, что стоятъ по дорогамъ, и стесываютъ съ нихъ стружки, которыя употребляютъ также, какъ и срѣзанныя отъ воротъ; или берутъ деревянный клинъ (нерѣдко колокъ отъ бороны), вбиваютъ его въ скотномъ хлѣ-

¹⁾ Кіев. Г. В. 1851, 20. — ²⁾ Черты литов. нар., 94. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 81; Могилев. Г. В. 1851, 19; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 291.

ву въ столбъ и начинаютъ доить, словно коровій сосокъ; молоко льется изъ этого клина, какъ изъ крана бочки, и наполняетъ большіе ушаты и вѣдра ¹⁾. Тѣже повѣрья встрѣчаемъ и въ Германіи: вѣдьмы стрясаютъ съ травы росу, чтобы повредить чужимъ коровамъ, и уносятъ ее на свои поля, чтобы собственнымъ стадамъ доставить болѣе сочный и обильный кормъ; въ Остерисландѣ колдунювъ и вѣдьмъ называютъ *daustriker* (*thaustreicher*). Нѣмецкія *hexen* втыкаютъ ножъ въ дубовый столъ или врубаютъ топоръ въ дверной косякъ — и тотчасъ-же изъ сдѣланнаго въ деревѣ разрѣза начинается струиться молоко; кромѣ того, онѣ умѣютъ доить молоко изъ веретена и повѣшеннаго полотенца. Когда коровы дають водянистое (синеватое) или смѣшанное съ кровью молоко—эту порчу приписываютъ вѣдьмѣ, которой, въ числѣ другихъ названій, присвоиваютъ и слѣдующія: *milchdiebin*, *milchzauberin*, *molkenstehlerin*, *molkentöversche*; въ лужицкомъ нарѣчій чаровница — *khodojta* отъ глагола доить, съ приставнымъ въ началѣ звукомъ *k* (сравни: *kosydlo* вмѣсто *osydlo*, *kedźba* вм. *dźba* и др.)²⁾ *Milchdieb* и *molkentöversche* означаютъ также мотылька, что служитъ новымъ указаніемъ на связь вѣдьмъ съ эльфами; какъ молніеносные духи, эльфы летаютъ легкокрылыми бабочками и высасываютъ у коровъ молоко (II, 732 ²⁾). И по русскимъ, и по нѣмецкимъ рассказамъ, вѣдьмы часто показываются съ пододыжниками на головахъ; въ ненастную погоду старая *Hulda* (*Huldra*) надѣваетъ на голову пододыжникъ и гонитъ черезъ лѣсъ стадо чер-

¹⁾ Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1846, XI—XII, 150, *Zarysy do-powe*, III, 162. Когда вѣдьма доить коровъ и хозяинъ подкарауливаетъ ее, она силою своихъ заклятій заставляеть его сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ—до тѣхъ поръ, пока не окончатъ своего дѣла.—

²⁾ Учен. Зап. 2. отд. Ак. Н., VII, в. 2, 32; *D. Myth.*, 1025—6; *Beiträge zur D. Myth.*, I, 227; *German. Mythen*, 371.

ныхъ коровъ и овецъ: поэтическая картина дождевыхъ тучъ, гонимыхъ буйными вѣтрами ¹⁾). Ножъ и топоръ—символы Перуновой палицы (donneraxt), доящей небесныхъ коровъ; дубовое дерево (столбъ, дворной косякъ, деревянный крестъ), изъ котораго вѣдмы съ помощью ножа или топора извлекаютъ молоко, знаменуетъ дерево-тучу; полотенце—облачная ткань, а веретено—орудіе, которымъ готовится для этой ткани пряжа; въ приведенномъ нами повѣрьи оно (наравнѣ съ клиномъ, вбиваемымъ въ дерево) принимается въ значеніи молніеносной стрѣлы (donnerkeile); наконецъ сохъ и боронѣ дано участіе въ суевѣрныхъ сказаніяхъ о вѣдовскомъ доеніи—потому, что небесная гроза въ древнѣйшихъ мифахъ уподоблялась вспахиванію и засѣву полей.

Любопытно, что тѣже атрибуты, которыми вѣдуны и вѣдмы творятъ свои волхованія, могутъ быть обращаемы и противъ нихъ самихъ, какъ предохранительныя средства отъ ихъ злаго вліянія. По своему демоническому характеру вѣдуны и вѣдмы, подобно чертямъ и великанамъ, боятся разящихъ стрѣлъ молніи и потрясающихъ звуковъ грома; а потому всѣ орудія и обряды, какія изстари служили символическимъ знаменіемъ небесной грозы, заставляють ихъ поспѣшно удаляться. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увѣряють, будто вѣдма боится ножей, воткнутыхъ подъ верхнюю доску стола; а если приставить къ дверямъ кочергу—загнутымъ (желѣзнымъ) концемъ вверхъ, то колдунъ до тѣхъ поръ не уйдетъ изъ хаты, пока не будетъ принята эта недолима для него преграда. По нѣмецкимъ повѣрьямъ, если бросить въ оборотня освещенный ножъ или огниво, то сила превращенія мгновенно уничтожается, и колдунъ или вѣдма предстаётъ въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. молнія снимаетъ съ оборотня звѣриную шкуру = облако. Въ хлѣвахъ дер-

¹⁾ D. Myth., 1032; Die Götterwelt, 306; Киевлян. 1865, 71.

жать огниво, чтобы предохранить домашній скотъ отъ болѣаней и порчи; огниво, положенное въ колыбель младенца, защищаетъ его отъ злаго очарованія — точно также, какъ и молотъ, завёрнутый въ пеленки ¹⁾, или крестъ, повѣшенный надъ дѣтскимъ изголовьемъ. Напомнимъ, что въ большинствѣ случаевъ, при которыхъ въ древности считался необходимымъ молотъ, — послѣ водворенія христіанства стали употреблять крестъ: такая замѣна, какъ извѣстно, условливалась крестообразною формою старинныхъ молотовъ. Побѣдоносное орудіе грома, молотъ ограждаетъ человѣка отъ повдучей вѣдмы. Въ Германіи въ первую майскую ночь, а у насъ наканунѣ Крещенія на всѣхъ дверяхъ и окнахъ видны начертанные мѣломъ кресты. Въ Чехахъ, когда хозяинъ купитъ новую корову, онъ тотчасъ-же кладетъ на порогъ своего хлѣва топоръ или огниво, и затѣмъ уже вводитъ ее въ стойло. Другіе символы молвіи: верба, осинный колъ, папоротникъ и плакунъ-трава также предотвращаютъ отъ человѣка и домашнихъ животныхъ пагубные замыслы вѣдуновъ и вѣдьмъ. Осина есть вѣрнѣйшая оборона отъ блуждающихъ упырей; осиннымъ коломъ поражаютъ змѣя-похитителя дождей, прогоняютъ Коровью Смерть (см. II, 305—8) и снимаютъ лѣтній «заломъ» или «закрутъ», совершаемый чародѣями на бесплодіе нивы ²⁾. Ту же предохранительную силу даетъ повѣрье и прутьямъ колючихъ растеній (тернъ, шиповникъ и др.), и жгучимъ травамъ, какова наприм. крапива. У насъ употребительно выраженіе: крапива жжетъ, жалитъ; серб. коприва жаре, пол. pokrzywa raży, чеш.

¹⁾ „Malleum, ubi puerpera decumbit, obvolvunt candido linteo.“

— ²⁾ Это на Свѣтло-Христово Воскресенье пойдетъ къ заутренѣ съ осинной палкою или вербою, и черезъ эту палку или вербу станутъ смотреть на собравшійся народъ, тому всѣ колдуны и вѣдьмы покажутся стоящими головами внизъ, а ногами къверху (полат. губ.).

korřiva řaha, řiha, pali; въ областныхъ говорахъ крапиву называютъ жижка, жигучка, хорут. же (ш) гавица, чеш. řaha vka, řaga vka; сравни лат. urtica, нѣм. bren-nessel и литов. poteres, patres отъ снк. path—ugere ¹⁾). Наканунѣ Иванова дня крестьяне собираютъ крапиву и кладутъ на окнахъ и порогахъ домовъ, чтобы удалить отъ себя вѣдьмъ, лѣшихъ и нечистыхъ духовъ. При первомъ выгонѣ стада на пастбище чехи обвязываютъ коровъ красными платками, а въ хлѣвахъ кладутъ терновыя вѣтки, что (по общему убѣжденію) предохраняетъ скотину отъ порчи. Если бы у кого заболѣла корова и стала доняться молокомъ, смѣшаннымъ съ кровью, тотъ долженъ срѣзать свѣжую вѣтку орѣшника или шиповника и бить ею испорченную корову по головѣ и вымени; другіе совѣтуютъ кипятить самое молоко и ударять по немъ тою-же вѣткою. По народному повѣрью, вѣдьма-донтельница чужихъ коровъ чувствуетъ эти удары на своемъ собственномъ тѣлѣ и впадаетъ въ тяжкій недугъ. Подобныя-же мѣки испытываетъ вѣдьма и тогда, когда бочку, въ которой пахтается масло, начинаютъ бить терновымъ прутомъ, или когда завариваютъ въ горшкѣ подъ дымовою трубою вѣтви боярышника и терна. Лужичане думаютъ, что если у порога избы положить вѣнникъ — туда уже не осмѣлится войти вѣдьма, а если вѣнникомъ ударить собаку (= оборотня) — эта послѣдняя непременно зачахнетъ. Корову, у которой онухнетъ вымя, вѣтви лѣчатъ вѣнникомъ, связаннымъ на Рождественскіе Святки; тотъ-же вѣнникъ они кладутъ на порогъ хлѣва, когда выгоняютъ свои стада въ поле. Зажженная свѣча и огонь домашнего очага служили знаменіями небеснаго пламени, зажигаемаго въ тучахъ богомъ-громовникомъ. Ничто такъ не устрашаетъ вѣдьмъ, какъ четверговая (страстная) свѣ-

¹⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 306; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 571.

ча: гдѣ горитъ она, тамъ безсильны ихъ чары и волхованія; хлѣбный заломъ поджигаютъ благовѣщенскою свѣчею; сложенные накрестъ восковыя свѣчи прогоняютъ вѣдьмъ отъ коровниковъ и конюшень. На Рюгенѣ соблюдался обычай бѣгать по полямъ съ зажженными лучинами, для предохраненія дойныхъ коровъ отъ злыхъ волшебницъ. Въ Германіи думаютъ, что горящая головня, кинутая въ колдуна или вѣдму, разрушаетъ ихъ козни. У насъ съ цѣлію противо-дѣйствовать вѣдьмамъ, заговариваютъ дымовыя трубы, забиваютъ подъ князѣкъ заостренныя колья и посыпаютъ на загнеткѣ золу, взятую изъ семи печей. По народному повѣрью, вѣдьмы боятся домоваго, который, какъ представитель очага и семейнаго благосостоянія, призванъ оберегать хозяйское добро ¹⁾. Звонъ — метафора грома, а св. вода, кровь и смола (варъ, деготь) — дождя. Звукъ колоколовъ нестерпимы для вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ; они разгоняютъ ихъ сборище, мѣшаютъ ихъ неустовой пляскѣ и не дадутъ совершиться ихъ злобнымъ намѣреніямъ. Нѣмецкія hexen называютъ колокола «лающими псами» (bellende hunde). Шведы рассказываютъ, что вѣдьмы подтачиваютъ перекладины, на которыхъ висятъ колокола, и сбрасывая ихъ съ высокихъ башенъ, восклицаютъ: «nie soll meine seele Gott näher kommen, als dieses erz wieder zur glocke werden!» Словенцы, во время грозы, звонятъ въ колокола и стрѣляютъ на воздухъ, чтобы прогнать собравшихся вѣдьмъ ²⁾. Кто желаетъ исцѣлиться отъ «порчи», тотъ долженъ уда-

¹⁾ D. Myth., 1056—7; Beiträge zur D. Myth., I, 219, 226; II, 274; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 282, 304; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 342; Громаничъ, 133—9; Рус. прост. праздн., IV, 33; Сахаров., I, 44; II, 7; Ворон. Г. В. 1850, 20; Куляшъ, II, 37; Н. Р. Сл., VII, 36, b. — ²⁾ D. Myth., 1039—40, 1057; Рус. Бес. 1857, III, ст. Клауна, 112.

рить колдуна или вѣдьму правою рукою на отмахъ, прямо по переносицѣ — такъ, чтобы кровь брызнула; кровь эту собрать на полотенце и сжечь на огнѣ ¹⁾). Какъ ударъ молніи, проливая дождь, обезсиливаетъ облачнаго демона, такъ въ настоящемъ случаѣ съ пролитіемъ крови уничтожается губительная сила колдуна или вѣдьмы. Лужичане, оберегая дойныхъ коровъ, мажутъ на дверяхъ лѣтвовъ дегтярные кресты (сравни II, 97); и чортъ, и вѣдьма, какъ скоро будутъ достигнуты серебряною пулею (= молніей), тотчасъ же разливаются смолою (I, 789 ²⁾). На всѣ исчисленные предохранительныя средства суевѣрный народъ наложилъ христіанское клеймо: свѣча берется страстная или благовѣщевская, вода — святая или крещенская, верба и ножъ — освященные во храмѣ.

Когда богъ-громовникъ доить облачныхъ коровъ, онъ это дѣлаетъ, чтобы напоить дождемъ жаждущую землю и возратить засѣянные нивы; наоборотъ вѣдьмы, согласно съ своимъ демоническимъ характеромъ, доятъ этихъ коровъ съ тою же цѣлію, съ какою высасываютъ ихъ мнѣшескіе змѣи, т. е. онѣ засушаютъ облака, скрадываютъ росу и дожди, и тѣмъ самымъ обрекаютъ землю на безплодіе. Ишь приписываются и лѣтнія засухи, и зимнее бездождіе. Вѣдьмы доятъ и высасываютъ коровъ не только лѣтомъ, но и зимою. По русскому повѣрью, вѣдьма, опиваясь молокомъ, обмираетъ (= впадаетъ въ зимнее оцѣпенѣніе), и для того, чтобы она очнулась, надо запалить солому и жечь ей пяты ³⁾, т. е. необходимо развести грозвое пламя. Во все продолженіе зимы творческія силы природы, по выраженію сказочнаго эпоса, бы-

¹⁾ D. Myth., 1056; Могил. Г. В. 1851, 19; Памяти. книжка арканс. губ. 1864, 92; тоже повѣрье слышали мы и въ воронежской губерніи. — ²⁾ Volkslieder der Wenden, II, 223; Этн. Сб., III, 90. — ³⁾ Припомнимъ выраженіе: „душа въ пятки ушла!“

вають заколдованы. Вѣдьмы щедры только на безвременные и вредоносные ливни, сопровождаемые градомъ, вьюгами и опустошеніемъ. Стада сгущенныхъ облаковъ, изливаясь въ дождевыхъ потокахъ, мало по малу разрѣшаются, становятся блѣднѣе, прозрачнѣе, и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ; явленіе это на старинномъ поэтическомъ языкѣ называлось пожираниемъ (= сожженіемъ, иссушеніемъ) небесныхъ коровъ драконами или порчею ихъ вѣдьмами; и драконы, и вѣдьмы равно представляются въ народныхъ преданіяхъ существами голодными, жадными, любящими упиваться коровьимъ молокомъ до полного безчувствія. Низводя древне-индическія сказанія съ небесныхъ высотъ на землю, предки наши стали вѣрить, что вѣдьмы доятъ и сосутъ обыкновенныхъ коровъ, которыя вслѣдствіе этого лишаются молока, спадаютъ съ тѣла и въ скоромъ времени издыхаютъ — точно также, какъ чахнутъ и гибнутъ лошади, на которыхъ ѣдятъ вѣдьмы на своихъ буйныхъ сборищахъ. Такимъ образомъ доеніе вѣдьмами коровъ признано было нечестивымъ дѣломъ, влекущимъ за собою скотскій падежъ, иссыханіе дождевыхъ источниковъ и повсемѣстный неурожай. Въ духовной пѣснѣ грѣшная душа, обращающаяся къ своему тѣлу, говоритъ: «пойду я въ муку вѣчную, безконечную, въ горячи огни.» — Почему-жъ ты, душа, себя угадываешь? спрашиваетъ тѣло.

— Потому я, тѣло блгое, себя угадываю,
 Что какъ жили мы-были на вольномъ свѣту —
 Изъ чужихъ мы коровъ молока выдѣивали,
 Мы изъ хлѣба спорышню вынимывали.
 Не ходили ни къ обѣднѣ, ни къ заутрени.

Въ другомъ стихѣ читаемъ:

Часть-же души у Бога сограшили?
 А первая душа сограшила:
 Во ржи залону заломала,
 Въ хлѣбушкѣ спорышню вынимала...

Четвертая душа согрѣшила:
 Въ чистомъ полѣ корову закликала,
 У коровки молочко отымала,
 Во сырую землю выливала,
 Горькую осину забивала
 Горькую осину засушивала ¹⁾.

Сербская пословица: «ко се држи правце, тај не музе кравице» ²⁾ намекаетъ на тотъ-же грѣхъ. Приведенныя свидѣтельства духовныхъ пѣсень весьма знаменательны; сопоставленіе рядомъ отнятія у коровъ молока, а у хлѣба спорыньи звучитъ, какъ отголосокъ глубокой старины, которая подъ молокомъ разумѣла плодородящіе дожди. Выдаивать молоко = тоже, что похищать росу и дождь или отымать у хлѣба спорынью, производить неурожая и голодъ. Такое дѣйствіе необходимо должно было казаться самымъ страшнымъ грѣхомъ. Закликая корову, вѣдьма (по указанію стиха) дотъ ее, выливаетъ молоко нѣземь и забиваетъ въ то мѣсто осинový колъ, съ которымъ связывается идея омертвѣнія ³⁾: какъ засыхаетъ срубленная осина, такъ у коровы должно высохнуть вымя. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ градъ, бури, холодъ и засуха, дѣйствіемъ которыхъ истребляются зеленѣющія и созрѣвающія нивы, приписывались колдовству. Греческія эмениды (названіе, объясняемое въ старинныхъ нѣмецкихъ глоссаріяхъ словомъ *hāzasa* = *hexe*) уничтожали своею силою (= дождевыми ливнями) и градомъ жатвы и овощи. Въ XII таблицахъ опредѣлено наказаніе тому, «*qui fruges excantassit*» или «*alienam segetem pelleherit*» (кто околдовывалъ плоды и творилъ заклятіе на чужую ниву ⁴⁾). Агобардъ, ліонскій епископъ

¹⁾ Ч. О. И и Д., годъ 3, IX, 210, 221; Лѣт. рус. лит., кн. II, отд. 2, 155. — ²⁾ Переводъ: кто держится правды, тотъ не дотъ коровъ — Срп. н. послов., 153. — ³⁾ Мертвецы, произвѣнные осиновымъ коломъ, уже не могутъ вставать изъ гробовъ. — ⁴⁾ D. Myth., 1040.

первой половины IX вѣка, записалъ слѣдующее любопытное преданіе: «plerosque autem vidimus et audivimus tanta demencia obrutos, tanta stultitia alienatos, ut credant et dicant quandam esse regionem quae dicatur Magonia, ex qua naves veniant in nubibus, in quibus fruges, quae grandinibus decidunt et tempestatibus pereunt, vehantur in eandem regionem, ipsis videlicet nautis aëreis dantibus pretia tempestiariis et accipientibus frumenta vel ceteras fruges» ¹⁾). По свидѣтельству буллы Иннокентія VIII, множество людей обоего пола не боялись вступать въ договоры съ адскими духами и посредствомъ колдовства дѣлали неплодвыми брачные союзы, губили дѣтей и молодой скоть, истребляли хлѣбъ на нивахъ, виноградъ и древесные плоды въ садахъ и траву на пастбищахъ. Въ 1488 году, когда буря опустошила окрестности Констанца на четыре мили вокругъ, двѣ женщины, признанныя виновницами такого бѣдствія, были осуждены и преданы смерти ²⁾). И германцы, и славяне обвиняли вѣдьмъ въ похищеніи благопріятной погоды, дождей, изобилія, и въ насланіи болѣзней, скотскаго падежа и мора, всегда-сопровождавшихъ голодные годы; съ этимъ согласно и старинное убѣжденіе, что затмѣнія, обыкновенно производимыя вѣдунами и вѣдьмами, бываютъ «къ гладу и мору». На Украинѣ до сихъ поръ вѣрятъ, что вѣдьмы задерживаютъ дожди, низводятъ градъ и посылаютъ неурожан. На всемъ пространствѣ, какое вѣдьма въ состояніи обнять своимъ взоромъ, она можетъ и произ-

¹⁾ Переводъ: „мы видѣли и слышали многихъ одержимыхъ такимъ безуміемъ, такою глупостью, что вѣрують и утверждаютъ, будто есть нѣкая страна именуемая Магонія, изъ которой приходятъ на облакахъ корабли; воздушные пловцы забираютъ зерновой хлѣбъ и другіе плоды, побитые градомъ и вихрями, уплачиваютъ за нихъ чародѣямъ, вызывающимъ бури, и увозятъ въ свое царство. — ²⁾ Germ. Mythen, 466; Моск. Наблюд. 1837, XI, кн. 2, 125—6.

вести голодъ, и отнять у коровъ молоко ¹⁾: сближеніе многозначительное! ²⁾ По мнѣнію болгаръ, вѣдьмы похищаютъ урожай съ чужихъ нивъ и передаютъ его своимъ любимцамъ; поэтому крестьяне выходятъ весною на поля и произносятъ заклятіе: «вражья душа! бѣгай отъ насъ» ³⁾. Русскіе поселяне также убѣждены, что колдуньи скрываютъ у себя большіе запасы хлѣба ⁴⁾. Въ Германіи рассказываютъ, что вѣдьмы катаются голыя по нивамъ, засѣянными льномъ и житомъ, что онѣ не только умѣютъ вредить посѣвамъ, но и могутъ присвоивать себѣ плоды чужихъ турдовъ, скрадывая съ сосѣднихъ полей зерновой хлѣбъ или овощи и наполняя ими свои закрома: повѣрье, известное уже римлянамъ. Такъ, научіи виноградниками, вѣдьма потрясаетъ шесты, около которыхъ вьются виноградные лозы, и тотчасъ-же зрѣлыя гроздія переносятся съ чужаго участка на ея собственный. (Однѣй старый колдунъ далъ своей внучкѣ палку, которую она должна была воткнуть на указанномъ мѣстѣ посреди нивы; настигнутая на дорогѣ дождемъ, дѣвочка остановилась подъ вѣтвистымъ дубомъ и воткнула возлѣ него палку. Когда она воротилась домой, то нашла на поляхъ дѣда густыя кучи дубовыхъ листьевъ. Въ темныя ночи колдунъ раздѣвается догола, привязываетъ къ ногѣ серпі, и творя заклятія, направляетъ путь черезъ нивы своихъ сосѣдей; вслѣдъ затѣмъ на этихъ нивахъ не остается ни единого полнаго колоса; все зерно, какое только уродилось, попадаетъ въ закрома и овинны закладателя ⁵⁾). Старинная метафора, уподобившая молніи остринѣ

¹⁾ „На силъно забачила свѣту, стѣлько и вѣгнула голоду“ или: „стѣлько и молока одибрала“. — ²⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 68; Жуаншъ, II, 37; Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 47; Киевлян. 1865, 69. — ³⁾ Сообщено Каравеловымъ. — ⁴⁾ Чародѣи могутъ допрашивать вихрь о будущемъ урожаѣ, и допросъ свой совершаютъ, ударяя крутящійся вихрь острымъ ножомъ и держа въ рукахъ пѣтуха—Иллюстр. 1845, 505. — ⁵⁾ D. Myth., 443—4, 1043.

зубамъ мышей, придала этимъ звѣркамъ мнѣшеское значеніе. Аполлонъ, съ лука котораго слетали убійственныя стрѣлы заразы, въ гнѣвѣ своемъ творилъ все-истребляющихъ мышей (Apollo Smintheus — I, 776); нѣмецкая клятва: «dass dich das mäuschen beißel» употребляется въ томъ-же смыслѣ, какъ славянская: «бодзй ты ясна стрѣла ранила!» или: «пусть тебѣ Перунъ покажетъ свои зубы!» Параллельный ударъ, наносимый по древнему воззрѣнію карающей рукою бога-громовника, у чеховъ называется шуъ (нѣм. hexenschuss). Поэтическія сказанія о небесныхъ мышахъ, являющихся во время бурныхъ, опустошительныхъ грозъ, впоследствии были перенесены на обыкновенныхъ полевыхъ мышей, которыя нерѣдко цѣлыми стаями нападаютъ на хлѣбныя поля, скирды и житницы и поѣдаютъ зерно. Чрезвѣрное размноженіе полевыхъ мышей народная фантазія приписала злomu вліянію колдовства. Вѣдуны и вѣдьмы наречно разводять ихъ и напускаютъ въ дома (стр. 451) и нивы, почему вѣтцы и называютъ вѣдуна mausschlägel, а вѣдъму — mausschlägerin; старинныя вѣдовскія процессы упоминаютъ названіе маушешахер (mausemacher) и сообщаютъ повѣрье, будто вѣдьма, кинята волшебныя травы, причитываетъ: «maus, maus, heraus ins teufels nament!» — и въ слухъ ея закладія мыши выпрыгиваютъ изъ горшка одна за другою. Рассказываютъ еще, что вѣдьма свертываетъ платокъ на подобіе мыши и восклицаетъ: «lauf hin und komm wieder zu mir!» — и тотчасъ-же отъ нея убѣгаетъ живая мышь. По свидѣтельству нидерландской саги, чародѣйкѣ стѣитъ только подбросить нѣсколько глыбъ земли, чтобы въ то же мгновеніе все поле закопошилось мышами ¹⁾. Чехи считаютъ мышъ созданіемъ чорта. При началѣ міра, когда выросла и созрѣла первая

¹⁾ D. Myth., 1044; Ганушъ: Дядь и Баба, 59.

жата, чортъ сотворилъ этого хищнаго звѣрка и приказалъ ему истребить весь хлѣбъ; а Богъ, чтобы разрушить дьявольскія козни, тогда-же сотворилъ кошку (сравни I, 777). Въ чешской хроникѣ, по поводу многочисленныхъ мышей, явившихся въ 1380 году, замѣчено, что современники думали, будто мыши эти зародились отъ грозы («že by ty myši se zgodily z ro- vĕtří rogišepého»). И донынѣ у чеховъ сохраняются слѣдующія любопытныя повѣрья: полевая мышь неспадаетъ при началѣ весны съ мѣсяца (= съ неба) или зарождаются отъ дождя, выпадающаго на Петровъ день; если на Троицынъ день идетъ дождь, то въ продолженіи лѣта будетъ много мышей; полевая мышь изѣдаетъ у коровъ вымя, т. е. высасываютъ молоко-дождь; когда онѣ появляются въ большомъ числѣ — это предвѣщаетъ голодъ и болѣзни; свистъ, звонъ, барабанный бой, удары молотильнаго цѣпа и крикъ чернаго пѣтуха (словомъ все, что на поэтическомъ языкѣ служитъ обозначеніемъ грозовыхъ звуковъ) признаются за тѣ спасительныя средства, которыми можно разогнать крысъ и мышей; чтобы избавитися отъ этихъ хищниковъ, крестьяне обкуриваютъ свои дворы козлиною бороною, что стоитъ въ несомнѣнной связи съ древне-языческимъ посвященіемъ козла богу-громовнику ¹⁾. Кроме плодовъ земныхъ, вѣдьмы могутъ скрадывать и другіе припасы, необходимыя для благосостоянія чело-вѣка; такъ онѣ уносятъ медъ изъ ульевъ ²⁾, загоняютъ къ себѣ рыбу и забираютъ птицъ и звѣрей, за которыми ходятъ на промыселъ охотники. Скрадываніе меда объясняется уподобленіемъ дождя медовому напитку, а захватъ рыбы, птицъ и лѣснаго звѣря — мифическими представленіями грозы рыбною ловлею и дикою охотою. Между малоруссами го-

¹⁾ Громанъ, 59—63, 75, 232; Beiträge zur D. Myth., I, 172. —

²⁾ Кулишъ, II, 41; D. Myth., 1026.

дѣть такой разсказъ: жили-были три брата, занимались рыболовствомъ и звѣриной охотою; и на ловѣ, и на охотѣ братья не знали неудачи: закинуть ли сѣти — а онѣ ужь полнѣхоньки рыбою, возьмутся ли за ружья — зайцы сами бѣгутъ на выстрѣлы. Дѣло въ томъ, что мать у нихъ была вѣдьма. Разъ братья рѣшились ее испытать; взяли тенета и ружья, пошли за зайцами, а матери сказали, что идуть ловить рыбу. Что же? раскинули тенета — и вмѣсто зайцевъ полѣзли въ нихъ окуни, караси да щуки! ¹⁾ Еще отъ XI-го вѣка донеслись до насъ интересныя лѣтописныя свидѣтельства о подобныхъ обвиненіяхъ, взводимыхъ на тѣхъ женщинъ, въ которыхъ подозрѣвали вѣдьмъ. Въ 1024 году, говоритъ лѣтописецъ, возстали въ Суздалѣ волхвы, «избиваху старую чадь, по дьяволю наученію и бѣсованью, глаголюще, яко си держать «гобино. Бѣ мятежъ великъ и голодъ повсей той странѣ. Слышавъ же Ярославъ... изымавъ волхвы, расточи, а «другыя показни, и рекъ сице: Богъ наводитъ по грѣхомъ на «куюждо землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ (за-«сухою?), ли иною казнию, а человекъ не вѣсть ничтоже.» Подъ 1071 годомъ находимъ слѣдующее извѣстіе: «бывши бо «единою скудости въ ростовстѣи области, вѣташа два волх-«ва отъ Ярослава, глаголюща, яко вѣ свѣтѣ (мы вѣдаемъ) — «кто обилье держить. И поидоста по Волзѣ; кдѣ придуть «въ погостъ, ту же нарицаху лучшіѣ (добрыя) жены, «глаголюща, яко си жито держать, а си медъ, а си ры-«бы, а си скору ²⁾. И привожаху къ нима сестры своя, ма-«тере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за «плечемъ, вымаста любо жито, любо рыбу, и уби-«вашета многы жены, имѣнье ихъ отнимашета собѣ». На-«конецъ волхвы пришли на Бѣлоозеро; за ними слѣдовало до

¹⁾ Кулишъ, II, 36—37; Москв. 1846, XI—XII, критика, 150—1.

—²⁾ Мягкую рухлядъ, звѣриные мѣхы.

трехъ сотъ человекъ. Въ это время Янъ собиралъ на Бѣлозерѣ княжескую дань. «Повѣдоша ему бѣлозерци, яко два кудесника избѣла уже многы жены по Волхвѣ и по Шекснѣ. Янъ потребовалъ отъ нихъ выдачи волхвовъ; но бѣлозерци «сего не послушаша». Янъ рѣшился дѣйствовать противъ волхвовъ собственными средствами, и когда они были схвачены, то спросилъ: «что ради погубиста только человекъ?» Волхвы отвѣчали: «яко ти держать обилье; да еще избѣи въ снхъ— «будеть гобино; аще ли хоцешн, то передъ тобою выни- «невѣ жито, ли рыбу, ли ино что. Янъ же рече: по исти- «нѣ лжа то!»¹⁾ Итакъ, по словамъ лѣтописи, волхвы обвиняли старыхъ женщинъ въ томъ, что онѣ производили голодъ, скра- дывали обилье (гобино), т. е. урожай²⁾, и дѣлали безуспѣшными промыслы рыбака и охотника. Вѣра въ возможность и дѣйствительность подобныхъ преступленій была такъ велика въ XI вѣкѣ, что родичи сами выдавали на побѣиеніе своихъ матерей, женъ и сестеръ; жители не только не хотѣли сопротивляться волхвамъ, но слѣдовали за ними большою толпою. Обвиненіе «старой чадн» въ бѣдствіяхъ голодныхъ годовъ вполне соответствовало грубому и суевѣрному взгляду тогдашняго человека на природу, и волхвы (даже допуская съ ихъ стороны обманъ и своекорыстные расчеты) только потому и дѣйствовали такъ открыто и смѣло, что опирались на общее убѣжденіе своего вѣка³⁾. Всѣ физическія явленія

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 64, 75. — ²⁾ Карана. И. Г. Р., II, примѣч. 26; Обл. Сл., 132: обилье — въ архангельской губ. всякій немолоченный хлѣбъ, въ исковск. губ. огородные овощи. — ³⁾ Г. Мельниковъ (Рус. Вѣст. 1867, IX, 245—7) описываетъ мордовскій обрядъ сбора принасовъ для общественнаго жертвоприношенія и наклоненъ видѣть въ немъ элементъ, однородный съ танъ, какой запесенъ въ лѣтописное сказаніе о волхвахъ. Въ назначенный для сбора день замужнія мордовки обнажаютъ свои груди и плечи, и становясь задомъ къ дверямъ избы, закидываютъ за спину холще-

предки наши объясняли себѣ, какъ дѣйствія боговъ или демоновъ, вызванныя мольбами, заклятїями и чарами вѣщихъ людей. Позднѣе, послѣ принятїя христіанства, таже сила властвовать и управлять природою была распространена и на представителей новаго вѣроученїя. Бывали примѣры, что народъ обвинялъ духовныхъ лицъ въ засухахъ и другихъ физическихъ бѣдствїяхъ. Такъ въ 1228 году новгородцы, напуганные тѣмъ, что «тепло стоитъ долго», прогнали своего владыку, «аки злодѣя пыхающе»¹⁾. Женщинъ, заподозрѣнныхъ въ чародѣйствѣ и обвиняемыхъ въ похищенїи дождей и земнаго плодородїя, преслѣдовали въ старину жестокии казни: жгли, топили и зарывали живыми въ землю. Противъ этого обычая рѣзко протестовалъ Сарационъ, епископъ владимирскїй (XIII в.): «Малъ чась порадовахся о васъ, чада! видя вашу любовь и послушанїе... А ежъ еще поганскаго обычая держитесь, волхованїю вѣруете, и по жигаете огнемъ невинныя челоувѣки и наводите на весь мїръ и градъ убїйство. Аще кто и не причастїя убїйству, но въ соньми бывъ съвъ единой мысли — убїйца же быеть, или мога(і)и помощи, са не поможе—аки самъ убити повелѣлъ есть. Отъ которыхъ книгъ или отъ кихъ писанїй се слышасте; яко волхованїемъ глади бывають на земли, и на кы волхо-

вые мѣшки съ мукою, медомъ, масломъ и яйцами; яибедъ (помощникъ главнаго жреца) колеетъ ихъ слегка въ голыя плечи и спины жертвеннымъ ножемъ, потомъ перерѣзываетъ тесемки, на которыхъ висятъ мѣшки, и забираетъ приготовленные припасы. Мы, съ своей стороны, не усматриваемъ въ этомъ описанїи ничего общаго съ лѣтописнымъ разсказомъ: въ мордовскомъ обрядѣ уколъ ножа представляеть не болѣе, какъ символическое дѣйствїе, а самый обрядъ этотъ имѣеть цѣлю собрать припасы для общаго жертвоприношенїя, какое совершается въ благодарность за дарованнїй богами урожай; лѣтопись же говоритъ о дѣйствительномъ набїенїи жемъ, заподозрѣнныхъ въ похищенїи гобинѣ. — ¹⁾ П. С. Р. Д., III, 44.

«ваніемъ жита умножаются? То же сему вѣруете, что чему пожигаете я? Молитесь и чтите я, и дары приносите имъ, ать (пусть) строить міръ, дождь пушаютъ, тепло приводятъ, земли плодити велятъ. Се нынѣ по три лѣт(а) житю рода нѣсть — не токмо въ Русь(и), но «(и) въ Латѣнѣ: се вѣлхове ли створиша? аще не Богъ ли строите(ъ) свою тварь, яко-же хоцеть, за грѣхъ насъ томя?... «Молю вы: отступите дѣлъ поганьскыхъ. Аще хоцете градъ оцѣстити отъ незаконныхъ человекъ, радуясь тому; оцѣщайте, яко Давидъ - пророкъ», который судилъ въ страхѣ божіемъ и по правдѣ; вы же осуждаете на смерть по враждѣ и ради прибытка, жажда пограбить. «Правила божественнаго(ыя) повелѣвають многими послухъ(и) осудити на смерть человека; вы же воду послухомъ поставите, и глаголите: аще утопати начнетъ — неповинна есть, аще ли поплочеть — волховъ ¹⁾ есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати да не погрузится, «дабы вѣврещи въ душъгубьство; яко оставльше послушество «бо(го)творенаго человека, идосте къ бездушну естеству» ²⁾. По своимъ стихійнымъ свойствамъ, вѣдуны и вѣдьмы могутъ свободно носиться посреди облачныхъ источниковъ, и потому въ народѣ составилось убѣжденіе, будто они ходятъ по поверхности рѣкъ и озеръ и не тонуть въ глубинѣ водъ. На Украинѣ до позднѣйшаго времени узнавали вѣдьмъ по ихъ способности держаться на водѣ. Когда случалось, что дождь долго не орошалъ полей, то поселяне, приписывая его задержаніе злымъ чарамъ, собирались миромъ, схватывали заподозрѣнныхъ бабъ и водили купать на рѣку или прудъ. Они скручивали ихъ веревками, привязывали имъ на шею тяжелые камни, и затѣмъ бросали несчастныхъ узницъ въ глубокіе

¹⁾ Женская форма отъ слова волхвъ; сравни: свекровь. — ²⁾ Ист. христом. Бусл., 496—7.

омуты: неповинныя въ чародѣйствѣ тотчасъ-же погружались на дно, а настоящая вѣдьма плавала поверхъ воды вмѣстѣ съ камнемъ. Первыхъ вытаскивали съ помощію веревокъ и отпускали на свободу; тѣхъ-же, которыя признаны были вѣдьмами, заколачивали на смерть и топили силою ¹⁾. Квитка въ письмѣ своемъ къ Плетневу (1839 года). по поводу разсказа: «Конотопская вѣдьма», замѣчаетъ: «топленіе вѣдьмъ при засухѣ — не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но къ удивленію и даже ужасу возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи» ²⁾. Гуцулы топили вѣдьмъ въ 1827 году ³⁾. Обычай этотъ извѣстенъ и между сербами: когда пронесется молва «на коју жену да је вјештица, онда је вежу и баце у воду да виде: може ли потонути; јер кажу да вјештица не може потонути. Ако жена потоне, а она је извуку на поље и пуге; ако ли не могбуде потонути, а она је убију, јер је вјештица» ⁴⁾. Подобное испытаніе водою («судъ божій») въ Германіи называлось *hexenbad* ⁵⁾. По увѣренію г. Дала ⁶⁾ на Украинѣ ходитъ разсказъ, заимствованный изъ судебныхъ актовъ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своей сосѣдкою, обвинила ее въ скрадываніи росы; обвиненную объявили вѣдьмою и предали сожженію. Въ половинѣ прошлаго столѣтія управляющій итѣніемъ графа Тышкевича, въ Литвѣ, писалъ къ нему: «ясневельможный пане! съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія сжегъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальные нѣтъ. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третья тоже лѣтъ пятьдесятъ, да къ тому-же одиннадцать дней онѣ

¹⁾ Lud Ukrain., II, 82—83; Zagrysu domowe, III, 166; Кулишъ, II, 37; Киевъ. 1865, 71. — ²⁾ Основьяненко, соч. Г. Данилевскаго, 91. — ³⁾ Пантеонъ 1855, V 48. — ⁴⁾ Срп. рјечникъ, 67; Путешеств. въ Черногорію А. Поповъ, 223. — ⁵⁾ D. Myth., 1028. — ⁶⁾ Иллюстр. 1845, 415.

всѣ просидѣли у меня подѣ чаномъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рожь въ двухъ мѣстахъ заломана. Я обираю теперь съ десяти костеловъ св. воду и буду на ней варить кисель; говорятъ, непременно всѣ колдуньи прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа! Вотъ и г. Эпернети, по нашему прихѣру, сжегъ женщину и мужчину... этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина созналась во всемъ и съ великимъ отчаяньемъ пошла на тотъ свѣтъ¹⁾. Сожженіе колдуновъ и вѣдьмъ засвидѣтельствовано многими старинными памятниками (см. гл. XXVII). Въ Грузіи, при всякомъ общественномъ бѣдствіи, хватали подозрительныхъ старухъ, истязали въ присутствіи князей и духовенства и выпытывали у нихъ признаніе во многихъ сношеніяхъ съ нечистою силою. Въ 1834 году, во время бывшаго неурожая кукурузы и гоміи, въ нѣкоторыхъ грузинскихъ деревняхъ бросали колдуновъ въ воду, или вѣшали на деревьяхъ и прикладывали къ нимъ обнаженному тѣлу раскаленное желѣзо²⁾. Поступая такъ, народъ не только думалъ удовлетворить чувству своего мщенія, но и былъ убѣжденъ, что казни эти суть единственные средства, какими можно отвратить засуху, вызвать дожди и плодородіе. Такое убѣжденіе возникло изъ древне-индической основы. Облачныя жены, похищающія росу, дождь и урожан, только тогда возвращаютъ эти сокрытыя ими блага, когда сгораютъ въ небесномъ пламени молній, или купаются и тонутъ въ разливіи дождевыхъ потоковъ. Позднѣе, когда въ засухахъ и безплодіи почвы стали обвинять смертныхъ жель, народъ увѣровалъ, что сожженіе и потопленіе ихъ непременно должно возвратитъ землѣ дожди и плодородіе — точно также, какъ обливаніе водою «додола» признается

¹⁾ Москов. Вѣдом. 1858, 60. — ²⁾ Сборникъ газеты „Кавказъ“ 1847, 1-ое полугодіе, 22.

сербами за лучшее средство противъ лѣтней засухи. Но съ другой стороны, такъ какъ гроза, пожигающая тучи, нерѣдко сопровождается разрушительной бурей и градомъ; то отсюда рождалось вѣрованіе, что вѣдьмы, желая произвести непогоду, градъ и буйные вихри, разсѣваютъ по полямъ дьявольскій пепелъ (— пепелъ демона градовой тучи). Я. Гриммъ приводитъ изъ одного стариннаго памятника любопытное свидѣтельство о чародѣйкѣ, которая, показавшись передъ смертною казнью, просила снять ея трупъ съ висѣлицы, сжечь огнемъ и пепелъ высыпать въ воду, а не развѣивать по воздуху, дабы не постигли страну градъ и засуха ¹⁾).

Губительное вліяніе вѣдуновъ и вѣдьмъ распространяется на все, обещающее при плодъ, народженіе. По народнымъ повѣрьямъ, они дѣлаютъ бабъ неплодными, отымаютъ у жениха мужскую силу; присаживаютъ ему килу, а у невѣсты скрываютъ половой органъ. При всякой свадьбѣ необходимо соблюдать особенныя предосторожности, для охраны новобрачныхъ и поѣзжанъ отъ злаго очарованія; въ нѣкоторыхъ деревняхъ тамъ, гдѣ праздуется свадьба, нарочно затворяютъ двери и затыкаютъ трубы, чтобы не влетѣла вѣдьма (арзамас. узда). Вѣдьмы глазятъ беременныхъ женщинъ и выкрадываютъ изъ нихъ зачатыхъ младенцевъ. Существуетъ примѣта: если на дворѣ стрекочетъ сорока, то беременная баба не должна выходить изъ-подъ крова избы, оберегаемой священнымъ пламенемъ очага; иначе вѣдьма, которая любитъ превращаться сорокою, похититъ изъ ея утробы ребенка; самый ребенокъ, еще до появленія своего на свѣтъ, легко можетъ быть испорченъ колдуномъ или вѣдьмою. Народный стихъ, наряду съ другими вѣдовскими грѣхами: доеніемъ коровъ и отыманьемъ у хлѣба спорыньи, указываетъ и на

¹⁾ D. Myth., 1026, 1041.

порчу дѣтей въ утробѣ. Въ старину рожденіе уродовъ признавалось слѣдствіемъ волшебства или дьявольскаго навожденія ¹⁾. Выше (II, 399—405) указано нами, что древній метафорическій языкъ допускалъ выраженія: «замкнуть, завязать плодородіе». Вѣдьмы, истребительницы земныхъ урожаевъ, держатъ росу и дожди въ покрытыхъ и завязанныхъ сосудахъ, и пока сосуды эти не будутъ развязаны—до тѣхъ поръ ни единая капля живительной влаги не упадетъ съ неба на жаждущія поля. Подобно тому, какъ зимніе холода и лѣтнія засухи запираютъ плодотворное сѣмя дождей, такъ точно съ помощью волшебства можно замкнуть силу плодородія въ обвѣчанной четѣ. Германцы приписываютъ вѣдмамъ такую чару надъ молодыми супругами: во время свадьбы вѣдьма запираетъ замокъ и забрасываетъ его въ воду, и пока замокъ не будетъ найденъ и отомкнутъ, супружеская чета дѣлается неспособною къ соитію. Чара эта называется *schloss-schliessen* и *nestelknüpfen* (*nest*—шнурокъ, ремешокъ, *knüpfen*—завязывать ²⁾). Въ Сербіи враги, желающіе, чтобы у новобрачныхъ не было дѣтей, украдкою завязываютъ одному изъ нихъ узлы на платъ ³⁾; а лужичане съ тою-же цѣлью запираютъ, при совершеніи вѣнчальнаго обряда, замокъ—въ ту самую минуту, когда священникъ произноситъ слова: «плодитесь и множитесь» ⁴⁾. Интересна жалоба, занесенная въ протоколъ стародубскаго магистрата 1-го генваря 1690 года. Тимошка Матвѣевъ билъ челомъ на Чернобая, который во время свадьбы обвязывалъ его невѣдомо для чего ниткою-портняжкою, и съ того

¹⁾ Анев., 74; Иллюстр. 1045, 415; *Zarysy domowe*, III, 163; *Лѣт. рус. лит.*, кн. II, отд. 2, 155; *Поля. Собр. Зак.*, V, № 3159—60. —²⁾ *D. Myth.*, 1027; *Beiträge zur D. Myth.*, I. 215: „nadeln, mit welchen ein todttenhemd genäht worden, dienen zum nestelknüpfen“; такая игла зашиваетъ и вивствѣ омертвляетъ силу чадородія. —³⁾ *Потебн.*, 139. —⁴⁾ *Neues Lausitz. Magazin* 1843, III—IV, 316.

де часу онъ Тимошка уже два года не виѣтъ съ своею женою никакого сполкованя (spółkowanie — сонте), а портнику Чернобай забросилъ и сказываетъ, что безъ нея пособить бѣдѣ не умѣтъ. Въ приведенныхъ чарахъ узлы производятъ плотское безсиліе — точно также, какъ закручиванье колосьевъ (ржи, овса, конопли и пр.) на нивѣ можетъ, по народному повѣрью, отнимать у хлѣба спорынью и виѣтъ съ тѣмъ производить гибель скота и людей — обычныя слѣдствія неурожая и голода въ старину, когда не знали благо-разумной расчетливости и не дѣлали запасовъ на будущіе года. Неурожай, голодъ и повальныя болѣзни бывали, по свѣдѣтельству лѣтописей, всегда неразлучны. Закрутъ (заломъ, завитокъ), до сихъ поръ наводящій ужасъ на дѣлныя села, не должно смѣшивать съ завиваньемъ колосьевъ на бороду Волосу; это послѣднее возникло изъ уподобленія связанныхъ созрѣлыхъ колосьевъ завитой бородѣ древняго бога, ниѣло значеніе жертвеннаго приношенія и донинѣ совершается явно и съ добрыми пожеланіями — на урожай и обиліе. Напротивъ закрутъ завивается тайно изъ жажды мщенія, изъ желанія причинить хозяину нивы зло, и сопровождается закли-тиемъ на гибель плодородія; онъ совершается такъ: злобный колдунъ беретъ на корню пучокъ колосьевъ, и загибая къ низу, перевязываетъ ихъ суровою ниткою, или заламываетъ колосья и крутитъ (свиваетъ) на западъ — сторона, съ которою соединяется понятіе смерти, нечистой силы и безплодія; въ узлѣ заломы находятъ иногда распаренныя зерна и могильную землю: и то, и другое — символы омертвенія. Въ старинныхъ требникахъ встрѣчаются молитвы, которыя слѣдовало читать надъ такимъ очарованнымъ мѣстомъ: послѣ установленнаго молитвословія, священникъ выдергивалъ закрутъ церковнымъ крестомъ, и тѣмъ отстра-нялъ его зловредное вліявіе. Теперь для снятія закруты при-

глашаютъ знахара, который вырубаетъ осиноый колъ, разщепливаетъ его надвое и этимъ орудіемъ выдергиваетъ зачарованныя колосья; затѣмъ закрутъ сожигается благо-вѣщенскою свѣчею, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, знахарь вбиваетъ въ землю осиноый колъ, что (по мнѣнію поселянъ) причиняетъ колдуну нестерпимыя муки ¹⁾. Донынѣ думаютъ, что узлы и поясъ замедляютъ роды; ибо съ ними нераздѣльно понятие связыванія, замыканія, а въ настоящемъ случаѣ нужно, чтобы женщина разрѣшилась отъ бремени (нѣм. *entbunden werden*), чтобы ребенку былъ свободный, открытый путь. Вліяніе языка обнаружилось въ созданіи слѣдующихъ повѣрій: на родильницѣ не должно быть ни одного узла, даже расплетаютъ ей косу ²⁾. Но этого недостаточно: при трудныхъ родахъ призываютъ отца и заставляютъ его развязать или ослабить поясъ, отстегнуть воротникъ сорочки, распушить учкуръ (поясокъ у штановъ), и въ тоже время открываютъ у печи заслонку, отпираютъ сундуки и выдвигаютъ всѣ ящики ³⁾. Во многихъ мѣстахъ, во время трудныхъ родовъ, просятъ священника отворить царскія врата въ храмѣ, а повивальная бабка читаетъ при этомъ «Сояъ пресв. Богородицы» ⁴⁾. Въ курской губ. страдающую родильницу переводятъ троекратно черезъ порогъ избы, чтобы ребенокъ скорѣе переступилъ порогъ своего заключенія и явился на свѣтъ изъ утробы матери ⁵⁾. Въ Германіи увѣряютъ, что сложенные вмѣстѣ руки и поставленныя одна на другую ноги мѣшаютъ родильницѣ разродиться.

¹⁾ Сахаров., I, 53; Иллюстр. 1845, 538; Обл. Сл., 60, 95; Москва. 1844, XII, ст. Якушк., 35—36. Въ курской губ. срываютъ однолѣтніе осиноые прутья и кладутъ ихъ накрестъ воуль ивы, на которой сдѣланъ заломъ. — ²⁾ Послов. Даля, 404; Гласникъ сридруштва, V, 155. — ³⁾ Черниг. Г. В. 1854, 25. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846, 649; Ворон. Г. В. 1851, 11. — ⁵⁾ Этн. Сб., V, 20.

Мифы это раздѣляли и древніе греки. Когда Алкмена должна была родить Геркулеса, то Ἐλεῖθρα сѣла у дверей, скрестила руки и положила правую ногу на лѣвую, чтобы помѣшать родамъ. Но служанка Алкмены обманула богиню ложнымъ извѣстіемъ, что рѣды уже совершились; раздосадованная богиня вскочила, разъединивъ свои руки и колѣни, и въ тотъ самый мигъ разрѣшилась Алкмена прекраснымъ малюткою ¹⁾. Въ ново-греческой сказкѣ мужъ, покидая свою беременную жену, опоясываетъ ее поясомъ и говоритъ: «ты не прежде родишь дитя, пока я не разстегну тебѣ этого пояса!» — и она дѣйствительно не могла разрѣшиться до того часу, пока не обрѣла своего мужа и пока онъ не разрѣшилъ ей пояса. Въ албанской редакціи этой сказки мужъ, вмѣсто пояса, запираетъ чрево жены своей серебрянымъ ключемъ ²⁾. На Руси, чтобы помочь въ тяжелыхъ родахъ, читаютъ слѣдующій заговоръ: «пресвятая мати Богородица! соходи со престола господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы божьей (имярекъ) мясныя ворота и выпускай младѣна на свѣтъ и на божью волю» ³⁾. Какъ обвязанный вокругъ тѣла поясъ замыкаетъ чадородіе женщины, такъ, по свидѣтельству норвежской сказки, королевскій садъ потому не приноситъ плодовъ, что вокругъ его зарыта трижды-обведенная золотая цѣпь ⁴⁾. Круговая — со всѣхъ сторонъ замкнутая линія получила въ народныхъ вѣрованіяхъ значеніе наузы, столь-же крѣпкой, какъ и завязанная веревка или запертая цѣпь. Начертанная ножомъ, зажженною лучиною или углемъ (— знаменія разящей молніи), линія эта защищаетъ человѣка отъ зловреднаго дѣйствія колдовства и покушеній нечистой силы. Черезъ круго-

¹⁾ D. Myth., 1128; Sonue, Mond u. Sterne, 254. — ²⁾ Ганъ, 71, 100. — ³⁾ Памяти. книжка арханг. губ. 1864 г., 18. — ⁴⁾ Ск. норв., II, 18; Germ. Mythen, 683.

вую черту не может переступить ни злой духъ, ни вѣдьма, ни самая Смерть; противъ чумы и другихъ повальныхъ болѣзней опахиваютъ кругомъ деревни и сѣла; при добываніи кладовъ и цвѣта папоротника, при совершеніи различныхъ чаръ и произнесеніи заклятій очерчиваютъ себя круговою линіей, для охраны отъ демонскаго навожденія ¹⁾). На Украинѣ дѣти, завидя полетъ дикихъ гусей, причитываютъ: «гуси-гуси! завяжу вамъ дорогу, щобъ не втрапили до дому» или: «гуси-гуси! колесомъ, червоннимъ поясомъ» — и думаютъ, что отъ этихъ словъ гуси закружатся на одномъ мѣстѣ ²⁾). У лужичанъ, чеховъ и русскихъ передъ Рождествомъ даютъ курамъ кормъ, окружая его цѣпью или обручемъ, чтобы онѣ клали яйца дома: этотъ обрядъ замыкаетъ птицу въ границахъ хозяйскаго двора ³⁾). Въ ярославской губ. въ пламя пожара бросаютъ обручъ съ квасной шайки, чтобы огонь сосредоточился въ одномъ мѣстѣ и не распространялся дальше ⁴⁾). Въ моложскомъ уѣздѣ не обводятъ новобрачныхъ вокругъ стола, чтобы молодая не была бесплодна, т. е. чтобы не замкнуть ея плододія круговою чертою ⁵⁾).

Содѣйствуя стихійнымъ демонамъ, насылая неурожай, безкормицу и голодь, вѣдуны и вѣдьмы тѣмъ самымъ порождаютъ между людьми и животными различные недуги и усиленную смертность. Велѣдствіе ихъ чаръ, вмѣстѣ съ холодными

¹⁾ Этн. Сб., I, 53; Абев., 149—150; Зам. о Сибири, 64; Н. Р. Сб., VIII, стр. 646. — ²⁾ Номис., 7. — ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 259; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 61; Новгород. Сборн. 1865, I, 287; тоже дѣлаютъ и въ Германіи — Beiträge zur D. Myth., I, 228. — ⁴⁾ Чтобы воръ не могъ убѣжать, должно взять нитку изъ савана, смѣрять мертвеца и обойти съ нею трижды около дома и анбаровъ, приговаривая: „какъ мертвецъ не встаетъ и не выходитъ изъ могилы, такъ бы не вышелъ и воръ изъ этого круга“ — Библ. для Чт. 1848, IX, 56. — ⁵⁾ Этн. Сб., I, 50.

вьюгами и продолжительными ливнями, появляются простудныя болѣзни, а вмѣстѣ съ знойнымъ дыханіемъ лѣта и всеобщей засухой — поднимаются вредныя испаренія и настаётъ моровая язва. Въ тѣхъ-же кипучихъ котлахъ, въ которыхъ вѣдьмы завариваютъ бурныя гдзы и градъ, готовятъ онѣ и мучительные недуги, несущіеся въ удушливыхъ парахъ по направленію вѣтровъ (сравни стр. 69, 104). Въ финской Калевалѣ Kivutar, дочь олицетворенной болѣзни (kiru, р. kivun — болѣзнь), соответствующая нашимъ и нѣмецкимъ вѣдьмамъ, всходитъ на гору и варитъ въ котлѣ скорби, немощи и язву ¹⁾). По мнѣнію русскихъ поселянъ, колдуны и колдуньи напускаютъ на людей и домашній скоть порчу, т. е. томятъ ихъ, сушатъ, изнураютъ болѣзненными припадками. Испорченные колдовствомъ люди называются кликушами: это — несчастные, страдающіе падучею или другими тяжкими болѣзнями, соединенными съ бредомъ, пѣною у рта и корчами; они издаютъ дикіе вопли, и подъ вліяніемъ господствующаго въ народѣ суевѣрія — утверждаютъ, будто злые вѣроги посадили въ нихъ бѣсовъ, которые и грызутъ ихъ внутренности. Силою страшныхъ заклятій колдуны и колдуньи насылаютъ нечистыхъ духовъ по воздуху: послушные имъ вѣтры несутъ и навѣваютъ на людей неисцѣлимые недуги, называемые стрѣлами, и котю, повѣтріемъ или заразою. По свидѣтельству Боплана, колтунъ приписывали на Украинѣ чародѣйству старыхъ бабъ. Эту и всѣ прочія болѣзни, постигающія людей, домашнихъ птицъ и животныхъ, кашубы до сихъ поръ считаютъ слѣдствіемъ околдованія. Опасно принимать изъ рукъ вѣдуна какой-бы то ни было напитокъ: вмѣстѣ съ чаркою вина, предложенною на пиру, онъ можетъ поднести злую немочь. Выпивая это вино, человѣкъ проглатываетъ сестеръ-лихора-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 183.

докъ или иных мучительныхъ демоновъ, которые превращаются въ его утробѣ въ разныхъ гадинъ: змѣй, жабъ, лягушекъ и мышей, сосутъ его кровь, терзаютъ кишки и печень, раздуваютъ животъ и наконецъ доводятъ свою жертву до преждевременной кончины ¹⁾. Несчастный, которымъ овладѣла болѣзнь, носитъ ее съ собою вездѣ, куда бы не направилъ свои стопы. Такая неотвязность болѣзни выразилась въ повѣрьи, что злобные духи (эльфы, мары) поселяются внутри больного (—дѣлають его бѣсноватымъ) или развѣзжаютъ на его спинѣ; налегая на человѣка страшною тяжестью, они заставляютъ его возить себя, изнуряютъ, ломаютъ и трасутъ его. Тоже представленіе соединяется и съ вѣдьмами: въ ночные часы онѣ являются въ избы, садятся на сонныхъ людей, давятъ ихъ и принуждаютъ носить себя по окрестностямъ; нерѣдко вѣдьма оборачиваетъ добраго мѡлодца конемъ и скачетъ на этомъ конѣ по горамъ и дѡламъ до тѣхъ поръ, пока онъ не потеряетъ силъ и не упадетъ отъ усталости ²⁾. Рассказываютъ еще, будто вѣдьма ѣздитъ ночью на думѣ спящаго человѣка, который хотя и не сознаетъ, что съ нимъ дѣлается, но тѣмъ не менѣе, пробуждаясь на слѣдующее утро, чувствуетъ во всемъ тѣлѣ полное изнеможеніе ³⁾. Колдуньи и вѣдьмы собираютъ ядовитыя травы и коренья, готовятъ изъ нихъ отравное снадобье и употребляютъ его на пагубу людей;

¹⁾ Иллюстр. 1845, 184, 203; 1846, 345; Абев., 222, 270 — 1; Могилев. Г. В. 1851, 19; О. З. 1848, V, 17—18; Ч. О. И. и Д., годъ 3, III, словотолковн. Макарова, 106; Описаніе Украйны Боплана, 83; Этн. Сб., V, 73 (стат. о кашубахъ); Памятн. кн. арханг. губ. 1864, 92; Громанъ, 199; Н. Р. Сж., V, 50: колдунъ подаетъ еядову пива, отъ котораго выскакиваютъ глаза и выпадаютъ всѣ зубы. — ²⁾ Н. Р. Сж., VII, 36, с; сб. Валяца, 59, 245 — 6; Гальгримъ, 29; Совр. 1856, XII, 197. — ³⁾ Москв. 1846, XI—XII, критика, 150. Подобныя повѣдки приписываютъ и нечистому; на Украйнѣ говорятъ: „на мудримъ дядько на лысу гору јиздитъ“ — Номис., 126.

въ областныхъ говорахъ «отрава» обозначается словами: порча, портѣжь, а колдуна и колдунью называютъ: порчельникъ (портѣжникъ) и порчельница; для всѣхъ одуряющихъ зелій существуетъ общее, собирательное имя бѣсиво ¹⁾. Народныя пѣсни говорятъ о дѣвахъ - чаровницахъ, приготовляющихъ отравный напитокъ: по-край моря сняго, по зеленымъ лугамъ,

Тутъ ходила-гуляла душа-красная дѣвица,
А копала она коренья—зелье лютое;
Она мыла тѣ коренья въ синѣмъ морѣ,
А сушила коренья въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья въ серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ коренья меда сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ,
И хотѣла извести своего недруга... ²⁾

По указанію другой пѣсни, задумала сестра избыть постылаго брата:

Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала;
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.

Зелье было страшное: едва

Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорѣлася ²⁾.

Колдуны и вѣдьмы могутъ причинить недуги прикосновеніемъ, дыханіемъ, словомъ, взглядомъ и самою мыслию; въ нихъ все исполнено губительной чародѣйной силы! Выше было объясне-

¹⁾ Обл. Сл., 19, 171—2. — ²⁾ Кирша Дан., 303; Сахаров., I, 206; Терещ., V, 172; О. З. 1840, II, смѣсь, 27. Варіантъ:

Натопила она коренья въ меду-въ потокъ,
Напоила добра молодца дошьяна.

²⁾ Сахаров., I, 202.

но, что подъ вліяніемъ древнѣйшаго метафорическаго языка, который уподобилъ громъ—вѣщему слову, вѣяніе вѣтра—дыханію, блескъ молній—сверкающимъ очамъ, а всѣ душевныя движенія сблизилъ съ стихіями,—возникли суевѣрныя убѣжденія, заставившія нашихъ предковъ чувствовать страхъ передъ всякимъ проявленіемъ души человѣческой. Недобрая мысль, затаенная зависть и неискренняя похвала уже влекутъ за собою несчастіе для того, кто возбудитъ ихъ въ чародѣѣ; высказанное колдуномъ злое пожеланіе дѣйствуетъ также неотразимо, какъ заговоръ или клятвенная формула; своимъ взглядомъ онъ можетъ сглазить, а своимъ дыханіемъ озѣвать человѣка, т. е. наслать на него порчу (I, 411). Какъ небесныя стада теряютъ молоко и иссыхаютъ отъ ударовъ молній, такъ точно отъ взгляда вѣдьмы пропадаетъ молоко въ грудяхъ матери и чахнетъ ея ребенокъ; сглазу приписываются и болѣзни домашняго скота. Какъ небесныя волки и змѣи (драконы) страшатся блестящей молній, такъ точно взоръ волшебника смиряетъ волковъ и змѣй, населяющихъ лѣса и пустыни ¹⁾. Что вѣдьмы были обвиняемы въ распространеніи повальныхъ, заразительныхъ болѣзней, это засвидѣтельствовано грамотою царя Михаила Феодоровича, упоминающею о бабѣ вѣдунѣ, которая наговаривала на хмѣль, съ цѣлю навести на русскую землю моровое повѣтріе ²⁾. Крестьяне до сихъ поръ убѣждены, что колдуну стѣитъ только захотѣть, какъ тысячи народу падутъ жертвами смерти ³⁾. Русская сказка возлагаетъ на вѣдьму ту же самую роль, какая обыкновенно исполняется Моровою дѣвою: въ глухую полночь она является въ бѣлой одеждѣ, просовываетъ руку въ окно казбы, кропитъ волшебными соками и всю семью—отъ стараго и до малаго—усыпляетъ на вѣки смертельнымъ сномъ ⁴⁾. По удѣ-

¹⁾ D. Myth., 1053. — ²⁾ Ав. Арх. Эк., III, 197. — ³⁾ Могилев. Г. В. 1851, 19. — ⁴⁾ Н. Р. Сѣ., VII, 36, а.

лѣвшимъ на Руси преданіямъ, въ старину при всякой повальной болѣзни и скотскомъ падежѣ обрекали на смерть женщину, заподозрѣнную міромъ въ зломъ волшебствѣ. Женщину эту завязывали въ мѣшокъ, вмѣстѣ съ собакою, черною кошкою и пѣтухомъ, и зарывали въ землю или топили въ рѣкѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что послѣ этого моръ немедленно долженъ прекратиться ¹⁾. Еще недавно высказывалось поселянами мнѣніе, что если бы перваго заболѣвшаго холерою похоронить заживо, то означенная болѣзнь тотчасъ-бы пріостановила свои губительныя дѣйствія (новгородъ-сѣверск. уѣзда). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ пала первая зачумленная скотина, приготавливаютъ яму, и въ этой ямѣ зарываютъ падалъ, привязавъ къ ея хвосту живыхъ собаку, кошку и пѣтуха. Хозяйна издохшей скотины община вознаграждаетъ за потерянную шкуру ²⁾. Въ нижегородской губ. отъ сибирской язвы вбиваютъ на перекресткахъ осиновые колы и посыпаютъ улицы пепломъ нарочно-сожженной собаки ³⁾. Иногда, для отвращенія заразы, крестьяне свечеру загоняютъ весь деревенскій скотъ на одинъ дворъ, запираютъ ворота и караулятъ до утра, а съ разсвѣтомъ начинаютъ разбирать коровъ; если бы при этомъ оказалась лишняя, неизвѣстно кому принадлежащая корова, то ее принимаютъ за Коровью Смерть, вваливаютъ на полѣвницу и сожигаютъ живьемъ ⁴⁾. Тотъ, кто прежде всѣхъ заболѣваетъ эпидемическою болѣзною, рассматривается, какъ пособникъ нечистой силы и проводникъ Смерти; отъ него начинается зараза и быстро переходитъ на

¹⁾ Сахаров., II, 13; Малор. и червон. нар. думы и пѣсни, 100; Терещ., VI, 42; Рус. въ св. посл., III, 217. — ²⁾ Москва. 1852, XXII, 87—88; Рус. Вѣдом. 1866, № 91. — ³⁾ Сѣвер. Почта 1868, № 180. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846, 262; Терещ., VI, 42; сравни D. Myth., 1140.

все окрестное населеніе. Тотъ-же взглядъ прилагается и къ первой зачумленной скотинѣ. Вселяясь въ челоуѣка или корову, демонъ смерти заставляеть ихъ носить себя по бѣлому свѣту и чрезъ ихъ посредство распространяеть свое глетворное дыханіе между людьми и стадами (см. выше стр. 107-9). Поэтому первыя жертвы заразы подлежатъ такой-же очистительной кѣрѣ, какъ и вѣдмы, изблнченныя въ напущеніи мора. Сожженіе, потопленіе или зарытіе вѣдмы въ землю исторгаетъ изъ нея злаго демона (= нечестивую душу) и удаляетъ его изъ здѣшняго міра въ міръ загробный (= въ подземное царство Смерти); пѣтухъ, кошка и собака, какъ мнѣшескіе представители грозоваго пламени и вихрей, признавались необходимыми спутниками тѣни усопшаго, призванными сопровождать ее на тотъ свѣтъ. Въ образѣ коровы издревле олицетворялась черная молніеносная туча, а съ этою послѣднею были нераздѣльны представленія нечистой силы и смерти. Изъ свидѣтельствъ памятниковъ и народныхъ преданій извѣстно, что въ отдаленной языческой древности, вѣсть съ трупомъ покойника, сожигались корова, собака и пѣтухъ. Впослѣдствіи этотъ погребальный обрядъ получаетъ характеръ уголовного возмездія и совершается только въ исключительныхъ случаяхъ, съ цѣлію увеличить позоръ смертной казни за особенно-важныя преступленія. Когда вайделотка, хранительница священнаго огня, теряла свое дѣвство, литовцы зашивали ее въ кожаный мѣшокъ съ кошкою, собакою и змѣею, вывозили на парѣ черныхъ коровъ на мѣсто казни и зарывали въ землю или топили въ водѣ ¹⁾. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику сказано: «кто убьетъ до смерти отца или мать, или кто хоти сродича своего убьетъ, и тому дати сыну муку: въ торгу его возити и тѣло его клещами рвати и по тому посадити на него

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск., 20.

собаку, кура и ужа и кота, и то все вмѣстѣ собравши съ нимъ въ водѣ затопить. А которая дочь отца убьетъ или мать—и указъ тотъ-же.» Литовскій Статутъ за означенное преступленіе постановляетъ: «всадити въ мѣхъ скуряный съ псомъ, куремъ, ужомъ, кошкой и зашить» ¹⁾. У германцевъ мать-дѣтоубійцу завязывали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, кошкою и змѣею и топили въ водѣ; таже кара у римлянъ постигала убійцу отца или матери, но кошка замѣнялась обезьяною ²⁾.

Съ колдовствомъ нераздѣльно понятіе о превращеніяхъ. Вѣра въ превращенія или оборотничество принадлежитъ глубочайшей древности; источникъ ея таится въ метафорическомъ языкѣ первобытныхъ племенъ. Уподобляя явленія природы различнымъ животнымъ, называя тѣ и другія тождественными именами, древній человекъ долженъ былъ наконецъ увѣровать въ дѣйствительность своихъ поэтическихъ представленій, какъ скоро обозначающія ихъ слова и выраженія потеряли для него свою первичную прозрачность. Въ началѣ способность превращеній исключительно связывалась съ существами стихійными, принадлежащими міру фантазіи и мифа. Ходячія по небу, дышашія вѣтрами, дождевыя, градовыя и снѣжныя облака (какъ мы знаемъ) олицетворялись то легкокрылыми птицами, то быстроногими конями и оленями, борзыми собаками, рысучими волками, медвѣдями, кошками, рысами, дойными коровами, козами, овцами и такъ далѣе. Рядомъ съ этимъ, облака, тучи и туманы, какъ темные покровы, застилающіе собой ясное небо ³⁾, представлялись ру-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, 83—84, 116—7. — ²⁾ Deutsche Rechtsalt., 697; сравни свидѣтельства о повѣшеніи преступниковъ съ волками и собаками — *ibid.*, 685—6. — ³⁾ До сихъ поръ о туманномъ, облачномъ небѣ говорится: занолело; въ областныхъ говорахъ облако называется: наволока — ср. Поэт. Вое., I, 542—3.

номъ или звѣринными шкурами, въ которыя облачаются — одѣваются безсмертные владыки надземныхъ странъ. Богъ-громовникъ и сопутствующіе ему духи бури, вихрей и дождей постоянно являются въ облачныхъ нарядахъ, и слѣдовательно переодѣтыми или превращенными въ птицъ и звѣрей. Языкъ и преданія ярко засвидѣтельствовали тождество понятій превращенія и переодѣванія: слова оборотиться, обернуться (об-воротиться, об-вернуться) означаютъ собственно: укутаться, покрыть себя платьемъ, а пре-вратиться — переодѣться, измѣнить свою одежду (=своей внѣшней видъ), надѣть ее наизуворотъ; въ позднѣйшемъ переносномъ смыслѣ малор. перевертень, серб. превртльнь, превршага —человѣкъ измѣнчивый, непостоянный. Созерцая въ полетѣ грозовыхъ тучъ толпы оборотней, т. е. демоновъ, облачившихся въ животненныя шкуры, и переводя это воззрѣніе въ символическій обрядъ, предки наши допустили въ своихъ религиозныхъ играхъ участіе окрутниковъ (I, 717-8). «Окрутниками» называются всѣ замаскированные, наряженные по свѣточному, одѣтые въ мехнатая шкуры или вывороченные тулупы, отъ слова крутить, которое отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести перешло къ опредѣленію понятій: одѣвать, наряжать (окрута — женское нарядное платье и вообще одежда, округить — одѣть, округаться и округиться —нарядиться, маскироваться¹⁾), и въ этомъ смыслѣ явилось синонимомъ глаголамъ: облача(н)ть и оборотить (обворотить), точно также, какъ слово окрута — одежда тождественно по значенію съ словомъ облако (облаченіе). Очевидно, что и колдуны; и вѣдьмы, по своей тѣсной связи съ облачнымъ міромъ, должны были усвоить себѣ чудесную способность превращеній. Одно изъ названій, знаменующихъ волшебныя чары: кудеса въ нѣвгородской губ. служитъ для обозначенія обрядоваго рѣженья,

¹⁾ Обл. сл., 140.

окручиванія въ мохнатыя шкуры: кудесъ — замаскированный челоѡкъ (кудесникъ, кудесница), кудесить — маскироваться ¹⁾; сравни лат. *lagvo* — околдовать, обворожить и *lagva* (нѣм. *lagve*) — личина, маска, привидѣніе; боги, духи, вѣщіе люди и сильномогучіе богатыри (= представители стихійныхъ силъ природы, низведенные съ теченіемъ времени на степень народныхъ героев) превращаются въ различные образы, надѣвая на себя шапку-невидимку, т. е. окутываясь облакомъ. ²⁾ Согласно съ демоническимъ характеромъ колдуновъ, одно изъ главнѣйшихъ ихъ превращеній есть превращеніе въ волка; ибо этотъ хищный, лукавый звѣрь выступаетъ въ старинныхъ мифахъ, какъ воплощеніе мрачныхъ тучъ, разрушительныхъ бурь и зимней стужи, какъ демонъ, пожирающій небесныхъ коровъ (= дождевыя облака) и чрезъ то наводящій на землю неурожай и моръ. Рядясь въ волчьи шкуры, колдуны рыщутъ голодными, жадными волками, и получаютъ названіе вовкулаковъ. Славянская Коричная книга сохранила драгоценное указаніе, что въ этихъ оборотняхъ народъ видѣлъ нѣкогда стихійныхъ духовъ, нагоняющихъ на горизонтъ темныя тучи, а не простыхъ смертныхъ: «облаки гонеште и отъ селянъ влѣ кодлаци нарицаются» (I, 736), что совпадаетъ съ вышеприведеннымъ названіемъ вѣдуновъ и чародѣевъ облакопрогонниками. Волкодлакъ (малор. вовкулакъ, вавкунъ, бѣлор. вавкалакъ, пол. *wilkołak*, *wilkołek*, чеш. *wlkodlak*, серб. вукодлак, даим. *vakudluk*, рагуз. *vukolak*, трансил. *vasodlac*; у болгаръ и словаковъ удержалась болѣе древняя форма: *vrkodlak*; у латговъ *wilkats* отъ *wilks*—*lupus*) — слово сложное изъ волкъ, снкр. *vrka*, и длака (*dlak*) — шерсть, руно, колокъ волосъ, и означаетъ существо, покрытое волчьей шерстью или шкурою. Преданія о волкахъ-оборотняхъ извѣстны у всѣхъ ин-

¹⁾ Ibid., 95; Доп. обл. сл., 94. — ²⁾ D. Myth., 903.

доевропейскихъ народовъ, и тѣмъ ясно указываютъ на свое незапамятно-давнее происхожденіе. У нѣмцевъ вовкулакъ—*vegwolf* (англос. *vegevulf*, англ. *wegewolf*, гот. *vairg-vulfs*), т. е. шапwolf, волколюдь, греч. *λυχάνθρωπος*; первая часть слова *veg*—гот. *vairg*, англос. *veg*, лат. *vir*—мужъ, человѣкъ. Замѣчательно что въ Митиленѣ и на прибрежьяхъ Малой Азіи греки до настоящаго времени называютъ волчьихъ оборотней именованъ, буквально-тождественнымъ съ нашимъ вовкулакомъ: *βρόχολαχος*, и самыя сказанія о нихъ существенно ничѣмъ не отличаются отъ преданій славянскихъ ¹⁾. Древнѣйшее свидѣтельство о вовкулакахъ находимъ у Геродота ²⁾, который упоминаетъ, что Нурь или Невры (народъ, признаваемый Шафарикомъ за славянское племя) почитались у грековъ и скивовъ чародѣями и что про нихъ рассказывали, будто бы каждый изъ невровъ единожды въ году обращается на нѣсколько дней въ волка, а потомъ снова принимаетъ свой человѣческій обликъ ³⁾. Время такого превращенія, вѣроятно, совпадало съ колядскимъ праздникомъ, когда на лысой горѣ гуляютъ вѣдуны и вѣдмы вмѣстѣ съ нечистыми духами и оборотнями, а въ деревняхъ и селахъ бѣгаютъ по улицамъ раженые. Сербь утверждаютъ, что вукодлаки преимущественно показываются въ зимнюю пору «од Божића до Спасова дне» ⁴⁾. У поляковъ встрѣчаемъ повѣрье, что оборотни превращаются въ волковъ два раза въ годъ: на Коляду и Иванову ночь, слѣдовательно въ тѣже сроки, въ которые бывають главныя вѣдовскія сборища. Жители Митилена и прибрежьевъ Малой Азіи особенно опасаются вовкулаковъ на Рождественскіе Святки и въ страстную недѣлю, т. е. при поворотѣ солнца на лѣто и при

¹⁾ Москв. 1853, V, 3; D. Myth., 1048; Zeitschr. für D. M., IV, 195. — ²⁾ Ев. IV, гл. 105. — ³⁾ Слав. Древности, т. I, кн. I, 323, 327; Повѣт. Воз., I, 741. — ⁴⁾ Срп. рјечник, 79.

началѣ весны ¹⁾. Любопытны славянскія преданія о волчь-емъ пастырѣ: подѣ этимъ именемъ разумѣется владыка бурныхъ грозъ, которому подвластны небесныя волки, слѣдующіе за нимъ большими стаями и въ дикой (грозовой) охотѣ змѣняющіе собою гончихъ псовъ. Въ германской мифологіи это — Одинъ, въ услугахъ котораго состоятъ два славные волка; на Руси волчьимъ пастыремъ считается Егорій Храбрый, наслѣдовавшій подвиги и заботы древняго громовника. Позабывъ о мифическихъ волкахъ-тучахъ, народъ отдалъ ему во власть волковъ обыкновенныхъ, лѣсныхъ. Такъ какъ богъ-громовникъ является очамъ смертныхъ въ облачномъ одѣяніи, то создалось представленіе, что онъ самъ рядится въ мохнатую шкуру волка, принимаетъ на себя образъ этого звѣря и становится вовкулакомъ. Въ Бѣлоруссіи роль волчьего пастыря возлагается на мифическаго властелина лѣсовъ — Полисуна, котораго народная фантазія изображаетъ мохнатымъ и съ козлиными ногами (I, 711); древне-чешскій лексиконъ Вацерада толкуетъ слово *vilkodlak* — *faunus*, а въ Далмаціи *va k'i dlu k* означаетъ великана, — каковыя данныя указываютъ на связь волчьего пастыря съ исполнителскимъ охотникомъ, который во время бурной грозы гонится, въ сопровожденіи лающихъ собакъ, за лѣсными нимфами ²⁾. По хорутанскимъ преданіямъ, *vičji pastir* выѣзжаетъ верхомъ на волкѣ, имѣя въ рукахъ длинный бичъ, или шествуетъ впереди многочисленной стаи волковъ и умиряетъ ихъ дубинкою (громовою палицею). Онъ то показывается въ видѣ стараго дѣда, то самъ превращается въ волка, рыщетъ по лѣсамъ хищнымъ звѣремъ и нападаетъ на деревенскія стада. Народныя приповѣдки рассказываютъ, какъ этотъ оборотень, останавливаясь подѣ тѣнистымъ деревомъ, превращается изъ звѣря въ старца, собираетъ вокругъ себя

¹⁾ *Zeitsch. für D. M.*, IV, 196—7. — ²⁾ *Ibidem.*

волковъ, кормить ихъ ¹⁾ и каждому опредѣляетъ его добычу: одному волку приказываетъ зарѣзать корову, другому заѣсть овцу, свинью или жеребенка, третьему растерзать человѣка и такъ дал. Кого назначить онъ въ жертву волка, тотъ, не смотря на всѣ предосторожности, уже не избѣгнетъ своей судьбы: въ урочный часъ звѣрь настигнетъ и пожретъ его. Чтобы охранить стадо отъ хищничества волковъ, крестьяне приносятъ въ даръ ихъ пастырю молоко ²⁾. У французовъ ходятъ рассказы о волчьихъ вожатыхъ — вѣщихъ людяхъ, обладающихъ тайною силою покорять волковъ, которые ласкаются къ нимъ, какъ смиренныя собаки ³⁾. По русскимъ повѣрьямъ, вовкулаки бываютъ двухъ родовъ: это или колдуны, принимающіе звѣриный образъ, или простые люди, превращенные въ волковъ чарами колдовства. Колдуны рыщутъ волками обыкновенно по ночамъ (т. е. во мракѣ, наводимомъ черными тучами), днемъ-же снова воспринимаютъ человѣческія формы; они состоятъ въ близкихъ сношеніяхъ съ нечистыми духами, и самое превращеніе ихъ въ волковъ совер-

¹⁾ По свидѣтельству одной приповѣдки, онъ раздавалъ волкамъ по небольшому куску хлѣба и сыра, и такую-же долю отдавалъ встрѣчному путнику, который, вкусивъ этой пищи, въ продолженіи двухъ недѣль не чувствовалъ ни малѣйшаго голода. — ²⁾ Сб. Валавца, 92—98. Согласно съ олицетвореніемъ тучъ то различными звѣрями, то птицами, то рыбами, хорутанская сказка (*ibid.*, 103) упоминаетъ еще пастырей птичьего и рыбьяго, а сказки русскія говорятъ о трехъ вѣщихъ старухахъ, изъ которыхъ одна властвуетъ надъ лѣсными звѣрями, другая надъ воздушными птицами, а третья надъ морскими рыбами и гадами — Н. Р. Ск., VII, 4, 6, 7; Лѣт. рус. лит., кн. V, 11; сравни сб. Валавца, 104—6; Штиръ, 10—11. Валахская сказка даетъ власть надъ звѣрями и птицами св. Недѣлькѣ (= Фрей), которая играетъ въ свираль (= заводитъ грозовую пѣсню), и послушныя могучиимъ звукамъ — бѣгутъ къ ней изъ лѣсовъ и полей звѣри и спускаются съ воздушныхъ высотъ птицы. — ³⁾ Совр. 1862, I, ст. Жоржъ-Занда, 74—75.

шается при помощи дьявольской ¹⁾. По словам барона Гакстаузена ²⁾, въ Арменіи существуетъ повѣрье, что нѣкоторыя женщины (вѣдьмы?) за тяжкіе грѣхи свои превращаются въ волчицъ на семь лѣтъ (т. е. на семь зимнихъ мѣсяцевъ); тоже число лѣтъ назначаютъ хорутанскія сказки для волчяго пастыря: семь лѣтъ бѣгаетъ онъ волкомъ, а потомъ оборачивается человѣкомъ. Ночью является злой духъ къ нечестивой бабѣ, приноситъ волчью шкуру и приказываетъ надѣть ее; какъ скоро баба облечется въ этотъ нарядъ—въ ту же минуту совершается превращеніе, и вслѣдъ затѣмъ она получаетъ всѣ волчьи привычки и желанія. Съ той поры она всякую ночь рыщетъ прожорливой волчицею и наноситъ людямъ и животнымъ страшный вредъ, а съ туреннымъ разсвѣтомъ снимаетъ съ себя волчью шкуру, тщательно прячетъ ее и принимаетъ свой прежній человѣческій образъ. Разъ кто-то забрѣлъ въ пещеру, въ которой была спрятана волчья шкура; онъ тутъ-же развелъ огонь и бросилъ въ него шкуру. Вдругъ съ жалобнымъ воплемъ прибѣгаетъ баба и бросается спасать свою звѣриную одежду; попытка ея не удается, волчья шкура сгораетъ и баба-оборотень исчезаетъ вмѣстѣ съ клубящимся дымомъ. Такъ гибнетъ облачная жена въ грозовомъ пламени, пожигающемъ ея волчью «длаку», т. е. черную тучу. И по нѣмецкимъ повѣрьямъ превращеніе въ волка совершается чрезъ набрасываніе на себя волчьей сорочки (шкуръ, *Alfahant* = *wolfhemd* или волчяго пояса (*wolfgürtel*). Каждый, надѣвающій волчью сорочку, дѣлается оборотнемъ и въ теченіи девяти дней бѣгаетъ волкомъ; на десятый же день сбрасываетъ съ себя звѣриную кожу и возвращается въ прежнее свое состояніе. По указанію дру-

¹⁾ Москв. 1853, V, 11; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 90; Моск. Телеграфъ 1830, XIX, 416. — ²⁾ Закавказ. край, II, 61.

гихъ сагъ, онъ пребываетъ въ волчьемъ образѣ три, семь или девять годовъ (— семь зимнихъ мѣсяцевъ, или во все продолженіе осени, зимы и дождливой весны — до наступленія ясныхъ дней лѣта, каковыя три времени года равняются девяти мѣсяцамъ). Обращиваясь волкомъ, человѣкъ приобретаетъ голосъ и хищническія наклонности этого звѣря: удаляется въ лѣса, нападаетъ на путниковъ и домашній скотъ, и томимый голодомъ дико воетъ и даже пожираетъ падалъ ¹⁾).

Вѣдуны и вѣдьмы могутъ обращаться и во всѣхъ другихъ животныхъ, въ формахъ которыхъ фантазія младенческихъ народовъ любила живописать облака, тучи и туманы. Они или развѣвываютъ по воздуху на мнѣческихъ звѣряхъ, птицахъ и гадахъ, или — что совершенно тождественно — сами принимаютъ ихъ образы и блуждаютъ по свѣту различными оборотнями. О вовкулакахъ великорусскіе поселяне, позабывъ коренной смыслъ означеннаго названія, рассказываютъ, что это — колдуны, одаренные способностью превращаться въ волковъ или медвѣдей ²⁾). Извѣстный писатель прошлаго столѣтія Татищевъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей «Россійской Исторіи» ³⁾ говоритъ: «я невѣсьма давно отъ одного знатнаго, но неразумнаго дворянина слышалъ, яко-бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышавшіе довольно вѣрили». Скандинавская старина также допускала превращеніе въ медвѣжій образъ, и въ Норвегіи до сихъ поръ существуетъ убѣжденіе, что подобнымъ чародѣйнымъ искусствомъ обладаютъ лапландцы; а датская пѣсня упоминаетъ о желѣзномъ ошейникѣ (eisenhalsband), надѣвая который — человѣкъ дѣлается медвѣдемъ. Вѣдьмы часто превращаются въ коровъ и кобылицъ, а колдуны — въ быковъ и жеребцовъ, и отъ этихъ животненныхъ образовъ удержива-

¹⁾ D. Myth., 1048—9; Germ. Mythen, 691—2. — ²⁾ Обл. Сл., 27. — ³⁾ I, 110.

ють они нѣкоторыя особенности даже въ то время, когда являются въ человѣческомъ видѣ. Такъ вѣдьму народъ нашъ изображаетъ съ хвостомъ, котораго она не въ силахъ скрыть ни въ одномъ изъ своихъ превращеній а колдуна — съ рогами ¹⁾. Сходно съ этимъ, человѣка-вовкулака легко узнать по шерсти, растущей у него подъ языкомъ ²⁾. Когда вѣдьма превращается въ кобылицу, чортъ подковываетъ ее и заставляетъ носить себя по воздуху. Народныя сказки повѣствуютъ о добрыхъ молодцахъ, которымъ удавалось накидывать на вѣдьму узду, и она тотчасъ-же оборачивалась кобылою; молодецъ подковывалъ эту кобылу, садился на нее верхомъ, и ударяя ее осиновымъ полѣномъ, скакалъ по горамъ и доламъ. На другой день на рукахъ и ногахъ у вѣдьмы оказывались прибитыя гвоздями подковы ³⁾. Пугая по ночамъ людей; вѣдуны и вѣдьмы бѣгаютъ въ видѣ свиней, собакъ и кошекъ. На Украинѣ ходятъ рассказы, будто вѣдьмы превращаются въ огромныхъ, чудовищныхъ сукъ съ длинными сосцами, которые волочутся по землѣ — «ажъ телепаютця»: эта послѣдняя черта объясняется изъ древняго представленія дождевыхъ тучъ материнскими грудями. Фантазія надѣляетъ облачныхъ женъ длинными, отвислыми грудями (см. выше стр. 119, 468), и сохраняетъ за ними эту особенность при всѣхъ животненныхъ воплощеніяхъ. Рассказываютъ еще, что вѣдьмы, вмѣсто двухъ, имѣютъ три сосца ⁴⁾. Кошка—одно изъ любимыхъ воплощеній вѣдьмы,

¹⁾ По германскимъ сказаніямъ, богиня Perchta носить коровью шкуру, Huldra имѣетъ коровій хвостъ, а предводительница неистоваго воинства надѣляется въ Норвегіи кобыльимъ хвостомъ и называется Ryssarofa (hryssa — лошадь, ofa — хвостъ) — Die Götterwelt, 27. — ²⁾ Терещ., VI, 102; Lud Ukrain., II, 80; Рус. Предан., II, 103 и дол.; Киев. Г. В. 1845, 16. — ³⁾ Н. Р. Ск., VII, 36, с; Илечь, 290; Germ. Mythen, 711. — ⁴⁾ Москв. 1844, XII, 40. Иллюстр. 1846, 134; Укр. мелодіи, 112; Полтав. Г. В. 1844, 20; Киев. Г. В. 1845, 13.

равно известное у славянъ и нѣмцевъ; въ Германіи вѣдьмъ называютъ *wetterkatze*, *doppelkatze*, и тамъ существуютъ повѣрья, что кошка, когда проживетъ двадцать лѣтъ, становится вѣдьмою, и что чужимъ кошкамъ не слѣдуетъ причинять вреда, а то вѣдьмы будутъ за нихъ мстить ¹⁾). Чехи убѣждены, что черная кошка черезъ семь лѣтъ дѣлается вѣдьмою, а черный котъ — дьяволомъ, что черезъ нихъ совершаются волшебныя чары и что колдуны постоянно держатъ съ ними совѣтъ ²⁾). По русскимъ повѣрьямъ, въ кошекъ и собакъ входятъ во время грозы нечистые духи; вѣдьмы же, превращаясь въ этихъ животныхъ, высасываютъ у коровъ молоко. Въ Мазовіи есть разсказъ о вѣдьмѣ, которая въ образѣ кошки отымала у коровъ молоко; разъ ночью захватили эту кошку на промыслѣ, и прежде, чѣмъ она успѣла скрыться, обрубили ей два пальца на передней лапѣ; а на утро оказалось, что именно двухъ пальцевъ не доставало на рукѣ у одной вражьей бабы ³⁾). Какъ превращеніе въ звѣриныя образы совершается при посредствѣ мохнатыхъ шкуръ, надѣваемыхъ на себя человѣкомъ; такъ точно превращеніе въ птицу условливается набрасываніемъ на человѣческое тѣло крыльевой птичьей шкурки ⁴⁾, или такъ называемой пернатой сорочки. Народныя преданія нѣмецкія и славянскія разсказываютъ о прекрасныхъ нимфахъ, которыя, облекаясь въ лебединыя и голубиныя сорочки, летаютъ по воздуху бѣлыми лебедями и голубками, а снимая съ себя эти сорочки — становятся дѣвами (см. I, 540; II, 217; III, 187—193). Локи выпросилъ у Фрей ея соколюю одежду (*vals-hamr* = *falkengewand*) и полетѣлъ быстрымъ соколомъ; а великанъ Тіасси, нарядившись въ одежду орлиную, преслѣдовалъ его, какъ орелъ; одна изъ валькирій, предаваясь воздушному

¹⁾ D. Myth., 1042, 1051. — ²⁾ Громанъ, 56—57, 201. — ³⁾ *Zagusy domowe*, III, 172—3. — ⁴⁾ Рыбниъ., IV, 229—230.

полету, набрасывала на себя *krähengewand* ¹⁾). Сказка, занесенная въ сборникъ Боричевского ²⁾, упоминаетъ о превращеніи вѣдьмы въ огромнаго сокола. Въ Германіи увѣряютъ, что колдуны оборачиваются въ воронъ, а вѣдьмы — въ воронъ ³⁾; въ областныхъ русскихъ говорахъ каркунъ означаетъ и ворона, и завистливаго человѣка, который можетъ сглазить, изурочить; каргá — ворона и бранное названіе злой бабы или вѣдьмы («ахъ, ты старая карга!»). Наконецъ вѣщица — не только вѣдьма, но и сорока ⁴⁾. Согласно съ своими демоническими наклонностями, вѣдьмы по преимуществу обращаются въ зловѣщихъ, темнопѣрыхъ и ночныхъ птицъ: лат. *strix*, род. *strigis* (στρ(γ)ξ) — ночная птица, сова, привидѣніе и колдунья, занимающаяся порчею дѣтей; чешск. *střiba*, словац. *struga*, пол. *strzyga* — вѣдьма, хорут. и хорв. *strigoń* — ушурь ⁵⁾. Напротивъ о голубѣ существуетъ въ воронежской губ. повѣрье, что эта птица преисполнена такой чистоты и святости, что ни одна вѣдьма не въ силахъ воспринять ея образа ⁶⁾. Больше всего вѣдьмы любятъ превращаться въ сороку. О происхожденіи этихъ послѣднихъ рассказываютъ на Руси, что въ стародавніе годы обернулась вѣская вѣдьма сорокою, да такъ навсегда и осталась птицею; съ тѣхъ поръ и явились на бѣломъ свѣтѣ сороки ⁷⁾. По свидѣтельству народной пѣсни, Марина Миншекъ (признанная современниками за чародѣйку) въ ту самую ночь, когда разразилась московская смута, оборотилась сорокою и улетѣла изъ царскихъ теремовъ ⁸⁾. Въ оловнецкой губ. сохраняется преданіе, будто одинъ старикъ поймалъ сороку за

¹⁾ Germ. Mythen, 691. — ²⁾ Пов. и пред., 107—111. — ³⁾ D. Myth., 1052. — ⁴⁾ Обл. Сл., 34, 80; Вятск. Г. В. 1847, 45. — ⁵⁾ D. Myth., 992, 1068; Диеенбахъ, II, 343. — ⁶⁾ Ворон. Г. В. 1850, 20. — ⁷⁾ Духъ Христіан. 1861—2, XII, 270. — ⁸⁾ Кирша Дан., 104.

хвостъ, но она вырвалась и улетѣла, а въ рукахъ старика осталась женская рубашка: пойманная имъ сорока была вѣдьма ¹⁾. Народная сказка говоритъ о вѣдьмѣ, которая прилетала къ своему любовнику птицею, и снимая съ себя перья—являлась передъ нимъ страстною женщиной ²⁾. Въ томской губ. думаютъ, что для такого превращенія вѣдьмѣ необходимо бучное корыто: намекъ на повѣстическое представленіе грозы стиркою облачныхъ тканей въ дождевомъ щелокѣ. Ложась подъ это корыто, она тотчасъ-же выпархиваетъ оттуда сорокою, при чемъ руки ея преобразуются въ крылья ³⁾. Любопытенъ рассказъ Татищева: «въ 1714 году (говоритъ онъ) заѣхалъ я въ Лубны къ фельдмаршалу графу Шереметеву и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и она съ пытки въ томъ винилась. Я хотя много представлялъ, что то неправда и баба на себя лжетъ, но фельдмаршалъ нисколько мнѣ не внималъ. Послѣ долгихъ увѣщаній баба призналась, что наклепала на себя, не стерпя мучительной пытки, и что, кромѣ лѣчебныхъ травъ, она ничего не вѣдаетъ; казнь была отмѣнена и несчастную знахарку сослали въ монастырь подъ начало ⁴⁾. По словамъ простолюдиновъ, въ Москвѣ потому не видно сорокъ, что въ былое время въ видѣ этихъ птицъ прилетали сюда вѣдьмы, и одна изъ нихъ похитила частицу св. причастія, а митрополитъ Алексѣй проклялъ за это сорокъ и запретилъ имъ приближаться къ первопрестольному граду ⁵⁾. Чтобы напугать вѣдьмъ, крестьяне убиваютъ сороку и вѣшаютъ ее возлѣ коровниковъ и конюшенъ. Кромѣ того, вѣдуны и вѣдьмы могутъ превращаться и въ нѣкоторые неодушевленные предме-

¹⁾ Описаніе олон. губ. Дашкова, 190—1. — ²⁾ Н. Р. Сж., VIII, 16, а. — ³⁾ Этн. Сб., VI, 148. — ⁴⁾ Истор. Росс., I, 110—1. — ⁵⁾ Иллюстр. 1845, 415.

ты: въ влѣбокѣ нитокѣ (о чемъ сказано выше, стр. 467), въ свѣжнѣй комѣ, камень и копну сѣна ¹⁾, что безъ сомнѣнїя стоитъ въ связи съ уподобленїемъ скученныхъ облаковъ прѣжѣ, скаламъ, стогамъ и копнамъ.

Народный эпосъ любитъ останавливаться на таинственной наукѣ оборотничества и нерѣдко заставляетъ своихъ героевъ

По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ вѣрономъ,
По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
По крутымъ горамъ тонкимъ, бѣлымъ горностаемъ,
По синимъ морямъ плавать сѣрой утушкой ²⁾.

Богатырь Волхъ Всеславьевичъ, ния и подвиги котораго указываютъ на его чародѣйное значенїе (когда онъ родился — сотряслось все царство индѣйское), съ дѣтства учился тремъ премудростямъ: оборачиваться яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ и гнѣдымъ туромъ — золотые рога; да дѣе былина рассказываетъ, что онъ оборачивался горностаемъ и мурашкою. Царь Афромей, по свидѣтельству былинъ объ Иванѣ Годяновичѣ,

Скоро вражду (ворожбу) чинилъ:
Частыя поля туромъ перескакалъ,
Темныя лѣса сободемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣчки соколомъ перелеталъ ³⁾.

Слово о полку замѣчаетъ о князѣ Всеславѣ, что у него вѣщая душа была въ тѣлѣ, что онъ «въ ночь влѣкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ (— до пѣтуховъ)

¹⁾ Абев., 79. — ²⁾ Рыбник., I, 434; IV, 95 — 96. — ³⁾ Кирша Дан., 47, 50—51, 142. Въ одной изъ великорусскихъ пѣсенъ (О. З. 1860, V, 110) дѣвица, отданная замужъ въ чужеземную сторону, прилетаетъ оттуда на родину горемычною кукушкою, а въ другой сестры идутъ искать своего милого брата:

Какъ и старшая сестра въ морѣ щукою,
А середняя сестра въ полѣ соколомъ,
А меньшая сестра въ небѣ звѣздочкою.

Тмуторокана, великому Хръсови ¹⁾ вълкомъ путь прерыскаше ²⁾, т. е. достигалъ Тмутаракани до разсвѣта, предупреждая восходъ Солнца.

Въ зимніе мѣсяцы небо и царствующія на немъ свѣтила помрачаются густыми туманами, богъ-громовникъ перестаетъ разить демоновъ и заключается въ окованныя стужей тучи; такимъ образомъ всѣ свѣтлые боги облекаются въ темные облачные покровы и теряютъ свою благодатную силу, или выражаясь мифически: надѣваютъ мохнатыя одежды, дѣлаются оборотнями и подчиняются злой чародѣйкѣ Зимѣ. Въ ту печальную пору колдуны, вѣдьмы и демоническіе духи овладѣваютъ небеснымъ царствомъ, набрасываютъ на боговъ волчьи и другія звѣриныя шкуры, превращаютъ ихъ въ мифическихъ животныхъ, въ образахъ которыхъ и пребываютъ они до начала весны. Такое невольное превращеніе въ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ называется околдованіемъ, зачарованіемъ, заклятіемъ. Въ разныхъ отдѣлахъ настоящаго сочиненія уже были приведены и объяснены нѣкоторыя изъ этихъ сказаній (см. I, 787-793 — о свиномъ чехлѣ и добромъ молодцѣ Незнайкѣ, который ридится въ волчью шкуру); но эпосъ народный чрезвычайно богатъ подобными поэтическими изображеніями, и мы позволяемъ себѣ указать еще нѣсколько примѣровъ. Остановимся на сказкѣ о

¹⁾ О значеніи Хорса см. статья Бодянского — въ Ч. О. И. и Д., годъ 1-й, II, 8—11, Срезневскаго — въ Ж. М. Н. П. 1846, VII, 49—51, и Прейса—*ibid.* 1841, II, 31—37. Имя Хорсъ (Хърсъ, Хръсъ) встрѣчается во многихъ старинныхъ памятникахъ (П. С. Р. Л., I, 34; Изв. Ак. Н. 1853, 118; Лѣт. рус. лит., кн. V, 5; т. IV, 89, 92—99, 104; Оп. Румян. Муз., 228; Пам. стар. рус. литер., III, 119; Щаповъ, 8); исследователи признаютъ его тождественнымъ Дажьбогу: въ санскр. солнце—*sûrga* (ведич. *sûr, sûga*) = *svarga* отъ *svag*—свѣтъ, небо: слову *svag* въ вѣдскомъ соответствуетъ *hvarǵ*, род. *hûrǵo*—солнце, перс. *chûr, hûr*, осс. *chur* (Пянте, II, 667). — ²⁾ Рус. Дост., III, 196—200.

заклятыхъ дѣтяхъ. «Еслибъ Иванъ-царевичъ взялъ меня за-
 нужь (говорить красная дѣвица), я бы родила ему сыновей—
 но колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сереб-
 рѣ, или: во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтѣль
 мѣсяцъ, по косицамъ частыя звѣзды». Иванъ-царев-
 ничъ взялъ за себя дѣвицу; пришло время, родила ему царев-
 на сыновей—такихъ ненаглядныхъ, какихъ общала; но злая
 вѣдьма (иногда ее замѣняютъ завистливыя сѣстры: пряха,
 что съ помощію одного веретена можетъ одѣть все царство,
 и искусная ткачиха, общающая, выткать коверъ-самолѣтъ,
 т. е. вѣщія жены, изготовительницы облачныхъ тканей, и
 вмѣстѣ съ тѣмъ злыя парки) подмѣняетъ ихъ щенками и
 котятами, а настоящихъ дѣтей прячетъ въ подземелье
 возлѣ стараго дуба. Родила еще царевна сына-богатыря и
 успѣла скрыть его отъ вѣдьмы за пазухой; между тѣмъ ее осу-
 дили, посадили въ смоленую бочку, оковали желѣзными
 обручами и пустили въ океанъ-море глубокое,
 а Иванъ-царевичъ женится на дочери хитрой волшебницы.
 Долго носило бочку по морю и наконецъ прибило къ далекому
 берегу, а тѣмъ временемъ сынъ-богатырь растетъ не по
 днямъ, а по часамъ, какъ тѣсто на опарѣ всходитъ; выросъ,
 потянулся—и вигъ бочку разорвало, желѣзные обру-
 чи поспадывали. Мать съ сыномъ выходитъ изъ бочки;
 богатырь съ помощію кремня и огнива, топора и дубин-
 ки (эмблемы молніи) строитъ славный дворецъ, добываетъ
 разныя диковинки (мельницу, которая сама молетъ, сама
 вѣетъ, пылъ на сто верстъ мечетъ, котъ-баюна, кото-
 рый пѣсни поетъ, сказки сказываетъ, и золотое дерево съ
 пѣвчими на немъ птвцами) и освобождаетъ изъ подземелья
 братьевъ. Доходитъ о томъ слухъ до Ивана-царевича; онъ при-
 ѣзжаетъ посмотреть на диковинки — тутъ все изобличается,
 вѣдьму предають казни, и царевичъ беретъ къ себѣ прежнюю

жену. Интересенъ вариантъ, записанный въ персской губерніи: молодая царица родила трѣхъ чудесныхъ младенцевъ; баба-яга вызвалась быть повитухою, оборотила царевичей волчатами, а взамѣнъ ихъ подложила простаго крестьянскаго мальчика. Царь разгнѣвался на жену, велѣлъ посадить ее вмѣстѣ съ ребенкомъ въ бочку и пустить въ синѣ море. Бочка пристаеъ къ пустынному берегу и развѣливается; царица и подкидышъ выходятъ на сухое мѣсто, молятъ Бога даровать имъ хлѣбъ насущный, и по ихъ молитвѣ превращается вода въ молоко, а песокъ въ кисель. Проходили мимо нищія и немало дивилися, что вотъ живутъ себѣ люди — о хлѣбѣ не думаютъ: подъ руками рѣка молочная, берега кисельные; пришли къ царю и рассказали ему про то диво неслыханное. А царь уже успѣлъ на другой жениться — на дочери бабы-яги. Услыхала тѣ рѣчи новая царица, выскочила и крикнула: «кое диво рассказываютъ! у моей матушки есть получше того: кувшинъ о семи рожкахъ — сколько ни ѣшь, сколько ни пей, все не убываетъ». Этими словами она отуманила царя: то хотѣлъ было ѣхать, на диво посмотрѣть, а то и думать пересталъ. Когда свѣдалъ про это подкидышъ, тотчасъ-же собрался въ путь и унесъ у бабы-яги завѣтный кувшинъ. Снова заходятъ къ царю нищія, рассказываютъ про рѣку молочную, берега кисельные и кувшинъ о семи рожкахъ. Ягвинишна выскочила: «нашли, говорятъ, чѣмъ хвастаться! у моей матушки получше того: зеленый садъ, въ томъ саду птицы райскія, поютъ пѣсни царскія». Подкидышъ отправился садъ добывать, обошелъ вокругъ него, и произнесъ заклятіе: «какъ дуетъ вѣтеръ, такъ лети за мною зеленый садъ!» заигралъ въ дудочку — и въ ту же минуту деревья двинулись съ мѣста и послѣдовали за своимъ вожатымъ. Тогда ягвинишна стала похваляться зеркальцемъ: «у моей матушки есть почище того: чудное зеркальце — какъ взгля-

нешь въ него, такъ сразу весь свѣтъ увидишь!» Подкидышъ заказалъ кузнецу сковать три прута желѣзные да щипцы, пришелъ къ бабѣ-ягѣ, поймалъ ее за языкъ щипцами, началъ бить прутьями желѣзными и заставилъ отдать себѣ зеркальце. Принесъ зеркало домой; царица глянула въ него и увидѣла своихъ дѣтокъ волчатами—на чистой полянѣ, промежъ густаго орѣшника, по травкѣ-муравкѣ валяются. Подкидышъ вызвался на новое дѣло: онъ пришелъ на поляну, и пока волчата спали—развелъ костеръ и связалъ у нихъ хвосты въ одинъ крѣпкой узелъ, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ: «не пора спать, пора вставать!» Волчата вскочили и рванулись бѣжать въ разные стороны—волчьи шкуры съ нихъ мигомъ слетѣли, и явились три добрыхъ молодца, три родныхъ братца. Подкидышъ схватилъ волчьи шкуры и бросилъ въ огонь; когда онѣ сгорѣли, братья воротились къ матери. Услыхалъ царь про царицу и царевичей, не вытерпѣлъ, поѣхалъ къ нимъ и узналъ все, что было; въ тотъ-же день онъ приказалъ разстрѣлять бабу-ягу вмѣстѣ съ ея дочкой. Сказка эта передается еще съ слѣдующими отнѣнами: царица породила двухъ сыновей и третью дочь-красавицу, которая когда улыбалась—розы сыпались, а когда плакала—вмѣсто слезъ алмазы съ брилліантами падали. При самомъ рожденіи дѣти поднѣваются щенками да котятами; впоследствии царевичи были превращены въ камни, а царевна добываетъ птицу-говорунью, поющее дерево и живую воду; этою водою она возвращаетъ братьевъ къ жизни, колдовство рушится и правда торжествуетъ надъ злостью ¹⁾). Въ нѣмецкой редакціи поющее дерево названо сонненbaum, а живая вода—springende wasser; на солнечномъ деревѣ красуются золотые плоды и блескъ ихъ такъ силенъ, что прогоняетъ ночную тьму. Подоб-

¹⁾ Н. Р. Св., VI, 68—69; VIII, 553—6.

ныя сказки составляютъ общее наслѣдіе индоевропейскихъ народовъ ¹⁾). Вниманіе наше прежде всего останавливается на тѣхъ чудесныхъ примѣтахъ, съ какими рождаются на свѣтѣ царевичи: во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтлѣ мѣсяцъ, по бокамъ (или кощцамъ) часты звѣзды; по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѣребрѣ; волосы у нихъ золотые или на каждомъ волоскѣ по жемчужинѣ; сыная свои шапочки, они все вокругъ себя освѣщаютъ яркими лучами ²⁾). Такія примѣты указываютъ, что это—не простые смертные, а свѣтлые боги, представители высокаго неба и тѣхъ блестящихъ свѣтилъ, которыя присвоены имъ, какъ всегда-присущіе атрибуты. Красное солнце во лбу напоминаетъ глазъ Одина, мѣсяцъ на затылкѣ—лунный серпъ, вѣнчающій голову Діаны, частыя звѣзды по тѣлу—многоочитаго Аргуса; золотые волосы, руки и ноги суть поэтическія обозначенія солнечныхъ лучей. Сестрою этихъ сказочныхъ героевъ является прекрасная дѣва Зоря, разсыпаящая по небу розовые цвѣты и роняющая алмазные слезы въ утренней и вечерней росѣ. Въ соответственной новогреческой сказкѣ ³⁾ прямо указано, что царяцемъ были рождены Солнце, Луна и Денница (о мифической связи денницы съ зорею см. I, 86-88). Рожденіе Солнца праздновалось на Коляду, когда оно поворачиваетъ на лѣто; но этотъ поворотъ совпадаетъ съ самыми сильными морозами, вьюгами, метелями и самыми неистовыми гулбями

¹⁾ Slov. pohad., 470—7; Пантеонъ 1854, V, смѣсь, 1—4; Матер. для изуч. нар. слов., 32—33, 57—72; Гавъ, 69; Рус. Вѣст. 1857, V, 32 (о древне-французской повѣ: „Le chevalier au Cygne); Вольфъ, 168—177; Zeitschr. für D. Myth., I, 453—8. — ²⁾ Н. Р. Ск., VI, 62; Худак., III, стр. 131; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853, 167; сб. Валланда, 124; Шлейхеръ, 10; Срп. припов., стр. 74: „чадо златоруко и златокосо“, стр. 128: дѣва съ звѣздою на правомъ колѣнѣ; D. Myth., 364; сказ. Гримм., I, стр. 56; Шоттъ, 16, 23; Поэт. Воз., I, 699. — ³⁾ Гавъ, II, стр. 40.

щемъ нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ. Злая колдунья Зима тотчасъ же овладѣваетъ свѣтоноснымъ героемъ и его братьями и обращаетъ ихъ въ волчатъ (на языкѣ Эдды: зима — wolfzeit); подити новорожденныхъ щенками и котятами обозначаетъ ту же мысль: боги ли превращаются въ звѣрей, или звѣри заступаютъ ихъ мѣсто—это только различныя формы выраженія, суть же остается неизмѣнною. Сверхъ того, фантазія воспользовалась и другими метафорическими выраженіями: вѣдьма прячетъ новорожденныхъ въ темныя подземелья (= въ мрачныя вертепы тучъ) и даже подвергаетъ ихъ окаменѣнію. Но съ приходомъ весны владычество темныхъ силъ оканчивается: богъ-громовникъ, заключенный въ бочку-облако, несется по воздушному океану, разрываетъ свою темницу и творитъ молочныя рѣки и кисельные берега, т. е. пускаетъ на землю дождевые потоки и производитъ грязи (II, 134-5); окаменѣнные герои оживаютъ, а превращенные сбрасываютъ съ себя чуждыя имъ звѣриныя шкуры и предстаютъ во всей своей нескazanной красотѣ. Такой актъ освобожденія совершается тотчасъ, какъ скоро добыта живая или «прыгающая» вода, т. е. какъ скоро прольется съ неба дождь и зимніе льды и снѣга претворятся въ журчащіе, скачущіе съ горъ потоки. Вотъ почему сказки заставляютъ богатыря - громовника или по другимъ вариантамъ: красавицу - Зорю (богиню весны) съ такою неустанною заботою отыскивать и отымать у вѣдьмы разныя диковинныя — знаменія творческихъ силъ природы. Непосчерпаемый кувшинъ соответствуетъ тѣмъ урнамъ, изъ которыхъ небесныя богини слали на поля и нивы плодородящіе дожди; дерево съ золотыми плодами есть дерево-туча, съ которымъ преданія связываютъ источники живой воды; оно названо поющимъ, потому что съ нимъ нераздѣльно представленіе о пѣсняхъ, заводимыхъ весеннею грозой; на томъ же основаніи птица-туча названа говоруньей, а мненче-

скому коту (donnerkatze) приданъ эпитетъ баюна (отъ глагола баять). О чудесной мельницѣ и летучемъ садѣ сказано было выше (I, 295; II, 292). Въ числѣ другихъ диковинокъ богъ-громовникъ отымаеть у вѣдьмы славное зеркальце, въ которое можно видѣть весь міръ, т. е. выводитъ изъ-за тучъ все-озаряющее солнце, издревле уподобляемое зоркому глазу и блестящему металлическому щиту или зеркалу; щипцы, которыми тянетъ онъ за языкъ бабу-ягу, и желѣзные прутья, которыми бьетъ ее—символы разящихъ молній: тѣми-же орудіями побѣждаютъ богатыри и чертей, и драконовъ. Снятыя съ царевичей волчьи шкуры сожигаются на кострѣ, т. е. въ грозовомъ пламени.

Сила околдованія или заклятія превращаетъ сказочныхъ героевъ различными звѣрями (волкомъ, медвѣдемъ, рысью, конемъ, собакою, козломъ и бараномъ), чудовищными змѣями (см. II, 621-5) и гадами (жабою, лягушкою и пр. ¹⁾), и во всѣхъ этихъ метаморфозахъ главное значеніе принадлежитъ шкурѣ животнаго. Въ Бѣлоруссіи для тѣхъ оборотней, которые являются въ видѣ жабъ, лягушекъ и кошекъ, употребительны названія: жабалѣка и кошкалѣчень, названія, образовавшіяся на подобіе слова вовкулакъ и буквально-означающія: жабью (лягушечью) и кошачью длаку ²⁾. По свидѣтельству народной сказки, царевна-лягушка освобождается отъ заклятія послѣ сожженія ея лягушечьею козурини; точно также предаются огню змѣиная сорочка, свиной кожухъ и другія шкуры, въ которыя рядятся очарованные царевичи и царевны. На Руси хранится такое преданіе: красавица, превращенная мачихой - вѣдьмою въ рысь,

¹⁾ Н. Р. Ск., II, 29; IV, 45; VI, 50; VII, 27, 43; VIII, 12; сказ. Грми., 11, 92, 141; Ганъ, 14, 31, 100; Вольфъ, 9—15, 206—216, 304; Срп. пригов., 9, 10. — ²⁾ Москв. 1853, V, 6.

прибѣгала къ своему осиротѣлому ребенку, сбрасывала съ себя звѣриную шкурку и кормила его материнскою грудью, а накормивъ — снова оборачивалась рысью и удалялась въ дремучій лѣсъ; мужъ красавицы, увидивъ удобную минуту, захватилъ звѣриную шкурку, спалилъ ее на огнѣ, и тѣмъ самымъ освободилъ свою подругу отъ волшебнаго очарованія. Въ норвежской сказкѣ ¹⁾ одинъ изъ королевичей, превращенныхъ въ жеребятъ, говоритъ своему избавителю: «возьми этотъ старый мечъ; въ день твоей свадьбы ты долженъ отрубить намъ головы и снять лошадиныя кожи; тогда мы опять сдѣлаемся людьми. Злой тролль напустилъ на насъ эти кожи — и мы стали жеребятами.» Подобное указаніе встрѣчается и въ сказкахъ нѣмецкихъ и славянскихъ ²⁾; мечъ—метафора молніи, которая, нанося ударъ оборотню, совлекаетъ съ него облачный покровъ. Наряду съ этими преданіями существуютъ другія—о превращеніи зачарованныхъ царевичей въ птицъ. Такъ, по свидѣтельству русской сказки ³⁾, дѣти, рожденные по колѣна въ сѣребрѣ, по грудь въ золотѣ, съ мѣсяцемъ во лбу и звѣздами по бокамъ, были превращены въ голубе й, и только тогда приняли человѣческіе образы, когда у нихъ вырвали изъ хвостовъ по перу, что равносильно снятію пернатой одежды. По другому указанію, возстановленіе человѣческихъ формъ условливается сожженіемъ птичьей шкурки и крыльевъ ⁴⁾. Норвежская сказка ⁵⁾ говоритъ о вѣдьмѣ (trollhehe), которая оборотила двѣнадцать королевичей дикими утками; но королева родила еще дочь—бѣлую что снѣгъ и румяную что кровь. Новорожденная была названа Schneeweiss-Rosenroth; она является въ той-же роли избавительницы, каковую въ выше-

¹⁾ II, 1. — ²⁾ Сб. Валавца, 136—141; сказ. Грим., 57; Вольфъ, 242. — ³⁾ Н. Р. Сл., VI, 68, d. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., IV, 46; VIII, 17 и стр. 141; сказ. Грим., 135. — ⁵⁾ II, 3.

приведенной сказкѣ исполняетъ богиня Зоря. Бѣлоснѣжка выросла и отправилась искать братьевъ; послѣ долгаго странствованія, ей удалось достигнуть своей цѣли. «Для того, чтобы избавить насъ, сказали ей королевичи, ты должна набрать пуху съ цвѣтовъ одуванчика, расчесать этотъ пухъ, выпрясть, вы ткать и сшить намъ двѣнадцать сорочекъ и столько-же шапочекъ и шейныхъ платочковъ; во все время этой работы ты обязана ни говорить, ни плакать, ни смѣяться.» Бѣлоснѣжка согласилась и братья повели ее на широкій дугъ, на которомъ пестрѣли одуванчики. Всякій день она собирала мягкій пухъ и долго сидѣла за пряжею, дожидаясь братьевъ. Однажды, когда прекрасная королева собирала пухъ съ цвѣтовъ, вблизи того мѣста охотился молодой король. Онъ увидалъ Бѣлоснѣжку, и пораженный ея красотою, остановился и повелъ было рѣчь; но дѣвица упорно молчала. Король посадилъ ее на коня и увезъ къ себѣ, вмѣстѣ съ мѣшкомъ, въ которомъ лежала начатая ею работа. Вскорѣ онъ залумалъ на ней жениться; но его мачиха была противъ этого брака: «смотри, говорила она, чтобъ не взять за себя вѣдьмы! вѣдь не даромъ же она все молчитъ, не плачетъ и не смѣется». Король не послушался и женился. Бѣлоснѣжка и послѣ свадьбы продолжала шить братины сорочки. До истеченія года она родила сына; но злая мачиха вошла ночью въ спальню, унесла ребенка и бросила его въ змѣиную яму, потомъ разрѣзала свой палець, обрызгала кровью губы спящей матери и сказала королю: «ступай-посмотри: твоя жена съѣла свое собственное дитя!» Король сильно запечалился, но, любя жену, простилъ ее. На другой годъ Бѣлоснѣжка опять родила сына, а на третій—дочь; старая королева выкрала и этихъ дѣтей. Тогда раздраженный отецъ отдалъ приказъ сжечь свою жену на кострѣ. Приготовили кестёръ, зажгли и повели Бѣлоснѣжку; она захватила съ собой и свое рукодѣлье: только сорочка младшаго брата была не до-

шита, все остальное было готово. Вдруг послышался шумъ въ воздухѣ — прилетѣло двѣнадцать дикихъ утокъ, всякая ухватила свое платье въ носикъ и накинула на себя, и въ ту же минуту всѣ двѣнадцать превратились въ королевичей; только у меньшаго брата, вмѣсто лѣвой руки, осталось утиное крыло. Срокъ испытанія кончился; Бѣлоснѣжка могла говорить, плакать и смѣяться; истина открылась и злоба мачихи была наказана ¹⁾. Съ перваго взгляда свидѣтельство этой сказки какъ-бы противорѣчитъ сдѣланнымъ нами выводамъ: не совлеченіе, а напротивъ накладываніе верхнихъ покрововъ возвращаетъ превращеннымъ королевичамъ ихъ настоящіе образы. Но взглядемъ ближе, и мы увидимъ, что никакого противорѣчія не существуетъ. По древнему представленію, тѣло есть одежда (*lik-hamr*), въ которую облакается безсмертный духъ на извѣстное время; это — та жизненная сорочка, изготовляемая дѣвами судьбы, въ какой является на божій свѣтъ новорожденное дитя (см. стр. 359—360). Отсюда возникло вѣрованіе, что душа можетъ мѣнять свой тѣлесный покровъ, воплощаться то въ одну, то въ другую форму. Вотъ почему какъ набрасываніе мохнатой шкуры или пернатой сорочки (т. е. звѣриной или птичьей тѣлесной оболочки) превращаетъ человѣка звѣремъ и птицею, такъ точно набрасываніе людской одежды (*= Körperhemd, fleischgewand*) должно возвращать оборотню образъ и подобіе человѣка ²⁾. По народному убѣжденію, если унести человѣческое платье оборотня, то онъ уже не въ силахъ будетъ возста-

¹⁾ См. подобныя-же сказки въ собраніи Грим., 9, 25, 49, 93; Вольфъ, 217—224; *Zeitsch. für D. M.*, I, 310—5; *Westsl. Märch.*, 112—6; *Slov. pohad.*, 275—295; сб. Валивца, 218—221: „*Mati zaklela sine na gavrane*“. — ²⁾ *Germ. Mythen*, 691: „*Da nannte man hamaz das Gewand umziehen, die Verwandlung hiess hamaz kipti*“.

новить свой прежній образ и останется навсегда звѣремъ; отъ того-то вѣдунъ, снимая одежду — съ дѣлю перекинуться въ звѣря, старается зашплатать ее такъ, чтобы никто не могъ найти и овладѣть ею. Въ старинной французской повѣсти (*Lai du Bisclavaret*—XIII в.) рассказывается объ одномъ рыцарѣ, проживавшемъ въ Бретани; каждую недѣлю онъ уходилъ отъ своей молодой жены, раздѣвался донага, пряталъ снятое платье, и превращаясь въ волка, въ теченіи трехъ дней оставался въ лѣсу. Коварная жена выпытала отъ мужа тайну, и похитила его платье; съ тѣхъ поръ онъ рыскалъ волкомъ и не прежде сдѣлался человѣкомъ, какъ получивъ обратно свою похищенную одежду ¹⁾. Возвращаемся къ Бѣлосѣжкѣ и ея братьямъ: восстановление человѣческаго образа совершается при посредствѣ тонкой, вытканной изъ пуха цвѣтовъ сорочки. Въ нѣмецкой редакціи героиня, чтобы избавить братьевъ, превращенныхъ вѣдмою въ лебедей, приготовляетъ для нихъ сорочки изъ цвѣтовъ *sternenblumen* ²⁾; а въ хорутанской редакціи братья-вороны требуютъ отъ сестры рубашекъ *iz samih perlov i dragih kamenov, i da pod ovim časom dok bude ove rubače delala, z nikem se ne bi spominjala* ³⁾. Эти сорочки тождественны съ тѣми чудесными нарядами, блистающими какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, о которыхъ упоминаютъ другія народныя сказки (I, 787—8).

¹⁾ Какъ-то охотился король; собаки наслѣдили Бисклаварета и страшно его искушали. Увидя короля, волкъ подбѣгаетъ къ нему, цѣлуетъ его ноги и проситъ знаками о пощаду. Король взялъ волка съ собою и держалъ въ своей опочивальнѣ; волкъ былъ кротокъ, какъ ягненокъ, и только однажды обнаружилъ звѣрское башенство, роснявшись на королевскомъ праздникѣ на свою бывшую жену и откусивъ у нея носъ. Это возбуждало подозрѣнія; произвели допросъ, и виновная жена вынуждена была признаться и возвратитъ рыцарю его платье — О. З. 1860, X, 680—2; D. Myth., 1050. — ²⁾ Сказ. Грим., 49. — ³⁾ Сб. Валявца, 219.

Одѣты во время зимы въ животненныя шкуры, небесныя боги просвѣтляются съ возвратомъ весны — рядятся въ блестящія, свѣтозарныя одежды, и съ тѣмъ вмѣстѣ снова обрѣтаютъ тѣ прекрасныя человѣкоподобныя формы, въ какихъ обыкновенно олицетворяла ихъ фантазія. Этотъ счастливый исходъ возможенъ только подѣ условіемъ, чтобы сказочная героння не плакала, не смѣялась и не говорила цѣлыя семь лѣтъ¹⁾, т. е. освобожденіе наступаетъ не прежде, какъ по истеченіи семи зимнихъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ дѣва Зоря (= царевна Несмѣяна) не плачетъ — не роняетъ росы и не смѣется — не рассыпаетъ розовыхъ, золотистыхъ лучей; въ ту же печальную пору она, какъ богиня весеннихъ грозъ, пребываетъ безчувственной и нѣмою — не льетъ дождевыхъ слезъ и не вѣщаетъ громовыхъ глаголовъ.

Приписывая превращенія вліянію злаго колдовства и въ то же время признавая души человѣческія за существа стихійныя, способныя мѣнять свои тѣлесныя одежды (см. стр. 230, 301), предки наши пришли къ убѣжденію, что колдуны, вѣдьмы и нечистые духи, могутъ превращать людей въ различныхъ животныхъ. Убѣжденіе это глубоко вкоренилось у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и вызвало множество любопытныхъ сказаній. На Руси думаютъ, что колдунъ, зная имя человѣка, можетъ по собственному произволу сдѣлать его оборотнемъ; а потому имя, данное при крещеніи, необходимо утаивать и называться инымъ, вымышленнымъ. Въ пылу злобы и мщенія колдуны и вѣдьмы творятъ чары и оборачиваютъ своихъ недруговъ навсегда или на извѣстный срокъ звѣрями. На Украйнѣ и въ Бѣлоруссіи такихъ невольныхъ оборотней называютъ вовкулаками, потому что всего чаще ихъ представляютъ въ видѣ волковъ. Это — болѣе страждущія, чѣмъ злоредныя существа; они живутъ въ берлогахъ, рыскаютъ по лѣ-

¹⁾ D Myth., 1052.

самъ, воютъ по волчьи, но сохраняютъ человѣческій смыслъ и почти никогда не нападаютъ на деревенскія стада; только нестерпимый голодъ можетъ понудить ихъ искать себѣ поживы. Нерѣдко бродятъ они возлѣ роднаго села, и когда завидятъ человѣка, смотрятъ на него такъ жалостливо, какъ будто умоляютъ о помощи; случалось замѣчать при этомъ, что изъ глазъ бѣднаго вовкулака струились въ три ручья слёзы; сыраго мяса, которое ему предлагаютъ, онъ не беретъ, а брошенный кусокъ хлѣба поѣдаетъ съ жадностью. Одинъ пригожій юноша презрѣлъ любовь вѣдьмы, и вскорѣ его постигло жестокое мщеніе: разъ поѣхалъ онъ за дровами, остановился въ лѣсу, взялся за топоръ и только чтò замахнулся на дерево — какъ руки его превратились въ волчьи лапы, а затѣмъ и весь онъ покрылся мохнатою шкурою; несчастный бросился къ своимъ воламъ, но тѣ въ испугѣ шархнулись въ сторону; хотѣлъ было остановить ихъ своимъ голосомъ, но вмѣсто людской рѣчи раздался протяжный дикій вой. Другая вѣдьма оборотила волкомъ своего сосѣда, который впоследствии, когда освободился отъ заклятія, рассказывалъ, что, будучи оборотнемъ, онъ подружился съ настоящимъ волкомъ, ходилъ съ нимъ на добычу, и хотя чувствовалъ себя человѣкомъ, но не могъ выразить своихъ мыслей словами, а вылъ по-волчьи ¹⁾. Выше указано, что въ лѣтнихъ грозахъ древній человѣкъ созерцалъ свадебное торжество, брачный союзъ, въ который богъ громовникъ вступалъ съ облачными нимфами. Чтобы воспрепятствовать этому благодатному союзу, злая вѣдьма Зима накидывала на нихъ волчьи шкуры, т. е. оцѣняла стужей и лишала плодотворящаго сѣмени дождя. Отсюда родилось повѣрье, что колдуны и вѣдьмы всего чаще оборачива-

¹⁾ Москв. 1846, XI—XII, 152; Кулишъ, II, 35—36; Приб. къ ж. М. Н. II. 1846, 8—9; Рус. Вѣст. 1842, V—VI, 123; Сочр. 1856, XII, 194; Пов. и пред., 91—96.

ють въ волковъ или собакъ новобрачную чету и свадебныхъ поѣзжанъ ¹⁾. Въ числѣ вѣдовскихъ грѣховъ народный стихъ упоминаетъ:

По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями оборачивала ²⁾.

У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что нѣкогда праздновалась свадьба, и вдругъ неожиданно-негаданно среди шумного веселья, женихъ и всѣ прочіе мужчины были превращены чародѣемъ въ волковъ, женщины — въ сорокъ, а невѣста — въ кукушку; съ той самой поры эта горемычная кукушка носитъ слѣдомъ за своимъ суженымъ и роняетъ несчетныя слезы; тамъ, гдѣ она пролетаетъ, текутъ ручьи и растетъ трава, известная подъ названіемъ «кукушечьихъ слѣзъ» ³⁾. Скандинавская мифологія заставляетъ волковъ сопутствовать богу побѣдъ; а потому шведы появленіе вовкулаковъ связываютъ съ военной грозой. Когда, во время послѣдней войны Швеціи съ Россіей, около Кальмара появилось множество волковъ, то между окрестными жителями пронесся слухъ, что эти волки суть шведскіе плѣнники, превращенные чарами непріятеля въ звѣрей и посланные опустошать свое собственное отечество ⁴⁾. По указанію старинной былины, чародѣйка Марина, полюбовница Змѣя Горыныча, превратила девять богатырей быками, а десятого — Добрыню гнѣдымъ туромъ-золотые рога ⁵⁾.

Средства, употребляемыя колдунами и вѣдьмами для превращенія людей въ животненные образы, сходятся съ тѣми, силою которыхъ они сами становятся оборотнями. Средства эти

¹⁾ Иллюстр. 1845, 183; Киев. Г. В. 1845, 16. — ²⁾ Лѣт. рус. лѣт., кн. II, 156. — ³⁾ Иллюстр. 1846, 149. — ⁴⁾ Zeitsch. für D. Myth., IV, 197. — ⁵⁾ При этомъ Марина похвалялася: «я и вѣтъ меня хитрѣе, мудрѣе». Но сыскалась волшебница похитрѣе ее: «я не хвастаю, сказала она, а хочешь — оберну тебя сулою!» — Кирша Дан., 66—69; Нар. Сказ. Сахарова, 30—36

слѣдующія: а) набрасываніе звѣриной шкуры. Крестьяне увѣряютъ, что въ старые годы случалось, снимая шкуру съ убитой волчицы или медвѣдицы, находить подъ нею бабу въ сарафанѣ. Есть разсказъ, что на охотничьей облавѣ убили трехъ волковъ, и когда стали снимать съ нихъ шкуры, то подъ первую нашли молодого жениха, подъ вторую — невѣсту въ ея вѣнчалномъ уборѣ, а подъ третьей — музыканта со скрипкою ¹⁾. Однажды пристала на дорогѣ къ извозчикамъ черная собака — такая умная, что всемъ на диво! что ни скажутъ ей — все понимаетъ, только говорить не умѣетъ. «Ужъ не оборотень ли это?» подумали извозчики и показали собаку знахарю. Тотъ сейчасъ узналъ, что собака — не простая, и говоритъ имъ: «истопите баню, какъ можно жарче, и тащите туда черного пса, положите на полокъ и парьте такъ, чтобы шкура долой слѣзла; слѣзетъ шкура — человекъ будетъ!». Извозчики такъ и слѣзали: ошпарили оборотня, шкура слѣзла — и сталъ передъ ними знакомый парень изъ сосѣдней деревни; начали его спрашивать, и узнали, что его оборотила собакою старая колдунья ²⁾. Разсказъ этотъ любопытенъ, какъ отголосокъ древняго представленія, что облачныя шкуры исчезаютъ въ потокахъ дождя — въ грозовой банѣ. — б) Волшебная науза. Чтобы превратить свадебное сборище въ стаю волковъ, колдуны берутъ столько ремней или мо-

¹⁾ Семеньск., 142; Абев., 80; Иллюстр. 1845, 415; Н. Р. Лег., стр. XI: медвѣдь, говорятъ поселяне, былъ прежде человекомъ. Когда-то встарину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, надѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли помедвѣжь. Тогда апостолы сказали: „щобъ же вы ривили отныни и до века!“ Съ той самой поры и стали они медвѣдями. — ²⁾ Чудинск., 115—6; сравни Н. Р. Ск., VIII, стр. 678—9.

чалокъ, сколько нужно оборотить лицъ; нашептываютъ на нихъ заклятiя, и потомъ этими ремнями или шочалами подпоясываютъ обреченныхъ, которые тотчасъ-же и становятся вовкулаками. Такой оборотень не иначе можетъ получить прежнiй человѣческiй образъ, какъ развѣ въ томъ случаѣ, когда чародѣйный поясъ изотрется и лопнетъ; но и послѣ избавленiя долгое время бываетъ дикъ, сумраченъ и нескоро навываетъ людской рѣчи ¹⁾. Въ подляшской Руси рассказываютъ, что вѣдьма, съ цѣлю обратитъ свадебный поѣздъ въ волковъ, скрутила свой поясъ и положила его подъ порогъ избы, гдѣ праздновалась свадьба, и всѣ, кто только переступилъ черезъ поясъ, оборотились волками. По другому рассказу, она крутила для этого липовыя лыки, варила ихъ и приготовленнымъ отваромъ обливала поѣзжанъ. Черезъ три года вѣдьма покрыла каждого оборотня тулупомъ (человѣческой одеждою = *lihamo*), и въ ту же минуту всѣ они сдѣлались людьми; только у жениха уцѣлѣлъ волчiй хвостъ, потому что случайно не попалъ подъ тулупъ, брошенный вѣдьмою. По указанiю славянскихъ сказокъ, вѣдьма оборачиваетъ добраго мѡлодца конемъ, накидывая на него узду. Нѣмецкiя преданiя говорятъ о волчьемъ поясѣ и медвѣжьемъ ошейникѣ, чрезъ посредство которыхъ совершается превращенiе въ волка и медвѣдя (см. выше стр. 531-2); на шведскихъ островахъ новобрачные, превращенные въ волковъ, узнаются по кольцамъ, надѣтымъ на ихъ шеи. Въ «Мифологiи» Гримма, приведенъ рассказъ о гусѣ-оборотнѣ, который однажды покусался съ другою птицею, и та сорвала ему съ шеи волшебную повязку (*tüchlein*); едва повязка упала — какъ въ тоже мгновенiе гусь превратился въ человѣка. Наконецъ сами колдуны и вѣдьмы, желая преобразить-

¹⁾ Ворон. Бесѣда, 195: Пов. и пред., 178—9; Lud Ukrain., II, 229.

ся въ звѣрей, набрасываютъ на себя кольцо или кувырѣаютъ черезъ обручи. Польск. *przedziergnąć* — перевязать узломъ, *przedziergnąć się* (*przedzierzgnąć się*) — преобразить, принять иной видъ. По древнѣйшему воззрѣнiю, душа, облекаясь въ тѣлесную одежду, соединяется съ нею таинственной связью; какъ скоро эта связь (веревка, цѣпь или кольцо) будетъ разорвана, душа покидаетъ тѣло и остается на свободѣ до новаго воплощенiя въ ту или другую матеріальную форму (стр. 357—8). Вотъ почему всякая метаморфоза чело-вѣка (= воплощенiе его души въ звѣриное или птичье тѣло) скрѣпляется наложенiемъ волшебной наузы, а возстановленiе человѣческаго образа требуетъ ея снятiя. По другимъ же сказа-нiямъ, колдунъ или вѣдьма не прежде можетъ превратить чело-вѣка въ звѣря, какъ снявши съ него поясъ, т. е. разрѣшивъ ту связь, которой существуетъ между его душою и человѣческимъ тѣломъ. Въ романской и нѣмецкой средневѣковой литературѣ встрѣчаемъ преданiе о рыцарѣ-лебедѣ. Молодой витязь же-нился на вѣщей красавицѣ (валькирин), и она родила ему шесть сыновей и одну дочь; у всѣхъ мальчиковъ на шеяхъ было по золотому ожерелью. Злая свекровь велѣла подмѣнить дѣтей щенятами. Обманутый мужъ зарываетъ невинную жену по поясъ среди двора; надъ головой ея поставили дохань, въ которой дворовая челядь мыла свои руки и отирала ихъ пре-красными волосами несчастной женщины. Такъ пробыла она цѣлыя семь лѣтъ. Между тѣмъ дѣтей ея приютилъ нѣкій пустынный, а робкая лань вскормила ихъ своимъ молокомъ. Когда они выросли, злая свекровь послала слугу снять съ нихъ золотыя ожерелья; слуга пришелъ на рѣку: шестеро братьевъ, въ видѣ лебедей, плавали и рѣзвились по водѣ, а сестра сидѣла на берегу; тутъ-же лежали и золотыя цѣпи. Слуга захватилъ цѣпи и принёсъ въ замокъ; свекровь прика-зала сковать изъ нихъ кубокъ. Но кузнецъ употребилъ въ

дѣло только одну цѣпь, а прочія сиряталъ. Мальчики-лебеди, лишенные ожерельевъ, уже не могли возстановить свои человѣческія формы; они полетѣли на озеро, къ замку своего отца, а вслѣдъ за ними пошла и сестра. Обстоятельства слагаются такъ, что отецъ узнаетъ своихъ дѣтей, освобождаетъ красавицу-жену и караетъ преступную мать. Отданныя кузнецомъ ожерелья возвращаютъ пятерымъ сыновьямъ ихъ человѣческіе образы, и только шестой, ожерелье котораго было уничтожено, остался навсегда лебедемъ ¹⁾. — с) Народныя сказки свидѣтельствуютъ еще, что колдуны и вѣдьмы превращаютъ людей различными звѣрями и птицами, ударяя ихъ зеленымъ прутикомъ, палкою или плетью (кнутомъ-самобоемъ ²⁾). Такое вѣрованіе раздѣлялось и греко-италійскимъ племенемъ. Знаменитая чародѣйка Цирцея быстрымъ ударомъ жезла оборотила въ свиней спутниковъ Одиссея; Пикъ былъ наказанъ превращеніемъ въ дятла: едва волшебница коснулась его тростью, какъ онъ тотчасъ-же сдѣлался пестрокрылою птицею ³⁾. Эта чудесная трость (wunschruthe) или плеть — эмблема молніи и указываетъ на тѣсную связь оборотничества съ грозowymi тучами; съ этой эмблемою (какъ объяснено выше — II, 423) сочетались противоположныя представленія: съ одной стороны ударъ волшебнаго прута повергаетъ сказочныхъ героевъ въ окаменѣніе и непробудный сонъ (= зимнее оцѣпенѣніе), а съ другой — призываетъ ихъ къ жизни (= къ весеннему творчеству). Тоже двойное значеніе придается удару волшебнаго прута и въ преданіяхъ о

¹⁾ Штебн , 140; Н. Р. Ск., VII, 36, с; Ильячъ, 290, Germ. Mythen, 693—6; D. Myth., 399—401, 1049—1052; Nord. Märchenbuch, 107; О. З. 1860, X, 649 — ²⁾ Такъ колдунъ и его любовница превращаютъ мужика въ кобеля, дятла, воробья и чернаго ворона; тѣмъ-же способомъ самъ колдунъ былъ превращенъ въ жеребца, а его любовница — въ козу или кобылицу — Н. Р. Ск., VIII, 22. 26. — ³⁾ Одис., X; Пропл., II, 113—4.

вовкулакахъ и оборотняхъ: имъ превращаются люди въ звѣриные образы и наоборотъ имъ-же разрушается сила заклѣтїя и превращенные возвращаются въ среду людей. На Украинѣ думаютъ, что если ударить вовкулака вилами или цѣпомъ, то онъ тотчасъ же дѣлается человѣкомъ ¹⁾, т. е. богъ-громовникъ, ударяя своей палицей, срываетъ съ него волчью шапку (= разноситъ тучу). Оборотни, т. е. стихійные духи и тѣни усопшихъ, облеченные въ облачныя шкуры, появляются и исчезаютъ вмѣстѣ съ бурными грозами. Съ каждымъ дуновенїемъ вѣтра, съ каждымъ извѣвомъ молнїи и раскатомъ грома, облака и тучи мѣняютъ свои прихотливыя формы, или выражаясь метафорическимъ языкомъ: съ каждымъ ударомъ громовой палыцы стихійные духи перекидываются, перебрасываются, кувьркаются, и тѣмъ самымъ какъ-бы переворачиваютъ или перемѣняютъ свои облачныя одежды и переходятъ изъ одного видимаго (тѣлеснаго) образа въ другой. Для того, чтобы обозначить актъ превращенїя, народныя сказки и пѣсни употребляютъ выраженїя, указывающїя на быстрое движенїе, стремительный ударъ и круговой поворотъ: «молодецъ «ударился оземь и оборотился собакою»; «колдунъ хлопнулся о сырую землю, сдѣлался сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню», «перекинулся медвѣдемъ, жеребцомъ, добрымъ молодцемъ», «перекинула ся въ сиву зозуленьку»; «колдунъ можетъ окинуться и въ кошку, и въ собаку»; пол. *przewierzgnąć* и *przerzucić* — перекинуть, перебросить, перевернуть, *przewierzgnąć się*, *przerzucić się*, *przekinać się* — превратиться во что, измѣнить свой образъ; въ томъ-же смыслѣ употребительны серб. *проврћи* (провргнем) *се* и *прометнути се* (сравни: метать, переметчикъ, опрометныя лица—стр. 301): «проврже се пријем жагњетомъ», «ах да ми се бувом прометнути!» ²⁾

¹⁾ Lud Ukrain., II, 228; Семеновск., 142—3. — ²⁾ Н. Р. Ск., V, 22; VI, 45; Труды моск. археол. общ., I, в. 2, 241—2.

Въ ближайшемъ сродствѣ съ вѣдунами, вѣдьмами и оборотнями стоятъ упыри или вампиры. Названіе это, упоминаемое въ Пансьевскомъ сборникѣ (-а переже того клали требу упиремъ и берегинямъ»), и донинѣ извѣстно почти во всемъ славянскомъ мірѣ. У насъ повѣрья о злобныхъ, блуждающихъ упыряхъ преимущественно уцѣлѣли на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи; это — жертвцы, бывшіе при жизни своей колдунами, воввулаками и вообще людьми, отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями. Впрочемъ, и въ губерніяхъ великорусскихъ несовсѣмъ исчезло воспоминаніе объ этихъ загробныхъ выходцахъ. По указанію словарей, упырь — колдунъ, превращающійся волкомъ, человѣкъ съ хвостомъ ¹⁾. По мнѣнію малоруссовъ, упыри нарождаются отъ блудной связи воввулака или чорта съ вѣдьмою ²⁾, и народная пословица утверждаетъ: «упиръ и непевній усимъ видьмамъ родичъ кровній» ³⁾. Въ глухую полночь выходя изъ могилъ, гдѣ лежатъ они нетлѣнными трупами, упыри принимаютъ различныя образы, летаютъ по воздуху (харьков. губ.), рыщутъ на коняхъ по окрестностямъ, поднимаютъ шумъ и гамъ и пугаютъ путниковъ, или проникаютъ въ избы и высасываютъ кровь изъ сонныхъ людей, которые вслѣдъ затѣмъ непремѣнно умираютъ; особенно любятъ они сосать кровь младенцевъ. Если сложенные накрестъ руки упыря околѣли онъ не въ состояніи ихъ развести, то прибѣгаетъ къ помощи зубовъ; а зубы у него — словно стальные клыки и сокрушаютъ всякія преграды ⁴⁾. Прогрызая двери, онъ прежде всего бросается къ зыбкѣ, высасываетъ кровь ребенка, и потомъ уже нападаетъ на взрослыхъ. Предразсвѣтный крикъ

¹⁾ Обл. Сл., 239; Труды общ. любит. рос. слов., III, 320. —

²⁾ Маркович., 78 - 79. — ³⁾ Номис., 4. — ⁴⁾ Иличь, 294: у воввулаковъ желѣзные зубы.

пѣтуховъ заставляетъ упыря мгновенно исчезать, или повергаетъ его окровавленнаго наземь — въ совершенномъ безчувствіи. Посыпая полъ около постелей мелкою солью, замѣчаютъ поутру слѣды ногъ, оставляемые ночнымъ гостемъ; а раскапывая его могилу, находятъ въ ней мертвеца съ свѣжимъ румянцемъ на щекахъ и съ запекшеюся на устахъ кровью¹⁾. Въ тамбовской губ.²⁾ можно услышать слѣдующій рассказъ: ѣхалъ мужикъ мимо кладбища, а ужъ стемнѣло. Нагоняетъ его незнакомецъ въ красной рубахѣ в новомъ полушубкѣ; «остановись! говоришь, возьми меня въ попутчики». — Изволь, садись! Пріѣзжаютъ они въ село, подходятъ къ тому-къ другому дому: хоть ворота и настежь, а незнакомый говоритъ: «заперто!» — потому что на тѣхъ воротахъ кресты выжжены. Подходятъ къ крайнему дому, ворота на запорѣ и замокъ въ полпуда виситъ, но креста нѣту — и ворота сами собой открываются. Вошли въ избу; тамъ на лавкѣ спятъ двое: старикъ да молодой парень. Незнакомецъ взялъ ведро, поставилъ позади парня, ударилъ его по спинѣ — и тотчасъ спина открылась и полилась алая кровь; нацѣдилъ полное ведро и выпилъ. Затѣмъ другое ведро крови нацѣдилъ онъ изъ старика, утолилъ свою звѣрскую жажду, и говоритъ мужику: «ужъ свѣтаетъ! пойдѣмъ теперь ко мнѣ.» Въ одинъ мигъ очутились они на кладбищѣ. Упырь обхватилъ было мужика руками, да на его счастье пѣтухи зацѣли — и мертвецъ сгинулъ. Наутро смотрятъ: и молодой парень, и старикъ — оба померли. По другому рассказу³⁾ колдунъ-мертвецъ является на свадьбу, вынимаетъ два пузырька, ранитъ шильцемъ руки жениха и невѣсты и точитъ изъ нихъ горячую кровь. Болгары убѣждены, что, по смерти злодѣевъ, грабителей и

¹⁾ Маркович., 78 - 79; О. З. 1848, IV, 146; Москв. 1853, V, 14; Zeitschr. für D. Myth., IV, ст. Маннгардта, 264. — ²⁾ Тамб. Г. В. 1857, 4 — ³⁾ Н. Р. Св., V, 30, d.

вообще людей съ порочными -наклонностями, въ тѣлѣ ихъ вселяются нечистые духи, и они становятся вампирами. Увѣряютъ еще, что если кошка перепрыгнетъ черезъ покойника, когда онъ лежитъ въ избѣ, то умершій непременно сдѣлается вампиромъ; поэтому во все время, пока не похоронятъ покойника, при немъ находится одинъ изъ родичей и заботливо оберегаетъ его отъ такого несчастія. Спустя сорокъ дней послѣ кончины человѣка, злой духъ, поселившійся въ его трупѣ, начинаетъ выходить изъ могилы, бродитъ по домамъ и сосетъ кровь изъ ушей младенцевъ и взрослыхъ. Какъ только пронесется молва о загробномъ выходѣ, поселяне собираются на ночь по нѣскольку семействъ въ одну избу, и двое изъ мужчинъ поочередно караулятъ до самого разсвѣта; если кто-нибудь во снѣ станетъ сильно храпѣть или стонать отъ удущья, то стоящіе на стражѣ немедленно будятъ всѣхъ и принимаются искать вампира. Этотъ злой жертвецъ нерѣдко появляется въ образѣ варколака, бросается на женщину и вступаетъ съ нею въ блудную связь; рожденные отъ него дѣти бываютъ безъ хряща въ носу (отличительный признакъ и самаго варколака—сравни стр. 239) и обладаютъ способностью видѣть духовъ. Чтобы избавиться отъ вампира, его заклинаютъ войти въ кувшинъ; послѣ закланія горло кувшина затыкаютъ пробкою, и затѣмъ отправляются на избранное мѣсто; тамъ зажигаютъ нѣсколько возовъ дровъ и дѣрну и бросаютъ кувшинъ въ средину пламени: когда сосудъ раскалится и лопнетъ съ сильнымъ трескомъ, «народъ успокаиваетъ себя мыслию, что вампиръ уже сгорѣлъ»¹⁾. Точно также и сербы отождествляютъ вампира съ вукодлакомъ. По словамъ Караджича, вукодлакѣмъ называется человѣкъ, въ котораго спустя сорокъ дней послѣ его кончины входитъ дьявольскій духъ и оживляетъ его безчувствен-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 206 · 8

ное тѣло («повампири се»). Вставая изъ гроба, онъ бродить по ночамъ одѣтый въ саванъ («с покровом на рамену»), прокрадывается въ избы, давить спящихъ людей и пьетъ изъ нихъ кровь, отчего эти несчастные не только умираютъ, но и сами становятся вампирами (кровососами). Каждый покойникъ можетъ «повампириться», если черезъ него перелетитъ птица или перескочитъ какое-нибудь животное ¹⁾; потому сербы и считаютъ священной обязанностью наблюдать, чтобы ничего подобнаго не случилось съ ихъ усопшимъ родичемъ. Упитанный человѣческой кровью, вукодлакъ лежитъ въ могильной ямѣ — тучный, раздутый и румяный. Иногда вукодлакъ является къ своей овдовѣвшей женѣ (особенно если она молода и красива) и спитъ вмѣстѣ съ нею; говорятъ, «да оно дижете нема костију ²⁾», које се роди с вукодлакомъ». Вампиръ можетъ проникать въ домъ сквозь всякую щель, и потому заперать отъ него двери также бесполезно, какъ и отъ вѣдьмы ³⁾. Словенцы и кашубы называютъ упырей вѣщми и в (*vieszczy*), т. е. призываютъ ихъ вѣдунами и вѣдьмами; а соседніе съ кашубами нѣмцы даютъ имъ прозванія *begierig*, *unbegierig* и *blutsauger*. «Вѣщій» — это человѣкъ, рождающійся на свѣтъ съ зубами и или въ сорочкѣ; когда онъ умираетъ, лицо его сохраняетъ яркой румянецъ, а лѣвый глазъ остается открытымъ. Къ покойникамъ, у которыхъ замѣтять эти признаки, простолюдины относятся съ чувствами невольнаго страха и озлобленія. На Руси и въ Германіи существуетъ примѣта, по которой открытыя очи мертвеца высматриваютъ какъ бы увлечь кого-нибудь въ могилу

¹⁾ „...ако да преко њега мртва прелети каква тица или друго какво живинче пријеће“; по указанію Илича (стр. 294), надо заботиться, чтобы черезъ мертваго не перескочили *kokoj*, *mačka* и *prato*. — ²⁾ Не имѣетъ костей. — ³⁾ Срп. рјечник, 79: Вѣст. Евр. 1829, ХХІV, 254—5.

(I, 42—43); оскаленные зубы мертвеца и рушянецъ на его щекахъ указываютъ въ немъ вампира. По разсказамъ кашубовъ, зарытый въ землю вампиръ, пробуждаясь отъ могильнаго сна, начинаетъ грызть свои руки и ноги, и покуда онъ грызётъ — одинъ за другимъ заболѣваютъ и умираютъ сперва его родственники, а потомъ и другіе обыватели. Когда вампиръ изглохнетъ свое собственное тѣло, онъ встаетъ въ полуденный часъ изъ гроба, отправляется въ стадо и губитъ крестьянской скотъ, или взбирается на колокольню и принимается звонить: всякой, кто услышитъ этотъ звонъ, дѣлается добычею смерти. Но чаще всего вѣщіе мертвецы являются ночью въ дома, подстузаютъ къ соннымъ людямъ и высасываютъ изъ нихъ кровь, а насытившись, возвращаются въ могилы. Тотъ, кого сосалъ «вѣщій», уже не пробудится больше: поутру находятъ его въ постели мертвымъ, съ маленькою, едва замѣтною ранкою на лѣвой сторонѣ груди, прямо противъ сердца, или съ очевидными знаками укушенія на лѣвомъ грудномъ соскѣ. Если разрыть могилу вампира (хотя бы черезъ годъ послѣ его погребенія), то легко убѣдиться, что заключенный въ ней мертвецъ не подвергается тлѣнію, что руки и ноги его страшно-изгрызены, а губы обогрены свѣжею кровью ¹⁾. Подобныя басни обращаются и между поляками, чехами и другими славянскими племенами (пол. *upióg*, *upióg* и *upióg zusa*, чеш. *upig* и *upigice*); шарлаки и далматинцы разсказываютъ о вакодлакахъ, сосущихъ кровь младенцевъ ²⁾; истриане называютъ упыря *stri-gon*; по лужицкому повѣрью, когда мертвецъ принимается жевать свой саванъ или сосать собственную грудь, то вслѣдъ за нимъ сходятъ въ могилу и всѣ его родственники;

¹⁾ Zeitsch. für D. Myth., IV, 259—264, 274; Этн. Сб., V, ст. Гильсбердинга, 69—70; 133. — ²⁾ Вѣст. Евр. 1823, XXIII—IV, 200; Москва. 1853, V, 14.

поляки также приписывают упырямъ пожирание погребальныхъ одеждъ и покрововъ ¹⁾. Преданія о вампирахъ не составляютъ исключительной принадлежности славянъ; они распространены почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и должны быть возведены къ древнѣйшей эпохѣ племеннаго единства. Валахи знаютъ вампировъ подъ именами шпгопу и рриссолитш. Мигопу, по ихъ мнѣнію, — духъ умерщвленнаго вампиромъ, или существо, рожденное отъ любовнаго связи; днемъ покоится онъ въ могилѣ, а ночью прилетаетъ къ людямъ, питается ихъ кровью и принимаетъ различные образы, превращаясь въ собаку, кошку, жабу, лягушку или кровососныхъ насекомыхъ (вошь, блоху, клопа, паука). Разрывая его могилу, находятъ въ ней цѣльный, неистлѣвшій трупъ, изъ глазъ, ушей, носа и рта котораго струится свѣжая кровь, а на рукахъ и ногахъ видны недавно-выросшіе ногти. Рриссолитш — оборотень, являющійся въ образѣ собаки; въ ночное время онъ рыщетъ по лѣсамъ, пастбищамъ и селамъ, умерщвляетъ своимъ прикосновеніемъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней, и упивается ихъ кровью. Новые греки смѣшиваютъ вампировъ съ вовкулаками. Злые демоны, овладѣвая трупами усопшихъ подъ церковнымъ проклятїемъ, одушевляютъ этихъ мертвецовъ, дѣлаютъ ихъ оборотнями (*βουρξβλαхες*), и чрезъ нихъ посредствомъ распространяютъ повсюду свое губительное вліяніе. *Βουρξβλαхες* бѣгаютъ ночью по улицамъ, стучатся въ двери домовъ и выкликаютъ имена мѣстныхъ жителей; кто отзовется на ихъ окликъ — тотъ немедленно умираетъ, подобно тому, какъ, по славянскимъ преданїямъ, всѣ отозвавшіеся на голосъ Моровой дѣвы гибнутъ отъ заразы. Въ Германїи существуетъ повѣрье, что съ кончиною ребенка, рожденнаго съ зубами во рту, начи-

¹⁾ Zeitsch. für D. M., IV, 265—9.

нается всеобщая, повальная смертность; существуют также сказанія о мертвецахъ, которые, лёжа въ могилахъ, грызутъ свое собственное тѣло и одежды, а по ночамъ выходятъ изъ гробовъ, давятъ сонныхъ и насылаютъ на окрестное населеніе моръ ¹⁾. Чудовищный Грендель, о которомъ упоминаетъ поэма о Беовульфѣ и который приходилъ ночью сосать кровь изъ жилъ спящихъ воиновъ, вполне соответствуетъ жаднымъ вампирамъ и вовкулакамъ; мать Гренделя носила прозваніе волчицы (II, 696). Як. Гриммъ указываетъ подобное-же свѣдѣтельство въ одной изъ древне-сѣверныхъ сагъ ²⁾.

Слово вай-пиръ = упырь (упиръ, впиръ, женск. вампѣра, упирица, упирина, упирја) доселѣ не объяснено надлежащимъ образомъ; изслѣдователи сближаютъ его съ литовскимъ wempti — пить (aũ wempti — потягивать брагу, wempti, wampti — ворчать, бурлить, бормотать), или производятъ отъ корня pi (пить), съ приставкою u=av, va. Если принять это производство, то вампиръ будетъ означать опойцу, существо, которое вливается въ живое тѣло и сосетъ изъ него кровь, какъ пьявка. Херутане именуютъ вампира pija wisca; о человекѣ съ краснымъ отъ опьяненія лицомъ сербы выражаются: «дрвен као вампир»; и сербы, и словаки горькаго пьяницу обзываютъ v l k o d l a k'omъ ³⁾. Это, существенное, характеристическое свойство упыря роднитъ его съ змѣемъ (смокомъ), высасывающимъ изъ своихъ жертвъ молоко и кровь, и съ великаномъ Опизалюю. Первоначально подъ именемъ упыря предки наши должны были разумѣть грозоваго демона, который сосетъ тучи и упивается дождевою влагою; ибо въ древнѣйшихъ мнеческихъ сказаніяхъ дождь

¹⁾ Ibid., 270 - 6 279 - 282; Шоттъ, 297 - 8. — ²⁾ D. Myth., 969. — ³⁾ Изв. Ак. Н., I, ст. Милуцк., 113; Zeitsch. für D. M., IV, 197- 201; Часопись чешск. музея 1840, III, 242; Москв. 1853, V, 6.

уподоблялся крови, текущей въ жилахъ облачныхъ дуговъ и животныхъ. Очевидно, высасываніе крови вампирами есть тоже самое, что высасываніе вѣдьмами и вовкулаками молока изъ небесныхъ кобылицъ и коровъ; мѣняются только поэтическія краски, основная же мысль и тамъ, и здѣсь — одна. Зимній холодъ, оцѣпяющій дождевыя тучи, повергаетъ творческія силы природы усыпленію, смерти, проклятію; богъ-громовникъ и молніеносные духи — сосуны дождей скрываются въ облачныхъ подземельяхъ и засыпаютъ въ гробахъ-тучахъ (I, 579; II, 440). Но эта смерть — временная; съ возвратомъ весны они пробуждаются, встаютъ изъ гробовъ и начинаютъ сосать молоко или кровь, т. е. живительный дождь, изъ облаковъ, усыпленныхъ чарами Зимы. Сосутъ они по ночамъ, т. е. во мракъ грозovýchъ тучъ, которыя, облекая со всѣхъ сторонъ небо, претворяютъ свѣтлый день въ темную ночь; съ возгласомъ пѣтуха (= знаменіе утренняго разсвѣта и громовыхъ ударовъ, разсѣивающихъ тучи) духи эти немедленно исчезаютъ. Вампиръ можетъ высасывать жизненные соки (питаться кровью), не только являясь въ домъ и нападая на сонныхъ; той-же цѣлѣмъ достигаетъ онъ, терзая собственное тѣло острыми, желѣзными зубами, или принимаясь жевать свой саванъ, а по кашубскому повѣрью — и тогда, когда ударяетъ въ колоколъ. Саванъ въ данномъ случаѣ есть туманный, облачный покровъ, облекающій молніеноснаго духа — та тѣлесная риза, въ которой пребываетъ пламенная душа усопшаго; желѣзный зубъ есть метафора молніи, а звонъ — громовыхъ раскатовъ. Такимъ образомъ пробужденная молнія начинаетъ грызть облако, какъ свое тѣло или свой саванъ, и точитъ изъ него живую воду дождя, или выражаясь поэтически: упивается горячею кровью. Замирая на зиму, духи-вампиры лежатъ въ гробахъ-тучахъ негнѣнными жертвецами, — подобно тому.

какъ въ дѣйствительности трупы усопшихъ, покоясь въ землѣ, охваченной зимнею стужей, не разлагаются до наступленія теплой весны. Въ русскомъ народѣ донинѣ удерживается суевѣрное убѣжденіе, что колдуны, вѣдьмы, опойцы и вообще люди, предавшіеся злому духу, проклятые или отлученные отъ церкви, по смерти своей, не гніютъ, что мать-сыра земля не принимаетъ ихъ, что они выходятъ по ночамъ изъ гробовъ, бродятъ возлѣ прежняго своего жилища и являються къ роднымъ и сосѣдямъ; поэтому и называютъ ихъ погуночниками. Существуетъ разсказъ о матери, которая прокляла своего сына, и трупъ его оставался нетлѣннымъ цѣлыя сто лѣтъ; наконецъ его откопали, старуха-мать, которая еще продолжала жить, изрекла прощеніе — и въ то же мгновеніе мертвецъ разсыпался прахомъ ¹⁾. Болгары черезъ каждыя три года разрываютъ могилы, и если найдутъ неистлѣвшіе трупы, то, признавая этихъ мертвецовъ состоящими подъ родительскимъ или священническимъ проклятіемъ, снова отпѣвають ихъ и возносятъ за нихъ заупокойныя молитвы ²⁾. По древнему воззрѣнію, въ шумѣ весенней грозы праздновался брачный союзъ дьявола или вовкулака съ вѣдьмою; плодомъ этого союза была летучая молнія — упырь, существо эльфическое, воздушное, всюду свободно-проникающее, и потому, по мнѣнію народа, рождаемое безъ костей ³⁾. Отсюда возникли сказанія: во 1-хъ—о плотскомъ смѣшеніи вовкулаковъ съ женщинами, и во 2-хъ—о появленіи упырей на свадьбахъ и высасываніи ими изъ жениха и невесты крови. Рядомъ съ этими мифическими представленіями необходимо поставить сербское преданіе о духѣ, излетающемъ изъ вѣдь-

¹⁾ Статист. описаніе саратов. губ. I, 59—60; Тульск. Г. В. 1852, 26; О. З. 1848, IV, 148; Маякъ, VII, 72. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 80—84. — ³⁾ Плячь, 294; Часопись чешск. музея 1863, I, 12: въ „Mater verborum“ vilkodlacі истолковано: incubi.

шы: «вјештица, говоритъ Караджичъ, има у себи некакав ђаволекки дух, који у сну из ње изиђе и створи се у лепира, у кокош или у ћурку, па лети по кућама и једе људе, а особито малу дјецу; кад нађе човјека гдје спава, а она га удари некаквом шицком преко лијеве сисе те му се отворе прси док извади срце и изједе, па се онда прси опет срасту. Неки тако изједени људи одмах умру, а неки живе више времена, колико је она одсудила кад је срце једа, и онаковом смрти умру, на какову она буде намијенила... Кад у каквом селу помре много дјече или људи, и кад сви повичу на коју жену да је вјештица и да их је она појела» — ту связывають и вѣдутъ на публичную расправу ¹⁾. Этотъ кровососный духъ называется једогоња и признается существомъ, тождественнымъ вампиру ²⁾. Когда въ самѣхъ умирають дѣти, то вновь-народившагося ребенка мать нарицаетъ Вукомъ (волкомъ): имя это даетъ она подъ вліяніемъ мысли, что дѣтей у нея поѣла злая вѣщица, «а на вука да не ће смјети ударити» ³⁾. Въ одной изъ сербскихъ пѣсень спящій мальчикъ, котораго будить сестра, отвѣчаетъ ей:

„Нека я, сејо, не могу;
Вѣштице су ме изеле:
Мајка ми срце вадила,
Стрина јој лучем светлила“ ⁴⁾.

¹⁾ Срп. рјечникъ, 66—67. Переводъ: вѣщица имѣетъ въ себѣ вѣщій дьявольскій духъ, который выходитъ изъ нея во время сна, превращается въ бабочку, курицу или индѣйку, летаетъ по домамъ и поѣдаетъ людей, особенно младенцевъ. Находя спящаго человека, вѣщица ударяетъ его прутомъ въ лѣвый сосокъ, открываетъ ему грудь, достаетъ и съѣдаетъ сердце, послѣ чего грудь опять срастается. Нѣкоторые изъ этихъ лишенныхъ сердца людей тотчасъ же умирають, а другіе продолжаютъ жить столько времени, сколько присудила имъ поѣдая вѣдма, и потомъ погибають насильственною отъ нея смертію. — ²⁾ Ibid., 251. — ³⁾ Ibid., 78. — ⁴⁾ Срп. и. пѣсме, I, 162; Иличъ, 291—3. Переводъ: не могу, сестрица! вѣщица меня изѣла: мать вынула мое сердце, тетка ея лучиной светила.

Итакъ упырь есть порожденіе вѣдьмы, плодъ ея чрева (—облака), или, по другому представленію, онъ — вѣчно-живая, бодрствующая душа, исходящая изъ тѣла вѣщей жены во время ея глубокаго, непробуднаго сна. Но сонъ — эмблема смерти, и въ русскомъ народѣ существуетъ убѣжденіе, что когда человѣкъ обмираетъ (лежитъ въ летаргическомъ снѣ), то душа его, вылетая на свободу, странствуетъ на томъ свѣтѣ, созерцаетъ рай и адъ, и потомъ снова возвращается въ свое покинутое, бездыханное тѣло (см. выше стр. 37 ¹). Отсюда очевидно тѣсное сродство упырей и вѣдьмъ съ душами-эльфами или марами; подобно этимъ стихійнымъ карликамъ, они незамѣтно проскользаютъ сквозь щели и замочныя скважины, налегаютъ на сонныхъ людей и причиняютъ имъ удушье (см. стр. 234-5, 476-7). Падающія звѣзды и метеоры, связь которыхъ съ представленіемъ души человѣческой достаточно объяснена выше, въ харьковской губ. принимаются за вѣдьмъ, поспѣвающихъ на бѣсовскія игрища. Малоруссы вѣдьму называютъ марою (стр. 446); чехи упырямъ и волкодлакамъ даютъ названія: *mořgu*, *mořgu*, *mořsi*, *mořsi* (сравни волошск. *шигору*). Появляясь ночью, *mořgu* нападаютъ на спящихъ, даютъ ихъ и сосутъ кровь изъ сердца и молоко изъ женскихъ грудей; родильницы должны тщательно оберегать и себя, и своихъ дѣтей отъ злой мары, заклиная ее не приближаться къ своему ложу: «*mořgo, mořol ne pristupuj k temu loži, pokud nespořítáš pisek v moři, hvězdy na nebi, cestu na zemi*». По свидѣтельству Илича, *мога*—старая баба, которая по ночамъ превращается въ муху или бабочку, прилетаетъ въ избы и душитъ людей ²). Эльфическія существа, извѣстныя въ Малороссіи подъ именемъ *мавокъ*, задековчиваютъ парубковъ для того, чтобы упиваться ихъ

¹) Иллюстр. 1846. 262 — ²) Часопись чешск. музея 1863, I, 11—12; Громаничъ, 25—26; Иличъ, 298.

кровью ¹⁾); о навах лѣтонисъ сохранила любопытное извѣстie, что они избивали народъ — губили его моровою язвою. Излетающій изъ вѣдмы кровососный духъ принимаетъ образъ птицы, ночного мотылька или мухи и открываетъ грудь обреченнаго на смерть челоуѣка ударомъ прута, т. е. молніи, что вполне согласуется съ русскимъ повѣрьемъ, будто упырь прокалываетъ свою жертву острымъ шпильцемъ, и съ повѣрьемъ кашубскимъ, будто умерщвленный вампиромъ шпѣтъ на груди маленькую рану. По нѣмецкимъ и славянскимъ повѣрьямъ, колдуны и вѣдмы выпускаютъ зѣфа-бабочку изъ-подъ своихъ густыхъ, сросшихся вмѣстѣ бровей, т. е. молніи разитъ, какъ пламенный взоръ, сверкающій изъ-подъ нависшихъ облаковъ. О вовкулакѣ рассказываютъ, что когда онъ показывается въ челоуѣческомъ образѣ, то отличительною его примѣтою бывають сросшіяся вмѣстѣ брови ²⁾. Птица, мотылекъ и муха — общезвѣстныя у арійскихъ племенъ представленія души, разлучившейся съ челоуѣческимъ тѣломъ. Тоже значеніе придавалъ мнѣ и летучей мыши (см. стр. 301); замѣчательно, что слово «вампиръ» употребляется не только въ смыслѣ загробнаго выходца, полумочника, но и въ смыслѣ летучей мыши ³⁾, которая обыкновенно прячется днемъ и показывается уже по закатѣ солнца, почему и была названа *не топыремъ* *vuxteris, vesperilio* (II, 385). Сверхъ того, какъ существо стихійное, душа наравнѣ съ дующими вѣтрами и грозвымъ пламенемъ олицетворялась собакою и кошкою. Отсюда создалось повѣрье, что мертвецъ тотчасъ-же оживаетъ и дѣлается вампиромъ, какъ скоро черезъ трупъ его перепрыгнетъ собака, кошка, или перелетитъ птица; на Украинѣ же думаютъ, что челоуѣкъ, котораго оуѣтъ (= одушевить)

¹⁾ Семеньск., 124; Маякъ, XV, 31—35. — ²⁾ D. Myth., 1050. — ³⁾ Москв. 1851, V, ст. Срезнев., 62.

стенной вѣтеръ, становится упыремъ ¹⁾). Подобно сербскимъ вѣщицамъ, греко-италійскія стриги, нападаая на сонныхъ, вынимають трепещущее сердце, жарятъ его и съѣдаютъ, а въ-замѣнъ кладутъ въ раскрытую грудь солону или полютъ, послѣ чего человекъ продолжаетъ жить безъ сердца ²⁾). Румыны вѣрятъ, что чародѣи могутъ обвить сердце человѣческое клубкомъ ужей или змѣй, которыя не перестаютъ сосать его до тѣхъ поръ, пока не высосутъ всю кровь до послѣдней капли ³⁾). Могучій двигатель крови и необходимое условіе жизни—сердце издревле принималось за виѣстиплице души и ея способностей: мысли, чувства и воли ⁴⁾). Поэтому выраженіе: вѣдьма съѣдаетъ сердце слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что она похищаетъ у человекѣа жизнь, извлекаетъ изъ него душу, обращаетъ его въ безкровный трупъ. Такое объясненіе вполне оправдывается повѣрьями, отождествляющими вѣдьмъ съ нечистыми духами повальныхъ болѣзней и съ богинею смерти (Моровою дѣвою). Но, сверхъ этого, указанное выраженіе могло прилѣпиться и къ стихійнымъ явленіямъ природы: какъ «высасываніе крови» относилось первоначально къ пролітію дождя, такъ «съѣданіе сердца» могло обозначать мысль о молніеносномъ духѣ, терзающемъ внутренности, сердцевины ⁵⁾ дождевой тучи. Въ этомъ отношеніи народныя сказанія о вѣдьмахъ и вампирѣхъ сближаются съ древне-нѣмецкимъ преданіемъ о драконѣ Фаонирѣ и греческимъ мифомъ о Прометѣѣ. Зигурдъ, побѣдитель Фаонира, вынимаетъ изъ него сердце, жаритъ на

¹⁾ Часописъ чешск. музея, Ёгнасту гошукъ, в. III, ст. Ваглевича: «о upřech a wid'mach», 238. — ²⁾ D. Myth., 1035. — ³⁾ Телескопъ 1833, VIII, 504. — ⁴⁾ У насъ говорится: человекъ съ сердцемъ, съ душою, съ чувствомъ, сердечный; это ему по сердцу (по желанію); Богъ проникаетъ въ глубину сердца, онъ знаетъ: у кого что на сердцѣ; сердать — гнѣвать-ся, и т. д.л. — ⁵⁾ Срьдце, срѣдл, средина.

огнь и съѣдаетъ, и чрезъ то самое обрѣтаетъ высокій даръ предвидѣнія, т. е. герой-громовникъ разводитъ грозовое пламя, пожигаетъ дракона-тучу или (что тоже) пожираетъ его внутренности и упивается вѣщимъ, вдохновительнымъ напиткомъ дождя. Мнѣ о Прометѣѣ изображаетъ этого титана похитителемъ небеснаго огня; разгнѣванные боги приковали его къ скалѣ (см. I, 756-7) и послали орла, носителя Зевсовыхъ молній, клевать его печень ¹⁾. Та любопытная черта, что вѣдьма, пожирая сердце, замѣняетъ его обрубокѣмъ дерева или пучкомъ соломы, можетъ быть легко объяснена поэтическимъ уподобленіемъ грозоваго пламени — во первыхъ, живому огню, добываемому изъ дерева, и во вторыхъ, костру горящей соломы; самая молнія, какъ извѣстно, представлялась волшебнымъ прутомъ, вѣткою и стеблемъ разрывъ-травы. Мазовецкое преданіе рассказываетъ о рыцарѣ, который долгое время славился своимъ мужествомъ и отвагою; но вотъ однажды, пользуясь его сномъ, явился

¹⁾ Шварцъ (Sonne, Mond u. Sterne, 14—22), объясня эти преданія, принимаетъ „сердце“ за поэтическое обозначеніе солнца, закрытаго тучами, такъ какъ у древнихъ писателей оно называлось „сердцемъ вселенной“. Что вѣдьмамъ приписывалось пожираніе солнца — объ этомъ сказано выше. Здѣсь прибавимъ, что ребенокъ, родившійся съ зубами, признается у венгровъ существомъ чародѣйнымъ (по мнѣнію чеховъ, это — мора); когда онъ умираетъ, то въ ротъ ему кладутъ камень; въ противномъ-же случаѣ онъ проглотитъ и солнце, и мѣсяцъ. Точно также славяне кладутъ камень въ ротъ вампира, дабы онъ не могъ высасывать кровь — Zeitschr. für D. M., IV, 273. Слово упырь перешло отъ русскихъ къ татарамъ и чувашамъ; у первыхъ убуръ — колдунья, вѣдьма, у послѣднихъ вабуръ — чародѣй, поѣдающій луну — Сбоева: Исслѣдов. объ инородц. казан. губ., 115. Въ яркнхъ краскахъ зори и въ преломленныхъ лучахъ солнца предки наши видѣли потоки крови, а солнечныя затмѣнія приписывали демону, который въ образѣ волка грызетъ дневное свѣтло и точитъ изъ него горячую кровь.

вѣдьма, ударила его въ грудь осиновою вѣткою, и когда грудь раскрылась — вынула изъ нея трепещущее сердце, а на мѣсто похищеннаго положила другое — заячье сердце. Храбрый рыцарь проснулся боязливымъ трусомъ и оставался такимъ до самой смерти. Въ Польшѣ ходилъ разсказъ о вѣдьмѣ, которая выкрала у одного крестьянина сердце и посадила ему въ грудь пѣтуха; съ тѣхъ поръ несчастный постоянно кричалъ пѣтухомъ. Основа этихъ преданій — чисто-мнѣческая; ибо и заяцъ, и пѣтухъ принимались символами огня и сверкающихъ молній. Позднѣе, переработывая старинные мнѣя, фантазія налагаетъ на нихъ печать нравственныхъ воззрѣній, и пользуется для этого всякимъ готовымъ намекомъ; такъ какъ заяцъ возбуждаетъ представленіе трусости, то отсюда въ разсказѣ о рыцарѣ съ заячьимъ сердцемъ главный интересъ сосредоточился на тѣхъ душевныхъ страданіяхъ, какія долженъ испытывать воинъ съ утратою мужества и доброй славы. Съ похищеніемъ сердца связываются и чары на любовь. По народному воззрѣнію, чувство любви охватываетъ человека, какъ внутреннее пламя, возжигаемое въ его сердцѣ стрѣлою громовника и раздуваемое буйными вихрями (I, 448-455). Желая пробудить это страстное чувство, волшебницы вынимаютъ изъ груди юноши или дѣвicy сердце, жарятъ его и наговариваютъ любовную тоску. По справедливому замѣчанію Я. Гримма, въ связи съ этимъ повѣртіемъ должны быть поставлены и слѣдующія доселѣ-употребительныя выраженія: «она похитила мое сердце» — заставила полюбить себя, «онъ отдалъ ей сердце» «онъ очарованъ, обвороженъ ею» ¹⁾).

Мы знаемъ, что вѣдуны и вѣдьмы, выдавая облачныхъ коровъ, производятъ засухи, неурожай, голодъ и моровую язву; тѣже гибельныя послѣдствія соединяетъ народъ и съ выса-

¹⁾ Пов. и пред., 29—33, 172—3. D. Myth., 1035.

сываніемъ крови вампирами. Злому вліанію упырей и вѣдьмъ приписываются какъ зимнее оцѣпѣніе дождевыхъ тучъ, такъ и лѣтній всё-пожигающій зной. Русскіе поселяне убѣждены, что упыри и вовкулаки могутъ творить бездождіе, насылать бури, неурожав, скотскіе падежи и различныя болѣзни; тамъ, гдѣ они бродятъ, одна бѣда слѣдуетъ за другою ¹⁾. По сербскому повѣрью, вукодлакъ преимущественно показывается зимою и въ голодные годы: «У вриеме глади често га привиѣјају око воденица ²⁾, око амбара житнијех и око чардака и кошева кукурузнијех», гдѣ и поѣдаетъ заготовленный хлѣбъ и кукурузу ³⁾. Въ такихъ общественныхъ бѣдствіяхъ изстари и донныѣ обвиняются блуждающіе мертвецы. Еще въ XIII вѣкѣ Серапіонъ обращался съ укоромъ къ современникамъ, которые воспрещали погребать тѣла удавленниковъ и утопленниковъ и вырывали ихъ изъ могилъ, какъ виновниковъ засухи и неурожаяевъ. Обычай этотъ въ XVI вѣкѣ настолько былъ силенъ, что Максимъ Грекъ призналъ необходимымъ вооружиться противъ него особымъ посланіемъ: «кій отвѣтъ сотворимъ (говоритъ онъ) въ день судный, тѣлеса утопленныхъ или убіенныхъ и поверженныхъ не сподобляюще я погребанію, но на поле извлекше ихъ, отыняемъ коліемъ, и еже беззаконнѣйше и богомерско есть, яко аще случится въ веснѣ студенымъ вѣтромъ вѣяти и сими садимая и сѣемая нами не пресѣвають на лучшее, оставивше молитися содѣтелю и строителю всѣхъ... аще увѣмы нѣкоего утопленнаго или убитаго нежданна погребена... раскопаемъ окаяннаго и извержемъ его нѣгдѣ далѣ и непогребена покнемъ... по нашему по премногу безумію виновно стужи мнѣше быти погребеніе его» ⁴⁾. Димитрія Са-

¹⁾ Иллюстр. 1846, 134. — ²⁾ Водяная мельница. — ³⁾ Срп. рјечникъ, 79; Иличъ, 295. — ⁴⁾ Изв. Ак. Н., III, 95; Котляревскаго: О погръ бильн. обычаяхъ, 34—35.

позванца народная молва обвиняла въ чародѣйствѣ ¹⁾; когда онъ погибъ насильственной смертію, трупъ его былъ выставленъ на Красной площади, и въ продолженіи трехъ дней лежалъ на столѣ съ дудкою, волынкою и маскою — атрибутами окрутниковъ и скомороховъ, а затѣмъ погребенъ въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами. Это было въ половинѣ мая 1606 года; какъ нарочно, настали тогда сильныя морозы, вредныя для полей, садовъ и огородовъ. Столь поздніе холода носкивичи приписали самозванцу; они вырыли его трупъ, сожгли на Котлахъ, и смѣшавши пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки ²⁾. Запрещеніе хоронить утопленниковъ, удавленниковъ, чародѣевъ существовало и у другихъ славянскихъ племенъ; самоубійцы и донынѣ лишаются христіанскаго погребенія. Всякое физическое бѣдствіе (бездождіе, буря, градъ, чрезмѣрный зной или стужа) приписывается народомъ вліянію мертвецовъ, погибшихъ насильственнымъ образомъ: ихъ стизійныя души блуждаютъ въ воздушныхъ сферахъ, носятся буйными вихрями и грозю; и нарушая порядки природы, какъ-бы истязъ людямъ за свою неестественную разлуку съ жизнью. Предубѣжденіе противъ такихъ мертвецовъ до сихъ поръ не истребилось между русскими поселянами; особенно боятся они опойцевъ. Еще недавно бывали случаи, что крестьяне во время долгихъ засухъ, по общему мірскому приговору, выкапывали изъ могилы трупъ опойцы и топили его въ ближайшемъ болотѣ или озерѣ, твердо вѣруя, что послѣ того непременно пойдетъ дождь ³⁾. Засуха нынѣшняго лѣта и опасеніе неурожаея заставили крестьянъ Тихаго Хутора

¹⁾ Въ современныхъ грамотахъ говорится, что Отрепьевъ — еретикъ, впалъ въ чернокнижіе и ободствилъ народъ басовскими мечтами — Ак. Арх. Эксп., II, 28; Доп. къ Ак. Ист., I, 151. —

²⁾ Ист. Росс. Солов., VIII, 154. — ³⁾ Иличъ, 312; Духъ Христіанства 1861—2, XII, 271; С. Петерб. Вѣдом. 1865, 47, 129.

(въ тарашанскомъ уѣздѣ) прибѣгнуть къ слѣдующему средству: они разрыли могилу скончавшагося въ декабрѣ прошлаго года и похороненнаго на сельскомъ кладбищѣ раскольника, приподняли его изъ гроба, и между тѣмъ, какъ одинъ изъ нихъ билъ мертвеца по черепу, приговаривая: «давай дождя!» — другіе лили на усопшаго воду сквозь рѣшето; затѣмъ снова уложили его въ гробъ и закопали на прежнемъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, съ цѣлю вызвать дождь, въ могилу заподозрѣннаго мертвеца лили воду цѣлыми бочками ¹⁾. Эти представленія о вампирахъ, сосущихъ кровь, т. е. скрадывающихъ дожди и насылающихъ неурожай заставляли фантазію сроднить ихъ съ богиней смерти, во первыхъ—потому, что вслѣдъ за неурожаями начинаются повальные болѣзни, а во вторыхъ—потому, что самая Смерть, падая на людей и животныхъ, высасываетъ изъ нихъ кровь и оставляетъ одни холодные и безжизненные трупы (см. стр. 43). Обитатели загробнаго царства, вампиры являлись слугами и помощниками Смерти, и каждая отшедшая изъ сего міра душа рассматривалась, какъ-бы увлеченная или въ свое сообщество. Поселяне наши убѣждены, что Коровья Смерть (чума рогатаго скота) есть оборотень, который принимаетъ на себя образъ черной коровы, гуляетъ вмѣстѣ съ деревенскими стадами и напускаетъ на нихъ порчу. Всюду въ славянскихъ земляхъ гибельное дѣйствіе моровой язвы объясняется злобою вампировъ, и не только преданія, но и положительныя свидѣтельства памятниковъ утверждаютъ, что для отвращенія повальной смертности народъ прибѣгалъ къ разрытію могилъ, извлеченію труповъ и различнымъ надъ ними истязаніямъ. Такъ какъ отъ зачумленнаго покойника прежде всего заражаются тѣ, посреди которыхъ онъ скончался, то отсюда возникло повѣрье, что вампиры сначала умерщвляютъ своихъ роди-

¹⁾ Рус. Вѣдомости 1868, 139; Москва 1867, 98.

чей, а потомъ уже сосѣдей и другихъ обывателей. На Руси главнѣйшимъ средствомъ противъ смертоносной силы упырей считается заострѣнный осиновый колъ, который вбиваютъ въ грудь или въ спину мертвеца, между лопатокъ, а иногда въ могильную насыпь ¹⁾. Въ кievской губ. рассказываютъ, что въ могилахъ колдуновъ и вѣдьмъ всегда есть отверстіе, въ которое вылззаютъ они ночью въ видѣ мышей и ящерицъ; отверстіе это совѣтуютъ затыкать осиновымъ коломъ, а самые гробъ, въ которыхъ покоятся ихъ трупы, заколачиваютъ осиновыми гвоздями. Если и затѣмъ мертвецъ продолжаетъ тревожить населеніе, то необходимо предать его сожженію. «Привезли (говоритъ сказка) осиновыя дрова на кладбище, свалили въ кучу, вытащили колдуна изъ могилы, положили на костеръ и зажгли; а кругомъ народъ обступилъ — всѣ съ метлами, лопатами, кочергами. Костеръ облился пламенемъ, началъ и колдунъ горѣть; утроба его лопнула, и ползали оттуда змѣи, черви и разные гады, и полетѣли оттуда вѣроны, сороки и галки; мужики бьютъ ихъ да въ огонь бросаютъ», чтобы и въ червякѣ не могъ ускользнуть волшебникъ отъ заслуженной имъ кары ²⁾. Вбивать осиновый колъ въ тѣло упыря должно съ размаху за одинъ разъ, и притомъ остерегаться, чтобы кровь, которая брызгнетъ изъ него въ разныя стороны, не омочила кого-нибудь изъ присутствующихъ; повторенный ударъ оживляетъ мертвеца и сообщаетъ ему способность превращеній. Тотъ-же совѣтъ не ударять дважды дается и сказочнымъ героямъ, вступающимъ на борьбу съ Вихремъ, бабой-ягою, великанами и змѣями. Отъ огненнаго змѣя можно отдѣлаться, поразивъ его, во время сна, единымъ богатырскимъ ударомъ; если же

¹⁾ Абев., 74; Терещ., VI. 101; Москв. 1844, XII, 40. — ²⁾ Киевлянинъ 1865, 52, 71; Н. Р. Сл., V, 30, b, d; Тамбов. Г. В. 1857, 4.

ударить его въ другой разъ — то змѣи немедленно оживаетъ (см. II, 419 ¹). Сверхъ того, ушьямъ подрѣзываютъ пятаки, связываютъ лыками руки, а на грудь кладутъ основные кресты ²). Тѣже средства употребляются противъ вампировъ и прочими славянами. По свидѣтельству Караджича: «како почну људи много умирати по селу, онда (сербы) почну говорити да је вукодлак у гробљу, и стану погађати ко се повампирно. Кашто узму врана ждријепца без билега, па га одведу на гробље и преводе преко гробова, у којима се боје да није вукодлак: јер кажу да такви ждријепца не ће, нити смије пријећи преко вукодлака. Ако се о ком увјере и догоди се да га ископавају, онда се скупе сви селаци с глоговијем кољем, па раскопају гроб, и ако у њему нађу човјека да се није распао, а они га избоду онијем кољем, па га баце на ватру те изгори» ³). «Кад умре човјек, за којега се мисли да је једогоња, ударе му глогово трње под нокте и ножем испресјецају жиле испод кољена, да не би могао излазити из гроба, као вам-

¹) Н. Р. Ск., I, 14; VII, 9; VIII, 6 и стр. 402—3; Могилев. Г. В. 1851, 19. — ²) Часопись чешск. муз., 1840, III, ст. Вагилевича, 236. — ³) Срп. рјечник, 79; см. также Путешествіе въ Черногорію А. Попова, 221; Иличъ, 294; Вѣст. Евр. 1829, XXIV, 254—5. Переводъ: Когда начнетъ на селѣ умирать много людей, то стануть говорить, будто на кладбищѣ есть вукодлак, и пріймутся гадать, кто это повампирился? Для этого берутъ воронаго жеребца безъ отъѣтня, вѣдутъ на кладбище и переводятъ черезъ тѣ могилы, въ которыхъ можно опасаться присутствія вукодлака. Говорятъ, что такой жеребецъ не захочетъ и не посмѣетъ переступить черезъ вукодлака. Когда убьются въ вампирствѣ покойника и вѣдуютъ выкопать его, то всѣ поселяне собираются вѣствѣ, разрываютъ могилу, и если найдутъ въ ней нестлѣвшій трущъ — прободаютъ его глоговымъ коломъ (глог — *weissdorn*, *crataegus* Linn., боярышникъ), а потомъ бросаютъ въ огонь и предають сожженію.

пир»¹⁾. Болгары, как скоро заподозрят усопшаго вампиромъ, немедленно готовятъ заострённые терновые или глоговые колья, идутъ съ ними на кладбище, разрываютъ могилу, и скипавши нѣсколько ведеръ винограднаго вина, пробиваютъ мертвеца кольями и обливаютъ его кипящимъ виномъ, думая, что такимъ образомъ они истребляютъ вселившагося въ трупъ злаго демона²⁾. Въ Червоной Руси, во время засухъ и холеры, жгли упырей и вѣдьмъ на терновомъ огнѣ³⁾. Маннгардтъ собралъ много интересныхъ указаній на подобныя расправы съ мертвецами, засвидѣствованныя памятниками различныхъ народовъ. Въ одной чешской деревнѣ въ 1337 году умеръ пастухъ и сталъ являться вампиромъ; когда его откопали и вонзили ему колья въ тѣло, то изъ него брызнула кровь, а самъ онъ промолвилъ: «съ этою паккою мнѣ еще лучше будетъ отъ собакъ отбиваться!» Послѣ того онъ былъ преданъ сожженію, и сгорая, ревѣлъ какъ быкъ или оселъ. Въ 1345 году скончалась женщина, ославленная промежъ челоуъ вѣдкою и была погребена на перекресткѣ; выходя изъ могилы, она оборачивалась звѣремъ и пожирала попадавшіяся ей жертвы. Дубовый колья, которыми ея пронзили, она извлекла вонъ и стала еще больше умершвлять народу, чѣмъ прежде. Напуганные жители сожгли ея трупъ, а оставшіяся щепель зарыли въ могилу; замѣчательно, что на мѣстѣ, гдѣ совершилась эта посмертная казнь, нѣсколько дней сряду кружился сильный вихрь. Въ 1567 году въ Трутнау (въ Богеміи) отрубили вампиру голову. Нѣсколько позже (въ 1572 г.), когда появилась въ Польшѣ чу-

¹⁾ Срп. рѣчникъ, 251; Вѣст. Евр. 1823, XXIII—IV, 200. Переводъ: Когда умереть челоуъкъ, о которомъ думаютъ, что онъ — вѣдогоня, то забиваютъ ему подъ ногти глоговыя иглы и подрывають ножемъ жилы подъ колышками, чтобы онъ не могъ выхлупть изъ гроба, какъ вампиръ. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 207. — ³⁾ Пантеевъ 1855, V, 48.

ма, обвиненіе въ этомъ бѣдствіи пало на умершую бабу, которую народъ признавалъ за вѣдму. Въ могилѣ она покоилась совершенно-голая, потому что пожрала всѣ свои одежды; рѣшено было отрубить ей голову могильнымъ заступомъ и потомъ снова закопать въ землю; когда это сдѣлали — чума тотчасъ-же прекратила свой губительный набѣгъ. Венды считаютъ необходимымъ ударить вампира заступомъ по затылку и увѣряютъ, будто при этомъ ударѣ онъ визжитъ, какъ поросенокъ. Въ 1672 году, недалеко отъ Лайбаха, умеръ человекъ по прозванью Giure Grand; по смерти своей онъ показывался ночью, стучался въ двери домовъ и цѣлыя семьи увлекалъ за собою на тотъ свѣтъ. Староста Miho Radetich приказалъ разрыть его могилу; колдунъ (strigon) лежалъ нетлѣнный, съ багровымъ, усмѣхающимся лицомъ и открытою пастью. Ударили его въ животъ терновымъ коломъ (hagedorn) — онъ выдернулъ колъ обратно; отрубили ему голову киркою—онъ вскрикнулъ, словно живой, а могильная яма наполнилась свѣжею кровью. По мнѣнію кашубовъ, чуму и другія повальные болѣзни производятъ «вѣщіе»; первый, кто падаетъ жертвою холеры, вслѣдъ за которымъ начинаютъ умирать и другіе, признается вампиромъ. Разрывая могилу «вѣщаго», кашубы откапываютъ ему голову желѣзнымъ заступомъ и промежъ ею и туловищемъ насыпаютъ нѣсколько земли, или кладутъ отрубленную голову къ ногамъ мертвеца; иногда-же влагаютъ ему въ ротъ камень, набиваютъ ему глотку землею, поворачиваютъ трупъ лицомъ къ-низу, бросаютъ въ гробъ что-нибудь сплетенное или связанное (напр. чулокъ), обсыпаютъ могилу макомъ, и думаютъ, что пока мертвецъ не распутаетъ всѣхъ петель и не сочтетъ всѣхъ маковыхъ зѣренъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ удалиться съ кладбища. Въ южной Россіи есть повѣрье,

что путь, которымъ приходитъ мертвецъ къ живымъ людямъ, должно посыпать макомъ: тогда онъ не прежде можетъ повторить свое посѣщеніе, какъ подобравши всё до единого разбросанныя зёрна (сравни примѣчаніе на стр. 330). Волохи вбиваютъ въ сердце упыря деревянный колъ, вгоняютъ ему въ черепъ гвоздь, кладутъ возлѣ него лозу шиповника, иглы котораго, цѣпляясь за саванъ, должны задержать мертвеца въ могилѣ, или наконецъ сожигаютъ его. Въ Силезіи въ 1592 году разнеслась молва объ одномъ умершемъ сапожникѣ, что онъ является по ночамъ и давить сонныхъ людей — съ такою силою, что оставляетъ на ихъ тѣлѣ снѣнія пятна; мертвеца вынули изъ могилы, отсѣкли ему голову, туловище сожгли, а голову зарыли на позорномъ мѣстѣ. Въ Гессенѣ еще въ недавнее время, какъ только наставала моровая язва, крестьяне разрывали могилы, и если находили неистлѣвшіе трупы, то отсѣкали у нихъ головы. У скандинавовъ былъ обычай — тѣла заподозрѣнныхъ мертвецовъ сожигать на кострѣ, а пепелъ бросать въ море ¹⁾. Всѣ исчисленные нами обряды имѣютъ цѣлю воспрепятствовать вампиру выходить изъ могилы, высасывать кровь и губить населеніе. Они направлены: а) противъ ногъ, съ помощію которыхъ вампиръ посѣщаетъ людскія жилища; чтобы лишить его возможности двигаться, ему подрѣзываютъ подкожные жилы и пятки; б) противъ рукъ, которыми онъ схватываетъ и давить свою жертву: ихъ связываютъ лыками; с) противъ поѣдучей части мертвеца: ему стараются забить глотку, зажать ротъ камнемъ или землею; пока онъ не разжуетъ этого камня, не съѣстъ этой земли, до тѣхъ поръ уста его и зубы не свободны и не въ

¹⁾ Zeitsch. für D. Myth., IV, 260—282; Часопись чешск. муз. 1863, I, 13—15; Громанъ, 191; Этн. Сб., V, ст. Гильфердингъ, 69—70, Шоттъ, стр. 297—8.

состояніи ни сосать, ни грызть живаго человека. d) Макъ, какъ снотворное зелье, долженъ усыпить могильнаго обитателя. e) Словацкая сказка повѣствуетъ о вовкулакѣ, у котораго было девять дочерей; восемь старшихъ онъ умертвилъ, а когда погнался за девятою — догадливая дѣвица сбросила съ себя платокъ и сказала: «не догнать тебѣ, пока не взорвешь этого платка въ лоскутья, пока не разщиплешь его на тонкія нити, и потомъ не выпрядешь и не соткнешь снова!» Вовкулакъ исполнилъ эту трудную задачу и погнался за дѣвицей; съ тѣми-же словамъ она сбрасываетъ съ себя платье, оплечье, кофту, рубашку, и голая спасается отъ страшной смерти ¹⁾. Согласно съ стариннымъ уподобленіемъ облаковъ прядеву, тканямъ и одеждамъ, вампиръ только тогда и можетъ упиваться кровью (=дождевою влагою), когда прядетъ туманы, ткеть облачныя покровы или разрываетъ ихъ въ бурной грозѣ. Это мифическое представленіе, вмѣстѣ съ вѣрою въ предохранительную силу на узы (узла, петли), привело къ убѣжденію, что пока вампиръ или вообще печальный духъ не распутаетъ всѣхъ узловъ и петель—онъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не можетъ повредить человеку. f) Вѣрнѣйшимъ же средствомъ противъ блуждающихъ мертвецовъ признается совершенное уничтоженіе ихъ труповъ. По древнему воззрѣнію, душа усопшаго только тогда дѣлается вполне-свободною, когда оставленное ею тѣло рассыпается прахомъ, и наоборотъ пока оно не истлѣетъ, между нимъ и душою не перестаетъ существовать таинственная связь. Замѣчая, что нѣкоторые трупы долгое время остаются нетлѣнными, что у покойниковъ даже остаются волосы и ногти, предки наши видѣли въ этомъ несомнѣнные признаки продолжающейся жизни, и вѣрили, что душа невдругъ покидаетъ брвенную оболочку, что и по смерти она

¹⁾ Zeitsch. für D. M., IV, 224—8.

сохраняетъ къ своему тѣлу прежнюю привязанность, прилетаетъ къ нему въ могилу, входитъ въ него, какъ въ знакомое ей обиталище, и такимъ образомъ временно оживляетъ мертвеца и подымаетъ его изъ гроба. Чтобы порвать эту посмертную связь души съ тѣломъ, чтобы окончательно удалить ее изъ здѣшняго міра, необходимо было предать трупъ сожженію. Только въ пламени погребальнаго костра отрѣшалась она отъ всего матеріальнаго, влекушаго долу, очищалась отъ земнаго праха и содѣянныхъ грѣховъ, сопричиталась къ стихійнымъ духамъ и виѣстѣ съ ними восходила въ свѣтлое царство боговъ. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существовало глубоко-вкорененное убѣжденіе, что пока надъ тѣломъ усопшаго не будетъ совершень погребальный обрядъ — пока оно не будетъ разрушено огнемъ, до тѣхъ поръ душа его не обрѣтаетъ покоя, томится, мучится, и блуждая въ семь мірѣ, мститъ за себя своимъ безпечнымъ родичамъ и землякамъ неурожаями, голодомъ и болѣзнями (см. стр. 249). Въ наше время думаютъ, что такая страдальческая участь по смерти ожидаетъ всѣхъ лишенихъ христіанскаго погребенія. Въ силу этихъ вѣрованій сожженіе вампировъ первоначально было не столько казнью, направленною противъ злыхъ демоновъ, сколько благочестивою заботою объ успокоеніи душъ, очищеніи ихъ огнемъ и водвореніи въ райскихъ обиталяхъ. Вся обрядовая обстановка такого сожженія служитъ знаменіемъ небесной грозы, въ бурномъ полетѣ которой (по мнѣнію нашихъ праотцевъ) возносились на тотъ свѣтъ легкія тѣни усопшихъ. Осиновый или дубовый колъ, вбиваемый въ грудь мертвеца, — символъ громовой палицы; въ погребальномъ обрядѣ ему соотвѣтствуетъ жезлъ Индры или Тора, которымъ издревле освящали покойника и приуготовленный для него костеръ. Тоже значеніе соединялось и съ колючей лозою терна, боярышника или шиповника; сербы называютъ терновый кустъ: вукодржица (дер-

жащій волка—вовкулака ¹⁾. Острый гвоздь и могильный заступ суть позднѣйшія замѣны этихъ древнѣйшихъ символовъ. Огонь, на которомъ сожигаютъ вампировъ, стараются добывать изъ дерева посредствомъ тренія, такъ какъ именно этотъ огонь и признавался равносильнымъ «живому» пламени грозы ²⁾; въ другихъ же мѣстностяхъ ихъ сожигаютъ на терновомъ кострѣ. Пепель, остающійся послѣ сожженія вампира, бросаютъ въ воду; самый трупъ его окачиваютъ вскипяченнымъ виномъ или обливаютъ сквѣзь рѣшето водою, что символически означаетъ омовеніе усопшаго въ дождевомъ ливнѣ, погруженіе его души въ небесный потокъ, переплывая который можно достигнуть царства блаженныхъ (вино—метафора дождя; о символическомъ значеніи рѣшета или сѣта см. I, 571). Въ народной памяти уцѣлѣли суевѣрные представленія, что провѣйный коломъ и пожигаемый пламенемъ вампиръ реветъ, какъ раненый звѣрь (=звыванье грозовой бури) и истекаетъ кровью (=дождемъ); изъ его тѣла выползаютъ гады (=змѣи-молніи), а вокругъ пылающаго костра поднимаются вихри.

Какъ производители неурожаевъ, голода и повалыныхъ болѣзней, упыри и вѣдьмы отождествлялись съ поѣдучею Смертію, и наравнѣ съ этою злобною богинею и другими демоническими существами (великанами, змѣями и чертами) являются въ народныхъ сказаніяхъ пожирающими человеческое

¹⁾ Kujizevnik, годъ 3, III—IV, 450; Срп. рјечникъ, 79. — ²⁾ Часопись чешск. муз. 1840, III, ст. Вагилевича, 236—7. Такъ какъ вампиры умерщвляютъ людей чрезъ высасываніе изъ нихъ крови, то наоборотъ: умерщвленные вампирами тотчасъ-же оживаютъ, какъ скоро будетъ возвращена имъ высосанная кровь (Н. Р. Ск., V, 30, d); кто заболѣваетъ вслѣдствіе укушенія мертвеца, тому советуютъ давать хлѣбъ или питье, съ примѣсью крови, добытой изъ вампира, или тою-же кровью предлагаютъ ему натирать недужное тѣло — Zeitsch. für D. M., IV, 261; Пузанъ, 128.

мясо. Когда человекъ умираетъ, душа его увлекается въ общество загробныхъ духовъ, а тѣло дѣлается снѣдью червей, тлѣетъ и разрушается; отсюда родилось убѣжденіе, что духи эти, призывая къ себѣ смертныхъ (=отымая у нихъ жизнь), питаются ихъ мясомъ. Manducus—оборотень, чудовище съ большою пастью, Я. Гриммъ производитъ отъ *mandere*, *manducare*—ѣсть, жевать; а *masca* (= *lagva*, привидѣніе, оборотень, личина), итал. *maschera*, сближаетъ съ словами *schacher*, *mascher* и *masticare* (значеніе тоже, что и глагола «*mandere*»). Вѣдьмамъ верѣдко давались названія *lagve*, *maske*, и начиная съ индусовъ, у всѣхъ племенъ арійскаго происхожденія онѣ представляются жадными на человѣческое мясо ¹⁾. На Украинѣ увѣряютъ, будто упыри гоняются по ночамъ за путниками съ громкимъ возгласомъ: «ой, мяса хочу, ой, мяса хочу!» ²⁾ По свидѣтельству народныхъ преданій, колдуны являются по смерти въ ночное время, бродятъ по деревнѣ, морятъ и поѣдаютъ живыхъ людей ³⁾. Въ одной сказкѣ ⁴⁾ повѣствуется о мертвецѣ, который пришелъ на свадьбу, умертвилъ жениха и невесту, пожралъ всѣ приготовленныя яства, вмѣстѣ съ посудой, ложками и ножами; а затѣмъ закричалъ: «ѣсть хочу! голодень!» и бросился было на солдата, но тотъ отдѣлался отъ него, благодаря осиновому полѣтну и раздавшемуся крику пѣтуха. Выше (стр. 271—3) мы привели любопытное преданіе о человекѣ, ищущемъ безсмертія; оно извѣстно въ двухъ вариантахъ, и та роль, которую въ одномъ вариантѣ исполняетъ Смерть, въ другомъ приписывается вѣдьмѣ: эта послѣдняя пожираетъ людей и точитъ на нихъ свои страшные зубы. И славяне, и нѣмцы надѣляютъ вѣдьмъ огромными зубами ⁵⁾. По народнымъ рассказамъ, когда

¹⁾ D. Myth., 1036. — ²⁾ Lud Ukrain., II, 56—57. — ³⁾ Н. Р. Сл., VI, 65, а, е, 66; сб. Вадьяца, 237—9; Slov. pohad., 29. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., V, 30, е. — ⁵⁾ D. Myth., 247.

умираетъ вѣдма или «заклятая» царевна (=та, которою овладѣлъ нечистый духъ), тѣло усопшей заключаютъ въ гробъ, окованный желѣзными обручами, выносятъ въ церковь и заставляютъ кого-нибудь «отчитывать» ее ¹⁾; ночью, ровно въ двѣнадцать часовъ, вдругъ подымается сильный вихрь, желѣзные обручи лопаются съ оглушительнымъ трескомъ, гробовая крышка спадаетъ долой—и вслѣдъ затѣмъ вѣдма или заклятая царевна встаетъ изъ гроба, летитъ по воздуху, бросается на испуганнаго чтеца и пожираетъ его—такъ, что къ утру остаются отъ него однѣ голыя кости ²⁾. Только тотъ можетъ избѣгнуть опасности, кто очертится круговою чертою и станетъ держать передъ собой молотъ, это священное орудіе бога-громовника. Рассказываютъ еще, что нѣкогда, въ старые годы, умеръ отчаянный безбожникъ; тѣло его вынесли въ церковь и приказали дьячку читать надъ нимъ псалтырь. Этотъ догадался захватить съ собой пѣтуха. Въ полночь, когда мертвецъ всталъ изъ гроба, разинувъ пасть и устремился на свою жертву, дьячокъ стиснулъ пѣтуха; пѣтухъ издалъ обычный крикъ—и въ ту же мнуту мертвецъ повалился навзничь оцѣпенѣлымъ и неподвижнымъ трупомъ (харьков. губ.). Какъ глубоко запала въ нашихъ предковъ суевѣрная боязнь мертвецовъ, лучше всего свидѣтельствуетъ любопытное посланіе царя Алексѣя Михайловича къ знаменитому Никону о кончинѣ патріарха Іосифа ³⁾. Ввечеру, пишетъ царь, пошелъ я въ соборную церковь проститься съ покойникомъ, «а надъ нимъ одинъ священникъ говорить псалтырь, и тотъ.... во всю голову кри-

¹⁾ Отчитыванье, т. е. чтеніе въ слухъ священнаго писанія надъ «заклятыми» и усопшими, считается вѣрнѣйшимъ средствомъ для избавленія ихъ отъ демонской власти. — ²⁾ Н. Р. Ск., VII, 35, 36, b, c; Н. Р. Лег., стр. 143—5; Персск. Сб., II, 173—4; Худяк., 11; Штиръ, 10; Вольфъ, 258—262 («Die Leichenfresserin»). — ³⁾ Ав. Арх. Эксп., IV, 57.

«читать, а двери всё отворилъ; и я почалъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь? «Прости де, государь, страхъ нашелъ великой, а во утробѣ де, государь, у него святителя безмѣрно шумѣло... Часы де въ отдачу вдругъ внесло животъ у него государя (усопшаго патріарха) и лицо въ тужъ пору почало пунуть: то-то де меня и страхъ взялъ! я де чайалъ—ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать». И меня прости, владыко святыи! отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа-то ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ есть у живого, да и мнѣ приде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ. тотчасъ де тебя вскоча удавить.. да поостоялся, такъ мнѣ полегчѣло отъ страху».

Такъ какъ души представлялись малютками—эльфами, марами, то отсюда родилось повѣрье, что упыри и вѣдьмы крадутъ и поѣдаютъ младенцевъ, т. е. по первоначальному смыслу: исторгаютъ у людей души, уничтожаютъ ихъ жизненные силы. Стриги и ламии классическихъ народовъ и вѣмецкія hexen, являясь въ дома, похищаютъ изъ колыбелей младенцевъ, терзаютъ ихъ и жарятъ на огнѣ; на своихъ нечестивыхъ сборищахъ вѣдьмы убиваютъ дѣтей, добытую изъ нихъ кровь смѣшиваютъ съ мукою и пепломъ, а жиръ употребляютъ на изготовленіе волшебной мази ¹⁾). Памятники XV—XVII столѣтій сохранили намъ свидѣтельства о тѣхъ несчастныхъ жертвахъ народнаго суевѣрія, которыхъ обвиняли, будто они превращаются въ волковъ, пьютъ младенческую кровь, пожираютъ дѣтей, и вследствие этихъ обвиненій подвергали суду и предавали сожженію. По словамъ барона Гакстгаузена ²⁾, въ Арменіи разсказываютъ, что когда волчій оборотень приблизится къ людскому жилищу—окна и двери сами

¹⁾ D. Myth., 1012, 1018, 1027, 1035. — ²⁾ Закавказ. край, II, 61.

собой отворяются, вовкулакъ входитъ внутрь дома, бросается на дѣтей и утоляетъ свой голодъ ихъ бровью и мясомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи поселяне убѣждены, что вѣщницы выкрадываютъ изъ утробы спящей матери ребенка, разводятъ на шесткѣ огонь, жарятъ и съѣдаютъ его, а взамѣнъ похищеннаго дитяти кладутъ ей въ утробу голкѣ, головню или краюшку хлѣба: повѣрье, напоминающее вышеприведенные рассказы о похищеніи вѣдьмою сердца, на мѣсто котораго она влагаетъ обрубокъ дерева или связку соломы. Поэтому беременныя женщины, въ отсутствіе мужей своихъ, не иначе ложатся спать, какъ надѣвая на себя что-нибудь изъ мужниной одежды, или по крайней мѣрѣ опоясываясь мужнинымъ поясомъ; эта одежда служитъ знаменіемъ, что онѣ продолжаютъ состоять подъ покровомъ (=защитою) главы семейства, а поясъ преграждаетъ (=завязываетъ) къ нимъ доступъ злой чародѣйкѣ ¹⁾. Въ народныхъ сказкахъ вѣдьмы уносятъ тайкомъ или заманиваютъ къ себѣ маленькихъ дѣтей, жарятъ ихъ въ печи, и пресытившись этою яствою, катаются по землѣ и причитываютъ: «покачуся, повалюся, Ивашкина мяса наѣвшись!» ²⁾ Бѣлоруссы увѣряютъ, что Смерть передаетъ усопшихъ бабѣ-ягѣ, вмѣстѣ съ которою развѣзжаетъ она по бѣлому свѣту, и что баба-яга и подвластныя ей вѣдьмы питаются душами покойниковъ, и отъ того дѣлаются столь-же легкими, какъ самыя души ³⁾: преданіе въ высшей степени знаменательное! Раз-

¹⁾ Этв. Сб., VI, 147—8; Совр. 1856, XII, 196; Lud Polski Gołębiowskiego, 155. — ²⁾ Въ образъ вѣдьмы (какъ указано выше) представленіе души сочеталось съ представленіемъ грозоваго гения, и потому сказка о вѣдьмѣ и хитромъ мальчикѣ, котораго она хочетъ погнать, живописуетъ: во 1-хъ, черную тучу, поглощающую молніи (Поэт. Воз., II, 481), и во 2-хъ, Смерть (Моровую дѣву), похитительницу душъ человѣческихъ. — ³⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 19—20, 110.

сказываютъ также, что баба-яга крадетъ дѣтей, подымаетъ ихъ на воздухъ и бросаетъ оттуда мертвыми на кровлю дома ¹⁾. У валаховъ, когда въ семьѣ народится младенецъ, одинъ изъ присутствующихъ при этомъ перекидываетъ черезъ себя камень; а прочіе восклицаютъ: «вотъ тебѣ, стрига, въ глотку!» ²⁾ Во Франціи существуетъ повѣрье, что въ глухую полночь вѣдьмы собираются возлѣ источниковъ и занимаются стиркою, но вмѣсто бѣлья—моютъ, крутятъ и бьютъ вальками младенческіе трупы (сравни выше стр. 363 ³⁾).

Бабѣ-ягѣ принадлежитъ весьма важная и многознаменательная роль въ народномъ эпосѣ и преданіяхъ славянскаго племени. Въ разныхъ отдѣлахъ настоящаго сочиненія мы не разъ останавливались на этихъ преданіяхъ, и объясняя ихъ первоначальный смыслъ, указывали на средство бабы-яги съ вѣщими облачными женами. Она живетъ у дремучаго лѣса въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, которая поворачивается къ лѣсу задомъ, а къ пришельцу передомъ; летаетъ по воздуху и ѣздитъ на шабашахъ вѣдьмъ въ желѣзной ступѣ, погоняя толкачемъ или клюкою и заматая слѣдъ помеломъ. Бѣлоруссы утверждаютъ, что баба-яга ѣздитъ по поднебесью въ огненной ступѣ и погоняетъ огненною метлою, что во время ея поѣзда воютъ вѣтры, стонетъ земля, трещать и гнутся вѣковыя деревья. Какъ эта ступа, такъ и подвижная избушка (=домашній очагъ)—метафоры грозовой тучи, а толкачъ или клюка—Перунова палица (I, 291; II, 530-1). Сверхъ того, баба-яга обладаетъ волшебными, огнедышащими конями, сапогами-скороходами, ковромъ-самолетомъ, гусями-самогудами и ме-

¹⁾ Ганушъ: Дядь и Баба, 61 — ²⁾ Шоттъ, 297. По греческому сказанію, новорожденный Зевсъ обманъ своимъ спасеніемъ камню, который дали проглотить Кроносу. — ³⁾ Собр. 1852, I, ст. Жоржъ-Занда, 78.

чемъ-самостѣкомъ ¹⁾), т. е. въ ея власти состоятъ и быстро-лѣтныя облака, и бурныя напѣвы грозы, и разящая молнія. Преслѣдуя сказочныхъ героевъ, убѣгающихъ отъ ея злобы и мщенія, она гонится за ними черною тучею ²⁾). У чеховъ и донынѣ дождевыя облака называются бабами (см. выше стр. 120). Чтѣ-же касается слова яга (ега, пол. *jedza, jadz*, *jedži-baba*, словац. *ježi, jenzi, ježi-baba*, чеш. *jezinka*, галлц. *язя*), то оно соответствуетъ сикр.-му *a hi*—змѣй (корень *ah* и съ носовымъ пазвукомъ *ah*—II, 512 ³⁾). Тамъ, гдѣ въ славянскихъ сказкахъ дѣйствующимъ лицомъ является баба-яга, параллельныя мѣста новогреческихъ и албанскихъ сказокъ выставляютъ ламію и дракониду ⁴⁾): лат. *lamia*—колдунья, вѣдьма, и болг. *ламья, ламя*—баснословная змѣя. Скажемъ болѣе: у самыхъ славянъ баба яга и мифическая змѣя выступаютъ въ преданіяхъ, какъ личности тождественныя; что въ одномъ вариантѣ приписывается змѣѣ, то нерѣдко въ другомъ исполняется ягою, и наоборотъ; на Украинѣ поѣдучую вѣдьму обыкновенно называютъ змѣею ⁵⁾). Замѣчательно, что тѣ же эпическія выраженія, какими обрисовывается избушка бабы-яги, прилагаются и къ змѣиному дворцу. Словацкая сказка изобра-

¹⁾ Терещ., VII, 162; Иллюстр. 1845, 298; Ч. О. И. и Д., годъ 3, III, ст. Макаров., 106; Пов. и пред., 185; Абев., 324—5; Рус. Преданія, I, 60—63; II, 17—25; Н. Р. Ск., I, 3, а; IV, 44; VII, 30; VIII, 8; Галлц., II, 23. — ²⁾ Škultety a Dobšinsky: Slov roveští, I, 45; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 270. — ³⁾ Звукъ *h* сохранный въ русскомъ, въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ смягчается въ *hd*—зд (пол. *dz*), *ж* и *з*. Чешск. *jeđu-baba*, по вѣстн. г. Лавровскаго (Ч. О. И. и Д. 1866, II, 24—25), образовалась поздне изъ *лядати, лядити, ѣдѣ*. Согласно съ сварливимъ, неугомоннымъ характеромъ бабы-яги, областныя русс. *ягати, яжить* стали употребляться въ значеніи: кричать, шумѣть („что ты яжишь, какъ яга-баба?“) *яганъ—буянъ, грубіянъ—Обл. Сл., 273; Дов. обл. сл., 313.* — ⁴⁾ Ганъ, I, стр. 40; II, 178—182, и Н. Р. Ск., VII, 30. — ⁵⁾ Худак., 46; Н. Р. Ск., I-II, стр. 36; VI, стр. 283.

жасть сыновей ежи-бабы лютыми змѣями ¹⁾. Очевидно, что подъ этимъ именемъ, смыслъ котораго давнымъ-давно утраченъ народною памятью, предки наши разумѣли мать змѣя-Врптры, д-мона, похищающаго дожди и солнечный свѣтъ (сравни II, 534; III, 14). Подобно змѣю, баба-яга любитъ сосать бѣлыя груди красавицы, т. е. пзвлекать молоко (=дождь) изъ грудей облачныхъ нимфъ; подобно змѣю, она ревниво сторожитъ источники живой воды и заботливо прячетъ въ своихъ кладовыхъ мѣдь, серебро и золото, т. е. сокровища солнечныхъ лучей ²⁾. Такъ, по свидѣтельству одной сказки, жили-были два богатыря, взяли къ себѣ названную сестру, и повадился къ ней ходить и сосать груди баба-яга ³⁾. Богатыри запрямитили, что сестра ихъ стала хрѣть и сохнуть; подстерегли ягу, изловили и заставили указать себѣ источникъ съ живою водою. Приводить ихъ яга въ лѣсную трущобу, указываетъ на колодець и говоритъ: «вотъ цѣлющая и живущая вода!» Тогда богатырь, по имени Катома, сломилъ съ дерева зеленую вѣтку и бросилъ въ колодець; не успѣла вѣтка до воды долетѣть, какъ вся огнемъ вспыхнула. Разгнѣвались добрые молодцы, вздумали за такой обманъ бросить бабу-ягу въ огненный колодець (=метафора грозовой тучи); но она упростила-умолила пощадить ее и привела къ другому колодцу. Катома отломилъ отъ дерева сухой прутикъ и только что кинулъ въ воду — какъ онъ тотчасъ-же пустилъ ростки, зазеленѣлъ и развѣлъ ⁴⁾. Словаки вѣрятъ, что баба-яга можетъ по собственному произволу насылать ненастье и ясную погоду ⁵⁾. Такъ какъ наводимый

¹⁾ Slov. pohán., 338 и дал. — ²⁾ Ганушъ: Двѣ и Баба, 63. —

³⁾ По другому варианту это дѣлаетъ змѣя. — ⁴⁾ Н. Р. Ск., V, 35; VIII, 23; Lid Ukrain., I, 325. Наравнѣ съ драконами (I, 586-8), вѣдуны и вѣдьмы тотчасъ-же разрываютъ наложенные на нихъ оковы и пропадаютъ изъ темницы, какъ скоро добудутъ воды и утолятъ свою жажду. — ⁵⁾ Пов. и пред., 124-5; Nag. zriewanku Коляра, I, 420-1.

тучами мракъ уподоблялся ночи, а слѣдующее за грозой проявленіе солнца напоминало утренній разсвѣтъ, то русская сказка ¹⁾ отдастъ во власть яги трѣхъ таинственныхъ всадниковъ — бѣлаго, краснаго и чернаго, олицетворяющихъ собою день, солнце и ночь. Наконецъ подобно змѣю, баба-яга пожираетъ человѣческое мясо. Вокругъ избы, въ которой живетъ она, тянется заборъ изъ человѣческихъ костей или высокій тынъ съ воткнутыми на немъ черепами; изъ тѣхъ-же костей устроены и ворота: веревки служатъ ноги, засовомъ—рука, а замкомъ—челюсть съ острыми зубами ²⁾). Баба-яга и вѣдьмы чуютъ присутствіе скрытаго человѣка, и при всякой встрѣчѣ съ странствующими героями восклицаютъ: «фу-фу! доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ русской духъ въ очью проявляется!» или: «что это русскимъ духомъ пахнетъ!» Тѣже слова произносятъ при встрѣчѣ съ людьми и всѣ другія мнѣшескія лица, которымъ приписывается пожираніе человѣческаго мяса: Чудо Морское, Вихрь, драконы, великаны, черти. Въ нѣмецкихъ сказкахъ означенныя восклицанія замѣняются выраженіемъ: «у-у-у! я чую—здѣсь пахнетъ человѣческимъ мясомъ!» На ряду съ вѣдьмами, баба-яга воруетъ дѣтей, жаритъ и поѣдаетъ ихъ; на ряду съ вѣдьмами, она питается душами усопшихъ ³⁾). Какъ олицетвореніе черной тучи, какъ существо, равносиль-

¹⁾ Н. Р. Сл., IV, 44. — ²⁾ Ibidem; Маякъ, XV, смѣсь, 21—22. — ³⁾ Н. Р. Сл., I. 3. 4. 13. Пов. и пред., 181; сказ. Грим., I, стр. 180; Norweg. Volksmärch., I, 5, 24, 27; II, 6. У финновъ баба-яга соответствуетъ Сибтеръ—пожаруха (Зап. Ак. Н. 1862, I, ст. Шенера, 136); въ чувашской сказкѣ старая вѣдьма какъ только вошла въ избу, такъ и закричала: „что это человѣческимъ духомъ пахнетъ?“—Матушка, возразила ей дочь, да развѣ ты не каждый день употребляешь въ пищу человѣческое мясо; такъ какому-же запаху быть въ нашей избушкѣ! (Чуваш. разговоры и сказки, 36—37.)

ное змѣю, прозводителю засухъ, бесплодія и мороваго повѣтрія, баба-яга въ средѣ вѣщихъ облачныхъ женъ является съ значеніемъ третьей паркн и роднится съ богиней смерти (см. выше стр. 355, и II томъ на стр. 780-3 — преданія, сближающія бабу-ягу съ литовской лаумой ¹⁾). Народная фантазія представляетъ ее злою, безобразною съ длиннымъ носомъ, растрепанными волосами, огромнаго роста старухою. Именемъ «яги» — точно также, какъ именемъ «вѣдьмы» — поселяне называютъ въ брань старыхъ, сварливыхъ и некрасивыхъ женщинъ. Следуя эпическому описанію сказокъ, баба-яга, костяная нога, голова пестомъ, лежитъ въ своей избушкѣ изъ угла въ уголь, носъ въ потолокъ вросъ, груди черезъ грядку повисли. Замѣчательно, что Лихо (Недоля, злая парка) олицетворяется въ нашихъ сказаніяхъ бабой-великанкою, жадно-пожирающею людей; по выраженію южнорусскаго варианта: Лихо поконится на ложѣ изъ человѣческихъ костей, голова его лежитъ на покути, а ноги упираются въ печку (II, 698-9). Бабу-ягу называютъ на Русн: а) ярою, бурою, дикою ²⁾, что указываетъ на связь ея съ бурными, грозowymi тучами и съ неистовой породою великановъ (I, 616; II, 618), и б) желѣзною. Малороссіане, не позволяя дѣтямъ щипать гороха, говорятъ: «нейди въ горохъ, бо тамъ залозна баба сидитъ!» Тою-же угрозою останавливаютъ они ребятишекъ, чтобы не бѣгали въ лѣса и сады ³⁾. Въ пошехонскомъ уѣздѣ крестьяне съ цѣлю удерживать дѣтей отъ своевольнаго бѣганья по огородамъ и нивамъ запугиваютъ ихъ полевымъ дѣдомъ или бабой-ягою,

¹⁾ Желая навести дождь, яга выставляетъ на дворъ мертвую голову (= Морану=черную тучу—сравни II, 157). — ²⁾ Украински приказки, 70, 285: „чортъ ярой баби!“ „чортъ бурой (или дикою) баби!“ Н. Р. Св., II (изд. 3), 34, в: яга-бура. — ³⁾ Номяс., 274.

костяной ногою, съ большими грудями и сопливымъ носомъ. Въ другихъ славянскихъ земляхъ увѣряють дѣтей, что въ колосистомъ хлѣбѣ сидитъ *ba ba jedza*, *žitnematka*, *ssegrashija*, ловить шалуновъ и давить ихъ своими желѣзными грудями. По мнѣнію чеховъ, житная баба является на поляхъ и нивахъ по преимуществу въ то время, когда хлѣбъ начинаетъ цвѣсти и наливаясь. Сербы пугають шаловливыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ гвоздензубою—бабою съ желѣзными зубами ¹⁾. Тѣже самыя повѣрья и эпитеты вѣмцы соединяють съ Бертою—Гольдою. Свѣтлая богиня рай, кроткая владычица эльфовъ (блаженныхъ душъ), она, въ силу присвоенныхъ ей обязанностей неумолимой Смерти, получаетъ демоническій характеръ и преобразуется въ дикую или желѣзную Берту (*wilde Bertha*, *Eisenbertha*), отличительными признаками которой считаются: страшное лице, вкоченные волосы, длинный носъ, вѣнникъ въ рукахъ и коровья шкура, наброшенная вмѣсто верхней одежды. Гольда (*Hulda*, *Huldra*) представляется то молодою красавицею, то сгорбленной, длинноносою и косматою старухою, съ большими зубами ²⁾. У кого вырятся волосы, о томъ принято выражаться: «er ist mit der Hölle gefahren!» Страшая капризныхъ дѣтей, говорятъ: «schweig! die eiserne Bertha (или: Percht mit der eisernen nas) kommt». Въ Альтмаркѣ и Бранденбургѣ плачущаго ребенка заставляютъ умоловать слѣдующими словами: «halts maul! sonst kommt roggenmöhme (kornweib ³⁾ mit schwarzen langen (или: mit eisernen) zitzen und schleppt dich hinweg!». Эта *roggenmöhme* представляется женщиной огромнаго роста; ее считаютъ матерью блуждающихъ по нивамъ волчьихъ оборот-

¹⁾ Ганушь, 160, Срп рѣчник, 84; Громаниъ, 15. — ²⁾ По свѣдѣтельству въ некоторыхъ сагахъ, она прекрасна спереди и безобразна сзади. — ³⁾ Möhme = mähme, mutter.

ней (roggenwolfen). Чтобы дѣти не трогали сноповъ, ихъ пугаютъ вовкулакомъ: «der verwolf sitzt im korn!» «der wolf ist im korne; wenn er euch frisst, müssen eure seelen von baum zu baum fliegen, bis das korn eingefahren ist.» Когншуттер имѣетъ огненные пальцы и съ горячими желѣзными сосками груди, которая заставляетъ сосать заблудившихся дѣтей; груди ея такъ длинны, что она можетъ закидывать ихъ за плечи. Когда вѣтеръ волнуетъ ниву — это она гоняется за малютками, и пойманныхъ толчетъ въ желѣзной маслѣбойнѣ или, подобно Бертѣ (I, 165), отнимаетъ у нихъ зрѣніе. Во время жатвы нѣмцы, славяне и литовцы послѣдній связанный снопокъ посвящаютъ «житной бабѣ»; его наряжаютъ въ женское платье, украшаютъ цвѣтами и зеленью, и торжественно, съ пѣснями, несутъ въ деревню; снопокъ этотъ называютъ бабою, когнпрупре, grosze shutter, die alte ¹⁾). Такимъ образомъ народныя повѣрья сближаютъ бабу-ягу съ царицею эльфовъ; истребляя родъ людской, она забираетъ къ себѣ прекрасныхъ малютокъ, т. е. эльфоподобныя души, и вмѣстѣ съ ними скрывается въ колосистыхъ нивахъ; сравни съ вышеприведенными сказаніями о мавкахъ, русалкахъ и полудницахъ (стр. 137-8, 242). Острые желѣзные зубы бабу-яги (первоначально: метафора разящихъ молній) отождествляютъ ее съ побѣдучею Смертію; длинныя желѣзныя груди, которыми она удашаетъ дѣтей, указываютъ на ея сродство съ дивоженами; у послѣднихъ груди такъ велики, что онѣ упогребляютъ ихъ вмѣсто вальковъ (II, 343). Эти груди — дождевыя облака, а смертельные удары, наносимые ими, знаменуютъ громъ. Замѣчательно, что бабу-ягѣ приписывается обладаніе волшебнымъ прутѣмъ ²⁾), которымъ стѣбитъ только махнутъ, какъ тотчасъ-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 422; D. Myth., 247—9, 255—6; Die Götterwelt, 293—5; Roggenwolf und roggenhund, 26, 29—32; Korn-dämonen, 20; Гауша: Дядь и Баба, 9. — ²⁾ Lud Ukrain., I,

же все живое превращается въ камень: это—тотъ молниеносный жезлъ, прикосновеніемъ котораго Гермесъ (=проводникъ усопшихъ въ загробное царство) погружалъ людей въ непробудный, вѣчный сонъ. Длинный сопливый носъ бабы-яги—черта нелишенная значенія и столь-же древняя, какъ и спутанныя, растрепанныя ея косы. Напомнимъ, что, по свидѣтельству сказокъ, прекрасный герой (=богъ свѣтлаго неба) на семь зимнихъ мѣсяцевъ дѣлается неопратнымъ замарашкомъ (Не умойкою): во все это время онъ не чешется, не стрижется, не моется и не сморкается, т. е. покрывается облаками и туманами, которые изстари уподоблялись косматымъ волосамъ, и не проливаетъ дождей (II, 773). Г. Потемня слово сопля производить отъ глагола сыпать, который въ малорусскомъ нарѣчій употребляется въ смыслѣ: лить; старо-слав. сѣчити, сѣкнжти, пол. sączyć — испускать жидкость («источникъ из-сякъ») и малорос. сякати, высыкати-ся — сморкать, высморкаться. По другому преданію, сказочный герой превращается въ сопляваго козла; но вотъ наступаетъ пора освобожденія: онъ берется за гусли и начинаетъ (грозовую) пѣсню; наносимые ему удары (=удары грома) превращаютъ силу чароушнаго заклятія, козлиная шкура спадаетъ и предается сожженію ¹⁾. Бѣлоруссы рассказываютъ, что во время жатвы ходить по нивамъ Бѣлунъ, заставляетъ встрѣчныхъ утирать себѣ носъ и за эту услугу разсыпаетъ передъ ними деньги (I, 93—94), т. е. золото солнечныхъ лучей. Тождество бабы-яги съ Бертою и Гольдою подтверждается еще тѣмъ, что всѣ онѣ равно представляются прахамъ. По указанію народныхъ преданій, баба-яга прыдетъ кудель, ткеть холсты и гоняется за своими жертвами съ желѣзнымъ грѣбнемъ въ рукахъ ²⁾; сербская гвоздензуба носитъ

321—4; сб. Валинца, 120—7; Срп. припов., 29. — ¹⁾ Н. Р. Сл. VI, 50. — ²⁾ Ibid., I, 3; Галиск., I, 88; Slov. pohnd., 250.

въ горшкѣ горячіе уголья, и встрѣчая нерадивыхъ пряхъ, жжетъ имъ пальцы. Выше (стр. 345, 349, 357) мы указали, что изъ понятія смерти возникла мысль о могучей судьбѣ, представительницами которой явились три мойры, норны или моровыя дѣвы. Согласно съ этимъ, сказки нерѣдко упоминаютъ о трехъ вѣщихъ сестрахъ—бабахъ-ягахъ, изображая ихъ хотя и сварливыми, но добрыми и услужливыми старухами: онѣ предвѣщаютъ страннику что ожидаетъ его впереди, помогаютъ ему мудрыми совѣтами, даютъ ему богатырскаго коня, клубокъ, указывающій дорогу въ невѣдомыя страны, коверъ-самолетъ и другія диковинки. Изъ святочныхъ игръ ¹⁾ можно заключать, что баба-яга мастерица загадывать загадки и разрѣшать ихъ таинственный смыслъ.

¹⁾ Терещ., VII, 162.

ПРОЦЕССЫ О КОЛДУНАХЪ И ВЪДЬМАХЪ.

Въ предыдущей главѣ указано нами, что обвиненія волхвовъ и жень-чародѣекъ въ сношеніяхъ съ нечистыми духами, въ похищеніи дождей и земнаго плодородія, въ насланія болѣзней, голода и моровой язвы возникли изъ древнѣйшихъ основъ языческаго міросозерцанія. Подобныя обвиненія всякой разъ, какъ только страну постигало общественное бѣдствіе, возбуждали противъ нихъ народную месть и вызывали суровыя казни сожженія, потопленія и зарыванія въ землю. Впослѣдствіи, когда водворилось христіанство, высшія духовныя власти рѣдко и безусловно возвышали свой голосъ противъ несправедливости и жестокости такихъ казней. Мы знаемъ только протестъ епископа Серапіона (XIII в.), который впрочемъ не отвергаетъ возможности колдовства, а осуждаетъ произволъ народной мести и требуетъ для обвиняемыхъ правильнаго суда. По необходимому закону всякаго историческаго развитія, новая религія должна была стать во враждебныя отношенія къ старымъ народнымъ вѣрованіямъ, и главнымъ образомъ противодѣйствіе свое направить на лицъ, которые были предста-

вителями и хранителями языческаго культа: умѣли гадать, предвѣщать, дѣлать недуги, обладали тайной молитвенныхъ заклинаній и священныхъ обрядовъ. Такими лицами были волхвы, кудесники, чаровницы, мужи и жены въщїе. Христіанская іерархія не могла относиться къ нимъ индеферентно; по ея выраженію, это—были «бѣсовскіе сосуды», пособники сатаны, черезъ посредство которыхъ онъ разсѣваетъ въ народѣ злое сѣмя невѣрія. Съ своей стороны волхвы и кудесники также не могли оставаться равнодушными при видѣ тѣхъ успѣховъ, какіе дѣлала религія, чуждая ихъ интересамъ, недоступная ихъ пониманію, направленная противъ «старожизненныхъ» боговъ и праотческихъ завѣтовъ.

При самомъ введеніи христіанства св. Владиміромъ, дѣло не обошлось безъ борьбы. Іоакимовская лѣтопись сохранила намъ свидѣтельство о возстаніи новгородцевъ, которые, не желая измѣнять вѣру и отказываясь креститься, взяли за оружіе; по словамъ этой лѣтописи: «Богомилъ, вышій надъ жрецы словянъ, вельми претя люду покоритися»¹⁾. Θεодоръ и Иларіонъ, первые епископы Ростова, принуждены были бѣжать отъ озлобленія тамошнихъ язычниковъ, а св. Леонтій пострадалъ отъ нихъ смертію; въ посланіи Симона о немъ сказано: «первый ростовскій Леонтій священномученикъ... его-же невѣрїи, много мучивше, убиша; и се третій гражданинъ небесный бысть руськаго міра съ онѣма варягома (убитыми при в. кн. Владимірѣ), вѣнчався отъ Христа». Событіе это изслѣдователи относятъ ко времени около 1070 года. Такая-же мученическая кончина постигла и препод. Кукшу, который въ половинѣ XII в. проповѣдывалъ вятичамъ: всѣ свѣдаютъ (писалъ про него Симонъ), «како вятичи крести... и по многыхъ мукахъ усъченъ бысть съ своимъ ученикомъ Никономъ»²⁾.

¹⁾ Рос. Ист. Татищева, I, 39. — ²⁾ Истор. рус. церкви Филарета, еписк. римскаго, изд. 1848 г., I, 30—34.

По свѣдѣніямъ, занесеннымъ въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», въ XI-мъ столѣтіи волхвы громко, всенародно хулили христіанство, и пользуясь своимъ вліяніемъ на массу населенія, старались возбуждать ее къ открытому сопротивленію. Такъ въ 1071 году въ Кіевѣ явился волхвъ, который предсказывалъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ назадъ, земля греческая станетъ на мѣстѣ русской, а русская на мѣстѣ греческой; тогда-же переставятся и прочія земли. Въ народѣ нашлись невѣгласи, которые охотно слушали волхва и вѣрили его предсказаніямъ; но «вѣрные» посѣялись ему, говоря: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ»—и дѣйствительно волхвъ пропалъ въ одну ночь, безъ вѣсти. Переяславскій лѣтописецъ дополняетъ, что, по словамъ волхва, ему предстали пять боговъ и велѣли повѣдать людямъ о будущихъ измѣненіяхъ странъ, и что самъ онъ погибъ, вринутый въ ровъ («и вринуша его бѣси въ ровъ»). Также и волхвъ, явившійся въ Ростовѣ въ 1091 году, погибъ вскорѣ. Можно догадываться, что волхвы гибли не безъ участія ревностныхъ приверженцовъ христіанской стороны. На это имѣется и нѣсколько положительныхъ указаній. Посланный на Бѣлоозеро для сбора княжеской дани Янъ, вмѣстѣ съ священникомъ и двѣнадцатью вооруженныхъ отроковъ, выходилъ на волхвовъ, которыхъ не хотѣли выдать ему мѣстные жители. Волхвовъ было двое, но у нихъ были свои сторонники; эти люди ринулись на Яна, одинъ изъ нихъ уже замахнулся на него топоромъ, но по старинному выраженію—огрѣшился, не попалъ; тогда Янъ, оборотя топоръ, ударилъ своего противника тульемъ, а остальныхъ приказалъ рубить отрокамъ. Мязежная толпа не устояла и побѣжала въ лѣсъ. Въ этой схваткѣ убитъ и священникъ. Наконецъ настоянія и угрозы Яна заставили бѣлозерцевъ схватить и выдать ему волхвовъ. Начался допросъ. Волхвы требовали поставить ихъ передъ княземъ Святославомъ; «самъ ты

ничего не можешь намъ сдѣлать, говорили они Яну: такъ повѣдаютъ наши боги!» — Агутъ ваши боги! возразилъ Янъ и велѣлъ ихъ бить и рвать за бороды; потомъ связалъ ихъ, посадилъ въ ладью и вмѣстѣ съ ними поплылъ по Шеконѣ. Остановясь на устьѣ этой рѣки, онъ спросилъ: «что вамъ повѣдаютъ боги?» — Боги повѣдаютъ, отвѣчали волхвы, что не быть намъ въ живыхъ. «Правду говорятъ!» — Но если отпустишь насъ — много будетъ тебѣ добра; а погубишь — многую печаль и зло примешь. Янъ не повѣрилъ предсказанію; оба волхва были убиты и повѣшены на дубъ; трупы ихъ достались въ пищу лѣснымъ звѣрямъ. Болѣе значительное возстаніе волхва было въ Новгородѣ при князѣ Глѣбѣ, о чемъ лѣтопись повѣствуетъ такъ: «всталъ волхвъ... творяся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града; глаголашеть бо, яко все вѣдаю, и хуля вѣру хрестыанскую, глаголашеть бо, ако перейду по Волхову предъ всеми. И бысть мятежъ въ градѣ, и вся яша ему вѣру и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: иже хошеть вѣру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а люде вси идоша за волхва, и бысть мятежъ великъ межн ими.» Тогда князь, скрывши подъ верхнюю одежду топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ: «знаешь ли, что будетъ утромъ и что будетъ къ вечеру?» — Все знаю! отвѣчалъ волхвъ. «Знаешь ли, что теперь должно совершиться?» — Я сотворю великія чудеса! При этихъ словахъ князь выхватилъ топоръ и ударилъ волхва съ такою силою, что онъ тотчасъ-же палъ мертвый; смерть его поразила народное воображеніе, толпа разувѣрилась въ его пророческомъ призваніи и тихо разошлась по домамъ ¹⁾).

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 75—78, 92; Лѣтоп. Переяслав., 47.

Хотя народъ и принялъ христіанство, но уставы и преданія предковъ не вдругъ утратили для него свою обаятельную силу; втайнѣ еще продолжали жить старыя вѣрованія и соблюдать старыя обряды. «Невѣгласи» (а такими слѣдуетъ признать цѣлыя массы населенія) еще долгое время совершали мольбы и требы языческимъ богамъ, и во всѣхъ сомнительныхъ и тревожныхъ случаяхъ прибѣгали къ помощи колдуновъ и чародѣевъ. Завѣты древней религіи и культа сохранились въ семьяхъ, передавались по наслѣдству отъ отцевъ дѣтямъ, и потому легко укрывались отъ посторонняго вѣшательства и преслѣдованій. Сверхъ того, при всеобщей грубости нравовъ и отсутствіи образовательныхъ началъ, предки наши и не въ состояніи были возвыситься до воспріятія христіанства во всей его чистотѣ; мысль ихъ, опутанная сѣтью мнѣческихъ представленій, на всякое новое приобрѣтеніе налагала свои обманчивыя краски и во всякомъ новомъ образѣ силглась угадывать уже знакомыя ей черты. Результатомъ этого было странное, исполненное противорѣчій смѣшеніе естественной религіи съ откровенною: преданія и мнѣя о древнихъ богахъ переносятся на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ; суевѣрные обряды и чары обставляются предметами, освященными въ церкви, каковы: ладонъ, пепелъ кадила, св. вода, свѣчи страстная, богоявленская, срѣтенская и вѣнчалная, верба, сбереженная отъ недѣли Ваій, соль «четверговая»¹⁾, которую, по свидѣтельству Стоглава, клали подъ престолъ, и проч.; заговоры сливаются съ христіанскими молитвами, и рядомъ съ воззваніями къ стихійнымъ силамъ природы народъ призываетъ ангеловъ, апостоловъ и Пречистую Дѣву; языческія празднества приурочиваются къ христіанскому календарю; священниковъ заставляють кататься по нивамъ—на плодородіе почвы,

¹⁾ Пережженная на чистый четвергъ.

выдергивать хлѣбные заломы, принимать не установленныя церковными правилами приношенія. Старинные моралисты называли нашихъ предковъ людьми двоевѣрными, и нельзя не признаться, что эпитетъ этотъ вѣрно и мѣтко обозначалъ самую существенную сторону ихъ нравственнаго характера.

Духовенство, въ высшихъ своихъ представителяхъ, сознавало вредъ и незаконность такого положенія дѣлъ, и въ поученіяхъ своихъ постоянно возвышало голосъ какъ противъ басней и обрядовъ, наслѣдованныхъ отъ языческой старины, такъ и противъ народнаго довѣрія къ волхвамъ, вѣдунамъ и вѣдуньямъ. Кириллъ Туровскій возстаеъ на скоморощество, игры, волхованіе, потворы, и запрещаетъ искать и посѣщать волховъ. Въ правилахъ митрополита Іоанна (XII в.) предписывается: кто будетъ творить волхованіе и чары, тому не давать св. причастія ¹⁾. Въ Кормчей книгѣ, по списку 1282 года, велѣно всѣхъ, «иже вѣслѣдоуе(ю)тъ поганымъ обычае(я)мъ и къ волхвомъ или обавникомъ ходять, или въ домъ свой призывають, хотяще увидѣти отъ нихъ нѣкая неизрѣченная» — отлучать на шесть лѣтъ отъ церкви ²⁾. Подобныя же запреты встрѣчаемъ въ грамотахъ игумена Памфила (1505 года), митрополитовъ Фотія и Даніила, въ Домостроѣ, Стоглавѣ и другихъ памятникахъ, направленныхъ противъ народнаго суевѣрія. Въ поученіи священнослужителямъ 1499 года сказано, чтобы они не принимали приношеній отъ волхва, потворника, играца (скомороча); а въ дополнительномъ указѣ (1552 г.) къ Судебнику повелѣно было кликать по торгамъ, чтобы къ волхвамъ, чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили, подъ опасеніемъ опалы и духоваго запрещенія ³⁾. Въ патріаршей грамотѣ на основаніе Львовскаго братства 1586 года читаемъ: «а еслибы

¹⁾ Памят. XII в., 90, 121; Рус. Достоп., I, 91. — ²⁾ Ист. Христом. Бусл., 381—2. — ³⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 22; Памят. стар. рус. литер., IV, 202; Ак. Ист., I, 109, 154.

въ которомъ мѣстѣ или селѣ будетъ чаровница или ворожка—сосуды діавольскія, или волшебница... да истребится отъ церкви, и тѣхъ, которые діаволомъ прельстившися до чаровницъ и до ворожокъ ходять, отлучайтеса» ¹⁾). Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVI вѣка ²⁾ мы нашли слѣдующее правило: «грѣхъ есть стрячи (встрѣчи) вѣроваши—опитемъ 6 недѣль, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть въ чохъ вѣрова(ти) или въ полазъ—опитемъ 15 дней, по 100 поклоновъ на день... грѣхъ есть къ волхвамъ ходити, вопрошать или въ домъ приводити, или чары дѣяше—опитемъ 40 дней, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть пивши зеліе молока дѣля или дѣтей дѣля—опитемъ 3 недѣли, поклоновъ по 60... грѣхъ есть дѣяше чары каковы-любо въ питьи—опитемъ 5 лѣтъ, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть носивше наузы какіе-любо—опитемъ 40 дней, поклоновъ по 60 на день», и т. дал.

Къ волхвамъ и чаровницамъ чаще всего обращались съ просьбами объ исцѣленіи недуговъ. Духовенство старалось искоренить этотъ обычай; оне убѣждало, что чародѣи служатъ сатанѣ и врачуютъ его силою, а потому если и спасаютъ тѣло, то губятъ душу. Изъ вопросовъ Кирика и отвѣтовъ Нифонта узнаемъ, что всякой, кто приходилъ къ волхвамъ лѣчиться или приносилъ къ нимъ дѣтей для навязки предохранительныхъ наузъ, подлежалъ опитемъ ³⁾). Въ словѣ «о злыхъ дусѣхъ», написанномъ св. Кириллу ⁴⁾, высказаны сильныя упреки тѣмъ, которые въ случаѣ болѣзни обращались къ женамъ-чародѣйкамъ: «о горе намъ прельщеннымъ бѣсомъ и скверными бабами... идемъ во дно адово съ проклятыми бабами!» Проповѣдникъ совѣтуетъ недужнымъ приглашать поповъ, «да творять молитвы врачевныя, Бога призывающе». Митрополитъ Фотій

¹⁾ Памяти., изд. Врем. Киевск. Комис., III, 18. — ²⁾ Рукопись, принадлеж. купцу Болотову. — ³⁾ Памят. XII в., 202. — ⁴⁾ Москв. 1844, I, 243—5.

въ посланіи своемъ новгородцамъ (1410 года) предписываетъ священникамъ: «такожъ учите ихъ (паству), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не прїимали, ни узловъ, ни примовленья, ни зелья, ни вороженья и елика такова; занеже съ того гнѣвъ божіи приходитъ, и гдѣ таковыя бабы находятся— учите ихъ, чтобы престаи и наядись бы, а не имутъ слушати— не благословляйте ихъ; христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ не держали между себѣ нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ отъ церкви отлучайте» ¹⁾. Тѣже требованія заявляютъ царская грамота 1649 года, различныя назидательныя статьи и «Домострой». Изъ послѣдняго памятника видно, что бабы-колдуньи ходили по боярскимъ домамъ, лѣчили недуги, гадали, переносили вѣсти, и особенно-охотно были принимаемы на женской половинѣ. Слѣдующее свидѣтельство, занесенное въ притчу о женской злобѣ, не смотря на общій тонъ этого сочиненія, явно-враждебный женщинѣ, кажется, указываетъ на дѣйствительныя бытовыя черты: «издѣтска начнетъ она у проклятыхъ бабъ обавничества навикати и еретичества искати, и вопрошати будетъ многихъ, како-бъ ей замужь выйтити и какъ-бы ей мужа обавити на первомъ ложѣ и въ первой банѣ; и възыщетъ обавниковъ и обавницъ, и волшебствъ сатанинскихъ, и надѣ ѣствою будетъ шепты ухищрати и подѣ нозѣ подсыпати, и въ возглавіе и въ постелю вшивати, и въ порты рѣзаючи, и надѣ челомъ втыкаючи, и всякія прилучившіяся къ тому промышляти, и кореніемъ и травами примѣшати, и всѣмъ надѣ мужешъ чаруетъ» ²⁾. Когда приключится болѣзнь, «Домострой» совѣтуетъ возлагать надежду на Бога, а съ волхвами и тѣми, кто промышляетъ зельемъ, отнюдь не знать-

¹⁾ Ак. Арх. Эксп., I, 369; сравни поученіе Петра-митрополита въ Пам. стар. рус. лит., IV, 187. — ²⁾ Пам. стар. рус. лит., II, 463—4.

ся и на дворъ ихъ къ себѣ не приводитъ ¹⁾. Троицко Сергіевскій монастырь, въ приговорной грамотѣ 1555 года, запрещалъ въ своихъ волостяхъ держать скомороховъ, волхвовъ и бабъ-ворожеекъ; за нарушение этого указа назначалась пѣня въ десять рублей съ каждой сотни, а скомороха, волхва или бабъ-ворожейку, «бивъ да ограбивъ, выбити изъ волости вонъ» ²⁾.

Другою заботою духовенства было уничтоженіе народныхъ игрищъ; вмѣстѣ съ музыкой, пѣснями, плясками и ряженьемъ въ мохнатыя шкуры и личины, игрища эти вызывали строгія запретительныя мѣры, какъ дѣло нечестивое, бѣсовское, принадлежавшее нѣкогда къ религиознымъ обрядамъ язычества. Свидѣтельства памятниковъ были приведены нами выше (I, 339-345), а потому, избѣгая повтореній, считаемъ достаточнымъ указать на царскую окружную грамоту 1648 года. «Многіе люди (сказано въ этой грамотѣ), забывъ Бога и православную хрестыанскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ—скоморохомъ послѣдуютъ, на безчинное ихъ прел(ь)щеніе сходятся по вечерамъ на позорища, и на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушають... да въ городѣхъ же и въ уѣздахъ отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужского и женского полу по зорямъ и въ ночи чародѣйствуютъ... и чинятъ безчинное скаканіе и плясаніе», поють пѣсни, играютъ во всякія бѣсовскія игры и накладывають на себя личины и платье скоморошеское. Запрещая все это подь страхомъ наказанія батогами и ссылкой, грамота предписываетъ: скомороховъ никуда не принимать, а буде гдѣ объявятся домры, сурны, волюнки, гудки, гусли и хари—такое выя немедленно отбирать, ломать и огнемъ жечь ³⁾.

¹⁾ Времен., I, 33, 38, 40—44, 57. — ²⁾ Ак. Арх. Эксп., I, 244. — ³⁾ Ак. Ист., IV, 35.

Съ особенною ревностью были преслѣдуемы такъ называемыя «отреченныя» или «отметныя» книги, принесенныя къ намъ, вмѣстѣ съ грамотностію, изъ Византіи и отчасти съ запада; къ нимъ причислялись и тѣ листы и тетрадки, въ которыхъ записывались народныя заговоры, примѣты и суевѣрныя наставленія. Слѣдуя церковному индексу, запретными книгами признавались: а) Острологъ (другія названія: Мартолой, Острономія, Звѣздочетецъ и Зодій). Въ статьѣ о ложныхъ книгахъ сказано: «Звѣздочетецъ—12 звѣздъ; другій Звѣздочетецъ, ему же имя Шестодневъ: въ нихъ же безумніи люди вѣрующе волхвуютъ, ищуще дней роженія своего, сановъ полученія и урока житію». Это—сборникъ астрологическихъ замѣчаній о вступленіи солнца въ различные знаки зодіака, о вліяніи планетъ на счастье новорожденныхъ младенцевъ (—тоже, что Рожденникъ, Родословіе), а также на судьбы цѣлыхъ народовъ и общественное благоденствіе; отсюда почерпались предсказанія о грядущихъ событіяхъ: будетъ ли миръ или война, урожай или голодъ, повсемѣстное здравіе или моровая язва. б) Рафли — греч. *ραφλίον* — астрологическая книга, раздѣленная на двѣнадцать схемъ (*σχηματα*), въ которой трактуется о вліяніи звѣздъ на ходъ человеческой жизни ¹⁾). Стоглавъ ²⁾ замѣчаетъ, что тяжущіеся, какъ скоро доходило до судебнаго поединка, призывали на помощь волхвовъ—и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять, кудесы бьютъ, и въ Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрять, и по планетамъ глядають и смотрять дней и часовъ... и на тѣ чарованія надѣясь, поклепча и ябедникъ не мирятся и крестъ цѣлуютъ и на поли бьютца, и поклепавъ побиваютъ». Въслѣдствіе этого современный Стоглаву указъ требуетъ, подъ опасеніемъ опа-

¹⁾ Правосл. Собесѣд. 1860, XI, 250. — ²⁾ Глава 40, вопр. 17.

лы и духовнаго запрещенія, чтобы къ чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили и у поля бы чародѣи не были ¹⁾. Одна изъ грамотъ 1628 года называетъ Рафли «гадальными тетрадами». Кроме того, о Рафляхъ упоминаетъ еще Домострой; но въ статьѣ о ложныхъ книгахъ, тщательно перечислившей запретныя тетрадки, этого имени не встрѣчаемъ—вѣроятно, потому, что въ сущности оно обозначало тоже самое, что «Острологъ» или «Зодій» ²⁾. с) Аристотелевы Врата—переводъ средневѣковаго сочиненія: «*Secreta secretorum*», составленіе котораго приписывалось Аристотелю. Книга эта, сверхъ нравственныхъ наставленій, содержитъ свѣдѣнія по астрологіи, медицинѣ и физиогномикѣ; она состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, называемыхъ вратами. d) Громникъ или Громовникъ—греч. *βροντολόγος*: въ рукописи императорской вѣнской бібліотеки означенъ «твореніемъ премудраго Иракліа, царя перскаго». Книга эта извѣстна по спискамъ XV—XVI столѣтій, сербскаго письма, и заключаетъ въ себѣ различныя, расположенныя по мѣсяцамъ, предзнаменованія (о состояніи погоды, о будущихъ урожаяхъ, болѣзняхъ, ратахъ и пр.), соединяемыя съ громомъ и землетрясеніемъ; къ этому присоединяются иногда и замѣтки «о состояніи луны право или полого», съ указаніемъ на значеніе такнхъ признаковъ въ разные времена года ³⁾. e) Молникъ (Молніяникъ), сохра-

¹⁾ Ак. Ист. I, 154. — ²⁾ Слово *raffin* на западѣ означалось: метаніе жребіи, азартная игра въ кости. Поэтому г. Пупинъ приписываетъ «Рафлямъ» западное происхожденіе и думаетъ, что гадательными тетрадами названы они въ смыслѣ известной книжки «Соломона», которая и донныи съ успѣхомъ расходится въ народѣ чрезъ посредство дешевыхъ (любочныхъ) изданій. Въ этой книжкѣ изображенъ кругъ съ цифрами и напечатаны различныя краткія изреченія, долженствующія служить отвѣтами на вопросы гадающихъ; на какой цифрѣ останоится брошенный шарикъ или зерно (=зернь), та цифра и указываетъ гадающему нумерь отвѣта. — ³⁾ Въ числѣ отреченныхъ книгъ упоминаются

ившіяся въ сербской рукописи XV столѣтія: здѣсь собраны свѣдѣнія, въ какіе дни мѣсяцевъ что предвѣщаетъ ударъ молніи. f) Коле(я)дникъ — *καλανδολόγια* содержитъ въ себѣ примѣты, опредѣляемыя по днямъ, на какіе приходится Рождество Христово (праздникъ Коляды); напримѣръ: «аще будетъ Рождество Христово въ среду — зима велика и тепла, весна дождева, жатва добра, пшеницы помалу, вина много, женамъ морь, старымъ пагуба» (по списку XV стол.). g) Записка о дняхъ и часахъ добрыхъ и злыхъ. h) Мысленикъ — вѣроятно, тоже самое, что Разумникъ, содержащій апокрифическія сказанія о созданіи міра и человѣка. i) Волхovníкъ — сборникъ суевѣрныхъ примѣтъ, «еже есть се: храмъ трещитъ, ухозвонъ, вороноградъ, курокликъ, окомигъ, огонь бучитъ, песь выетъ», и проч. Нѣкоторыя статьи Волхovníка переписывались отдѣльно, и занесены въ индексъ подъ своими частными названіями, каковы: Вороноградъ (примѣты и гаданія по крику вѣроновъ), Куроглашеникъ (— по крику пѣтуховъ), Птичникъ или Птичьи чарове (— по крику и полету птицъ вообще) и Трепетникъ — истолкователь примѣтъ, основанныхъ на трепетѣ различныхъ частей человѣческаго тѣла: «аще верхъ главы (члѣсть, бровь, око и т. дал.) потрепещетъ, лицо или уши горятъ, во ухо десное и лѣвое пошумитъ (или позвонитъ), длань посвербитъ, подошвы отерпнутъ...» Подлинникъ Трепетника найденъ въ одной изъ греческихъ рукописей вѣнской библіотеки. k) Сносудецъ (Сновидецъ, Сонникъ). l) Путникъ — «книга, въ ней-же есть написано о стрѣчахъ добрыхъ или злыхъ. ш) Зелейникъ — описание волшебныхъ и цѣлебныхъ травъ (зелій), съ указаніемъ на заговоры и другія суевѣрныя средства,

также: „мѣсяць окружится“ и „ствѣнемъ (луннымъ и солнечнымъ затмѣніемъ) знамье“.

употребительныя въ народной медицинѣ; подобныя тетрадки и донынѣ обращаются между простолюдинами—подъ названіемъ «травниковъ», «цвѣтниковъ» и «лѣчебниковъ». п) Чаровникъ, состоящій изъ 12-ти главъ, «въ нихъ-же суть двенадцать опрометныхъ лицъ звѣрныхъ и птичійхъ» (см. выше, стр. 301), т. е. сказанія о блуждающихъ оборотняхъ. о) Метаніе (Метанъеимецъ или Розгомечецъ)—книга гаданій посредствомъ жребія (см. выше, стр. 383). У г. Пыпина описана подобная тетрадка конца XVII или начала прошлаго вѣка, названная «Книгой пророка и царя Давида». Желашіе допросить Судьбу метали жребіи, т. е. прутики (розги) съ нарѣзанными на нихъ чертами; вмѣсто этихъ прутиковъ могли употребляться и помѣченныя точками игральныя кости; по числу выпавшихъ нарѣзокъ или точекъ опредѣлялся номеръ того изрѣченія гадательной книги, которое должно было служить отвѣтомъ на задуманный вопросъ. Такія изрѣченія въ «Давидовой книгѣ» скрѣпляются ссылкой на псалмы и другіе отдѣлы священнаго писанія; напримѣръ: «что во умѣ держишь и ждаешь, возрадуешься и сердце весело будетъ; о томъ царь Давидъ рече: взми мя, Господи, отъ челоуѣка лукава, и отъ мужа неправедна избави мя. Аще мечеши о болѣзни, и та болѣзнь минется; аще о дому, въ домѣ твоємъ здраво, и путь тебѣ доброй, и пропажа твоя сыщется». При нѣкоторыхъ отвѣтахъ добавлено: «эта метъ добрая», или: «берегися—метъ злая!» Наконецъ р) альманахи. Максимъ Грекъ, который неразъ протестовалъ противъ заблужденій современниковъ, въ одномъ обличительномъ словѣ коснулся и альманачовъ, обыкновенно наполнявшихся разными астрологическими предсказаніями. Къ намъ они занесены съ запада ¹⁾. Такимъ

¹⁾ Стоглавъ, гл. 40, вопр. 22; Лѣтопись занят. Археогр. Ком. I, 29—32, 42—49, 53; Времен., I, 38 («Домострой»); Иоаннъ, ерзархъ болгар., 211—2; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, предислов.

образомъ календарныя прогностики, напечатанныя въ 1710-мъ и послѣдующихъ годахъ, ¹⁾ уже имѣли своихъ предшественниковъ въ рукописныхъ сборникахъ допетровскаго времени. Отреченныя книги ясно свидѣтельствуютъ, что научныя познанія о природѣ были смѣшиваемы съ языческими вѣрованіями и волшебствомъ ²⁾. Духовная власть устанавливаетъ бѣгать этихъ книгъ, аки Содома и Гомора, и если онѣ попадутся въ руки, то немедленно истреблять ихъ огнемъ: «еще кто заповѣдь божію преступитъ, а иметъ еретическія писанія у себя держати, еже есть врагъ божій, и волхованію сихъ вѣровати иметъ кто, съ тѣми со всеми еретики да будетъ проклятъ. Аще который отецъ духовный, вѣдая у себе такового въ сыновѣхъ, а вѣдая то... иметъ ему въ томъ постомаки (потачку) дѣяти, и приемля его на частое покаяніе

стр. XXII, XXV; статьи г. Пыпина—въ Архивѣ истор. и практич. свѣд. 1860—1 г., I, 8—12; II, 15—27; Рус. Сл. 1862, I, 94, 100; О. З. 1857, XI, 344—6; Археолог. Вѣстникъ 1867, III, 113—8; Памят. отреч. рус. лит., II, 361—444. — ¹⁾ Магазины землевѣд. и путешеств. Фролова, стат. Перевощикова, 507—604; Свѣд. Архивъ 1828, XI, 132. — ²⁾ Олеарій говоритъ, что русскіе признавали астрономію и астрологію за науки волшебныя, что умѣнье вычислять и предсказывать солнечныя и лунныя затмѣнія казалось для нихъ сверхъестественнымъ даромъ. Когда въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что царь желаетъ принять Олеарія на службу въ званіи придворнаго астронома, то въ народѣ пошла молва, что въ скоромъ времени долженъ явиться волшебникъ. Эта молва и была причиною, почему ученый ввоземецъ отказался отъ сдѣланнаго ему царемъ предложенія—Архивъ ист. и практич. свѣд. 1859, кн. III, 25—26. Въ началѣ XVIII в. извѣстный Брюсъ, составитель календаря, дополненнаго астрологическими предсказаніями, считался въ народѣ колдуномъ и черно книжникомъ. По рассказу простолюдиновъ волшебники обладаютъ черною книгою, и съ ея помощію вызываютъ чертей, узнаютъ тайное и творятъ злыя чары. Кто случайно найдетъ такую книгу и стафетъ читать ее, къ тому немедленно явятся черти и потребуютъ отъ него работы—Иллюстр. 1845, 183—4; Абев., 73.

«безъ опытеміи и безъ отлученія церковнаго, или иметъ (и) самъ тоже творити... да извержеться сана своего по праву» «ломъ св. отецъ, и съ прежеречеными еретики съ тѣми со всѣми да будетъ проклятъ, и написанная та на тѣлѣ его да сожгутся». Осужденія, высказанныя статьею о ложныхъ книгахъ и другими памятниками (Стоглавомъ, Домостроемъ), были для своего времени какъ-бы официальной ценсурой. Предостерегая паству отъ чтенія запретныхъ сочиненій, духовенство называло ихъ «болгарскими баснями»: знакъ, что сочиненія эти явились къ намъ чрезъ посредство южнославянской письменности, которая уже прежде заимствовала ихъ изъ Византіи; уцѣлѣвшіе донынѣ списки особенностями языка и правописанія прямо обнаруживаютъ свое болгаро-сербское происхожденіе. Большая часть отреченныхъ книгъ проникла въ Россію именно этимъ путемъ, и только нѣкоторыя должно считать занесенными съ запада ¹⁾. Не смотря на то, народъ принималъ ихъ съ постоянно-возбужденнымъ любопытствомъ и довѣріемъ; потому что основы сообщаемыхъ ими свѣдѣній были тѣже самыя, на какихъ держались и національныя, наследованныя отъ предковъ повѣрья. Книги эти были въ уровень съ умственнымъ развитіемъ общества; онѣ не противорѣчили его заветнымъ убѣжденіямъ и обращали его къ тѣмъ-же вопросамъ, какими издавна интересовалась народная мысль.

Христіанскіе пастыри не ограничились только поученіями и запретами; они требовали преданія обличаемыхъ строгому суду и казнямъ. Тотчасъ послѣ крещенія Русской земли, дѣла о волшебствѣ уже подлежали разсмотрѣнію духовной власти. Въ церковномъ уставѣ св. Владиміра къ вѣдомству духовнаго суда отнесены: «вѣтъство, зелейничество, потворы, чаро-

¹⁾ Кромѣ альманаховъ и книгъ: „Аристотелевы Врата“, можно указать еще на „Луцидаріусъ“, напечатанный въ I-й кн. Лѣтописей г. Тихонравова, и отчасти на „планидника“.

дѣянiя, волхованья» ¹⁾). Обычною карою за эти преступленiя было сожженiе; какъ сожигались музыкальные инструменты и волшебныя книги, такъ подобную-же участь испытывали и колдуны, и вѣдьмы. Въ 1227 году, по сказанiю лѣтописца, въ-Новгородѣ «изъжгоша волхововъ четыре, творяхуть ѿ потворы дѣюща, а Богъ вѣсть, и сожгоша на Ярославлѣ дворѣ». По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, волхвы были приведены сперва на архіепископскiй дворѣ, а потомъ уже преданы сожженiю на Ярославовомъ дворѣ, не смотря на заступничество боярь ²⁾). Въ началѣ XV столѣтiя (въ 1411 году) псковичи сожгли двѣнадцать вѣщихъ жонокъ ³⁾); замѣтимъ, что около этого времени дѣйствовала на Руси страшная моровая язва, которая и могла послужить поводомъ къ ихъ обвиненiю. О князѣ Иванѣ Андреевичѣ Можайскомъ сохранилось извѣстiе, что онъ сжегъ за волшебство мать Григорiя Мамона ⁴⁾). Повѣсть о волхованiи, написанная для Ивана Грознаго, доказываетъ необходимость строгихъ наказанiй для чародѣевъ, и въ примѣръ выставляетъ царя, который, вмѣстѣ съ епископомъ, «написать книги повелѣ и утверди, и проклятъ чародѣянiе, и въ вѣсѣхъ заповѣда такихъ огнемъ пожечи» ⁵⁾). Котошихинъ говоритъ, что въ его время мужчинъ за богохульство, церковную татьбу, волховство, чернокнижество и ереси сожигали живыхъ,

¹⁾ Доп. въ Ак. Ист., I, 1. — ²⁾ П. С. Р. Л., III, 42; IV, 29; Никон. лѣт., II, 357: „явишася въ Новѣградѣ волхвы, вѣдуны, потворицы, и многая волхованiя и потворы и ложная знаменья творяху, и много зла сотворяху, многихъ прельщающе. И собравшеся новгородцы изымаша ихъ, и ведоша ихъ на архіепископовъ дворѣ. И се мужи княже(и) Ярославли вступишася о нихъ; новгородцы же ведоша волхововъ на Ярославлѣ дворѣ, и складше огня велiй на дворѣ Ярославли, и связавше волхововъ всѣхъ и вринуша во огонь, и ту згорѣша вси“. — ³⁾ П. С. Р. Л., V, 22. — ⁴⁾ Лѣтописецъ русск. Н. Львова, III, 167; И. Г. Рос., V, 356 (изд. Сленина). — ⁵⁾ Москв. 1844, I, 246—9.

а женщинамъ за тѣже преступленія отсѣкали головы ¹⁾. Изъ слѣдственныхъ-же дѣлъ XVII-го столѣтія видно, что за ворожбу и чародѣйство большею частію наказывали ссылкой въ дальнія мѣста и заключеніемъ въ монастырь; слѣдовательно, кромѣ сожженія, употреблялись и другія болѣе легкія наказанія. Вѣроятно, при назначеніи мѣры взысканія, принимались въ расчетъ какъ замыслы обвиняемыхъ лицъ, такъ и степень причиненнаго ими вреда. Въ грамотѣ, данной царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ на учрежденіе въ Москвѣ Славенно-греко-латинской академіи, сказано: «а отъ церкви возбраняемыхъ наукъ, наипаче-же магіи естественной и иныхъ, такимъ не учить и учителей таковыхъ не имѣти. Аще же таковыя учителя гдѣ обрящутся, и оны со учениками, яко чародѣи, безъ всякаго милосердія да сожгутся». Блустителю и учителямъ академіи предписывалось имѣть тщательное наблюденіе, чтобы никто изъ духовныхъ и мірскихъ людей не держалъ у себя «волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всякихъ отъ церкви возбраняемыхъ книгъ и писаній, и по онымъ не дѣйствовалъ, и иныхъ тому не училъ.» У кого-же объявятся такія богопротивныя книги, тотъ, вмѣстѣ съ ними, «безъ всякаго милосердія да сожжется» ²⁾. Колдовство поставлялось на ряду съ богохульствомъ, безбожіемъ и ересями и подлежало тому-же возмездію, какъ и эти послѣднія ³⁾. Сожженіе чародѣевъ на кострахъ согласовалось съ общимъ народнымъ убѣжденіемъ, которое, обвиняя колдуновъ и вѣдьмъ въ засухахъ, неурожаяхъ и повальныхъ болѣзняхъ, почитало такую казнь за единственное средство противъ постигшихъ бѣдствій. Выше (стр. 509—

¹⁾ По первому изд., стр. 91—92. — ²⁾ Др. Рос. Вѣвліюе., изд. 2, VI, 408, 415—6. — ³⁾ Такъ были преданы сожженію жидовствующіе, обвиняемые между прочимъ и въ занятіяхъ астрологіею; такъ въ 1689 году сожженъ за ересь иезомецъ Кульманъ — Собр. Гос. Гр. и Дог., IV, 204.

512) мы указали на любопытные примѣры народнаго самоуправления съ этими мнимыми виновниками неурожаевъ и моровой язвы; очень можетъ быть, что и засвидѣтельствованное лѣтописцами сожженіе волхвовъ и вѣщихъ жонокъ въ Новгородѣ и Псковѣ было совершено вольницею этихъ городовъ. По словамъ пѣсни, дѣвица-чародѣйка напекла змѣй, сварила зелье, и приготовила снадобье на гибель роднаго брата; но братъ смѣтилъ ея злой умыселъ:

Снималъ онъ съ сестры буйну голову...
И онъ бралъ со костра дрова,
Онъ клалъ дрова среди двора;
Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое
Что до самаго до пепелу,
Онъ развѣялъ прахъ по чисту полю,
Завазаль всѣмъ тужить, плакати ¹⁾.

Тому-же наказанію подвергаются колдуны и вѣдьмы и по свидѣтельству народныхъ сказокъ ²⁾. Христіанскіе пастыри не только скрѣпили своимъ авторитетомъ старинное мнѣніе о связи чародѣйства съ нечистою силою, но и придали этому мнѣнію болѣе-рѣшительный характеръ. Какъ на сообщниковъ злыхъ демоновъ, народъ возставалъ на колдуновъ и вѣдьмъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ общественныхъ бѣдствій; въ обыкновенное же время онъ довѣрчиво и съ уваженіемъ относился къ ихъ вѣщимъ дарованіямъ и охотно пользовался ихъ помощью. Напротивъ христіанство на всѣ проявленія колдовства смотрѣло безразлично; на его строгой взглядъ равно были грѣховны: и похитители дождей, напускатели града, вихрей, болѣзней, и составители цѣлебныхъ снадобій, наузники, ворожен, гадатели. Отсюда возникли многія столкновенія, которыя живо рисуютъ передъ нами прошлую жизнь съ ея внутренней стороны.

¹⁾ Терещ., I, 107; Сахаров., I, 202. — ²⁾ Н. Р. Сж., II, 29; VII, 27; сказ. Грим., 11, 60 и др.

Вѣра въ колдовство, составляющая теперь исключительную принадлежность простонародья, въ допетровское время была общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ общества. По незначительной степени доступнаго тогда образованія, высшіе сословные разряды въ умственномъ и нравственномъ отношеніи почти не рознились отъ низшихъ: черта, существенно-отличающая древнюю нашу исторію отъ новѣйшей. Старинные обычаи равно соблюдались и во дворцѣ, и въ боярскихъ палатахъ, и въ избѣ крестьянина, на что указываетъ весь строй домашняго быта и въ особенности свадьбный обрядъ; духъ суевѣрія одинаково властвовалъ надъ всѣми, начиная отъ поселянъ и до царя. Въ 1467 году скончалась супруга Ивана III-го Марія ¹⁾, тѣло усопшей «разошлось» (распухло, отекло), и смерть ея приписана была дѣйствию отравнаго зелья. Подозрѣніе пало на жену Алексѣя Полуектова Наталью, которую обвиняли въ томъ, будто она посылала поясъ великой княгини къ какой-то бабѣ (ворожеѣ); тогда, замѣчаетъ лѣтописецъ, восполѣлся князь на Алексѣя и его жену, и шесть лѣтъ не допускалъ его на свои пресвѣтлыя очи ²⁾. Отъ брака съ Маріей в. князь имѣлъ сына, который умеръ еще при жизни отца и оставилъ ему внука Дмитрія—отъ Елены, дочери молдавскаго господара. Во время спора, возникшаго за наследство престола между внукомъ Ивана III и сыномъ его отъ новаго брака съ греческою царевною Софіей, сторонники Елены оговорили великую княгиню въ злыхъ умыслахъ и съ сношеніяхъ съ бабами-чародѣйками, «и въ то время (1497 г.) опалу положилъ князь великій на жену свою на вел. княгиню Софію о томъ, что къ ней приходиша бабы съ зелиемъ; обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнити—потопити въ Москвѣ-рѣкѣ ноцію, а съ нею съ тѣхъ мѣстъ нача

¹⁾ Дочь в. кн. тверскаго. — ²⁾ П. С. Р. Л., VI, 186.

жити въ бреженіи» ¹⁾). Димитрій былъ вѣнчанъ на царство; но торжество его партіи было непродолжительно и—какъ извѣстно—окончилось заключеніемъ въ темницу этого несчастнаго царевича. Софія побѣдила, но за нею осталось названіе «чародѣйки греческой»: такъ обзываетъ ее Курбской въ исторіи Ивана Грознаго ²⁾). Великая княгиня Соломонія, супруга Василія Ивановича, вѣрная воззрѣніямъ своего вѣка, прибѣгала къ чарамъ и ворожбѣ, чтобы излѣчиться отъ неплодія. Изъ розыскаго дѣла узнаемъ, что она развѣдывала о колдуньяхъ и приказывала приводить ихъ къ себѣ Ивану Юрьевичу Сабурову. «Есть, говорила ему вел. княгиня, на Москвѣ жонка — Стефанидою зовутъ, рязанка, и ты ее добудь и ко мнѣ пришли.» Сабуровъ исполнилъ просьбу, и съ помощію своей жены привелъ Стефаниду къ вел. княгинѣ; ворожея смотрѣла ей брюхо и сказывала, что дѣтей у нея не будетъ; потомъ наговаривала въ рукомойникъ воду и совѣтовала вел. княгинѣ тою водою умываться, чтобы любилъ ее мужъ, а когда понесутъ къ вел. князю сорочку, чехолъ или порты, и въ то время она бы, омочивъ свои пальцы въ рукомойникъ, охватывала ими бѣлье. Соломонія послѣдовала наставленію и дѣйствительно смачивала наговорной водою мужнино бѣлье и платье. Въ другой разъ она говорила Сабурову: «сказали мнѣ черницу, что она дѣти знаетъ (т. е. можетъ отвращать неплодіе), а сама безноса, и ты ту черницу добудь.» Черница была найдена, приведена къ Сабурову на подворье, и тамъ наговаривала не то масло, не то медъ прѣсный, и «посылала къ вел. княгинѣ съ Настею (женою Сабурова), а велѣла ей тѣмъ тертись отъ того-жъ, чтобъ ее князь великій любилъ, да и дѣтей дѣла» ³⁾—и вел. княгиня тѣмъ снадобьемъ терлась. Въ

¹⁾ Бережно, остерегаясь—*ibid.*, 279. — ²⁾ Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2, 128. — ³⁾ Въ старыя годы чары на любовь мужей были въ большомъ ходу. Когда кн. Курбской женился въ Литвѣ

заключеніе своихъ показаній Сабуровъ добавилъ: «а что ми говорити? того мнѣ не испамятовати, сколько ко мнѣ о тѣхъ дѣлѣхъ жонокъ и мужиковъ прихаживало!»¹⁾ Но все было напрасно: чары не помогали, Соломонія не рождала дѣтей, а безъ нихъ исчезала и любовь вел. князя, который страстно желалъ имѣть наслѣдника, и однажды, по словамъ лѣтописца, увидя на деревѣ птичье гнѣздо, зарыдалъ и въ этихъ поэтическихъ выраженіяхъ жаловался на свою судьбу: «лютѣ мнѣ! кому уподоблюся азъ? не уподобихся ни птицамъ небеснымъ, яко птицы небесніи плодовицы суть, ни звѣремъ земнымъ, яко звѣри земніи плодовицы же суть; не уподобихся азъ никому-же — ни водамъ, яко воды сія плодовицы суть, волны бо ихъ утѣшающе и рыбы ихъ глумящеса! ни земли сей, яко и земля приноситъ плоды своя на всяко время!» Бояре отвѣчали ему: «государь! неплодную смоковницу посякають и взмешуть изъ вертограда.» И вел. князь, послѣ двадцати лѣтъ супружества съ Соломоніей, повелѣлъ постричь ее въ монахини: несчастную княгиню вывели изъ дворца, насильно постригли и заключили въ женской обители въ Суздали²⁾. Князь Курбскій обвиняетъ и самого Василія въ такой-же заботливости помочь себѣ чарами: женившись снова на молодой женѣ, «самъ «старъ будучи, онъ искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, «да помогутъ ему ко плодотворенію. О чаровникахъ оныхъ «такъ печашеса, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до «Корелы, и оттуду провожаху ихъ къ нему... совѣтниковъ «сатанинскихъ, и за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣменъ,

на Марьѣ Юрьевнѣ Ковинской, довольно-пожилой вдовѣ, то она подобными-же средствами хотѣла упрочить расположеніе своего мужа. При обыскѣ въ сундукъ ея найденъ былъ мѣшочекъ съ пескомъ, волосами и другими снадобьями, котѣрыи (по свидѣтельству служанки) дала княгинѣ одна старуха—для того, чтобы ее любилъ князь—Жизньъ кн. Курбскаго, I, 98. — ¹⁾ Ак. Ист., I, 130. — ²⁾ П. С. Р. Л., IV, 295—6; Карамз. И. Г. Р., изд. 2, VII, 137.

«по произволенію презлomu, а не по естеству отъ Бога вложенному, уродишеся ему два сына: единъ таковъ прелютый и «кровошійца..., а другій былъ безъ ума и безъ памяти и безъ словесенъ. Ту ми зрите и прилежно созерцайте, христіанскіе «родове! аже дерзають непреподобнѣ приводити себѣ на по-«мощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и «бабъ, смывателей и шептуней, и иными различными чарами «чарующихъ, общую со діаволомъ и призывающе его, на по-«мощь, что за полезную и яковую помощь отъ того имѣете!»¹⁾ Въ 1547 году Москву постигла страшная кара: великій пожаръ испепелилъ всѣ зданія, ни огороды, ни сады не уцѣлѣли, около 2000 народу сдѣлалось добычею пламени; народная молва приписала это бѣдствіе чародѣйству и обвинила въ немъ Глинскихъ, родственниковъ молодого царя по матери; были они, говоритъ лѣтописецъ, у государя въ приближеніи и жалованіи, допускали грабежъ и насильство, и чрезъ то возбудили противъ себя общую ненависть черныхъ людей. Царскій духовникъ Благовѣщенскій протопопъ Ѳеодоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳеодоръ Скопинъ-Шуйскій да Иванъ Ѳеодоровъ довели о томъ до свѣдѣнія государя, и онъ приказалъ розыскать боярамъ. Бояре пріѣхали въ Кремль на площадь, къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и стали спрашивать: кто зажигалъ Москву? Толпа закричала: «бнягиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми волховала, вынимала сердца человѣческія, клала ихъ въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила — и отъ того Москва выгорѣла!» На площадь явился и Юрій Глинскій, родной дядя государя; но, слыша такое ужасное обвиненіе, поспѣшилъ укрыться въ Успенскомъ соборѣ. Озлобленная чернь бросилась за нимъ, убила его въ самой церкви и поволокла

¹⁾ Сказанія кн. Курб., изд. 2, 101—2.

трупъ на торговое мѣсто, гдѣ обыкновенно совершались казни; побили и многихъ людей его, а имущество разграбили. На третій день послѣ этого толпа приходила къ царю въ село Воробьево и требовала выдачи Анны Глинской и кн. Михаила Глинскаго, и только строгія мѣры, принятыя Иваномъ IV, заставили ее разбѣжаться ¹⁾. Какъ въ смерти Маріи Тверской подозрѣвали участіе волшебства, такъ къ тому-же обычному обвиненію прибѣгли и противники Адашева и Сильвестра, при кончинѣ царицы Анастасіи (1560 г.); по свидѣтельству Курбскаго ²⁾, они говорили, «аки бы счаровали ее оные мужи» ³⁾, и совѣтовали царю не допускать ихъ передъ свое лице: «аше припустишь ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ... обяжутъ тя паки и покорятъ аки въ неволю себѣ»; и до сихъ поръ держали тебя, великаго государя, словно въ оковахъ, «а то творили они своими чаровсты, аки очи твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами царствовать и надъ всѣмъ владѣти». Внушенія эти должны были производить сильное вліяніе на воспримчивую и подозрительную душу Ивана Грознаго, который относительно вѣры въ колдовство стоялъ невыше своихъ современниковъ. Такъ знаменитый воевода князь Михаилъ Воротынскій, обвиненный въ тайныхъ сношеніяхъ съ вѣдьмами, былъ преданъ имъ жесточайшимъ пыткамъ. Связаннаго князя привели и поставили передъ царемъ, который сказалъ ему: «се на тя свидѣтельствуешь слуга твой, иже я еси хотѣлъ счаровати и добывалъ еси на меня бабъ шепчущихъ». Воротынскій отвѣчалъ: «не научихся, о царю! и не навыхохъ отъ прародителей сво-

¹⁾ Царствен. книга (СПБ., 1769), 137—143. — ²⁾ Сказан. кн. Курб., 76. — ³⁾ Испрашивая церковнаго разрѣшенія на четвертый бракъ, Иванъ IV говорилъ, что первая жена его изведена «вражимъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравивъ» — Др. Рос. Вивліюе., XIII, 104.

ихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрять, но Бога единого хвалити... А сей клеветникъ — мой есть рабъ и утече отъ меня, окравши мя: не подобаетъ ти сему вѣрять и ни свидѣтельства отъ такового примати, яко отъ злодѣя и отъ предателя моего, лжеклеветущаго на мя!» По царскому повелѣнію, Воротынскаго положили на бревно между двухъ огней и начали медленно поджаривать, при чемъ самъ Грозный железомъ своимъ подгребалъ къ его обнаженному тѣлу горячіе уголья. Послѣ пытки еле-живаго князя повезли въ ссылку на Бѣлоозеро, но на дорогѣ туда онъ скончался ¹⁾. Если вѣрять Горсею, Иванъ IV въ послѣдніе годы жизни вполне отдался предрасудкамъ своего вѣка. Зимой 1584 года явилась комета; больной царь вышелъ на Красное крыльцо, долго смотрѣлъ на нее и потомъ, измѣнившись въ лицѣ, сказалъ окружающимъ: «вотъ знаменіе моей смерти!» Встревоженный этой мыслью, онъ рѣшился прибѣгнуть къ волшебству: по его указу, на сѣверѣ Россіи ²⁾ было собрано до шестидесяти чародѣекъ; привезенныя въ Москву, онѣ содержались здѣсь подъ стражею, и царскій любимецъ Богданъ Бѣльскій ежедневно посѣщалъ ихъ, выслушивалъ и передавалъ царю ихъ предвѣщанія. Колдуньи утверждали, что свѣтила небесныя враждебны для государя и что онъ умретъ 18-го марта. Царь пришелъ въ бѣшенство и высказалъ желаніе, чтобы въ этотъ самый день живыя колдуньи были преданы соженію. Утромъ 18-го марта онъ почувствовалъ себя лучше и послалъ Бѣльскаго объявить чародѣйкамъ: какая ожидаетъ ихъ казнь за ложное предсказаніе. «Не гнѣвайся, бояринъ! отвѣчали онѣ, день начался съ восходомъ солнца, а кончится только съ его закатомъ.» Между тѣмъ царь собирался играть въ шахматы, началъ было разставлять шашки,

¹⁾ Сказ. ви. Курб., 99—100. — ²⁾ Между Холмогорами и Лапландіей.

но вдругъ упалъ въ обморокъ, и вскорѣ затѣмъ испустилъ послѣднее дыханіе ¹⁾. Подъ 1570 годомъ Псковской лѣтописи находимъ интересное свидѣтельство, что Иванъ Грозный, по возвращеніи изъ ливонскаго похода, приблизилъ къ себѣ «нѣмчина лютаго волхва, нарицаемаго Елисъя, и бысть ему любимъ». Это былъ медикъ Бомелій, родомъ голландецъ. Онъ навелъ на царя «страхованіе» (боязливое недовѣріе къ своимъ), «на русскихъ людей царю возложи свирѣпство, а къ нѣмцамъ на любовь предложи». Это вліяніе иноземца лѣтописецъ объясняетъ такъ: узнали безбожные нѣмцы посредствомъ гаданій, что быть имъ отъ русскаго государя разореннымъ до конца, и того ради прислали къ нему такого злаго еретика, «понеже русскіе люди прелестни и падки на волхованіе» ²⁾.

Изъ крестоцѣловальныхъ записей на вѣрность царямъ Борису Годунову, Василію Шуйскому и Михаилу Фёдоровичу видно, до какой степени сильна была въ ту эпоху вѣра въ возможность и могущество волшебныхъ чаръ; по всѣмъ городамъ и селеніямъ подданные обязаны были клясться: «а лиха «нѣ государю, царицѣ и ихъ дѣтямъ не хотѣти, не мыслити «и не дѣлати никоторою хитростію — ни въ вѣствѣ, ни въ «спитьѣ, ни въ платѣѣ, ни въ иномъ чемъ никакого лиха «не учинити, и зелья лихаго и коренья не давати и не «испортити; да и людей своихъ съ вѣдовствомъ да со «всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не по«сылати, а вѣдуновъ и вѣдуней не добывати на госуда«рево лихо, и ихъ, государей, на слѣду всякимъ вѣдов«скимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ «по вѣтру никакого лиха не посылати и слѣду «не выимати». Всякой, кто узнаеть о подобныхъ злыхъ

¹⁾ О. З. 1859, IX, 113—5; Библи. для Чтен. 1865, V, 63—65; Карамз. Н. Г. Р., IX, 433. — ²⁾ П. С. Р. Л., IV, 318.

умыслахъ другаго челоѣка, долженъ схватить его или сдѣлать на него извѣтъ ¹⁾. О Борисѣ Годуновѣ, еще правителѣ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, разсказывается въ одной современной повѣсти, что онъ по разнымъ городамъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ, и ихъ «волшебствомъ и прелестію сотвори, яко и самъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ вельми любляше его.» Въ Морозовскую лѣтопись занесено любопытное извѣстіе, будто волхвы предсказали Борису, что ему суждено царствовать, но что царствованіе его будетъ недолгое: «призвавъ къ себѣ волхвовъ и волшебницъ, и вопросы ихъ: возможно ли вамъ сіе дѣло усмотрѣти... буду ли я царемъ? Врагоугодницы же ему «сказаша: истинно тебѣ возвѣщаемъ, что получиши желаніе свое—будеши на царствіи московскомъ; только на насъ не «прогнѣвайся... недолго твоего царствія будетъ, только семь лѣтъ. Онъ же рече имъ съ радостію великою и лобызавъ «ихъ: хотя бы семь дней, только бы имя царское положити «и желаніе свое совершити!» ²⁾ Въ старину ни одно важное дѣло не обходилось безъ обвиненій въ чародѣйствѣ, и вотъ когда началось слѣдствіе объ убіеніи царевича Димитрія, то въ числѣ показаній, отобранныхъ отъ различныхъ лицъ, встрѣчаемъ и такія: была у Михайла Битяговскаго юродивая жончка и хаживала къ царицѣ Марьѣ ³⁾ «для потѣхи», и какъ царевичу приключилась смерть, царица Марья приказала ту жонку отыскать и убить—за то, что она царевича портила; а Михайло Нагой велѣлъ убить Битяговскаго, который съ нимъ почасту бранивался и уличалъ, будто онъ добываетъ на государя и государыню вѣдуновъ и хочетъ ихъ портить. Между этими вѣдунами названъ былъ Андришка Мочаловъ, котораго предписано было сыскать и въ оковахъ (по рукамъ и ногамъ)

¹⁾ Ак. Арх. Эксп., II, 10, 44; Доп. къ Ак. Ист., II, 1; Юрид. Ак., 333. — ²⁾ Карамз. И. Г. Р., X, прилѣч. 221. — ³⁾ Мать Димитрия.

привезти въ Москву съ великимъ береженьемъ; что было потомъ съ Мочаловымъ? — неизвестно ¹⁾. Ко времени царя Ѳедора Ивановича относится розыскъ надъ вѣдунами, которые сгубили въ Астрахани крымскаго царевича Мурать-Гирей. Въ 1591 г., рассказываетъ лѣтопись, басурмане прислали изъ Крыму вѣдуновъ, и тѣ испортили царевича. Воеводы, видя его болѣзнь, привели къ нему лѣкаря-арапа. Лѣкарь отозвался, что «его излѣчить не можно, покашѣста сыщеть вѣдуновъ, кои его портили; и взя съ собою людей русскихъ и пошелъ «въ юрты, и въ юртахъ перенималъ вѣдуновъ, и приведе къ «нему и муча ихъ.. Вѣдуны ему рекоша: буде де кровь нѣ «не замерзла ²⁾, нѣ де можно пособить. Тотъ-же арапъ, «многій знатецъ, повелѣ имъ вѣдунамъ изъ себя метати «кровь въ лохань. Они же изъ себя выметали всю кровь, «кои татарове и татарки перепорчены съ царевичемъ». Лѣкарь спросилъ: «коево чья кровь? и они начаша сказывати все по «ряду; коя де кровь не замерзла, и тою кровью помажутъ «того татарина или татарку, и онъ живъ станеть; царевича «же кровь и царицына всѣ замерзли, и они сказали, что нѣ «живымъ не быть.» Воеводы дали знать о томъ въ Москву; царь Ѳедоръ послалъ въ Астрахань Астаѡя Пушкина и велѣлъ ему учинить розыскъ и «тѣхъ вѣдуновъ пытать накрѣпко, по чьему умышленію царевича и царицу и татаръ испортили? и пытавъ ихъ, государь велѣлъ пере жечь». По прїѣздѣ въ Астрахань, Пушкинъ принялся за пытки, но ничего не могъ доискаться. Тогда пришелъ арапъ и посовѣтовалъ вложить колдунамъ въ зубы конскія удила, повѣситъ ихъ за руки и бить не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ, «и они все почали «сказывати. Воеводы же, пытавъ ихъ, велѣли жечь; а жегъ

¹⁾ Собр. Гос. Грам. и Дог., II, стр. 107, 118, 123. — ²⁾ Т. е. не сгустилась. У Карамзина (И. Г. Р., X, примѣч. 254), вмѣсто этого слова, стоятъ: „не умерла“.

«тотъ-же аранъ своимъ мастерствомъ. А какъ стали ихъ жечь, и туто слетѣлися сорѸкъ и воронъ многое множество... и какъ ихъ пережгли — и онѣ (птицы) всѣ исчезли. А на пыткахъ тѣ вѣдуны сказывали, что порѣтали царевича и царицу и татаръ—пили изъ нихъ изъ сонныхъ кровь»¹⁾. Вѣроятно, смерть татарскаго царевича, его женъ и людей произошла отъ тайной отравы, но была приписана вѣдунамъ, на которыхъ (какъ мы знаемъ) нерѣдко падало обвиненіе въ томъ, что они высасываютъ человѣческую кровь. Лѣтописецъ передаетъ это событіе по тѣмъ слухамъ, какіе ходили о немъ въ народѣ, и потому обставилъ свой рассказъ суевѣрными подробностями, очевидно-заимствованными изъ народныхъ преданій о колдунахъ и вампирахъ. Приведенные на пытку, вѣдуны «морочили» своихъ палачей, отводили имъ глаза и до тѣхъ поръ оставались нечувствительными къ мукамъ, пока хитрый лѣкарь не научилъ ударять по стѣнѣ (сравни стр. 446, 557, 575, 582). По воцареніи Бориса Годунова, онъ подозрительно смотрѣлъ на окружающихъ его бояръ, изъ которыхъ многіе вели свой родъ отъ Рюрика, а другіе были въ свойствѣ съ вымершимъ царскимъ домомъ. Опасаясь крамоль, онъ охотно выслушивалъ донощиковъ, награждалъ ихъ помѣстьями и деньгами, и тѣмъ самымъ поощрялъ боярскихъ холопей къ шпіонству и ложнымъ извѣтамъ на своихъ господъ. Наиболѣе легкій способъ обнести кого-бы то ни было въ государственной измѣнѣ и заставить вѣрить своему доносу — было обвиненіе въ чарахъ противъ государева здоровья. Таковъ извѣтъ сдѣланъ былъ на Романовыхъ. Лѣтописецъ рассказываетъ объ этомъ такъ: дворовый челоувѣкъ и казначей боярина Александра Никитича Романова, Второй Бартеневъ, пришелъ тайно къ дворецкому Семену Годунову и объявилъ ему:

¹⁾ Лѣтоп. о многихъ матажахъ, 15—16.

«что ми царь поведить сдѣлать надъ государи моими, то и сотворю!» Дворецкій обрадовался и возвѣстилъ царю Борису; а «Борисъ велѣлъ ему сказать многое свое жалованье. Семень же умысли со Вторымъ и наклаша всякого коренья въ мѣшки, и повелѣлъ ему положить въ казну Александра Никитича. Той-же Второй, сотворя тако, приде доводить на государя своего.» Послѣдовалъ обыскъ, коренье было вынута, привели Романовыхъ Ѳедора Никитича съ братьями, отдали ихъ подъ стражу, пытали и потомъ сослали въ отдаленныя мѣста ¹⁾. О Василии Шуйскомъ въ хронографѣ Кубасова сказано, что онъ «къ волхвованію прилѣжаше» ²⁾; а по свидѣтельству Петрея ³⁾, онъ, желая поддержать себя на престолѣ, собиралъ отовсюду колдуновъ и колдуней, и для ихъ вѣдовскихъ дѣлъ, приказывалъ вынимать изъ живыхъ коней сердца и вырѣзывать плодъ изъ беременныхъ женщинъ: когда колдуны чаровали и творили заклятія—царскія войска одерживали верхъ надъ непріятелемъ, а когда чары прекращались—въ то время одолѣвали поляки.

При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ 1632 г. была отправлена во Псковъ грамота съ запрещеніемъ, подъ смертною казнію, покупать у литовцевъ хмѣль; потому что посылаемые за рубежъ лазутчики объявили, что есть въ Литвѣ баба-вѣдунья и наговариваетъ она на хмѣль, вывозимый въ русскіе города, съ цѣлію навести чрезъ то на Русь моровое повѣтріе ⁴⁾. Въ тоже царствованіе 1625 года велѣно было вы-

¹⁾ Лвт. о мног. мятеж., 56—60. Ѳедоръ Никитичъ былъ постриженъ и сосланъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь, а Александръ Никитичъ въ Усолье-Луду къ Бѣлому морю. Есть еще извѣстіе, что Михайло Молчановъ „за воровство (въ древнемъ значеніи этого слова) и чернокнижество былъ на пыткѣ кнутахъ битъ“—Карама. И. Г. Р., XII, примѣч. 49. — ²⁾ Рус. Дост., I, 175. — ³⁾ Ч. О. П. и Д. 1866, II, 627. — ⁴⁾ Ав. Арх. Эксп., III, 197. Патріархъ константинопольскій извѣщаль однажды Михаилу, чтобы

слать въ Москву изъ Верхотурья протопопа Якова, вмѣстѣ съ «воровскимъ кореньемъ», такъ какъ во время обыска у него найдены были въ коробьяхъ: трава багрова, три кореня да «комокъ перхчевать бѣлъ», а въ допросѣ онъ самъ показалъ, что снадобья эти далъ ему казакъ Степанко Козьи Ноги ¹⁾). Подобный-же случай извѣстенъ намъ отъ XIV столѣтія, когда на берегахъ Вожи схваченъ былъ попъ, пробиравшійся изъ орды съ мѣшкомъ «злыхъ и лютыхъ зелій»; «нестязавше много», отправили его въ заточеніе на Лачь-озеро ²⁾). Въ 1628 г., по доносу архимандрита нижегородскаго Печерскаго монастыря и по указу патріаршему, былъ розыскъ надъ дьячкомъ Семейкою, который держалъ у себя «недобрыя ересныя» тетради да приговору нѣсколько строкъ. Семейко показалъ, что тетради онъ поднималъ въ одной каменной башнѣ, а заговоръ далъ ему стрѣлецъ и писанъ онъ «къ борьбѣ» (т. е. на охрану въ бою). По осмотру, тетради оказались гадательныя, называемыя Рафли, по которымъ (какъ извѣстно) ворожили во время судебныхъ поединковъ («поля»). Тетради эти были сожжены, а дьячокъ сосланъ въ монастырь, гдѣ велѣно было сковать его по цогамъ въ желѣза и приставить къ чернымъ работамъ, а причастія не давать ему впредь до патріаршаго разрѣшенія, исключая только смертнаго часу ³⁾). Въ 1660 г. подана была челобитная на другаго дьячка Ивана Харитонова въ томъ, что онъ травы рветъ и коренья копаетъ по лугамъ, и свадьбы отпускаетъ, и жены съ младенцами къ нему часто приходятъ. При челобитной приложены въ улику два заговора, писанные Харитоновымъ: одинъ на

онъ остерегалъ свое здоровье отъ грамотъ турскаго царя и его подарковъ, потому что султанъ имѣетъ на него досаду за миръ съ Польшею: такъ не было бы никакого «часылочнаго дурна» — Истор. Рос. Соловьева, IX, 449. — ¹⁾ Ак. Ист., III, 137. — ²⁾ П. С. Р. Л., VIII; 33. — ³⁾ Ак. Арх. Эксп., III, 176.

заживленіе ранъ, а другой на умиленіе «сердца сердитыхъ людей» ¹⁾. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что до начала XVIII-го столѣтія бѣлое духовенство немного чѣмъ превосходило въ умственномъ развитіи другіе классы общества и раздѣляло съ ними одинаковые предразсудки. Статья о ложныхъ книгахъ говоритъ: «суть же между божественными писан(ь)ми ложная писанія—насяно отъ еретикъ на пакость невѣжамъ попомъ и діакonomъ: лстивые зборники сельскіе и худые маноканонцы (номоканонцы) по молитвеникомъ — у сельскихъ, у неразумныхъ поповъ, лживые молитвы, врачевал(ь)ные, о трясавицахъ и о нежитѣхъ и о недузѣхъ, и грамоты трясавскыя пишутъ на прософирахъ ²⁾ и на яблoцѣхъ, болѣзти ради; все убо то не свѣжди дѣють и держать у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ томъ безуміи гинуть» ³⁾. Въ грамотѣ на основаніе Львовскаго братства (1586 г.) сказано: «а если бы былъ который попъ чаровникъ или ворожить книжный, или ворожку и волшебницу, або чаровницу при церкви держалъ, или въ мѣстѣ, или въ селѣ, или бы самъ до ворожекъ ходилъ или кого посылалъ.... оповѣдати его епископу, да приметъ судъ по правиломъ св. отецъ» ⁴⁾. Здѣсь, конечно, указаны случаи—не только возможные, но и бывалые въ жизни. Процессы о вынутыхъ травахъ, кореньяхъ, заговорныхъ письмахъ и другихъ волшебныхъ снадобьяхъ составляли въ XVII вѣкѣ весьма обыкновенное явленіе. Въ 1666 году посланъ былъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, на исправленіе, посадскій человекъ Анничка Громниковъ за то, что учился «заговорнымъ словамъ»—съ цѣлю отомстить недружбу; велѣно было

¹⁾ Волог. Г. В. 1843, 23 — ²⁾ О томъ-же упоминаетъ и грамота 1551 года—Ак. Арх. Эксп., I, 232. — ³⁾ Лѣтопись занятии Археогр. Ком., I, 41. — ⁴⁾ Памятн., изд. Кіев. Врем. Комис., III, 17—18.

везти его скованнымъ и бережно, а въ монастырѣ держать подъ началомъ до государева указу ¹⁾. Въ тревожное время возстанія Стеньки Разина извѣстны два случая сожженія за чародѣйство (1671—2 годовъ). Когда Юрій Долгорукой двинулся съ войскомъ къ Темникову, то жители вышли къ нему на встрѣчу съ крестами и иконами, молили о прощеніи и выдали двухъ поповъ, какъ главныхъ заводчиковъ смуты, и старицу, которая «войско себѣ собирала и съ ворами вмѣстѣ воровала, да съ нею-же принесли воровскіе заговорныя письма и коренья». Воевода приказалъ ихъ пытать и огнемъ жечь, и «воръ-старица въ распросѣ и съ пытки сказала: зовуть ее Аленю, родиною де она города Арзамаса Выздныя слободы крестьянская дочь и была замужемъ тое-жъ слободы за крестьяниномъ, и какъ де мужъ ее умеръ—и она постриглась и была во многихъ мѣстехъ на воровствѣ и людей портила; а въ нынѣшнемъ 1671 году пришедъ она изъ Арзамаса въ Темниковъ и собирала съ собою на воровство многихъ людей... и стояла въ Темниковѣ на воеводкомъ дворѣ съ атаманомъ съ Ѳедькою Сидоровымъ и его учила вѣдовству». Поповъ повѣсили, а «вора-старицу за ее воровство и съ нею воровскіе письма и коренья» сожгли въ срубѣ ²⁾. Точно также въ Астрахани былъ живо сожженъ бунтовщикъ Кормушка Семеновъ—за то, что у него найдена тетрадка съ заговорами ³⁾. Въ 1674 году въ Тотмѣ сожжена въ срубѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, женка Ѳедосья, оговоренная въ порчѣ; передъ самою казню она заявила, что никого не портила, а поклепала себя при допросѣ, не стерпя пытки ⁴⁾. Судебный розыскъ сопровождался въ эту эпоху страшными истязаніями; жестокость пытокъ была такова, что съ одной стороны она

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., V, 12. — ²⁾ Матер. для исторіи воамущ. Ст. Разина, 107—8. — ³⁾ Ак. Ист., IV, 202, LXXV. — ⁴⁾ Истор. Рос. Соловьева, XIII, 167.

дѣйствительно вынуждала обвиняемыхъ къ оговариванію себя въ небывалыхъ преступленіяхъ, а съ другой заставляла ихъ прибѣгать къ помощи чаръ и заклятій, дабы тѣло свое сдѣлать нечувствительнымъ къ боли. Такъ въ 1648 г. устюжанинъ Ивашка, прозвищемъ Солдатъ, когда во время розыска вынули у него изъ-подъ паты какой-то камень, повинился, что сидѣлъ съ нимъ въ тюрьмѣ разбойникъ Бубень и училъ его вѣдовству — какъ отъ пытки оттерпѣться; надо де наговаривать на воскъ эти слова: «небо лубяно и земля лубяна, и какъ въ землѣ мертвые не слышатъ ничего, такъ бы имярекъ не слышалъ жесточи и пытки!» ¹⁾ Въ разрядной книгѣ 1675 года записаны два краткія извѣстія: одно — о Григоріи Косаговѣ, на котораго духовникъ его подалъ извѣтъ, будто онъ держитъ у себя еретическія книги, и по тому извѣту царь приказалъ Косагова послать къ патриарху для изслѣдованія и очной ставки съ обвинителемъ; другое — о бояринѣ князѣ Ѳеодорѣ Куракинѣ, которому велѣно было не сѣзжать съ своего двора до государева указа — за то, что онъ держалъ у себя въ домѣ «вѣдомую вориху дѣвку Ѳеньку, слѣпую и ворожею»; самую Ѳеньку, вмѣстѣ съ дворовыми людьми Куракина, велѣно было пытать жестокою пыткой комнатнымъ боярамъ да дячку тайныхъ дѣлъ, и которыхъ людей станетъ она оговаривать — тѣмъ давать съ нею очныя ставки и пытать ихъ накрѣпко ²⁾. Въ 1677 году приведенъ былъ въ сѣзжую избу бо-быль олонецкаго уѣзда Калининка Ортемьевъ, и вынутъ у него изъ узловъ: травы, коренье, табакъ, кость жженая съ воскомъ, змѣя и лѣтучія мыши; а въ распросѣ и съ пытки показалъ, что всѣ эти снадобья далъ ему коноваль Симонъ-нѣмчинъ. Велѣно было пытать его вторично и допрашивать съ великимъ пристрастіемъ, и что онъ покажетъ — о томъ донес-

¹⁾ Ibid., X, 164. — ²⁾ Дворц. Разряды, III. 1288, 1428

ти государю. Чѣмъ кончилось это дѣло? — невѣстно. ¹⁾ Другой подобный-же процессъ, вызванный волшебными «узлами» (наузами), былъ въ 1680 году. Иноземецъ Зинка Ларіоновъ сдѣлалъ доносъ на нѣсколькихъ крестьянъ въ лихихъ кореньяхъ и подалъ въ приказную избу полицнаго «крестъ мѣдный да корешокъ невеликъ, да травки немного — завязано въ узлишки у креста». Изъ числа обвиняемыхъ Игнашка Васильевъ призналъ крестъ своимъ и на распросѣ показывалъ: корень тотъ «девесилной, а травка де растетъ въ огородахъ, а какъ зовуть ее — того онъ не вѣдаетъ; а держитъ онъ тотъ корешекъ и травку отъ лихорадки, а лихихъ де травъ и коренья онъ не знаетъ и за дурномъ не ходитъ». По осмотру посадскаго человѣка Якушки Паутова оказалось, что корень именуется «девятины — отъ сердечные скорби держать, а травшко держать отъ гнетенишны скорби (лихорадки), а лихаго де въ томъ ничего нѣтъ». Другой подсудимый объявилъ, что ему положили въ зепь ²⁾ травы въ то время, какъ онъ былъ на кружечномъ дворѣ пьяный, въ безпамятствѣ. Крестьянъ, оговоренныхъ иноземцемъ Зинкою, пытали, а потомъ блии бабогамъ, чтобъ впередъ неповадно было напиваться до безпамятства и носить при себѣ коренья. ³⁾

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., VIII, 29. — ²⁾ Кармянъ. — ³⁾ Ак. Юрид., 30; см. также въ Лѣтоп. занятій Археогр. Ком., I, 17 — указаніе на оговоръ одной черемиски въ порчахъ отравнымъ зельемъ. Замѣчательно, что рядомъ съ этими преслѣдованіями за держаніе при себѣ травъ и кореній — самъ благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ стольнику Матюшкину высылать крестьянъ въ купальскую ночь для сбора серебряннаго цвѣту, антериновой и мятнѣй травъ и дягильнаго корня, а сибирскимъ воеводамъ предписывалъ развѣдывать про лѣкарственныя травы и присылать ихъ въ Москву — Доп. къ Ак. Ист., III, 71; VI, 127. Такое противорѣчіе легко уживалось; потому что зелья бываютъ разныя: и лихія, и добрыя, а недостатокъ научныхъ свѣдѣній и духъ важнаго недовѣрія заставляли всякой разъ, когда находили у кого-нибудь невѣдомый корень или траву, подозрѣвать злой умыселъ.

Обвиненія въ чародѣйствѣ нерѣдко возникали изъ чувства личнаго недоброжелательства, ненависти и мести; при этомъ хватались за первое неосторожное слово, сказанное въ раздраженіи, запальчивости, съ-пьяну или ради шутки. Отъ временъ царя Алексѣя Михайловича дошло до насъ судное дѣло между Никитою Арцыбашевымъ и Иваномъ Колобовымъ. Сначала Арцыбашевъ, въ поданной имъ челобитной, обзывалъ Колобова кудесникомъ и утверждалъ, будто видѣлъ у него «волшебныя заговорныя письма», которыми тотъ испортилъ его жену и околдовалъ бояръ и воеводъ; а потомъ противники помирились и подали заявленіе, что желаютъ прекратить это дѣло, что Никита возбудилъ его затѣйкою, исполняя свою недружбу, такъ какъ между ними и допрежъ сего были многія тяжбы въ помѣстномъ приказѣ и взаимные иски о безчестьи¹⁾. Въ 1636 году въ ошмянскую городскую книгу записана жалоба арендатора еврея Гошка Ескевича на крестьянина Юрка Войтюлевича: былъ Юрко у него въ домѣ, пилъ горѣлку съ своими знакомыми и задумалъ сдѣлать ему зло—«здоровья позбавити». Какъ только вошелъ Гошко въ свѣтлицу, то Юрко «съ чародѣйскою приправою» подалъ ему изъ своихъ рукъ стаканъ водки, молвя: «привитайте!» Жидъ взялся за стаканъ, но съ великаго страху руки у него затряслись и онъ пролилъ горѣлку. Тогда Юрко погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ: «это тебѣ не пройдетъ даромъ!» а Гошко, припомнивъ, что на него Войтюлевича «отъ многихъ людей поголоска идетъ, же чарами своими шкодить», началъ протестовать передъ людьми на тотъ случай, если бы ему, его женѣ или дѣткамъ учинился какой ущербъ въ здоровьи.—Чтожъ съ того? отвѣчалъ Юрко; «на мѣ не все угонишь!» На ту пору вошелъ въ свѣтлицу сынъ хозяина, четырехъ-лѣтній мальчишк; люди же сказываютъ: «кгда чаровникъ при своихъ дѣлахъ будетъ ула-

¹⁾ Новгор. Сборн. 1865, II.

ренный», то его чары будутъ недействительны, и потому Гошко бросился на Юрка и сталъ его бить; ихъ тотчасъ-же развели, и Юрко отправился домой. Какъ нарочно, къ вечеру того-же дня сынъ еврея Гошка впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая (какъ свидѣтельствуеъ сдѣланный осмотръ) такъ изсушила его, что только и остались кожа да кости. Винникомъ этой болѣзни отецъ призналъ Юрка Войтюевича и подалъ на него жалобу; какъ велось это дѣло и чѣмъ оно окончилось? — мы не знаемъ. Въ книгу полоцкой ратуши 1643 года занесенъ процессъ по обвиненію въ чародѣйствѣ Василя Брыкуна. Обвинителями его были полоцкіе мѣщане: а) Янушъ, сынъ Толстаго, жаловался, будто Василю Брыкунъ, прійдя на Великъ день съ улицы, дѣлалъ на стѣнахъ нарѣзки и похвакою своею чаровникою молвилъ женѣ Якова Толстаго: «конечне згинешь! не того зацѣпила!» Такъ и случилось: «мусела она на тотъ свѣтъ итти, нарекаячи на Брыкуна». б) Яско Павловичъ доносилъ: поссорился онъ съ Брыкуномъ, и тотъ молвилъ ему въ очи: «ты, Яско, згинешь съ маетностью своею, также и домъ твой; будешь волочиться — гдѣ день, гдѣ ночь!» И чтоже? — слова эти сбылись въ теченіи одного года. с) Иванъ Быкъ подалъ заявленіе, что Брыкунъ похвалялся передъ нимъ, его женою и дѣтьми: «будете одинъ отъ другаго, уवादѣвшись з' собою, бѣгать з' дому своего!» — и вслѣдъ затѣмъ двое сыновей его ушли невѣдомо куда, да и съ женой таже бѣда: «бѣжить на лѣсъ, дѣтей своихъ не любить!» Какъ-то Быкъ сталъ усовѣщевать Брыкуна: «незбожный человекче! покуль я того маю терпѣть отъ тебе, што мои дѣти и жона будутъ бѣгать?» а случилось то у воротъ, гдѣ были складены дрова. — Не только жена и дѣти, отвѣчалъ Брыкунъ, но если «скажу на тые дрова, которые склалъ ты подъ моею стѣною, заразомъ и з' грунту выверну ихъ вонъ!» — и въ ту же минуту дрова дѣйствительно полетѣли сажени на три отъ земли. д) Исаку

Кондратовичу молвилъ однажды Брыкунъ: «ты конечно за два года все твое добро з' дому якъ метлою выметешь, и самъ вазенья натерпишься!» Такъ и случилось: въ тотъ-же день вечеромъ издохла у него корова, а въ продолженіи года погибло до тридцати лошадей, коровъ и свиней, и самъ онъ попалъ въ тюрьму. А ляходѣй еще насмѣхается: «знай, говоритъ, Брыкуна! не сварься со мною; ото-жь тобѣ за то!» е) Мѣщане слободы Бѣлчицкой Хома Гуца и Петръ Демидовичъ заявили, будто покойный Аникей Кожемяка хворалъ цѣлый годъ, а умирая — говорилъ: «ни отъ кого иду на тотъ свѣтъ въ той моей хоробѣ, только отъ Брыкуна!» Когда они передали эти слова Брыкуну, то онъ «вیتالъ Демидовича пивомъ по полудню, а до вечера трохе не разорвало его, ажъ мусли люди Брыкуну кланяться, абы одходзилъ». Обвинители подтвердили свои извѣты присягою. Выставленные ими свидѣтели показали: а) Павелъ Ивановичъ — что восемь лѣтъ тому назадъ умеръ у него отецъ и при послѣднемъ своемъ издыханіи нарекалъ на Брыкуна: пилъ онъ съ Брыкуномъ горѣлку, и съ того приключилась ему болѣзнь, а когда скончался — тѣло его распухло. б) Игнатъ Семеновичъ: «готовили у насъ на домѣ пиво; на ту пору пришелъ Брыкунъ — и пиво испортилось (się zepsowało, że przez pięć dni jak braha chodziło); вылили его свиньямъ, но и свиньи подохла!» Сталъ я на Брыкуна сердаться, а онъ пригрозилъ мнѣ: ты и самъ высохнешь!» с) Василій Хараковичъ: «позвали меня въ гости на медъ; былъ тамъ и Брыкунъ съ женою; я обиялъ его жену, а онъ закричалъ: область ты лучше печку! — и въ ту же минуту (самъ не вѣдаю для чего) полѣзъ я въ печь, прямо въ дымовую трубу, и пробылъ тамъ часа три». Изъ прочихъ свидѣтелей одни показали, что во время попойекъ отъ «привитанья» Брыкуна бросало ихъ ѓземъ; другіе, что дѣйствиємъ его чаръ они заблудились въ лѣсу и едва не погубили своихъ коней; наконецъ третьи,

что хотя лично они не видали отъ Брыкуна ничего злаго, но слышали отъ людей, будто онъ — чаровникъ и *wiedzma*. Панъ Саковскій прислалъ письменное удостовѣреніе (аттестацію), что Брыкунъ просилъ у него въ-займы денегъ, и получивши отказъ, молвилъ ему: «раздашь свои деньги людямъ, да назадъ не сыщешь!» Такъ и сдѣлалось: съ той самой поры ни одинъ должникъ ему не платитъ! Адвокатъ со стороны обвиняемаго провизнесъ въ его защиту рѣчь, въ которой между прочимъ высказалъ слѣдующія возраженія: «говорятъ, что Брыкунъ — чаровникъ, что молва объ этомъ существуетъ уже десятки лѣтъ; но почему-же никто не доносилъ на него прежде? Почему въ тотъ самый годъ, какъ умерла жена Якова Трлстаго, не было сдѣлано никакого протеста? мужъ ея не жаловался. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно Кожемяки; когда онъ скончался, ни жена, ни дѣти его не протестовали. Яско Павловичъ считаетъ Брыкуна виновникомъ своей бѣдности; но спросите его: когда онъ былъ богатъ? Лѣтъ пять, какъ появился онъ въ Полоцкѣ, а до того возилъ дрова на продажу — тѣмъ только и кормился, и съ какимъ состояніемъ пришелъ сюда, съ такимъ и остался. Да и мало ли на свѣтѣ людей обдѣяло и за долги сидятъ въ тюрьмахъ? Что-же, во всемъ этомъ виноватъ Брыкунъ? Вотъ и Кондратовичъ позабиралъ денегъ въ долгъ, растратилъ ихъ и за неплатежъ попалъ въ тюрьму; такъ неужели-жъ Брыкунъ этому причиною? Иванъ Быкъ жалуется, что у него въ дому несогласіе и ссоры; и не диво: самъ онъ человекъ упрямый, а жена его и дѣти — тоже! Что-же касается разсказа о дровахъ, то это — просто вымыселъ». Показаніе Хараковича защитникъ объяснилъ опьяненіемъ, а не чарами: «мало ли чего пьянымъ не грезится!» Также критически отнесся онъ и къ прочимъ пунктамъ обвиненія. При обыскѣ найдены были у Брыкуна узелки съ пескомъ и перцемъ, и когда ихъ представили на судъ, то несчастный

побѣдѣлъ и затрясся отъ страху. Его пытали огнемъ и встряскою (сіаgnіеніемъ на drabіne), но онъ ни въ чемъ не сознался. Судъ приговорилъ Брыкуна къ сожженію, вмѣстѣ съ найденными у него волшебными наузами, и назначилъ день казни. Брыкунъ не дожидъ до этого дня; онъ перерѣзалъ себѣ ножемъ горло. Трупъ его вывезли въ поле и сожгли рукою палача ¹⁾).

Въ 1606 году поданы были въ Пермь двѣ любопытныя жалобы; оба челобитчика сдѣзали извѣтъ — одинъ на крестьянина Тренку Талева, что тотъ напустилъ икоту на его жену, а другой на посадскаго Семейку Ведерника, который будто бы напустилъ икоту на его товарища по торговлѣ; обвиняемыхъ пытали и вкинули въ тюрьму. Тренку жгли на розыскъ огнемъ и были ему три встряски, а Семейку приводили къ пыткѣ два раза. Мнимыя преступники жаловались въ Москву государю — на поклепъ и несправедливое истязаніе, почему велѣно было произвести повальный обыскъ; попы по священству, а посадскіе люди и волостные крестьяне подъ присягою должны были показать: пускаютъ ли порчу Тренка Талевъ и Семейка Ведерникъ? и буде обыскные люди очистятъ ихъ, скажутъ, что они тѣмъ не промышляютъ, то немедленно отпустить ихъ на свободу ²⁾). Томительная икота и донынѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи считается нечистымъ духомъ, котораго чародѣи насылаютъ по вѣтру на

¹⁾ Археограф. Сборн. документовъ, относящ. къ ист. сѣверо-запади. Руси, I, 295—7, 338—346. Здѣсь-же напечатаны: а) завленіе полоцкаго мѣщанина Василія Паука (1638 г.) объ очарованіи его дома: кто-то, явившись ночью, обилгъ у него невидимо чѣмъ ворота и стѣны, въ чемъ Паукъ усматриваетъ чару на свое собственное здоровье и на здоровье своей жены и дѣтей; б) протестъ пана Лисовскаго (1640 г.) на мѣщанина Старымовича, который напустилъ „своей радю и намовою“ въ его домъ таракановъ (ibid., 307, 323). — ²⁾ Аж. Ист., II, 66.

своихъ враговъ и супротивниковъ; бѣсъ поселяется въ чело-
вѣка и мучитъ его. Обвиненія въ насланіи нкоты продолжаютъ
волновать сельское населеніе и еще недавно вызывали вмѣша-
тельство мѣстныхъ судовъ (см. стр. 66). Тоже воззрѣніе
распространяется и на болѣзни, сопровождаемыя конвульсі-
ями, каковы: падучая и витова пляска. Страдающіе этими неду-
гами извѣстны въ народѣ подъ общими названіемъ «кликושъ».
Подъ вліяніемъ глубоко-коренящагося суевѣрія, кликуши
выкрикиваютъ проклятія и жалобы на тѣхъ, кого подозрѣва-
ютъ въ своей порчѣ. Въ старину появленіе кликушъ было ве-
личайшимъ несчастіемъ для всей общины; ихъ болѣзненный
бредъ принимался съ полнымъ довѣріемъ и вызывалъ судеб-
ныя преслѣдованія. По одному оклику бѣснующейся бабы бра-
ли оговореннаго ею челоѣка къ допросу, подвергали пыткамъ
и вымучивали у него признаніе въ небываломъ преступленіи.
Кликушество сдѣлалось наконецъ самымъ обыкновеннымъ и
вѣрнымъ способомъ истить за обиды и недружбу: стоило толь-
ко прикинуться кликушею, чтобы подвергнуть своего врага
страшнымъ истязаніямъ и даже смертной казни. Сверхъ того,
кликлуши служили орудіемъ корыстолюбивыхъ дьяковъ и вое-
водъ, которые нарочно подущали ихъ оговаривать богатыхъ
людей, и потомъ, пользуясь обвиненіемъ, обирали чужое добро.
Въ 1669 г. предписано было дознаться въ Шуѣ, какія и отъ
кого именно бываютъ порчи посадскимъ людямъ, ихъ женамъ
и дѣтямъ, да накрѣпко распросить Микишку, какое воровство
онъ вѣдаетъ за Григорьемъ Трофимовымъ, что его де надо
«въ срубѣ сжечь»? Въ слѣдующемъ году ото всего посаду го-
рода Шуи подано было такое явочное челобитье: «въ прошлыхъ
и въ нынѣшнемъ годѣхъ пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному
образу пресв. Богородицы Смоленскія со многихъ городовъ и
судовъ всякихъ чиновъ люди молитися — мужескій и жен-
ескій полъ и дѣвичъ; а привозятъ съ собою всякихъ чиновъ

«людей, различными скорбми (одержимых)... и которые при-
 «ѣзжіе люди и шуянь посацкихъ людей жены и дѣти одержи-
 «ми отъ нечистыхъ духовъ, страждущіе, въ божественную
 «литургію и въ молебное время мечтаются всякими различны-
 «ми кознодѣйствы и кличуть въ порчѣ своей стороны на уѣзд-
 «ныхъ людей, что де ихъ портятъ тотъ и тотъ человекъ. И
 «въ прошломъ году страдала отъ нечистаго духа шуянина по-
 «сацкаго человекъ Ивашкова жена Мауріна, Иринка Ѳеodoro-
 «ва, а кликала въ порчѣ своей на шуянина посацкаго человекъ
 «ка, на Ѳедьку Якимова; и по твоему великаго государя ука-
 «зу, по тое Ивашковы жены Маурина выключки, тотъ Ѳедька
 «Якимовъ взять въ Суздаль и кончился злою смертію
 «(конечно, на пыткѣ). А нынѣ та Иринка и уѣздные люди,
 «страждущіе отъ нечистыхъ духовъ, кличуть въ порчахъ на
 «сныхъ шуянь посацкихъ людей» — на Ивашку Телегина съ
 товарищи ¹⁾ Заявленіе это сдѣлали шуяне въ съѣзжей избѣ
 воеводѣ—для того, какъ они выразились, «чтобы намъ всѣмъ
 шуяномъ посацкимъ людшкамъ въ томъ не погибнуть, и въ
 пѣнѣ и въ опалѣ не быть; а кто тѣхъ страждущихъ, скорб-
 ныхъ людей портить, про то мы не вѣдаемъ». Въ 1671 году
 заявилъ въ шуянской земской избѣ посадской человекъ Ѳедька
 Саратовцовъ: «была де у нихъ свадьба, женился братъ его
 Степка, и на той де свадьбѣ учинилась надъ матерью ихъ Ѳе-
 доркою и надъ снохою Овдотьцею скорбь—почали быть безъ
 ума и безъ памяти, стали кликать въ порчѣ; а отпускалъ де
 ту свадьбу отъ всякаго лиха Гришка Трофимовъ сынъ Па-
 нинъ». Въ 1674 г. поступило явочное челобитье отъ шуяни-
 на Гришки Юешина на Ѳедосью, жену Степана Иконника, ко-

¹⁾ Въ другой челобитной сказано: «а послѣ того Оринка въ
 порчѣ кличетъ на Ѳедькину жону на Онтонидку, Ѳадъеву дочь,
 будто она Онтонидка ея Оринку портила и послѣ мужа своего Ѳедь-
 ки Якимова».

торая бранила его всякою бранью и поносными словами, да звела на него злохитрымъ своимъ умысломъ, будто онъ ее испортилъ ¹⁾. Чтобы противодействовать этой нравственной заразе, Петръ Великій указомъ своимъ 1715 года повелѣлъ хватать кликушъ обоого пола и приводить въ приказы для розыска, дѣйствительно ли они больны, или нарочно наклидываютъ на себя порчу? Въ указѣ приведенъ слѣдующій примѣръ притворнаго кликушества: въ 1714 г. въ Петербургѣ плотничья жена Варвара Логинова стала кричать, что она испорчена. Взятая къ допросу, она повинилась, что кричала нарочно: случилось ей быть въ гостяхъ, вмѣстѣ съ своимъ деверемъ; тамъ произошла ссора, и деверя ея прибили. Желая отомстить за родича, Варвара умыслила обвинить своихъ недруговъ въ порчѣ, и спустя нѣсколько дней послѣ драки стала выкрикивать дома и въ церкви, раза по два и по три въ недѣлю, какъ-бы въ совершенномъ безпамятѣи ²⁾. Въ 1770 году, въ яренскомъ уѣздѣ, вологодской губерніи, нѣсколько бабъ и дѣвокъ притворились кликушами и по злобѣ на разныхъ лицъ стали оговаривать ихъ въ порчѣ. Оговоренные были схвачены, привезены въ городъ, и тамъ подъ плетьми вынуждены были признать себя чародѣями и чародѣйками. Одна изъ этихъ шнымыхъ преступницъ (по ея собственному сознанию) напускала порчу по вѣтру посредствомъ червей, полученныхъ ею отъ дьявола; она доставила судьямъ и самымъ червей, а тѣ препроводили ихъ въ сенатъ; оказалось, что это—личинки обыкновенныхъ мухъ. Сенатъ отрѣшилъ за такое невѣжество городскія власти отъ мѣстъ, а кликушъ, за ихъ ложныя обвиненія, приговорилъ къ наказанію плетьми; да и впредь подобныхъ кликальщицъ предписалъ наказывать и оговорахъ ихъ не вѣрить ³⁾.

¹⁾ Опис. гор. Шуи Борисова, 338—340, 345, 456; Старин. акты, слушаш. дополненіемъ къ Описанію г. Шуи, 193—5, 199. — ²⁾ Полн. Собр. Зак., V, 2906. — ³⁾ Библ. для Чт. 1859, VIII, 9—10.

Вѣяніемъ колдовства объяснялись не только болѣзни, но и всякія житейскія неудачи. Въ 1660 г. заявилъ лѣ съѣзжей избѣ на Тюмени кречатій помощникъ Дмитрій Головинъ: «въ прошломъ де году онъ Митька не добылъ кречета, потому что де на него хвалили кречатъи помощники Ѳедька Онохинъ съ братомъ съ Ивашкомъ съ Меншикомъ, и говорили ему, что де тебѣ не добыть кречета, и надъ нимъ де Митькою Ѳедька съ братью вѣдовалъ; да кто подлѣ нихъ и рыбу ловить, ино де ничего не добудутъ... Да пашенной же крестьянинъ Ивашко Букинъ сказывалъ ему Митькѣ: за то де надъ тобою Ивашко Онохинъ и похимостилъ (поколдовалъ ¹⁾), что де ты его бранилъ; а онъ де Митька его Ивашка не бранивалъ ²⁾).

Царскія свадьбы въ старину также рѣдко обходились безъ подозрѣній въ зломъ чародѣйствѣ, какъ теперь не обходятся безъ нихъ свадьбы поселянъ. В. кн. Симеонъ Гордый, по кончинѣ первой жены своей въ 1345 г., сочетался бракомъ съ Евпраксіей, дочерью одного изъ князей смоленскихъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу — для того, что «великую княгиню на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ, и она ему покажется мертвецъ ³⁾).

Третья жена Ивана Грознаго Марѳа Васильевна Собакина, дочь новгородскаго купца, занемогла еще невѣстою, стала сохнуть и черезъ двѣ недѣли послѣ брака скончалась, что также приписано порчѣ злыхъ людей ⁴⁾). И первыя заботы о семейномъ счастіи царя Михаила Ѳедоровича были неудачны: когда не состоялась его свадьба на Марью Ивановнѣ Хлоповой ⁵⁾, онъ взялъ за себя княжну Марью Владиміровну

¹⁾ Обл. Сл., 174, 247. — ²⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, отдѣл. 6, 57. — ³⁾ [Родословн. книга, II, 207. — ⁴⁾ Карамз. И. Г. Р., IX, 187 (изд. 2-е). — ⁵⁾ По мысли царя взята была ко двору «въ верхъ» дѣвица Марья Ивановна Хлопова и объявлена царскою невѣстою; вскорѣ она заболѣла, обкушавшись сластями. Михайло Салтыковъ донесъ государю, что болѣзнь у Хлоповой

Долгорукову; но она вскорѣ умерла, и лѣтопись утверждаетъ, что царица была испорчена: «грѣхъ же нашихъ ради отъ начала врагъ нашъ дѣволъ, не хотѣй добра роду хрестыянскому, научи врага челоуѣка своими дьявольскимъ ухищреніемъ испортиша (-ти) царицу Марью Володимировну, и бысть государыня больна отъ радости (т. е. со дня свадьбы, которая совершилась 18-го сентября) до Крещенія Господня», а въ

вой великая и нельзя часть долгаго живота ей, вслѣдствіе чего она была сослана, вмѣстѣ съ своими родичами, въ Tobольскъ, откуда послѣ переведена въ Нижній. Въ 1623 г. дѣло это было поднято снова, такъ какъ до царя дошли слухи, что невѣста его, со времени отсылки ея, находится въ вождѣленномъ здравіи. Врачи, лѣчившіе невѣсту, сказали, что болѣзнь ея была ничтожная и легко-излѣчимая; а Хлоповы обвиняли во всемъ окольничихъ Михайлу да Бориса Салтыковыхъ. Дядя невѣсты, Гаврило Хлоповъ показалъ: „ходилъ государь въ Оружейную палату и смотрѣлъ оружейныя казны, и поднесли де къ государю турецкую саблю и почали хвалить, и Михайло де Салтыковъ учалъ говорить, что и на Москвѣ государевы мастера такую саблю сдѣлають. И государь де пожаловалъ, тое саблю далъ въ руки ему Гаврилѣ и говорилъ ему: часть ли онъ, что такую саблю сдѣлають на Москвѣ? и онъ де говорилъ, что сдѣлають, только, чаю, не такову, какова та. И Михайло де тое саблю у него изъ рукъ вырвалъ и молвилъ, что онъ говорить не знаючи. И онъ де за то съ Михайломъ побранился и поговорилъ съ Салтыковыми гораздо въ разговоръ, и съ тѣхъ де мѣсть Борисъ да Михайло Салтыковы любить ихъ не учали. А послѣ того, недѣли съ двѣ спустя, учала Марья Иванова дочь Хлопова понемогати и почала блевати часто, и чаетъ де отъ сладкихъ ядей, потому что ѣдала сласти“. Марья Хлопова показала, что рвало и ломало ее, и опухоль была, а думаетъ, что то учинилось отъ супостатъ ея. Результатомъ слѣдствія была ссылка Салтыковыхъ съ ихъ женами въ Галичь и Вологду, такъ какъ они для своей недружбы съ Хлоповыми „любятъ ихъ не почали—для того, чтобы одними быть при государѣ, и ихнею смутою почала быти Марья Хлопова больна“. Больной невѣстѣ (какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла) давали пить св. воду съ мощей да камень безуй—Собр. Гос. Гр. и Док., III, 63—65, 98. Въ 1655 г. доставлены были въ аптекарской приказъ три рога инроговые, и докторъ Граманъ

Крещенье предала душу свою Богу ¹⁾. Известна печальная судьба первой невесты царя Алексѣя Михайловича, дочери Рафа Всеволожскаго. Котошихинъ говоритъ, что избранную невесту испортили жившія во дворцѣ матери и сестры знатныхъ дѣвицъ, упоивъ ее изъ-зависти отравами; а по свидѣтельству Коллинса, когда, по принятому свадебному обряду, расчесывали и окручивали невестѣ волосы, то назначенныя къ тому женщины нарочно завязали ей косу такъ крѣпко, что бѣдная дѣвушка упала въ обморокъ. Тогда ее огласили страдающею падучей болѣзною; отца ея высклѣи кнутомъ, и вмѣстѣ съ дочерью сослали въ Сибирь; но послѣ царь узналъ истину и назначилъ своей бывшей невестѣ двойное содержаніе ²⁾. Разсказъ Коллинса подтверждается отчасти и нашими оффиціальными актами: въ 1647 году царь Алексѣй указалъ послать въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь подъ крѣпкое начало крестьянина Мишку Иванова «за чародѣйство и косный разводъ и за наговоръ, что объявились въ Рафовѣ дѣлѣ Всеволожскаго» ³⁾. Изъ челобитной боярина Матвѣева, на которую укажемъ ниже подробности, видно, что враждебная ему

осмотря ихъ, сказалъ, что тѣ роги—прямые (настоящіе) и помогаютъ въ лихорадкѣ, огневой (горячкѣ), отъ морового повѣтрія, въ черной немочи и когда укусить змѣя, „а принимать того рога противъ двенадцати зеренъ съ каменемъ безуемъ—съ теплымъ ренскимъ или въ романей“; роги оцѣнены: два большихъ въ 5000 р., а меньшей около 1000 руб. — Доп. къ Ак. Ист., IV, 9. Встрѣчается еще упоминаніе о камнѣ безваръ: въ 1587 г. эрцгерцогъ австрійскій Максимилианъ прислалъ въ даръ Федору Ивановичу этотъ камень, „взявъ изъ казны отца своего, а имѣеть силу и лѣтбу великую отъ порчи“ — Памятн. дипломат. снош., I, 972, 980. —

¹⁾ Никон. лѣт., VIII, 247—8. — ²⁾ Съ 1653 года дѣвицъ Всеволожской дозволено было проживать въ касимовской деревнѣ. —

³⁾ Котоших., 5; Ч. О. И. и Д., годъ 1-й I (Коллинсъ), 4—5; Свѣ. Архивъ 1822, II, 152—3 (письмо шведск. повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ 1647 года); Ак. Арх. Эксп., IV, 18; Ак. Ист., IV, 59; Собр. Гос. Гр. и Дог., III, 155.

боярская партія, стараясь помѣшать браку царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловною Нарышкиною, прибѣгнула для этого къ обычному оговору въ волшебствѣ. Понятно теперь, почему такъ заботливо старались оберегать на царскихъ свадьбахъ и жениха, и невѣсту, и ихъ платье («стряпню»), и мѣста для сидѣнья, и подаваемые ѣствы и напитки. Ежедневная жизнь царской семьи обставлялась тѣми-же заботами; зорко слѣдили за всякими попытками къ чародѣйству и порчѣ, и непрерывно возникали дѣла о волшебствѣ. Отъ XVII-го вѣка сохранились въ архивахъ нѣкоторые изъ этихъ любопытныхъ дѣлъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что на Москвѣ, въ разныхъ концахъ города, жили бабы-ворожейки или колдуньи, къ которымъ прибѣгали боярскія и иныхъ сословій жены просить помощи противъ супружеской ревности, совѣтоваться о своихъ любовныхъ интригахъ и о средствахъ, какъ умѣрять мужнинъ гнѣвъ или изводить недруговъ. Въ 1635 г. одна «золотная» мастерица выронила во дворцѣ платокъ, въ которомъ былъ завернутъ корень. По этому поводу произвели розыскъ. Мастерица — на вопросъ: гдѣ она взяла корень и зачѣмъ ходить съ нимъ къ государю?—отвѣчала, что корень нелихой, а носить его при себѣ «отъ сердечной боли, что сердцемъ больна». Жаловалась она одной жонкѣ, что до нея мужъ лихъ, и та жонка дала ей корень обратимъ (т. е. обращающій на любовь), а велѣла класть его на зеркальное стекло, и глядась въ то зеркало, приговаривать: «какъ люди въ зеркало смотрятся, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не насмотрѣлся!» Тогда мужъ будетъ къ ней ласковъ и милостивъ ¹⁾. На цар-

¹⁾ Такова была вѣра въ силу «приворотныхъ кореньевъ». Изъ розыскныхъ дѣлъ видно, что и любовь Петра Великаго къ Екатерיןѣ, и расположение его къ Меншикову объяснялись въ народѣ тѣмъ, будто бы она и Меншиковъ обвели государя кореньемъ—Зрѣмя 1862, IV, стат. Семейскаго: «Семейство Монсовъ», 316.

сконъ же дворѣ она никого портить не хотѣла и съ иными корешницами не знается. Золотную мастерицу и ту жонку, на которую она сослалась, пытали и потомъ отравили въ ссылку въ дальніе города. Другое подобное дѣло было въ 1638 году; оно возникло вслѣдствіе ссоры нѣсколькихъ мастерицъ изъ-за какой-то пропажи. Подъ вліяніемъ личнаго озлобленія, сдѣланъ былъ извѣтъ на мастерицу Дарью Ламанову, что она сыпала порошокъ на слѣдъ государыни царицы и говорила: «только-бъ мнѣ умилить царское и царицыно сердце, а другіе мнѣ дешевы!» Ее допрашивали, и она, обливаясь слезами, призналась: ходила она къ бабѣ-ворожейкѣ, что людей приворачиваетъ и у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаетъ; баба эта наговаривала ей на соль и мыло и приказывала соль давать мужу въ ѣствѣ, а мыломъ умываться самой, и увѣрала, что послѣ того мужъ станетъ молчать — что-бъ она ни дѣлала, хотябъ воровала (любилась) съ другими. Наговоры были слѣдующіе: «какъ де соль въ ѣствѣ любятъ, такъ (бы) мужъ жену любилъ!» «сколь де мыло борзо смоеся, столь бы (скоро) мужъ полюбилъ; а какова рубашка на тѣлѣ бѣла, столь бы мужъ былъ свѣтелъ!» И другою мастерицѣ таже колдунья давала наговоренную соль -- для того, чтобы мужъ ея былъ добръ до дѣтей. Кромѣ того, дознались, что Дарья Ламанова приносила къ бабѣ-ворожейкѣ оторванный воротъ отъ своей рубашки ворожея сожгла воротъ на шесткѣ, и спросивъ: прямое ли имя Авдотья? ¹⁾ — наговорила и велѣла тотъ пепелъ сыпать на государскій слѣдъ, чтобы царь, царица и ихъ ближніе люди были милостивы къ Дарьѣ и ко всѣмъ ея челобитьямъ. Привлеченная къ дѣлу колдунья объявила, что зовутъ ее Настасьицею, родомъ черниговка, замужемъ за литвиномъ Янкою, а учила ее вѣдов-

¹⁾ Царицу звали Евдокіей Лукьяновной; это была вторая жена Михаила Фёдоровича.

ству другая баба. Привели эту последнюю, и на допросъ она показала, что умываетъ малыхъ дѣтей, уговариваетъ болѣзнь жабу и наметываетъ на животъ горшки, а ворожбу эту оставила ей покойная мать; да и не одна она промышляетъ такимъ ремесломъ: есть на Москвѣ многія ворожейки — Ульяна слѣпая и другія, къ которымъ ходятъ всякіе люди. Собрали и остальныхъ ворожеекъ, допрашивали, грозили, пытали огнемъ, и вотъ все, что узнали изъ ихъ показаній: если кто страдаетъ лихорадкою или сердечной тоскою, тому онѣ наговариваютъ на вино, чеснокъ и уксусъ; отъ грыжи наговариваютъ на громовую стрѣлку и медвѣжьей ноготь, и съ той стрѣлки и ногтя заставляютъ больныхъ пить воду, причитывая слѣдующія слова: «какъ де старой жонкѣ дѣтей не раживать, такъ-бы у раба (имярекъ) грыжи не было!» Если у кого пропадетъ что-нибудь, тому ворожейки гадаютъ по сердцу, какъ оно трепещетъ; у которыхъ торговыхъ людей залежится товаръ, тѣмъ приказываютъ умываться наговорнымъ медомъ, а на медъ онѣ наговариваютъ: «какъ де пчелы ярая роятся да слетаются, такъ-бы къ торговымъ людямъ покупатели сходились!» Мастерницу Дарью и вѣдунью Настасьицу допрашивали съ пытокъ: не было-ль къ нимъ подсылу отъ польскаго короля, чтобъ они портили царя и царицу? не даромъ де въ послѣдніе годы великая государыня стала ведомогать и печалиться, царевичи Иванъ и Василій Михайловичи померли, а промежъ царя и царицы въ любви стало не по прежнему; не дѣлала-ль чего Дарья къ отвращенію ихъ государей между собою? Ни мастерница, ни вѣдунья въ этихъ умышлахъ не созналась. Отъ жестокихъ истязаній Настасьица и Ульяна слѣпая померли во время производства розыска; прочія ворожейки разсланы были по дальнимъ мѣстамъ: Дарью Ламанову съ мужемъ сослали въ Пелымъ, а прикосновенныхъ къ дѣлу мастерницъ велѣно было отставить отъ двора и впредь въ царицыномъ чину имъ

не числятся ¹⁾. Въ одномъ сыскномъ дѣлѣ, хранящемся въ архивѣ Оружейной палаты, постельница Домна Борисова дала показаніе, будто царица Евдокія Лукьяновна какъ скоро найдетъ гдѣ людскіе волосы — тотчасъ сучить изъ нихъ свѣчки и сжечь, а потомъ жалуется, что ее портятъ постельницы ²⁾. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1648 г. дворницы золотной мастерицы Ульяны Яхонинной: вдова Аленка Ѳедотова да иноземцева жена Марьяца, обѣ напившись пьяны, стали промежь себя драться, попрекать одна другую кореньемъ, и Марьяца говорила Аленкѣ: «ты де мнѣ сказывала, что видѣла золотную мастерицу Анну Коробанову, какъ она сквозь перстень провалякивала полотенце тонкое, и съ тѣмъ де полотенцемъ та Анна входила въ верхъ (во дворецъ) — въ свѣтлицу». Случившійся при этомъ боярскій сынъ Ѳедоръ Яхонинъ отдалъ Аленку и Марьяцу рѣшоточнымъ сторожамъ, за пристава, и донесъ о слышанной имъ побранкѣ царицыну дворецкому да дяку. Аленка и Марьяца потребованы были къ допросу, но обѣ заперлись, что такихъ словъ говорено не было. Послѣ нѣсколькихъ очныхъ ставокъ, послѣдняя показала: «сказывала ей Аленка Ѳедотова, будто де мастерица Анна Коробанова сквозь перстень провалякивала полотенце, а тѣ де рѣчи слышала она у ней Аленки у пьяной, какъ она Ман(ь)ку бранила, риясь тому, что де еѣ Манкинъ братъ родной живетъ у мастерицы у Анны Коробановой». Къ сожалѣнію, конецъ этого розыскаго дѣла утратился, и къ какимъ открытіямъ

¹⁾ Комета, альманахъ Н. Щепкина, стат. Забллина: „Сыскныя дѣла о ворожеяхъ и колдуньяхъ“, 477—492. — ²⁾ Сообщено И. Е. Забллиннымъ. Въ книгу полоцкой ратуши за 1643 г. занесено заявленіе служки Петра Мартиновича, что невдомымъ чело-вѣкъ, чаруя надъ его домомъ, подбросилъ къ нему въ кашку съ водою пучокъ женскихъ волосъ.—Археогр. сбор. документ. сѣверозап. Русс., I, 324.

оно привело — остается неизвестным¹⁾. Из старинных актов, уцѣлѣвшихъ въ сибирскихъ архивахъ, видно, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ссылались въ Якутскъ и Енисейскъ люди, обличенные въ чернокнижїи и въ «тайномъ богомерзскомъ общенїи съ нечистою силою»; мѣстнымъ властямъ наказывали содержать подобныхъ преступниковъ, какъ можно, строже, сажать ихъ въ тюремныя каюты отдѣльно, приковывать къ стѣнѣ на цѣпь и отнюдь не допускать къ нимъ никого посторонняго. Встрѣчается еще любопытное извѣстїе, что чародѣевъ истомляли жаждою; такъ въ одной грамотѣ предписано было не давать воды Максиму-мельнику, сосланному въ Сибирь за волшебство, потому что «онъ, Максимъ, многожды уходилъ въ воду» (сравни выше стр. 589²⁾).

Знаменитый Никонъ, низверженный съ патріаршаго престола и заточенный въ бѣлозерскомъ Терапонтовомъ монастырѣ, задумалъ отомстить своимъ врагамъ, возбудивъ въ Алексѣѣ Михайловичѣ опасенїе волшебныхъ чаръ и недовѣріе къ ближнимъ боярамъ. Въ октябрѣ 1668 года явился отъ него въ Москву монахъ Флавіанъ и подалъ письмо, въ которомъ говорилось: отпущенъ де Флавіанъ къ государю объявить про великое дѣло, что на Москвѣ измѣнники царскїе хотятъ очаровать его государя. Бояре, въ присутствїи самого Алексѣя Михайловича, спрашивали старца Флавіана, въ чемъ состоитъ великое дѣло? Тотъ отвѣчалъ: на Петровъ постъ пришелъ въ Терапонтову обитель Воскресенскаго монастыря чернецъ Палладїи и объявилъ Никону, что былъ онъ въ Москвѣ на Кирилловскомъ подворьїи, и сказывалъ ему черный попъ Іоиль про окольногочаго Федора Ртищева; просилъ де его Ртищевъ: «сдѣлай то, чтобъ мнѣ у великаго государя быть первымъ бояриномъ.»

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд.; II, отд. 6, 58—61. — ²⁾ Рус. Сл. 1861, VIII, ст. И. Сельскаго («Ссылка въ восточн. Сибирь за жьчат. лицъ»), 6.

Юль възразилъ: «миѣ этого сдѣлать нельзя, а есть у тебя во дворѣ жонка-цыганка, которая умѣетъ эти дѣла дѣлать лучше меня!»—Жонкѣ говорить про то нельзя, сказалъ Ртищевъ, потому что она хочетъ за меня замужъ. Вслѣдъ затѣмъ Никонъ прислалъ письмо, въ которомъ излагалъ рѣчи Палладія, но вмѣсто Ртищева и цыганки указывалъ на боярина Богдана Матвѣевича Хитрово и жонку-литовку. По свидѣтельству этого письма, Юль говорилъ Палладію: «Никонъ меня не любитъ, называетъ «колдуномъ и чернокнижникомъ; а за мною ничего нѣтъ, только «я умѣю звѣздочетіе — то у меня гораздо твердо учено! Меня «и въ верхъ государь бралъ, какъ болѣла царевна Анна, и я «сказалъ, что ей не встать, чтò и сбылось; и миѣ государь «указалъ жить въ Чудовѣ, чтобъ (быть) поближе. Миѣ и Бог- «данъ Хитрой — другъ и говорилъ миѣ, чтобъ я государя оча- «ривалъ, чтобъ государь больше всѣхъ его Богдана любилъ «и жаловалъ, и я, помни государеву милость къ себѣ, ему «отказалъ; и онъ миѣ сказалъ: нишкни-же! И я ему молвилъ: «да у тебя литовка то умѣетъ; здѣсь на Москвѣ нѣтъ ея «силнѣе. И Богданъ говорилъ: это такъ, да лихо запросы «велики — хочетъ, чтобъ я на ней женился; и я бы взялъ ее, «да государь не велить.» Призваны были къ допросу Юль и Палладій; первый объявилъ, что приходилъ къ Палладію лѣчить его и, кромѣ болѣзни, ни о чемъ другомъ съ нимъ не разговаривалъ, а у Хитрова никогда и на дворѣ не бывалъ; Палладій подтвердилъ тоже, и добавилъ, что приписанныхъ ему рѣчей Никону вовсе не сказывалъ: «вольню старцу Никону меня поклепать, онъ затѣвать умѣетъ!» Юля подвергли обыску и нашли у него книгу «счету звѣздарскаго», напечатанную въ 1586 г. въ Вильнѣ, книгу письменную лунамъ и днямъ, паанитамъ и рожденіямъ человѣческимъ, тетрадку о пусканіи крови жильной и рожечной и записку — кого Юль выгнчалъ. Разнорѣчіе между показаніемъ Флавіана и

письмомъ Никона и разныя обвиненія, которыя въ то же время пали на бывшаго патріарха, заставили извѣтъ его оставить безъ вниманія ¹⁾).

Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича замѣчательно дѣло о заточеніи ближняго боярина Артамона Сергѣича Матвѣева, любимца покойнаго государя. Враги не могли придумать лучшаго средства для отдаленія Матвѣева отъ двора и правительства, какъ обвинивъ его въ чародѣйствѣ. Это тѣмъ легче было исполнить, что бояринъ Артамонъ Сергѣичъ любилъ сближаться съ иностранцами и цѣнилъ научныя знанія; десятилѣтній сынъ его, Андрей, учился языкамъ греческому и латинскому подъ руководствомъ переводчика посольскаго приказа Спафари; а въ тотъ вѣкъ достаточно было имѣть при себѣ какую-нибудь иностранную книгу и медицинскія пособія, чтобы возбудить подозрѣніе въ волшебствѣ. По свидѣтельству Олеарія, во время пожара, бывшаго въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, у одного нѣмца-живописца нашли черепъ и только по этому хотѣли сжечь его, какъ волшебника; при стрѣлецкихъ смутахъ докторъ фонъ Гадектъ заплатилъ жизнью за то, что у него въ домѣ нашлись сушенныя змѣи. Вслѣдствіе подговора, Давыдко Берловъ, лѣкарь, и карло Захарка, проживавшій въ домѣ Матвѣева, донесли на него, будто-бы онъ виѣстѣ съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ Спафари, запершись въ палатѣ, читали черную книгу, и въ то время явилось къ нимъ множество нечистыхъ духовъ. По этому доносу Матвѣевъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Пустозерскій острогъ; боярство у него отнято, а имѣнія отобраны въ казну. Матвѣевъ нѣсколько разъ писалъ въ Москву къ государю, патріарху и боярамъ, стараясь оправдаться во взведенномъ на него преступленіи; но попытки эти не имѣли успѣха. Въ одной челобитной его, писанной на имя царя, интересны слѣдую-

¹⁾ Исторія Рос. Соловьева, XI, 379—383.

ція строки, изъ которыхъ видно, что подобныя доносы въ старой, допетровской Руси были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, характеристической чертою тогдашняго быта: «При великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, говоритъ Матвѣевъ, также ненависти ради подкинули письмо воровское на боярина Н. Д. Милославскаго (будущаго тестя царя Алексѣя), будто онъ имѣетъ у себя перстень волшебной думнаго дьяка Грамотина, и по тому воровскому письму немного не пришелъ въ конечное разореніе: былъ за приставомъ много время, животы пересмотриваны и запечатаны были и ничего не найдено... и за свою невинность освобожденъ... А при великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ также завистію и ненавистію извѣтъ «былъ составной-же и наученой о волшебствѣ на боярина С. Л. Стрѣшнева, и за тотъ извѣтъ страдалъ невиннѣ, честь (т. е. боярство) была отнята и сосланъ былъ на Вологду, а животы и помѣстья и отчины и дворы не отняты. Да и на многихъ, великій государь, такихъ воровскихъ писемъ было, а на иныхъ и въ смертномъ страху были... А и я, холопъ твой, отъ ненавидящихъ и завидящихъ при отцѣ же твоёмъ государевѣ великомъ государѣ немного не пострадалъ: также воры, составя письмо воровское подметное, кинули въ грановитыхъ стѣнѣхъ и въ проходныхъ, и хотѣли учинить божіей волѣ и отца твоего государева намѣренію и къ супружеству — второму браку препону, а написали въ письмѣ «кореня» ¹⁾).

Князь М. Щербатовъ замѣтилъ, что «наипросвѣщеннѣйшій мужъ въ Россіи князь Василій Васильевичъ Голицынъ (извѣстный наперсникъ царевны Софіи) гадателей призывалъ и на мѣсяцъ смотрѣлъ о познаніи судьбы своей» ²⁾. Отзывъ

¹⁾ Исторія о невинн. заточеніи ближн. боярина А. С. Матвѣева (1785 г.), 11, 161—3. — ²⁾ О. З. 1858, III, 240.

этотъ подтверждается официальными документами. Во время крымскаго похода, кн. Голицынъ, извѣщая Шакловитаго о безвѣрномъ письмѣ, въ которомъ писано было къ малоруссамъ, чтобъ пребывали съ крымцами въ миру: «Москва де вамъ не вѣритъ, и большаго вашего хотятъ убить», — прибавляетъ: «и то, чаю, вѣдали они по чарованью нѣкому». Въ 1689 году, по его челобитью, пытанъ былъ въ земскомъ приказѣ Иванъ Бунаковъ за то, что вынималъ княжой слѣдъ. Изъ дѣловыхъ бумагъ розыскаго приказа узнаемъ, что кн. Голицынъ совѣщался съ колдунами, и опасаясь, чтобы не остыла къ нему любовь Софiи, прибѣгалъ къ чарамъ: какой-то знахарь давалъ ему травы, и князь сыпалъ ихъ для «прилюбленiя» въ ѣствы, подносимыя царевнѣ, а потомъ того знахаря велѣлъ сжечь въ банѣ, дабы не было отъ него проносу. Такое показанiе далъ Сильвестръ Медвѣдевъ, а ему про то сказывалъ иконникъ Васька Владимiровъ. Ваську взяли къ допросу, пытали, и онъ повторилъ тѣже самыя рѣчи. Обращалась къ колдунамъ и прорицателямъ и царевна Софiя; для предварительнаго испытанiя, она обыкновенно посылала ихъ къ Медвѣдеву, который и самъ занимался астрологiей, гадалъ по звѣздамъ и предсказывалъ будущее. Между волхвами особеннымъ довѣрiемъ ея пользовался Димитрiй Силинъ, вызванный царевною изъ Польши лѣчить болѣзненныя очи царю Ивану Алексѣевичу; года съ три жилъ онъ въ кельѣ Медвѣдева, увѣрялъ, что умѣетъ глядѣть въ солнце и угадывать: что кому будетъ, зналъ заговаривать грыжу, пособлять женѣ и мужу и вылѣчивать отъ болѣзней живота. Силинъ врачевалъ на Москвѣ многихъ, въ томъ числѣ и князя Голицына: щупалъ ему животъ и нашелъ, что князь «любитъ чужбину, а жены своей не любитъ». Этому пришелицу Медвѣдевъ открылъ, что царевна хочетъ выйдти замужъ за Голицына, Шакловитаго намѣрена сдѣлать первымъ у себя правителемъ, а

его Медвѣдева патриархомъ, и просилъ посмотреть въ солнце: сбудется ли это? Силинъ два раза всходилъ на Ивановскую колокольню и будто-бы видѣлъ, что «у государей вѣнцы на главахъ, у Голицына вѣнецъ мотался на груди и на спинѣ, самъ онъ стоялъ тѣмень и ходилъ колесомъ, царевна была печальна и смутна, Медвѣдевъ былъ тѣмень, а Шакловитый повѣсилъ голову». Когда Петръ началъ торжествовать надъ своею сестрою, Медвѣдевъ бѣжалъ въ монастырское сельцо Микулино съ тремя стрѣльцами; тамъ они видѣлись съ волхвомъ Васьюкою Иконникомъ и совѣтовались, что дѣлать. Волхвъ увѣрялъ ихъ, что онъ владѣетъ сатаномъ, и если царевна дастъ ему 5000 р. то все останется по прежнему; но ему уже не повѣрили ¹⁾. Въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шакловитымъ и въ волшебныхъ чарахъ на царское здоровье былъ обвиненъ и стольникъ Андрей Безобразовъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ былъ онъ отправленъ (въ 1689 г.) воеводою въ крѣпость Терки; мѣсяца полтора плылъ онъ рѣками Москвою и Окою до Нижняго Новгорода, гдѣ застигнутый морозами остановился и послалъ челобитную къ государямъ и письма къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, умоляя освободить его отъ такой дальней службы и воротить въ столицу. Изъ Нижняго бѣжали отъ него крѣпостные люди Петрушка Персидской да Якимка Семеновъ, обокравши напередъ своего господина, какъ это видно изъ поданныхъ имъ явочныхъ прошеній. Они явились въ Москвѣ въ розыскной приказъ и сдѣлали на Безобразова извѣтъ, что онъ сносился съ Шакловитымъ, и на пути къ Нижнему посылалъ по городамъ и селамъ людей своихъ отыскивать ворожей и волхвовъ — верстъ за двадцать и далѣе: посланные приводили къ нему разныхъ колдуновъ: въ Москвѣ — мельника Сеньку Антонова, въ Коломнѣ — волхва

¹⁾ Исторія Петра В., соч. Устрялова, I, 354; II, 48—49, 68—69, 90, 344; Записки Желябужск., изд. Язковца, 21.

Ганьку, въ Касимовѣ — жонку-татарку и бабу Аксютку, въ Нижнемъ — коновала Дорошку Кабанова, портнаго Ивашка Матвѣева и дворника Оську Олапкина, и тѣ колдуны и колдуньи ворожили на костяхъ, деньгахъ и на водѣ о здравіи царя Петра Алексѣевича и матери его Наталіи Кирилловны, умышляючи злое дѣло, и о бунтѣ и побѣдѣ на боарѣ. Волхвъ Дорошка «накупился у Безобразова напустить по вѣтру тоску на царя и царицу, чтобы они сдѣлались къ нему добры и воротили бы его къ Москвѣ»; для этого, снабдивъ Дорошку запасомъ и виномъ, Безобразовъ отправилъ его къ Москвѣ съ человекомъ своимъ Ивашкомъ Щербачовымъ, и велѣлъ этому послѣднему указать ему государя Петра Алексѣевича и царицу мать его. А жена Безобразова заставляла писать царскія имена: Петръ и Наталія на семи старыхъ полотняныхъ доскуткахъ, и вставивъ доскутки въ восковыя свѣчи, на мѣсто фитилей, посылала тѣ свѣчи по церквамъ и приказывала, затепля, ставить ихъ передъ иконами да смотрѣть, пока онѣ догорятъ ¹⁾). По этому извѣту послали за обвиняемымъ въ Нижній Новгородъ; жену его призвали къ допросу; коноваль Дорошка былъ взятъ на ея дворѣ, гдѣ укрывался онъ отъ розыска, а Щербачовъ пойманъ въ подмосковной деревнѣ Безобразова; захвачены были и другія оговоренныя лица. Жена Безобразова сначала запералась и отвергала всѣ обвиненія; но потомъ на очныхъ ставкахъ вынуждена была сознаться, что получала отъ мужа письма къ Шакловитому и что вѣдала, съ какою именно цѣлью присланъ былъ на Москву коноваль Дорошка. Кабановъ объявилъ, что онъ заговариваетъ руду и лѣчитъ всякія болѣзни тайными заговорными словами — шоптами: что учился этому мастерству у другаго нижегородскаго коновала Федора Бобыля; что привезъ съ собою бобы для ворожбы, росной ладонъ для охраны новобрачныхъ отъ

¹⁾ О значеніи этой чары см. выше, стр. 201.

вѣдуновъ, богородицкую траву отъ сердечной болѣзни и поричную — для лѣченія лошадей; что въ Москву прѣхалъ онъ вслѣдствіе даннаго Безобразову обѣщанія—сдѣлать царя Петра добрымъ къ нему и милостивымъ. Въ то время, какъ шли вел. государи изъ саввинскаго походу, Щербачовъ возилъ его въ село Хорошево, и онъ, Дорошка, на царя Петра заговорными словами напускалъ по вѣтру; да и въ село Преображенское для того-же вражескаго дѣла они ходили, но не дошедъ того села — воротились назадъ. Тоже подтвердилъ и Щербачовъ. Мельникъ Семенъ Антоновъ, сысканный въ московскомъ уѣздѣ, повинился въ ворожбѣ у Безобразова только послѣ двоекратной пытки. Наконецъ привезли самого Безобразова съ тремя колдунами: коноваломъ Бобылемъ, дворникомъ Охалкинымъ и портнымъ Матвѣевымъ. Очныя ставки съ пыткою вынудили у него признаніе въ справедливости всѣхъ сдѣланныхъ извѣтовъ; вмѣстѣ съ нимъ пытаны Кабановъ (дано 17 ударовъ), Бобыль (35 ударовъ), Охалкинъ (10 ударовъ); прочіе вѣдуны подыманы только для страху. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ объявили и свои шопты (заговоры) а другіе показывали, что никакой ворожбы не знаютъ, а ворожили «издѣваясь». Очевидно, все преступленіе состояло въ суевѣрныхъ попыткахъ помощію чаръ и заговоровъ призвать царскую милость на опальнаго боярина. Бояре приговорили: Безобразову отсѣчь голову, жену его сослать въ Тихвинскій Введенскій монастырь, а дворъ ихъ, помѣстья и вотчины отобрать безповоротно; коноваловъ Дорошея Кабанова и Федора Бобыля съ жечъ въ срубъ; остальныхъ колдуновъ и Щербачова бить нещадно кнутомъ на козлѣ и сослать въ Сибирь, вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. Казнь совершилась 8-го января 1690 года. Донощики были награждены: имъ выдано изъ описной казны Безобразова по сто рублей на человѣка, оба они освобождены отъ крѣпостной зависимости и взяты въ задворные конюхи.

Но дѣло этимъ не кончилось; оно тянулось еще около двухъ лѣтъ; розыски производились воеводами — въ Коломнѣ, Касимовѣ, Переяславѣ Рязанскомъ и Нижнемъ Новгородѣ. Одинъ вѣдунъ оговаривалъ другаго, другой — третьяго, и такъ далѣе. Воеводскіе розыски были ужасны: привлеченныхъ къ дѣлу ворожей и колдуновъ пытали по нѣскольку разъ со встряскою. Нѣкоторые изъ нихъ винились въ ворожбѣ на бобахъ, водѣ и деньгахъ; другіе же, не смотря на истязанія, ни въ чемъ не сознавались и умирали подъ пытку или въ тюрьмѣ до окончанія слѣдствія ¹⁾.

Реформа Петра Великаго не могла поколебать вѣковаго предубѣжденія противъ колдуновъ и вѣдьмъ. Въ ту эпоху, когда она совершалась, — во всей западной Европѣ, служившей для насъ образцомъ и примѣромъ, вѣра въ колдовство составляла общее дѣяніе умовъ и подчиняла своимъ темнымъ внушеніямъ не только простолюдиновъ, но и духовенство, ученыхъ и самыя правительства. Между тѣмъ, какъ у славянъ, соответственно простотѣ ихъ быта, далекаго отъ строгихъ юридическихъ опредѣленій, книжной учености и богословской схоластики, преданія о волшебствѣ удерживались въ устныхъ, отрывочныхъ и безыскусственныхъ разсказахъ, — на западѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ учено-богословскихъ трактатовъ о духахъ злобы и ихъ связяхъ съ людьми, трактатовъ, обработанныхъ систематически и доведенныхъ до изумительнаго анализа всѣхъ мелочныхъ подробностей. Эта средневѣковая литература дополняла и формулировала народное суевѣріе, скрѣпляла его своимъ авторитетомъ и имѣла огромное вліяніе на общественные нравы, судебные процессы и законодательныя установленія. Уполномоченные отъ высшихъ правительственныхъ властей, инквизиторы ѣздили по различ-

¹⁾ Исторія Петра В., соч. Устрялова, II, 347—350; Записки Желябужскаго, 23

нымъ областямъ Италіи, Франціи, Германіи и другихъ земель, гдѣ только проносилась молва о чародѣйствѣ; слѣдственные комиссіи приступали къ дѣлу со всѣми ужасами пытокъ и вынуждали самыя чудовищныя признанія. Число жертвъ, погибавшихъ отъ руки палача, превосходитъ всякое вѣроятіе. Отъ изданія буллы Иннокентія VIII (1484 г.), направленной противъ колдуновъ и вѣдьмъ, до окончанія казней за волшебство — въ одной Германіи насчитываютъ болѣе ста тысячъ человекъ, осужденныхъ на смерть, въ Англіи за все время, пока продолжались тамъ подобныя преслѣдованія, погибло болѣе 30,000 человекъ ¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что не однѣ пытки заставляли признаваться въ небывалыхъ сношеніяхъ съ чертями; что бывали и добровольныя самообвиненія, исходящія изъ того болѣзненно-суевѣрнаго настроенія, отдавався которому — человекъ всякое непонятное ему дѣйствіе и всякую тревожившую его мечту готовъ былъ приписать сверхъестественнымъ, демоническимъ силамъ. Съ особенною наглядностію раскрывается это въ тѣхъ процессахъ, гдѣ были замѣшаны дѣти. Подъ обаяніемъ предрасудковъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, впечатлительная фантазія дѣтей принимала сновидѣнія, горячешный бредъ и мечты напуганнаго воображенія за живую дѣйствительность. Въ знаменитомъ процессѣ 1669 года, въ шведской деревнѣ Мора, малолѣтныя дѣти смѣ-

¹⁾ Въ продолженіе 1485 г. Куюнъ, въ граствѣ Вурліа, смегъ за колдовство 41 женщину; въ слѣдующемъ году онъ продолжалъ дѣйствовать съ тою-же ревностію, такъ что большая часть народа разбѣжалась. Алціастъ говоритъ, что въ это-же время инквизиторъ смегъ въ Піемонтѣ 100 колдуновъ и своими преслѣдованіями вывелъ наконецъ изъ терпѣнія жителей.. Въ 1515 г. въ Женевѣ казнено 500 чел. подъ именемъ протестантскихъ колдуновъ; въ Равенсбургѣ въ четыре года было сожжено 48 чел. по рѣшенію Менго, автора извѣстнаго сочиненія *Malleus maleficarum*; ученый инквизиторъ Ремя хвалился, что онъ въ продолженіе 15 лѣтъ казнилъ 900 человекъ.

ло и настойчиво утверждали, что они околдованы и были въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Такое гибельное заблужденіе дѣйствовало нерѣдко, какъ нравственная зараза, и зародившись въ умахъ нѣкоторыхъ мальчиковъ или дѣвочекъ, немедленно сообщалось отъ нихъ всему дѣтскому населенію. Во Франціи въ одномъ благотворительномъ заведеніи, въ продолженіи полугода, почти всѣ воспитанницы объявили себя вѣдьмами, разсказывали о сообщеніи своемъ съ чертями, о своихъ полуночныхъ сборищахъ, пирахъ и пляскахъ. Несчастныхъ дѣтей также безжалостно пытали, какъ и взрослыхъ. Сожженіе и казни вѣдьмъ продолжались почти до конца XVIII-го столѣтія. Въ исторіи Англіи извѣстенъ процессъ 1716 года, когда Гиксъ и его девятилѣтняя дочь были повѣшены за то, что предалися дьяволу и производили бури; въ 1728 году въ венгерскомъ городѣ Сигедниѣ сожгли тринадцать колдуней; въ 1749 г. въ Вирцбургѣ сожжена, какъ волшебница, Марія Рената; въ католическомъ кантонѣ Гларусѣ подобная-же казнь совершена надъ вѣдьмою въ 1786 году ¹⁾. Ясно, что при Петрѣ Великомъ вліяніе западной Европы не могло подѣйствовать смягчительно на духъ нашего законодательства. Въ артикулахъ Воинскаго устава 1716-го года предписывается: если кто изъ воинновъ будетъ чернокнижникъ, ружья заговорщикъ и богохульный чародѣй, такого наказывать шпицрутеномъ и заключеніемъ въ оковы, или сожженіемъ. Въ толкованіи къ этой статьѣ прибавлено, что сожженіе опредѣляется чернокнижникамъ, входящимъ въ обязательство съ дьяволомъ ²⁾. Лицъ, пойманныхъ съ волшебными заговорами и гадательными тетрадками, или уличенныхъ въ ихъ перепискѣ,

¹⁾ Моск. Телеграфъ 1830, XIX—XXI, статья по поводу изданія Горста: „Zauber-Bibliothek“; Моск. Наблюдат. 1837, XI, 117—139 („Судъ надъ вѣдьмами“). — ²⁾ П. С. Зак., V, 3006, гл. I, артнн. 1 и 2.

продолжали подвергать тѣлеснымъ истязаніямъ; самые заговоры и тетрадки (на основаніи указа царя Федора Алексѣевича) посылались на просмотръ къ ректору славяно-греко-латинской академіи. Въ 1726 году были представлены къ ректору Гедеону для увѣщанія и вразумленія іеродиаконъ прилуцкаго монастыря Аверкій, у котораго найдены волшебныя письма, и дворовый человѣкъ Василій Даниловъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, по наущенію котораго похищена имъ золотая риза съ образа Богородицы. По образцу западныхъ теорій, въ курсъ богословія внесено было объясненіе различныхъ видовъ волшебства; такъ въ лекціяхъ, читанныхъ въ академіи въ 1706 году, встрѣчаемъ цѣлый отдѣлъ de contractibus diabolicis. «Contractus diabolicus (сказано въ этихъ лекціяхъ, est pactum cum diabolo initum, et dividitur in magicam, divinationem superstitiosam, vanam observantiam et maleficium»; колдуны, по словамъ ученаго профессора, могутъ съ корнемъ вырывать крѣпчайшія деревья, переставлять застѣянные поля съ одного мѣста на другое, дѣлаться невидимками, превращаться въ различные образы и совершать многія другія чары ¹⁾. Судныя дѣла XVIII-го столѣтія до сихъ поръ остаются неизданными и малодоступными для изслѣдователя; но даже изъ тѣхъ немногихъ матеріаловъ, на которые можно сослаться въ настоящее время, нетрудно убѣдиться, какъ сильно-живучіи народныя суевѣрія и какъ долго еще послѣ реформы Петра В. продолжались преслѣдованія мнимаго чародѣйства. Въ 1750 году возникло, напримѣръ, дѣло о сержантѣ Тулубьевѣ, который обвинялся въ совершеніи любовныхъ чаръ. Обстоятельства этого дѣла такъ изложены въ прошеморіи тобольской консисторіи: ширванскаго пѣхотнаго полка сержантъ Василій Тулубьевъ, квартируя въ городѣ Тю-

¹⁾ Исторія моск. славяно-греко-лат. академіи, соч. Смирнова, 129—130, 135, 150.

мени у жены разночинца Екатерины Тверитиной, вступилъ въ блудную связь съ ея дочерью Ириною; а потомъ ее, Ирину, насильно обвинчалъ съ своимъ дворовымъ человѣкомъ Родиономъ Дунаевымъ, но жить съ нимъ не позволилъ. Чтобы закрѣпить любовь и вѣрность Ирины, онъ на третій день послѣ вѣнца бралъ ее съ собой въ баню и творилъ надъ нею разныя чары: взявъ два ломтя печенаго хлѣба, Тулубьевъ обтиралъ ими съ себя и съ своей любовницы потъ; затѣмъ хлѣбъ этотъ смѣшалъ съ воскомъ, печинною, солью и волосами, сдѣлалъ два колобка и шепталъ надъ ними невѣдомо-какія слова, смотря въ волшебную книгу. Онъ-же, Тулубьевъ, срѣзывалъ съ хорошихъ угловъ стружки, собиралъ грязь съ тележнаго колеса, клалъ тѣ стружки и грязь въ теплую банную воду и приготовленнымъ настоемъ поилъ Ирину; поилъ ее и виномъ, смѣшаннымъ съ порохомъ и роснымъ ладаномъ; наговаривалъ еще на воскъ и сѣру, и тѣ снадобья заставлялъ ее носить, прилѣпивъ къ шейному кресту, а самъ онъ постоянно носилъ при себѣ ея волосы, надъ которыми также нашептывалъ. Подобными чарами Тулубьевъ такъ приворожилъ Ирину, что она безъ него жить не могла, и когда ему случалось уходить со двора—бѣгала за нимъ слѣдомъ, тосковала и драла на себѣ платье и волосы. Консисторія опредѣлила: лишить Тулубьева сержантскаго званія и сослать его на покаяніе въ енисейскій монастырь, а бракъ Ирины съ Дунаевымъ расторгнуть; какъ блудница, Ирина должна бы подлежать монастырскому заключенію, «но понеже она навращена къ тому по злодѣянію того Тулубьева, чародѣйствомъ его и присушкою, а не по свободной волѣ, — для такихъ резоновъ отъ посылки въ монастырь ее освободить»¹⁾.

¹⁾ Эти. Сб., VI, 141—3; см. также Памят. книжку арханг. губ. 1864 г., 79—90 (судныя дѣла 1729 и 1785 годовъ, возникшія по обвиненію въ наущеніи якоты).

Но рано или поздно — духъ суевѣрія долженъ былъ уступить передъ успѣхами ума и общественнаго просвѣщенія. Философское движеніе второй половины XVIII-го вѣка вызвало болѣе свѣтлыя взгляды на природу и челоуѣка, потрясло вѣковыя предрасудки, заставило сознаться въ бесполезной жестокости пытокъ и утвердило великую идею вѣротерпимости; вмѣстѣ съ этимъ оно погасило костры инквизиціи и остановило преслѣдованія мнимыхъ колдуновъ и вѣдьмъ во всей Европѣ. У насъ, на Руси, это благотворное вліяніе европейской науки выразилось въ законодательныхъ памятникахъ Екатерины II-й.

XXVIII.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Дѣленіе года у древнихъ славянъ опредѣлялось тѣми естественными, для всѣхъ наглядными знаменіями, какія даются самою природою. Годъ распадался на двѣ половины: лѣтнюю и зимнюю, и начинался съ перваго весенняго мѣсяца—марта, такъ какъ именно съ этой поры природа пробуждается отъ мертвеннаго сна къ жизни и свѣтлые боги приступаютъ къ созиданію своего благодатнаго царства. Апокрифы и народныя повѣрья относятъ сотвореніе міра и перваго человѣка къ марту-мѣсяцу ¹⁾). Водвореніе христіанства на Руси нескоро измѣ-

¹⁾ Въ житіи св. Стефана Пермскаго читаемъ: „мартъ мѣсяць — начало всѣмъ мѣсяцемъ, иже и первый наречется въ мѣсяцѣхъ, ему-же свидѣтельствуеть Моисій законодавецъ, глаголя: мѣсяць же вамъ первый въ мѣсяцѣхъ да будетъ мартъ... Марта бо мѣсяца начало бытіа—вся тварь Богомъ сотворена бысть отъ небытіа въ бытїе, марта же мѣсяца въ 21 (25?) день и первозданный человѣкъ, родоначальникъ Адамъ, рукою божіею созданъ бысть“—Пам. стар. рус. лит., IV, 130. Съ марта мѣсяца начинали годъ и евреи, египтяне, мавры, персы, древніе греки и римляне; латинскія названія мѣсяцевъ: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь (=седьмой, восьмой,

нило старинный обычай начинать новолѣтіе мартомъ. Церковь, руководствуясь византійскимъ календаремъ и святцами, приняла годичный кругъ индиктовый — сентябрьскій; народъ же и князья оставались при своемъ мартовскомъ годѣ и продолжали обозначать мѣсяцы древле-славянскими именами. И Несторъ, и его продолжатели держались мартовскаго года; въ сентябрьскому счисленію лѣтописцы перешли уже въ позднѣйшее время: такъ въ Троицкой лѣтописи сентябрьское счисленіе начинается съ 1407 года, а въ новгородскихъ — не прежде покоренія Новгорода Иваномъ III. Въ дѣлахъ житейскихъ и гражданскихъ мартовскій счетъ, вѣроятно, продолжался до конца XV-го вѣка. Въ 1492 г. созванный въ Москвѣ соборъ, установивъ церковную пасхалию на осьмое тысячелѣтіе, перенесъ начало гражданского года съ 1-го марта на 1-ое сентября; январскій же годъ введенъ уже Петромъ Великимъ ¹⁾.

Изъ четырехъ временъ года весна разсматривалась, какъ предверіе лѣта, а осень, какъ первая пора зимы; у сербовъ, чеховъ и другихъ славянъ весна называется пролѣтье (про-лѣће), подлѣтье, налѣтній часъ, шлаго лѣто (proslad), а осень — przedzima, podzim, podzimek (podzimak), назимній часъ ²⁾. Дѣлится годичный періодъ на мѣсяцы подали поводъ постоянно-повторяющихся фазы луны; поэтому основаніемъ древнѣйшаго лѣтосчисления принимался годъ лунный. Времена года и мѣсяцы получили свои названія отъ тѣхъ характеристическихъ признаковъ, какіе усвоивались за ними періодическими измѣненіями погоды и ея вліяніемъ на возрожденіе и увяданіе природы, плодородіе земли и

девятый и десятый) ясно указываютъ, что первоначально счетъ велся съ марта—Ж. М. Н. П. 1849, т. LXI, отд. VI, 145; Времен., XV, 14 („О ходу въ персидск. царство“). — ¹⁾ Ж. М. Н. П. 1849, II, 146; Ч. О. И. и Д., годъ 2-й, II, стат. Булгева, 1—33. — ²⁾ Труды Росс. Академ., III, 66—68.

трудъ человѣка. Ведя жизнь пастуховъ, звѣролововъ и пахарей, первобытные племена по своимъ обиходнымъ занятіямъ должны были обнаруживать самое усиленное вниманіе ко всѣмъ явленіямъ природы, и дѣйствительно наблюденія ихъ отличались необыкновенной живостью и закрѣплялись мѣткимъ, живописующимъ словомъ. Весна (пол. wiosna, чеш. весно) отъ санскр. *vas—lucere*, откуда образовались также: санскр. *vasu—radius, ignis, vāsara—dies, vāstar—mane, vāsanta* — весна, литов. *wasara—лѣто (pa-wasaris—предлѣтье, весна)*, сканд. *vār—frühling*, лат. *ver* и греч. *ἔρ, ἔαρ, εἶαρ (=Féαρ, Féσαρ)*; слѣдовательно весна означаетъ собственно: свѣтлое, ясное, теплое время года ¹⁾, что подтверждается и другимъ присвоеннымъ ей названіемъ: ярь (*iar, iago—I, 439*). Лѣто обозначается въ санскритѣ словами, заключающими въ себѣ понятіе теплой, жаркой поры: *ushna, ushna* отъ *ush (=vas)—urege, grishna* и *gharsha* — жаръ, тепло, *tara, tarana* отъ *tar—calefacere*, откуда происходятъ и лат. *tempus, tereo*. Очевидно, что слова *tempus, нѣм. jahr (=ярь, iar)* и слав. время (отъ вѣр-ти) первоначально служили только для опредѣленія лѣтней поры, а потомъ уже перешли въ общее понятіе года и времени (II, 287). Точно также и лѣто (пол. *lato, нлл. lito, нѣм. leitz—весна*) соединяетъ въ себѣ оба указанные понятія; мы говоримъ: «лѣта измѣняютъ человѣка», «онъ прожилъ столько-то лѣтъ», возрастъ двулѣтній, трехлѣтній и т. дал. Пикте сближаетъ это слово съ санскр. *g tu, зенд. gatu—tempus*. Такимъ образомъ лѣто почиталось славянами за время по-преимуществу, а самый счетъ годовъ они вели по лѣтамъ,

¹⁾ Курциусъ, 355—6; Диеенбахъ, I. 120—1; D. Myth., 741. По мнзнію другихъ весна отъ санскр. *vas—одѣвать (vasana—vestis)*, потому что она одѣваетъ лѣса лѣтвкою, а землю травой — Записки Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 565.

т. е. по числу истекшихъ лѣтнихъ періодовъ ¹⁾). Зима у арійцевъ называлась временемъ падающихъ (разбрасываемыхъ) снѣговъ: санскр. hiṁsa — какъ существительное: снѣгъ, какъ прилагательное: холодный, hēṁanta — зима, греч. χιὼν — снѣгъ, χεῖμα — буря, непогода, χειμών — зима, лат. hiems = зенд. zjāo (zjāsh), осет. zimāg, литов. žiema, слав. зима отъ hi (hiṁōti) — ясере, пројисере. Въ Остромировомъ евангеліи слово «зима» употребляется въ смыслѣ стужи, холоднаго вѣянія, и замѣняетъ собою греч. ψυχος; въ старинныхъ актахъ съ этимъ названіемъ соединяется мысль о сѣверѣ, какъ о той странѣ, откуда дуютъ суровые вѣтры ²⁾); въ областныхъ говорахъ зимно значить. холодно. Нѣм. winter (др.-в.-нѣм. wintar, сканд. vetr, готск. vintrus) = hvintrus отъ санскритскаго ṣvind — album esse и frigere; ṣvindra — зима, т. е. бѣлая — устилающая землю снѣгами. Осени каждый изъ индоевропейскихъ народовъ далъ свое особенное названіе: знакъ, что названія эти явились уже позднѣе, послѣ раздѣленія арійскаго племени на различные вѣтви ³⁾). Въ санскритѣ одни и тѣже слова служатъ для обозначенія дождя, дождливой погоды и осенней поры. По мнѣнію г. Микуцкаго, слово осень (церковно-слав. есень, серб. јесен, польск. iezień, нл. jessen) можетъ быть возведено къ санскрит. корню as — lu-sege, отъ котораго произошли и санскр. aśāp, латыш. asins — кровь (собственно: красная), и готск. asaп — жатва (зрѣлые, золотистые колосья); подобно тому у литовцевъ осень — гидуо (летт. ruddens) отъ rudas — красноватый, рыжій,

¹⁾ Миклошичъ (Radices linguae slov., 47) и Ганушъ (Bajeslowen. kalendar, 126—7) производятъ лѣто отъ снѣ. li — лить; лит. lytus — pluvia; по ихъ объясненію, лѣто будетъ означать: время дождей.

²⁾ Взаиму — на сѣверѣ, зимняя сторона — сѣверная; наоборотъ, лѣто въ архангел. г. употребляется въ смыслѣ юга — Radices linguae slov., 31; О вл. христ. на сл. яз., 17; Обл. Сл., 107. — ³⁾ Пятте I, 90—93. 98—102, 107; Еурдіусъ, 169; Диевенбахъ, I, 158—9.

руды и, т. е. та часть года, когда листья деревь становятся желтыми и красными ¹⁾. Ниже будетъ указано, что въ падающихъ и гниющихъ листьяхъ славянинъ усматривалъ главный, отличительный признакъ осенняго времени.

Древле-славянскія названія мѣсяцевъ частію занесены въ «церковный сборникъ», приложенный къ Остромирову евангелію (1056 г.), въ харатейное евангеліе 1144 года и въ нѣкоторыя другія старинныя рукописи; частію и донынѣ удерживаются между болгарами, поляками ²⁾ и иными славянскими племенами: 1) генварь — древ. просинець (болг. просиньць, карніол. p̄rosenz, кroat. p̄roszinecz), малор. сѣчень (илл. siećan, szećen), пол. styczecń, чеш. и словац. leden, болг. студени-ятъ и лов' заецъ. Первое названіе производять отъ про-синѣти (синути—совершенный видъ отъ глагола сіяти) и видять въ немъ указаніе на возрождающееся солнце. 12-го декабря у насъ слыветъ солоноровотъ: солнце поворачиваетъ на лѣто, и въ генварь дни уже начинаютъ замѣтно увеличиваться (проясняться), а ночи сокращаются. У болгаръ декабрь называется коложегъ, т. е. мѣсяць возженія солнечнаго колеса; сравни готск. jūleis (ноябрь и декабрь) и англос. geola (декабрь и генварь)—названія, указывающія на поворотъ солнца (h vël —колесо, I, 212 ³⁾). Сѣчень (отъ глагола сѣчь) вполне соответствуетъ польскому styczень (отъ s-tykać, тыкать,

¹⁾ Изв. Ак. Н., IV, 48, 413. — ²⁾ Малорусскія названія мѣсяцевъ тождественны съ польскими и вѣроятно—удѣляли въ народной памяти, благодаря вліянію польскихъ календарей. — ³⁾ Линде ставитъ имя просинець въ связь съ польск. p̄rosieć, чешск. p̄rgase, рус. поросѣ—на томъ основаніи, что ко времени зимняго поворота солнца относятся мѣны о рожденіи золотаго поросенка и выѣздъ Фрейра на золотощетинистомъ вепрѣ (I, 778). Въ декабрь приносилась въ жертву свинья, и люнебургскіе славяне давали этому мѣсяцу названіе trebetón (отъ треба—жертва).

ткнуть, твуть и старин. тяти или тети — съчь, бить); съ этимъ именемъ предки наши могли соединять мысль о «переломѣ зимы» (въ генварѣ половина зимы оканчивается, а половина остается), или еще вѣроятнѣе — мысль о трескучихъ, всё-поражающихъ морозахъ. Декабрь, генварь и февраль-мѣсяцы издревле назывались волчьимъ временемъ, потому что Зима, въ образѣ волка, нападала тогда на божій міръ и мертвила его своими острыми зубами. Для обозначенія февраля также употреблялось названіе съчень; сверхъ того, его называли лютымъ — эпитетъ, постоянно прилагавшійся къ волку. 2) Февраль — др. съчень (болг. съчень или съчко) и сѣженъ, пол. luty (малор. лютий), чеш. и словац. urog (aurog ¹⁾), словен. svečan (карн. svičan, венд. svičnik, кroat. szvečen, лят. swetschu-mehness) и hromečnjak (въ Силезіи, около Фрейштата). Имена «свѣчанъ» и «громечникъ» стоятъ въ связи съ подобными-же названіями праздника Срѣтенья (2-го февраля, когда, по народному повѣрью, Зима встрѣчается съ Лѣтомъ): svečkovnica Magia, svečnica, свѣтло, den sviček, hromnice (I, 483), у нѣмцевъ kerz-wihe, kerz-(licht-)messe, и указываютъ на февраль, какъ на мѣсяць, удлиняющій дни, ведущій за собою весну и богиню благодатныхъ грозъ. У литовцевъ февраль слыветъ «весеннимъ» — wassaris. Лужичане называютъ генварь wulki róžk, а февраль — шаd y róžk — литов. didijs ragutis и шаžas ragutis (большой рожокъ и малый рожокъ), что должно обозначать время, когда нѣкоторые животныя мѣняютъ рога. 3) Мартъ — др. и болг. сухы(i)и

¹⁾ Ганушъ (Bajesl. kal., 127) сближаетъ это слово съ смкр. pāga—вода, серб. норити—погружать въ воду, чеш. ро-pogiti, малор. порнатк (нырять); если принять такое производство, то urog будетъ означать время начинающейся растопели, таянья льдовъ и связу.

(карн., кroat. и венд. *szuszeć*), малор. березозоль, чеш. и словац. *březop* (венд. *brezen*, лит. *birželis*) отъ *briza* — береза, рус. област. свистунъ (=пора вѣтровъ) и пролѣтье. 4) Апрель — др. брезозоръ и березозоль, пол. *kwiecień* (малор. цвѣтень, нѣм. *blumenmonath*), чеш. и словац. *duben* (время, въ которое начинается распускаться дубъ), нл. *travan* (кroat. *traven* или *malí traven*, нѣм. *grasmond*, швед. *gräs-shapad*), рус. простонарод. занграй-овражки, т. е. пора весеннихъ потоковъ, скачущихъ по скатамъ горъ и овраговъ. Названіе березо-золь = березо-зоръ ¹⁾ есть сложное; вторая половина слова указываетъ на дѣйствіе вѣснаго тепла, которымъ вызывается въ березахъ сладкій сокъ, употребляемый поселянами вмѣсто напитка (сравни: «зорить ягоды» — выставлять ихъ на солнце, чтобъ доспѣли; «зорнить пряжу» — выставлять ее въ весеннее время по утрамъ, чтобъ она побѣлѣла; июль = мѣсяцъ сущенія скошенной травы извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ сѣнозорника). Эсты называютъ апрѣль *shla-ku* отъ *shl* — древесный сокъ, березовая вода, а летты — *sullshenness* отъ *sulla* — сокъ. 5) Май — др. и болг. травень (травный, кroat. и венд. *veliki traven*, карн. *travn velike*, болг. лѣтень, чеш. и словац. *kwěten*, кroat. *goz-pjak* и *gozocvět*. У нашихъ поселянъ май называется муръ (=мурава — трава), а начало этого мѣсяца — росеникъ ²⁾). 6) Июнь — др. изокъ, пол. *szegwies* (малор. червецъ, чеш. и словац. *segwen*), карн. и венд. *gozencvět* (сораб. *gożowe mészasztwo*), кroat. *klaszen* (время, когда хлѣбъ начинаетъ колоситься) и *shlepen* (молочный), нл. *lipan* (*lipanj*), литов. *siejasmėnuo* — мѣсяцъ посѣва.

¹⁾ Подобно тому, какъ февраль = февраль, пролубъ = про-рубъ. — ²⁾ Обл. Сл., 192.

Слово изокъ означаетъ кузнечика ¹⁾; въ одной рукописи XVII вѣка, при исчисленіи старинныхъ названій мѣсяцевъ, іюнь названъ «пау тной, сирѣчь комарной» ²⁾; въ областномъ словарѣ ³⁾ пау ть — слѣпень, оводъ. Слѣдовательно іюнь обозначался, какъ время стрекотанія кузнечиковъ, появленія комаровъ, слѣпней и оводовъ. Соответственно декабрю = коложегу (зимнему повороту солнца), іюнь назывался кресникъ отъ кресъ — огонь, лѣтній солоноворотъ = праздникъ Купалы, когда солнечное колесо, достигнувъ высшей точки на небѣ, начинаетъ спускаться внизъ. На Руси мѣсяць этотъ слыветъ и а кушкою лѣта: «всѣмъ лѣто пригоже, да макушка тяжела» (т. е. утомительна зноемъ); сравни кельт. *gogphenhaf* = голова, вершина лѣта. 7) Іюль — др. червень (болг. чървьнъ, чеш. и словац. *serwepes*), пол. *lipiec* (малор. лицець, литов. *lipas menuo*, латт. *leeru mehness* отъ *leera* — липа), болг. сръпанъ (илл. *szerpen, szagrau*, карн. *ser-gran male*). Червень, червенець отъ слова червь, что подтверждается и датскими названіями этого мѣсяца: *ogmethaaned, madkethaaned*, т. е. время собиранія наскомыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ червца и употребляемыхъ на окраску; червленый — темнокрасный, багряный. Чехи называютъ іюль — «*sešep, w pemž se seno sešep*» (сѣно косятъ): названіе, соответствующее рус. сѣнозо(а)рникъ, сѣноставъ (время гребли и складыванія сѣна въ стога), литов. *siėpriu*, латт. *seeru mehness*, вѣм. *heumonath* (сѣнокосный). Другія названія, даваемые русскими поселянами іюлю: страдникъ (отъ страда — пора жатвы и сѣнокоса) и грозникъ ⁴⁾. 8) Августъ — др. и болг. заревъ, пол.

¹⁾ Г. Микуцкій (Записки Р. Г. О. по отд. этногр., I, 598) сравниваетъ славян. изокъ съ литов. жога — кузнечикъ, считая гласную и благозвучною приставкою. — ²⁾ Вологод. Г. В. 1855, 50. — ³⁾ Обл. Сл. 153. — ⁴⁾ Сахаров., II, 43; Обл. Сл., 224.

sierpeń (малор. серпень, чеш. и словац. srpeň, карп. serpan velike), сераб. žencz, žnejska, (жатвенный), болг. коловезъ, илл. kolovoz, рус. обл. зорничникъ и капустникъ. Это время созрѣванія нивъ (зорничникъ отъ зорить—зрѣть—см. I, 151 ¹), жнитвы, дѣйствія серпомъ и перевозки сжатого хлѣба (коловозъ). У литовцевъ августъ—gužriūtis, riušionies, по переводу Нарбута: žytožniwpu; календарнымъ знакомъ его былъ «серпъ»; летт. gudsmehness (отъ gudsi—рожь), нѣм. aegndmonath (aegsmoath), швед. skördemånad (жатвенный). Въ Македоніи жатва собирается въ сентябрь-мѣсяцъ, который потому и называется γορπιαῖος отъ ἄρπη (γορπή) — серпъ ²). 9) Сентябрь—др. рюе(н)нъ, болг. рюенъ, руянъ, илл. и бroat. гцјап, чеш. и словац. zářij, zářig, zařuj, литов. руис отъ снк. гу—sonum ešere, др.-слав. рю-ти (ревж. ³), чеш. řeti—ржать, рывать, řiti—ревѣть (говоря объ оленяхъ); литов. руя—brunzeit или lauftzeit des wildes, сибир. рѣвъ—время половыхъ отношеній копытчатыхъ звѣрей; августъ-мѣсяцъ—др. заревъ ⁴). Чехи даютъ подобное-же названіе и мѣсяцу октябрю—řigen; сравни сканд. ulig (октябрь) отъ ula—выть, ревѣть. Такимъ образомъ августъ и два слѣдующіе за нимъ мѣсяца обозначались, какъ періодъ, въ который олени и другія копытчатая животныя бываютъ въ течкѣ и поднимаютъ дикій ревъ. Другія названія, даваемые сентябрю: пол. wrzesień (малор. вресень отъ wrzos, вресъ, вересъ — erica ⁵), болг. гроздоберъ — время сбора вереска и виноградныхъ гроздій, рус. обл. осенины.

¹) Сахаров., II, 46. — ²) Курциусъ, 229. — ³) Въ одной старинной рукописи читаемъ: „п пакп дохнувшє вхри и шумы воспущаху и руянїя творяху“. — ⁴) Radices ling. slov., 77; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 604; Доп. обл. сл., 231. — ⁵) У литовцевъ сентябрь также назывался „вересковымъ мѣсяцемъ“.

10) Октябрь—общеслав. листопадъ, пол. *razdziernik* (малор. паздерникъ, лит. *spaliu mėnu*—съ тѣмъ-же значеніемъ) отъ слова паздеръ—кострика, ибо въ этомъ мѣсяцѣ начинаютъ мять ленъ и коноплю; сораб. *wino we mēszacztwo, winski* (нѣм. *weinmonath*—приступаютъ къ сбору винограда), рус. обл. зазимье и грязникъ ¹⁾; финны и эсты также называютъ его грязнымъ (*loka-kuu, gojaku*). Въ Силезіи сентябрь—*koseń* (отъ косить), а октябрь—*seweń* (отъ сѣять); лит. *rugsiejis* (житосѣвный)—сентябрь-мѣсяць. 11) Ноябрь—др. и болг. груденъ (груднѣ), общеслав. листопадъ, карн. и венд. *listognoi* (*gnilec*); у литовцевъ мѣсяць этотъ назывался *lapakritis*—листопадъ и календарнымъ знакомъ его служилъ древесный листъ; нл. *studeni* (*sztudeni*, нѣм. *wintermonath* и *windmonath*), сораб. *mloszni* (молотильный). 12) Декабрь—др., болг. и малор. студенъ (студѣвый, студьный), рус. обл. зимникъ, болг. просивецъ, чеш. и слов. *pro(a)sipec*, нл. *prosinac, proszina* (е)с, пол. *grudzień*, карн. *grudn*, кroat. и венд. *gruden* (въ старину у чеховъ такъ назывался генварь), литов. *grodinnis*, латыш. *saīnas* или *sallas*—морозный. Название «груденъ» тождественно старонѣмецкому *herth-mānot* и сканд. *hrūt-mānuthr*, т. е. суровый—студѣный мѣсяць; сравни лат. *stodelis*, греч. *χρόος, χροῦδης*, старонѣм. *hrud*, англос. *hræth*. Въ древней лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя указанія: «поидоша на колѣхъ (на колесалъ), а по грудну пути; бѣ бо тогда мѣсяць груденъ»; «а зима была гола (безснѣжна) и ходъ конемъ былъ нужнъ, грудоватъ» ²⁾, т. е. отъ

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 36; Сахаров., II, 59. — ²⁾ Труды Имп. Рос. Академіи, III, 25—76; Записки и труды Общ. ист. и древ. рос., II, 49—59; Карамз. И. Г. Р., I, изд. 2, стр. 71 и прилжч. 159; Матер. для исторіи письменъ, ст. Буса., 12; Вѣст. Евр.

стужа застыла, смерзлась грязь; литов. *gródas* — замерзшій комъ земля; рус. гряда (= нѣм. *grüt*) донынѣ употребляется поселянами въ значеніи мерзлой, занесенной снѣгомъ грязи, лежащей по улицамъ и дорогамъ ¹⁾. Исчисленныя нами славянскія названія мѣсяцевъ преимущественно указываютъ на бытъ земледѣльческій. Кругъ наблюдений ограничивается произрастаніемъ травы, распусканіемъ цвѣтовъ и деревьевъ (березы, дуба, липы), сѣнокосомъ, жатвою, молотьбою, уборкою льна, сборомъ винограда (въ южныхъ мѣстностяхъ) и тѣми рѣзкими измѣненіями въ погодѣ, которыя, условливаясь различнымъ положеніемъ солнца, такъ могущественно вліяютъ на плодородіе земли и благосостояніе человѣка. Зимній и лѣтній повороты солнца, стужа и снѣгъ зимою, журчащія ручьи и осушеніе земли весною, паденіе росы, появленіе комаровъ и оводовъ, стрекотаніе кузнечиковъ, зной въ поло-

1818, ст. Добровскаго, IV, 283—295; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Бусл., 33—35; Архивъ ист. и практич. свѣд. 1860—1. I, (о книгѣ „Громовникъ“), 9—10; Рус. Бес. 1857, III, 108; IV, 111 (ст. Эрбена); Каравел., 173—270; Толк. Слов. Даля, I, 964; Изв. Имп. Археолог. Общ., V („Древній литовск. календарь“), 335—352; Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевскаго, 38—39. — ¹⁾ Дифенбахъ, II, 378; Обл. Сл., 42. У черемисовъ и чувашей февраль и мартъ—мѣсяцы оттепели, апрѣль—пашни, май—посѣва, іюнь—лѣтній, іюль—сѣнокосный, іюль и августъ—мѣсяцы серпа, сентябрь—льна, октябрь—молотьбы (овинный), ноябрь—поминокъ, декабрь—жертвоприношенія; декабрь и январь—сильноморозный, январь и февраль—менѣе морозный—Сбоева: Исслѣдов. объ природцахъ казан. губ., 45—46; сочин. г-жи Фуксъ о чувашахъ и черемис., 165. У карагасовъ мѣсяцы получили свои названія отъ пролибанія травы, приготовленія березовой коры (бересты) для юртъ, цвѣтенія и сбора сарланы, сбора кедровыхъ орѣховъ, течки оленей, ловли соболей, охоты на лыжахъ и т. дал.—Вѣст. Р. Г. О. 1854, VI, 241—2. У сямодовъ олень, составляющій главное ихъ богатство, далъ названія пяти мѣсяцамъ; іюнь—комарный мѣсяць, іюль—оводный, и проч.—Иславина: Самоѣды въ домашн. и обществ. быту, 139—140.

внѣ лѣта, паденіе листьевъ и грязь въ осеннюю пору — все это отразилось въ народномъ календарѣ славянина. Отъ древнѣйшаго пастушескаго быта удержались только три названія, указывающія на тѣ періоды, когда скотина мѣняетъ свои рога, когда начинается она спариваться (пора течки или рѣва) и когда коровы бываютъ обильны молокомъ. Обозначая различныя времена года по ихъ характеристическимъ признакамъ, предки наши не соединяли съ приведенными названіями мѣсяцевъ строго-определенныхъ границъ; одно и тоже имя прилагалось къ двумъ и тремъ сосѣднимъ мѣсяцамъ. Съ одной стороны самые признаки, подмѣченные народомъ, могли относиться къ болѣе или менѣе продолжительному времени: такъ стужа, морозы и снѣга продолжаются во всю зиму; имя «просинца» (=просвѣтляющаго, увеличивающаго дни) съ равнымъ правомъ могло прилагаться и къ концу декабря, и къ двумъ послѣдующимъ мѣсяцамъ; эпитетъ «травянаго» одинаково идетъ и къ апрѣлю, и къ маю, и такъ далѣе. Съ другой стороны, періодическія измѣненія въ жизни природы совершаются въ разныхъ мѣстностяхъ не одновременно, а раньше или поздне; на югѣ, напримѣръ, весна устанавливается ранѣе, а зима поздне, чѣмъ на сѣверѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ и земледѣльческія работы тамъ и здѣсь пригоняются къ различнымъ срокамъ. Эти естественныя условія объясняется и перемѣщеніе нѣкоторыхъ названій съ одного мѣсяца на другой. Такъ имя «листопада», даваемое въ южныхъ мѣстностяхъ ноябрю, въ средней и сѣверной полосахъ должно было перейти на октябрь.

Отдѣльные дни или числа мѣсяцевъ получили у поселянъ свои особенныя прозванія, сообразно съ соответствующими имъ признаками обновляющейся или замирающей природы и съ приуроченными къ нимъ крестьянскими работами: января 16-го — Петръ-полукормъ (половина запасовъ съедена), 18-го — Аванасій-ломаносъ («на Аванасія береги

носѣ» — намекъ на сильные морозы), 22-го — Тимофей-полужимникъ, 24-го — Аксинья-полужимница или полухлѣбница; февраля 11-го — Власій-сшиби рогъ съ зими! 28-го — Василій-капельникъ; марта 1-го — Евдокія-плюшника (плющать — капать, течь, издавать звукъ падающихъ капель, плюшка и плюшина — сосульки подъ крышами ¹⁾), 4-го — Герасимъ-грачевникъ (прилетъ грачей), 17-го — Алѣксѣй-съ горъ вода или съ горъ потоки, 19-го — Дарья-засери (загрязни) проруби; апрѣля 1-го — пустые щи, 8-го — Родіонъ-ледоломъ, 11-го — Антипъ-водоколь, 12-го — Василій-выверни оглобли (оставляй сани, сваряжай телѣгу), 23-го — Егорій-скотопасъ (выгонъ скота въ поле), 26-го — Степанъ-ранопашецъ; мая 2-го — соловьиный день, 3-го — зеленые щи, 5-го — Ирина-разсадница (разсадка капусты), 6-го — Іовъ-горошникъ (посѣвъ гороха), 9-го — Никола вешній, травной, 13-го — Лукерья-комарница (появленіе комаровъ), 23-го — Леонтій-огуречникъ (посадка огурцовъ), 29-го — Ѳедосья-колосаница (рожь начинаетъ колоситься); іюня 12-го — Петръ-поворотъ (лѣтній поворотъ солнца), 13-го — Акулина-гречушница (посѣвъ гречи) или задери хвосты, т. е. время, когда скотина, кусаемая комарами, мошками и оводами, бѣгаетъ по полю, задравши хвосты («строчится»); іюля 23-го — Пудъ и Трифонъ-безсонники (пора усвоенныхъ работъ, страды), 27-го — Никола качанный; августа 4-го — Евдокія-малинуха (сборъ малины), 26-го — Наталья-овсяница, 28-го — Анна-скирдница; сентября 15-го — Никита-рѣпорѣзъ (сборъ рѣпы) или гусепролѣтъ, 24-го — Ѳекла заревница; октября 14-го — Праксовья-льняница; декабря 12-го — Спиридонъ-солонovo-

¹⁾ Доп. обл. с., 183.

ротъ ¹⁾). Мы знаемъ, какое сильное вліяніе оказывалъ языкъ въ области народныхъ представленій; въ этомъ отношеніи дневникъ русскихъ поселенъ предлагаетъ много любопытныхъ данныхъ. Расчитывая дни и распредѣляя занятія по святцамъ, принесеннымъ на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ, поселенныя непонятныя для него, по ихъ чужеземному лингвистическому образованію, имена мѣсяцевъ и святыхъ угодниковъ сближаетъ съ разными выраженіями отечественнаго языка, насколько эти послѣднія могутъ опредѣлить характеръ даннаго времени, связанныхъ съ нимъ работъ и погоды — теплой или холодной. Не справляясь съ дѣйствительнымъ происхожденіемъ и смысломъ того или другаго имени, русской человѣкъ старается объяснить его собственными средствами, приписываетъ ему свой подходящій по звукамъ корень, и такимъ образомъ, играя словами, стремится все чуждое претворить въ свое родное, легко-доступное его простому пониманію ²⁾). На Срѣтенъе

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 9; Перм. Сбор., II, отд. 2, 31—32. —

²⁾ Вообще слѣдуетъ замѣтить, что какъ скоро проникаетъ въ массу народа иностранное слово—оно почти никогда не остается въ своей первоначальной формѣ; простолюдинъ не только измѣняетъ его соотвѣтственно своимъ грамматическимъ законамъ, но и старается между туземными выраженіями подыскать такое созвучное, которое бы нагляднѣе опредѣляло для него смыслъ иностраннаго слова; такъ шагандецг обращается въ миродѣра, августъ въ густаръ (Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 36) и т. д. Тоже бываетъ иногда съ названіями и словами архаическими, значеніе которыхъ уже затеряно народомъ, и потому чувствуется потребность подновить ихъ, осмыслить. Въ старинныхъ актахъ, на пригъръ, упоминается во владимірскомъ уѣздѣ Волосовъ Николаевскій монастырь, мнѣ упраздненный; наслѣдователи догадываются, что такъ названъ онъ потому, что былъ выстроенъ на мѣстѣ древняго чествованія Волосу. Отъ этого монастыря сохранилась икона св. Николы Волосовскаго, и народъ для объясненія означеннаго зпитета содалъ легенду, что икона эта явилась на деревѣ—висящею на волосахъ—Владим. Г. В. 1856, 14.

(2-го февраля), по народному повѣрью, зима съ лѣтомъ встрѣчается; въ мартѣ-мѣсяцѣ солнце начинаетъ марить, т. е. припекать землю, отчего надъ нею струится парь; но по утрамъ еще продолжаются морозы (утренники), которыхъ со дня Сорока мучениковъ (9 марта) бываетъ сорокъ; думаютъ, что въ этотъ день возвращаются изъ вѣрія сорокъ разныхъ пташекъ, а сорока начинаетъ строить гнѣздо и кладетъ въ него сорокъ палочекъ. Холода или сѣверы оканчиваются днемъ св. Сидора (14 мая), котораго потому называютъ сивирянь. 5-го апрѣля: «пришелъ Оедуль—теплый вѣтеръ подуль»¹⁾. Въ апрѣлѣ земля прѣтеть, или по другому выраженію: со дня св. Руфа (8 апр.) земля рухнетъ, т. е. оттаиваетъ и принимаетъ въ себя воду; 12-го апрѣля Василій Парійскій землю паритъ. Въ маѣ домашній скотъ мантятся отъ безтравницы²⁾; въ первый день этого мѣсяца на Еремея³⁾ запрягальника или ярѣмника начинаютъ пахать и потому на рабочихъ лошадей и быковъ надѣваютъ ярмо (ярѣмъ); работа эта оканчивается къ 31-му мая — ко дню Еремея⁴⁾ распрягальника. 2-е мая, посвященное памяти князей Бориса и Глѣба, крестьяне называютъ барышденъ — вслѣдствіе созвучія имени Борисъ съ словомъ барышъ; торговцы стараются тогда продать что-нибудь съ выгодой, дабы во весь годъ торговать прибыльно. «Борисъ и Глѣбъ застѣваютъ хлѣбъ». 24-е іюля посвящено тѣмъ-же святымъ, и поговорка, относящаяся къ этому числу, увѣряетъ: «Борисъ и Глѣбъ — поспѣлъ хлѣбъ». Въ деревняхъ и селахъ празднуютъ оба означенные дня — для того, чтобы круглый годъ получать барыши и чтобы отвратить отъ нивъ губительныя грѣзы.

1) „Оедуль губы надуль“ — настало ненастье. — 2) Есть прѣмта: „кто женится въ маѣ, тотъ будетъ мантятся“. — 3) Іеремія, въ престолярномъ произношеніи Еремей, Ярѣма. — 4) Св. Ермій.

Это случайное совпадение словъ: Глѣбъ — хлѣбъ, Борисъ — барышъ (т. е. выгоды отъ торга хлѣбомъ, главнымъ богатствомъ земледѣльца) и самое время празднованія Борису и Глѣбу при началѣ посѣвовъ и въ жатвенную пору — дали поводъ перенести на этихъ святыхъ древнее чествованіе Перуну, какъ творцу урожаявъ. По народному повѣрью, кто станетъ работать 24-го іюля, у того молнія спалитъ всѣ конны; на югѣ Россіи день этотъ слыветъ праздникомъ Бориса и Глѣба-палкопа или палкопна¹⁾. Точно также не работаютъ и 27-го іюля на Палѣя (Пантелеймона), чтобы небесный огонь не спалилъ сжатаго хлѣба. 10-го мая на Симова Зилота собираютъ травы — зилѣя, которымъ, по мнѣнію поселянъ, сообщается тогда особенная цѣлебная сила, ищутъ золота (кладовъ) и сѣютъ пшеницу, чтобы она уродилась и вырѣла какъ золото; увѣряютъ еще, что хлѣбъ, посѣянный въ чистый четвергъ, родится чистымъ, безъ сорныхъ травъ. Напротивъ, кто сѣетъ рожь на мученика Вассу, у того непременно заглушатъ ее васильки. Въ день обновленія Царграда (11 мая) поселяне не работаютъ, опасаясь, чтобы царградъ, занепочтеніе къ его празднику, не выбилъ зеленѣющаго на поляхъ хлѣба. Если на Мокія, прозваннаго мокрымъ (того-же 11 мая) идетъ дождь, то все лѣто будетъ мокро е; если же дождь случится на св. мученицу Макрину (Макриду—19 іюля), то предстоящая осень будетъ мокрая, дождливая, и наоборотъ отсутствіе дождя въ эти дни предвѣщаетъ сухое лѣто и сухую осень. Подобно тому: если на Сидора (14 мая) будетъ сверко, то ожидай лѣта холоднаго; а если на Пахомія (15 мая) будетъ тепло, то и лѣто пахнѣтъ тепломъ. На Константина и Елену (Алѣна-длинные льны, ленокъѣйка—21 мая) совѣтуютъ сѣять лёнъ, а на Макавѣевъ (1 августа) соби-

¹⁾ „На Глѣба и Бориса за хлѣбъ (т. е. за его уборку) не берись!“

ратъ макъ. 16 іюня на Тихона затихаютъ (перестаютъ пѣть) птицы; 29 іюля, посвященное имени св. Калиника, называется калинники — зарницы, отдаленныя молніи, видимыя по вечерамъ на горизонтѣ въ концѣ іюля и августа ¹⁾, отъ калитъ (раскалать, калѣна стрѣла, калѣна — красная ягода); 23 августа на св. Луппа утренній морозъ овсы и льны лупитъ. 1 сентября — Семеновъ праздникъ, и потому въ этотъ день грѣшно засѣвать сѣмена; 14 сент. на Воздвиженъе становится холодно: птица уже на отлетѣ двинулась; со дня Федора Студита (11 ноября) начинается студить (холодѣть): «Федоръ Студитъ землю студить». Ко Воздвиженью «хлѣбъ съ поля сдвинется», свезѣтся, а въ ноябрѣ овинъ уже воетъ отъ наложенныхъ сноповъ. 4-го декабря Варвара дорогу заваритъ (заморозитъ): «Варвара заваритъ, а Савва (5 дек.) засалитъ (сало — плавающія по рѣкамъ ледяныя пленки). Съ того-же времени замѣчаютъ сокращеніе ночей: «Варвара ночи урвала, дни приточала». Есть даже повѣрья, которыя возникли на основаніи одного созвучія, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ явленіямъ природы: такъ, напримѣръ, въ день пророка Наума (1 дек.) начинаютъ учить дѣтей, съ полнымъ убѣжденіемъ, что «пророкъ Наумъ наведетъ на умъ» ²⁾.

Въ послѣдовательныхъ превращеніяхъ природы, въ характеристическихъ признакахъ и свойствахъ различныхъ временъ года древнія племена усматривали не проявленіе естественныхъ законовъ, а дѣйствіе одушевленныхъ силъ — благотвор-

¹⁾ Обл. Сл., 78. — ²⁾ Сахаров., II, 17, 20, 30, 50, 56; Терещ., VI, 48, 53, 67; Вѣст. Р. Г. О. 1851, VI, 3—4; Маякъ, XIII («Еще замѣч. о праздн. и повѣрьяхъ»), 49—58; Иллюстр. 1846, 247; Ворон. Г. В. 1850, 44; 1851, 9, 13—14; Полтав. Г. В. 1845, 15, 19, 24; 1846, 18; Калуж. Г. В. 1845, 1; Москв. 1849, IX, 9; Послов. Далн, 978—1001; Ч. О. И. и Д. 1867, VI, сивсь, 180—201.

ныхъ и враждебныхъ, ихъ вѣчную борьбу между собою, торжество то одной, то другой стороны. Поэтому времена года представлялись нашимъ предкамъ не отвлеченными понятіями, но живыми воплощеніями стихійныхъ боговъ и богинь, которые поочередно нисходятъ съ небесныхъ высотъ на землю и устрояютъ на ней свое владычество. По указанію старинныхъ пасхалій, «Весна наречется, яко дѣва украшена красотою и добротою, сіяюще чудно и преславнѣ, яко «дивитися всѣмъ зрящимъ доброты ея, любима бо и сладка всѣмъ... Лѣто же нарицается мужъ тихъ, богатъ и красенъ, питая многи человекѣ и смотря о своемъ дому, и любя дѣло прилежно, и безъ лѣности возстая заутра до вечера и дѣлая безъ покоя. Осень подобна женѣ уже старѣ «и богатѣ и многочаднѣ, овогда дряхлющи и сѣтующи, овогда же радующися и веселящися, рекше иногда (печальна отъ) скудости плодъ земныхъ и глада человекомъ, а иногда весела сущи, рекше ведрена и обильна плодомъ всѣмъ, и стиха и безмятежна. Зима же подобна женѣ — мачихѣ «злой и нестройной и нежалостливой, ярѣ и немилостивѣ; егда милуетъ, но и тогда казнить; егда добра, но «и тогда знобить, подобно трясавицѣ, и гладомъ морить, и «мучить грѣхъ ради нашихъ». Согласно съ этимъ, церковная живопись допускала аллегорическія изображенія Весны, Лѣта, Осени и Зимы ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя изображенія заимствованы нашими художниками изъ античныхъ источниковъ, чрезъ посредство Византіи; но такое заимствованіе нимало не противорѣчило народному пониманію, ибо поэтическія олицетворенія временъ года шли изъ глубокой древности и принадлежали славянамъ наравнѣ со всѣми другими родственными племенами. Въ Эддѣ Лѣто (*Sumaðr*, сынъ *Svâsudhr'* а — отъ *svâs* — *caerus, proprius, domesticus*, готск.

¹⁾ О. З. 1851, IX, 29—30.

svés, др.-в.-н. suás) и Зима (Vetr, отцомъ котораго былъ Vindlóni или Vindsvallr—der windbringende, windkühle) представляются одушевленными существами: первое — добрымъ, дружелюбнымъ, а вторая — злымъ, жестокосердымъ. И у нѣмцевъ, и у славянъ до сихъ поръ уцѣлѣли слѣды этихъ образныхъ представлений въ народныхъ поговоркахъ и общепринятыхъ оборотахъ рѣчи: «der Sommer или der Winter ist vor thür, tritt ein, kehrt ein», у насъ: «Весна (Лѣто, Осень или Зима) на дворѣ, воротилась, пришла». Лѣто и Май-мѣсяцъ (Весна) рядятся въ зеленые, густолиственные уборы, а Зима надѣваетъ на себя бѣлоснѣжный покровъ или саванъ (вслѣдствіе сближенія ея съ богиней Смертію); и Лѣто, и Зима являются съ своими слугами и помощниками: первое — съ грѣзами, бурными вѣтрами и дождями, послѣдняя — съ снѣгомъ, инеемъ, мятелями, вьюгами и морозомъ, которые въ древне-поэтическихъ сказаніяхъ олицетворялись сильно-могучими богатырями и великанами. Оба они состоятъ въ нескончаемой враждѣ («Зимѣ и Лѣту союзу нѣту»¹⁾), преслѣдуютъ другъ друга («der leide Winder hât den Sumer hin v e g j a g e t») и сражаются между собою точно также, какъ День сражается съ Ночью (см. стр. 691). Сходныя, аналогическія черты, подмѣченныя въ смѣнахъ дня и ночи, лѣта и зимы, заставили народную фантазію сближать ежедневную борьбу свѣта и тьмы съ ежегодною борьбою тепла и холода и повели къ постоянному смѣшенію миеовъ, относящихся къ этимъ разнороднымъ физическимъ явленіямъ. Лѣто отличается ясностью, блескомъ солнечнаго свѣта, какъ бѣлый день; зима же потемняется снѣжными облаками и туманами и уподобляется ночи. День и весна пробуждаютъ спящую, безмолвную природу и радуютъ весь міръ, а ночь и зима погружаютъ ее въ сонъ—

¹⁾ Рус. въ св. посл., II, 5.

подобіе смерти и придають ей печальный характер ¹⁾. Въ нашемъ областномъ языкѣ слѣтье употребляется въ значеніи не только лѣтнаго времени и урожая, но и вообще удачи, успѣха; напротивъ слова неслѣтье и безлѣтье означаютъ во первыхъ: неурожайное лѣто, и во вторыхъ: неудачу, несчастье; поэтому говорятъ: «пришло на него безлѣтье!» — что равносильно выраженію: «пришла на него невзгода!» Прилагательное веселый нѣкоторыми лингвистами сближается съ словомъ весна; «настали для кого свѣтлые, ясные дни» — дни радости, веселья; черный день — день печали, несчастія; смотрѣть сентябрешъ, отуманиться — быть унылымъ, печальнымъ ²⁾. Закликая въ мартѣ и апрѣлѣ-мѣсяцахъ весну, поселане обращаются къ ней, какъ къ существу живому, благодатному, творческому:

а) Весна, Весна красная!
 Приди, Весна, съ радостью,
 Съ великою милостью:
 Со льномъ высокімъ,
 Съ корнемъ глубокимъ,
 Съ хлѣбами обильными.

б) Весна красна!
 На чемъ пришла,
 На чемъ прѣехала?
 На сошечкѣ,
 На бороночкѣ. ³⁾

¹⁾ D. Myth., 715, 719, 721—2; Смирнокъ, 254—5. — ²⁾ Обл. Сл., 8, 128, 207; Изв. Ак. Н., IV, ст. Микущаго, 405. — ³⁾ Сахаров., I, 260; II, 16; Маякъ, XIII; Пассекъ, V, 175:

Весна, Весна — днемъ красна!
 Что ты намъ принесла?
 Принесла я вамъ лѣтечко,
 Чтобъ родило зяльячко,
 И рута, и червоный макъ,
 И мята, и зеленый барвинокъ.

О Зимѣ и Осени рассказываютъ, что онѣ прїѣзжаютъ на пѣгнхъ кобылахъ; съ половины ноября Зима, по народному повѣрью, встаетъ на ноги, куетъ морозы, стелетъ по рѣкамъ мосты и выпускаетъ на бѣлый свѣтъ подвластныхъ ей нечистыхъ духовъ; съ 12-го декабря она ходитъ въ медвѣжьей шубѣ, стучится по крышамъ избушекъ, будитъ бабъ и заставляетъ топить печи; идетъ ли она по полю—за ней слѣдуютъ вереницами Мятели и Вьюги и настойчиво просятъ дѣла, идетъ ли по лѣсу—сыплетъ изъ рукава шишекъ, идетъ ли по рѣкѣ — на три аршина куетъ подъ своими ногами воду ¹⁾. Болѣе наглядныя олицетворенія временъ года встрѣчаемъ у бѣлоруссовъ. Весну они называютъ Ляля, лѣто — Цеця, осень — Жыцень, зиму — Зюзя. Ляля представляется юною, красивою и стройною дѣвою; существуетъ поговорка: «пригожая, якъ Ляля!» Въ честь ея празднуютъ наканунѣ Юрьева дня, и праздникъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Ляльника. На чистомъ лугу собираются крестьянскія дѣвицы; избравши изъ своей среды самую красивую подругу, онѣ наряжаютъ ее въ бѣлые покровы, перевязываютъ ей шею, руки и станъ свѣжею зеленью, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ: это и есть Ляля. Она садится на дѣрнѣ; возле нея ставятъ разные припасы (хлѣбъ, молоко, масло, творогъ, сметану, яйца) и кладутъ зеленые вѣнки; дѣвицы, схватившись за руки, водятъ вокругъ Ляли хороводъ, поютъ обрядовыя пѣсни и обращаются къ ней съ просьбою объ урожаѣ:

Дай намъ жытцу ²⁾
 Да пшаницу,
 Въ агародзѣ,
 Свнажацѣ ³⁾ —
 Ровны гряды,
 Ровны зряды.

¹⁾ Сахаров., II, 65—69. — ²⁾ Жыта. — ³⁾ На покосѣ.

Ляля раздаёт имъ вѣнки и угощаетъ всёхъ приготовленными яствами. Эти вѣнки и зелень, въ которую наряжалась Ляля, берегаютъ до слѣдующей весны ¹⁾. Цеця — дородная, красивая женщина; въ лѣтнюю пору она показывается на поляхъ — убранныя зрѣлыми колосьями, и держитъ въ рукахъ сочные плоды ²⁾. Жыцень представляется существомъ малорослымъ, худощавымъ, пожилыхъ лѣтъ, съ суровымъ выраженіемъ лица, съ тремя глазами и всклоченными, косматыми волосами. Онъ появляется на нивахъ и огородахъ, послѣ снятія хлѣба и овощей, и осматриваетъ: все ли убрано, какъ слѣдуетъ въ добромъ хозяйствѣ. Запримѣтивъ много колосевъ, несрѣзанныхъ или оброненныхъ жнецами, онъ собираетъ ихъ, связываетъ въ снопы и переноситъ на участокъ того хозяина, у котораго хлѣбъ убранъ начисто, съ бережливостью; вслѣдствіе этого на будущій годъ тамъ, гдѣ Жыцень подобралъ колосья, оказывается неурожай, а тамъ, куда перенёсъ онъ связанный снопы, бываетъ обильная жатва. Когда Жыцень странствуетъ въ видѣ нищаго и при встрѣчѣ съ людьми грозитъ имъ пальцемъ, это служитъ предвѣстіемъ всеобщаго неурожая и голода въ слѣдующемъ году: «Жыцень з' казобѣй (съ нищенской сумою) — голодъ на дворѣ!» Во время осеннихъ постовъ онъ незримо присутствуетъ на поляхъ и утаптываетъ въ землю разбросанныя зѣрна, чтобы ни одно не пропало даромъ. Судя по этимъ даннымъ, Жыцень принадлежитъ собственно къ породѣ эльфическихъ духовъ, блуждающихъ по нивамъ и помогающихъ росту и зрѣнію хлѣбныхъ

¹⁾ Румуны чествуютъ особымъ празднествомъ Делю и смѣшываютъ ее въ своихъ пѣсняхъ съ Пресв. Давою; холостые парни и дѣвицы обращаются къ Делѣ съ просьбою послать имъ ровню (устроить ровный бракъ). Очевидно, Ляля (Деля) — тоже, что древнимъ Лада, богиня весенняго плодородія и любви — Телескопъ 1833, VIII, 511—2. — ²⁾ Поговорка: «маракавъ на Цецю, а тряевъ на пѣцю!» — метель (женухъ) на красавицу, попалъ на безобразную.

злаковъ (сравни съ повѣрьями о полудницахъ, мавкахъ, полевикахъ, житной бабѣ — II, 330 и гл. XXIII); бѣлоруссы сочетали съ нимъ представлѣнiе осени, такъ какъ къ этому времени года относится окончательная уборка и умологъ сноповъ и постѣвъ озимаго хлѣба. Имя Жыцень есть производное отъ слова жито (рожь), что подкрѣпляется и народными поговорками: «Жыцень хлѣба давъ», «барджѣй на Жытня, калі въ засѣвѣ хлѣба не прытне»¹⁾. Зюзя — старикъ небольшого роста, съ бѣлыми что снѣгъ волосами и длинною сѣдою бородою, ходитъ босой, съ непокрытою головою, въ теплой бѣлой одеждѣ, и носитъ въ рукахъ желѣзную булаву. Большую часть зимы проводитъ онъ въ лѣсу, но иногда заходитъ и въ деревню, предвѣщая своимъ появленіемъ жестокою стужу. Чтобы умилостивить Зюзю, бѣлоруссы наканунѣ Новаго года откладываютъ нѣсколько ложекъ кутьи въ особую миску и оставляютъ ее на ночь на столѣ, чтобы Зюзя пришелъ кутьи паѣсьци и не вредилъ бы морозами нивамъ и домашнимъ животнымъ: «Зюзя на дворѣ — кудья на столѣ». Подобно тому, въ другихъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ у крестьянъ обычай приглашать Морозъ на кутью и на кисель (см. I, 319). Когда Зюзя гнѣвается на людей, онъ ударяетъ своей булавою въ какой-нибудь пень, и тотчасъ-же трескаются стѣны домовъ и самая земля; «трескучіе» морозы приписываются его ударамъ: «Зюзя стукниае, людей ущувае» (страшаетъ²⁾). Происхожденіе именъ Ляля, Цяця и Зюзя остается необъясненнымъ; каждое изъ нихъ образовалось чрезъ удвоеніе кореннаго слога и всѣ равно уцѣлѣли въ дѣтскомъ языкѣ: ляля и цяця (малорус. цяця) употребляются, какъ ласкательныя названія ребенка (въ смыс-

¹⁾ Тотчасъ на Жытня (сваливаютъ бѣлу), если не окажется въ амбарѣ хлѣба. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 94—97, 105—7, 120—1.

лѣ: милый, пригожий, умница), а также для означенія игрушки ¹⁾; зюзя употребляется въ замѣну слова «холодно»: «не ходи на дворъ, тамъ зюзя!» ²⁾ бѣлорус. зюзѣць—мерзнуть, цѣпенѣть отъ холода ³⁾. Въмѣсто олицетворенныхъ временъ года, въ славянскихъ сказкахъ нерѣдко выводятся дѣйствующими лицами Мѣсяцы, какъ двѣнадцать братьевъ, возсѣдающихъ на стеклянной горѣ, т. е. на небѣ, вокругъ пылающаго костра — солнца. Костѣръ этотъ горитъ то сильнѣе (въ лѣтнюю пору), то слабѣе (зимую), смотря по тому, какой изъ Мѣсяцевъ беретъ въ свои руки правительственный жезлъ. Весеннiе Мѣсяцы изображаются цвѣтущими юношами, лѣтнiе — достигшими полного развитiя силъ мужами, осеннiе — пожилыми, старѣющими братьями, а зимнiе — сѣдовласыми старцами (смотри выше стр. 265—270). Подобное-же олицетворенiе мѣсяцевъ встрѣчаемъ и въ итальянской сказкѣ ⁴⁾, но обстановка ея уже значительно подновлена: съ горы-неба сцена переносится въ гостиницу. Было два брата—богатый и бѣдный. Бѣдный, оставленный безъ помощи богатымъ братомъ, пошелъ искать счастья; на пути остановился онъ въ одной гостиницѣ, въ которой грѣлись у огня двѣнадцать мужей и подсѣлъ къ нимъ, дрожа отъ холода. Одинъ изъ двѣнадцати незнакомцевъ, мрачный и суровый по виду, спросилъ пришельца: «что ты думаешь о теперешнемъ времени года?» — «Что думаю? отвѣчалъ тотъ; я убѣжденъ, что всѣ мѣсяцы года исполняютъ свое дѣло, но мы сами не зная—чего намъ желается, хотимъ давать законы небу и не разсуждаемъ о томъ, что намъ полезно или вредно; когда бываетъ вѣтрено и дождь

¹⁾ Обл. Сл., 108, 252; Доп. обл. сл., 295; Старосв. Банд., 578.—

²⁾ Обл. Сл., 322. — ³⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 96. Въ одной изъ валахскихъ сказокъ (Шоттъ, 6: „Die altweibertage“) Весна является, какъ богиня, наказующая злую мачуху. — ⁴⁾ Pentameron, II, 42.

идеть—мы желаемъ жаровъ, а въ августѣ просимъ тучъ, несколько не думая, что отъ этого могутъ погибнуть жатвы. «Ты рассуждаешь, какъ Соломонъ; но нельзя-же не признать, что настоящій мѣсяцъ мартъ своимъ холодомъ, дождемъ, снѣгомъ, вѣтрами и туманами причиняетъ намъ много печали». —Ты говоришь только о непріятныхъ качествахъ этого мѣсяца, отвѣчалъ бѣднякъ; а не говоришь о той пользѣ, какую приносятъ онъ, приводя съ собою весну. Незнакомецъ съ радостью выслушалъ такой отвѣтъ, ибо это былъ самъ мѣсяцъ Мартъ съ одиннадцатю своими братьями, и подарилъ благоразумному гостю ящичекъ, въ которомъ можно найти все, чего только пожелаешь. Бѣднякъ взялъ подарокъ, возвратился домой и векоръ такъ разжился, что богатый братъ его почувствовалъ всю горечь зависти и немедленно собрался въ путь. Онъ зашелъ въ ту же гостиницу, но въ разговорѣ съ мѣсяцемъ Мартомъ разобралъ погоду и его самого послалъ къ чорту. Мѣсяцъ Мартъ подарилъ ему молотильный цѣпъ: «всякой разъ, какъ пожелаешь чего, скажи только: цѣпъ! дай мнѣ сотню». При первой-же пробѣ цѣпъ осыпалъ ударами неосторожнаго искателя приключеній. Такимъ образомъ, по свидѣтельству сказки, мѣсяцъ Мартъ обладаетъ и чудеснымъ ящичкомъ (=тоже, что скатерть-самобранка), и дубинкою-самобоемъ.

Главная мысль, лежащая въ основѣ простонародныхъ праздничныхъ обрядовъ, можетъ быть выражена въ этихъ немногихъ словахъ: смерть природы зимою и обновленіе или воскресеніе ея весною. Съ первыми признаками весны поселяне уже начинаютъ зазывать (закликать) ее. Такими признаками служатъ: пробужденіе животныхъ, подверженныхъ зимней спячкѣ, прилѣтъ птицъ, появленіе насекомыхъ и цвѣтеніе подснежниковъ. 1-го марта, по русской примѣтѣ, баба къ просыпается, выходитъ изъ норы и начинаетъ свистать; 4-го прилетаютъ грачи, 9-го—жаворонки;

къ 17-му числу лёдъ на рѣкахъ становится настолько непрочнымъ, что, по народному выраженію, щука его хвостомъ пробиваетъ; 25-го марта ласточка вылетаетъ изъ вѣрія, и поспѣвая въ здѣшній міръ, несетъ съ собою тепло; 5-го апрѣля пробуждаются сверчки, а 12-го медвѣдь выходитъ изъ берлоги, въ которой проспалъ цѣлую зиму; въ маѣ-мѣсяцѣ земля уже «принимается за свой родъ»¹⁾. Приведенныя примѣты не вездѣ и не всегда оказываются вѣрными; во первыхъ разныя мѣстности пользуются и разными климатическими условіями, и во вторыхъ—независимо отъ этихъ условій, годъ на годъ не приходится: зимніе холода заканчиваются иногда ранѣе, иногда позднѣе. Поэтому начало весны (ея приходъ) издревле опредѣлялось не наступленіемъ извѣстнаго въ году дня, а дѣйствительнымъ появленіемъ ея знаменій. У германцевъ тотъ, кто усматривалъ первую фіалку (*viol*), спѣшилъ объявить о томъ мірской общинѣ; цѣлая деревня сбѣгалась на указанное мѣсто, найденный цвѣтокъ подымали на шесть, танцевали вокругъ него, рѣзались и пѣли веселыя пѣсни. Это называлось: находить лѣто. Подобно тому, въ южной Россіи радуются появленію голубаго рѣста (*scilla bifolia*), одного изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ Украйны; собираясь на поляхъ, поселане начинаютъ скакать, приплясывать и причитывать: «топчу, топчу рѣста! дай, Боже, потоптати и того року дождати!» Съ тою-же непритворною радостью встрѣчаютъ вѣмцы и перваго майскаго жука²⁾, а первый при-

¹⁾ Марквич., 2—3; Сахаров., II, 16, 22; Ч. О. И. и Д. 1867, IV, 180—1. — ²⁾ По числу черныхъ точекъ на крыльяхъ *Meligethes* заключаютъ о будущемъ урожаѣ; если этихъ точекъ окажется болѣе семи, то хлѣбъ будетъ дорогъ, а если менѣе, то предстоитъ богатая жатва—D. Myth., 658. По русскому повѣрью: если во время поспѣва подъ брюшкомъ жука будетъ много яичекъ—это предвѣщаетъ изобиліе хлѣба и наоборотъ; если яички помѣщаются у переднихъ ногъ жука, то лучшій урожай будетъ для ржаныхъ

летѣвшій аистъ и первая ласточка привѣтствуются ими, какъ правдивые вѣстники возвратившейся весны. Обѣ эти птицы признаются священными (ласточка—у нѣмцевъ *Ne g-gottsvogel*, у французовъ *la roule de Dieu*); причинять имъ вредъ и разорять ихъ гнѣзда считается величайшимъ грѣхомъ. На домъ, въ которомъ онѣ гнѣздятся, никогда не упадаетъ молнія. Въ Швеціи крестьяне зыываютъ ласточку троекратнымъ окликомъ. Возвращеніе ласточки праздновали и греко-италійскія племена. На Родосѣ дѣти носили весною ласточку, пѣли обрядовыя пѣсни, и получали за то въ даръ разные припасы. И донынѣ существуетъ въ Греціи обычай, слѣдующему которому юноши ходятъ 1-го марта по улицамъ, съ пѣснями и носятъ вырѣзанную изъ дерева ласточку. Равнымъ образомъ принято было у грековъ за правило давать тому награду, кто первый возвѣщалъ о прилетѣ аиста ¹⁾. На Руси ласточку называютъ святою, божьею птицею, у чеховъ—птицею Дѣвы Маріи ²⁾. Гдѣ она поселится, тому дому приноситъ благословеніе, счастье, и предохраняетъ его отъ грозы и пожара; поэтому крестьяне нарочно прибываютъ подъ

посѣвовъ, а если у заднихъ ногъ, то лучше всего уродаются поздне посѣвы—Иллюстр. 1846, 246; Этн. Сб., II, 55. — ¹⁾ Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовича, 63; D. Myth., 722—3; Пѣсни разн. народовъ въ пер. Верга, 199, 205; Beiträge zur D. Myth., I, 232; II, 432. — ²⁾ У египтянъ ласточка служила символомъ Изиды въ ту пору весенняго обновленія природы, когда богиня эта искала тѣло своего супруга, умерщвленнаго злобнымъ Тисономъ; у грековъ образъ этой птицы принимала Аэина—*Andeutungen eines Systems der Myth.*, 170; Одисс., XXII. Такъ какъ мысль о воскресающей природѣ сочеталась въ христіанскую эпоху съ празднованіемъ Свѣтло-Христово Воскресенія, то вмѣстѣ съ этимъ ласточкѣ было дано участіе въ легендарныхъ сказаніяхъ: своимъ чириканьемъ она предостерегала Спасителя отъ преслѣдующихъ жидовъ, а когда предала его на распятіе, то похищала и прятала приготовленные гвозди.

кровлями планки и маленькія дощечки, чтобы ласточкамъ удобнѣе было прилаживать свои гнѣзда. За убіеніе ласточки и разореніе ея гнѣзда Богъ караетъ преступника смертію, или истребляетъ его домъ пожаромъ, насылаетъ на его стада падежъ, отымаетъ у его коровъ молоко ¹⁾). Ранній прилѣтъ ласточки предвѣщаетъ счастливый, урожайный годъ. «И отъ ластовицѣ (читаемъ въ старинномъ памятникѣ) не вѣроуеши ли, яже оу тебѣ щьбьчетъ все лѣто зѣло краснѣ?» Въ Малоросіи дѣти ходятъ въ началѣ марта по домамъ, славятъ ярь и зеленачку и носятъ съ собою деревянную ласточку или испеченныхъ изъ хлѣба жаворонковъ; тотъ-же обычай носить деревянную ласточку соблюдается и болгарами ²⁾). Не менѣе важная роль принадлежитъ въ народныхъ преданіяхъ и повѣрхъхъ кукушкѣ. У древнихъ индусовъ она была посвящена Индрѣ, у германцевъ — Тору ³⁾; у грековъ въ образѣ этой птицы являлся Зевсъ; у славянъ, по свидѣтельству старинной польской хроникѣ (*Chronicon slavosarmaticum Procosii*—*Kronika polska przez Prokosza*), чествованіе кукушки связывалось съ культомъ богини Живы: «*divinitati Zywie fanum exstructum erat in monte ab ejusdem nomine Zywie dicto, ubi primis diebus mensis maji innumerus populus pie conveniens precabatur ab ea, quae vitae auctor habebatur, longam et prosperam valetudinem. Praecipue tamen ei litabatur*

¹⁾ Существуетъ еще повѣрье: кто разоритъ гнѣздо ласточки, у того выступаютъ на лицѣ веснушки. Завидя первую ласточку, малороссы умываются водою и приговариваютъ: «ластивко, ластивко! на тобѣ веснянки, дай мени билини»—*Номис.*, 5. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 262, 333; *Объ истор. зн. нар. пов.*, 72; *Записки Авдѣв.*, 140—2; *Архивъ ист.-юр. свѣд.*, I, стат. Кавел., 8; *Нар. сл. раз.*, 138, 144, 153; *Херсон. Г. В.* 1852, 17; *Полт. Г. В.* 1845, 15; *Сахаров.*, II, 81; *Цебриков.*, 264; *Громанъ*, 70; *Миладни.*, 522; *Volkslieder der Wenden*, II, 260; *Neues Lauzitz. Magazin* 1843, III—IV, 336; *Іоаннъ, вѣд. болг.*, 137. — ³⁾ *Germ. Mythen*, 237.

ab iis, qui primum cantum cuculi audivissent, ominantes superstitione, tot annos se victuros, quoties vocem repetisset. Opinabantur enim supremum hunc universi moderatorem transfigurari in cuculum, ut ipsis annuntiaret vitae tempora: unde crimini ducebatur, capitalique poena a magistratibus afficiebatur qui cuculum occidisset.»¹⁾

Жива — богиня весны, названная такъ потому, что приходомъ своимъ животворитъ = воскрешаетъ умирающую на зиму природу, даетъ землѣ плодородіе, раститъ нивы и пажити. Отъ снк. *dživ*—живу, *dživa*—живой образуются два слова: одно съ суффиксомъ *t*: *dživita*—наше животь, означающее: во 1-хъ—брюхо, чрево, какъ ту часть тѣла, гдѣ совершаются главные жизненные процессы; во 2-хъ жизнь («положить животь за отечество»), и въ 3-хъ—имущество, состояніе и домашній скоть (животы, животное; въ лѣтописяхъ съ этимъ значеніемъ употребляется и слово жизнь); другое съ суффиксомъ *p*: *dživapa*—прилагат. *vivificus*, сущ. *vita*. Жива есть сокращенная форма имени Живана или Живена, пол. *Ziewonia*²⁾, и значить: «дающая жизнь». О весеннемъ половодьи, разлитіи рѣкъ поселена донныѣ выражаются: «вода заживаетъ». Все, что служить условіемъ жизни: пища (жито, житница, житникъ и житоръ—ячмень, живность—съѣстные припасы; сравни нѣм.

¹⁾ D. Myth., 643—4. Переводъ: Божеству Живъ было устроено капище на горѣ, названной по ея имени Живецъ, гдѣ въ первые дни мая благоговѣнно сходился многочисленный народъ испрашивать отъ той, которую почиталъ источникомъ жизни, долговременнаго и благополучнаго здравія. Особенно-же привосились ей жертвы тѣми, которые слышали первое пѣніе кукушки, предвозвѣстившее имъ столько лѣтъ жизни, сколько разъ повторился ея голосъ. Думали, что высочайшій владыка вселенной превращался въ кукушку и самъ предвѣщалъ продолженіе жизни; поэтому убіеніе кукушки вѣнялось въ преступленіе и преслѣдовалось отъ правителей уголовнымъ наказаніемъ. — ²⁾ D. Myth., 733.

leben—жить, leib—животъ и laib—гот. hlaib, хлѣбъ), домашній кровъ (жилъе, жилой покой т. е. теплый, съ печкою), матеріальное довольство (жира, жирова, житуха—хорошее, привольное житье, жировать—жить въ изобиліи, ѣсть вдоволь, жировой—счастливый, богатый—зажиточный, жити люди—лучшіе, достаточные, жировикъ—домовой, какъ блюститель домашняго счастья и хозяйства; въ старинныхъ памятникахъ существ. жиръ употребляется въ смыслѣ «пастбища», «пастбища» а глаголь жить въ смыслѣ «пастися»), здравіе (заживлять раны, зажило, подобно тому, какъ отъ слова быть образовалось бытѣть — здоровѣть, толстѣть ¹⁾), славянинъ обозначаетъ рѣченіями, происходящими отъ того-же плодovitаго корня. Названія: «жизнь моя!» «жизнёнокъ!» употребляются въ народѣ, какъ самая нѣжная, задушевная ласка. Наоборотъ слова, производныя отъ глагола жить, съ отрицаніемъ не, получили значеніе недоброе: областн. нежилельный—непріязненный ²⁾, нежить или нежить — олицетвореніе мучительной болѣзни, духъ смерти (стр. 96-98). Посвященная богиня Живъ, кукушка признавалась вѣщюю, небесною посланницею; она повѣдаетъ наступленіе лѣта («зозуля ковала—лѣтечко казала» ³⁾), начало грозъ и дождей, опредѣляетъ долготу человеческой жизни и сроки брачныхъ союзовъ. По ея голосу земледѣлецъ заключаетъ о будущемъ урожаѣ: если она закукуетъ при восходѣ солнца и на зеленомъ деревѣ (т. е. въ то время, когда лѣса одѣнутся листьями), то годъ будетъ урожайный, а если закукуетъ на ночь и на голомъ деревѣ—будетъ голодъ и морь. Кто впервые услышитъ кукушку на тощій (пустой)

¹⁾ Обл. Сл., 19, 56—57; Матер. для сравнит. слов., II, 7; Ч. О. И. и Д., годъ 3, I, 9—10; Radices linguae slov., 29; Археол. Вѣстн. 1867, II, 89. — ²⁾ О. 3. 1851, VIII, 46. — ³⁾ У литовцевъ май назывался „мѣсяцемъ кукушки“.

желудокъ, тому настоящій годъ сулитъ несчастія; такому человѣку не слѣдуетъ закармливать скотину: не то-голодать ей всю зиму! По чешскому повѣрью, если зозуля не кукуетъ до Иванова дня, то надо ожидать неурожая; своими крикомъ она прогоняетъ градъ, бури, безплодіе и дороговизну. Чехи обращаются къ ней съ вопросомъ: почѣмъ будетъ продаваться жито, ячмень, овесъ? и смотря по тому, сколько разъ она кукуетъ, судятъ о будущихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Весною, слышавъ въ первый разъ кукушку, простолюдины спѣшатъ побранчать деньгами—для того, чтобы они не переводились до слѣдующаго года; отсюда возникли поговорки: «сховай грашулку на зязюлку», «сховай три грошы у руку на кук у!» Если-же на ту пору не будетъ въ карманѣ денегъ—это принимается за вѣрный знакъ, что ихъ не будетъ и въ продолженіе цѣлаго года. Тѣже самыя приѣты существуютъ у сербовъ, румыновъ и нѣмцевъ ¹⁾. И вообще всѣ птицы, прилетающія къ намъ съ юга, встрѣчаются, какъ вѣстницы благодатной весны. По народному повѣрью, онѣ являются изъ райскихъ странъ (вирія), отпираютъ замкнутыя зимнею стужею облака, проливаютъ на землю живительный дождь и даруютъ ей силу плодородія. Въ пѣніи овсянки малороссамъ слышатся слова: «покинь сани, возьми возъ!» ²⁾

Призывъ весны начинается съ 1-го марта; дѣти и дѣвицы влѣзаютъ на кровли амбаровъ, всходятъ на ближайшіе холмы и пригорки, и оттуда причитываютъ: «Весна, Весна красная! приди, Весна, съ радостью, съ великою милостью» (см. стр.

¹⁾ Нар. сл. раз., 136—8, 155, 165; Москв. 1852, XVI, 132; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853 г., 189; Этн. Сб., II, 56; Пузин., 195; Сахаров., I, 271; Громанъ, 68—70; Чешск. пѣсни Эрбена, 77; Срп. рјечник, 312; Телескопъ 1833, VIII, 501—2; D. Myth., 641—3; Beiträge zur D. Myth., I, 210, 232; Zeitschrift für D. Myth., III, 222; Die Wissenschaft des slav. Mythus Гауша, 317, — ²⁾ Украин. мелодія, 142; Рус. въ св. посл., IV, 15.

678). Тотъ же призывъ повторяется 9-го и 25-го марта, на Свѣтлую недѣлю и на Красную Горку (воскресенье Фоминной недѣли). На 9-е марта, когда (по народной примѣтѣ) прилетаютъ жаворонки, поселанки пекутъ изъ тѣста изображенія этихъ птичекъ, обмазываютъ ихъ медомъ золотятъ имъ крылья и головы сусальскимъ золотомъ, и съ такими самодѣльными жаворонками ходятъ закликать Весну. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обрядовыя причитанія прямо обращаются къ Ладѣ, богинѣ лѣтняго плодородія, любви и брачныхъ связей:

Благослови, мати,
Ой мати Лада, мати,
Весну закликаѣти!

Иди: Благослови, Боже,
Благослови, мати,
Весну закликаѣти,
Зиму провожати!
Зимочка—въ возочку,
Лѣтечко—въ човночку,

т. е. Зима отъѣзжаетъ по сухому пути — на возу, а Лѣте приплываетъ на челнокѣ, пользуясь весеннимъ разливомъ водъ. Въ старину закликаніе Весны должно было сопровождаться жертвенными приношеніями. И донинѣ 1-го марта, на утреннемъ разсвѣтѣ, болгары выходятъ встрѣчать Весну съ нарочно-приготовленнымъ круглымъ хлѣбомъ¹⁾; наши поселанки разстилаютъ на полѣ новый холстъ, кладутъ на него пироги, и обращаясь на востокъ, говорятъ: «вотъ тебѣ, матушка Весна!» Затѣмъ, оставляя свои дары подъ открытымъ небомъ, онѣ возвращаются домой, съ надеждою, что матушка Весна одѣнется въ новину и за принесенную ей хлѣбъ-соль уродитъ въ изобиліи цѣнь и конопля²⁾.

¹⁾ Сообщено г. Каравеловымъ. — ²⁾ Сахаров., II, 16, 18, 22, 75, 81; Вѣст. Евр. 1821, III, 193; Полтав. Г. В. 1845, 15; Магъ, XI, 8; Слав. Млв., 75.

При встрѣчѣ Весны поются обрядовыя пѣсни (веснянки: содержаніемъ ихъ служить любовь, возжигаемая Ладюю въ сердцахъ дѣвицъ и юношей) и совершаются праздничныя игрыща, идущія изъ глубокой древности. По народному выраженію, на Срѣтенье Зима встрѣчается съ Лѣтомъ, «щобъ побороцьца: кому йти напередъ, кому вертацьца назадъ», а на Благовѣщенье послѣднее осмливаетъ первую: «Весна Зиму поборола»¹⁾. Въ естественной снѣгѣ временъ года: зимы и лѣта древній человѣкъ видѣлъ борьбу двухъ противоположныхъ, взаимно-враждебныхъ силъ, и свое воззрѣніе запечатлѣлъ въ символическихъ обрядахъ, до сихъ поръ совершаемыхъ при началѣ весны. Въ Германіи въ этихъ обрядахъ принимаютъ участіе юноши и дѣвицы, раздѣляясь на двѣ половины: одна половина признается свитою Лѣта, другая — Зимы. Того, кто представляетъ Лѣто, наряжаютъ въ зеленый плющъ и барвинокъ (singrün), а представляющаго Зиму — въ нохъ и солому; они выступаютъ другъ противъ друга и долго сражаются между собою, пока наконецъ не побѣдитъ Лѣто и съ поверженной на-земь Зимы не будутъ сорваны ея уборы. Послѣ того торжественно носятъ по деревнѣ зеленую вѣтвь или вѣнокъ, возглашая пѣсню:

Der Sommer der ist da;
 wir wollen hinaus in garten
 und wollen des Sommers warten.
 Wir wollen hinter die hecken
 und wollen den Sommer wecken.
 Der Winter hats verloren.
 der Winter liegt gefangen.

- Или: а) Der Sommertag ist da,
 er kratzt dem Winter die augen aus
 und jagt die bauern zur stube hinaus.
 б) Stab aus! dem Winter gehn die augen aus..

¹⁾ Номис., 282; Послов. Далия, 976.

c) Violen und die blumen
 bringen uns den Sommer;
 der Sommer ist so keck
 und wirft den Winter in den dreck. ¹⁾

Такимъ образомъ, по свидѣтельству пѣсень, Лѣто, пробуждаясь отъ сна, побѣждаетъ Зиму, захватываетъ ее въ плѣтъ, выкалываетъ ей очи и повергаетъ свою соперницу въ грязь, производимую весеннимъ таяньемъ снѣговъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ поселянинъ, избранный представлять Лѣто, вылезаетъ въ одной сорочкѣ, держа въ рукахъ разукрашенное плодами и лентами дерево; а тотъ, кто представляетъ Зиму, выходитъ въ теплой одеждѣ или въ мохнатой шкурѣ. Оба они похваляются своими доблестями, перебрасываются взаимною бранью и бьютъ другъ друга по плечамъ палками. Состоящіе въ свѣтѣ Зимы вооружаются снѣжными глыбами, а сторонники Лѣта — деревянными мечами, серпами, вилами и другими земледѣльческими орудіями. Обрядовыя пѣсни имя Зимы (Winter) нѣрѣдко замѣняютъ именемъ Смерти (Tod), ибо въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ понятія эти точно также отождествлялись между собою, какъ и понятія Весны и Жизни. Въ зимнюю пору природа чахнетъ, цѣпенѣтъ, умираетъ, а весною пробуждается къ новой жизни:

wir haben den Tod hinaus getrieben,
 den lieben Sommer bringen wir wieder. ²⁾

Въ Нюрнбергѣ дѣвицы, отъ семи до шестнадцати лѣтъ, въ праздничныхъ нарядахъ, совершаютъ при началѣ весны слѣдующій обрядъ: онѣ носятъ по предметью и городскимъ улицамъ маленькой гробъ, въ которомъ лежитъ покрытая полотномъ деревянная или соломенная кукла, и поютъ: «wir tragen den Tod ins wasser!» И дѣйствительно —

¹⁾ D. Myth., 724—5. — ²⁾ Переводъ: мы выгнали Смерть и принесли милое Лѣто.

буклу эту бросают потомъ въ воду или сжигаютъ на кострѣ ¹⁾. У славянъ существуетъ старинный обычай: встрѣчая весну въ мартѣ-мѣсяцѣ, совершать изгнаніе Смерти или Зимы. Они выносятъ изъ деревни соломенное чучело, изображающее Смерть, топятъ его въ рѣкѣ, или предають сожженію, а пепелъ бросаютъ въ воду; ибо Зима гибнетъ подъ жгучими лучами весенняго солнца, въ быстрыхъ потокахъ растопленныхъ ими снѣговъ. Въ Богеміи, при совершеніи означеннаго обряда, поютъ:

giz nesem Smrt ze wsi,
nowe Leto do wsi;
witey Leto libezne,
obiljcko zelene!

т. е. уже несемъ Смерть изъ села (веси), а новое Лѣто въ село; здравствуй, любезное Лѣто, зеленый поствъ! Или:

Smrt plyne po wodě.
nowe Leto k nam gede. ²⁾

Въ другихъ славянскихъ земляхъ, вынося изъ деревни чучело, наряженное въ женскіе уборы, возглашаютъ:

Wynesli sme Murienu se wsi,
prinesli sme Mag nowy (новый Маѣ) do wsi,

или (какъ поютъ въ Моравіи): *nesem, nesem Mařen u*. Въ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: *«i jedinu družu nam imiéti po puti wšei z wesny po šoga pu»* — и единую подругу имѣть намъ на пути отъ весны до мораны, т. е. отъ юности до смерти. Юность представляется здѣсь въ поэтическомъ образѣ весны, согласно съ обычнымъ и почти у всѣхъ народовъ распространеннымъ эпическимъ приѣмомъ изображать Весну прекраснымъ юношею или дѣвою, а Зиму бѣловласымъ

¹⁾ D. Myth., 726—9. — ²⁾ Т. е. Смерть плыветъ по водѣ, ѣдетъ къ намъ новое Лѣто.

и дряхлымъ старцемъ. Въ одной южнорусской сказкѣ царь спрашиваетъ престарѣлаго крестьянина: «давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга? и давно ли пошла изъ-подъ горъ вода?» и вопросы эти означаютъ: давно ли голова посѣдѣла и давно ли текутъ изъ глазъ слезы? ¹⁾ Въ словацкой сказкѣ юная морская дѣва говоритъ старому королю: «*moje lice rúžemi prekvitá, tvoja hlava sněhom záradá*» = мое лице розами цвѣтеть, твоя голова снѣгомъ покрыта ²⁾. Термины, обозначающіе въ языкахъ индоевропейскихъ народовъ понятие смерти: снкр. *шаг-ана* (съ тѣмъ-же суффиксомъ, какъ и *dživana*), слав. моръ, мо(а)рана, польск. *шагана*, лат. *могs*, произошли отъ корня *шгi* (усилен. *шаг*), выражающаго впечатлѣніе мрака, холода, пустыни, увяданія: снкр. *шгin*, *шгijé*, греч. *μετρην*, лат. *могі*, лит. *mirti*, слав. ирѣти (съ приставками: оу-ирѣти, съ-ирѣть, литов. *s-mertis*), ирѣ-кнути, ирѣ-знути, чеш. *mrznouti*, пол. *marznąć* ³⁾. Очевидно, что въ приведенныхъ выраженіяхъ Краледворской рукописи и народныхъ пѣсень Морана, противопоставляемая Веснѣ—юности, означаетъ не только Смерть, но и Зиму = старость. Въ Подляхii и Польшѣ чучело Смерти-Зимы дѣлаютъ изъ коноплей и соломы и бросаютъ его въ прудъ или болото съ возгласомъ: «*szort тебе zabegu!*» ⁴⁾ Волдырь за этимъ всѣ участвующіе въ обрядѣ поспѣшно разбѣгаются по домамъ, и если на бѣгу кто-нибудь спотыкнется и упадетъ—тотъ (по обще-принятому повѣрью) непременно долженъ умереть въ теченіи года. Въ Верхнихъ Лужицахъ чучело Смерти готовится изъ соломы и тряпокъ; куклу эту втыкаютъ на высокій шестъ и начинаютъ бросать въ нее палками и каменьями: кто ошибеть ее съ шеста, тотъ навѣр-

¹⁾ Булишъ, I, 230—4. — ²⁾ Slov. pohad., 630. — ³⁾ Котлярев. О погребальн. обычаяхъ, 171; D. Myth., 733. — ⁴⁾ Zaryzy domowe, III, 275—7.

не останется живъ въ продолженіи цѣлаго года. Въ заключеніе обряда куклу топятъ въ водѣ или тащатъ на пограничную межу и бросаютъ на чужую землю; затѣмъ, возвращаясь въ деревню, приносятъ съ собой зеленую вѣтвь или нарочно-срубленное въ лѣсу дерево—эмблему весенней жизни, воцаряющейся намѣсто прогнанной Смерти. Иногда куклу наряжаютъ въ бѣлую сорочку (=саванъ), даютъ ей въ одну руку вѣникъ (=знаменіе зимнихъ вьюгъ), а въ другую серпъ, съ которымъ обыкновенно и представлялась нашимъ предками Морана, какъ богиня, пожинаящая все живое въ семь мѣрѣ (см. стр. 47); женщины въ траурныхъ покрывалахъ запѣваютъ пѣсню и въ сопровожденіи мальчишекъ, кидających въ куклу камнями, несутъ ее на границу собственныхъ полей и тамъ разрываютъ на части. Жители соседней деревни, какъ скоро замѣтятъ на своей землѣ подобную куклу, тотчасъ-же перебрасываютъ ее назадъ, по ту сторону межи, такъ-какъ Смерть—никому не радость ¹⁾. Въ Польшѣ, Богеміи, Силезіи и Лужицахъ изгнаніе Смерти совершается въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, которое болѣею частію приходится въ мартѣ-мѣсяцѣ; чехи называютъ этотъ день *smrtná (smrtedlna) neděle*, сорабы *ssmerdniza*, нѣмцы *tottensonntag* и *sohmerstag*. Въ Италіи и Испаніи въ срединѣ великаго поста дѣлаютъ чучело старухи и перецеливаютъ его пополамъ — обычай, слѣды котораго Я. Гриммъ указываетъ и у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ: «рѣзати старую бабу» означаетъ тоже, что сожигать и топить Смерть-Зиму, представляемую славянами злою, демоническою старухою. У словенцевъ въ среду на третьей недѣлѣ великаго поста принято сожигать бабу; это происходитъ такъ: готовятъ куклу, кладутъ ее

¹⁾ D. Myth., 730—3; Вост. Евр. 1826, IV, 257—8; Терещ., V, 6—10; VI, 212—3.

на бревно, колотятъ дубинами, перепиливаютъ надвое и затѣмъ уже предаютъ огню ¹⁾. Въ Малороссіи, при встрѣчѣ весны, носятъ по улицамъ и полямъ чучело Мары (Марены) одѣтое въ женское платье, и поютъ весеннія пѣсни; потомъ ставятъ это чучело на возвышенномъ мѣстѣ и зажигаютъ его: пока оно горитъ, поселяне пляшутъ и закликаютъ обычными причитаніями Весну. Въ великорусскихъ губерніяхъ торжество Живы и гибель Мораны чествуются возженіемъ праздничныхъ огней на масляницу. Такъ какъ недѣля эта сходится съ началомъ весны и такъ какъ слѣдующій за нею постъ долженъ былъ вызывать особенно-строгія церковныя запрещенія, направленныя противъ языческаго культа, то неудивительно, что во всей Европѣ масляница (карнавалъ) получила значеніе самаго разгульнаго праздника, посвященнаго проводамъ Зимы и встрѣчи Лѣта. Воспоминаніе древнее преданіе о поѣздѣ богини лѣта (Изиды, Фрей, Гольды—Лады), рассыпающей по землѣ щедрые дары плодородія (см. I, 554-6), у насъ возили во время масляницы дерево, украшенное бубенчиками и разноцвѣтными лоскутьями, или деревянную куклу. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ и донинѣ возятъ пьянаго мужика, обязаннаго представлять Масляницу; для этого запрягаютъ въ сани или повозку лошадей десять и болѣе гуськомъ, и на каждую лошадь сажаютъ по вершнику, съ кнутомъ или метлою въ рукахъ; вездѣ, гдѣ только можно, привѣшиваютъ маленькіе колокольчики и погремушки; сани или повозку убираютъ вѣниками, мужику-Масляницѣ даютъ въ руки штофъ съ водкою и чарку, и сверхъ того ставятъ подлѣ него боченокъ съ пивомъ и коробъ съ съѣстными припасами. Въ Сибири устраиваютъ на нѣсколькихъ санахъ корабль, на которомъ сажаютъ ряженыхъ

¹⁾ D. Myth., 734, 741—2; Чешск. пѣсни Эрбена, 57—58; Илльч, 117—8; Рус. Бес. 1857, III, стат. Клуна, 109.

медвѣдя и Масляницу, и возятъ по улицамъ, въ сопровожденіи пѣсенниковъ. Дерево, корабль и медвѣдь — все это эмблемы весенней природы и ея творческихъ, плодоносныхъ силъ; звуки колокольчиковъ и бубенчиковъ—знаменія грозовой музыки, метла, вѣникъ и квуть—вихрей и молній, пиво и вино — всёоживляющаго дождя. Въ такомъ обрядовомъ поѣздѣ празднуется пришествіе (возвратъ) благодатной Весны. Наряду съ этимъ совершаются и другіе обряды, указывающіе на борьбу Весны съ Зимой и пораженіе послѣдней. Въ разныхъ губерніяхъ въ субботу сырной недѣли строятъ на рѣкахъ, прудахъ и въ поляхъ снѣжный городъ съ башнями и воротами—царство Зимы (демона-Вритры), долженствующее пасть подъ ударами Перуна; участвующіе въ игрѣ вооружаются палками и метлами и раздѣляются на двѣ стороны: одна защищаетъ городъ, а другая нападаетъ на него, и послѣ упорной, болѣе или менѣе продолжительной схватки, врывается въ ворота и разрушаетъ укрѣпленія; воеводу взятаго съ боя и разрушеннаго города въ старину купали въ проруби. Вечеромъ въ воскресенье (послѣдній день масляницы, называемый ея проводами) поселяне выносятъ изъ своихъ дворовъ по снопу соломы, и сложивши ихъ на окраинѣ деревни, сожигаютъ при радостныхъ кликахъ и пѣсняхъ собравшагося народа, — каковой обрядъ называется сожженіемъ Масляницы. Иногда пучки соломы навязываютъ на шесты, разставляютъ по дорогѣ и палятъ послѣ солнечнаго заката, а иногда замѣняютъ ихъ дегтярными бочками. Существуетъ еще обычай сожигать на прощенное воскресенье ледяную гору, для чего собираютъ по дворамъ хворостъ, щепки, худыя кадки, складываютъ все это на ледяной горѣ, и затѣмъ разводятъ костёръ, служащій символическимъ знаменіемъ весенняго солнца, яркіе лучи котораго растапливаютъ снѣжные покровы зимы. Такимъ образомъ, олицетворя самое празднество и ста-

ва это олицетвореніе на мѣсто древнихъ богинь, заправлявшихъ смѣною годовыхъ временъ, народъ русской встрѣчу Весны назвалъ встрѣчею Масляницы, а изгнаніе Зимы—сожженіемъ Масляницы или ея проводами ¹⁾. Одновременно съ пробужденіемъ природы отъ зимняго сна (омертвенія), пробуждаются къ жизни и души усопшихъ, осужденныя пребывать въ воздушныхъ и заоблачныхъ сферахъ (см. выше стр. 287—292); поэтому праздникъ весны былъ вмѣстѣ и праздникомъ въ честь усопшихъ предковъ, обыною порою сношеній съ ними, посѣщенія кладбищъ и поминокъ. До сихъ поръ на масляницу бѣгаютъ по улицамъ ряженые, что знаменуетъ появленіе освободившихся изъ загробнаго царства стхійныхъ духовъ—оборотней, и во всѣхъ домахъ приготовляются блины, изстари составлявшіе необходимую принадлежность всякаго поминальнаго пиршества.

Тѣже обряды приурочиваются и къ послѣдней недѣлѣ великаго поста, и къ празднику Пасхи, и къ Фоминой недѣлѣ, такъ какъ мысль о воскресающей Веснѣ ²⁾—Живъ сочеталась въ народныхъ представленіяхъ съ мыслию о пресвѣтломъ воскресеніи праведнаго солнца—Христа. Прилетая въ сей міръ, богиня Весна разводитъ пламя небесныхъ грозъ, разитъ и гонитъ злобныхъ демоновъ, выводитъ изъ-за холодныхъ зимнихъ тумановъ и тучъ свѣтозарное солнце, или выражаясь поэтически: снова воспламеняетъ его свѣтильникъ, и пожигая снѣжное, ледяное царство Зимы, топчетъ ее въ разливѣ стремительныхъ водъ. Символическимъ обозначеніемъ этой творческой дѣятельности богини издревле

¹⁾ Сахаровъ, II, 73—74; Терещ., VII, 331—3; Этн. Сб., II, 41—43; Ч. О. И. и Д., годъ 1, II, 20; Рус. прост. праздн., II, 130; Москв. 1849, IX, 6—7; Каравел., 189. — ²⁾ „Ой, вже весна вскресла!“—Ч. О. И. и Д. 1866, III, галиц. пѣсни, 677; Мангъ, XI, 48.

служили возжигаемые на землѣ огни. Раннимъ утромъ въ четвергъ страстной недѣли, какъ въ день, посвященный громовнику, предки наши, по свидѣтельству Стоглава, палили соломѣ и кликали мертвыхъ. День этотъ называется на Руси чистымъ—свѣтымъ ¹⁾; крестьяне ходятъ въ чистый четвергъ на проруби и закликаютъ Весну ²⁾, а послѣ «всенощнаго стоянья» приносятъ изъ церкви горящія восковыя свѣчи и выжигаютъ ими на дверяхъ и потолкахъ своихъ домовъ кресты—для отогнанія злыхъ духовъ. Эта «страстная» свѣча, будучи зажжена во время грозы, предохраняетъ домъ отъ громоваго удара; поставленная въ пчельникѣ, она даруетъ изобиліе меда (намекъ на медовый напитокъ дождя, низводимый молніями); съ нею-же соединяютъ цѣлебную, облегчающую страданія силу, и потому, затепливая эту свѣчу, даютъ ее въ руки трудно-больнымъ, во время болѣзненныхъ припадковъ, и родильницамъ—при мукахъ разрѣшенія). Къ заутренѣ на Свѣтло-Христово Воскресенье белоруссы собираются съ зажженными лучинами; въ великорусскихъ губерніяхъ и въ Чехахъ жгутъ тогда около храмовъ смоляныя бочки; уголья, оставшіеся отъ этихъ бочекъ, а равно и свѣчи, съ которыми отстояли заутреню, приносятъ домой и затыкаютъ за стрѣхи, чтобы охранить зданія отъ грозы, а домашнюю скотину отъ порчи ⁴⁾. Въ Германіи въ ночь на первый день праздника зажигаютъ на горахъ и холмахъ большіе костры (osterfeuer), складывая ихъ изъ дровъ, дѣрна и соломы; на Везерѣ прикрѣпляютъ дегтарную бочку, обвѣтую соломой, къ еловому дереву, и зажигая ее ночью, пляшутъ вокругъ огни, а когда пламя погаснетъ—собираютъ головни и уголья и разносятъ по домамъ ⁵⁾. Су-

¹⁾ Великую субботу сербы и чехи называютъ бялою; серб. бѣјела недѣла (ъ)а—наслаица (Срп. рѣчник, 24). — ²⁾ Сахаров., II, 96. — ³⁾ Полтав. Г. В. 1845, 15. — ⁴⁾ Ганушъ, 117. — ⁵⁾ D. Myth., 581—2.

ществуетъ еще обѣлювеніе зажигать ночью деревянныя стрѣлы, обмазанныя смолою и метать ихъ вверхъ—такъ, чтобы пушенная стрѣла описывала въ воздухѣ огненную дугу ¹⁾). Свѣтло-Христово Воскресенье у нѣмцевъ именуется *ostern*. а мѣсяць апрѣль, въ который бѣльшую частію приходится его праздновать, — *ostermonat*; въ старинныхъ памятникѣхъ праздникъ Пасхи — *ostara* (*ostartaga*, *aostortagā*), апрѣль — *ostarmānoth*. Остара (*Ostara*, *Eāstre*, *Eoſtre*)—древне-германская богиня зори, блестящаго утра и весны, приводящая съ востока воскресающее (возстающее отъ ночнаго и зимняго сна) солнце, культъ которой пустилъ такіе глубокіе корни, что имя ея сочеталось съ главнѣйшимъ христіанскимъ праздникомъ. Имя это восходитъ къ снкр. корню *ush*, отъ котораго образовались рѣченія снкр. *ushas*—зоря, *usgā* (въ Ведахъ) — утро, разсвѣтъ. лит. *auszga* — утренняя зоря, *auszta*—разсвѣтаетъ, зенд. *ushaſtaga*—восточный, др. нѣм. *ōstan* (*ōst*), англос. *east*, скан. *austur* — востокъ, слав. утро; *jutro*; сравни снкр. *vāsara*—день, *vastar*—утро, *vasanta*—весна отъ корня *vas*. Соответственно нѣмецкому *ostern*, лужицане называютъ праздникъ Пасхи — *jutry* (*jatry*, *jastry*), полабскіе славяне—*justroj* (*jostraj*, *jystroj* ²⁾). Игру лучей восходящаго солнца поэтическая фантазія младенческихъ народовъ объясняла тѣмъ, что свѣтило это, пробуждаясь отъ сна, пляшетъ поутру на востокѣ. Таковую пляску можно наблюдать только съ началомъ весны, когда небо очистится отъ потемнявшихъ его зимнихъ облаковъ и тумановъ. Отсюда возникло повѣрье, общее славянамъ и нѣмцамъ, что на разсвѣтѣ Свѣтло-Христово Воскресенья солнце отъ радости пляшетъ, играетъ и скачетъ

¹⁾ Die Götterwelt, 200. — ²⁾ D. Myth., 267—8; Beiträge zur D. Myth., I, 177; Пикте, I, 156—7; II, 673—4; Курціусъ, 368; Ганушь, 120.

въ три прыжка. На Руси въ первый день Пасхи крестьяне взбираются на колокольни, крыши и пригорки смотрѣть на восходящее солнце. Тоже повѣрье прилагается и ко дню Благовѣщенья (25 марта); замѣтимъ, что на Благовѣщенье поселяне жгутъ старыя соломенные постели и прыгаютъ черезъ разведенное пламя, которому приписываютъ силу укрѣплять здравіе ¹⁾. По народному убѣжденію, на первый день Пасхи отворяется свѣтлый рай (т. е. просвѣтляется небо), и врата его (Goldtor, откуда восходитъ солнце—см. стр. 257) остаются отверстыми во все продолженіе праздника; потому всякой, кто умираетъ на этой недѣлѣ, признается святымъ: душа его безпрепятственно входитъ въ селенія праведныхъ. Тогда-же открываются зарытые въ подземельяхъ драгоценныя клады и горятъ яркимъ пламенемъ, т. е. изъ-за темныхъ облаковъ и тумановъ, разсѣянныхъ весенними грозами, является очамъ смертныхъ золото солнечныхъ лучей. Въ черниговской губ. Святая недѣля слыветъ гремяцкою, а чехи называютъ ее Червонными Святками ²⁾. Съ мыслию объ отверстомъ раѣ тѣсно связаны: во 1-хъ, суевѣрное мнѣніе, противъ котораго еще въ XVI вѣкѣ выступалъ съ обличительнымъ словомъ Максимъ Грекъ, будто во все продолженіе пасхальной седмицы солнце не заходитъ и тѣмъ самымъ какъ-бы обращаетъ ее въ одинъ продолжительный день (малоруссы Свѣтло-Христово Воскресенье называютъ Великъ день ³⁾); во 2-хъ, вѣрованіе, что именно въ эту благодатную пору свѣтлые боги сходятъ съ небесъ на землю и надѣляютъ ее дарами плодородія. Вѣрованіе это, наследован-

¹⁾ Die Symbolik von Sonne und Tag, 29; Сахаров., II, 75—76; Москов. Вѣстн. 1827, VI, 360; Иллюстр. 1846, 262 и далѣе; О вл. христ. на сл. яз., 17—18; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 340. — ²⁾ Маякъ, XI, 18; Сахаров., II, 75; Ганушъ, 122. — ³⁾ Правосл. Собесѣдн. 1858, I, 147.

ное отъ языческой старины, въ христіанскую эпоху было перенесено на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ. По народнымъ разсказамъ, съ перваго дня Пасхи и до Вознесенія Христось и апостолы странствуютъ по землѣ въ нищенскихъ рубищахъ, испытуютъ людское милосердіе, награждаютъ добрыхъ и караютъ злыхъ. Въ смоленской губ. утверждаютъ, что Христось сходитъ на землю въ чистый четвергъ, и потому, для встрѣчи божественнаго гостя, въ каждомъ домѣ готовится къ этому дню хлѣбъ, называемый стульце ¹⁾. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ на Свѣтло-Христово Воскресенье ходятъ по домамъ волочевники и поютъ обрядовыя пѣсни, слава святыхъ Юрія и Николу, что коровъ и коней закупаютъ, Пречистую Дѣву, что застѣваетъ нивы, и Илью-пророка, зажинающаго колосистую рожь. Всѣ освященные на этотъ праздникъ яства украшаются зелеными вѣтками брусники; къ такимъ яствамъ принадлежитъ и жареный барашекъ или поросенокъ, кости котораго частію зарываютъ на пашняхъ, съ цѣлю предохранить нивы отъ града, а частію держатъ въ домахъ и во время лѣтнихъ грозъ бросаютъ въ огонь, разведенный на домашнемъ очагѣ, дабы отвратить ударъ грома ²⁾. Въ костромской губ. существуетъ обычай: передъ Христовскою заутреней всходить на колокольни и стрѣлять оттуда изъ пистолетовъ и ружей; тоже дѣлаютъ и лужичане ³⁾. Выстрѣлы эти знаменуютъ весенній громъ, прогоняющій нечистую силу Зимы — Смерти. На второй день Пасхи, на Красную Горку и въ Ооминъ понедѣльникъ молодые парни и дѣвицы обливаютъ другъ друга ключевою водою — обрядъ, напоминающій сербскую Додогу и символически-обозначающій про-

¹⁾ Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовича, 78; Цебриков., 275—7. —

²⁾ Рус. прост. праздник., I, 160; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 75—83; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 103. — ³⁾ С. Петерб. Вѣд. 1864, 118; Volkslieder der Wenden, II, 223.

литіе небесныхъ источниковъ, оѣмненіе матери-Земля оплодворяющей влагою дожда ¹⁾. Объ этомъ Густинская лѣтопись ²⁾ рассказываетъ такъ: «отъ сихъ (языческихъ боговъ) одному нѣкому богу на жертву людей топили, ему-же и домищѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творять: во день Воскресенія Христова собравшеса юніи, играюще, вметають человека въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си есть бѣсовъ, разбиваются и умирають, или утопають; по иныхъ-же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою поливають, но одиначе тому-же бѣсу жертву сотворяють». На Красную Горку (въ воскресеніе Өоминой или радуницкой недѣли), при солнечномъ восходѣ, сельскія дѣвицы собираются на ближній холмъ или пригорокъ и становятся въ кругъ; одна изъ нихъ выступаетъ въ средину круга—съ хлѣбомъ и краснымъ яйцомъ въ рукахъ, и обращаясь на востокъ, творитъ молитву, а послѣ молитвы закликаетъ Весну: «Весна красна! на чемъ пришла» и т. дал. Въ калужской губерніи укрѣпляютъ при этомъ на горкѣ длинный шестъ съ соломенной куклою, которая вечеромъ сожигается съ пѣснями и плясками; въ орловской же губ. поселяне на радуницкой недѣлѣ прогоняють Смерть изъ своего села, для чего въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами, и взмахивая ими по воздуху, гоняются за невидимой Моравою ³⁾. Обрядъ этотъ—и по своему значенію, и отчасти по самой обстановкѣ—тождественъ съ обрядомъ «пахиванія», каковой совершается въ нашихъ деревняхъ и селахъ для изгнанія повальныхъ болѣзней: чумы, холеры и корьей смерти. Въ старыя годы въ Литвѣ друзья усопшаго,

¹⁾ Терещ., VI, 106, 110; Бопланъ: Описаніе Украйны 79. Къ этому-же времени относится и обрядовое поздравленіе молодыхъ супруговъ—такъ называемый вьюнецъ. — ²⁾ П. С. Р. Л., II, 257. — ³⁾ Сахаровъ, II, 81, 83.

провожая его тѣло въ могилу, махали по воздуху ножами, съ возгласомъ: «бѣгите, бѣгите, злые духи!»¹⁾

Какъ скоро богиня весны побѣдитъ демоновъ зимы, она тотчасъ-же одѣваетъ поля, сады и рощи свѣжею зеленью и цвѣтами. Прекрасные, благословенные дни мая и начала юня издревле признавались посвященными этой богинѣ и чествовались общенародными игрищами. Въ христіанскую эпоху такія игрища, совершаемая въ честь Весны, были приурочены къ Вознесенію и Троицѣ, такъ какъ праздники эти болѣею частью приходятся въ маѣ-мѣсяцѣ. Четвергъ, въ который празднуется Вознесеніе, и четвергъ, предшествующій Троицѣ (такъ называемый Семикъ, потому что бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи) получили въ глазахъ народа особенно-важное значеніе по извѣстной намъ связи четверга съ культомъ громовника. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ завиванію вѣнковъ приступаютъ уже въ день Вознесенія; обыкновенно же обрядъ этотъ совершается на Семикъ или Троицу. Предъ

¹⁾ Черты литов. нар., 111. Вотьяки и черемисы передъ весеннимъ посѣвомъ хлѣба гоняють шайтана; парни и дѣвки садятся верхомъ на коней, берутъ въ руки зажженные лучины, бичи, палки, метлы, и съ дивнымъ воплемъ начинаютъ скакать по деревнѣ изъ конца въ конецъ, махая метлами и ударяя по хлѣвамъ и угламъ избъ, чтобы шайтанъ не осмѣлился повредить посѣву; потомъ отправляются въ поле, ставятъ двѣ палки и дѣлають загородку—въ знакъ того, что шайтанъ прогнанъ и возвратный путь для него прегражденъ—Записки Александры Фуксъ о чуваш. и черемисахъ казан. губ. (Казань, 1840 г.), 221, 261—2; Вятск. Г. В. 1851, 25. Сравни извѣстія, занесенныя въ книгу «Обряды еврейскіе» (Орель, 1830 г.), 179, и въ путевыя записки XVII вѣка «О ходу въ Персидское царство» (Времен., XV, 17—18): «и возять наряднаго мужика, сдѣлавъ мѣхомъ да набить соломою, и сагадакъ и стрѣлы сдѣланы изъ лучины, а ему ругаются и плюють на него, а жонья плачуть... того соломеннаго мужика вывезуть на поле за городъ и вынесутъ соломы и нефти и сожгутъ, а сами выземъ бьются—а то они (персы) празднують клятвымъ своимъ».

наступленіемъ означенныхъ праздниковъ, поселяне отправляются толпами въ поля и рощи, собираютъ разныя травы, преимущественно благовонныя: чоберъ; мяту, зорю и кадуперъ, и рубятъ молодыя березы и другія лиственные деревья; и по городамъ, и по сѣламъ стѣны внутри домовъ убираются древесными вѣтвями, полы устилаются скошенной травой, а окна пахучими зельями и цвѣтами; на дворахъ и по улицамъ устанавливаются въ землю цѣлые ряды березокъ, липокъ и кленовъ, такъ что каждый городъ и каждая деревня превращаются на нѣсколько дней въ зеленые сады. Точно также убираются къ Троицѣ и самыя храмы; наканунѣ праздника благочестивые прихожане привозятъ срубленныя деревья, разставляютъ ихъ около перилъ, столбовъ, клиросовъ и по угламъ церкви, втыкаютъ ихъ за образа, подсвѣшники и люстры, полъ усыпаютъ травой, а мѣстные иконы украшаютъ цвѣтами. Утромъ слѣдующаго дня женщины, дѣвушки и дѣти приходятъ къ обѣдѣ съ пучками цвѣтовъ и пахучихъ травъ въ рукахъ, и потомъ въ продолженіи года хранить ихъ, какъ святыню; вѣрятъ, что сломленная въ церкви березовая вѣтка и принесенные оттуда цвѣты и травы обладаютъ цѣлебною силою противъ всякихъ недуговъ. Въ великорусскихъ губерніяхъ поселяне и городская чернь собираются на Семики въ лѣса и рощи, поютъ пѣсни, завиваютъ вѣнки, срубаютъ молодое березовое дерево и наряжаютъ его въ женское платье, или обвѣшиваютъ разноцвѣтными лентами и лоскутьями. Затѣмъ слѣдуетъ общій пиръ, изготовляемый въ складчину или ссыпчину, т. е. изъ мирскаго сбора муки, молока, крашенныхъ яицъ и другихъ припасовъ; на покупку вина и пива назначаются денежные взносы. По окончаніи пиршества подымаютъ наряженную березку, съ радостными пѣснями и плясками несутъ ее въ деревню и становятся въ избранномъ съ общаго согласія домѣ, гдѣ она и остается гостей кою до Трои-

цына дня. Въ пятницу и субботу приходятъ навѣщать «гостейку», а въ Троицкое воскресенье выносятъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду. Тогда-же пускаются по водѣ и семицкіе вѣнки. Въ пинскомъ уѣздѣ на Духовъ день крестьянскія дѣвушки избираютъ изъ своей среды самую красивую подругу, обвязываютъ ее березовыми и кленовыми вѣтвями, и подъ именемъ куста водятъ по улицамъ и дворамъ, что живо напоминаетъ намъ сербскую додолу, съ головы до ногъ убранную въ цвѣты и зелень. Въ полтавской губ. водятъ на Духовъ день тополь¹⁾, которую представляетъ дѣвушка, въ разноцвѣтной плахтѣ, съ яркими лентами въ косахъ и монистами на груди. Въ старые годы, около Воронежа, строили на Троицу посреди дубовой рощи небольшой шалашъ, убирали его вѣнками, цвѣтами и душистыми травами, а внутри ставили на возвышеніи соломенную или деревянную куклу, одѣтую въ праздничное мужское или женское платье; къ этому мѣсту стекались со всѣхъ сторонъ окрестные жители, приносили съ собой различные напитки и яства, водили вокругъ шалаша хороводы и предавались беззаботному веселью и играмъ. Въ семицкой березкѣ, «тополѣ», «кустѣ» и въ троицкой куклѣ народъ чествовалъ лѣсную дѣву, оживающую въ зелени дубравъ (см. II. 328), или самую богиню Весну, одѣвающую деревья листьями и цвѣтами. На Троицынъ день молодежь отправляется въ лѣса и рощи завивать вѣнки, возглашая хоромъ:

Благослови, Троица,
 Богородица!
 Намъ въ лѣсъ пойдти,
 Намъ вѣнки завивать,
 Ажъ Дядо, ой Дядо!
 Намъ вѣнки завивать
 И цвѣты сорывать.

¹⁾ Тополь.

Приготовивъ вѣнки, дѣвицы и парни обмѣниваются ими другъ съ дружкой; дѣвицы надѣваютъ ихъ на головы, парни украшаютъ ими свои шляпы, и затѣмъ приступаютъ къ хороводнымъ играмъ. Вечеромъ, какъ только сядетъ солнце, или на слѣдующій день ходятъ они на рѣку и кидаютъ вѣнки въ воду; въ нѣкоторыхъ-же уѣздахъ этотъ послѣдній обрядъ совершается на Всесвятской недѣлѣ. Мѣстомъ завиванія вѣнковъ преимущественно выбираютъ ту рощу, которая прилегаетъ къ засѣянному полю, — для того, чтобы рожь уродилась гуще и прибыльнѣе. Въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ даже коровамъ на Троицынъ день надѣваютъ на рога и шею вѣнки, сплетенные изъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ ¹⁾. Вѣнокъ издревле служилъ эмблемою любви и супружеской связи. Такъ какъ въ весеннюю пору Земля вступаетъ въ брачный союзъ съ Небомъ и такъ какъ богиня весны (Жива) была не только представительницею земныхъ урожаевъ, но и вообще покровительницею брака и любовныхъ наслажденій; то и посвященный ей праздникъ необходимо долженъ былъ считаться лучшимъ въ году временемъ для заявленій любви и для гаданій о будущемъ семейномъ счастьи. Бросая вѣнки въ воду, юноши и дѣвицы допрашиваютъ эту пророческую стихію о своей грядущей судьбѣ (см. II, 192; III, 341—2, 349): если брошенный вѣнокъ уплыветъ, не коснувшись берега, — это предвѣщаетъ исполненіе желаній, счастливый бракъ и долгую жизнь; если вѣнокъ закружится на одномъ мѣстѣ — это знакъ неудачи (свадьба разстроится, любовь останется безъ отвѣта),

¹⁾ Сахаровъ, II, 83—89; Этн. Сб., II, 52; Ворон. Г. В. 1850, 8; Москв. Телеграфъ 1830, XVII, 31; Вѣст. Евр. 1821, III, 198; 1828 г., V—VI, 83—84; Москв. 1849, IX, 10; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 28; 1827, IV, 278; Терещ., VI, 173—186, 193—5; Казан. Г. В. 1846, 3; Манск. Г. В. 1866, стр. 328—9; Маякъ, XI, 22; Украин. Журналъ 1824, XI, 255—6.

а если потонетъ — знакъ смерти, вдовства или безсмертной жизни (молодцу не быть женатому, дѣвицѣ оставаться незамужнею). Замѣчаютъ еще: уцѣлѣлъ ли свѣжимъ или завялъ вѣнокъ, сбереженный отъ Семикъ до Троицына дня? въ первомъ случаѣ рассчитываютъ на долготѣнее и счастливое супружество, а въ последнемъ — ожидаютъ скорой смерти. Не такъ давно въ калужской губ. существовало обыкновеніе, по которому парень, задумавшій жениться, обязанъ былъ вытащить изъ воды вѣнокъ полюбившейся ему дѣвицы ¹⁾. Тѣмъ образомъ зелень и цвѣты играютъ главную роль на веселомъ праздникѣ Весны; ея благотворное вліяніе именно въ томъ и выражается, что мать-сыра земля, словно юная и прекрасная невѣста, радится въ роскошные уборы растительнаго царства; апрѣль и май мѣсяцы получили поэтому названія травня и квѣтня ²⁾; семицкая недѣля слыветъ въ народѣ зеленою, клещальною, а три послѣдніе дня этой недѣли и слѣдующіе за ними праздники Троицы и Св. Духа называются Зелеными Святками. Тѣже обряды совершаются и Троицу и въ Литвѣ, и въ Польшѣ ³⁾. У германскихъ племенъ на Троицынъ день или въ началѣ мая соблюдался въ старыя годы такой обычай: изъ среды юношей избирался *maigal* (*maiköpig*); затѣмъ привозили изъ лѣсу повозку, нагруженную зелеными вѣтками и вѣнками (*maiwagen*); одинъ вѣнокъ (*maikganz*) былъ вручаемъ бургомистромъ и городскимъ совѣтомъ майграфу; остальные связки зелени шли въ раздѣлъ между мѣстными жителями, но самая большая часть ихъ отдавалась въ монастыри и церкви. Церковныя башни

• ¹⁾ Рус. прост. празд., III, 132—3, 136; Терещ., VI, 197—8. Въ некоторыхъ городахъ троицкое гульбище превратилось въ обрядовый смотръ невѣсть. — ²⁾ Квѣтъ—цвѣтъ; римляне съ 28 апрѣля по 1е мая праздновали *Floralia*—въ честь богини Флоры.— ³⁾ Терещ., VI, 174.

были украшаемы древесными вѣтвями, а помосты храмовъ усыпаны обрѣзками кустарниковъ и полевыми цвѣтами. Нерѣдко майграфу вручались два вѣнка и предоставлялось право избрать изъ числа дѣвицъ царицу праздника (*maigräfin, maikönigin, maibraut*); на эту послѣднюю онъ возлагалъ одинъ изъ своихъ вѣнковъ. Существовалъ также обычай нескать *maikönig'a*: для этого вооруженная толпа юношей отправлялась въ лѣсъ, и немного погодя возвращалась оттуда вѣстѣ съ «майскимъ королемъ», который вѣшалъ верхомъ на конѣ, опутанномъ гибкими зелеными вѣтвями, или въ повозкѣ, запряженной въ четыре лошади и убранной разнымъ «клевачьемъ». Этимъ торжественнымъ поѣздомъ означался возвратъ бога весенняго плодородія (Одина или Тора) изъ дальнихъ невѣдомыхъ странъ, гдѣ проводилъ онъ зиму. О такомъ поѣздѣ датчане выражались: *at ride Sommer i bye (den Sommer in das land reiten)*. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи на Троицынъ день и донинѣ продолжаютъ украшать дома зеленью. Въ Англій въ XVI и XVII столѣтіяхъ на первый день мая раннимъ утромъ юноши и дѣвицы, въ сопровожденіи музыкантовъ, отправлялись въ ближайшій лѣсъ, слагали древесныя вѣтви, убирали ихъ цвѣтами, и воротившись домой, ставили эти майскія знаменія на дверяхъ и окнахъ своихъ жилищъ. Тогда-же общими усиліями срубали они большое дерево и привозили его въ городъ или деревню на нѣсколькихъ парахъ быковъ; каждому быку прикрѣпляли между рогами букетъ цвѣтовъ; дерево это — *maibaum* — ставили посреди площади и предавались вокругъ него играмъ и пляскамъ. Распорядитель праздника назывался *lord of the may*, а избранная ему въ подруги — *lady of the may* ¹⁾. Чехи на майскій праздникъ избираютъ краля и кралядку, и медѣля, въ которую происходитъ это народное гулябище, из-

¹⁾ D. Myth., 736—8; Die Götterwelt, 144—7.

вѣтна подъ именемъ королевой (králova peděle). Краля и краляка являются на праздникъ увѣчанные коронами и украшенные цвѣтами. Словенцы, празднуя возвратъ весны, назначаютъ одного изъ юношей представлять Зеленаго Егора (Юрія) и обвязываютъ его березовыми вѣтками (см. II, 175). Срубленные деревья, которыми украшаютъ въ это время домъ, называются май я ми. Въ Литвѣ 1-го мая уставляли на лугу зеленое дерево, обвѣшанное разноцвѣтными лентами; сельская молодежь, избравъ изъ своей среды самую красивую дѣвушку, надѣвала ей на голову вѣнокъ, обвивала ее станъ березовыми вѣтвями и веселою толпою сопровождала ее на мѣсто гульбища. Тамъ, возлѣ майскаго дерева, начинались танцы и пѣсни, съ постоянно-повторяемымъ возгласомъ: о майя, о майя! ¹⁾

Но лѣто гостить на землѣ короткое время. Солнце, достигнувъ полнѣйшаго проявленія своихъ творческихъ силъ, поворачиваетъ на зиму, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачиваетъ свой живоносный свѣтъ; дни начинаютъ у малаться, а ночи удлинняются. Этотъ поворотъ Солнца (sunnewende) — выѣздъ его въ далѣкій зимній путь сопровождается народнымъ празднествомъ, приуроченнымъ ко дню Іоанна Крестителя (24-го іюня). Пламя костровъ, разводимыхъ въ навечеріи этого дня (Johannisfeuer) служитъ символическимъ замѣненіемъ знойнаго іюньскаго солнца. Нѣмцы въ XIV и XV столѣтіяхъ называли это пламя sun wentfeuer. «Ивановы огни» зажигаются подъ открытымъ небомъ на площадяхъ, поляхъ и горныхъ возвышеніяхъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ принято, чтобы священникъ благословлялъ возженное пламя, и до тѣхъ поръ, пока оно продолжаетъ горѣть, народъ молится Богу. Возженіе огней при лѣтнемъ поворотѣ солнца — обы-

¹⁾ Ганушъ, 155; Иличъ, 132; Volkslieder der Wenden, II, 223; Тереш., VI, 212.

чай, равно-встрѣчаемый какъ у народовъ индоевропейскихъ, такъ и семитическихъ; въ старыя годы въ совершеніи его принимали участіе не одни простолюдины, но и владѣтельные князья и благородныя сословія. Въ западной Европѣ относящіяся къ этому вопросу свидѣтельства памятниковъ начинаются уже съ XII-го вѣка. Въ XV, XVI и XVII столѣт. въ большихъ городахъ (какъ напримѣръ Парижъ, Метцъ и др.) костѣръ складывали передъ ратушею, убирали его цвѣтами и зеленью, а почетную обязанность зажигать его предоставляли меру. Въ Пиренеяхъ 1-го мая отыскивали самое высокое дерево: ель, сосну или тополь, обрубали на немъ всѣ вѣтви, вбивали въ стволъ нѣсколько колевъ и оставляли на корню до 23-го іюня; наканунѣ-же Иванова дня, послѣ даннаго священникомъ благословенія, сваливали это дерево наземь и предавали сожженію. У священнаго огня толпился народъ; молодежь украшала себя вѣнками, пѣла и танцевала; всѣ же вообще — и старыя, и молодыя прыгали черезъ пламя, переносили черезъ него дѣтей и бросали въ костѣръ разныя травы — съ цѣлюю за-пасться здоровьемъ и отстранить отъ себя губительныхъ демоновъ. Бросая въ огонь травы, причитывали: «да сгорятъ съ этимъ зельемъ и всѣ мои бѣды!» Или дотрогивались до огня вѣтками орѣшника и потомъ втыкали ихъ у дверей коровьихъ хлѣвовъ. Каждый считалъ обязанностью захватить съ собою головешку или нѣсколько угольевъ и пеплу отъ Иванова костра; подобно «громовой стрѣлкѣ», уголья эти и пепелъ предохраняютъ домъ отъ удара молніи и служатъ цѣлебнымъ средствомъ противъ волшебнаго очарованія и болѣзней. Въ срединѣ лѣта природа во всѣхъ своихъ стихійныхъ проявленіяхъ обнаруживаетъ особенно-живительную силу. Какъ пламенные лучи солнца прогоняютъ демоновъ мрака, холода и безплодія, такъ и эмблема ихъ — земной огонь въ воззрѣніяхъ язычниковъ получилъ тоже благодѣтельное свойство про-

гонять болѣзни и морь; надо только пройти сквозь его очистительное пламя, проникнуться его священнымъ вѣянiемъ (сравни II, 18—21). Вмѣстѣ съ огнемъ, и вода, какъ стихiя, знаменующая амриту (плодоносный дождь), получаетъ на Ивановъ день чудесное свойство смывать съ большого тѣла всѣ недуги и надѣлять его крѣпостью и здоровьемъ; поэтому въ числѣ совершаемыхъ тогда обрядовъ не послѣднее мѣсто занимаетъ и купанье въ рѣкахъ и источникахъ. Наконецъ и самыя травы и цвѣты, сорванные въ періодъ солнечнаго поворота, считаются по преимуществу-цѣлебными, такъ какъ съ ними соединяется мысль о плодородящей силѣ земли, возбужденной яснымъ солнцемъ и лѣтними дождями ¹⁾. У славянъ и литовцевъ встрѣчаемъ ту же обстановку Иванова праздника. Словенцы называютъ Ивановъ день и самый поворотъ солнца — *к г е s* (крѣоат. *к г е s z* = огонь), а мѣсяцъ iюнь — *к г е s п i k*; серб. *к р е с о в и* — *dies solstitiales* («три дана прије и три послѣ Илѣjna дне»), *к р и ј е s* — огонь, разводимый накануне Иванова, Витова, Петрова и Юрьева дней, съ которыми народная мысль связываетъ старинныя воспоминанiя о богѣ-громовникѣ, возжигателѣ небеснаго пламени ²⁾; въ одной изъ рукописныхъ прологовъ крѣсѣ, крѣснины — поворотъ солнца на лѣто (I, 188, 255). Поляки и чехи называютъ Ивановъ огонь — *sobotka* (малая суббота, канунъ воскреснаго дня, издревле-посвященнаго солнцу), въ отличiе отъ огня, возжигаемаго въ ночь на Пасху, которому присвоятъ названiе *sobota* (*Ostersonnabend*, великая суббота, канунъ Свѣтло-Христова Воскресенiя ³⁾). На Руси Ивановъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ *Купалы*. По указанiю профессора

¹⁾ D. Myth., 584—593; Beiträge zur D. Myth., I, 217; Ж. М. Н. П. 1841, т. XXXI, стат. Сабинина. — ²⁾ Срп. рјечник. 301 — 3; Москв. 1844, IX, ст. Срезнев., 214, 222. Свѣтлѣйшiя Ивановскiя жукъ называется у словенцевъ *keršnica*. — ³⁾ D. Myth., 590

Буслаева, корень куп совмѣщаетъ въ себѣ тѣже понятія, что и корни яръ и буй. Во первыхъ, говоритъ онъ, куп имѣетъ значеніе бѣлаго, яраго, а также буйнаго въ смыслѣ роскошно-растущаго, откуда въ нашемъ языкѣ употребительны: купавый—бѣлый, купава—бѣлый цвѣтокъ, купавка—цвѣточная почка и особенно бѣлыхъ цвѣтовъ. Такъ какъ у и ы въ извѣстныхъ случаяхъ чередуются, то корень куп можетъ имѣть и другую форму кып, откуда кыпѣть и кипень (кыпень)—въ значеніи бѣлой накипи и вообще бѣлизны («бѣлъ, какъ кипень»). Во вторыхъ, «ярый» и «буйный» заключаютъ въ себѣ понятія кипучаго, неукротимаго, бѣшенаго, раздраженнаго; соотвѣтственно этому, въ санскритѣ кур — не только блистать, но и яриться, гнѣваться, слав. кыпѣти, кыпати, кипятиться—горячиться, сердиться. Наконецъ, въ третьихъ, какъ съ словами «ярый», «ярость» нераздѣльно понятіе желанія, похоти, такъ при нашемъ «кыпѣти» находимъ лат. *cupio* ¹⁾. Допустивъ эти лингвистическія соображенія, надо будетъ признать, что имена Купало и Ярло обозначали одно и то же плодотворящее божество лѣта; такой выводъ, во 1-хъ, подтверждается стариннымъ свидѣтельствомъ о «безстудномъ» характерѣ купальскихъ игрищъ (см. I, 444), а во 2-хъ—тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ярославской, тверской и рязанской губ. празднество Купалы еще недавно называлось Ярлою ²⁾. Согласно съ этимъ, составитель Густинской лѣтописи принималъ Купалу за бога земнаго плодородія: «Купало, якоже мню, бѣше богъ обилія, якоже у еллинъ Цересъ, емуже безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда и мѣше настати жатва. Сему Купалу-бѣсу еще и донныи по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершають, наченше іюня 23 дня, въ навечеріе

¹⁾ Исторія Росс. Соловьева, II, приложен., стр. 25—26; *Radices linguae slov.*, 42. — ²⁾ Рус. прост. празд., I, 179.

Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сиповишъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь обоего полу и сплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядоваго зелія или коренія, и препоясавшеса быліемъ возгнѣтають огонь; индѣ-же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеса за рудѣ около, обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ чрезъ оный огонь прескакують¹⁾. По древне-поэтическому представленію богъ-громовникъ кипятилъ въ грозовомъ пламени дождевую воду, купаетъ въ ея ливняхъ небо и землю, и тѣмъ самымъ даруетъ послѣдней силу плодородія; въ христіанскую эпоху дождашій громовникъ уступилъ свое мѣсто Іоанну-крестителю, къ имени котораго стали предлагать народное прозваніе «Купалы»: Иванъ-Купало. Эта замѣна условливалась: во 1-хъ, сопадѣніемъ праздника, посвященнаго Іоанну-крестителю, со временемъ купальскихъ игрищъ, и во 2-хъ—вліяніемъ языка, такъ какъ самое слово «купало» должно было возбуждать мысль о крестителѣ: купать — погружать въ воду, омывать тѣло, дѣлать его чистымъ, бѣлымъ, купель — сосудъ, употребляемый для крещенія, ил. kupalo, чеш. kupaldo—мовница, снкр. kupa—источникъ, колодець²⁾. Наравнѣ съ прочими родственными племенами, славяне при лѣтнемъ поворотѣ солнца возжигаютъ костры, совершаютъ омовенія въ рѣкахъ и источникахъ и собирають цѣлебныя травы. Костры раскладываются на открытыхъ поляхъ, по берегамъ рѣкъ и преимущественно на холмахъ и горныхъ возвышеніяхъ; въ ночь на 24 іюня, какъ скоро загорятся Ивановскіе огни, Карпаты, Судеты и Исполиновы горы представляютъ истинно-великолѣпное зрѣлище. На Руси для возженія купальскаго костра употребляется живой огонь³⁾;

¹⁾ П. С. Р. Л., II, 257; то же сказано и въ Синописисъ. — ²⁾ Пигте, II, 268. — ³⁾ То же соблюдалось нѣкогда и въ Германіи — D. Myth., 578.

почетные старики добываютъ его треніемъ изъ дерева, и пока продолжается эта работа — собравшійся вокругъ народъ стоитъ въ благоговѣйномъ молчаніи, но какъ только огонь вспыхнетъ — тотчасъ-же вся толпа оживляется и запѣваетъ радостныя пѣсни. Дѣвицы въ праздничныхъ нарядахъ, опоясанныя чернобыльникомъ и душистыми травами, съ цвѣточными вѣнками на головахъ, и холостые юноши схватываются по-парно за руки и прыгаютъ черезъ разведенное пламя; судя по удачному или неловкому прыжку, имъ предсказываютъ счастье или бѣды, раннее или позднее супружество; сверхъ того, на Украинѣ дѣвушки пускаютъ свои вѣнки въ воду, прилѣпивъ къ нимъ зажженные восковыя свѣчи, и по этимъ плывучимъ вѣнкамъ гадаютъ о своей будущей судьбѣ. Прыганье черезъ огонь избавляетъ отъ недуговъ, злаго очарованія и безплодія ¹⁾; матери нарочно сожигаютъ на купальскомъ кострѣ снятыя съ хворыхъ дѣтей сорочки — для того, чтобы виѣсть съ этимъ бѣльемъ сгорѣли и самыя болѣзни. Чтобы скотина не болѣла и чтобы коровы давали больше молока, въ Литвѣ, на Руси и въ Чехахъ принято перегонять стада черезъ Ивановскіе костры. Въ Сербіи, наканунѣ Иванова дня, пастухи зажигаютъ свѣрнутыя изъ бересты факелы; съ этими факелами они обходятъ овечьи закуты и коровьи загоны, а затѣмъ складываютъ ихъ на ближайшемъ холмѣ и оставляютъ догорать въ одной общей кучѣ. Словенцы разбрасываютъ по полямъ и огородамъ пепелъ, уголья и головешки, взятые отъ Иванова костра, для того, чтобы черви и другія наѣдомыя не портили посѣвовъ и капустной разсады. Тоже самое дѣлаютъ и чехи — для предохраненія своихъ нивъ, садовъ и огородовъ отъ непогоды и града; сверхъ того, у чеховъ существуетъ обычай зажигать наканунѣ Иванова дня обмокнутыя въ деготь мѣт-

¹⁾ По требованію свадебнаго обряда, новобрачная чета должна перѣхатъ черезъ зажженные пучки соломы.

лы и бѣгать, размахивая ими по воздуху. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ въ ночь на Ивана-Купала вбиваютъ въ землю большой колъ, обкладываютъ его соломой и кострикой, и зажигаютъ; когда пламя разгорится, крестьянки бросаютъ въ него березовыя вѣтки и приговариваютъ: «кабы мой лёнъ былъ также великъ, какъ эта березка!»¹⁾ Обычай творить омовеніе на разсвѣтъ Иванова дня засвидѣтельствованъ Стоглавомъ: «егда ночь мимо ходитъ (читаемъ въ этомъ памятникѣ), тогда отходятъ къ рѣцѣ (вар. къ рошѣ) съ великимъ кричаніемъ, аки бѣснѣи, (и) омываются водою» (вар. росой). Поселяне наши не только сами купаются на этотъ праздникъ — ради здравія тѣла, но съ тою-же цѣлію купаютъ и больныхъ лошадей. Роса, выпадающая въ купальскую ночь, въ высшей степени обладаетъ живительными и цѣлебными свойствами и сообщаетъ ихъ полевымъ цвѣтамъ и травамъ. Русины умываются этой росой, дабы отогнать отъ себя злыя немощи и недуги; въ Литвѣ канунъ 24-го іюня даже называется праздникомъ росы²⁾. По народному повѣрью, лѣкарственные травы только тогда и оказываютъ дѣйствительную помощь, когда будутъ сорваны на Иванову ночь, или на утренней зорѣ Иванова дня — прежде, чѣмъ обсохнетъ на нихъ роса. Изстари и донныѣ ночь на Ивана Купала почитается лучшимъ въ году временемъ для сбора цѣлебныхъ травъ, цвѣтовъ и кореній (см. выше стр. 429, 629); сорванные тогда цвѣты и травы, называемые въ виленской губ. свято-янскимъ зельемъ, сохраняются въ семьяхъ, какъ нѣкая святыня; въ случаѣ надобности, ими окуриваютъ больныхъ, а

¹⁾ Сахаров., II, 39; Рус. прост. празд., IV, 34; Терещ., V, 54; Вѣст. Евр., 1818, XXI, 54; 1819, XIII, 42—45; Украин. Вѣстн. 1824, XII, 318—324; Рус. Сл. 1860, V, 37; Ганушъ, 187; Срирѣччя, 215—6; Иличъ, 156, 164—6; День 1864, 43. — ²⁾ Рус. прост. празд., IV, 37—38; Сахаров., 38—39, 101.

во время грозы ихъ бросаютъ въ затопленную печь, чтобы предохранить домъ и надворныя строенія отъ удара молніи ¹⁾. Съ тою-же цѣлю чехи зарываютъ подъ порогомъ избы и затыкаютъ за стрѣхи сбереженные отъ Ивановскаго костра головни и уголья, или—какъ только начнется гроза—жгутъ на шесткѣ частицы купальскихъ вѣнковъ; сербы вѣшаютъ эти вѣнки подъ кровлями домовъ и въ хлѣвахъ, для защиты отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ, а болгары кладутъ ихъ въ кадилницу и окуриваютъ болящихъ ²⁾.

Въ половинѣ іюня полуденное солнце достигаетъ высочайшей точки на небѣ, дни становятся наиболѣе-продолжительными, и наступаетъ пора томительнаго зноя; на этой вершинѣ оно остается въ теченіи нѣсколькихъ дней, называемыхъ днями лѣтняго солнцестоянія, а затѣмъ, поворачивая на зимній путь, начинаетъ все ниже и ниже спускаться по небесной горѣ. У нашихъ поселянъ іюнь-мѣсяцъ слыветъ макушкою лѣта, а шведы соединяютъ съ нимъ названіе *midsommar* (середина лѣта; *midsommernight* — Иванова ночь). Болгары увѣряютъ, что на Ивановъ праздникъ солнце пляшетъ, кружится и вертитъ саблями, т. е. разбрасываетъ яркіе, пламенные лучи; по выраженію русскаго народа, оно играетъ тогда, пляшетъ и мечется во всѣ стороны ³⁾. Въ Силезіи дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, именуемые *śróńczetą*, и выходя на утренней зорѣ въ поле,

¹⁾ Рус. прост. праздн., IV, 31—33; Терещ., V, 73. 87; Сахаров., I, 43; II, 41; Украин. Журн. 1824, XII, 318—9; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 274; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 84—85; Рус. въ св. посл., IV, 32—33; Шафонскаго: Топограф. описаніе черниговск. намѣстничества, 31; Ч. О. И. и Д., годъ 1, IV, 60; Оп. Румян. Муз., 551: „въ Ивановскую ночь... на травы парятся въ баняхъ, и травы рвутъ и кореніе копаютъ“ (изъ сборника прошлаго столѣтія). — ²⁾ Каравел., 234; Beiträge zur D. Myth., II, 395. — ³⁾ Каравел., 234; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 107; 1857, IV, 274.

раскладывают их на бѣломъ убрѣсѣ и причитываютъ: «gгај, sŕoñce, gгај, tutaj sa твој sŕoñczeta!» ¹⁾ Въ сербской пѣснѣ играющее солнце противоплагается пасмурному, похмолу ²⁾. Лѣтнее солнцестояніе сербы и словенцы объясняютъ тѣмъ невольнымъ страхомъ, какой должно чувствовать это свѣтло — прежде, чѣмъ двинется въ далекое зимнее странствованіе: Ивановъ день (говорятъ они) — такой великой праздникъ, что «на ъега сунде на небу трипут (троекратно) од страха стане» ³⁾. Когда наступали томительныя жары и грозили полямъ и нивамъ засухой, а стадамъ и людямъ зловредными испареніями (заразою), — индусы ведійской эпохи обращались съ мольбою къ Индрѣ, призывая этого всемогущаго бога сорвать съ небесной вершины солнечное колесо и погасить его палящіе лучи въ дождевыхъ потокахъ. Такимъ образомъ поворотъ солнца на зиму былъ признанъ за одинъ изъ благотворныхъ подвиговъ бога-громовника, и на Ивановскомъ празднествѣ сталъ обозначаться скатываніемъ съ горы въ воду обмазаннаго смолою и зажженнаго колеса: обрядъ, и донныи совершаемый славянами и нѣмцами (I, 208—212 ⁴⁾). У словенцевъ сохранилась слѣдующая любопытная пѣсня, которую поютъ при лѣтнемъ поворотѣ солнца:

Tužilo se žarko sunce
 Sa vedra neba,
 Tužilo se svetom Ivi
 Na dan Ivanja,
 Da ga vila dvorit neče
 S hladjanom vodom ⁵⁾.
 Al' govori sveti Ivo
 Na dan Ivanja:

¹⁾ Ганушъ, 176. — ²⁾ Срп. в. пјесме, I, 486. — ³⁾ Срп. рјечник, 215; Гласник срп. друштва 1867, V, 104—5; Иличъ, 166. — ⁴⁾ День 1864, 43. — ⁵⁾ Не хочетъ услужить ему (=омыть его) холодной водою.

«Stan de, suncе, do tri puta
 Na dan Ivanja;
 Dojt će tebi mlade dive
 S hladjanom vodom,
 S hladjanom će te vodom dvorit
 Na dan Ivanja,
 S vinci će ti zlatne kose
 Lipo kititi.»

По болгарскому повѣрью, солнце на Ивановъ день не знаетъ предстоящей ему дороги, а потому вляется дѣва и ведетъ его по небу ¹⁾. Эта дѣва — богиня Зоря, которая каждое утро умываетъ солнце росою и открываетъ путь его свѣтозарной колесницѣ, и которая (какъ мы знаемъ) постоянно отождествлялась съ богинею лѣтнихъ грозъ; словенская пѣсня замѣняетъ ее вилою (сравни преданія о солнцевыхъ дѣвахъ — I, 82—85). То дѣятельное участіе, какое приписывали боугромовнику въ поворотѣ солнца, ярко отразилось во всѣхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, относящихся къ этому времени. Иванова ночь исполнена чудеснаго и таинственнаго значенія: въ эту ночь источники и рѣки мгновенно превращаются въ чистое серебро и золото, папоротникъ разцвѣтаетъ огненнымъ цвѣтомъ, подземныя сокровища выходятъ наружу и загораются пламенемъ, деревья движутся и ведутъ между собой шумную бесѣду, вѣдьмы и нечистые духи собираются на лысой горѣ и предаются тамъ неистовому гульбищу ²⁾. Всѣ эти повѣрья возникли изъ древне поэтическихъ выраженій, какими народная фантазія живописала лѣтнія грозы. Приванный повернуть солнцего колесо и освѣжить удушливый воздухъ, Перунъ совершаетъ этотъ подвигъ во иракѣ ночи, т. е. облагаетъ небо тучами и превращаетъ ясный день въ непроглядную ночь; поэтому и самое празднованіе поворота солнца про-

¹⁾ Иличъ, 162—3; Каревел., 234. — ²⁾ Рус. Бес. 1857, III, 117.

исходить въ ночное время. На потемнённомъ небѣ загораются молніи, или выражаясь метафорически: разцвѣтають огненные цвѣты; облака и тучи, эти дожденосные источники и рѣки, озаряются блескомъ грозоваго пламени; бурные вихри потрясають дубравы, въ шумѣ и трескѣ которыхъ слышатся чловѣку невѣдомые голоса; удары грома разбивають облачныя горы и открываютъ затаённое въ нихъ подземельяхъ золото солнечныхъ лучей; стихійные духи затагивають дикія пѣсни и увлекаются въ быструю, бѣшеную пляску. Костры, разводимыя на Иванову ночь, могли служить эмблемами не только знойнаго іюньскаго солнца, но и возжигаемаго Перуномъ грозоваго пламени; это доказывается: во 1-хъ тѣмъ, что угольямъ и головнямъ, взятымъ отъ купальскаго костра, приписывается сила и свойства громовой стрѣлки, и во 2-хъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи купальскій костеръ замѣняется кучею крапивы, каковая замѣна стоитъ въ несомнѣнной связи съ представленіемъ молніи жгучею травою. Словенцы, во время засухи, втыкають въ заборъ Ивановскую головешку, съ увѣренностью, что она вызоветъ дождь ¹⁾. Рядомъ съ скатываніемъ огненнаго колеса въ рѣку, топчили въ ней и самаго Купала. Въ Малороссіи уцѣлѣлъ слѣдующій обрядъ: наканунѣ Иванова дня дѣлають изъ соломы идола Купала — иногда величиной съ ребенка, а иногда въ настоящій ростъ чловѣка, надѣвають на него женскую сорочку, плахту, монеты и вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Тогда-же срубаютъ дерево (преимущественно: чернокленъ, вербу или тополь), обвѣшиваютъ его лентами и вѣнками и устанавливаютъ на избранномъ для игрища мѣстѣ. Дерево это называютъ Мареною; подъ нимъ ставятъ наряженную куклу, а подлѣ нея столъ съ разными закусками и горѣлкою. Затѣмъ зажигають костеръ и начинаютъ прыгать черезъ него попарно (молодець

¹⁾ Иличъ, 165.

съ дѣвцею), держа въ рукахъ купальскую куклу; игры и пѣсни продолжаются до разсвѣта. На другой день куклу и Марену приносятъ къ рѣкѣ, срываютъ съ нихъ украшенія и бросаютъ ту и другую въ воду. На праздникѣ возглашается обрядовая пѣсня:

Ходыли дивочки коло Мариночки,
Коло мого вудола Купала.
Гратеме сонечко на Йвана!
Купався Иванъ, та въ воду упавъ;
Купало на Йвана!

Чехи (около Эгера) ставятъ на возвышенномъ мѣстѣ вырубленную въ лѣсу смолистую ёлку или сосну, убранную вѣнками, цвѣтами и красными лентами; вокругъ нея накладываютъ и зажигаютъ вечеромъ кучу хворосту и другихъ горючихъ матеріаловъ, и какъ только вспыхнетъ пламя — парии бросаются къ Иванову дереву и лѣзутъ на него доставать вѣнки и ленты. Перунъ-оплодотворитель (Ярило) и Лада, богиня зори (=просвѣтленнаго солнца) и лѣтнихъ грозъ, принимали равное участіе въ жизни природы и чествовались нашими предками, какъ нераздѣльная божественная чета. Литовцы и лётты, сходясь на купальское празднество, славляли Ладу ¹⁾ и приносили ей въ жертву бѣлаго пѣтуха; ту же богиню призываютъ въ своихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и карпаторуссы ²⁾. Возлѣ Купала, слившагося въ христіанскую эпоху съ Іоанномъ-крестителемъ, — въ нашихъ преданіяхъ выступаетъ Купальница, имя которой сдѣлалось эпитетомъ св.

¹⁾ Lada, Lada, dido musu deve!—Лада, Лада, великая наша богиня! — ²⁾ Вѣстн. Р. Г. О. 1857, IV, 271; Терещ., V, 56, 68, 73; Рус. прост. праздн., IV, 21; D. Myth., 589. По свидѣтельству автора „Абвеги русскихъ суевѣрій“ (стр. 2), ижорки (недалеко отъ Петербурга) собирались наканунѣ Иванова дня подъ старую липу, разводили огонь и при пляскахъ сожигали бѣлаго пѣтуха.

Аграфены, такъ какъ память этой послѣдней празднуется на 23-е іюня. Собственно-же Лада сѣтнилась въ воззрѣніяхъ народа Пречистой Дѣвою Марією, которую сербы называютъ огняна Марія, хорутане — свеѣпа Магіје, лужичане — свеѣковпса. Въ Пердаславѣ Залѣскомъ есть храмъ Пресв. Богородицы, именуемой мѣстными жителями Купальницею. Народныя причтанія и колядки приписываютъ Богородицѣ испосыланіе дождя и воздѣлываніе пашней. 24-го іюня, при восходѣ солнца, бѣлоруссы собираются у пылающихъ костровъ и смоляныхъ бочекъ и поютъ слѣдующую пѣсню:

Иванъ да Марья
 На горѣ купались;
 Гдѣзъ Иванъ купався —
 Берегъ колыхався,
 Гдѣзъ Марья купалась —
 Трава расцилалась,

т. е. Перунъ и Лада купались въ дождевыхъ потокахъ, на небесной горѣ, при чемъ первый потрясалъ землю громовыми раскатами, а послѣдняя растила на поляхъ травы. Что именно таково значеніе приведенныхъ стиховъ, это подтверждается другою купальскою пѣснею, въ которой разсказывается: какъ «въ озерѣ самъ Богъ купався съ дитками-судитками» (II, 477). День Аграфены купальницы посвящается собираиію лѣкарственныхъ травъ; изъ числа этихъ зелій особеннымъ уваженіемъ въ народѣ пользуются купаленка или купальница (*trollius europaeus*, желтоголовъ) и цвѣтокъ Иванъ да Марья (*melampyrum nemorosum*, нѣм. tag und nacht): крестьяне парятся на нихъ въ баняхъ, дабы смыть съ себя худобу и болѣзни. Съ тѣми-же именами Ивана и Марья соединяетъ купальская пѣсня и уборку хлѣба:

Ой! чіе то жито пидъ гору стояло? :
 Иванкове жито пидъ гору стояло,
 Пидъ гору зелененько, по місяду видненько.

Молода Маричка ходить жито жати:
 „Молодой Иванко! не вию я жать“.
 —Якъ я тебе визьму, жито жати научу! ¹⁾

Случайное созвучіе имени Маріа съ словомъ Марена (=Зна-
 ша, Смерть) повело къ смѣшенію связанныхъ съ ними пред-
 ставленій; такая ошибка произошла тѣмъ легче, что, по требо-
 ванію стародавняго культа, въ началѣ весны топили чучело
 Марены, а при лѣтнемъ поворотѣ солнца таже судьба пости-
 гала Ладу. Вотъ почему зеленое дерево, служившее эмблемою
 Лѣта, на Ивановомъ праздникѣ бросается въ воду и вмѣстѣ
 съ тѣмъ получаетъ названіе Марены. Хотя народъ и продол-
 жаетъ по преданію совершать купальскіе обряды, но давнымъ-
 давно утратилъ живое ихъ пониманіе и постоянно смѣшива-
 етъ Купала съ Купальницею. Мы видѣли, что куклу, назы-
 ваемую Купалою, наряжаютъ въ женскіе уборы; въ харьков-
 ской же губ. кукла эта извѣстна подъ именемъ Марены ²⁾.
 У бѣлоруссовъ, съ разсвѣтомъ Иванова дня, крестьянки вы-
 бираютъ изъ своей среды самую красивую дѣвушку, обнажа-
 ютъ ее и опутываютъ съ ногъ до головы гирляндами изъ цвѣ-
 товъ; затѣмъ отправляются въ лѣсъ, гдѣ Дзѣвко-Купало
 (такъ называютъ избранную дѣвушку) обязана раздавать своимъ
 подругамъ заранѣе-приготовленные вѣнки. Къ этой раздачѣ
 она приступаетъ съ завязанными глазами — въ то время,
 какъ вокругъ нея движется веселый дѣвичій хороводъ. Смотря
 по тому, какой вѣнокъ кому достанется, заключаютъ о своей
 будущей судьбѣ; свѣжій вѣнокъ сулитъ богатую и счастливую
 жизнь замужемъ, а вѣнокъ сухой, увядшій — бѣдность и не-
 счастливый бракъ: «счастья-доли не бачить ей, жить у недо-

¹⁾ Сахаровъ, II, 36, 40, 85; Украин. Журн. 1824, XII, 318—
 324; Терещ., V, 74—83; VI, 194; Рус. прост. праздн., III, 11; IV,
 30—33, 39—40, 49; Пасежъ, I, 100—9; День 1864, 43. — ²⁾ Архе-
 олог. Вѣстн. 1867, III, ст. Потебни, 97.

ли»¹⁾ Наоборотъ, срубленное дерево принимается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за самаго Купалу: на Волыни и Подолѣ дѣвпцы приносятъ убранныю цвѣтами вербу, устанавливаютъ ее въ землю, и вокругъ этого дерева, называемаго Купайломъ, водятъ хороводъ и поютъ жалобныя пѣсни; между тѣмъ собираются парни, и выждавъ время, вступаютъ въ притворную борьбу съ хороводомъ, овладѣваютъ вербою и рвутъ ее на части²⁾. Въ этомъ обрядѣ кроется мысль о начинающемся, послѣ лѣтнаго поворота солнца, замираніи плодотворящихъ силъ природы; богиня-Солнце, пускаясь въ зимнюю дорогу, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе теряетъ свою царственную власть надъ міромъ: дни сокращаются, ночи увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа близится къ старости и увяданію. Въ лѣтніе жары народъ призывалъ громовника погасить пламя солнечныхъ лучей въ разливѣ дождевыхъ потоковъ; но самое это погашеніе должно было напоминать древнему человѣку аналогическія представленія Ночи, съ приходомъ которой дневное свѣтило тонетъ въ волнахъ всемірнаго океана, Зимы, которая погружаетъ его въ море облаковъ и тумановъ, и наконецъ Смерти, которая гаситъ огонь жизни. Прибавимъ къ этому, что на пути въ загробный міръ, усопшіе, по мнѣнію нашихъ предковъ, должны были переплывать глубокія воды. Мысль о замирающихъ силахъ природы особенно-наглядно выражается въ тѣхъ знаменательныхъ обрядахъ, которые еще недавно совершались на Всесвятской недѣлѣ или въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, празднуемаго 29-го іюня, и были извѣстны въ нашемъ народѣ подъ названіемъ похоронъ Костромы, Лады и Ярила. По всему вѣроятію, обряды эти принадлежали въ старину къ купальскимъ игрищамъ; но такъ-какъ по своему вакханальному

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 13—15. — ²⁾ Рус. прост. предан., IV, 30.

характеру они должны были вызывать постоянные протесты со стороны духовенства, находившаго подобное «безстудіе» несоответствующимъ святости поста и церковнаго праздника, то и были переищены на другіе дни. Сверхъ того, съ именемъ апостола Петра суевѣрный народъ связывалъ свои старинныя представленія о богѣ-громовникѣ (II, 403); а потому и купальскія игрища легко могли приурочиваться ко времени около Петрова дня. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вечеромъ наканунѣ 29-го іюня крестьяне зажигаютъ костры, а на утро слѣдующаго дня наблюдаютъ игру восходящаго солнца ¹⁾. Похороны Костромы въ пензенской и симбирской губ. совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвцы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ поклонами, клали ее на доску и съ пѣснями несли къ рѣкѣ; тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвующихъ въ обрядѣ сгибала изъ дубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; напоследокъ возвращались въ деревню и заканчивали день въ хоровахъ и играхъ. Въ муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка: Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а соломѣ топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывая лица свои руками и какъ-бы оплакивая

¹⁾ Сахаров., II, 41; Рус. прост. правд., IV, 66—67; Вѣст. Евр. 1821, III, 198—9.

смерть Костромы. / Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только из соломы, но также из сорных трав и прутьевъ, и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово кострома означаетъ: пруть, розгу и растущія во ржи сорныя травы; костра, кострець, костёръ, костера — трава метлица, костерь, костера — жесткая кора растеній, годныхъ для пряжи, кострыка — крапива, кострубый (кострубатый) — шероховатый, въ переносномъ смыслѣ: придирчивый, задорный ¹⁾. Напомнимъ, что пруть, крапива, колючія и цѣпкія травы принимались за символы Перуновыхъ молній. Въ Малороссіи соломенная кукла, которую хоронили въ первый поведѣльничъ Петровки, называлась Кострубомъ, и обрядъ ея похоронъ сопровождался печальною пѣнею:

Померь, померь Кострубонько,
Сивый, милый голубонько!.. ²⁾

Подобный-же обрядъ въ саратовской губ. называется проводами Весны: 30-го іюня дѣлаютъ соломенную куклу, наряжаютъ ее въ кумачвый сарафанъ, ожерелье и кокошникъ, носятъ по деревнѣ съ пѣснями, а потомъ раздѣваютъ и бросаютъ въ воду. Ярмлово празднество отличалось тѣми же характеристическими чертами. Въ Воронежѣ толпы народа съ раннаго утра сходились на городской площади и съ общаго согласія опредѣляли: кому изъ присутствующихъ быть представителемъ Ярила; по разрѣшеніи этого важнаго вопроса, — избрачнаго облакали въ пестрое, разноцвѣтное платье, убирали

¹⁾ Обл. Сл., 91; Доп. обл. сл., 90; Географ. извѣст. за 1850 г., II, ст. Кавелин., 9; Старосл. Банд., 372; Толк. Слов., I, 783. Въ саратовской губ. костромою называется куча соломы, сожигаемая подъ Новый годъ—Терещ., VII, 116. — ²⁾ О Кострубѣ, по словамъ О. Миллера, есть въ Малороссіи пѣсни съ неудобными для печати подробностями—Ж. М. Н. П. 1867, стат. 2-я, 637.

цвѣтами и лентами, навѣшивали на него колокольчики и бубенчики, на голову надѣвали ему раскрашенный бумажный колпакъ съ пѣтушьими перьями, а въ руки давали колотушку, которая изстари принималась за эмблему громовой палицы (I, 441—3). Шествіе Ярила возвѣщалось барабаннымъ боемъ: обходя площадь, онъ пѣлъ, плясалъ и кривлялся, а слѣдомъ за нимъ двигалась шумная толпа. Народъ предавался полному разгулу, и послѣ разныхъ игръ, сопровождаемыхъ пѣснями, музыкой и плясками, раздѣлялся на двѣ стороны и начиналъ кулачный бой — стѣна на стѣну. Въ Костромѣ горожане сходились на площадь, избирали старика, одѣвали его въ рубище и вручали ему небольшой гробъ съ куклою, которая изображала Ярила и нарочито дѣлалась съ огромнымъ дѣторѣднымъ удомъ. Затѣмъ отправлялись за городъ; старикъ несе гробъ, а вокругъ него шли женщины, причитывали нараспѣвъ похоронныя жалобницы и жестами своими старались выразить скорбь и отчаянье. Въ полѣ вырывали могилу, хоронили въ ней куклу съ плачемъ и воемъ, и тотчасъ-же начинали игры и пляски, напоминавшія языческую тризну. Въ Малороссіи соломенное чучело Ярила приготавливалось совѣмъ естественными принадлежностями мужскаго пола; куклу эту клали въ гробъ и по захожденіи солнца выносили на улицу. Пьяныя бабы подходили къ гробу, плакали и печально повторяли: «померъ онъ, померъ!» Мужчины подымали и трясли куклу, какъ-бы стараясь разбудить усопшаго Ярила, и потомъ замѣчали: «эге, баба не брешетъ! вона знае, що їй солодче меду.» Бабы продолжали горевать и причитывать: «якій же винъ бувъ хороній!.. Не встане винъ бильше! о якъ-же намъ разставатися съ тобою? и що за жизнь, коли нема тебе? Приподнимись хоть на часочикъ! но винъ не встаетъ и не встанетъ...» Когда Ярило былъ уже достаточно улаженъ и оплаканъ, куклу его зары-

вали въ могилу ¹⁾). Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ видятъ въ именахъ Купала, Ярила, Костромы только названія лѣтнихъ праздниковъ, и ничего болѣе. Но если принять въ соображеніе, что фантазія младенческихъ народовъ любила свои представленія облекать въ живые, пластическіе образы, что это было существенное свойство ихъ мышленія и міросозерцанія, что самыя времена года казались уму древняго чело-вѣка не отвлеченными понятіями, а дѣйствительными боже-ствами, посѣщающими въ извѣстную пору дольний міръ и творящими въ немъ тѣ перемѣны, какія замѣчаются въ жизни, цвѣтеніи и замираніи природы; то несостоятельность вышеуказаннаго мнѣнія обнаружится сама собою. Изъ приведеннаго нами описанія праздничныхъ обрядовъ очевидно, что народъ еще недавно представлялъ Купала и Ярила, какъ существа живыя, чело-вѣко-подобныя, и въ этомъ нельзя не признать отголоска глубочайшей древности, когда поэтическое чувство господствовало надъ мыслию чело-вѣка.

Послѣ Иванова дня поселянинъ начинаетъ слѣдить за тѣми знаменіями, которыя пророчатъ ему о грядущей смѣнѣ лѣта зимою. Къ концу іюня замолкаютъ кукушка, соловей и другія пѣвчія птицы; такъ какъ это случается около того времени, когда въ поляхъ колосится хлѣбъ, то о замолкшей кукушкѣ крестьяне выражаются, что она подавилась житнымъ колосомъ; малоруссы говорятъ: «соловейко вдавився яч-миннымъ колоскомъ, а зозуля мандрикою» ²⁾. Съ сентября начинается отлетъ птицъ въ теплыя страны или вирій; о ласточкахъ рассказываютъ, что въ первый день этого мѣсяца онѣ прячутся въ колодцы, т. е. улетаютъ въ рай (= царство вѣчнаго лѣта), лежащій по ту сторону облачныхъ источ-

¹⁾ Сахаров., II, 42, 91—93; Терещ., V, 100—4; Рус. прост. празд., I, 234; IV, 51—65; Рус. Вес. 1856, III, 105; Труды владим. стат. ком. 1867, VII, 29. — ²⁾ Мандрики—вазрушки, которыя полетятъ къ Петрову дню.

никовъ. Въ тотъ-же день крестьянки хоронятъ мухъ и таракановъ въ гробахъ, сдѣланныхъ изъ свекловицы, рѣпы или моркови, чѣмъ символически обозначается оцѣпенѣніе этихъ наѣтокъ на все время зимы. 14-го сентября змѣи уползаютъ въ вѣрѣй, или-же собираются въ ямахъ, свертываются въ клубки и засыпаютъ зимнимъ сномъ¹⁾. Мало по малу увеличиваются холода, трава увядаетъ, съ деревьевъ опадаютъ листья, и наконецъ является суровая Зима, налагаетъ на весь міръ свои оковы, стелетъ по водамъ ледяные мосты, землю одѣваетъ въ бѣлоснѣжный саванъ и выпускаетъ изъ адскихъ подземелій вереницы вьюгъ, вятелей и морозовъ.

Если съ поворотомъ солнца на зиму соединилась мысль озамираніи творческихъ, плодотворящихъ силъ природы, то съ поворотомъ этого свѣтила на лѣто необходимо должна была соединиться мысль о ихъ возрожденіи, на что и указываютъ обряды донинѣ - совершаемые во время Рождественскихъ Святковъ — на такъ называемомъ праздникѣ Коляды. Коля(е)-да, пол. *kolęda* = латин. *calendae* — собственно: первое въ каждомъ мѣсяцѣ число, по которому ведется счетъ и предшествующимъ ему днямъ съ половины или точнѣе—послѣ идѣ предыдущаго мѣсяца; впоследствии слово это стало попреимуществу употребляться для обозначенія январскихъ календъ (съ 14 декабря по 1 января включительно), какъ исходнаго пункта, съ котораго начинается годъ, и затѣмъ уже въ средніе вѣка перешло въ названіе святочныхъ игрѣщъ: фран. *chalepdes*, прован. *calendae*, нижненѣм. *kaland*. Къ намъ оно проникло изъ Византіи, вмѣстѣ съ отреченными книгами, и согласно съ звуковыми законами славянскаго языка измѣнилось въ коляду. Никифоръ Омологета, жившій въ IX вѣкѣ, въ опроверженіи своемъ ложныхъ писаній говоритъ, что не должно

¹⁾ Послов. Далъ, 988, 995—6; Номис., 282; Сахаровъ, II, 50—52; Киев. Г. В. 1850, 22.

держатъ у себя βροντολόβια и χαλανδολόβια (въ древне-славянскомъ переводѣ: грошниковъ и колядниковъ—см. стр. 607 ¹⁾). Коричная книга по списку 1282 года, приводя правило запрещающее колядскіе обряды, присоединяетъ такое толкованіе: «каланди соуть шрвіи въ коемъждо мѣсяци днѣ, «въ нихъ-же обычай бѣ елиномъ творити жертвы, и въ таже «евроуманія елиньстїи бѣаху праздньници; вроумъ бо пореклъ «естъ Діонисово, и нная вся яже соуть идольская прельсти «и соуетьства отмещюще святїи отъ вѣрныхъ житїа, возбращаютъ крестьяномъ таковая творити... и не повелѣвають «моужемъ облачатися въ женьскыя ризы, ни женамъ въ «моужьскыя, еже творять на праздньники Діонисовы пляшюще, «ни лицъ же косматыхъ възлагати на ся, ни козляхъ, ни са «тоурьскыхъ... яже нынѣ творять селяне, не вѣдоуще что «творять» ²⁾). На тождество рус. коляды съ латин. calendae указалъ еще Яковъ Гриммъ ³⁾, и нельзя не удивляться, что изслѣдователи наши какъ-будто не замѣтили этого простаго объясненія и постоянно придумывали свои собственныя производства, основанныя на бесплодной игрѣ созвучїи ⁴⁾. Когда наступали самыя короткіе дни и самыя длинныя ночи въ году, древній человекъ думалъ, что Зима побѣдила солнце, что оно одряхлѣло, утратило свою лучезарность и гото-

¹⁾ Лѣтоп. занятїй Археогр. Ком. 1861, 29—32; Рус. прост. правд., II, 5. — ²⁾ Ист. Христом. Бусл., 382—3. — ³⁾ D. Myth., 594. — ⁴⁾ Г. Геденовъ сближаетъ коляду съ греч. χαλή φδῆ—Зап. Имп. Ак. Н. 1862, II, кн. 2, 173; Дм. Щещининъ видитъ въ этомъ словѣ кол-ѣдѣ (вокругъ ѣдущїи) или кол-ѣдѣ (круговая яства)—Объ источн. и формахъ рус. баснословія, II, 64; г. Везоновъ подозреваетъ здѣсь колоду (зажженный пень)—Балтыя Пер., IV, 46; г. Костомаровъ производитъ коляду отъ слова коло (колесо)—Слав. мнѣ., 99; г. Соловьевъ указываетъ на сложныя: коло Лада, ко-Ладу—Архивъ ист. - юрид. свѣд., I, 29, и такъ дал.

вится умереть, т. е. погаснуть. Но торжество злых сил продолжается не далѣе 12-го декабря—день, въ который солнце поворачиваетъ на лѣто и который поэтому слыветъ въ народѣ поворотомъ, поворотникомъ и солонуворотомъ ¹⁾. Какъ на Ивана Купала Солнце, по русскому повѣрью, възъезжаетъ въ колесницѣ на серебряномъ, золотомъ и алмазномъ коняхъ, такъ и теперь наряженное въ праздничный сарафанъ и кокошникъ — оно садится въ телѣгу и направляетъ своихъ коней на лѣтнюю дорогу ²⁾. Народъ сочелъ съ этой древней богиней имя Коляды, и прославляя въ обрядовой пѣснѣ въездъ Солнца на лѣто, употребляетъ слѣдующее выраженіе: «ѣхала Коляда въ малеваномъ возочку, на вороненькомъ конечку» ³⁾. Въ прежніе годы существовалъ даже обычай возить Коляду, которую представляла нарочно-избранная дѣвушка, одѣтая въ бѣлую сорочку ⁴⁾. Отсюда становится понятнымъ, почему составители старинныхъ хроникъ причисляли Коляду къ сонму языческихъ боговъ и въ обрядахъ колядскаго праздника усматривали слѣды идолослуженія. Послѣ зимняго поворота, солнце мало по малу начинаетъ брать верхъ надъ демонами мрака: по

¹⁾ Въ Иллюстраціи 1847 года (стр. 253—4) напечатано преданіе, будто бы въ XVI—XVII стол. звонарный староста московскаго Успенскаго собора два раза въ году обязанъ былъ являться предъ царскія очи: 12-го декабря—съ докладомъ, что „отселъ возвратъ солнцу съ зимы на лѣто, день прибываетъ, а ночь умалется“, и за такую радостную вѣсть государь жаловалъ ему 24 серебряныхъ рубля; 12-же іюня—съ докладомъ, что „отселъ возвратъ солнцу съ лѣта на зиму, день умалется, а ночь прибываетъ“, и за эту печальную вѣсть старосту запирали на 24 часа въ темную палатку на Ивановской колокольнѣ. Преданіе это не подтверждается ни дворцовыми расходными книгами, въ которыя записывалась всякая царская награда, ни другими письменными свидѣтельствами того времени. — ²⁾ Сахаровъ, II, 68—69. — ³⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 98. — ⁴⁾ Сахаровъ, II, 69.

народному выраженію, день къ Новому году прибавляется на курный шагъ или на гусиную лапку ¹⁾, а въ началѣ февраля лучи солнечные уже «нагрѣваютъ у коровы одинъ бокъ», почему крестьяне и называютъ февраль-мѣсяцъ бокогрѣемъ ²⁾. Въ этомъ переходѣ отъ постепенной утраты къ постепенному возрастанію свѣтоносной силы солнца предки наши видѣли его возрожденіе или воскресеніе (=возженіе солнцева свѣтильника—I, 187-8) и въ честь столь радостнаго событія, совершавшагося на небѣ, зажигали по городамъ и селамъ костры. Такъ какъ около того-же времени христіанскія правила установили праздновать Рождество Спасителя, называемаго въ церковныхъ пѣсняхъ «праведнымъ солнцемъ, пришедшимъ съ востока» ³⁾, то древле-языческій праздникъ рождающемуся солнцу и былъ приуроченъ къ Рождественскимъ Святкамъ; по мнѣнію народа, высказанному въ его обрядовой пѣснѣ, Коляда нарождается наканунѣ Рождества ⁴⁾. Къ этому необходимо добавить, что, вѣстѣ съ перенесеніемъ новолѣтія на 1-е января, мысль о нарождающемся новомъ годѣ весьма удачно совпала съ стариннымъ мѣомъ о рожденіи солнца, движеніемъ и поворотами котораго опредѣляется обычная смѣна временъ. Замѣтимъ, что еще у римлянъ праздникъ *patales solis in victi* совершался въ январскія календы ⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи удержалось обыкновеніе раскладывать по берегамъ рѣкъ костры — въ ночь на 12-е декабря; вообще-же паленію костровъ посвящаютъ у насъ ночи на Рождество Христово, на Новый годъ и Крещеніе. Во время

¹⁾ Послов. Даля, 970, 1002; Ввст. Р. Г. О. 1853, VI, 100; Weihnachten in Schleswig-Holstein, Гандельманна, 35. — ²⁾ Сахаров., II, 8—9; Рус. въ св. послов., IV, 24. — ³⁾ На родинахъ, ставя на столѣ кашу, поютъ тропарь: „Радуйся, благодатная Богородице Дѣво! въ тебе бо явде солнце правды—Христост, Богъ нашъ“. — ⁴⁾ Терещ., VII, 57; Маликъ, VIII, 63. — ⁵⁾ Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 340. Проппаев, IV, 137.

Рождественской заутрени почти по всеѣмъ городамъ и селамъ жгутъ у церкви смоляныя бочки. На Украинѣ, начиная съ 25-го декабря, крестьяне цѣлую недѣлю не выкидываютъ изъ избы сора, а тщательно собираютъ его въ одну кучу; на Новый же годъ, передъ самымъ восходомъ солнца, выносятъ соръ въ садъ и зажигаютъ — съ твердою увѣренностью, что оживленные дѣйствіемъ этого огня деревья принесутъ на будущее лѣто обильные и вкусныя плоды. Нѣкоторые хозяева собираютъ соръ въ продолженіи цѣлаго года и зажигаютъ его на дворѣ или въ саду наканунѣ Рождества Христова ¹⁾. У сербовъ, кроатовъ и далматинцевъ канунъ Рождества называется бадья дан (бадвий день) отъ слова бадьякъ ²⁾, означающаго сырую дубовую колоду, сожигаемую въ это время на домашнемъ очагѣ, а самое Рождество — Божъ ѡ (сынъ божій, новорожденный божественный младенецъ). На бадвий день сербъ домохозяинъ (домаѣнн) отпраляется въ лѣсъ, присккиваетъ молодой дубъ, вырубаетъ изъ него колоду и привозитъ ее на свой дворъ; въ Герцеговинѣ для этой перевозки употребляютъ шесть или восемь воловъ. Какъ только смеркнется, хозяинъ вноситъ колоду въ избу, и обращаясь къ домочадцамъ, прѣвѣтствуетъ ихъ: «добар вече ³⁾ и честит ⁴⁾ вамъ бадья дан!» Ему отвѣчаютъ: «дао ти Богъ добро сретѣя и честити! ⁵⁾» Принесенную колоду обмазываютъ по краямъ медомъ, посы-

¹⁾ Молодикъ 1844, 101. — ²⁾ Г. Потебня производитъ бадьякъ отъ сивр. badh—бить (слав. бодать, литов. badyti; сравни колоть и колода)—Ч. О. И. и Д. 1865, II, 1; а г. Лавровскій (ibidem 1866 г., II, 15), оспаривая это производство, указываетъ на др.-славян. корень бѣдъ (бѣдѣти, боудити) и соединяетъ со словомъ бадьякъ понятіе пробужденія, бодрствованія: въ исходѣ декабря солнце пробуждалось отъ зимняго сна—загоралось новымъ пламенемъ и выступало на лѣтнюю дорогу. — ³⁾ Вечеръ. — ⁴⁾ Счастливый. — ⁵⁾ Въ Черногоріи принято отвѣчать: „и с тобомъ заедно сретчо и честито!“

наютъ зерновыиъ хлѣбомъ и кладутъ въ печь на горячія угля. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, кромѣ большаго бадняка, возлагаютъ на огнище еще пять мѣньшихъ, называемыхъ баднячица или блажена палица. Вслѣдъ затѣмъ хозяйка устилаетъ полъ соломой и разбрасываетъ по ней орѣхи. Послѣ ужина поютъ и веселятся, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня стрѣляютъ изъ ружей. Первый гость, который войдетъ въ избу на Рождественскій праздникъ, называется положейникомъ или полазникомъ; ему приписываютъ и всѣ радости, и всѣ бѣды, какія выпадаютъ на долю хозяевъ и ихъ семьи въ теченіи цѣлаго года. Поэтому всякій домашній заранѣе избираетъ себѣ въ положейники такого знакомаго, о которомъ думаетъ, что онъ навѣрно принесетъ ему счастье; слѣдую общепринятому обычаю, никто другой и не является на первый день праздника. При входѣ въ избу, положейникъ бросаетъ горсть хлѣбныхъ зеренъ и произноситъ: «Христосъ се роди!» а кто-нибудь изъ домашнихъ отвѣчаетъ: «ва истину роди!» и осыпаетъ его самого житомъ. Послѣ этого положейникъ приближается къ огнищу, и ударяя кочергой по горящему бадняку—такъ, что искры сыплются во всѣ стороны, причитываетъ: «оволико говеда, оволико коња, оволико коза, оволико оваца, оволико крмѣка, оволико кошница, оволико среѣе и наплетка!» (см. II, 42.) Передъ обѣдомъ всѣ присутствующіе берутъ въ руки по зажженной восковой свѣчѣ, молятся Богу и цѣлуютъ другъ друга—со словами: «миръ божіи! Христосъ се роди, ва истину роди, покланямо се Христу и Христову рожанству.» По окончаніи молитвы и взаимныхъ привѣтствій, свѣчи передаются домохозяину, который соединяетъ ихъ въ одинъ цукъ и ставитъ въ чашку, наполненную разнаго рода хлѣбными зернами; немного погодя онъ гаситъ ихъ въ этихъ зернахъ, опуская зажженными концами внизъ. Кромѣ другихъ яствъ, для рождественской трапезы необходимы медъ и

чесница, т. е. прѣсный пшеничный хлѣбъ съ запеченною въ нешъ серебряною или золотою монетою. Когда усядутся за столъ, домаѣин разламываетъ чесницу и раздаетъ всѣмъ по куску; тотъ, кому достанется кусокъ съ монетою, будетъ «наисретнији оне године». Баднякъ, по мнѣнію сербовъ, обладаетъ дѣлительной и плодородящей силою: уголья и зола его употребляются, какъ лѣкарство противъ болѣзней рогатаго скота и лошадей; тлѣющей головней его окуриваютъ улья, и потомъ, когда она погаснетъ — относить ее въ садъ и ставить на молодую сливу или яблоню: такъ поступаютъ для того, чтобы будущій годъ былъ изобилень на медъ и садовые плоды. Туже производительную силу сербы соединяютъ и съ божитными сѣменами, и съ божитною соломомою; сѣменами этими они закармливаютъ куръ, чтобы не было недостатка въ яйцахъ, а соломому относить на нивы, «да би боѣе родиле»¹⁾. Въ Черногоріи на бадній день каждая семья приготовляетъ толстое дубовое бревно, обвитое лавровыми вѣтвями. По закатѣ солнца вносятъ бревно въ избу, посыпаютъ его пшеницею и причитываютъ: «я тебя пшеницею, а ты меня мужскими глазами (т. е. даруй мнѣ потомство), скотиною, хлѣбомъ и всякими счастлиемъ!» Затѣмъ старѣйшина, вмѣстѣ съ домохадцами, кладетъ бревно на очагъ и зажигаетъ съ обохъ концевъ, а когда оно разгорится — льетъ на него вино и масло и бросаетъ въ огонь горсть муки и соли. Отъ священнаго пламени очага онъ затепливаетъ восковыя свѣчи и лампаду передъ иконами, и сотворивъ молитву о благоденствіи своей семьи и всѣхъ православныхъ христіанъ, беретъ чашу вина, отвѣдываетъ немного и передаетъ старшему сыну; этотъ въ свою очередь долженъ передать ее слѣдующему родичу, и такъ да-

¹⁾ Срп. рјечник, 11—12, 34—35, 533, 822—3; Терещ., VII, 19—27; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 2—4; Гласник срп. друштва 1867, V, 122; Иличъ, 95.

дѣе, пока круговая чаша не обойдетъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ. Но каждый, взявши чашу, прежде-нежели отпить изъ нея, плещетъ виномъ на баднякъ съ такимъ привѣтомъ: «будь здоровъ, бадняче-веселяче, съ великомъ и добромъ сребромъ у кучу улега!» По окончаніи описанныхъ обрядовъ, дѣлаютъ нѣсколько залповъ изъ ружей и приступаютъ къ вечерней трапезѣ, при чемъ столъ бываетъ устланъ соломой, по срединѣ стола лежатъ одинъ на другомъ три хлѣба, а надъ верхнимъ хлѣбомъ красуется воткнутая въ него лавровая вѣтка съ апельсиномъ или яблокомъ. Баднякъ остается въ печи и тлѣетъ тамъ до Новаго года; во все это время праздничныя яства не снимаются со стола и всегда готовы на угощеніе друзей, знакомыхъ и странниковъ. Всякой гость входя на Рождественскіе Святки въ избу, подвигаетъ баднякъ къ задней сторонѣ печи, и какъ только посыплются искры, высказываетъ доброе пожеланіе: «да будетъ у хозяина столько-же дѣтей, коровъ, овецъ или денегъ, сколько выпало искръ!»¹⁾ У болгаръ канунъ Рождества—бѣдни вечеръ, и сопровождается слѣдующими обрядами. Глава семейства, жена его и дѣти выходятъ на дворъ съ зажженными лучинами въ рукахъ, отправляются къ мѣсту, отведенному для рубки дровъ, и выбираютъ толстое, длинное и сырое дубовое полѣно. Когда оно будетъ найдено, домовладыка снимаетъ шапку и съ благоговѣніемъ произноситъ: «помози, Боже и ти Коledo, да поживѣемъ и до друга година!» Потомъ, взваливъ дубовое полѣно на плечо, возвращается въ избу, кладетъ его въ печь и разводитъ огонь; приступая къ очагу, онъ возглашаетъ молитву и обращается къ присутствующимъ со словами: «Христось са роди!»—Истинно са роди! отвѣчаютъ ему домочадцы и цѣлуются другъ съ другомъ. Это возженное наканунѣ Рождества полѣно называет-

¹⁾ Записки морск. офицера, соч. Броневскаго, I, 258—9; Путешествіе въ Черногорію А. Попова, 223—4.

ся баднякъ; оно должно медленно и постоянно горѣть во все продолженіе Святковъ — до самаго Крещенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи 24-го декабря тушатъ во всей деревнѣ старыи огонь, и въ замѣнъ его вытираютъ изъ сухаго дерева новый — божій или святой огнець, которымъ и возжигаютъ домашніе очаги ¹⁾. Когда баднякъ загорится, домовладѣйка подымаетъ его и ударяетъ имъ нѣсколько разъ, приговаривая: «за плодъ и здраве!» Искры, которыя посылаются отъ перваго удара, знаменуютъ приплодъ лошадей, искры отъ втораго и третьаго ударовъ — приплодъ коровъ и овецъ, и такъ далѣе. На разведенномъ огнѣ пекутъ прѣсный хлѣбъ, съ золотой или серебряною монетою внутри, называемый боговица (= серб. чесница); по полу разбрасываютъ солому, грецкіе орѣхи и пшеницу; къ ужину готовятъ вино, медъ и разные плоды: яблоки, сливы, сухіе персики, изюмъ, виноградъ, стручки и орѣхи. Какъ скоро столъ будетъ накрытъ и уставленъ яствами и напитками, глава семейства беретъ кадильницу, читаетъ молитву и кадитъ по избѣ ладономъ; послѣ того садятся за ужинъ, но съѣдаютъ не все, а часть меда и фруктовъ откладываютъ въ особую миску, ставятъ подъ образа и сберегаютъ на случай болѣзней, какъ самое надѣжное лѣкарство. Набожные люди, вѣрные завѣтамъ старины, стараются не спать на Рождественскую ночь; сидя возлѣ очага, они заботливо наблюдаютъ, чтобы какъ-нибудь не погасло священное пламя. Пепель, остающійся отъ бадняка, частію употребляютъ на лѣченіе домашней скотины, а частію разсыпаютъ по нивамъ, пастбищамъ и виноградникамъ — съ твердымъ убѣжденіемъ, что это способствуетъ хорошему урожаю; ту часть бадняка, которая не успѣваетъ сгорѣть ко дню Крещенія, зарываютъ въ землю — посреди виноградника, или

¹⁾ Подобный обрядъ совершается на Руси наканунѣ 1-го сентября (Терещ., V, 145; Сахаров., II, 52) — вѣроятно потому, что

хранять въ дому до слѣдующаго Рождественскаго сочельника и тогда разводять ею «новый огонь» ¹⁾). У германскихъ племень сербо-болгарскому бадняку соответствуютъ *weihnachtsblock*, *julblock*, о которыхъ упоминають писатели XII-го вѣка; во Франціи еще донынѣ чествуется *souche de Noël* ²⁾; въ Марсели зажигаютъ *calendeau* или *caligneau*—большой дубовый обрубокъ, опрыскивая его виномъ и масломъ: обрядъ возженія совершается старѣйшимъ представителемъ семьи; летты канунъ Рождества Христова называютъ *blukk u wakka*g — вечеръ чурбана, ибо тогда приносится и возжигается чурбанъ (*blukkis*). Подобныя-же обряды въ Швеціи и Норвегіи приурочены ко дню Крещенія: раннимъ утромъ хозяинка затапливаетъ печь; передъ устьемъ очага собираются домочадцы, становятся въ полукругъ и преклоняють колѣна; затѣмъ они вкушаютъ приготовленныя печенья и напитки, и часть отъ тѣхъ и другихъ бросаютъ и льютъ въ разведенное пламя ³⁾).

По древне-арійскому представленію, всякой разъ, когда облачные демоны погасятъ (=омрачатъ) дневное свѣтло, — тотчасъ-же выступаетъ богъ-громовникъ, буравитъ своею палицей дерево-тучу, добываетъ изъ него живое пламя грозы и снова зажигаетъ солнцего колесо. Тоже представленіе прилагалось и къ зимнему повороту солнца: если съ этого времени оно начинаетъ возрождаться—приобрѣтаетъ все болшую и болшую свѣтоносную силу, то именно потому, что благодѣтельный Перунъ возжѣгъ его новымъ, чистѣйшимъ пламенемъ. Такъ думали наши предки, и подъ вліяніемъ означенной мысли декабрь, какъ мѣсяцъ поворота и возженія солнцего коле-

въ допетровской время съ этого числа начинался у насъ новый годъ. — ¹⁾ Каравел., 276—8; Москов. Газета 1866 года: «Святки у болгаръ». — ²⁾ *Souche* — пень, вырванный съ корнемъ; *Noël* — *dieſ natalis*. — ³⁾ D. Myth., 593—5.

са, былъ названъ именемъ коло-жега (=julfеuer¹). Этотъ творческій подвигъ, совершаемый Перуномъ на радость всѣмъ людямъ на небѣ, чествуется на землѣ въ символическомъ обрядѣ возженія бадняка. Суровое время года, въ которое происходитъ поворотъ солнца на лѣто, помѣшало колядскому празднику развиться до общиннаго, публичнаго значенія и удержало за нимъ чисто-семейный характеръ. Морозы, вьюги и мители гонять человѣка подъ домашній кровъ, заключаютъ его въ тѣсныхъ предѣлахъ избы, и вмѣстѣ съ этимъ необходимо ограничиваютъ кругъ его интересовъ и обязанностей. Вотъ почему возженіе бадняка совершается не всенародно, не подъ открытымъ небомъ, а въ стѣнахъ избы — на родовомъ очагѣ, который изстари признавался святынею — жертвенникомъ и обиталищемъ дружелюбнаго Агни. Баднякъ готовится изъ дубоваго дерева: какъ извѣстно, дубъ былъ посвященъ Перуну и до сихъ поръ «живой огонь» по преимуществу добывается изъ этого дерева. Тому же богу были посвящены и орѣхи, а потому разбрасываніе ихъ по избѣ указываетъ на культъ громовника; чехи молятъ въ обрядовой пѣснѣ: «koleda, koleda! Dĕdku, dej orišku k snĕdku»²). Масло и вино, которыми поливаютъ баднякъ, и хлѣбныя зѣрна, которыми его осыпаютъ, служатъ знаменіями дождя, приносимаго грозовой тучей, осѣменяющаго землю и дарующаго ей плодородіе. Очевидно, что старыи баднякъ и молодой Божичъ, прославляемые въ сербскихъ пѣсняхъ³), скрываютъ подъ своими именами Дѣда-Перуна, возжигателя небеснаго пламени, и просвѣтленное этимъ

¹) Въ сѣверныхъ рунгахъ зимній поворотъ солнца обозначался изображеніемъ колеса. Въ Шлезвигѣ наканунѣ Рождества Христа крестьяне катятъ въ деревню колесо: это называется Weihnachten hineintrödeln (Гандельманъ: Weihnachten in Schleswig-Holstein, 36). — ²) Галушъ, 21. — ³) Срв. в. пѣсню, II, 115—6.

пламенемъ Солнце. Согласно съ уподобленіемъ солнечнаго свѣта золоту, сербы причитываютъ наканунѣ Рождества:

Божић, Божић бата
На обоја врата,
Носи киту злата,
Да позлати врата, ¹⁾

т. е. новорожденное Солнце стучится въ небесныя врата, и отверзая ихъ, позлащаетъ востокъ блескомъ утренней зори. У русскихъ и чеховъ уцѣлѣла старинная святочная игра, основную мысль которой составляетъ: исканіе золотого кольца — солнца, сокрытаго змѣемъ Вритрою во шракѣ зимнихъ облаковъ и тумановъ (II, 368). Всѣ участвующіе въ игрѣ садятся въ кружокъ, и передавая тайкомъ изъ рукъ въ руки золотое кольцо, запѣваютъ хоромъ:

И я золото хороню-хороню,
Чисто сѣребро хороню-хороню.
Гадай, гадай, дѣвица,
Отгадывай, красная,
Въ коей рукѣ былаца —
Змѣяная крылицца?
Наше золото пропало,
Оно порохомъ запало,
Призаиндѣвѣло, призапеснѣвѣло...

Пока продолжается пѣсня, одна изъ дѣвицъ ходитъ въ среднѣмъ круга и старается угадать: у кого находится кольцо; если угадаетъ, то присоединяется къ подругамъ, а на сѣбѣну ей исключительницей золота выступаетъ другая дѣвица, и законченная игра начинается сызнова ²⁾. Всѣ вечера, начиная съ 24-го

¹⁾ Ibid., 117. — ²⁾ Сахаров., I, 15; Терещ., VII, 177' — 180: Галушъ, 11; Чешск. пѣсни Эрбена, 96. Такъ какъ кольцо было эмблемой супружеской связи, и такъ какъ весна (съ наступленіемъ которой золотое кольцо-солнце открывается изъ-за снѣжныхъ облаковъ) была временемъ брачнаго союза между Небомъ и Землею, то отсюда возникло слѣдующее гаданіе: дѣвицы приносятъ блуде

декабря по день Крещенія, называются у насъ святыми (вѣш. Weih-pachten). По мнѣнію поселянъ, въ эти святыя вечера нисходитъ съ неба и странствуетъ по землѣ новорожденный Богъ, и потому всякая работа считается тогда за великій грѣхъ ¹⁾. Явленіе божества сопровождается чудесными знаменіями. Въ полночь наканунѣ Рождества и Крещенія открываются небесныя врата; пресвѣтлый рай, въ которомъ обитаетъ Солнце, открываетъ свои сокровища; воды въ рѣкахъ и источникахъ оживаютъ (приходятъ въ движеніе, волнуются), претворяются вѣ вино и получаютъ цѣлебную силу (I, 778; II, 188); на деревьяхъ распускаются цвѣты и зрѣютъ золотыя яблоки. Въ этотъ таинственный часъ божество разсыпаетъ щедрыя, богатые дары на весь міръ: о чемъ помолишься отверстому небу, то и сбудется. Чтобы узрѣть, какъ будетъ отворяться небо, сербы выходятъ на богоявленскую ночь въ поле и остаются тамъ до самаго разсвѣта ²⁾. У лужичанъ наканунѣ Рож-

снѣгу, бросаютъ въ него кольцо и поручаютъ кому-нибудь раздѣлить между ними снѣгъ; въ чьей доль окажется кольцо, та въ теченіи года непремѣнно будетъ замужемъ—Херсон. Г. В. 1846, 4. Одна изъ святочныхъ подблюдныхъ пѣсень (Сахаров., I, 13) гласитъ: лѣвилась красная дѣвица

Часто по воду ходить;
Она таяла снѣгъ
На печномъ столбу,
Она вытала
Золотъ перстень.
Да кому перстнемъ обручатся?
Обручатся отроку съ отрочицею,
Еще молодцу со дѣвицею.

Пѣсня эта предвѣщаетъ скорую свадьбу. — ¹⁾ Цебриков., 289. — ²⁾ Терещ., VII, 42; Послов. Даля, 971; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 65; Москов. Газета 1866, стат. Кярлвелова; Ганушъ, 10; Рус. Вѣст. 1862, I („Чешская деревня“), 350; Срп. рјечник, 33; Илчя, 108.

дества Христова ходить по домамъ *bože džješó*: подь этимъ именемъ совершаетъ обходъ дѣвушка, одѣтая въ бѣлое платье; въ одной рукѣ она держитъ узелъ съ яблоками и орѣхами, а въ другой — вѣтку, съ привѣшеннымъ къ ней звонкомъ. Подводя дѣтей къ святочному дереву, украшенному плодами и орѣхами, родители увѣряютъ ихъ, что всѣ эти лакомства принесло *bože džješó* ¹⁾. По нѣмецкимъ преданіямъ, въ періодъ зимняго солнцезавороту растворяется небо, свѣтлые боги: Одинъ, Фрейръ, Гольда и Фрея нисходятъ на землю и благословляютъ воды и растенія; тамъ, гдѣ они шествуютъ, воды превращаются въ вино, а деревья — въ розмаринъ: «*alle wasser—wein, alle bäume — rosmarin*» ²⁾. Эти цвѣтущія деревья и текущія виномъ источники суть деревья и источники небеснаго рая; въ зимнюю пору, когда на землѣ замираетъ всякая растительность и воды стоятъ окоченными льдами, въ райскихъ садахъ (т. е. на востокѣ, откуда богиня Зоря выводитъ Солнце, усыпая ему путь золотомъ и розами) продолжается вѣчно-юная жизнь: цвѣтутъ роскошные цвѣты, зрѣютъ золотые плоды и бьютъ животворные ключи нектара. Вмѣстѣ съ богами спускаются съ заоблачныхъ высотъ и блаженные предки, посѣщаютъ своихъ родичей, садятся возлѣ пылающаго очага и участвуютъ въ ихъ семейной трапезѣ. Тѣже мифическія представленія: отверстыя врата рая, сошествіе безсмертныхъ на землю и превращеніе водъ въ вино соединяются и съ праздникомъ Пасхи; такое совпаденіе во взглядахъ на два разновременные праздника вполне понятно, ибо и зимній поворотъ солнца, и весеннее его просвѣтленіе равно возбуждаютъ мысль о благодатномъ возрожденіи творческихъ силъ природы. Боги и духи усопшихъ праотцевъ, являясь въ среду живыхъ поколѣній, открываютъ передъ ними тайны бу-

¹⁾ *Molkslieder der Wenden*, II, 221—2. — ²⁾ Розмаринъ былъ посвященъ Фрейру.

лучшаго, т. е. тѣ грядущія событія, которыя опредѣлены не предложнымъ судомъ божіимъ; поэтому Рождественскія Святки есть по преимуществу время гаданій и все, что видится тогда во снѣ и наяву, получаетъ вѣщее значеніе. По состоянію погоды въ продолженіи двѣнадцати праздничныхъ дней отъ 25 декабря по 6-е января (нѣмец. Zwölften) заключаютъ о томъ, каковъ будетъ наступающій годъ; каждый изъ этихъ дней даетъ предзнаменованіе о погодѣ соответствующаго ему мѣсяца ¹⁾.

Въ нашемъ народѣ колядскіе обряды съ болѣею свѣжестью удержались на Украинѣ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ старые годы украинцы уже 12-го декабря варили пиво и съ того-же числа каждый день откладывали по одному полѣну—такъ, что къ кануну Рождества Христова всѣхъ полѣньевъ набиралось двѣнадцать; этими полѣньями и затопливалась печь на святой вечеръ ²⁾. Въ день, предшествующій Рождественскимъ Святкамъ, поселяне не вкушаютъ пищи до восхода вечерней звѣзды, которая появленіемъ своимъ свидѣтельствуетъ о рожденіи божественнаго младенца, и тѣмъ самымъ знаменуетъ начало праздника (сравни I, 778). Какъ только загорится на небѣ вечерняя звѣзда, тотчасъ-же приносятъ въ хату сѣнаку соломы или сѣна, разстилаютъ ее въ переднемъ углу — на прилавкѣ, покрываютъ сверху чистою скатертью и на приготовленномъ мѣстѣ ставятъ подъ образомъ необмолоченный снопъ жита или пшеницы, кутью и узваръ; снопъ этотъ остается здѣсь до 31-го декабря. Въ Галиции ставятъ по снопу во всѣхъ четырехъ углахъ избы. Кутьей называется каша изъ зерновой пшеницы, ячменя или рису, разведенная медовою сытою; узваръ (вз-варъ)

¹⁾ Die Götterwelt, 140 — 2; Beiträge zur D. Myth., I, 127; II, 124—8; Neues Lausitz. Magazin, 1843, III—IV, 337. — ²⁾ Маякъ, XI, 55

приготавливается изъ сушеныхъ плодовъ (яблокъ, грушъ, сливъ, вишенъ, яблома и проч.), сваренныхъ на водѣ. Оба горшка съ кутьей и узваромъ накрываются кнышани (пшеничными хлѣбами). Передъ вечерю (т. е. ужиномъ) хозяинъ дома зажигаетъ у образовъ лампадку и восковыя свѣчи, читаетъ вслухъ молитвы и кадитъ ладономъ; вся семья благоговѣнно молится Богу и потомъ усаживается за столъ, усыпанный сѣномъ и застланный чистою скатертью; глава семейства занимаетъ почетное мѣсто на покутьѣ (въ переднемъ углу); рядомъ съ нимъ, по правую руку, садится его жена, а далѣе слѣдуютъ ихъ родичи и дѣти. Кутья и узваръ подаются обыкновенно послѣ всѣхъ другихъ кушаній, и если не будутъ съѣдены въ тотъ-же вечеръ, то доканчиваются въ продолженіи Святوکъ; часть кутьи отдѣляютъ курамъ, чтобы давали больше яицъ. Сидя за «вечерю», гадаютъ о будущемъ урожаѣ: вытягиваютъ изъ-подъ скатерти нѣсколько былиннокъ сѣна, и по ихъ длинѣ заключаютъ о томъ, каковъ уродится лѣтъ; или выдергиваютъ изъ снопа соломинку, и если она окажется съ полнымъ колосомъ, то наступающій годъ будетъ изобильный, и наоборотъ—пустой колосъ сулитъ неурожай. По остающимся на столѣ травянымъ сѣнамъ дѣлаютъ такое заключеніе: если сѣмянъ будетъ больше черныхъ, то слѣдуетъ ожидать урожая на гречиху, а если желтыхъ, то надо рассчитывать на овсы, просо и пшеницу. Подобная-же обрядовая трапеза, съ кутьею и узваромъ, бываетъ и на крещенскій сочельникъ, послѣ водосвятія. Наканунѣ Нового года обшочиваютъ стоящій въ переднемъ углу снопъ, и полученные зѣрна отдаютъ мальчикамъ-посыпальщикамъ, а соломой прикармливаютъ домашній скотъ или употребляютъ еѣ на обвязку плодовыхъ деревьевъ¹⁾. Вечеръ 31-го декабря извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ щедраго

¹⁾ Сравни со свѣдѣніями, сообщенными о рождественской соломе (julstroh) въ Beitrage zur D. Myth., I, 120—1.

и богатаго; ибо съ наступленіемъ новаго года нераздѣльна мысль о явленіи возрожденнаго бога, несущаго міру ясное лѣто, изобиліе плодовъ земныхъ и всякое довольство ¹⁾). Хозяйка приготовляетъ къ щедрому вечеру, какъ можно, болѣе пироговъ и кнышей, складываетъ ихъ въ одну общую кучу на столѣ и проситъ мужа исполнить законъ. Этотъ затепливаетъ передъ иконами восковую свѣчу, куритъ по избѣ ладнонь и садится на покутѣ; входятъ домочадцы, молятся Богу, и притворяясь, будто не видятъ отца за накладенными на столѣ пирогами, спрашиваютъ: «дѣ-жь нашъ батько?»—Хиба-жь вы мене не бачите? спрашиваетъ отецъ. «Не бачимо, тату!» отвѣчаютъ дѣти.—Дай-же, Боже, щобъ и на той рокъ не побачылы, т. е. чтобы и въ будущемъ году было такое-же изобиліе въ яствахъ, какъ въ настоящую минуту. Затѣмъ жена и дѣти садятся за столѣ, и отецъ раздѣляетъ между ними пироги ²⁾). Сходно съ этимъ, въ Герцеговинѣ на Рождественскій праздникъ «узму двојца чесницу, па ја окрећу мећу собом и пита један другога: милам ли се? (т. е. выдался ли я—видѣнъ ли изъ-за хлѣба?) Онај му одговори: милаш мало. А онај први онда рече: сад мало, а до године ни мало!» т. е. да родится доброе жито и да будетъ чесница такъ велика, чтобы за нею можно было совсѣмъ укрыться ³⁾). Эти обряды малорусскій и сербскій идутъ изъ отдаленной старины. По свидѣтельству Саксона-грамматика, къ Святovitову празднику, какой ежегодно совершался въ Арконѣ по окончаніи жатвы, приготовляли огромный медовый пирогъ—величиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ становился за этимъ пирогомъ и спрашивалъ у народа: видятъ ли

¹⁾ Терещ., VII, 19, 28; Могил. Г. В. 1852, 4, 11; Цебриков., 289; Вост. Р. Г. О. 1853, V, 12; VI, 99; Киев. Г. В. 1850, 16; Херсон. Г. В. 1844, 52; Молодикъ 1844. 98—100; Маякъ, XV, 22; Москв. 1852, VI, 83; Ганушъ, 15. — ²⁾ Маркевичъ, 65; Шафонского: Топограф. описаніе чернигов. наместничества, 29; Молодикъ 1844, 100—1. — ³⁾ Спр. рјечникъ, 356.

его? и когда ему отвѣчали утвердительно, онъ тотчасъ-же высказывалъ желаніе, чтобы будущій годъ былъ еще плодороднѣе, а праздничный пирогъ еще больше ¹⁾. На первый день новаго года по всему русскому царству совершается обрядъ за сѣванія. Рано поутру, передъ обѣденою, ходятъ по домамъ мальчики, нося въ мѣшкѣ или рукавицѣхъ хлѣбныя зѣрна; при входѣ въ избу они посыпаютъ по ней этии зёрнами, съ слѣдующими эпическими причитаніями: «на счастье, на здоровье — на новое лѣто роди, Боже, жито-пшеницу и всякую пашницу!» или: «ужь дай ему Богъ, зароди ему Богъ, чтобы рожь родилась, сама въ гумно свалилась, изъ колоса осьмина, изъ полузерна пирогъ — съ топорище долины, съ рукавицу ширины!» Посыпальщику даютъ что-нибудь въ подарокъ, а разбросанныя имъ зѣрна тщательно собираютъ, хранятъ до весны и при посѣвѣ яровыхъ смѣшиваютъ съ прочими сѣменами. Когда посыпальныя зёрна будутъ собраны, — по роду и количеству ихъ заключаютъ о томъ, какіе именно хлѣба дадутъ на будущее лѣто большій или меньшій урожай. Иногда кормятъ этими зёрнами куръ, и по ихъ клѣву гадаютъ о будущемъ плодородіи нивъ. Обрядъ «посыпания», совершаемый у насъ на первый день Новаго года, а у сербовъ на Рождество, знаменуетъ весеннее осымененіе матери Земли, вступающей въ брачный союзъ съ просвѣтленнымъ Небомъ, при чемъ хлѣбныя зѣрна служатъ эмблемою оплодотворяющаго сѣмени дождя (I, 283 — 4, 571 — 2) и солнечныхъ лучей ²⁾. Замѣтимъ, что на старинныхъ свадьбахъ новобрач-

¹⁾ Срезнев., 88; И. Г. Р. Карамз., I, 100. — ²⁾ Слово сѣять нередко употребляется въ значеніи свѣтити; такъ хорутанскія племена говорятъ о солнцѣ, что оно освѣщаетъ долины (Ч. О. И. и Д. 1865; III, 225), а малорусская загадка выражается объ очахъ: «двои́мъ углями́ все поле засію́» или «два вузала́а все поле освитать» — Семенов., 9, 39.

ную чету осыпали овсомъ, ячменемъ и пшеницею и укладывали спать на ржаныхъ (необмолоченныхъ) снопахъ, и что донынѣ крестьянки наши гадаютъ о своихъ суженыхъ по хлебнымъ сѣменамъ и колосьямъ ¹⁾). Для того, чтобы земля принесла добрый урожай, поселянинъ, отправляясь заѣзжать поле, надѣваетъ на себя подвѣчную сорочку; встрѣтить, при выѣздѣ на поѣздъ, вдовца, вдову, холостого парня или дѣвушку считается дурною примѣтою, и наоборотъ—встрѣча съ женатымъ человѣкомъ или замужнею женщиною принимается за счастливый знакъ.

Въ великорусскихъ преданіяхъ уцѣлѣло темное воспоминаніе о миѣическомъ лицѣ Освены; обрядовая пѣсня славить его пріѣздъ, совпадающій по времени съ наступленіемъ новаго года:

Мосточинъ мостили,
Сукномъ устилали,
Съ звездами убивали.
Ой Освень, ой Освень!

¹⁾ Тарещ., VII, 408 — 9; Шафонск. Описаніе чернигов. намѣстничества, 29; Молодикъ 1844, 101; Москв. 1849, IX, 15; Сахаров., II, 2 — 3. По указанію Сахарова, 1-го генваря хозяйка варитъ кашу, и вынимая горшокъ изъ печи, приговариваетъ: „чистости просимъ къ намъ во дворъ — со своимъ добромъ!“ Потомъ замѣчаетъ: полонъ ли горшокъ и хорошо ли уварилась каша? Если каша будетъ бѣлая или выльзетъ изъ горшка, то предвѣщаетъ голодъ и всякія бѣды; наоборотъ каша красная, изготолденная вродень съ краями горшка, предвѣщаетъ изобиліе и счастье. — О женихахъ гадаютъ такъ: а) вечеромъ на Святкахъ дѣвица сѣдетъ гдѣ-нибудь на дворѣ горсть коноплянаго сѣмени, заволакиваетъ зѣрна сорочкою или исподницею и приговариваетъ: „кто мнѣ суженый, тотъ прійдетъ со мной конопля брать.“ Послѣ этого суженый непременно явится во снѣ. б) Другое гаданье состоитъ въ томъ, что собравшіяся дѣвицы выдергиваютъ по стеблю соломы, и по этимъ стеблямъ догадываются о своей судьбѣ: если попадется колосъ съ зерномъ—женихъ будетъ богатый, пустой колосъ предвѣщаетъ бѣднаго жениха, а стебель безъ колоса—безбрачную жизнь (Херсон. Г. В. 1846, 4, 10; Ворон. Г. В. 1850, 17; Маякъ, XI, 31 — 32; Совр. 1856, IX, смѣсь, 81).

Кому-жъ, кому вѣхать
 По тому мосточку?
 Вѣхать тамъ Овсеню
 Да Новому году.
 Ой Овсень, ой Овсень! ¹⁾.

Имя Овсень (Авсень, Говсень, Усень) можетъ быть возведено къ тому-же санскритскому корню ush, къ которому возводится и вышеобъясненное имя Остары (стр. 700 ²⁾); согласно съ этимъ производствомъ, Овсень долженъ означать бога, возжигающаго солнечное колесо и дарующаго свѣтъ міру (т. е. приводящаго съ собою утро дня или утро года—весну). Весеннее просвѣтленіе неба постоянно отождествляется и въ языкъ и въ народныхъ повѣрьяхъ съ утреннимъ разсвѣтомъ; лит. auszga — утренняя зоря, auszti — свѣтѣть, rawasagis isz-auszta—весна свѣтѣеть, т. е. начинается. У нѣмцевъ богиня Остара (зоря) сообщила свое названіе свѣтлому празднику весны; у насъ имя Овсеня сочеталось съ праздникомъ новорожденнаго солнца, такъ какъ свѣтло это возгоралось тогда новымъ пламенемъ и дневной свѣтъ начиналъ побѣждать ночную тьму. По свидѣтельству царской грамоты XVIII-го вѣка ³⁾, въ самой Москвѣ въ навечеріи Рождества Христова многіе люди по улицамъ, переулкамъ и ямскимъ слободамъ кликали Коледу и Усень, а въ навечеріи Богоявленія Господня кликали плугу, т. е. возглашали хвалебныя пѣсни плугу, съ помощію котораго воздѣлываются пашни (I, 563-4). Одна изъ обрядовыхъ пѣсень заставляеть добраго молодца Овсеня выѣзжать на свиньѣ:

На чѣмъ ему вѣхати?
 На сивинькой свиньѣ.
 Чѣмъ поговяти?
 Живымъ поросенкомъ ⁴⁾.

¹⁾ Терещ., VII, 124. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, II, 21. Сабинск. ausel, втрус. usil — солнце (Ганушъ, 56). — ³⁾ Сахаров., II, 99. — ⁴⁾ Терещ., VII, 118.

Черта — въ высшей степени знаменательная, ибо она указываетъ на тождество нашего Освєня съ свѣтоноснымъ богомъ германцевъ — Фрейромъ, который въ періодъ зимняго солнце-поворота выѣзжалъ на небо на златошестинномъ боровѣ и которому въ это время совершались обильныя жертвоприношенія (I, 778—781). Являясь въ сей міръ, Освєнь открываетъ путь новому лѣту (новому году), несетъ изъ райскихъ странъ щедрые дары плодородія, и какъ определено божественнымъ судомъ — такъ и распределяетъ ихъ между смертными: однимъ даетъ много, съ избыткомъ, а другихъ лишаетъ и самаго необходимаго. Бѣлоруссы выражаютъ эту мысль въ слѣдующемъ символическомъ обрядѣ: наканунѣ Новаго года они водятъ по домамъ двухъ юношей, изъ которыхъ одинъ, называемый богатою Коледою, бываетъ одѣтъ въ новое, праздничное платье и имѣетъ на головѣ вѣнокъ изъ ржавыхъ колосьевъ; на другога-же (бѣдную Коледу) надѣваютъ разорванную свитку и вѣнокъ изъ обмоложенной соломы. При входѣ въ избу, обоихъ юношей завѣшиваютъ длинными покрывалами, и заставляютъ хозяина выбрать изъ нихъ любаго; если онъ выберетъ «богатую Коледу», то хоръ поетъ ему пѣсню, предвѣщающую урожай и богатство; наоборотъ если выборъ падетъ на «бѣдную Коледу» — это служить предзнаменованіемъ неурожая и бѣдности ¹⁾. Отсюда объясняется и то важное значеніе, какое приписывается сербами положайнику: этотъ первый рождественскій гость, отъ котораго зависитъ все счастье домохозяина и его семьи въ теченіи цѣлаго года, является таинственнымъ представителемъ самаго божества; по бѣлорусской пословицѣ: «госецъ у дошъ, Богъ у домъ» (II, 62—64).

На тѣсную связь праздника Коляды съ культомъ громовника указываютъ и многіе другіе святочные обряды и обык-

¹⁾ Маякъ, XVII, 43—44.

повенія, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить прежде, а именно: а) обычай наряжаться въ мохнатые шкуры и принимать на себя звѣринныя подобія, въ каковыхъ воображеніе древняго человѣка олицетворяло дождевыя тучи (I, 718 — 9 ¹); б) обычай водить по деревнѣ волка или носить змѣю (I, 765); в) воззванія, обращенныя къ Туру, о тождественности котораго съ Фрейромъ замѣчено на 662 стр. 1-го тома; «иѣци, говоритъ Гизель, памяти того бѣса Коляды «и доселѣ не престають обновляти, наченше отъ самаго Рождества Христова, по вся святые дни собирающесе на богошераскія игралища, пѣсни поють, и въ нихъ еще и о рождествѣ Христовомъ воспоминають, но здѣже беззаконно и Коляду, ветхую прелесть дьявольскую, много постворяюще присовокупляютъ; къ сему на тыхъ-же своихъ законопротивныхъ соборищахъ и нѣкоего Тура-сатану и прочія богошераскія скареды измышляюще воспоминають». д) Стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ наканунѣ Рождества, послѣ обрядовой «вечери», и въ день Крещенія—во время совершаемаго тогда водосвятія, служить знаменіемъ громовыхъ ударовъ, поражающихъ темныхъ демоновъ ²). е) Съ поворотомъ солнца на лѣто тотчасъ-же возникала мысль о грядущемъ освобожденіи земныхъ и небесныхъ источниковъ отъ зимняго отѣпѣнія, о превращеніи мертвыхъ водъ (=окованныхъ льдами рѣкъ и озеръ и снѣговыхъ тучъ) въ живые потоки, несущіе землѣ обновленіе и силу плодородія, или выражаясь метафорически: о превращеніи ихъ въ вино = нектарь. Поэтому на праздникъ Коляды принято было совершать религиозныя омовенія, каковой обрядъ въ христіанскую эпоху приуроченъ ко дню церковнаго водосвятія (Крещенія). По словамъ Герберштейна, въ Москвѣ XVI-го столѣтія въ іорданской про-

¹) Weihnachten in Schleswig-Holstein, 73 — 75. — ²) Терещ., VII, 64.

руби купались и здоровые и больные, послѣдніе—съ надеждою на исцѣленіе. Маржеретъ увѣряетъ, что не только простолудины, но и бодре и самъ царь погружались въ этотъ день въ воду. Обыкновеніе это и донныѣ удерживается между русскими поселянами и сербами. Вода, почерпнутая въ полночь передъ Крещеніемъ, помогаетъ отъ недуговъ и никогда не портится; этою водою окропляютъ избы, хлѣва и ульи, поятъ больныхъ и домашнюю скотину — для предохраненія ея отъ заразы ¹⁾. f) Какъ праздникъ, посвященный возрожденію творческихъ силъ природы, Коляда всею своею обстановкою указываетъ на тѣ щедрые дары, которые несетъ шествующее изъ дальнихъ странъ Лѣто. Необмолоченный снопъ, поставляемый въ переднешъ углу и величаемый именовъ Дѣда ²⁾, солома и сѣно, постилаемыя на столѣ и покутѣ, хожденіе по домамъ съ плугомъ (обрядъ, уцѣлѣвшій въ Червоной Руси), посыпаніе зерновымъ хлѣбомъ, разнообразныя гаданія о будущемъ урожаѣ, семейная трапеза, за которою вкушаютъ праздничный хлѣбъ («боговицу»), кутью, медъ и садовые плоды, — все говоритъ о посѣвѣ, жатвахъ и изобиліи плодовъ земныхъ. Зерно—символь зачатія, рожденія къ новой жизни: брошенное въ землю, оно вырастаетъ зеленой былинкою и даетъ колосья; медовая сыта знаменуетъ амриту. Узварь и каша донынѣ считаются необходимыми на родинахъ, а медъ и кутья—на похоронахъ и поминкахъ, ибо смерть человека по народному воззрѣнію есть вторичное его рожденіе для иной, загробной жизни. Вмѣстѣ съ поворотомъ солнца на лѣто, вся природа призывается къ пробужденію отъ зимняго сна. У чеховъ наканунѣ Рождества, передъ самымъ разсвѣтомъ, семья отправляется въ садъ; отецъ и мать трясуть плодовыя деревья, приговарывая: *«stroměčku, v stávej, ovoce dávej! dnes je štědrý*

(¹⁾ Ibid., 41 — 42; Спр. рѣчник; 33; Иличъ, 95. — (²⁾ Маякъ, XI, 55.

den» ¹⁾—и бросаютъ на нихъ яблоки и груши, а дѣти подбираютъ падающіе плоды. Тотъ-же обрядъ исполняется моравами, лужичанами и нѣмцами; послѣдніе произносятъ при этомъ: «bäumchen schlaf nicht, frau Holla kommt!» или: «bäumchen wach auf, Neujahr ist da!» Сербы и малороссы замахиваются на дерево топоромъ (—символь молніи), съ угрозою срубить его, если оно не родить лѣтомъ (II, 320—1 ²⁾). Во всей Европѣ извѣстенъ обычай готовить къ Рождественскимъ Святкамъ елку; это вѣчно-зеленое дерево, украшенное зажженными восковыми свѣчами и обвѣшанное яблоками, грушами, золотыми орѣхами и другими лакомствами, напоминаетъ собою то райское древо жизни, на которомъ растутъ золотые яблоки и орѣхи (см. гл. XVII). На Руси обычай этотъ появился въ недавнее время и заимствованъ отъ нѣмцевъ; нельзя же замѣтить однако, что подобное-же дерево, украшенное искусственными цвѣтами, зеленью и плодами, возили у насъ въ старину въ крестномъ ходѣ на цвѣтоносное или Вербное воскресенье ³⁾).

Всѣ указанныя нами представленія, какія связывались съ праздникомъ Коляды, засвидѣтельствованы въ святочныхъ пѣсняхъ: колядкахъ и щедривкахъ. Начиная съ вечера 24-го декабря и до Крещенія, ходятъ по дворамъ коледовщицы, славятъ праздникъ, т. е. поютъ обрядовыя пѣсни и собираютъ отъ хозяевъ дары разными припасами и деньгами; въ кievской и во львовской губ. половина собранныхъ ими денегъ отдается въ приходскую церковь. По всему вѣроятію, и сборъ припасовъ имѣлъ нѣкогда религіозное назначеніе: жертвенныя приношенія и праздничное пиршество могли совершаться не

¹⁾ Вставай, деревцо, давай намъ плодовъ; нынче вѣдь щедрый день. — ²⁾ Ганушъ, 31, 117—8; Срп. рјечникъ, 35; Маякъ, XI, 39; Beiträge zur D. Myth., II, 126; Die Götterwelt, 286. — ³⁾ Домашній бытъ рус. царей, соч. Забѣлина, I, 327—8.

только въ каждой отдельной семьѣ передъ ея отцовскимъ очагомъ, но и сверхъ того—передъ очагомъ князя, отъ имени всего подвластнаго ему племени, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ должны были устроиться на общій счетъ, въ складчину ¹⁾. Колядки и щедривки сохранили для насъ черты народныхъ воззрѣній, идущія изъ глубочайшей древности; не смотря на цѣлый рядъ вѣковъ, на протяженіи которыхъ пѣсни эти должны были подвергаться постоянной передѣлкѣ, не смотря на то, что повидимому онѣ воспѣваютъ рождество Спасителя,—въ нихъ и донынѣ довольно-явственно выступаютъ преданія и образы, принадлежащія язычеству. Когда родился младой Богъ, поютъ болгары, то мать искупала его въ золотыхъ котлахъ; сербы въ своей обрядовой пѣснѣ выражаютъ желаніе, да будутъ у нихъ коровы дойныя, да надоятъ имъ полное ведро молока,

да окупам, коледо!
 малог Бога, коледо!
 и Божиѣа, коледо!

Малорусская же колядка говоритъ о купаньи новорожденного Бога въ морѣ:

Божья Мати въ полозѣ лежитъ,
 Въ полозѣ лежитъ, сынойка родить;
 Сына вродила, въ морѣ скупала... ²⁾

Припомнимъ, что по общему индоевропейскому представленію восходящее солнце является изъ морскихъ волнъ, что Солнцева

¹⁾ Поэтому слово коледовать стало употребляться въ смыслѣ: собирать милостыню, просить хлѣба; коледа—дневной сборъ милостыни нищими; пол. kolęda—подарки на Святки и Новый годъ; въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ „коледа“ стала означать славленіе; рус. поговорка: „полно коледу томитъ“ = давай милостыню, не томи бѣднаго—Обл. Сл., 87—88; Терещ., VII, 13; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, полов. 2, 131. — ²⁾ Показалець Раковскаго, I, стр. XVI; Времен. О. И. и Д., XXII, 10—11; Срп. рјечник, 285. — ³⁾ Объ истор. знач. нар. рус. поэз., 15.

мать (богиня утренней зори), нарождая свѣтоноснаго сына, купаетъ его въ молоко небесныхъ коровъ—въ росѣ или весеннихъ дождяхъ (II, 123—9). Такъ какъ рожденіе солнца по другому поэтическому выраженію называлось его воскресеніемъ, то колядки воспѣвають не только рождество, но и возстаніе Спасителя изъ мертвыхъ: изъ-за горы изъ-за высокой

Выходить намъ золотый хрестъ,
А пидъ тымъ хрестомъ самъ милый Господь;
На немъ сорочка та джунджовая,

т. е. жемчужная. Усмотрѣла жидовская дѣвочка, «же русскій Богъ изъ мертвыхъ уставъ»; сказала про то своему отцу, но еврей возразилъ: «тогда русскій Богъ воскреснетъ, когда жареный пѣтухъ полетитъ!» — и въ ту же минуту жареный пѣтухъ полетѣлъ, усѣлся на облако и «красенько запѣлъ» (I, 521 ¹⁾). Пѣтухъ—провозвѣстникъ утра, побѣждающаго nocturnam тьму, и вмѣстѣ съ тѣмъ представитель грозоваго пламени, которымъ возжигается солнце, потушенное облачными демонами. Небесныя владыки, пробуждаясь отъ зимняго сна, являются въ сей міръ дружелюбными и щедрыми на дары гостями:

Цы дома бываешь, пане господарь?
Твои рыночки позамиѣтаны,
Твои столойни повадкырованы,
За твоимъ столомъ трои гостейки:
Једень гостейко—свѣтле Сонейко,
Другій гостейко—ясень Мѣсячокъ,
Третій гостейко—дробенъ Дожджейко.
Сонейко говоритъ: „нѣтъ якъ надъ мене,
Јакъ я освѣчу горы, долины,
Горы й долины, поля й дубровы!“
Јасень Мѣсячокъ: „нѣтъ якъ надъ мене!
Јакъ я освѣчу тѣмну ночейку,

¹⁾ Ч. О. И. и Д. 1864, I, нар. пѣсни галицкія и угорской Руси, 6; Обь истор. зн. нар. рус. повз., 18.

Возрадуются гости въ дорожъ,
 Гости въ дорожъ, волоки въ стожъ“.
 Дробень Дожджейко: лѣтъ якъ надъ мене!
 Якъ я перейду три разы на ярь,
 Три разы на ярь мѣсяца мая —
 Возрадуются жита, пшеница,
 Жита, пшеница и всѣ ярянца“.¹⁾

По другому варианту Солнце похваляется снять съ рѣкъ и потоковъ ледяные оковы, а Дождь (т. е. дождящій Перунъ) озеленить горы, долины и верховины²⁾. Богъ-громовникъ възъжааетъ на своемъ златогривомъ конѣ, выбиваетъ изъ облачныхъ скалъ искры—молніи и создаетъ райскій пресвѣтлый чертогъ или храмъ—весеннее небо, съ окномъ, черезъ которое является очамъ смертныхъ новорожденное солнце:

Ой въ горѣ-въ горѣ (т. е. на небѣ) стоитъ шовковый наметъ,
 А въ томъ наметѣ золотый столчикъ,
 На томъ столчику можный павонько,
 Трома яблочки подкидаючи,
 Двома орѣшки та цитаючи.
 Вычитавъ коня та з-подъ короля,
 А въ того коня золота грива,
 Золота грива, сребни копыта,
 Сребни копыта, шовковый хвостикъ;
 Золота грива коника врыла,
 Сребни подковы кремень лупають,
 Кремень лупають, церковь мурують,
 Мурують же ји з' трома верхами,
 З' трома верхами, з' двома воконцы:
 Въ одно воконце исходитъ сонце,
 Въ друге воконце заходитъ сонце,
 А въ райски двери Господь входитъ,
 Господь входитъ, службоньку служитъ.

¹⁾ Ч. О. И. и Д. 1864, I, 8—11, 19; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852 г., 29—30; въ черниговской губ. поютъ: застилайте столы коврами, насыпайте кубки винами, да и буде къ вамъ трое гостей: первый гость — ясенъ Мѣсячка, другій гость — ясная Сонейка, третій гость—дробень Домчикъ, и т. дил. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1864, I, 4.

Въ другихъ вариантахъ на золотомъ престолѣ возсѣдаетъ самъ Богъ или божье дитя—«красный панычъ», который подбираетъ золотыя яблочки и перебираетъ серебряныя орѣшки, т. е. играетъ сверкающими молніями (II, 309; 318); пущенная имъ стрѣла несется, какъ громъ по небу. Постройка райскаго чертога есть очищеніе неба отъ земныхъ тумановъ и свѣжныхъ облаковъ силою весенней грозы; топоры-молніи ударяютъ по камнямъ-тучамъ, дробятъ ихъ и прорубаютъ для свѣтлыхъ боговъ окна и двери:

Зъ-за той ми горы, зъ-за высокой,
 Видны (слышны?) ми тонойкій голось,
 Тонкойкій голось, топоры давенятъ,
 Топоры двенятъ, каменя тешуть,
 Каменя тешуть, церковь муруютъ,
 Церковь муруютъ во трои двери,
 Во трои двери—во три облаки;
 У једныхъ дверехъ иде самъ Господь.
 У другихъ дверехъ Матенка Божя,
 У третихъ дверехъ святой Петро.
 Передъ милымъ Богомъ органы грають,
 Передъ святымъ Петромъ свѣчи горѣють,
 Передъ Матенковъ Божовъ ружа проквитатъ,
 А з' той ружи пташокъ выникатъ:
 Не је то пташокъ, лемъ самъ милый Господь ¹⁾.

Господь означаетъ здѣсь солнце (сравни I, 79), Пречистая Дѣва заступаетъ древнюю Ладу, а св. Петръ—Перуна; звуки органовъ—грозовая музыка, горящія свѣчи—молніи, цѣтущая ружа—утренняя зоря, при блескѣ которой вылетаетъ на небо свѣтоносная птица-солнце; о небесномъ чертогѣ, его дверяхъ и окнахъ см. т. I, стр. 158-162. Согласно съ древне-поэтическимъ представленіемъ тучи—кораблемъ, яснаго неба—раемъ, молніи—ключемъ, создалась слѣдующая любопытная колядка:

¹⁾ Ibid., 7, 66; Ж. М. Н. II. 1867, стат. О. Миллера, 626—8.

На сивомъ морѣ (=небѣ)
 Корабель на водѣ,
 Въ томъ кораблейку
 Трое воротцы;
 Въ першихъ воротейкахъ
 Мѣсячокъ свѣтитъ,
 Въ другихъ воротейкахъ
 Соненько сходить,
 Въ третехъ воротейкахъ
 Самъ Господь ходитъ,
 Ключи тримае,
 Рай вотмигае ¹⁾.

Не забыты въ колядскихъ пѣсняхъ и другія миѳическія пред-
 ставленія о небесныхъ стадахъ, выгоняемыхъ Перуномъ, о
 его громовой трубѣ и безсмертномъ напиткѣ:

- а) Зачорилася чорна горонька,
 Выйшла зъ-за²⁾ неи чорна хмаронька,
 Чорна хмаронька—овець турмонька;
 Выйшовъ за ними гордый молодець,
 Гордый молодець на передовець,
 Заперезався гей ожинкою ³⁾,
 За товъ ожинковъ ³⁾ двѣ-три трубоньки:
 Једна трубонька та роговая,
 Друга трубонька та мѣдная,
 Третья трубонька та зубровая.
 Ой якъ затрубивъ та въ роговую—
 Пошовъ голосокъ ай по-пидъ лѣсокъ,
 Ой якъ затрубивъ та въ мѣдную—
 Пошовъ голосокъ по верховинахъ,
 Ой якъ затрубивъ та въ зубровую—
 Пошли голоса по-пидъ небеса ⁴⁾.
- б) Зажурилася чорная гора,
 Що не зродила жито-пшеницю,
 А народили зелене вино,
 Зелене вино, що Богу мило.

¹⁾ Ч. О. И. я Д 1864, I, 157. — ²⁾ Подпоясався житною со-
 ломою. — ³⁾ За товъ ожинкою заткнути. — ⁴⁾ Ibid., 61.

Стерегла-жь его красная панна,
 А стерегучи барзо уснула.
 Дась ми ся взяли райскія пташки,
 Та исхопили зелене вино...

Въ этой пѣснѣ слышится отголосокъ древнѣйшаго мѣта о похищеніи небеснаго вина (= всеоживляющей дождевой влаги) молищеносными птицами: такъ Индра похищалъ сому, превращаясь въ сокола, а Одинъ, въ образѣ орла, овладѣлъ драгоценнымъ медомъ, который сторожила облачная дѣва Гуннлѣда (I, 372, 395—6 ¹). Свѣтлые боги, силою которыхъ возвращается лѣто и земля осыняется дождемъ, представляются въ колыдкахъ воздѣлывающими нивы:

Ей въ полѣ, полѣ, въ чистейкомъ полѣ—
 Тамъ-же ми й оре золотый плужокъ,
 А за тѣмъ плужкомъ ходитъ самъ Господь;
 Ему погонитъ та святой Петро;
 Матенка Божа насъвнечко (сѣмена) носитъ,
 Насъвня носить, пана Бога проситъ:
 „Зароди, Божейву, яру пшеничейку,
 Яру пшеничейку и ярейке житце!
 • Буде тамъ стебевце саме тростове ²),
 Будуть колосойки, якъ быльнкойки,
 Будуть копойки, якъ звѣздойки,
 Будуть стогойки, якъ горойки,
 Зберутся возойки, якъ чорны хмаройки,

т. е. будетъ копенъ также много, какъ звѣздъ, стоги станутъ словно горы, а возы прѣдутъ за хлѣбомъ тучами. По указанію другихъ вариантовъ, плугъ влекуть волю златорогіе ³).

¹) Ibid., 93, 614; Терещ., VII, 80. Въ другихъ колыдкахъ райскія птицы прилетаютъ на дерево-тучу, обламываютъ съ него вѣтви, золотую кору и рясу и сотрясаютъ жемчужную росу (Поэт. Воз., II, 293; Пѣсни Звѣзкевича, 19—20); „золота ряса (т. е. плоды; рясны й—изобильный, осыпанный плодами) дуже звенѣла, дуже звенѣла—дѣву збудила.“ — ²) Стебли, какъ трости. — ³) Илл: „волю въ золотъ горъля“—Ч. О. И. и Д. 1864 I, 8, 16—17, 39; Шафонскаго: Топограѣ. описаніе чернигов. намѣстничества, 29.

У лужичанъ извѣстно слѣдующее преданіе: бѣдный крестьянинъ сѣялъ ячмень при дорогѣ; проходила мимо Пресв. Марія съ малюткою Христомъ и сказала: «помогай тебѣ Богъ, добрый человекъ! какъ только поѣдешь, ступай за серпомъ и начинай жать». Только что скрылась она за горою, а жида уже гонять за Пречистою Дѣвою. «Не проходила-ль тутъ женщина съ малымъ ребенкомъ?» спрашиваютъ они у крестьянина. — Недавно прошла—въ ту пору, какъ я ячмень сѣялъ. «Охъ, ты глухой! вѣдь этому будетъ двѣнадцать недѣль» возразили жида, видя, что ячмень уже поспѣлъ и мужикъ жнетъ его ¹⁾). Малорусская колядка, передавая тоже преданіе, даетъ Пречистой Дѣвѣ вмѣсто младенца-Христа птицу-сокола, что указываетъ на древнее представленіе новорожденнаго (восходящаго) солнца птицею и на суевѣрное смѣшеніе богини Лады (Зори) съ Богородицею: пашеть убогій селянинъ,

З' једного ковьця оре, з' другого сѣе,
 Лежить ми тамъ, лежить давно стежейка,
 А стежейковъ иде Матенка Божя,
 Несе ѣна, несе на ручкахъ сокола:
 „Богъ помогай вбогій седлячку!“
 —Бодай здорова, Матенька Божя!
 „Будуть ту ити жида и жидовки,
 Не повѣдай-же ты, же я теперъ ишла;
 Повѣдай-же ты, же я тоди ишла,
 Коли ты-й оравъ, пшеничейку сѣявъ!“
 Ище Мати Божя пречъ гору не прејшла,
 Стали ей, стали жидове вгоняти...
 „Ци не ишла тоди така бѣлоглава,
 Ци не несла ѣна на рукахъ сокола?“
 —Ишла ѣна, ишла, коли я ту оравъ,
 Коли я ту оравъ, пшеничейку сѣявъ;
 А теперъ ужъ я пшеничейку замавъ.

Жида выслушали отвѣтъ и поворотили назадъ ²⁾). Между

¹⁾ Volkslieder der Wenden, I, 275—6. — ²⁾ Ч. О. И. и. Д. 1864, I, 9—10; Объ истор. зн. народ. рус. пова., 18—19; Семевск., 18—19; Духъ Христіанства 1861—2, XII, 274.

памятниками апокрифической литературы иѣтся сказаніе о томъ, какъ св. Петръ и другіе апостолы увидѣли въ полѣ чело-
вѣка, оруща волю, и просиша хлѣба; онъ же иде въ градъ
хлѣба ради; апостоли же безъ него взоравше ниву и настѣя-
ше, и приде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу¹⁾. По сви-
дѣтельству обрядовыхъ причитаній, произносимыхъ на Новый
годъ при посыпаніи зерновымъ хлѣбомъ, Илья-пророкъ носитъ
пугу житяную: гдѣ ею махнѣтъ — тамъ жито ростеть
(I, 283—4). И апостоль Петръ, и пророкъ Илья являются въ
народныхъ повѣрьяхъ съ чертами древняго громовника, бога-
низводителя дождей, растителя злаковъ и творца урожаявъ²⁾.

¹⁾ Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861, I, 38; Памят. отречен.
рус. литер., I, стр. IV; II, 5—10; сравни Н. Р. Лег., 7. — ²⁾ Бол-
гары и словенцы называютъ Рождественскія Святки Крачунъ,
карпато-русссы — Керечунъ (сочельникъ — Керечунъ вечеръ),
румуны — Кгеици; сверхъ того, въ Болгаріи называется Крачу-
номъ и всякій родившійся 25-го декабря. Название это въ стари-
ну было извѣстно и на Руси; въ Новгородской лѣтописи подъ
1143 годомъ сказано: „стояше вся осенняя дѣждева отъ Госпожа-
на дни до Корочюна“—П. С. Р. Л., III, 9; Изв. Ак. Н., II, 289;
Ганушь, 42—43; Каравел., 279; Терещ., VII, 20—21. Слово Кор-
чунъ донынѣ остается необъясненнымъ. Карамзинъ производилъ
его отъ коротать (укорачивать) на томъ основаніи, что въ
декабрѣ бываютъ самые короткіе дни; но съ половини декабря
олиде поворачиваетъ на лѣто и дни начинаютъ удлиняться,
что и было признано за самый характеристическій признакъ этого
мѣсяца, названнаго коложегомъ и просинцемъ. Г. Эрбень (Рус.
Бес. 1857, IV, 95, 124 — 5) сближаетъ названіе Корочунъ съ
именами Къртъ и Бракъ (отъ крѣти); основываясь на глос-
сахъ Вацерада, въ которыхъ сказано: „Mercurius—Radilhost, wnik
Kirtow“, онъ признаетъ Кърта славянскимъ Сатурномъ; извѣстно,
что празднованіе сатурналіи начиналось съ 17-го декабря. По ука-
занію г. Срезневскаго, у хорутанъ и хорватовъ слово къртъ упо-
ребляется въ значеніи „огня“; у послѣднихъ существуютъ погово-
рки: „ne wsi gremo w K'rtowo, marsikteri w ċ'rtowo“ (не всѣ пой-
демъ къ Кърту, иные къ чорту), „wsi gremo w K'rtowo“ (всѣ пой-
демъ въ Къртово царство—всѣ повремъ); K'rtowa dežda (Кърто-

Все, что раститъ земля, есть даръ небесныхъ боговъ (Святовита, Дажьбога, Перуна, Волоса, Лады), согрѣвающихъ ее солнечными лучами и поющихъ лѣса, поля и нивы живительною влагою дождя. На Руси говорятъ о хлѣбѣ: «даръ божій» (пол. *z boże* — жито), «святой хлѣбъ», «снопъ святаго жита»; хлѣбъ-соль принимается за эмблему плодородія, богатства и счастья, служить необходимою принадлежностью всяка-

ва область) — небо или рай — Ж. М. Н. П. 1846, VII, 50—51. Другое имя славянскаго Сатурна, сообщаемое въ глоссахъ Вацерада, — *Sitivrat* (Сити-вратъ). По мнѣнію Эрбена (Рус. Бес. 1857, IV, 88), оно обозначаетъ поворотъ свѣта (серб. сит = сјет = свјет — Срп. рјечник, 682); Яковъ же Гриммъ (D. Myth., 227—8) высказала догадку, что начальная половина этого имени должна указывать на сито, которое во 1-хъ своею кругловидною формою приравнивается „колесу“, а во 2-хъ самымъ названіемъ своимъ возбуждаетъ мысль о посѣвахъ и земномъ плодородіи (обл. ситиво, сѣтево — лукошко для высѣва хлѣбныхъ зеренъ = сѣялка, серб. ситар — сѣятель). Такимъ образомъ Ситивратъ (= коло-вратъ) будетъ богъ, поворачивающій солнечное колесо на лѣто, и являеться этимъ возвращающій землѣ силу плодородія; выше (I, 571—2) были приведены и объяснены народныя повѣрья, сближающія капли дождя съ хлѣбными сѣменами и утверждающія, что дождь падаетъ съ неба сквозь рѣшето или сито. Финны называютъ сѣялку *Ukko pak* (коробка бога-громовника *Укко*). Въ Малороссіи при „посыпаніи“ на Новый годъ причитываютъ (Метлинск., 344):

Сито, сито
На нове лѣто!
Зароды, Боже, жыто-пшеницю,
Усяку пашныцю.

Нѣмцы, празднуя на Рождественскія Святки возвратъ свѣтлыхъ боговъ, представляютъ это событіе въ драматическомъ обрядѣ, при чемъ лице, играющее роль Одина, держитъ на высокомъ шестѣ сито — *Die Götterwelt*, 141—2. Память о Ситивратѣ уцѣлѣла въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей: Ситомиръ, Ситивартевштейнъ = Ситивратовъ камень, и др. — Макушева: Сказан. о бытѣ и нрав. славянъ, 82. — Идея борьбы между лѣтомъ и зимою, жизнью и смертію составляетъ главнѣйшую основу всѣхъ мифологій. По указанію Зендвесты, Ормуздъ (свѣтъ) постоянно борется

го семейнаго и общественнаго торжества ¹⁾, предохраняетъ отъ колдовства и нечистой силы ²⁾; первая пѣснь, при святочныхъ гаданіяхъ, возглашается хлѣбу: «мы хлѣбу пѣснь поемъ,

съ Ариманомъ (тьмою), каждый торжествуя въ свою очередь. Египтяне ежегодно весной праздновали возвращеніе къ жизни Озириса (бога свѣта и плодородія), убитаго Тифономъ: явившись на землю въ образѣ человека, онъ оказывалъ людямъ благодѣянія и предъ возвратомъ на небо былъ умерщвленъ, но въ определенное время возсталъ для новой жизни. По греческому сказанію, Діонисъ, въ которомъ олицетворялась плодотворящая сила весны и лѣта, страствуя по землѣ, поучалъ людей добру и побуждалъ зло; былъ убитъ злыми титанами, но потомъ воскресъ и принялъ участіе въ управленіи вселенной; дѣтородныя части этого бога, найденныя послѣ его смерти, послужили залогомъ нескончаемой жизни въ природѣ. Весенній праздниѣ Адонису выражалъ ту же мысль; онъ продолжался два дни: въ первый день носили изображеніе (куклу) умершаго Адониса, пѣли печальныя пѣсни и совершали погребальную жертву; въ Александріи изображеніе это выносили на огромномъ катафалкѣ и топили въ водѣ. На другой день совершался обрядъ обращенія или возстанія Адониса, сопровождавшійся шумными и веселыми оргіями (I, 783). Сходно съ этимъ, на Украйнѣ въ началѣ весны празднуютъ воскресеніе Коструба (Рус. Бес. 1856, III, 106—7). Поселянки водятъ хороводъ и заунывнымъ голосомъ поютъ: «померь-померь нашъ Кострубонько!» Въ срединѣ круга лежитъ на землѣ дѣвица, представляющая мертваго Коструба; немного погодя, она вскакиваетъ, и въ ту же минуту хороводъ измѣняетъ печальный тонъ на веселый и запѣваетъ:

Оживъ, оживъ нашъ Кострубонько!

Оживъ, оживъ нашъ голубонько!

¹⁾ Какковы: новоселье, крестины, свадьба, встрѣча почетныхъ гостей; въ мосальскомъ уѣздѣ приносимыя на домъ иконы встрѣчаются всегда съ хлѣбомъ и солью. — ²⁾ D. Myth., 1056; Эгн. Сб., II, 57. Противъ уроковъ и глаза преимущественно употребляютъ соль четверговую (т. е. пережженную въ чистый четверг) — Вост. Р. Г. О. 1853, VI, 102; Посл. Даля, 429; D. Myth., 1030; Черты литов. нар., 95. Разсыпать соль — дурной знакъ; подавая за столомъ солонку, необходимо положить въ нее кусочикъ хлѣба, т. е. надо подавать не просто соль, а хлѣбъ-соль — Пузан., 8, 164; D. Myth., 1090.

хлѣбу честь воздаемъ!»¹⁾ Принимаясь за новую ковригу хлѣба, крестьяне произносятъ: «Господи благослови!» «Сказать на хлѣбъ худое слово» они считаютъ за величайшее беззаконіе; не слѣдуетъ ни сорить хлѣбомъ, ни катать изъ него шариковъ — не то Богъ накажетъ неурожаемъ и голодомъ. Кто, вкушая хлѣбъ, роиваетъ брошки мѣземъ, за тѣмъ подбираютъ нечистые духи, и если собранныя ими крошки будутъ вѣсить больше самого человѣка, то душа его, по смерти, достается дьяволу. Напротивъ, кто не брезгаетъ хлѣбомъ, ѣсть его чорствый и цвѣлый (съ плесенью), тотъ не будетъ бояться грома, не потонетъ въ водѣ, доживетъ до преклонной старости и не извѣдаетъ нищеты. Крестьяне тщательно собираютъ хлѣбныя крошки и кормятъ ими домашнюю птицу, а чорствыя корки бросаютъ въ затопленную печь²⁾. Всѣ земледѣльческія работы (посѣвъ, жатва, молотба и проч.) уже въ глубочайшей древности получили священное значеніе; онѣ обставлялись различными религіозными церемоніями, жертвоприношеніями и призываніемъ боговъ³⁾.

Съ приходомъ весны приступаютъ къ удобренію и вспахиванію полей и засѣву яровыхъ хлѣбовъ. Передъ началомъ этихъ работъ, а равно и послѣ—передъ покосомъ и жнитвою, совершается крестный ходъ на поля, при чемъ церковные хоругви и образа бывають увиты свѣжею зеленью и цвѣтами; священникъ благословляетъ нивы и кропитъ ихъ святою водою. На Срѣтенье каждый хозяинъ освящаетъ для себя восковую свѣчу; эту свѣчу онъ заботливо хранитъ въ амбарѣ, а при посѣвѣ и зажинкахъ выноситъ ее на собственное поле, какъ эмблему того небеснаго огня, который возжигается богинею Ладою и дѣйствіемъ котораго земля получаетъ силу плодородія. На

¹⁾ Сахаровъ, I, 11. — ²⁾ Херсон. Г. В. 1852, 17; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 40; Громаннъ, 102—4; Beiträge zur D. Myth., I, 218. —

³⁾ Куланжъ, 209

Благовѣщенье и въ чистый четвергъ поселяне освящаютъ просвиры и потомъ призываютъ ихъ къ сѣялкамъ; въ нѣкоторыхъ же деревняхъ просвиры эти высушиваются, стираются въ порошокъ и смѣшиваются съ хлѣбными зернами, предназначенными для поста ¹⁾; въ черниговской губ. принято освящать въ церквахъ самую сѣмена ²⁾. Застѣвальщики, выходя въ поле, молятся на три стороны: восточную, южную и западную, въ каждую бросаютъ по горсти зѣренъ съ низкими поклонами, и затѣмъ уже принимаются за постъ ³⁾.

Во владимірской губ. уцѣлѣлъ любопытный обрядъ водить колосокъ. Около Троицына дня, когда озимая рожь начинаетъ колоситься, бываетъ обрядовое шествіе на застѣяныя ею поля. Молодые женщины, дѣвушки и юноши, собираясь на окраинѣ селенія, сиватываются попарно руками ⁴⁾ и устанавливаются въ два ряда, обращенные другъ къ другу лицами; по ихъ соединеннымъ рукамъ, словно по мосту, идетъ маленькая дѣвочка, убранная разноцвѣтными лентами. Каждая пара, которую она прошла, спѣшитъ забѣжать впередъ и стать въ концѣ ряда; такимъ образомъ процессія подвигается до самой нивы. Здѣсь дѣвочку спускаютъ наземь; она срываетъ нѣсколько колосцевъ, бѣжитъ съ ними въ село и бросаетъ ихъ возлѣ церкви. Во время шествія поютъ слѣдующую пѣсню:

Пошелъ колосъ на ниву,
На бѣлую пшеницу.
Уродися на лѣто
Рожь съ овсомъ,
Со дивушей ⁵⁾, со пшеницею.

¹⁾ Вост. Р. Г. О. 1853, VI, 101, 103; Терещ, V, 35. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1855, 20. — ³⁾ Сахаров., II, 28. — ⁴⁾ Это дѣлается такъ, чтобы четыре руки составили квадратъ; каждый сначала беретъ правой рукою свою же собственную лѣвую, а этой послѣднею схватываетъ около локтя руку того, кто съ нимъ въ парѣ. — ⁵⁾ Гречихою.

Или: Ходятъ колосья по яри,
 По бѣлой пшеницѣ;
 Гдѣ царица шла —
 Тамъ рожь густа:
 Изъ колосу осьмина,
 Изъ зерна коврига,
 Изъ полузерна пирогъ.
 Родися, родися
 Рожь съ овсомъ;
 Живите богато
 Сынъ съ отцомъ! ¹⁾

Когда рожь, ячмень и пшеница поспѣютъ, хозяйка съ хлѣбомъ-солью и громнитною ²⁾ свѣчею въ рукахъ отправляется зажинать ниву. Первый нажатый ею снопокъ называется ивнянникомъ; хозяйка приноситъ его въ избу и ставитъ въ переднемъ углу у божницы. Впослѣдствіи снопокъ этотъ обмолачиваютъ отдѣльно, собранныя отъ него зерна носятъ для освященія въ церковь и частію мѣшаютъ съ сѣменами, оставаемыми для засѣва полей, частію-же берегутъ какъ цѣлебное снадобье—на случай различныхъ недуговъ. Соломою отъ этого снопа кормятъ большую скотину. Въ старину — для того, чтобы умолотъ былъ изобильнѣе и лучше, первый (зажиночный) снопокъ относили въ овинъ или на гумно и оставляли тамъ до молотбы. По обычаю, принятому въ нѣкоторыхъ малорусскихъ уѣздахъ, зажинъ дѣлается священникомъ. По окончаніи жатвы, жницы обходятъ ниву, собираютъ случайно-несрѣзанные серпомъ колосья и вяютъ изъ нихъ золотистый вѣнокъ ³⁾, переплетая его васильками и другими полевыми цвѣтами; вѣнокъ этотъ надѣваютъ на самую красивую дѣвушку, и затѣмъ отправляются на хозяйскій или господскій дворъ съ пѣснями.

¹⁾ Москв. 1853, XV, 147-8; Владим. Г. В. 1853, 29. Болгары обвиваютъ первыми колосьями мальчика, поднимаютъ его на руки и поютъ пѣсни (сообщено Каравеловымъ). — ²⁾ Срѣтенскою. — ³⁾ Иногда-же два вѣнка: одинъ изъ ржи, другой изъ пшеницы.

Впереди идетъ мальчикъ и несетъ украшенный цвѣтами снопь.
Подходя къ воротамъ, поютъ:

Одомкни, пане, новы ворота,
Несемъ вяночекъ з' щираго злота;
Ой выйдзи, пане, хоць на ганечекъ ¹⁾,
Ой выкупъ-выкупъ злоты вяночекъ,
Бо то вяночекъ з' злота увитый.

Хозяинъ или помѣщикъ выходитъ на крыльцо, встрѣчаетъ жницъ съ хлѣбомъ-солью и угощаетъ ихъ обѣдомъ и горѣлкою. Вѣнокъ, свитый изъ послѣднихъ колосьевъ, и снопь, принесенный мальчикомъ, передаются хозяину со словами: «дай Боже, щобъ и на той годъ уродывся хлѣбъ!» и до 6-го августа должны оставаться въ переднемъ углу, подъ образами; въ этотъ-же праздничный день носятъ ихъ въ церковь и освящаютъ, вмѣстѣ съ разными первинками, а именно: вмѣстѣ съ хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ новаго жита, сотами, только что вырѣзанными изъ улья, новыми яблоками и грушами. Зѣрна отъ этихъ освященныхъ колосьевъ сохраняются для будущаго постѣва. Чтобы узнать, какой постѣвъ будетъ урожайнѣе: ранній, средній или поздній, отрываютъ отъ вѣнка три колоса и закапываютъ ихъ въ землю; одинъ колосъ знаменуетъ ранній постѣвъ, другой — средній, третій — поздній, и смотря по тому, какой изъ трехъ колосьевъ скорѣе и лучше пуститъ ростки, заключаютъ о срокѣ наиболѣе-выгодномъ для осѣиенія полей ²⁾. У лужичанъ большой снопь, перевитый цвѣтами, устанавливается на возу стоймя, поверхъ всѣхъ другихъ сноповъ, и доставляется въ деревню въ сопровожденіи жницъ, изъ которыхъ одна несетъ вѣнокъ изъ колосьевъ, а другіе

¹⁾ На крылечко. — ²⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 108—110; 1857, IV, 271; Маякъ, VIII, 73; Черниг. Г. В. 1856, 22; Молодикъ 1844, 95; Меглин., 328; Малорос. деревня, соч. Кулжинскаго, 47—50; Вѣст. Евр. 1827, XI, 191; Трещ., V, 105, 109, 128—9; Сахаров., II, 44, 47; Нар. сл. раз., 154.

держатъ въ рукахъ полевые цвѣты. Въ пензенской и сибирской губерніяхъ послѣдній (дожиночный) снопъ называютъ имянникомъ и наряжаютъ его въ сарафанъ и кокошникъ; въ смоленской губ. придѣлываютъ къ нему руки и одѣваютъ его въ бѣлую накидку и кичку. Съ пѣснями и плясками несутъ эту куклу на господскій дворъ, гдѣ уже загодя готовится для жницъ обильное угощеніе. Во время пиршества имянный снопъ стоитъ на столѣ, а потомъ переносится въ передній уголъ. Существуетъ еще обычай: по снятіи хлѣба, обвязывать серпы житною соломой и пологать ихъ подъ иконами ¹⁾. Праздникъ окончанія жатвы извѣстенъ подъ названіями обжинокъ, дожинокъ и талаки. Последнее названіе употребительно въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Какъ скоро у какого-нибудь зажиточнаго землевладѣльца назначается окончательная уборка хлѣба, къ нему тѣчасъ-же со всѣхъ сторонъ собираются жницы, готовыя на бесплатную работу ради талаки, т. е. собственно ради праздничнаго угощенія ²⁾. Подъ сумерки, когда доживаютъ послѣдній загонъ, каждая жница откладываетъ по нѣскольку колосевъ, изъ которыхъ и связывается общій дожиночный снопъ. Послѣ того дѣвицы-талачейки, для рѣшенія вопроса: кому изъ нихъ нести этотъ снопъ, или (какъ онѣ сами выражаются) кому изъ нихъ быть Талакою, бросаютъ между собой жребій. Указанную жребіемъ Талаку онѣ убираютъ цвѣтами, въ руки ей даютъ дожиночный снопъ, а на голову надѣваютъ ей длинное бѣлое покрывало и вѣнокъ, сплетенный изъ хлѣбныхъ колосевъ, пахучихъ травъ и цвѣтовъ; при этомъ поютъ слѣдующую обрядовую пѣсню:

¹⁾ Терещ., V, 110, 131—4; Рус. прост. праздн., IV, 83—84; Сахаров., II, 49—50; Volkslieder der Wenden, II, 221. — ²⁾ Въ великорусскихъ областяхъ толокá — общинная уборка хлѣба или сѣна, помочь; толокъ — токъ, гдѣ молотятъ хлѣбъ, и нява, оставленная подъ паръ — Обл. Сл., 230.

Добры вечаръ, Талака!
 Да вазьми-жъ адъ нась, вазьми-но
 Гэты збожны ¹⁾ ты снапокъ;
 Да надэвнь-же, надэвнь-но
 З' краснаи ²⁾ прыгожъ вѣнокъ!
 З' гэтымъ дóбрымъ пойдземъ же мы
 Къ пану да къ гаспадару,
 Принесемъ же мы ямў
 Счасьцечко тваё въ хоромы.
 Юнъ той панъ-госпадарыкъ
 Справидь намъ дажыначки...

Затѣмъ жницы выстраиваются въ длинный рядъ—пара за парю, становятъ впереди себя Талаку и отправляются на хозяйскій дворъ съ пѣсней, въ которой приглашаютъ пана-господаря приготовиться къ надлежащей встрѣчѣ. Заслышавъ ихъ голоса, хозяинъ и хозяйка выходятъ къ воротамъ, кланяются Талакѣ въ поясъ и подносятъ ей хлѣбъ-соль, а отъ нея принимаютъ дожиночный снопокъ; Талаку, какъ самую почетную гостью, они усаживаютъ на покутѣ, подъ образами; всѣ же прочія жницы размѣщаются частію въ избѣ и сѣняхъ, частію на дворѣ. По окончаніи пиршества, за которымъ бываетъ всего вдоволь — и меду, и пива, и саламахи ³⁾, слѣдуютъ веселыя пляски и пѣсни. Праздникъ заключается тѣмъ, что Талака снимаетъ съ себя вѣнокъ и отдаетъ его хозяину, при чемъ хоръ обращается къ ней съ такою просьбою:

А Талака-жъ ты, Талака,
 Да щырая-жъ ты, Талака!
 Да нагадуй-же дгъ узидвѣ
 Гаспадару таму снапковъ,
 Да нарадзи-кт ты ямў
 Жытца-жытца сто карабовъ...

Въ гродненской губ. вѣнокъ этотъ надѣваютъ на кіоту; что же касается «дожиночнаго» снопа, то его кропятъ св. водою

¹⁾ Житный. — ²⁾ Цвѣтами. — ³⁾ Напитокъ, приготовляемый изъ водки, меду, славъ и вишень.

и ставятъ на покутѣ, ряломъ съ другимъ — прежде-принесеннымъ или «зажничнымъ» снопомъ, гдѣ и остаются они нерѣдко въ продолженіе цѣлаго года ¹⁾. Болгары дѣлаютъ изъ послѣдняго снопа куклу, называемую жтварка-цѣрка (житная царица) или жтварска мома, одѣвають ее въ женскую сорочку и носятъ вокругъ села, а потомъ или бросаютъ ее въ рѣку (дабы призвать на поспѣвы обильные дожди и росы), или сожигаютъ на огнѣ и пепель разбрасываютъ по нивамъ. Въ нѣкоторыхъ-же мѣстностяхъ куклу эту сберегаютъ до будущей жатвы, и когда случается засуха — носятъ ее въ крестномъ ходѣ, съ мольбами о дождѣ и съ возгласеніемъ обрядовой пѣсни:

Катъ жтварка бѣгаше,
Тихъ вѣтрець вѣеше;
Кога мома плачеше,
Ситна роса росеше;
Мома-те са засиѣя,
Ясно слънце огрѣя, и проч.

Того, кто приноситъ житный вѣнокъ съ поля, въ венгерской Сербіи окачиваютъ водою; у насъ-же въ белорусскихъ деревняхъ ведро воды выливается на самый вѣнокъ. Но цѣль обряда и тамъ, и здѣсь одна: это именно — желаніе, чтобы въ будущемъ году не было недостатка въ дождяхъ ²⁾. Покончивъ жнитво и приступая къ запашкѣ полей подъ озимые поспѣвы, великорусскіе крестьяне завариваютъ пиво или брагу и назначаютъ ближайшій праздничный день для служенія общественнаго молебна. Когда наступитъ этотъ день, каждый домохозяинъ приноситъ въ церковь освящать баранье плечо или пѣтуха, и потомъ приготовленными яствами, пивомъ и брагою угощаютъ своихъ сродниковъ и знакомыхъ. Въ нѣкото-

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 111 — 120; Описаніе гродненск. губ., I, 840. — ²⁾ Сообщ. Каравеловымъ; Младан., 524; Археолог. Вѣст. 1867, II, 57.

рых деревнях пиршество отправляется всеми крестьянами вместе: къ назначенному дню они варят брагу, пекутъ пироги и заколают барана на мірской счетъ, т. е. въ складчину ¹⁾. Въ старину, по окончаніи жатвы, заколали въ житвицѣ козла; кровь его собирали въ чашу и окропляли ею присутствующихъ, а мясо варили и съѣдали за общею трапезой ²⁾.

Съ сентября-мѣсяца принимаются молотить хлѣбъ. Во многихъ великорусскихъ деревняхъ въ тотъ день, съ котораго начинается эта работа (замолотки), овинъ слыветъ у крестьянъ имянникомъ. Вечеромъ, наканунѣ этого дня, хозяинъ протапливаетъ овинъ, а на утро созываетъ туда молитильниковъ и угощаетъ ихъ кашею; послѣ завтрака, приступая къ работѣ, затыкаютъ во все углы гумна или риги по нѣскольку колосьевъ — для того, чтобы умолотъ былъ хорошій изобильный. Молотить обыкновенно начинаютъ съ такъ называемаго «имяниннаго» снопа. Въ нѣкоторыхъ-же деревняхъ иянины овина справляются въ день окончанія молотбы и приготовляемая тогда каша называется домолатною ³⁾. Овинъ, какъ мѣсто, гдѣ просушивается зерновой хлѣбъ, издревле пользовался тѣмъ-же самымъ религіознымъ почетомъ, что и домашній очагъ (см. II, 70). Церковный уставъ св. Владиміра, въ числѣ другихъ остатковъ языческаго суевѣрія, подлежащихъ духовному суду, указываетъ и на моленье подъ овиномъ ⁴⁾. Въ словѣ христіянина встрѣчаемъ подобное-же указаніе: «еже молится огневѣ подъ овиномъ» ⁵⁾. Въ орловской губ. и донинѣ рѣжутъ куръ подъ овиномъ 4-го сентября, слѣдовательно при началѣ молотбы;

¹⁾ Рус. прост. праздн., IV, 82—83; Сахаров., II, 48—49, 54. —

²⁾ De diis samagitarum, 19—20. — ³⁾ Сахаров., II, 59; Рус. прост. праздн., IV, 83; Терещ., V, 140—1; Нар. сл. раз., 154. —

⁴⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 1: «иже кто молится подъ овиномъ». —

⁵⁾ Лвт. рус. лит. и древн., т. IV, 90, 94; Оп. Румян. муз., 229.

въ другияхъ-же мѣстностяхъ удѣлялъ обычай рѣзать въ овинѣ пѣтуха 1-го ноября ¹⁾. Въ ярославской губ. крестьяне, чувствующие боль въ поясницѣ, ходятъ въ подлазъ овина, и потираясь спиной объ его стѣну, произносятъ слѣдующія слова: «батюшка овинъ! просци мой уп(т)винъ» ²⁾. Отсюда объясняется и старинная поговорка: «церкви — не овины, въ нихъ образа всё едины» ³⁾, т. е. все равно, въ какой ни молиться церквѣ — въ своей приходской, или въ чужой; напротивъ, языческій культъ ограничивался исключительнымъ чествованіемъ своего очага, своего овина.

Земные урожаи зависятъ отъ дѣятельности стихійныхъ духовъ. Носясь по воздушнымъ пространствамъ въ буйномъ полетѣ грозовыхъ тучъ и вѣтровъ, духи эти нисходятъ на землю оплодотворяющимъ сѣменемъ дождя, преобразуются въ ея материнскихъ нѣдрахъ въ безчисленные зародыши и затѣмъ нарождаются разнообразными и роскошными злаками. Вообще все растительно: царство представлялось древнему человѣку воплощеніемъ стихійныхъ духовъ, которые, соединяя свое бытіе съ деревьями, кустарниками и травами (=облекаясь въ нихъ зеленыя одежды), чрезъ то самое получали характеръ лѣсныхъ, полевыхъ или житныхъ геніевъ. По нѣмецкимъ, славянскимъ и литовскимъ преданіямъ, житные духи ⁴⁾ въ лѣтнюю половину года обитаютъ на нивахъ. Когда хлѣбъ поспѣетъ и поселяне начинаютъ жать или косить его, полевикъ бѣжитъ отъ взмаховъ серпа и коны и прячется въ тѣхъ колосьяхъ, которые еще остаются на корню; виѣстѣ съ послѣд-

¹⁾ Литовцы, заканчивая молотьбу, убивали чернаго или бѣлаго пѣтуха, съ мольбою, обращенною къ богу, который обитаетъ въ овинѣ и сушить зерновой хлѣбъ — *De diis samagitarum*, 39—40. У нѣмцевъ житвенное пиршество называется *hahnmahlzeit*. —

²⁾ Эгв. Сб., I, 164. — ³⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, 2-ая полов., 217. — ⁴⁾ Славяне даютъ имъ названія: полевой дѣдъ, полевикъ, гречуха, жыцень.

не-срѣзанными колосьями онъ попадаетъ въ руки жнеца и въ послѣднемъ — дожиночномъ снопу приносится на гумно или въ домъ земледѣльца. Вотъ почему дожиночный снопокъ наряжаютъ куклою и ставятъ его на почетномъ мѣстѣ, подѣ образами. Въ Германіи египтирре помѣщается иногда въ переднемъ углу, иногда у домовой двери или на верхушкѣ кровли, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остается тамъ въ продолженіи цѣлаго года—до тѣхъ поръ, пока новая кукла не смѣнитъ прошлогодней. Вѣрятъ, что пребываніе ея въ домѣ приноситъ хозяину, его семьѣ и житницамъ божье благословеніе. Бѣльшею же частію кукла эта берегается только до времени посѣва: тогда ее обмодачиваютъ и добытыми изъ нея зернами остмѣняютъ поля—съ тою цѣлю, чтобы житный духъ, заключенный въ послѣднемъ снопѣ, могъ возродиться и заявить свою благотворную силу въ новыхъ всходахъ. Дожиночный снопокъ одѣваютъ въ мужскіе или женскіе наряды; въ первомъ случаѣ его называютъ: нѣмцы—*goggenmann* ¹⁾, *erntemann*, *grossvater*, славяне — дѣдъ, *dziad*, *dėdek*; во второмъ случаѣ нѣмцы называютъ его *kornmutter*, *erntemutter*, *goggenalte*, *grossmutter*, а славяне — баба, *żytna baba*, *żytna* (*pszeniczna*, *grochowa*) *matka*. По литовскому повѣрью, послѣдній ударъ, наносимый серпомъ во время жатвы, или цѣпомъ во время молотбы, падаетъ на житную бабу, и тотъ, кто его наноситъ, называется ея убійцею. Въ Германіи жнецы къ тому изъ своихъ товарищей, кто срѣзываетъ послѣдніе колосья или связываетъ послѣдній снопокъ, обращаются съ слѣдующимъ восклицаніемъ: «*du hast den Alten und musst ihn behalten!*» Растя хлѣбные злаки и творя урожаи, житные духи готовятъ запасы для своего собственнаго пропитанія, подобно тому, какъ пчелы запасаютъ для себя пищу въ медовыхъ сотахъ. Человѣкъ питается плодами ихъ твор-

¹⁾ Или *weizen(gersten, hafer)-mann*.

ческой дѣятельности, но не долженъ забирать всего; часть хлѣба онъ обязанъ оставлять для житныхъ духовъ, дабы они могли прозимовать безъ нужды и заботы. Слѣдую стародавнему обычаю, крестьяне оставляютъ на поляхъ нѣсколько несрѣзанныхъ колосьевъ, въ саду нѣсколько несорванныхъ яблокъ, а на току нѣсколько пригоршней обмолоченнаго зерна, и за все это ожидаютъ на будущій годъ богатаго урожая. Кто не исполняетъ этой обязанности, у того житные духи похищаютъ хлѣбъ изъ закромовъ ¹⁾. Западные славяне рассказываютъ, что дѣдко всю зиму сидитъ заключенный въ житницѣ и поѣдаетъ сдѣланные запасы (II, 487 ²⁾). Какъ существа стихійныя, являющіяся въ бурныхъ грозахъ и дождевыхъ ливняхъ, житные духи смѣшиваются съ духами дикой охоты и неистоваго воинства. Вмѣстѣ съ этимъ житный дѣдъ сближается съ Однимъ, а житная баба, *Kornmutter*, съ *frau Gode*, Гольдою или Бертою. И Одинъ, и *frau Gode* чествуются, какъ податели земнаго плодородія; и тому, и другой поселяне оставляютъ на лугахъ и нивахъ часть нескошенной травы и насѣятаго хлѣба; *frau Gode* сидитъ въ колосистомъ житѣ и послѣдній

¹⁾ Въ Германіи насѣкомое, пожирающее зерновой хлѣбъ въ амбарахъ, называется *Kornwolf*; о связи житныхъ духовъ съ мифическими волками и другими животными сказано было выше (Поэт. Воз., I, 769). Не менѣе любопытны повѣрья, олицетворяющія житнаго духа въ образъ пѣтуха (*getreidehahn*). Навицы приготавливаютъ изображеніе пѣтуха изъ зрѣлыхъ колосьевъ и ставятъ его на шесть, посреди сятаго поля. Въ Галиціи и Польшѣ поверье вѣрка, сплетеннаго изъ цвѣтвовъ и колосьевъ и надѣтаго на голову избранной жницы, привязываютъ живаго пѣтуха, и если пѣтухъ начинаетъ клевать колосья—это принимается за предвѣстіе урожая на слѣдующій годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи привязываютъ живаго пѣтуха къ послѣднему снопу, или зарываютъ его на нивѣ въ землю, оставляя свободною одну голову; затѣмъ жнецъ беретъ за серпъ и срываетъ ему голову. — ²⁾ Въ Галиціи житнаго дѣда представляютъ старикомъ съ тремя длиннобородыми головами и тремя огненными языками.

снопь называется *Egntewôd*; чтобы Гольда (*frau Holle*) не поѣдала хлѣба изъ житницъ, для нея оставляють на нивѣ три несрѣзанныхъ колоса. Согласно съ двойственнымъ представленіемъ Гольды то свѣтлою, благотвѣльной богинею, то злою, демоническою вѣдьмою, житная баба не всегда даруетъ урожай; раздраженная на земледѣльца, она палитъ его нивы и пожираетъ его хлѣбъ ¹⁾; славяне отождествляютъ ее съ бабой-ягою, а нѣмцы съ желѣзною Бертою (см. выше стр. 591-3). Описанные нами обряды «водить колосъ», водить «Талаку» и носить наряженный въ женскія платья снопь знаменуютъ шествіе богини земнаго плодородія. Что уборка хлѣба обставлялась у славянъ различными религіозными церемоніями, на это имѣются положительныя свидѣтельства. По словамъ Ибнъ-Дасты ²⁾, славяне въ пору жатвы насыпали въ ковшъ просыныя зерна, подымали ихъ къ небу и молились: «Господи—ты который даешь намъ пищу! снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ». Въ Арконѣ жатвенный праздникъ сопровождался мольбою и жертвоприношеніями Святовиту, гаданіями о будущемъ урожаѣ и общественнымъ пиршествомъ (I, 377-8; III, 745-6). Иногда кукла, приготовляемая изъ послѣдняго снопа, представляется ребенкомъ (*egntekind*, *korngkind*). Въ зрѣломъ колосистомъ хлѣбѣ древній человекъ видѣлъ прекрасное дитя, порожденное плодovitою Землею, (сравни II, 489-490)—дитя, которое въ жатвенную пору отдѣляется отъ ея материнскаго лона. Это возрѣніе очевидно изъ польскаго обыкновенія кричать тому, кто срѣзываетъ послѣдніе колосья: «ты отрѣзалъ и уповину!» По народной примѣтѣ, та жница, которая свывала послѣдній снопь, должна непременно родить въ продолженіи года ³⁾.

¹⁾ Т. е. производитъ засуху, пускаетъ градъ и посылаетъ истребительныхъ нашествіевъ. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1868, X, стат. Хвольсона, 671. — ³⁾ *Die korndämonen*, соч. Маншгардта, 7—33.

Послѣ представленныхъ нами изслѣдованій мы въ правѣ сказать, что духовная сторона чловѣка, міръ его убѣжденій и вѣрованій, въ глубокой древности не были вполне-свободными дѣломъ, а неизбежно подчинились матеріальнымъ условіямъ, лежавшимъ столько-же въ природѣ окружающихъ его предметовъ и явленій, сколько и въ звукахъ роднаго языка. Слово чловѣческое, по мнѣнію нашихъ предковъ, надѣлено было властительною, чародѣйною и творческою силою; и предки были правы, признавая за нимъ такое могущество, хотя и не понимали, въ чемъ именно проявляется эта сила. Слово, конечно, не можетъ заставить свѣтитъ солнце или падать дождь, какъ вѣрили язычники; но если не внѣшнюю природою, за то оно овладѣло внутреннимъ міромъ чловѣка и тамъ заявило свое чарующее вліяніе, создавая небывалыя отношенія и образы, и заставляя младенческія племена на нихъ основывать свои нравственныя и религіозныя убѣжденія. Часто изъ одного метафорическаго выраженія, какъ изъ зерна, возникаетъ цѣлый рядъ примѣтъ, вѣрованій и обрядовъ, опутывающихъ жизнь чловѣческую тяжелыми цѣпами, и много-много нужно было усилій, смѣлости, энергіи, чтобы разорвать эту невидимую сѣть предрасудковъ и взглянуть на божій міръ свѣтлыми очами!

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

ТОМЪ I.

Стр. 34: Кто упадетъ въ первый день новаго года, тому предстоить скорая смерть — *Neues Lausitz. Magazin* 1843, III—IV, 332.

Стр. 38: Свѣжіе слѣды, оставленные вормъ, совѣтуютъ собирать въ мѣшокъ и вѣшать въ дымовую трубу, чтобы онъ изсохъ какъ щепка — *Beiträge zur D. Myth.*, I, 240.

Стр. 66: «*Zaklinjem te suncem i misecom*» — Иличъ, 275 (народная пѣсня).

Стр. 73: Во Франціи крестьяне, завидя на небѣ молодой мѣсяць или вечернюю звѣзду (Венеру), преклоняютъ колѣна и творятъ молитву — *Beiträge zur D. Myth.*, I, 252-3.

Стр. 74-76: «*Die Ehe ist also die glücklichste, wenn während der Trauung Sonne und Mond zu gleicher Zeit am Himmel stehn, also das himmlische Paar ebenfalls ihre Vereinigung findet. Nach dem Grishyasûtra wurde die indische Hochzeit mit einem Hymnus auf die Hochzeit der Sonne und des Mondes (Sûrya und Soma) eingeleitet*» — Громанъ, 116.

Стр. 80: Луна (luna вмѣсто lucna, lucina, т. е. свѣтящаяся) отъ снкр. гукъ — luceo; лат. luc-s, lumen (вм.

luc-men), гр. λύχνος — leuchte, λευχός — бѣлый, слав. лучь — Курциусъ, 130.

Стр. 86-88: У различныхъ славянскихъ племень утренка означаетъ то утреннюю зорю, то звѣзду денницу (k gasorani).

Стр. 93: Vělbožice—въ Чехахъ, Vělbožnicja — въ Галиціи (Часопись чешск. муз. 1863, I, 28). Въ «Сборникъ памяти. нар. творчества въ сѣв.-запад. краѣ» (I, 115—7) напечатаны двѣ пѣсни, записанныя будто-бы въ минской губ., въ которыхъ упоминается про Чернаго бога; но пѣсни эти—не болѣе, какъ неудачная поддѣлка. Г. Котляревскій въ критической статьѣ своей, посвященной I-му т. Поэт. Воз., (стр. 23) доказываетъ, что бамбергскій истуканъ есть просто изображеніе льва, какія ставились въ средніе вѣка у церковныхъ дверей, и не имѣетъ никакого отношенія къ Чернобогу.

Стр. 96: Velepus въ древнихъ надписяхъ сооставляется рядомъ съ именемъ Аполлона; ирл. beal, beul, bel—солнце—Галлы, соч. Георгіевск., 136-7.

На той-же страницѣ, 9 и 10-ую строки снизу слѣдуетъ читать: «Слова свѣтъ и святъ если не филологически, то по значенію тождественны; ибо по древнѣйшему убѣжденію святой...» и т. дал. По замѣчанію г. Котляревскаго (Разборъ I т. Поэт. Воз., 30), мысль о сродствѣ означенныхъ словъ не можетъ быть принята, такъ какъ въ противномъ случаѣ слѣдовало бы допустить несогласуемый переходъ звуковъ: двогласнаго ѣ—а + і и носоваго ж. «Нѣтъ сомнѣнія (говоритъ онъ), что слова эти различнаго образованія, отъ двухъ корней: svīt и svāt или svān; оттого въ Ведахъ употребляется svānta, въ санскр.—svēta, зендъ имѣетъ svēnta и svāēta, Литва—szwentas и svētas, славяне—святъ и свѣтъ.»

Стр. 119: Οδρανός нельзя сблизать съ ὄρος; такому «сближенію противорѣчитъ разность корней: ὄρος—кор. gīr

(древ. gar), отсюда снкр. giris, зенд. gaigi, слав. гора; образосъ отъ кор. uag—покрывать—Разборъ г. Котлярев., 30.

Стр. 120: О названіи горы «Anafielas» см. въ Разб. Котляр., 44. Сербы думаютъ, что обрѣзанные ногти слѣдуетъ класть за пазуху, ибо на томъ свѣтъ по ногтямъ будутъ судить: что дѣлалъ человекъ во время земной своей жизни (Гласникъ срп. друштва 1867, V, 193). Кашубы совѣтуютъ класть обрѣзанные ногти въ мѣшочекъ и носить на груди; а не то, по смерти, придется искать ихъ. Эти славянскія повѣрья напоминаютъ запретъ Эдды обрѣзывать ногти усопшему (Герман. Mythen, 630). Графъ А. С. Уваровъ сообщилъ намъ, что въ одной изъ разрытыхъ имъ могилъ (во владимірской губ.) онъ нашелъ горшокъ съ обрѣзанными ногтями.

Стр. 129: Въ народномъ заклятіи (Рыбник., IV, 246) читаемъ: «ты Небо—отецъ, ты Земля—мать!»

Стр. 133: Въ Угорской Руси удѣляли поговорки: «прабогъ го знае!» «види до сто прабоговъ», «бѣсъ ти и сто прабози!»—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 692.

Стр. 135-6: Снкр. pā, наст. пиб-ати—пить и пи-јати—становиться плодороднымъ, жирѣть, піван, півара—жирный, тучный; сравни лой и лить — Труды Моск. Археол. Общ., I, в. 2 й, 229.

Стр. 138: Brisinga-men, санскр. mañi—gemma, margarita, monile, перс. minu, греч. μάκνος, μόννος, лат. monile, рус. монеты—Герм. Mythen, 702.

Стр. 141: Русскіе и чехи смачиваютъ первымъ весеннимъ дождемъ свои головы—для того, чтобы волосы росли также быстро и роскошно, какъ майская трава—Громантъ, 52.

Стр. 142: «Земля—свята мати» (Ч. О. И. и Д. 1866, III, 706). Чехи о негодномъ человекѣ выражаются: «peni hoden, že ho země nosil» (Гануша: Дѣдъ и Баба, 7.) При первомъ

весеннемъ громѣ они трижды цѣлуютъ землю и думаютъ, что это спасаетъ отъ удара молніи (Громаннъ, 40).

Стр. 146: Авторъ статьи «De diis samagitarum» (14, 40) рассказываетъ, что послѣ сбора жатвы народъ совершалъ жертвоприношеніе и обращался къ землѣ съ такою молитвою: «Наес tibi o Zemiennik deus, gratias agentes offerimus: quidd nos hoc anno incolumes conseruaris, et omnia nobis abundè dederis, idem ut et in posterum facias, te oramus».

Стр. 147-9: По свидѣтельству Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868, II, 65), латыши для разрѣшенія поземельныхъ споровъ выходили на поле, клали на голову глыбу торфа и произносили слѣдующую клятву: «утверждаю, что земля, на которой я стою, есть земля, данная мнѣ Богомъ; если-же слова мои ложны, то да изсохнемъ, почеркнемъ и пропадемъ, подобно этому торфу, я самъ, моя семья и мой скотъ!»

Ромулъ и его товарищи, оставляя Альбу, взяли съ собой по кѣму земля, и эту священную для нихъ землю положили въ основаніе Рима—Куланжъ, 178.

Стр. 151: Въ гродненской губ. по окончаніи жатвы поютъ (Сборн. пам. нар. творч. въ сѣв.-западн. краѣ, 158-9):

Выйди, пане, за ворота,
Выкупъ вѣнка з' золота!
Не з' золота вѣнокъ витый,
Да й з' густаго жита...

Стр. 153: Въ сербской пѣснѣ (сборникъ Петрановича, 493) встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Што ће меня данак без сунашца, *)
Што ли ће ми лице без очију?

Въ восточной Сибири поселяне говорятъ о солнцѣ: Богъ глядитъ съ неба (Щаповъ, 68).

*) День безъ солнца.

Стр. 157: По чешскому повѣрью, кто указываетъ на звѣзды пальцемъ, тому упадетъ звѣзда на очи — и онъ ослѣпнетъ (Громаннъ, 32).

Стр. 163: Въ польской сказкѣ (Глинск., IV, 44—45) Солнце, воротившись вечеромъ домой, «*gozsiagnęło się na łożu kogałowém*» и вскорѣ заснуло.

Стр. 170: Сравни рус. моргать и литов. *mirgti, mirgėti* — мерцать, сверкать (Дифенбахъ, II, 764; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 545).

Стр. 175: Народная пѣсня, записанная въ гродненской губ., говорить о погибшей дѣвицѣ: «гдѣ ея очки упали, тамъ свѣчки горѣли» (Сбор. памяти. нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, 244).

Стр. 176: Въ Младшей Эддѣ солнцу дается поэтическое название *eldr himins ok lopts* (*feuer des himmels und der luft*), и наоборотъ огонь называется *sól húsanna* (*die sonne der häuser*) — *Die Symbolik von Sonne und Tag*, 49.

Стр. 181: «*Už se s nim svečegiva*» говорятъ чехи объ умирающемъ — Котлар. О погребальн. обычаяхъ, 186. Сербы не совѣтуютъ засыпать въ то время, когда садится солнце (Гласник срп. друштва 1867, V, 150): повѣрье, возникшее изъ боязни, чтобы умирающее вечеромъ (=отходящее ко сну) солнце не увлекло вслѣдъ за собою въ загробное царство и того, кто при его закатѣ пожелаетъ отдаться безмятежному покою.

Стр. 184: По мнѣнію чеховъ, послѣ солнечнаго заката не слѣдуетъ продавать молока; кто нарушитъ это правило, у того коровы не будутъ доиться — Громаннъ, 138.

Стр. 192: Періодъ возрастанія луны чехи считаютъ самымъ благопріятнымъ временемъ для стрижки волосъ, подрѣзыванія кустовъ, посадки деревьевъ и сѣянія хлѣба — Громаннъ, 30; болгары увѣряютъ, что хлѣбъ, посеянный въ пол-

и луніе, бываетъ крупный, золотистый и полный, какъ луна (сообщ. Каравеловымъ). См. также Труды Моск. Археолог. Общ., в. II, ст. Потемни 157.

Стр. 200. Загадка: «мати—товсцюха, дочка—золотуха» означаетъ: печь и огонь—Сбор. памяти. нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, 295.

Стр. 205: Больныхъ желтухою (*gelbsucht*) чехи заставляютъ смотрѣть въ золотую чашу или носить на шеѣ золотое кольцо—Громанъ, 154. Къ подобнымъ средствамъ прибѣгали и древніе индусы. Золотая чаша—эмблема солнца (Поэт. Воз., I, 177; у нѣмцевъ употребительно выраженіе «goldne sonne»—*Die Symbolik von Sonne und Tag*, 30).

Стр. 213: «Свѣти, мѣсячку, свѣти ясно, якъ млынске коло»; «збѣди, мѣсячку, такъ, якъ млынске коло» — воззванія карпато-русинскихъ пѣсень (Ч. О. И. и Д. 1866, III, 704). Въ чешской сказкѣ (Малый: *Narodni basorky a pověsti*, 180) богатырь, смотря на солнце, говоритъ чорту: «divam se na to kolečko, zdali bych je mohl dolů srazit».

Стр. 214: Польская сказка (Глинск., III, 7) упоминаетъ о перстнѣ-златодавцѣ. — Въ народномъ заговорѣ (Повг. Г. В. 1866, 4) читаемъ: «и всѣ частыя звѣздочки — бѣлянъкіе камушки».

Стр. 216—7: Когда солнце, прорѣзывая своими лучами темныя гряды облаковъ, озаряетъ ихъ золотистымъ свѣтомъ,—скандинавскій ратникъ усматривалъ въ этихъ облакахъ воинственныхъ дѣвъ Одина (валькирій), несущихся по воздуху на дикихъ коняхъ и вооруженныхъ копьями и щитомъ — *Die Symbolik von Sonne und Tag*, 11.

Стр. 219: Старинный хронографъ сообщаетъ слѣдующее повѣрье: «одежда и вѣнецъ царскій на немъ (солнцѣ)... и егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы господни со-

влекають съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престолѣ господни»—Рыбник, IV, 185.

Стр. 222: Пряжити сближается съ сскр. *bradždž—as-sage* (*Radic. linguae slov.*, 66); слово пряжа происходитъ отъ другаго корня.

Стр. 232 Заговоръ, напечатанный въ Ч. О. И. и Д. 1867 г. (IV, смѣсь, 166), замѣняетъ дѣву Зору св. Анастасіей: на морѣ-на окіянтѣ, на островѣ (на Буянтѣ) сидитъ въ церкви св. дѣвица Анастасія, «держитъ она у себя разныя иглы и шелковою нитью зашиваетъ рану кровавую, а ранѣ болѣтъ и крови идти заповѣдываетъ».

Стр. 234: 28-го октября крестьянки мнутъ новый ленъ и приносятъ «первину» въ церковь — Ч. О. И. и Д. 1867, IV, смѣсь, 198.

Стр. 251: Къ Перкуну обращались съ такимъ воззваніемъ: «Perkune dëvait! ne muszki unt mana dirvòs, melsu, tavi paltj messu» = Perkun Gottchen! schlage nicht auf mein Saatfeld, (darum) werde ich bitten, ich werde dir eine Speckseite hinwerfen. По другому чтенію: «Perkune dewajtel ne muszk und mana: Tiewe mældzio tawi paltu messu» = Perkun Gottchen! schlage nicht auf das Meinige, o Vater, ich bringe dir mit Gebet das Fleisch einer Speckseite dar (*De diis samagitarum*, 32, 57; см. также Труды Моск. Археол. Общ., I, 47, матер. для словаря).

Стр. 253: Тунару соответствуетъ у галловъ *Tanarus*; кимр. и армор. *taḡap*—громъ, молнія, блудящій огонь (Галлы, соч. Георгіев., 111). *Mjõlpiḡ* означаетъ: «раздробитель» отъ корня *ḡap* = *ḡal*—растирать, дробить, ломать; слзв. и молнія, молотъ и мѣтъ (увядать) относятся къ тому-же корню (М. Мюллеръ, см. Филол. Записки 1868, IV-V, 306).

Русскія няньки унимають капризныхъ дѣтей угрозою: Богъ камушкомъ убьетъ!»

Стр. 256: Петрей («Истор. о вел. княжествѣ московскомъ», пер. Шенякина, 48) записалъ народное преданіе, будто изъ камня, который держалъ въ своей рукѣ идолъ Перуна, вылетали во время грозы огненные искры.

Стр. 257-8: У кельтовъ, передъ началомъ войны, вождь собственнымъ мечемъ заколалъ козу и обагралъ ея кровью обожженную въ огнѣ палку; воины носили эту палку изъ одного селенія въ другое и призывали народъ готовиться къ битвамъ (Оссіанъ, перев. Кострова, I, стр. XXX).

Стр. 265: Когда послышится громъ, литвины говорятъ: «swęzajs bagrahs!»—старикъ ворчитъ! (Труды Моск. Археол. Общ., I, 48, матер. для словаря.)

Стр. 267: Кто носитъ при себѣ «громовую стрѣлку» или осколокъ дерева, въ которое ударила молнія, тотъ будетъ здоровъ и силенъ—Громаниъ, 39-40.

Стр. 291: Если на Юрьевъ день (23 апр.) падаетъ крупа (мелкій градъ), то это предвѣщаетъ хорошій урожай гречихи.—Чтобы разогнать собирающуюся грозу, старухи выбрасываютъ за окно пестъ съ этими словами: «иди, гроза, дальше! пестомъ убью» (пошехонск. уѣзда).

Стр. 297: Лужичане лѣчатъ больные глаза водою, собранною утромъ, при восходѣ солнца, изъ брызгъ, летящихъ отъ мельничнаго колеса—Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 327.

Стр. 308: Когда свиститъ дѣвица, то Богородица плачетъ, а чортъ смѣется (Громаниъ, 224; Beiträge zur D. Myth., I, 237), т. е. свистящія вихри вызываютъ грозу; слезы Богородицы (Френ)—дождь, а дьявольскій хохотъ—громъ.

Стр. 320: По поводу названій Pogoda и Pochwist г. Котляревскій (Разб. I-го т. Поэт. Воз., 44-45) высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Погода и Похвистъ въ первый разъ упоминаются Длугошемъ. Кажется, что первое имя произошло

изъ желанія объяснить Подагу Гельмольда; Длугошъ для этого только переставилъ слоги въ выраженіи своего источника. Имя Похвисть... какъ собственное не древнѣ польскаго хрониста».

Стр. 322: Г. Микуцкій названіе музыкальнаго инструмента домра (дѣмна) производтъ отъ снкр. *dhas*, литов. думти (наст. думю), др.-слав. дуги (дѣму)—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 580.

Стр. 332: Польскія сказки (Глинск., II, 33; III, 35—37) рассказываютъ о гусяхъ-самогряяхъ, что они издають такіе чудные звуки, *«że w sądym dworze zdrowi w skoczny taniec poszli, chorzy w net pozdrowieli, smutni śmiać się zaczęli»*. Въ миниатюрахъ средневѣковыхъ рукописей царь Давидъ изображается играющимъ передъ гробомъ Спасителя, дабы звуками музыки пробудить его изъ мертвыхъ (Гануша: Дѣдъ и Баба, 19).

Стр. 338: Г. Котляревскій (Разб. I т. Поэт. Воз., 45) приписываетъ скоморохамъ (*scamari, scamaratores, σχαμαράτες*) иноземное происхожденіе.

Стр. 350-1: Чехи называютъ радугу *boží duha* и думаютъ, что она убиваетъ того, кто станетъ указывать на нее пальцемъ—Громаннъ, 40-41.

Стр. 352-3: По мнѣнію г. Микуцкаго, слово радуга первоначально произносилось рай-дуга, т. е. райская, небесная дуга; звукъ *й* поглощенъ—точно также, какъ въ словѣ поди вмѣсто пойдн (Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 597). Чешск. *oř*—конь происходитъ отъ корня *gu*—*sonum edere* (ржать), и не можетъ быть сближаемо съ словами: ага, агван, аге-ліс и пр.—Разб. I т. Поэт. Воз., 31; Дифенбахъ, I, 71.

Стр. 355: Кашубск. *tağa—dağa*, дуга—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этн., I, 595.

Стр. 356. Загадка: «крашеное коромысло черезъ рѣку

смысле» означает радугу — Дѣтск. Пѣсни, собран. Безеов., 221.

Стр. 363: Чехи не позволяютъ указывать на радугу пальцемъ, ибо на ней, какъ на тронѣ, возсѣдаетъ царица небесная Пресв. Марія (Гануша: Дѣдъ и Баба, 60).

Стр. 374-5: Авторъ статьи «Die Symbolik von Sonne und Tag, 68, предлагаетъ слѣдующее объясненіе мѣса объ Одновомъ глазѣ, сокрытомъ въ источникѣ Мимира: небо имѣетъ одно солнце (свѣтло, называемое въ Младшей Эддѣ *euglða* — *augenglanz*), и потому Одинъ—одноглазый; другой глазъ его сокрытъ въ источникѣ Мимира, что указываетъ на отраженіе солнца въ водахъ земныхъ потоковъ.

Стр. 378: Обычай пить на здравіе и благополучіе г. Котляревскій объясняетъ изъ древнѣйшаго воззрѣнія на вино, какъ напитокъ, знаменующій аириту (О погреб. обыч., 216).

Стр. 385: Нѣмцы даютъ пчелѣ названія *Heirgottsvögel*, *Mariepvögel* — *Beiträge zur D. Myth.*, II, 450—1; у чеховъ существуетъ повѣрье, что пчелы прилетали къ распятому Христу и пили выступившій на его челѣ потъ—Громаннъ, 84.

Стр. 394: Скѣны, заключая договоръ, наливали въ большую глиняную чашу вино, смѣшивали его съ собственной кровью, которая тутъ-же добывалась изъ нарочно-сдѣланныхъ на тѣлѣ порѣзовъ или уколовъ; затѣмъ погружали въ чашу мечъ и стрѣлы, и приготовленный такимъ образомъ напитокъ выпивали послѣ произнесенія клятвы—Геродотъ, IV, гл. 70. У армянъ, иверцовъ и другихъ древнихъ народовъ цари, при заключеніи мира и дружественныхъ союзовъ, перевязывали на своихъ рукахъ большіе пальцы, прокалывали ихъ и лизали другъ у друга выступавшую кровь—*ibid.*, I, гл. 74; Appales Тацита, XII, гл. 47. О кровавыхъ роспискахъ, вручаемыхъ чорту, см. Кіевлян. 1865, 57; Громаннъ, 27.

Слкр. *svas* (вмѣсто *kv as*)—*spirare, sibilare, stridere*, скан. *hvasa*—шипѣть, чеш. *кысати*—находиться въ броженіи, киснуть—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 558. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ *квасъ* употребляется въ значеніи хмѣльнаго напитка, *квасникъ*—пьяница—Опис. слав. рукоп. моск. синод. библіот., отд. II, в. I, 164, в. II, 264.

Стр. 397: Чтобы вылъчить больного желтуху, чехи сощѣтуютъ плюнуть ему неожиданно въ лицо или очи—Громаничъ, 154; см. также стр. 224. У народовъ античныхъ произнесение заговоровъ сопровождалось сплевываніемъ—Куланжъ, 282.

Стр. 426: По народному убѣжденію, если заговоръ произнести правильно, не измѣняя ни одного выраженія—онъ непременно сбудется (Иллюстр. 1845, 250). Греки и римляне дѣйствовали на боговъ строго-опредѣленными формулами; «такая-то молитва, изъ такихъ-то словъ, увѣчалась тѣмъ «именно успѣхомъ, о какомъ просили; конечно, это оттого, что «богъ ее выслушалъ, что она оказалась сильною, сильнѣе самаго бога, такъ какъ онъ не смогъ ей воспротивиться. Вотъ «и сберегли въ памяти таинственныя и священныя выраженія этой молитвы. Сынъ повторялъ ихъ вслѣдъ за отцемъ. «Какъ скоро научились писать, они были записаны. У каждой семьи была книга, содержащая въ себѣ извѣстныя за«клятія, которыя провозносились предками и непременно вы«полнялись богами. Это было оружіе, употребляемое человѣ«комъ противъ непостоянства его боговъ. Только не надо бы«ло измѣнять въ заклятіяхъ ни одного слова, ни одного звука «ни—главное—того ритма, какъ провозносились они на рас«спѣвъ; тогда молитва потеряла бы свою силу, и боги были-бъ «властны ея не выполнить... Напрасно живой языкъ измѣнялся «вмѣстѣ съ нравами и вѣрованіями; слова и ритмъ священныхъ «спѣсней оставались тѣже, и во время празднествъ поцѣжене«му пѣли ихъ, ничего въ нихъ не понимая»—Куланжъ, 221-3.

Стр. 447: См. замѣчанія, высказанныя г. Котляревскимъ въ Разборъ 1 т. Поэт. Воз., 41. «Wenn ein frauenzimmer einem manne von ihrem menstrualblut beizubringen weiss, so dass ers im essen oder trinken nimmt, dann hat sie seine liebe für ewig sicher gewonnen» — Beiträge zur D. Myth., I, 210.

Стр. 471, строка 18-я сверху: Неточное выражение: «и островъ, и камень—метафоры тучи» слѣдуетъ замѣнить ссылкой на главу XVI.

Стр. 497: Въ славянскихъ сказкахъ упоминается о вѣро-нахъ, облетающихъ весь свѣтъ и приносящихъ вѣсти старцу, который записываетъ эти вѣсти въ книгу—Гануша: Дѣва 19.

Стр. 500: Когда идетъ снѣгъ, чехи говорятъ, что *vilá rapí* и ангельчики перестигаютъ свои постели; а въ Морави́и думаютъ, что въ это время Богъ ударяетъ бичемъ и сшибаетъ съ голубей перья — Гануша: Дѣдъ и Баба, 21, 30.

Стр. 501-2: Если вынуть изъ трехъ вороновъ и трехъ кротовъ сердца, пережечь ихъ въ пепелъ, и потомъ смѣшать этотъ пепелъ съ порохомъ и дробью, то ни одинъ ружейный выстрѣлъ не пропадетъ даромъ—Громанъ, 208.

Стр. 504: Въ старинныхъ рукописяхъ словомъ *ногъ* (*noh, pog*) переводится «грифъ» — Опис. слав. рук. синодальн. библиот., отд. II, в. II, 147.

Стр. 510-511: Полетъ орла предвѣщаетъ побѣду (Воен. Библиот., 132 — Ксенофонта: Отступленіе десяти тысячъ, кн. VI). Когда дерутся галки и щебечутъ сороки, чехи ожидаютъ скорой войны; сову они называютъ *smrto pouška*: садясь на окно или кровлю дома, птица эта предвѣщаетъ пожаръ и смерть — Громанъ, 65—67. Вороны своимъ полетомъ и крикомъ пророчатъ болѣзни и моръ — Beiträge zur D. Myth., I, 250—3.

Стр. 512: Когда летитъ Гаруда, отъ удара ея крыльевъ возстаеъ буря—*Beiträge zur D. Myth.*, II, 362.

Стр. 517: Въ старинный хронографъ занесено слѣдующее повѣрье: «и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огненные птицы, нарицаемыя финиксы и ксалавъ, летаютъ предъ солнцемъ и омокаютъ крылія свои въ водѣ океанстей и кропятъ ими солнце, да не погальтъ лучами своими. Отъ огня солнечнаго тѣмъ птицамъ періе обгораеъ, и бывають голы... и паки купа(з)ются въ океанѣ и обновляються—*Рыбн.*, IV, 185. По замѣчанію г. Миллера (*ibid.*, стр. XXXI), двѣ огненные птицы, прочищающія дорогу солнцу, напоминають индійскихъ Асвиновъ; «о первоначальномъ значеніи «этихъ послѣднихъ, какъ свѣтоносныхъ солнечныхъ птицъ, «см. въ *Zeitschrift für vergl. Sprachforsch.* Куна, XIII, 114; «объ Асвинахъ, какъ миахъ зори утренней и вечерней, «см. у Петерсена въ его *Mythologie der Griechen*. Что касается того, что птицы въ нашемъ сказаніи омокаютъ крылія свои въ водѣ океанстей и кропятъ ими солнце, то въ «этомъ, повидимому, сохранилось прекрасное мифическое указаніе на сопряженное съ зорею явленіе росы». Съ своей стороны мы думаемъ, что подробность эта стоитъ въ тѣсной связи съ миеомъ о купающемся солнцѣ — см. *Позт. Воз.*, II, 123—130.

Стр. 522-5: Если пѣтухъ остановится посреди двора, и ударяя крыльями, издастъ троекратный возгласъ, то ожидають пожара. Тоже предвѣстіе соединяють и съ крикомъ красноперой курицы. Въ Богеміи до сихъ поръ на церквахъ, часовняхъ, домахъ и придорожныхъ крестахъ ставятъ красныя или вызолоченыя жестыяныя изображенія пѣтуховъ. Пѣтухъ и куры считаются у чеховъ вѣщими птицами, предсказывающими хорошую погоду или ненастье, изобиліе или неурожай. Курица, поющая пѣтухомъ, предзнаменуетъ разоре-

ніе, пожаръ и близкую кончину кого-либо изъ домашнихъ; чехи совѣтуютъ убивать ее, а словаки — бросать въ воду («ěertovi poslat»). Бѣлый пѣтухъ приноситъ въ домъ счастье и охраняетъ его отъ злыхъ чаръ — Громанъ, 75—76, 229.

Стр. 529: Нечистый духъ охотно принимаетъ образъ ворона. У индѣйцевъ воронъ и ворона признавались зловѣщими птицами; по мнѣнію чеховъ, онѣ появленіемъ своимъ и карканьемъ пророчатъ бѣдствія и распри. Коршунъ прилетаетъ къ чародѣямъ, какъ гонецъ, присланный чортомъ — Громанъ, 65—66.

Стр. 532: По чешскому повѣрью, если яйцо, снесенное черною курицею въ четвергъ, носить девять дней подъ мышкою, то изъ него вылупится šotek, который станетъ заботиться о счастіи своего хозяина и будетъ исполнять всѣ его желанія — Громанъ, 16, 18; Beiträge zur D. Myth., I, 250.

Стр. 534: Когда раздастся сильный, потрясающій ударъ грома, прирейнскіе жители говорятъ въ ужасъ: do fallen alle püng! (упали всѣ девять кеглей!) Народная сказка заставляетъ героя Молнію (Blitz) играть въ кегли и бросать шаръ (kugel), который въ быстромъ полетѣ свѣтится яркимъ пламенемъ, и послѣ каждаго удара, подобно Торову молоту, самъ собою возвращается въ руки мнѣшческаго игрока. Славяне знаютъ Перуновъ шаръ (Рагошs gula), поражающій нечестивыхъ и преданныхъ проклятію — Beiträge zur D. Myth., II, 120—1. По мнѣнію чеховъ, молнія есть круглый огненный камень, величиною съ пулю или съ волошскій орѣхъ. Во время лѣтней грозы ангелы, апостолъ Петръ или самъ Господь бросаютъ эти камни и производятъ громовый грохотъ — Громанъ, 37, 212.

Стр. 541. Slov. povesti, изд. Škultety a Dobšín., I, 5: сказочный богатырь сражается съ дракономъ, а голуби крыльями своими отмахиваютъ отъ него змѣиный пламень.

Стр. 543: Г. Мивуцкій сближаетъ слово Guth, Gud, Got (богъ) съ санскр. guh (вм. gudh) — tegere, osculere, и думаетъ, что первоначально оно означало небо (= кровъ), точно также, какъ литов. дангус—небо отъ денгтн—крыть и латыш. юмалс отъ юмт (съ тѣми-же значеніями) — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 591. Говоря о частыхъ и продолжительныхъ дождяхъ, бѣлоруссы употребляютъ выраженіе: «небо продралося»—*ibid.*, 361.

Стр. 552: «Облацы плавають»—Опис. слав. рук. синод. библ., отд. II, в. II, 242.

Стр. 557-8: «Въ Народ. южнорус. сказкахъ» (изд. Рудченко, I, 123) упоминается кабанъ, «що носомъ оре, ушима сије, а хвостомъ волочить.» *Beiträge zur D. Myth.*, II, 409: «Im symposion sagt Plutarch von dem schwein, dass es rostro terram findens vestigium arationis impresserit ac vomeris opus subministraverit; und Grimm sagt auch: einen grund der heilighaltung des ebers findet man darin, dass er die erde aufwühlt und die menschen von ihm das pflügen gelernt haben.»—Въ Гаривантѣ боги спускаютъ съ неба плугъ, булаву и лукъ—*Вѣст. Евр.* 1868, II, 654.

Стр. 565-9: Въ Чехахъ уцѣлѣлъ обычай, по которому, при началѣ весеннихъ полевовъ, крестьяне отправляются ночью на поле, виѣстѣ съ голою дѣвицею и чернымъ котомъ, и тащатъ за собою плугъ; тамъ готовятъ они глубокую яму, бросаютъ въ нее чернаго кота и зарываютъ его въ землю. Въ прежніе годы плугъ вывозили на поле три голыя женщины—*Громаннъ*, 143-4.

Стр. 570: Въ бурныя лѣтнія грозы чехи выставляютъ надъ стрѣхою помело, или кладутъ топоръ остриемъ кверху—для того, чтобы предохранить свои нивы отъ града (*Громаннъ*, 38; *Гануша: Дѣдъ и Баба*, 55).

Стр. 571: Когда дождь идетъ при солнечномъ сіяніи, бѣлоруссы говорятъ: «коробомъ солнце, ситомъ дождь!» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 332. По чешскому повѣрью, Мелюзина, осужденная носиться по воздуху въ бурныхъ вихряхъ, держитъ въ рукахъ сито и сыпетъ изъ него градъ и крупу—Громаннъ, 3.

Стр. 574: На страстную пятницу хозяинъ объѣзжаетъ свои поля верхомъ на помелѣ и втыкаетъ въ землю осиновыя вѣтки; дѣлается это съ тою цѣлю, чтобы кроты не рыли полей и не вредили посѣвамъ—Громаннъ, 59.

Стр. 579: На берегахъ Рижскаго залива найдены могилы, около которыхъ лежатъ камни, сложенные на подобіе лодокъ; латыши называютъ эти могилы чортовыми лодками — Археолог. Вѣстникъ 1867, I, 33.

Стр. 581: Владимиръ Мономахъ, по его собственному выраженію, писалъ свое поученіе дѣтямъ «сѣдя на санѣхъ», т. е. на смертномъ одрѣ.

Стр. 595: Отголосокъ древняго мива о Фаэтонѣ находимъ въ малорусской сказкѣ (см. сборн. г. Рудченка, I, 93-94). Добрый молодецъ женится на солнечной дочери, и купаясь въ молокѣ, дѣлается такой «ясній, неначе сонце» (сравни Поэт. Воз., II, 125). Солнце уступаетъ ему свой стулъ (престолъ), на которомъ и выѣзжаетъ онъ погулять по свѣту; всѣ встрѣчные на пути принимаютъ его за праведное Солнце. Во время этого поѣзда добрый молодецъ попалилъ чуть не половину небесныхъ виноградниковъ.

Стр. 600: Малороссійская сказка (Рудченко, I, 138) повѣствуетъ о заключенной подъ землею царевнѣ: «вона вже не одинъ цеберъ наплакала, такъ що слези јији ажъ на сей свитъ сходять... Якъ тилько сонечко зажеврије, то по всякому дереву и по всякій билини роса и выступаје. Оде-жъ не що, якъ тів слѣзи!» Въ литовской пѣснѣ (Юшкевич., 9-10) Солн-

це, обѣщаясь оплакать убитаго молодца, говорить, что оно въ продолженіи девяти дней каждое утро будетъ восходить во мглаѣ.

Стр. 601: Если въ день свадьбы идетъ дождь, то невеста будетъ оплакивать свое замужство (чехи увѣряютъ, что ей придется пролить столько-же слезъ, сколько упало въ этотъ день дождевыхъ капель), а если сіяетъ солнце, то будетъ смѣяться, веселиться — Громанъ, 119; Die Symbolik von Sonne und Tag, 68.

Стр. 603: О дождѣ, идущемъ при солнечномъ сіяніи, бѣлоруссы выражаются: «царевна (=богиня Фрея) плачетъ» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 460.

Стр. 612. Народная загадка: «сива (вар. бѣлая) кобыла весь лѣсъ пожила» означаетъ: пламя очага — Сборн. памятн. нар. творч. въ сѣв.-запад. краѣ, I, 298, 300.

Стр. 615: О конѣ Ильи Муромца народная пѣсня (Рыби., IV, 24) говорить:

Куда падаютъ копыта лошадиныя,
Туть становятся колодцы ключевой воды.

Стр. 634: По мнѣнію чеховъ, бѣлые кони приносятъ дому счастье; если свадебный поѣздъ, вращаясь изъ церкви, повстрѣчаетъ бѣлую лошадь (или корову) — это знакъ, что Богъ благословитъ молодую чету чадородіемъ; напротивъ встрѣча съ черною лошадыю (или быкомъ) сулитъ новобрачнымъ бездѣтство; громкое ржаніе коней предвѣщаетъ войну — Громанъ, 53, 120. Дарій Истаспъ былъ избранъ на царство по ржанію коня. — Геродотъ, кн. III, гл. 84.

Стр. 637: Священное значеніе конской головы до смѣхъ поръ имѣетъ силу въ Персіи; личность преступника считается тамъ неприкосновенною до тѣхъ поръ, пока онъ пребываетъ въ конюшнѣ или держится за конскую голову — Артеод. Вѣстанъ 1867, II, 53.

Стр. 640: «Иля насюкавъ въ рѣку» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 317. Если олень валяется на лугу или нивѣ—это служить предвѣстиемъ урожая; по болгарскому повѣрью, онъ приноситъ съ собою росу, которая капаетъ изъ его глазъ (сообщ. г. Каравеловымъ). По свидѣтельству народной саги, олень, ударая въ землю копытомъ, выбиваетъ изъ нея водный источникъ—*Beiträge zur D. Myth.*, II, 425.

Стр. 641-2: Заяцъ, пробѣжавшій черезъ деревню, принимается у чеховъ за предвѣстника пожара — Громаннъ, 57-58.

Стр. 645: Бѣлоруссы о томъ, кто нечаянно прожжетъ свою одежду, выражаются: «лесяцу поймавъ!»—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 338, 404. Финны сѣверное сіяніе называютъ лесьямиъ огнемъ — см. *Reinhart fuchs* Гримма. Г. Микудкій слова лесъ, леса производить отъ сикр. рин — *laedere, perdere, interficere* (Зап. Р. Г. О. по отдѣлен. этногр., I, 576).

Стр. 646: Стихійные духи, посылающіе на землю дожди, даруютъ людямъ хлѣбъ насущный (урожай). Вотъ почему по южнорусскому повѣрью: когда гремитъ громъ — это Господь ѣздитъ по небу въ своей колесницѣ и возитъ калачи (см. *Поэт. Воз.*, I, 265); въ дѣтской пѣснѣ ворона варитъ кашу (т. е. завариваетъ въ грозовомъ пламени зѣрна дождя; сравни *Поэт. Воз.*, I, стр. 522); наконецъ и леса приносятъ при началѣ весны вкусные гостинцы.

Стр. 648: Трехцѣтная кошка охраняетъ домъ отъ пожара; когда кошка играетъ съ своимъ хвостомъ — надо ожидать вѣтреной погоды; наканунѣ Рождества Христова или весною чехи ловятъ чернаго кота и зарываютъ его въ полѣ или въ саду подъ деревомъ—для того, чтобы злые духи не вредили урожаю (Громаннъ, 55-56, 87; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 439).

Стр. 663: Литов. акис — око, глазъ, означаетъ также и водяную жилу, родникъ; у латышей ака — колодезь; въ Карпатахъ и Татрахъ горнымъ озерамъ даютъ названіе: морске око—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 585.

Стр. 667: Чехи во время грозы боятся дотрогиваться до молока, чтобы не убила молнія—Громаннъ, 38.

Стр. 683: Когда на небѣ видны бѣлыя облачки — это, по словамъ чеховъ, «св. Петръ пасетъ овечекъ» или: «св. Петръ печетъ хлѣбы» (готовить урожай)—Громаннъ, 32.

Стр. 687: Въ Болгаріи, наканунѣ Нового года, старуха беретъ сухое овечье руно и выставляетъ его на ночь въ сѣни; если по утру руно будетъ влажно (отсырѣетъ), то наступающій годъ обѣщаетъ изобиліе, и наоборотъ: если руно останется сухимъ, то годъ будетъ несчастливый (неурожайный)—Моск. Газета 1866, Каравелова: «Святки у болгаръ».

Стр. 711-2: Въ парохіи Вишневской (говоритъ Иличъ, стр. 144), есть церковь св. Георгія, куда ежегодно на Юрьевъ день приходятъ пастухи и молятся объ охраненіи ихъ стадъ отъ волковъ.

Стр. 721: По мѣнью г. Микучкаго (Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 606), слова хортъ (хрътъ, литов. куртас)—борзая собака и хрълъ — сеleg одного корня.

Стр. 727: Для того, чтобы утихла буря, чехи высыплютъ за окно, на улицу, муку и соль—Громаннъ, 36.

Стр. 730: На Исполиновыхъ горахъ рассказываютъ о лѣсномъ охотникѣ, который въ извѣстные дни носится по лѣсамъ, сопровождаемый четырьмя огненными собаками. Въ Арнау думаютъ, что дикой охотникъ является вѣсть съ бурей и ломаетъ деревья; кто повстрѣчается съ нимъ въ лѣсу, того ожидаетъ скорая смерть. Рассказываютъ еще, будто дикой охотникъ ѣздитъ въ глухую полночь на безголовомъ козлѣ, а передъ нимъ бѣгутъ двѣ собаки, послушныя его

громкому свисту. Народная фантазія даетъ ему зеленое платье, длинныя охотничьи сапоги, ружье и кортикъ. Когда въ полночь надвинутся черныя тучи — крестьяне думаютъ, что въ шлѣ мракѣ скрывается дикой охотникъ, и чтобы прогнать его—совѣтуютъ стрѣлять въ облака (Громаннъ, 3-4). Въ повѣрьяхъ этихъ нельзя не замѣтить значительнаго вліянія нѣмецкихъ сагъ.

Стр. 732: По чешскому повѣрью, передъ кончиною человека является огромная черная собака, обходитъ вокругъ дома, въ которомъ лежитъ умирающій, и располагается гдѣ-нибудь вблизи этого жилища; когда человекъ умретъ—собака немедленно исчезаетъ. Точно также въ Вестфалии рассказываютъ о собакѣ, которая ночью, передъ смертію каждаго изъ членовъ семейства, трижды обѣгаетъ домъ, и затѣмъ немедленно удаляется на церковный дворъ; во время заразительныхъ, повальныхъ болѣзней она бываетъ жирная и тучная. Въ этой собакѣ нетрудно узнать небеснаго пса (Sâgameya), который, по индѣйскимъ преданіямъ, являлся къ людямъ, какъ посланникъ Ямы, властителя усопшихъ—Громаннъ, 187.

Стр. 733: У болгаръ существуетъ примѣта: если собака валается на засѣянной нивѣ, то этимъ она предвѣщаетъ хорошую урожай (сообщено г. Каравеловымъ).

Стр. 736: У чеховъ глазная болѣзнь извѣстна подъ названіемъ поѣni mlha или vlči mlha (мгла)—Громаннъ, 174.

Стр. 738 и 740: Сканд. vargr—latro, maleficus, lupus г. Микуцкій сблизаетъ съ рус. вергати, литов. варгги—быть отвержену, брошену, варгас — нужда, бѣдность, варгас—рабъ; врагъ (ворогъ)—отверженный, извергъ — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 576.

Стр. 739: Сопутствуя богу весеннихъ грозъ, волки-вихри ичятся въ дикой охотѣ, какъ его ловчіе псы, и помогаютъ ему истреблять темныхъ демоновъ. По народному повѣрью,

чертей столько-бы расплодилось, «що-й свиту-бъ не було, якъ бн їхъ громъ не бивъ та вовки не виждали!» (Рудченко: Нар. южнорус. сказки, I, 73.)

Стр. 756: «Loki den wolf Fenrir und die schlange Jörmungandr zeugte, gandr aber wiederum wolf bedeutet»—D. Myth., 1049. Въ русскихъ сказкахъ змѣя и желѣзный волкъ выступаютъ съ одинаковымъ демоническимъ характеромъ.

Стр. 766: Въ 1302 году, когда французы ссарижались къ битвѣ и графъ Артуа сталъ надѣвать оружіе, ручной волкъ его бросился на своего господина и принялся срывать съ него воинскіе доспѣхи. Графъ прогналъ волка, вступилъ въ битву, но потерпѣлъ поражение—*Beiträge zur D. Myth.*, I, 27.

Стр. 771: Чтобы дѣти не трогали огня, имъ говорятъ: «онъ тебя укуситъ»—Вилен. Сборн., I, 190-1.

Стр. 775: Иличъ (стр. 251) сообщаетъ поговорку: «tke na mēsec laje, izrast će ти zubi».

Стр. 782: Встрѣча съ овечьимъ гуртомъ считается добрымъ знакомъ, а встрѣча со стадомъ свиной сулитъ несчастіе—Громанъ, 220.

Стр. 787: Сѣверные поэты называли солнце свѣтлою невѣстою (*heidh brúðhr himins*)—*Die Symbolik von Sonne und Tag*, 68.

ТОМЪ II.

Стр. 2: Ибнъ-Даста (въ началѣ X-го вѣка) называетъ славянъ огнепоклонниками — Ж. М. Н. П. 1868, X, 671.

Стр. 3-4: Названіе радунца г. Котляревскій (О погребал. обычаяхъ, 251) сопоставляетъ съ ведійс. *gādān*—жертвоприношеніе отъ корня *gād*—давать, готовить, и даетъ ему значеніе обѣта (сер. датт). Но г. Лорхъ (Ж. М. Н. П. 1868, XI, 624) замѣчаетъ, что слова *gādān* не существу-

еть. «Авторъ (говоритъ онъ), вѣроятно, хотѣлъ привести зендское gādañ, которому въ санскритѣ слѣдуетъ считать соответствующимъ gādhas. Но гортанное ñ передъ h въ зендскомъ языкѣ не имѣетъ ничего общаго по происхожденію со звукомъ h въ словообразовательномъ слогѣ *ни* русскаго радунца». Г. Даль производитъ слово «радунца» отъ глагола радовать; соглашаясь съ его мнѣніемъ, г. Лерхъ добавляетъ: «по корню своему и радунца и радовать могутъ быть одного происхожденія съ зенд. gādañ и сакр. gādhas, но суффиксы ихъ разные».

Стр. 19: Чтобы избавиться отъ болѣзни, сербы проходятъ промежъ двухъ костровъ, разведенныхъ съ помощью живаго огня— Гласник срп. друштва 1867, V, 167.

Стр. 40: Въ малорусскихъ сказкахъ (Рудченко, I, 83, 86) Солнце и Мѣсяцъ, при посѣщеніи ихъ странствующими героями, говорятъ: «що це таке, що руська кость смердити!»

Стр. 42-43: Въ Ливоніи прежде, чѣмъ семья приступала къ изготовленнымъ яствамъ и напиткамъ, было въ обычаѣ бросать въ огонь кусокъ мяса и плескать на горячіе уголья шивомъ— Ч. О. И. и Д. 1868, II, 62 (Олеарій).

Стр. 55: По свидѣтельству Аристотеля: «забота вѣдать всенародныя жертвоприношенія гражданской общины принадлежала, по религиозному обычаю, не особымъ жрецамъ, но лицамъ, «занявшимъ санъ свой отъ огня, и которыхъ здѣсь называли «царями, тамъ пританами, индѣ архонтами». Каждая община имѣла свой государственный очагъ, свое огнище, блюстителемъ котораго былъ царь; неспособный къ жречеству не могъ быть и царемъ. Такъ одинъ изъ древнихъ царей Сикіона былъ низвергнутъ, потому что, осквернивъ руки смертоубійствомъ, уже не могъ приносить жертвъ. «Гомеръ и Виргилій представляютъ намъ царей, непрерывно-занятыхъ священными обрядами. Мы знаемъ изъ Демосоева, что древніе цари Атти-

ки сами совершали всѣ жертвоприношенія, предписанныя религіей гражданской общины; знаемъ изъ Ксенофонта, что спартацкіе цари были главами лакедемонской религіи... Тоже самое и римскіе цари; преданіе всегда изображаетъ ихъ священниками.—Куланжъ, 230-1, 239.

Стр. 61-62: У древнихъ писателей встрѣчаемъ выраженіи: «боги, сидящіе у моего очага; Зевсъ моего огня; Аполлонъ моихъ праотцевъ». «Умоляю тебя, говоритъ Текмесса Аяксу, именемъ твоего пріочажнаго Зевса»; волшебница Медея говоритъ у Еврепида: «клянусь Гекатою, богиней, обитающей въ святилищѣ моего очага!»—Куланжъ, 160.

Стр. 67: Обычай зажигать на храмовой праздникъ большую восковую свѣчу, покупаемую на общій мірской счетъ, соблюдается во многихъ селахъ. Въ мосальскомъ и живдренскомъ уѣздахъ такая свѣча въ продолженіи цѣлаго года хранится въ очередной избѣ, и дому этому, какъ хранителю святыни, оказывается особенное уваженіе. За нѣсколько дней передъ наступленіемъ храмоваго праздника со всѣхъ дворовъ собираютъ ржаной солодъ, хмѣль и разные съѣстные припасы, изъ которыхъ варится пиво и готовится обильная трапеза. Въ день праздника поселяне сходятся въ церковь, и послѣ обѣдни поднимаютъ чествуемую икону и несутъ въ ту избу, гдѣ стоитъ мірская свѣча. Хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ икону съ хлѣбомъ-солью становятся ея на лавкѣ, усыпанной рожью, ячменемъ и овсомъ, и зажигаютъ передъ нею мірскую свѣчу. Затѣмъ совершается молебствіе, и по окончаніи его икона и свѣча переносятся въ слѣдующій очередной домъ, гдѣ также служатъ молебень. Послѣ того икону возвращаютъ въ церковь, и праздникъ заключается общественнымъ пиршествомъ.—Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 3-4; Географ. Извѣстія 1850, III, 329; Терещ., V, 150.

Стр. 90: Лат. *termo, termen, terminus*, греч. *τέρμα, τέρμων* — граница, рубежъ, межа (*in-terage, ex-*

trage, trans—вед. tigas, гот. thairh, др.-в.-нѣм. durh—черезъ)—Курціусъ, 189.

Стр. 92: Перемѣщать межевые знаки съ недобрымъ умысломъ (т. е. ради собственной выгоды) считается у словенцевъ за величайшій грѣхъ; кто это дѣлаетъ, того наказываютъ злые духи—Кпнжієвникъ, година 3-я, вып. III-IV, 456.

Стр. 94: На Руси принято некрещенныхъ дѣтей хоронить подъ порогомъ дома, а самоубійца— на дорогахъ; перекрестки потому и страшны народному воображенію, потому и признаются за мѣста полуночныхъ бѣсовскихъ сборищъ, что они изстари были посвящаемы усопшимъ и состояли подъ охраною родовыхъ эльфовъ (т. е. блуждающихъ душъ предковъ). По свидѣтельству Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868 г., II, 60), въ Ливоніи некрещенныхъ дѣтей хоронили не на кладбищахъ, а гдѣ-нибудь на дорогѣ, преимущественно на перекресткахъ. Литовцы еще въ XVII в. совершали погребальные обряды среди полей или въ лѣсахъ, и каждый отдѣльный родъ имѣлъ свое собственное огнище—для сожженія своихъ усопшихъ. У Длугоша читаемъ: «Litvani tamen, cum silvarum et nemorum abundarent multitudine habebant speciales sulvas, in quibus singulae villae et quaelibet domus atque familia speciales focos obtinentes decedentium cadavera solebant conflagrare». Онъ же говоритъ о жемантахъ: «In praefatis sylvis habebant locos in familias et domos distinctos, in quibus omnium charorum et familiarum cadavera cum equis sellis et vestimentis potioribus incendebant.» Могильные холмы служили въ старое время пограничными знаками; eżagulis означаетъ въ литовскомъ языкѣ могилу, курганъ и межевой камень; deus Eżagulis (Eżagullys) — тотъ, кто покоится на межѣ (усопшій) = deus tumuli (Joh. Lasicii Poloni de diis samagitarum libellus, 34-35, 58, 66).

Стр. 103: Чехъ, замѣчая на своемъ тѣлѣ темныя пятна— какъ-бы отъ ушиба, говоритъ: «ишгліу на шпе sáhnul v posí»—мертвецъ давилъ меня ночью (Труды Моск. Археолог. Общ., I, вып. II, ст. Потебни, 171).

Стр. 107: Въ костромской губ. вѣшаютъ въ курятникахъ камни (такъ называемые курячьи боги) для того, чтобы киниморы не давили куръ—Послов. Даля, 1058. Одинъ изъ этихъ камней, доставленный въ Московское Археологическое Общество (см. Археол. Вѣстникъ 1867, IV, 186), носитъ на себѣ слѣды искусственной отдѣлки: онъ изображаетъ голову, у которой видны глаза, уши, носъ и просверлены ноздри.

Стр. 139: По мнѣнію г. Котляревскаго (О погребал. обыч., 198), «этимологія слова рай указываетъ на понятіе солнечной, воздушной области: корень гај (радж), отъ котораго оно происходитъ, обозначалъ первоначально впечатлѣніе небеснаго блеска, небеснаго моря, свѣтлой облачной страны; въ такомъ смыслѣ терминъ употреблялся въ Ведахъ... Ирй и вырй только иныя лингвистическія формы слова рай, прямо происшедшія отъ того-же корня, только въ иной формѣ агј». Г. Лерхъ (Ж. М. Н. П. 1868, XI, 623-4) замѣчаетъ, что въ нашемъ языкѣ не могло существовать корня гај; общевидоевропейскою формою для санскр. гај должно принять агг. М. Мюллеръ, на котораго ссылается г. Котляревскій, говоритъ о санкр. существительномъ гájas (раджас)—первоначально блескъ, потомъ вода (т. е. блестящая) и наконецъ облако; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ригъ-Веды множеств. число отъ раджас означаетъ: облачное небо.

Стр. 148-9: Рус. алатырь-камень и греч. ἠλέκτρον восходятъ къ санкр. корню агк (—áлк)—блестать, испускать лучи (агк-ас—лучь, солнце, кристалъ, мѣдь, агкis—блескъ); ἠλέκ-τωρ—солнце, т. е. сіяющее, ἠλέκ-τρον—блестящій металлъ (смѣсь золота и серебра—Курціусъ: Grund-

züge der griech. etymol., I, 107; Bulletin de l'Academie Imp., т. XII, стат. Куника о нѣкот. славян. названіяхъ пурпура, солнца и янтара, 40; Вѣст. Евр. 1868, IX, ст. Гильфердинга, 212: латырь = лак-тырь; окончаніе тар, тра означаетъ существо или предметъ, производящіе какое-либо дѣйствіе). Въ азбуковникахъ читаемъ: «и лектрь-камень зѣло честенъ отъ великихъ камней, именуемъ златовиднѣнъ, убо вкупѣ и сребровиднѣнъ... проявляетъ неумалемую и чистую свѣтлость... и свѣтовидную и небесную зарю» — Сахаров., II, 160. Въ древнѣйшемъ англосаксонскомъ памятникѣ на вопросъ: «что такое солнце?» данъ слѣдующій отвѣтъ: «солнце — горячъ камень» — Миллера: Опытъ ист. обзор. рус. слов., I, 335 (изъ Migne: Dict. des apocryphes).

Стр. 156: Которая рыба прянетъ сама изъ рѣки въ лодку, ту рыбу сваря и дай съѣсть женѣ: отъ того жена станетъ дѣтей родить — Ч. О. И. и Д. 1867, IV, смѣсь, 157.

Стр. 167: Въ старинномъ литовскомъ словарѣ Deivaitis — синонимъ Перкуна; женская форма Deivaitė (Dėvaitė) означаетъ богиню дождей, а во множественномъ числѣ deivaitės, dėvaitės — нимфы источниковъ и рѣкъ (первоначально: дождевыхъ потоковъ) — Lithuania Шлейхера, 24.

Стр. 177: Свкр. dhē, dhajāmi — bibo, lacteo, dhāt — nutrix, dhēpus — доящаяся корова, milchkuh, зенд. daina — weibchen, греч. θήσαλα — доить, τῆθηνη, τῆθη — кормилица, τῆθος — материнская грудь, гот. daddjaп — кормить грудью, швед. dadda — кормилица, мамка, швец. dodō — мать, др.-в.-нѣм. tâu — lacto, tila — mamma, сл. дою, доилица — Курціусъ, 217; Дифенбахъ, II, 608. Вѣроятно, къ одному корню съ этими словами относится и сербская додола; если принять такое производство, то подъ именемъ додолы должно разумѣть богиню, заливающую изъ своихъ облачныхъ грудей

молоко-дождь, производительницу земныхъ урожаевъ и всеобщую кормилицу.

Стр. 183: Чтобы излѣчиться отъ желтухи, сербы берутъ желтогога цѣтуха,купаютъ его въ водѣ, и потомъ пьютъ эту воду, какъ лѣкарство—Гласник срп. друштва 1867, V, 187.

Стр. 240: Въ олонецкой губ. (Памятн. книжка олон. губ. на 1866 г., 18—19) рассказываютъ, что водяной, переселяясь на другое мѣсто, прорывается ручьемъ и приготовляетъ для себя новое озеро.

Стр. 249: По свидѣтельству Ибнъ-Дасты, руссы приносили въ жертву мужчинъ, женщинъ и лошадей. Жрецъ (кудесникъ) накидывалъ на шею обреченнаго человѣка или животнаго петлю, подымалъ его на бревно, и умертвивъ удущеніемъ, восклицалъ: «вотъ это жертва богу!»—Ж. М. Н. П. 1868, XII, ст. Хвольсона, 674.

Стр. 271: У руссовъ, говоритъ Ибнъ-Даста (Ж. М. Н. П. 1868, XII, 674, 769), если обѣ тяжущіяся стороны недовольны приговоромъ вел. князя, то окончательное рѣшеніе дѣла предоставляется оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ. Побѣжденный долженъ смириться и удовлетворить побѣдителя.

Стр. 303: Чтобы предохранить себя отъ зубной боли, чехи берутъ осколокъ дерева, въ которое при первой весенней грозѣ ударила молнія, готовятъ изъ этого осколка порошокъ и чистятъ имъ зубы, или: слышавъ первый весенній громъ, они берутъ кусокъ желѣза и держатъ его въ зубахъ во все время, пока продолжаются небесные раскаты—Громанъ, 40, 169.

Стр. 304: Въ нижегородской губ. раскалываютъ осину и пропускаютъ сквозь нее дѣтей, большихъ грыжей (Нижегор. Сборн. 1867, I, 179); въ рукописныхъ сборникахъ заговоры

и лѣчебныхъ наставленій предлагается совѣтъ: «сыщи рябину древо, чтобъ отростелина была бы отъ нея, да отсѣки ее, да расколи надвое, да свяжи въ концахъ посконною ниткою, и пройди сквозь рябину трожды» (Рыбник., IV, 250).

Стр. 307: Въ «Кіевлянинѣ» (1865, 52) записано народное преданіе, что крестъ, на которомъ распяли Спасителя, былъ сдѣланъ изъ осины и что въ наказаніе за это Богъ обрекъ означенное дерево на вѣчную дрожь. Въ Германіи увѣряютъ, что дерево, на которое садится шаръ (шар), дрожить—хотя бы вовсе не было вѣтра, и вскорѣ потомъ засыхаетъ—*Gerh. Mythen*, 712.

Стр. 321: Ливонцы, самогиты и русскіе чтили духа, пребывающаго въ священныя рощахъ и деревьяхъ; думали, что онъ обитаетъ «sub sambuco» и подъ этимъ деревомъ ставили для него хлѣбъ, пиво и другія приношенія — *De diis samagitarum*, 20. Въ Ливоніи, по словамъ Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868, II, 61), народъ обвязывалъ нѣкоторыя избранныя деревья красными лентами и совершалъ подъ ними суевѣрныя моленія и обѣты.

Стр. 343-4: По рассказамъ гуцуловъ (Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 50), дикія жены живутъ въ пещерахъ, на неприступныхъ мѣстахъ; ночью онѣ собираются толпами, бѣгаютъ по полямъ и лѣсамъ, хлопаютъ въ ладоши, и завидя путника, бросаются на него и начинаютъ щекотать. Гуцулы представляютъ ихъ высокими, худощавыми, съ блѣдыми лицами и длинными, растрепанными волосами; вмѣсто пояса онѣ обвязываются травою.

Стр. 385: Папороть, папоротокъ—птичье крыло (Толков. слов., II, 12).

Стр. 396: Стонъ мандрагоры = громъ; сравни стонати, греч. στένο, лат. tonare, tonitru и нѣм. thunag—Археол.

Вѣст. 1867, IV, 150. Гроза стонетъ: «ночь стонуши ему грозою птичь убуди» (Слово о полку).

Стр. 398: Разрывъ-травъ соотвѣтствуетъ камень, приносимый по нѣмецкому повѣрью дятломъ (donnerstein). Если завязать платкомъ гнѣздо сойки, то, по рассказамъ чеховъ, она принесетъ камышекъ, отъ прикосновенія котораго тотчасъ-же распутаются всѣ наложенные узлы. Съ помощію этого камня можно находить сокрытые въ землѣ клады — Археол. Вѣсти. 1867, IV, 150.

Стр. 415-6: Широколистый, красноцвѣтный чертополохъ обладаетъ великою силою. Чтобы избавиться отъ преслѣдующаго чорта, совѣтуютъ бросать въ него цѣпкими шишками этого растенія. Чертополохъ прогоняетъ, изводитъ червей: повѣрье, относимое первоначально къ демоническимъ змѣямъ. На тоже могучее свойство поражать демоновъ (волка или змѣя-тучу) указываетъ и названіе звѣробой, придаваемое различнымъ травамъ и между прочимъ желтоголовнику (малор. горицвѣтъ) и купальскому желтоцвѣтному зелью (польск. świętojańskie ziele, нѣм. Johanniskraut) — Археол. Вѣстн. 1867, IV, 148—150.

Стр. 434: Въ Германіи существуетъ повѣрье: если при поворотѣ солнца выстрѣлить въ него въ самый полдень, то на землю кануть три капли крови, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмени, и вырастаетъ папоротникъ — Кунъ, 221.

Стр. 491: Слав. ramo, нѣм. агш и лат. gamsus — сукъ, вѣтвь, отрасль.

Стр. 514: Греч. τόφος — жгу, τῆφος — дымъ, мракъ, τοφών, τοφός — вихрь, ср.-в.-нѣм. dīmpfen (dampfen) — испускать пары, чадъ, литов. dumpra — раздуваю огонь, снкр. dhûr, dhûrajâmi — suffio, fumo, dhûrikâ — туманъ (Курпіусъ, 194).

Стр. 525. Въ сербскихъ пѣсняхъ Петрановича (стр. 181—2, 187, 190) читаемъ: а) «змај доле ће — код језера у траву пануо, око себе очим' расв'јетлио; онда скиде крила и окриље, крај језера у траву турно, па се купат' стаде у језеру». Юнакъ пускаетъ въ змиѣ стрѣлу — тогда змиѣ «из' језера у траву скочио, па обуче крила и окриље» и поднялся къ небу подъ облака. б) «Лети змаје као ватра жива... очим' витла, а ватру просипа.» с) «Кад се змаје крила добавио, начини се гуја шаравита — су шест крила од пламена жива.»

Стр. 533: Когда случится солнечное затмѣніе, въ Краинѣ думаютъ: «да нека аждаја Врколак хоће да прогута (проглотить) сунце.» Большіе и малые выбѣгаютъ тогда въ поле и ударяютъ въ котлы, тазы и во все, что только можетъ издавать громкіе звуки, дабы испугать змиѣ-оборотня — Гласник срп. друштва 1867, V, 194.

Стр. 557: «Пријихавъ у такій-то городъ, и на весь городъ той одна криница, и въ тій криници сидитъ змиѣ з' дванадцатьма головами. И то такъ: якъ идутъ вси по воду и ведутъ одну душу, то винъ ззистъ јији, а вони наберутъ соби води, а иначе не можна» (Рудченко, 126). Въ другой сказкѣ упоминается колодецъ съ цѣлющей водою, возлѣ котораго приковано къ столбамъ двѣнадцать огнедышащихъ змиѣвъ (ibid., 135).

Стр. 558: Когда бываетъ засуха, сербы думаютъ, что гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ появилась змиѣ, ловятъ ее и убиваютъ — Гласник срп. друштва 1867, V, 95.

Стр. 582: Заклинатель, желающій уничтожить жатву въ поляхъ своего недруга, беретъ обѣими руками змиѣ, и пронеся заговоръ, выпускаетъ ее въ окно или двери съ этими словами: *szmikszt per eszè!* (иди черезъ поле). Вслѣдъ затѣмъ жатва будетъ истреблена градомъ и червями. Если-же заклинатель имѣетъ въ виду хлѣбъ, собранный въ амбарахъ,

то говоритъ змѣѣ: *szmikszt per arūda!* (ступай въ закрома)—
De diis samagitarum, 37.

Стр. 634: Олеарій (Ч. О. И. и Д. 1869, I, 429), описывая путешествие свое по Волгѣ, упоминаетъ о двухъ краснопятна-
стыхъ змѣяхъ, которыя исползли на корабль. Когда русскіе
гребцы увидѣли этихъ змѣй, то очень обрадовались и говори-
ли, что надо ихъ беречь и кормить, что это добрыя змѣи,
предвѣщающія попутный вѣтеръ.

Стр. 638: Гр. *χαίνω*—разверзаться, зѣвать, *χάος*—про-
пасть, бездна Курціусъ (стр. 164) сближаетъ съ лат. *hisco*,
hio, *hiatus*, скан. *gip* (*gähne*), слав. зѣяти, зѣять, зѣвъ.

Стр. 729: Латинское *шапес* (души усопшихъ предковъ и
пенаты) стоитъ въ родствѣ съ инд. *шапис*, нѣм. *шапп*, слав.
мжжъ—Дифенбахъ, II, 32; такимъ образомъ, по буквально-
му значенію этого слова *шапес* соотвѣтствуютъ лужицкимъ
людкамъ.

Стр. 738: Литов. *barstukai* (*barstuccae*—парстукки)—
гновы, обитающіе въ домахъ и житницахъ; домохозяйева чество-
вали ихъ приношеніями; для этого вечеромъ накрывали столъ
въ житницѣ (*in hoggeo*), ставили на немъ хлѣбъ, мясо, сыръ,
коровье масло и пиво, а по утру на другой день приходили
смотрѣть: отъ какихъ именно яствъ вкусили домовые духи?
Если это былъ хлѣбъ, то ожидали хорошаго урожая въ поляхъ,
а если—мясо, то умноженія стадъ. Другое литовское назва-
ніе, присвоенное домовымъ карликамъ—*каукки*, о которыхъ
сохранилось слѣдующее извѣстіе: «*kaukie sunt lemures, quos
russi ubože appellant, barbatuli, altitudine unius pal-
mi extensi*» т. е. бородатые, величиною съ ладонь — *De diis
samagitarum*, 16, 20; *Lituania* Шлейхера, 25. У гупуловъ
извѣстенъ домовый геній *дидо*, *дидухъ*—самъ величиною съ
пядень, но съ старческой, безобразной наружностью, боль-
шою головою и съдой бородой—Пантеонъ 1855, V, 46.

ТОМЪ III.

Стр. 47: Въ малорусской сказкѣ Смерть олицетворяется въ женскомъ образѣ: «на дорози въ болоти сидитъ баба и проситъ царевича, щобъ винъ јіји витягъ з' болота. Що стани царевичъ пидјижзати, то кинь такъ харапудиця: хропе да сопе, та низдрями паше... (Наконецъ) царевичъ витягъ ту бабу з' болота. Отъ баба та и каже царевичу: я—не баба, я—Смерть!» Замахнулась на него— и въ ту же минуту царевичъ палъ бездыханный (Рудченко, I, 99).

Стр. 91: Въ сербскихъ заговорахъ къ демонамъ болѣзней причисляются: «немитнице, недојеници—виле, вештице и ветрови;» нападая на человека, эти злобные духи пьютъ его очамъ, поѣдаютъ зубами, а зубы у нихъ остры, какъ серпъ. Силою заповѣднаго слова заклинатель изгоняетъ ихъ изъ головы, мозга и другихъ частей тѣла и посылаетъ туда, гдѣ не блеютъ овцы, не режутъ коровы, не лаютъ псы и не поютъ пѣтухи, гдѣ не палятъ въ храмахъ свѣчей и не поютъ священныя пѣсней. Умывая больного цѣлебной водой— съ громовой стрѣлки и угольевъ, причитываютъ: «види, больо, у гору и у воду, у високе висине, у дубоке дубине, где певац не нева, где кока не кокоће». Кто заболѣеть грозницею, тотъ долженъ обойти вокругъ вербы и прилѣпить къ ней восковую свѣчу, дабы передать свою болѣзнь этому дереву. Отъ костолома прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: берутъ калачъ и несутъ къ глоговому дереву, «држећи га на ономъ месту, где боли»; потомъ этимъ больнымъ иѣстомъ трижды потираютъ о дерево, съ приговоромъ: «у глог улог, а у тело одлог!» Калачъ оставляютъ на деревѣ, а сами уходятъ домой, не оглядываясь назадъ — Гласник срп. друштва 1867, V, 166, 170, 179, 187, 194.

Стр. 157: Въ сербскихъ пѣсняхъ, собранныхъ Петрановичемъ (стр. 48, 50) читаемъ:

- а. Извила се (вила-нагоркиња) небу под облаке
И одлеће стрмо низ планину.
б. Ал' се вила кроз облаке вија.

Стр. 164:

Вијају се (виды) небу под облаке,
Златне стр'јеле носе у рукама,
Те гађају орла под облаком (ibid., 288).

Стр. 165-7, 175-6: Въ пѣснѣ, озаглавленной «Женѣдба Реље Бошњанина с вилом»:

Како Рел(ъ)а танко попијева,
Планина се планини одзива,
А долина долини одзива,
А са горе полијеће лишће.
То зачуле на планини виле,
Јере су се саставуле биле,
На ливади коло ухватиле,
Пак окрећу коло насколо.

Говоритъ имъ «најстарија» вила: дорогія мои сестры!

Која ћете мене послушати —
Да обуче крила позлаћена,
Да изиђе на друм у планину,
Да дочека Рел(ъ)у Бошв(ъ)анина,
Извади му оба ока црна?

Вила Анђелија надѣла позлаченныя крылья, вышла на широкое поле, полетѣла и нагнала юнака:

Бирдем и(ъ)ему очи помрачила,
Помрачила, па их ископала.

— Не печалься! говорятъ ему Марко-королевичъ; есть у меня два хорта и два сокола: побѣжить ли вила по землѣ — хорты ее поймають, полетитъ ли подъ облаками — соколы ее настигнутъ! И вотъ, когда вила была поймана, бросился на нее Марко съ плетью о двѣнадцати концахъ и грозился сжечь ее на

огнѣ. Вила выпросила себѣ пощаду; она отдала свои крылья королевичу, собрала цѣлебныя травы, вылѣчила Релю и сдѣлалась его вѣрной любовью.— Другая пѣсня рассказываетъ про Янка Сибинянина: остановился онъ съ войскомъ на вышномъ игрищѣ, и провѣщала ему вила изъ облака: удались отсюда! не то—все твое войско изгинетъ и тебя самого возьмутъ турки и замучать до смерти;

Кон(ь)ма ѣу ти траву отравати,
 На јунаке болест натурити —
 Главобол(ь)у, л(ь)уту срдобол(ь)у.

— Не боюсь! отвѣчалъ Янко; въ облакахъ настигнуть тебя мои стрѣлы, въ дубравахъ — мои соколы, на поляхъ — хорты, а въ морской глубинѣ златокрылая птица. Разгнѣвалась вила,

Па се диже небу по облаке,
 Те стријел(ь)а од боја јунаке
 Посред паса у јуначко срце.
 Док му трипут облећела војску,
 Попадале по пол(ь)у јунаци,
 Као да ихъ громови побише.

Янко нагналъ вилу, и побѣжденная она обѣщалась быть ему посестримой, помогать ему въ битвахъ съ турками и оживить его юнаковъ; тотчасъ-же набрала она травъ, приложила ихъ къ ранамъ побитыхъ воиновъ — и чудо великое! все воинны поднялись на ноги, начали игры и пѣсни—словно вновь народились къ жизни (Срп. н. пјесме Петрановича, 245-255, 375, 387-390).

Стр. 182: Слово јудо г. Гильфердингъ объясняетъ др.-индійскимъ јадас — водяное животное (Вѣст. Евр. 1868, IX, 201). О самовилахъ см. статью Верковича въ Моск. Униввер. Извѣстіяхъ 1863, III, 255-8.

Стр. 185-6:

Вјетра нема, а планина јекву,
 Зелене се повијају јеле,

Врхови им у тле ударају,
 Док ево ти ви ле бродарице,
 Вила паде код тиха језера.

Сняла съ себя «крыла и окриѣе», оставила ихъ на берегу и бросилась въ свѣтлыя воды; пока вила купалась, Богданъ Лютичъ, похитилъ ея крылья и тѣмъ самымъ заставилъ ее сдѣлаться своею женою. Вскорѣ послѣ того, какъ родился у нихъ сынъ, вздумала вила показать свое искусство въ танцахъ, выпросила у мужа крылья,

Три пута је колом окренула,
 Четврти се небу подигнула.

Съ той поры, какъ только начиналъ плакать ребенокъ, Богданъ Лютичъ приносилъ его къ озеру и клалъ у самага берега; тогда выходила изъ озера вила, кормила ребенка грудью, купала его и повивала пеленками (Срп. н. пјесме Петран., 377-386).

Стр. 196: Польское *z w łokі* (съвлъкы), равносильное русскому останки, указываетъ на представленіе трупа вѣшнннхъ покровомъ, одѣяніемъ, оставленнымъ отлетѣвшею душою — О погреб. обычаяхъ Котляревскаго, 195.

Стр. 207: Завидя падающую звѣзду, приморскіе сербы говорятъ: «чья-нибудь свѣча погасла!» т. е. кто-нибудь умеръ. Чехи утверждаютъ, что каждый человекъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду, и когда наступитъ ея конецъ — вѣсег, звѣзда слетаетъ на землю, а человекъ умираетъ и удаляется въ горнія области. По болгарскому повѣрью, звѣзда и нарождается и умираетъ вмѣстѣ съ человекомъ. Чтобы погубить человека, вѣщица снимаетъ съ неба его звѣзду и гаситъ ее въ колодецъ—О погребал. обыч., 190-1.

Стр. 216 и 218: Въ сербской народной поэзіи постоянный эпитетъ души—легкая: лака душа. По мнѣнію болгаръ, душа по выходѣ изъ тѣла летитъ въ видѣ птички или бабочки и садится на ближайшее дерево. Въ чешской Алексан-

дрондѣ души павшихъ въ бою представляются летящими, какъ распущенное стадо. По закатѣ солнца души летаютъ на кладбищахъ, какъ голуби—О погреб. обыч., 189-190.

Стр. 231: По мнѣнію г. Котляревскаго (О погр. обыч., 21), «передавая греч. *παράδεισος* словомъ порода, переводчики желали избѣжать употребленія языческаго термина рай и для этого только слегка славянизировали греческое слово; что слово рай имъ было извѣстно, это доказывается обстоятельствомъ, что въ тѣхъ-же памятникахъ мы встрѣчаемъ и его, но какъ-бы обмолвкой, мимоходомъ. Родъ, родство въ значеніи геены явились: во первыхъ — вслѣдствіе отсутствія народнаго термина, который могъ бы обозначить предметъ, чуждый понятіямъ; во вторыхъ-же — по близости и смѣшенію двухъ греческихъ словъ: *γέννα* и *γενεά*, *γέννησις* = родъ, родство». Мы позволяемъ себѣ не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго ученаго. Трудно доказать, чтобы термины «родъ» и «родство» употреблялись нашими переводчиками безсознательно — только вслѣдствіе плохаго знанія греческаго языка и смѣшенія слова *γέννα* съ *γενεά*; что переводчики хорошо понимали различіе означенныхъ словъ — это доказывается тѣмъ, что въ геенѣ они усматривали не просто родъ, но родъ огненный, родство огненное или огонь родной, родствѣнный. По древлеязыческимъ представленіямъ, жизнь по смерти была жизнію въ средѣ усопшихъ праотцевъ; «умереть» значило: удалиться въ то загробное царство, гдѣ собираются всѣ отжившіе родичи — и добрые, и злые—«отойди къ предкамъ», вселиться въ родъ. Когда, съ принятіемъ христіанства, появилась необходимость рѣзко разграничить области посмертнаго пребыванія праведныхъ и грѣшныхъ, то переводчики предназначенную для послѣднихъ геену стали истолковывать «огненнымъ родомъ», а для обозначенія царства блаженныхъ приняли тер-

минь «порода», на что, можетъ быть, и были наведены случайнымъ созвучіемъ этого слова съ греч. *παράδεισος*. Терминъ этотъ однако не удержался и смѣнился словомъ рай — вѣроятно потому, что самое названіе рай (цвѣтущій садъ) болѣе соответствовало понятію библейскаго эдема, тогда какъ «порода» намекала на языческое представленіе о странѣ дѣдовъ. «Удивительно (замѣчаетъ г. Котляревскій), что термины родъ, родство, порода придуманы разными лицами почти въ одно и тоже время, ибо встрѣчаются въ различныхъ одновременныхъ памятникахъ; быть можетъ, они идутъ изъ одной школы (?), отъ одного учителя.» Думаемъ, что такое удивленіе напрасно; употребленіе этихъ терминовъ объясняется тѣмъ значеніемъ, какое соединяла съ ними народная рѣчь.

Стр. 237. Душа представлялась малюткою, и потому народъ любитъ называть ее уменьшительными именами: душка, душица, душичка — О погреб. обыч., 190.

Стр. 239: «*Vielona* (*Velonis* — *deus animarum. cui tum oblatio offertur, cum mortui pascuntur*». Лит. *véle* — мертвецъ, лятт. *welli* (муж.) и *weles* (жен.) — *manes* (*De diis samagitarum*, 13, 35).

Стр. 254: Сербы принимаютъ крикъ гайврановъ за предвѣстіе смерти, и заслышавъ его, говорятъ: «ту ти глас, а за моремъ частъ» (Гласник 1867, V, 195). По чешскому повѣрью, души усопшихъ пасутъ на лугу пѣтушковъ (т. е. стерегутъ въ раю небесные блески=молніи) и съ дикими и гусями (многочисленное обозначеніе плывущихъ облаковъ) свѣтъ сторожатъ — О погреб. обыч., 86, 197.

Стр. 261: При полетѣ неистоваго воинства (т. е. во время грозы) раздаются многочисленные голоса плачущихъ дѣтей; вопли ихъ=завываніе бури, слезы = дождь — *Roggenwolf und roggenhund*, 13.

Стр. 262-3: Сербская пѣсня о хожденіи Богородицы по аду и раю (Петранович., 20) говоритъ: отворились врата «рая бѣлаго» — «играю се по росной ливади, играю се све праведне душе». По указанію малорусской сказки (Рудченко, 101-2), добрый молодецъ, спустившись въ глубокой колодезь, очутился на томъ свѣтѣ—среди большого сада, въ которомъ зрѣли плоды, надѣляющіе богатырскою силою.

Стр. 265: Отецъ и мать, у которыхъ умеръ ребенокъ, до тѣхъ поръ не должны вкушать отъ новыхъ плодовъ, пока не одѣлятъ ни бѣдныхъ сиротъ — въ поминокъ за душу своего дитяти; въ противномъ случаѣ усопшее дитя не получитъ на томъ свѣтѣ райскихъ плодовъ, вынуждено будетъ грызть свои пальцы и станетъ горько плакаться на своихъ родителей — Гласник срп. друштва 1867, V, 98.

Стр. 276-7: Чехи и мазуры вѣшаютъ на дверяхъ платокъ — для отдохновенія прилетающей души (О погреб. обыч., 207).

Стр. 280. Котлярев. О погребал. обычаяхъ, 194—5: «Со смертію душа отправляется въ иную, далекую область... Въ этомъ смыслѣ говорилъ Владиміръ Мономахъ своимъ дѣтямъ, что онъ стоитъ на далечи пути; по малорус. поговоркѣ: смерть — неминующая дорога; рус. обл. странствовать значить: хворать; удорожить — довести кого-нибудь побоями до смерти; въ сербскомъ причитаніи къ мертвому обращаются съ вопросомъ: *ће ћеш, господаре, на том тамо путу далекоме оклено се никад не долази*; словинцы также причитаютъ надъ умершимъ отцемъ: *na dalek mi ti put ode s' kog te peču dopogledat*; душа на пути — человекъ умираетъ... Въ пѣснѣ о Забоѣ два раза упоминается объ отшествіи къ отцамъ въ смыслѣ смерти (*otide k otcem*); равносильное этому выраженіе встрѣчаемъ и въ Повѣстѣ врем. лѣтъ: приблизитися или приложитися ко отцемъ и дѣ-

домъ. Къ преданіямъ о переправѣ усопшихъ черезъ воздушное море можно добавить слѣдующее указаніе: въ малорус. пѣснѣ дѣвушка проситъ ангела поплыть «до батейка (умершаго) по морю» и принести отъ него вѣсти. Судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, у славянъ существовало представленіе о проводникѣ душъ, который сопровождаетъ ихъ по трудному пути на тотъ свѣтъ. «Такимъ, кажется, былъ Нія или Нія, о которомъ упоминаетъ Длугошъ: *Plutonem cognoscipabant Niiia, quem inferorum et animarum, dum corpore liquunt, servatorem et custodem opinabantur, postulant se adeo post mortem in meliores inferni, sedes deduci.* Въ лингвистическомъ отношеніи имя Нія или Ныя не представляетъ препятствій къ сближенію съ Нава... Не сюда ли относится и славянскій Нава ть, о которомъ однажды упоминается въ Супрасельской рукописи: ѿ наване, чимъ дръзньвъ отвѣштати хоштеши наватомъ (т. е. смертію) поем'емъ.» Гайкъ указываетъ на старинный обычай класть въ руку усопшаго деньги, назначаемыя для уплаты загробному проводнику—Водѣ и перевозчику черезъ великій потокъ или воздушное море—Плавецъ (ibidem, 142, 200, 204).

Стр. 284: Болгары даютъ млечному пути названіе влакненъ (волокнистый) мостъ и думаютъ, что по немъ проходятъ души усопшихъ—О погреб. обыч., 203.

Стр. 286: Чехи даютъ мертвому сапоги, которые онъ долженъ износить на пути къ небесному жилищу отцевъ—О погр. обыч., 210.

Стр. 298. Дѣтская пѣсенка (Безсонов., 27):

А и донъ, донъ, донь!
Загорѣлся жучій домъ;
Вьзять жукъ съ ведромъ
Заливать свой домъ.

. Стр. 299-300: По русскому повѣрью, если женщина будетъ сильно, безутѣшно тосковать по умершему, то она станетъ летать къ ней въ видѣ огненнаго змѣя — О погреб. обыч., 190. Въ нижегородской губ. рассказываютъ, будто нѣкогда въ незапамятную старину младенецъ, проклятый матерью, превратился въ лягушку, и потомъ уже отъ этой лягушки произошли всѣ другія. Кадлубекъ въ своей хроникѣ сообщаетъ преданіе о томъ, какъ Попѣлъ младшій отравилъ своихъ дядей, и когда они умерли — отъ казалъ имъ даже въ погребеніи. За такое нечестивое дѣло жестокой тиранъ былъ постигнутъ страшнымъ наказаніемъ: изъ брошенныхъ труповъ его дядей вышло множество мышей, которыя напали на Попѣла и пожрали его, т. е. озлобленныя души усопшихъ, лишенные погребальной почести и посмертнаго успокоенія, превратились въ мышей и отомстили своему врагу. Подобное преданіе встрѣчается у многихъ индоевропейскихъ народовъ, и между прочимъ (почти въ буквальномъ сходствѣ съ польскимъ) у чеховъ — О погреб. обыч., 103-7.

Стр. 371: «Смерть разрѣшаетъ, развязываетъ узелъ или нить существованія, и кажется, что слова кончина, судъ и судьба, употребляющіяся въ языкѣ для обозначенія смерти, имѣли въ старину именно такое, а не иное знаменованіе: конъ (позд. чинъ) — отрѣзанный предѣлъ, кончина — отрѣзанная нить жизни, судъ же и судьба — развязка, разрѣшеніе, расцѣленіе. Первоначальное этимологическое значеніе слова судъ явствуетъ изъ родственныхъ нѣмецкихъ: гот. *sundro*, др.-в.-н. *suntari*, нидѣш. *sondern*, др.-сѣв. *sundga* — *dissecare, disceperere*, отдѣлять, развязывать, разрѣшать (узы?); значеніе же слова конъ ясно и изъ славянскаго запаса: по-чинъ, о-чинить и др. Корень будетъ *kaп* — колоть, рѣзать, прекращать существованіе» — О погреб. обыч., 194.

Стр. 396—7: Въ малорусской сказкѣ (Рудченко, I, 161-2) Бѣда, встрѣтившись съ богачемъ, говоритъ ему: «чого хочешь, чоловиче, чи за молоду м'ясо јисти, а на старость кистки гризти, чи за молоду кистки гризти, а на старость м'ясо јисти?» Богачъ выбралъ послѣднее — и тотчасъ-же обѣднвалъ; снова разжиться удалось ему только къ старости.

Стр. 436: Въ виленской губ., при выгонѣ скота въ поле, знахарь беретъ поясъ, затыкаетъ его въ дужку замка, кладетъ замокъ и поясъ посреди дороги и перегоняетъ черезъ нихъ стадо, причитывая: «какъ замкнуть этотъ поясъ, такъ да будутъ замкнуты у звѣрей пасти!» — Вилен. Сборн., I, 192.

Стр. 569, 591: Баба-яга, за лизна нога, сторожить цѣлющую воду — Рудченко, I, 87, 135.

К О Н Е Ц Ъ .

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ *)

- Абудадъ 657.
Авдула 656, а 637—9.
Аги 208, а 512—3.
Агни 204, 513, 771, а 1, 5—6,
14, 26, 34, 45—46.
Адоисъ 783, в 762.
Адскія муки в 29—33.
Адскія рѣки в 26.
Адъ 182—3, в 16—33, 231, 256
—7, 263—5, 282—7, 811; см.
Гелла и пекло.
Аждаѣа а 514.
Алатырка а 529.
Алатырь-камень а 142—9, 548,
в 800—1.
Александръ Македонскій а 454
—7.
Алконостъ а 135.
Альвина 329, а 727.
Альманахи в 608.
Альрауль а 395—6.
- Амалтея 684.
Амбровія 367.
Амрита 367, 371—2.
Анастасія св. 232, в 782.
Ангелы смерти в 54—57.
Ангирасы в 230—2.
Андвари а 158—9.
Арас а 203, в 119—120.
Аполлонъ 246, 691, а 136.
Апсарасы а 205, в 119—120,
188.
Арахна в 133.
Аргонавты а 352.
Аргусъ 157, 172.
Аресъ 270.
Аримаъ а 465, 514.
Аристотелевы Врата в 606.
Ариама в 283.
Артеида в 129, 319.
Асвины в 788.
Асгардъ в 18, 258.

*) Цифры, слѣдующія за буквою *а*, указываютъ на страницы II-го тома, а слѣдующія за буквою *в*—на страницы III-го тома; цифры же, передъ которыми не стоитъ ни той, ни другой буквы, означаютъ страницы I-го тома.

- Асвепій а 566.
 Асуры 262, а 686—7.
 *Атропоc б 346, 349.
 Auszgiene 87, 178.
 Аеродита а 125—6.
 Ахилгесь а 521—2.
 Аенна 276, б 129, 133.
 Вабу (бабы) б 120.
 Бабые лѣто б 274.
 Баганъ а 72.
 Бадній день б 733—8.
 Баднякъ б 733—9.
 Балда 389, а 746—9, 753.
 Бальдуръ 96, а 431—4.
 Банный а 69.
 Баргавасъ а 530.
 Безодольный б 415.
 Берегиня а 529—530, б 124—5.
 Береза а 281, 390.
 Берта 564, б 130—1, 188, 252,
 259—260, 353, 592, 773—4.
 Blasius а 704—8.
 Блаждающіе огни б 197—9.
 Богатый вечеръ см. щедрый
 вечеръ.
 Боговица б 737.
 Богородица 223—6, 234—240,
 354—6, 360—1, 456, 480—7,
 563, 572, 599—600, а 143—4,
 312, 401, 410—5, б 134, 174,
 263—5, 274—6, 295, 722, 756
 —9
 Богородицины слѣзки а 415.
 Богъ б 376.
 Bože dijeco б 742.
 Bože sedlečko а 82.
 Божичъ б 733, 739—741, 753.
 Божіе суды а 194—201 (огнемъ
 и водою), 270—6 (судебные
 поединки), б 511 (водою).
 Болотняникъ а 236.
 Большая Медвѣдица (созвѣдіе)
 356, 386—7, 563, 609—611,
 763, б 284
 Болѣзни (ихъ связь съ эльфами
 и злыми духами и народныя
 лѣчебныя обряды) 141 — 3,
 203—6, 635—6, а 15—21, 30
 —31, 181—190, 303—5, 308,
 312, 319, 323, 360, 390, 563—
 6, 729—730, б 58—116, 132,
 135, 519—524, 807.
 Борись см. 560—2.
 Боянь 405—7, 694.
 Браги 393.
 Брачныя обряды 237—8, 378,
 460—4, 467, а 34—37, 174,
 178, 180, 317, 324—5, б 372—
 3, 747.
 Вреботиѣ а 491.
 Внгуи 371, а 5, б 230.
 Брко а 778—9.
 Брунгильда а 427, 632.
 Врѣхолѣхас (Ворхлѣхас) б 528,
 562.
 Буря-богатырь а 533—4, 638.
 Буянь-островъ а 131—6, 140—
 2, 295, 599, б 271.
 Быстрозоркой 170, а 710—4.
 Бѣлая змѣя а 550—2, 570—5.
 Бѣлбогъ 92—96, б 777.
 Бѣлоснѣжка а 716, б 546—9.
 Бѣлушь 93—94, а 372, б 594.
 Бѣлыя жены и дѣвы (biele pa-
 nje) а 569, 575, 627—9, б 155,
 168, 334.
 Бѣда б 396—7, 816.
 Бѣдовикъ б 415.
 Бѣсъ 116.

- Вазила а 72.
 Wacarine 87, 178.
 Вакхавки 374, а 393.
 Вакхъ 373—4, 400, 437, 655,
 а 354—5, б 762.
 Vala (valva, völa, völv) б 351,
 426.
 Валгалла а 140, 281, б 18.
 Валлбукъ 295, а 776—7.
 Валигора 765, а 776—7.
 Валькирии 598, 684, а 314—5,
 б 53, 189—191, 363—8.
 Walpurgisnacht б 474—5.
 Вампиръ и вампера см. упыри.
 Варуна 63, 543, а 166.
 Василискъ 532.
 Вейделотки а 7.
 Вейнемейненъ 293—5, 325—7,
 401—2, 536, 603, а 152—4,
 297.
 Велесъ см. Волосъ.
 Велетви а 650—1, 784.
 Великаны 155, 279—280, 292,
 318, 352, 502, 582—3, 656—7,
 721—4, 739, 784, а 41, 216,
 310—1, 330—4, 454—7, 472—
 7, 522—3, 617—9, 636—9,
 642—716, 726—7, 740—6, 765
 —772, 784.
 Велякъ а 651.
 Венцелій а 450.
 Верба а 389—393, 434, 505.
 Werdandi б 349, 356.
 Верпея б 328—330.
 Вертогоръ (Вернигора) }
 Вертодубъ (Вернидубъ) } 295,
 765, а 776—7, б 272—3.
 Весна 608, б 661, 676—681,
 690—9.
 Веста а 8, 14, 26—28, 34—35,
 45—46, 113, 338.

- Wechselbalg б 305—7.
 Вечерница 736, а 124, б 776.
 Вечорка а 779.
 Вилкомиръ 741.
 Вилы 169, 231, 586—7, 622, а
 290—1, 295—6, 335, 358, 384,
 417, 422—3, 615—7, 733, б
 76, 152—186, 239—240, 309—
 313, 339—342, 361, 366, 420,
 464, 718—9, 807—810.
 Вильва б 154, 158, 173.
 Вильцы 741.
 Windsbraut 329, б 120.
 Вино—кровь 368—370.
 Вить св. 523.
 Вихорево гнѣздо а 275, 432.
 Віи 171, 550.
 Власій св. 695—8.
 Вовулаки см. волкодлаки,
 оборотни и упыри.
 Вода—кровь 139, а 499; —деготь
 788; ея плодородящая, цѣлеб-
 ная, очистительная и вѣщая
 силы, поклоненіе водѣ 169, а
 179—201, 206—211, 646; см.
 живая и мертвая вода.
 Водовикъ, водяникъ, водяной
 дѣдъ, водяные духи 140—1,
 295, 308, 328, 381—2, 635—6,
 662, а 203—6, 234—248, 630,
 731—2, 735, 773, б 123, 262,
 310, 802; см. Морской Царь.
 Водца б 814.
 Водявы, водяны, водяницы, вод-
 на žopa или рання а 213,
 239, 620, б 121—3, 126, 355,
 469.
 Воздушная ареа 323.
 Воздушный океанъ б 280—1.
 Возліянія (жертвенныя) а 252—3.
 Волкодлаки (вилкодлаки) 736,

- 792, а 333, в 527—532, 549—551, 586, 593.
- Волоса 36, 117; волоса=трива а 499; коса—символь двустепенности 238—9.
- Волосова борода 141, 697—8.
- Волосожары 222.
- Волось 401—2, 474, 691—8.
- Волотва а 651.
- Волоты см. велетни.
- Волхвы 343, а 57—61, в 425—6, 430—2, 440, 507—8, 596—605.
- Волховничъ в 607.
- Волховъ а 225, 557.
- Волчий пастыръ 710—711, в 529—531.
- Волчки см. Вильцы.
- Волчьи праздники 745.
- Волчья звезда 736.
- Воробьиная ночь а 377—9.
- Вороноград в 607.
- Востокъ 181—2, в 24, 277—8.
- Времена года в 676—682.
- Вритра 262, 561, а 350—1, 437, 512—3, 528—532, 582, 607.
- Wunsch в 378.
- Выговъ стая на поля в 490—3.
- Выдра а 158, 554—5.
- Вырий (вирій) а 137—141, 405.
- Въдогонъ (једогоња) а 77, 95, в 196, 211, 234—5, 361, 566.
- Вдовскія сборища в 471—9.
- Вздувы и вѣдьмы 291, 300, 330, 355, 370, 405—7, 435, 545, 553, 569, 622, 667, 712, 739, 773—4, а 103, 306—7, 407—8, 422, 481—2, 504, 530, 578, 606, в 15, 109, 121, 196, 216, 218, 234—5, 272—3, 281, 311, 354. 422—433, 439—557, 565—571, 575, 582—7, 807, 810.
- Вѣка золотой и желѣзній а 445—6.
- Вѣсы судьбы в 273—4, 279—380.
- Vjetrec hóley 315.
- Вѣтрова мать 313.
- Вѣтровъ батько 315.
- Вѣтры 290, 309—317. 321, 329—331, 365, 418, а 357, 531, 580, 646, в 445—8. 794;=имханіе божіе 284—7, 310, 397;=дуновение мѣховъ 280, 311—2;=поможо 275. 291, 569—570, в 456—8, 790;=грабли в 456—8;=стрѣлы 490;=окрыленныя существа 311—2, 539;=хищныя птицы 309, 330, 502—510;=кони 470, 611—6, 628—9;=олени 640, а 280;=собаки 331, 720—8. 732—3;=волки 738, 761—2, 765—7;=свиньи 557, 768—9;=великаны а 652—4;=карлы а 727—730, 735; свисть и завываніе вѣтровъ=дѣтскій плачь 329, в 812;=зѣбный шипъ а 526;=соловьяный щекотъ 301—2, 306—9, 320;=звуки военныхъ и охотничьихъ роговъ 269, 277, 294—5, 323;=пѣсни и музыки 321—8, 331—6; полеть вихря=пляски 323, 328.
- Вѣшница см. вѣдьмы.
- Vieszy в 560.
- Wünschelruthe а 392—5.
- Гадниа 632—4, а 192—4. 259—260, 485, в 382—6, 740—1, 744—7.
- Had-hospodarik а 540, 552, 562.
- Hamlingia в 361.
- Гандары 323, 624—5.

- Ганимедъ 373, 493.
 Гаруда 512, б 788.
 Гарцуки 506, а 357, 735.
 Гвоздензуба б 592.
 Heilgättinnen б 353—5.
 Геймдалль 324, 361, б 285.
 Геката б 250.
 Helweg б 283.
 Гелла 525—7, 732, 756, а 583,
 б 16—19, 25—26, 112.
 Гелюсь 218—9, 690—1, 754, а
 123, 288.
 Гейи-хранители б 361—3.
 Геркулесъ 504, 546—7, 655—6,
 а 288, 309—310, 516, 521,
 554, 587, 736.
 Гермесь 172, 324, 540, 656, а
 140, 393, 423, 474, 566, 764,
 б 53.
 Гестія см. Веста.
 Гефестъ 276, 280—1, 437, а 5,
 356, 696, б 2.
 Гея 128, 436.
 Нехс б 423.
 Гиганты а 516.
 Гидра а 516, 554, 736.
 Глазь 164, 172—5; ≡святильникъ
 165, 175; ≡птица 165; ≡терно-
 вая ягода а 499.
 Главъ св. 560—2.
 Годъ ≡дерено 517, начало года
 и его дѣленіе б 659—660.
 Голубинна книга 50—52.
 Гольда 545, 657, 683, а 127,
 471, 629—630, б 129—130,
 133, 252—9, 274, 287, 295,
 353, 592, 773—4.
 Гоминъ б 111.
 Гора - стоящая, хрустальная
 120—4; поклоненіе горамъ и
 камнямъ а 356—361.
 Горгоны 172, а 515.
 Горе б 397—407.
 Горохъ а 757—760.
 Горыиника (баба-горыиника) а
 355, 529.
 Горынычъ (Горыныище) а 518,
 528—530.
 Горыни 295, а 529, 666, 706,
 776.
 Горьлки 448—9.
 Hospodaricku а 77, 113.
 Гостепринство а 62—66.
 Gott б 790.
 Градь 319, 365; ≡крува 291, б
 783.
 Гремящая недѣля б 701.
 Гремячіе (громовые) ключи 168,
 а 171—2.
 Грендель б 563.
 Гречухи б 149.
 Грнтурсы а 637—9, 660.
 Гриезъ 503—4.
 Гроза ≡битва 247, 258, 261—271,
 274—9, 350, б 173; ≡повѣдь
 неместоваго воинства 324; ≡ди-
 кня охота 324, 724—732; ≡иг-
 ра богатырей, игра въ шары
 (кегда) 534—5, а 652—4, б
 789; ≡добываніе иковка ме-
 талловъ 279—282, 296—7, 323,
 465—6; ≡рыбья ловля а 154
 —5, б 25; ≡вспаиванье и
 засѣвъ 434—5, 622; ≡моложба
 и приготовленіе муки 288—
 297; ≡варка пива и вообще
 хмѣльныхъ напитковъ 370—1,
 375, б 459; ≡доеніе коровъ б
 485—9; ≡взбываніе масла 665
 —6, б 489; ≡стирка белья б
 468—9; ≡щекотанье а 339—
 340; ≡спутываніе и расчесы-

- ваніе волось а 771—3;=щелканье орѣховъ а 318, в 755—6;=роенье и мужжаніе пчелъ 382—3;=брачный (любовный) союзъ 435, 448—468;=вѣдовской позадъ, пирь и пляска в 475—9;=всемирный пожаръ и потопъ 760—2; =возженіе очага или жертвеннаго костра 680, в 457;=баня 477.
- Громникъ (Громовникъ) в 606.
- Громовыя стрѣли а 367.
- Громъ 365;=слово божіе 284—7;=колокольный звонъ 297—301, 383, 443, а 664—5, в 499;=небесная труба (рогъ) 762, в 757;=трещотка (колодушка) 387, 443, 504, 716;=ударъ молота 276—7;=хлопанье бича 282;=стукъ оружія 269, 470; грохотъ колесницы 250, 265, 303, 470, 480, 630;=топотъ и ржаніе коня 612, 618—620;=ревъ быка, мычанье коровы 656, 661;=звѣный шипъ а 511, 526;=стоны а крики великановъ л 653—4;=хохотъ 778, а 338, в 783;=звукъ поцѣлуя а 435—6;=испусканіе вѣтровъ а 754—5;=шумъ мотвила в 132.
- Grochowa matka в 772.
- Гуменникъ а 69—70.
- Гусля-самогуды 332—3, в 784.
- Гусляры 338—9.
- Дажьбогъ 65, 131, 193, а 486.
- Даванды 582.
- Dāvapatnī а 607.
- Daumesdīck а 738.
- Дворовый а 89.
- Dziewona (Ziewonia, Dziwica) см. Дѣвана.
- Dziwożony см. дивожоны.
- Дѣдка см. дѣдько.
- Дяды см. дяды.
- Dēvaratnī а 607.
- Девкаліонъ 353, а 474, 646.
- Девы 127, а 465.
- Dēdek в 772—3.
- Dejwes waldtojes в 330.
- Деметра 128, 138.
- Демьянъ св. см. Кузьма.
- Денница 73—88, 104, 178, 604, в 777.
- День 102—6, 596—8, 659.
- Дервичи см. Древяне.
- Дернъ (дърнь въскроушь) 147.
- Дива (Дивія) 128, 137, 225.
- Дивія люди а 454—7, 525, 618, 651, 655.
- Дивлянъ а 700
- Дивогорскъ и Дивьи горы а 361.
- Дивожоны (dive ženy) а 343—4, в 310—311, 468, 803.
- Дивъ 127—134, 260.
- Дивы а 616—9, в 424.
- Дикая охота 724—732, в 794—5.
- Дикій мужичокъ а 331—2.
- Дитрихъ фонъ-Бернъ (Dyterbernat) 730.
- Діана 137, а 400.
- Дlouhy а 710—3.
- Дневникъ народный в 670—5.
- Дни (часы) легкіе и тяжелые в 332—6, 413—4.
- Добрыня а 672—3, 741.
- Додола 336, а 172—9, в 801.
- Дождь в 754—5;=слезы 167—8, 325—7, 600—4, а 413—5, 653, в 260—1, 783;=слюна 145, 393—400, 507, в 796;=ноча

- 397, 640, 670—3;=кровь 260, 367, 382, 388, 390—5, 399, 437, 657, 783—5, а 223—4, 306—7, 644—5, в 563—4;=кровь змѣнная 702—4, а 518—521, 565, 568;=змѣнная и волшебная мазь 793, а 548—551, в 458;=молоко 296, 376—8, 621—5, 653—4, 658, 665—9, 671, 764—5, а 288, 296, 306—8, 559—561, в 485—496;=масло 146, 376—7, 665—7;=живая вода 364—7, 433, а 277—8;=медь, вино 368, 372—382, 395, а 281, в 757—8;=пиво 146, 304—5, 368, 370—1, 375, 400;=вдохновляющій, мудрый напитокъ 391—7, 400—3;=сокъ золотыхъ яблокъ а 309—317;=смола, деготь 265, 788—9, а 299, 382, в 500;=кнѣпятокъ а 291;=хлѣбныя сѣмена 136, 571—3, 746—7, 793;=мука 291, а 177—8;=плотское сѣмя 135—6, 437, 447—8, 655, а 177—8, в 787;=любовный напитокъ 459—464, а 315;=стрѣлы 490;=перлы, жемчугъ 603;=коровій экскрементъ 389, 672.
- Дожинки в 767.
- Доля в 376, 392—7, 403—412.
- Домовой 303, 390—1, 631, 714—5, 728, а 67—119, 485—7, 724, 730, в 310, 499, 806; см. цмокъ.
- Домъ: обряды при закладкѣ и постройкѣ дома, а также при переходѣ на новоселье а 83—86, 109—110, 115—9.
- Донарь 110, 630.
- Дорога (перейдти кому дорогу) 37;=полотно, скатерть 40.
- Драконъ а 520; см. змѣя.
- Drebni (dreinni) а 734.
- Древляне а 480.
- Древо жизни а 311.
- Дриады а 346.
- Дружичало в 229.
- Дубъ 307, а 294—304.
- Дубыня 675, а 652, 704—5, 776.
- Дугня а 776.
- Дунавки а 239.
- Душа=огонь в 197—206; звезда в 206—9, 323—4, 810;=дымъ, паръ в 209—210;=вѣтръ в 210—2, 262;=птица в 214—225, 230, 254, 292—4, 810—811; гусеница (червякъ), бабочка, муха, комаръ, сверчокъ, жукъ, пчела в 214—8, 254, 292—8, 300;=грозовый, воздушный духъ в 213—4, 230—2, 237—8, 244—9, 252, 573—4;=русалка, мавка в 228, 240—4;=вѣдогонъ в 234—5;=вила в 239—240;=эльфъ, карликъ а 729—731, в 232—7, 585—7, 812;=рыбка в 254;=змѣя, мышь, кошка, ласточка, жаба, лягушка, ящерица в 299—301, 815;=оборотень (корова, собака, конь, борозъ, овца, заяць и пр.) в 301—5, 566—9; см. упыри.
- Души усопшихъ 120—5, 574—9, 732—3, а 74—87, 99, 102—3, 112, 323—5, 365, 374, 441, 445, 470—2, 479, 494—508, 739, в 18—21, 25—26, 79—81, 195—317, 547—8, 553—4, 580—2, 593, 742, 806, 812—4.

Дый 128.

Дынь=чортъ 100,=лудри 116,
=попровъ 545.

Дьяволъ а 617.

Дъвана 730—1.

Дъвы судьбы в 204, 273, 433 и
XXV главе.

Дъво см. Дъвт.

Дъдовникъ а 415.

Дъдъ-Всевѣдъ 180, в 390—1.

Дъдъ (Дидъ) а 371—2, 487—8,
770, в 21, 739, 772—3.

Дъды (didky) а 76, в 231, 806.

Дюдюль а 176.

Дятель а 398.

Егорій Храбрый см. Юрій.

Елея а 776.

Елисейскія поля а 140, в 19.

Engelland в 253, 287, 293—6.

Ерѣс; а 638, в 26.

Ерусалиъ 215—7.

Жаба в 450—1.

Жагооку 170.

Жаръ-птица 512—5, а 311.

Желѣнѣ (жельне жене) в 334.

Желѣзная баба в 591.

Železomej 295.

Жертвы а 39—50, 230—1, 245

—264, в 416—421, 770—1,

797—8, 802.

Жиза (Живана) 100, в 49, 686
—8.

Живая вода (богатырская, силь-
ная, дѣлющая) 119, 168, 364

—7, а 168, 352—4, 551—3,

568.

Живиды в 334.

Живой огонь 287, а 18, в 737
—8.

Жировникъ а 89.

Житная баба (Žitnamatka) в 591
—3, 772.

Житные духи в 771—4.

Жиурики в 38.

Жолудъ а 299—300.

Жребій а 194, 199—201, 212,
260—1, в 382—5.

Жрецы а 51—61, 265.

Жузь в 684.

Жыжь а 7—8.

Жыцень в 679—681.

Жѣтварга-царга в 769.

Забидящая (задушная) сѣча в
201.

Загадки 22.

Заговоры 43, 404—431, а 406—7,
563, 576, в 786.

Заживъ в 765.

Заклятая царевна а 625—633.

Закруть или заломъ хлѣбный в
501, 515—6.

Западъ 182—3, в 24.

Затмѣнїя солнечное и лунное 112,
742—755, 764, а 532—3, в 805.

Заяцъ в 255, 793.

Заячій богъ 642.

Завѣдочетецъ в 322, 605.

Звѣзды 72—73, 79—82, 163, 193,

417—8, а 131, 581;=очи 153,

156—160, 165, в 780;=окна

161; =огоньки, свѣтъльники

176—7;=драгоценные камни

157, 214—5, в 781;=гвозди

281;=стрѣлы 246;=приголы

609, 611;=золотые клубки 198,

222;=золотыя яблоки а 310;=

яйца 533, 536;=горохъ, орѣ-

хи, хлѣбныя зерна а 760—1;

=пчелы 385;=стадо овецъ или

- козь 691—3; = кони 608 — 611; падающая звезда = змий а 510—1.
- Звзреница** 736, 778—9.
- Зевсь** 64, 97, 128, 171, 373, 400—2, 437, 493, 601, 629—630, 655, 681—4; 739, а 63, 352—6, 492—3, в 379—380.
- Зелейникъ** в 607.
- Зеленая недвля** в 708.
- Зеленый Егоръ** 706, в 710.
- Зеленый Святки** в 144, 708.
- Земля** 64, 127—9, 137—150, 653, а 355, 476, 514—5, 638, 677—8, в 778—9.
- Зигурдь** а 427, 521—2, 537—8, 566, 573.
- Зигурдь** а 521, 537—8.
- Зима** 108—9, а 399, в 662, 676—681, 690—8; = сонъ а 429; = мачиха 788; = демонъ а 582; = волкъ 744—6, 758; = вепрь 783, 787, а 430; = кузнецъ и строитель мостовъ 583—591.
- Зиря** в 327.
- Зира** 230.
- Злыдни** в 404—9.
- Змийная дѣва** а 624.
- Змийная мать** 561.
- Змийная травка** а 566—9.
- Змийное ложе** = золото а 536.
- Змийныя горы и царства** а 356, 530.
- Змий** 208, 275, 283, 292—6, 299, 307, 363—6, 397—9, 437, 471—2, 481—3, 532—3, 545—8, 559—562, 584—8, 590, 614, 619—620, 647, 666—8, 678—9, 683, 703—4, 749—750, 756, 759, 765, 772—3, 789; а 156, 165—6, 216, 225, 279—285, 290—1, 295, 305—6, 310, 313, 365, 368, 373, 389, 432, 435, 438, 454, 464—5, 505, 509—625, 633—5, 642—3, 736, 751—2, 757—9, 762—3, 766, 770—2, 777, в 178—9, 182, 185, 463, 479, 487, 588—9, 789, 805—6; змий ренез'ну, žitny и mloko-wy а 539, 561—2.
- Знахарь** в 423.
- Зничъ** а 7, 29, 46.
- Зодій** в 605.
- Золото** 200—3.
- Зорька** а 779—780.
- Зоря** 82—89, 178, 180, 226, 418, 524, 599, 658, 735, а 125—130, 136, 142—4, 400, 642; ея оружіе 273—4, престоль 198, 223, и слезы 167, 599—603; = окно 71, 158—162, 197, 205; = розовая ткань 222—6; = червонное платье 788; = кровь, румянецъ 223—4, 669; = розы 601—2, а 370, 414—5; = улыбка неба 601—3; = птица 516—7, 529; = конь 594; = пастирь небесныхъ стадъ 690.
- Зюзи** в 679—682.
- Ивановъ день, Ивнова ночь см. Купало.**
- Иггразилль** 374, а 279—284, 314, 318, 472—3, в 255.
- Игоша** а 102, в 317.
- Идолице нечестивый** а 708.
- Идолы** а 264—8.
- Идуна** а 310, 314—6, 319.
- Изда** 554.
- Икота** в 70, 634.
- Ильмаринень** 280—1, 293—4, 494, а 153—4.

- Ильмень-озеро а 211—2, 229—230.
- Илья-Муромецъ 302—7, 582, 614, 621, а 667—674, 678—9, 741, 771.
- Илья-пророкъ 225, 283, 303, 385, 469—483, 546, 576, 621, 628, 630, 640, 683, 698, 737, 762, а 6, 133, 143—4, 171, 256, 293, 401—2, 461, 464, 516, 582, в 793.
- Имиръ 656, 784—5, а 476—7, 637—9, 644, 648, 718.
- Имянинный снопъ в 765—7.
- Индра 208, 248, 252—3, 262, 282, 349—350, 371—2, 396—7, 491—3, 629, 653—5, 690, 768, а 1, 236, 350—1, 388, 437, 440, 513, 532, 536, 552—3, 686, 702, 717, в 93, 280.
- Индра (Индрикъ)-зварь а 553—6.
- Иппокрена 403.
- Ириса 353.
- Иродіада 329, в 93—94.
- Источники, текущіе мѣдью, се-ребромъ и золотомъ а 283—294.
- Іоаннь-креститель а 11, 406, 506.
- Іуда а 216, 307, 770.
- Іогтунгаандр 756, а 122, 313, 549, 551, 583, 693, 744.
- Іюшши а 695.
- Jezinka в 588.
- Jutry (justroj, jatry) в 700.
- Каженикъ в 78.
- Казни колдунонь и вѣдьмъ в 507—513, 523—5.
- Калина—эмблема двѣцвѣй красоты а 499.
- Камни—кости земли 139.
- Капища а 268—9.
- Карауни 63—64, 603.
- Карлики 157, 230, 255, 279—281, 301, 370, 384—5, 395, 548, 554, 564, 578, 740, 795—6, а 78—82, 97—103, 113, 152, 158—9, 204—5, 235, 297, 330—3, 373, 396, 481—3, 716—784, в 806; см. эльфы, дверги, кауки, кикиморы, русалки, мавки, мары, злыдни.
- Кауки а 81, в 806.
- Квасиръ 394—5.
- Кентавры 624—5.
- Керечунъ см. Корочунъ.
- Керы в 43, 346, 366—7.
- Кикиморы а 100—2, в 79, 136—7, 317.
- Кирилло-пожемяка 559—560, а 589—591.
- Китъ а 151, 160—6.
- Кичига 288, 610.
- Кій-сіій 274—7.
- Клады 202, а 361—377, 380—5, 392—8, 413, 536—9, 541, 630, 734.
- Клечальная недѣля в 708.
- Кликуши в 519, 635—7.
- Клѣбѣ в 346—9.
- Клѣцънякъ а 89.
- Клятва 431, в 785; клятвы оружіемъ 272—3, землю 147—9, в 779.
- Кобольды а 78—80, 98, 106, 541, 562, в 409.
- Колдуны 312, 328, 330, 549, 553, 588, 618—9, 794—5, а 306—7, 365, 407—8, 587, 771, в 196, 216, 423—5; см. вѣдьмы.

- Колесо счастья в 413—5.
 Коляда 211, 300, 378, 607, 663, 765, 778—781, и 367—8, в 470—1, 729—733, 738—9, 748—752, 752—760.
 Колядки в 752—760.
 Колядникъ в 607.
 Комета (ея хвостъ, метла, борода, мечъ и копье) 73—74, 82, 244.
 Кони (ихъ чествованіе) 631—7, в 792; кони морскіе 621—4.
 Кончина міра а 446—7, в 22—27.
 Конюшникъ а 72.
 Kognkind в 774.
 Коровья Смерть в 47, 115, 523, 574.
 Корочунъ (Крачунъ) в 760.
 Кострома в 724—6.
 Кострубъ в 726, 762.
 Кошелекъ-самотрѣль 197, 314.
 Кощей а 594—604.
 Kralovské hody в 491.
 Králova peděle в 710.
 Крапива в 497—8.
 Красная Горка а 360, в 702—3.
 Kresnik, кресови, крѣсь, крѣсины в 712.
 Кресницы в 334.
 Крещеніе кукушекъ в 226—9.
 Криницы а 219—220, в 128.
 Кроноши а 529.
 Кроль (Кракъ) и 529.
 Кроносъ 436—7.
 Кроснята а 81, 734.
 Кругъ в 517—8.
 Крупеничка а 493—4.
 Куга в 82, 108 112—3.
 Будесники в 423—5.
 Кузьма св. 560—2, 584.
 Кукушка в 225—6, 294, 686—9.
 Купало 212, 744, а 376—7, в 470—1, 710—724, 728.
 Купальница в 721—3.
 Курентъ 334, а 649—650.
 Куроглашенный в 607.
 Курячій богъ в 800.
 Кутья в 743—4, 751.
 Къртъ в 760.
 Лада 227—9, 439, 483, а 127, 143, 400, 409—410, 414—5, 438, в 690, 721—4
 Ладо (Ладъ) 228.
 Ладонка в 433.
 Лазавики а 774—5.
 Ламія (ламя) 299, 545, а 354, 582, 593, 763, в 588.
 Лары а 28, 77—80.
 Ласточка 454—5, 669, в 685—6, 728.
 Лаумы 359—360, 648, а 562, 781—3, в 110, 307—8, 331—3, 468.
 Лѣзакъ в 346, 349.
 Лебединая пѣсня в 191.
 Лебединыя дѣвы а 204—5, 217—8, 314—5, 568, 765, в 160, 162, 186—193.
 Леда 536.
 Лѣля и 488.
 Лемлянскійяень и 714.
 Летавица в 209.
 Лизунъ 728.
 Лихо а 698—700, 396, 404, 591.
 Лихоплеси (lichoplezi) в 342.
 Лихорадки в 81—96.
 Локи 756—7, а 5, 154—5, 310, 319, 431, 453—4, 661, 688—9, 743—4, в 2, 7—8.
 Лоскоталка в 125.
 Лоухи 293—5, 569.

Лунавий в 4.

Лука (растение) а 569—571.

Луна 66, 72—84, 111, 163, 189—193, 385, 417—8, 426, 641—2, 775, а 41, 130, 400, 581, в 249—252, 272—5, 488, 754—7, 776, 780—1, 796—7; = око 102, 153, 157—160; = окно 161—2; = светильникъ 176—7; = сосудъ а 287; = золотое сокровище 198; = драгоценный камень 214—5; = запонка 63, 215; = колесо 213, в 781; = лысая голова 116; = лякъ 218; = кругъ сыра в 488; = краюха (хлѣба) 190; = гвоздь 611; молодой мѣсяцъ = серпъ и мечъ 244, 437; = рога 199, 660; = ладья а 130—1; = конь и олень 597—8, 608; = быкъ, корова, баранъ, козель 660, 666; = шестыръ стадъ 691—3; лунный свѣтъ = молоко а 287—8.

Лутона а 480.

Лучи солнечные = золотые волосы и зрѣлые колосья 138, 220—1, 230, 288; = нити 221—3; = возжи 594; = спицы колеса 220; = стрѣлы и копьа 245—6; = вѣнецъ, нимбъ 218—220; = руки 71, 199, 221; = ноги 788; = кровь 749

Лыбедь а 218.

Лысая гора 116, в 469—472, 478—9.

Лысый бѣсъ 116.

Лыля сторона 185—7.

Лыса (повлоение нмъ) а 320—5; лыса мѣдные, серебряные и золотые а 283—5, 294.

Лысиня а 776.

Лѣсуныя (лѣшачихи) а 343—9, в 120, 146.

Лѣтницы (Letnice) 664.

Лѣто в 661, 676—681, 691—4.

Лѣчебные обряды см. болѣзни и наузы.

Лѣшіе 140, 711, 715, а 235, 243, 325—349, 718, 722, в 78, 309—313, 803.

Любуша (княжна) 559, а 197, в 371, 441

Люди 301, а 733, 762.

Лягушка в 450—1.

Ляльничъ, в 679.

Ляля в 679—681.

Мавки в 124, 145, 149, 228, 241—2, 263, 367, 567.

Мавга (māvga) в 284.

Maibauin в 709.

Maibant в 709.

Maikönig и maikönigin в 708—9.

Майя в 710.

Малл Медвѣдича 609, 763.

Мальчикъ съ пальчикъ а 297, 738—9.

Мандрагора а 396, 412, 421, в 803.

Manes в 806.

Маву (Маннъ) а 476, 486, 637, 647—8.

Марана (Морена, Морана, Магзла, Мара) 101, 300, в 35—36, 49, 205, 692—6, 703—4.

Марена (купальское дерево) в 720—3.

Марко-королевичъ а 668, 680, в 162—172, 176, 184.

Марсъ 260, 270.

Мартолой в 605.

Маруты 321, 372, 629, 654, 771,
 в 230—2, 280.
 Марухи см. мары.
 Мары (моры) и 81, 100—3, 113,
 432, 721, в 35, 79, 136—7,
 218, 232, 235, 305, 309, 446,
 567—8, 803.
 Масленница 556, в 696—8.
 Медвѣдо (Меѣедовиѣ) 389—
 390, а 776—780.
 Медвѣдь 386—391, 464—5.
 Медуза 172.
 Мерекъ в 35.
 Мертвая вода а 420, 551—3.
 Мертвецы 42—43, в 37—38, 800;
 см. упыри.
 Метаніе, Метаньсеицеъ в 383,
 608.
 Метницы в 344—5.
 Метеоръ—звѣзды а 510—1.
 Мечъ-самосѣкъ, мечъ-кладенець
 275.
 Мизинчикъ а 738.
 Микула Селяниновичъ 559, а
 679—682.
 Милошь в 166—7.
 Мимиръ 374—5, 403.
 Михаилъ-архангелъ 576—7, 585
 762, а 7, 407, 418, 462—4,
 593, в 55—57.
 Midhgardhsormr см. Iðginn-
 gandr.
 Mjöllnir 253, в 782.
 Млечный путь 291, 595, а 288,
 в 282—5;—мостъ в 814.
 Можжевальникъ а 389.
 Мойры в 345—351, 367.
 Мокошь а 266—7.
 Молникъ (Молніиникъ) в 606.
 Молнія—огненныхъ искры, свѣчи
 179, 205—6, 254—6, в 499,

—огниво в 496—7;—пошигаю-
 щіе глаза 170—4; кошачьи и
 рысьи глаза 647;—волоса, ни-
 ги 231, 312, 327, а 769—771;
 —возжи, узды 740;—рука 199,
 а 701;—палець 259, а 701, 735—
 7, 747;—хромая нога 621, а
 665, 686, в 2—6;—фаллясъ
 137, 435—8, 447;—буравъ
 395—6;—веретено в 495—6;
 мотовило а 519;—зубъ 156,
 324, 728, 734, 772;—зубъ мы-
 шинный, крысій, бѣличій, вол-
 чій 396, 771—8, в 505;—зубъ
 и щетина кабина 771, 783—6;
 —зубъ дракона 276, 559, 656;
 —рогъ 679—680, а 347;—
 языкъ 286, 728—9;—шипы в
 541, 544;—стрѣла, копье 245,
 250—1, 265—6;—молоть, то-
 поръ, камень 247—256, 264,
 268, 275—6, а 297—8, в 444,
 494—8, 782—3, 790, 804;—
 золотая и серебряная пуля
 278;—шаръ, клубокъ, золотое
 яблоко или яйцо 533—9, а
 154, 309, в 789, 755—6;—
 мечъ 216—7, 260—1, 366, 439;
 —искры отъ удара мечей 269;
 —ножь 261, 289, 330, в 494—
 6;—дубинка, палица 248, 256—
 8, 314, в 783;—сухое дерево,
 сушь 258—260;—головешка,
 котерга 329, в 457—8, 496;
 —осиновый и терновый коль
 а 306—8, в 475—581;—тирсь
 373;—стразубецъ а 393;—моло-
 тильный цѣпъ 288—9, 296,
 314;—пестъ 291, в 783;—шир-
 ка-саморойка а 298;—золотой
 ремень, бичъ, плеть 282—4,

в 555—6; =пруть, вѣтка, вѣ-
 никъ а 388—395, 422—3, 566,
 в 444, 457—8, 491—3, 498,
 555—6; =верба 706—7; трав-
 ва и огненный или золотой
 цвѣтокъ 375, 744, а 370, 375—
 388, 395—9, 409—422, 492,
 в 804; =роза, піонъ, а 387—8;
 =разрывъ-трава 496, а 397—
 9, 546; =омела а 431—4; =
 игла 786—7; =птичій клювъ,
 коготь и перо 123, 501, 504,
 а 386—7, 394—5; =ключъ 355,
 388, 421—2, а 401—412; =
 пчела 373, 381—4, 403; =червь
 а 718—9; =змѣя 357, 374, 395,
 400—1, 740—1, 786, а 510—
 512, 528, 547, 561, 707, в
 462—4; =змѣй smok а 435—6;
 =змѣинос жало а 526—8; =
 змѣяный языкъ а 275, 520—2;
 =змѣяный рогъ а 544—5,
 555—6; =змѣяная трава а
 566—9; =птица (орелъ, соколъ,
 воронъ, дятль, аистъ, пѣтухъ
 и др.) 372, 396, 489—502,
 510—532, 540—1, 590, а 280,
 286, 295; =заяць, бѣлка, кроль,
 мышь, крыса 641—5, а 280, 318;
 =звонъ 281, 611—3, 618, в 792;
 =лошадинай и коровій пометь
 636, 672—3; =дьявольскій по-
 метъ 264; =кость-невидимка
 650; =зерно, горохъ а 757—9;
 =дѣтя, карликъ а 717—720,
 738—745; =мальчикъ-съ палъ;
 чикъ 549—550, 626, 740, а
 738.
 Морная корова в 115.
 Моровая дѣва в 109—110, 369.
 Моровая язва 565—8, в 522—4;
 см. Моровая дѣвр.

Морозъ 109, 312—8, 318; =гуз-
 нецъ 584—5; Морозъ-Трескукъ
 (Пердунъ) 318—9, а 703—4,
 708, 755.

Морская пани (morska děvica)
 а 124—9, в 155.

Морская Пучина а 145—6.

Морской Царь 91, 292, 624, 785,
 а 167, 202, 211—9, 290—1,
 594.

Моряны а 239, 246—8, в 122;
 см. морская пани.

Мраченка в 120.

Мужичокъ-съ ногоготъ, борода
 съ локотокъ а 774, 779—780.

Музы 328, 402—3.

Музыка 339—344.

Мигонъ в 562.

Muspellsheimr а 637—8, в 27.

Мысленникъ в 607.

Мышь в 505—6.

Мѣсяцы 178—9, 586, в 266—
 270, 663—670, 682—3.

Nav в 263.

Навать в 814.

Навы (навъ, навье) 578, в 80,
 235—6, 278—9, 309.

Навскій великъ день в 278,
 290—1.

Навякъ в 240.

Напирокъ забвенія а 420, 436.

Nagaka в 16.

Нарѣчница в 343.

Natio в 319.

Наузы а 563—5, в 429—439,
 514—8, 552—5, 816.

Nachivolk в 244—5.

Небо 62—64, 126—9, 417; =рмза
 Господня 63; =покровъ а 760
 —1, в 790; =гора (стекля-
 ная, лыся) 119—126, а 133

- 4, 356, в 270, 469—472;= куполь (сводъ), теремъ, хрмиъ 79, 114—5, 160—2;=черепъ 115;=воздушный океанъ а 120—6, 130—1, 166—7;=островъ а 131—6;=мостъ 692;=поле 691—2;=гумно в 469.
- Недоля в 396, 403—4.
- Недвѣлка 241—2, 360, а 615—6, в 131, 530.
- Нежить (нежить) в 96—98.
- Нектаръ 367, 373, 393—5.
- Немушти језик а 573.
- Неразмѣнный червонецъ 197.
- Несмѣяна-царевна 602.
- Несреѣа в 411.
- Неумойка а 372, 773—4.
- Нечистая сила 91—92, 99—102, 108—112, 208, 261—8, 299, 309, 328—340, 379—381, 471—3, 478, 481, 523, 529, 533, 624, 715, 718, 743, 749, 751, 754, 778, 789, а 215—6, 236, 327—8, 365, 373—6, 380—2, 418, 428, 430, 581—4, 659—665, 668, 726, 736, в гл. XXII, 445—8, 460, 471—482, 486; см. сатана и черти.
- Николай св. 475—6, 576, 698, а 214—5, 293, 408, в 373—4.
- Никсы а 203—5, 731—2, в 147, 188, 305, 354.
- Нимы 327—9, в 120.
- Нички (Ночки) в 137.
- Ній (Нія) в 814.
- Nifheimr 732, а 538, 637, в 17—19, 26.
- Nirrti в 16, 282.
- Новый годъ а 390—1, в 732—3, 744, 749.
- Ногай-птица 505, в 787.
- Нокоть а 775.
- Норны 374, а 279, в 349—357, 360, 365—6, 420.
- Nörschen в 95.
- Ночь 102—6, 180, а 638, 643—4;= сляпота 168;= покровъ 544;=шапка-невидимка 544;= птица 526, 544;=конь 596—8;=корова 659—660;=овца 683;=волкъ 735—6, в 795.
- Нўжа в 403.
- Обжинки см. дожинки.
- Обида в 191, 367.
- Облако см. туча.
- Облакопрогонники в 442.
- Облачныя дѣвы 703, а 581, 587, 709, в гл. XXIII.
- Оборотни 792—6, а 332—3, 621—5, в 302, 485—7, 525—556, 562.
- Объѣдало а 703, 707—8.
- Овсень в 747—9.
- Овиць в 770—1.
- Огненная рѣка в 22—25.
- Огнищанинь а 25, 51.
- Огонь 65, 166, 193—4, 204—6, а 1—51, 66, в 796—8;=золото и серебро 200—2, в 781;=глазь 194;=зубъ 771, в 796;=языкъ 728; птица, преимущественно пѣтухъ 502, 513, 522—3;=заяць 641;=лиса в 793;=быкъ 661;=конь в 792;=златоцѣтничная свинка 771;=змѣй а 520; трескъ огня= хохоть а 338; добывавіе огня тревіемъ=соніе а 470; горячіе уголья=золотыя яйца 533.
- Одерень 149.
- Одинъ 153—4, 215—6, 268—9,

- 374—5, 392—403, 424, 493, 496—7, 575, 596, 630, 698—9, 724—9, 739, 746—7, 783—5, а 122—3, 140, 202—3, 345, 427, 441—5, 448, 473, 707, в 247, 279—285, 301, 364—5, 377—9, 773—4, 785.
- Ододень-трава а 415—7.
- Озеро, источникъ—глазъ 663, в 794.
- Океанъ а 201, 215.
- Окрутники 300, 336, 717—9, в 526, 750.
- Олеги 786, а 579.
- Олимпъ 121.
- Омела а 431—4.
- Опахиванье 300, 565—574, в 790—1.
- Ошивало а 703, 706—8.
- Орисицы в 183, 343—4.
- Орионъ (созвѣздіе) 288, 563, 610.
- Ормуздъ а 465.
- Орфей 323.
- Орѣхъ а 310—1, 318—320, 388, 392—3.
- Осень 608, в 662, 676—681.
- Осина а 305—8, в 802—3.
- Остара в 700.
- Острова ближнныя, макаріійскіе 575, а 134—6, 140.
- Острологъ, Острономія в 605.
- Отреченныя книги в 605—610.
- Оверушъ 722—3, а 741.
- Очагъ а 23—48, 61—62, 66; см. домовоѣ.
- Палякопъ 479—481.
- Palcik а 738, 741—2, 756, 761, 767.
- Павъ 695.
- Папоротникъ а 375—389, 759, в 804.
- Parjopua 136, 248, 264, 312, 655, а 169.
- Парки в 114, 345—8.
- Рагом см. Перунъ.
- Парстунки а 738, 774, в 806.
- Пасха см. Святая недѣля.
- Паукъ в 132—5.
- Пегасъ 621.
- Педячовъкъ-лакѣтъбрада (pedenjelovec-laketbrada) а 774.
- Пекло а 583, 733, в 16, 20—22.
- Пенаты а 28, 77—78.
- Пешелюга а 177, 484.
- Пеперуга (преперуги) а 176—7.
- Перата (Перхта) см. Берга.
- Передрестокъ 37, в 799.
- Перелеть-трава а 385—7, 393.
- Perkuna tete (Perkuniija) 484, а 126.
- Перкунъ 75, 190, 197, 248—9, 256, 359, 432, 493, а 6—7, 46, 206, 299—300, 355, 502, в 782.
- Перуновъ цвѣтъ а 376.
- Перунъ 90—91, 110—2, 128—136, 171, 179, 189, 247—251, 257, 272—6, 291, 303, 351, 364—5, 432—9, 469—483, 506, 559, 579, 589, 628, 662, 655, 676—9, 695, 701—3, 707, 737, 771, а 46, 143, 167, 174, 225, 298—9, 354—8, 401, 405—411, 439, 464, 467, 488, 534, 559, 621, 769, 781—3, в 739, 783, 789, 801.
- Песоголовцы 721, 724, а 655.
- Pesta в 113.
- Петръ-апостолю 639—640, а 146—7, 255, 403—4, 411—2, 460, 464, в 725, 756—8, 760, 789.
- Пигмен а 738.
- Pikuljk а 733, в 20—21.

- Pirchunis 130.
 Pitris b 18—19, 230—2.
 Плавца b 814.
 Плакучь-травя а 413—5.
 Plevnik (plivnik) а 555, 651.
 Пляды 221—2, 288, 533, а 404, 761.
 Plop см. plevnik.
 Плутонъ b 2.
 Пляски 339—345.
 Повороты солнца b 710, 717—
 9, 724, 729—731.
 Погода 320, b 783—4.
 Погребальные обряды 121, 182,
 577—581, а 22, 325, b 281—
 3, 791, 799, 813—4.
 Подводные города и храмы а
 629—631.
 Поддонной царь см. Морской
 Царь.
 Подишнышъ b 305—313.
 Подовинникъ а 69.
 Покатигорошекъ а 491—2, 757,
 761—3.
 Rokole b 20.
 Поле см. судебные поединки.
 Полевикъ b 771.
 Полисунъ 711, b 529.
 Полисемъ а 696—7.
 Полканъ 625.
 Половайники а 454.
 Положайникъ (полозникъ) b 734,
 749.
 Полевики а 651.
 Полудницы 329, b 76—77, 136
 —9, 311.
 Полуночка а 779.
 Полуночницы b 77.
 Полуночники b 248.
 Полярная звезда 609.
 Помники усопшихъ 378, b 288
 —292
- Pomlázka b 491—2.
 Понедѣльникъ b 252.
 Popeluška см. пепелюга.
 Popelvar см. Попяловъ.
 Попяловъ а 483—4, 586.
 Поревить а 524.
 Порогъ дома а 113—5, b 799.
 Пореда b 231, 811—2.
 Посейдожь а 167, 201.
 Посолонъ 181.
 Пострига b 420.
 Потокъ-богатырь а 218, 567—9.
 Потопъ 362, а 165, 477, 644—
 650.
 Похвистъ (Посвистъ) 320, b 783
 —4.
 Повзій—даръ боговъ 393—7, 401
 —4, 413.
 Прабогъ 133, b 778.
 Правая сторона 185—7.
 Праздники b 683—774.
 Пражникась а 474, 645—6, b
 386.
 Превращенія см. оборотня.
 Премысль 559, 634, 676.
 Прибоги 133.
 Призоръ и прикосъ см. сглазъ.
 Прихваты 27.
 Пританы а 27.
 Priscolitsch b 562.
 Pripoľnica b 138.
 Прия 137—8, 227—8.
 Проводы русалокъ b 150—1.
 Проклятіе 427—431, b 201.
 Проклятые b 314—7.
 Прометей 212, 756—7, а 5, 7,
 454, 471.
 Прове 301.
 Простраль-травя 267, а 418.
 Процессы о колдунахъ и вѣдь-
 махъ b 596, 610—658.

- Прнац, приоруше а 175—8.
 Псижея в 217.
 Птаникъ в 607.
 Путникъ в 607.
 Пчела 385, в 785.
 Pszeniczna matka в 772.
 Пыжики а 784.
 Пытухъ 42, 299, 467—8, 518—525, а 106—7, 117—8, 295, в 465, 788—9, 802.
 Пурпурова а 177.
 Пятница св. (Пятника) 231—242, а 219—220, в 131.
 Радиг(а)сть 270—2, 712, а 2—4.
 Радо(у)ница а 3, в 796—7.
 Радуга а 646, 653;=лукъ, дуга, арка 349—353, в 784;=серпъ 352;=кольцо 358, 363;=поясъ, головная повязка 358—363;=мостъ, дорога въ небесное царство 361—3, 732, в 282—6;=престолъ 363, в 785;=труба, нососъ 354—5;=кормысло 356, в 784—5; воздушная розга 352;=змея 356—8.
 Разинъ Стенька а 451—4.
 Разрывъ-трава 496, а 397—9, 410, 546.
 Разумникъ в 607.
 Рай 181—3, а 133—142, 150, 294, 312, 401—5, 440, 445, в 231, 253—281, 287, 741—2, 752, 757, 800, 811—3.
 Райскія птицы а 135.
 Ракшасы а 695.
 Расковникъ а 397.
 Растенія=волосаземли 138—141, 147, 226, в 778.
 Раели в 605—6.
 Рахманы а 141, в 278.
 Рябу (ribbus) 280, 323, в 230—2.
 Roggeumann (Kornmann) в 772—3.
 Roggenmuhme (Kornmutter) в 139, 307, 592—3, 772—3.
 Rodowestec (rodowestnik) в 326.
 Родословіе в 322.
 Родословное древо а 479.
 Родство (родъ) в 231, 811—2.
 Родъ в 319—320, 368, 386—9, 416—9.
 Рожа(е)ницы в 318—328, 333—340, 368, 388—9, 416—420.
 Рожденникъ в 322, 368.
 Рождество (роженіе) см. родословіе.
 Розгомечедъ в 383, 608.
 Роса 168—9, 604, а 279—280;=слезы 167—8, 599—603, а 499, в 791—3;=медъ, живая вода 374, а 277, 281;=молоко в 490—5;=пѣна съ удилъ солнечнаго коня 596—8;=алмазы, жемчугъ 601—3, а 293—4.
 Рота 431.
 Рудра 768, а 768.
 Руевитъ 270—1, 443, а 524.
 Руны 411, 424.
 Русалки 140—1, 578, а 217, 239, 244—8, 331, 339—340, 506, 718, 733, 773, в 76, 78, 122—8, 139—152, 164, 181, 188, 197, 218, 228, 240—4, 250, 281, 309—310, 486.
 Русальи в 141—4.
 Русальная недѣля в 141, 290.
 Русальнѣй (русальчнѣй) великъ день в 141, 278.
 Рыгъ (Ерьгъ) а 266.
 Рани а 169—170, 201—3, 213—234;=кони 622—4.

- Рябина а 377, 388—9, 392, в 803.
 Рябиновыя ночи а 377.
 Ряженье см. окрутники.
- Сага 402—3.
 Садко а 211—5, 229.
 Самовилы в 104, 182—6.
 Самодивы в 104, 182—8, 240.
 Сампо 293—4, 325.
 Сарайникъ а 72.
 Сатана (Сатананъ) 311, 457, 585, 757—8, а 458—464, 476—8, 604—5.
 Сатиры а 238, 326, 348.
 Сварогъ 64—65, 129—134.
 Сварожичъ 65, 91, 131, 193, 270—1, 771, а 2.
 Свинья=плугъ в 790.
 Světlonosi в 6.
 Свѣтзоръ а 779.
 Свѣтъ=влага, жидкость а 287—8.
 Святая недѣля (Свѣтло-Христово Воскресенье) в 698—703.
 Святонить (Свѣтовить) 95, 133—5, 270—1, 377—8, 523, 631—2, 684, а 170, в 745, 774.
 Святогоръ 303, 582—3, а 631—2, 668—674, 679—680, 741.
 Святополкъ а 451.
 Сглазь 172—5.
 Saeide в 411—3.
 Селена 74, 596—7, 660.
 Семикъ в 144, 291, 704—5, 708.
 Семилатокъ а 151—2, 155.
 Серебро 200—3.
 Сива 137—8, 230—1, 234.
 Сила царевичъ 588—9, а 607—8.
 Сильомъ в 258.
 Ситивратъ в 8, 761.
 Skalimej 295—6.
 Скороходы 300, 338—9, 342—8, в 784.
 Скороходъ а 703—4, 709.
 Secret (šcrjtek, schrat) а 332—3.
 Skuld в 349, 352, 356.
 Слуга-невидимка а 783—4.
 Слѣдъ 37—41, в 776.
 Smela в 20.
 Смертная недѣля в 695.
 Smernica (Smrtna žena) в 108.
 Sm(e)rtopoška в 35, 787.
 Смерть 564—8, а 365, в 33—68, 103—9, 112, 201—5, 244, 272—4, 335—9, 363, 586, 807, 815;=птица 528—9;=корова 660;см. Морова дѣва, моровая язва, Корова Смерть.
 Смерчь а 514.
 Смокъ а 70—71, 333, 435, 539—541, 559—562, 633—5.
 Сновидецъ (Сносудецъ) в 607.
 Снѣгурка (Снѣжевиночка) а 497—8, 639—641.
 Снѣгъ 240, 318, а 660;=покровъ, саванъ 239;=мука 290;=пухъ, перья 500, в 787.
 Сobotка в 712.
 Созданіе міра и человѣка а 458—488.
 Солнце 65—83, 106—112, 180—9, 193, 235, 312—3, 415, 599, 615, 744, а 40—41, 122—130, 134, 137, 376, 435, 486—7, 604—5, в 389—390, 413—4, 730—2, 753—7, 776, 791—2, 796—7;=огонь в 780;=око 102—3, 151—163, 166, 175, 213, 236, 374, в 779—780, 785;=небесный стражъ а 400;=окно 161—2;=зеркало 160;=свѣтильникъ 87—88, 176—9;

- чаша, блюдо 198, а 288, в 781; —колесо 207—213, в 739; —колады 178, 205—7, 213—4, 776—7, а 368, 715, в 740, 781; —щитъ 163, 215—7, в 781; —шаръ 207—213; —ликъ божій 178, 218; —золото, червонецъ 194—8, а 361—2, 367—373; —драгоценный камень 214—5, а 142, 541—4, 548, в 800—1; —вѣнецъ, корона 218—9, а 541—4, в 781; —царь 96, 218—9; —прилка 222—3, 226; —дѣва, невѣста 237, а 710, 714—6; —Несмыяна-царевна 601—2; —птица 515—520, 542, в 756, 759; —яйцо 529—536; —корова 658—660; —олень 638—640; —пастырь стадъ 691; —жолчь 216—8; —жолудь, а 715; солнцевы кони и колесница 103, 592—8, 604—8, 612, дворець, престолъ и ложе 163, 198—9. Солнцева мать 177, 180, а 40—41, 124—6, 129, в 390. Солнцево царство а 135—8. Солнцевы дѣвы или сестры 82—86, 111, в 272—4. Солнцевы источники а 288—9. Солнышко (божья коровка) в 295—8. Соковок-разбойникъ 302, 306—9, 514. Сома 371—2, 393. Сѣнное (или окаменѣнное) царство а 422—435. Сѣнное воинство а 441—457. Сѣтъ в 36—42, 54. Сѣтъ-травы а 419—422, 433. Сорочка а 604—6. Соска-богатый а 707, 777.
- Šotek в 789. Sránek а 433. Спрыгъ (прыгунъ, скакунъ)-травы а 397. Среда 242—3. Среѣна в 409—411. Ssergyschuja в 138, 592. Стожары 611. Страна вѣчной юности (страна безсмертія) а 314, в 258, 271—3. Стратимъ (Страониль)-птица 505, 520. Страшило (strašidla, strashnik, pristrachy) а 99. Стрибогъ 91, 320. Стрига и strigoi в 535. Стрѣла—птица 490—1. Стрѣлокъ а 703—4, 709. Стрѣлы (болъзны) в 70, 75. Студенець 318, а 703. Судебные поединки а 270—6, в 802. Судцы, судичи в 334, 339, 371, 420. Судьба 161, 411, 428, а 233—4, 422—4, 572, 632, в 338, 346, 368—392, 410, 414, 815. Сужевцы см. судичи. Суртуръ 759—760, а 447, в 27. Сусѣдко а 78.
- Šushna 208, а 513. Счастіе в 376, 393—4. Счастливая сорочка в 359—361. Счастливыцы в 415—6. Сѣверное сїяніе а 652. Сѣверъ 188, в 25—28.
- Tabiti а 24, 28—29. Табуникъ а 72. Талака в 767—8.

Таласанъ а 84.

Таватосъ в 54.

Тартаръ а 514, в 19—20, 28.

Татошь (конь) 619—620.

Тельпушокъ см. Лугоня.

Тирличъ в 458, 461.

Титаны 436—7, а 677—8, 687.

Тисонъ а 514—5.

Товаряча Смерть в 115.

Топоръ-саморубъ 274, 277.

Торъ 248, 252—5, 375, 387, 434, 465, 630, 647, 685, 759, а 354, 357, 670, 677, 681—694, 702, 740—5, 768, в 93, 379.

Требича а 268—9.

Трепетникъ в 607.

Триглавъ а 524, 643.

Троицкій праздникъ в 704—9.

Троянъ а 641—4, 723.

Тугаринъ Змѣевичъ а 519, 523—6, 555.

Туманъ=покровъ, ткань, пряжа 545;=потъ а 476—7, 639;=сопли а 372;=свинья 768.

Турица в 163.

Турцы (Турь) 664.

Турсы а 695.

Туръ 662—3, в 750.

Туча=кудель, пряжа, ткань а 517, в 128—136, 154, 276, 354—5, 467—8, 492—3;=пряжа, руно а 73—74, 102—5;=руно, шерсть, шкура, одѣяніе 201, 680—1, 687—690, 711—2, 793, в 794;=волоса, брови, рѣсницы, усы, борода 115—7, 167, 170—1, а 768—773, в 154;=одежда, покровъ, плащъ, фата 221, 237, 313, 542—6, а 723—4, в 460;=пламенная рубаш-

ка 179;=щитъ 681—2;=шапка-невидимка 547—8, 743;=повязка на глаза 170—1;=свѣлота 168;=саванъ в 564;=перчатка 648;=коверь-самолетъ (летучій плащъ) 313, 547;=скатерть-самобранка 314, 547, 550—1;=рогъ изобилія 674, 684, а 170;=сапоги-скороходы 540;=парусъ 289, 605;=корабль, ладья 277, 325—6, 552—6, 578;=коробъ 582;=гробъ 179, 574—583, 588;=плугъ 555—565, 569—573;=сито, свѣлка 570—2, в 791;=мельничный снарядъ, жорновъ, ступа 289—297;=мѣшокъ, сумка 197, 277, 282, 291, 299, 311—4, 355;=радужательный мѣхъ 280, 311—2, в 444—5;=кузница 279—282, 296—7;=источникъ (колодець, рѣка, море) 357, 376, а 120—1, 126—7, 134, 145, 171—2, 291, 394, в 444, 489, 589;=огненный, кипячій потокъ 367, 576—7, в 22—25;=дьявольскіе омуты 379;=сосудъ, котелъ, ведро, бочка, застольный кубокъ (рогъ) 277, 377—8, 581—2, 587—9, 623, а 169—170, 291, 369, 692—4, 702, в 443, 449—455, 459;=гора, скала, камень, пещера, подземелье 171, 179, 254—5, 275, 280, 291, 323, 395, 619—620, а 143—6, 350—7, 394, 440—2, 464, 528—530, 585—6, 655—8, 666—670;=подземное царство а 356;=пещера, погребъ, могильный холмъ а

361—374, 382;=темица а 439;
 =городъ, замокъ, дворець 171,
 277, 323—4, а 436—441, 530
 —2, 585—6, 659—665;=язба
 на курьихъ ножкахъ а 531;
 =очагъ, печь в 457;=дерево
 323—6, 371, 620, а 277—286,
 292—320, в 494—6;=рыба 325
 —6, 421—2, а 151—166;=пти-
 ца 294—5, 491—532, 539—
 542;=пернатая сорочка 540,
 545;=конь, кобылица 314, 324,
 381—4, 598, 605, 611—631,
 786, в 464, 485—496;=колес-
 ница 286, 628—631;=олень
 637—640, в 464, 793;=быкъ,
 короа 276, 372, 375, 382—4,
 389, 559, 561, 653—8, 660—8,
 672—9, 707, 712—7, в 485—
 496;=коровій хлввъ а 351,
 532;=козель, баранъ, овца
 314, 481, 586, 682—9, 714—7,
 761, в 757, 794;=свиныя 561,
 768—771, 778, 782—3, 786,
 790—2, в 462—3;=лися 643—
 6;=рысь, кошка 266, 647—
 651, в 462—3, 793;=собака
 266, 728—9, *732—4;=волкъ
 171, 709—711, 736—743, 746,
 755—767, в 462—3;=медвѣдь
 793, в 462—3;=звѣй 357, а
 511—528;=ялубъ (шаръ), го-
 лова 276, а 156—7;=мозгъ
 115, 118—9;=кисель а 134—
 —5; грудь, вымя 359, 655,
 671, а 343, в 117—9;=дѣва и
 жена 327—330, 395, 400, 435,
 а 217, 224, в 119—121;=не-
 чистая сила 108—9, 309;=ве-
 ликаны (см. подъ этимъ сло-
 вомъ); полеть облаковъ и тучъ
 =пляска 323, 328, 332—6.

Тѣло=одежда души в 196, 359
 —363, 547—8, 553—4, 810.

Тѣни усопшихъ в 212—4.

Углы дома 39, а 111—3.

Ужь а 305—6, 633—4.

Узольникъ (ивузникъ) в 432.

Укко 254—6, 260, 351, 375, а
 202, 489.

Ундины а 203—5, в 148.

Упиръ, упирца (упирѣа, упи-
 рина) см. упыря.

Упыри а 306—7, 408, 498, в
 38, 138—9, 471, 557—587.

Уранъ 128, 436—7.

Urdharbrunnen 374, а 279, в
 255.

Urdhr в 349, 356—7.

Урисницы см. орисницы.

Усови (болванъ) в 101—2.

Усуд в 410.

Усыня а 776—9.

Утгардъ а 743.

Фараоны а 248.

Fatum в 347.

Фаэниръ 548, а 521, 537, 566,
 573.

Фавтонъ 219, 595, в 796.

Фен а 728, в 193, 347—8, 369,
 421.

Фениксъ 514—5.

Фенриръ 755—760, в 796.

Фильги в 361—2.

Фрейръ 269, 438—9, 554, 662,
 778—9.

Фрея 141, 226—7, 230, 269, 439,
 540, 555, 603, 647, 729—730,
 778, а 661—2, 688—690, в
 129, 366.

Фригга 226—9, а 355.

Fornioir а 2, 660.

- Хаосъ а 638, в 806.
 Хлѣбъ в 761—3.
 Хлѣвникъ а 72.
 Ховала 550.
 Колера в 114.
 Хороводъ 337.
 Хорсъ 128, 250, в 538.
 Храмы а 264—270.
 Христофоръ св. 721—4, а 653,
 667, 741, 770.
 Хромой бѣсъ в 6.
- Царь Горохъ см. горохъ.
 Царь Градъ см. градъ.
 Царь-дѣвица 228, а 124—8, 314
 —5.
 Царь-звѣй а 541—550, 559, 572.
 Царь Огненный Щитъ 215—7,
 630.
 Царьки лѣсовые, съ золотыми
 рожками, а 332, 335.
 Цверги а 721—6, 730—2, 743,
 760, 772.
 Церберъ 732, в 282.
 Цеца в 679—681.
 Циклопическія постройки а 659.
 Циклопы 155, 280, а 454, 696
 —701.
 Цмокъ см. смокъ.
 Crgojevič Ivan а 451.
- Чара 411—2.
 Чаровникъ, чародѣй в 423, 608.
 Червоныи Святѣи в 701.
 Черная книга в 609.
 Чернобогъ 92—93, в 777.
 Чернобыль а 574—5.
 Черный день в 325.
 Черти 435, 585, а 682—3, 686,
 747—756, 781—3, в 313—7,
 795—6;=кузнецы 296—301;
 =мельники 295;=волги 609,
 735, 740—2, 763;=псы 733,
 763—4;=свиньи 768, 781—2;
 воронъ в 789.
 Чертовки в 14.
 Чертополохъ а 415—6, в 804.
 Чесница в 735, 745.
 Чеснокъ а 569—571.
 Четвергъ 248, 263; чистый чет-
 вергъ в 699.
 Чороје в 163.
 Чортова бабка (мать, жена) в
 14—15.
 Чортова свадьба 330, 435.
 Чохъ а 338.
 Чудо, Чудо-Юдо а 215, 290—1,
 581, 618.
 Чума в 103—116.
 Чуръ а 89—94, в 798—9.
 Чуткой а 703—4, 710—4.
- Шестодневъ в 605.
 Широкий а 710—3.
 Шиншюра см. киниморы.
 Щедринки см. колядки.
 Щедрый вечеръ в 744—5.
 Щука а 151—161.
 Щадъ а 618.
- Эгиръ а 202, 537.
 Эльем а 217—8, 242, 331, 346
 —7, 420, 630, 720—733, 772,
 в 71—82, 132—5, 232—5, 250,
 258—260, 281, 287, 305—8,
 459, 476—8, 495.
 Эодъ 312, а 357.
 Эосъ 163, 199, 594.
 Эросъ 461.
 Эхидна а 515.
 Эхо=откликъ лѣшаго а 339.
 Эд а 136.

- Югъ 183.
 Юды в 182, 185, 809.
 Юнона 137.
 Юпитеръ 128, 248, 670, а 300.
 Юрата а 205—6, в 123.
 Юрий св. 699—711, 763, а 175,
 254—5, 402—3, 517—9, 535,
 591—3, 633, 676—7, в 794.
 Юрьевъ день в 491—2.

 Яблоко-золотое, молодильное 125,
 а 308—317, 370; наводящее
 сонъ а 420, 433.
 Яворъ а 306.
 Яга-баба (jędza, jędza, jenzi,
 enzi, jezi-baba) 217, 291, 333,
 363, 384, 560, 573, 597, 622,
 775, а 531, 595, 780, 783, в
 540—1, 586—595, 816
 Язонъ 276.
 Язы в 588.
 Яйцо 537.
 Яма (Уама) а 141, 471, в 18—
 19, 253, 282—3.
 Январь а 148—9
 Январь а 400—1.
 Ярило 137, 336, 432, 438—446,
 662, в 713, 724—8.
 Яровить 270—1, 443.
 Ясень а 279—283.
 Ясонъ (Хасонъ) 444.
 Федоръ Тиронъ а 592—3.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Читай:
3	3 снизу	I, 685)	(I, 685)
5	2 сверху	вельскихъ	кельскихъ
27	9 снизу	выводить вмѣсто Суртура-	выводить, вмѣсто Суртура,
33	3 сверху	в психъ	пѣсихъ
65	12 —	Селу	Сому
88	9 —	Предтечи	Предтечъ
92	19 —	заговора,	заговора;
140	3 снизу	Беетяславъ	Бретиславъ
156	17 сверху	yilu	vilu
158	2 —	пристаништа	пристаништа,
164	17 —	p rotegu	u rotegu
171	8 снизу	говорила чтобы,	говорила, чтобы
174	1 —	лѣзеленымъ сомъ	зеленымъ лѣсомъ
192	9 сверху	шкуры,	шкуры;
199	2 —	slerogeni	sler ogeni
206	1 —	агонія	агонія,
216	3 снизу	некая	некая
337	8 сверху	тетка	тетка,
345	15 —	умирать	умирать
376	14 —	часть,	часть.
410	3 —	Добыть	добыть
411	12 снизу	ѣвојке	ѣвојке!
442	10 сверху	доенія,	доенія
448	4 снизу	Канцлеръ,	Канцлеръ
457	11 сверху	б)	б)
460	11 снизу	dir hinter die	die hinter dir
504	10 сверху	турдовъ	турдовъ

531	14 —	съ туреннимъ	съ утреннимъ
—	7 снизу	wolfhemd	wolfhemd)
554	4 сверху	преобразить	преобразиться
605	5 —	записывался	записывалась
622	7 —	отозвался	отозвался
642	9 снизу	рубашки	рубашки;
650	4 —	далѣе:	далѣе;
690	5 сверху	медомъ	медомъ,
734	2 —	горячія	горячіе
769	2 —	ими	или
773	9 снизу	но голову	на голову
798	10 —	солью	солью,
799	11 —	sulvas	sulvas

Въ I-мъ томѣ:

146	14 сверху	вина	пива
177	7 —	страны тумановъ	страны, противополож- ной царству тумановъ
412	6 —	XIII в.	X в.
480	14 —	у стрижеде	и стрижеде
671	5 —	стоитъ	стоитъ Слать

Во II-мъ томѣ:

67	5 сверху	гл. XXVIII	т. III, 798.
102	2 снизу	198	298.

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ

НА
ПРИРОДУ.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДАНІЙ
И ВѢРОВАНІЙ, ВЪ СВЯЗИ СЪ МИФЧЕСКИМИ СКАЗАНІЯМИ ДРУГИХЪ
РОДСТВЕННЫХЪ НАРОДОВЪ.

А. АОНАСЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІИ.

Изданіе К. Солдатенкова.

Цѣна 3 руб. сер.

МОСКВА.

1869.

XXIX-я глава („Очеркъ стародавняго быта славянъ, ихъ свадобные и похоронные обряды“), которую по первоначальному плану намѣревались мы заключить настоящее сочиненіе, составить предметъ особой монографіи и будетъ издана въ послѣдствіи—по надлежащей обработкѣ собранныхъ авторомъ матеріаловъ.

Считаемъ не излишнимъ объяснить тѣ сокращенія, какія были допущены нами въ ссылкахъ на различныя сочиненія, сборники и журналы:

- Абев*—Абевега русскихъ славянъ-русь.
- Ак. Ист. (Юрид.)*—Акты историческіе (юридическіе), изд. Археогр. Коммисіей.
- Beiträge zur D. Myth.*—Beiträge zur Deutschen Mythologie von J. Wolf, 1852—7.
- Westsl. Märch.*—Westslawischer Märchenschatz, von J. Wenzig.
- Вольфъ*—Deutsche Hausmärchen, 1851.
- Вѣст. Р. Г. О.*—Вѣстникъ Русскаго Географическ. Общества.
- Галтритцъ*—Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen, 1856.
- Ганушъ*—Bájeslovní kalendár slovanský, 1860.
- Ганъ*—Griechische Märchen.
- Germ. Mythen*—Germanische Mythen, forschungen von W. Mannhardt, 1858.
- Глинск.*—Bajazt polski, zbiór basni, powiesci i gawęd ludowych, opowiedział A. Gliniski, Вильно, 1853.
- Громанно*—Aberglauben und gebräuche aus Böhmen und Mähren, von J. Grohmann, 1864.
- Der heut. Volksglaube*—Der heutige Volksglaube und das alte Heidenthum mit Bezug auf Norddeutschland, besonders die Mark Brandenburg und Mecklenburg, von Schwartz.
- Der Ursprung der Myth.*—Der Ursprung der Mythologie, dargelegt an griechischer und deutscher Sage von Schwartz.
- D. Myth.*—Deutsche Mythologie, von Jacob Grimm, 1844.
- D. Rechtsalt.*—Deutsche Rechtsalterthümer von Jacob Grimm, 1854.
- Дуфенбахъ*—Vergleichendes Wörterbuch der gothischen Sprache, 1851.
- Die Götterwelt*—Die Götterwelt der deutschen und nordischer Völker, von W. Mannhardt.
- Дѣдъ и Баба*—Nástin báječny bytosti Báby a Děda hlavně do starožitnosti česko-slovanských, соч. Гануша, 1864.
- Дѣва*—Его-же: Děva, zlatovlasá bohyně pohanských slowanov.
- Ж. М. Н. П.*—Журналъ министерства народнаго просвѣщенія.
- Записки Авдеев.*—Авдеевой: Записки о старомъ и новомъ бытѣ.
- Зам. о Сибири*—Ея-же: Записки о Сибири.
- Иличъ*—Narodni slavonski običaji sabrani i popisani po Luki Pliču, Загребъ, 1846.
- Каравелъ*—Памятники народнаго быта болгаръ.
- Костом. С. М.*—Костомарова: Славянскія Мифологія, Киевъ, 1847.
- Кулишъ*—Записки о южной Руси.
- Кульда*—Pohadky a pověsti národu moravského.
- Куна*—Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks, von A. Kuhn.
- Курциусъ*—Grundzüge der griechischen Etymologie, 1858.
- Макуш.*—Макушева: Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ.
- Малый*—Národní česke pohádky a pověsti, собр. Malý, 1838.
- Маркевич.*—Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ, Киевъ, 1860.
- Метлин.*—Южнорусскія народныя пѣсни, изд. Метлинскимъ.
- Миладин.*—Болгарскія пѣсни, издад. братьями Миладиновыми.
- Москва.*—Москвитянинъ.
- М. Мюллеръ*—Сравнительная мифологія Макса Мюллера перев. съ англ. П. Жюваго, 1863.
- Н. Р. Ск. (Лев.)*—Аванасьева:

- Народныя русскія сказки (легенды).
- Нар. сл. раз.*—Народные славянскіе рассказы, изд. Боричевскимъ.
- Nar. zrievanku*—сборникъ Коллара.
- Номис.*—Украинскіе приказки, прислівья и таке инше.
- Обл. Сл.*—Опытъ областного великорусскаго словаря, изд. 2-мъ отдѣл. Авад. наукъ.
- (Доп. обл. сл.*—Дополненіе къ Опыту и проч.)
- О. З.*—Отечественныя Записки.
- Он. Румян. муз.*—Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцовскаго музеума, А. Востокова.
- Orient und Occident*—журналъ, изд. Бенфеетъ.
- Памят. XII в.*—Памятники російской словесности XII вѣка.
- Пассекъ*—Очерки Россіи.
- Пикте*—Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs.
- Пов. и пред.*—Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени, Боричевскаго.
- П. С. Р. Л.*—Полное собраніе русскихъ лѣтописей.
- Потебн.*—О нѣкоторыхъ символахъ въ народной поэзіи.
- Пузин.*—Взглядъ на суевѣріе и предразсудки, соч. Поликарпа Пузины, 1834.
- Пыпинъ*—Очеркъ литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ.
- Р. И. Сб.*—Русскій историческій сборникъ, изд. Погодинымъ.
- Рус. Бес.*—Русская Бесѣда.
- Рус. въ св. посл.*—Русскіе въ своихъ пословицахъ, соч. Снегирева.
- Рус. Дост.*—Русскія достопамятности.
- Рус. Предан.*—Русскія преданія, Макарова.
- Рус. Сл.*—Русское Слово.
- Рыбник.*—Пѣсни, собран. П. Рыбниковымъ.
- Сб.* (сборникъ) *Валаяца*—Narodne pripovjedke, skupio Valjavec, 1858.
- Сементов.*—Сементовскаго: Малорусскія и галицкія загадки.
- Семьск.*—Podania i legendy polskie, ruskie i litevskie, sebrał Luceian Siemieński.
- Симрокъ.*—Die Edda die ältere und jüngere von Karl Simrock.
- Ск. Норв.*—Norwegische Volksmärchen von P. Asbjörnson und Jörgen Moe.
- Slov. pohad.*—Slovenske pohadky a pověsti od Boženi Němcove.
- Совр.*—Современникъ.
- Sonne, Mond u. Sterne*—Die poetischen Naturanschauungen der Griechen, Römer und Deutschen in ihrer Beziehung zur Mythologie, соч. Шварца.
- Срезнев.*—Изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ.
- Срп. и.* (Српске народне) *приповијетке (пословице, пјесме)*—сборники Вука Караджича.
- Старосв. Банд.*—Старосвѣтскій бандуриста, Закровскаго.
- У. З. А. Н.*—Ученыя записки Академіи наукъ.
- Volkslieder der Wenden*—сборникъ Гаупта и Смоляра (Schmaler).
- Цебрик.*—Цебрикова: Смоленская губернія.
- Zeitschr. für D. M.*—Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde.
- Черты литов. нар.*—Черты изъ жизни и исторіи литовскаго народа.
- Ч. О. И. и Д.*—Чтенія Общества исторіи и древностей російскихъ.
- Чудинск.*—Чудинскаго: Народныя русскія сказки, прибаутки и побасенки.
- Шлейхеръ*—Litauische Märchen, Sprichworte, Räthsel u. Lieder.
- Шоттъ*—Walachische Märchen 1845.
- Штиръ*—Ungarische Volksmärchen.
- Щановъ*—Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія (статьи изъ Журн. Мин. Нар. Пресв. 1863 г.)
- Эманъ*—Главные черты изъ древней финской эпохи, Морница Эмана.
- Эрбенъ*—Slovanská čítanka.
- Эрленгейнъ*—Народныя сказки, собран. сельскими учителями.
- Этн. Сб.*—Этнографическій сборникъ, изд. Рус. Географич. Обществомъ.

ИЗДАНИЯ К. СОЛДАТЕНКОВА.

АФАНАСЬЕВА. Народныя Русскія Сказки. Выпуски 1 и 2 . . .	1 р.
« « « Выпуски 3 и 4 . . .	1 р. 20 к.
« « « Выпускъ 5	1 р.
« « « Выпускъ 6	1 р. 25 к.
« « « Выпускъ 7	1 р.
« « « Выпускъ 8	1 р. 50 к.
Поэтическ. воззрѣн. Славянъ на природу. Т. I	2 р.
Т. II. и III. за каждый	3 р.
БЕРГА. Записки объ осадахъ Севастополя. 2 части.	2 р. 50 к.
БЕРГА. Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ).	7 р.
ВОЛЬСКАГО. Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки крестьянами-собственниками.	2 р. 50 к.
ГРАНОВСКАГО Сочиненія. 2 части.	2 р.
КАВЕЛИНА. Сочиненія. 4 части.	5 р.
КОЛЬЦОВА. Стихотворенія. Изд. 4.	50 к.
КОЛЬЦОВА. Стихотворенія. Изд. 5	20 к.
КУГЛЕРА. Руководство къ исторіи искусства. Перев. Е. Корша. Ч. I.	5 р.
ЛОТЦЕ Микрোকозмъ. Перев. Е. Корша. 3 части.	6 р. 50 к.
ОГАРЕВА. Стихотворенія. Изд. 3.	50 к.
РИХТЕРА. Вліяніе целлулярной патологии на практи- ческую дѣятельность врача	1 р.
ТАЦИТА. Лѣтопись, 2 тома, Пер. А. Кроненберга	1 р. 50 к.
ТРАЧЕВСКАГО. Польское безжоролевье.	3 р.
ТРЕНДЕЛЕНБУРГА. Логическія изслѣдованія 2 части.	4 р.
ФЕТА. Стихотворенія 2 части.	2 р.
ФЮСТЕЛЬ-КУЛАНЖА Гражданская община античнаго мира. Переводъ Е. Корша	2 р.
ЧИЧЕРИНА. Нѣсколько современныхъ вопросовъ	1 р.
— Опыты по исторіи русскаго права.	1 р.
— Очерки Англіи и Франціи	1 р.
— О народномъ представительствѣ.	3 р.
— Областныя учрежденія.	3 р.
— Исторія политическихъ ученій. Ч. I.	3 р.
ШЕКСПИРА. Драматическія сочиненія. Переводъ Н. Кет- чера. Части 1—6-ая; за каждую.	1 р.
ШИЛОВА. Ключъ или алфавитный указатель къ исто- ріи Россіи С. Соловьева съ 6-ю родо- словными таблицами.	3 р.

